RICHARD W. F. POPE

В. А. Келтуяла

КУРСЪ

ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Часть I

Исторія древней русской литературы

Книга первая

Исторія литературы отъ IX в. до половины XIII в.

Изданіе второе,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

4467

Предисловіе.

I [1]).

„Народъ“ и подлинный творецъ древне-русской національной культуры и литературы.—Роль „народа“ въ исторіи культуры и литературы.—Происхожденіе „народнаго міровоззрѣнія“.—Культурно-идейная мощь древне-русскаго правящаго класса.

Общепринятая исходная точка зрѣнія на древне-русскую жизнь и литературу состоитъ въ слѣдующемъ.

Творцомъ древне-русской культуры, древне-русской литературы и древне-русскаго міровоззрѣнія является нѣкоторое коллективное цѣлое, называемое „народомъ“, представляемое однороднымъ по своему составу и окрашиваемое въ демократическіе и въ то же время простонародные цвѣта, заимствованные по преимуществу изъ крестьянской среды.

Этому „народу“,—учатъ насъ,—обязано своимъ происхожденіемъ устное творчество, начиная съ заговоровъ и кончая былинами и духовными стихами; даже письменныя произведенія,—доказываютъ намъ,—принадлежащія перу отдѣльныхъ лицъ, имена которыхъ извѣстны или, по крайней мѣрѣ, съ научной достовѣрностью предполагаются,—даже эти произве-

[1]) Съ нѣкоторыми дополненіями и поправками редакціоннаго и стилистическаго характера перепечатывается изъ 2-й книги.

денія должны быть отнесены къ „народному“ творчеству: при однородности состава и единствѣ воззрѣній, которыя наблюдаются въ средѣ русскаго народа въ древнюю эпоху, отдѣльные авторы письменныхъ произведеній не могутъ быть разсматриваемы иначе, какъ органами творчества цѣлаго народа, выразителями народныхъ настроеній, стремленій, воззрѣній и идеаловъ.

Таковъ общепринятый взглядъ: онъ царитъ въ учебныхъ пособіяхъ по исторіи литературы [1]), гдѣ чуть не на каждой страницѣ на всѣ лады склоняется слово „народъ“; онъ является исходнымъ пунктомъ для историковъ литературы [2]) и изслѣдователей [3]).

---

[1]) *В. В. Сиповскій.* Исторія русской словесности. I—III. Спб. 1906—1908.—*Его-жс.* Сокращенный курсъ исторіи русской словесности. I—II. Спб. 1911—1912.

[2]) *А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской литературы. I—IV. Спб. 1898—1899.

[3]) Изъ выдающихся изслѣдователей русской литературы съ особенною типичностью выразилъ общепринятый взглядъ академикъ В. М. Истринъ въ своемъ разборѣ новой программы курса русской словесности въ среднеучебныхъ заведеніяхъ („Ж. М. Н. Пр.“, 1906, №№ 6, 12, 1907, № 1).

„... До-пушкинская литература,—говоритъ В. М. Истринъ,—т. е. та, которую принято называть подражательною, должна проходиться вся, потому что такое прохожденіе дастъ ученику картину развитія русскаго общества... Онъ увидитъ, что въ продолженіе семи вѣковъ шло правильное, закономѣрное, я бы сказалъ—эпическое развитіе умственной жизни русскихъ людей... Эпическій элементъ во всемъ этомъ развитіи русской мысли до самаго XVIII вѣка заключается въ томъ, что мы не видимъ, за исключеніемъ самаго конца XVII вѣка, отдѣльныхъ лицъ, которыя бы, такъ сказать, вели общество за собой. Нѣтъ, общество, русскій народъ самъ идетъ, и даже такой, повидимому, выдающійся для своего времени человѣкъ, какъ митрополитъ Макарій, и тотъ въ сущности ничѣмъ не отличается отъ любого тогдашняго грамотнаго человѣка, а тѣмъ болѣе—книжника. Поэтому-то, изучая древнюю до-петровскую литературу, мы изучаемъ единственно исторію умственныхъ стремленій общества, не отвлекаясь другими задачами, которыя могутъ насъ увлечь при прохожденіи литературы новѣйшей“ (№ 6, стр. 94).

„... Исторія литературы до Пушкина, и въ особенности исторія литературы до-петровской, получаетъ значеніе не столько сама по себѣ, сколько какъ показатель извѣстнаго настроенія русскихъ людей, стоявшаго въ связи съ извѣстными общественными и политическими условіями. До-петровская литература въ этомъ отношеніи имѣетъ особенное значеніе: тогда не было особаго класса, выдѣлившагося изъ народа и руководив-

Извѣстный подъ именемъ „народническаго“, изложенный взглядъ не является результатомъ научнаго историческаго изслѣдованія: онъ сложился въ процессѣ развитія русской демократіи въ XVIII—XIX вв. Безсильная еще для того, чтобы овладѣть политической властью и преобразовать русскую общественно-политическую жизнь на буржуазныхъ началахъ, молодая русская демократія, еще не утратившая сознанія своей связи съ простымъ народомъ, создала образъ особаго „народа“, коллективнаго однороднаго цѣлаго, искони вѣковъ проникнутаго демократическими тенденціями крестьянскаго пошиба, активнаго творца государственнаго строя, культуры, литературы, поэзіи, міровоззрѣнія. Въ своей публицистикѣ и художественной литературѣ русская демократія окружала этотъ образъ цѣлымъ роемъ миѳовъ и легендъ, изображала его средоточіемъ особыхъ добродѣтелей, необыкновеннаго величія и таинственной грозной силы, ждущей толчка для своего проявленія. Въ своихъ „научныхъ“ изслѣдованіяхъ эта же демократія, соотвѣтственно созданнымъ ею миѳамъ и легендамъ, возсоздавала историческое прошлое русскаго народа и строила своеобразныя соціологическія теоріи, въ которыхъ своему образу „народа“ противопоставляла правящій классъ (нерѣдко подъ именемъ „интеллигенціи“), изображая послѣдній, какъ случайно выдѣлившуюся изъ „народа“ группу ловкихъ и хитрыхъ пронырь, сумѣвшихъ обойти „народъ“ и, до поры до времени, безнаказанно объегоривающихъ его. Въ борьбѣ съ дворянскимъ строемъ русская

шаго массой, какъ это было послѣ, но литература была, такъ сказать, демократична, подобно тому какъ все русское общество было тоже демократично“ (тамъ-же, стр. 92).

„Все предыдущее изложеніе клонилось къ тому, чтобы выяснить тѣ основныя положенія до-петровской литературы, которыя дѣлаютъ ея прохожденіе въ средней русской школѣ необходимымъ. Такихъ положеній собственно выходитъ два: 1) то, что я назвалъ бы стремленіемъ къ личному совершенствованію и чѣмъ новѣйшая литература роднится съ древнѣйшей, и 2) то, что я считаю особенно важнымъ,—участіе непосредственно всего народа въ созданіи словесности, и притомъ,—словесности письменной“ (тамъ же, стр. 94).

демократія оперировала образомъ созданнаго ею „народа", стараясь имъ напугать правящій классъ и добиться отъ него практическихъ уступокъ... [1]).

---

[1]) „Послѣ Карамзина—говоритъ В. О. Ключевскій въ вышедшей на дняхъ „Исторіи сословій въ Россіи" (М. 1913),—въ нашей исторической литературѣ образовались два направленія, которыя, какъ серьезно и напрасно думали сторонники того и другого, существенно отличались другъ отъ друга, даже исключали одно другое. Одно изъ этихъ направленій обращало преимущественное вниманіе на исторію государства, другое,—на исторію общества. Изслѣдователи этого второго направленія, впрочемъ, изучали не столько процессъ сословнаго расчлененія русскаго общества, сколько жизнь народа вообще. Народъ — вотъ что составляло предметъ историческихъ изысканій цѣлаго ряда умныхъ и даровитыхъ изслѣдователей и что они считали единственнымъ предметомъ, достойнымъ историческаго изученія. Терминъ „народъ" покрывалъ собою общество, а подъ „народомъ" разумѣли преимущественно или исключительно простонародье. Въ литературѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ образовалась даже цѣлая историческая теорія, которая довольно складно построяла всю исторію Россіи не столько на ея дѣйствительныхъ процессахъ, сколько на діалектическомъ развитіи понятія о народѣ, т.-е. того значенія, какое придавалось этому понятію. Люди, державшіеся этой теоріи, конечно, не могли не знать, что и въ нашей исторической жизни дѣйствовали общественныя стихіи, которыя никакъ нельзя было бы подвести подъ такое понятіе о народѣ,—что и у насъ изъ такъ называемой массы выдѣлялись и дѣйствовали на ея поверхности высшіе классы. Изъ затрудненія, въ какое ставились изслѣдователи этимъ противорѣчіемъ, они старались выпутаться двоякимъ путемъ. Они или утверждали, что высшіе классы, выдѣляясь изъ народа политически и экономически, какъ это было въ древней Руси, не отрывались отъ него нравственно, жили одной съ нимъ жизнью, проникались одинаковымъ духомъ; или же изслѣдователи увѣряли, что высшія сословія, отрываясь отъ народа, какъ это пошло со времени Петра, становились противъ народа, являлись отщепенцами, которые измѣняли народнымъ началамъ и, какъ измѣнники, переставали принадлежать народу, становились чуждымъ фактомъ для его исторіи. При такомъ взглядѣ на общественное расчлененіе, высшіе классы являлись наростомъ на народномъ тѣлѣ, вреднымъ въ практическомъ отношеніи и безполезнымъ въ научномъ. Такимъ образомъ, исторія общественныхъ классовъ превращалась въ назидательную или обличательную повѣсть объ отношеніяхъ общественнаго верха къ общественному низу, о спасительномъ единодушіи обѣихъ общественныхъ половинъ или о гибельномъ ихъ антагонизмѣ, при чемъ честь единодушія всецѣло падала на народъ, а отвѣтственность за антагонизмъ возлагалась на высшіе классы. Соотвѣтственно такому взгляду, главными источниками изученія исторіи общества выбирались не памятники права, а либо преданія о массивныхъ (массовыхъ?), гуртовыхъ движеніяхъ народа, либо жалобы древне-русскихъ

Въ дѣйствительности, подобнаго „народа“ никогда нигдѣ въ исторіи человѣчества не было, и русскій народъ, подобно всѣмъ другимъ народамъ земного шара, съ образомъ миѳическаго „народа“, созданнаго русской демократіей, ничего общаго не имѣетъ.

Всякій народъ, уже въ моментъ образованія государства, представляетъ изъ себя сложное цѣлое, состоящее изъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга частей. Государственный строй въ томъ и заключается, что коллективное цѣлое, называемое народомъ, состоитъ изъ двухъ классовъ: правящаго и народной массы, называемой народомъ въ узкомъ смыслѣ слова. Эти два класса, въ свою очередь распадающіеся на отдѣльныя группы, во всѣхъ отношеніяхъ неравномѣрны другъ другу. По численности, правящій классъ ничтоженъ (онъ составляетъ около 1% всего населенія), а народная масса огромна (она образуетъ остальные 99% населенія [1]). Иное отношеніе существуетъ въ

публицистовъ на неправды высшихъ сословій по отношенію къ народу. Въ такомъ взглядѣ, если выкинуть изъ него излишнее обиліе общихъ мѣстъ и положеній, останется много погрѣшностей, и прежде всего погрѣшность физіологическая. Наростъ, хотя и наростъ, остается органическою частью живого существа, которая принимаетъ участіе въ жизни организма и даже иногда болѣе сильное, чѣмъ нормальная часть организма. Онъ вытягиваетъ соки изъ организма и, смотря по состоянію послѣдняго, либо истощаетъ его, либо освобождаетъ отъ вредныхъ соковъ. Притомъ въ этомъ взглядѣ было много несообразностей. Высшіе классы представлялись, какъ измѣнники народнымъ началамъ, враги народа; на ихъ отчужденіи отъ родного народа строили даже цѣлый, небывалый, періодъ нашей исторіи, начинавшійся дѣятельностью Петра, и весь смыслъ этого періода полагали въ нравственномъ отчужденіи высшихъ классовъ отъ родной массы. Добрые люди, державшіеся этого направленія, сами того не замѣчая, вносили даже анархическую тенденцію въ свои изслѣдованія: они, подобно царю Ивану Васильевичу Грозному, безпричинно клали опалу на всѣ высшіе классы, а о простомъ народѣ говорили, что на него гнѣва и опалы нѣтъ. Эта, если можно такъ выразиться, демоманія или аристофобія доходила даже до нарушенія лояльности, до политической обиды высшимъ классамъ. Вѣдь послѣдніе не тайкомъ прокрадывались въ наше общество, а существовали съ вѣдома и разрѣшенія законной верховной власти, и ихъ законныя права и положеніе въ государствѣ чрезвычайно точно опредѣлены въ IX томѣ Свода Законовъ“ (стр. 27—29).

[1]) Образъ могучаго и грознаго народа-творца сложился у русской де-

распредѣленіи между обоими классами исторической силы и историческаго безсилія. Дѣйствительная историческая сила, выражащаяся въ экономическомъ и общественно-политическомъ преобладаніи, у всѣхъ историческихъ народовъ принадлежала не народной массѣ, а аристократіи: у грековъ—эвпатридамъ, у римлянъ—патриціямъ, у западно-европейскихъ народовъ—феодальной аристократіи. Русскіе не представляютъ исключенія; и у нихъ историческая сила въ древнемъ періодѣ принадлежала тоже аристократіи: „вячшимъ“ и „лучшимъ“ людямъ, княжеской дружинѣ, князьямъ, боярамъ и дворянамъ, митрополитамъ, епископамъ, игуменамъ, монахамъ (за немногими исключеніями, духовныя лица этихъ чиновъ, по своему происхожденію, сами принадлежали къ аристократіи). Древне-русская аристократія, ничтожная по числу составлявшихъ ее лицъ, была средоточіемъ древняго общественнаго опыта, знаній, активности и иниціативы, силы, власти и богатства. Наоборотъ, народная масса, огромная по своей численности, была средоточіемъ древней общественной неопытности, невѣжества, пассивности, неподвижности, безсилія, безправія и бѣдности. При такомъ глубокомъ различіи между обоими классами, народной массѣ мудрено было выступать на историческую арену въ качествѣ творца культуры, поэзіи, идей и т. д.

Кому на Руси принадлежала иниціатива принятія византійскаго христіанства, этого величайшаго въ древности культурнаго начала? Не „народу“, который никакой надобности въ немъ не испытывалъ, а правящему классу съ княземъ во главѣ; „народъ“ же, ничтожная часть котораго была, по приказанію Владимира Св., крещена въ городахъ, продолжалъ еще многіе вѣка пребывать въ томъ язычествѣ, которое создано было патріархально-родовымъ и выдѣлившимся изъ него семейнымъ бытомъ (§§ 29—30; кн. 2-ая, § 180, примѣчаніе). Кто на почвѣ византійскаго христіанства создавалъ новыя формы жизни,

---

мократіи въ значительной степени благодаря этой количественной неравномѣрности.

въ томъ числѣ монашество и отшельничество? Кто создавалъ русское христіанское міровоззрѣніе? Кто вырабатывалъ начало внутренняго совершенствованія и кто противопоставлялъ ему начало внѣшняго аскетизма? Кто создавалъ обширную свѣтскую и духовную литературу? За ничтожными исключеніями, не представители „народа“, въ смыслѣ простонародія, а князья, бояре, дворяне, митрополиты, игумены, монахи.

Относительно письменныхъ произведеній не трудно убѣдиться въ томъ, что здѣсь народническія представленія о „народномъ“ творчествѣ черезчуръ противорѣчатъ исторической дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, нужна огромная доля фантазерства, чтобы, при теперешнемъ состояніи русской исторической науки, представлять митр. Иларіона, Владимира М., автора „Слова о полку Игоревѣ“, редакторовъ древне-русскихъ лѣтописей, Нила Сорскаго, Іосифа Волоцкаго, Вассіана Патрикѣева, митрополита Даніила, Ивана Пересвѣтова, митрополита Макарія и т. д. и т. д.—выразителями стремленій и идеаловъ „народа“, а не правящаго класса, и притомъ разнородныхъ группъ его.

Иное дѣло устное творчество: здѣсь точка зрѣнія „народнаго“ творчества царитъ, не вызывая никакого протеста даже и тамъ, гдѣ его можно было бы ожидать. Между тѣмъ и относительно устнаго творчества необходимо имѣть въ виду, что опять, за нѣкоторыми исключеніями, оно большею частью обязано своимъ происхожденіемъ не „народу“.

Главный видъ устнаго творчества, былевой эпосъ, сложился не въ избахъ мужиковъ, какъ полагаютъ лица, находящіяся подъ властью народнической миѳологіи, а за княжескимъ пиршественнымъ столомъ, въ средѣ „бояновъ“, особаго класса профессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ, выдѣлившихся изъ древнерусской аристократіи (§§ 287—298) [1]). Духовные стихи, дру-

[1]) „Нашъ былевой эпосъ представляется мнѣ грандіозной развалиной, обширнымъ многовѣковымъ сооруженіемъ, полнымъ таинственныхъ ходовъ и переходовъ, съ пристройками и надстройками отъ разныхъ вре-

гой важный видъ устнаго творчества, были составлены не убогими странниками-каликами, а образованными духовными и свѣтскими лицами изъ высшаго класса, хорошо знавшими богослуженіе и византійско-болгарскую литературу (кн. 2-ая, § 180). Заговоры? Праздничныя пѣсни? Эти формы словесныхъ произведеній сложились еще въ патріархально-родовую эпоху. Кто создавалъ ихъ? Патріархально-родовыя общества состояли изъ старѣйшинъ, которымъ принадлежала свѣтско-духовная власть, и изъ подчиненнаго имъ „народа“. Кто занимался организаціей отношеній къ богамъ и, слѣдовательно, устанавливалъ праздники, вырабатывалъ обряды, создавалъ словесныя формулы—заговоры, гимны, пѣсни? Странно было бы, если бы руководящая въ этомъ отношеніи роль принадлежала руково-

---

менъ. Въ этомъ зданіи жили нѣкогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византійской мусіей и восточными коврами. Въ свое время пограбили въ немъ половцы и татары; въ свое время проживали въ немъ московскіе бояре, ночевали казаки и, наконецъ, въ коекакихъ еще обитаемыхъ закутахъ устроился неприхотливый олонецкій крестьянинъ“. (*Вс. Миллеръ*. Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892. Стр. VI).

Эти мысли, высказанныя Вс. Миллеромъ лѣтъ 20 тому назадъ, могли бы послужить исходнымъ пунктомъ для установленія подлиннаго творца былевого эпоса. Но въ атмосферѣ народнической миѳологіи онѣ погибли, и творцомъ былинъ упорно считается „народъ“, представляемый въ образѣ не то брынскихъ, не то олонецкихъ мужиковъ...

Еще рѣшительнѣе высказывался о былинахъ Л. Майковъ (*Л. Майковъ*. О былинахъ Владимирова цикла. Спб. 1863):

„Допустивши возможность существованія былинъ между тѣми пѣснями, которыя древніе скоморохи и гудцы пѣли на пирахъ княжескихъ, мы уже указали и на ихъ слушателей, т.-е. на тотъ классъ древне-русскаго общества, для котораго создавались эти произведенія народной поэзіи. Это былъ—впрочемъ не исключительно—классъ высшій, т.-е. княжеская дружина“ (стр. 35—36).

„Въ старину былины не были исключительнымъ достояніемъ простого народа, какъ въ настоящее время. Самое содержаніе былинъ, по большей части воспѣвающее приключенія богатырей-дружинниковъ и, въ противорѣчіе лѣтописямъ, совершенно умалчивающее о военныхъ подвигахъ самихъ князей, только подтверждаетъ то соображеніе, что военный, богатырскій эпосъ былинъ возникъ и первоначально существовалъ въ кругу княжеской дружины...“ (стр. 36).

Эти мысли высказаны были Майковымъ полъ вѣка тому назадъ. Тѣмъ основательнѣе онѣ были забыты.

димой неопытной массѣ. Для чего же въ такомъ случаѣ этой массѣ нужны были старѣйшины? Свадебныя пѣсни? Первоначально онѣ сложились въ кругу женъ старѣйшинъ, тѣхъ женъ, которыя добывались съ бою, или были похищаемы [1]). Сказки? Уже дѣйствующія лица, изображаемыя въ сказкахъ, — цари, царевичи, царевны, короли, королевичи, королевны — и роскошная обстановка, среди которой они дѣйствуютъ, показываютъ, что и этотъ родъ произведеній сложился въ аристократической средѣ, а не въ „народной“. И т. д.: всѣ роды и виды устнаго творчества зародились не въ народной массѣ, а въ ея верхахъ, въ средѣ аристократической. На этомъ осно-

---

[1]) Мысль о томъ, что устная лирика зародилась не въ „народной“ средѣ, мелькаетъ и у нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, хотя у нихъ она затемняется теоріей коллективнаго творчества. Вотъ, напр., что говоритъ объ устной лирикѣ проф. П. В. Владимировъ:

„Сохраненіе обрядовъ, игръ и пѣсенъ среди земледѣльческаго народа наложило на нихъ сильный аграрный отпечатокъ. Народные праздники, кромѣ христіанской окраски, получили еще окраску земледѣльческую,— отчего сдѣлались «простонародными»; между тѣмъ какъ въ древности они составляли необходимую принадлежность жизни и высшихъ классовъ древнерусскаго общества, начиная съ князей. Еще въ XVII вѣкѣ свадьбы русскихъ царей сопровождались почти тѣми же самыми обрядами, какъ и современныя простонародныя свадьбы. Но рядомъ съ общими обрядами (общенародными, общесословными) существовали и особенности въ обрядахъ и обрядовыхъ пѣсняхъ высшаго сословія. Въ средѣ княжеской и дружинной должны были преобладать военные интересы и идеализація богатства, славы, могущества; тогда какъ интересы простого народа всецѣло поглощались земледѣльческимъ трудомъ и его идеализаціей. Нѣкоторые современные обряды (напримѣръ, «постриги» и «посажденіе» на конь у казаковъ, ср. древній княжескій обычай) и обрядовыя пѣсни (свадебныя о князѣ и княгинѣ, колядки и друг.) представляютъ черты древняго княжескаго и дружиннаго быта. Этому сохраненію, а въ древности и переходу въ простой народъ интересовъ высшаго сословія способствовала столько же общечеловѣческая страсть къ высшему и большему довольству, хотя бы воображаемому, сколько и посредству бродячихъ пѣвцовъ — по преимуществу скомороховъ. По «Стоглаву» мы знаемъ, что скоморохи являлись цѣлыми ватагами на народныхъ праздникахъ и свадьбахъ. Эти бродячіе пѣвцы—пѣвцы профессіональные—и соединяли мотивы обрядовыхъ пѣсенъ разныхъ сословій, причемъ въ обособленной жизни русскаго простонародья получили преобладаніе земледѣльческіе и крестьянскіе интересы“ (*П. В. Владимировъ*. Введеніе въ исторію русской словесности. Кіевъ. 1896. Стр. 71—72).

ваніи я въ своемъ „Курсѣ“ избѣгаю выраженій „народная словесность“, „народная поэзія“, „народное творчество“: эти термины внушаютъ мысль о существованіи какого-то таинственнаго, чуть не сверхъестественнаго, стихійнаго, коллективнаго творчества [1]), порождаютъ ложное убѣжденіе въ томъ, что устныя

[1]) Вотъ, что говоритъ о „народномъ творчествѣ“ Вс. Миллеръ:

„Нерѣдко случается въ исторіи науки, что нѣкоторыя ученія, считающіяся въ извѣстное время прочно установленными и вошедшія въ учебники, въ послѣдующее время оказываются шаткими и подрываются критикой со всѣхъ сторонъ. Всего чаще такія крушенія наблюдаются въ области изученія отдаленнаго прошлаго человѣчества. Конечно, открытіе новыхъ источниковъ для познанія исторіи того или другого народа всего чаще измѣняетъ взгляды, казавшіеся раньше прочно научно-обоснованными. Но нерѣдко наше пониманіе прошлаго измѣняется и безъ такихъ открытій. Матеріалъ, на основаніи котораго была создана извѣстная теорія, можетъ не увеличиться количественно, не подновиться новыми открытіями, но комбинація раньше извѣстныхъ фактовъ можетъ быть иная, сдѣланная подъ другимъ угломъ зрѣнія, и прежняя теорія неизбѣжно перестаетъ удовлетворять изслѣдователей новаго поколѣнія“.

„Такой случай въ исторіи науки имѣемъ мы въ ученіи о русской народной былинѣ, или, какъ любили выражаться изслѣдователи 60 и 70-хъ годовъ, о русскомъ богатырскомъ эпосѣ. Мы могли еще недавно твердо и отчетливо отвѣтить на цѣлый рядъ интереснѣйшихъ вопросовъ: ни одинъ хорошій ученикъ гимназіи не затруднился бы уяснить отличіе народной, устной поэзіи отъ поэзіи культурной, литературно-художественной. Онъ сказалъ бы (со словъ О. Миллера и А. Галахова), что народная поэзія есть произведеніе и общее достояніе всего народа, что она возникла въ періодъ господства наивныхъ вѣрованій и юношеской фантазіи, когда народъ еще не распадался на классы и сословія, когда всѣ принимали равное участіе въ подвигахъ, «совершаемыхъ не замысломъ и волею одного какого либо человѣка, а инстинктомъ и силою цѣлаго народа». Отдѣльный человѣкъ, слагавшій и пѣвшій пѣсню, былъ органомъ, голосомъ всего народа: онъ не творилъ чего либо новаго, а выражалъ лишь то единственно, что извѣстно было каждому. Самодѣятельность его не простиралась на созданіе сюжета поэтическаго произведенія. Онъ не вносилъ въ пѣсню ни личныхъ лирическихъ изліяній, ни сатиры, не ставилъ себѣ задачей изобразить характеръ того или другого класса народа или поучать своихъ ближнихъ. Увѣренный въ сочувствіи своихъ слушателей, пѣвецъ «не допускаетъ никакихъ украшеній и эффектовъ. Да они и излишни, такъ какъ народная поэзія служила и служитъ народу не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія. Народъ понимаетъ ее не какъ особую сферу духовной дѣятельности, сферу искусства, которое образованный человѣкъ отличаетъ явственно отъ другихъ областей жизни—религіи, гражданской дѣятельности, науки. Естественная поэзія касается всего народнаго быта: обнимаетъ и религіозные и нравственные его интересы». По-

произведенія созданы „народомъ“, въ смыслѣ простонародія, крестьянами, мужиками [1]). Вмѣсто этихъ выраженій я предпо-

---

этому «народъ видитъ въ своей поэзіи драгоцѣнное достояніе, которое, въ теченіе многихъ столѣтій, одни поколѣнія завѣщевали другимъ. Она имѣетъ смыслъ священной старины, неприкосновеннаго преданія, которое должны усвоивать люди молодые съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь передать его потомкамъ» (*А. Галаховъ*. Исторія русск. словесности. Изд. 2-ое, т. I, стр. 1—4, 1880 г.)“.

„Таковы, приблизительно, отвѣты, которые бойкій ученикъ гимназіи, не затрудняясь, дастъ на предложенный вопросъ объ отличіи устной народной поэзіи отъ художественной личной. Конечно, его не можетъ интересовать вопросъ, какимъ путемъ, на основаніи изученія какого матеріала добыты эти научныя положенія, которыя для ученика составляютъ какъ бы аксіому. Но такой вопросъ долженъ быть поставленъ всякимъ «научнымъ слѣдователемъ», желающимъ дать себѣ отчетъ въ томъ, насколько приведенныя общія положенія вытекаютъ изъ изученныхъ наукой фактовъ. Онъ спроситъ себя, знаетъ ли наука дѣйствительно поэзію того періода какого-нибудь народа, когда этотъ народъ не представлялъ никакой матеріальной и духовной дифференціаціи, когда всѣ члены его принимали равное участіе въ подвигахъ и каждый испытывалъ одинаково возбужденное и одинаково направленное духовное настроеніе. На такой вопросъ послѣдуетъ немедленно отрицательный отвѣтъ: окажется, что такого народа этнографія, а тѣмъ менѣе исторія не можетъ указать, что такой народъ—созданіе теоріи. Далѣе, окажется такою же научною фикціей поэтъ-пѣвецъ этого предполагаемаго народа,—поэтъ, который не творитъ чего-либо новаго, но выражаетъ лишь то единственно, что извѣстно каждому, и не можетъ создать новаго сюжета. Спрашивается, на чемъ основано предположеніе, что душевная жизнь примитивнаго человѣка такъ рѣзко расходилась съ нашей? Мы алчемъ новыхъ впечатлѣній, цѣнимъ то, чего раньше не слыхали; первобытный же пѣвецъ-поэтъ почему то долженъ пѣть лишь старое, общеизвѣстное. Какъ же представить намъ себѣ вообще появленіе многочисленныхъ сюжетовъ? Кѣмъ они были измышлены? Коллективнымъ творчествомъ массы? Но вѣдь и это—фикція, такъ какъ человѣческій опытъ такого творчества никогда не наблюдалъ. Далѣе спрашивается, на чемъ основано положеніе, будто первобытный пѣвецъ былъ настолько увѣренъ въ сочувствіи слушателя, что не допускалъ никакихъ украшеній и эффектовъ? Почему теорія лишаетъ его естественныхъ свойствъ всякаго художника всѣхъ временъ и народовъ—стремленія произвести впечатлѣ-

---

[1]) Насколько сильно это убѣжденіе, доказывается появленіемъ книгъ, имѣющихъ заглавіе „Народная словесность“ и представляющихъ древнерусскія устныя произведенія аристократическаго происхожденія произведеніями мужицкаго творчества. Если такія книги сопровождаются иллюстраціями, то въ нихъ вы найдете большею частью изображенія крестьянъ и крестьянокъ, ихъ домовъ и т. д.—результатъ указаннаго убѣжденія.

читаю употреблять такія, какъ „устное творчество“, „устная поэзія“, „творчество профессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ“ и т. д.

Итакъ, подлиннымъ творцомъ древне-русской національной культуры, древне-русской литературы и древне-русскаго міровоззрѣнія былъ не „народъ“, представляемый въ демократическихъ и простонародныхъ или крестьянскихъ очертаніяхъ, а небольшая часть народа, именно его высшій, правящій классъ.

Что же дѣлалъ въ до-петровское время „народъ“, въ смыслѣ низшихъ классовъ населенія?

ніе, украсить по мѣрѣ силъ свое твореніе? Какъ же однако объяснить происхожденіе обычныхъ украшеній произведеній такъ называемой народной поэзіи—размѣренной рѣчи, эпитетовъ, сравненій и прочее? Тою же фикціей коллективнаго творчества, которое, если мы отъ фразы перейдемъ къ представленію, сведется къ творчеству отдѣльныхъ лицъ, хотя бы имя имъ было легіонъ. Имѣемъ ли мы какое нибудь научное основаніе предполагать, что всѣ эти безыменные первобытные поэты по психическимъ свойствамъ совершенно отличались отъ современныхъ? Это было бы равносильно предположенію, что вообще духовная жизнь примитивнаго человѣка слѣдовала другимъ законамъ, а не тѣмъ, которымъ подчиняется психика современнаго человѣка. Въ такомъ случаѣ, конечно, онъ навсегда останется для насъ загадкой“.

„Наконецъ, теорія безыскусственной народной поэзіи видитъ различіе въ самомъ отношеніи примитивнаго народа къ его поэзіи отъ отношенія къ ней современнаго образованнаго человѣка. Мы относимъ твореніе поэта въ сферу искусства. Первобытному (фиктивному) народу пѣсня служитъ не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія: естественная поэзія обнимаетъ и религіозные, и нравственные, и умственные его интересы; ее нельзя отдѣлить отъ его вѣрованій и убѣжденій. Здѣсь опять за фразами скрывается какое то недоразумѣніе. Вѣдь поэтическое произведеніе и нашего времени можетъ выражать религіозные, нравственные и умственные интересы поэта и читающаго его общества, но это нисколько не препятствуетъ этому произведенію удовлетворять и эстетическимъ интересамъ. Какое же основаніе мы имѣемъ предполагать, что того же самаго не было въ первобытномъ народѣ? Пусть онъ теоретически не относилъ пѣсню въ сферу искусства, пусть въ его языкѣ даже не было слова для выраженія понятія поэзіи; но все же пѣсня, удовлетворяя его духовнымъ (нравственнымъ и умственнымъ) интересамъ, могла нравиться ему и съ эстетической стороны. Въ чемъ же здѣсь различіе примитивнаго человѣка отъ современнаго?“ (*Всеволодъ Миллеръ*. Очерки русской народной словесности. „Русская былина, ея слагатели и исполнители“. М. 1897. Стр. 22—25).

А вотъ что.

Во-первыхъ, онъ велъ подъ начальствомъ своей аристократіи тяжелую трудовую жизнь, содержалъ себя и платилъ дань аристократіи. Продолжительный трудъ поглощалъ весь досугъ смерда, чернаго человѣка, холопа и т. д., и послѣднимъ было не до культурнаго или идейно-литературнаго творчества: смердъ, черный человѣкъ, холопъ и т. д. довольствовались тѣми культурными традиціями и формами устныхъ произведеній, которыя были усвоены ихъ предками въ патріархально-родовую эпоху, и въ эти традиціи и формы они медленно и съ великимъ трудомъ вливали новое содержаніе, простонародно-демократическаго характера. Къ XVIII в. это новое содержаніе пріобрѣтаетъ довольно рѣзкій оттѣнокъ: въ сказкахъ, пѣсняхъ, пословицахъ, легендахъ простой народъ разрабатываетъ, главнымъ образомъ, проблемы о богатствѣ и бѣдности, о долѣ и судьбинѣ, о правдѣ и кривдѣ.

Во-вторыхъ, небольшая часть простонародія, главнымъ образомъ, городская, наиболѣе тѣсно соприкасавшаяся съ аристократіей, образуетъ въ лицѣ по преимуществу нѣкоторыхъ діаконовъ и священниковъ свою интеллигенцію, которая воспринимаетъ міровоззрѣніе, созданное аристократіей, и подвергаетъ его переработкѣ на демократическихъ началахъ: создается рядъ міровоззрѣній, получившихъ названіе ересей стригольнической и жидовствующихъ. Наиболѣе послѣдовательно отношеніе простонародной интеллигенціи къ формамъ жизни и міровоззрѣнію, выработаннымъ древне-русской аристократіей, выразилось въ ученіи холопа Ѳеодосія Косого [1]).

---

[1]) Не слѣдуетъ однако преувеличивать общественное значеніе міровоззрѣній, выработанныхъ простонародной интеллигенціей. Между этой интеллигенціей и народной массой, по существу проникнутой еще язычествомъ, не было ни внѣшней, ни внутренней связи, и потому жестокія репрессіи, обрушившіяся на стригольниковъ и жидовствующихъ, не вызвали въ массѣ никакого движенія въ ихъ пользу. Тѣмъ не менѣе, идеи, выработанныя простонародной интеллигенціей, попали въ народную массу и стали въ ней медленно распространяться.

Въ-третьихъ, древне-русское правительство нѣкоторыми своими мѣропріятіями дало сильный толчокъ къ распространію въ народной массѣ продуктовъ аристократическаго идейно-литературнаго творчества.

1) *Первымъ* такимъ толчкомъ было гоненіе, предпринятое правительствомъ на профессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ, извѣстныхъ подъ именемъ скомороховъ. Это гоненіе, заставившее скомороховъ броситься на дальнія окраины Московскаго государства, въ крестьянскую среду, повело къ тому, что при дворахъ московскаго царя, московскихъ бояръ и купцовъ исчезаетъ пѣніе былинъ (историческихъ пѣсенъ); былины (историческія пѣсни) заносятся въ крестьянскую среду и здѣсь подвергаются вліянію простонародной крестьянской стихіи (§ 297). На этой стадіи своей исторической жизни большинство былинъ записывается любителями и изслѣдователями, и эта стадія, простонародно-крестьянская, въ эпоху развитія у насъ демократическихъ стремленій, становится основаніемъ для объявленія устнаго творчества „народнымъ“ и объясненія его въ народническомъ духѣ. Подлинный творецъ былинъ не подозрѣвается въ это время [1]).

2) *Вторымъ* толчкомъ было другое гоненіе, предпринятое правительствомъ противъ національнаго московскаго міровоззрѣнія, которое создавалось съ конца XV в. до 80-хъ гг. XVI в. правительственной дворянской партіей, іосифлянами. Это міровоззрѣніе въ Смутную эпоху потерпѣло крушеніе, и въ правящемъ классѣ зарождается грекофильство въ связи съ симпатіей къ южно-русскому просвѣщенію. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича нѣкоторыя стороны русской церкви реформируются при помощи южно-русскихъ ученыхъ и греческихъ іерарховъ на ново-греческій ладъ. Іосифлянское міровоззрѣніе объявляется противоправительственнымъ. Его при-

---

[1]) Тотъ же историческій процессъ, но въ значительно болѣе смягченномъ видѣ, произошелъ съ духовными стихами и другими видами устнаго творчества.

верженцы, которыми къ половинѣ XVII в. стали нѣкоторые посадскіе и сельскіе священники, подвергаются преслѣдованіямъ, и они, подобно скоморохамъ, бѣгутъ въ глухія мѣста, въ простонародную среду, куда заносятъ іосифлянство и іосифлянскую литературу (кн. 2-ая, § 305). Эта послѣдняя стадія въ исторіи іосифлянства, извѣстная подъ именемъ „раскола“, была въ эпоху развитія у насъ демократическихъ стремленій понята и истолкована, какъ общее состояніе всего русскаго народа до реформы Никона. Подлинный творецъ „раскола“, т.-е. іосифлянства, занесеннаго въ простонародную среду, былъ забытъ.

Такъ создался образъ русскаго „народа“, творца національной культуры, національной литературы, національной поэзіи, національнаго міровоззрѣнія. „Народъ“, въ смыслѣ простонародной массы, выступилъ передъ глазами изслѣдователей и публицистовъ съ культурными и идейными чертами далекаго прошлаго и былъ принятъ за творца тѣхъ культурныхъ и идейно-литературныхъ явленій, которыя были найдены въ его средѣ...

Въ томъ, что значительная часть народной массы усвоила обломки древне-русской аристократической культуры и созданнаго ею міровоззрѣнія, нельзя не видѣть исторической силы послѣдней. Въ то же время современное общераспространенное признаніе этихъ обломковъ за продукты творчества „народа“, представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ въ исторіи русской литературы, публицистики и науки XVIII—XX вв.: въ немъ проявляется изумительная культурно-идейная мощь древне-русскаго правящаго класса, не прекратившаяся и къ началу XX в...

В. Келтуяла.

Neuvola.
15 іюля 1911 г.

II [1]).

Объ „экономическомъ матеріализмѣ“ въ моихъ „Курсахъ“.

Въ предисловіи къ первой книгѣ „Краткаго курса исторіи русской литературы“ (Спб. 1908) я писалъ: „Точка зрѣнія, принятая мною,—не моральная и не политическая, а строго историческая. Она состоитъ въ томъ, что произведенія литературы разсматриваются въ связи съ народнымъ развитіемъ: культурное и общественно-политическое развитіе русскаго народа признается основной причиной, порождавшей русское идейно-литературное творчество, а идейно-литературное творчество—его слѣдствіемъ“.

Несмотря на такое категорическое заявленіе, нашлись рецензенты, которые усмотрѣли въ моихъ „Курсахъ“ „экономическій матеріализмъ“ и, въ связи съ нимъ, „экономико-публицистическій“ элементъ.

Что такое „экономическій матеріализмъ“?

Въ „экономическомъ матеріализмѣ“ различаютъ два элемента: теоретическій и практическій.

Теоретическій элементъ этого направленія состоитъ въ томъ, что основнымъ двигателемъ общественнаго развитія признаются „экономическія отношенія“ („экономика“).

Такъ?

Если въ *этомъ* заключается существенная черта даннаго направленія, то мнѣ неясно, какъ могло случиться, что указанные рецензенты именно это направленіе нашли въ моихъ „Курсахъ“.

Въ § 3 первой книги („Общественное развитіе и его основы“) перечислены, въ порядкѣ важности, движущія начала общественнаго развитія. Среди нихъ названы и „экономическія отношенія“. На какомъ мѣстѣ они поставлены у меня? На

---

[1]) Съ нѣкоторыми измѣненіями перепечатывается изъ 2-го изд. 1-ой книги „Краткаго курса исторіи русской литературы“ (Спб. 1912 г.).

первомъ? Нѣтъ: на *третьемъ*! „Экономическія отношенія“ признаются мною не первостепеннымъ факторомъ общественнаго развитія, даже не второстепеннымъ, а третьестепеннымъ. И странно, что даже цифра 3, напечатанная жирнымъ шрифтомъ передъ заголовкомъ „Экономическія отношенія“, не заставила моихъ рецензентовъ хоть задуматься прежде, чѣмъ рѣшительно ввести меня въ блестящую семью „экономическихъ матеріалистовъ“. Въ самомъ дѣлѣ, если я сознательно ставлю „экономическія отношенія“ не на первое мѣсто, а на третье, то какой же я „экономическій матеріалистъ“? Развѣ сущность „экономическаго матеріализма“ успѣла уже измѣниться? Развѣ это направленіе въ томъ и состоитъ, что „экономическія отношенія“ признаются „третьестепеннымъ“ факторомъ общественнаго развитія?

Странность найденнаго у меня „экономическаго матеріализма“ выступитъ еще съ большей силой, если обратиться къ болѣе важной сторонѣ этого направленія — къ практической („экономико-публицистическій“ элементъ).

Какъ практическое ученіе, „экономическій матеріализмъ“ — одно изъ самыхъ боевыхъ общественно-политическихъ направленій современности. На его знамени написано: борьба за власть рабочаго пролетаріата, какъ особаго класса, призваннаго преобразовать общественный строй на новыхъ началахъ, ниспроверженіе двухъ властвующихъ классовъ, древняго— феодальнаго и новаго — буржуазнаго. Соотвѣтственно этому представители „экономическаго матеріализма“ страстно вступаются за интересы рабочаго пролетаріата, изображая его носителемъ общечеловѣческаго прогресса; они рѣзко нападаютъ на классы властвующіе, изображая ихъ представителей хищными эксплоататорами и жестокими притѣснителями „народа“ вообще и рабочаго пролетаріата въ частности; они внушаютъ убѣжденіе, что эти классы прогнили насквозь, что они сохраняютъ свою власть только по исторической инерціи и что они, не сегодня-завтра, падутъ подъ ударами могучаго пролетаріата...

Изображая прошлое, „экономическіе матеріалисты“ подвергаютъ отношенія между древними классами такой же страстной оцѣнкѣ, какъ и отношенія между современными: они не скрываютъ своихъ враждебныхъ чувствъ къ „феодальному“ классу и симпатій къ „народу“ и соотвѣтственными красками рисуютъ роль перваго и положеніе второго.

Возвращаюсь къ моимъ „Курсамъ“. Какъ въ нихъ изображаются отношенія между высшимъ классомъ и „народомъ“ (въ томъ числѣ и рабочимъ пролетаріатомъ)? Съ какими чертами выступаютъ у меня и тотъ и другой?

Вотъ, что могутъ найти въ моихъ „Курсахъ“ лица, которыя не полѣнятся прочитать ихъ отъ первой страницы до послѣдней.

Всякій народъ, въ томъ числѣ и русскій, уже въ моментъ образованія государства представляетъ сложное цѣлое и состоитъ изъ двухъ основныхъ классовъ: высшаго—аристократіи, и низшаго — горожанъ, крестьянъ, холоповъ. Раздѣленіе на классы, правящій и управляемый,—естественно-историческое явленіе, свойственное всѣмъ историческимъ народамъ: оно—необходимое условіе для народнаго развитія. Аристократія, первый властвующій въ народѣ классъ, выдѣляетъ изъ себя администраторовъ, судей, законодателей и воиновъ. Въ этомъ заключается положительная общественная функція всякой аристократіи. Но аристократія—не только военно-административный классъ населенія. Это также—первый культурный классъ въ народѣ: изъ аристократіи выдѣляются жрецы, наиболѣе выдающіеся мыслители, поэты, писатели, носители высшей древней нравственности. Національная культура всякаго народа, въ томъ числѣ и русскаго, національное міровоззрѣніе, устныя и письменныя произведенія создаются въ древности не „народной массой“, какъ ошибочно полагаютъ славянофилы и народники, а представителями аристократіи, и уже отсюда переносятся въ среду низшихъ классовъ, гдѣ подвергаются соотвѣтственнымъ переработкамъ на простонародно-демократическій ладъ.

Таковы основныя положенія, которыми проникнуты мои „Курсы“ и которыя я сознательно противополагаю общепринятымъ въ современной русской демократіи положеніямъ.

Я спрашиваю моихъ рецензентовъ: въ моихъ характеристикахъ высшаго и низшаго классовъ выражаются ли какія-либо симпатіи или антипатіи въ ту или другую сторону? Есть ли въ нихъ хоть малѣйшій проблескъ ненависти къ древнерусскому правящему классу, хоть малѣйшій признакъ страстнаго сочувствія къ „народу“ вообще и къ рабочему пролетаріату въ частности? Другими словами: имѣется ли у меня „экономико-публицистическій“ элементъ?

Если бы мои „Курсы“ попали въ руки подлинныхъ „экономическихъ матеріалистовъ“, они, вѣроятно, крайне изумились бы ходячимъ толкамъ о моемъ „экономическомъ матеріализмѣ“ и, пожалуй, на основаніи вышеприведенныхъ моихъ взглядовъ и характеристикъ, со свойственной имъ рѣзкостью заявили бы, что я—ненавистникъ демократіи и замаскированный поборникъ дворянства, тѣмъ болѣе опасный, что меня смѣшиваютъ съ „экономическими матеріалистами“ [1])...

---

[1]) Эти строки были написаны мною въ началѣ января 1912 г., а въ сентябрьской книжкѣ „Завѣтовъ“ за тотъ же годъ, въ рецензіи на 2-ую книгу моего „Курса“, я уже прочелъ о себѣ слѣдующія строки: „Авторъ... безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, въ угоду своимъ, не предвзятымъ а послѣвзятымъ взглядамъ, съ легкимъ сердцемъ экспропріируетъ идейное богатство и идейный трудъ—единыя на потребу—у нищаго „народа“, или, какъ предпочитаетъ для точности говорить Келтуяла, у низшихъ классовъ населенія для вящшаго прославленія идейно-культурной мощи древне-русской аристократіи“ (стр. 165).

Итакъ, я безъ зазрѣнія совѣсти экспропріирую „народъ“, отнимаю кровное достояніе „народа“, его идейное богатство и идейный трудъ и передаю ихъ въ собственность аристократіи... Отсюда недалеко до того, чтобы объявить меня ненавистникомъ демократіи и поборникомъ дворянства. Повидимому, автора рецензіи, страстнаго поборника „народа“, удерживаетъ отъ этого шага убѣжденіе въ томъ, что я—„горячій и убѣжденный защитникъ демократіи и ея правъ“; „на протяженіи своей книги“, я,—утверждаетъ обо мнѣ авторъ,—не однажды съ искреннимъ гнѣвомъ и скорбью „говорю“ „объ экономическихъ экспропріаторахъ, хищникахъ и грабителяхъ народа“. Я очень признателенъ автору рецензіи за его доброе желаніе найти во мнѣ хоть что-нибудь хорошее... съ народнической

Въ дѣйствительности, я, какъ историкъ литературы, стою и обязанъ стоять внѣ какихъ бы то ни было текущихъ общественно-политическихъ направленій. Въ прошломъ, въ исторіи русской литературы въ частности, меня интересуетъ слѣдующее:

1) *Что было?*

Отсюда — моя первая задача: точно изложить основные факты литературы въ ихъ преемственной связи и указать ихъ характерныя особенности.

2) *Какъ было и почему?*

Отсюда—другая моя задача: объяснить происхожденіе литературныхъ фактовъ, установить связь [1]) между ними и обстоятельствами—индивидуальными, семейными, родовыми, классовыми, племенными, областными, національными и международными,—иначе говоря, установить причинную связь между литературными фактами и народнымъ развитіемъ.

3) *Какія были слѣдствія?*

Отсюда—третья моя задача: опредѣлить значеніе данныхъ литературныхъ фактовъ въ процессѣ развитія литературы.

Таковы тѣ задачи, которыя я ставилъ (§§ 12—13) и, по мѣрѣ силъ, осуществлялъ въ своихъ „Курсахъ“. Это—задачи чисто научныя, объективныя. Среди нихъ есть одна, которая, повидимому, привлекала особенное вниманіе нѣкоторыхъ рецензентовъ,—установленіе связи между литературными фактами

точки зрѣнія. *За желаніе!* Въ дѣйствительности, нигдѣ въ роли „горячаго и убѣжденнаго защитника демократіи“ я въ книгѣ своей не выступаю. Хуже того: ни малѣйшей душевной склонности къ такой роли не чувствую... Этого указанія и моего собственнаго признанія, думаю, совершенно достаточно для того, чтобы тѣ изъ моихъ рецензентовъ, которые еще питали какія либо иллюзіи на счетъ моего „демократизма“, на будущее время отрѣшились отъ нихъ. А дополнительныя замѣчанія къ предисловію должны убѣдить ихъ, что мое „восхищеніе культурно-идейной мощью правящихъ классовъ“ находитъ себѣ поддержку у нѣкоторыхъ, не лишенныхъ авторитета, ученыхъ и изслѣдователей.

[1]) Разумѣется, въ объективномъ смыслѣ, т. е. *найти дѣйствительно существовавшую связь*, а не произвольно изобрѣтать ее для оправданія тѣхъ или другихъ морально-политическихъ тенденцій.

и обстоятельствами классового порядка. Забывъ о всѣхъ прочихъ задачахъ, которыя я себѣ ставилъ и осуществлялъ, оставивъ безъ вниманія характеръ моихъ отношеній къ древнимъ классамъ, эти рецензенты, не долго думая, поспѣшили провозгласить меня „экономическимъ матеріалистомъ“... [1]).

Этого, мнѣ думается, нельзя поставить имъ въ вину.

Атмосфера русской жизни слишкомъ густо насыщена политикой, и русскому человѣку, психо-физіологическая организація котораго перегружена тяжко давящимъ общественно-политическимъ наслѣдіемъ прошлаго, трудно, почти невозможно отрѣшиться отъ морально-политическихъ тенденцій, связанныхъ съ этимъ наслѣдіемъ, и представить себѣ возможность чуждаго имъ, строго объективнаго воспроизведенія и объясненія прошлаго...

В. Келтуяла.

С.-Петербургъ.
2-ое января 1912 г.

---

[1]) Болѣе осторожные рецензенты не рѣшались съ такою категоричностью относить меня къ „экономическимъ матеріалистамъ“. Такъ, приватъ-доцентъ П. Н. Сакулинъ, причисляя меня къ „экономическимъ матеріалистамъ“, подчеркиваетъ однако, что я въ своемъ историко-литературномъ анализѣ „свободенъ отъ односторонностей марксизма“ („Вѣст. Восп.“ 1906, ноябрь, Критика и библіографія, стр. 1). Другой приватъ-доцентъ, А. И. Яцимирскій, и не догадывается даже, что я—„экономическій матеріалистъ“, и причисляетъ меня къ исторической школѣ В. О. Ключевскаго. „В. Келтуяла, говоритъ А. И. Яцимирскій,—разсматриваетъ литературныя явленія съ тѣхъ же точекъ зрѣнія, съ которыхъ В. Ключевскій и вся школа московскаго профессора—явленія историческія“ („Рус. Школа“. 1906, № 11, стр. 176).

III.

Исторія литературы, исторія поэзіи и естественно-историческій методъ.

Исторія литературы — еще очень молодая наука. Этимъ объясняется то обстоятельство, что ея задачи и методъ до сихъ поръ служатъ предметомъ споровъ.

Подъ вліяніемъ сильныхъ общественно-политическихъ стремленій, волнующихъ русское общество съ конца XVIII в., у насъ сложился особый, наиболѣе популярный, типъ исторіи литературы, который своею задачей имѣетъ не столько изученіе литературы самой по себѣ, сколько уясненіе черезъ посредство литературы смѣны общественныхъ и умственныхъ направленій, культурныхъ теченій и освѣщеніе этой смѣны съ опредѣленной, принятой авторомъ исторіи литературы, морально-политической точки зрѣнія. У представителей этого типа исторія литературы, въ сущности, перестаетъ быть таковой: она превращается, въ лучшемъ случаѣ, въ исторію культуры, общественности, мысли и т. д.; чаще же всего, подъ видомъ исторіи литературы, дается публицистика опредѣленнаго направленія, ничего общаго не имѣющая съ научной исторіей литературы.

Такъ обстояло у насъ дѣло довольно долго.

Съ недавняго времени сталъ намѣчаться среди лицъ, занимающихся исторіей литературы, поворотъ. Какъ реакція противъ морально-политическихъ тенденцій въ исторіи русской литературы, возникло особое направленіе. Въ этомъ направленіи—двѣ особенности.

Первая особенность состоитъ въ томъ, что представители новаго направленія выступаютъ противъ смѣшенія и отожествленія исторіи литературы съ исторіей культуры, общественныхъ направленій и мысли. Въ этомъ заключается здоровая сторона новаго направленія.

Иного рода вторая особенность.

Въ своемъ стремленіи отдѣлить исторію литературы отъ исторіи культуры, общественности и мысли представители новаго направленія доходятъ до того, что подъ литературой разумѣютъ исключительно поэзію, а исторію литературы толкуютъ, какъ исторію поэзіи, и притомъ поэзіи въ особомъ смыслѣ.

Подъ такое толкованіе подводится особый психологическій и метафизическій фундаментъ дуалистическаго пошиба.

Въ человѣкѣ, — говорятъ представители новаго направленія,—есть двѣ способности къ познанію: интуиція и разсудокъ („логическое сознаніе“); во вселенной — два міра: міръ вѣчныхъ сущностей и міръ внѣшняго и временнаго бытія.

Эти положенія даютъ основаніе для того, чтобы требовать рѣзкаго отдѣленія поэзіи отъ прозы и утверждать, что исторія литературы—не что иное, какъ исторія поэзіи.

Необходимо,—говорятъ представители новаго направленія,—отдѣлить „рѣзкой чертой *интуитивное* словесное творчество отъ логической словесности, т. е. поэзію отъ всего другого“. „Мы имѣемъ здѣсь два разныхъ объекта — и два разныхъ орудія: тамъ человѣкъ въ особенномъ художническомъ ясновидѣніи созерцаетъ и изслѣдуетъ міръ вѣчныхъ сущностей; это — поэтъ, художникъ, и онъ лишь постольку вѣренъ себѣ, поскольку занятъ именно этимъ дѣломъ; здѣсь — логическое сознаніе, изслѣдующее внѣшнія и временныя формы бытія, то, что въ общежитіи называется дѣйствительностью; это—публицистъ. И, соотвѣтственно этому коренному различію, каждая изъ этихъ сферъ должна имѣть свою отдѣльную исторію, и онѣ не могутъ объединяться въ одной исторіи“. „Эволюція общественно-политической мысли и эволюція литературныхъ формъ гдѣ-то, въ таинственныхъ нѣдрахъ человѣческаго духа, имѣетъ одинъ общій корень, но пока мы не научимся проникать взоромъ до этихъ нѣдръ, поэзія и публицистика остаются для насъ разными вещами и должны изучаться, какъ раз-

ныя“ [1]). „...Вся духовная жизнь націи или отдѣльной ея части за извѣстную эпоху представляетъ нѣкоторое единство, но найти эту точку объединенія мы еще не можемъ, и пройдутъ, вѣроятно, еще столѣтія, пока успѣхи психологіи индивидуальной и массовой (исторической) сдѣлаютъ это хоть въ малой мѣрѣ возможнымъ“. „Исторія поэзіи должна будетъ, посредствомъ изученія эволюціи *формъ*, выяснять эволюцію интуитивнаго познанія міровой сущности, ибо самое это познаніе совершается чрезъ посредство поэтической формы: ритмъ художественнаго слова—это тотъ ритмъ, которымъ космосъ звучитъ въ душѣ даннаго художника; и, можетъ быть, въ будущемъ удастся прослѣдить эволюцію этихъ ритмовъ, которую мы пока только смутно угадываемъ“. „...Сейчасъ мы должны довольствоваться, съ одной стороны, накопленіемъ историческаго матеріала, съ другой—выясненіемъ единства, т. е. эволюціи, въ отдѣльныхъ сферахъ и, самое большее, обобщеніемъ немногихъ смежныхъ и однородныхъ областей нашего знанія“ („Критическое обозрѣніе“. 1908. В. V [X]. Стр. 43—45).

Итакъ, съ одной стороны—міръ сущностей, а съ другой—міръ внѣшнихъ и временныхъ формъ; съ одной стороны—интуиція, а съ другой—„логическое сознаніе“; съ одной стороны—поэзія, а съ другой—проза (публицистика); съ одной стороны—исторія литературы, которая тожественна съ исторіей поэзіи, а съ другой—исторія публицистики. Между поэзіей и прозой есть какая-то связь; но установить ее теперь нѣтъ никакой возможности. Необходимо отказаться отъ всякихъ попытокъ дать цѣльную исторію литературы, даже въ смыслѣ исторіи поэзіи: понадобится нѣсколько столѣтій, пока удастся вы-

---

[1]) Допустимъ, что поэзія и публицистика—разныя вещи. Ну, а поэзія и метафизика—тоже разныя вещи? Предметъ поэзіи—міръ вѣчныхъ сущностей; а въ чемъ предметъ метафизики? Насколько мнѣ извѣстно,—тоже міръ вѣчныхъ сущностей. Поэтъ проникаетъ въ этотъ міръ при помощи интуиціи; философъ-метафизикъ попадаетъ туда, насколько мнѣ извѣстно, тоже благодаря интуиціи. Слѣдовательно? Слѣдовательно, предметомъ исторіи литературы является не только поэзія, но и философія?

яснить „эволюцію“ однѣхъ только художественныхъ формъ и получить хоть малую возможность для установленія связи между поэзіей и прозой...

Таковы основныя положенія новаго направленія въ исторіи литературы.

Въ эпоху Шеллинга эти положенія, вѣроятно, были бы приняты безъ особой критики: въ то время, подъ вліяніемъ особыхъ условій общественнаго развитія, умы образованныхъ людей естественно склонялись къ метафизическому міропониманію, къ признанію двойственности вселенной, двойственности человѣческаго существа, двойственности познанія и т. д.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ развитія естественныхъ наукъ, умственныя настроенія — совершенно иныя, методы мышленія расходятся съ методами мышленія въ началѣ XIX в., и потому указанныя положенія представителей новаго направленія могутъ разсчитывать на успѣхъ, внѣ узкаго кружка единомышленниковъ, лишь при двухъ условіяхъ.

Во-первыхъ, эти положенія должны быть обоснованы и доказаны такъ, чтобы они пріобрѣли для ума современнаго человѣка неотразимую убѣдительность. Для этого необходимы капитальныя, многотомныя изслѣдованія, въ которыхъ были бы разъ навсегда опровергнуты выводы естественныхъ наукъ, не дающія основаній для дуалистическаго міропониманія, или въ которыхъ эти выводы были бы истолкованы въ пользу метафизическаго міропониманія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ сочиненія новыхъ метафизиковъ должны въ исторіи науки создать эпоху.

Во-вторыхъ, чтобы современный человѣкъ, даже при наличности капитальныхъ изслѣдованій метафизическаго типа, могъ принять эти положенія, необходимо перевоспитать его, а для этого представителямъ новаго направленія придется заняться уничтоженіемъ въ немъ навыковъ и методовъ мышленія, привитыхъ естествовѣдѣніемъ.

Имѣются ли на лицо капитальныя сочиненія, въ которыхъ

положенія представителей новаго направленія обоснованы и доказаны, и которыя, если не произвели еще переворота въ наукѣ и въ умахъ, то, по крайней мѣрѣ, обладаютъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлать это въ ближайшемъ будущемъ? Такихъ сочиненій, явившихся въ началѣ XX в., нѣтъ; я, по крайней мѣрѣ, ихъ не знаю, а у представителей новаго направленія указаній на нихъ не встрѣчалъ [1]). Быть можетъ, однако, положенія представителей новаго направленія, хотя и изложенныя въ статьяхъ и рецензіяхъ, болѣе или менѣе обставлены какими либо доказательствами? У лицъ съ современнымъ складомъ мысли естественно, напр., поднимается вопросъ о томъ, дѣйствительно ли существуетъ особый источникъ познанія, называемый „интуиціей“, и, если существуетъ, какія имѣются доказательства этого? На это представители новаго направленія, вѣроятно, отвѣтили бы такъ, какъ они отвѣчаютъ на другой вопросъ: „Доказано ли, что развитіе художественной интуиціи существуетъ, что она вообще развивается во времени?“ „Нѣтъ,—отвѣчаютъ они,—это—только постулатъ нашего мышленія, основанный на аналогіи“ (*Г. Лансонъ*. Методъ въ исторіи литературы. Переводъ съ французскаго и послѣсловіе М. Гершензона. М. 1911, стр. 66). Существованіе „интуиціи“, при помощи которой открывается человѣку міръ сущностей, поэзія, какъ орудіе проникновенія въ эти сущности, вѣроятно, тоже—„постулаты мышленія“. И, очевидно, достаточно употребленія въ наиболѣе сомнительныхъ случаяхъ словъ „постулатъ мышленія“ для того, чтобы представители новаго направленія не только сами были твердо увѣрены въ своихъ положеніяхъ, но и думали, что они должны обладать неотразимою убѣдительностью для всѣхъ...

---

[1]) Есть указанія на частныя изслѣдованія по исторіи поэзіи, которыя признаются представителями новаго направленія капитальными. Всего на всего этихъ работъ у насъ три, а именно: работа А. Н. Веселовскаго по исторіи эпитета, книга... Д. С. Мережковскаго о Достоевскомъ и Толстомъ и работа А. Бѣлаго о морфологіи ритма у русскихъ поэтовъ!

Осуществлено ли второе условіе? Разбиты ли тѣ навыки и методы мышленія, которыми современное человѣчество обязано естествовѣдѣнію? Очищена ли въ душѣ современнаго образованнаго человѣка почва для мышленія по типу „постулатовъ“? Нѣтъ! Представители новаго направленія еще пока ничего капитальнаго въ этомъ направленіи не сдѣлали.

Это не мѣшаетъ имъ излагать свои положенія такъ, какъ будто они—самоочевидныя для всѣхъ истины. Съ дерзкой самоувѣренностью представители новаго направленія накидываются на тѣхъ, которые не раздѣляютъ ихъ міровоззрѣнія, за то, что они не принимаютъ безпрекословно ихъ положеній и не торопятся руководиться ими на практикѣ. Существующую въ исторіи литературы практику они объясняютъ лѣнью мысли. (*Лансонъ*, стр. 56, 57)! Энергія мысли, очевидно, состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать ссылки на „постулаты“ (это вѣдь, столько требуетъ труда!) и фразеологіей, свойственной метафизикамъ и мистикамъ, придавать себѣ видъ необыкновеннаго глубокомыслія и талантливой проникновенности...

Представители новаго направленія считаютъ достаточнымъ простую формулировку своихъ положеній, безъ доказательствъ. Это даетъ и мнѣ право, тоже безъ какихъ либо доказательствъ, формулировать свои положенія, а именно:

1) Различіе между міромъ сущностей и міромъ внѣшнихъ и временныхъ формъ—плодъ старой метафизической схоластики. Въ дѣйствительности такого различія не существуетъ: міръ единъ, а не двойственъ.

2) „Интуиціи“, какъ особаго вида познанія, отличающагося отъ „логическаго сознанія“ и дающаго возможность проникать въ міръ „вѣчныхъ сущностей“, не существуетъ: познаніе человѣческое такъ же едино, какъ и міръ.

3) Человѣкъ способенъ къ творческой дѣятельности. Эта дѣятельность проявляется и въ отношеніи къ слову. Словесная творческая дѣятельность выражается въ поэзіи и въ прозѣ.

Между поэзіей и прозой нѣтъ неприступной бездны: поэзія безконечно малыми ступенями переходитъ въ прозу, и, наоборотъ, проза безконечно малыми ступенями переходитъ въ поэзію [1]).

4) Исторія литературы не есть только исторія поэзіи: предметомъ ея являются одинаково и поэтическія и прозаическія произведенія.

5) Исторія литературы разсматриваетъ произведенія не съ цѣлью извлечь изъ нихъ данныя для исторіи культуры, общественности и мысли.

6) Исторія литературы не можетъ ставить себѣ по поводу тѣхъ или другихъ произведеній ни морально-политическихъ вопросовъ, ни метафизическихъ.

7) Предметомъ исторіи литературы являются словесныя произведенія сами по себѣ.

8) Исторія литературы изучаетъ литературу даннаго народа въ ея послѣдовательномъ развитіи (§ 13).

9) Исторія литературы изучаетъ свой предметъ въ рамкахъ вопросовъ, указанныхъ въ II гл. предисловія: *что было, какъ было и почему и какія были слѣдствія?*

10) Научной исторіей литературы можетъ быть только та, которая изучаетъ свой предметъ въ предѣлахъ указанныхъ вопросовъ.

11) Методъ такого изученія литературы, въ отличіе отъ другихъ, можетъ быть названъ естественно-историческимъ: только при употребленіи такого метода литературныя произведенія могутъ быть разсматриваемы съ такою же объективностью, съ какою естественники разсматриваютъ явленія органической и неорганической природы.

---

[1]) Такъ, настроенія и стремленія Гоголя, воплощавшіяся первоначально въ поэтическихъ образахъ, впослѣдствіи формулируются прозаически („Выбранныя мѣста"). Тотъ же процессъ произошелъ съ Л. Н. Толстымъ и нѣкоторыми другими нашими художниками.

12) Вырабатывая отвѣты на историко-литературные вопросы, исторія литературы широко пользуется матеріалами, которые даются исторіей даннаго народа вообще и всемірной въ частности, въ томъ числѣ исторіей культуры, общественности и мысли.

В. Келтуяла.

С.-Петербургъ.
15 апрѣля 1913 г.

Предисловіе ко второму изданію.

Второе изданіе моего пространнаго „Курса“ выходитъ въ переработанномъ и дополненномъ видѣ.

Переработка коснулась прежде всего построенія „Курса“.

Первая книга раздѣляется на три части: „Введеніе“, „Первоначальныя основы древне-русской литературы“ и „Исторія древней русской литературы“. Излагая часть подъ заглавіемъ „Первоначальныя основы древне-русской литературы“, я въ первомъ изданіи сначала говорилъ о „національной основѣ“, которую я неправильно называлъ „народной“, и затѣмъ уже объ основѣ „еврейско-византійско-болгарской“. Этотъ порядокъ я считаю теперь нецѣлесообразнымъ. Устное творчество древнѣйшаго происхожденія носитъ многочисленные слѣды вліянія еврейско-византійско-болгарской литературы. Поэтому я счелъ болѣе удобнымъ во второмъ изданіи излагать сначала „еврейско-византійско-болгарскую основу“, а потомъ національную. Такого же рода измѣненіе и по тому же соображенію сдѣлано мною въ третьей части, въ „Исторіи древней русской литературы“: именно отдѣлъ объ устномъ княжеско-дружинномъ творчествѣ (о былинахъ) я въ новомъ изданіи излагаю не передъ древне-русской письменностью, а послѣ нея, такъ какъ былины создавались подъ сильнымъ вліяніемъ переводной и древне-русской письменности.

Существеннѣе переработка, коснувшаяся изложенія письменности. Въ первомъ изданіи я раздѣлилъ письменность на два отдѣла: на княжеско-дружинную письменность и на церковную. Это дѣленіе я признаю въ настоящее время нецѣлесообразнымъ. Между письменностью церковной и княжеско-дружинной нѣтъ такого рѣзкаго различія, которое давало бы основаніе для отдѣльнаго разсмотрѣнія каждой изъ нихъ. Авторы церковныхъ произведеній, т.-е. духовныя лица, если они по національности не были греками, обыкновенно, принадлежали по своему происхожденію къ княжеско-дружинному классу населенія. Слѣдовательно, древне-русская церковная литература, за немногими исключеніями, была продуктомъ творчества той части княжеско-дружинной среды, которая находилась подъ особенно сильнымъ вліяніемъ византійско-болгарской культуры. Этимъ объясняется то обстоятельство, что существенной разницы между образомъ мыслей и направленіемъ такихъ свѣтскихъ писателей, какъ Владимиръ М., Даніилъ (авторъ „Моленія“), и писателей духовныхъ не существуетъ.

На этомъ основаніи я во второмъ изданіи располагаю древне-русскія произведенія до половины XII в. въ хронологическомъ порядкѣ, дающемъ возможность слѣдить за постепеннымъ развитіемъ древне-русской литературы. Съ половины XII в. распредѣленіе въ хронологическомъ порядкѣ сплетается съ распредѣленіемъ по культурно-историческимъ центрамъ, образующимся съ этого времени въ княжеско-дружинной Руси.

Переработка коснулась также цѣлыхъ отдѣловъ или отдѣльныхъ параграфовъ. Такъ, совершенно передѣланъ отдѣлъ о лѣтописяхъ (§§ 181—185, 189, 197—198, 206, 208—217, 237, 265, 279).

Дополненія разсѣяны по всему „Курсу“. Объ ихъ количествѣ можно судить по тому, что въ первомъ изданіи было 765 страницъ и 319 параграфовъ, а во второмъ—1013 страницъ и 357 параграфовъ.

Изъ дополненій въ видѣ особыхъ параграфовъ отмѣчу слѣдующія.

Отдѣлу „Древняя еврейско-христіанская литература“ и его подотдѣлу „Каноническая еврейско-христіанская литература“ удѣлено 56 страницъ (§§ 36—43), тогда какъ въ первомъ изданіи этотъ же отдѣлъ изложенъ на одной только страницѣ (стр. 160 — 161). Въ отдѣлѣ объ апокрифахъ вмѣсто параграфа „О праведномъ Енохѣ“ (§ 65), занимающаго полъ страницы, данъ параграфъ подъ заглавіемъ „Книга Еноха“ (§ 50), занимающій восемь страницъ. Въ этотъ же отдѣлъ введены новые параграфы: „О Мелхиседекѣ“ (§ 52) и „Апокалипсисъ Петра“ (§ 63). Въ главу объ агіографіи введены параграфы подъ заглавіемъ „Житіе св. Макарія Римскаго“ и „Житіе преп. Зосимы“ (§§ 86, 87). И т. д.

Расширены цѣлые отдѣлы или отдѣльные параграфы. Такъ, праздничнымъ пѣснямъ посвящены въ новомъ изданіи 25 страницъ, въ первомъ — 14, сказкамъ — 36, въ первомъ — 11, Кириллу Туровскому — 22 стр., въ первомъ — 12, и т. д.

„Введеніе“ состоитъ изъ 31 параграфа и 102 стр., вмѣсто 23 параграфовъ и 88 стр. Особо отмѣчу во „Введеніи“ слѣдующіе новые параграфы: „Народное развитіе и его основы“ (§ 3), „Періоды въ исторіи народняго труда“ (§ 4), „Главныя эпохи въ исторіи народнаго труда“ (§ 5) и „Эпоха государственнаго строя“ (§ 9). Этимъ параграфамъ, въ связи съ тремя другими („Эпоха первобытнаго коммунизма“, „Эпоха матріархата“ и „Патріархально-родовая эпоха“, §§ 6—8), я придаю большое значеніе: тщательное усвоеніе ихъ предохранитъ читателей отъ увлеченія народнической миѳологіей, покажетъ имъ, что всѣ историческіе народы переживали однѣ и тѣ же ступени общественнаго развитія, что элементы государственности создавались уже въ патріархально-родовую эпоху, что государственность не есть отвлеченная форма народнаго бытія, преслѣдующая цѣли „общаго блага“, какъ это толкуется отвлеченной юриспруденціей, а реальный строй, сводя-

щійся къ тому, что народъ состоитъ изъ двухъ основныхъ классовъ — высшаго, правящаго и низшаго, подчиненнаго („народная масса"), что дѣленіе на классы не есть какое то уродство, отклоненіе отъ нормальнаго историческаго развитія, а естественно-историческое явленіе [1]).

В. Келтуяла.

С.-Петербургъ.
30 апрѣля 1913 г.

[1]) Читателямъ, заразившимся ядомъ народничества, рекоменцую, въ видѣ противоядія, тщательное ознакомленіе съ слѣдующими классическими работами В. О. Ключевскаго: „Боярская дума древней Руси", „Курсъ русской исторіи", „Исторія сословій въ Россіи".

Оглавленіе.

Книга первая.

§§		стран.
	Предисловіе	III—XXXI
	Предисловіе ко второму изданію	XXXII—XXXV
1— 31.	**Введеніе**	3— 99
1.	Литература и народное развитіе	3— 3
2.	Отдѣльное лицо и народъ	3— 4
3.	Народное развитіе и его основы	4— 8
4.	Періоды въ исторіи народнаго труда	8— 8
5.	Главныя эпохи въ исторіи народнаго развитія	8— 8
6.	Эпоха первобытнаго коммунизма	9— 12
7.	Эпоха матріархата	12— 15
8.	Патріархально-родовая эпоха	15— 21
9.	Эпоха государственнаго строя	21— 24
10.	Вліяніе иностранныхъ государствъ на народное развитіе	24— 24
11.	Термины „словесность“, „письменность“ и „литература“	24— 25
12.	Поэзія и проза	25— 26
13.	Исторія литературы и ея задача	26— 28
14.	Методъ исторіи литературы	28— 31
15.	Исторія русской литературы	31— 31
16	Славяне	31— 33
17.	Бытъ славянъ въ эпоху ихъ разселенія	33— 35
18.	Великая восточно-европейская равнина	35— 37
19.	Условія развитія романо-германскихъ народовъ	37— 41
20.	Условія развитія русскихъ славянъ	41— 43
21.	Русскіе славяне до образованія государствъ	43— 48
22.	Образованіе русскаго государства	48 — 52
23.	Византія	52— 72
24.	Византія и славяне	72— 74
25.	Константинъ и Меѳодій	74— 80
26.	Древняя Болгарія	81— 83
27.	Древняя болгарская литература	83— 90
28.	Древній церковно-славянскій языкъ	90— 91
29.	Принятіе русскими христіанства	91— 95
30.	Двоевѣріе	95— 99
31.	Дѣленіе исторіи русской литературы	99— 99
	Библіографія	99—102

§§		стран.
32—159.	**Первоначальныя основы древне-русской литературы**	103—473
32.	О первоначальныхъ основахъ древне-русской литературы	103—104
33—131.	ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. **Еврейско-византійско-болгарская основа древне-русской литературы**	104—357
33.	Византійская переводная литература	104—105
34.	Основные элементы византійскаго міровоззрѣнія	105—108
35.	Дѣленіе еврейско-византійско-болгарской литературы	108—108
36— 71.	Глава первая. **Древняя еврейско-христіанская литература**	108—212
36.	Древняя еврейско-христіанская литература	108—108
37.	Основные моменты въ исторіи древняго еврейскаго народа	108—131
38.	Дѣленіе еврейско-христіанской литературы	131—131
39— 43.	**Каноническая еврейско-христіанская литература**	131—164
39.	Каноническая еврейско-христіанская литература и ея дѣленіе	131—133
40.	Книги Ветхаго Завѣта	133—153
41.	Книги Новаго Завѣта	153—161
42.	Текстъ библейскихъ книгъ	161—163
43.	Библейскія книги на Руси	164—164
44— 71.	**Неканоническая еврейско-христіанская литература**	165—212
44.	Неканоническая еврейско-христіанская литература	165—167
45— 57.	**Апокрифы о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ**	167—194
45.	Апокрифы о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ	167—167
46.	О сотвореніи міра	167—167
47.	Объ Адамѣ и Евѣ	167—169
48.	О дѣтяхъ Адама и Евы	169—169
49.	О древѣ крестномъ	169—170
50.	„Книга Еноха“	171—179
51.	О Ноѣ	179—180
52.	О Мелхиседикѣ	180—183
53.	Объ Авраамѣ	183—185
54.	„Завѣты двѣнадцати патріарховъ“	185—187
55.	„Исходъ Моисеевъ“	187—189
56.	О Давидѣ и Соломонѣ	189—190
57.	О Соломонѣ	190—194
58— 71.	**Апокрифы о новоазвѣтныхъ лицахъ и событіяхъ**	194—212
58.	Апокрифы о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ	194—194
59.	Апокрифическія Евангелія	194—198
60.	„Сказаніе Аѳродитіана о чудѣ въ персидской землѣ“	198—199
61.	„Преніе Іисуса Христа съ діаволомъ“	199—199
62.	„Слово Адама во адѣ къ Лазарю“	199—200
63.	„Апокалипсисъ Петра“	200—202
64.	„Хожденіе Богородицы по мукамъ“	202—203
65.	„Слово о видѣніи св. апостола Павла“	203—205
66.	„Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской	206—207
67.	„Бесѣда трехъ святителей“	207—208
68.	„Сказаніе о двѣнадцати пятницахъ“	208—211
69.	„Слово св. отца Пахомія о средѣ и пятницѣ“	211—211
70.	„Эпистолія о недѣлѣ“	211—211
71.	„Сказаніе о свѣтлой недѣлѣ“	211—212
72— 87.	Глава вторая. **Агіографія**	212—251
72.	Агіографическая литература и ея виды	212—212

§§		стран.
73— 78.	**Сборники житій святыхъ**	212—223
73.	Сборники житій святыхъ	212—212
74.	Четьи-минеи	212—212
75.	Патерики	212—213
76.	„Синайскій патерикъ“ („Лимонарь“)	213—220
77.	„Скитскій патерикъ“	220—222
78.	Прологи	222—223
79— 87.	**Отдѣльныя житія святыхъ**	223—251
79.	Отдѣльныя житія святыхъ.	223—223
80.	Житіе Антонія Великаго.	223—224
81.	„Житіе и хожденіе св. отца Нифонта“	224—225
82.	Житіе Андрея Юродиваго	225—230
83.	Житіе Василія Новаго.	230—239
84.	Житія св. Георгія Побѣдоносца.	239—242
85.	Сказанія о Ѳеодорѣ Тиронѣ.	243—244
86.	Житіе св. Макарія Римскаго.	244—249
87.	Житіе преподобнаго Зосимы.	249—251
88— 98.	Глава третья. **Сочиненія свв. отцовъ и учителей церкви.**	251—269
88.	О сочиненіяхъ свв. отцовъ и учителей церкви . . .	251—252
89.	Сочиненія пр. Ефрема Сирина	252—257
90.	Сочиненія Василія Великаго и Григорія Богослова. .	257—257
91.	Сочиненія Іоанна Златоустаго	257—260
92.	Сочиненія Нила Синайскаго.	260—262
93.	Труды Ѳеодорита Кирскаго	262—262
94.	Труды Геннадія Константинопольскаго	262—263
95.	Труды Іоанна Синайскаго-Лѣствичника	263—264
96.	Труды инока Антіоха и св. Анастасія Синаита. . .	264—265
97.	Труды Іоанна Дамаскина.	265—269
98.	Труды Никона Черногорца	269—269
99—106.	Глава четвертая. **Естественно-научная литература**	269—286
99.	Объ естественно-научной литературѣ	269—269
100.	„Физіологъ“	269—272
101.	„Шестодневы“	272—272
102.	„Бесѣда на Шестодневъ“ Василія В.	273—279
103.	„Шесть словъ о твореніи міра“ Севериана Гавальскаго.	279—279
104.	„Похвала Богу о сотвореніи всея твари“ Георгія Писида.	279—284
105.	„Шестодневъ“ Іоанна Экзарха Болгарскаго	284—285
106.	„Христіанская топографія“ Козьмы Индикоплова . .	285—286
107—112.	Глава пятая. **Исторіографія**	286—306
107.	Исторіографія	286—286
108.	Палеи	287—287
109.	„Палея толковая“	287—290
110.	„Историческая палея“.	290—291
111.	Хроники	291—296
112.	„Откровеніе Меѳодія Патарскаго“	296—306
113—113.	Глава шестая. **Гадательныя книги**	306—308
113.	Гадательныя книги.	306—308
114—117.	Глава седьмая. **Сборники**.	309—321
114.	О сборникахъ	309—309
115.	„Пчела“	309—310
116.	„Древне-болгарская энциклопедія X-го в.“	310—319
	1) „Еллинскій и Римскій лѣтописецъ“	310—311
	2) „Изборникъ Святославовъ 1073 г.	311—319
117.	„Изборникъ Святославовъ 1076 г.“.	319—321

§§		стран.
118—128.	Глава восьмая. **Беллетристика**	322—349
118.	О беллетристикѣ	322—322
119.	Романъ „Александрія“	322—328
120.	Сказаніе „О Троянской войнѣ“	328—330
121.	Поэма „Девгеніево дѣяніе“	330—333
122.	„Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ“	333—334
123.	„Сказаніе о бѣломъ клобукѣ“	334—335
124.	„О Синагрипѣ и его совѣтникѣ Акирѣ“	335—338
125.	„Чудо св. Николы о Синагрипѣ царѣ“	338—339
126.	„Стефанитъ и Ихнилатъ“	339—342
127.	Романъ „Варлаамъ и Іоасафъ“	342—347
128.	„Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ“	347—349
129.	Умственный кругозоръ древне-русскаго читателя по переводной литературѣ	349—356
130.	Достоинства византійско-болгарской литературы	356—356
131.	Какъ и кѣмъ читалась на Руси византійско-болгарская литература	356—357
132—159.	ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. **Національная основа древне-русской литературы**	357—467
132.	Первобытное устное творчество, его характеръ и происхожденіе	357—363
133.	Устное творчество древне-русскаго происхожденія	363—364
134—134.	Глава первая. **Заговоры**	364—370
134.	Заговоры	364—370
135—150.	Глава вторая. **Лирическія пѣсни**	370—423
135.	Устная лирика и ея дѣленіе	370—371
136—143.	**Праздничныя пѣсни**	371—396
136.	Праздничныя пѣсни	371—371
137.	Происхожденіе древне-русскихъ празднествъ	371—374
138.	Коляда	374—381
139.	Масленица	381—382
140.	Встрѣча весны. Красная Горка. Радуница. Егорьевъ день	382—389
141.	Русальная недѣля, Семикъ и Троица	389—394
142.	Купала и Ярило	394—396
143.	Жатвенные праздники	396—396
144—149.	**Бытовыя пѣсни**	397—419
144.	Бытовыя пѣсни	397—397
145.	Древне-русскій бракъ	397—403
146.	Свадебныя пѣсни	403—413
147.	О похоронныхъ пѣсняхъ	413—414
148.	Древне-русскія похороны	414—416
149.	Причитанія и заплачки	416—419
150.	Пріемы древне-русскаго устнаго творчества	419—423
151—155.	Глава третья. **Сказки**	423—459
151.	О сказкахъ	423—425
152.	Происхожденіе и составъ русскихъ сказокъ	425—426
153.	Дѣленіе сказокъ	426—426
154.	Сказки о животныхъ	426—436
155.	Сказки, отразившія миѳическія представленія	436—459
156—156.	Глава четвертая. **Загадки**	459—462
156.	О загадкахъ	459—462
157—157.	Глава пятая. **Пословицы**	462—464
157.	О пословицахъ	462—464
158—158.	Глава шестая. **Поговорки**	465—465
158.	Поговорки	465—465

§§		СТРАН.
159.	Національное устное творчество, какъ одна изъ основъ древне-русской литературы	465—467
	Библіографія	467—473
160—357.	**Исторія древней русской литературы**	474—1011
160.	Періоды въ исторіи древней русской литературы	474—474
161—357.	ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ. **Эпоха княжеско-дружиннаго просвѣщенія**	474—1011
161.	Эпоха княжеско-дружиннаго просвѣщенія	474—474
162.	Основныя занятія русскихъ въ эпоху княжеско-дружинной Руси	475—478
163.	Техника занятій въ княжеско-дружинной Руси	478—480
164.	Общественные классы въ княжеско-дружинной Руси	480—492
165.	Положеніе женщины въ княжеско-дружинной Руси	492—492
166.	Политическій строй княжеско-дружинной Руси	493—505
167.	Главные моменты въ исторіи княжеско-дружинной Руси	505—510
168.	„Русская правда“	511—515
169.	Просвѣщеніе въ княжеско-дружинной Руси	515—516
170.	Татарское нашествіе	516—522
171.	Литература княжеско-дружиннаго періода	522—522
172.	Древняя письменность и ея техника	522—524
173.	Начало русской письменности	524—526
174.	Языкъ письменности княжеско-дружинной Руси	526—527
175.	Дѣленіе литературы княжеско-дружиннаго періода	527—527
176—177.	ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. **Литература первыхъ митрополитовъ-грековъ**	528—531
176.	Митрополиты-греки и ихъ задачи	528—529
177.	Митрополиты Леонтій, Георгій и Іоаннъ II	529—531
178—229.	ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. **Зарожденіе и развитіе національнаго русскаго самосознанія**	531—671
178.	Эпоха зарожденія и развитія національнаго самосознанія	531—531
179—191.	Глава первая. **Зарожденіе самосознанія въ аристократіи**	531—573
179.	Просвѣтительная дѣятельность Владимира Св.	531—531
180.	Просвѣтительная дѣятельность Ярослава М.	532—533
181—185.	**„Древнѣйшій Кіевскій сводъ“**	533—547
181.	„Древнѣйшій Кіевскій сводъ“	533—533
182.	Терминологія лѣтописнаго дѣла	533—536
183.	Происхожденіе и время составленія „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“	536—536
184.	Содержаніе „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“	536—544
185.	Составъ „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“	544—547
186—188.	**„О законѣ и благодати“**	547—562
186.	Сочиненіе „О законѣ и благодати“, его авторъ и время составленія	547—550
187.	Содержаніе сочиненія „О законѣ и благодати“	550—557
188.	Комментаріи къ сочиненію „О законѣ и благодати“	557—562
189—189.	**„Древній Новгородскій сводъ“**	562—566
189.	„Древній Новгородскій сводъ“	562—566
190—191.	**Лука Жидята**	567—573
190.	„Поученіе къ братіи“, его авторъ и время составленія	567—570
191.	Содержаніе „Поученія къ братіи“ и комментаріи къ нему	571—573
192—199.	Глава вторая. **Зарожденіе самосознанія въ городской демократіи**	573—595
192.	Зарожденіе самосознанія въ городской демократіи	573—574
193.	Русскіе монастыри въ княжеско-дружинную эпоху	574—575

§§		стран.
194.	Преподобный Антоній и Кіевопечерскій монастырь.	575—579
195.	Преподобный Ѳеодосій Печерскій	579—584
196.	„Слова“ Ѳеодосія къ кіевопечерскимъ инокамъ	584—586
197.	„Великій“ Никонъ	586—588
198.	„Кіевопечерскій сводъ“	588—594
199.	Значеніе Кіевопечерскаго монастыря во второй половинѣ XI в.	594—595
200—206.	Глава третья. **Сближеніе аристократическаго теченія съ демократическимъ**	595—625
200.	Сближеніе аристократическаго теченія съ демократическимъ	595—596
201—201.	**„Память и похвала князю Володимеру“**	596—599
201.	„Память и похвала князю Володимеру“	599—599
202—202.	**Преподобный Несторъ**	599—602
202.	Преподобный Несторъ и его труды	599—602
203.	Особенности древне-русскихъ житій святыхъ	602—606
204—204.	**„Житіе преподобнаго Антонія“**	606—609
204.	„Житіе преподобнаго Антонія“	606—609
205—206.	**„Начальный Кіевскій сводъ“**	609—625
205.	Кіевопечерскій игуменъ Іоаннъ	609—610
206.	„Начальный Кіевскій сводъ“	610—625
207—217.	Глава четвертая. **Итоги самосознанія въ княжеско-дружинной Руси**	625—644
207.	Итоги самосознанія въ княжеско-дружинной Руси	625—627
208—211.	**„Повѣсть временныхъ лѣтъ“**	628—638
208.	„Повѣсть временныхъ лѣтъ“	628—629
209.	Составъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“	629—636
210.	Особенности „Повѣсти временныхъ лѣтъ“	636—637
211.	О редакторѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“	637—638
212—212.	**„Сильвестровъ сводъ“**	638—639
212.	„Сильвестровъ сводъ“	638—639
213—213.	**Вторая редакція „Сильвестрова свода“**	639—640
213.	Вторая редакція „Сильвестрова свода“	639—640
214.	Методъ составленія лѣтописныхъ сводовъ и его значеніе	640—642
215.	Періодъ до 945 г. по лѣтописнымъ сводамъ	642—643
216.	Тенденціозность лѣтописныхъ сводовъ	643—643
217.	Лѣтописный взглядъ на историческія событія	643—644
218—229.	Глава пятая. **Сліяніе идейно-литературныхъ теченій**	644—671
218.	Сліяніе идейно-литературныхъ теченій	644—645
219—225.	**„Поученіе чадомъ“ Владимира Мономаха**	645—661
219.	Свѣдѣнія изъ біографіи Владимира Мономаха	645—646
220.	„Поученіе“ Владимира Мономаха и время его составленія	646—648
221.	Составъ „Поученія“	648—649
222.	Планъ „Поученія“	649—650
223.	Наставленія Владимира Мономаха	650—658
224.	Литературныя вліянія на „Поученіе чадомъ“	658—660
225.	Причины, побудившія Владимира написать „Поученіе чадомъ“	660—661
226—229.	**„Хожденіе“ игумена Даніила**	662—671
226.	Паломничество въ эпоху княжеско-дружинной Руси	662—664
227.	Игуменъ Даніилъ и его путешествіе	664—665
228.	Содержаніе „Хожденія“	665—670
229.	Отличительныя черты „Хожденія“ и его значеніе	671—671

§§		СТРАН.
230—233.	ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ. **Дѣятельность русскихъ іерарховъ-грековъ въ первой половинѣ XII в.**	671—680
230.	Русскіе іерархи-греки въ первой половинѣ XII в.	671—672
231—231.	**Митрополитъ Никифоръ I**	672—675
231.	Труды митрополита Никифора I	672—675
232—233.	**Ѳеодосій-Грекъ**	675—680
232.	Біографическія свѣдѣнія о Ѳеодосіи-Грекѣ	675—676
233.	Труды Ѳеодосія-Грека	676—680
234—279.	ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. **Зарожденіе мѣстныхъ литературъ**	680—795
234.	Зарожденіе мѣстныхъ литературъ, ихъ характеръ и дѣленіе	680—681
235—240.	Глава первая. **Новгородская литература**	681—689
235.	Новгородъ отъ X в. до половины XIII в.	681—682
236.	Новгородская литература, ея характеръ и произведенія	682—682
237—237.	**Новгородскія лѣтописи**	682—683
237.	Новгородскія лѣтописи	682—683
238—238.	**Іеромонахъ Кирикъ**	683—685
238.	Іеромонахъ Кирикъ	683—685
239—239.	**Архіепископъ Илія-Іоаннъ**	685—687
239.	„Поученіе священникамъ“ архіепископа Иліи-Іоанна	685—687
240—240.	**Добрыня Ядрѣйковичъ**	687—689
240.	„Хожденіе въ Царьградъ“ Добрыни Ядрѣйковича	687—689
241—244.	Глава вторая. **Смоленское творчество**	689—697
241.	О смоленской области	689—689
242.	Смоленское идейно-литературное творчество и его представители	689—689
243—243.	**Климентъ Смолятичъ**	689—692
243.	Жизнь и труды Климента Смолятича	689—692
244—244.	**Авраамій Смоленскій**	692—697
244.	Дѣятельность Авраамія Смоленскаго	692—697
245—250.	Глава третья. **Туровская литература**	697—720
245.	О Туровѣ	697—698
246—250.	**Кириллъ Туровскій**	698—720
246.	Біографическія свѣдѣнія о Кириллѣ Туровскомъ	698—699
247.	Труды Кирилла Туровскаго	699—699
248.	Содержаніе „Словъ“ Кирилла Туровскаго	699—712
249.	Содержаніе „Поученій“ Кирилла Туровскаго	712—714
250.	Особенности „Словъ“ и „Поученій“ Кирилла Туровскаго	714—720
251—252.	Глава четвертая. **Черниговская литература**	720—724
251.	О Черниговской области	720—722
252.	„Слово о князьяхъ“	722—724
253—263.	Глава пятая. **Кіевская литература**	724—759
253.	Кіевъ отъ половины XII в. до половины XIII в.	724—725
254—262.	**„Слово о полку Игоревѣ“**	725—758
254.	Свѣдѣнія о „Словѣ о полку Игоревѣ“	725—726
255.	Походъ Игоря на половцевъ	726—731
256.	Содержаніе „Слова о полку Игоревѣ“	731—742
257.	Комментаріи къ отдѣльнымъ мѣстамъ „Слова о полку Игоревѣ“	742—745
258.	Связь „Слова о полку Игоревѣ“ съ устнымъ творчествомъ	745—749
259.	Связь „Слова“ съ византійско-болгарской и русской литературой	749—751
260.	Характеристики князей въ „Словѣ“	752—753
261.	Авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ и его цѣль	753—757
262.	Идея „Слова о полку Игоревѣ“	757—758

§§		стран.
263—263.	**„Кіевская лѣтопись“**	759—759
263.	„Кіевская лѣтопись“	759—759
264—277.	Глава шестая. **Ростово-Суздальская литература**	760—794
264.	Ростово-Суздальская земля до половины XIII в.	760—761
265—265.	**„Суздальская лѣтопись“**	761—762
265.	„Суздальская лѣтопись“	761—762
266—271.	**Епископъ Симонъ и инокъ Поликарпъ**	762—781
266.	Посланіе Симона къ Поликарпу и Поликарпа къ Акиндину	762—764
267.	Посланіе Поликарпа къ Акиндину	765—765
268.	Содержаніе нѣкоторыхъ сказаній	765—775
269.	Комментаріи къ кіевопечерскимъ сказаніямъ	775—777
270.	Особенности сказаній въ посланіяхъ Симона и Поликарпа	777—781
271.	„Кіевопечерскій патерикъ“	781—781
272—276.	**„Моленіе“ Даніила**	781—791
272.	Свѣдѣнія о Даніилѣ	781—782
273.	Свѣдѣнія о „Моленіи“ Даніила	782—782
274.	Содержаніе „Моленія“	782—788
275.	Особенности „Моленія“	788—790
276.	Легенда о Даніилѣ	790—791
277—277.	**„Слово о погибели Русской земли“**	791—794
277.	„Слово о погибели Русской земли“	791—794
278—279.	Глава седьмая. **Галицко-Волынская литература**	794—795
278.	О Галицко-Волынской землѣ	794—794
279—279.	„Галицко-Волынская лѣтопись“	794—795
280—284.	ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ. **Литература, отразившая татарское нашествіе**	796—804
280.	О литературныхъ отраженіяхъ татарскаго нашествія	796—797
281.	Сказаніе о битвѣ при Калкѣ	796—797
282.	Преданіе о рязанской княгинѣ Евпраксіи	797—798
283.	Сказаніе о рязанскомъ дружинникѣ Евпатіи Коловратѣ	798—800
284.	Сказаніе о св. Меркуріи Смоленскомъ	800—804
285—356.	ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ. **Княжеско-дружинное устное творчество**	805—1000
285.	Княжеско-дружинное устное творчество	805—805
286.	Термины: „богатырь“, „храборъ“, „поленица“	805—808
287.	Теоріи происхожденія былевого эпоса	808—813
288.	Происхожденіе былевого эпоса	813—814
289.	Непрофессіональные пѣвцы-поэты	814—816
290.	Профессіональные пѣвцы-поэты	817—818
291.	Скоморохи—веселые люди	818—820
292.	Типъ скомороха пѣвца-поэта	820—822
293.	Центры русскаго былевого творчества	822—824
294.	Иноземные элементы въ русскомъ былевомъ эпосѣ	824—825
295.	Образованіе эпическихъ типовъ и эпическихъ цикловъ	825—827
296.	Княжеско-дружинный эпосъ въ сѣверной и южной Россіи	827—830
297.	Судьба древняго княжеско-дружиннаго эпоса	830—832
298.	Современные сказители былинъ	832—833
299.	Дѣленіе княжеско-дружиннаго эпоса	833—833
300—308.	Глава первая. **Древнѣйшія старины-былины**	833—863
300.	Древнѣйшія старины-былины	833—833
301—305.	**Древнѣйшія южно-русскія старины**	833—853
301.	Древнѣйшія южно-русскія старины	833—833
302—305.	**Святогоръ и Самсонъ**	833—853
302.	Былины о Святогорѣ	833—838

§§		стран.
303.	Самсонъ-богатырь	838—839
304.	Комментаріи къ былинамъ о Святогорѣ и Самсонѣ	839—852
305.	Общіе выводы о былинахъ о Святогорѣ и Самсонѣ	852—853
306—308.	**Древнѣйшія новгородско-кіевскія старины**	853—863
306.	Древнѣйшія новгородско-кіевскія старины	853—853
307—308.	**Вольга-Волхъ и Микула**	853—863
307.	Былины о Вольгѣ-Волхѣ и Микулѣ	853—856
308.	Комментаріи къ былинамъ о Вольгѣ-Волхѣ и Микулѣ	857—863
309—349.	Глава вторая. **Кіевскія старины**	863—970
309.	Кіевскія старины	863—864
310.	Владиміръ Св. въ лѣтописи и въ исторіи	864—866
311.	Владиміръ по былинамъ	866—870
312.	Дѣленіе кіевскихъ старинъ	870—870
313—337.	**Главные кіевскіе богатыри**	870—941
313.	Главные кіевскіе богатыри	870—870
314—321.	**Добрыня Никитичъ**	870—883
314.	Сюжеты, связанные съ именемъ Добрыни Никитича	870—870
315.	Добрыня и Скименъ-звѣрь	870—871
316.	Добрыня и Марина	871—872
317.	Добрыня и Змѣй-Горынищъ	872—874
318.	Добрыня участвуетъ въ добываніи Владиміру невѣсты	874—876
319.	Добрыня и поленица-женщина	876—878
320.	Добрыня и Алеша Поповичъ	879—882
321.	Происхожденіе образа Добрыни	882—883
322—325.	**Алеша Поповичъ**	883—889
322.	Былины объ Алешѣ Поповичѣ	883—883
323.	Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ	883—886
324.	Алеша и сестра Збродовичей	886—886
325.	Исторія типа Алеши Поповича	886—889
326—337.	**Илья Муромецъ**	889—941
326.	Главные сюжеты, связанные съ именемъ Ильи Муромца	889—889
327.	Илья Муромецъ дѣлается богатыремъ	889—893
328.	Первый выѣздъ Ильи Муромца	893—903
329.	Три поѣздки Ильи Муромца	903—905
330.	Ссора Ильи съ Владиміромъ	905—906
331.	Илья Муромецъ и Калинъ-царь	906—911
332.	Илья Муромецъ и Идолище Поганое	911—915
333.	Илья Муромецъ и баба Горынинка	915—915
334.	Бой Ильи съ сыномъ	915—919
335.	Комментаріи къ былинамъ о боѣ Ильи съ сыномъ	919—930
336.	Исторія образа Ильи Муромца	930—938
337.	Илья Муромецъ и лѣтописный Добрыня, дядя Владимира	938—941
338—349.	**Второстепенные кіевскіе богатыри**	941—970
338.	Былины о второстепенныхъ кіевскихъ богатыряхъ	941—941
339.	Связь нѣкоторыхъ былинъ о второстепенныхъ богатыряхъ	941—941
340.	Михайлъ (Иванъ) Даниловичъ и его отецъ Данила	941—945
341.	Сауръ Ванидовичъ и его сынъ Константинушка	945—947
342.	Богатырь Суровецъ	947—948
343.	Василій-Пьяница	948—949
344.	Комментаріи къ былинамъ о Михайлѣ (Иванѣ), Саурѣ, Суровцѣ и Василіи	949—957
345.	Сухманъ Одихмантьевичъ	957—959
346.	Дунай (Донъ) Ивановичъ	959—961
347.	Михайло Потокъ Ивановичъ	961—965
348.	Иванъ Годиновичъ	965—968
349.	Данила Ловчанинъ	968—970

§§		стран.
350—350.	Глава третья. **Старины о гибели богатырей**	970—975
350.	Гибель богатырей	970—975
351—355.	Глава четвертая. **Новгородско-галицкія старины**	975—993
351.	Новгородско-галицкія старины	975—975
352—353.	**Чурила Пленковичъ**	975—982
352.	Сюжеты, связанные съ именемъ Чурилы	975—979
353.	Комментаріи къ былинамъ о Чурилѣ	976—982
354—355.	**Дюкъ Степановичъ**	982—993
354.	Дюкъ Степановичъ	982—988
355.	Комментаріи къ старинамъ о Дюкѣ Степановичѣ	988—993
356.	Пріемы былиннаго творчества	993—1000
357.	Общій взглядъ на древне-русскую литературу перваго періода	1000—1003
	Библіографія	1003—1011
	Родословная таблица	1012—1012
	Хронологическая таблица	1013—1013

КНИГА ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНІЕ

Первоначальныя основы древне-русской литературы

Исторія русской литературы отъ IX в. до половины XIII в.

ВВЕДЕНІЕ.

1. Литература и народное развитіе. Литература всякаго народа находится въ тѣсной связи съ его развитіемъ: она отражаетъ въ словѣ стремленія, думы, чувства и настроенія, послѣдовательно пережитыя даннымъ народомъ. Понимать исторію данной литературы, найти смыслъ въ ея движеніи можно только въ томъ случаѣ, если предварительно уяснить себѣ законы развитія всякаго народа.

2. Отдѣльное лицо и народъ. Человѣкъ, какъ живое существо, имѣетъ рядъ потребностей: для поддержанія и развитія своихъ силъ онъ нуждается въ пищѣ и питьѣ; для защиты своего тѣла отъ атмосферныхъ осадковъ и холода онъ долженъ имѣть одежду и кровъ. Это—основныя потребности человѣка: безъ ихъ удовлетворенія человѣкъ погибъ бы.

Чтобы избѣгнуть гибели, человѣкъ обращается къ окружающей его природѣ. Здѣсь онъ находитъ множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ, пригодныхъ для удовлетворенія его потребностей: въ озерахъ и рѣкахъ есть вода и рыба, въ лѣсахъ—деревья, на которыхъ растутъ съѣдобные плоды, и звѣри, мясо которыхъ можно употреблять въ пищу, а шкуры—на одежду; на землѣ и въ землѣ есть минералы и металлы, изъ которыхъ можно выдѣлывать всевозможные предметы.

Но природа даромъ не отдаетъ своихъ богатствъ. Въ ней мало найдется предметовъ, которые даются человѣку безъ особеннаго труда, какъ, напримѣръ, сбиваніе плодовъ съ деревьевъ, собираніе овощей и т. д. Добываніе большей части предметовъ, какъ, напр., мяса и шкуръ звѣрей, требуетъ большого

труда, сопряженнаго съ опасностями для жизни. И этого мало. Цѣлый рядъ предметовъ, добытыхъ съ большимъ трудомъ (напр., желѣзо, мѣдь), можетъ быть использованъ человѣкомъ только послѣ многократныхъ трудныхъ переработокъ.

Такимъ образомъ, для удовлетворенія своихъ потребностей человѣкъ долженъ много трудиться, часто съ опасностью для своей жизни: человѣкъ вѣчно борется съ природой за свое существованіе.

Въ этой борьбѣ отдѣльный человѣкъ располагаетъ ничтожными физическими силами сравнительно съ силами природы: быкъ, медвѣдь, левъ, слонъ настолько превосходятъ своими силами отдѣльнаго человѣка, что борьба съ ними была бы для него немыслима; превратить въ топоръ кусокъ желѣза при помощи однѣхъ только силъ рукъ также было бы невозможно.

Но человѣкъ никогда не велъ борьбы съ природой въ одиночку: онъ всегда жилъ, трудился и боролся вмѣстѣ съ другими людьми, находя въ нихъ поддержку и въ свою очередь помогая имъ. Слабый въ одиночку человѣкъ становился сильнымъ въ обществѣ-народѣ, и чѣмъ общество-народъ многочисленнѣе былъ по своему составу, тѣмъ отдѣльный человѣкъ становился сильнѣе въ борьбѣ за существованіе.

3. Народное развитіе и его основы. Современныя общества, называемыя народами, государствами, состоятъ изъ десятковъ и сотенъ милліоновъ людей. Въ борьбѣ съ природой они располагаютъ огромными силами. Не таковы были первобытные общества-народы: они состояли изъ нѣсколькихъ десятковъ людей. Соотвѣтственно этому и народная борьба съ природой по своей успѣшности стояла далеко ниже современной.

Различіе между современными и первобытными обществами-народами объясняется тѣмъ, что человѣчество развивалось и двигалось впередъ. Было нѣсколько причинъ, содѣйствовавшихъ этому развитію. Наиболѣе важныя изъ нихъ—слѣдующія: 1) абсолютное перенаселеніе, 2) усовершенствованіе техники труда, 3) экономическія отношенія, 4) знанія и идеи и 5) слово.

1) Абсолютное перенаселеніе. Техника народнаго труда, его пріемы и способы могутъ быть высокими и низкими. При высокой техникѣ труда человѣкъ можетъ извлекать изъ природы огромное

количество необходимыхъ ему продуктовъ, при низкой—ничтожное количество. При данной техникѣ народнаго труда территорія опредѣленныхъ размѣровъ можетъ ежегодно доставлять опредѣленное количество общественно-необходимыхъ продуктовъ. Слѣдовательно, народныя потребности могутъ вполнѣ удовлетворяться только въ томъ случаѣ, если плотность населенія на данной территоріи не превышаетъ опредѣленной нормы. Если благодаря размноженію количество населенія превзошло эту норму, народныя потребности начинаютъ плохо удовлетворяться, а затѣмъ и совсѣмъ не удовлетворяются: добываемыхъ и обрабатываемыхъ продуктовъ не хватаетъ на всѣхъ членовъ общества. Члены общества-народа подвергаются лишеніямъ, болѣзнямъ; многимъ изъ нихъ грозитъ гибель. Такое состояніе общества-народа называется абсолютнымъ перенаселеніемъ.

Лишенія и угроза гибели заставляютъ общество-народъ искать выхода. Обычнымъ, наиболѣе легкимъ, исходомъ во всѣ времена было выселеніе излишка населенія (эмиграція): часть общества-народа покидала данную мѣстность и отыскивала себѣ новую, которая разрабатывалась поселенцами на основѣ старыхъ пріемовъ труда.

Частое наступленіе состояній абсолютнаго перенаселенія постоянно приводило первобытныя общества-народы къ распаденію и выселенію излишковъ. Благодаря этому человѣчество разселилось по всему земному шару.

2) **Усовершенствованіе техники труда.** Когда возможность выселенія прекращалась, народъ подъ давленіемъ абсолютнаго перенаселенія обращался къ другому исходу. Лишенія и угроза гибели заставляли умъ работать надъ усовершенствованіемъ пріемовъ и способовъ добыванія и обработки предметовъ данной территоріи, т. е. техники труда. Усилія ума обыкновенно приводили къ успѣху, и народъ могъ, не покидая данной территоріи, удовлетворять потребности своихъ членовъ и при уплотненіи населенія. Не останавливавшійся ростъ населенія, часто порождавшій состоянія абсолютнаго перенаселенія, не давалъ народу успокаиваться на данной техникѣ труда, заставляя придумывать все новыя и новыя усовершенствованія, позволявшія лучше и энергичнѣе вести борьбу съ природой и глубже разрабатывать ея богатства.

Усовершенствованіе техники народнаго труда является самымъ могучимъ двигателемъ народнаго развитія: *переходы отъ*

старыхъ способовъ труда къ новымъ образуютъ въ исторіи народовъ новые періоды развитія.

3) Экономическія отношенія. Усовершенствованіе техники труда ведетъ къ крупнымъ измѣненіямъ въ экономическомъ строѣ народа. Экономическимъ строемъ народа называются отношенія, установившіяся между членами народа въ борьбѣ съ природой. Они распадаются на два разряда: 1) производственныя отношенія, т. е. отношенія людей другъ къ другу въ процессѣ народнаго труда и 2) распредѣлительныя отношенія, т. е. отношенія людей другъ къ другу въ дѣлѣ распредѣленіи продуктовъ народнаго труда.

Производственныя отношенія могутъ быть двоякаго рода: *во-первыхъ*, отношенія простого сотрудничества (простая кооперація), состоящія въ томъ, что всѣ члены даннаго народа выполняютъ одинаково всѣ работы; *во-вторыхъ*, отношенія сложнаго сотрудничества (сложная кооперація), распадающіяся на два разряда: 1) отношенія раздѣленія труда, состоящія въ томъ, что одинъ выполняетъ одну часть работы, другой—другую, третій—третью и т. д. (спеціализація); 2) отношенія господства (организаціи) и подчиненія (исполненія), состоящія въ томъ, что одинъ членъ народа въ процессѣ труда руководитъ, приказываетъ, а другой исполняетъ, повинуется.

Распредѣлительныя отношенія, находящіяся въ тѣсной зависимости отъ производственныхъ, бываютъ двоякаго рода: 1) организованныя волею народа или его представителя и 2) неорганизованныя (мѣновыя).

На разныхъ ступеняхъ народнаго развитія, въ зависимости отъ состоянія техники труда, получаетъ преобладаніе соотвѣтствующій типъ экономическихъ отношеній: на первоначальныхъ ступеняхъ развитія господствуетъ простое сотрудничество и организованное распредѣленіе, на позднѣйшихъ—сложное сотрудничество и неорганизованное распредѣленіе.

Экономическія отношенія, послѣ техники труда, являются самымъ важнымъ двигателемъ народнаго развитія. *Во-первыхъ*, ими обусловливается умственное, нравственное и религіозное состояніе членовъ народа. *Во-вторыхъ*, ими обусловливается возникновеніе юридическихъ и политическихъ учрежденій, задача которыхъ состоитъ въ организаціи народнаго труда и въ управленіи имъ.

4) Знанія и идеи. Трудясь надъ природой, люди цѣною многочисленныхъ страданій и гибели многихъ членовъ народа переживаютъ извѣстный опытъ и производятъ рядъ наблюденій надъ свойствами предметовъ и законами явленій. Изъ своего опыта и наблюденій они извлекаютъ рядъ знаній, а изъ знаній создаютъ идеи. На первоначальныхъ ступеняхъ развитія, когда народъ еще малочисленъ и трудъ его мало развитъ, знанія и идеи человѣка ничтожны и незначительны. Развитіе народнаго труда, въ связи съ расширеніемъ опыта и наблюденій, приводитъ къ увеличенію количества знаній; въ соотвѣтствіи съ этимъ и творчество идей достигаетъ громадныхъ размѣровъ.

Въ ходѣ народнаго развитія знанія и идеи имѣютъ очень важное значеніе: являясь по своему существу краткимъ выраженіемъ народнаго опыта и народныхъ наблюденій многихъ поколѣній, они служатъ руководящими началами въ дѣлѣ организаціи народнаго труда; благодаря имъ успѣшность народнаго труда значительно возрастаетъ.

5) Слово. Словомъ называется сочетаніе звуковъ, при помощи котораго одинъ человѣкъ передаетъ другому о томъ, что онъ видитъ, слышитъ, ощущаетъ, чувствуетъ, желаетъ, думаетъ и т. д. Слово, вѣроятно, возникло изъ тѣхъ непроизвольныхъ звуковъ, которые издавались первобытными людьми во время совмѣстныхъ однородныхъ трудовыхъ дѣйствій. Эти звуки ассоціировались съ опредѣленными трудовыми дѣйствіями и превратились въ знаки для этихъ дѣйствій, знаки, понятныя для всѣхъ, такъ какъ вмѣстѣ съ ними въ умѣ людей вызывались представленія о тѣхъ или другихъ трудовыхъ дѣйствіяхъ. Слово въ процессѣ народнаго труда играетъ важную роль. Народный трудъ совершается съ особенною успѣшностью, если трудящійся можетъ во время общаго труда быстро узнавать, что дѣлаютъ его товарищи, а также въ свою очередь можетъ сообщить имъ, какъ идетъ его работа, не угрожаетъ ли ходу работы какая-нибудь опасность со стороны хищнаго звѣря или сосѣдей-враговъ, не требуется ли ему помощь товарищей. Узнавать обо всемъ этомъ или сообщать человѣкъ можетъ при помощи слова. Слово является основнымъ орудіемъ взаимнаго общенія людей: благодаря ему народный трудъ можетъ совершаться съ особенной успѣшностью.

Первоначально, пока трудовая борьба за существованіе

отличалась простотой и несложностью, и рѣчь человѣческая состояла изъ небольшого количества словъ, обозначавшихъ, во-1-хъ, трудовыя дѣйствія людей, во-2-хъ, предметы, составлявшіе внѣшнія условія, при которыхъ совершались эти дѣйствія, какъ, напр., орудія труда и элементы внѣшней среды, и въ-3-хъ, тѣ душевныя чувства и мысли, которыми сопровождались дѣйствія людей. Вслѣдствіе этого лексиконъ первобытнаго племени исчерпывался нѣсколькими сотнями словъ.

Съ теченіемъ времени народный трудъ становился сложнѣе и шире, и соотвѣтственно этому необходимо должна была развиваться и рѣчь, неизбѣжно должно было увеличиваться количество словъ. Въ настоящее время языки такихъ культурныхъ народовъ, какъ англичане, нѣмцы, французы и т. д., насчитываютъ десятки и сотни тысячъ словъ, исчерпывающихъ ихъ наличный общественно-трудовой опытъ.

4. Періоды въ исторіи народнаго труда. Исторія общественнаго труда распадается на два періода: 1) періодъ натуральнаго хозяйства и 2) періодъ мѣнового (денежнаго, товарнаго) хозяйства. Первый изъ нихъ является начальнымъ, древнимъ періодомъ, а второй позднѣйшимъ.

Натуральное хозяйство состоитъ въ томъ, что общество-народъ производитъ продукты для себя, причемъ они распредѣляются между членами общества волею всего общества или его руководителя; обмѣна между обществами, а также внутри каждаго общества еще не существуетъ, или, если существуетъ, то въ незначительныхъ размѣрахъ.

Мѣновое (денежное, товарное) хозяйство состоитъ въ томъ, что народъ производитъ продукты не столько для себя, сколько для другихъ народовъ. Такіе продукты называются товарами. Они распредѣляются между народами и внутри ихъ помимо воли народовъ и ихъ руководителей, стихійно, посредствомъ обмѣна на другіе продукты-товары, посредствомъ продажи и покупки ихъ.

5. Главныя эпохи въ исторіи народнаго развитія. Періоды натуральнаго и мѣнового хозяйства распадаются на четыре главныя эпохи: 1) эпоха первобытнаго коммунизма, 2) эпоха матріархата, 3) патріархально-родовая эпоха и 4) эпоха государственнаго строя.

6. **Эпоха первобытнаго коммунизма.** Первобытный коммунизмъ былъ первою эпохой собственно человѣческаго существованія.

До этой эпохи человѣчество представляло часть, хотя и высшую, животнаго міра. Группы людей бродили въ безопасныхъ отъ хищныхъ звѣрей мѣстахъ, добывая себѣ пропитаніе.

Въ эту эпоху не человѣкъ царилъ надъ природой, а, наоборотъ, природа надъ человѣкомъ. Данныя природой человѣку естественныя орудія нападенія и защиты—руки, ноги, зубы—несравненно слабѣе, чѣмъ у многихъ хищныхъ звѣрей, а мыслительныя способности его еще ничтожны; поэтому чудовищные звѣри, а также величественныя проявленія силъ природы внушали ему страхъ и ужасъ. Искусственныхъ орудій у первобытнаго человѣка было мало, да и тѣ были плохи. Единственными орудіями его были, какъ и у нѣкоторыхъ обезьянъ, палка и камень. При помощи этихъ орудій люди-животныя занимались охотой, въ широкомъ смыслѣ слова: они сбивали съ деревьевъ плоды, собирали зерна съ дико растущихъ хлѣбныхъ растеній, убивали птицъ и мелкихъ звѣрей и т. д. Охота была единственнымъ источникомъ существованія людей въ эту пору.

Первобытный коммунизмъ представляетъ уже болѣе высокую ступень человѣческаго развитія.

Характерными чертами первобытнаго коммунизма являются слѣдующія: во-1-хъ, между людьми, живущими обособленной группой, существуетъ кровная, родовая связь; во-2-хъ, дѣятельность членовъ группы и ихъ взаимное отношеніе носятъ общинный, коммунистическій характеръ: территорія и орудія труда составляютъ принадлежность цѣлой группы, а не отдѣльныхъ ея членовъ; главныя отрасли труда выполняются всей общиной; всѣ взрослыя женщины группы состоятъ въ бракѣ со всѣми взрослыми мужчинами группы.

Въ этомъ періодѣ подъ давленіемъ размноженія совершается рядъ великихъ изобрѣтеній и открытій въ техникѣ труда. Человѣкъ приходитъ къ мысли соединять палку съ камнями разнообразной формы и величины; изъ соединенія палки съ острыми камнями получился рядъ важныхъ орудій: копье, топоръ, ножъ; изъ соединенія палки съ тупымъ камнемъ получился молотокъ. Уже эти орудія увеличили производительность народнаго труда и помогли человѣку энергичнѣе вести борьбу съ природой и со звѣрями. Но изобрѣтательность человѣка на этомъ не оста-

новилась: онъ придумалъ плотъ, а затѣмъ лодку, благодаря чему можно было превратить рѣки и озера въ даровые пути сообщенія; онъ познакомился со свойствами огня, научился добывать его и пользоваться имъ для переработки предметовъ, извлекаемыхъ изъ природы; особенно пригодился огонь для обработки металловъ, которыми люди стали замѣнять каменныя части своихъ орудій. Наконецъ, человѣкъ изобрѣлъ самое могучее орудіе древности, позволившее ему смѣло начать борьбу даже съ крупными звѣрями: это былъ лукъ, при помощи котораго можно было издали поражать птицъ и звѣрей.

Первобытное коммунистическое общество состояло изъ нѣсколькихъ десятковъ людей — мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Основнымъ занятіемъ ихъ была попрежнему охота, а также выдѣлываніе орудій труда. Попрежнему люди продолжаютъ бродить, кочевать въ погонѣ за звѣрями. Осѣдлости не было.

Несмотря на усовершенствованіе техники труда экономическія отношенія въ эту пору отличались первобытной простотой: они носили по преимуществу характеръ простого сотрудничества, т.-е. взрослые члены общества, мужчины и женщины, одинаково могли исполнять и исполняли всѣ виды общественнаго труда. Распредѣленіе продуктовъ труда было организовано коммунистически, т. е. зависѣло отъ всего общества, распредѣлявшаго добычу равномѣрно между участниками труда; тогда господствовала воля родового союза, коммуны, опиравшаяся на тысячелѣтній обычай, а этотъ обычай, въ свою очередь, возникъ и окрѣпъ среди тѣхъ трудовыхъ дѣйствій, которыя возможны были въ первобытную эпоху, и при тѣхъ знаніяхъ, которыми располагалъ первобытный человѣкъ.

Принимая равное участіе въ общественномъ трудѣ, вслѣдствіе его простоты, члены общества сохраняли между собою первобытное равенство: не было еще подчиненія однихъ людей другимъ. Не было и подчиненія женщины мужчинѣ. Брака и семьи, въ современномъ смыслѣ этихъ словъ, не существовало: всѣ взрослыя женщины общества естественно считались женами всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, и, наоборотъ, всѣ взрослые мужчины считались мужьями всѣхъ взрослыхъ женщинъ: коммунистическое общество представляло изъ себя огромную семью, въ которой господствовалъ коммунистическій бракъ. Первобытный человѣкъ, въ силу условій его трудовой жизни, обладалъ элементарною цѣлостностью и разнородностью психики,

которыя впослѣдствіи исчезаютъ. Въ коммунистическомъ обществѣ царилъ естественный принципъ равенства и свободы, поскольку этому не препятствовали естественныя различія по возрасту и полу.

Простота техники народнаго труда и экономическихъ отношеній отражалась на умственномъ и вообще духовномъ состояніи людей въ эпоху первобытнаго коммунизма: знаній было мало, идейное творчество еще не начиналось, единаго взгляда на міръ (міровоззрѣнія), а также религіозныхъ представленій не было.

Знанія эти были ничтожны: они состояли изъ небольшого количества практическихъ свѣдѣній, добытыхъ въ узкомъ районѣ трудовыхъ дѣйствій родового союза, и кое-какихъ туманныхъ, проникнутыхъ страхомъ, представленій о мірѣ за предѣлами этого района. Обладая еще ничтожнымъ опытомъ, первобытный человѣкъ плохо разбирался въ явленіяхъ міра: онъ еще не различалъ живого и неживого въ природѣ, безсознательнаго и сознательнаго въ самомъ себѣ. Всѣ предметы и явленія казались ему однородными по существу: онъ видѣлъ въ нихъ только одно свойство — дѣйствіе, приносившее ему пользу или наносившее ему вредъ. Понятій объ естественномъ и сверхъестественномъ у него еще не было.

Соотвѣтственно этому и рѣчь человѣческая была бѣдна и количествомъ словъ, и формами: слова выражали только дѣйствія.

Первобытный родовой коммунизмъ могъ сохраняться только при условіи, если плотность населенія не превышала 0,3 человѣка на квадратный километръ. Когда вслѣдствіе размноженія родовая группа переходила за эти предѣлы, обнаруживался недостатокъ въ средствахъ поддержанія жизни. Группа должна была распадаться на двѣ и занимать разныя территоріи. Этотъ процессъ распаденія продолжался до тѣхъ поръ, пока страна, имѣвшая опредѣленныя естественныя границы, не насыщалась населеніемъ настолько, что дальнѣйшее распаденіе на группы становилось невозможнымъ. Плотность населенія переходила норму, при которой возможенъ былъ родовой коммунизмъ. Тогда наступало состояніе абсолютнаго перенаселенія. При старыхъ пріемахъ труда даровъ природы теперь уже добывалось меньше, чѣмъ нужно было для удовлетворенія потребностей группы. Возникалъ голодъ, сопровождаемый болѣзнями и усиленной

смертностью населенія. Для избавленія себя отъ гибели населеніе данной страны вынуждалось изобрѣтать новые болѣе утонченные способы труда, позволявшіе обезпечить свое существованіе при сокращеніи количества легко добываемыхъ даровъ природы. Когда новые способы воздѣйствія на природу изобрѣтались, населеніе вступало въ новый періодъ своего развитія.

Со вступленіемъ человѣчества въ новый періодъ существованія, отрицательныя черты родового коммунизма—зависимость человѣка отъ природы, тяжесть непрерывной борьбы за существованіе, скудость существованія — постепенно стали сглаживаться изъ памяти людей, а положительныя стороны—цѣлостность человѣческаго существа, отсутствіе власти человѣка надъ человѣкомъ, равенство, свобода, солидарность интересовъ — обобщились въ представленіе о періодѣ особенно счастливой жизни людей въ первобытную эпоху, о золотомъ вѣкѣ, о раѣ.

Остатки первобытнаго родового коммунизма сохранились до сихъ поръ кое гдѣ на земномъ шарѣ, особенно въ мѣстахъ, наиболѣе удаленныхъ отъ тѣхъ путей, по которымъ совершалось движеніе человѣчества впередъ.

7. Эпоха матріархата. Въ предшествующую эпоху женщины, особенно бездѣтныя, занимались общественнымъ трудомъ наравнѣ съ мужчинами: вмѣстѣ съ мужчинами онѣ принимали дѣятельное участіе въ общественныхъ охотничьихъ предпріятіяхъ. Въ особомъ положеніи были женщины-матери.

Природа возложила на женщину обязанность продолжать человѣческій родъ: женщина вынашиваетъ, рождаетъ и кормитъ собственною грудью ребенка; между ребенкомъ и женщиною-матерью существуетъ крѣпкая, устойчивая связь, порождаемая самой природой. Въ сравненіи съ этимъ связь между ребенкомъ и мужчиной-отцемъ ничтожна. Въ первобытную эпоху, когда всѣ помышленія человѣка поглощались вопросомъ о пропитаніи, связь ребенка съ мужчиной-отцомъ даже плохо сознавалась; по крайней мѣрѣ, она не останавливала на себѣ вниманія первобытнаго человѣка. Тогда еще не было семьи въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, т. е. союза, состоящаго изъ мужа-отца, жены-матери и ихъ дѣтей. Отношенія между полами носили коммунистическій характеръ, и отдѣль-

ный мужчина еще не сознавалъ себя отцомъ; сама женщина-мать еще не смотрѣла на того или другого мужчину, какъ на отца ея дѣтей, и дѣти естественно оставались на исключительномъ попеченіи женщины-матери.

На почвѣ такого крупнаго различія въ физіологической связи ребенка съ женщиной-матерью и мужчиной-отцомъ возникло первичное естественное раздѣленіе труда въ первобытномъ родовомъ союзѣ. Мужчина, не связанный ребенкомъ и заботами о немъ, имѣлъ возможность отдать все свое время заботамъ о пропитаніи. Обыкновенно, взрослые мужчины даннаго родового союза, а также взрослыя женщины, не имѣющія дѣтей, образовывали ватагу охотниковъ, занимавшихся выслѣживаніемъ и преслѣдованіемъ крупной дичи, которая, въ случаѣ удачи, тутъ же на мѣстѣ охоты и дѣлилась между ними. Охота была главнымъ занятіемъ взрослыхъ мужчинъ и немногихъ бездѣтныхъ женщинъ, и она должна была развить въ нихъ такія черты, какъ непосѣдливость, склонность къ перемѣнѣ мѣста, энергію, привычку смѣло бороться съ опасностями жизни и т. д.

Иначе устроилась трудовая жизнь женщины-матери. Связанная дѣтьми, она не могла далеко слѣдовать за мужчинами въ ихъ подвижной жизни, полной опасныхъ столкновеній со звѣрями. Ей уже очень рано нужна была хоть какая-нибудь осѣдлость, хоть какой-нибудь пріютъ (пещера, дупло дерева и т. д.), который защищалъ бы ребенка и ее отъ дождя и вѣтра; ей нужно было поддерживать огонь, чтобы защищать ребенка и себя отъ холода; ей нужно было держать у себя всегда запасы пищи для себя и для ребенка. Такъ какъ женщина-мать не могла слишкомъ далеко уходить отъ своего жилища, то она должна была отыскивать себѣ пропитаніе тутъ же, въ его окрестностяхъ. Побуждаемая условіями своей жизни, женщина-мать могла заниматься только мелкой охотой и собираніемъ плодовъ и вообще продуктовъ растительнаго міра. Потребность въ постоянныхъ, хотя бы и скудныхъ, жизненныхъ припасахъ заставляла женщину-мать изощрять умъ надъ способами добыванія ихъ. Она стала приручать звѣрей и держать ихъ при своемъ жилищѣ—тамъ, гдѣ условія мѣстности и животнаго міра позволяли это; она стала разводить въ окрестностяхъ своего жилища хлѣбныя растенія, если это допускалось условіями мѣстности и характеромъ расти-

тельнаго міра; гдѣ можно было, она соединяла вмѣстѣ оба занятія.

Такимъ образомъ, женщина-мать, побуждаемая особыми условіями своей жизни, раньше мужчины вынуждена была стремиться къ осѣдлой жизни и для осуществленія этого стремленія стала присоединять къ основному виду общественнаго труда—охотѣ — новые, ею изобрѣтенные, виды — скотоводство и земледѣліе. Эти виды труда имѣли еще зачаточный характеръ: скотоводство состояло въ томъ, что женщина выращивала найденныхъ дѣтенышей-звѣрей и ихъ потомство; земледѣліе состояло въ томъ, что женщина заостренной палкой дѣлала въ землѣ ямки, въ которыя сажала хлѣбныя зерна. Такимъ образомъ, женщина-мать первая стала создавать нѣчто въ родѣ домашняго очага, вела зачаточное домашнее хозяйство, кормила и держала у себя дѣтей: дѣвочекъ на всю жизнь, а мальчиковъ до ихъ совершеннолѣтія, когда они присоединялись къ ватагѣ мужчинъ-охотниковъ. Такой образъ жизни долженъ былъ развивать въ женщинѣ-матери домовитость, предусмотрительность, отвращеніе къ опасностямъ и дальнимъ передвиженіямъ и способность довольствоваться очень малымъ.

Какъ ни зачаточны были пріемы труда, изобрѣтенные женщиной-матерью, примѣненіе ихъ въ борьбѣ за существованіе давало возможность прокормиться на данной территоріи несравненно большему количеству людей, нежели при исключительномъ господствѣ охоты. Вслѣдствіе этого изобрѣтательница новыхъ видовъ труда, женщина-мать, особенно опытная,—а такой была женщина старая, много потрудившаяся,—пріобрѣтала большое общественное значеніе. Когда коммунистическое общество попадало въ условія, менѣе благопріятныя для охоты, общество обращалось за содѣйствіемъ къ наиболѣе опытной женщинѣ-матери; послѣдняя принимала на себя руководительство въ общественномъ трудѣ, въ его организаціи. Такое общественное состояніе, при которомъ во главѣ общественнаго труда стоитъ старая опытная женщина-мать, называется *матріархатомъ* (властью матери).

Съ этого времени къ старымъ экономическимъ отношеніямъ простого сотрудничества присоединяется зачатокъ сложнаго сотрудничества: одни члены общества, наиболѣе опытные и старые, спеціализируются на организаціи обществен-

наго труда, остальные подъ ихъ руководствомъ совершаютъ трудъ исполнительный; первые руководятъ, приказываютъ, вторые исполняютъ, повинуются. Такимъ образомъ, возникаютъ власть отдѣльнаго лица и подчиненіе цѣлой группы людей этой власти. Такъ возникло первое неравенство.

8. Патріархально-родовая эпоха. Изобрѣтеніе женщиной новыхъ пріемовъ труда сдѣлало существованіе общества болѣе обезпеченнымъ. Однако размноженіе населенія и соотвѣтственное этому сокращеніе охоты заставляло общество усиленнѣе заниматься скотоводствомъ и земледѣліемъ. Женщина, занятая дѣтьми, не могла отдавать этимъ занятіямъ все свое время и всѣ свои силы. Тогда ее сталъ замѣнять свободный отъ дѣтей мужчина. Имѣя возможность удѣлять скотоводству и земледѣлію больше времени и силъ, мужчина въ скоромъ времени не только сравнялся съ женщиной, но и сталъ превосходить ее въ этихъ отрасляхъ труда. Общественный трудъ сталъ производительнѣе. Руководительство отъ старой опытной женщины-матери перешло къ старому еще болѣе опытному мужчинѣ, къ старѣйшинѣ, къ патріарху рода. Матріархатъ смѣнился *патріархатомъ* (властью старѣйшины, мужчины-отца).

Человѣческія общества, подъ вліяніемъ указанныхъ выше причинъ, одни раньше, другія позже, переходятъ на эту новую ступень развитія. Въ зависимости отъ условій мѣстности, одни общества, не покидая охоты, продолжавшей господствовать, по преимуществу развивали скотоводство, особенно въ степяхъ; другія по преимуществу развивали земледѣліе, сначала тоже кочевое; третьи соединяли вмѣстѣ оба занятія.

Появленіе новыхъ занятій увеличило производительность труда. При исключительномъ господствѣ охоты для прокормленія одного человѣка требовалась территорія въ 3 — 4 кв. километра; охота и скотоводство, или охота и земледѣліе могутъ прокормить на этомъ же пространствѣ уже 3 — 4 человѣкъ; охота вмѣстѣ съ скотоводствомъ и земледѣліемъ могутъ на такомъ же пространствѣ прокормить 7—10 ч. Вслѣдствіе этого патріархально-родовое общество уже состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ, а иногда и тысячъ человѣкъ.

Увеличеніе численности обществъ стало приводить ихъ къ столкновенію другъ съ другомъ. Возникали кровопролитныя войны, сопровождавшіяся истребленіемъ побѣжденныхъ и захватомъ ихъ территорій. Эти войны имѣли въ общественномъ

развитіи громадное значеніе: на ряду съ охотой, скотоводствомъ и земледѣліемъ онѣ стали одной изъ важныхъ отраслей общественнаго труда, цѣннымъ способомъ борьбы за существованіе, дававшимъ возможность расширять территорію общественнаго труда и увеличивать количество рабочихъ силъ. Нерѣдко угроза войны заставляла родственныя патріархально-родовыя общества временно заключать между собою оборонительные и наступательные союзы, которымъ пришлось потомъ сыграть важную роль въ общественномъ развитіи. Иногда такіе же союзы заключались и для крупныхъ охотничьихъ и иныхъ предпріятій.

Экономическія отношенія въ патріархально-родовую эпоху начинаютъ быстро развиваться. Когда общество стало многочисленнымъ по составу, старѣйшина-патріархъ лишился возможности лично принимать участіе въ дѣлѣ организаціи всѣхъ отраслей общественнаго труда; поэтому второстепенные виды организаторскаго труда перешли въ руки цѣлаго ряда другихъ опытныхъ членовъ общества, слѣдовавшихъ однако указаніямъ главнаго организатора. Далѣе, усложненіе борьбы за существованіе повело къ окончательному отдѣленію труда организаторскаго отъ исполнительнаго; этому содѣйствовала прежде всего потребность въ организаціи крупныхъ охотничьихъ предпріятій и особенно обороны отъ врага и нападенія на него. Успѣшный исходъ охотничьяго предпріятія, удачное отраженіе врага или побѣдоносное нападеніе на него зависѣли, съ одной стороны, отъ опытности и искусства организатора, а съ другой,—отъ умѣнія членовъ общества быстро приводить въ исполненіе указанія организатора. Опытная, искусная и сильная власть, съ одной стороны, строгая дисциплина и умѣніе повиноваться, съ другой,—таковы главныя требованія, которыя условіями жизни предъявлялись патріархально-родовому обществу въ интересахъ его благополучія. Отъ охотничьихъ и военныхъ предпріятій дисциплина съ ея безпрекословнымъ повиновеніемъ патріарху-вождю постепенно распространяется и на прочія отрасли труда. Такое повиновеніе, помимо его очевидной пользы для родовой группы, становилось неизбѣжнымъ и потому, что распредѣленіе продуктовъ труда, охотничьей и военной добычи, стало постепенно зависѣть отъ воли патріарха-вождя, а не всей родовой группы, какъ это было прежде.

Трудъ организаторскій, обособившись отъ труда исполни-

тельнаго, сдѣлался наслѣдственнымъ, чему содѣйствовалъ рядъ новыхъ обстоятельствъ.

Во-первыхъ, старѣйшина-патріархъ, какъ организаторъ общественнаго труда, завѣдывалъ также распредѣленіемъ его продуктовъ. Такъ какъ трудъ организаціи несравненно сложнѣе труда исполненія, то старѣйшина-патріархъ удѣлялъ себѣ, съ согласія общества, бо́льшую долю продуктовъ, нежели простымъ членамъ общества. Тоже дѣлали и второстепенные организаторы. Вслѣдствіе этого въ рукахъ организаторовъ стала скопляться значительная доля продуктовъ общественнаго труда. Такимъ образомъ, у организаторовъ возникла частная собственность.

Во-вторыхъ, возникновеніе у организаторовъ частной собственности повело къ возникновенію у нихъ особой формы брака — частной: съ цѣлью передать накопленныя богатства своему потомству, организаторы выдѣляли для себя изъ общества нѣсколько женщинъ, которыя становились исключительно ихъ женами. Становясь женами организаторовъ, эти женщины переставали уже заниматься общественнымъ трудомъ: онѣ вели частное хозяйство своихъ мужей и такимъ образомъ становились въ полную зависимость отъ нихъ. Зависимость эта стала сильнѣе въ тѣхъ патріархально-родовыхъ обществахъ, которыя вели частыя войны. Побѣда одного общества надъ другимъ сопровождалась обыкновенно избіеніемъ мужчинъ или обращеніемъ ихъ въ рабовъ; женщины захватывались въ плѣнъ и дѣлились между организаторами. Такія захваченныя въ битвѣ женщины, становясь женами организаторовъ, находились въ домѣ своихъ мужей въ положеніи, мало отличавшемся отъ положенія рабынь. Такъ на ряду съ продолжавшимъ существовать коммунистическимъ бракомъ возникли частный аристократическій бракъ и частная аристократическая семья, состоявшая изъ мужа, нѣсколькихъ женъ и дѣтей („полигамія“). Новыя отношенія, создавшіяся между мужчиной-владыкой и женой-рабыней, постепенно стали распространяться и на женщинъ своего рода, сохранившихъ привычки къ древней свободѣ и независимости. Женщина упорно противилась этому, о чемъ свидѣтельствуютъ преданія многихъ народовъ; но ея борьба за права, въ силу естественнаго хода вещей, должна была потерпѣть крушеніе.

Мало-по-малу среди женщинъ замираютъ преданія о былой свободѣ и независимости, и женщины привыкаютъ смотрѣть на

мужчину, какъ на своего естественнаго владыку и господина. Въ этомъ именно періодѣ на ряду съ понятіемъ матери возникаетъ понятіе отца. Связь между мужчиной и дѣтьми, раньше не замѣчавшаяся, теперь становится болѣе ясной; мужчина дорожитъ ею и старается закрѣпить ее цѣлымъ рядомъ обрядовъ. Власть женщины-матери надъ дѣтьми (матріархатъ) смѣняется властью мужчины-отца (патріархатомъ).

Такъ къ первому неравенству присоединилось второе неравенство.

Бракъ съ женщинами, захваченными въ военномъ походѣ, послужилъ основаніемъ позднѣйшаго обычая похищать у сосѣдей дѣвушекъ для вступленія съ ними въ бракъ.

Подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ въ патріархально-родовыхъ обществахъ создается наслѣдственная богатая аристократія, стоящая во главѣ общественнаго труда.

Скопленіе богатствъ въ рукахъ патріархально-родовой аристократіи послужило основаніемъ для возникновенія обмѣна продуктами труда между родственными и дружественными общинами. Вовлекая патріархально-родовыя общины въ мирныя сношенія другъ съ другомъ, обмѣнъ становится съ этого времени однимъ изъ важныхъ двигателей человѣчества впередъ.

Съ развитіемъ въ патріархальномъ обществѣ раздѣленія труда и съ установленіемъ цѣлаго ряда неравенствъ должны были исчезнуть первобытная цѣлостность и психическая разнородность человѣческаго существа, царившія въ предшествующемъ періодѣ. Благодаря раздѣленію труда организаторскаго и исполнительнаго и сосредоточенію перваго въ рукахъ патріарха и его семьи, появились зародыши индивидуализма: одинъ членъ группы начинаетъ отдѣлять себя отъ всей группы и противополагать ей себя; на ряду съ интересами всей группы возникаютъ интересы лица, руководящаго группой, „личные“ интересы.

Возникновеніе новыхъ экономическихъ отношеній послужило основой для духовнаго развитія людей патріархально-родовой эпохи. Съ расширеніемъ и усложненіемъ труда расширился опытъ, углубились наблюденія, увеличилось количество знаній. Въ то же время впервые началось идейное творчество. Оно проявилось въ выработкѣ перваго цѣльнаго міровоззрѣнія и въ созданіи религіи.

1) Первое цѣльное міровоззрѣніе. Въ основу его легъ характеръ патріархально-родовыхъ экономическихъ отношеній. Общество

существовало благодаря взаимодѣйствію двухъ видовъ труда—организаторскаго и исполнительнаго. Оба труда другъ отъ друга рѣзко отличаются. Организаторскій трудъ сводится къ руководительству, указанію, распоряженію, приказанію; это—трудъ сложный, утонченный, требующій большихъ знаній, способности пониманія и т. п.; къ нему способны рѣдкіе люди. Въ сравненіи съ нимъ исполнительный трудъ, не требующій особеннаго напряженія мысли, простъ, грубъ, доступенъ всякому среднему человѣку. Человѣку патріархально-родовой эпохи организаторскій трудъ представлялся утонченнымъ, высшимъ, необыкновеннымъ; исполнительный трудъ представлялся, наоборотъ, простымъ, низшимъ, обыкновеннымъ. Привыкнувъ къ взаимодѣйствію двухъ основныхъ видовъ общественнаго труда, человѣкъ патріархально-родовой эпохи сталъ разсматривать и объяснять себѣ явленія въ природѣ тоже, какъ результатъ взаимодѣйствія между живыми организаторами и живыми исполнителями, но организаторами необыкновенно могучими и исполнителями необыкновенно искусными. Вся природа стала представляться человѣку состоящей изъ нѣсколькихъ обществъ, руководимыхъ такими организаторами: высшимъ живымъ организаторомъ представлялось солнце, творившее свѣтъ, тепло, растительный и животный міръ; второстепенными организаторами считались тѣ, которые завѣдывали особыми царствами—растительнымъ и животнымъ міромъ, водянымъ міромъ и т. д. Толкуя всѣ явленія природы, какъ результатъ дѣйствія двухъ началъ—высшаго, организаторскаго и низшаго, исполнительнаго, человѣкъ этого періода съ этой точки зрѣнія сталъ разсматривать и самого себя: въ себѣ онъ нашелъ эти же начала—организаторское—душу и исполнительное—тѣло; душа испытываетъ рядъ желаній, стремленій, обдумываетъ ихъ и заставляетъ тѣло приводить ихъ въ исполненіе. Тѣло, какъ начало низшее, умираетъ; душа, какъ начало высшее, не умираетъ, вѣчно живетъ. Переходя отъ себя снова къ природѣ, человѣкъ патріархальнаго періода всюду видѣлъ вещественное начало—тѣло и движущее его начало—душу, духъ.

Такъ возникло первое міровоззрѣніе, основными чертами котораго являются *анимизмъ*, т. е. одушевленіе всей природы, *дуализмъ*, т. е. признаніе двухъ міровыхъ началъ—вещества и духа и *мистицизмъ*, т. е. вѣра въ сверхъестественное и чудесное.

2) Созданіе религіи. Она распадалась на два культа: 1) культъ предковъ-организаторовъ и 2) культъ главныхъ силъ природы.

а) Культъ предковъ-организаторовъ. Культъ предковъ-организаторовъ возникъ въ процессѣ борьбы за существованіе патріархально-родового общества подъ руководствомъ старѣйшины-патріарха. Руководительство патріарха само по себѣ представляло трудъ, превышавшій способности и уровень пониманія обыкновеннаго члена общества. Оно казалось сверхъестественнымъ, когда руководительство патріарха приводило къ блестящимъ побѣдамъ въ борьбѣ за существованіе. Такіе патріархи пользовались у своихъ современниковъ необыкновеннымъ почетомъ. О нихъ складывались разсказы. Въ слѣдующихъ поколѣніяхъ разсказы изображали этихъ патріарховъ въ сверхъестественныхъ чертахъ: о нихъ часто вспоминали; въ тяжелые моменты общественнаго труда обращались къ нимъ съ мольбами о помощи. Такъ возникло почитаніе предковъ и превращеніе ихъ въ боговъ.

Предки-организаторы дѣлились на два разряда: добрыхъ и злыхъ. Добрые предки-организаторы—это тѣ, которые вели общество къ побѣдамъ, руководительство которыхъ увеличивало благополучіе его. Многія общества въ борьбѣ терпѣли пораженіе: ихъ руководителей перебивали, мужчинъ и женщинъ забирали въ плѣнъ. Тяжко было положеніе побѣжденныхъ. Ихъ новый властелинъ представлялся имъ грознымъ, страшнымъ, злымъ. Онъ внушалъ имъ ужасъ. Его надо было умилостивлять безпрекословной покорностью, жертвами. Въ разсказахъ слѣдующихъ поколѣній такіе предки-организаторы рисовались съ сверхъестественными свойствами зла: они превратились въ злыхъ боговъ. Такъ возникло почитаніе злыхъ предковъ-организаторовъ.

б) Культъ силъ природы. Подъ вліяніемъ анимизма и культа предковъ возникъ культъ главныхъ силъ природы. Солнце, съ его свѣтомъ и тепломъ, тьма съ холодомъ, лѣсъ, вода и т. д.—всѣ эти силы природы играютъ первостепенную роль въ развитіи жизни на землѣ. Эти силы—живыя могучія существа: ихъ надо такъ же почитать, какъ и предковъ-организаторовъ. Это—то же боги, добрые и злые. Добрый богъ—солнце, злой—тьма. Между ними происходитъ вѣчная борьба: когда одолѣваетъ добрый богъ—наступаетъ весна, лѣто; когда одолѣваетъ темный—наступаетъ осень, зима. Весной и лѣтомъ происходятъ

страшныя битвы между этими врагами. Богъ тьмы все небо покрываетъ своими полчищами—тучами; богъ свѣта поражаетъ его молніями, заставляетъ проливать драгоцѣнную для жизни живую воду и разсѣиваетъ его полчища. Иногда богу тьмы удается поглощать бога свѣта (затменіе): это—самый страшный и опасный моментъ въ борьбѣ обоихъ боговъ. Но богу свѣта удается вырваться изъ темныхъ объятій врага.

Вокругъ главныхъ моментовъ въ отношеніяхъ обоихъ боговъ создаются разсказы-миѳы, въ которыхъ явленія природы анимистически объясняются. Устанавливается почитаніе организаторовъ природы. Въ потомствѣ разсказы о предкахъ-организаторахъ смѣшиваются съ разсказами объ организаторахъ природы. Культъ предковъ-организаторовъ сливается съ культомъ силъ природы. Устанавливается обычай постоянно обращаться къ богамъ съ молитвами, призывать ихъ на помощь, умилостивлять ихъ жертвами: молитва и жертва, совершаемыя по опредѣленному обряду, становятся важнѣйшимъ средствомъ для приданія народному труду наивысшей успѣшности.

Въ тѣсной связи съ выработкой перваго міровоззрѣнія и созданіемъ религіи находится появленіе первыхъ элементарныхъ, формъ словесныхъ произведеній. Къ нимъ относятся заговоры, при помощи которыхъ привлекали дѣйствіе добрыхъ боговъ и отражали дѣйствіе злыхъ боговъ, молитвы богамъ, пѣсни, которыми сопровождались праздничные обряды, и миѳы, разсказы о богахъ и предкахъ-организаторахъ.

Патріархально-родовая эпоха имѣла громадное вліяніе на развитіе рѣчи: одушевляя всю природу, человѣкъ выразилъ свое отношеніе къ ней въ словахъ, обозначавшихъ предметы и явленія; отсюда — живость и образность языка этой эпохи, оставившія свои слѣды въ языкахъ разныхъ народовъ до настоящаго времени.

9. Эпоха государственнаго строя. Изъ патріархально-родового строя развивается государственный, являющійся въ настоящее время основнымъ строемъ для большинства народовъ.

Уже въ предшествовавшую эпоху между сосѣдними патріархально-родовыми общинами часто возникали временные союзы для совмѣстныхъ предпріятій—охотничьихъ, военныхъ, мѣновыхъ и пр. Во главѣ такихъ предпріятій становился совѣтъ главныхъ организаторовъ каждаго общества и выбранный

имъ вождь. Для удобства руководительства совѣтъ старѣйшинъ избиралъ себѣ наиболѣе удобное на территоріи поселеніе, въ которомъ онъ временно пребывалъ.

Потребность въ постоянныхъ охотничьихъ, военныхъ и мѣновыхъ предпріятіяхъ, необходимость въ охранѣ территоріи и путей сообщенія отъ посягательствъ враговъ превратили временные союзы патріархально-родовыхъ обществъ въ постоянные съ совѣтомъ старѣйшинъ и выбраннымъ имъ вождемъ во главѣ, а временное пребываніе совѣта старѣйшинъ съ вождемъ въ опредѣленномъ поселеніи, въ столицѣ,—въ постоянное. Такой общественный строй носитъ названіе государственнаго.

Общество, въ которомъ установился государственный строй, въ экономическомъ отношеніи распадается на два класса: 1) высшій классъ, аристократію, и 2) низшій, простой народъ.

1) **Высшій классъ.** Высшій классъ образуется изъ организаторовъ патріархально-родовыхъ обществъ. Это—классъ правящій вообще. Ему принадлежитъ руководительство въ производствѣ и въ распредѣленіи. Съ образованіемъ высшаго класса и сосредоточеніемъ его въ городахъ элементъ власти, господства становится сильнѣе, могущественнѣе.

Усложненіе задачъ руководительства и управленія приводитъ къ тому, что въ этомъ классѣ начинается раздѣленіе труда. Часть этого класса занимается по преимуществу непосредственнымъ управленіемъ въ общественномъ трудѣ; это—свѣтская часть правящаго класса. Сообразно общественнымъ потребностямъ она распадается на классъ военный, задача котораго состоитъ въ охранѣ государства отъ нападеній сосѣдей-враговъ, и классъ административно-судебный, задача котораго заключается въ руководительствѣ различными отраслями общественнаго труда, а также въ устраненіи и регулированіи столкновеній между трудящимися. Другая часть занимается по преимуществу выработкой идей; это — духовная часть правящаго класса; она—хранительница общественнаго опыта и наблюденія; она завѣдуетъ отношеніями общества къ богамъ, руководитъ общественными молитвами и жертвоприношеніями; она устанавливаетъ нравственныя понятія и руководитъ нравственными отношеніями въ обществѣ; въ этой части правящаго класса обыкновенно возникаетъ литературное творчество.

Между обѣими вѣтвями правящаго класса существуетъ

тѣсная связь и постоянное общеніе: свѣтская часть аристократіи въ знаніяхъ духовной почерпаетъ указанія для лучшаго руководительства въ общественномъ трудѣ; нерѣдко изъ свѣтской части аристократіи выдѣляются лица, способныя къ литературно-идейному творчеству, и, наоборотъ, изъ духовной части выдѣляются лица, способныя къ административно-судебной дѣятельности.

2) **Низшій классъ.** Низшій классъ слагается изъ тѣхъ частей патріархально-родовыхъ обществъ, которыя изъ вѣка въ вѣкъ совершали исполнительную работу. Онъ образуетъ массу городского и сельскаго населенія съ второстепенными организаторами во главѣ. Эта часть общества, издревле привыкшая къ руководительству старѣйшинъ и постоянно удѣлявшая имъ долю продуктовъ, продолжаетъ подчиняться и давать дань и послѣ того, какъ ея главные руководители окончательно обособились.

За свой трудъ простой человѣкъ въ патріархально-родовую эпоху получалъ отъ старѣйшины-патріарха меньшую долю продуктовъ, нежели самъ патріархъ. Когда же возникаетъ государство съ его сложными задачами, простому человѣку приходится выдѣлять изъ своего заработка все большую и большую долю на государственныя нужды. Такимъ образомъ, съ образованіемъ государства правящіе элементы общества, сильные своими богатствами и объединеніемъ, продолжаютъ быстро богатѣть, а управляемые продолжаютъ испытывать всѣ тягости борьбы за существованіе.

Ростъ богатствъ въ рукахъ правящаго класса и соотвѣтственное этому обѣднѣніе низшаго порождаютъ въ послѣднемъ недовольство. Низшій классъ поднимаетъ борьбу противъ высшаго. Такимъ образомъ, въ государственную эпоху общественная борьба съ природой осложняется борьбой классовъ внутри общества. Борьба классовъ является характерной чертой для государственнаго строя общества.

Духовное развитіе среди низшаго класса совершается съ великимъ трудомъ; идейно-литературное творчество первоначально почти совершенно отсутствуетъ у него; сохраняя міровоззрѣніе до-государственное и древнѣйшія словесныя формы, низшій классъ заимствуетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, у правящихъ классовъ ихъ идеи и продукты идейно-литературнаго творчества и перерабатываетъ ихъ сообразно съ своими

условіями существованія. Обыкновенно идейно-литературное творчество въ низшемъ классѣ возникаетъ сначала въ городахъ, а затѣмъ уже передается и въ села.

Государство въ своемъ развитіи переживаетъ нѣсколько эпохъ, изъ которыхъ главными являются слѣдующія: 1) эпоха княжеско-дружинной государственности, отличительной особенностью которой является организація на широкихъ началахъ обмѣна продуктовъ охоты (въ широкомъ смыслѣ слова) на предметы обрабатывающей промышленности сосѣднихъ болѣе культурныхъ странъ, 2) эпоха феодальной государственности, отличительной особенностью которой является болѣе или менѣе самостоятельная организація крупныхъ и мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ, и 3) эпоха буржуазной государственности, отличительной особенностью которой является организація торгово-промышленнаго хозяйства. Переходъ отъ феодальной государственности къ буржуазной обыкновенно сопровождается, такъ называемыми, великими революціями. Буржуазная государственность въ чистомъ видѣ является достояніемъ еще очень немногихъ народовъ: преобладающимъ типомъ государственности въ настоящее время является государственность смѣшанная, феодально-буржуазная съ перевѣсомъ феодальнаго начала.

10. Вліяніе иностранныхъ государствъ на народное развитіе. Народы, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій борьбы за существованіе, развиваются — одни быстрѣе, другіе медленнѣе. Этимъ обстоятельствомъ создается новый важный дѣятель въ народномъ развитіи, въ дополненіе къ указаннымъ выше (§ 3): болѣе развитый народъ своею техникой труда, экономическими отношеніями, идеями и т. д. пріобрѣтаетъ вліяніе на сосѣдній, менѣе развитый; послѣдній, опасаясь потери своей независимости, усиленно подражаетъ ему, чтобы сравняться съ нимъ въ борьбѣ за существованіе. Это приводитъ къ тому, что менѣе развитый народъ проходитъ основныя ступени своего развитія быстрѣе, чѣмъ онъ прошелъ бы ихъ подъ вліяніемъ однихъ только внутреннихъ факторовъ развитія.

11. Термины „словесность“, „письменность“, „литература“. По мѣрѣ того, какъ у людей въ ихъ совмѣстной трудовой дѣятельности накоплялся и обобщался опытъ, возникала потребность въ наилучшей передачѣ его другъ другу и потомкамъ. Орудіемъ для этой передачи послужило слово. Народный опытъ, передаваемый при помощи слова, образовалъ

особаго рода произведенія, которыя получили названіе словесныхъ. Такимъ образомъ, *словеснымъ* произведеніемъ въ широкомъ смыслѣ слова, мы называемъ выраженіе при помощи слова—устно, письменно или печатно—передаваемаго изъ поколѣнія въ поколѣніе народнаго опыта въ той или другой области человѣческой жизни.

Словесныя произведенія, соотвѣтственно объему опыта первобытнаго народа сначала краткія, потомъ болѣе пространныя, первоначально передавались устно, образовавъ группу произведеній, называемыхъ *словесностью* въ узкомъ смыслѣ слова.

Съ усложненіемъ жизни, когда естественная память отказывалась сохранять расширявшійся народный опытъ, явилась потребность въ особыхъ способахъ его сохраненія и передачи. Этой потребности удовлетворили письменные знаки. Словесныя произведенія, подвергнутыя записи, оказались способными сохраняться и передаваться съ гораздо большею точностью и неизмѣнностью, нежели при устной передачѣ. Совокупность такихъ произведеній получила названіе *письменности*.

Но и письмо, при всѣхъ его преимуществахъ сравнительно съ устной передачей, оказалось недостаточнымъ, когда народное развитіе пріобрѣло ускоренный ходъ. По своей медленности, кропотливости оно не могло удовлетворить потребности въ быстротѣ и широтѣ передачи растущаго опыта. Тогда изобрѣтенъ былъ печатный станокъ, при помощи котораго можно быстро увѣковѣчить народный опытъ и распространить его въ множествѣ экземпляровъ дешевыхъ книгъ, брошюръ, листковъ, газетъ и т. д. Совокупность произведеній печатныхъ, а также и письменныхъ носитъ особое названіе—*литература* (отъ латинскаго слова littera, что значитъ буква).

Изъ трехъ словъ, употребляемыхъ для обозначенія словесныхъ произведеній, наиболѣе часто пользуются словомъ „литература“. Повидимому, этому слову предстоитъ съ теченіемъ времени вытѣснить термины словесность и письменность и вмѣстѣ съ тѣмъ впитать въ себя и обозначаемые ими оттѣнки; иными словами, терминъ „литература“ имѣетъ тенденцію обозначать всякаго рода словесныя произведенія—устныя, письменныя и печатныя.

12. Поэзія и проза. Народный опытъ можетъ быть передаваемъ при помощи слова двояко: поэтически и прозаически.

Это ведетъ къ возникновенію произведеній двоякаго рода: поэтическихъ и прозаическихъ.

При поэтической передачѣ народный опытъ выражается при помощи живыхъ образовъ, въ которыхъ съ особенною яркостью подчеркиваются и преувеличиваются элементы пережитаго опыта, наиболѣе почему либо задѣвшіе или потрясшіе народную психику, и въ которыхъ, прочіе элементы оставляются безъ вниманія (такъ называемое, „прекрасное“).

Въ первобытную эпоху преобладала поэтическая передача народнаго опыта. Вслѣдствіе отсутствія письменности, этотъ опытъ съ теченіемъ времени подвергался въ тѣхъ или другихъ частяхъ своихъ или забвенію, или видоизмѣненію подъ вліяніемъ новаго опыта.

Прозаическая передача носитъ иной характеръ: она состоитъ въ томъ, что народный опытъ передается не въ живыхъ образахъ съ ихъ подчеркиваніями, преувеличеніями или игнорированіемъ, а при посредствѣ понятій, цѣль которыхъ состоитъ въ возможно болѣе точномъ воспроизведеніи народнаго опыта въ его существенныхъ элементахъ. Этой передачѣ могли подлежать по преимуществу такіе элементы общественнаго опыта, которые наиболѣе тѣсно связаны съ повседневною трудовою дѣятельностью народа, знаніе и пониманіе которыхъ особенно важно въ интересахъ успѣшности народнаго труда. Въ первобытную эпоху эти повседневные элементы народнаго опыта передавались по преимуществу на практикѣ и въ меньшей степени при посредствѣ словесныхъ произведеній. Прозаическіе элементы опыта входили тогда въ словесныя устныя произведенія, какъ часть, подчиненная поэтическому воспроизведенію опыта. Съ усложненіемъ техники народнаго труда прозаическая обработка народнаго опыта должна была получить большее значеніе и даже взять перевѣсъ надъ обработкой поэтической.

13. Исторія литературы и ея задачи. Произведенія человѣческаго слова, поэтическія и прозаическія, отличаются большимъ разнообразіемъ и по содержанію, и по формѣ. По содержанію прозаическія произведенія раздѣляются, напр., на научныя, философскія, публицистическія, критическія и пр.; поэтическія — на лирическія, эпическія, драматическія и пр. По формѣ произведенія могутъ представлять описаніе, повѣствованіе, разсужденіе и пр.

Исторія литературы разсматриваетъ какъ поэтическія, такъ и прозаическія произведенія, въ какой бы формѣ они ни были выражены. Но не всякое произведеніе, поэтическое или прозаическое, можетъ сдѣлаться предметомъ разсмотрѣнія въ исторіи литературы.

Исторія какого бы то ни было предмета имѣетъ дѣло прежде всего съ его *развитіемъ*, съ рядомъ его послѣдовательныхъ измѣненій на протяженіи опредѣленнаго промежутка времени; она отмѣчаетъ особенности даннаго предмета или явленія, указываетъ условія, при которыхъ предметъ или явленіе зародились, отмѣчаетъ ту сумму измѣненій, черезъ которыя предметъ или явленіе проходятъ во время своего роста, и ту сумму измѣненій, черезъ которыя они проходятъ во время своего упадка и разложенія.

Исторія литературы имѣетъ цѣлью прослѣдить условія зарожденія, роста и упадка литературы даннаго народа. Поэтому для нея интересны лишь такія словесныя произведенія, которыя отмѣчаютъ собою опредѣленную ступень въ этомъ процессѣ послѣдовательнаго развитія, въ чемъ бы эта ступень ни заключалась—въ новой ли формѣ, или въ новомъ содержаніи. Тѣ же произведенія слова, въ которыхъ излагается сумма знаній, уже извѣстныхъ и давно добытыхъ наукой, или въ которыхъ даются хотя бы и новыя знанія, но не имѣющія важнаго общаго значенія, или въ которыхъ выведены образы и выражены чувства и настроенія, уже болѣе или менѣе знакомыя изъ предыдущихъ литературныхъ произведеній,—словомъ, всѣ тѣ произведенія, въ которыхъ не выражается движеніе всей литературы впередъ, не входятъ въ исторію литературы.

Такимъ образомъ, задачи исторіи литературы, какъ науки, состоятъ въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ, исторія литературы прежде всего изъ всей массы устныхъ, письменныхъ и печатныхъ произведеній выдѣляетъ такія, которыя представляютъ новое явленіе въ процессѣ литературнаго развитія даннаго народа.

Во-вторыхъ, исторія литературы опредѣляетъ основные моменты (періоды, эпохи) въ процессѣ развитія литературы даннаго народа отъ ея возникновенія и до опредѣленнаго хронологическаго пункта, устанавливаетъ характерныя черты каждаго такого момента, объясняетъ ихъ происхожденіе, т. е. устанавливаетъ причинную связь между ними и породившими ихъ

моментами въ развитіи даннаго народа вообще и указываетъ значеніе каждаго основного момента въ процессѣ литературнаго развитія.

Въ-третьихъ, исторія литературы излагаетъ въ послѣдовательной связи, по періодамъ и эпохамъ, факты и явленія, изъ которыхъ складывается литература каждаго періода и которые распадаются на два разряда: 1) факты и явленія, связанные съ содержаніемъ и формой произведеній даннаго автора, и 2) факты и событія, связанные съ личностью, жизнью и литературною дѣятельностью автора.

Въ-четвертыхъ, исторія литературы выдѣляетъ особенности содержанія и формы словесныхъ произведеній и объясняетъ ихъ происхожденіе, т. е. устанавливаетъ причинную связь между этими особенностями и породившими ихъ фактами.

Въ-пятыхъ, исторія литературы опредѣляетъ значеніе разсмотрѣнныхъ словесныхъ произведеній и ихъ авторовъ въ процессѣ развитія данной литературы.

14. Методъ исторіи литературы. Отдѣльное литературное произведеніе съ перваго взгляда кажется плодомъ творчества отдѣльнаго лица. И дѣйствительно, во всякомъ литературномъ произведеніи отражается въ большей или меньшей степени, въ той или иной формѣ, прежде всего личность автора, его индивидуальныя переживанія, его общественныя, умственныя и нравственныя стремленія.

Поэтому, *во-первыхъ*, исторія литературы, для уясненія особенностей даннаго произведенія, изучаетъ его, гдѣ только это возможно, въ связи съ фактами изъ жизни автора, т.-е. въ связи съ его біографіей.

Во-вторыхъ. Сумма переживаній, испытанныхъ авторомъ, его общественныя, умственныя и нравственныя стремленія, въ цѣломъ, никогда не составляютъ его личной принадлежности. Авторъ, по рожденію или по воспитанію, или по обстоятельствамъ жизни, или даже просто по своимъ тяготѣніямъ, принадлежитъ къ одному изъ тѣхъ классовъ населенія, на которые распадается всякій народъ въ процессѣ борьбы за существованіе, какъ, напр., дворяне-землевладѣльцы, крестьяне, мѣщане, купцы, капиталисты, рабочіе, чиновники и пр. Вращаясь среди опредѣленнаго класса, выполняющаго опредѣленную общественно-трудовую задачу, живя и дѣйствуя совмѣстно съ прочими членами этого класса, авторъ неизбѣжно усваиваетъ жизненный

опытъ послѣдняго, проникается его духомъ, его интересами и стремленіями. Въ міровоззрѣніе автора входитъ цѣлый рядъ идей, которыя являются неизбѣжнымъ достояніемъ даннаго класса населенія съ его опредѣленнымъ положеніемъ въ борьбѣ за существованіе. Поэтому во всякомъ литературномъ произведеніи отражается не только личность автора съ его индивидуальнымъ опытомъ, но и общественное, умственное и нравственное состояніе того класса населенія, къ которому авторъ примыкаетъ. Для болѣе широкаго пониманія даннаго литературнаго произведенія исторія литературы изучаетъ его не только въ связи съ біографіей автора, но и въ связи съ состояніемъ того общественнаго класса, представителемъ котораго является авторъ.

Въ-третьихъ. Общественные классы даннаго народа находятся въ различныя этохи его существованія въ различныхъ отношеніяхъ другъ къ другу: одни классы являются въ большей или меньшей степени руководящими, организующими въ процессѣ борьбы за существованіе, другіе — подчиненными, исполняющими указанія первыхъ; одни принимаютъ въ созданіи національной культуры активное участіе, другіе — лишь пассивное. Такъ, въ эпоху крѣпостного права организующимъ классомъ было у насъ землевладѣльческое дворянство, а крестьяне играли роль подчиненную. Въ эпоху пореформенную преобладающее значеніе получила выдѣлившаяся изъ дворянскаго землевладѣльческаго класса высшая бюрократія, а остальные классы исполняли ея предначертанія. Такимъ образомъ, общественные классы находятся въ опредѣленныхъ исторически создающихся отношеніяхъ, и эти отношенія образуютъ своего рода равнодѣйствующую, которая придаетъ всему народу извѣстную цѣльность или единство и, налагая на него ту или другую окраску, образуетъ такимъ образомъ характеръ народа въ данную эпоху. Этотъ особый характеръ называется національностью. Авторъ словеснаго произведенія выражаетъ въ немъ не только свой личный и классовой опытъ, но и опытъ національный, т. е. тѣ думы, стремленія, чувства, интересы и идеалы, которые присущи его обществу-народу въ данный моментъ его борьбы за существованіе съ природой. Поэтому исторія литературы разсматриваетъ литературное произведеніе не только въ связи съ жизнью автора, въ связи съ состояніемъ общественнаго класса, къ которому онъ принадлежитъ, но и въ связи съ общественнымъ, умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ всего народа.

Въ-четвертыхъ. Состояніе народа, какъ опредѣленной системы классовъ населенія, обусловливается отношеніемъ его къ природѣ той территоріи, которая досталась ему въ удѣлъ. Для поддержанія своего существованія народъ долженъ, съ одной стороны, при помощи неустаннаго труда добывать изъ окружающей его природы необходимые продукты, а съ другой— подвергать ихъ разнообразной переработкѣ для того, чтобы сдѣлать ихъ годными къ употребленію. Въ этой трудовой дѣятельности народъ, въ зависимости отъ цѣлаго ряда причинъ, изъ которыхъ особенное значеніе имѣетъ плотность населенія, можетъ проявить большее или меньшее умѣніе и искусство. Чѣмъ рѣже населеніе въ данной мѣстности, тѣмъ меньше требуется умѣнія и искусства для добыванія того, что даромъ предлагается природой; чѣмъ населеніе становится гуще, тѣмъ меньше становится легко добываемыхъ продуктовъ, тѣмъ борьба за существованіе становится труднѣе. Подъ угрозой страданій и смерти отъ голода является необходимость въ улучшеніи способовъ борьбы съ природой; техника трудовой дѣятельности измѣняется къ лучшему, а съ ея измѣненіемъ неизбѣжно измѣняются и взаимныя отношенія классовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что и отношенія народа къ природѣ, иначе говоря, техника его борьбы за существованіе, имѣющая столь огромное вліяніе на общественный строй, не могутъ не отражаться въ литературныхъ произведеніяхъ. Литературное произведеніе въ его формѣ и содержаніи не можетъ быть понято надлежащимъ образомъ, если оно не приведено въ связь съ характеромъ общественно-трудовыхъ воздѣйствій народа на природу.

Въ-пятыхъ. Общественное, умственное и нравственное состояніе даннаго народа обусловливается не одними только технически-трудовыми отношеніями къ природѣ данной территоріи. Всякій народъ живетъ по сосѣдству съ цѣлымъ рядомъ другихъ народовъ, съ которыми онъ находится въ опредѣленномъ взаимодѣйствіи. Одинъ народъ искуснѣе въ борьбѣ за существованіе, культурнѣе и просвѣщеннѣе другого; его общественное состояніе выше, чѣмъ у другого. Въ силу этого менѣе культурный народъ волей-неволей испытываетъ вліяніе со стороны болѣе культурнаго и дѣлаетъ у него рядъ заимствованій. Поэтому въ литературныхъ произведеніяхъ даннаго народа можетъ отражаться общественное, умственное и нравственное состояніе другого, болѣе развитаго народа. Это обстоя-

тельство приводитъ къ тому, что исторія литературы изучаетъ литературное произведеніе не только въ связи съ личностью автора, въ связи съ состояніемъ общественнаго класса, къ которому онъ принадлежитъ, въ связи съ общимъ состояніемъ всего народа, обусловливаемымъ его отношеніемъ къ природѣ,— но и въ связи съ состояніемъ сосѣднихъ болѣе культурныхъ народовъ, оказавшихъ въ той или другой формѣ вліяніе на данный народъ.

15. Исторія русской литературы. Исторія русской литературы имѣетъ дѣло съ словесными произведеніями, созданными русскимъ народомъ. Задача ея состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть словесныя произведенія русскаго творчества въ послѣдовательной смѣнѣ ихъ подъ вліяніемъ развитія русскаго народа.

16. Славяне. Русскіе принадлежатъ къ обширному славянскому племени, занимающему болѣе половины Европы. Въ свою очередь славяне составляютъ отрасль аріо-европейской расы и такимъ образомъ родственны физически, духовно и по языку грекамъ, римлянамъ, кельтамъ, германцамъ и литовцамъ — съ одной стороны, и армянамъ, иранцамъ и индусамъ — съ другой. Имѣя свои особенности, отличающія ихъ отъ этихъ племенъ, славяне сходны съ ними въ общихъ расовыхъ чертахъ, составлявшихъ нѣкогда принадлежность аріо-европейской расы, когда послѣдняя еще не распалась на отдѣльныя племена. Вмѣстѣ съ литовцами славяне представляютъ промежуточное звено между арійцами Азіи (индусы, иранцы, армяне) и западными европейцами (греки, италійцы, кельты, германцы).

Въ Европу славяне, какъ предполагаютъ, явились изъ Азіи, и притомъ позже остальныхъ западныхъ европейцевъ. На своей новой родинѣ они въ теченіе долгаго времени не находили себѣ постояннаго пристанища.

Наиболѣе раннее воспоминаніе, сохранившееся въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, застаетъ славянъ на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ. Здѣсь на нихъ напалъ народъ волхи, или волохи, подъ которыми разумѣютъ римлянъ (волохи—влахи—Vlassii—Latii—латиняне). Вѣроятно, это воспоминаніе является отголоскомъ завоеванія римскимъ императоромъ Траяномъ (въ началѣ II в. послѣ Р. Х.) Дакійскаго царства, въ составъ котораго, повидимому, входили и славяне. Отсюда часть сла-

вянъ начала передвигаться на сѣверо-востокъ. Это передвиженіе продолжалось очень долго. Въ промежуткѣ времени отъ II и до VII вѣка исторія застаетъ славянъ въ области, занятой Карпатскимъ нагорьемъ. Здѣсь славяне образовали военный союзъ, подъ предводительствомъ восточно-славянскаго племени дулѣбовъ (волынянъ), занимавшаго сѣверо-восточный край Карпатъ. Съ III вѣка этотъ союзъ производитъ, при помощи отдѣльныхъ дружинъ, усиленныя вторженія на Балканскій полуостровъ. Результатомъ этихъ вторженій явилось постепенное заселеніе Балканскаго полуострова славянами.

Въ III вѣкѣ послѣ Р. Х. восточно-европейская равнина подверглась нашествію германскаго племени готовъ, двинувшихся съ Балтійскаго моря и проникшихъ по Черному морю даже въ Византію. Въ IV вѣкѣ предводитель готовъ Германарихъ основалъ между Днѣпромъ и устьемъ Дуная обширное царство, въ составъ котораго вошли и славяне, извѣстные тогда подъ именемъ венетовъ. Царство готовъ не долго просуществовало на югѣ восточно-европейской равнины: оно въ IV же вѣкѣ пало подъ ударами туранскаго племени, гунновъ, и часть готовъ вмѣстѣ со славянами вошла на время въ составъ новаго царства — гуннскаго. Гуннское царство въ свою очередь распалось въ V вѣкѣ. Послѣ этого славяне становятся извѣстны подъ именами склавеновъ и антовъ. Въ VI—VII вѣкахъ славяне претерпѣли нашествіе новаго туранскаго племени—аваровъ (обровъ). Нашествіе аваровъ пріостановило вторженіе славянъ въ Византійскую имперію и, съ другой стороны, послужило, вѣроятно, причиной разселенія славянъ во всѣ стороны отъ Карпатскаго нагорья. Для такого разселенія наступили благопріятныя условія: въ V и VI вѣкахъ въ средней и восточной Европѣ освобождается много мѣстъ, занятыхъ раньше германскими племенами. Одни славянскія племена заняли въ V и VI вв. среднюю Европу и сѣверную часть Балканскаго полуострова, образовавъ государства Чешское, Хорватское, Болгарское; въ мѣста, которыя раньше заняты были готами, устремились восточные славяне, русскіе, а на мѣстахъ, которыя были раньше заняты вандалами и бургундами, поселились ляхи.

Къ IX-му в. послѣ Р. Х. исторія застаетъ славянъ раздѣленными на три отрасли, которыя занимаютъ опредѣлен-

ныя территоріи, сохраняемыя ими большею частью и до настоящаго времени.

Эти отрасли суть слѣдующія: 1) западные славяне: чехи и моравы (въ предѣлахъ нынѣшней Австро-Венгріи) и поляки (въ предѣлахъ западной Россіи, восточной Германіи и сѣверо-восточной Австро-Венгріи), 2) южные славяне: сербы и хорваты (въ сѣверо-западной части Балканскаго полуострова и въ сосѣднихъ частяхъ Австро-Венгріи) и болгары (въ сѣверо-восточной части Балканскаго полуострова), 3) восточные славяне, или русскіе (Россія и сѣверо-восточная часть Австро-Венгріи).

Судьба этихъ отраслей славянства была различна. Однѣ изъ нихъ, какъ, напр., чехи, а затѣмъ южные славяне, сербы и болгары, не въ силахъ были сохранить свою самостоятельность и вынуждены были войти въ составъ другихъ государствъ, какъ подчиненныя части; такъ, чехи подчинились Австріи и до сихъ поръ еще не пользуются политической свободой; южные славяне еще до паденія Византіи сдѣлались добычей турокъ и только во второй половинѣ XIX-го в. пріобрѣтаютъ политическую независимость; гораздо дольше, именно до конца XVIII-го в., самостоятельно развивалась Польша,—но и она не выдержала борьбы съ сосѣдями и потеряла свою политическую свободу. Только одна Россія успѣла создать сильное государство, которое, за исключеніемъ двухъ съ половиною вѣковъ татарскаго ига, сохранило свою самостоятельность съ IX-го в. и по настоящее время.

17. Бытъ славянъ въ эпоху ихъ разселенія. Въ эпоху разселенія бытъ славянъ покоился на основахъ патріархально-родовыхъ отношеній съ сильной примѣсью остатковъ первобытнаго родового коммунизма. Славяне дробились на родовые союзы, во главѣ которыхъ находились родовые старѣйшины или племенные князья въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколько родовъ объединялись для военныхъ цѣлей въ племенной союзъ, причемъ родовые старѣйшины для обсужденія общихъ дѣлъ собирались на совѣщанія.

Главными способами борьбы за существованіе у славянъ были звѣроловство, рыболовство и добываніе плодовъ, т. е., занятія, бывшія почти единственными въ предшествующую эпоху развитія, въ эпоху коммунистическаго родового быта; на ряду съ этими занятіями у нихъ уже имѣлось скотоводство

и пчеловодство, разумѣется, въ примитивныхъ еще формахъ; были у нихъ и зачатки земледѣлія, хотя земледѣліе, какъ способъ борьбы за существованіе, требующій чрезмѣрнаго напряженія силъ, еще не пользовалось у славянъ такимъ вниманіемъ, какъ въ болѣе позднія эпохи, когда легко добываемые естественные дары природы, съ увеличеніемъ населенія, должны были истощиться. Обрабатывающая промышленность вполнѣ соотвѣтствовала простотѣ способовъ добыванія и сводилась главнымъ образомъ къ гончарному и кузнечному искусствамъ.

Въ религіи славянъ этой поры имѣются уже два элемента: съ одной стороны, у нихъ существуетъ культъ предковъ-организаторовъ рода, а съ другой — у нихъ наблюдается въ представленіяхъ о природѣ анимизмъ, т. е. надѣленіе явленій и предметовъ природы человѣческой психикой вообще и въ частности перенесеніе на могущественныя силы природы чертъ обожествленныхъ предковъ-организаторовъ. Высшимъ богомъ у славянъ былъ Перунъ, богъ грома и молніи, небесный воитель, поражающій своими огненными стрѣлами страшныхъ чудовищъ — тучъ и заставляющій ихъ разражаться благодатнымъ для плодородія дождемъ. Съ Перуномъ, небеснымъ воителемъ, у славянъ соединялось не совсѣмъ опредѣленное представленіе о небѣ, которое является съ одной стороны отцомъ Перуна, а съ другой — его соперникомъ: это — богъ Сварогъ. У Сварога есть дѣти: Дажьбогъ (дай богатство) — это солнце (другое названіе этого бога — Хорсъ); это — богъ, который долженъ былъ пріобрѣсти большое значеніе у той части славянства, которая по преимуществу стала заниматься скотоводствомъ и земледѣліемъ. Другой сынъ Сварога — „Сварожичъ“ — Волосъ, или Велесъ, подъ которымъ разумѣлось тоже солнце; это — „скотій“ богъ, богъ покровитель и хранитель стадъ, богъ поэзіи, богъ, особенно почитаемый у славянъ-звѣролововъ и скотоводовъ.

Надѣляя предметы и явленія природы живой душой, привыкши смотрѣть на психику, какъ на начало активное, организующее, славянинъ, какъ и другіе народы патріархально-родового періода, убѣжденъ былъ въ томъ, что жизнь продолжается и за гробомъ.

Подъ вліяніемъ простоты быта славяне обладали оригинальными чертами, обращавшими на себя вниманіе болѣе культурныхъ сосѣдей. Такъ, иностранцы отмѣчали необыкно-

венное простодушіе славянъ, ихъ неиспорченность, отсутствіе коварства и замѣчательное гостепріимство. Таковы они были у себя дома. Но зато на войнѣ они проявляли крайнюю жестокость и варварство: отсутствіе военнаго искусства они возмѣщали личною храбростью и свирѣпостью.

18. Великая восточно-европейская равнина. Разойдясь въ разныя стороны съ Карпатскаго нагорья, отдѣльныя славянскія племена попали въ новыя географическія, этнографическія и историческія условія существованія, которыя должны были или дальше поддерживать тѣ или другія стороны патріархально-родового быта, или же дѣйствовать на нихъ разрушительно и побуждать создавать на ихъ мѣсто новыя отношенія. Русскіе славяне колонизировали восточно-европейскую равнину.

Восточно-европейская равнина отличается громадностью размѣровъ: она занимаетъ около половины всего европейскаго материка. Въ глубокой древности эта равнина почти вся была дномъ моря, берегами котораго служили Карпатскія горы и Уральскій хребетъ. Каспійское и Аральское моря представляютъ остатки этого древняго громаднаго моря. Такимъ происхожденіемъ восточной Европы объясняется общій характеръ равнинности, свойственный ей и лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ нарушаемый плоскими возвышенностями умѣренной высоты, не болѣе 470 метровъ надъ уровнемъ моря. Изъ этихъ возвышенностей особенное значеніе имѣетъ Среднерусская, которая начинается въ Новгородской губерніи и тянется на югъ до Харьковской губ. и Области Войска Донского. На сѣверѣ Средне-русская возвышенность образуетъ Алаунское плоскогоріе и Валдайскія горы, поднимающіяся на 240—260 метровъ. Эти горы служатъ главнымъ водораздѣломъ въ Восточной Европѣ: отсюда развертывается почти во всѣ стороны равнины громадная рѣчная сѣть, составляющаяся изъ большихъ рѣкъ, какъ, напр., Днѣпръ, Донъ, Волга и т. д. Такое распредѣленіе рѣкъ должно было способствовать разселенію по всей равнинѣ: рѣка, съ одной стороны, — наиболѣе удобный и легкій путь для передвиженія, а съ другой — своими рыбными богатствами, легко добываемыми, и прѣсной водой — прекрасный источникъ для пропитанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточеніе истоковъ главнѣйшихъ рѣкъ въ сѣверной части Средне-русской возвышенности должно было

сыграть весьма важную роль среди той части населенія, въ руки которой эти истоки попадутъ, естественно побуждая ее стремиться къ овладѣнію рѣками на всемъ ихъ протяженіи, слѣдовательно, къ объединенію всего населенія восточно-европейской равнины.

Въ растительномъ отношеніи восточно-европейская равнина дѣлится на двѣ, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга части: сѣверная и средняя часть равнины и теперь еще лѣсисты, а въ древности онѣ были покрыты густыми лѣсами, изобиловавшими дикими пушными звѣрями, птицами и пчелами; южная и юго-восточная часть представляетъ сплошную степь, которая черезъ Каспійскія ворота, между устьемъ Урала и Уральскимъ хребтомъ, сливается съ средне-азіатскими степями. Лѣсистая часть равнины должна была давать населенію дерево, кору, плоды, мясо и шкуры животныхъ. Степная часть, покрытая густою травою, представляла мѣстность, прекрасную для кочевья. И дѣйствительно, сюда изъ Азіи часто появлялись скотоводы-кочевники, которымъ суждено было играть важную роль въ исторіи русскихъ славянъ.

Восточно-европейская равнина еще до Р. Х. представляла мѣстность, по которой совершались торговыя сношенія между западомъ и востокомъ, между югомъ и сѣверомъ. Въ этой равнинѣ скрещивался рядъ міровыхъ торговыхъ путей съ юга, востока и запада. Съ юга, сначала изъ Финикіи, а потомъ изъ Греціи и Византіи шла дорога на сѣверъ, по Черному морю и Днѣпру; отъ Днѣпра дальше путь шелъ волокомъ (т. е. суда перетаскивали посуху) до истоковъ З. Двины; отсюда путь развѣтвлялся: одинъ поворачивалъ на западъ по Двинѣ къ берегамъ Балтійскаго моря, а другой шелъ дальше къ р. Ловати, по озеру Ильменю, по р. Волхову, Ладожскому озеру, р. Невѣ и Финскому заливу до береговъ Скандинавіи. Это—такъ называемый въ нашихъ лѣтописяхъ „великій путь изъ варягъ въ греки“. Торговому движенію, совершавшемуся по этой дорогѣ, дали толчокъ греки, которые до Р. Х. завели многочисленныя колоніи на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря и на восточныхъ берегахъ Азовскаго. Важнѣйшія изъ этихъ колоній были слѣдующія: Ольвія, близъ нынѣшняго Николаева, Херсонесъ Таврическій на юго-западномъ берегу Крыма, Ѳеодосія на юго-восточномъ берегу Крыма, Пантикапея — нынѣшняя Керчь, Фанагорія на Таманскомъ полу-

островѣ, Танаисъ при устьѣ Дона. Торгово-промышленная дѣятельность этихъ колоній еще задолго до Р. Х. направилась на бассейнъ Днѣпра, по которому греки получали съ береговъ Балтійскаго моря янтарь. Вторая дорога шла изъ средней и передней Азіи черезъ среднюю часть Днѣпра. Третья дорога шла съ крайняго запада, изъ Галліи, на востокъ. Всѣ эти дороги скрещивались въ среднемъ теченіи Днѣпра, тамъ, гдѣ впослѣдствіи возникъ городъ Кіевъ.

Указанныя особенности восточно-европейской равнины имѣли рѣшающее вліяніе на развитіе русскихъ славянъ. Характеръ этого вліянія станетъ яснымъ, если предварительно разсмотрѣть условія развитія романо-германскихъ народовъ, стоящихъ въ экономическомъ, общественно-политическомъ и культурномъ отношеніи выше насъ.

19. Условія развитія романо-германскихъ народовъ. Современныя западно-европейскія государства были основаны германскими племенами, вторгавшимися въ предѣлы Западной Римской Имперіи и завоевывавшими ея части. Разселяясь съ I-го вѣка послѣ Р. Х. и до IV—V-го вв., германцы находились приблизительно на той ступени общественнаго развитія, на которой пребывали русскіе славяне между VII—IX-мъ в., т. е. у нихъ господствовала та же патріархально-родовая общественность. Но германцы пережили эту ступень нѣсколькими вѣками раньше восточныхъ славянъ. Около V в. послѣ Р. Х. основывается германцами нѣсколько государствъ: Вестготское на Пиринейскомъ полуостровѣ, Остготское въ Италіи, Франкское въ предѣлахъ нынѣшней Франціи и западной Германіи, англо-саксонскія на островѣ Британія; позже, именно къ половинѣ IX-го в., изъ Франкской монархіи выдѣляется самостоятельное Германское государство.

Такимъ образомъ, *во-первыхъ*, германцы отъ патріархально-родового быта перешли къ новому періоду своего существованія, къ государственному быту, раньше русскихъ славянъ на три-четыре столѣтія. Этотъ фактъ давалъ возможность романо-германскимъ государствамъ, при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, пройти хронологически раньше русскихъ славянъ основныя ступени экономическаго, общественно-политическаго и культурнаго развитія.

Къ хронологическому преимуществу присоединялось *второе*: территорія западной Европы меньше территоріи восточной

(западно-европейскія государства, если исключить Австро-Венгрію, занимаютъ пространство приблизительно въ 2.500.000 кв. километровъ, тогда какъ восточно-европейская равнина занимаетъ около 5.000.000 кв. километровъ); это должно было содѣйствовать болѣе быстрому наступленію состояній абсолютнаго перенаселенія, столь могущественно побуждающихъ къ совершенствованію средствъ борьбы за существованіе, и, слѣдовательно, къ вступленію въ новые, высшіе, періоды развитія. Состоянія абсолютнаго перенаселенія должны были наступать на Западѣ тѣмъ съ большей быстротой, что въ эпоху образованія романо-германскихъ государствъ нѣкоторыя части разрушенной Западной Римской имперіи, главнымъ образомъ южныя, были уже сами по себѣ довольно густо населены. Съ особенной послѣдовательностью, типичностью и скоростью основныя ступени экономическаго, общественно-политическаго и культурнаго развитія должна была пройти Англія, которая съ 1066 г., когда она была завоевана Вильгельмомъ Завоевателемъ, избавилась на всю послѣдующую исторію отъ новыхъ завоеваній и такимъ образомъ имѣла возможность развиваться безъ всякихъ внѣшнихъ помѣхъ. Быстротѣ экономическаго и общественно-политическаго развитія Англіи содѣйствовало то обстоятельство, что эта страна — государство островное; связи съ материкомъ она не имѣетъ. Поэтому періоды абсолютнаго перенаселенія должны были въ ней наступать быстрѣе, чѣмъ на континентѣ, гдѣ пространства земли несравненно больше. Такъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся фактовъ развитія всякаго народа — политическое уравненіе средняго (торгово-промышленнаго) сословія съ землевладѣльческой аристократіей (въ Греціи — демоса съ эвпатридами, въ Римѣ — плебеевъ съ патриціями), которымъ отдѣляется новый порядокъ отъ стараго, въ Англіи произошелъ въ срединѣ XVII-го столѣтія, на континентѣ — во Франціи къ концу XVIII-го в., въ Германіи къ половинѣ XIX-го в. Въ связи съ болѣе раннимъ экономическимъ и общественно-политическимъ развитіемъ въ Англіи раньше устанавливается и соотвѣтствующее ступенямъ этого развитія умственное и нравственное состояніе. Англія такимъ образомъ въ исторіи Европы играетъ роль своего рода прообраза для развитія всей континентальной Европы, и не только прообраза, но и образца для подражанія. Такъ, великая французская революція, имѣвшая свои

внутреннія причины, произошла въ значительной степени подъ вліяніемъ англійскаго государственнаго строя и событій, происходившихъ въ англійскихъ колоніяхъ въ С.-Америкѣ; революціонныя движенія въ континентальной Европѣ въ значительной степени происходили подъ ближайшимъ вліяніемъ Франціи и косвеннымъ Англіи.

Слѣдующая таблица, въ которой указаны размѣры территоріи, число жителей и плотность населенія въ главныхъ европейскихъ государствахъ—въ Англіи, Германіи и Франціи, даетъ точное представленіе о взаимномъ отношеніи основныхъ факторовъ развитія у нихъ въ настоящее время.

ГОСУДАРСТВА.	Размѣры поверхности въ кв. килом.	Число жителей.	Плотность населенія на 1 кв. кил.
I. Королевство Великобританія и Ирландія.	314.667	41.660.000	132
II. Англія съ Уэльсомъ, остров. Мэнъ и Нормандскими островами	151.300	32.660.000	216
III. Германская имперія .	545.135	56.345.000	103
IV. Франція	536.408	38.518.000	72

Изъ таблицы видно, что по плотности населенія первое мѣсто занимаетъ Англія, второе Германія и третье Франція. Соотвѣтственно плотности населенія распредѣляется въ настоящее время и роль каждой изъ этихъ странъ въ экономическомъ, общественно-политическомъ и культурномъ отношеніяхъ.

Третье преимущество въ развитіи романо-германскихъ народовъ состояло въ томъ, что германцы, разселившіеся въ предѣлахъ бывшей Западной Римской имперіи, попали въ условія высокаго экономическаго, общественно-политическаго и культурнаго развитія, на какомъ пребывали римляне и романизированные ими народы къ концу V в. послѣ Р. Х. Смѣшавшись съ туземцами, германцы большею частью забыли свой родной языкъ и стали говорить на языкѣ туземцевъ, нѣсколько измѣнивъ его, забыли многіе свои нравы, обычаи

и т. д. Иными словами, германцы подчинились римско-христіанской культурѣ, хотя не безусловно: они не могли не внести въ эту культуру и нѣкоторыхъ германскихъ элементовъ. Римско-христіанская культура сдѣлала вслѣдствіе этого нѣсколько шаговъ назадъ, но зато и германцы, слившись съ туземцами, отрѣшились отъ значительной доли варварства. Такъ, городской бытъ древняго міра уступаетъ преобладаніе сельскому быту съ его главными занятіями — земледѣліемъ и скотоводствомъ; усиливается поземельная аристократія, и, наоборотъ, народная масса становится въ крѣпостную зависимость отъ нея; государственная власть римскаго происхожденія (абсолютный монархизмъ) постепенно падаетъ.

Подчинившись римско-христіанской культурѣ, романо-германскіе народы получили возможность дальше развивать ее. На лицо были всѣ благопріятныя для этого условія: языкомъ церкви, римско-христіанской литературы, а затѣмъ и школы былъ языкъ латинскій, очень близкій къ разговорнымъ языкамъ романо-германскихъ народовъ. Даже чисто германскіе народы, безъ примѣси романскаго элемента, для возможности культурнаго развитія, вынуждены были идти по стопамъ романо-германскихъ народовъ, усваивая высшую культуру при посредствѣ латинскаго языка, на которомъ совершалось богослуженіе и на которомъ существовала римско-христіанская литература. Когда же въ Европѣ стали назрѣвать новыя экономическія и общественно-политическія отношенія, именно, когда тамъ и сямъ началъ возникать и крѣпнуть средній классъ, буржуазія, когда этотъ классъ началъ борьбу за уравненіе съ землевладѣльческой аристократіей, свѣтской и духовной, естественно долженъ былъ возникнуть интересъ къ древне-греческому и древне-римскому быту и къ отразившей его литературѣ. Древне-римскіе, а затѣмъ и древне-греческіе писатели, отразившіе міровоззрѣніе періода борьбы и политическаго уравненія демоса съ эвпатридами, плебеевъ съ патриціями, періода отсутствія могущественной церковной организаціи, естественно должны были возбудить особый интересъ среди европейскаго общества. Древне-римскіе и древне-греческіе писатели освѣщали путь средняго класса и давали богатѣйшій матеріалъ для обоснованія его стремленій. Знакомство съ латинскимъ языкомъ, а затѣмъ и съ древне-греческимъ давало полную возможность усвоить наиболѣе жизненные эле-

менты древне-классической мысли. Этимъ объясняется происхожденіе такъ называемаго Ренессанса: возникновеніе въ Западной Европѣ экономическихъ и общественно-политическихъ отношеній, аналогичныхъ древне-греческимъ и древне-римскимъ эпохи республики, должно было породить соотвѣтствующіе стремленія и идеалы, которые во многихъ отношеніяхъ походили на стремленія и идеалы римлянъ и грековъ эпохи процвѣтанія.

Эти три факта, т. е. болѣе раннее основаніе государствъ, ограниченность размѣровъ занятой территоріи и культурность среды, въ которую попали германцы, должны были создать благопріятную обстановку для могучаго экономическаго, общественно-политическаго и вообще культурнаго развитія западной Европы.

20. Условія развитія русскихъ славянъ. Значительно менѣе благопріятными оказались условія развитія русскихъ славянъ.

Во-первыхъ, русскіе славяне образовали государство въ половинѣ IX-го в., т. е. тремя-четырьмя вѣками позже, нежели западно-европейскіе народы. Народъ, начинающій жить государственной жизнью позже другихъ народовъ, обыкновенно позже ихъ проходитъ и основныя ступени экономическаго, общественно-политическаго и культурнаго развитія.

Къ этому неблагопріятному факту для русскихъ славянъ присоединился *второй*. Восточно-европейская равнина, сама по себѣ громадная, не заключала почти никакихъ препятствій къ самому широкому разселенію. Едва только въ какой-либо занятой русскими славянами мѣстности истощались естественные дары природы и начинало угрожать состояніе абсолютнаго перенаселенія, едва только наступали какія-нибудь неблагопріятныя условія для труда, часть населенія переходила на сосѣднюю часть равнины, которая съ избыткомъ вознаграждала русскаго человѣка при прежнихъ примитивныхъ способахъ труда. Обширность территоріи, при обиліи естественныхъ даровъ природы, почти полное отсутствіе препятствій для разселенія — все это вмѣстѣ соединилось для того, чтобы въ теченіе очень долгаго времени уничтожать необходимость изобрѣтать новые пріемы и способы труда, необходимость напрягать свои умственныя силы, развивать ихъ и такимъ образомъ переходить на высшія ступени развитія. Нижеслѣдующая

таблица, показывающая въ цыфрахъ отношеніе пространства Европейской Россіи къ количеству и плотности населенія въ настоящее время, уясняетъ, насколько неблагопріятно для нашего развитія это отношеніе и теперь.

	Поверхность въ кв. килом.	Число жителей.	Плотность населенія на 1 кв. кил.
Европейская Россія	5.740.000	106.305.000	18

Такимъ образомъ, на одинъ кв. килом. въ Англіи плотность населенія равняется 216 (въ Великобританіи съ Ирландіей—132), въ Германіи — 103, во Франціи—72, въ Европейской Россіи—18 (во всей Россіи—6).

Страна, наиболѣе близкая къ Россіи по своимъ географическимъ и экономическимъ условіямъ—Пруссія, главная часть нынѣшней Германіи, достигла той плотности населенія, какую имѣетъ Россія теперь, — въ XVII в.; Франція въ XIV в. имѣла 40 человѣкъ на 1 кв. килом.; Англія въ XI в. — 21 чел. на кв. кил. Если отношеніе между основными факторами развитія столь неблагопріятно для насъ и въ настоящее время, то въ древности оно было во много разъ неблагопріятнѣе. Таково второе условіе развитія русскихъ славянъ, могущественно поддерживавшее нашу экономическую, общественно-политическую и культурную отсталость.

Третье условіе, неблагопріятно отражавшееся на русскихъ славянахъ, это—характеръ и культурный уровень народностей, обитавшихъ на восточно-европейской равнинѣ. Югъ и юго-востокъ этой равнины, представляющіе обширныя степи, которыя сливались съ степями средне-азіатскими, всегда привлекали изъ Азіи кочевниковъ тюрко-монгольскаго племени, которые нападали на русскихъ славянъ и вносили разстройство въ завязывавшуюся русскую культуру; таковы были: печенѣги, половцы и татары. Сѣверъ и сѣверо-востокъ равнины были населены финскими племенами, стоявшими и въ экономическомъ, и въ культурномъ отношеніи несравненно ниже русскихъ славянъ; при сліяніи послѣднихъ съ финнами уровень

культуры русскихъ долженъ былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительно понижаться.

Такимъ образомъ, русскіе славяне, попавши на восточно-европейскую равнину, очутились въ неблагопріятныхъ условіяхъ для могучаго внутренняго развитія. Но, хотя и медленно, они все-таки развивались и двигались впередъ. Этимъ русскіе славяне обязаны были по преимуществу одному обстоятельству, игравшему весьма важную роль во всей русской исторіи,— вліянію болѣе культурныхъ сосѣдей. А именно: всякій разъ, когда отношенія между русскими славянами и тѣмъ или другимъ культурнымъ сосѣдомъ складывались такъ, что русскіе въ борьбѣ за существованіе терпѣли явный ущербъ въ силу превосходства сосѣда, русскіе вынуждались выступать на путь подражанія сосѣду и дѣлать у него заимствованія, которыя помогли-бы сравняться съ нимъ или превзойти его въ борьбѣ за существованіе. Такими культурными сосѣдями, отъ которыхъ русскіе получали толчки къ развитію, были первоначально византійскіе греки и древніе болгары, а затѣмъ поляки и романо-германскіе народы.

21. Русскіе славяне до образованія государства. Сойдя съ Карпатскаго нагорья въ равнину, русскіе славяне заняли прежде всего рѣчные бассейны ближайшей западной половины всей страны. Въ первой половинѣ IX-го в. русскіе славяне дѣлятся на племена, изъ которыхъ каждое занимаетъ опредѣленную территорію на этихъ бассейнахъ. Такъ, уличи и тиверцы заняли территоріи по Днѣстру и южному Бугу; къ сѣверу и къ западу отъ нихъ поселились волыняне, дулѣбы и бужане (по западному Бугу); среднее теченіе Днѣпра было занято полянами; территорія по бассейну Припети занята была древлянами. Всѣ эти племена могутъ быть отнесены къ группѣ южно-русскихъ славянъ. Земли между Припетью и Березиной были заняты дреговичами; по Деснѣ разселились сѣверяне, по Сожу—радимичи, по Окѣ—вятичи: это—группа среднерусскихъ славянъ. Въ верховьяхъ Волги, Днѣпра и Западной Двины поселились кривичи; бассейнъ озера Ильменя былъ занятъ новгородскими славянами: это—группа славянъ сѣверно-русскихъ.

Страна, занятая русскими славянами, была покрыта густыми лѣсами и непроходимыми болотами. Огромныя рѣки, богатыя рыбой, лѣса, изобилующія пушнымъ звѣремъ и пче-

лами, предопредѣлили занятія русскихъ славянъ: они занимались ловлей пушныхъ звѣрей, лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ), скотоводствомъ и земледѣліемъ. Земледѣліемъ первоначально русскіе славяне занимались мало, такъ какъ другіе болѣе легкіе промыслы съ избыткомъ вознаграждали трудъ. Такимъ образомъ, основныя занятія русскихъ славянъ по ихъ разселеніи съ Карпатскаго нагорья остались тѣ же, что и прежде. Мало того: обиліе водныхъ и лѣсныхъ богатствъ, добываемыхъ безъ особенныхъ трудностей, до нѣкоторой степени какъ бы возвращаютъ русскаго славянина къ эпохѣ преобладанія охотничества, т. е. къ нѣкоторымъ чертамъ первобытнаго родового коммунизма. Мѣста, удобныя для основныхъ занятій русскаго славянина, не шли сплошь, а прерывались болотами. Являлась необходимость отыскать въ лѣсу сухія мѣста, гдѣ можно было бы очистить отъ деревьевъ площадки, удобныя для поселенія. Такія мѣста попадались на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Окопавши себѣ кольцеобразнымъ валомъ достаточное пространство, поселенецъ заводилъ на немъ свое примитивное хозяйство. Такъ образовались отдѣльные дворы, или городища. Эти дворы находились на разстояніи 4—8 верстъ другъ отъ друга. Когда естественныя богатства въ окрестностяхъ такого отдѣльнаго двора истощались, русскій славянинъ покидалъ его и переходилъ на новую еще не истощенную мѣстность. Таковы были условія жизни для большинства русскихъ славянъ. Часть ихъ, однако, попала въ исключительныя условія дѣятельности. Существованіе древнихъ міровыхъ торговыхъ путей на территоріи, занятой русскими славянами, втянуло ихъ въ промышленно-торговый оборотъ съ сосѣдями: на югѣ—съ Византіей, на юго-востокѣ съ арабами, на западѣ и сѣверо-западѣ—съ германцами. Въ рукахъ русскихъ старѣйшинъ-организаторовъ общественнаго труда, носившихъ названіе „бояръ“ („боляринъ“, отъ слова „большій“). безпрерывно скоплялись мѣстныя богатства—шкуры пушныхъ звѣрей, медъ и воскъ, дерево и янтарь—товаръ, чрезвычайно цѣнившійся у сосѣдей, особенно у арабовъ и византійцевъ. Въ свою очередь у сосѣдей русскіе старѣйшины находили цѣнные для себя товары мануфактурнаго производства: „паволоки“ (шелковыя ткани съ узорами), парчу и другія ткани, „узорочье“ (произведенія ювелирнаго искусства), стеклянныя издѣлія, вина, фрукты.

Для удовлетворенія торговыхъ потребностей въ удобныхъ мѣстахъ возникъ рядъ городовъ, въ которые стекалась русско-славянская аристократія со своими товарами и откуда выѣзжали на арабскіе и византійскіе рынки караваны съ товарами.

Главные города были слѣдующіе: Кіевъ, центръ полянъ, и Новгородъ, центръ ногородскихъ славянъ.

Характеръ занятій и ходъ разселенія долженъ былъ отразиться на патріархально-родовомъ строѣ славянъ. Патріархально-родовой союзъ имѣлъ двѣ основы—общій трудъ рода, владѣющаго извѣстною собственностью, и власть патріарха. Эти двѣ основы скрѣплялись культомъ предковъ-организаторовъ. При томъ характерѣ, какой пріобрѣтаютъ занятія русскихъ славянъ по разселеніи, общій родовой трудъ пересталъ быть возможнымъ; патріархъ уже не могъ руководить трудомъ разбрасывавшихся по обширному лѣсному пространству поселенцевъ. Иными словами, родъ, подъ вліяніемъ новыхъ условій труда въ лѣсистыхъ пространствахъ восточной равнины, началъ усиленно дробиться на семьи, во главѣ которыхъ становится хозяинъ двора, домовладыка, отецъ семьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и нераздѣльное родовое имущество перестаетъ существовать, и на его мѣсто возникаетъ частная семейная собственность.

Семья, выдѣлившаяся изъ рода, не была похожа на современную семью: она состояла изъ домохозяина, его женъ (которыхъ было двѣ-три), дѣтей и невыдѣлившихся его родственниковъ—братьевъ, племянниковъ. Бракъ основывался по преимуществу на похищеніи дѣвушекъ; но это похищеніе потеряло свой воинственный характеръ и превратилось въ брачный обрядъ: похищеніе совершалось съ согласія похищаемой во время празднествъ въ честь боговъ, когда жители собирались на „игрища межю селы“ у священныхъ источниковъ, на берегахъ рѣкъ или озеръ, вообще „у воды“, какъ говоритъ лѣтописецъ. Отношенія между мужчиной и женщиной у русскихъ славянъ отличались большой свободой даже въ очень близкихъ степеняхъ родства.

Въ крупныхъ торговыхъ центрахъ бракъ основывался на имущественномъ началѣ: вступающій въ бракъ давалъ за невѣсту ея родителямъ опредѣленную плату—вѣно.

Религіозныя воззрѣнія русскихъ славянъ, въ основахъ своихъ, сохраняютъ характеръ, выработанный славянами вообще.

Во-первыхъ, у нихъ существовалъ культъ предковъ-органи-

заторовъ подъ именемъ Рода (Чура, или Щура) съ Рожаницами, т. е. прапрадѣда съ его женами. Съ понятіями Рода и Рожапицъ связывался общинно-родовой бракъ, а съ нимъ— идея о долѣ и судьбѣ: при рожденіи ребенка его доля уже предопредѣлена, и Рожаницы предсказываютъ ему его судьбу [1]).

Во-вторыхъ, у русскихъ славянъ существовалъ наряду съ культомъ предковъ-организаторовъ культъ силъ природы. Высшими богами были Дажь-богъ (иначе—Хорсъ)—олицетвореніе солнца, податель всѣхъ богатствъ, Волосъ, или Велесъ, другое названіе солнца,—„скотій богъ“, богъ-покровитель скота и богъ поэзіи, Перунъ—олицетвореніе грозы, богъ войны, Стрибогъ—богъ вѣтра.

На ряду съ этими богами у русскихъ славянъ пріобрѣтаютъ особенное значеніе новые: лѣшій, водяной и домовой.

Густой лѣсъ, въ которомъ такъ много дикихъ звѣрей, въ которомъ отъ времени до времени раздаются страшные звуки, напоминающіе не то чьи-то стоны, не то чей-то злобный хохотъ, лѣсъ, въ которомъ такъ легко заблудиться и погибнуть, породилъ у русскаго славянина образъ лѣсного бога, лѣшаго. *Лѣшій*, хозяинъ лѣсныхъ богатствъ, представлялся-человѣкомъ дикаго вида, вышиною въ самое высокое дерево. Лѣшій—существо злое: обращаясь въ деревья и откликаясь эхомъ, онъ старается сбить съ дороги человѣка въ своихъ владѣніяхъ и погубить его. Отсюда возникло поклоненіе лѣшему, сопровождавшееся жертвоприношеніями. Жертвоприношенія, молитвы и поклоненія совершались въ рощахъ передъ какимъ-нибудь деревомъ, которое играло роль изображенія лѣшаго. Лѣшій былъ богомъ не только лѣса, но и растительности вообще. Въ полѣ лѣшій принимаетъ иной образъ: здѣсь онъ превращается въ самую маленькую былинку. По языческимъ представленіямъ лѣшій находится въ дружбѣ съ другимъ богомъ—водянымъ.

Водяной былъ олицетвореніемъ водной стихіи—рѣкъ, озеръ, источниковъ, болотъ. Онъ представлялся въ видѣ обнаженнаго косматаго старика, который живетъ на днѣ рѣкъ, озеръ, въ омутахъ, гдѣ у него есть великолѣпныя хоромы. Это—хозяинъ

[1]) Впослѣдствіи, главнымъ образомъ въ низшихъ классахъ, идея о долѣ и судьбѣ становится особенно популярной: эта идея выражается въ особыхъ олицетвореніяхъ, носящихъ названія Доли, Судины, Судьбины Горя, Нужды, Злыдни.

водъ и ихъ богатствъ. Онъ поднимаетъ на водѣ бури и топитъ суда и купающихся. Дочери водяного—русалки. Это—злыя существа, которыя въ лунныя ночи выходятъ изъ воды, пѣніемъ и чарами заманиваютъ человѣка въ воду и тамъ щекочатъ его до смерти. Почитаніе водяного выражалось въ принесеніи жертвъ рѣкамъ, озерамъ, источникамъ, въ бросаніи монетъ въ колодцы и пр. Во время болѣзни русскіе прибѣгали къ водѣ, какъ къ цѣлебной стихіи.

Домовой — это олицетвореніе домовладыки, съ которымъ лѣшій находится во враждѣ. Съ раздробленіемъ рода на семьи почитаніе Рода уступаетъ мѣсто почитанію предковъ-организаторовъ семьи. Домовой представлялся въ образѣ старика, сплошь обросшаго сѣдыми волосами. Онъ—хозяинъ дома. Предпріятія главы семьи удаются только въ томъ случаѣ, если одобряются домовымъ; если домовой не одобряетъ какихъ-нибудь его предпріятій, глава семьи терпитъ неудачу. Среди домашняго скота есть у домового любимыя животныя и нелюбимыя: любимыя процвѣтаютъ, нелюбимыя чахнутъ. Домовой живетъ въ каждомъ домѣ, подъ печкой. Очагъ и печка имѣли у древнихъ народовъ священное значеніе, потому что около нихъ хоронили родственниковъ, на нихъ совершались жертвоприношенія. Печь имѣетъ силу очищающую и исцѣляющую. Съ переходомъ изъ одного жилища въ другое, новое, туда переселяется и домовой. Это переселеніе сопровождалось особымъ обрядомъ, кое-гдѣ сохранившимся и теперь: хозяйка въ старомъ домѣ топитъ печку въ послѣдній разъ, беретъ отсюда горячіе уголья, переноситъ ихъ въ новое жилище и здѣсь на новомъ очагѣ разводитъ первый огонь; съ совершеніемъ этого обряда, домовой переходитъ въ новое жилище.

Кромѣ этихъ главныхъ божествъ, у русскихъ славянъ были и другіе, второстепенные, значеніе которыхъ съ теченіемъ времени было болѣе или менѣе забыто. Такъ, сохранились свѣдѣнія объ „упыряхъ“, т. е. мертвецахъ, „волкодлакахъ“, т. е. оборотняхъ, имѣющихъ способность ночью рыскать волками, а днемъ принимать образъ людей; эти же волкодлаки съѣдаютъ или похищаютъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды во время затменій. Въ связи съ представленіями о волкодлакахъ у русскихъ славянъ существовали представленія о превращеніяхъ людей въ звѣрей, птицъ, рыбъ, деревья и т. д.

На открытыхъ мѣстахъ, по преимуществу на возвышен-

ныхъ, русскіе ставили идолы боговъ, которымъ молились и приносили въ жертву мясо животныхъ, хлѣбныя печенья, напитки, птицъ, особенно пѣтуховъ, лошадей, иногда даже людей. Молитвы и жертвы связаны были съ гаданіями. Частныя и общественныя предпріятія обыкновенно начинались только послѣ гаданія объ ихъ успѣхѣ.

Русскіе славяне признавали существованіе души и вѣрили въ загробную жизнь

Жреческаго сословія у русскихъ славянъ не было, но кое-какіе зародыши его появились: именно, изъ класса старѣйшинъ, въ рукахъ которыхъ была свѣтско-духовная власть, стали выдѣляться вѣщіе люди, волхвы, которые умѣли обращаться съ богами при помощи слова, заклятія, заговора и угадывать будущее. Эти люди обладали чудодѣйственной силой: они могли превращать людей въ животныхъ или птицъ, могли нагонять на людей болѣзни; они могли распоряжаться вѣтрами, дождями, бурями.

22. Образованіе русскаго государства. Русское государство возникло подъ вліяніемъ причинъ двоякаго рода— внутреннихъ и внѣшнихъ.

1) **Внутреннія причины.** Скопленіе въ рукахъ старѣйшинъ-патріарховъ богатствъ, которыя можно было обмѣнивать на продукты византійской и восточной промышленности, потребность въ правильной организаціи обмѣна, необходимость охраны труда и территоріи отъ сосѣдей-враговъ побудили старѣйшинъ-патріарховъ совершенно поселиться въ главныхъ промышленно-торговыхъ центрахъ великаго воднаго пути. Это повело къ раздѣленію русскаго общества на два класса: высшій, сложившійся изъ богатѣйшихъ наслѣдственныхъ старѣйшинъ-патріарховъ, и низшій, состоявшій изъ остальной части населенія, привыкшей трудиться подъ руководствомъ старѣйшинъ.

Раздѣленіе на классы естественно привело къ организаціи всеобщаго управленія общественнымъ трудомъ: поселившіеся въ главныхъ центрахъ старѣйшины-патріархи образовали изъ себя мѣстныя правительства.

2) **Внѣшнія причины.** Потребность въ хорошо организованныхъ правительствахъ особенно стала ощущаться съ того времени, какъ надъ русскимъ населеніемъ нависли внѣшнія опасности. Эти опасности съ разныхъ сторонъ стали угрожать

двумъ главнымъ центрамъ по великому водному пути: на югѣ—Кіеву и на сѣверѣ—Новгороду.

Съ VII в. юго-восточныя степи были заняты кочевымъ народомъ—хазарами, которые поселились на сѣверныхъ берегахъ Каспійскаго и Чернаго морей, между Волгой и Днѣпромъ. Въ скоромъ времени хазары начинаютъ переходить отъ кочевого быта съ его хищничествомъ къ мирнымъ занятіямъ и заводятъ у себя города, въ которыхъ проводятъ зимнее время. Въ VIII в. среди нихъ поселились изъ Закавказья промышленные евреи и арабы. Евреи оказали на хазаръ большое культурное вліяніе: хазарскій каганъ съ высшимъ классомъ хазаръ приняли іудейство. Столица хазаръ Итиль, основанная на нижнемъ теченіи Волги, сдѣлалась средоточіемъ оживленныхъ торговыхъ сношеній между балтійскимъ сѣверомъ и арабскимъ востокомъ около того времени, когда у арабовъ царствовала династія Аббасидовъ и столица ихъ основалась въ Багдадѣ.

Нѣсколько вѣковъ мирнаго разселенія по великому водному пути дѣлали для русскихъ славянъ излишнимъ организацію военныхъ силъ. Пользуясь этимъ, хазары покорили ближайшія къ степи племена—вятичей, сѣверянъ и полянъ и заставили ихъ платить себѣ дань. Власть хазаръ не была тяжкой; она даже представляла нѣкоторыя выгоды для покоренныхъ, давая возможность южно-русской аристократіи, сосредоточившейся въ Кіевѣ, вести подъ покровительствомъ хазаръ дѣятельную торговлю съ Востокомъ. Русскіе славяне появляются съ предметами своей торговли не только въ греческіе и хазарскіе города, но и въ арабскую столицу Багдадъ, гдѣ ихъ видѣлъ арабскій писатель Хордадбе (около 846). Многочисленные клады съ арабскими серебряными монетами (диргемами), найденные въ области Днѣпра и относящіеся ко времени, начиная съ послѣднихъ лѣтъ VII в., подтверждаютъ существованіе дѣятельныхъ торговыхъ сношеній русскихъ съ арабскимъ востокомъ.

Въ первой половинѣ IX-го в. въ юго-восточной части нашей равнины происходитъ важное событіе: изъ Азіи появилась въ предѣлы Хазарскаго царства орда новыхъ кочевниковъ—печенѣговъ, съ которыми хазары не могли успѣшно справляться. Къ половинѣ IX в. печенѣги заняли уже почти все степное пространство и придвинулись довольно близко въ южно-русскія степи и стали кочевать уже въ близкомъ сосѣдствѣ съ Кіевомъ,

нападая на караваны съ русскими товарами и грабя ихъ. Хазарское царство, продолжавшее еще существовать, уже не могло обезпечить правильности торговыхъ сношеній русскихъ славянъ съ югомъ и востокомъ. Торговые пути на востокъ стали ускользать изъ рукъ кіевской аристократіи: это наносило громадный ущербъ матеріальнымъ интересамъ ея. Предоставленная самой себѣ, русская аристократія вынуждена была сама позаботиться о своей безопасности: она стала окружать города стѣнами, заводить вооруженныя дружины и сопровождать торговые караваны охранными отрядами.

Новгороду угрожала другая опасность. Въ сосѣдней Скандинавіи къ концу VIII в. наступило состояніе тяжелаго абсолютнаго перенаселенія. Подъ его вліяніемъ стали составляться дружины смѣльчаковъ, каторые покидали родину и искали себѣ добычи у сосѣдей. Они совершили рядъ нападеній на западноевропейскія государства и даже завладѣли нѣкоторыми изъ нихъ. Устремились скандинавскія дружины и на востокъ по великому водному пути. У насъ онѣ были извѣстны подъ именемъ варяговъ, а у финновъ—подъ именемъ руси (ruotsi). Новгородскимъ славянамъ, кривичамъ и сосѣднимъ финнамъ первымъ пришлось пострадать отъ нашествія варяжскихъ дружинъ: не имѣя своей военной организаціи, они не смогли оказать варягамъ сопротивленія, были ими покорены и должны были уплачивать дань.

Варягамъ суждено было въ нашей исторіи сыграть важную роль: въ виду опасностей со стороны сосѣдей и отсутствія своей военной организаціи наши городскія аристократіи стали брать къ себѣ на службу за опредѣленную плату варяжскія дружины. Такъ мѣстныя правительства обзавелись военными варяжскими силами съ ихъ вождями во главѣ. Съ этого момента, т. е. съ конца VIII в., возникъ по великому пути рядъ варяго-русскихъ государствъ съ военной организаціей. Одно изъ такихъ государствъ основано было, по лѣтописнымъ преданіямъ, варяжскимъ княземъ Рюрикомъ, въ Новгородѣ. Другое варяго-русское княжество, въ Кіевѣ, основано было Аскольдомъ и Диромъ. Третье княжество, основанное варягами, было княжество Рогволода въ Полоцкѣ, четвертое—Тура въ Туровѣ, на р. Припети.

Возникновеніе этихъ государствъ ознаменовано было рядомъ походовъ на сосѣдей, начиная съ конца VIII в. Такъ,

въ концѣ VIII или въ началѣ IX в. новгородскій князь Бравлинъ съ русской ратью опустошилъ южные берега Крыма; около этого же времени другой, неизвѣстный по имени, русскій князь опустошилъ сѣверный берегъ Малой Азіи; въ 860 г. русскіе, подъ предводительствомъ кіевскаго князя Аскольда, напали на Константинополь; между 862—884 гг. русь опустошила юго-восточный берегъ Каспійскаго моря.

Главными варяго-русскими государствами были новгородское, въ рукахъ котораго находилась сѣверная часть великаго воднаго пути, и кіевское, распоряжавшееся южною частью пути. Кіевское государство имѣло въ экономическомъ отношеніи перевѣсъ надъ новгородскимъ: *во-первыхъ*, Кіевъ находился нѣсколько южнѣе главныхъ притоковъ Днѣпра, и сюда именно стекались русскіе товары со всего бассейна Днѣпра и сѣверной части великаго воднаго пути; *во-вторыхъ*, на территоріи кіевскаго государства пересѣкались міровые торговые пути (§18). Вслѣдствіе этого благосостояніе новгородскаго государства находилось въ зависимости отъ Кіева: стоило Кіеву задержать или захватить новгородскіе товары, и этимъ былъ бы нанесенъ громадный ущербъ новгородской аристократіи. Это должно было повести къ борьбѣ между Новгородомъ и Кіевомъ за преобладаніе на великомъ водномъ пути. Борьба эта, вѣроятно, продолжалась долго. Въ лѣтописяхъ нашихъ сохранились преданія о концѣ этой борьбы. Новгородскій князь Олегъ (или, по другимъ лѣтописнымъ сказаніямъ, воевода князя Игоря), прозванный Вѣщимъ, завладѣлъ всѣми городами по великому водному пути, въ томъ числѣ и Кіевомъ, который сдѣлался столицей русскаго государства, расположеннаго по всему бассейну великаго воднаго пути. Это было во второй половинѣ IX в. и въ началѣ X в.

Съ этого времени начинается развитіе русскаго государства. Русскіе князья и ихъ полководцы (Олегъ, Игорь, Свѣнельдъ) подчиняютъ своей власти сосѣднія русско-славянскія племена и заставляютъ ихъ платить себѣ дань; они предпринимаютъ походы на Византію, на хазаръ, на кочевниковъ-печенѣговъ, строятъ на границѣ со степью крѣпости („заставы“) для охраны торговыхъ путей отъ кочевниковъ и т. д.

Военные походы на юго-восточныя страны и на Византію и мирныя торговыя сношенія съ ними имѣли большое значеніе для внутренняго развитія Руси, стоявшей въ культурномъ

отношеніи ниже этихъ странъ. Особенно великое вліяніе суждено было пріобрѣсти надъ Русью Византіи.

23. Византія. Константинъ В., сдѣлавшись въ 324 г. единодержавнымъ повелителемъ Римской Имперіи *), перенесъ свою столицу на мѣсто древней Византіи, которая получила названіе Константинополя (326). Съ основаніемъ новой столицы начинается культурное и общественно-политическое сосредоточеніе восточной части Римской имперіи. Въ 395 г. Римская имперія окончательно распалась на двѣ имперіи: западную и восточную. Послѣдняя называется у историковъ Византіей. Она существовала болѣе тысячи лѣтъ (395—1453). Территорію ея составляли слѣдующія земли и страны: въ Европѣ—Балканскій полуостровъ и колоніи по сѣверному берегу Чернаго моря, въ Азіи—Малая Азія, Сирія и Палестина, въ Африкѣ—Египетъ и вообще восточная половина сѣвернаго берега Африки. Эти страны были съ знаменитымъ прошлымъ: въ нихъ съ глубокой древности развивались свои культуры, широкая промышленная дѣятельность, торговля, науки, искусства, литература, религіозная жизнь. Объединивъ эти страны, Византія стала преемницей ихъ культуръ; она почерпала у нихъ все, что было ей необходимо для организаціи своего общественнаго труда, и создала особую своеобразную культуру, въ которой главными элементами были—греко-римскій и еврейско-семитическій.

1) Экономическій и общественно-политическій строй Византіи. Общественный трудъ въ Византіи отличался разнообразіемъ и высотою техники: въ ней были развиты различные виды не только добывающей промышленности, изъ которыхъ главную роль играли земледѣліе и скотоводство, но и промышленности обрабатывающей (льняныя и шелковыя ткани, стеклянныя издѣлія на сирійскихъ фабрикахъ, сукна и металлическія издѣлія на малоазіатскихъ фабрикахъ и т. д), торговля внутренняя и внѣшняя съ разными странами въ Азіи, Европѣ и Африкѣ.

Соотвѣтственно характеру общественнаго труда въ византійскомъ обществѣ начала господства и подчиненія достигли высокой степени развитія. Византійцы распадались на высшій классъ—аристократію, владѣвшую крупной поземельной соб-

*) Она занимала земли вокругъ бассейна Средиземнаго моря.

ственностью, низшій—многочисленное крестьянство, болѣе или менѣе свободное въ первые вѣка существованія Византіи, а впослѣдствіи—закрѣпощенное, средній—торгово-промышленный классъ въ городахъ и, наконецъ, рабочій пролетаріатъ. Во главѣ управленія стоялъ императоръ съ неограниченной властью, которая простиралась даже на область религіозно-нравственную: византійскій императоръ управлялъ при посредствѣ двухъ бюрократій—свѣтской, т.-е. многочисленнаго чиновничества, и церковной, т.-е. многочисленнаго духовенства. Высшіе чины обѣихъ бюрократій составлялись преимущественно изъ знатныхъ и богатыхъ элементовъ византійскаго общества.

Церковь, какъ учрежденіе, вырабатывавшее идеи и управлявшее по преимуществу общественной психикой, имѣла очень важное значеніе въ Византіи. Исторія этого учрежденія въ краткихъ чертахъ такова.

2) Христіанская церковь и ея развитіе. Въ сѣверной части Палестины среди городского бѣднаго класса еврейскаго населенія возникло въ первой половинѣ I в послѣ Р. Х. новое ученіе. Оно рѣзко отличалось отъ религіи правившаго Іерусалима. Послѣдняя сводилась къ точному исполненію „закона“, носившаго по преимуществу обрядовый характеръ: обрѣзаніе, празднованіе субботы, исполненіе заповѣдей Моисеевыхъ, принесеніе жертвъ въ іерусалимскомъ храмѣ, удѣленіе въ пользу іерусалимской духовной аристократіи десятины, т.-е. десятой части своихъ доходовъ,—таковы были главные пункты іудейской религіи. Особенностью іудейской религіи наканунѣ появленія новаго ученія былъ мессіанизмъ, вѣра въ пришествіе новаго царя изъ дома Давидова, который освободитъ евреевъ отъ ига чужеземцевъ и покоритъ еврейству всѣ земные народы. Новое ученіе, зародившееся въ семьѣ галилейскаго плотника Іосифа, отвергало въ религіи всякую внѣшность и обрядность. Основатель новаго ученія Іисусъ, сынъ Дѣвы Маріи, названный Христомъ, т.-е. мессіей, интересовался положеніемъ всѣхъ бѣдныхъ, трудящихся. Онъ сталъ проповѣдывать о приближеніи царства Божія, въ которомъ устроятся бѣдные. Новое ученіе исходило изъ убѣжденія, что бѣдные и трудящіеся, какъ люди, переносящіе наибольшее количество невзгодъ и страданій въ жизни, находятся подъ особымъ Божіимъ покровительствомъ: страдая на землѣ, они подготовляютъ себѣ блаженство въ загробномъ мірѣ. Съ другой стороны, угрожая богатымъ и сильнымъ вѣч-

ными муками въ загробномъ мірѣ, оно предлагало имъ отдавать свои богатства бѣднымъ.

Это ученіе нашло себѣ послѣдователей не только въ Палестинѣ, но и во всей Римской имперіи. Къ I в. послѣ Р. Х., въ силу внутренняго экономическаго развитія, образовались двѣ противоположности: крайнее богатство однихъ, меньшинства, и крайняя бѣдность другихъ, народной массы. Ученіе Христа съ особенною быстротою стало распространяться среди городскихъ бѣдняковъ Но его вліянія не избѣжали и богатые, тѣ именно изъ нихъ, которые страдали отъ излишествъ, выпадавшихъ на ихъ долю благодаря богатству.

Возникновеніе и распространеніе христіанскаго ученія сопровождалось соотвѣтствующимъ общественнымъ движеніемъ. Іисусъ Христосъ образовалъ изъ своихъ учениковъ-послѣдователей общину, „церковь“ (слово „церковь“ означало прежде „собраніе“), члены которой должны были устроить свои матеріальныя и нравственныя отношенія на основахъ новаго ученія. Въ подражаніе этой общинѣ въ многочисленныхъ городахъ Римской имперіи возникаетъ цѣлый рядъ такихъ же общинъ-церквей.

Строй первоначальныхъ христіанскихъ общинъ, соотвѣтственно ученію Христа, носилъ демократическій характеръ. *Во-первыхъ*, въ общины могли поступать только такія лица, которыя проникались основною мыслью Христа: церковная связь членовъ выше и обязательнѣе всякой другой связи, даже кровной, т.-е. связи родителей съ дѣтьми, мужа съ женой, брата съ сестрой. „И пришли Матерь и братья Его — говорится въ Евангеліи,—и, стоя внѣ дома, послали къ Нему звать Его. Около Него сидѣлъ народъ. И сказали Ему: вотъ Матерь Твоя и братья Твои, и сестры Твои, внѣ дома спрашиваютъ Тебя. И отвѣчалъ имъ: кто матерь Моя и братья Мои? И обозрѣвъ сидящихъ вокругъ Себя говорилъ: вотъ матерь Моя и братья Мои; ибо кто будетъ исполнять волю Божію, тотъ Мнѣ — братъ и сестра“. Въ другомъ мѣстѣ въ Евангеліи говорится слѣдующее: „А другому сказалъ: слѣдуй за Мною. Тотъ сказалъ: Господи, позволь мнѣ прежде пойти и похоронить отца моего! Но Іисусъ сказалъ ему: предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ; а ты иди, благовѣствуй Царствіе Божіе. Еще другой сказалъ: я пойду за Тобою, Господи; но прежде позволь мнѣ проститься съ домаш-

ними моими. Но Іисусъ сказалъ ему: никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для Царствія Божія". *Во-вторыхъ*, члены церкви не имѣютъ личной, частной, собственности; богатому, по ученію Христа, спасти душу трудно, почти невозможно: скорѣе верблюдъ пролѣзетъ черезъ ушко иглы, нежели богатый спасется; поэтому пища, одежда, жилище, деньги и т. д. были принадлежностью общины, церкви, а не отдѣльныхъ членовъ. *Въ-третьихъ*, въ первоначальныхъ христіанскихъ общинахъ не было дѣленія на господствующихъ и подчиненныхъ: всѣ члены церкви были равны между собою. Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ: „Вы знаете, что почитающіеся князьями народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ властвуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ: а кто хочетъ быть бо̀льшимъ между вами, да будетъ вамъ слугою; и кто хочетъ быть первымъ между вами, да будетъ всѣмъ рабомъ". На этомъ основаніи въ христіанскихъ общинахъ царилъ принципъ самоуправленія: община выбирала себѣ изъ своей среды лицъ, которыя завѣдывали дѣлами общины и ея имуществомъ и давали въ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ общинѣ. Такими выборными лицами были діаконы (по-гречески значитъ служители), пресвитеры (по-гречески—старѣйшіе) и епископы (по-гречески—наблюдатели).

Церковная должность діаконовъ возникла еще во времена апостольскія. Первоначально функціи діакона состояли въ равномѣрномъ распредѣленіи жизненныхъ припасовъ между членами христіанской общины, въ заботахъ о содержаніи сиротъ, вдовъ и т. д. Эти функціи осложняются съ теченіемъ времени цѣлымъ рядомъ другихъ обязанностей: діаконы должны были наблюдать за поведеніемъ и нравами членовъ общины; они смотрѣли за порядкомъ и благочиніемъ въ храмахъ. Въ апостольскія времена на каждую общину полагалось семь діаконовъ. Эти лица пользовались большимъ значеніемъ и вліяніемъ. Впослѣдствіи количество діаконовъ увеличивается, а значеніе ихъ падаетъ: должность діакона становится низшей церковной должностью при пресвитерѣ и епископѣ; его функціи сводятся къ помощи, оказываемой пресвитеру при богослуженіи.

Функціи пресвитера въ апостольскія времена сливались еще съ функціями епископа: одно и то же должностное лицо называлось пресвитеромъ, когда хотѣли обозначить его старческій возрастъ, и епископомъ, когда хотѣли обозначить самую

должность, т.-е. управленіе дѣлами общины („наблюдатель“). Впослѣдствіи подъ вліяніемъ необходимости раздѣленія труда функціи собственно епископскія отдѣляются отъ функцій пресвитерскихъ. За пресвитеромъ сохраняются слѣдующія обязанности: совершеніе таинствъ и священнодѣйствій, сказываніе поученій и преподаніе благословенія, предсѣдательствованіе на церковныхъ собраніяхъ въ отсутствіе епископа.

Епископы, по отдѣленіи пресвитерскаго сана, сосредоточили въ своихъ рукахъ высшее управленіе церковными общинами; пресвитеры вмѣстѣ съ діаконами стали въ подчиненное отношеніе къ нимъ, что выразилось въ правѣ епископа рукополагать въ діаконы и пресвитеры. Управляя дѣлами общинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распоряжаясь доходами ихъ, епископы съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ большую власть.

Что касается богослуженія, то въ первые вѣка христіанства оно отличалось крайней простотой: оно состояло въ чтеніи отрывковъ изъ Евангелія, въ пѣніи духовныхъ пѣсенъ и въ совершеніи тайной вечери.

Таковъ былъ приблизительно строй первоначальныхъ христіанскихъ церквей.

Между тѣмъ церкви умножались, общины становились обширнѣе. Съ III в. въ христіанскія общины все чаще и чаще начинаютъ вступать богатые люди, передававшіе, согласно ученію Христа, свои богатства въ собственность общинъ. Вслѣдствіе этого общины стали богатѣть. Трудъ и обязанности представителей общинъ стали усложняться. Явилась потребность въ болѣе рѣзкомъ раздѣленіи труда организаторскаго и исполнительнаго; соотвѣтственно этому прежнія отношенія равенства въ общинѣ начинаютъ постепенно замѣняться отношеніями руководства и исполненія, господства и подчиненія. Изъ представителей общинъ особенное значеніе въ дѣлѣ организаціи пріобрѣли епископы, которые завѣдывали имуществомъ общины и опредѣляли, на что должны тратиться ея доходы. Это давало епископамъ большую власть надъ общиной: епископы становятся все менѣе и менѣе зависимыми отъ своихъ избирателей, а послѣдніе все болѣе и болѣе зависимыми отъ епископовъ. Особенно великой становилась власть епископовъ въ обширныхъ христіанскихъ общинахъ крупныхъ городовъ Римской имперіи, среди которыхъ могли накопляться громадныя богатства. Мало по-малу община теряетъ право выбора своихъ

должностныхъ лицъ и сохраняетъ только право утвержденія въ должности лицъ, назначаемыхъ самой церковной администраціей. Впослѣдствіи община лишается и этого права.

На ряду съ развитіемъ власти церковной администраціи и особенно епископовъ идетъ объединеніе церковныхъ общинъ. Первоначально церкви были независимы другъ отъ друга, и единеніе между ними поддерживалось или письменно, обмѣномъ посланій, или устно, переговорами при посредствѣ делегатовъ. Къ концу II-го в. церкви отдѣльныхъ областей вступаютъ другъ съ другомъ въ союзы, высшей инстанціей которыхъ являлись съѣзды (синоды) епископовъ. Въ IV-мъ в. всѣ христіанскія общины объединяются въ одинъ союзъ: возникаетъ вселенская христіанская церковь; ея высшимъ органомъ становятся вселенскіе соборы (съѣзды), на которыхъ главную роль играютъ епископы самыхъ богатыхъ и могущественныхъ общинъ. Наиболѣе богатой и могущественной была римская община; поэтому римскій епископъ, папа, пріобрѣтаетъ во вселенской церкви первенствующее значеніе, и это значеніе признается за нимъ остальными христіанскими общинами.

Такъ строй христіанской церкви постепенно аристократизировался и приспособлялся къ отношеніямъ, господствовавшимъ въ Римской имперіи. Это имѣло очень важное значеніе въ судьбѣ христіанской церкви. Пока церковь носила демократическій характеръ, она подвергалась въ Римской имперіи жестокимъ преслѣдованіямъ. Три вѣка продолжались эти преслѣдованія. Церковь выдвинула изъ своей среды рядъ борцовъ-героевъ и этимъ еще болѣе укрѣпила свою силу. Къ началу IV в. церковь представляла уже огромное общество, обладавшее крупными богатствами и искусной администраціей.

Видя, что борьба съ христіанской церковью не приводитъ къ цѣли, римское правительство стало дѣлать ей уступки: въ 313 г. Константинъ В. призналъ христіанскую церковь законнымъ обществомъ; Ѳеодосій въ 392 г. пошелъ дальше: онъ призналъ церковь учрежденіемъ государственнымъ. Слѣдствіемъ этого признанія было то, что церковная администрація соединилась съ императорской администраціей, образовавъ двойную правительственную власть—свѣтскую и духовную. Свѣтская власть продолжала стоять во главѣ общественнаго труда имперіи, духовная—завѣдывала идеями, семейными и нравствен-

ными отношеніями, а также нѣкоторыми второстепенными отраслями общественнаго труда.

Объединеніе императорской власти и церковной администраціи представляетъ въ исторіи церкви крупный переворотъ.

Во-первыхъ, общественная организація „труждающихся“ и „обремененныхъ“, имѣвшая цѣли матеріальной и нравственной взаимопомощи на началахъ ученія Христа, перестаетъ существовать: ея мѣсто занимаетъ бюрократическое учрежденіе, создавшееся изъ административныхъ элементовъ церкви, которые образовали сложную іерархію, начиная съ діаконовъ, пресвитеровъ и кончая епископами, архіепископами, митрополитами и патріархами. Это учрежденіе, занявшее мѣсто рядомъ съ свѣтской бюрократіей, начинаетъ считать и называть церковью по преимуществу себя. Остальная часть церкви образовала изъ себя „паству“, т.-е. массу, которою совмѣстно управляютъ свѣтское правительство и духовное. Имущество, накопившееся вѣками въ церкви, становится достояніемъ „церкви“ новой, т.-е. обособившейся администраціи; матеріальная взаимопомощь превращается въ благотвореніе новой церкви нищимъ и убогимъ: въ V в. изъ церковныхъ доходовъ одна четверть шла на епископа, другая четверть на содержаніе прочаго духовенства, третья четверть на нужды культа (постройка и содержаніе храмовъ и пр.) и послѣдняя четверть на помощь бѣднымъ; позже и эта часть на бѣдныхъ сокращается, а затѣмъ благотвореніе церкви совершенно прекращается.

Нравственная взаимопомощь въ духѣ ученія Христа исчезаетъ и замѣняется воспитаніемъ „паствы“ въ духѣ полнаго подчиненія руководительству духовной и свѣтской власти.

Во-вторыхъ, христіанское ученіе изъ общественнаго, имѣвшаго цѣлью устройство бѣдныхъ, превращается въ правительственное, имѣвшее цѣлью болѣе искусное управленіе народной массой. Общественные элементы христіанскаго ученія оставляются безъ вниманіи, и впередъ выдвигаются элементы теоретическіе, отвлеченно-философскіе, научные. Этому въ значительной степени содѣйствовало начавшееся уже во II вѣкѣ сближеніе между христіанскимъ ученіемъ и греческой философіей, извѣстное подъ именемъ „эллинизаціи“ христіанскаго ученія.

Въ концѣ II в. и въ началѣ III-го въ Александріи, этомъ просвѣтительномъ греческомъ центрѣ Египта, возникаетъ пер-

вая великая богословская школа. Ея представители, Климентъ Александрійскій и въ особенности глубоко и широко образованный Оригенъ, вводятъ въ христіанское ученіе платонизмъ, проникнутый духомъ стоической философіи, т.-е. нѣкоторыя начала философіи Платона (427—347), переработанной на началахъ другой греческой философіи—стоической, основателемъ которой былъ Зенонъ (342 — 270). Александрійская школа примѣняетъ къ св. Писанію особый методъ объясненія — аллегорическій, или символическій, состояла въ томъ, что библейскія лица и событія разсматриваются не съ исторической точки зрѣнія, а иносказательно, какъ образы и формы, заключающіе въ себѣ особый сверхъестественный смыслъ [1]). Оригенъ первый положилъ основаніе систематическому христіанскому богословію. Въ началѣ IV в. въ Антіохіи возникла другая великая богословская школа. Въ отличіе отъ Александрійской Антіохійская школа привлекла къ выработкѣ христіанскаго богословія философію Аристотеля (384—322), а въ

---

[1]) Аллегорическое, или символическое, толкованіе св. Писанія возникло впервые у іудеевъ, заимствовавшихъ этотъ пріемъ въ свою очередь отъ греческихъ ученыхъ изъ Александріи.

Съ развитіемъ въ Греціи философіи передовая греческая мысль вступила въ противорѣчіе съ анимистическимъ міровоззрѣніемъ, сохранившимся въ народной массѣ. Приходилось или рѣшительно отвергать миоы и вступать въ опасное столкновеніе съ массой, или какъ-нибудь приспособить миоы къ новымъ воззрѣніямъ и такимъ образомъ рѣзко не порывать съ ней. Послѣдняя задача представляла большія выгоды, и она была разрѣшена при помощи аллегоріи, или символовъ: миоы стали объясняться не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ.

Этотъ пріемъ усвоили себѣ и еврейскіе ученые, которые стали примѣнять его къ св. Писанію. Такъ, напр., Филонъ, еврейскій писатель I в. по Р. Х., объясняетъ библейскій разсказъ о грѣхопаденіи первыхъ людей, какъ символическое изображеніе того факта, что человѣческая душа отовсюду окружена всевозможными соблазнами. Еврейскіе ученые шли даже дальше: живя подъ властью и среди грековъ, они знакомились съ греческимъ міровоззрѣніемъ и невольно воспринимали многіе его элементы, которые старались примирить съ св. Писаніемъ. Такъ, они стали сопоставлять Самсона съ Геркулесомъ, Ноя съ Девкаліономъ и т. д. Отъ еврейскихъ ученыхъ этотъ пріемъ толкованія былъ усвоенъ и христіанскими писателями. Возникло нѣсколько видовъ символическаго толкованія св. Писанія. Особенно широкое распространеніе у христіанскихъ писателей пріобрѣло толкованіе „прообразовательное", т.-е. такое, которое видѣло въ событіяхъ и лицахъ библейскихъ, особенно ветхозавѣтныхъ,—прообразъ будущаго,—прообразы событій и лицъ новозавѣтныхъ.

противоположность ей она примѣняла къ св. Писанію другой методъ толкованія—историко-филологическій.

Со времени признанія церкви государственнымъ учрежденіемъ ея представители сосредоточиваютъ свои интересы на развитіи научно-философской и богослужебной стороны христіанства. Возникаетъ продолжительное умственное движеніе, приведшее къ цѣлому ряду противорѣчащихъ другъ другу научно-философскихъ выводовъ изъ христіанскаго ученія. Началась упорная борьба мнѣній. По поводу ихъ представители церкви, главнымъ образомъ епископы, собирались на вселенскихъ соборахъ (отъ IV-го в. до IX в.), на которыхъ разсматривались эти мнѣнія. Одни изъ этихъ мнѣній были признаны ошибочными, „ересями“, и ихъ представители подверглись осужденію, а другія—правильными. Система правильныхъ научно-философскихъ выводовъ о христіанскомъ ученіи образовала систему догматовъ, не подлежащихъ новой критикѣ.

Но и интересы въ области религіознаго мышленія не долго возбуждали вниманіе христіанскаго населенія. Послѣдній изъ религіозныхъ вопросовъ, волновавшихъ христіанскій міръ, былъ вопросъ о поклоненіи иконамъ. Съ его разрѣшеніемъ въ пользу иконопочитанія (842) уже больше не поднимается религіозныхъ вопросовъ, которые разрѣшались бы при посредствѣ вселенскихъ соборовъ. Умственные интересы въ области религіи замираютъ, и даже догматическій вопросъ о Filioque, т.-е. о происхожденіи св. Духа не только отъ Отца, но и отъ Сына, не вызываетъ вселенскаго собора и остается неразрѣшеннымъ до сихъ поръ.

Интересъ богослужебный привелъ къ возникновенію всевозможныхъ богослуженій, распредѣленныхъ на цѣлый годъ по отдѣльнымъ днямъ, частямъ ихъ и пріуроченныхъ къ опредѣленнымъ моментамъ въ жизни общественной и частной.

Въ связи съ догматами и богослуженіями былъ выработанъ рядъ обрядовъ.

Въ X в. послѣ Р. Х. истиннымъ христіаниномъ считается человѣкъ, признающій безъ всякой критики догматы, выработанные на вселенскихъ соборахъ, исполняющій установленные обряды, исправно молящійся въ храмахъ и дома и вполнѣ отдающійся руководительству духовной и свѣтской власти.

Съ тѣхъ поръ, какъ церковь стала приспособляться къ господствовавшимъ въ Римской имперіи экономическимъ, обще-

ственно-политическимъ и культурнымъ отношеніямъ, т.-е. приблизительно съ III—IV в., немногія лица, для которыхъ христіанское ученіе продолжало сохранять интересъ практическій, какъ совокупность началъ для устройства совершенной жизни, стали покидать міръ, плохо поддававшійся воздѣйствію христіанскихъ началъ; они уходили въ пустыни и здѣсь, вдали отъ государства, пытались устроить свою жизнь на основахъ первоначальнаго демократическаго христіанства. Вокругъ тѣхъ изъ этихъ лицъ, которымъ указанная задача удавалась съ особеннымъ успѣхомъ, стали группироваться другія, имѣвшія ту же задачу. Такъ возникла особая форма христіанства,— отшельничество и монашество: одни лица вели отшельническую жизнь, т.-е. спасались одиночествомъ, другіе образовывали общины людей, рѣшившихъ устроить свои отношенія по образцу первоначальной христіанской церкви (монашество). Основателемъ отшельничества былъ Антоній В. (251—356), монашества—Пахомій В. (293—346). Отличительными чертами монашества были общій трудъ и аскетизмъ.

Составляя общину, монахи подъ руководствомъ игумена вели строгій образъ жизни, основанный на безпрерывномъ трудѣ (обработка земли, ремесла, выдѣлка цыновокъ и корзинъ изъ тростника, кузнечество, плотничество, тканье и т. д.). Частная собственность, какъ и въ первоначальной церкви, не допускалась: вмѣсто нея существовала общая монастырская собственность. Новымъ явленіемъ, сравнительно съ первоначальной церковью, былъ аскетизмъ, т.-е. строгое дисциплинированіе души и тѣла посредствомъ поста, бодрствованія, труда, молитвы и т. д. Аскетизмъ возникъ подъ вліяніемъ двухъ прямо противоположныхъ причинъ: съ одной стороны, онъ былъ возведеніемъ въ систему того естественнаго аскетизма, на который обрекается жизнь крайняго бѣдняка въ обществѣ съ рѣзкимъ раздѣленіемъ на богатыхъ и бѣдныхъ; съ другой стороны, онъ представлялъ прекрасный исходъ для многихъ богачей, организмы которыхъ страдали отъ излишествъ. Отшельничество и монашество были одинаково привлекательны и спасительны и для бѣдныхъ, и для богатыхъ. Представители монашества составляли для руководства уставы. Первый уставъ строгой монашеской жизни написанъ былъ Пахоміемъ Великимъ, основавшимъ въ Египтѣ первую монашескую общину. Другой уставъ написанъ былъ Василіемъ Великимъ († 379).

Изъ позднѣйшихъ уставовъ болѣе замѣчательнымъ является уставъ, написанный Ѳеодоромъ Студитомъ († 826).

Монашество стало быстро развиваться. Появилось множество монастырей въ разныхъ мѣстностяхъ Византіи и на Западѣ. Образцовая трудовая жизнь въ монастыряхъ стала привлекать въ его стѣны многихъ „мірянъ“: одни являлись сюда для того, чтобы самимъ пожить этой жизнью, другіе для того, чтобы пользоваться молитвами монаховъ, какъ наиболѣе вѣрно достигающими до неба. Къ послѣднимъ принадлежали по преимуществу богатые и знатные. Желая обезпечить себѣ блаженство въ загробномъ мірѣ, они жертвовали на монастыри деньги, земли, и монахи за это возносили о жертвователяхъ молитвы. Начался потокъ богатствъ въ монастыри, какъ нѣкогда въ христіанскую церковь. Это повело къ крутому измѣненію въ строѣ большинства монастырей: трудъ исчезаетъ, у монаховъ заводится частная собственность, аскетизмъ смѣняется внѣшнимъ соблюденіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ монашескихъ уставовъ; въ монастыри идутъ по преимуществу богатые и знатные люди для того, чтобы внѣшнимъ соблюденіемъ монашескихъ уставовъ заслужить блаженство въ загробной жизни. Въ монастыри вторгается „міръ“ съ его отношеніями, интересами, „послабленіями“ и „слабостями“. Рядомъ съ строгимъ общиннымъ монашествомъ появляется монашество келліотское, прямо ему противоположное. Это монашество состоитъ въ томъ, что постригшійся въ монахи не вступаетъ въ монашескую общину съ ея суровымъ образомъ жизни, а ставитъ себѣ въ монастырѣ особую келью, въ которой живетъ на свои средства особымъ хозяйствомъ, внѣ монастырскаго надзора и монашеской дисциплины. Такой монахъ могъ вести и строгій образъ жизни, и совершенно мірской. Съ возникновеніемъ въ монашествѣ келліотства монастыри начинаютъ пополняться лицами, ищущими не аскетически-дисциплинарныхъ условій жизни для спасенія души, а привольной праздной жизни на счетъ благотворителей-мірянъ.

Монашество имѣло большое значеніе въ развитіи византійскаго городского общества (преимущественно его высшихъ классовъ). Монашеская жизнь становится для него къ концу IX в. идеаломъ: оно усваиваетъ монашескія воззрѣнія и нѣкоторыя правила монастырской жизни (преимущественно внѣшнія) для своей частной домашней жизни.

Таковы основныя измѣненія, происшедшія въ церкви эпохи Римской имперіи и ея продолженія—Византіи. Къ этимъ измѣненіямъ присоединилось съ теченіемъ времени еще одно, весьма важное, нарушившее единство церкви. Римская имперія естественно распадалась на два культурныхъ міра—восточный, съ преобладаніемъ греческой культуры и греческаго языка, и западный, съ преобладаніемъ римской культуры и латинскаго языка. Различіе этихъ двухъ культуръ неизбѣжно должно было отразиться на церковной организаціи обоихъ міровъ—Запада и Востока. Съ политическимъ распаденіемъ Римской имперіи на два самостоятельныхъ государства и въ церкви образуется два міра: римско-христіанскій и византійско-христіанскій.

Во главѣ перваго продолжаетъ оставаться римскій архіепископъ, папа, занимавшій во всемъ христіанскомъ мірѣ первое мѣсто; во главѣ второго становится константинопольскій патріархъ. Между обоими представителями христіанской церкви существуютъ рѣзкія различія въ ихъ положеніи, объемѣ власти, авторитетѣ и т. д., что объясняется цѣлымъ рядомъ причинъ.

Во-первыхъ, пребываніе папы въ Римѣ, богатой столицѣ великой имперіи съ славнымъ прошлымъ, само по себѣ ставило папу выше константинопольскаго патріарха, мѣстопребываніе котораго находилось въ Константинополѣ, столицѣ молодой, съ ничтожнымъ прошлымъ.

Во-вторыхъ, римскій епископатъ возникъ уже въ I в. по Р. Х., когда христіанская церковь была еще гонима и проникнута высокимъ духомъ ея основателей; преданіе связываетъ возникновеніе римскаго епископата съ дѣятельностью апостола Петра въ Римѣ. Константинопольскій патріархатъ возникъ въ IV в. по Р. Х., по распоряженію свѣтской власти, въ цѣляхъ административнаго порядка. Такое различіе въ происхожденіи обусловило и различіе въ положеніи обоихъ представителей церкви и въ ихъ авторитетности. Папа въ Римѣ издревле привыкъ къ независимости отъ свѣтской власти въ своей области; римскій императоръ послѣ долгой борьбы съ христіанской церковью вынужденъ былъ признать ея силу и сдѣлать ей важныя уступки; папа, какъ главный представитель римскаго христіанства, долженъ былъ сознавать свою силу, оберегать ее по возможности отъ малѣйшихъ посягательствъ со стороны свѣтской власти; сама свѣтская власть должна была съ особымъ уваженіемъ и осторожностью отно-

ситься къ папѣ. Константинопольскій патріархъ, обязанный своимъ саномъ императору, долженъ былъ въ большей или меньшей степени подчиняться въ церковныхъ дѣлахъ видамъ императора. Такое различіе въ положеніи создавало для папы болѣе высокій авторитетъ среди христіанскаго населенія, нежели для константинопольскаго патріарха.

Въ-третьихъ, въ эпоху распаденія Западной Римской имперіи, когда исчезла императорская власть, населеніе, привыкшее въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ повиноваться руководительству одного лица, облеченнаго верховной властью, стало смотрѣть на папу, второе лицо послѣ императора, какъ на своего естественнаго руководителя. Къ папѣ такимъ образомъ естественно перешли нѣкоторыя функціи императорской власти. Съ этого времени папа сталъ объединять въ своемъ лицѣ двѣ власти— духовную и свѣтскую, причемъ вторая опиралась на первую, какъ на свой первоисточникъ (папо-цезаризмъ). На Востокѣ патріархъ обладалъ только духовной властью; но и этой властью онъ располагалъ лишь постольку, поскольку допускалъ это императоръ: духовная власть во всей своей полнотѣ находилась въ рукахъ императора, представителя свѣтской власти (цезаро-папизмъ).

Въ-четвертыхъ, папа въ силу своей независимости строже хранилъ традиціи православія, нежели константинопольскій патріархъ, что съ особенною яркостью сказалось въ эпоху иконоборства, когда папы должны были выступить на защиту иконъ противъ византійскихъ императоровъ и ихъ ставленниковъ, патріарховъ.

Когда Римская церковь стала великой силой на Западѣ, ея представитель началъ относиться, какъ власть имущій, и къ Византійской, развивавшейся въ обратномъ направленіи — въ духѣ подчиненія византійскому императору. Византійскій патріархъ или, точнѣе, скрывавшійся за нимъ византійскій императоръ, конечно, не могъ согласиться играть въ отношеніи къ восточной церкви роль подчиненную, и это привело къ фактическому разрыву между обѣими церквами (1054). Разрывъ такимъ образомъ былъ лишь открытымъ признаніемъ съ обѣихъ сторонъ коренныхъ различій въ строѣ, характерѣ и духѣ двухъ церквей, причемъ ни одна изъ нихъ не пожелала бы да и не смогла бы отказаться отъ своихъ характерныхъ чертъ въ пользу другой.

Коренное различіе между обѣими церквами тогда только чувствовалось, но основы его ясно не сознавались. Поэтому обѣ споривши стороны, нападая другъ на друга или обороняясь, хватались за различныя второстепенныя черты, которыя въ сущности не могли бы помѣшать обѣимъ церквамъ мирно жить въ единеніи другъ съ другомъ, какъ, напр., постъ въ субботу, безбрачіе духовенства и другія особенности западной церкви; даже Filioque, вопросъ объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, не могъ бы повести къ раздѣленію, если бы онъ подвергся обсужденію и рѣшенію на вселенскомъ соборѣ.

Окончательный разрывъ между восточной и западной церквами имѣлъ большое значеніе въ исторіи Европы: съ этого времени европейскіе народы дѣлятся на двѣ, чуждающіяся другъ друга группы,—народы, входящіе въ сферу вліянія западной церкви—романо-германскіе, къ которымъ позже присоединяются западные славяне, и народы, входящіе въ сферу вліянія восточной церкви—южные и восточные славяне. Между обѣими церквами происходитъ ожесточенная борьба изъ-за расширенія сферы вліянія. Народы, примыкающіе къ одной церкви, воспитываются духовенствомъ въ духѣ вражды и ненависти къ народамъ, входящимъ въ составъ другой церкви.

Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ развитія христіанской церкви.

Признаніе римской государственной властью силы христіанской церкви и преобразованіе ея въ государственное учрежденіе дало въ жизни населенія обѣихъ частей государства перевѣсъ еврейско-христіанскому міропониманію, которое въ свою очередь стало налагать сильный отпечатокъ на характеръ и направленіе просвѣщенія и культуры на Западѣ и на Востокѣ.

3) Просвѣщеніе въ Византіи. За все время своего существованія Византія была просвѣщенной страной, въ которой почти безпрерывно процвѣтало школьное дѣло, разрабатывались различныя отрасли наукъ, развивались литературная дѣятельность, поэтическое творчество, художественныя искусства.

а) *Школа.* Византійскія школы были двоякаго рода: низшія и высшія. Онѣ открывались и содержались частными лицами, главнымъ образомъ, учителями, а также частными и правительственными учрежденіями, монастырями, патріаршимъ дворомъ, императорскимъ дворомъ. Были также школы чисто семейныя: богатыя аристократическія фамиліи устраивали у себя

временныя школы, въ которыхъ получали образованіе ихъ дѣти, не только мальчики, но и дѣвочки.

Изъ высшихъ школъ, которыхъ, впрочемъ, было немного, главной была константинопольская академія, получавшая содержаніе изъ средствъ императорскаго двора. Ея существованіе и положеніе всецѣло зависѣли отъ расположенія къ ней императоровъ.

Курсъ наукъ, проходимыхъ въ византійскихъ школахъ, былъ двоякій: низшій и высшій.

Низшій курсъ, которому обучались въ возрастѣ отъ 6—16 л., распадался на два возраста: младшій возрастъ, отъ 6—8 л., обучался грамотѣ, т.-е. чтенію, письму, орѳографіи; старшій возрастъ, отъ 8—16 л., изучалъ грамматику и піитику (теорію поэзіи и особенно стихосложенія).

Высшій курсъ, которому обучались въ возрастѣ отъ 16—25 лѣтъ, охватывалъ слѣдующія науки: реторику (теорію стиля и прозы), философію (распадавшуюся на слѣдующія науки: логику—науку о правилахъ мышленія, діалектику—науку о правилахъ разсужденія), метафизику, отчасти исторію, иногда математику, богословіе и законовѣдѣніе.

Изученіе наукъ низшаго и высшаго курса по учебникамъ сопровождалось тщательнымъ ознакомленіемъ съ соотвѣтствующими произведеніями древне-греческой и византійско-христіанской мысли.

Полный курсъ низшихъ и высшихъ наукъ проходился только немногими, наиболѣе одаренными, лицами. Обыкновенно въ Византіи довольствовались низшимъ курсомъ и нѣкоторыми науками изъ высшаго.

Въ курсъ византійской школьной науки не входила одна наука, которая считалась самой высокой и была самой трудной: *мистика*, наука о таинственной связи между человѣкомъ и Богомъ, между явленіями въ природѣ и жизни и сверхъестественнымъ міромъ, наука, предсказывающая на основаніи этой связи будущее.

б) Развитіе научной и литературной дѣятельности. Научная и литературная дѣятельность въ Византіи распадается на четыре эпохи:

а) Эпоха ранняго византизма. Она охватываетъ время отъ Константина В., въ началѣ IV-го в., до половины VII-го в. Въ эту эпоху происходитъ послѣдняя борьба между

новымъ міровоззрѣніемъ, византійско-христіанскимъ, или „византизмомъ“, и древнимъ греко-римскимъ міровоззрѣніемъ. Эта эпоха сопровождалась процвѣтаніемъ литературной и научной дѣятельности.

Въ свѣтской поэзіи водворяется изысканность стиля. Является много поэтовъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны Нонн, основавшій цѣлую школу, Павелъ Силентіарій, Агаѳій, Георгій Писидъ. Но при всемъ своемъ изяществѣ свѣтская поэзія значительно уступала церковной по силѣ своего настроенія и чувства; представителями послѣдней были Романъ Сладкопѣвецъ, императоръ Юстиніанъ, патріархъ Сергій.

Изъ наукъ особеннаго процвѣтанія достигаетъ исторія въ лицѣ Прокопія, Агаѳія, Петра Патрикія, Менандра Протектора, Ѳеофилакта; къ историческимъ трудамъ примыкаютъ и хроники (лѣтописи монашескаго происхожденія); наиболѣе выдающимся лѣтописцемъ этой эпохи является Іоаннъ Малала.

Въ противоположность исторіи философія въ эту эпоху совершенно падаетъ и сводится почти исключительно къ комментированію сочиненій Аристотеля.

Зато въ области филологіи происходитъ дѣятельная работа: собираются, перерабатываются и комментируются древнія произведенія; составляется важное школьное пособіе—реторическій словарь такъ называемаго Кирилла; цѣлый рядъ школьныхъ учителей, какъ, напр., Іоаннъ Филопономъ, Іоаннъ Хараксъ и Георгій Херобоскъ, дѣлаютъ рядъ извлеченій изъ грамматическихъ сочиненій древнихъ и снабжаютъ ихъ комментаріями.

Управленіе обширнымъ государствомъ создавало потребность въ систематическомъ законодательствѣ. Съ этой цѣлью собираются традиціи римскаго права и издаются подъ названіемъ Corpus juris. Это право, дополненное и развитое спеціально-византійскимъ законодательствомъ, стало потомъ образцомъ и для права западно-европейскаго. По образцу свѣтскаго права въ Византіи возникло и право церковное: въ VI в. появились сборники церковнаго, или каноническаго права, въ которыхъ изложены постановленія вселенскихъ соборовъ и императорскіе законы по церковнымъ дѣламъ. Изъ этихъ постановленій и законовъ возникъ сводъ подъ именемъ „Номоканона“, который выдержалъ нѣсколько редакцій и пріобрѣлъ

вліяніе на законодательство славянскихъ народовъ православнаго исповѣданія.

Въ эту же эпоху достигаетъ наивысшаго процвѣтанія богословіе въ лицѣ свв. отцовъ и учителей церкви, каковы Василій В., Григорій Богословъ, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Златоустъ, Ѳеодоритъ Кирскій, Іоаннъ Синайскій Лѣствичникъ и др.

β) *Эпоха торжества византизма.* Она начинается въ половинѣ VII-го в. и кончается къ половинѣ IX-го в. Это—эпоха, когда византійско-христіанское міровоззрѣніе торжествуетъ полную побѣду надъ древне-греческимъ духомъ. Вторая половина ея занята иконоборствомъ.

Просвѣщеніе въ эту эпоху совершенно падаетъ. Константинопольская академія закрывается. Научное и литературное творчество замираетъ. Только въ области богословія можно отмѣтить немногихъ выдающихся представителей. Таковы: Іоаннъ Дамаскинъ († ок. 753)—великій систематикъ догматическаго богословія, архіепископъ Германъ († 740) и патріархъ Тарасій (784—806), авторы аскетическихъ и моральныхъ сочиненій, и Андрей Критскій, церковный поэтъ.

γ) *Эпоха возрожденія и расцвѣта византійскаго просвѣщенія.* Она начинается около половины IX-го в. и продолжается до половины XIII-го в. Въ эту эпоху Византія переживаетъ процессъ необыкновеннаго расцвѣта своего просвѣщенія, своей литературной и научной дѣятельности.

Константинопольская академія открывается вновь. Возобновляется изученіе античныхъ писателей. Толчокъ къ этому дается въ половинѣ IX-го в. знаменитымъ Фотіемъ, человѣкомъ съ огромной ученостью.

Въ X-мъ в. съ особенною силою проявляется стремленіе къ собиранію, изученію и комментированію древнихъ писателей. Среди такихъ собирателей древности особенно выдается императоръ Константинъ Порфирогенетъ († 959), знаменитый и собственными сочиненіями въ разныхъ отрасляхъ науки. Къ этому же вѣку относится появленіе словаря Свиды.

Въ XI в. самымъ выдающимся дѣятелемъ съ замѣчательнымъ реторическо-философскимъ образованіемъ является Михаилъ Пселлъ († 1079). Ему византійское просвѣщеніе обязано тѣмъ, что въ противовѣсъ авторитету Аристотеля выдвигается Платонъ съ его художественной метафизикой.

XII в. отличается разносторонностью литературной и научной дѣятельности. Въ области исторіи появляются такія выдающіяся лица, какъ Никифоръ Вріенній, Анна Комненъ, Киннамъ, Никита Акоминатъ.

Въ эту же эпоху возрождается послѣ 500-лѣтняго молчанія греческій романъ („Роданѳа и Досиклей“ Ѳеодора Продрома, „Дросилла и Хариклъ“ Никиты Евгеніана, „Исмина и Исминіасъ“ Евстаѳія, „Каллимахъ и Хрисорроя“, „Вельѳандръ и Хрисанца“, „Ливистръ и Родамна“ и др.).

д) Эпоха Палеологовъ. Она занимаетъ время отъ половины XIII в. до половины XV в., когда Византія пала. Эта эпоха по своему просвѣщенію можетъ быть названа эпохой ранняго гуманизма. Литературное и научное творчество византійцевъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ совершается подъ вліяніемъ классической литературы. Какъ и въ предшествующую эпоху появляется рядъ лицъ съ огромнымъ энциклопедическимъ образованіемъ. Къ нимъ относятся для XIII в. Георгій Пахимеръ, для XIV в.—Никифоръ Григора, для XV в.—Георгій Плеѳонъ и Виссаріонъ.

Таковы главныя эпохи въ развитіи византійской научной и литературной дѣятельности. По своему содержанію она имѣетъ характеръ по преимуществу аристократическій, такъ какъ она отражала и выражала интересы правящихъ классовъ. Даже языкъ ея произведеній носитъ аристократическій характеръ, такъ какъ рѣзко отличался отъ разговорнаго языка широкой публики и народныхъ массъ.

в) Искусства. Художественныя искусства, т.-е. архитектура, живопись и скульптура, въ Византіи постепенно подвергаются вліянію христіанскихъ идей.

Архитектура христіанскаго храма первоначально, за неимѣніемъ своихъ образцовъ, должна была обратиться къ образцамъ античнымъ. Такимъ образцомъ для христіанскаго храма послужила базилика, т.-е. зданіе, въ которомъ въ языческую пору происходили судъ и торговыя сдѣлки. По своей величинѣ это зданіе лучше всего могло удовлетворить цѣли христіанскаго храма. Заимствовавъ форму базилики, какъ образецъ для христіанскаго храма, архитекторы подвергли ее нѣкоторымъ измѣненіямъ. Христіанская базилика представляла изъ себя продолговатое четыреугольное зданіе, которое дѣлилось вдоль рядами колоннъ или на три части, или на пять

частей, называвшихся кораблями. Средній корабль былъ выше боковыхъ и освѣщался рядомъ оконъ, сдѣланныхъ въ верхней части стѣнъ. Боковые корабли назначались—съ одной стороны для мужчинъ, съ другой—для женщинъ.

Этотъ типъ базилики подвергается нѣкоторымъ измѣненіямъ со времени Константина В. По мѣрѣ того, какъ крестъ становится предметомъ особаго почитанія христіанъ, форму креста стараются придать и христіанскому храму. Вслѣдствіе этого базилика получаетъ еще одинъ корабль, поперечный, и пріобрѣтаетъ такимъ образомъ форму продолговатаго креста. Базилика и того и другого типа имѣла плоскій потолокъ или двускатную крышу съ открытыми стропилами; позднѣе стали дѣлать во всю длину базилики сводъ.

Наряду съ базиликами возникали также храмы круглой или восьмиугольной формы, увѣнчанные куполомъ.

Эти типы христіанской архитектуры были общими для Римской имперіи до смерти Ѳеодосія. Со смерти Ѳеодосія и съ окончательнымъ выдѣленіемъ Византіи въ самостоятельное государство христіанская архитектура развивается уже своими путями, отчасти подъ вліяніемъ азіатскаго Востока. Византійцы соединяютъ куполъ не только съ круглымъ или восьмиугольнымъ основаніемъ, но и съ четыреугольнымъ основаніемъ. Образцомъ послѣдней формы храма, т.-е. четыреугольнаго зданія съ возвышающимся центральнымъ куполомъ является храмъ св. Софіи, построенный въ Константинополѣ при Юстиніанѣ В. (VI в.).

Съ построеніемъ этого храма форма базилики въ Византіи исчезаетъ. Основной формой христіанскаго храма на всемъ Востокѣ съ этого времени становится квадратъ съ вписаннымъ равнокопечнымъ крестомъ, увѣнчаннымъ посрединѣ куполомъ, который опирается на четырехъ столбахъ. Этотъ основной типъ византійскаго храма подвергается дальнѣйшему измѣненію лишь въ деталяхъ, а именно: число куполовъ увеличивается, куполъ удлиняется на своихъ основаніяхъ и пріобрѣтаетъ форму цилиндра, покрытаго полусферой.

Живопись, какъ и архитектура, первоначально должна была черпать образцы и технику изъ живописи и скульптуры античной. Въ первые вѣка христіанства типы Христа, Богородицы, апостоловъ и т. д., а также композиціи евангельскихъ событій отличаются еще неопредѣленностью. Христосъ изобра-

жается безъ бороды, въ видѣ языческаго Орфея, или въ видѣ добраго пастыря съ агнцемъ на плечахъ.

Въ VI в. въ церковной живописи уже начинаютъ появляться болѣе опредѣленные образы Христа, Богородицы, апостоловъ и т. д., съ индивидуальными чертами лица, съ опредѣленнымъ костюмомъ и при особой для каждаго образа обстановкѣ. Обширныя композиціи, появляющіяся съ этого времени, также обнаруживаютъ успѣхъ христіанскихъ идей въ византійскомъ обществѣ. Въ этомъ отношеніи любопытна мозаика въ св. Софіи, изображающая Христа на престолѣ. Христосъ въ бѣломъ одѣяніи возсѣдаетъ на великолѣпномъ тронѣ. Одной рукой Христосъ благословляетъ входящихъ въ храмъ, а въ другой онъ держитъ раскрытую книгу со словами: „Миръ вамъ! Азъ есмь свѣтъ міру“. Голова Христа окружена нимбомъ; Его лицо исполнено строгости, смягченной кротостью выраженія. По обѣимъ сторонамъ трона изображены въ медальонахъ Богородица и архангелъ Михаилъ. У ногъ Христа изображенъ распростершійся въ поклонѣ императоръ въ богатой одеждѣ съ діадемой на головѣ и съ нимбомъ вокругъ головы. Эти образы проникнуты уже сильнымъ христіанскимъ духомъ. Техника рисунка—античная. Особенностью этихъ композицій является отсутствіе перспективы. Въ этомъ сказалось вліяніе на технику живописи скульптурныхъ изображеній.

Византійская живопись развивалась рука объ руку съ *скульптурой*, которая также поддавалась воздѣйствію христіанскихъ идей. Но христіанство, выросшее на почвѣ іудейства, раздѣляло вмѣстѣ съ послѣднимъ боязнь передъ скульптурой: скульптура для него связывалась съ представленіемъ объ идолопоклонствѣ. Поэтому скульптура въ Византіи постепенно падаетъ. Особенно большой ударъ нанесенъ былъ скульптурѣ въ эпоху иконоборства, когда изъ области ея были изгнаны религіозные сюжеты. Съ этого времени и живопись византійская, тѣсно связанная съ скульптурой, начинаетъ измѣняться къ худшему. Съ побѣдой монашествующаго, аскетическаго христіанства античные элементы въ византійской живописи исчезаютъ, и начинаетъ брать перевѣсъ направленіе богословское, иконописное. Церковная живопись поступаетъ подъ надзоръ духовенства; ее подчиняютъ опредѣленнымъ правиламъ, шаблонамъ; церковный живописецъ лишается права на свободное творчество; его дѣятельность сводится къ простому копированію;

техника ухудшается: краски становятся мутными, свѣтлые тона смѣняются темными; изящныя лица смѣняютси длинными худощавыми фигурами съ впалыми щеками и глубоко ушедшими глазами. Паденіе церковной живописи становится особенно замѣтнымъ съ XIII вѣка.

Просвѣщеніе и обширная литература Византіи пріобрѣли большое вліяніе на сосѣдніе, менѣе просвѣщенные народы, особенно на славянъ.

24. Византія и славяне. Ближайшими сосѣдями Византіи были южные славяне — болгары и сербы. Первые изъ нихъ занимали сѣверо-восточную часть Балканскаго полуострова, вторые — сѣверно-западную часть. Государственный строй у тѣхъ и у другихъ появился во второй половинѣ VII в.

Осѣдая въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ Балканскаго полуострова, иногда очень значительными массами, славяне подвергли сильному измѣненію этнографическій составъ этой страны: они или оттѣсняли грековъ и эллинизированныхъ инородцевъ изъ внутреннихъ частей Балканскаго полуострова къ берегамъ, или сливались съ ними, причемъ либо ославянивали грековъ, либо сами подвергались эллинизаціи.

Смѣшеніе славянъ съ греками повело за собой смѣшеніе двухъ бытовъ — греческаго и славянскаго. Такъ, воздѣйствію славянскаго быта надо приписать то, что крестьяне въ первое время существованія Византіи раскрѣпощались, въ противоположность крестьянамъ на Западѣ: въ VIII в. по „Земледѣльческому закону“ Льва III Исаврiянина вмѣсто колоновъ, т. е. земледѣльцевъ, лично свободныхъ, но прикрѣпленныхъ къ землѣ и обязанныхъ платить оброкъ господину, какъ это было въ III—V вв., на Балканскомъ полуостровѣ находятся крестьяне двухъ разрядовъ: крестьяне собственники, владѣющіе землею на общинныхъ началахъ, и крестьяне-арендаторы, и тѣ и другіе — совершенно свободные.

Но и славяне должны были подвергнуться вліянію болѣе высокой культуры Византіи. Славяне усваиваютъ, напр., нѣкоторыя черты византійскаго экономическаго и общественно-политическаго строя: у нихъ появляется крупное землевладѣніе, которое сосредоточивается въ рукахъ создавшейся аристократіи, царская власть, чиновничество и т. д. Кромѣ того, на мѣстахъ своихъ поселеній славяне нашли христіанскую религію и опредѣленное церковное устройство и не могли не

подчиниться ихъ вліянію; ославянившіеся греки должны были сохранить не мало чертъ христіанскихъ навыковъ въ бытѣ и воззрѣніяхъ; эти навыки, воззрѣнія, черты быта должны были выразиться въ славянскомъ языкѣ, породивъ соотвѣтствующія слова, которыхъ на языкѣ славянъ не было до ихъ появленія на Балканскомъ полуостровѣ. Благодаря тѣсному взаимодѣйствію между славянской и эллинской стихіей языкъ балканскихъ славянъ еще до оффиціальнаго принятія ими христіанства выработалъ соотвѣтствующія слова, выраженія и обороты рѣчи, при помощи которыхъ можно было выразить многія понятія, созданныя византійско-христіанской культурой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ южные славяне съ усложненіемъ ихъ жизни вынуждены были при постоянныхъ сношеніяхъ съ греками перейти къ письменности. По свидѣтельству болгарскаго писателя, монаха Храбра (IX — X вв.), славяне, еще будучи язычниками, уже располагали особыми письменными знаками, которые онъ называетъ „чертами“ и „рѣзами“. Эти черты и рѣзы, повидимому, изображались при помощи остраго орудія на деревѣ, на палочкахъ и кускахъ коры и служили лишь для очень элементарныхъ записей или для ворожбы. Свидѣтельство черноризца Храбра, повидимому, дополняется другими свидѣтельствами: арабскій путешественникъ Ибнъ-Фодланъ (X в.), разсказывая о видѣнномъ имъ погребеніи русса, говоритъ, что на курганѣ надъ его прахомъ былъ поставленъ столбъ, на которомъ были написаны имена умершаго и князя руссовъ; арабскій писатель Ибнъ-Недимъ (X в.) передаетъ, что одинъ его соотечественникъ, побывавшій въ землѣ руссовъ, привезъ оттуда полученную имъ отъ русса палочку съ русскою надписью, при чемъ Ибнъ-Недимъ даетъ даже въ своемъ сочиненіи копію съ этой надписи; западный писатель Дитмаръ Мерзебургскій (XI в.) сообщаетъ, что на идолахъ славянъ-язычниковъ были вырѣзаны имена боговъ. Всѣ эти свидѣтельства, повидимому, относятся къ упомянутымъ черноризцемъ Храбромъ чертамъ и рѣзамъ, которые у славянъ не получили дальнѣйшаго развитія и для потомковъ погибли.

Черноризецъ Храбръ свидѣтельствуетъ и о томъ, что славяне, принявшіе крещеніе, стали пользоваться буквами греческой и латинской азбукъ. Вѣроятно, въ началѣ такое пользованіе было безпорядочнымъ; впослѣдствіи оно становится болѣе упорядоченнымъ. Въ X в. встрѣчаются у иностранныхъ

писателей указанія на существованіе у славянъ двухъ азбукъ: кириллицы и глаголицы. Кириллица, изобрѣтеніе которой приписывается св. Кириллу, возникла изъ греческой азбуки, причемъ буквы для славянскихъ звуковъ, которыхъ нѣтъ въ греческомъ языкѣ, заимствованы изъ другихъ азбукъ, повидимому, восточныхъ. Что касается глаголицы, которая отличается оригинальностью очертаній, то ея происхожденіе и до сихъ поръ еще не объяснено какъ слѣдуетъ. Одни изслѣдователи полагаютъ, что она есть не что иное, какъ видоизмѣненная кириллица. Другіе думаютъ, что и кириллица, и глаголица одинаково самостоятельно выработались изъ греческаго алфавита; разница между ними лишь та, что кириллица возникла изъ греческаго уставнаго письма, которымъ въ Греціи писались Евангеліе и важные государственные документы, а глаголица произошла отъ греческой скорописи X в. Третьи полагаютъ, что глаголица выработалась изъ греческой азбуки подъ сильнымъ вліяніемъ національныхъ славянскихъ письменъ—чертъ и рѣзовъ, о которыхъ упоминаетъ черноризецъ Храбръ.

Въ древнее время глаголица отличалась большой распространенностью. Русскіе, до принятія крещенія, были знакомы съ глаголицей: есть доказательства, что договоры Олега, Игоря и Святослава съ греками, написанные первоначально на греческомъ языкѣ и переведенные на древне-русскій языкъ, были написаны глаголицей, и уже впослѣдствіи, когда кириллица получила у русскихъ преобладаніе, договоры были переписаны кириллицей.

25. Константинъ и Меѳодій. Просвѣтителями славянъ и создателями славянской письменности считаются братья Константинъ, въ монашествѣ—Кириллъ (827—869), и Меѳодій († 885).

Они были родомъ изъ Македоніи. Отецъ ихъ, знатный чиновникъ Левъ, жилъ въ городѣ Солунѣ (Ѳессалоникахъ), занимая постъ товарища военнаго областного начальника. Въ то время Македонія была густо населена славянами-болгарами, съ которыми греки находились въ безпрерывныхъ административныхъ, торгово-промышленныхъ и культурныхъ отношеніяхъ. Для существованія этихъ отношеній болгары должны были знать греческій языкъ и греки болгарскій.

Поэтому братья Константинъ и Меѳодій съ дѣтства знали не только греческій языкъ, но и языкъ солунскихъ славянъ-болгаръ.

Старшій братъ, Меѳодій, получивъ домашнее образованіе, поступилъ на военную службу. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ управлялъ одной славяно-греческой областью, а затѣмъ, отказавшись отъ свѣтской жизни, постригся въ монахи въ одномъ изъ греческихъ монастырей на малоазійскомъ Олимпѣ (къ юго-востоку отъ Бруссы).

Младшій братъ, Константинъ, уже въ дѣтствѣ обнаружилъ выдающіяся способности. Онъ съ такою страстью отдавался ученію, что обратилъ на себя вниманіе логоѳета Ѳеоктиста, бывшаго опекуномъ царевича Михаила, и былъ вызванъ въ Константинополь для совмѣстныхъ съ Михаиломъ занятій въ придворной школѣ. Въ это время упавшій было въ Византіи интересъ къ умственнымъ занятіямъ снова оживился. Въ Константинополѣ возникъ кружокъ образованныхъ людей, изучавшихъ сочиненія отцовъ церкви, а также греческихъ и римскихъ писателей. Во главѣ кружка стоялъ знаменитый своей ученостью Фотій, возстановитель византійскаго просвѣщенія, ставшій впослѣдствіи константинопольскимъ патріархомъ. Константинъ попалъ подъ руководство Фотія и послѣдовательно прошелъ кругъ высшихъ наукъ (§ 23). Константину открывалась перспектива блестящей карьеры; но послѣдняя, повидимому, не влекла его къ себѣ: привлекательнѣе представлялась ему дѣятельность въ области духовнаго творчества. Онъ принялъ санъ священника и сдѣлался библіотекаремъ при церкви св. Софіи, а затѣмъ ушелъ въ монастырь. Только настоятельныя просьбы друзей заставили его вернуться въ Константинополь. Константинъ сдѣлался учителемъ философіи, и съ этого времени за нимъ сохраняется въ потомствѣ званіе философа.

Дѣятельность Константина, а вмѣстѣ съ нимъ и его брата Меѳодія, носитъ по преимуществу характеръ миссіонерскій. Правительство даетъ ему рядъ порученій, которыя онъ искусно исполняетъ. Такъ, онъ принялъ участіе въ спорахъ съ иконоборцами и магометанами, отправился въ Малую Азію состязаться съ магометанами. Здѣсь, между прочимъ, Константинъ познакомился съ переводами св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на сирійскій языкъ.

Въ 861 г. въ Константинополь явилось посольство изъ Хазарской земли (между устьемъ Волги и Дономъ, въ прикаспійскихъ степяхъ) съ просьбой послать къ хазарамъ ученаго богослова для диспута съ іудеями и арабами-магомета-

нами. По назначенію царя Михаила III и патріарха Фотія отправился къ хазарамъ Константинъ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ. По дорогѣ къ хазарамъ Константинъ остановился въ Корсунѣ (Херсонесъ, на сѣверномъ берегу Чернаго моря, недалеко отъ нынѣшняго Севастополя) и здѣсь изучалъ еврейскій языкъ. Здѣсь же, по любопытному свидѣтельству „Паннонскихъ житій св. Кирилла и Меѳодія“, Константинъ нашелъ Евангеліе и Псалтирь, написанныя „русскими письменами“; нашелся и человѣкъ, говорившій на русскомъ языкѣ. Константинъ вступилъ съ нимъ въ бесѣду и, повидимому, довольно быстро усвоилъ „русскій“ языкъ. Затѣмъ Константинъ занялся грамматическимъ изслѣдованіемъ этого языка, сталъ сравнивать его письмена, гласныя и согласныя, съ „своимъ языкомъ“, какъ говорится въ упомянутыхъ житіяхъ, и скоро началъ читать на русскомъ языкѣ и объяснять прочитанное.

Что это за русскій языкъ, мнѣнія ученыхъ расходятся. Большинство склоняется къ тому, что найденныя въ Корсунѣ Евангеліе и Псалтирь были написаны на готскомъ языкѣ (въ Крыму жили остатки готовъ), а готы родственны скандинавамъ, варяго-руссамъ: руссами могли называться и готы по близкому ихъ родству съ варяго-руссами, основавшими русское государство. Таково господствующее мнѣніе. Однако оно оспаривается. *Во-первыхъ*, едва-ли готы когда-либо называли себя русскими, а переводъ библіи на готскій языкъ епископомъ Ульфилою—переводомъ на русскій языкъ. *Во-вторыхъ*, Константинъ не былъ знакомъ ни съ однимъ изъ германскихъ языковъ и потому едва ли могъ чуть-ли не въ первый же день бесѣды съ руссомъ научиться говорить по-готски и затѣмъ въ короткое время даже читать и объяснять прочитанное. Если же предположить, что Евангеліе и Псалтирь въ самомъ дѣлѣ были написаны на русскомъ языкѣ и что русскія письмена были не что иное, какъ глаголица, то пониманіе Константиномъ съ первой же встрѣчи языка, на которомъ говорилъ съ нимъ русскій, объясняется совершенно удовлетворительно: между болгарскимъ языкомъ, который Константинъ хорошо зналъ съ дѣтства, и древне-русскимъ различіе въ то время было не особенно велико. Этимъ предположеніемъ легко объясняется и предпринятое Кирилломъ сравненіе фонетики русскаго языка съ „своимъ“ языкомъ, очевидно, болгарскимъ; это сравненіе, повидимому, естественно напрашивалось въ виду близости обоихъ

языковъ. Правда, нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какъ появились Евангеліе и Псалтирь въ древне-русскомъ переводѣ; но возможность ихъ появленія внѣ сомнѣній: благодаря тѣснымъ торговымъ сношеніямъ съ Византіей христіанство на Руси существовало задолго до его оффиціальнаго принятія въ Кіевскомъ княжествѣ. Для удовлетворенія элементарныхъ религіозныхъ нуждъ этихъ христіанъ могли появиться Евангеліе и Псалтирь въ переводѣ на русскій языкъ, сдѣланномъ какимъ-либо христіаниномъ варяго-руссомъ, хорошо знакомымъ съ греческимъ языкомъ и языкомъ кіевскихъ русскихъ. Письмена перевода были, вѣроятно, греческія, передѣланныя на національно-славянскій ладъ („черты“ и „рѣзы“) съ присоединеніемъ для обозначенія чисто славянскихъ звуковъ буквъ, заимствованныхъ русскимъ переводчикомъ, весьма возможно, изъ азбукъ восточныхъ народовъ, что русскому сдѣлать было нетрудно въ силу не менѣе давнихъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ черезъ посредство хазаръ, которымъ одно время русскіе славяне были подчинены.

Но на какомъ бы языкѣ ни были написаны эти загадочныя книги, онѣ, повидимому, имѣли большое значеніе для дальнѣйшей дѣятельности Константина и Меѳодія. Въ тѣ времена въ христіанской церкви, на Востокѣ и на Западѣ, господствовало убѣжденіе въ томъ, что церковными языками могутъ быть только три языка—еврейскій, греческій и латинскій, точнѣе два языка—греческій и латинскій, языки двухъ главныхъ культурныхъ міровъ. Въ этомъ убѣжденіи выражалось фактическое господство двухъ старыхъ культуръ, не считавшихъ нужнымъ дѣлать уступки народамъ молодымъ, стоявшимъ на низшей степени развитія культуры. Фактъ существованія Евангелія и Псалтири на русскомъ или готскомъ языкѣ, а также фактъ существованія въ эпоху Кирилла христіанскаго богослуженія и св. Писанія на языкахъ нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ, какъ, напр., на арабскомъ, армянскомъ и др., долженъ былъ ослабить въ психикѣ Константина господство указаннаго всеобщаго убѣжденія, царившаго въ греко-римскомъ христіанскомъ мірѣ.

Изъ Корсуня Константинъ съ братомъ отправились далѣе къ мѣсту своего назначенія. Исполнивъ возложенное на нихъ порученіе, [1]) братья вернулись обратно на родину.

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, что они отправились туда

Особенно важное историческое значеніе пріобрѣла миссія Константина въ Моравію, государство западныхъ славянъ, находившееся въ предѣлахъ нынѣшней Австро-Венгріи.

Въ первой половинѣ IX в. Моравія находилась подъ властью Германіи. Въ то время Германія была носительницей римско-христіанской культуры, причемъ языкомъ церкви, школы и литературы былъ у нея латинскій, единственный языкъ, который признавался западной церковью. Германское духовенство распространило въ Моравіи римское христіанство и подчинило моравовъ въ церковномъ отношеніи Зальцбургской архіепископіи. Моравское духовенство, и низшее и высшее, состояло изъ нѣмцевъ. Въ 855 г. моравы завоевали себѣ политическую независимость отъ нѣмцевъ. Вслѣдъ за этимъ явилась потребность освободиться и отъ нѣмецкаго духовенства и завести свое. Германія, чтобы сломить Моравію, вступила въ союзъ съ Болгаріей. Моравія, ища себѣ опоры, рѣшилась отдаться подъ покровительство врага Болгаріи—Византіи. Съ этой цѣлью въ 862 г. въ Константинополь явилось изъ Моравіи посольство. Отдаваясь подъ покровительство Византіи, Моравія естественно признавала надъ собою вліяніе Византіи и въ церковномъ отношеніи. Моравскій князь просилъ прислать къ нему епископа, который могъ бы создать въ Моравіи національное духовенство. Византія согласилась придти на помощь западнымъ славянамъ: она рѣшила отправить къ нимъ своихъ священниковъ и предложила стать во главѣ ихъ Константину и Меѳодію.

Выборъ византійскаго правительства оказался очень удачнымъ. Константинъ и Меѳодій, знавшіе хорошо языкъ солунскихъ болгаръ, рѣшили прежде, чѣмъ вступить въ борьбу съ нѣмецкимъ духовенствомъ, выработать стройную славянскую азбуку и перевести на языкъ солунскихъ болгаръ главнѣйшія книги св. Писанія [1]). Ознакомляя моравскихъ славянъ съ основами христіанскаго ученія на языкѣ, близкомъ къ ихъ языку, Константинъ могъ надѣяться на то, что ему удастся одержать верхъ надъ нѣмецкимъ духовенствомъ съ его латин-

---

для проповѣди христіанства среди русской кіевской аристократіи послѣ пораженія Аскольда въ 860 г.

[1]) Это рѣшеніе созрѣло у Константина, конечно, подъ вліяніемъ существованія переводовъ книгъ св. Писанія на сирійскомъ, „русскомъ", армянскомъ и др. языкахъ.

скимъ языкомъ, непонятнымъ для славянской массы. Византійское правительство нашло планъ Константина превосходнымъ. Въ отношеніи къ своимъ сосѣдямъ, южнымъ славянамъ, оно само держалось такой же политики, какой держался Римъ въ отношеніи къ германцамъ, а германцы въ отношеніи къ славянамъ: оно распространяло христіанство среди нихъ на греческомъ языкѣ, и богослуженіе въ храмахъ совершалось греческимъ духовенствомъ на греческомъ языкѣ, непонятномъ для славянъ. Дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобы эллинизировать славянъ и тѣмъ легче подчинять ихъ своей власти. Но для Моравіи византійское правительство сдѣлало исключеніе: оно хорошо понимало, что этотъ далекій отъ нея народъ можно было подчинить себѣ только при осуществленіи предложенія Константина.

Въ 863 г. Константинъ составилъ славянскую азбуку, получившую названіе кириллицы. Она состояла, по свидѣтельству черноризца Храбра, изъ 38 буквъ. Эта азбука, по имени изобрѣтателя, получила названіе кириллицы. Изъ 38 буквъ этой азбуки 24 были заимствованы изъ греческаго алфавита, а остальныя 14 изобрѣтены Константиномъ, причемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ напоминаютъ буквы восточныхъ азбукъ: такъ, буквы *ц*, *ч*, *ш*, *щ* находятся въ несомнѣнной связи съ буквами еврейской азбуки.

Составивъ азбуку, Константинъ предпринялъ переводъ на древне-болгарскій языкъ избранныхъ мѣстъ изъ Евангелія и Апостола, расположенныхъ по недѣлямъ для церковнаго употребленія. Первыя слова, переведенныя Кирилломъ, были слѣдующія: „Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово“. Переведены были и главныя богослужебныя книги.

Въ Моравіи Константинъ и Меѳодій начали свою проповѣдь христіанства на языкѣ, понятномъ для населенія. Они строили церкви, совершали богослуженіе, учили народъ, заводили школы. Проповѣдь имѣла успѣхъ.

Но Германія въ лицѣ своего духовенства не считала нужнымъ отказываться отъ своей политики по отношенію къ Моравіи. Напротивъ, проповѣдь византійскихъ миссіонеровъ она сочла незаконнымъ вторженіемъ Византіи въ страну, входившую въ сферу вліянія римско-христіанской церкви. Латино-нѣмецкое духовенство нападало на славянскій языкъ; оно доказывало,

что только три языка могутъ быть языками церкви, богослуженія и св. Писанія—еврейскій, греческій и латинскій, потому что только на этихъ языкахъ сдѣлана была надпись Пилата на крестѣ Христа. Константинъ выступилъ противъ этой „трязычной ереси“, или „ереси пилатниковъ“, съ двумя возраженіями: *во-первыхъ*, онъ ссылался на то, что св. Писаніе существуетъ не только на указанныхъ трехъ языкахъ, но и на языкахъ готскомъ, армянскомъ, арабскомъ и пр.; *во-вторыхъ*, онъ указывалъ на то, что Христосъ заповѣдалъ ученикамъ своимъ научить вся языки и что въ день Пятидесятницы, когда на апостоловъ снизошелъ св. Духъ, имъ было даровано знаніе языковъ разныхъ народовъ.

Латино-нѣмецкое духовенство обратилось къ папѣ съ жалобой на Константина и Меѳодія. Папа вызвалъ ихъ въ Римъ. Константину и Меѳодію удалось оправдаться передъ папой. Здѣсь, въ Римѣ, Константинъ тяжко заболѣлъ. Предчувствуя приближеніе смерти, Константинъ принялъ монашество подъ именемъ Кирилла и въ 869 г. скончался, благословивъ брата на дальнѣйшую дѣятельность въ Моравіи.

Послѣ смерти Константина папа рукоположилъ Меѳодія въ епископы Моравіи. Отправляя его на мѣсто назначенія, папа далъ ему буллу, которою разрѣшалось богослуженіе на славянскомъ языкѣ.

Въ Моравіи Меѳодію пришлось снова вести упорную борьбу съ латино-нѣмецкимъ духовенствомъ. Въ этой борьбѣ онъ въ 885 г. скончалси.

Въ 908 г. Моравское государство пало подъ ударами венгровъ. Латино-нѣмецкому духовенству удалось взять верхъ надъ послѣдователями Константина и Меѳодія. Ученики послѣднихъ (Климентъ, Наумъ, Савва, Ангеларъ, Гораздъ) были изгнаны изъ Моравіи. Въ моравской церкви былъ возстановленъ латинскій языкъ.

Изгнанные изъ Моравіи ученики Константина и Меѳодія удалились въ Болгарію. Здѣсь, на болѣе благодарной почвѣ, подготовленной общеніемъ болгаръ съ греками, славянское богослуженіе принялось, а въ связи съ богослужебной литературой возникаетъ замѣчательная болгарская письменность, духовная и свѣтская, имѣвшая впослѣдствіи большое вліяніе на развитіе русскихъ.

26. Древняя Болгарія. Болгары, кочевой народъ тюркскаго происхожденія, во второй половинѣ VII в. завоевали славянъ, занимавшихъ сѣверо-восточную часть Балканскаго полуострова. Этимъ завоеваніемъ положено было начало болгарскаго государства.

Побѣдители-тюрки сблизились съ мѣстными славянскими старѣйшинами и, слившись съ ними, образовали болгарскій правящій классъ, полутюркскую, полуславянскую землевладѣльческую аристократію. Прочее славянское населеніе составляло подчиненную народную массу въ деревняхъ и городахъ. Побѣдители передали свое имя всему народу, но родной языкъ забыли и усвоили языкъ побѣжденныхъ.

Болгарская аристократія съ княземъ во главѣ имѣла въ отношеніи къ народной массѣ громадную власть. Объясняется это ея происхожденіемъ: болгарская аристократія состояла изъ потомковъ побѣдителей-завоевателей, и потому власть ея, пріобрѣтенная фактомъ побѣды и завоеванія, продолжала сохраняться. Пользуясь ею, аристократія быстро сосредоточивала въ своихъ рукахъ богатства. Параллельно съ этимъ шло обѣднѣніе народной массы, порождавшее въ ея средѣ недовольство болгарскимъ общественно-политическимъ строемъ и вообще жизнью.

Сильная власть аристократіи надъ народомъ не только сохранялась, но и продолжала развиваться. Основной причиной, вліявшей въ этомъ направленіи, было сосѣдство высоко развитой въ экономическомъ и культурномъ отношеніи Византіи. Отношенія между Болгаріей и Византіей, мирныя и военныя, вольно и невольно побуждали Болгарію уподобляться въ своихъ экономическихъ, общественно-политическихъ и культурныхъ отношеніяхъ Византіи. Это было необходимо въ интересахъ собственнаго самосохраненія передъ могучимъ и богатымъ сосѣдомъ. Болгарскій князь стремится уподобить свою власть власти византійскаго императора и принимаетъ титулъ царя; болгарская аристократія съ княземъ во главѣ перенимаютъ византійскую культуру и христіанство (около 865 г. при князѣ Борисѣ).

Первое духовенство у болгаръ было изъ грековъ, и богослуженіе совершалось на греческомъ языкѣ. Это угрожало болгарамъ и, прежде всего, болгарской аристократіи полной эллинизаціей, т.-е. духовнымъ уподобленіемъ и подчиненіемъ грекамъ.

За духовнымъ подчиненіемъ съ теченіемъ времени могло послѣдовать и политическое, вслѣдствіе непосредственнаго территоріальнаго сосѣдства Болгаріи и Византіи. Опасаясь этого, болгарскій князь пытался въ религіозномъ отношеніи связать страну съ далекой западной церковью, подобно тому, какъ моравскій князь пытался изъ страха передъ нѣмецкимъ завоеваніемъ, наоборотъ, связать свою страну съ далекой Византіей. Попытка болгарскаго князя не удалась. Но зато въ Болгаріи тѣмъ съ большей предупредительностью приняты были ученики Кирилла и Меѳодія: появленіе послѣднихъ съ начатками богослужебной славянской письменности положило предѣлъ полной эллинизаціи болгаръ и въ то же время положило начало ихъ національному просвѣтительному и литературному движенію.

Оно возникло сначала въ средѣ правящаго класса. Преемникъ Бориса, принявшій титулъ царя, Симеонъ (893—927), получилъ хорошее греческое образованіе. Этотъ царь образовалъ при своемъ дворѣ кружокъ образованныхъ людей, которые по его порученію дѣлали переводы византійскихъ сочиненій или составляли самостоятельныя произведенія, и основалъ библіотеку. При немъ наступила эпоха, которая въ исторіи болгарскаго просвѣщенія называется „золотымъ вѣкомъ“. Выдающимися писателями этой эпохи являются Константинъ Пресвитеръ, авторъ „Учительнаго Евангелія“, Іоаннъ Экзархъ, авторъ „Шестоднева“, и монахъ Храбръ, авторъ „Сказанія о письменахъ славянскихъ“. Въ эту эпоху окончательно утверждается въ Болгаріи христіанство; духовныя лица изъ грековъ замѣняются болгарами; Симеонъ даже хлопочетъ о полной самостоятельности болгарской церкви и о назначеніи болгарскаго патріарха. При преемникѣ его Петрѣ (927—969) хлопоты эти увѣнчались успѣхомъ. Такимъ образомъ, Болгарія наряду съ свѣтской аристократіей пріобрѣтаетъ національную духовную аристократію.

Расцвѣтъ болгарской письменности продолжался недолго: при Петрѣ Византія и ея вліяніе берутъ перевѣсъ въ Болгаріи. Въ началѣ XI вѣка Болгарія подпадаетъ подъ власть Византіи и политически. Съ потерей политической независимости теряется и церковная самостоятельность; литературное творчество изсякаетъ. Въ концѣ XII в. Болгарія возвращаетъ себѣ политическую независимость, а въ началѣ XIII—церковную, и соотвѣтственно этому наблюдается и нѣкоторое возрожденіе бол-

гарской письменности. Но политическія причины — соперничество съ греками, отсутствіе внутренняго единства, набѣги татаръ и усиленіе сербовъ въ сѣверо-западной части Балканскаго полуострова—создали очень неблагопріятную обстановку для культурнаго и литературнаго развитія Болгаріи. Когда на Балканскомъ полуостровѣ явились турки, Болгарія не въ силахъ была оказать имъ сопротивленіе, и въ 1393 г. она была завоевана турками.

27. Древняя болгарская литература. Просвѣщеніе Болгаріи основывалось на византійскомъ просвѣщеніи, но оно далеко уступало послѣднему въ широтѣ и глубинѣ. Какъ народъ, недавно начавшій свое общественно-политическое и культурное развитіе, болгары могли изъ византійскаго просвѣщенія усвоить только то, что было доступно его еще юнымъ умственнымъ силамъ.

Древне-болгарская литература распадается на два отдѣла: на переводныя произведенія и оригинальныя.

Древне-болгарская переводная литература состоитъ, *во-первыхъ*, изъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, каковы: книги еврейскаго священнаго Писанія, толкованія на нихъ отцовъ церкви, богослужебныя книги, содержащія молитвы, пѣснопѣнія и чтенія, житія святыхъ, сказанія о христіанскихъ мученикахъ, въ отдѣльности и въ сборникахъ, называемыхъ четьями-минеями и патериками, проповѣди и поученія (напр., переведенный при участіи царя Симеона сборникъ изъ нравоучительныхъ отдѣловъ бесѣдъ Іоанна Златоуста, названный „Златоструемъ“, сборникъ „Андріатисъ“—собраніе словъ I. Златоуста къ антіохійцамъ по поводу низверженія статуи Ѳеодосія). Изъ поученій особеннымъ вниманіемъ пользовались у переводчиковъ поученія и наставленія отца къ сыну, сборники наставленій и разсужденій о порокахъ и добродѣтеляхъ („Пандекты“ Антіоха, „Лѣствица“ Іоанна Синайскаго), сборники изреченій и афоризмовъ на эти же темы (съ именами библейскихъ и христіанскихъ лицъ—Соломона, Іисуса-сына Сирахова и языческихъ — Менандра Мудраго). Замѣчателенъ поучительный сборникъ подъ названіемъ „Пчела, рѣчи и мудрости отъ Евангелія, Апостола, святыхъ мужей и внѣшнихъ философовъ“.

Къ этому разряду переводной литературы тѣсно примыкаетъ особый родъ произведеній — апокрифы, т.-е. сказанія о

ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событіяхъ и лицахъ, представляющія дополненія или измѣненія соотвѣтствующихъ разсказовъ въ Библіи, а также книги суевѣрнаго характера — астрологическія и гадательныя. Апокрифы пользовались большимъ распространеніемъ въ Болгаріи не только среди мірянъ, но и духовныхъ лицъ. Изъ послѣднихъ особенную знаменитость пріобрѣлъ попъ Іеремія, усердно распространявшій апокрифы (напр., переведенныя съ греческаго языка „ложныя“ молитвы противъ болѣзней—трясавицъ и нежита, представляемыхъ въ образахъ живыхъ существъ, причиняющихъ болѣзни) и даже самъ составлявшій ихъ (напр., „Слово о древѣ крестномъ—извѣщеніе св. Троицы“—исторія происхожденія древа, изъ котораго были сдѣланы кресты для распятія Христа и двухъ разбойниковъ). Изъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ переведены были въ Болгаріи сказанія объ Адамѣ, Енохѣ, Мелхиседекѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Давидѣ, Соломонѣ („Книга святыхъ тайнъ Еноховыхъ“, „Рожденіе Мелхиседека“, „Откровеніе Авраама“, „Исходъ Моисеевъ“, „О Соломонѣ и Китоврасѣ“). Изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ переведены слѣдующіе: „Протоевангеліе Іакова“, „Никодимово Евангеліе“, „Евангеліе Ѳомы“, кромѣ того—сказанія о хожденіяхъ апостоловъ на проповѣдь; особенно много апокрифическихъ сказаній переведено о кончинѣ міра, страшномъ судѣ и загробной жизни праведныхъ и грѣшныхъ (апокрифическій „Апокалипсисъ Іоанна Богослова“, „Видѣніе апостола Павла“, „Хожденіе Богородицы по мукамъ“.

Второй отдѣлъ переводной литературы—историческія сочиненія. Въ Болгаріи было переведено нѣсколько византійскихъ хроникъ, въ которыхъ излагается всеобщая исторія отъ Адама и до позднѣйшихъ временъ. Къ нимъ относятся хроники Іоанна Малалы, Георгія Амартола и Симеона Метафраста. Сюда же можно отнести и переводъ краткаго перечня императоровъ, составленнаго патріархомъ Никифоромъ.

Третій отдѣлъ переводной литературы — беллетристика. Къ ней относятся слѣдующія историческія повѣсти: „О Троянской войнѣ“ (повѣсть, составленная не по Гомеру, а по компиляціямъ Диктиса и Дарета; помѣщена въ хроникахъ Малалы и Манассіи), „Александрія“ (повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ, переводъ съ греческаго сочиненія, неправильно приписывавшагося сподвижнику Александра Каллисѳену и но-

сящаго названіе „Псевдокаллисѳенъ“,—помѣщена въ хроникѣ Малалы); повѣсти восточнаго происхожденія, но переведенныя съ греческаго языка: „Стефанитъ и Ихнилатъ“ (сборникъ восточныхъ басенъ, источникъ которыхъ имѣется въ индійскомъ сборникѣ — „Панчатантра“, т.-е. „Пятикнижіе“; Стефанитъ означаетъ—увѣнчанный, Ихнилатъ—слѣдящій; въ арабскомъ оригиналѣ другое заглавіе—Калила, прямодушный, и Димна, лукавый, заглавіе, соотвѣтствующее именамъ двухъ шакаловъ въ „Панчатантрѣ“ — Каратака и Даманака), „Варлаамъ и Іоасафъ“ (христіанская переработка эпизода изъ жизни Будды), „Акиръ Премудрый“ (переработка сказки и Санхерибѣ и его мудромъ совѣтникѣ Гейкарѣ изъ сборника „Тысяча и одна ночь“).

Собственно-научная переводная литература—ничтожна, что объясняется молодостью болгарскаго народа, несложностью его трудовой дѣятельности и, слѣдовательно, отсутствіемъ жизненной потребности въ научныхъ сочиненіяхъ, которыми была богата его учительница, Византія. Примѣромъ научной переводной литературы можетъ служить энциклопедическій сборникъ, извѣстный въ древне-русской литературѣ подъ названіемъ „Святославова Изборника 1073 года“ и представляющій копію переводнаго сочиненія, явившагося въ Болгаріи при царѣ Симеонѣ (содержаніе сборника: статьи и отрывки по догматикѣ, философіи, исторіи).

Изъ наиболѣе выдающихся болгарскихъ писателей заслуживаетъ вниманія, прежде всего, современникъ царя Симеона, пресвитеръ *Іоаннъ Экзархъ Болгарскій*. Кромѣ переводческой дѣятельности (переводъ руководства по догматическому богословію „О правой вѣрѣ“ св. Іоанна Дамаскина, „Діалектики“ Іоанна Дамаскина, составленной по Аристотелю, и „Объ осьмыхъ частяхъ слова“, или „Грамматики“ того же автора, переводъ житій св. Антонія Великаго и св. мученика Панкратія), Іоаннъ Экзархъ занимался и составленіемъ самостоятельныхъ сочиненій. Изъ нихъ особенно замѣчательно обширное сочиненіе „Шестодневъ“ (пространное объясненіе библейскаго разсказа о шести дняхъ творенія міра), составленное на основаніи греческихъ трудовъ Василія Великаго, Севериана Гавальскаго и сочиненій Аристотеля по естествовѣдѣнію). Переводные и оригинальные труды Іоанна Экзарха помимо того, что давали образовательный матеріалъ болгарской публикѣ,

имѣли громадное значеніе и для развитія древне-болгарскаго языка: многія слова и научные термины, впервые употребленные имъ въ его сочиненіяхъ и переводахъ, вошли въ древне-болгарскій языкъ, а оттуда попали въ русскій и употребляются до сихъ поръ.

Труды другого болгарскаго писателя *Константина Пресвитера*, современника Іоанна Экзарха (изъ нихъ наиболѣе замѣчательно его „Учительное Евангеліе“) имѣютъ большое значеніе особенно для развитія древне-болгарскаго языка, которымъ уже можно было передавать ясно и отчетливо отвлеченное содержаніе.

Третьимъ выдающимся писателемъ былъ *черноризецъ* (монахъ) *Храбръ* (конца IX и начала X в.), которому принадлежитъ замѣчательное сочиненіе—„Сказаніе о письменахъ славянскихъ“. Оно состоитъ изъ двухъ частей: изъ исторической, въ которой излагается, какъ явились у славянъ письмена, и апологетической, въ которой Храбръ защищаетъ право славянъ на національную письменность. Дѣятельность черноризца Храбра относится къ тому времени, когда еще были живы лица, помнившія дѣятельность Кирилла и Меѳодія, и потому его сочиненіе имѣетъ большое значеніе. Объ исторіи славянскихъ письменъ онъ пишетъ такъ: „Прежде славяне не имѣли письменъ и, будучи язычниками, читали и гадали чертами и рѣзами. Принявши крещеніе, они начали пользоваться римскими и греческими письменами; славянская рѣчь оставалась безъ устроенія... и такъ продолжалось много лѣтъ. Потомъ человѣколюбецъ Богъ, устраивающій все и не оставляющій человѣчество безъ разума, но все къ разуму приводящій и спасающій, помиловалъ родъ славянскій и послалъ имъ Константина философа, называемаго Кирилломъ, мужа праведнаго и истиннаго, который сотворилъ имъ тридцать письменъ и восемь—одни по чину греческихъ письменъ, а другія сообразно звукамъ словенской рѣчи“. При этомъ Храбръ указываетъ, какія буквы заимствованы были изъ греческаго алфавита, а какія были изобрѣтены Кирилломъ. Во второй части своего труда Храбръ разсматриваетъ господствовавшее въ греко-римскомъ христіанскомъ мірѣ убѣжденіе въ томъ, что языками богослуженія и св. Писанія могутъ быть только три: еврейскій, греческій и латинскій. Онъ пишетъ: „Иные же говорятъ: къ чему славянскія книги? Вѣдь письмена славянскія не создалъ ни

Богъ, ни апостолы; вѣдь они не существуютъ искони, какъ письмена еврейскія, римскія и эллинскія; они не утверждены искони самимъ Богомъ. Тѣ, которые говорятъ такъ, думаютъ, по своему невѣжеству, что Богъ сотворилъ письмена: они, окаянные, утверждаютъ, что Богъ санкціонировалъ три языка, что самъ Богъ объ этомъ пишетъ въ Евангеліи: И бѣ доска написана жидовскы, римски и еллинскы,—а по-славянски не было ничего написано; поэтому и славянскія книги — не отъ Бога". Тѣхъ, которые дѣлаютъ подобныя возраженія противъ славянской письменности, Храбръ приравниваетъ къ безумцамъ и съ точки зрѣнія тѣхъ познаній, которыя въ то время существовали, въ свою очередь мѣтко нападаетъ на нихъ. Онъ разъясняетъ, что Богъ не создавалъ ни еврейскаго, ни латинскаго, ни греческаго языковъ, что послѣ потопа произошло при столпотвореніи вавилонскомъ смѣшеніе языковъ, послѣ чего явились разные языки, что сначала и греки не имѣли своихъ письменъ, а заимствовали письмена у финикійцевъ, что затѣмъ эти письмена совершенствовались у грековъ разными лицами и въ разныя времена. Чтобы окончательно сразить грековъ, нападавшихъ на славянскую письменность, Храбръ язвительно замѣчаетъ: „А для словенскихъ книгъ сотворилъ письмена единъ мужъ святой Константинъ, называемый Кирилломъ, и этотъ мужъ перевелъ на славянскій языкъ книги въ немного лѣтъ, а они (греки) много-много лѣтъ трудились надъ своей письменностью. Поэтому славянскія письмена болѣе святы, чѣмъ греческія: славянскія созданы святымъ мужемъ, а греческія—греками-язычниками".

Просвѣтительное и литературное движеніе, возникшее среди свѣтской и духовной аристократіи въ Болгаріи, перешло отсюда и къ народной массѣ, прежде всего городской, а затѣмъ и сельской. Подъ вліяніемъ общественно-политическаго недовольства массы, ея просвѣтительно-литературное движеніе приняло характеръ рѣзкой оппозиціи господствовавшему направленію. Создателемъ народно-просвѣтительнаго движенія былъ болгарскій священникъ Іеремія Богомилъ (въ царствованіи Петра), по имени котораго оно получило названіе богомильской ереси. Развитію богомильства содѣйствовали слѣдующія историческія обстоятельства.

Съ половины VIII-го в. византійскіе императоры, для защиты сѣверной части Балканскаго полуострова отъ нашествій

варваровъ, переселяютъ въ области, населенныя болгарами, армянскихъ и малоазійскихъ еретиковъ — павликіанъ и евхитовъ. Существенной чертой въ религіозномъ міровоззрѣніи послѣднихъ былъ рѣзкій дуализмъ (§ 8), т.-е. признаніе двухъ міровыхъ началъ [1]). Болгарскій общественно-политическій дуализмъ властной аристократіи и подчиненнаго ей народа, подъ вліяніемъ идейно-религіознаго дуализма павликіанъ и евхитовъ, породилъ въ народной массѣ національный идейно-религіозный дуализмъ — богомильство. Основныя черты богомильства таковы.

Міромъ первоначально правилъ Богъ, троичный въ лицахъ, и его перворожденный сынъ, Сатанаилъ, сидѣвшій по правую сторону Бога. Сатанаилъ съ подчиненными ему духами возсталъ противъ Бога, но былъ низвергнутъ съ неба на землю. Земля тогда еще была неустроена. Сатанаилъ создалъ новое небо и устроилъ землю—украсилъ ее растеніями и животными. Изъ глины и воды онъ создалъ тѣло человѣка; но не могъ вложить въ него искру жизни: это было сдѣлано Богомъ. Вслѣдствіе этого человѣкъ двойственъ по природѣ: тѣломъ онъ принадлежитъ злому духу — Сатанаилу, а душой — доброму, Богу. Въ теченіе всего ветхаго завѣта надъ землей и человѣческимъ родомъ властвовалъ Сатанаилъ: онъ произвелъ потопъ, онъ далъ людямъ законъ черезъ Моисея, говорилъ имъ черезъ пророковъ. Въ 5500 г. отъ сотворенія міра Богъ послалъ на землю своего второго сына—Христа. Христосъ побѣдилъ Сатанаила и заключилъ его въ адъ. Сатанаилъ былъ переименованъ въ Сатану. Христосъ взошелъ на небо, гдѣ сидитъ по правую сторону Отца. Ни Христосъ, ни св. Духъ не могутъ окончательно справиться съ Сатаной и его бѣсами. Въ каждомъ человѣкѣ сидитъ бѣсъ — виновникъ его преступныхъ дѣяній. Только богомилы избавлены отъ бѣсовъ. Богомилы не умираютъ, какъ другіе люди: они только измѣняются, безъ болѣзней сбрасывая съ себя тѣлесную форму и принимая то тонкое духовное тѣло, которое было у Христа, когда онъ жилъ на землѣ.

Богомилы отрицали таинства — крещеніе, причащеніе,

[1]) Дуализмъ павликіанъ и евхитовъ возникъ подъ вліяніемъ манихейской ереси (III в.), а послѣдняя представляетъ переработку еврейско-христіанскаго ученія на основахъ древне-иранскаго анимизма съ его двумя богами, добрымъ—Агурамаздой и злымъ—Ангромайніусомъ.

бракъ, отвергали оффиціальную церковную іерархію, храмы, крестъ, иконы. Они отвергали современный имъ болгарскій общественно-политическій строй: „учатъ же своя си—не повиноватися властелемъ своимъ, хуляще богатыхъ, отецъ ненавидятъ, ругаются старѣйшинамъ, укоряютъ бояры, мерзки Богу мнятъ работающихъ царю, и всякому рабу не велятъ работати господину своему“.

Богомилы вели строгій аскетическій образъ жизни.

Свое ученіе богомилы доказывали и распространяли при посредствѣ родственныхъ сочиненій древнихъ еретиковъ, къ которымъ относится „Видѣніе Исаіи“ (о сошествіи на землю Христа съ призрачною, а не дѣйствительною плотью), „Преніе діавола съ Господомъ“ (ученіе о силѣ и власти діавола) и др. Оригинальныя сочиненія богомиловъ до насъ не дошли; вмѣсто нихъ сохранились богомильскія сочиненія въ позднѣйшей передѣлкѣ православными болгарами, или же апокрифическія сочиненія съ богомильскими вставками. Таковы сочиненія: „Сказаніе о созданіи твари Божіей на морѣ Тиверіадскомъ“, „Видѣніе Варуха“, „Бесѣда трехъ святителей“ (космогонія богомиловъ — твореніе матеріальнаго міра діаволомъ). Въ латинскомъ переводѣ съ утраченнаго болгарскаго оригинала, подъ названіемъ „Liber sancti Johannis“ („Книга св. Іоанна“), излагается богомильское ученіе въ формѣ бесѣды Іоанна Богослова съ Христомъ на Тайной вечери (исторія творенія міра, явленіе Христа для избавленія человѣка отъ власти діавола, откровеніе о кончинѣ міра).

Богомильство получило въ Болгаріи широкое распространеніе, главнымъ образомъ, въ народныхъ массахъ. Оно пріобрѣло такую силу, что захватывало даже нѣкоторыхъ представителей правящаго класса въ Болгаріи. Но правящій классъ, противъ котораго шло богомильство, въ цѣломъ, не могъ равнодушно смотрѣть на его распространеніе. Въ лицѣ церкви и правительства онъ началъ борьбу съ нимъ, идейно-литературную и государственную. Сочиненія еретиковъ и апокрифы подверглись запрещенію; былъ изданъ индексъ (каталогъ) запрещенныхъ книгъ: „Статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“; появились полемическія сочиненія („Слово Козьмы пресвитера на новоявившуюся ересь Богомилю“, „Слово о древѣ разумнѣмъ добру и злу“ іерусалимскаго монаха Аѳанасія къ нѣкоему Панку, начитавшемуся басенъ попа Іереміи

и распространявшему ихъ). Сами богомилы подверглись преслѣдованіямъ.

Несмотря на жестокія преслѣдованія, богомильская ересь не была искоренена на Балканскомъ полуостровѣ. Но сочиненія богомиловъ были большею частью истреблены.

Изъ Болгаріи богомильская ересь перешла черезъ западную часть Балканскаго полуострова въ сѣверную Италію и южную Францію, гдѣ нашла себѣ благопріятную почву и возродилась подъ именемъ ереси патареновъ, катаровъ, альбигойцевъ и пр.

На родинѣ древне-болгарская литература среди борьбы съ Византіею и Турціей большею частью погибла и сохранилась въ Россіи, куда она попала съ принятіемъ русскими христіанства.

Древне-болгарская литература сыграла важную культурную роль въ исторіи развитія Сербіи и особенно Россіи.

28. Древній церковно-славянскій языкъ. Славянскіе первоучители знали языкъ тѣхъ болгаръ, которые жили въ Солунѣ и его окрестностяхъ. Этотъ языкъ можно назвать солунскимъ нарѣчіемъ древняго болгарскаго языка. На это нарѣчіе Константинъ и Меѳодій переводили священныя книги. По слѣдамъ славянскихъ первоучителей шли ихъ ученики. Такъ создался церковно-литературный славянскій языкъ, который съ появленіемъ византійско-христіанской религіи и болгарской литературы у сербовъ и русскихъ славянъ дѣлается церковнымъ и литературнымъ языкомъ и у послѣднихъ. Здѣсь среди народовъ, говорившихъ на языкахъ, отличавшихся отъ языка солунскихъ болгаръ, древній церковно-славянскій языкъ подвергается вліянію и видоизмѣненію со стороны языковъ сербскаго и русскаго. И въ самой Болгаріи древній церковно-славянскій языкъ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ культура болгарская распространяется съ юга, отъ Солуня, къ сѣверу, подвергается вліянію живыхъ болгарскихъ нарѣчій сѣверной Болгаріи и видоизмѣняется.

Древній церковно-славянскій языкъ эпохи Кирилла и Меѳодія обладаетъ особенностями, которыя отличаютъ его отъ современнаго русскаго языка: главныя фонетическія особенности его суть слѣдующія: существованіе носовыхъ гласныхъ, юсовъ — ѫ, ѭ, ѧ, ѩ, — вмѣсто которыхъ въ русскомъ языкѣ употребляются чистые гласные *у*, *ю*, *а*, *я*; существованіе глу-

хихъ гласныхъ — ъ, ь, — которые въ современномъ русскомъ языкѣ въ концѣ словъ и кое-гдѣ въ срединѣ словъ перешли въ простые знаки, обозначающіе твердость или мягкость произношенія предшествующихъ согласныхъ, а въ срединѣ слова перешли — ъ въ бѣглое *о*, а ь въ бѣглое *е*; отсутствіе полногласія, т.-е. употребленіе вмѣсто русскихъ слоговъ *оро*, *оло*, *ере*, *еле* церковно-славянскихъ — *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ*; русскимъ слогамъ *ор*, *ол*, *ер*, *ел* между двумя согласными въ церковно-славянскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ слоги — *рѣ*, *лѣ*, *рѣ*, *лѣ*; употребленіе въ началѣ словъ іотированнаго *е* вмѣсто русскаго *о*; смягченіе *д* передъ *j* въ *жд*, вмѣсто русскаго *ж*, и *т* — въ *шт* (*щ*), вмѣсто русскаго *ч*.

Склоненія и спряженія древняго церковно-славянскаго языка отличаются большею сложностью и обиліемъ формъ, нежели въ русскомъ языкѣ.

Наконецъ, и синтаксисъ древняго церковно-славянскаго языка, очевидно, подъ вліяніемъ греческаго синтаксиса, болѣе склоняется къ подчиненію предложеній, нежели къ сочиненію, какъ языкъ русскій.

29. Принятіе русскими христіанства. Торговыя сношенія варяго-русской аристократіи съ Византіей и военныя столкновенія съ ней положили начало вліянію византійской культуры на Русь. Необыкновенныя богатства Византіи, ея просвѣщеніе, военныя силы и т. д. порождали въ варяго-русской аристократіи удивленіе и желаніе усвоить себѣ византійскую культуру. Вліяніе Византіи выразилось въ томъ, что среди русскихъ славянъ стала распространяться христіанская религія. Первоначально она распространялась среди того слоя городского населенія, который находился въ особенно дѣятельныхъ торговыхъ или иныхъ сношеніяхъ съ Византіей, т.-е. среди правящаго класса. Стремленіе принять византійско-христіанскую религію съ особенною силою вспыхивало тогда, когда варяго русская аристократія испытывала въ столкновеніяхъ съ Византіей неудачи, дававшія послѣдней перевѣсъ надъ Русью. Тогда варяго-русская аристократія, приписывавшая свои неудачи слабости своихъ боговъ и могуществу греческаго Бога, спѣшила принимать крещеніе. Такъ принимаетъ крещеніе князь Бравлинъ (§ 22), потерпѣвъ въ началѣ IX в. неудачу въ Сурожѣ. Аскольдъ, когда его въ 860 г. постигла неудача подъ стѣнами Константинополя, принимаетъ въ Кіевѣ

константинопольскую миссію [1]). Этой миссіи удалось обратить въ христіанство столько русскихъ, что пришлось даже назначить для нихъ особаго епископа [2]).

Княжеская дружина первоначально состояла по преимуществу изъ варяговъ-скандинавовъ, изъ которыхъ одна часть придерживалась язычества, а другая часть была христіанской. Христіанство среди варяговъ-скандинавовъ распространялось изъ двухъ источниковъ: изъ Греціи и съ Запада. Отправляясь по великому водному пути въ Константинополь, варяги-скандинавы, нерѣдко нанимались на службу къ византійскому императору. Живя въ Константинополѣ иногда въ теченіе многихъ лѣтъ, нѣкоторые изъ нихъ принимали крещеніе и становились христіанами. Христіанъ-варяговъ въ Константинополѣ было не мало; доказательствомъ служитъ то, что въ Константинополѣ была церковь варяговъ во имя пророка Ильи. Уѣзжая изъ Константинополя назадъ, эти варяги-христіане часто поступали на службу къ своимъ соотечественникамъ — русскимъ князьямъ. Другой путь распространенія христіанства среди варяговъ-скандинавовъ былъ западный: съ X в. въ Скандинавіи пропагандируется энергичными латинскими миссіонерами христіанство, и многіе варяги-скандинавы становились христіанами по западному обряду. Не малое число такихъ варяговъ-скандинавовъ должно было попадать на службу къ нашимъ князьямъ.

---

[1]) Во главѣ ея, какъ полагаютъ, стояли Константинъ и Меѳодій. Объ этомъ можно думать на двухъ основаніяхъ: *во-первыхъ*, въ цѣломъ рядѣ преданій о крещеніи Владимира сообщается, что оно произошло при константинопольскомъ патріархѣ Фотіи, жившемъ во второй половинѣ IX в.: *во-вторыхъ*, въ нихъ сообщается о проповѣди передъ Владимиромъ греческаго миссіонера философа (прозвище Константина). Очевидно, обстоятельства крещенія при Аскольдѣ смѣшались въ преданіяхъ съ обстоятельствами крещенія Владиміра Св.

[2]) Къ этому времени на Руси уже, вѣроятно, существовали начатки письменности. Непрерывныя сношенія варяго-русской аристократіи съ Византіей и съ Востокомъ должны были заставить русскихъ воспользоваться письменными знаками грековъ и евреевъ для практическихъ торговыхъ и правительственныхъ цѣлей. Быть можетъ, у насъ уже существовала и переводная церковная письменность для удовлетворенія богослужебныхъ нуждъ тѣхъ христіанъ, которые были на Руси со временъ Бравлина. На это намекаетъ приведенное выше (§ 25) свидѣтельство „Паннонскихъ житій свв. Кирилла и Меѳодія" о найденныхъ Константиномъ въ Крыму Евангеліи и Псалтири, написанныхъ русскими письменами.

Такимъ образомъ, въ дружинѣ русскаго князя было значительное число христіанъ. Договоръ Игоря съ греками (944) подтверждаетъ этотъ выводъ: въ немъ упоминаются двѣ половины дружины — крещенная и некрещенная; первая клянется въ соблюденіи договора христіанскимъ Богомъ, вторая — Перуномъ. Христіанская часть дружины, видимо, была не малочисленна и даже пользовалась большимъ авторитетомъ, такъ какъ въ договорѣ клянутся сначала дружинники-христіане, а затѣмъ уже дружинники-язычники. Авторитетность христіанской части дружины можетъ быть объяснена тѣмъ, что, *во-первыхъ*, клятва именно этой части дружины для грековъ-христіанъ была особенно важна; *во-вторыхъ*, тѣмъ, что христіанская часть дружины была болѣе или менѣе грамотной и, слѣдовательно, могла исполнять канцелярскія обязанности; *въ-третьихъ*, наконецъ, тѣмъ, что самъ Игорь, вѣроятно, былъ расположенъ къ христіанству. Лѣтопись передаетъ, что для произнесенія клятвы дружинники-христіане были приведены въ „соборную“ церковь св. Ильи въ Кіевѣ. „Соборными“ церквами тогда назывались приходскія, въ противоположность домовымъ. Если въ Кіевѣ была „соборная“ церковь, то, вѣроятно, были и домовые — у богатыхъ купцовъ и варяговъ; если въ Кіевѣ были церкви христіанскія, то должны были находиться при нихъ и священники, а въ такомъ случаѣ въ Кіевѣ должны были быть богослужебныя книги и вообще зачатки грамотности и письменности. На какомъ языкѣ были написаны эти книги — вопросъ спорный. Предполагаютъ, что на готскомъ, который былъ родственъ языку варяговъ-скандинавовъ. Но возможно, что и на языкѣ славянскомъ, напр., древне-болгарскомъ, если не на языкѣ русскомъ.

Преемница Игоря Ольга, вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанской части дружины, принимаетъ въ Кіевѣ крещеніе (около 954 г.), когда во власть оффиціально вступаетъ ея сынъ Святославъ.

Несмотря на то, что христіанъ къ концу X в. было въ аристократической средѣ не мало, христіанство еще не было религіей государственной. Заслуга превращенія христіанства въ творческое культурное начало принадлежитъ преемнику Святослава Владимиру Св. (980—1015).

Владимиръ, сынъ Святослава и рабыни Малуши слылъ въ русской аристократіи „робичичемъ“. Онъ чрезвычайно

тяготился своею незнатностью по матери. Чтобы придать своей личности и власти ореолъ, который заставилъ бы аристократію забыть его происхожденіе, Владимиръ сталъ стремиться къ уподобленію своей власти—власти византійскаго императора. Онъ принялъ крещеніе [1]), женился на сестрѣ византійскаго императора и провозгласилъ византійское христіанство государственной религіей. Обстоятельства, которыми сопровождалось это событіе, были слѣдующія.

Въ царствованіе византійскаго императора Василія II Болгаробойцы (976—1025) произошло опасное для послѣдняго возстаніе Варды-Фоки, племянника покойнаго императора Никифора. На основаніи договора 944 г., по которому Русь и Византія обязывались взаимной военной помощью, Василій обратился къ Владимиру. Владимиръ согласился на двухъ условіяхъ: Василій выдастъ за него замужъ свою сестру и пошлетъ ему императорскія регаліи [2]). Въ 988 г. Владимиръ послалъ императору на помощь отрядъ изъ 6.000 воиновъ. Возстаніе было подавлено. Избавившись отъ опасности, императоръ рѣшилъ не исполнять своихъ обѣщаній Владимиру. Владимиръ вторгся съ войсками въ крымскія владѣнія Византіи и взялъ столицу ихъ Херсонесъ (Корсунь). Императоръ поспѣшно отправилъ въ Херсонесъ свою сестру Анну, которая обвѣнчалась съ Владимиромъ. Херсонесъ былъ возвращенъ Византіи, какъ „вѣно“, т.-е. выкупъ за жену. Вернувшись въ Кіевъ, Владимиръ объявляетъ себя христіаниномъ оффиціально и въ 989—990 гг. креститъ при помощи греческихъ священниковъ населеніе Кіева, а затѣмъ другихъ городовъ великаго воднаго пути. Жители деревень, т.-е. огромное большинство русскаго народа, не были крещены: здѣсь долгое еще время продолжало царить язычество. Въ 992 г. учреждаются слѣдующія епархіи: Новгородская, Черниговская, Владимиро-Волынская, Полоцкая, Туровская, Бѣлгородская, Ростовская и Тмутороканская.

---

[1]) По нѣкоторымъ даннымъ, въ 987 г., неоффиціально, вѣроятно, подъ вліяніемъ варяжскихъ священниковъ.

[2]) О второмъ условіи не сохранилось точныхъ указаній, но о немъ можно догадываться по слѣдующимъ даннымъ: *во-первыхъ*, на монетахъ эпохи Владимира послѣдній изображенъ въ императорскихъ регаліяхъ; *во-вторыхъ*, у насъ долго существовало преданіе о присылкѣ императорскихъ регалій Владимиру Мономаху.

Владиміръ принялъ христіанство по личнымъ политическимъ цѣлямъ. Но это событіе, благодаря тому, что на Руси уже до Владимира было достаточно христіанъ, пріобрѣло большое историческое значеніе: съ этого времени византійское христіанство становится у насъ творческимъ культурнымъ началомъ.

Съ превращеніемъ Руси въ христіанскую державу у насъ создается новый классъ населенія—духовенство, и возникаетъ новое правительственное учрежденіе—церковь. Высшая часть духовенства, митрополитъ и епископы, первоначально состояла изъ грековъ. Какъ люди высокой культуры, представители высшаго духовенства пріобрѣли большое вліяніе: въ лицѣ его русскіе князья пріобрѣли классъ опытныхъ просвѣщенныхъ людей, совѣтами которыхъ можно было пользоваться для улучшенія задачъ управленія по образцу управленія византійскаго. Съ распространеніемъ у насъ просвѣщенія, къ сану епископа, рѣдко къ сану митрополита, получаютъ доступъ и русскіе аристократы. Такимъ образомъ, съ принятіемъ крещенія русская аристократія распадается на двѣ группы: свѣтскую и духовную. Низшая часть духовенства, священники и діаконы, набиралась по преимуществу изъ грамотнаго городского простонародія.

30. Двоевѣріе. Основная причина принятія Кіевскою Русью христіанства была культурно-государственная: принятіе христіанства отъ грековъ должно было привести въ Кіевъ и въ другіе города Кіевской Руси культурныхъ грековъ, которые, просвѣщая русскихъ, научили бы ихъ болѣе утонченнымъ способамъ борьбы за существованіе. Поэтому въ русскомъ городскомъ обществѣ эпохи принятія крещенія едва-ли много было такихъ лицъ, которыя могли бы цѣнить христіанскую религію саму по себѣ, независимо отъ тѣхъ культурно-государственныхъ выгодъ, которыя съ ея принятіемъ связывались. Чтобы понять возвышенность христіанскаго ученія и пожелать сообразно этому устроить свою жизнь, необходимо глубокое изученіе св. Писанія и комментаріевъ къ нимъ отцовъ церкви, необходимо далѣе ознакомленіе съ исторіей церкви, съ біографіями христіанскихъ дѣятелей и т. д.

Ничего подобнаго не могло быть у насъ въ эпоху принятія крещенія. Крошечная часть кіевской аристократіи чувствовала превосходство христіанской религіи надъ бѣднымъ славянскимъ язычествомъ, относилось къ ней благоговѣйно, свято

исполняла культъ христіанскій, усвоила нѣкоторыя элементарныя нравственныя правила, но вмѣстить въ себѣ ученіе христіанское въ его цѣломъ не могла и она. Другая, болѣе значительная, часть кіевской аристократіи придерживалась христіанства чисто внѣшнимъ образомъ—или изъ подражанія грекамъ, какъ большая часть варяговъ и боярско-купеческаго класса, или потому, что предки уже были христіанами. Третья часть кіевской аристократіи стала христіанской изъ повиновенія князю; эта часть кіевскаго населенія, слѣдовательно, ужъ совсѣмъ плохо знала христіанское ученіе. Наконецъ, четвертая часть, главнымъ образомъ низшій классъ города Кіева, вѣроятно, продолжала оставаться при своихъ языческихъ вѣрованіяхъ. За исключеніемъ первой, крайне ничтожной части кіевскаго общества, болѣе сознательно относившейся къ христіанскому ученію, остальная подавляющая масса кіевлянъ должна была остаться по своимъ навыкамъ, воззрѣніямъ, образу жизни чисто языческой, а христіанской только по имени. Эта масса только по прошествіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ могла усвоить кое-что въ христіанствѣ, главнымъ образомъ, его внѣшнія формы; но въ эти формы она должна была вливать содержаніе чисто языческое: христіанскіе праздники должны были пониматься этой массой по аналогіи съ языческими праздниками, хронологически близкими къ первымъ; на христіанскихъ святыхъ такимъ же образомъ она должна была переносить черты языческихъ боговъ: такъ, на пророка Илью, день котораго празднуется 20 іюля, перенесены были черты Перуна, бога грома; на св. Георгія, Егорія, Власія (23 апрѣля) перенесены были черты бога Велеса и т. д. Что касается до образа жизни этой массы, то онъ опредѣлялся и регулировался положеніемъ ея представителей въ общественномъ трудѣ и менѣе всего началами христіанской религіи. Таково было положеніе христіанства среди самаго культурнаго русскаго населенія въ городѣ Кіевѣ.

Если христіанство даже въ Кіевѣ насчитывало болѣе или менѣе понимающихъ людей единицами, то въ русскихъ городахъ, расположенныхъ дальше отъ Византіи, дѣло обстояло хуже: въ нихъ не могло возникнуть и сознанія культурно-государственнаго значенія христіанской религіи вслѣдствіе того, что эти города не располагали пережитымъ опытомъ Кіева. Поэтому въ нѣкоторыхъ изъ нихъ христіанство принималось не

безъ сопротивленія, какъ, напр., въ Новгородѣ, гдѣ оно было подавлено вооруженной силой, употребленной Добрыней, дядей Владимира, и новгородскимъ тысяцкимъ Путятой („Путята крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ"). Еще менѣе податливыми оказались города въ Ростовской области, на крайнемъ сѣверовостокѣ тогдашней Русской земли: ростовскимъ епископамъ удается привить здѣсь христіанство только во второй половинѣ XI в.

Язычество долго боролось за свое существованіе въ лицѣ волхвовъ, волшебниковъ, предсказателей будущаго, о чемъ свидѣтельствуютъ отрывочныя лѣтописныя извѣстія. Подъ 1071 г. въ лѣтописи разсказывается, что въ Кіевѣ явился волхвъ, прельщенный бѣсомъ. Онъ сталъ проповѣдывать народу, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ назадъ, что земли со своихъ мѣстъ перейдутъ на чужія, что Греческая земля станетъ на мѣсто Русской, а Русская—на мѣсто Греческой. Своею проповѣдью волхвъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что языческіе боги поразятъ христіанскія страны разными бѣдствіями, и во избѣжаніе этого русскіе должны вернуться къ язычеству. По сообщенію лѣтописца, невѣжественная часть народа слушала волхва, вѣрные же смѣялись, говоря: „бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебѣ". Правительство не дало ему продолжать свою проповѣдь: въ одну ночь, по словамъ лѣтописи, волхвъ „бысть безъ вѣсти", т.-е. исчезъ. Между 1074—1078 гг. явился въ Новгородѣ волхвъ, который „творился, аки богъ", говорилъ, что предвидитъ все будущее, хулилъ христіанство и обѣщался пройти по Волхову, какъ по сушѣ. Проповѣдь волхва имѣла успѣхъ. Епископъ, облекшись въ богослужебныя одежды, съ крестомъ въ рукѣ, вышелъ на площадь и сказалъ: „кто хочетъ вѣрить волхву, пусть идетъ за нимъ, а кто вѣруетъ во Христа, пусть идетъ ко кресту". На сторонѣ епископа сталъ только князь Глѣбъ Святославовичъ съ дружиною, а на сторонѣ волхва вся народная масса, „производя великій мятежъ" и угрожая убить епископа. Кровавая народная расправа съ епископомъ была предотвращена только самообладаніемъ и находчивостью князя. Князь, спрятавъ подъ полу своего платья топоръ, подошелъ къ волхву и сталъ бесѣдовать съ нимъ. „Знаешь-ли ты,—спросилъ его князь,—что будетъ утромъ и во весь день до вечера?" —„Все знаю", отвѣчалъ волхвъ.— „А знаешь-ли, что будетъ сегодня?" —„Сотворю великія чу-

деса", отвѣтилъ волхвъ. При этихъ словахъ князь выхватилъ изъ-подъ полы топоръ и разсѣкъ волхва пополамъ. Неожиданная гибель волхва, собиравшагося творить великія чудеса, произвела на толпу отрезвляющее впечатлѣніе, и толпа мирно разошлась.

Если христіанство туго распространялось по городамъ,— то по деревнямъ (т.-е. по однодворкамъ) оно еще долго и совсѣмъ не появлялось. Только, когда города стали сплошь христіанскими по религіи, когда между ними устроились болѣе удобные пути сообщенія, когда населеніе деревень стало увеличиваться и вошло въ болѣе тѣсное общеніе съ городами, христіанство должно было распространиться и тамъ. Но здѣсь, по деревнямъ, смыслъ христіанскаго ученія еще менѣе могъ быть понятъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія грамотности. Языческій бытъ, языческія воззрѣнія, поэзія, выросшая на почвѣ языческаго быта, слегка окрашенные христіанской терминологіей и кое-какими обрядами христіанской религіи,—таково состояніе народныхъ массъ, продолжавшееся съ ничтожными измѣненіями въ пользу христіанства чуть-ли не до нашего времени.

Смѣшеніе христіанскихъ воззрѣній съ языческими носитъ особое названіе—„двоевѣріе". Двоевѣріе является однимъ изъ характерныхъ фактовъ русской жизни. Проповѣдники-греки, а затѣмъ и русскіе въ продолженіе многихъ вѣковъ обличаютъ „христіанъ, двоевѣрно живущихъ", осуждаютъ тѣхъ, кто имѣетъ по двѣ жены, порицаютъ за то, что женъ берутъ „съ плясаніемъ, гудѣніемъ (музыкой) и плесканіемъ", возмущаются тѣмъ, что продолжаютъ приносить жертвы болотамъ, колодцамъ и бѣсамъ (т.-е. языческимъ богамъ), предостерегаютъ отъ пировъ, на которыхъ происходятъ „играніе", „плясаніе" и „гудѣніе", вооружаются противъ пѣсенъ, волхвованія и чародѣянія. Но эти проповѣди были безсильны: языческія воззрѣнія и т. д. находились въ тѣсной связи съ жизненнымъ укладомъ народной массы, съ примитивностью условій ея трудовой дѣятельности. Пока эти условія оставались неизмѣнными или подвергались ничтожнымъ измѣненіямъ, пока въ массахъ господствовали такія отношенія къ природѣ и такіе способы воздѣйствія на нее, какіе достались ей отъ предковъ и какіе тѣсно были связаны съ обширностью занятаго русскими пространства, до тѣхъ поръ ея бытъ долженъ былъ оставаться неизмѣннымъ. Сила

быта, поддерживавшагося этимъ фактомъ, была такъ велика, что ей подчинялись, по свидѣтельству одного стараго обличенія („Слово нѣкоего Христолюбца“ — памятникъ эпохи до нашествія татаръ), даже „попы и книжники“. Въ „Стоглавѣ“, памятникѣ XVI-го вѣка, мы встрѣчаемъ указанія на продолжавшееся у русскихъ празднованіе языческихъ празднествъ съ ихъ „безчиннымъ говоромъ“, „бѣсовскими писками“, „плясаніями“, „скаканіями“ и „богомерзкими дѣлами“. Въ „Духовномъ Регламентѣ“, памятникѣ начала XVIII-го в. (1721) есть указанія на рядъ „суевѣрій“ (терминъ, замѣнившій слово „двоевѣріе“), очень распространенныхъ въ то время среди русскаго народа и представлявшихъ продолженіе языческой старины. Въ 1765 г. въ Воронежѣ запрещается народное празднованіе въ честь бога Ярила. Остатки древне-языческаго быта, съ его воззрѣніями, обрядами и поэзіей въ народныхъ массахъ, особенно живущихъ въ сторонѣ отъ главныхъ путей сообщенія, существуютъ и до настоящаго времени.

Двоевѣріе, какъ характерный фактъ русской жизни, наложило печать и на произведенія русской литературы.

31. Дѣленіе исторіи русской литературы. Исторія русской литературы распадается на два главныхъ періода: I) періодъ древней русской литературы, начинающійся приблизительно отъ IX-го в. и кончающійся XVII-мъ вѣкомъ, и II) періодъ новой русской литературы, обнимающій два вѣка XVIII—XIX и начало XX-го вѣка.

Библіографія. Матеріалы для болѣе подробнаго развитія нѣкоторыхъ изъ предыдущихъ параграфовъ можно почерпнуть въ слѣдующихъ книгахъ, пособіяхъ и статьяхъ: *А. Богдановъ.* Первобытный родовой коммунизмъ. Патріархально-родовая организація общества. «Краткій курсъ экономической науки». М. Разныя изданія.—*Липпертъ.* Общество: семья, собственность. Область культа. «Исторія культуры». Отдѣлы I—II. Спб. 1899.—*А. Богдановъ.* Развитіе жизни въ природѣ и въ обществѣ. Авторитарное мышленіе. «Изъ психологіи общества». Спб. 1904.—*А. Богдановъ.* Историческій монизмъ. «Эмпиріомонизмъ». Кн. III. Спб. 1906.—*М. Ковалевскій.* Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. Спб. 1895.—*Гроссе.* Формы семьи и хозяйства. М. 1899.—*Н. Михайловскій.* Что такое прогрессъ? «Сочиненія». Т. I. Спб. 1896.—*Н. Михайловскій.* Борьба за индивидуальность (тамъ же).—*Э. Махъ.* Языкъ. «Научно-популярные очерки». В. I. М. 1901.—*Максъ Мюллеръ.* Наука о языкѣ. Воронежъ. 1868.—*А. Потебня.* Мысль и языкъ. Харьковъ. 1892.—*А. Богдановъ.* Паденіе великаго фетишизма. М. 1910.—*Н. Г. Чернышевскій.* Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. «Собраніе

сочиненій». Т. IV. Спб. 1905.—*И. Тэнъ.* Чтенія объ искусствѣ. Спб. 1889.—*М. Гюйо.* Задачи современной эстетики. Спб. 1891.—*М. Гюйо.* Искусство съ точки зрѣнія соціологіи. Спб. 1891.—*Вл. Соловьевъ.* Красота въ природѣ. «Собраніе сочиненій». Т. IV. Спб. 1904.—*Вл. Соловьевъ.* Общій смыслъ искусства (тамъ же).—*Эрнстъ Гроссе.* Происхожденіе искусства. М. 1899.—*Л. Е. Оболенскій.* Научныя основы красоты и искусства. Спб. 1902.—*Бельтовъ.* Объ искусствѣ. «За двадцать лѣтъ». Спб. 1905.—*К. Бюхеръ.* Работа и ритмъ. Рабочія пѣсни, ихъ происхожденіе, эстетическое и экономическое значеніе. Спб. 1899.—*Александръ Веселовскій.* Три главы изъ исторической поэтики. Спб. 1899.—*В. Шулятиковъ.* Возстановленіе разрушенной эстетики. «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія». Спб. 1904.—*И. Тэнъ.* О методѣ критики и исторіи литературы (извлеченіе изъ введенія къ первому тому сочиненія «Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи въ связи съ развитіемъ литературы»). Спб. 1896.—*Н. С. Тихонравовъ.* Задачи исторіи литературы и методы ея изученія. «Сочиненія». Т. I. М. 1898.—*Дашкевичъ.* Постепенное развитіе науки исторіи литературы и современныя ея задачи. «Кіев. Унив. Извѣстія» 1877, № 10.—*Н. Карѣевъ.* Литературная эволюція на Западѣ (изъ теоріи и исторіи литературы). Воронежъ. 1886.—*В. Плотниковъ.* Основные принципы научной теоріи литературы. Воронежъ. 1888.—*В. Плотниковъ.* Объ изученіи исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности. Воронежъ. 1889. — *Берлъ.* О методахъ историко-литературныхъ изслѣдованій. Казань. 1889.—*Hermann Paul.* Grundriss der germanischen Philologie. B. I. Methodenlehre. 6. Literaturgeschichte. Strassburg. 1889.—*Эмиль Геннекенъ.* Опытъ построенія научной критики (эсто-психологія). Спб. 1892.—Brunetière. L'évolution des genres dans l'histoire de la littérature. T. I. Introduction. L'évolution de la critique depuis la Renaissance jusqu'à nos jours. Paris. 1890.—*Dr. Bernhard Ten Brink.* Ueber die Aufgabe der Litteraturgeschichte. Strassburg. 1891.—*Dr. W. Wets.* Ueber Litteraturgeschichte. Eine Kritik von Ten Brink's Rede «Ueber die Aufgabe der Litteraturgeschichte». Worms. 1891.—*А. Архангельскій.* Исторія литературы, какъ наука. «Изъ лекцій по исторіи русской литературы». Варшава. 1877.—*Ernst Elster.* Principien der Litteraturwissenschaft. Erster Band. Wien. 1897.—*Lacombe.* Introduction à l'histoire littéraire. Paris. 1900.—*Georges Renard.* La méthode scientifique de l'histoire littéraire (Bibliothèque de Philosophie contemporaine). Paris. 1900.—*М. Розоновъ.* Современное состояніе вопроса о методахъ изученія литературныхъ произведеній. «Рус. М.» 1900. № 4.—*В. В. Сиповскій.* Исторія литературы какъ наука. Спб. и М.—*Александръ Евлаховъ.* Введеніе въ философію художественнаго творчества. Опытъ историко-литературной методологіи. Томъ I. Варшава 1910.—*Г. Лансонъ.* Методъ въ исторіи литературы. Переводъ съ французскаго и послѣсловіе М. Гершензона. М. 1911.—*В. Ключевскій.* О разселеніи славянъ. «Курсъ русской исторіи». Ч. I. М. 1904. Лекція VII.—*П. Милюковъ.* Разселеніе славянъ. «Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ». П. Г. Виноградова. В. I. М. 1898.—*П. Милюковъ.* Древнѣйшій бытъ славянъ. Религія славянъ. «Книга для чтенія» Виноградова. Тамъ же.—*В. К. Агавоновъ.* Великая россійская равнина въ прошломъ. «Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ» М. Н. Покровскаго, при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н.

Сторожева. Т. I. М.—*В. Ключевскій.* Слѣдствія разселенія восточныхъ славянъ по русской равнинѣ. «Курсъ русской исторіи». Ч. I. М. 1904. Лекція VIII.—*В. Ключевскій.* Политическія слѣдствія разселенія восточныхъ славянъ по русской равнинѣ. «Курсъ». Ч. I. Лекція IX.—*Проф. Мих. Грушевскій.* Кіевская Русь (Территорія и ея прошлое.—Передъ славянскимъ разселеніемъ.—Культура восточно-славянскихъ племенъ эпохи разселенія и послѣдующей.—Населеніе и его общественный бытъ). Т. I. Спб. 1911.—*А. Архангельскій.* Наканунѣ христіанства и письменности. «Изъ лекцій по исторіи русской литературы». Варшава. 1901.—*В. Васильевскій.* Русско-византійскія изслѣдованія. В. II. Житія св. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго (о Руси въ концѣ VIII в. и въ началѣ IX в.). Спб. 1893.—*Ѳ. Успенскій.* Византія. «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона. Т. IV.—*В. М. Грибовскій.* Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Спб. 1897.—*Иконниковъ.* Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи. Кіевъ. 1869.—*Карлъ Каутскій.* Античный міръ, іудейство и христіанство. Спб. 1909.—*П. Казанскій.* Исторія православнаго монашества на Востокѣ. Ч. I—II. М. 1854—1856.—*А. Гарнакъ.* Монашество, его идеалы и его исторія. Перев. съ нѣм. Н. М. Никольскаго. Спб. 1908.—*Н. Скабалановичъ.* Византійское государство и церковь въ XI в., отъ смерти Василія II Болгаробойцы до воцаренія Алексѣя I Комнина. Спб. 1884.—*Н. Скабалановичъ.* Византійская наука и школы въ XI в. «Христіанское Чтеніе». 1884, №№ 3—4, 5—6.—*Ѳ. Успенскій.* Очерки по исторіи византійской образованности. Спб. 1892.—*K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527—1453). 2-te Aufl. München. 1897.—*Н. Тарасовъ.* Византійское искусство. «Книга для чтенія» Виноградова. В. II. М. 1897.—*П. Лавровъ.* Свв. Кириллъ и Меѳодій. «Книга для чтенія» Виноградова. В. II. 1897.—*Е. Голубинскій.* Святые Константинъ и Меѳодій, первоучители славянскіе. М. 1885.—*В. И. Ламанскій.* Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. «Ж. М. Н. Пр.» 1903, №№ 4—6, 12. 1904, №№ 1, 4, 5.—*Е. Голубинскій.* По поводу перестроя В. И. Ламанскимъ исторіи дѣятельности Константина философа, первоучителя славянскаго. «Изв. Отд. рус. яз. Ак. Н.», 1907, т. XII, кн. 2.—*К. Ѳ. Радченко.* Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ. Кіевъ. 1898.—*Полихроній Сырку.* Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. Т. I, в. 1-ый. Время и жизнь патріарха Евѳимія Терновскаго. Спб. 1899.—*М. Соколовъ.* Болгарская письменность. «Книга для чтенія» Виноградова. В. II.—*А. Пыпинъ* и *В. Спасовичъ.* Исторія древнеболгарской литературы. «Исторія славянскихъ литературъ». Т. I. Спб. 1879.—*Е. Голубинскій.* Христіанство на Руси до св. Владимира. Крещеніе св. Владимиромъ всей Руси и совершенное утвержденіе христіанства на Руси при его преемникахъ. «Исторія русской церкви». Т. I. Первая половина. М. 1901. Гл. I—II.—*Е. Голубинскій.* Вѣра, нравственность и религіозность народа. «Исторія русской церкви». Т. I. Вторая половина. М 1904. Гл. VIII.—*Н. М. Никольскій.* Первобытныя религіозныя вѣрованія и появленіе христіанства. «Русская исторія» М. Н. Покровскаго. Т. I.—*Ѳ. И. Буслаевъ.* Лекціи Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу Николаю Але-

ксандровичу (1859—1860 г.). «Старина и новизна». Кн. VIII. М. 1904. Кн. X. М. 1905. Кн. XII. М. 1907.—*А. Д. Галаховъ.* Исторія русской словесности, древней и новой. Т. I—II. Спб. 1880.—*Г. Карауловъ.*—Очерки исторіи русской литературы. 3-ье изд. М. 1888.—*И. Порфирьевъ.* Исторія русской словесности. Ч. I—II. Казань. Разныя изданія.—*П. В. Владимировъ.* Введеніе въ исторію русской словесности. Изъ лекцій и изслѣдованій. Кіевъ. 1896.—*П. В. Владимировъ.* Древняя русская литература кіевскаго періода X—XIII вѣковъ. Кіевъ. 1901.—*А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской литературы. Т. I—IV. Изд. 3-ье. Спб. 1907.—*Е. В. Аничковъ, А. К. Бороздинъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Исторія русской литературы. Т. I. Русская литература до XIX в. М. 1910. Т. II. Народная словесность. М. 1908. Т. III. Исторія русской литературы въ XIX в. (еще не окончена, выходитъ выпусками).—*Е. В. Пѣтуховъ.* Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ. Юрьевъ. 1911.—*А. В. Мезіеръ.* Русская словесность съ XI по XIX столѣтія включительно. Ч. I—II. Спб. 1889—1902.

Первоначальныя основы древне-русской литературы.

32. О первоначальныхъ основахъ древне-русской литературы. Благодаря дѣятельному общенію Руси съ Византіей древне-русская жизнь представляла изъ себя взаимодѣйствіе двухъ культуръ — собственно русской, національной, и византійской, иностранной.

Русская національная культура создавалась въ теченіе многихъ вѣковъ въ эпохи, предшествовавшія возникновенію государственнаго строя. Съ нѣкоторыми измѣненіями, въ однихъ отношеніяхъ крупными, въ другихъ—мелкими, эта древне-русская національная культура продолжала существовать и въ государственную эпоху. Ея остатки существуютъ до настоящаго времени въ глухихъ сельскихъ мѣстностяхъ.

Вліяніе византійской культуры порождалось первоначально мирными торговыми сношеніями съ Византіей и военными столкновеніями съ нею. Принятіе христіанства, учрежденіе церкви, во главѣ которой стояли образованные греческіе іерархи, сдѣлали вліяніе Византіи постояннымъ и прочнымъ.

Изъ двухъ культуръ, національной русской и иностранной византійской, преобладающее значеніе и перевѣсъ имѣла первая: она была главнымъ, основнымъ творцомъ во всѣхъ областяхъ жизни—экономической, общественно-политической, частной, идейно-литературной. Что касается византійской культуры, то она служила матеріаломъ, откуда русская жизнь почерпала тѣ или другіе элементы для удовлетворенія назрѣвавшихъ ея потребностей. Первоначально вліяніе византійской культуры

было чисто внѣшнимъ и на различные классы населенія распредѣлялось неравномѣрно: наибольшему вліянію подвергалась русская аристократія—духовная (больше) и свѣтская (меньше); значительно меньшее вліяніе Византіи испытывала городская народная масса; никакого вліянія Византія не имѣла и не могла имѣть на сельскую народную массу. Только съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ Русь, развиваясь въ культурномъ, экономическомъ и общественно-политическомъ отношеніяхъ, приближалась по своему строю къ Византіи, византійская культура пріобрѣтала у насъ все большее и большее вліяніе и становилась вторымъ основнымъ творцомъ во всѣхъ областяхъ жизни.

Когда обѣ культуры, древне-русская національная и византійская иностранная, впервые встрѣтились другъ съ другомъ, каждая изъ нихъ имѣла свой кругъ словесныхъ и литературныхъ произведеній, въ которыхъ отражались существенныя черты той и другой культуры: русская культура располагала устнымъ творчествомъ, византійская культура—обширнымъ литературнымъ творчествомъ, проникшимъ на Русь, главнымъ образомъ, въ видѣ множества литературныхъ произведеній, переведенныхъ на древне-болгарскій языкъ.

Древнѣйшее національное устное творчество и византійско-болгарская литература были у насъ первоначальными основами самостоятельнаго литературнаго творчества.

Произведенія древне-русскаго устнаго творчества не дошли до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ: они носятъ въ большей или меньшей степени слѣды вліянія византійско-болгарскаго міровоззрѣнія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Еврейско-византійско-болгарская основа древне-русской литературы.

33. Византійская переводная литература. По своему содержанію византійская, или, точнѣе, еврейско-византійско-болгарская литература была продуктомъ творчества нѣсколькихъ народовъ. Наиболѣе важная для византійскаго міровоззрѣнія

часть этой литературы (книги св. Писанія, большинство апокрифовъ) были плодомъ творчества еврейскаго народа; другая часть представляла изъ себя обработку, систематизацію или толкованія собственно византійскія въ отношеніи къ первой части (сочиненія свв. отцовъ и учителей церкви, проповѣди); третья часть византійской литературы представляла переработку классическихъ преданій (о троянской войнѣ, объ Александрѣ Македонскомъ); четвертая является переработкой восточныхъ литературныхъ произведеній (арабскихъ, индійскихъ) и т. д. Только немногія произведенія составляютъ продуктъ творчества собственно византійскаго (Девгеніево Дѣяніе). Переведенная на древне-болгарскій языкъ (рѣже на древне-русскій языкъ), эта литература подверглась въ свою очередь вліянію древне-болгарской мысли (§ 27). Такимъ образомъ, византійская переводная литература, послужившая у насъ однимъ изъ важныхъ исходныхъ пунктовъ для самостоятельнаго литературнаго творчества, отличалась по своему составу крайней пестротой: она составляла плодъ творчества нѣсколькихъ народовъ и была, слѣдовательно, выразительницей нѣсколькихъ культуръ, пытавшихся объединиться въ стройное цѣлое.

34. Основные элементы византійскаго міровоззрѣнія. Византійское міровоззрѣніе, выразившееся въ еврейско-византійско-болгарской литературѣ, представляетъ сочетаніе двухъ основныхъ элементовъ: 1) еврейско-христіанскаго міровоззрѣнія и 2) древне-греческой научно-философской мысли.

1) Еврейско-христіанское міровоззрѣніе. Съ того момента, какъ христіанская церковь, какъ экономическая и общественная организація, была санкціонирована римской государственной властью и въ лицѣ своей администраціи образовала въ Римской имперіи второй правительственный классъ, господствующимъ міровоззрѣніемъ становится еврейско-христіанское. Основныя черты этого міровоззрѣнія возникшаго изъ своеобразнаго древне-еврейскаго (ветхозавѣтнаго) анимизма, нѣсколько видоизмѣненнаго стремленіями еврейскаго трудящагося класса, таковы.

Міръ, созданный Богомъ въ шесть дней, состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: земли и неба. Земля представляетъ изъ себя равнину, прерываемую въ разныхъ мѣстахъ горами. Внутри земли находится огромное вмѣстилище земныхъ водъ, которыя по особымъ каналамъ выступаютъ на поверхность

земли и образуютъ источники, рѣки, озера и моря. Ниже этого вмѣстилища, въ самыхъ нѣдрахъ земли, находится великая пещера (бездна), въ которой живутъ души умершихъ („адъ“). Надъ землей возвышаются два небесныхъ свода, которыя своими краямя прочно скрѣплены съ землею. Между обими небесными сводами находятся небесныя воды, снѣгъ и градъ. На верхнемъ небесномъ сводѣ находится мѣстопребываніе Бога и многочисленныхъ духовъ-ангеловъ, созданныхъ Богомъ.

Одинъ изъ самыхъ могучихъ послѣ Бога духовъ, Сатана (діаволъ) съ подчиненными ему духами, возсталъ противъ Бога, чтобы отнять у Него власть надъ міромъ; но онъ потерпѣлъ пораженіе и былъ вмѣстѣ со своими приверженцами низвергнутъ съ неба на землю. Съ этого времени между Богомъ и Сатаной ведется непрерывная борьба, предметомъ которой служатъ земля и населяющіе ее люди.

Создавши перваго человѣка Адама и жену ему Еву, Богъ поселилъ обоихъ въ Едемѣ—прекрасномъ саду (раю) на Востокѣ. Въ этомъ саду среди деревьевъ замѣчательнѣе всѣхъ были два: древо жизни, плоды котораго, употребляемые въ пищу, избавляли отъ смерти, и древо познанія добра и зла. Богъ запретилъ первымъ людямъ ѣсть плоды съ древа познанія добра и зла, „ибо, — говорилъ Богъ Адаму, — въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертью умрешь“. Первые люди жили счастливо, въ дружбѣ съ природой и не зная никакихъ страданій. Но діаволу, принявшему видъ змѣя, удалось убѣдить ихъ нарушить данную Богомъ заповѣдь. Тогда на первыхъ людей обрушился рядъ бѣдствій, явились страданія. Богъ изгналъ изъ рая Адама и Еву, чтобы не дать имъ возможности поѣсть плодовъ съ древа жизни: „Вотъ— говорилъ Богъ, — Адамъ сталъ какъ одинъ изъ Насъ, зная добро и зло; и теперь, какъ бы не простеръ онъ руки своей и не взялъ также отъ дерева жизни и не вкусилъ и не сталъ жить вѣчно“. Подъ вліяніемъ проступка первыхъ людей произошло коренное измѣненіе въ природѣ: Богъ проклялъ земную природу, и она стала во враждебныя отношенія къ людямъ; люди тяжкой борьбой должны были поддерживать свое существованіе. Нарушеніе заповѣди первыми людьми ввергло въ страданія и ихъ потомство: все человѣчество должно было подчиниться послѣдствіямъ грѣха первыхъ людей, а именно страданіямъ и смерти.

Но Богъ обѣщалъ людямъ спасеніе: въ потомствѣ Адама и Евы явится Спаситель, который сокрушитъ діавола и спасетъ человѣчество отъ грѣха. И дѣйствительно, черезъ 5508 л. отъ сотворенія міра явился Христосъ, сынъ Божій, принявшій человѣческую плоть. Своими страданіями и смертью Христосъ искупилъ грѣхъ Адама и Евы и спасъ отъ него и человѣчество. Сойдя въ адъ, Христосъ освободилъ мучившихся тамъ праведниковъ, на третій день послѣ смерти воскресъ, а на сороковой вознесся на небо и сѣлъ одесную своего Отца. Оставшіеся на землѣ люди, принявшіе ученіе Христа, образуютъ общество-церковь, задача которой—спасеніе души строго опредѣленнымъ образомъ жизни своихъ членовъ. Наступитъ въ жизни вселенной моментъ, когда Христосъ снова сойдетъ на землю. Старый міръ будетъ уничтоженъ и замѣненъ новымъ; всѣ люди воскреснутъ, и Христосъ произведетъ надъ людьми судъ: праведники пойдутъ въ рай, гдѣ будутъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, а грѣшники—въ адъ, гдѣ будутъ подвергаться вѣчнымъ мукамъ.

2) Древне-греческая научно-философская мысль. Древне-греческая мысль уже ко II в. до Р. Х. успѣла освободиться отъ анимизма и стать на новую ступень міропониманія, раціоналистическую. Она выработала научно-философскіе пріемы и методы мышленія, благодаря которымъ ей удалось придти къ цѣлому ряду цѣнныхъ выводовъ; нѣкоторые, изъ этихъ выводовъ впослѣдствіи были усвоены и развиты далѣе западноевропейской философіей и наукой.

Древне-греческая мысль вошла въ византійское міровоззрѣніе, во-1-хъ, какъ методъ мышленія, во-2-хъ, отчасти, какъ совокупность нѣкоторыхъ воззрѣній на природу, на міръ. Эти воззрѣнія сводятся къ слѣдующему.

Существуетъ Богъ, чистый безконечный духъ. Между человѣческой душой и Богомъ есть родственная связь. Человѣкъ, какъ личность, внутренно свободенъ отъ внѣшняго міра. Между міромъ внѣшнимъ и міромъ духа существуетъ противоположность; дѣйствительное бытіе присуще міру духа. Отсюда для человѣка вытекаетъ необходимость подниматься изъ области внѣшняго міра въ область духа, освобождаться отъ тѣлеснаго низшаго начала и уподобляться Богу. Въ мірѣ дѣйствуетъ божественный разумъ — Логосъ, управляющій міромъ путемъ раздѣленія и соединенія противоположностей.

Таковы нѣкоторыя воззрѣнія, выработанныя древне-греческой мыслью и оказавшія глубокое вліяніе на выработку основныхъ началъ христіанскаго міровоззрѣнія. Кромѣ того, древне-греческая философская мысль дала творцамъ христіанскаго міровоззрѣнія матеріалы для выработки догматовъ о богочеловѣчествѣ, троичности и о загробномъ блаженствѣ праведниковъ.

Такимъ образомъ, византійское міровоззрѣніе представляетъ переработку еврейско-христіанскаго міропониманія методами древне-греческой мысли, его раціонализацію, опытъ его примиренія съ нѣкоторыми результатами древне-греческой мысли.

35. Дѣленіе еврейско-византійско-болгарской литературы. Еврейско-византійско-болгарская литература дѣлится на слѣдующіе отдѣлы: 1) древняя еврейско-христіанская литература, 2) агіографическая литература, 3) сочиненія свв. отцовъ и учителей церкви, 4) естественно-научныя сочиненія, 5) исторіографія, 6) гадательныя книги, 7) сборники и 8) беллетристика.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Древняя еврейско-христіанская литература.

36. Древняя еврейско-христіанская литература. Древняя еврейско-христіанская литература находится въ тѣсной связи прежде всего съ исторіей развитія въ древности еврейскаго народа.

37. Основные моменты въ исторіи древняго еврейскаго народа. Евреи принадлежатъ къ семитической расѣ и родственны такимъ народамъ, какъ египтяне, вавилоняне, ассирійцы, сирійцы (арамейцы), финикіяне, хананеяне и арабы.

Родиной семитической расы были, повидимому, оазисы Аравіи, расположенные вдоль берега Краснаго моря. Подъ вліяніемъ состояній абсолютнаго перенаселенія отдѣльныя отрасли семитической расы покидали свою родину, двигались на сѣверъ, сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ, завоевывали новыя страны и основывали свои государства. Раньше всѣхъ отдѣлилась группа, занявшая за 6.000 л. до Р. Х. долину Нила

въ сѣверо-восточной Африкѣ и образовавшая Египетское государство. За 3.500 л. до Р. Х. двинулась другая группа, которая, пройдя черезъ Синайскую пустыню и Палестину (страну, прилегающую къ восточному берегу Средиземнаго моря) проникла въ долину Тигра и Евфрата и здѣсь образовала Ассиро-Вавилонское государство. За 2.500 л. двинулась третья группа семитовъ, хананеяне, которые заняли Палестину; часть хананеянъ, занявшая узкую прибрежную полосу между горнымъ хребтомъ Ливаномъ и морскимъ берегомъ, образовала Финикійское государство. Наконецъ, около 1330 г. до Р. Х. двинулась въ Палестину новая группа семитовъ—евреи, которымъ суждено было въ исторіи всемірной культуры сыграть громадную роль.

Исторія древняго еврейства распадается на слѣдующіе періоды:

1) Доисторическій періодъ. До завоеванія Палестины евреи, жившіе патріархально-родовымъ бытомъ, кочевали со своими стадами мелкаго рогатаго скота въ аравійскихъ оазисахъ, расположенныхъ вдоль берега Краснаго моря. Объ этомъ періодѣ изъ своей жизни евреи сохранили два воспоминанія.

Одно изъ нихъ, наиболѣе древнее, связано съ первобытной родиной семитовъ, находившейся въ какомъ-нибудь изъ прекрасныхъ аравійскихъ оазисовъ, когда семиты переживали коммунистическо-родовой періодъ своего существованія, и сохранилось въ преданіи о раѣ, въ которомъ жили первые люди.

Другое воспоминаніе, позднѣйшаго происхожденія, связано съ судьбой самого еврейства, съ эпохой изгнанія, когда евреи, вынуждены были кочевать со своими стадами мелкаго рогатаго скота по скудной пустынѣ, прилегавшей къ Синайской горѣ, въ сѣверо-западной части Аравійскаго полуострова. Это былъ періодъ патріархально-родового быта евреевъ. Преданіе гласило, что одинъ изъ родоначальниковъ евреевъ Іаковъ, кочевавшій въ Палестинѣ, вслѣдствіе неурожая и наступившаго голода, переселился со всею семьею въ Египетъ. Здѣсь евреи размножились и образовали нѣсколько племенъ. Жизнь евреевъ стала тяжелой, потому что египетскій царь фараонъ заставилъ ихъ совершать тяжкія работы. Тогда евреи обратились къ своему Богу Ягве (Jahwe, Іегова) съ мольбой объ избавленіи отъ рабства. Ягве услышалъ молитву своего народа и послалъ ему вождя Моисея, который вывелъ евреевъ изъ Египта и при-

велъ въ оазисъ Кадешъ, близъ огнедышащей горы, на вершинахъ которой, окруженный облаками, пребывалъ грозный Богъ евреевъ Ягве.

2) **Историческій періодъ.** Между 1300—1250 гг. евреи двинулись на Палестину, въ которой въ то время было нѣсколько хананейскихъ государствъ, и завоевали ее. Съ этого времени начинается собственно историческій періодъ жизни еврейскаго народа. Характерныя черты этого періода находятся въ зависимости отъ двухъ главныхъ особенностей въ положеніи Палестины. *Во-первыхъ*, Палестина была страной пограничной между двумя великими культурными государствами — египетскимъ и ассиро-вавилонскимъ, и потому она была ареной, гдѣ оба эти государства чаще всего сталкивались между собою въ борьбѣ за вліяніе. *Во-вторыхъ*, въ Палестинѣ пересѣкались міровые торговые пути, шедшіе изъ Египта въ Месопотамію и изъ Финикіи въ Аравію. Первая особенность создавала для еврейскаго народа безпокойное необезпеченное отъ сосѣдей существованіе; вторая особенность втягивала евреевъ въ торгово-промышленное дѣло.

Историческій періодъ жизни еврейскаго народа распадается на нѣсколько эпохъ.

а) Наканунѣ образованія государства. Наканунѣ образованія государства, т.-е. между 1250—1050 гг., евреи переживаютъ процессъ приспособленія къ новымъ условіямъ существованія.

Во-первыхъ, евреи постепенно переходятъ отъ кочевого скотоводческаго быта къ осѣдлому земледѣльческому. Еврейская патріархально-родовая старѣйшина постепенно превращается въ землевладѣльческую феодальную аристократію, разсѣявшуюся по отнятымъ у хананеянъ укрѣпленнымъ городкамъ, а остальная масса еврейскаго народа превращается въ крестьянство.

Во-вторыхъ, происходитъ сближеніе между евреями и покоренными ими хананеянами. Послѣдній, какъ народъ земледѣльческій, благосостояніе котораго зависѣло отъ земли и солнца, обоготворяли солнце подъ именемъ бога Ваала и землю подъ именемъ супруги Ваала Белиты, или Астарты. Евреи, перейдя къ земледѣлію, которому они учились у хананеянъ, невольно заимствовали у туземцевъ, наряду съ основными пріемами земледѣлія, и ихъ религію, т.-е. пріемы привлеченія къ земледѣль-

ческому труду благосклонности мѣстныхъ боговъ: евреи стали поклоняться Ваалу и Астартѣ. Въ то же время продолжалось и почитаніе національнаго грознаго Ягве, о которомъ, впрочемъ, евреи вспоминали только тогда, когда на нихъ обрушивались сосѣди-враги. Между культомъ Ваала и культомъ Ягве происходитъ сближеніе и смѣшеніе. Выработались три главныхъ праздника въ году, тѣсно связанныя съ основными моментами въ годовой хозяйственной дѣятельности еврейскаго народа: α) праздникъ Опрѣсноковъ, или Пасха, β) Пятидесятница и γ) праздникъ Кущей.

α) *Праздникъ Опрѣсноковъ, или Пасха.* Праздникъ опрѣсноковъ пріуроченъ былъ къ началу жатвы. Онъ распадался на два момента. Когда созрѣвалъ ячмень, наиболѣе рано созрѣвающее хлѣбное растеніе, первый сжатый снопъ считался принадлежащимъ божеству. Составлялась торжественная веселая процессія, несшая снопъ священнику для принесенія его въ жертву божеству. Процессія, въ которой принимали участіе и старые и юные, сопровождалась пляской и пѣніемъ. Второй моментъ праздника состоялъ въ принесеніи божеству въ жертву первыхъ хлѣбовъ. Первыя собранныя зерна наскоро мололи на ручной мельницѣ, изъ муки готовили прѣсное тѣсто, а изъ тѣста—особыя лепешки, получившія названіе опрѣсноковъ. Эти опрѣсноки приносились въ жертву божеству, и ими наѣдались люди. Этотъ моментъ праздника также сопровождался пѣніемъ и танцами.

Въ южной части Палестины, гдѣ надъ земледѣліемъ преобладало скотоводство, вмѣсто праздника Опрѣсноковъ совершался другой праздникъ, носившій названіе „Пасхи“. Этотъ праздникъ происходилъ весною, когда скотъ давалъ приплодъ, и состоялъ въ томъ, что божеству приносились въ жертву первенцы скота („пасхальный ягненокъ“). Жертвенный пиръ, сопровождавшійся пѣніемъ и игрой на свирѣляхъ, совершался ночью, послѣ перваго весенняго новолунія.

Впослѣдствіи, въ Іерусалимѣ, оба праздника, праздникъ Опрѣсноковъ и Пасха, сблизились и слились въ одинъ праздникъ, на которомъ фигурировали и опрѣсноки и ягненокъ.

β) *Пятидесятница.* Этотъ праздникъ, совершавшійся черезъ семь недѣль послѣ перваго, когда созрѣвала пшеница, происходилъ въ честь окончанія жатвы. На жертвенномъ пиру, отличавшемся такою же веселостью, какъ и предыдущій,

подавались кислые хлѣбы, приготовленные изъ первыхъ зеренъ пшеницы.

γ) *Праздникъ Кущей.* Этотъ праздникъ совершался осенью, когда собирались фрукты, особенно виноградъ. Въ это время всѣ жили въ виноградникахъ, въ кущахъ, т.-е. легкихъ шалашахъ, откуда и названіе праздника. Праздникъ Кущей отличался особеннымъ весельемъ. Всенародный характеръ этотъ праздникъ принималъ въ Іерусалимѣ и Бетъ-Элѣ (Веѳилѣ), куда стекалось населеніе со всѣхъ концовъ еврейскаго царства.

Въ-третьихъ, мирная вначалѣ трудовая жизнь евреевъ постепенно нарушается нападеніями сосѣдей — аморрейцевъ, мадіанитянъ и особенно филистимлянъ, которые были самыми опасными врагами евреевъ. Евреи, раздробленные на отдѣльныя племена, съ трудомъ отбивались отъ этихъ враговъ. Отъ времени до времени, въ томъ или другомъ племени, изъ аристократіи выдѣлялся герой-предводитель, князь, „судья“, пользовавшійся свѣтско-духовной властью среди своего племени. Въ наиболѣе опасные для племени моменты судья объединялъ подъ своимъ предводительствомъ сосѣднія еврейскія племена, утверждался въ какомъ-нибудь укрѣпленномъ городѣ, набиралъ дружины смѣльчаковъ, водилъ ихъ на врага и одерживалъ блестящія побѣды. Такими героями-предводителями, совершавшими богатырскіе подвиги, были Гедеонъ, Іефѳай и Самсонъ.

б) Образованіе еврейскаго государства. Около 1050 г. евреямъ грозила отъ напиравшихъ со всѣхъ сторонъ сосѣдей окончательная гибель. Въ это время среди племени Веніамина сталъ выдаваться своими военными подвигами предводитель Саулъ. Ставъ во главѣ нѣсколькихъ еврейскихъ племенъ, Саулъ собралъ большую отборную дружину и одержалъ рядъ побѣдъ надъ филистимлянами и амалекитянами. Послѣ этого южныя и восточныя еврейскія племена признали Саула своимъ царемъ. Въ укрѣпленныхъ городахъ Саулъ посадилъ тысяцкими и сотниками своихъ дружинниковъ и отдалъ имъ въ управленіе прилегавшіе къ городамъ округа. Такъ положено было начало еврейскому государству.

Преемникъ Саула Давидъ окончательно справился съ филистимлянами, нанесъ пораженіе новому врагу евреевъ—сирійцамъ, завладѣлъ Іерусалимомъ съ его крѣпостью Сіономъ и сдѣлалъ его столицей еврейскаго царства.

Соломонъ († ок. 950), сынъ Давида, считается у евреевъ

мудрѣйшимъ изъ царей. Онъ объединилъ въ одно государство всѣ еврейскія племена и воздвигъ въ Іерусалимѣ великолѣпный храмъ въ честь Ягве. Храмъ этотъ былъ построенъ финикійскими мастерами изъ камня; полъ его былъ сдѣланъ изъ кипарисовыхъ досокъ, а внутреннія стѣны были отдѣланы кедромъ. И кипарисъ и кедръ были привезены изъ Финикіи съ Ливанскихъ горъ.

Объединившись, еврейскій народъ очутился между сильными государствами, съ высоко развитой культурой: это были Египетъ, Финикія и Ассиро-Вавилонія. Съ этими государствами у еврейскаго правительства завязываются культурныя, политическія и торгово-промышленныя сношенія. Еврейскій царь, придворные круги и феодально-дружинная аристократія подвергаются сильному культурному вліянію со стороны сосѣдей. Въ то же время въ еврейскомъ государствѣ зарождается національное денежное хозяйство съ обычными экономическими и общественными слѣдствіями: еврейскіе князья стремятся получать съ крестьянъ оброкъ въ формѣ денегъ, и притомъ въ возможно большемъ количествѣ; изъ простонародной массы выдѣляется, съ одной стороны, болѣе или менѣе обезпеченный торгово-промышленный классъ, а съ другой,—классъ рабочихъ, круглыхъ бѣдняковъ, лишенныхъ собственности. Положеніе крестьянства медленно, но неуклонно ухудшается. Среди народной массы зарождается недовольство.

в) Раздѣленіе еврейскаго государства. Послѣ смерти Соломона еврейское государство распадается на два царства: α) израильское и β) іудейское.

α) *Израильское царство.* Въ составъ Израильскаго царства вошло десять сѣверныхъ племенъ. Столицей его стала Самарія, центръ племени Ефрема. Религіознымъ центромъ сдѣлался Бетъ-Эль (Веѳиль), гдѣ былъ построенъ храмъ; въ немъ были два изображенія божества въ видѣ быковъ.

Подъ вліяніемъ развитія денежнаго хозяйства въ Израильскомъ царствѣ создается рѣзкая противоположность въ матеріальномъ положеніи аристократіи и простонародной массы. Въ то же время усиливается внѣшняя опасность, грозившая сначала со стороны сирійцевъ, а потомъ со стороны Ассиріи. Эти два факта, соціальный и политическій, дали сильный толчокъ къ пробужденію самосознанія въ еврейскомъ простонародіи: возникаетъ продолжительное демократическое движеніе,

выразителями котораго были пророки Илія, Елисей, Михей (первая половина VIII в.), Амосъ, явившійся въ Израильское царство изъ Іудеи (около 760), и Осія. Эти пророки смѣло выступаютъ на защиту простого народа противъ правящаго класса и царя и требуютъ отъ нихъ правды и справедливости; они изображаютъ Ягве врагомъ зла, неправды и насилія, могучимъ поборникомъ правды и справедливости и грозятъ аристократіи, въ случаѣ неисправленія, гибелью Израильскаго царства. Примѣромъ смѣлыхъ выступленій народныхъ пророковъ могутъ служить рѣчи Амоса, „одного изъ пастуховъ Θекойскихъ“, обращавшагося къ высшему классу съ такими словами:

„Выслушайте слово сіе, телицы жирныя, что на горѣ Самарійской, — вы, притѣсняющіе бѣдныхъ, отталкивающіе жаждущихъ, говорящихъ господамъ своимъ: подавай, и мы будемъ пить! Клянется Ягве святостью своею: истинно говорю вамъ, придутъ на васъ дни, когда увезутъ васъ на корабляхъ и потомковъ вашихъ на рыбачьихъ лодкахъ“.

„Выслушайте это вы, поглощающіе бѣдныхъ и губящіе голодныхъ, вы, которые говорите: пусть только пройдетъ новолуніе, чтобы мы могли продать хлѣбъ, и суббота, чтобы мы могли продать плоды, и мы уменьшимъ мѣры, увеличимъ цѣну и будемъ кривить невѣрными вѣсами, будемъ покупать неимущихъ за деньги и бѣдныхъ за пару обуви и продавать высѣвки за пшеницу. Клянется Ягве: воистину не забуду Я имъ дѣлъ ихъ“.

„Горе безпечнымъ на Сіонѣ и надѣющимся на гору Самарійскую именитымъ первенствующаго народа, къ которымъ приходитъ домъ Израиля!.. Вы, которые день бѣдствія считаете далекимъ и приближаете торжество насилія,—вы, которые лежите на ложахъ изъ слоновой кости и нѣжитесь на постеляхъ вашихъ, ѣдите лучшихъ овновъ изъ стада и тельцовъ съ тучнаго пастбища, поете подъ звуки гуслей, думая, что владѣете музыкальнымъ орудіемъ, какъ Давидъ, пьете изъ чашъ вино, мажетесь наилучшими мастями и не болѣзнуете о бѣдствіи Іосифа! Зато нынѣ пойдутъ они въ плѣнъ во главѣ плѣнныхъ, и кончится ликованіе изнѣженныхъ“.

„Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертвъ во время торжественныхъ собраній вашихъ. Если вознесете Мнѣ всесожженіе и хлѣбное приношеніе, Я не приму ихъ и

не призрю на благодарственную жертву изъ тучныхъ тельцовъ вашихъ. Удали отъ Меня шумъ пѣсней твоихъ, ибо звуковъ гуслей твоихъ Я не буду слушать. Пусть, какъ вода, течетъ судъ, — и правда, какъ сильный потокъ!"

„Ищите добра, а не зла, чтобы вамъ остаться въ живыхъ, — и тогда Богъ Саваоѳъ будетъ съ вами, какъ вы говорите. Возненавидьте зло и возлюбите добро и возстановите у воротъ правосудіе: можетъ быть, Господь Богъ Саваоѳъ помилуетъ остатокъ Іосифовъ".

Въ 721 г. Израильское царство было завоевано Ассиріей. Израильскій царь Осія былъ заключенъ въ тюрьму; всѣ представители правящаго класса, въ количествѣ 27.290 человѣкъ, были схвачены и переселены за рѣку Тигръ, въ Калахъ и Арменію. Города и земли были розданы ассирійскимъ военачальникамъ. Израильскіе крестьяне остались на своихъ мѣстахъ и стали работать на новыхъ господъ.

β) *Іудейское царство.* Въ составъ Іудейскаго царства вошли два южныхъ племени—Іуды и Веніамина. Центромъ его былъ Іерусалимъ.

Въ Іудейскомъ царствѣ развитіе денежнаго хозяйства приводитъ къ тѣмъ же экономическимъ и соціальнымъ послѣдствіямъ, какъ и въ Израильскомъ царствѣ: ростъ власти и богатствъ аристократіи и параллельное обѣднѣніе массы. Въ народной массѣ, сельской и городской, возникаетъ недовольство, выразившееся въ требованіи писаннаго закона, который гарантировалъ бы ее отъ несправедливаго суда. Это требованіе было исполнено при царѣ Іосафатѣ (873 — 848). Представители высшаго іерусалимскаго духовенства составили особую „Книгу Закона", которая, въ измѣненной редакціи, вошла впослѣдствіи въ составъ „Исхода", одной изъ Моисеевыхъ книгъ [1]). „Книга Закона" состояла изъ знаменитыхъ десяти заповѣдей (которыя, въ отдѣльности, сложились задолго до изданія „Книги Закона"), и изъ предписаній судебнаго и религіознаго характера. Кромѣ того, „Книга Закона" запрещала всякіе другіе культы, кромѣ культа Ягве.

„Книга Закона" не оказала того вліянія на жизнь, какого

---

[1]) „Книга Закона" распадается на три части: „Десять заповѣдей" („Исх.", XX), „Книга Завѣта" („Исх.", XX—XXIII) и „Малая Книга Завѣта" („Исх.", XXIV).

ожидали: общественныя отношенія продолжали развиваться въ прежнемъ духѣ.

Паденіе Израильскаго царства произвело на іудеевъ всѣхъ классовъ подавляющее впечатлѣніе. Становилось яснымъ, что подобная же участь ожидаетъ и Іудейское царство. Изъ народной среды поднимаются пророки, которые обличаютъ правящій классъ въ неправдѣ, грозятъ ему участью Израильскаго царства и въ то же время ищутъ исхода. Однимъ изъ самыхъ выдающихся демократическихъ пророковъ конца VIII в. является Исаія, принадлежавшій по своему происхожденію къ высшему классу населенія. Указывая на предстоящій страшный судъ Ягве надъ Іудой и описывая этотъ судъ въ отчаянно-мрачныхъ краскахъ, Исаія въ то же время высказывалъ свое убѣжденіе, что Ассуръ (Ассирія) будетъ въ рукахъ Ягве только бичомъ, которымъ будетъ наказанъ Іуда; послѣ наказанія Іуда получитъ прощеніе, Ягве выведетъ изъ дома Давида новаго царя, который создастъ новое царство — царство благоденствія и справедливости. Этого новаго царя и это новое царство, въ которомъ классовой антагонизмъ исчезнетъ, Исаія изображаетъ такъ:

„И произойдетъ отрасль отъ корня Іесеева, и вѣтвь произрастетъ отъ корня его. И почіетъ на немъ духъ Ягве, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и воинской доблести, духъ вѣдѣнія и благочестія; и страхомъ Ягве исполнится, и будетъ судить не по взгляду очей своихъ и не по слуху ушей своихъ рѣшать дѣла. Онъ будетъ судить бѣдныхъ по правдѣ и дѣла страдальцевъ земли рѣшать по истинѣ, и жезломъ устъ своихъ поразитъ землю, и духомъ устъ своихъ убьетъ нечестиваго. И будетъ препоясаніемъ чреслъ его правда и препоясаніемъ бедръ его—истина. Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, а малое дитя будетъ водить ихъ. И корова будетъ пастись съ медвѣдицею, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому. И младенецъ будетъ играть надъ норою аспида, и дитя протянетъ руку свою на гнѣздо змѣи. Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Моей, ибо земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море“.

Правящій классъ въ Іудеѣ внимательно прислушивался къ

словамъ Исаіи, хотя и не любилъ этого пророка за его рѣзкія обличенія. При царѣ Ахазѣ Іерусалимъ едва не былъ захваченъ сирійцами (арамейцами). При царѣ Езекіи Іерусалимъ былъ осажденъ ассирійцами. Однако Іерусалимъ спасся отъ гибели: въ ассирійскомъ войскѣ появилась чума, и ассирійцы вынуждены были снять осаду. Счастливое избавленіе отъ страшнаго врага вызвало въ Исаіи чувство радости. Но эта радость была непродолжительна: неправда, противъ которой такъ вооружался Исаія, продолжала царить въ Іудеѣ и въ Іерусалимѣ. Тогда Исаія образовалъ кружокъ учениковъ и послѣдователей. Представители этого кружка пропагандировали идеи своего учителя и вели борьбу за осуществленіе въ Іудейскомъ царствѣ правды.

Въ концѣ VII в. произошло нашествіе скиѳовъ на Ассирію, нанесшее послѣдней страшный ударъ: пророчество Исаіи оправдалось. Это дало основаніе партіи, основанной Исаіей, энергичнѣе добиваться реформы. Благопріятный моментъ для этого наступилъ при царѣ Іосіи. Въ 621 г., по распоряженію царя, производился ремонтъ храма Ягве. Вдругъ пронесся слухъ, что первосвященникъ Хелкія нашелъ въ храмѣ неизвѣстно откуда взявшуюся книгу, въ которой изложенъ былъ законъ самого Ягве: это была новая „Книга Закона“, вошедшая впослѣдствіи въ составъ „Второзаконія“, пятой книги Моисеева „Пятикнижія“. Въ этой книгѣ предписывалось истребить мѣста, гдѣ совершались культы въ честь языческихъ боговъ, и перебить пророковъ другихъ боговъ, объяснялось, какъ совершать праздники и приносить жертвы, и излагались, въ измѣненной редакціи, судебныя и гражданскія постановленія „Книги Закона“, составленной при Іосафатѣ. „Книга Закона“ требовала отъ іудеевъ неуклоннаго исполненія ея предписаній. За исполненіе закона Ягве обѣщалъ народу всевозможныя блага и побѣды надъ другими народами, а за нарушеніе грозилъ страшными бѣдствіями, въ томъ числѣ нашествіемъ чужеземнаго народа и разсѣяніемъ по землѣ.

„Книга Закона“ произвела на Іосію сильное впечатлѣніе. Было рѣшено провести предписанія книги въ жизнь, и особенно предписанія о недопущеніи другихъ культовъ, кромѣ культа Ягве. Слѣдствіемъ этого было запрещеніе и уничтоженіе всѣхъ древнихъ культовъ и сосредоточеніе культа Ягве въ Іерусалимѣ.

Реформа, произведенная Іосіей подъ вліяніемъ открытой „Книги Закона“, не удовлетворила демократическіе круги. Вышедшій изъ простонародной среды пророкъ Софонія предсказывалъ, что Іерусалиму не избѣжать гибели, потому что въ немъ по прежнему царитъ неправда. „Горе,—говорилъ Софонія, — городу нечистому и оскверненному, притѣснителю!... Князья его посреди него—рыкающіе львы, судьи его—вечерніе волки, не оставляющіе до утра ни одной кости. Пророки его — люди легкомысленные, вѣроломные; священники его оскверняютъ святыню, попираютъ законъ“.

Реформа не удовлетворила и другого пророка, знаменитаго Іеремію. Іеремія, мелкій землевладѣлецъ изъ окрестностей Іерусалима, проникнутый демократическими стремленіями, также понималъ неизбѣжность гибели Іудеи и также объяснялъ эту неизбѣжность отсутствіемъ правды. „Не надѣйтесь,—говорилъ Іеремія отъ имени Ягве иниціаторамъ реформы,—на обманчивыя слова: здѣсь храмъ Ягве, храмъ Ягве, храмъ Ягве! Но если совсѣмъ исправите пути ваши и дѣянія ваши, если будете вѣрно производить судъ между человѣкомъ и соперникомъ его, не будете притѣснять иноземца, сироты и вдовы и проливать невинной крови на мѣстѣ семъ, и не пойдете во слѣдъ иныхъ боговъ на бѣду себѣ,—то я оставлю васъ жить на мѣстѣ семъ, на этой землѣ, которую далъ отцамъ вашимъ въ роды родовъ. Вотъ вы надѣетесь на обманчивыя слова, которыя не принесутъ вамъ пользы. Какъ! Вы крадете, убиваете и прелюбодѣйствуете, и клянетесь во лжи, и кадите Ваалу, и кадите во слѣдъ иныхъ боговъ, которыхъ вы не знаете, и потомъ приходите и становитесь передъ лицомъ Моимъ въ домѣ семъ, надъ которымъ начерчено имя Мое и говорите: мы спасены,—чтобы впредь дѣлать всѣ эти мерзости“! За эти прегрѣшенія правящаго класса Іеремія грозилъ гибелью Іудейскаго царства. Обличенія и предсказаніи Іереміи не остались для него безнаказанными: онъ неоднократно подвергался преслѣдованіямъ и заключеніямъ въ тюрьму. Но Іеремія продолжалъ неуклонно свое дѣло.

Въ 608 г. при Меггидо произошло столкновеніе между Іосіей и египтянами. Іудеи потерпѣли пораженіе, и Іосія былъ убитъ. Послѣ этого Іудея попадаетъ на нѣкоторое время въ зависимость отъ Египта. Въ 604 г. въ битвѣ при Кархемишѣ египтяне потерпѣли пораженіе отъ вавилонянъ, и Іудея выпу-

ждена была признать надъ собою власть Вавилона, царемъ котораго былъ знаменитый Навуходоносоръ (604—561). Это было при царѣ Іоакимѣ, сынѣ Іосіи. Черезъ три года Іоакимъ рѣшилъ отложиться отъ Навуходоносора. Вавилонскій царь немедленно вторгся въ Іудею и осадилъ Іерусалимъ. Во время осады Іоакимъ умеръ и царемъ сдѣлался его сынъ Іехонія (Іоахинъ). Въ 597 г. Іехонія, сдался Навуходоносору. Вавилонскій царь взялъ Іехонію, часть князей іудейскихъ и мелкихъ воиновъ, всего около 10.000 человѣкъ, и переселилъ ихъ въ Вавилонію. Храмъ Ягве былъ разграбленъ и разоренъ. Въ Іудеѣ были оставлены на своихъ мѣстахъ „бѣдный народъ земли“ — крестьянство, средній классъ и значительная часть аристократіи. Царемъ надъ Іудеей Навуходоносоръ сдѣлалъ Седекію, сына Іосіи и дядю Іехоніи.

Черезъ 5 лѣтъ Седекія заключилъ тайный союзъ съ египетскимъ фараономъ противъ Навуходоносора. Чтобы заинтересовать въ борьбѣ за независимость крестьянство, Седекія съ князьями рѣшилъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости: требованіе пророковъ изъ демократія было осуществлено. Освободивъ крестьянъ, Седекія обратился къ Іереміи съ просьбой высказаться теперь о ближайшемъ будущемъ Іудеи. Іеремія, не повѣрившій искренности Седекіи и князей и въ то же время понимавшій могущество Навуходоносора, заявилъ, что сообщенное имъ слово Ягве остается неизмѣннымъ.

Узнавъ о союзѣ Седекіи съ Египтомъ, Навуходоносоръ двинулся въ Іудею и осадилъ Іерусалимъ (588). Во время этой осады выступили противъ Навуходоносора египтяне. Навуходоносоръ снялъ осаду и пошелъ на египтянъ.

Какъ только Навуходоносоръ удалился отъ Іерусалима, іудейскіе князья, рѣшивъ, что теперь они избавились отъ вавилонской власти, снова закрѣпостили крестьянъ. Іеремія обрушился на князей и Седекію съ рѣзкими обличеніями и грозными предостереженіями: отъ объявилъ, что Ягве предастъ Седекію, его князей и священниковъ въ руки воинства вавилонскаго царя. Іеремію объявили измѣнникомъ и предателемъ, арестовали его и бросили въ тюрьму, изъ которой впослѣдствіи ему удалось бѣжать.

Между тѣмъ Навуходоносоръ, расправившись съ египтянами, вернулся къ Іерусалиму и возобновилъ осаду. Черезъ девять мѣсяцевъ Іерусалимъ былъ взятъ (586). Седекія, его сыновья,

оставшіеся князья и войско, а также жители Іерусалима, всего около 10.000 человѣкъ, состоявшіе изъ купцовъ, ремесленниковъ, слугъ и т. д., были взяты въ плѣнъ и увезены въ Вавилонъ. Іерусалимъ былъ сожженъ; храмъ Ягве, дворецъ царя и дома погибли въ огнѣ. Въ Іудеѣ остались только крестьяне и мелкіе ремесленники и торговцы. Іудея, какъ самостоятельное государство, перестала существовать.

г) *Вавилонское плѣненіе.* Вавилонское плѣненіе, продолжавшееся около 50 лѣтъ (586—538), имѣло громадное значеніе въ исторіи еврейскаго народа.

Попавъ въ Вавилонъ, іудеи вынуждены были приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. Въ зависимости отъ того, къ какому классу принадлежали тѣ или другіе іудеи, одни изъ нихъ приспособлялись легче, другіе—труднѣе. Легче всего приспособились іудейскіе купцы, которые возобновили въ Вавилонѣ свои занятія торговлей. Съ торговыми цѣлями они разселились по разнымъ городамъ Вавилонскаго государства и этимъ положили начало „діаспорѣ", т.-е. разсѣянію еврейства по тогдашнему міру. Труднѣе было приспособиться къ новымъ условіямъ жизни свѣтской аристократіи, князьямъ и вельможамъ іудейскимъ. Но и они мало-по-малу устроились: одни изъ нихъ, отличившись передъ вавилонскимъ царемъ, получили высокія должности въ Вавилонѣ, другіе, у которыхъ сохранились остатки прежнихъ богатствъ, занялись, по примѣру купцовъ, торговлей.

Въ иномъ положеніи оказалась духовная аристократія: оторванная отъ народной массы, оставшейся въ Іудеѣ, она уже не могла продолжать своей дѣятельности въ такихъ размѣрахъ, какъ прежде. Она объединилась въ тѣсный кружокъ и прежде всего занялась вопросомъ о причинахъ катастрофы, постигшей Іудею. Одинъ изъ представителей кружка, пророкъ Іезекіиль, разъяснилъ этотъ вопросъ такимъ образомъ. Ягве, явившись ему въ видѣніи, объявилъ, что гибель Израиля и Іудеи произошла оттого, что они не соблюдали закона о почитаніи одного только Ягве, и притомъ только въ Іерусалимѣ. Іуда и Израиль теперь подобны бѣлымъ мертвымъ костямъ; но Ягве оживитъ ихъ, и они вернутся на родину. Если, вернувшись на родину, Іуда и Израиль устроятся такъ, какъ укажетъ Ягве, то они никогда не погибнутъ, и имъ покорятся всѣ земные народы. Ягве показалъ Іезекіилю, каково именно должно быть это устройство.

Іезекіиль былъ перенесенъ на высокую гору, откуда онъ увидѣлъ новый Іерусалимъ. Въ срединѣ Іерусалима возвышался новый храмъ, который былъ несравненно великолѣпнѣе Соломонова; около храма простирались земли, отведенныя въ собственность представителямъ духовной аристократіи; на востокъ и на западъ отъ этихъ владѣній простирались владѣнія іудейскаго царя, а на югъ и на сѣверъ—владѣнія израильскихъ колѣнъ. Показавъ Іезекіилю новый Іерусалимъ, Ягве объяснилъ ему, каковъ долженъ быть строй новаго іудейскаго царства. Верховная власть должна принадлежать духовной аристократіи: безъ нея царь ничего не можетъ предпринять; высшіе представители духовной аристократіи судятъ народъ и приносятъ жертвы; на содержаніе духовной аристократіи народъ долженъ доставлять десятину съ масла, шестую часть ячменя и пшеницы и одну овцу со стада въ 200 головъ. Такимъ образомъ, по возвращеніи изъ плѣна іуден должны устроиться на теократическихъ началахъ, и тогда среди нихъ воцарится благоденствіе.

Мечтая о возвращеніи и вырабатывая идеалъ теократическаго государства, іудейское духовенство въ то же время занималось собираніемъ и приведеніемъ въ систему богослужебныхъ обрядовъ. Кромѣ того, оно собрало древнѣйшія еврейскія преданія и, соединивъ ихъ съ извлеченіями изъ лѣтописей израильскихъ и іудейскихъ царей, составили три книги, вошедшія потомъ въ составъ Библіи: „Книгу Судей“, „Книгу Самуила“ (въ русской Библіи ей соотвѣтствуютъ „Первая“ и „Вторая книга Царствъ“), „Книгу Царей“ (въ русской Библіи— „Третья“ и „Четвертая книга Царствъ“). Основная мысль этихъ книгъ состояла въ слѣдующемъ. Бѣдствія, постигавшія израильтянъ и іудеевъ, ниспосылались свыше, за отпаденіе отъ Ягве. Какъ только израильтяне и іуден раскаивались, Ягве посылалъ имъ спасителя-судью или царя. Избавившись отъ бѣды, израильтяне и іуден снова отпадали отъ Ягве. Долго это продолжалось. Наконецъ, терпѣніе Ягве истощилось: Ягве разгнѣвался на евреевъ и предалъ израильтянъ въ руки ассиріянъ, а іудеевъ—въ руки вавилонянъ.

Живя въ плѣну, іуден невольно подвергались вліянію высокой культуры вавилонянъ. Они заимствовали многіе элементы ея и подвергли ихъ переработкѣ.

Основнымъ занятіемъ вавилонянъ было земледѣліе, которое

оказало рѣшающее вліяніе на характеръ вавилонской культуры. Успѣшность земледѣлія обусловливается, помимо благопріятнаго сочетанія стихійныхъ силъ, умѣніемъ земледѣльца приспособляться къ нимъ. Земледѣлецъ долженъ тщательно слѣдить за смѣной временъ года и за погодой, чтобы во-время производить свои работы. Иными словами, земледѣлецъ нуждается прежде всего въ календарѣ. Эта потребность сознана была въ Вавилонѣ жрецами, которые руководили обширными земледѣльческими хозяйствами на земляхъ, принадлежавшихъ храмамъ. Многовѣковыя наблюденія этихъ жрецовъ надъ смѣной временъ года и погодой, въ связи съ земледѣльческимъ трудомъ, привели къ созданію перваго календаря, а затѣмъ къ созданію особой науки о небѣ и о движеніи небесныхъ свѣтилъ, науки, которая носила полу-астрономическій, полу-астрологическій характеръ. Свѣдѣнія изъ этой науки, объединившись съ свѣдѣніями о землѣ и ея устройствѣ, образовали вавилонскую космологію, основныя черты которой состояли въ слѣдующемъ.

Вселенная состоитъ изъ неба и земли. Земля подобна громадной круглой горѣ. Эта гора—полая снизу: внутри она представляетъ огромную Бездну, подземный міръ, „Аралу́“, мѣсто, гдѣ обитаютъ мертвые, а также злые духи. Ниже Бездны находится Океанъ, „Апсу́“, на которомъ покоятся края земли. Надъ землей простирается небо, имѣющее видъ опрокинутой чаши. Оно состоитъ изъ трехъ частей: высшаго неба, нижняго и атмосферы. Высшее небо, или твердь, вмѣстѣ съ неподвижными звѣздами вращается вокругъ огромной горы боговъ, находящейся далеко за Тигромъ и соединяющей землю съ небомъ. На восточной и на западной частяхъ тверди находятся небесныя врата, охраняемыя крѣпкой стражей: черезъ эти ворота поднимается изъ океана и опускается въ него солнце. Нижнее небо это то, по которому двигаются солнце, луна и пять планетъ, видимыхъ простымъ глазомъ: Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Нижній поясъ обоихъ небесъ содержитъ въ себѣ небесныя воды, которыя сливаются съ земными водами. Между нижнимъ небомъ и землей, находится атмосфера, по которой двигаются тучи и носятся вѣтры. Живущіе на небѣ боги двигаютъ солнце, луну и указанныя пять планетъ, посылаютъ облака, тучи и вѣтры. Благодаря этому по движенію этихъ свѣтилъ и ихъ взаимному положенію, а также по

внѣшнему виду облаковъ и тучъ, по характеру и направленію вѣтровъ можно узнавать волю боговъ и предсказывать будущее не только относительно хода и результата земледѣльческихъ работъ, но и относительно исхода сраженій, судьбы людей и т. д.

Іудеи усвоили вавилонскую космологію, но подвергли ее переработкѣ (§ 34).

Наблюденія надъ небомъ привели вавилонянъ къ выводу о томъ, что существуютъ таинственныя міровыя числа, которыя установлены самими богами и имѣютъ священный характеръ. Изъ этихъ чиселъ особенное значеніе придавалось двумъ: семи и двѣнадцати. Число семь выражено на небѣ солнцемъ, луною и пятью планетами. Въ честь этого мірового числа вавилоняне установили недѣлю, часть времени, состоящую изъ семи дней. Другое міровое число—двѣнадцать. Это число выражается луною, которая въ теченіе года рождается двѣнадцать разъ. Въ честь этого числа установлены были двѣнадцать мѣсяцевъ, на которые раздѣляется годъ. Каждый мѣсяцъ распадался на четыре недѣли. Послѣдній день каждой недѣли, совпадавшій съ новыми фазисами луны, т.-е. дни 7-ой, 14-ый, 21-ый и 28-ой, назывались „саббату“, т.-е. днями прекращенія работы. Эти дни считались тяжелыми, неблагопріятными для какихъ бы то ни было начинаній, и потому въ эти дни предписывалось избѣгать всякихъ дѣлъ.

Ознакомившись съ отношеніемъ вавилонянъ къ указаннымъ двумъ числамъ, іудеи сами стали смотрѣть на эти числа, какъ на священныя.

Былъ у вавилонянъ цѣлый рядъ сказаній, которыя съ бо́льшими или меньшими видоизмѣненіями, стали также достояніемъ іудеевъ. Такъ, у вавилонянъ были заимствованы сказанія о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи, о потопѣ и о вавилонскомъ столпотвореніи.

α) *Сказаніе о сотвореніи міра и первобытный драконъ Тіаматъ.* До сотворенія міра существовали „Апсу́“, Бездна, и Муммý-Тіаматъ, темная пучина женскаго пола, мать Бездны, изображаемая въ видѣ чудовищнаго дракона или семиглаваго змія. Первоначально отъ Бездны родились верховные боги: Анý (Небо), Бэлъ (Владыка), Эа (Владыка морской пучины) и его сынъ Мардукъ (богъ свѣта). Тіаматъ возненавидѣла боговъ — свое собственное порожденіе, и рѣшила истре-

бить ихъ. Съ этой цѣлью она породила множество чудовищъ: огромныхъ змѣй, драконовъ, василисковъ и т. д. Узнавъ о дѣяніяхъ Тіаматъ и ея намѣреніи, боги задрожали отъ страха. Одинъ только Мардукъ не испугался, взялъ оружіе, обвилъ свое лицо молніей, создалъ семь бурныхъ вѣтровъ, которымъ велѣлъ слѣдовать за собой на бой, приготовилъ огромную сѣть и, сѣвъ на колесницу, запряженную четверкой дикихъ коней, выѣхалъ навстрѣчу Тіаматъ. Приблизившись къ Тіаматъ, Мардукъ быстрымъ движеніемъ кинулъ сѣть такъ, что сразу опуталъ Тіаматъ, и пустилъ въ ея открытую пасть страшный вихрь, который забушевалъ въ ея чревѣ и такъ сталъ терзать ея внутренности, что она не могла закрыть своей пасти. Мѣтко прицѣлившись, Мардукъ вонзилъ въ пасть Тіаматъ копье и пронзилъ ея сердце. Помощники Тіаматъ были схвачены и посажены въ заточеніе. Убивъ Тіаматъ, Мардукъ разрубилъ ея тѣло вдоль, какъ рыбу: изъ одной половины Тіаматъ онъ сдѣлалъ небо, а изъ другой — землю; затѣмъ Мардукъ создалъ облака, помѣстилъ на небѣ солнце, луну и звѣзды, сотворилъ на землѣ растенія и животныхъ и, наконецъ, смѣшавъ глину съ божественною кровью, создалъ человѣка, мужчину и женщину.

Такимъ образомъ, по вавилонскому сказанію, вселенная была создана изъ Тіаматъ, изъ тѣла первобытнаго дракона, сверхъестественнаго змѣя. Изображеніе этого дракона до сихъ поръ можно наблюдать, между прочимъ, во дворцѣ Навуходоносора. Вавилонскій драконъ это—страшное чудовище, въ которомъ соединены черты змѣя и четвероногаго звѣря. Туловище дракона—какъ у четвероногаго животнаго, но длинное и покрытое чешуей; у него—четыре лапы: переднія похожи на лапы пантеры, заднія оканчиваются огромными птичьими когтями. Длинная вытянутая шея оканчивается продолговатой змѣиной головой; на головѣ находятся два языка, на лбу—длинные прямые рога. Сзади у дракона—извивающійся хвостъ, въ концѣ котораго находится жало скорпіона. Драконъ изображенъ идущимъ впередъ съ злымъ угрожающимъ видомъ. По свидѣтельству посѣтителей дворца Навуходоносора, образъ дракона производитъ ошеломляющее впечатлѣніе.

β) *Слѣды сказанія о грѣхопаденіи.* Повидимому, у вавилонянъ существовало также сказаніе, напоминающее библейское сказаніе о грѣхопаденіи. Это можно думать по изображенію на небольшой продолговатой печати вавилонскаго

происхожденіи. По срединѣ печати изображено дерево съ висящими на немъ плодами. Направо отъ дерева сидитъ мужчина, налѣво—женщина. И мужчина и женщина простираютъ руки къ плодамъ. Позади женщины поднимается змѣя.

γ) *Сказаніе о всемірномъ потопѣ.* По повелѣнію бога морей, царь Пиръ-Напиштимъ (Ксисутръ) построилъ семиэтажный корабль, просмолилъ его, нагрузилъ его имуществомъ, помѣстилъ въ немъ свою семью, домочадцевъ, ремесленниковъ, полевую скотину и дикихъ звѣрей. Окончивъ всѣ приготовленія, Пиръ-Напиштимъ вошелъ въ корабль и затворилъ дверь. На горизонтѣ показались черныя тучи, загремѣлъ громъ, блеснули молніи, пронеслись вихри и полился дождь. Начался великій потопъ, испугавшій своими размѣрами самихъ боговъ. Шесть дней и шесть ночей свирѣпствовали вѣтры и воды. На зарѣ седьмого дня буря притихла и воды улеглись. Пиръ-Напиштимъ открылъ люкъ и съ плачемъ посмотрѣлъ на міръ: кругомъ было одно только море. Черезъ день показался въ морѣ островъ. Корабль присталъ къ горѣ Низиръ. На зарѣ седьмого дня Пиръ-Напиштимъ выпустилъ изъ корабля голубя. Голубь вылетѣлъ, но не найдя мѣста покоя, вернулся. Пиръ-Напиштимъ выпустилъ ласточку, которая, не найдя мѣста покоя, тоже вернулась. Пиръ-Напиштимъ выпустилъ ворона, который уже не вернулся. Тогда Пиръ-Напиштимъ выпустилъ на всѣ четыре стороны всѣхъ живыхъ тварей, вышелъ изъ корабля, воздвигъ на вершинѣ горы жертвенникъ, разставилъ на немъ священные сосуды, по семи въ рядъ, и положилъ на нихъ кедровыхъ щепокъ и разныхъ куреній. Боги обоняли пріятное благоуханіе и толпились около Пиръ-Напиштима, какъ рой мухъ. Богиня Иштаръ сняла съ себя чудное ожерелье и, раскинувъ его по небу (радуга), поклялась, что никогда не забудетъ дней потопа. Богъ Бэлъ взялъ за руки Пиръ-Напиштима и его жену и увелъ ихъ въ дальнюю сторону у устья рѣкъ, [1]), гдѣ они стали жить, какъ боги.

δ) *Сказаніе о вавилонскомъ столпотвореніи.* Возгордившись и вообразивъ себя умнѣе и сильнѣе боговъ, люди задумали построить громадную башню и довести ее до самыхъ небесъ. Боги разсердились. Когда башня была доведена до зна-

[1]) Вавилоняне помѣщали рай на островахъ въ Персидскомъ заливѣ, близъ устьевъ четырехъ рѣкъ: Евфрата, Тигра, Керча и Каруна.

чительной высоты, боги послали бурный вѣтеръ, который опрокинулъ постройку, а затѣмъ заставили строителей заговорить на разныхъ языкахъ.

Таковы главныя воззрѣнія, представленія и сказанія, заимствованныя іудеями у вавилонянъ и переработанныя на особый ладъ.

Въ 538 г. Вавилонъ былъ взятъ персидскимъ царемъ Киромъ. Вавилонская монархія замѣнилась персидской. Киръ разрѣшилъ племенамъ, выселеннымъ въ Вавилонъ, въ томъ числѣ и іудеямъ, вернуться на родину. Разрѣшеніемъ Кира воспользовались прежде всего духовенство іудейское и нѣкоторыя княжескія фамиліи со своими слугами. Они двинулись подъ предводительствомъ князя Зоровавеля, происходившаго изъ дома Давида, и первосвященника Іисуса, потомка іерусалимскаго первосвященника Садока.

д) Эпоха персидскаго владычества. Эпоха персидскаго владычества начинается съ момента возвращенія іудеевъ на родину и продолжается до водворенія греческаго владычества въ послѣдней трети IV-го в. до Р. Х. Въ сѣверной части древняго Израильскаго царства на мѣсто израильтянъ оказался новый народъ, образовавшійся изъ смѣшенія остатковъ израильтянъ съ переселенцами изъ Ассиріи и говорившій на незнакомомъ языкѣ. Не лучше обстояло дѣло въ Іудеѣ: іудейское простонародіе, благодаря смѣшенію съ сосѣдями, успѣло потерять свой прежній обликъ и сильно забыло свой древній языкъ; Іерусалимъ былъ въ развалинахъ. Вернувшимся на родину предстояла трудная работа.

Духовенство іудейское поселилось въ Іерусалимѣ и стало отстраиваться заново. Свѣтскія фамиліи разсѣялись по Іудеѣ, заняли свободныя земли и превратились въ такихъ же крупныхъ землевладѣльцевъ, какими были ихъ предки.

Ближайшей задачей духовенства было возстановить храмъ и культъ Ягве. Въ этомъ отношеніи духовенство находило сочувственную поддержку въ Зоровавелѣ, который самъ мечталъ о возстановленіи трона свохъ предковъ. Духовенство, со своей стороны, относилось сочувственно къ мечтамъ Зоровавеля. Съ цѣлью побудить народъ къ осуществленію обѣихъ задачъ, духовенство выдвинуло изъ своей среды двухъ пророковъ—Аггея и Захарію, которые своими увѣщательными рѣчами и видѣніями убѣждали народъ помочь построить храмъ и возстановить тронъ Давидовъ.

Агитація пророковъ имѣла успѣхъ: народъ сталъ оказывать дѣятельную помощь въ осуществленіи обѣихъ задачъ; въ одно и то же время строился храмъ и возводились стѣны вокругъ Іерусалима. Это обратило на себя вниманіе персидскаго правительства, которое рѣшительно воспротивилось укрѣпленію Іерусалима. Іудеи вынуждены были ограничиться только возведеніемъ храма, который былъ оконченъ въ 516 г. Хозяевами храма сдѣлались потомки Садока съ Іисусомъ во главѣ. Прочіе священники стали въ подчиненныя къ нимъ отношенія.

Такъ былъ возстановленъ культъ Ягве. Этого было недостаточно: нужно было теперь сдѣлать культъ Ягве обязательнымъ для всего населенія. Эта новая задача была осуществлена Ездрой и Неемією.

Ездра, образованный іудей, жившій въ Вавилонѣ, составилъ вмѣстѣ съ другими оставшимися тамъ учеными іудеями книгу закона, получившую названіе „Пятикнижія Моисеева“. Выхлопотавъ у персидскаго царя Артаксеркса указъ, которымъ предписанія книги Моисеева закона дѣлались обязательными для всѣхъ іудеевъ, Ездра отправился вмѣстѣ съ другими духовными лицами въ Іерусалимъ. Въ 458 г. Ездра, на основаніи царскаго указа, приступилъ къ осуществленію новой задачи.

Прежде всего Ездра рѣшилъ строго отдѣлить іудеевъ отъ иноплеменниковъ. Сначала онъ запретилъ смѣшанные браки. Затѣмъ онъ выхлопоталъ разрѣшеніе построить вокругъ Іерусалима стѣну, чтобы преградить свободный доступъ въ Іерусалимъ иноземцамъ. Благодаря вліятельному виночерпію Артаксеркса іудею Нееміи, удалось преодолѣть всѣ препятствія, которыя создавались во время возведенія іерусалимской стѣны.

Въ 444 г. передъ осеннимъ праздникомъ Кущей, когда въ Іерусалимѣ собралось множество народа, былъ обнародованъ и объясненъ Моисеевъ законъ. Послѣ праздника съ народа взята была клятва соблюдать новый законъ: совершать обрядъ обрѣзанія, не родниться съ иноземцами, соблюдать субботу и главные годовые праздники, приносить указанныя жертвы — ежедневныя, субботнія, новомѣсячныя, праздничныя и благодарственныя, платить ежегодно въ пользу храма третью часть шекеля съ души, посвящать Богу начатки хлѣба, вина и мяса, первенцевъ скота, своихъ первенцевъ и платить десятину духовенству.

Древнимъ годовымъ праздникомъ приданъ былъ новый смыслъ:

Пасха стала праздноваться въ память исхода изъ Египта, Пятидесятница—въ память дарованія закона на Синаѣ, Кущи—въ память сорокалѣтняго странствованія по пустынѣ. Самый характеръ праздниковъ рѣзко измѣнился: прежнее веселье, которымъ они сопровождались, исчезло. Къ древнимъ праздникамъ былъ присоединенъ новый — великій день очищенія отъ грѣховъ, Jom kippurim, который совершался въ десятый день седьмого мѣсяца. Въ этотъ день іудеи постились, а первосвященникъ приносилъ въ жертву двухъ козловъ.

Такъ создался и сталъ входить въ жизнь іудейскаго народа обрядовый законъ, который съ этого времени становится характерной чертой іудея. Творцами его было духовенство, точнѣе, высшая часть его, духовная аристократія, считавшая своимъ родоначальникомъ Садока. Руководящая роль въ это время принадлежитъ этой аристократіи (отсюда и другое названіе эпохи персидскаго владычества и слѣдовавшей за ней эпохи греческаго владычества: „священническій періодъ“).

Введеніе закона въ жизнь повело къ важнымъ послѣдствіямъ. Еврейское общество раздѣлилось на двѣ части: одна часть, преимущественно бѣдная, усердно исполняла всѣ предписанія закона, надѣясь этимъ заслужить отъ Ягве награду,— разбогатѣть и благоденствовать; другая часть, преимущественно изъ высшаго класса, богатые, относилась къ закону равнодушно и не исполняла его предписаній. Представители первой части еврейства стали называться „праведными“, а представители другой части — „беззаконниками“, „нечестивыми“, „решаимъ“.

е) Эпоха греческаго владычества. Эпоха греческаго владычества начинается съ момента паденія Персидской монархіи въ послѣдней трети IV-го в. и продолжается до возстанія Маккавеевъ въ концѣ первой половины II-го в. до Р. Х.

Послѣ паденія Персидской монархіи, на ея мѣстѣ воздвигается монархія греческаго царя Александра Македонскаго и его преемниковъ. Послѣ смерти Александра М. Іудея попадаетъ подъ власть Сирійскаго греческаго государства, выдѣлившагося изъ монархіи Александра. На Востокѣ водворяется новая культура, греческая, и господствующимъ становится новый языкъ, греческій. Съ этого времени начинается вліяніе на іудеевъ греческой культуры. Это вліяніе особенную силу пріобрѣтаетъ на іудеевъ, жившихъ внѣ Палестины, какъ, напр.,

въ Египтѣ, въ его главномъ центрѣ Александріи. Подъ вліяніемъ греческой литературы у александрійскихъ евреевъ возникаетъ своя обширная литература, среди которой особенное значеніе имѣетъ переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ на греческій языкъ (переводъ, такъ называемыхъ, семидесяти толковниковъ), сдѣланный между 150—100 гг. до Р. Х.

Греческое вліяніе распространялось и въ Палестинѣ. Здѣсь болѣе всего поддавались этому вліянію представители аристократіи, какъ свѣтской, такъ и духовной, которымъ чаще всего приходилось сталкиваться съ греками. Менѣе поддавались этому вліянію городское простонародіе и выдѣлившаяся изъ него интеллигенція, представители которой носили названіе „асидеевъ", книжниковъ, ученыхъ толкователей закона.

На іерусалимскомъ первосвященникѣ лежала обязанность собирать съ населенія дань въ пользу сирійскаго царя. Эта обязанность была очень тяжкой. Въ демократической средѣ относились съ ненавистью къ грекамъ и ко всему греческому. Такъ какъ высшее духовенство само поддавалось греческому вліянію и собирало ненавистную дань, то іудейская демократія перенесла свою ненависть и на свое высшее духовенство.

Въ концѣ первой половины II-го в. сирійскій царь Антіохъ IV Эпифанъ (175—164) задумалъ замѣнить въ своемъ государствѣ всѣ религіозные культы культомъ Зевса Олимпійскаго. Когда эту замѣну стали производить въ Палестинѣ, среди іудеевъ поднялось движеніе противъ грековъ и ихъ іудейскихъ приверженцевъ изъ аристократіи („решаимъ"). Во главѣ движенія стали братья Маккавеи, происходившіе изъ священнической фамиліи и нашедшіе поддержку въ асидеяхъ. Изъ среды послѣднихъ вышла книга, ставшая потомъ извѣстной подъ именемъ „Книги Даніила", которая своей основной идеей внушала борцамъ увѣренность въ побѣдѣ. Основная идея книги состояла въ томъ, что за царствомъ Навуходоносора должны смѣниться еще три царства, послѣ которыхъ Богъ возстановитъ царство іудеевъ и сдѣлаетъ его вѣчнымъ. Борьба съ сирійскими царями продолжалась долго (167—142) и окончилась тѣмъ, что Іудея пріобрѣла независимость. Во главѣ стала фамилія Маккавеевъ, или, какъ она иначе еще называлась, Асмонеевъ.

ж) Эпоха независимости Іудеи. Эпоха независимости Іудеи продолжалась отъ 142 г. до 63 г. до Р. Х.

Ставъ во главѣ Іудеи, Асмонеи, которые были первосвященниками-царями, скоро пошли по стопамъ своихъ предшественниковъ изъ высшей аристократіи: они собирали подати съ простого народа не въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ эпоху греческаго владычества; асидеи, или, какъ ихъ теперь стали называть, фарисеи („недотроги“) потеряли свое вліяніе при дворѣ: ихъ мѣсто заняли саддукеи, какъ стали называться потомки первосвященника Садока, а съ ихъ вліяніемъ при дворѣ начинается распространеніе греческой культуры. Фарисеи перешли въ оппозицію. Ставъ снова во главѣ іудейской демократіи, они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы возбуждать ее противъ высшей аристократіи.

Въ это время быстро усиливалось новое государство—Римское.

Въ 67 г. къ римскому полководцу Помпею, завоевавшему Малую Азію и Сирію, явились съ жалобами другъ на друга три посольства: два—отъ двухъ братьевъ Асмонеевъ, споривших между собою изъ-за престола, и одно, въ составъ котораго входили фарисеи, — отъ „іудейскаго народа“. Помпей обѣщалъ имъ разобрать ихъ жалобы въ Іерусалимѣ. Явившись въ Іерусалимъ, Помпей сдѣлалъ первосвященникомъ Іудеи представителя фарисеевъ.

Въ 63 г. Іудея сдѣлалась римской провинціей.

з) Эпоха римскаго владычества и конецъ Іудеи. Подъ римскимъ владычествомъ Іудея прожила до 70 г. послѣ Р. Х.

Это—самая замѣчательная эпоха въ исторіи Іудеи.

Во-первыхъ, въ эту эпоху раздѣленіе на классы въ Іудеѣ достигаетъ особенно высокой степени развитія. Кромѣ классовъ, выдѣлившихся въ предшествовавшія эпохи (свѣтская аристократія, саддукеи, т.-е. духовная аристократія, торгово-промышленный классъ, фарисеи, т.-е. демократическая интеллигенція), изъ демократической среды выдѣляются двѣ новыя группы: зелоты и ессеи. Зелоты были боевой демократической партіей: проникнутые мессіанизмомъ, они, въ отличіе отъ мирно настроенныхъ фарисеевъ, отъ времени до времени производили противъ римлянъ возстанія, которыя обыкновенно кончались пораженіемъ. Въ противоположность зелотамъ ессеи представляли мирную демократическую общину, строй которой носилъ коммунистическій земледѣльческій характеръ.

Во-вторыхъ, въ эту эпоху среди іудейства подготовляется и появляется новое ученіе—христіанское.

Въ-третьихъ, въ эту эпоху появляются послѣднія книги ветхозавѣтной литературы.

Въ 66 г. послѣ Р. Х. зелоты подняли возстаніе противъ римлянъ. Между іудеями и римлянами завязалась кровопролитная борьба, продолжавшаяся до 70 г. Внѣшняя борьба сопровождалась внутренней борьбой партій: партіи мира, къ которой принадлежали фарисеи и саддукеи, и партіи военной, во главѣ которой стояли зелоты. Въ 70 г. римскій полководецъ Титъ, расправившись съ провинціальными городами Іудеи, осадилъ и взялъ Іерусалимъ. Іудеѣ былъ положенъ конецъ. Духовная и свѣтская аристократія Іудеи почти вся погибла въ борьбѣ съ демократіей, а представители демократіи погибли въ борьбѣ съ римлянами. Уцѣлѣли только іудейскіе книжники и торговцы.

38. Дѣленіе еврейско-христіанской литературы. Произведенія еврейско-христіанской литературы распадаются на двѣ обширныя группы: на 1) каноническую литературу и 2) неканоническую.

Каноническая еврейско-христіанская литература.

39. Каноническая еврейско-христіанская литература и ея дѣленіе. Произведенія еврейско-христіанскаго творчества первоначально не дѣлились на каноническія и неканоническія. Эти произведенія пользовались у читателей — одни бо̀льшимъ, другія меньшимъ вниманіемъ, въ зависимости отъ того, какую жизненную роль они играли. Съ теченіемъ времени изъ всей обширной еврейско-христіанской литературы выдѣляются отдѣльныя произведенія и группы произведеній, которыя пріобрѣтаютъ особенное значеніе, которыя начинаютъ считаться боговдохновенными и которымъ приписывается священный характеръ. Совокупность еврейско-христіанскихъ книгъ, имѣющихъ священный характеръ, получила названіе канона св. книгъ.

Канонъ св. книгъ создавался медленно, на протяженіи многихъ вѣковъ. Онъ распадается на два канона: 1) канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ и 2) канонъ новозавѣтныхъ книгъ.

1) Канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ у евреевъ распадался на три части: а) „Законъ“, б) „Пророки“ и в) „Св. Писаніе“.

а) „*Законъ*“. Первая попытка образовать канонъ была сдѣлана при царѣ Іосіи (ок. 600 г. до Р. Х.), когда священникомъ Хелкіей была найдена въ храмѣ „Книга Закона“ (§ 37). Эта книга была оффиціально объявлена священной, а ея предписанія обязательными для всѣхъ евреевъ. Но фактически „Книга Закона“ еще долго послѣ этого не пользовалась въ населеніи тѣмъ авторитетомъ, который оффиціально былъ за нею признанъ.

Въ 444 г. до Р. Х. при Ездрѣ и Нееміи была издана и объявлена священной новая книга, „Книга Моисеева закона“, извѣстная теперь подъ именемъ „Моисеева Пятикнижія“. Благодаря предварительнымъ мѣрамъ, принятымъ Ездрой и Нееміей (§ 37), „Книга Моисеева закона“ начинаетъ пользоваться среди евреевъ большимъ авторитетомъ: ея боговдохновенность и священный характеръ становятся общепризнанными.

Такъ образовалась первая часть ветхозавѣтнаго канона.

б) „*Пророки*“. Признаніе „Книги Моисеева закона“ священной открыло путь къ признанію священными и цѣлаго ряда другихъ книгъ, которыя въ своей совокупности получили у евреевъ названіе „Пророковъ“. Эти книги были собраны, пересмотрѣны и подвергнуты неоднократнымъ редакціямъ. Результатомъ этого труда было составленіе въ 250 г. до Р. Х. второй части ветхозавѣтнаго канона, „Пророковъ“, въ составъ которой вошли слѣдующія книги: „Книга Іисуса Навина“, „Книга Судей“, „Первая книга Самуила“, „Вторая книга Самуила“, „Первая книга Царей“, „Вторая книга Царей“, книги пророковъ Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и двѣнадцати малыхъ пророковъ.

в) „*Св. Писаніе*“. Около 100 г. до Р. Х. была создана третья часть ветхозавѣтнаго канона, получившая у евреевъ названіе „Св. Писанія“. Въ составъ „Св. Писанія“ вошли слѣдующія книги: „Псалмы“, „Притчи“, „Книга Іова“, „Пѣснь пѣсней“, „Книга Руѳь“, „Плачъ Іереміи“, „Екклесіастъ“, „Есѳирь“, „Книга Даніила“, „Книга Ездры“, „Книга Нееміи“, „Первая книга Паралипоменонъ“, „Вторая книга Паралипоменонъ“. Изъ этихъ книгъ „Пѣснь пѣсней“ и „Екклесіастъ“ не всѣми признавались боговдохновенными и священными.

Таковы основныя части ветхозавѣтнаго канона и исторія ихъ происхожденія.

Изъ трехъ частей ветхозавѣтнаго канона наибольшимъ

авторитетомъ у евреевъ пользовалась первая, т.-е. „Законъ“, наименьшимъ—третья, т.-е. „Св. Писаніе“.

2) Канонъ новозавѣтныхъ книгъ. До половины II-го в. послѣ Р. Х. канона новозавѣтныхъ книгъ еще не существовало. Со времени возникновенія христіанскихъ общинъ и до указаннаго момента единственнымъ для христіанъ канономъ священныхъ книгъ былъ ветхозавѣтный. Ветхозавѣтныя книги, продолжая сохранять у христіанъ почти то же самое религіозное значеніе, какое онѣ имѣли у евреевъ, пріобрѣли въ новой средѣ новый смыслъ: онѣ стали пониматься, какъ книги, по преимуществу пророческія, въ которыхъ заключаются прообразы новозавѣтныхъ лицъ и событій (§ 23).

Между тѣмъ съ половины I-го в. послѣ Р. Х. и до половины II-го в. появляются другъ за другомъ новозавѣтныя произведенія: посланія, евангелія и т. д. Изъ этихъ произведеній нѣкоторыя начинаютъ пользоваться особеннымъ авторитетомъ. Во второй половинѣ II-го в., подъ вліяніемъ борьбы направленій въ христіанствѣ, дѣлаются первыя попытки образовать канонъ новозавѣтныхъ книгъ. Къ началу III-го в. кругъ книгъ для новозавѣтнаго канона былъ уже почти намѣченъ: къ нему относили четыре евангелія, „Дѣянія Апостольскія“, тринадцать посланій Павла, посланіе Іуды и два посланія Іоанна, „Апокалипсисъ Петра“, „Пастырь Гермы“ (тоже апокалипсисъ). Въ нѣкоторыхъ христіанскихъ общинахъ считали каноническимъ также „Евангеліе Петра“. Мало-по-малу „Апокалипсисъ Петра“ и „Пастырь Гермы“ теряютъ свой авторитетъ; особенное значеніе начинаетъ пріобрѣтать „Апокалипсисъ Іоанна“ и другія новозавѣтныя книги. Къ V в. устанавливается, наконецъ, канонъ новозавѣтныхъ книгъ, который, съ нѣкоторыми позднѣйшими измѣненіями, признается до настоящаго времени.

Такъ складывался канонъ новозавѣтныхъ книгъ.

Совокупность каноническихъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта носитъ названіе „Библіи“ или „Св. Писанія“.

40. Книги Ветхаго Завѣта. Въ составъ ветхозавѣтной части русской Библіи входитъ 50 книгъ. Эти книги дѣлятся на двѣ группы: 1) группа каноническихъ книгъ, число которыхъ доходитъ до 42, и 2) группа неканоническихъ, число которыхъ доходитъ до 8.

1) Группа каноническихъ книгъ. Каноническія книги по своему содержанію распадаются на четыре разряда: а) законоположи-

тельныя, б) историческія, в) нравственно-поэтическія и г) пророческія.

а) Законоположительныя книги. Къ законоположительнымъ относятся такія книги, въ которыхъ по преимуществу излагается ветхозавѣтный законъ. Это—книги, которыя были приписаны Моисею. У евреевъ онѣ назывались „Закономъ“, или „Торою“. Въ переводѣ семидесяти толковниковъ онѣ названы „Пятикнижіемъ Моисеевымъ“.

„Пятикнижіе Моисеево“ состоитъ изъ слѣдующихъ пяти книгъ:

1) „Бытіе“. Въ книгѣ „Бытіе“, состоящей изъ 50 главъ, излагается исторія сотворенія міра и человѣка, изображается жизнь первыхъ людей въ раю, ихъ паденіе и изгнаніе изъ рая, разсказывается о всемірномъ потопѣ, о вавилонскомъ столпотвореніи, о еврейскихъ родоначальникахъ—Авраамѣ, Исаакѣ, Іаковѣ и его сыновьяхъ.

2) „Исходъ“. Въ книгѣ „Исходъ“, состоящей изъ 40 главъ, повѣствуется объ исходѣ евреевъ изъ Египта, объ ихъ странствованіи по пустынѣ, излагается синайское законодательство и описывается построеніе Моисеемъ скиніи.

3) „Левитъ“. Въ книгѣ „Левитъ“, состоящей изъ 27 главъ, излагаются обязанности левитовъ, т.-е. еврейскихъ священниковъ, служившихъ при скиніи, и правила, по которымъ должны совершаться обряды.

4) „Числа“. Въ книгѣ „Числа“, состоящей изъ 36 главъ, излагаются еврейскія родословія, сообщаются статистическія данныя о количествѣ евреевъ по семьямъ, родамъ и колѣнамъ во время странствованія по пустынѣ, излагаются правила, по которымъ должны совершаться нѣкоторые обряды, и повѣствуется о событіяхъ, происходившихъ во время странствованія.

5) „Второзаконіе“. Въ книгѣ „Второзаконіе“, состоящей изъ 34 главъ, излагается въ новой редакціи древне-еврейскій законъ.

„Пятикнижіе Моисеево“ представляетъ изъ себя очень сложное и разнородное по своему составу произведеніе. Научное изслѣдованіе установило четыре основныхъ произведенія, вошедшихъ въ „Пятикнижіе Моисеево“. Эти произведенія, получившія въ наукѣ особыя названія,—слѣдующія:

а) „Ягвистическій документъ“. Это произведеніе было составлено приблизительно во второй половинѣ IX в. и

въ первой половинѣ VIII в. въ Іерусалимѣ неизвѣстнымъ духовнымъ лицомъ, поборникомъ культа Ягве, откуда и самое названіе произведенія. Въ немъ находились разсказы о сотвореніи міра Ягве, о раѣ, грѣхопаденіи, потопѣ и о построеніи вавилонской башни, преданія о патріархахъ, разсказы о пребываніи евреевъ въ Египтѣ, объ исходѣ ихъ оттуда и о синайскомъ законодательствѣ; кромѣ того, въ его составъ вошли десять заповѣдей и „Книга Завѣта“ (теперь находятся въ книгѣ „Исходъ“, XX—XXIV, см. § 37). Авторъ „Ягвистическаго документа“ пользовался, между прочимъ, двумя книгами, названія которыхъ упоминаются въ нынѣшней Библіи: „Книгой войнъ Ягве“ и „Книгой доблестнаго“. Въ этихъ книгахъ излагались древнѣйшія преданія, напр., о потомкахъ Каина—Іувалѣ, изобрѣтателѣ музыкальныхъ инструментовъ и родоначальникѣ всѣхъ музыкантовъ, о Тувалкаинѣ, родоначальникѣ всѣхъ кузнецовъ и оружейниковъ, о Ламехѣ, который былъ творцомъ начала кровавой мести,—преданія объ Іисусѣ Навинѣ и о герояхъ, подъ предводительствомъ которыхъ евреи завоевали Палестину, преданія о Деворѣ, Гедеонѣ и Іефѳаѣ, преданія о подвигахъ Саула и Давида.

β) *„Элогистическій документъ“*. Это произведеніе было составлено духовнымъ лицомъ въ первой половинѣ VIII в., въ сѣверной части еврейской Палестины. Названіе „элогистическій“ заимствовано отъ слова Elohim („боги“), которое въ этомъ призведеніи употребляется для названія Бога. Содержаніе „Элогистическаго документа“ — приблизительно такое же, что и въ „Ягвистическомъ документѣ“. Съ особенною подробностью авторъ касался исторіи Ефрема и Манассіи, сыновей Іосифа. Здѣсь изложены были преданія объ Іосифѣ и его судьбѣ.

γ) *„Второзаконіе“*. „Второзаконіе“ состоитъ изъ трехъ главныхъ частей. *Первая* часть (гл. I—XI) представляетъ изъ себя историческое вступленіе, матеріалы котораго почерпнуты изъ „Ягвистическаго документа“. *Вторая* часть (гл. XII—XXVIII) — основная во „Второзаконіи“: это — та книга, которая была найдена священникомъ Хелкіей во время перестройки храма въ Іерусалимѣ (§ 37). *Третья* часть (гл. XXXI—XXXIV) представляетъ преданіе о смерти Моисея.

δ) *„Священническій кодексъ“*. „Священническій кодексъ“ („Priesterkodex“) представляетъ изъ себя, съ одной стороны, переработку разсказовъ изъ „Ягвистическаго“ и

„Элогистическаго документа“, переработку, отличающуюся сухостью и схематизмомъ, а съ другой стороны, заключаетъ въ себѣ подробное изложеніе еврейскаго обрядоваго закона: здѣсь были изложены постановленія о почитаніи субботы, объ обрѣзаніи, о празднованіи Пасхи и синайское законодательство. Отсюда почерпали содержаніе авторы „Исхода“, „Левита“ и „Чиселъ“. „Священническій кодексъ“ былъ составленъ кружкомъ еврейскихъ духовныхъ лицъ, вѣроятно, въ Вавилонѣ, въ эпоху Вавилонскаго плѣненія.

б) Историческія книги. Историческихъ книгъ—двѣнадцать. Онѣ распадаются на двѣ группы.

а) Первая группа. Первая группа состоитъ изъ семи книгъ: Іисуса Навина, Судей, Руѳь и четырехъ книгъ Царствъ. Въ нихъ излагается исторія еврейскаго народа съ того момента, на которомъ она обрывается въ книгахъ Чиселъ и Второзаконія, и до Вавилонскаго плѣненія. Каждая изъ этихъ книгъ имѣетъ опредѣленное содержаніе.

1) „Книга Іисуса Навина“, состоящая изъ 24 главъ, излагаетъ исторію завоеванія евреями Палестины и ея раздѣленія между отдѣльными колѣнами. Она была составлена, вѣроятно, въ первой половинѣ V в. Матеріалы для этой книги авторъ почерпалъ изъ „Ягвистическаго документа“, „Элогистическаго документа“ и изъ „Священническаго кодекса“. Можно отмѣтить также нѣкоторое вліяніе „Второзаконія“. Такимъ образомъ, „Книга Іисуса Навина“ по своему содержанію и происхожденію представляетъ непосредственное продолженіе „Пятикнижія Моисеева“. На этомъ основаніи многіе изслѣдователи склонны объединять ее съ „Пятикнижіемъ“ и говорить о „Шестикнижіи“, какъ о произведеніи одного редактора.

2) „Книга Судей“ (состоитъ изъ 21 главы) представляетъ сборникъ преданій о герояхъ-борцахъ за независимость еврейскаго народа, число которыхъ доходитъ до 12. Она излагаетъ начальный періодъ существованія евреевъ въ Палестинѣ до образованія царства. Эта книга была составлена по „Книгѣ войнъ Ягве“ и по „Книгѣ доблестнаго“ въ эпоху Вавилонскаго плѣненія.

3) „Книга Руѳь“, состоящая изъ 4 главъ, является дополненіемъ къ предыдущей книгѣ. Это—историческій романъ изъ эпохи, похожей на эпоху Судей въ ея концѣ. Въ немъ изображается судьба бѣдной моавитянки Руѳи.

4) „Первая книга Царствъ“ (состоитъ изъ 31 главы) и *„Вторая книга Царствъ“* (состоитъ изъ 24 главъ), называемыя у евреевъ „Первой“ и „Второй книгой Самуила“, излагаютъ исторію евреевъ отъ образованія царства при Саулѣ и почти до конца царствованія Давида. Эти двѣ книги, составленныя въ эпоху Вавилонскаго плѣненія, представляютъ сводъ нѣсколькихъ, не всегда согласныхъ между собою, основныхъ произведеній, матеріалы которыхъ были почерпнуты изъ древнѣйшихъ преданій. Эти произведенія были слѣдующія: 1) преданіе о Саулѣ, сложившееся въ племени Веніамина, откуда происходилъ Саулъ, 2) преданіе о началѣ филистимскаго ига, сложившееся въ племени Ефрема, 3) преданіе о приключеніяхъ Давида до его воцаренія, 4) лѣтопись царствованія Давида, составленная въ Іерусалимѣ.

5) „Третья книга Царствъ“ (состоитъ изъ 22 главъ) и *„Четвертая книга Царствъ“* (состоитъ изъ 25 главъ) излагаютъ событія изъ исторіи еврейскаго народа отъ помазанія Соломона Давидомъ на царство и до начала Вавилонскаго плѣненія. Авторъ этихъ книгъ, составленныхъ, какъ полагаютъ, Ездрою, слѣдовательно, послѣ освобожденія изъ плѣна, почерпалъ матеріалы изъ трехъ, не дошедшихъ до насъ, книгъ: 1) изъ „Книги дѣяній Соломоновыхъ“, 2) изъ „Книги лѣтописей царей израилевыхъ“ и 3) изъ „Книги лѣтописей о царяхъ іудейскихъ“. Матеріалъ „Третьей“ и „Четвертой книги Царствъ“ изложенъ въ духѣ началъ „Второзаконія“.

β) *Вторая группа.* Вторая группа состоитъ изъ пяти книгъ: „Первой“ и „Второй книги Паралипоменонъ“, „Книги Ездры“, „Книги Нееміи“ и „Книги Есѳирь“. Въ этой группѣ книгъ излагается исторія еврейскаго народа отъ Адама до вторичнаго посѣщенія Іерусалима Нееміей въ 432 г. до Р. Х. Прошлое еврейскаго народа освѣщается съ той точки зрѣнія, которая окончательно установилась въ іудейскомъ духовенствѣ послѣ Вавилонскаго плѣненія.

1) „Первая книга Паралипоменонъ“ (состоитъ изъ 29 главъ) и *„Вторая книга Паралипоменонъ“* (состоитъ изъ 36 главъ) излагаютъ событія отъ Адама до Вавилонскаго плѣненія. Въ нихъ повторяется то же самое, что извѣстно изъ первой группы историческихъ книгъ, особенно изъ книгъ Царствъ, но съ нѣкоторыми дополненіями и сокращеніями. Авторъ книгъ „Паралипоменонъ“, составившій ихъ въ концѣ IV в. до Р. Х., имѣлъ

цѣлью показать, что законъ, установленный послѣ возвращенія изъ плѣна, былъ древняго происхожденія.

2) „Книга Ездры“ (состоитъ изъ 10 главъ) излагаетъ исторію евреевъ отъ возвращенія изъ плѣна подъ предводительствомъ Зоровавеля (ок. 536) и до разведенія евреевъ съ чужеземными женами. Эта книга была составлена, вѣроятно, въ концѣ IV в. до Р. Х. авторомъ книгъ „Паралипоменонъ“.

3) „Книга Нееміи“ (состоитъ изъ 13 главъ)—продолженіе „Книги Ездры“. Въ ней излагаются два событія: возстановленіе стѣнъ Іерусалима и обнародованіе Ездрой „Книги Закона“. Книга составлена авторомъ предыдущихъ книгъ второй группы.

4) „Книга Есѳирь“ (состоитъ изъ 10 главъ)—историческій романъ, изображающій, какъ красивая еврейка Есѳирь, ставшая супругой Артаксеркса (Агасвера), спасла евреевъ отъ заговора, составленнаго противъ нихъ царскимъ любимцемъ Аманомъ. Цѣль неизвѣстнаго автора книги состояла въ томъ, чтобы объяснить происхожденіе еврейскаго праздника Пуримъ—Jom kippurim (около 1 марта), установленнаго въ память освобожденія евреевъ изъ плѣна.

в) Нравственно-поэтическія книги. Книгъ съ нравственно-поэтическимъ содержаніемъ пять: „Книга Іова“, „Псалтирь“, „Книга притчей Соломоновыхъ“, „Книга Екклесіаста, или Проповѣдника“ и „Книга пѣсни пѣсней Соломона“.

1) „Книга Іова“, состоящая изъ 42 главъ,—одна изъ величайшихъ въ міровой литературѣ религіозно-нравственныхъ поэмъ. Въ ней разбирается вопросъ о томъ, почему Богъ допускаетъ, чтобы на праведника, свято исполняющаго законъ, обрушивались несчастія и страданія. Авторъ книги—неизвѣстенъ. Время ея составленія относятъ къ половинѣ IV в. до Р. Х., когда ясно обнаружилось противорѣчіе между положеніемъ праведнаго и нечестиваго („решаимъ“). Нѣкоторыя части „Книги Іова“ представляютъ изъ себя позднѣйшія добавленія. Къ числу ихъ относятъ рѣчь Еліуя (гл. XXXII—XXXVI), бесѣда о мудрости (въ гл. XXXVIII) и конецъ книги (гл. XLII, 7—17).

2) „Псалтирь“—самая популярная въ христіанскомъ мірѣ библейская книга. Она состоитъ изъ 150 псалмовъ—пѣсенъ, молитвъ и гимновъ, являющихся образчиками глубочайшей религіозно-нравственной лирики.

Псалмы создавались неизвѣстными авторами на протяженіи 500 л., между VII-мъ в. и I-мъ в. до Р. Х.

По своему содержанію и выражаемому настроенію псалмы дѣлятся на шесть группъ, изъ которыхъ однѣ находятся въ тѣсной связи съ основными моментами въ исторіи еврейства, а другія имѣли спеціальныя цѣли.

α) *Псалмы эпохи царства.* Псалмовъ, составленныхъ въ эпоху царства, немного. Наиболѣе ранній псаломъ этой эпохи—*44-й*, относящійся къ концу VIII в. или началу VII в. до Р. Х. Этотъ псаломъ носитъ совершенно свѣтскій характеръ: онъ представляетъ изъ себя брачную пѣснь въ честь царя.

Слѣдующій по времени псаломъ, *17-ый*, относится къ эпохѣ Іосіи (640—609). Въ немъ отъ имени царя возносится благодарность Ягве за избавленіе отъ сильныхъ враговъ. Къ VII в. относятся псалмы *19-ый*, *20-ый*, *28-ой*, *47-ой*, *49-ый*, въ которыхъ выражается надежда на то, что Ягве за сдѣланныя Ему приношенія и всесожженія подастъ царю побѣду, возносится Ему благодарность за благодѣянія, оказанныя царю, высказывается увѣренность, что Ягве дастъ народу силу и благословитъ его миромъ, а также прославляется Ягве за пораженіе враговъ.

Въ перечисленныхъ псалмахъ Ягве изображается могучимъ громовержцемъ, Богомъ войны, живущимъ на Сіонѣ. Послѣдняя черта служитъ доказательствомъ того, что эти псалмы были составлены въ Іудейскомъ царствѣ.

β) *Псалмы эпохи плѣна.* Къ псалмамъ, составленнымъ въ эпоху плѣна, относятся прежде всего тѣ, которые были сложены среди іудеевъ, уведенныхъ въ плѣнъ въ 597 г. Къ нимъ относятся слѣдующіе псалмы: *41-ый*, *42-ой*, *61-ый* и *62-ой*, въ которыхъ авторъ выражаетъ тоску по родинѣ и проситъ Ягве привести его обратно на Его святую гору, въ Его обитель, укрѣпить его и защитить. Далѣе слѣдуютъ псалмы, составленные между 586—538 гг. Къ нимъ относятся слѣдующіе: *13-ый*, въ которомъ выражается падежда на то, что Ягве подастъ спасеніе Израилю и возвратитъ плѣненіе своего народа; *50-ый*, знаменитый покаянный псаломъ („Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ изгладь беззаконія мои“), авторъ котораго, находящійся подъ вліяніемъ идей пророковъ, выражаетъ надежду, что Ягве, отвергающій жертвы закланія и всесожженія, не отвергнетъ сокрушеннаго и разбитаго сердца; *52-ой*, содержаніе котораго приблизительно

таково, какъ въ псалмѣ *13-омъ*; *76-ой*, въ которомъ авторъ, находящійся въ тяжкой нуждѣ, вспоминаетъ о прошломъ, о благодѣяніяхъ Ягве и спрашиваетъ, неужели Ягве забылъ свое обѣтованіе и навсегда отказалъ Израилю въ своей милости; *101-ый*, авторъ котораго молитъ Ягве оказать милость Сіону: сердце его высохло, какъ спаленная солнцемъ трава; онъ—все равно, что пеликанъ въ пустынѣ или филинъ на развалинахъ, сидитъ и плачетъ, какъ одинокая птица на кровлѣ; вмѣсто хлѣба онъ ѣстъ пепелъ и смѣшиваетъ свое питье со слезами; *136-ой*, знаменитый псаломъ („На рѣкахъ вавилонскихъ, тамъ сидѣли мы и плакали, вспоминая о Сіонѣ"), авторъ котораго проникнутъ горячей ненавистью къ эдомитянамъ, радовавшимся разрушенію Іерусалима, и къ вавилонянамъ, причинившимъ столько горя іудеямъ; авторъ проситъ Ягве припомнить это сынамъ Эдома и опустошительницѣ, дочери Вавилона; авторъ призываетъ благословеніе на того, кто схватитъ младенцевъ дочери Вавилона и разобьетъ ихъ о камень.

γ) Псалмы послѣплѣнной эпохи. Группа псалмовъ послѣплѣнной эпохи открывается псалмомъ *46-мъ*, составленнымъ послѣ обнародованія указа Кира о возвращеніи евреевъ. Этотъ псаломъ, написанный въ духѣ идей Второисаіи (см. дальше о „Книгѣ пророка Исаіи"), выражаетъ восторженное настроеніе по поводу того, что всевышній Ягве возсѣлъ, наконецъ, на Своемъ тронѣ, какъ царь надъ всею землею и надъ всѣми народами, и высказываетъ увѣренность, что Ягве покоритъ Израилю всѣ народы.

Прочіе псалмы этой эпохи можно раздѣлить на три группы:

αα) Псалмы, начальной эпохи второго храма. Къ псалмамъ, которые были составлены въ эпоху, непосредственно примыкавшую къ моменту окончанія построенія второго храма (516), относятся 92-ой, 94-ый—99-ый. Въ этихъ псалмахъ, проникнутыхъ пророческимъ мессіанизмомъ, выражается радость и ликованіе по поводу того, что теперь наступитъ судъ Ягве надъ народами.

ββ) Псалмы, изображающіе противоположность между праведными и нечестивыми. Эта обширная группа псалмовъ (1-ый, 8-ой, 9-ый, 14-ый, 15-ый, 18-ый, 22-ой, 31-ый, 32-ой, 33-ій, 36-ой, 61-ій, 74-ый, 77-ой, 87-ой, 91-ый, 100-ый, 102-ой, 104-ый, 110-ый, 111-ый, 118-ый, 127-ой, 138-ой, 144-ый) сложилась въ процессѣ проведенія закона въ жизнь,

когда іудейская община дѣлилась на двѣ группы—на праведныхъ, т.-е. такихъ, которые твердо держались закона, и на этомъ основаніи ожидали всякихъ милостей отъ Ягве, и на нечестивыхъ, беззаконныхъ, „решаимъ“, которые были обладателями всякихъ земныхъ благъ и въ то же время пренебрегали закономъ и которые за это подвергнутся наказанію свыше (§ 37).

Типичнымъ для этой группы псалмомъ является *1-ый*. Счастливъ человѣкъ,—говорится въ псалмѣ,—который не слѣдуетъ примѣру нечестивыхъ, не идетъ по пути грѣшниковъ, не сидитъ въ кругу глумящихся надъ закономъ, а находитъ отраду въ законѣ Ягве и размышляетъ о немъ и день и ночь: онъ подобенъ дереву, которое посажено у источниковъ воды, которое приноситъ плодъ свой въ подлежащее время, листва котораго не вянетъ. Все, что такой человѣкъ дѣлаетъ, приходитъ къ успѣшному концу. Нечестивые живутъ не такъ: они подобны праху, уносимому вѣтромъ. Безбожные не устоятъ на судѣ, а грѣшники—въ собраніи грѣшниковъ, потому что Ягве знаетъ путь праведныхъ, а путь нечестивыхъ погибнетъ.

Такія же мысли выражаются въ 36-омъ и 127-омъ псалмахъ.

Авторъ *36-го* псалма говоритъ, что не слѣдуетъ возмущаться и возставать противъ злодѣевъ и дѣлающихъ дурное, потому что они увянутъ и зачахнуть такъ же быстро, какъ зеленая трава. Надо довѣрять Ягве и совершать добро: тогда исполнятся желанія нашего сердца и наше право будетъ сіять, какъ полдень. Нечестивые будутъ истреблены: еще немного, и не останется ни одного нечестиваго; посмотримъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ нечестивый—и ужъ нѣтъ его. Нечестивый замышляетъ на праведника злое, но Богъ смѣется надъ его замыслами. Нечестивые обнажаютъ мечъ и натягиваютъ лукъ, чтобы поразить праведныхъ, притѣснить слабыхъ и бѣдныхъ, но ихъ мечъ пронзитъ ихъ собственныя сердца, ихъ лукъ сломается безъ выстрѣла. Ягве охраняетъ благочестивыхъ, отдастъ имъ въ наслѣдіе землю, сохранитъ ихъ владѣнія вовѣки; въ трудное время они не посрамятся и въ голодную пору будутъ сыты. А беззаконные погибнутъ, какъ пестрый коверъ луговъ, исчезнутъ, какъ дымъ. „Я былъ молодъ и состарѣлся,—свидѣтельствуетъ авторъ псалма,—и не видалъ праведника оставленнымъ и потомковъ его просящими хлѣба... Видѣлъ я нечестивца,

грознаго, расширявшагося, подобно укоренившемуся многовѣтвистому дереву; но онъ прошелъ, и вотъ,—нѣтъ, его, ищу его—и не нахожу". И все сѣмя нечестивыхъ будетъ истреблено навѣки: надо только слушаться Ягве, держаться его путей—и мы сами увидимъ истребленіе нечестивыхъ.

Авторъ *127-го* псалма говоритъ, что благо тому, кто боится Ягве и ходитъ по Его стопамъ: онъ будетъ наслаждаться плодомъ трудовъ рукъ своихъ; жена его—какъ плодоносная виноградная лоза въ его домѣ, а сыновья—какъ молодыя маслины вокругъ его стола.

По мѣрѣ того, какъ время шло, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснялось, что земное положеніе праведныхъ не улучшается, стали составляться псалмы, въ которыхъ уже звучатъ ноты сомнѣнія.

Авторъ *48-го* псалма, исходя изъ того факта, что праведный окруженъ коварными врагами, которые, полагаются на свое могущество и хвастаютъ своими богатствами, утѣшаетъ себя тѣмъ, что счастіе ихъ—не вѣчно на землѣ; никто не уйдетъ отъ смерти, никто никакою цѣною не можетъ откупиться отъ нея. А потому богатство не имѣетъ значенія; мертвецъ не возьметъ его съ собою въ преисподнюю, гдѣ мертвецовъ, какъ стадо овецъ, пасетъ смерть. Праведные возобладаютъ надъ смертью, и Богъ избавитъ душу автора отъ власти преисподней.

Авторъ *72-го* псалма признается, что у него едва не пошатнулись ноги, едва не поскользнулись стопы: онъ позавидовалъ безумнымъ, видя благоденствіе нечестивыхъ. „Ибо имъ нѣтъ страданій до смерти ихъ, и крѣпки силы ихъ; на работѣ человѣческой нѣтъ ихъ, и съ прочими людьми не подвергаются ударамъ. Оттого гордость, какъ ожерелье, обложила ихъ, и дерзость, какъ нарядъ, одѣваетъ ихъ; выкатились отъ жира глаза ихъ, бродятъ помыслы въ сердцѣ; надъ всѣмъ издѣваются, злобно разглашаютъ клевету, говорятъ свысока: поднимаютъ къ небесамъ уста свои, и языкъ ихъ расхаживаетъ по землѣ". И вотъ, нечестивые благоденствуютъ въ семъ вѣкѣ и умножаютъ богатство. Наблюдая это, авторъ сталъ задаваться вопросомъ, не напрасно ли онъ очищалъ свое сердце, омывалъ въ невинности руки свои, подвергалъ себя всякій день ранамъ и всякое утро обличеніямъ. Сомнѣніе автора было непродолжительно. Войдя въ храмъ Ягве, авторъ уразумѣлъ, что счастье

нечестивыхъ—мимолетно: Ягве поставилъ ихъ на скользкихъ путяхъ и низвергаетъ ихъ въ пропасть.

Въ обширной группѣ псалмовъ, относящихся ко 200—170 гг. (3—7, 10—12, 16, 21, 24—27, 30, 34, 35, 37—40, 51, 53—57, 63, 68, 69, 90, 93, 108, 139—142), положеніе праведныхъ изображается уже въ мрачныхъ краскахъ: праведные со всѣхъ сторонъ оттѣснены нечестивыми, и если Ягве не придетъ къ нимъ на помощь, не останется ни одного праведнаго.

вв) Псалмы эпохи Маккавейскаго возстанія. Къ эпохѣ Маккавейскаго возстанія (171—165) относится группа псалмовъ (29, 43, 58, 65, 73, 78, 82, 117), которые считаются лучшими образцами псалмовъ. Въ нихъ отражаются настроенія, которыми сопровождались отдѣльные моменты возстанія.

ѓ) Псалмы пилигримовъ. Это—псалмы, которые сложились въ кругу пилигримовъ, совершавшихъ хожденія въ Іерусалимъ (83, 119—133). Они сложились не ранѣе III в. до Р. Х.

ѕ) Литургическіе псалмы. Это—псалмы, составленные для церковнаго употребленія при богослуженіи (66, 112—116, 134, 135, 145—150).

ζ) Особая группа псалмовъ. Наконецъ, есть еще одна группа псалмовъ, которые относятся къ послѣплѣнной эпохѣ и которыя нѣтъ возможности пріурочить къ болѣе опредѣленнымъ моментамъ въ исторіи еврейства. Таковы, напр., псалмы 64-ый, 67-ой, 103-ій, 106-ой, 109-ый и др.

3) „Книга притчей Соломоновыхъ“, состоящая изъ 31 главы, представляетъ изъ себя сборникъ мудрыхъ изреченій о страхѣ Божіемъ, о добродѣтеляхъ и порокахъ. Отдѣльныя части этого сборника составлялись въ разныя времена. Въ одинъ сборникъ эти части были объединены не раньше, какъ за два вѣка до Р. Х.

4) „Книга Екклесіаста“, состоящая изъ 12 главъ, проводитъ мысль о томъ, что все въ мірѣ—суета: истинное счастіе человѣка состоитъ въ добродѣтели и спокойствіи духа. Эта книга была составлена въ III—II вв. до Р. Х.

5) „Книга пѣсни пѣсней“, состоящая изъ 8 главъ,—поэма, изображающая чистую пылкую любовь, устоявшую противъ всякихъ соблазновъ и оставшуюся вѣрной себѣ. Эта поэма была составлена послѣ Вавилонскаго плѣна.

г) Пророческія книги. Къ пророческимъ книгамъ относятся книги Исаіи, Іеремія, Іезекіиля, Даніила и двѣнадцати малыхъ пророковъ, изъ которыхъ, кромѣ упомянутыхъ въ § 37, особеннаго вниманія заслуживаетъ пророкъ Іона.

1) „Книга пророка Исаія“ состоитъ изъ 66 главъ. Изъ нихъ знаменитому пророку Исаіи принадлежатъ только первыя 39 главъ, которыя были написаны между 740—700 гг. до Р. Х. Остальныя 27 главъ, написанныя около 536 г., принадлежатъ перу неизвѣстнаго по имени великаго пророка, жившаго въ концѣ эпохи Вавилонскаго плѣненія, когда на историческую арену выступалъ уже Киръ. Этотъ пророкъ въ наукѣ условно называется вторымъ Исаіей, или „Второисаіей“.

Исаія, принадлежавшій по своему происхожденію къ іудейской аристократіи, раздѣлялъ идеи, выработанныя предшествовавшими ему пророками изъ демократіи. Подобно послѣднимъ, Исаія обличаетъ іудейскую аристократію. „Князья твои,—говоритъ Исаія, обращаясь къ Іерусалиму,—законопреступники и и сообщники воровъ; всѣ они любятъ подарки и гонятся за мздою, не защищаютъ сироты, и дѣло вдовы не доходитъ до нихъ“. Князья стараются умилостивить Ягве многочисленными жертвами, облаками куреній и торжественными празднествами; но это—ненавистно Ягве. Когда князья простираютъ свои руки, Ягве закрываетъ глаза; когда они умножаютъ свои моленія, Ягве не слышитъ ихъ, потому что ихъ руки полны крови. Князья должны перестать дѣлать зло и научиться творить добро, искать правду, спасать угнетеннаго, защищать сироту, вступаться за вдову. Если князья сдѣлаютъ это, Ягве очиститъ ихъ отъ грѣховъ; если же они будутъ упорствовать, ихъ пожретъ мечъ.

Въ годъ смерти царя Озіи у Исаія было видѣніе. Онъ видѣлъ Ягве сидящимъ въ храмѣ на высокомъ тронѣ; вокругъ Него стояли шестикрылые серафимы, которые взывали другъ къ другу и говорили. „Святъ, святъ Ягве воинствъ! Вся земля полна славы Его“. Поколебались верхи вратъ отъ гласа восклицающихъ. Исаія испугался этого видѣнія и сталъ думать, что онъ погибъ. Между тѣмъ, къ Исаіи подлетѣлъ одинъ изъ серафимовъ; въ рукѣ у него былъ горящій уголь, который онъ взялъ клещами съ жертвенника; онъ коснулся устъ Исаіи и сказалъ ему, что теперъ беззаконіе его удалено и онъ очищенъ. И услышалъ Исаія гласъ Ягве: „Пойди и скажи этому народу:

слухомъ услышите—и не уразумѣете, и очами смотрѣть будете—и не увидите". Исаія спросилъ Ягве, долго ли ему придется обличать. Ягве отвѣтилъ: „Доколѣ не опустѣютъ города и останутся безъ жителей, и дома—безъ людей, и доколѣ земля эта совсѣмъ не опустѣетъ".

Обличая князей іудейскихъ, грозя имъ тяжкими наказаніями, которыя будутъ ниспосланы на Іудею за ихъ грѣхи, Исаія въ то же время думалъ, что, тяжко наказавъ Іуду, Ягве смилуется и пошлетъ ему спасеніе, въ лицѣ царя изъ дома Давидова. Это предсказаніе Исаіи о будущемъ царѣ-спасителѣ, Мессіи (т.-е. о помазанникѣ), глубоко запало въ души іудеевъ, и въ моменты тяжкихъ бѣдствій служило имъ утѣшеніемъ и поддержкой.

Второисаія, авторъ послѣднихъ 29 главъ книги пророка Исаія, развивалъ такую мысль: Израиль—рабъ Ягве, страдающій за грѣхи міра; онъ научитъ весь міръ истинной вѣрѣ и за это получитъ первенство надъ всѣми народами.

Основная идея Второисаіи, соединенная съ идеей Исаіи о будущемъ царѣ-спасителѣ изъ дома Давидова, легла въ основу „мессіанизма", т.-е. ожиданія появленія царя-помазанника, который избавитъ евреевъ отъ чужеземнаго ига, покоритъ Израилю весь міръ и создастъ царство матеріальнаго благоденствія. Къ концу I-го в. до Р. Х. „мессіанизмъ" сдѣлался достояніемъ всего еврейскаго народа.

2) „Книга пророка Іереміи" (состоитъ изъ 52 главъ) принадлежитъ перу знаменитаго іудейскаго пророка, Іереміи. Горячій патріотъ, Іеремія предвидѣлъ гибель Іудеи, предостерегалъ правящій классъ, былъ свидѣтелемъ взятія и разрушенія Іерусалима. Въ концѣ своей жизни Іеремія удалился съ нѣкоторыми изъ своихъ соотечественниковъ въ Египетъ, гдѣ и умеръ. Книга Іереміи составлена была между 626—580 гг. Три послѣднія главы ея считаются позднѣйшими прибавками.

3) „Плачъ Іереміи" (состоитъ изъ 5 главъ) былъ составленъ неизвѣстнымъ авторомъ около года смерти Іереміи (580). Въ ней авторъ въ трогательныхъ выраженіяхъ оплакиваетъ разрушеніе Іерусалима.

4) „Книга пророка Іезекіиля" (состоитъ изъ 48 главъ), священника и пророка, уведеннаго въ плѣнъ въ 597 г., за одиннадцать лѣтъ до разрушенія Іерусалима, содержитъ въ себѣ порицанія, предостереженія, пророчества и видѣніе но-

ваго храма въ Іерусалимѣ. Спасеніе Израиля Іезекіиль видитъ въ организаціи крѣпкой церковной общины и въ усовершенствованіи обрядности. Книга Іезекиля была составлена между 593—570 гг. до Р. Х.

5) „Книга пророка Даніила“ (состоитъ изъ 14 главъ) составлена была неизвѣстнымъ авторомъ около 165 г. до Р. Х., въ царствованіе Антіоха Эпифана. Книга Даніила носитъ не столько пророческій, сколько апокалиптическій характеръ. Авторъ ея имѣлъ цѣлью раскрыть смыслъ происходившихъ въ эпоху Антіоха Эпифана событій, возвѣстить близость освобожденія отъ страданій и этимъ вдохнуть въ еврейскій народъ энергію въ борьбѣ за свою національность. Въ „Книгѣ пророка Даніила“ интересны слѣдующіе эпизоды:

а) Сонъ Навуходоносора о смѣнѣ пяти царствъ. Въ вавилонскомъ плѣну, при Навуходоносорѣ, жили Даніилъ, Ананія, Азарія и Мисаилъ, красивые юноши изъ знатныхъ іудейскихъ фамилій. Эти юноши были взяты къ царскому двору, гдѣ ихъ обучали вавилонскимъ книгамъ и халдейскому языку. Живя при дворѣ, юноши тщательно исполняли предписанія закона относительно пищи: они не ѣли ничего мясного, изъ страха, что имъ дадутъ идоложертвеннаго мяса, и несмотря на это, они казались полнѣе и здоровѣе другихъ юношей, жившихъ при дворѣ. Когда юноши окончили свое ученіе, ихъ представили царю, который, побесѣдовавъ съ ними, нашелъ, что они въ десять разъ выше всѣхъ тайновѣдцевъ и волхвовъ, жившихъ въ его царствѣ.

Однажды Навуходоносору приснился сонъ, котораго онъ, проснувшись, никакъ не могъ вспомнить. Царь созвалъ мудрецовъ и велѣлъ имъ открыть ему, какой сонъ онъ видѣлъ, и растолковать его. Ни одинъ изъ мудрецовъ не въ состояніи былъ исполнить требованіе царя. Тогда явился къ царю Даніилъ, которому Богъ открылъ сонъ царя, и сказалъ ему слѣдующее:

„Тебѣ, царь,—говорилъ Даніилъ,—было такое видѣніе. Вотъ, какой-то большой истуканъ; огромный былъ этотъ истуканъ, въ чрезвычайномъ блескѣ стоялъ предъ тобою, и страшенъ былъ видъ его. У этого истукана голова была изъ чистаго золота, грудь его и руки его—изъ серебра, чрево его и бедра его—мѣдныя, голени его—желѣзныя, ноги его—частью желѣзныя, частью глиняныя. Ты видѣлъ его, доколѣ камень не оторвался отъ горы безъ содѣйствія рукъ, ударилъ

въ истуканъ въ желѣзныя и глиняныя ноги его и разбилъ ихъ. Тогда все вмѣстѣ раздробилось: желѣзо, глина, мѣдь, серебро и золото сдѣлались какъ прахъ на лѣтнихъ гумнахъ, и вѣтеръ унесъ ихъ, и слѣда не осталось отъ нихъ; а камень, разбившій истуканъ, сдѣлался великою горою и наполнилъ всю землю".

Этотъ сонъ,—объяснилъ Даніилъ—означаетъ смѣну пяти царствъ. Золотая голова истукана означаетъ царство Навуходоносора. Грудь и руки, сдѣланныя изъ серебра, означаютъ второе царство, которое наступитъ послѣ вавилонскаго и будетъ ниже его (мидійское царство). Чрево и бедра, сдѣланныя изъ мѣди, означаютъ третье царство (персидское). Голени и ноги, сдѣланныя изъ желѣза и глины, означаютъ четвертое царство (греческое), которое будетъ отчасти крѣпко, какъ желѣзо, отчасти хрупко какъ глина: какъ желѣзо не смѣшивается съ глиной, такъ и въ этомъ царствѣ разнородныя части его не сольются въ одно цѣлое. Камень, разбившій истуканъ и обратившійся въ великую гору, наполнившую всю землю, это— пятое царство (іудейское), которое будетъ воздвигнуто Богомъ на мѣсто прежнихъ и которое будетъ стоять вѣчно.

β) *О трехъ отрокахъ въ печи огненной.* Навуходоносоръ сдѣлалъ золотой истуканъ и поставилъ его на полѣ Деирѣ. Въ день торжественнаго открытія истукана собравшимся возвѣстили грамотами, что, когда раздадутся звуки музыки, всѣ должны пасть и поклониться истукану; тотъ, кто этого не сдѣлаетъ, будетъ брошенъ въ раскаленную печь. Когда истуканъ въ присутствіи царя и множества начальствующихъ былъ открытъ, раздались звуки музыки, и всѣ присутствовавшіе пали и поклонились истукану, кромѣ Ананіи, Мисаила и Азаріи. Послѣднихъ привели къ царю, который предложилъ имъ или поклониться истукану или готовиться къ наказанію. Юноши заявили царю, что они служатъ своему Богу,—и золотому истукану не поклонятся. Навуходоносоръ исполнился ярости, велѣлъ разжечь печь въ семь разъ сильнѣе обыкновеннаго. Ананія, Мисаилъ и Азарія были связаны и брошены въ печь. Печь оказалась столь раскаленной, что пламя убило тѣхъ людей, которые бросили въ нее юношей. Ангелъ Господень сошелъ въ печь и сдѣлалъ такъ, что огонь не прикоснулся къ юношамъ. И ходили Ананія, Мисаилъ и Азарія посреди пламени, воспѣвая и благословляя Бога. Услышавъ

нѣніе, исходившее изъ печи, и увидѣвъ, что въ печи—четверо мужей, Навуходоносоръ изумился и сказалъ: „Вотъ я вижу четырехъ мужей, несвязанныхъ, ходящихъ среди огня, и нѣтъ имъ вреда; и видъ четвертаго подобенъ сыну Божію“. Сказавъ это, Навуходоносоръ подошелъ къ печи и велѣлъ Ананіи, Мисаилу и Азаріи выйти изъ печи. Послѣднія вышли, и всѣ увидѣли, что огонь не коснулся ни одежды ихъ, ни волосъ. И издалъ Навуходоносоръ повелѣніе: всякаго, кто произнесетъ хулу на Бога Ананіи, Мисаила и Азаріи, изрубить въ куски, а домъ его обратить въ развалины, ибо нѣтъ иного Бога, который могъ бы такъ спасать.

γ) *Видѣніе пяти царствъ.* Даніилъ видѣлъ въ ночномъ видѣніи слѣдующее.

Вотъ, четыре вѣтра небесныхъ боролись на великомъ морѣ, и изъ моря вышли четыре большихъ звѣря, непохожихъ одинъ на другого. Первый звѣрь былъ какъ левъ, а крылья—орлиныя; у него были вырваны крылья, отъ былъ поднятъ отъ земли, и сталъ онъ, какъ человѣкъ, и дано было ему сердце человѣческое (вавилонское царство). Второй звѣрь былъ похожъ на медвѣдя; въ пасти между его зубами были три клыка. Этому звѣрю было сказано: „Встань, ѣшь мяса много!“ (мидійское царство). Третій звѣрь былъ, какъ барсъ; у него были четыре головы, на спинѣ его были четыре птичьихъ крыла (персидское царство). Четвертый звѣрь былъ страшный и весьма сильный; у него были желѣзные зубы и десять роговъ; онъ все пожираетъ и сокрушаетъ, а остатки попираетъ ногами. Даніилъ смотрѣлъ на эти рога, и вотъ между ними показался еще небольшой рогъ, на которомъ были глаза человѣческіе и уста, говорящія высокомѣрно; этотъ рогъ велъ брань со святыми и превозмогалъ ихъ. И вотъ были поставлены престолы и возсѣлъ Ветхій денми (Богъ): одѣяніе на немъ было, какъ снѣгъ, и волосы главы Его, какъ чистая волна, престолъ Его, какъ пламя огня, колеса его—пылающій огонь. Передъ Богомъ выходила и проходила огненная рѣка; тысячи тысячъ служили Ему и тьмы темъ предстояли предъ Нимъ. Сѣли судьи, и раскрылись книги. У первыхъ трехъ звѣрей была отнята власть. Звѣрь, рогъ котораго изрекалъ высокомѣрныя слова, былъ убитъ; тѣло его было сокрушено и предано огню. И вотъ, съ облаковъ сошелъ Сынъ человѣческій, который былъ подведенъ къ Ветхому

дѣлми. И была дана ему „власть, слава и царство, чтобы всѣ народы, племена и языки служили Ему; владычество его— владычество вѣчное, которое не прейдетъ, и царство его не разрушится".

Даніилъ, пораженный этимъ видѣніемъ, спросилъ у одного изъ предстоящихъ, что оно означаетъ. Предстоящій сказалъ ему: „Эти большіе звѣри, которыхъ четыре, означаютъ, что четыре царя возстанутъ отъ земли. Потомъ примутъ царство святые Всевышняго и будутъ владѣть царствомъ во вѣкъ и во вѣки вѣковъ". Относительно четвертаго звѣря предстоящій объяснилъ, что это—четвертое царство, которое будетъ пожирать всю землю, попирать ее и сокрушать; десять роговъ это— десять царей; малый рогъ это—послѣдній царь, который возстанетъ противъ Всевышняго, будетъ гнать святыхъ Его (т. е. іудеевъ) и даже отниметъ у нихъ праздники и законъ; святые будутъ находиться подъ властью этого царя время, два времени и еще полъ времени (т. е. $3^1/_2$ года), послѣ чего надъ нимъ будетъ высшій судъ: безбожный царь и его царство будутъ уничтожены, а церство его будетъ отдано народу святыхъ, и это царство будетъ вѣчно.

б) Видѣніе о двухъ предпослѣднихъ царствахъ. Даніилъ видѣлъ такое видѣніе.

У рѣки стоитъ овенъ, имѣющій два рога, изъ которыхъ одинъ былъ выше другого. Этотъ овенъ бодался къ западу, къ сѣверу и къ югу, и никакой звѣрь не могъ устоять противъ него. И вотъ съ запада шелъ по лицу всей земли козелъ, у котораго былъ видный рогъ между глазами. Козелъ пошелъ на овна, яростно бросился на него и сломалъ у него оба рога. И не могъ овенъ устоять противъ козла: козелъ повергъ его на землю и растопталъ его. Тогда козелъ чрезвычайно возвеличился. Но когда козелъ усилился, вдругъ сломился его большой рогъ, и на мѣсто его вышли четыре рога, обращенные на четыре вѣтра небесныхъ. Отъ этихъ роговъ вышелъ небольшой рогъ, который чрезвычайно разросся къ югу, и къ востоку, вознесся до воинства небеснаго, низринулъ на землю часть воинства и звѣздъ, попралъ ихъ и даже вознесся на Вождя воинства, отнялъ у Него ежедневную жертву и поругалъ мѣсто святыни Его. Нѣкто вопросилъ: „На сколько времени простирается это видѣніе о ежедневной жертвѣ и объ опустошительномъ нечестіи, когда святыня и воинство будутъ

попираемы?“ И послышался отвѣтъ: „На двѣ тысячи триста вечеровъ и утръ. И тогда святилище очистится“.

Архангелъ Гавріилъ такъ объяснилъ Даніилу это видѣніе.

Овенъ съ двумя рогами это—цари мидійскій и персидскій, козелъ — царь греческій, а большой рогъ — первый греческій царь. Большой рогъ сломался, и вмѣсто него вышло четыре рога: изъ греческаго народа возстанутъ четыре царства, но не силою перваго царя. Въ концѣ этихъ царствъ возстанетъ царь наглый и искусный въ коварствѣ: онъ будетъ совершать опустошенія и губить сильныхъ и народъ святыхъ; онъ будетъ имѣть успѣхъ и возстанетъ противъ Владыки владыкъ, но будетъ сокрушенъ.

ε) *Видѣніе о семидесяти седьминахъ.* Даніилъ раздумывалъ надъ пророчествомъ Іереміи, который говорилъ, что „семьдесятъ лѣтъ исполняется надъ опустошеніемъ Іерусалима“,—и никакъ не могъ понять его. Въ это время къ Даніилу является ангелъ, который объясняетъ, что Іеремія имѣлъ въ виду не простые годы, а субботніе, т. е. семилѣтія („седьмины“): „Семьдесятъ седьминъ, — говорилъ ангелъ, — опредѣлены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступленіе, запечатаны были грѣхи и заглажены беззаконія, и чтобы приведена была правда вѣчная и запечатаны были видѣніе и пророкъ и помазанъ былъ святой святыхъ. Итакъ, знай и разумѣй: съ того времени, какъ выйдетъ повелѣніе о возстановленіи Іерусалима, до Мессіи владыки— семь седьминъ и шестьдесятъ двѣ седьмины. И возвратится народъ, и обстроятся улицы и стѣны, но въ трудныя времена. И по истеченіи шестидесяти двухъ седьминъ преданъ будетъ смерти Мессія, и не будетъ; а городъ и святилище разрушены будутъ народомъ вождя, который придетъ, и конецъ его будетъ, какъ отъ наводненія, и до конца войны будутъ опустошенія. И утвердитъ завѣтъ для многихъ одна седьмина, а въ половинѣ седьмины прекратится жертва и приношеніе, и на крилѣ святилища будетъ мерзость запустѣнія, и окончательная предопредѣленная гибель постигнетъ опустошителя“.

„Книга пророка Даніила“, своимъ содержаніемъ и особенно своими видѣніями, пріобрѣла большое вліяніе не только среди еврейства послѣднихъ полутора вѣка до Р. Х. и перваго вѣка послѣ Р. Х., но и среди христіанъ: видѣнія Даніила о смѣнѣ

царствъ послужили зерномъ, откуда развилась византійско-болгарская всемірно-историческая точка зрѣнія (§ 112).

6) „Книга пророка Осіи“, состоящая изъ 14 главъ, принадлежитъ Осіи. Она была составлена въ Израильскомъ царствѣ въ промежутокъ времени между 746—721 гг. до Р. Х. Осія вышелъ изъ демократической среды и съ особенной силой нападалъ на жрецовъ культа Ваала.

7) „Книга пророка Іоиля“, состоящая изъ 3 главъ, составлена около 300 г. до Р. Х., т. е. къ начальному періоду греческаго владычества. Въ своей коротенькой книгѣ пророкъ Іоиль обращается къ еврейскому народу съ требованіемъ покаянія и выраженіемъ надежды на Божью помощь. Между прочимъ, Іоиль отъ лица Ягве дѣлалъ такое предсказаніе о будущемъ еврейскаго народа: „...Въ тѣ дни и въ то самое время, когда Я возвращу плѣнъ Іуды и Іерусалима, Я соберу всѣ народы и приведу ихъ въ долину Іосафата и тамъ произведу надъ ними судъ за народъ Мой и за наслѣдіе Мое, Израиля, который они разсѣяли между народами, и землю мою раздѣлили“. „Солнце и луна померкнутъ и звѣзды потеряютъ блескъ свой. И возгремитъ Ягве съ Сіона и дастъ гласъ Свой изъ Іерусалима; содрогнутся небо и земля; но Ягве будетъ защитою для народа Своего и обороною для сыновъ израилевыхъ. Тогда узнается, что Я—Ягве, Богъ вашъ, обитающій на Сіонѣ, на святой горѣ Моей; и будетъ Іерусалимъ святынею, и не будутъ уже иноплеменники проходить чрезъ него. И будетъ въ тотъ день: горы будутъ капать виномъ, и холмы потекутъ молокомъ, и всѣ русла іудейскія пополнятся водою, а изъ дома Ягве выйдетъ источникъ и будетъ напоять долину Ситтимъ. Египетъ сдѣлается пустынею, и Едомъ будетъ пустою степью за то, что они притѣсняли сыновъ іудиныхъ и проливали невинную кровь въ землѣ ихъ. А Іуда будетъ жить вѣчно и Іерусалимъ—въ роды родовъ. Я смою кровь ихъ, которую не смылъ еще, и Ягве будетъ обитать на Сіонѣ“.

8) „Книга пророка Амоса“, состоящая изъ 9 главъ, была составлена около 760 г. до Р. Х. пророкомъ Амосомъ, мелкимъ скотоводомъ-пастухомъ изъ Іудеи, поборникомъ еврейской демократіи.

9) „Книга пророка Авдія“, состоящая изъ одной главы, была составлена около 586 г. до Р. Х. и заключаетъ въ себѣ пророчество, направленное противъ Едома.

10) „Книга пророка Іоны“, состоящая итъ 4 главъ, была составлена въ V в. неизвѣстнымъ авторомъ, въ эпоху господства обрядоваго закона. Авторъ въ образной формѣ выражаетъ протестъ противъ крайностей іудейскаго національнизма.

11) „Книга пророка Михея“, состоящая изъ 7 главъ, принадлежитъ демократическому пророку Михею, жившему между 745—762 гг. до Р. Х. Михей грозитъ „главамъ Іакова и князьямъ дома Израилева“ возмездіемъ Божіимъ за то, что они ненавидятъ доброе, творятъ людямъ злое, гнушаются правосудіемъ и искривляютъ все прямое. За это постигнетъ Самарію и Іерусалимъ великое раззореніе. Но потомъ, въ послѣдніе дни, гора дома Ягве будетъ поставлена во главу горъ, возвысится надъ холмами, и къ ней потекутъ всѣ народы. И будетъ Ягве судить многіе народы. „И перекуютъ они мечи свои на орала и копья свои на серпы; не подниметъ народъ на народъ меча, и не будетъ болѣе учиться воевать, но каждый будетъ сидѣть подъ своею виноградною лозою и подъ своею смоковницею, и никто не будетъ устрашать ихъ“... .

12) „Книга пророка Наума“ (состоитъ изъ 3 главъ) была составлена около 630 г. до Р. Х. Ея авторъ предсказываетъ гибель Ассиріи.

13) „Книга пророка Аввакума“ (состоитъ изъ 3 главъ) составлена была тоже около 630 г. до Р. Х. Ея авторъ, пророкъ изъ демократической среды, предсказываетъ гибель халдеевъ.

14) „Книга пророка Софоніи“ (состоитъ изъ 3 главъ) составлена около 605 г. до Р. Х. Софоніей, демократическимъ пророкомъ. Софонія, обличая Іерусалимъ и его аристократію, предсказываетъ гибель Іудеи и въ то же время выражаетъ надежду на то, что Ягве спасетъ свой народъ.

15) „Книга пророка Аггея“ (состоитъ изъ 2 главъ) составлена была послѣ плѣна, въ 520 г. до Р. Х., пророкомъ Аггеемъ, принадлежавшимъ къ духовной средѣ. Въ своей книгѣ Аггей настойчиво приглашаетъ іудеевъ возстановить іерусалимскій храмъ.

16) „Книга пророка Захаріи“ (состоитъ изъ 14 главъ) представляетъ сводъ сочиненій, принадлежащихъ тремъ авторамъ. Главы I — VIII написаны Захаріей, современникомъ Аггея; цѣль автора — побудить іудеевъ къ возстановленію храма. Главы IX—XI написаны неизвѣстнымъ авторомъ, когда именно, точно не опредѣлено: одни изслѣдователи полагаютъ, что въ

VII в. до Р. Х., другіе—въ IV в. Главы XII—XIV принадлежатъ третьему автору, личность котораго, такъ же, какъ и время его жизни, не установлены.

17) „Книга пророка Малахіи“ (состоитъ изъ 4 главъ) составлена въ духѣ закона, около 420 г. до Р. Х.

2) Группа неканоническихъ книгъ Ветхаго Завѣта. Къ неканоническимъ книгамъ Ветхаго Завѣта относятся слѣдующія:

а) „Книга премудрости Соломона“ (состоитъ изъ 19 главъ) составлена была среди александрійскихъ іудеевъ въ II—I вв. до Р. Х. Въ этой книгѣ обличается язычество и доказывается, что истинная мудрость происходитъ отъ Бога.

б) „Книга премудрости Іисуса, сына Сирахова“ (состоитъ изъ 51 главы) составлена около 180 до Р. Х. г. Эта книга представляетъ сборникъ изреченій, въ которыхъ излагаются практическія правила счастливой жизни.

в) „Книга Товита“ (состоитъ изъ 14 главъ), составлена во II—I вв. до Р. Х.; она представляетъ романъ, въ которомъ изображается судьба благочестиваго Товита и его сына Товія.

г) „Книга Іудиѳь“ (состоитъ изъ 16 главъ) составлена между 130—70 гг. до Р. Х. Въ ней, съ фарисейской точки зрѣнія, излагается преданіе объ убіеніи еврейкой Юдиѳью вавилонскаго военачальника Олоферна, осаждавшаго іудейскій городъ Ветилуй.

д) „Первая книга Маккавейская“ (состоитъ изъ 16 главъ) составлена между 100—63 гг. до Р. Х. Въ ней отлично изображается возстаніе Маккавеевъ.

е) „Вторая книга Маккавейская“ (состоитъ изъ 15 главъ) составлена въ I в. до Р. Х. Въ ней изображается въ поучительномъ духѣ, съ точки зрѣнія фарисейства, эпоха Іуды Маккавея.

ж) „Третья книга Маккавейская“ (состоитъ изъ 7 главъ) изображаетъ преслѣдованія іудеевъ царемъ Птоломеемъ Филопаторомъ.

з) „Третья книга Ездры“ (состоитъ изъ 16 главъ) излагаетъ откровенія объ іудейской церкви и о пришествіи Мессіи.

41. Книги Новаго Завѣта. Каноническихъ книгъ Новаго Завѣта—27: 1) четыре „евангелія“—отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна, 2) „Дѣянія апостоловъ“, 3) семь соборныхъ посланій, 4) четырнадцать посланій апостола Павла и 5) „Откровеніе Іоанна Богослова“.

1) „Евангелія“. Въ евангеліяхъ излагаются событія изъ

жизни Іисуса Христа въ связи съ Его ученіемъ. Первыя три евангелія образуютъ группу евангелій, называемыхъ „синоптическими“. „Евангеліе отъ Іоанна“ занимаетъ среди евангелій особое мѣсто.

а) Синоптическія евангелія. Синоптическія евангелія по содержанію и распредѣленію матеріала имѣютъ много общаго между собою. Это служитъ доказательствомъ, что авторы ихъ пользовались болѣе или менѣе одинаковыми источниками. Изслѣдователи установили два главныхъ источника синоптическихъ евангелій: 1) „*Логіи*“, *или* „*Сборникъ изреченій Господнихъ*“ произведеніе, составленное Матѳеемъ, 2) „*Собраніе воспоминаній о событіяхъ изъ жизни Іисуса*“, составленный Маркомъ на основаніи проповѣдей Петра. Въ дополненіе къ этимъ источникамъ называютъ еще три, вліяніе которыхъ на синоптическія евангелія твердо еще не установлено. Эти источники слѣдующіе: 1) „*Евангеліе Господне*“, или „*Евангеліе Маркіона*“, называемое такъ потому, что оно пользовалось особенною популярностью во II в. послѣ Р. Х. въ сектѣ Маркіона, 2) „*Евангеліе отъ евреевъ*“, которое особенно распространено было въ I—II вв. послѣ Р. Х. среди „эбіонитовъ“, т.-е. іудейскихъ христіанъ въ Палестинѣ. Оно называется также „Евангеліемъ эбіонитовъ“ (назареновъ), 3) „*Евангеліе отъ египтянъ*“, которое было распространено среди египтянъ.

α) „*Евангеліе отъ Матѳея*“. „Евангеліе отъ Матѳея“ (состоитъ изъ 28 главъ) представляетъ сводъ двухъ основныхъ источниковъ — „Логій“ Матѳея и „Воспоминаній“ Марка, дополненныхъ матеріалами изъ другихъ источниковъ, письменныхъ и устныхъ. Оно было составлено, вѣроятно, между 70—90 гг. послѣ Р. Х.

Авторъ „Евангелія отъ Матѳея“, отличающагося обстоятельностью и стройностью изложенія, обиліемъ крупныхъ, законченныхъ рѣчей съ религіозно-нравственнымъ содержаніемъ, руководился опредѣленною цѣлью — доказать, что Іисусъ это и есть Мессія, предсказанный въ ветхозавѣтныхъ книгахъ.

β) „*Евангеліе отъ Марка*“. „Евангеліе отъ Марка“, самое краткое (состоитъ изъ 16 главъ), представляетъ изъ себя „Воспоминанія“ Марка, дополненныя „Логіями“ Матѳея и другими источниками, которые точно еще не опредѣлены. Это евангеліе считается наиболѣе древнимъ: оно было составлено, вѣроятно, около 70 г. Двѣнадцать послѣднихъ стиховъ „Евангеліе

лія отъ Марка" считаются позднѣйшимъ добавленіемъ: въ древнѣйшихъ спискахъ ихъ нѣтъ. Между тѣмъ, восьмымъ стихомъ это евангеліе не могло кончаться. Отсюда изслѣдователи дѣлаютъ выводъ, что „Евангеліе отъ Марка" имѣло первоначально не тотъ конецъ, который читается теперь. Въ „Евангеліи отъ Марка" преобладаетъ повѣствовательный элементъ: рѣчей въ немъ—мало. Отличительной чертой „Евангелія отъ Марка" является то, что въ немъ Іисусъ Христосъ изображается по преимуществу, какъ человѣкъ.

γ) „*Евангеліе отъ Луки*" (состоитъ изъ 24 главъ). Авторъ этого Евангелія пользовался тѣми же основными источниками, что и авторы предыдущихъ Евангелій. Кромѣ того, установлено сходство его съ „Евангеліемъ Господнимъ". „Евангеліе отъ Луки" было составлено между 80—105 гг.

Авторъ „Евангелія отъ Луки" изображаетъ Іисуса Христа другомъ бѣдныхъ, грѣшниковъ и мытарей; богатыхъ Христосъ въ этомъ евангеліи подвергаетъ суровому осужденію.

δ) „*Евангеліе отъ Іоанна*" (состоитъ изъ 21 главы) было составлено между 130—140 гг. Это евангеліе, почерпавшее матеріалы изъ предыдущихъ евангелій и изъ другихъ источниковъ, которые точно еще не опредѣлены, рѣзко отличается отъ предыдущихъ своимъ характеромъ и тенденціей. Синоптики по преимуществу—повѣствователи, излагающіе основныя событія изъ жизни и дѣятельности Христа, передающіе ученіе Христа въ притчахъ или въ краткихъ изреченіяхъ; авторъ „Евангелія отъ Іоанна" — богословъ-мыслитель, излагающій христіанское ученіе въ длинныхъ, проникнутыхъ мистицизмомъ, рѣчахъ. У синоптиковъ Іисусъ Христосъ выступаетъ по преимуществу, какъ человѣкъ, а у автора „Евангелія отъ Іоанна", какъ предвѣчный Логосъ (Слово), существовавшій вмѣстѣ съ Богомъ, сошедшій съ неба и облекшійся въ человѣческую плоть. Основныя мысли, постоянно повторяемыя въ „Евангеліи отъ Іоанна", таковы: передъ своимъ воплощеніемъ Христосъ былъ у Отца, и потому можетъ свидѣтельствовать объ Отцѣ; Христосъ — едино съ Отцомъ, и потому имъ принадлежитъ и единая честь; Христосъ можетъ воскрешать изъ мертвыхъ и творить судъ; Христосъ—хлѣбъ жизни, путь, истина и жизнь; отвергнуть Христа значитъ отвергнуть Бога.

Авторъ „Евангелія отъ Іоанна" проникнутъ былъ опредѣленной тенденціей: защитить христіанство отъ еврейскихъ на-

падокъ, показать, что Іисусъ былъ Мессіей и въ то же время Богомъ, и дать въ руки христіанъ оружіе противъ евреевъ.

2) „Дѣянія апостоловъ“ (состоитъ изъ 28 главъ). Эта книга была составлена между 90—110 гг. тѣмъ же авторомъ, которому принадлежитъ „Евангеліе отъ Луки“. „Дѣянія апостоловъ“ продолжаютъ евангельскій разсказъ съ момента смерти Христа (35) и до смерти апостола Павла (64). Разсказъ распадается на двѣ части. Первая часть (гл. I—II, 30) излагаетъ исторію распространенія христіанства въ Палестинѣ. Вторая часть, болѣе длинная (IX, 31—XXVIII), разсказываетъ исторію распространенія христіанства внѣ Палестины, въ западной Азіи, въ Европѣ, въ Римѣ. Героемъ первой части является апостолъ Петръ, героемъ второй—апостолъ Павелъ, который, въ отличіе отъ прочихъ апостоловъ, распространявшихъ христіанство исключительно среди іудеевъ, первый обратился съ проповѣдью новаго ученія къ язычникамъ. Авторъ „Дѣяній“, изображая дѣятельность обоихъ апостоловъ, имѣлъ опредѣленную цѣль—сгладить рѣзкое различіе, которое существовало между характеромъ дѣятельности Петра и Павла, и стушевать крупныя разногласія, которыя существовали между ними по вопросу о распространеніи христіанства среди язычниковъ (см. ниже, о Павлѣ).

3) **Соборныя посланія.** Соборными посланіями въ „Новомъ Завѣтѣ“ называются такія, которыя предназначались не для отдѣльныхъ церковныхъ общинъ, а для всей церкви. Въ нихъ авторы касаются такихъ событій, какъ, напр., появленіе лжеученій, или высказываются по поводу опасностей, связанныхъ съ началомъ гоненій на христіанъ. Къ соборнымъ посланіямъ относятся слѣдующія:

а) „Соборное посланіе Іакова“ (состоитъ изъ 5 главъ), принадлежащее неизвѣстному автору, было составлено между 110—140 гг. Это—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній новозавѣтной литературы. Авторъ посланія обращается къ іудеямъ-христіанамъ, разсѣяннымъ по всему міру. Онъ полемизируетъ противъ тѣхъ представителей христіанства, которые учили, что христіанинъ спасается вѣрой. По мнѣнію автора, это—не вѣрно: вѣра безъ добрыхъ дѣлъ—мертва.

б) „Первое соборное посланіе Петра“. „Первое посланіе Петра“ (состоитъ изъ 5 главъ), принадлежащее перу неизвѣстнаго автора, было составлено около 113 г., въ эпоху гоненія

на христіанъ при императорѣ Траянѣ (98 — 117). Авторъ посланія, обнаруживающій знакомство съ посланіями Павла и Іакова, а также съ „Откровеніемъ Іоанна“, ободряетъ христіанъ въ переживаемыхъ ими скорбяхъ, напоминаетъ имъ о наградѣ, ожидающей ихъ въ будущемъ, и совѣтуетъ проявлять къ преслѣдующимъ покорность.

в) „Второе соборное посланіе Петра“. „Второе посланіе Петра“ (состоитъ изъ 3 главъ), авторъ котораго также неизвѣстенъ, составлено было около 170 г. Это—самое позднее изъ новозавѣтныхъ произведеній. Вторая глава посланія представляетъ переработку „Соборнаго посланія Іуды“ (см. ниже). Авторъ обнаруживаетъ знакомство съ цѣлой группой посланій Павла и даже говоритъ о нихъ, какъ о такихъ писаніяхъ, которыя равны „прочимъ писаніямъ“, т.-е. священнымъ писаніямъ. Во „Второмъ посланіи Петра“ авторъ полемизируетъ съ лицами, которыя, исходя изъ того, что ожидаемое всѣми второе пришествее Христа не осуществилось, утверждали, что на второе пришествіе нечего и расчитывать вообще.

г) „Первое соборное посланіе Іоанна“. „Первое посланіе Іоанна“ (состоитъ изъ 5 главъ), принадлежащее перу автора четвертаго Евангелія, было составлено между 130—140 гг. Это доказывается тѣмъ, что авторъ развиваетъ тѣ же религіозно-нравственные взгляды, что и авторъ четвертаго Евангелія, а именно: Богъ есть любовь; Бога любитъ тотъ, кто любитъ брата своего и соблюдаетъ заповѣди Божьи. „Первое посланіе Іоанна“ имѣетъ полемическій характеръ: оно направлено было противъ гностиковъ, утверждавшихъ, что Христосъ не воплощался, а имѣлъ призрачное сходство съ историческимъ Іисусомъ.

д) „Второе соборное посланіе Іоанна“ (состоитъ изъ одной главы), написанное тѣмъ же авторомъ вскорѣ послѣ „Перваго посланія“, адресовано нѣкоей госпожѣ. Авторъ выражаетъ свою радость по поводу того, что дѣти этой госпожи остались вѣрны истинѣ, убѣждаетъ ее соблюдать заповѣдь о любви и предостерегаетъ ее отъ лжеученій.

е) „Третье соборное посланіе Іоанна“ (состоитъ изъ одной главы) принадлежитъ автору предыдущихъ двухъ посланій и написано приблизительно въ одно время со вторымъ. Оно адресовано къ нѣкоему Гаію. Авторъ хвалитъ Гаія за его гостепріимство и вѣрность истинѣ и добру.

ж) „*Соборное посланіе Іуды*“ (состоитъ изъ одной главы) принадлежащее неизвѣстному автору, было составлено между 130 — 140 гг. Это посланіе направлено противъ гностиковъ.

4) Посланія Павла. Величайшій христіанскій апостолъ—Павелъ (Савлъ, † 64), іудей, происходившій изъ Тарса, главнаго города Киликіи. Павелъ первоначально принадлежалъ къ фарисейской партіи и ревностно преслѣдовалъ христіанъ, но затѣмъ съ нимъ произошелъ душевный переворотъ, и онъ перешелъ въ христіанство. Съ этого момента Павелъ становится апостоломъ христіанства.

Въ исторіи христіанства дѣятельность Павла имѣетъ огромное значеніе.

Во-первыхъ, до Павла христіанство распространялось почти исключительно среди іудеевъ. Павелъ первый сталъ дѣятельно распространять христіанство среди язычниковъ, жившихъ внѣ Палестины. Къ концу жизни Павла христіане были уже среди язычниковъ въ главныхъ городахъ Сиріи, Киликіи, Галатіи, западной части Малой Азіи, Македоніи, Греціи (Ахаіи) и въ Римѣ.

Во-вторыхъ, переходъ христіанства съ іудейской почвы на греко-римскую оказалъ сильное вліяніе на характеръ и дальнѣйшее развитіе новаго ученія. Пока христіанство существовало только среди іудеевъ, въ общинѣ первыхъ христіанъ продолжали соблюдаться обряды и законы іудейской религіи, главнымъ образомъ, обрѣзаніе и законы о чистой и нечистой пищѣ. Греко-римскіе язычники относились къ обряду обрѣзанія и къ законамъ о пищѣ несочувственно. Вслѣдствіе этого и христіанское ученіе среди язычниковъ распространялось съ особенною легкостью тогда, когда отъ нихъ не требовалось соблюденія такихъ законовъ. Это обстоятельство заставило Павла прежде всего отдѣлить на практикѣ собственно христіанское ученіе отъ облекавшихъ его іудейскихъ формъ и при обращеніи язычниковъ въ христіанство не навязывать имъ іудейскихъ обрядовъ и законовъ. Христіанство среди язычниковъ стало распространяться быстрѣе. Но тутъ Павлу пришлось столкнуться съ іерусалимской общиной іудеевъ-христіанъ, въ главѣ которой стояли апостолы Іаковъ, братъ Господень, Петръ и Іоаннъ. Объ этомъ столкновеніи глухо разсказывается въ „Дѣяніяхъ апостоловъ (гл. XV) и яснѣе въ „Посланіи къ Галатамъ“ (гл. II) Павла. Руководители іерусалимской общины іудеевъ-

христіанъ ставили Павлу въ упрекъ то, что онъ не требуетъ отъ язычниковъ, обращаемыхъ въ христіанство, исполненія іудейскаго закона. Павелъ энергично вступился за свое дѣло. Сдѣлавъ нѣсколько несущественныхъ уступокъ Іакову, Петру и Іоанну, Павелъ до конца своей жизни продолжалъ работать надъ естественно навязывавшейся ему задачей—отдѣлить христіанское ученіе отъ іудейской оболочки. Осуществленіе этой задачи вполнѣ удалась ему: христіанское ученіе изъ іудейской секты превратилось въ міровую религію.

Въ-третьихъ, Павелъ былъ первымъ христіанскимъ богословомъ: онъ превратилъ христіанство изъ ученія объ организаціи „труждающихся и обремененныхъ“ въ ученіе объ искупленіи, основными моментами котораго являются вочеловѣченіе Христа, Его смерть и воскресеніе.

Съ именемъ апостола Павла связывается 14 посланій.

а) „Посланіе Павла къ римлянамъ“ (состоитъ изъ 16 главъ)—важнѣйшее произведеніе Павла, написанное между 58—59 гг. Въ этомъ посланіи, которымъ авторъ предупреждалъ христіанскую общину въ Римѣ о своемъ посѣщеніи Рима на пути въ Испанію, обстоятельно развиваются двѣ мысли. Первая мысль: іудеи-христіане не могутъ оправдаться передъ Богомъ исполненіемъ закона. Вторая мысль: и іудеи-христіане, и христіане изъ язычниковъ могутъ спастись только вѣрою во Іисуса Христа

б) „Первое посланіе Павла къ коринѳянамъ“ (состоитъ изъ 16 главъ) написано около 57—58 гг. Въ немъ Павелъ призываетъ членовъ коринѳской общины христіанъ къ единодушію, миру и любви и попутно разрѣшаетъ рядъ вопросовъ нравственно-церковнаго характера. Главы, въ которыхъ разсматриваются вопросы о духовныхъ дарахъ, о любви и воскресеніи (XII, XIII, XV), принадлежатъ къ лучшимъ главамъ сочиненій Павла.

в) „Второе посланіе Павла къ коринѳянамъ“ (состоитъ изъ 13 главъ), написанное около того же времени, какъ и предыдущее, направлено противъ іудеевъ-христіанъ, возбуждавшихъ коринѳскихъ христіанъ противъ Павла. Это посланіе содержитъ въ себѣ рядъ очень цѣнныхъ автобіографическихъ свѣдѣній.

г) „Посланіе Павла къ Галатамъ“ (состоитъ изъ 6 главъ) было составлено около 56 г. Въ немъ Павелъ энергично отстаи-

ваетъ свою миссіонерскую дѣятельность отъ нареканій со стороны іудеевъ-христіанъ, во главѣ которыхъ стояли Іаковъ, Петръ и Іоаннъ, руководители іерусалимской общины. Между прочимъ, авторъ здѣсь впервые формулируетъ характернѣйшую для него мысль—мысль объ оправданіи одною вѣрою.

д) „*Посланіе Павла къ ефесянамъ*“ (состоитъ изъ 6 главъ) принадлежитъ перу неизвѣстнаго автора, находившагося подъ вліяніемъ ученія о Христѣ, какъ о Логосѣ, и было составлено между 130—140 гг. Это посланіе и по выражаемымъ мыслямъ, и по слогу отличается отъ подлинныхъ посланій Павла. Такъ, авторъ выражаетъ чуждую Павлу идею о томъ, что христіанство—тайна, отъ вѣка скрытая въ Богѣ. Кромѣ того, авторъ излагаетъ особую теорію о пребываніи въ воздухѣ злыхъ духовъ.

е) „*Посланіе Павла къ филипійцамъ*“ (состоитъ изъ 4 главъ) было составлено Павломъ, вѣроятно, около 62—63 гг. Въ немъ авторъ призываетъ филиппійцевъ къ единодушію и чистотѣ и предостерегаетъ ихъ противъ защитниковъ іудейскихъ формъ христіанства.

ж) „*Посланіе Павла къ колоссянамъ*“ (состоитъ изъ 4 главъ) было составлено неизвѣстнымъ авторомъ около 120 г. Въ немъ раскрывается божественное достоинство Христа и величіе его искупительныхъ заслугъ и излагаются общественныя и частныя обязанности христіанъ. И по содержанію, напоминающему „Посланіе къ ефесянамъ“, и по стилю это посланіе замѣтно отличается отъ подлинныхъ посланія Павла.

з) „*Первое посланіе Павла къ солунянамъ*“ (состоитъ изъ 5 главъ) было составлено Павломъ между 53—54 гг. Авторъ увѣщаваетъ солунскихъ христіанъ жить свято и учитъ ихъ не предаваться излишней скорби о тѣхъ, которые умерли съ вѣрою во Христа, потому что послѣдніе воскреснутъ изъ мертвыхъ передъ пришествіемъ Христа.

и) „*Второе посланіе Павла къ солунянамъ*“ (состоитъ изъ 3 главъ) принадлежитъ неизвѣстному автору, составившему его около 70 г. Авторъ разбираетъ мнѣніе о близости второго пришествія, указываетъ признаки его и говоритъ объ Антихристѣ.

і) „*Первое посланіе Павла къ Тимоѳею*“ (состоитъ изъ 6 главъ) было составлено неизвѣстнымъ авторомъ между 115—125 гг. Въ немъ авторъ даетъ своему адресату наставленія пастырскаго характера.

к) „Второе посланіе Павла къ Тимоѳею“ (состоитъ изъ 4 главъ) было составлено авторомъ предыдущаго посланія въ то же время. По содержанію оно сходно съ предыдущимъ.

л) „Посланіе Павла къ Титу“ (состоитъ изъ 3 главъ) принадлежитъ автору двухъ предыдущихъ посланій. По содержанію сходно съ предыдущими двумя посланіями.

м) „Посланіе Павла къ Филимону“ (состоитъ изъ одной главы) составлено было Павломъ въ 62 г. Павелъ вернулъ Филимону убѣжавшаго отъ него раба Онисима, принявшаго христіанство. По этому поводу авторъ пишетъ Филимону свое посланіе.

н) „Посланіе Павла къ евреямъ“ (состоитъ изъ 13 главъ), написанное неизвѣстнымъ авторомъ около 66 г. Въ этомъ замѣчательномъ посланіи, обращенномъ, по всей вѣроятности, къ александрійскимъ евреямъ, доказывается, что Ветхій Завѣтъ былъ прообразомъ Новаго, что іудейство съ его закономъ и храмомъ было лишь слабымъ намекомъ на христіанство, что іудейское священничество было прообразомъ вѣчнаго первосвященника — Іисуса Христа. Посланіе отличается правильностью и изяществомъ греческаго языка.

5) **„Откровеніе Іоанна Богослова“** (состоитъ изъ 22 главъ), иначе — „Апокалипсисъ Іоанна“, было составлено неизвѣстнымъ авторомъ около 150 г. Это — сводъ нѣсколькихъ произведеній, изъ которыхъ основной частью является еврейскій апокалипсисъ, относящійся къ 66—70 гг. послѣ Р. Х. и переработанный на христіанскій ладъ. Въ „Откровеніи“ символически изображаются событія, которыя должны наступить наканунѣ кончины міра, передъ наступленіемъ тысячелѣтняго царства (§ 112). Предсказывая наступленіе страшныхъ бѣдствій, авторъ выражаетъ убѣжденіе, что послѣ нихъ явится Христосъ, который восторжествуетъ надъ врагомъ и положитъ основаніе новому, небесному, Іерусалиму. Авторъ, повидимому, имѣлъ цѣлью ободрить христіанъ, которымъ угрожало со стороны римскаго правительства преслѣдованіе.

42. Текстъ библейскихъ книгъ. Текстъ библейскихъ книгъ не дошелъ до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ-подъ пера ея авторовъ. Нынѣшній общепринятый текстъ представляетъ результатъ многочисленныхъ измѣненій — дополненій, сокращеній, переработокъ и т. д.

Было нѣсколько причинъ этого обстоятельства.

Во-первыхъ, главная причина того, что авторскіе тексты библейскихъ книгъ не дошли до насъ, находится въ связи съ техникой книжнаго дѣла и съ условіями распространенія книгъ въ древности. Книга, составленная авторомъ, представляла въ древности, какъ и теперь, прежде всего рукопись. Въ настоящее время рукопись точно перепечатывается, и затѣмъ трудъ автора распространяется въ тожественныхъ печатныхъ экземплярахъ. Иначе происходило въ древности. Если трудъ даннаго автора становился извѣстнымъ въ обществѣ, то съ него дѣлались рукописныя копіи для лицъ, желавшихъ имѣть этотъ трудъ. Копіи дѣлались или самими заинтересованными лицами, или особыми спеціалистами-переписчиками. Съ этихъ копій опять, по мѣрѣ надобности, дѣлались новыя копіи и т. д. Подлинная рукопись автора обыкновенно исчезала изъ обращенія, становясь жертвой всѣхъ тѣхъ случайностей, съ которыми сопряжено частное владѣніе. Вслѣдствіе этого, на протяженіе вѣковъ и тысячелѣтій главную роль въ воспроизведеніи того или другого произведенія, играли не подлинныя рукописи автора, а копіи, сдѣланныя съ нихъ. Этому обстоятельству суждено было сыграть рѣшающую роль въ исторіи текста древнихъ книгъ, въ томъ числѣ и библейскихъ. Лица, дѣлавшія для себя копіи, и особенно переписчики, не всегда имѣли возможность переписывать текстъ точно. Нерѣдко при переписываніи, вольно или невольно (когда въ переписываемомъ текстѣ были какія-либо неясности, или когда переписчику приходилось имѣть дѣло съ неисправной и обветшавшей рукописью, или когда у переписчика слабѣло вниманіе), дѣлались отступленія отъ переписываемаго текста и ошибки. Бывало также, что владѣльцы копій дѣлали на своихъ копіяхъ собственныя замѣчанія къ той или другой части текста. Если копія дѣлалась съ такой комментированной копіи, то переписчикъ, не отличая комментаріевъ владѣльца копіи отъ ея текста, переписывалъ и текстъ, и комментаріи, причемъ комментаріи вносилъ въ текстъ своей копіи по смыслу.

Во-вторыхъ, нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ копій, случайно оказавшихся въ рукахъ іудейскаго духовенства, прошли рядъ послѣдовательныхъ редакцій, изъ которыхъ каждая новая редакція признавалась наиболѣе правильной. Особенно важное значеніе въ исторіи текста библейскихъ книгъ пріобрѣли тѣ редакціи, которыя были предприняты представителями іудей-

скаго духовенства, жившими въ Вавилонѣ: текстъ цѣлаго ряда библейскихъ книгъ былъ изложенъ съ новой точки зрѣнія, съ той точки зрѣнія, которая выработалась среди іудейскаго духовенства въ вавилонскомъ плѣну (§ 37).

Въ-третьихъ, предыдущія причины съ особенною силою дѣйствовали въ теченіе того времени, пока библейскія книги еще не признавались священными и боговдохновенными. По мѣрѣ того, какъ тѣ или другія еврейскія или христіанскія книги признавались священными и боговдохновенными, дѣйствіе второй причины (новыя редакціи) ослабѣвало или совсѣмъ прекращалось; но первая причина (техника книжнаго дѣла) продолжала оказывать свое дѣйствіе и послѣ, до изобрѣтенія книгопечатанія.

Библейскія книги дошли до насъ на двухъ древнихъ языкахъ: на древне-еврейскомъ языкѣ, рѣже на арамейскомъ (книги Ветхаго Завѣта) и на древне-греческомъ (книги Ветхаго Завѣта въ переводѣ семидесяти толковниковъ и книги Новаго Завѣта). Между древне-еврейскимъ и греческимъ текстомъ Ветхаго Завѣта существуютъ многочисленныя различія, нерѣдко весьма существеннаго характера. Наиболѣе точный текстъ болѣе древнихъ копій Ветхаго Завѣта устанавливается при помощи сличенія древне-еврейскихъ и древне-греческихъ рукописей.

Древнѣйшая рукопись всего Ветхаго Завѣта на древне-еврейскомъ языкѣ, существующая въ настоящее время, относится къ 1009 г. послѣ Р. Х.; древнѣйшая рукопись отдѣльныхъ книгъ Ветхаго Завѣта, именно пророческихъ, относится къ 916 г. послѣ Р. Х.

Древнѣйшія рукописи Новаго Завѣта относятся къ IV в. по Р. Х. (Codex Sinaiticus и Codex Vaticanus), къ V в. (Codex Alexandrinus и Codex Ephraemi) и къ VI в. (Codex Bezae).

Сличеніе дошедшихъ до насъ рукописей библейскихъ книгъ на древне-еврейскомъ и древне-греческомъ языкахъ привело къ установленію около 10.000 варіантовъ текста для Ветхаго Завѣта и около 150.000 варіантовъ для Новаго Завѣта. Многіе изъ нихъ рѣзко отличаются другъ отъ друга.

Въ настоящее время учеными выработанъ новый греческій текстъ Новаго Завѣта, являющійся наиболѣе близкимъ къ древнѣйшимъ копіямъ.

43. Библейскія книги на Руси. По преданію, уже Константинъ и Меѳодій перевели на древне-болгарскій языкъ всѣ каноническія книги св. Писанія, кромѣ книгъ Маккавейскихъ. Вѣроятнѣе, однако, что первоучители славянскіе перевели не всю Библію, а только тѣ ея части, которыя необходимы для богослуженія. Полная Библія является у насъ въ переводѣ только къ концу XV в.

Изъ отдѣльныхъ книгъ св. Писанія у насъ болѣе всего читались, особенно среди лицъ духовныхъ, тѣ, которыя наиболѣе употребительны при богослуженіи, а именно, Псалтирь, Евангеліе и Апостолъ („Дѣянія св. апостоловъ“). Изъ нихъ Псалтирь была и первой учебной книгой: по ней учились читать обучавшіеся грамотѣ. Благодаря этому Псалтирь была популярной книгой среди грамотныхъ людей всѣхъ классовъ населенія. Она считалась книгой наиболѣе назидательной для домашняго чтенія и спасительной въ важныхъ случаяхъ жизни. Многіе знали Псалтирь наизусть.

Отдѣльныя книги св. Писанія читались или цѣликомъ, или, чаще всего, въ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ для богослужебныхъ цѣлей; сборники такихъ извлеченій назывались „Паремейниками“.

Чтеніе книгъ св. Писанія сопровождалось нерѣдко и чтеніемъ толкованій къ нимъ. Въ 1047 г. попъ Упырь Лихій переписалъ у насъ толкованія на книги пророковъ, переведенныя съ греческаго языка въ Болгаріи. Къ Псалтири присоединялись толкованія св. Аѳанасія Александрійскаго и блаженнаго Ѳеодорита Кирскаго. Такія псалтири назывались „толковыми“.

Изъ древнѣйшихъ списковъ отдѣльныхъ книгъ св. Писанія до нашего времени сохранился одинъ, относящійся къ половинѣ XI-го в. Это — Остромирово евангеліе, переписанное діакономъ Григоріемъ въ 1056—1057 гг. въ Новгородѣ для новгородскаго посадника Остромира. Оно любопытно, какъ образецъ правильнаго древне-болгарскаго языка, еще не подвергшагося искажающему вліянію со стороны языка древнерусскаго. Въ „Послѣсловіи“ переписчикъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее“:

„Азъ, Григорій дияконъ, написахъ евангелье е (сіе). Да иже горазнѣе (лучше) сего напише, то не мози зазьрѣти (порицать) мьнѣ грѣшьнику... Молю же вьсѣхъ почитающихъ: не мозѣте кляти, нъ исправльше почитанте“.

Неканоническая еврейско-христіанская литература.

44. Неканоническая еврейско-христіанская литература. Еврейско-христіанскія произведенія, не вошедшія въ канонъ библейскихъ книгъ, образовали обширную неканоническую литературу, извѣстную подъ названіями апокрифовъ, псевдоэпиграфовъ и отреченныхъ книгъ.

Терминъ „апокрифъ“ происходитъ отъ греческаго слова ἀπόκρυφος. Этимъ терминомъ обозначали въ древности книги „тайныя“, „сокрытыя“, т. е. такія, содержаніе которыхъ не всѣмъ было доступно. Позже этимъ же словомъ стали обозначать книги, происхожденіе которыхъ оставалось неизвѣстнымъ. Въ настоящее время терминъ „апокрифъ“ означаетъ всякую, не вошедшую въ канонъ, еврейско-христіанскую книгу о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Остальные два термина имѣютъ болѣе узкое значеніе. „Псевдоэпиграфами“ называются апокрифы, не принадлежащіе авторамъ, которымъ они приписываются. Таковы, напр., „Книга Еноха“, „Никодимово евангеліе“. „Отреченными книгами“ называются апокрифы, отвергаемые церковью, какъ ложные по содержанію.

Въ апокрифахъ подробно излагается о такихъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, о которыхъ въ Библіи говорится очень кратко, или которыя въ ней едва лишь упомянуты. Такъ, напр., такія событія, какъ сотвореніе Адама и Евы, паденіе ихъ, изгнаніе изъ рая, жизнь ихъ по изгнаніи, потопъ, столпотвореніе вавилонское, раздѣленіе языковъ, разсѣяніе народовъ, разсказаны въ Библіи очень сжато; о судьбѣ Еноха, взятаго на небо живымъ, о Мелхиседекѣ, считавшемся въ христіанской богословской литературѣ прообразомъ Христа, говорится лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Точно также кратко говорится въ Библіи и о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, напр., о кончинѣ міра. Въ апокрифахъ, наоборотъ, подробно излагается то, что сжато разсказано въ Библіи. Благодаря этому апокрифы пользовались большимъ распространеніемъ уже въ глубокой древности: въ „Третьей книгѣ Ездры“ указывается, что кромѣ 24 древнихъ каноническихъ книгъ существовало еще 70 новыхъ и послѣднихъ. Это—апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Часть

этихъ апокрифовъ вошла въ составъ еврейскихъ книгъ „Яшаръ“, „Талмудъ“, „Каббала“ и др.

До образованія библейскаго канона, апокрифы большею частью пользовались среди образованныхъ классовъ у евреевъ и позже у христіанъ такимъ же вниманіемъ и уваженіемъ, какъ и книги, признанныя потомъ каноническими, т. е. священными и боговдохновенными, и своимъ содержаніемъ оказывали сильное вліяніе на вѣрованія, убѣжденія, воззрѣнія, религіозный культъ, живопись и литературное творчество.

Съ образованіемъ библейскаго канона чтеніе апокрифовъ продолжалось, и оффиціальными руководителями духовной жизни евреевъ и впослѣдствіи христіанъ даже одобрялось. Положеніе дѣла измѣняется съ того времени, какъ апокрифами стали пользоваться еретики для обоснованія ученій, расходившихся съ ученіемъ, которое слагалось въ руководящихъ церковныхъ сферахъ: апокрифы начинаютъ подвергаться осужденію и запрещенію. Появляются каталоги, или „индексы“ запрещенныхъ, „ложныхъ“, книгъ, составленные на основаніи правилъ апостольскихъ, соборныхъ и сочиненій отцовъ и учителей церкви.

Несмотря на запрещеніе апокрифы продолжали пользоваться въ Византіи и на Западѣ большою популярностью. Съ принятіемъ христіанства на Руси, апокрифическая литература заносится и сюда, а вмѣстѣ съ нею появляется въ переводѣ на древне-болгарскій языкъ и индексъ запрещенныхъ книгъ: въ „Изборникѣ Святославовѣ 1073 г.“ (§ 116) помѣщена статья, извѣстная подъ заглавіемъ: „О книгахъ истинныхъ и ложныхъ“ [1]), и въ ней перечислены апокрифическія книги, которыхъ не слѣдуетъ читать истинному христіанину. Но и на Руси апокрифы долгое время читались съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и въ странахъ съ высокимъ умственнымъ развитіемъ; и здѣсь они оказывали вліяніе на выработку міровоззрѣнія, на церковную живопись и на литературное творчество, письменное и устное.

[1]) Она состоитъ изъ двухъ статей: 1) одна статья, подъ заглавіемъ „Отъ апостольскихъ уставъ“, предписываетъ удаляться отъ ложныхъ книгъ; 2) другая статья, подъ заглавіемъ „Богословьца отъ словесъ“, заключаетъ въ себѣ перечень каноническихъ библейскихъ книгъ, къ которому приложенъ и списокъ апокрифическихъ.

Апокрифы дѣлятся на два разряда: 1) апокрифы о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ и 2) апокрифы о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ.

Апокрифы о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ.

45. Апокрифы о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Ветхозавѣтными апокрифами называются разсказы-преданія о лицахъ и событіяхъ Ветхаго Завѣта. Главнѣйшіе изъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ—слѣдующіе: 1) О сотвореніи міра, 2) Объ Адамѣ и Евѣ, 3) О дѣтяхъ Адама и Евы, 4) „О древѣ крестномъ", 5) „Книга Еноха", 6) О Ноѣ, 7) О Мелхиседекѣ, 8) Объ Авраамѣ, 9) „Завѣты двѣнадцати патріарховъ", 10) „Исходъ Моисеевъ", 11) О Давидѣ и Соломонѣ и 12) О Соломонѣ. Почти всѣ перечисленные апокрифы сложились среди іудеевъ; въ христіанскую эпоху нѣкоторые изъ нихъ подверглись переработкѣ съ христіанской точки зрѣнія.

46. О сотвореніи міра. Въ апокрифахъ о сотвореніи міра отражаются дуалистическія представленія. Въ нихъ разсказывается о сотвореніи невидимаго міра, о томъ, какъ Сатанаилъ, глава десятаго ангельскаго чина, задумалъ сойти съ неба на землю, принять ее въ свою непосредственную власть, поставить себѣ престолъ „на облацѣхъ сѣверьскихъ" и уподобиться по могуществу Богу, и какъ онъ былъ сверженъ Богомъ съ неба на землю, а „по немъ спадоша, иже бѣша подъ нимъ, чинъ десятый". Далѣе въ апокрифахъ разсказывается о спорѣ, возникшемъ между Богомъ и Сатанаиломъ при сотвореніи человѣка: тѣлесную природу человѣка сотворилъ Сатанаилъ, а душу могъ вложить въ него только Богъ. Оттого,—замѣчаетъ апокрифъ,—когда человѣкъ умираетъ, тѣло его идетъ въ землю, а душа къ Богу.

Въ связи съ апокрифами о сотвореніи міра находятся сказанія „О зачатіи неба и земли" и „Отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ". Адамъ созданъ изъ восьми частей: плоть взята отъ земли, кровь—отъ росы (отъ моря), кости отъ камня, мысли — отъ ангельской „борзости", жилы и волосы—отъ травы, душа—отъ вѣтра и т. д. (см. § 116).

47. Объ Адамѣ и Евѣ. Апокрифическія сказанія объ Адамѣ и Евѣ имѣютъ два заглавія: „Слово о Адамѣ" и „О

исповѣданіи Евинѣ“ и представляютъ переработанныя редакціи греческаго апокрифа подъ заглавіемъ „Апокалипсисъ Моисея“. Содержаніе этихъ сказаній слѣдующее.

Проживъ 930 лѣтъ, Адамъ въ первый разъ заболѣлъ и пришелъ въ ужасъ. Вокругъ него собрались дѣти его. Чтобы объяснить происхожденіе болѣзни, Адамъ, или Ева, разсказываетъ дѣтямъ о томъ, какъ Богъ сотворилъ рай и поручилъ его на храненіе имъ, причемъ Адамъ получилъ восточную и сѣверную часть рая, а Ева западную и южную, какъ Богъ запретилъ имъ ѣсть плоды съ одного дерева, какъ діаволъ искусилъ ихъ, и какъ они нарушили запрещеніе. Адамъ или Ева разсказываетъ, что, когда они пали, всѣ деревья въ раю сбросили съ себя листья, кромѣ смоковницы: изъ ея листьевъ они сшили себѣ одежды. Затѣмъ съ неба послышался голосъ архангела, призывавшій всѣхъ ангеловъ. Посреди рая поставленъ былъ престолъ. Сошли съ неба Богъ съ ангелами для суда надъ Адамомъ и Евой. По окончаніи суда ангелы выгоняютъ ихъ изъ рая. Адамъ и Ева сѣли противъ рая, приникли къ землѣ и плакали семь дней. Почувствовавъ голодъ, они встали, чтобы поискать себѣ пищи, обошли всю землю, но ничего не нашли. Вернувшись къ раю, они стали плакать: „Раю мой, раю, пресвѣтлый раю,—плакалъ Адамъ,—красота неизреченная! Мене ради сотворенъ есть, а Евы ради затворенъ есть. Милостиве, помилуй мя падшаго“. Тогда Господь смилостивился и отдѣлилъ Адаму и Евѣ седьмую часть рая. Сначала они утолили свой голодъ терновымъ плодомъ; потомъ архангелъ Михаилъ принесъ имъ пшеницы и меду и сталъ учить Адама „дѣламъ ручнымъ“. Когда Адамъ сталъ воздѣлывать землю, явился діаволъ, который сказалъ ему, что небеса и рай суть Божіи, а земля принадлежитъ ему; если онъ хочетъ обрабатывать землю, то долженъ признать власть діавола и дать ему на себя „рукописаніе“. Адамъ согласился, потому что зналъ, что отъ Дѣвы родится Спаситель, который спасетъ и его, а діаволъ, взявъ рукописаніе, скрылъ его въ Іорданѣ подъ камень, въ томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ крестился Христосъ. Чтобы избавиться отъ діавола, Адамъ и Ева рѣшили поститься 40 дней. Во время поста къ Адаму собрались звѣри, птицы, и всѣ молились за Адама. Послѣ этого Адамъ и Ева поселились въ Мадіамѣ, гдѣ отъ нихъ родились Каинъ и Авель, а послѣ убійства Авеля Каиномъ—Сноъ... На этомъ мѣстѣ Адамъ преры-

ваетъ разсказъ, зоветъ Еву къ себѣ и сообщаетъ, что изъ него исходитъ душа. Чтобы успокоить Адама, Сиѳъ съ Евой отправляются въ рай достать оттуда для Адама масличную вѣтвь. Ангелъ далъ имъ вѣтвь отъ того дерева, изъ-за котораго Адамъ былъ изгнанъ изъ рая. Получивъ вѣтвь, Адамъ узналъ дерево, сдѣлалъ изъ вѣтви вѣнецъ и одѣлъ его на голову. Тогда Адамъ увидѣлъ руку Господа, пріемлющую его душу. Съ неба явились кадильница съ ладономъ и три ангела со свѣчами. По повелѣнію Божію, архангелъ Михаилъ отнесъ тѣло Адама въ рай, а духъ его пребываетъ на третьемъ небѣ. Когда понесли тѣло Адама, съ неба раздался голосъ Божій: „Земля еси и въ землю пойдеши“. По смерти Адама, Ева стала молиться Богу, чтобы онъ и ее присоединилъ къ Адаму, такъ какъ она сотворена изъ его ребра. Ева умираетъ, и архангелъ Михаилъ научилъ Сиѳа похоронить Еву тамъ, гдѣ были похоронены тѣла Адама и Авеля. Въ этомъ мѣстѣ изъ вѣнца Адама выросло дерево.

48. О дѣтяхъ Адама и Евы. О дѣтяхъ Адама и Евы, о Каинѣ и Авелѣ, апокрифы разсказываютъ слѣдующее.

Каинъ предлагаетъ Авелю пойти вмѣстѣ съ нимъ въ поле. Выйдя туда, Каинъ собирается убить Авеля, но не знаетъ, какъ сдѣлать это. Тогда Сатана научилъ его взять камень и ударить имъ Авеля. Адамъ и Ева плакали 30 лѣтъ надъ тѣломъ Авеля, котораго они, по неумѣнію, не погребали. Тогда по повелѣнію Божію прилетѣло два птенца. Когда одинъ изъ нихъ умеръ, другой выкопалъ яму и зарылъ его. Адамъ и Ева, увидѣвши это, тоже выкопали яму и съ плачемъ погребли тѣло Авеля.

49. „О древѣ крестномъ“. Древо познанія добра и зла, изъ вѣтви котораго Адамъ сдѣлалъ себѣ вѣнецъ (§ 47), выросло въ раю изъ сѣмянъ, которыя бросилъ посреди рая Сатанаилъ въ то время, когда Богъ насаждалъ рай. Замѣтивъ это дерево, Богъ сказалъ Сатанаилу: „Ту буду азъ и тѣло мое, и будетъ тебѣ на прогнаніе“. Древо познанія добра и зла состояло изъ трехъ частей: одна часть означала Адама, другая—Еву, а третья, посединѣ,—Господа. Когда Адамъ и Ева согрѣшили, Адамова часть древа упала въ рѣку Тигръ и была вынесена изъ рая; Евина часть осталась въ раю до потопа, когда она принесена была „къ Мерстѣй рѣцѣ“; Господня часть дерева отдана была Адаму, и изъ нея именно Адамъ сдѣлалъ себѣ вѣнецъ. Изъ вѣнца этого выросло высокое де-

рево, которое также раздѣлилось на три части. Изъ этихъ деревьевъ сдѣланы были впослѣдствіи кресты, на которыхъ былъ распятъ Христосъ съ разбойниками: крестъ Христа былъ сдѣланъ изъ дерева, выросшаго изъ Адамова вѣнца; крестъ вѣрнаго разбойника — изъ Адамовой части райскаго дерева, а крестъ невѣрнаго разбойника—изъ Евиной части райскаго дерева.

Деревья эти попали въ Іерусалимъ такимъ образомъ. Адамова часть райскаго дерева, попавшая въ Тигръ и вынесенная изъ рая, выброшена была на песокъ. Когда Сиѳъ задумалъ помянуть своего отца, ангелъ указалъ ему на это дерево и велѣлъ разложить огонь на рѣкѣ. Огонь оказался неугасимымъ, и его стали стеречь звѣри. Когда Лотъ каялся Аврааму въ своихъ грѣхахъ, Авраамъ велѣлъ ему принести изъ этой рѣки огня. Лотъ воспользовался сномъ звѣрей и вынесъ изъ огня три головни. Авраамъ велѣлъ Лоту посадить эти головни на одной горѣ и поливать ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не начнутъ расти. Если такое чудо случится, это будетъ означать, что Богъ простилъ грѣхи Лота. Головни стали расти, и выросло изъ нихъ прекрасное дерево.

Судьба Евиной части древа, занесенной во время потопа къ водамъ Мерры, была такова. Моисей, странствуя съ евреями по пустынѣ, не находилъ другой воды, кромѣ горькой. Тогда ангелъ указалъ ему на это дерево. Моисей посадилъ это дерево крестообразно въ рѣкѣ: вода стала сладкой, и дерево прекрасно разрослось.

Когда Соломонъ строилъ храмъ въ Іерусалимѣ, всѣ эти три дерева были привезены туда, причемъ дерево, выросшее изъ вѣнца Адамова, было вырвано и привезено съ корнемъ, въ которомъ заключалась и Адамова голова. Когда голова была очищена отъ кореньевъ, Соломонъ узналъ, что это—голова Адама; онъ велѣлъ засыпать ее камнями: такъ образовалась Голгоѳа. Когда Христосъ и разбойники были присуждены къ распятію, Пилатъ велѣлъ сдѣлать кресты изъ этихъ трехъ деревьевъ. Крестъ Христа былъ воздвигнутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась голова Адама. Кровь и вода изъ ранъ Христа просочились на Адамову голову; Адамъ крестился ею и освободился такимъ образомъ отъ наложеннаго на него проклятія.

Апокрифъ „О древѣ крестномъ“ пользовался большою популярностью въ византійско-болгарской литературѣ и на Руси.

50. „Книга Еноха“. Между 150—100 гг. до Р. Х. у іудеевъ была составлена замѣчательная книга апокалиптическаго содержанія, подъ заглавіемъ „Книга Еноха“, подвергшаяся впослѣдствіи цѣлому ряду дополненій и переработокъ. Эта апокрифическая книга, пользовавшаяся въ христіанской церкви большимъ авторитетомъ, съ VIII в. послѣ Р. Х. исчезаетъ изъ обращенія. Только въ концѣ третьей четверти XVIII в. она найдена была на эѳіопскомъ языкѣ, съ котораго ученые изслѣдователи сдѣлали переводъ на латинскій языкъ.

„Книга Еноха“ состоитъ изъ предисловія и пяти частей.

1) Предисловіе. Въ предисловіи сообщается, что данная книга является откровеніемъ праведнаго Еноха [1]) о будущемъ судѣ надъ міромъ и объ участи праведныхъ и нечистивыхъ [2]).

Праведный Енохъ видѣлъ на небесахъ святое видѣніе. Ради избранныхъ онъ говорилъ съ Тѣмъ, Кто нѣкогда оставитъ свое небесное жилище, придетъ на гору Синай и предстанетъ во всей силѣ своего могущества. Потрясутся высокія горы, падутъ высокіе холмы и растаютъ передъ лицомъ Его, какъ воскъ отъ пламени. Земля будетъ потоплена, и все, что находится на ней, погибнетъ. Всѣ люди будутъ потребованы на судъ. Явятся на судъ и праведные. Праведные спасутся, получатъ милость и достигнутъ мира; они сдѣлаются достояніемъ Божіимъ, достигнутъ блаженства, и свѣтъ Божій будетъ просвѣщать ихъ. Вотъ, Онъ идетъ со тьмами своихъ святыхъ— сотворить судъ надъ праведными, ниспровергнуть нечестивыхъ и обличить всякую плоть во всѣхъ дѣлахъ, которыя сдѣлали противъ него нечестивые. „Не будетъ мира для васъ, грѣшники, ожесточенные сердцемъ. Ваши дни будутъ прокляты, и годы вашей жизни будутъ изглажены изъ книги живыхъ; вы будете въ поношеніи у всѣхъ тварей, и вы не удостоитесь милости. Въ тотъ день вашъ миръ будетъ возмущенъ вѣчнымъ проклятіемъ“.

---

[1]) По Библіи, Енохъ, отецъ Маоусала (Маоусаила), отличался праведностью, и за это былъ взятъ живымъ на небо: „И ходилъ Енохъ предъ Богомъ, и не стало его, потому что Богъ взялъ его“ („Бытіе“, VI, 24). По другой библейской родословной, Енохъ былъ сыномъ Каина, а Маоусалъ—правнукомъ Еноха („Бытіе“, IV, 17—18).

[2]) О раздѣленіи евреевъ на праведныхъ и нечестивыхъ см. § 37 (слѣдствія принятія закона послѣ Ездры) и § 40 (о „Псалтири“).

2) Первая часть. Первая часть начинается разсказомъ о томъ, какъ на землѣ стало распространяться зло.

Ангелы, сыны неба, увидѣвъ у людей прекрасныхъ дочерей, увлеклись ими и рѣшили выбрать себѣ изъ племени людей женъ. Подъ начальствомъ Samyaza и восемнадцати подчиненныхъ ему вождей, ангелы, въ числѣ 200, сошли съ неба на вершину горы Ермонъ (южный отрогъ Антиливана) и здѣсь связали себя взаимными клятвами — осуществить принятое рѣшеніе. Отъ брака ангеловъ съ человѣческими дочерьми произошли на землѣ исполины: величина ихъ доходила до 30 локтей. Исполины пожирали все, что производили люди, и скоро не стало на землѣ, чѣмъ кормить ихъ. Тогда исполины стали пожирать людей, птицъ, звѣрей, пресмыкающихся, рыбъ и пить ихъ кровь.

Отъ падшихъ ангеловъ распространилось развращеніе по всей землѣ. Одинъ изъ ихъ вождей, Azaziel, научилъ людей дѣлать мечи, ножи, щиты, брони, зеркала, браслеты и всякія украшенія; другой вождь, Amazarak, научилъ волшебству и очарованію и открылъ силу и свойства корней; Barkayal научилъ наблюдать звѣзды, Tamiel научилъ астрономіи и т. д.

Вожди оставшихся на небѣ ангеловъ — Михаилъ, Гавріилъ, Рафаилъ, Суріилъ и Уріилъ, — посмотрѣвъ на землю, увидѣли потоки крови и всякія злодѣянія и возвѣстили объ этомъ Всевышнему. Всевышній призвалъ Еноха и велѣлъ ему идти къ падшимъ ангеламъ и объявить имъ о предстоящемъ наказаніи, о потопѣ, который будетъ посланъ на землю, чтобы истребить все, что на ней находится [1]). Услышавъ о гнѣвѣ Божіемъ, падшіе ангелы ужаснулись и стали просить Еноха взойти на небо и упросить Господа смягчить свой гнѣвъ. Енохъ согласился.

---

[1]) Въ Библіи объ этомъ же разсказывается конспективно: „Когда люди начали умножаться на землѣ и родились у нихъ дочери, тогда сыны Божіи увидѣли дочерей человѣческихъ, что онѣ — красивы и брали ихъ себѣ въ жены, какую кто избралъ... Въ то время были на землѣ исполины, особенно же съ того времени, какъ сыны Божіи стали входить къ дочерямъ человѣческимъ, и онѣ стали рождать имъ: это — сильные, издревле славные люди. И увидѣлъ Господь, что велико развращеніе человѣковъ на землѣ, и что всѣ мысли и помышленія сердца ихъ были зло во всякое время: и раскаялся Господь, что создалъ человѣка на землѣ и возскорбѣлъ въ сердцѣ Своемъ. И сказалъ Господь: истреблю съ лица земли человѣковъ, которыхъ я сотворилъ"... („Бытіе". VI. 12. 4—7).

Отправившись исполнить просьбу ангеловъ, Енохъ по дорогѣ уснулъ, и тутъ ему явились видѣнія: онъ увидѣлъ наказаніе, которое назначено было для дѣтей неба. Енохъ такъ разсказываетъ о своемъ видѣніи.

„Меня окружили облака и туманы; движущія свѣтила и молнія гнали меня; вѣтры ускоряли теченіе мое: они понесли меня на небо. Я достигъ стѣны, построенной изъ кристалла; колеблющееся пламя окружало ее; я вошелъ въ это пламя. Я приблизился къ обширному жилищу, построенному изъ кристалла. Стѣны, полъ и фундаментъ этого жилища были изъ кристалла, и сводъ его состоялъ изъ движущихся звѣздъ и молній, и между ними были огненные херувимы... Когда я вошелъ въ это жилище, оно было горячо, какъ огонь, и холодно, какъ ледъ; въ немъ не было никакихъ признаковъ счастія и жизни“.

Ужасъ овладѣлъ Енохомъ. Онъ палъ ницъ и тутъ съ нимъ было новое видѣніе.

„Я увидѣлъ,—разсказываетъ Енохъ,—другое жилище, которое было обширнѣе перваго и состояло изъ колеблющагося пламени; всѣ двери его были отверсты предо мною. Оно было такъ превосходно и величественно, что я не могу описать вамъ ни его великолѣпія, ни его обширности. Помостъ его былъ огненный; вверху блистали звѣзды и молніи; сводъ былъ изъ горящаго огня. Я обошелъ его и увидѣлъ въ немъ высокій тронъ, который походилъ на груду льда; окружность его была подобна блестящему солнечному кругу. Съ трона исходили потоки пламени, такъ что невозможно было смотрѣть. На этомъ тронѣ возсѣдалъ Нѣкто; одежда Его была свѣтлѣе солнца и бѣлѣе снѣга. Ни одинъ ангелъ не могъ смотрѣть на лицо Великаго и Славнаго; ни одинъ смертный не могъ созерцать Его“...

Закрывъ лицо, Енохъ въ страхѣ приблизился къ трону, и Господь возвѣстилъ Еноху, что падшіе ангелы никогда не достигнутъ мира, а исполины, родившіеся отъ нихъ, будутъ жить на землѣ и называться злыми демонами.

Отсюда Енохъ былъ вознесенъ на гору, вершина которой касалась небесъ.

„Здѣсь я видѣлъ,—разсказываетъ Енохъ,—сокровищницу грома и молніи... Тамъ были лукъ огненный и стрѣлы въ колчанѣ, и мечъ огненный, и всякаго рода молніи. Потомъ я

достигъ огненнаго потока, который бѣжалъ подобно водѣ и вливался въ великое западное море. Я видѣлъ рѣки великія и достигъ густого мрака, въ тѣхъ мѣстахъ, куда отходитъ всякая плоть. Я видѣлъ горы мрака, откуда выходитъ зима, и мѣсто, откуда вода течетъ въ бездны; я видѣлъ исходное мѣсто всѣхъ рѣкъ и бездны. Потомъ я дошелъ до источниковъ всѣхъ вѣтровъ... Я видѣлъ краеугольный камень земли, видѣлъ четыре вѣтра, которые поддерживаютъ землю и твердь небесную, которые поднимаются между землею и небомъ и составляютъ столпы неба, видѣлъ вѣтры, которые заставляютъ вращаться небо, солнце и звѣзды, видѣлъ вѣтры, которые носятъ надъ землею облака. Я видѣлъ путь ангеловъ. Я видѣлъ на краю земли твердь небесную. Тогда я обратился къ полудню. Тамъ пылали днемъ и ночью шесть горъ, составленныхъ изъ драгоцѣнныхъ камней,—три на восточной сторонѣ и три на южной; горы на восточной сторонѣ состояли изъ камней разныхъ цвѣтовъ, изъ перловъ и антимоній, горы на южной сторонѣ—изъ красныхъ камней. Средняя изъ горъ возвышалась до неба, подобно престолу Божію; она была изъ алебастра, а вершина ея—изъ сапфира. Я видѣлъ пламень, пылающій на этихъ горахъ".

Далѣе Енохъ увидѣлъ ангеловъ, которые бодрствуютъ и заботятся обо всемъ въ мірѣ: Уріилъ наблюдаетъ за воплями и ужасами; Рафаилъ управляетъ душами людей; Рагуилъ подвергаетъ наказаніямъ міръ и свѣтила; Михаилъ управляетъ храбростью и начальствуетъ надъ народами; Саракіилъ наблюдаетъ за душами грѣшныхъ людей; Гавріилъ начальствуетъ надъ раемъ и херувимами.

На западной сторонѣ Енохъ увидѣлъ великую и высокую гору, крутую скалу и четыре прелестныхъ пристанища. Это были благословенныя мѣста, гдѣ будутъ собраны души умершихъ; размѣщенныя въ трехъ отдѣленіяхъ, души умершихъ будутъ пребывать здѣсь въ мукахъ до дня суда.

Въ другомъ мѣстѣ, на западной сторонѣ, Енохъ увидѣлъ непрестанно горящій огонь. Это—огонь, который день и ночь катится безостановочно и возжигаетъ всѣ небесныя свѣтила.

Потомъ Енохъ видѣлъ семь блестящихъ горъ: три были на востокѣ и три на югѣ. Посрединѣ возвышалась седьмая гора. Эта гора будетъ сѣдалищемъ, на которое возсядетъ святой и великій Господь, когда Онъ по своей благости посѣтитъ

землю. У подошвы одной горы Енохъ увидѣлъ узкую долину. Это—долина, проклятая вѣчнымъ проклятіемъ: сюда собраны будутъ тѣ, которые произносятъ хулы противъ Бога и Его славы.

Наконецъ, Енохъ дошелъ до конца земли и видѣлъ разныхъ звѣрей и птицъ. На востокѣ Енохъ увидѣлъ границы между небомъ и землею и мѣсто, гдѣ оканчивается небо. Врата неба были отверсты, и Енохъ видѣлъ, какъ оттуда выходили звѣзды; онъ считалъ ихъ по мѣрѣ того, какъ онѣ выходили, замѣчалъ ихъ имена, и порядокъ движенія такъ, какъ объяснялъ ему ангелъ Уріилъ. На сѣверѣ, на границахъ земли, Енохъ также видѣлъ отверстыя врата на небо съ тремя отдѣленіями, откуда выходятъ сѣверные вѣтры, производящіе холодъ, ледъ, градъ, росу и дождь. Изъ однихъ вратъ вѣтры дуютъ легко, изъ другихъ—сильно и стремительно, и дуновеніе ихъ распространяется по всей землѣ. На западѣ и на югѣ Енохъ увидѣлъ тоже по трое вратъ. Изъ послѣднихъ выходили роса, дождь и вѣтеръ.

3) Вторая часть. Вторая часть изображаетъ путешествіе Еноха въ областяхъ высшаго неба, передаетъ тайны высшаго неба, міра ангеловъ и будущаго царства Мессіи. Особенно много мѣста удѣлено описанію блаженства праведныхъ, явленія Мессіи, суда Мессіи и характера царства Мессіи. Это—второе видѣніе премудрости.

„Премудрость“ была открыта Еноху въ трехъ притчахъ.

1) Первая притча. Въ первой притчѣ возвѣщается о томъ, какая участь постигнетъ грѣшныхъ и праведныхъ въ будущей жизни.

Енохъ видѣлъ жилище святыхъ. Это—мѣсто истины, вѣры и правды. Тамъ были молитвы, моленія и прошенія за сыновъ человѣческихъ. Правда проходила передъ святыми, какъ чистая волна, и милость распространялась, какъ роса на землѣ. Всѣ избранные и святые пѣли передъ Господомъ духовъ и прославляли Его.

2) Вторая притча. Вторая притча направлена противъ тѣхъ, которые отвергаютъ имя и жилище святыхъ и Господа духовъ: они не взойдутъ на небо, а будутъ сохранены для дня казни и мученія.

Енохъ видѣлъ Ветхаго денми: глава Его была подобна бѣлой волнѣ. Енохъ видѣлъ вмѣстѣ съ нимъ и еще кого-то,

подобнаго человѣку: лицо его было исполнено благодати, какъ лицо святого ангела. Это былъ Сынъ человѣческій [1]), съ которымъ обитала и которому принадлежитъ всякая правда; онъ возбудитъ царей и сильныхъ отъ ложа, усмиритъ сильныхъ и сокрушитъ зубы грѣшниковъ; онъ лишитъ царей ихъ трона и царства, потому что они не хотятъ воздать чести и смириться передъ Тѣмъ, Кто далъ имъ царство; онъ будетъ жезломъ для праведныхъ, свѣтомъ для народовъ, надеждою для скорбящихъ. Всѣ живущіе на землѣ падутъ ницъ передъ нимъ и поклонятся,—прославятъ, восхвалятъ и воспоютъ Господа духовъ. На землѣ наступитъ благоденствіе. Это будетъ время святыхъ и избранныхъ. Въ эти дни горы взыграютъ, какъ овны, и холмы запрыгаютъ, какъ агнцы, насыщенные молокомъ. Всѣ праведники будутъ, какъ ангелы на небѣ: ихъ лица будутъ сіять радостью.

На западѣ Енохъ увидѣлъ глубокую долину: здѣсь живутъ ангелы казней и приготовляютъ орудія Сатаны, предназначенныя для царей и сильныхъ земли: отъ этихъ орудій цари погибнутъ. Потомъ Енохъ видѣлъ другую долину, пылавшую огнемъ: тутъ находились орудія, приготовленныя для наказанія воинства Азазіеля.

3) Третья притча. Въ третьей притчѣ повторяются благословенія праведныхъ, говорится о хранилищахъ молніи и грома, изображается страшное явленіе Ветхаго денми на тронѣ. Наиболѣе интересными частями этой притчи являются тѣ, въ которыхъ передается разсказъ о Левіаѳанѣ и Бегемотѣ, а также нѣкоторыя подробности, которыми изображаются тайны неба.

Въ день суда надъ нечестивыми, — разсказывается въ притчѣ,—выйдутъ пожирать нечестивыхъ два чудовища: одно—мужескаго пола, другое—женскаго. Чудовище женскаго пола называется Левіаѳаномъ: оно обитаетъ во внутренностяхъ моря, въ источникахъ воды. Чудовище мужескаго пола называется Бегемотомъ: оно живетъ въ невидимой пустынѣ Dendagin, на востокѣ отъ сада, гдѣ жили избранные и праведные.

---

[1]) Выраженія „Ветхій денми“ и „Сынъ человѣческій“ заимствованы изъ „Книги пророка Даніила“: „Видѣлъ я, наконецъ, что поставлены были престолы, и возсѣлъ Ветхій днями; одѣяніе на немъ было бѣло, какъ снѣгъ, и волосы главы Его—какъ чистая волна“... (VII, 9). „Видѣлъ я въ ночныхъ видѣніяхъ, вотъ, съ облаками небесными шелъ какъ бы Сынъ человѣческій“... (VII, 13).

Ангелъ, руководившій Енохомъ, показалъ ему, какъ вѣтры и источники дѣлятся по силѣ и полнотѣ на классы, какъ раздѣляются звѣзды, какъ раздѣляются громы по тяжести и силѣ. Всѣми явленіями природы завѣдуютъ духи: есть духи грома и молніи, духи моря, духи инея, града и снѣга, духи облаковъ, свѣта и мрака, духи росы и дождя.

Вторая часть оканчивается изложеніемъ откровенія, переданнаго Енохомъ Ною. Это откровеніе считается позднѣйшей прибавкой.

4) Третья часть. Въ третьей части говорится объ обращеніи небесныхъ свѣтилъ, объ ихъ именахъ и порядкѣ, о времени и мѣстѣ ихъ обращенія, о происхожденіи и дѣйствіи вѣтровъ. Многое изъ того, о чемъ разсказывается здѣсь, представляетъ повтореніе изъ предыдущихъ частей. Но есть и любопытныя новыя подробности.

„Вотъ,—разсказываетъ Енохъ,—первый законъ свѣтилъ. Свѣтило дня, солнце, выходитъ изъ небесныхъ воротъ на востокѣ и заходитъ чрезъ небесныя ворота на западѣ. Я видѣлъ шесть воротъ, изъ которыхъ выходитъ солнце, и шесть воротъ, чрезъ которыя оно заходитъ; чрезъ эти же ворота выходитъ и заходитъ луна. И я видѣлъ эти главныя свѣтила со звѣздами, которыя имъ сопутствуютъ, и шесть ихъ воротъ на востокѣ и шесть воротъ на западѣ. Эти ворота находятся одни подлѣ другихъ, а около нихъ, направо и налѣво, находится много оконъ. Прежде выходитъ то великое свѣтило, которое называется солнцемъ; его орбита равняется орбитѣ неба; все оно состоитъ изъ блестящаго огня и пламени. Вѣтеръ гонитъ колесницу, на которой оно возсѣдаетъ“.

Объяснивъ обращеніе солнца, показавъ происхожденіе, долготу и краткость дней и ночей, продолжительность мѣсяцевъ и года, отмѣтивъ отличіе солнечнаго года отъ луннаго, Енохъ обращается къ лунѣ и къ законамъ ея измѣненія.

„Послѣ этого закона я видѣлъ другой законъ, низшаго свѣтила, которое называется луною и орбита котораго также равняется орбитѣ неба. Также вѣтеръ гонитъ колесницу, на которой луна возсѣдаетъ. Каждый мѣсяцъ измѣняется ея восхожденіе и захожденіе; во время полнаго свѣта она содержитъ въ себѣ семь частей солнечнаго свѣта“.

О происхожденіи вѣтровъ Енохъ говоритъ слѣдующее:

„На предѣлахъ земли я видѣлъ двѣнадцать воротъ для

всѣхъ вѣтровъ, которые выходятъ изъ нихъ въ опредѣленныя времена и распространяются по землѣ: трое изъ нихъ—на востокѣ, трое—на западѣ, трое—на сѣверѣ и трое—на югѣ. Изъ четырехъ воротъ выходятъ вѣтры благодѣтельные, а изъ восьми другихъ—разрушительные: когда послѣдніе дуютъ, то наносятъ вредъ землѣ, водѣ и всему, живущему на нихъ. Первый вѣтеръ выходитъ изъ воротъ на востокѣ, изъ первыхъ воротъ отъ полудня: этотъ вѣтеръ приноситъ разрушеніе, удушливый жаръ, засуху и гибель. Изъ вторыхъ воротъ, находящихся въ серединѣ, выходятъ умѣренные вѣтры, дождь, плодородіе и благораствореніе. Изъ послѣднихъ воротъ, обращенныхъ на сѣверъ, выходятъ стужа и сухость. Потомъ выходятъ южные вѣтры, которые дуютъ чрезъ трое воротъ: чрезъ первыя, обращенныя къ восточной сторонѣ, выходитъ жаркій вѣтеръ, чрезъ среднія—пріятный запахъ, роса и дождь, благораствореніе и жизнь, чрезъ третьи къ востоку—роса, дождь, ржавчина и гибель“...

Ангель Уріилъ, сопровождавшій Еноха и дававшій ему объясненія, сообщилъ ему, что установленный порядокъ природы, по винѣ грѣшниковъ, измѣнится.

„Ихъ сѣмена,—говорилъ Уріилъ,—на поляхъ будутъ пропадать; ничто не будетъ поспѣвать во время; дождь не будетъ сходить съ неба; произведенія земли будутъ вырастать поздно; ни цвѣты, ни плоды не будутъ являться въ свое время. Луна измѣнитъ свой порядокъ; свѣтила, совратившись съ пути своего, будутъ блуждать въ пространствѣ; управляющіе ими ангелы не будутъ заботиться о возвращеніи ихъ на настоящій путь, и всѣ свѣтила возмутятся противъ грѣшниковъ. Помышленія живущихъ на землѣ смятутся, и они развратятся во всѣхъ путяхъ своихъ. Они преступятъ повелѣнія Господни и начнутъ считать себя богами. Зло умножится между ними, и постигнетъ ихъ наказаніе, такъ что они всѣ погибнутъ“.

5) Четвертая часть. Въ четвертой части Енохъ разсказываетъ два сновидѣнія, которыя онъ видѣлъ еще въ молодости.

Первое сновидѣніе касается перваго великаго суда надъ землею.

Енохъ видѣлъ, что небо освѣтилось свѣтомъ, и земля погружалась въ великую бездну; горы вздымались на горы, холмы падали на холмы, высокія деревья низвергались въ пропасть.

Во второмъ сновидѣніи символически излагается ветхо-

завѣтная исторія отъ Адама до Мессіи. Въ подражаніе книгѣ пророка Даніила авторъ представляетъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ дѣянія въ образахъ звѣрей и животныхъ.

6) Пятая часть. Въ пятой части Енохъ даетъ своему сыну Маѳусалу и всему его потомству наставленія въ праведной жизни и предсказываетъ о будущихъ событіяхъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе „Книги Еноха“.

„Книга Еноха“ имѣла большое значеніе въ исторіи еврейско-византійско-болгарскаго міровоззрѣнія.

Во-первыхъ, въ этой книгѣ изложены древне-еврейскія космологическія представленія, сложившіяся подъ вліяніемъ вавилонской космологіи (§ 37). Отсюда почерпали космологическія свѣдѣнія авторы „Завѣтовъ двѣнадцати патріарховъ“ (§ 54), Козьма Индикопловъ, авторъ „Христіанской топографіи“ (§ 106), авторъ „Палеи толковой“ (§ 109).

Во-вторыхъ, въ этой книгѣ даются картины послѣднихъ временъ, страшнаго суда, мученій грѣшниковъ и блаженства праведныхъ. Отсюда почерпали матеріалы новозавѣтные апокрифы эсхатологическаго содержанія: „Апокалипсисъ Петра“ (§ 63), „Хожденіе Богородицы по мукамъ“ (§ 64), „Слово о видѣніи св. апостола Павла“ (§ 65).

Въ древнихъ русскихъ рукописяхъ сохранился отрывокъ изъ „Книги Еноха“. Въ немъ разсказывается, что Енохъ, когда ему было 360 лѣтъ, восходилъ съ ангелами на небо; ангелы показали ему неизмѣримую премудрость Божію, престолъ Божій, ангельское пѣніе и „вся седмь небесъ“. Все видѣнное Енохъ записалъ въ книгу. Сойдя съ неба, Енохъ собралъ дѣтей и людей вообще, сталъ разсказывать имъ „благополучныя словеса“ и приказывалъ сыновьямъ хранить книгу во вѣки. Во время этой бесѣды Богъ навелъ на землю мракъ, который покрылъ всѣхъ людей, окружавшихъ Еноха; явились ангелы, которые вознесли Еноха на „небо вышнее“, гдѣ Господь поставилъ его передъ своимъ лицомъ „на вѣки“.

51. О Ноѣ. По повелѣнію Божію, Ной началъ строить на одной горѣ, тайно отъ людей, ковчегъ. Діаволъ, чтобы узнать, куда скрывается Ной, научилъ жену Ноя Еву приготовить изъ травы, вьющейся около дерева на берегу рѣки, особое питье и напоить имъ Ноя. Ной выпилъ три чашки и сталъ веселъ и разсказалъ женѣ, что онъ уже семь лѣтъ строитъ на горѣ ковчегъ. Явившись послѣ этого на гору, Ной увидѣлъ, что

ковчегъ разрушенъ. Ангелъ, посланный съ неба, сталъ упрекать Ноя за то, что послѣдній не сохранилъ тайны, и указалъ Ною на негніющее дерево немотриклинъ, изъ котораго онъ долженъ построить новый ковчегъ. Черезъ 30 лѣтъ ковчегъ былъ готовъ, и Ной началъ проповѣдывать людямъ покаяніе. Люди не покаялись. Тогда по повелѣнію ангела Ной вошелъ съ семействомъ въ ковчегъ. Въ ковчегъ онъ взялъ и животныхъ. Сдѣлалъ онъ это такъ: взялъ въ руки, по повелѣнію ангела, бильце и сталъ хлопать имъ по дну ковчега; по звукамъ бильца къ нему стали собираться „звѣрье и скоти, и птица, и гади, и прочій народъ отъ четырь конецъ вселенныя мужескъ и женскъ“. Вмѣстѣ съ разными животными хитростью вошелъ и діаволъ. Когда вода покрыла всю землю, діаволъ прератился въ мышь и сталъ грызть дно ковчега, чтобы потопить его обитателей. Ной помолился Богу, и „прыснулъ лютый звѣрь“, изъ ноздрей котораго выскочили котъ и кошка: они напали на мышь и удавили ее. Когда родъ человѣческій, кромѣ Ноя съ семействомъ, погибъ, вода стала убывать, потопъ прекратился, ковчегъ остановился на горахъ Аравитскихъ, и Ной вышелъ изъ ковчега.

52. О Мелхиседекѣ. О Мелхиседекѣ говорится мимоходомъ въ „Книгѣ Бытія“. Когда Авраамъ, поразивъ царя Кедорлаомера, возвращался обратно, ему навстрѣчу вышелъ, между прочимъ, Мелхиседекъ, царь Салимскій, который вынесъ Аврааму хлѣбъ и вино (онъ былъ,—замѣчаетъ Библія,—священникъ Бога Всевышняго) и благословилъ его.

Обстоятельнѣе говорится о Мелхиседекѣ въ неканоническихъ сказаніяхъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны два: 1) „О Мелхиседецѣ“ и 2) „Слово Аѳанасія, архіепископа Александрьскаго, о Мелхиседецѣ“.

1) „О Мелхиседецѣ“. У Нира, сына Ламеха и брата Ноя, была жена Софонимъ. Ниръ и Софонимъ достигли уже старости, а дѣтей у нихъ не было. Однажды, пригласивъ къ себѣ жену побесѣдовать, Ниръ замѣтилъ, что жена его „непраздна“ и находится наканунѣ родовъ. Ниръ сталъ стыдить жену. Софонимъ заявила Ниру, что она невинна и не знаетъ, какъ это могло произойти. Ниръ не повѣрилъ ей и сказалъ ей, чтобы она оставила его домъ. Софонимъ упала къ ногамъ Нира и умерла. Пораженный Ниръ поспѣшилъ къ своему брату Ною и сообщилъ ему о происшедшемъ. Ной пошелъ

съ Иромъ къ мѣсту происшествія и увидѣлъ, что Софонимъ мертва. Тогда они положили Софонимъ на одръ и пошли копать ей могилу. Въ это время „изыдѣ отрокъ изъ мертвы Сооонимы и сѣдяше на одрѣ“. Вернувшись къ тѣлу Софонимъ, Ниръ и Ной замѣтили сидящаго на одрѣ отрока и „одѣяніе на немъ“. „И ужасеся Ной и Ниръ: зѣло бяше же отрокъ свершенъ тѣломъ, глаголаше усты своими, благословя Бога“. Ной сказалъ Иру: „Се—отъ Господа, брате мой, печять святительства на персехъ его, и славенъ взоромъ, и се обновляетъ кровь священия по насъ“. Ной и Ниръ омыли отрока, облекли его въ ризы святительства, дали ему „хлѣбъ благословенъ“ и нарекли ему имя Мелхиседекъ. Послѣ этого Ной и Ниръ омыли тѣло Софонимъ, облекли его въ свѣтлыя одежды и, создавъ прекрасный гробъ, похоронили ее.

Прошло нѣкоторое время. Однажды явился Господь во снѣ Иру и объявилъ о своемъ намѣреніи погубить человѣческій родъ на землѣ. „А о отрочати,—говорилъ Господь,—не печалуй, зане Азъ помале пошлю архистратига моего Михаила, и поимстъ отрока и посадитъ его въ рай Едемстемъ, и не погибнетъ съ погибнущими, и Азъ показахъ и (его), и будетъ ми перѣй перѣемъ въ вѣки, и свящу и (его) и поставлю въ люди велики священма“. Обѣщаніе Господа исполнилось. Однажды, когда Ниръ спалъ, явился архистратигъ Михаилъ и, взявъ на крылья Мелхиседека, унесъ его въ рай.

Повидимому, это сказаніе, или подобное ему, послужило основаніемъ для изображенія Мелхиседека въ новозавѣтной литературѣ и у христіанскихъ богослововъ-мыслителей прообразомъ Христа. Апостолъ Павелъ, указавъ въ „Посланіи къ евреямъ“ (VI, 20), что Христосъ сдѣлался „первосвященникомъ на вѣкъ, по чину Мелхиседека“, такъ говоритъ о Мелхиседекѣ: „Ибо Мелхиседекъ, царь Салима, священникъ Бога Всевышняго, тотъ, который встрѣтилъ Авраама и благословилъ его, возвращающагося послѣ пораженія царей, которому и десятину отдѣлилъ Авраамъ отъ всего, во-первыхъ, по знаменованію имени царь правды, а потомъ и царь Салима, т.-е. царь мира, безъ отца, безъ матери, безъ родословія, не имѣющій ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божію, пребываетъ священникомъ навсегда“ (VII, 1—3).

2) „Слово Аѳанасія архіепископа Александрьскаго, о Мелхиседецѣ“. Въ основу этого слова, приписаннаго св. Аѳанасію Алексан-

дрійскому, легло другое преданіе о Мелхиседекѣ, которое авторъ сопровождаетъ комментаріями въ духѣ апостола Павла.

У царя Мелхи и у царицы Салимы было двое сыновей: старшій, по имени отца,—тоже Мелхи, а младшій—Мелхиседекъ. Царь Мелхи былъ нечистый эллинъ и приносилъ жертвы идоламъ. Однажды царь, собираясь принести жертву богамъ, велѣлъ Мелхиседеку пойти съ отроками въ стадо и доставить семь тельцовъ для жертвы. На пути Мелхиседека осѣнила Божья мысль. Поднявъ очи къ небу, Мелхиседекъ сталъ размышлять о Богѣ и пришелъ къ заключенію, что жертвы слѣдуетъ приносить не идоламъ, а Тому, Кто создалъ небо, землю, море и звѣзды. Придя къ такому заключенію, Мелхиседекъ, вернулся къ отцу, не исполнивъ его приказанія. Отецъ разсердился на Мелхиседека и, приказавъ ему снова идти къ стаду, отправился къ царицѣ и сообщилъ ей, что намѣревается принести въ жертву Мелхиседека. Царица, любившая Мелхиседека больше, чѣмъ его старшаго брата, была поражена и потребовала, чтобы былъ брошенъ жребій между обоими сыновьями. Царь согласился. Жребій палъ на старшаго сына. На жертвоприношеніе собрался весь городъ, въ томъ числѣ 503 отрока, приведенные отцами и матерями. Было также приготовлено для жертвоприношенія множество быковъ и овецъ. Мелхиседекъ отправился на гору Θаворъ и сталъ молиться Богу, чтобы земля поглотила всѣхъ собравшихся на жертвоприношеніе его брата. Богъ услышалъ молитву Мелхиседека: земля разверзлась и поглотила весь городъ, всѣхъ людей, весь родъ Мелхиседека, такъ что не осталось ни одного человѣка. Сойдя съ горы, Мелхиседекъ пошелъ къ городу и, увидѣвъ происшедшее, ужаснулся и вернулся къ горѣ. Онъ вошелъ въ чащу лѣса и сталъ здѣсь жить въ уединеніи, „нагъ, яко отъ рожденія матери его, и хребетъ бысть, яко львина кожа; кормля (пища) же его бѣ вершіе дубное, а въ водѣ мѣсто росу лизаше“.

По прошествіи семи лѣтъ раздался гласъ Господень къ Аврааму: „Осѣдаай сп подъяремникъ и понесп одѣяніе многоцѣнно и, жертвовавъ, взиди на гору Θаворскую, даже възови гласомъ трижды: человѣче Божій!—и изыдетъ ти человѣкъ, акы дивій (дикій), и не възбойся его и остризи и (его) и, обравъ ногты его, и цѣлуй и благословися отъ него“. Аврамъ исполнилъ Божье повелѣніе. Мелхиседекъ, сойдя съ горы, благосло-

вилъ Аврама и сказалъ, что отнынѣ онъ будетъ называться Авраамомъ. Послѣ этого снова раздался гласъ Господа къ Аврааму: „Понеже никто же отъ рода Мелхиседекова осталъ на земли, да того ради будетъ званъ: безъ отца и безъ матере, не родъ славенъ, ни начатка днемъ имѣя, ни животу кончанія, по образу Сына Божія бысть ерѣй въ вѣки, и възлюбихъ, якоже люблю Сына Своего възлюбленнаго, иже есть съхранилъ повелѣнія ми и съхранить я (ихъ) въ вѣкы“. „Тѣмъ же,— замѣчаетъ авторъ слова,—да ся не мнить, яко по естеству нѣсть имѣлъ начатокъ днемъ, но понеже не вѣсть никтоже, къгда ся родилъ, ни родословія его, ни отня, ни матерня; тѣмъ ся наречеть: безъ отца и безъ матере, не родъ славенъ, и понеже есть угодилъ Богу, и есть иерѣй выну“ (всегда).

Когда Авраамъ возвращался послѣ пораженія царя, его встрѣтилъ Мелхиседекъ, который подалъ ему нерастворенную чашу и предложилъ ему и его людямъ отломокъ хлѣба. На этомъ основаніи, — замѣчаетъ авторъ, — Мелхиседекъ уподобляется Сыну Божію, но не по благодати, а потому, что онъ былъ первый „уставникъ“ безсмертной жертвы, „образъ сътворивъ святой просфурѣ“. На этомъ же основаніи говорится: „Ты еси ерѣй въ вѣкы, по чину Мелхиседекову“.

53. Объ Авраамѣ. Объ Авраамѣ существуютъ два сказанія: 1) „Откровеніе Авраама“ и 2) „Смерть Авраама“.

1) **„Откровеніе Авраама“.** Отецъ Авраама, Ѳарра, занимался производствомъ идоловъ, которыми торговалъ. Авраамъ помогалъ отцу въ его занятіяхъ, но при этомъ онъ мучился сомнѣніями о богахъ языческихъ. Онъ не понималъ, какъ можно молиться безжизненнымъ идоламъ, имѣющимъ глаза, но не видящимъ, имѣющимъ уши, но не слышащимъ, имѣющимъ руки, но не осязающимъ, имѣющимъ ноздри, но не обоняющимъ, имѣющимъ уста, но не говорящимъ. Однажды каменный идолъ Марумафъ упалъ на ноги желѣзнаго идола Нахона. Авраамъ вмѣстѣ съ отцомъ стали поднимать Марумафа, и въ это время у него отвалилась голова. Ѳарра разбилъ этого идола и сдѣлалъ изъ другого камня новаго Марумафа и еще пять идоловъ. Продажу этихъ идоловъ Ѳарра поручилъ Аврааму. Авраамъ навьючилъ идолами осла и отправился въ путь. По дорогѣ оселъ испугался верблюдовъ проѣзжихъ сирійскихъ купцовъ и бросился въ сторону: три идола выпали и разбились. Купцы купили у Авраама оставшіеся три идола, причемъ

уплатили ему столько, сколько стоили всѣ шесть идоловъ. Куски разбившихся идоловъ Авраамъ бросилъ въ рѣку. Въ другой разъ Ѳарра велѣлъ Аврааму сварить обѣдъ. Авраамъ собралъ дрова, разложилъ огонь. Около огня онъ положилъ небольшого деревяннаго идола—Варисата, къ которому обратился съ мольбой слѣдить за огнемъ, чтобы онъ не угасъ, а если начнетъ угасать, подуть въ огонь, чтобы онъ снова разгорѣлся, а самъ ушелъ. Когда Авраамъ вернулся къ огню, онъ увидѣлъ, что идолъ Варисатъ лежитъ навзничь у огня, и его ноги обгорѣли.

Всѣ эти явленія съ идолами убѣдили Араама въ томъ, что языческіе боги безсильны, что стихіи природы могущественнѣе ихъ, и что единственный истинный Богъ—тотъ, который „убагри небеса и узлати солнце и усвѣтлова луну и съ нею звѣзды, изсуши землю посреди водъ многъ“ и самого человѣка сдѣлалъ говорящимъ. Авраамъ рѣшился объяснить отцу, насколько онъ безуменъ, почитая идоловъ. Въ то время, какъ Авраамъ убѣждалъ отца, съ неба раздался могучій голосъ, который говорилъ Аврааму: „Бога богамъ, Творца ты ищеши въ умѣ своемъ; изыди отъ Ѳарры, отца своего, и отъ дома изыди, да и не ты убьенъ будеши во грѣсехъ дому отца своего“. За этими словами послѣдовалъ сильный громъ, молнія зажгла домъ Ѳарры и землю, окружавшую его.

Въ „Откровеніи Авраама“ разсказывается также объ извѣстномъ жертвоприношеніи Авраамомъ Исаака, съ слѣдующими подробностями, которыхъ нѣтъ въ Библіи. Во время жертвоприношенія Авраамъ былъ восхищенъ ангеломъ на небо. Здѣсь онъ видѣлъ семь небесъ, огненный престолъ, огненную колесницу, четырехъ огненныхъ животныхъ, Эдемъ, Адама и Еву, которые стояли около дерева и ѣли плодъ, а позади дерева видѣлъ Азезіила, который въ образѣ змѣя искусилъ Еву.

2) „Смерть Авраама“. Приблизилось время смерти Авраама, и Богъ послалъ къ Аврааму съ извѣстіемъ объ этомъ архангела Михаила. Архангелъ явился къ нему въ видѣ странника. Авраамъ такъ радушно принялъ странника, что архангелъ не рѣшился прямо сообщить Аврааму о близкой смерти. Тогда Богъ велѣлъ архангелу возвѣстить о смерти Авраама Исааку во снѣ. Авраамъ покорился Божьей волѣ, но попросилъ Бога, чтобы передъ смертью дано было ему вознестись на небо, чтобы увидѣть всѣ дѣла Божіи. Архангелъ Михаилъ взялъ

Авраама на облака и перенесъ его на рѣку, называемую Окіаномъ. Здѣсь Авраамъ увидѣлъ двое воротъ — малыя и великія. Около воротъ сидѣлъ великій мужъ, который то смѣялся, то плакалъ,—чаще плакалъ. Архангелъ объяснилъ Аврааму, что малыя ворота ведутъ въ жизнь вѣчную, а большія — въ пагубу, что громаднаго роста мужъ — Адамъ, котораго Богъ поставилъ на это мѣсто, чтобы онъ могъ видѣть души всѣхъ своихъ потомковъ: когда онъ видитъ души, которыя ведутъ въ рай, — онъ радуется, когда же ведутъ души на пагубу,—онъ плачетъ. Аврааму самому пришлось увидѣть, какъ ангелы вогнали въ малыя ворота 7 темъ, т.-е. 70.000 душъ.

Отсюда Авраамъ былъ приведенъ на мѣсто судное. Здѣсь онъ увидѣлъ Еноха, который, по порученію Божію, записываетъ грѣхи людей въ книги. Если душа заслуживаетъ помилованія, грѣхи ея, записанныя въ книгу, изглаживаются изъ нея, и душа отправляется въ рай; если же грѣхи ея не изглаживаются, душа идетъ на муки.

Послѣ этого Авраамъ былъ вознесенъ на облакѣ на твердь, откуда онъ увидѣлъ землю и совершаемыя людьми беззаконія. Богъ позволилъ Аврааму произносить судъ надъ грѣшными людьми. Авраамъ сталъ на однихъ низводить огонь, другихъ велѣлъ землѣ проглотить, третьихъ велѣлъ пожрать звѣрямъ. Судъ его былъ такъ строгъ, что Богъ поспѣшилъ распорядиться, чтобы архангелъ поскорѣе вернулъ Авраама на землю.

Но смерть не смѣла приблизиться къ Аврааму, потому что Авраамъ былъ другъ Бога. Тогда Богъ велѣлъ архангелу Михаилу украсить смерть великою красотою и послать ее къ Аврааму. Смерть явилась къ Аврааму, и на настойчивые вопросы Авраама, кто она такая, смерть открылась. Авраамъ хотѣлъ увидѣть смерть въ ея настоящемъ видѣ, и она явилась передъ нимъ со множествомъ „зміевыхъ главъ“. Семь сыновей Авраама, увидѣвшихъ ее, въ тотъ же день умерли, но, по молитвѣ Авраама, они воскресли. Послѣ этого Авраамъ тихо умеръ, точно уснулъ.

54. „Завѣты двѣнадцати патріарховъ“. Въ Библіи есть завѣщаніе Іакова дѣтямъ. Благословляя своихъ дѣтей, Іаковъ отмѣчаетъ характеръ каждаго изъ своихъ сыновей и сообразно этому характеру даетъ предсказанія о будущей судьбѣ каждаго изъ нихъ и его потомства. Соотвѣтственно этому

завѣту Іакова, въ апокрифической литературѣ сложились около 130 г. до Р. Х. „Завѣты двѣнадцати патіарховъ“, которые представляютъ обработку сказаній, существовавшихъ среди евреевъ, о двѣнадцати сыновьяхъ Іакова и ихъ жизни. Въ христіанскую эпоху это произведеніе подверглось дополненіямъ и переработкѣ съ христіанской точки зрѣнія.

Каждый „Завѣтъ“ въ отдѣльности заключаетъ въ себѣ три элемента: историческій, пророческій и нравственный.

Историческій элементъ состоитъ въ повѣствованіи о замѣчательныхъ событіяхъ и происшествіяхъ въ жизни патріарха. Особенно много разсказывается о продажѣ Іосифа, по тому значенію, которое имѣло это событіе для всего семейства Іакова. Много разсказывается также о Левіи и Іудѣ, которые играли столь важную роль въ исторіи еврейства; всѣ патріархи рекомендуютъ въ „Завѣтахъ“ своимъ сыновьямъ особенно почитать Левія и Іуду и повиноваться имъ. Въ частности, „Завѣтъ Іуды“ интересенъ изображеніемъ Іуды и его охотничьихъ и военныхъ подвиговъ. Въ изображеніи автора „Завѣта“ Іуда выступаетъ типомъ древне-еврейскаго богатыря. „Я былъ, — разсказываетъ про себя Іуда, — быстръ и ретивъ въ юности моей, послушливъ отцу во всякомъ словѣ и почтителенъ къ матери и сестрѣ матери моей. И когда я возмужалъ, отецъ мой Іаковъ говорилъ мнѣ: ты будешь царь и благоуспѣшенъ во всемъ. И Господь далъ мнѣ благодать во всѣхъ дѣлахъ моихъ, на полѣ и въ домѣ“. О своихъ охотничьихъ подвигахъ Іуда разсказываетъ такъ: „Увидѣвъ лань, я настигалъ ее и приготовлялъ пищу своему отцу. Быстротою бѣга я превосходилъ дикихъ козъ и ловилъ все, что было въ полѣ. Дикую лошадь я хваталъ и усмирялъ, льва убилъ и вырвалъ козла изъ зубовъ его; медвѣдя, схвативъ за лапы, повергалъ на землю; лѣсного вепря настигъ и растерзалъ его; барсъ въ Хевронѣ схватилъ одну изъ моихъ собакъ, — я напалъ на него и гналъ его до границъ Газы, гдѣ онъ умеръ. Увидѣвъ дикаго вола, пожирающаго ниву, я схватилъ его за рога и, обернувъ кругомъ нѣсколько разъ, убилъ“. Изобразивъ свою силу и храбрость въ войнахъ, Іуда перечисляетъ побѣжденныхъ царей: онъ побѣдилъ двухъ хананейскихъ царей, царя Асура, царя Тафуя и царя Ахора, который былъ великимъ исполиномъ: онъ убилъ этого царя, бросивъ въ него камень въ 60 фунтовъ вѣсу.

Историческій элементъ „Завѣтовъ“ во многихъ мѣстахъ отличается поэтичностью и даже пріобрѣтаетъ романическій характеръ. Таковы, напр., эпизоды, въ которыхъ повѣствуется о семейной жизни Іуды, о его женитьбѣ на Висѣ, объ отношеніяхъ его къ невѣсткѣ Ѳамари, эпизодъ о любви жены Пентефрія къ Іосифу и проч.

Пророческій элементъ въ „Завѣтахъ“ состоитъ изъ ясныхъ предсказаній о Спасителѣ и Новомъ Завѣтѣ. Эта ясность служитъ наглядным доказательствомъ того, что „Завѣты“ были переработаны писателемъ-христіаниномъ.

Нравственный элементъ пріуроченъ къ разнымъ событіямъ изъ жизни патріарховъ и состоитъ въ наставленіяхъ, которыя даются дѣтямъ на основаніи достоинствъ и недостатковъ патріарха, отъ лица котораго дѣлается наставленіе. Такъ, въ „Завѣтѣ“ Рувима говорится о сохраненіи чистоты, въ „Завѣтѣ“ Левія — о священствѣ и противъ гордости, въ „Завѣтѣ“ Іуды — о мужествѣ и противъ скупости, въ „Завѣтѣ“ Завулона — о состраданіи и милосердіи, въ „Завѣтѣ“ Іосифа — о цѣломудріи и братской любви, въ „Завѣтѣ“ Веніамина — о чистотѣ ума и т. д.

55. „Исходъ Моисеевъ“. Фараонъ видитъ сонъ: старикъ держитъ въ рукахъ вѣсы; на одной чашкѣ сидятъ старцы и вельможи египетскіе, а на другой — ягнята. Фараонъ спрашиваетъ у волхвовъ и мудрецовъ, что означаетъ этотъ сонъ. Волхвъ Валаамъ объяснилъ, что среди евреевъ родится ребенокъ, который разоритъ египетское царство, и посовѣтовалъ Фараону повелѣть топить и убивать у евреевъ всѣхъ новорожденныхъ. Ангелы чудесно спасаютъ еврейскихъ дѣтей отъ египтянъ. Слѣдуетъ разсказъ о рожденіи и воспитаніи Моисея, объ испытаніи разума въ Моисеѣ посредствомъ драгоцѣнныхъ камней и горячихъ угольевъ, объ убійствѣ Моисеемъ египтянина и объ осужденіи его на смерть. Архангелъ Михаилъ спасаетъ Моисея отъ смерти и уноситъ его за предѣлы Египта. Моисей приходитъ къ сарацинскому царю Киканосу, который въ это время осаждалъ свою собственную столицу.

Задолго до этого времени Киканосу пришлось отправиться на войну противъ армянъ и персовъ, причемъ охрану столицы царь поручилъ убѣжавшему изъ Египта волхву Валааму и его сыновьямъ — Аносу и Аркину. Валаамъ, въ отсутствіе царя, измѣнилъ ему, возмутилъ противъ него сарацинъ, укрѣпилъ

столицу съ двухъ сторонъ стѣною, съ третьей стороны громадными рвами, а съ четвертой змѣями и скорпіонами, которыхъ собиралъ „шептаніемъ своимъ и потворы“. Когда Киканосъ вернулся съ войны, онъ вынужденъ былъ осадить столицу. Моисей явился къ нему на девятомъ году осады, былъ принятъ съ почетомъ и сталъ у царя „думцей“. Во время осады Киканосъ умираетъ, и войско выбираетъ въ цари Моисея. Моисей при помощи аистовъ, пойманныхъ его воинами, истребилъ змѣй и скорпіоновъ, охранявшихъ столицу, и ворвался въ нее. Валаамъ убѣжалъ съ сыновьями въ Египетъ, а Моисей, женившись на женѣ Киканоса, сталъ царствовать надъ сарацинами. Черезъ сорокъ лѣтъ Моисей уступилъ царство сыну Киканоса, а самъ удалился въ Мадіамъ, къ Іоѳору.

Іоѳоръ, чтобы сдѣлать пріятное сарацинамъ, посадилъ Моисея въ тюрьму. Моисей пробылъ въ тюрьмѣ десять лѣтъ и умеръ бы съ голоду, если бы дочь Іоѳора, Сепѳора, не носила ему тайно отъ отца хлѣба и воды. По освобожденіи изъ тюрьмы Моисей въ саду Іоѳора нашелъ жезлъ, на которомъ было написано имя Господа Саваоѳа, и которымъ онъ впослѣдствіи творилъ чудеса. Онъ женился на дочери Іоѳора и сталъ пасти его стада, увидѣлъ купину Божію и былъ призванъ Богомъ спасти евреевъ отъ порабощенія египетскаго.

Послѣ этого разсказывается о появленіи Моисея и Аарона передъ фараономъ. У воротъ дворца фараона Моисей встрѣтилъ двухъ львовъ, которыхъ усмирилъ своимъ жезломъ. У фараона Моисей состязался съ Валаамомъ въ чудесахъ и побѣдилъ его. Фараонъ отказывается отпустить еврейскій народъ. О казняхъ египетскихъ разсказывается кратко, но въ „Исходѣ Моисеевомъ“ есть подробности, которыхъ нѣтъ въ Библіи; напр., во время тьмы, наведенной на Египетъ, были умерщвлены тѣ евреи, которые не хотѣли покидать Египетъ.

Когда Моисей съ народомъ уходилъ изъ Египта, онъ захватилъ съ собой кости Іосифа, о могилѣ котораго онъ получилъ свѣдѣнія отъ сестры Іосифа, прожившей 400 лѣтъ. На третій день по выходѣ изъ Египта иноплеменники, присоединившіеся къ евреямъ, рѣшили вернуться назадъ, возмутились противъ евреевъ и были побиты. Но нѣкоторые изъ нихъ успѣли убѣжать и извѣстили фараона, что евреи поки-

нули Египетъ навсегда. Во время перехода черезъ Чермное море преслѣдовавшіе евреевъ египтяне погибли; фараонъ спасся, такъ какъ раскаялся и призналъ истиннаго Бога и былъ отведенъ ангеломъ въ Ниневію, въ которой царствовалъ девять лѣтъ.

Далѣе разсказывается о битвахъ съ Сіономъ, царемъ амморейскимъ, Огомъ, царемъ васанскимъ, и мадіамлянами, о законодательствѣ синайскомъ, о созданіи скиніи, о смерти Маріамы и Аарона и, наконецъ, о смерти самого Моисея. Архангелъ Михаилъ похоронилъ Моисея на „нѣкоей горѣ“, причемъ во время погребенія съ архангеломъ спорилъ діаволъ, изъявлявшій притязанія на Моисея за то, что тотъ убилъ египтянина; но Михаилъ помолился Богу, съ неба раздался громъ, блеснула молнія, и діаволъ исчезъ.

56. О Давидѣ и Соломонѣ. Въ сказаніяхъ о Давидѣ разсказывается о томъ, какъ Давидъ писалъ Псалтирь (§ 40) и какъ онъ получилъ „образъ церковный“.

Когда Давидъ началъ писать Псалтирь, онъ не подозрѣвалъ, „откуда идетъ ея разумъ“. Одинъ вельможа хотѣлъ тайно поговорить съ Давидомъ, и Давидъ назначилъ ему явиться къ себѣ ночью. Вельможа явился въ назначенное время и увидѣлъ около писавшаго царя юношу, шептавшаго царю на ухо. Вельможа не рѣшился подойти къ царю и ушелъ изъ дворца. Въ слѣдующую ночь вельможа опять идетъ къ царю, снова видитъ юношу свѣтлѣе солнца, говорящаго на ухо царю, и онъ снова, не рѣшившись подойти къ царю, уходитъ. Утромъ Давидъ гнѣвно спрашиваетъ вельможу, почему онъ не пришелъ въ назначенное время. Вельможа сообщилъ, что онъ уже приходилъ два раза, и объяснилъ, почему не подошелъ къ нему. Давидъ хотѣлъ испытать, правду-ли говоритъ вельможа, и велѣлъ ему снова придти вечеромъ. На вопросъ царя, находится-ли здѣсь человѣкъ, котораго видѣлъ вельможа, послѣдній отвѣтилъ, что опять видѣлъ его огненное лицо. Тогда Давидъ убѣдился, что „разумъ псалтирнаго сложенія“ идетъ отъ ангела Господня. Наконецъ, Давидъ кончилъ Псалтирь. Всѣхъ псалмовъ написано было 365. Давидъ хотѣлъ испытать истину Псалтири. Для этого онъ устроилъ небольшой ковчежецъ, запечаталъ Псалтирь, вложилъ ее въ ковчежецъ, залилъ оловомъ и бросилъ въ море со словами: „Если мое псалтирное составленіе истинно, то пусть выйдетъ ковчежецъ изъ моря

и писаніе въ немъ". Псалтирь оставалась въ морѣ 80 лѣтъ. Однажды уже послѣ смерти Давида Соломонъ бросилъ въ море сѣть и вытащилъ какой-то предметъ, оказавшійся ковчежцемъ. Соломонъ распечаталъ его, и въ немъ оказались псалмы Давида въ числѣ 153. Онъ объявилъ о нихъ міру и положилъ ихъ въ соборной церкви. Впослѣдствіи псалмы затерялись, и только пророкъ Ездра снова собралъ 150 псалмовъ, которые были распредѣлены имъ въ иномъ порядкѣ, чѣмъ они вылились изъ-подъ пера Давида. „И наполнился міръ пѣсней псалтирныхъ".

О томъ, какъ Давидъ получилъ образъ (чертежъ) церковный, апокрифы разсказываютъ такъ. Однажды во время болѣзни душа Давида была восхищена на небо, и ангелы показали ему тамъ „образъ церковный", сказавъ ему, что по такому образцу долженъ быть построенъ храмъ въ Іерусалимѣ. Оправившись отъ болѣзни, Давидъ пропѣлъ псаломъ 83-й и, призвавъ къ себѣ Соломона, разсказалъ ему о видѣніи и сдѣлалъ ему чертежъ по образцу небеснаго храма. Этотъ чертежъ Соломонъ всегда хранилъ при себѣ. По смерти Давида къ Соломону пришелъ ангелъ, который далъ ему на правую руку знаменіе, страшное и утаенное отъ всѣхъ людей (вѣроятно, чудесный перстень, при помощи котораго Соломонъ, по еврейскимъ преданіямъ, управлялъ духами при построеніи храма). Соломонъ началъ строить храмъ. Черезъ 46 лѣтъ онъ былъ оконченъ, и Соломонъ захотѣлъ испытать, не трудился-ли онъ безъ разума. Онъ сдѣлалъ изъ желѣза, серебра и золота двухъ орловъ на подобіе херувима и сталъ просить Бога, чтобы онъ явилъ ему „знаменіе" и вложилъ въ этихъ птицъ „духъ". Въ птицъ вошелъ „духъ": онѣ задвигали крыльями и покрывались ими. Соломонъ прославилъ Бога и укрѣпилъ своихъ людей.

57. О Соломонѣ. Особенно много сказаній породила среди евреевъ личность Соломона. Эти сказанія распредѣляются на слѣдующія группы: 1) Суды Соломона, 2) Сказанія о царицѣ Южской и 3) Повѣсти о Соломонѣ и Китоврасѣ.

1) **Суды Соломона.** Нѣкто, умирая, призвалъ къ себѣ сыновей и сказалъ имъ, что въ землѣ на такомъ-то мѣстѣ зарыты три сосуда съ сокровищами; по смерти его старшій сынъ долженъ взять себѣ то, что находится въ верхнемъ сосудѣ, средній—въ среднемъ, а младшій въ нижнемъ. Когда по смерти отца сыновья его вырыли сокровище, то оказалось, что верхній сосудъ наполненъ золотомъ, средній костями, а

нижній землею. Братья заспорили и обратились за разрѣшеніемъ спора къ Соломону. Соломонъ нашелъ поступокъ отца мудрымъ, такъ какъ онъ правильно раздѣлилъ имѣніе: „Золото должно принадлежать старшему; среднему, которому назначены кости,—богатство, состоящее въ скотѣ и рабахъ, а младшему, которому досталась земля,—поля, виноградники и прочее имѣніе“.

У одного человѣка было шесть сыновей и одна дочь. Умирая, онъ завѣщалъ свое золото дочери, а остальное имущество—старшему сыну. По смерти отца обдѣленные сыновья потребовали отъ старшаго равнаго раздѣла имущества между всѣми. Когда старшій отказался, они обратились къ Соломону. Соломонъ сказалъ имъ: „Не могу разсудить васъ, пока вы не принесете мнѣ правую руку отца: посмотрѣвъ на нее, я узнаю, какъ рѣшить вашъ споръ“. Сыновья отправились къ могилѣ. Когда братья стали раскапывать могилу, старшій началъ умолять, чтобы они этого не дѣлали, что онъ готовъ раздѣлить имѣніе поровну. За происходившимъ у могилы тайно слѣдили люди, посланные Соломономъ. Они донесли ему о происшедшемъ. Когда сыновья опять явились къ Соломону, послѣдній сказалъ имъ: „Изъ того, что вы хотѣли раскопать могилу отца, я вижу, что вы—не его дѣти, что настоящій сынъ только тотъ, кто не позволилъ раскопать могилу: ему одному и должно принадлежать имѣніе“.

Дарій, царь персидскій, состязается съ Соломономъ загадками. Дарій обѣщалъ Соломону „три кади“ серебра, если онъ отгадаетъ слѣдующую загадку: „Стоитъ щитъ, а на щитѣ заяцъ, и прилетѣлъ соколъ, взялъ заяцъ, и ту сѣдѣ сова“. Соломонъ при помощи одноглазаго бѣса отгадываетъ: „Щитъ—земля, а на щитѣ заяцъ—правда, а иже взя соколъ заяцъ, то взялъ ангелъ правду на небо, и ту сѣдѣ сова, сирѣчь кривда; правда же бысть взята на небо, а на земли осталась кривда“.

2) Сказанія о царицѣ Южской. Царица Южская (Савская) и Соломонъ испытываютъ другъ друга загадками. Соломонъ спрашиваетъ царицу, мясо какихъ звѣрей или птицъ она хочетъ ѣсть. Царица отвѣчаетъ: мясо такихъ звѣрей, которые ночами летаютъ между небомъ и землей, имѣютъ костяныя крылья, не смотрятъ на небо и не имѣютъ голоса. Соломонъ догадался, что царица хочетъ осетрины, и велѣлъ своимъ поварамъ приготовить ей это блюдо.

Въ другой разъ царица привела къ Соломону мальчиковъ и дѣвочекъ, одѣтыхъ въ одинаковыя платья, и просила указать, которые изъ нихъ—мальчики, и которыя—дѣвочки. Соломонъ велѣлъ имъ умываться. Мальчики стали умываться быстро и энергично, а дѣвочки—„тихо и нѣжно“. Въ другой разъ эту же самую загадку Соломонъ разгадалъ такимъ образомъ: велѣлъ принести орѣховъ и разсыпать передъ ними: мальчики бросились собирать орѣхи въ полы, а дѣвочки—въ рукава.

Царица задавала еще Соломону слѣдующія загадки: „Если соль загніетъ, чѣмъ ее исправить“? Соломонъ отвѣчалъ: „лошадинымъ рогомъ“.—„А когда у лошади бываетъ рогъ“? спрашиваетъ царица. — „А когда соль гніетъ“? спрашиваетъ Соломонъ.

Другая загадка въ этомъ же родѣ: „Если на нивѣ вырастутъ ножи, чѣмъ ихъ можно сжать“?—„Ослинымъ рогомъ“, отвѣчаетъ Соломонъ. — „А гдѣ у осла рога“? возражаетъ царица.—„А гдѣ нива выращиваетъ ножи“? спрашиваетъ Соломонъ.

3) Повѣсти о Соломонѣ и Китоврасѣ. Повѣсти о Соломонѣ и Китоврасѣ выработались изъ сказаній о построеніи Соломономъ храма.

Соломонъ обратился къ своимъ мудрецамъ за совѣтомъ о томъ, какъ обтесывать камни такъ, чтобы при строеніи храма не производилось никакого шума. Мудрецы указали ему, что существуетъ червякъ шамиръ (слово еврейское, означающее алмазъ), при помощи котораго Моисей обтесывалъ скрижали для закона. Соломонъ, по совѣту мудрецовъ, призвалъ демоновъ, которые сообщили, что открыть, гдѣ находится этотъ червякъ, можетъ только ихъ князь Китоврасъ (повидимому, соотвѣтствуетъ греческому Кентавру), или, какъ называется этотъ князь въ еврейскихъ преданіяхъ,—Асмодей. Демоны указали, какъ можно добыть Китовраса. Китоврасъ ежедневно поднимается на небо для представленія Богу; оттуда онъ спускается на землю около одной горы, гдѣ находится колодецъ; изъ этого колодца онъ пьетъ воду, закрываетъ его камнемъ и запечатываетъ перстнемъ. Демоны посовѣтовали Соломону послать къ этому мѣсту одного изъ вельможъ съ цѣпью и желѣзными узами, на которыхъ вырѣзано имя Божье, съ связкой шерсти и мѣхами, наполненными виномъ. Вельможа вычерпалъ изъ стараго колодца всю воду, отверстіе задѣлалъ

шерстью и засыпалъ пескомъ, а недалеко отъ него выкопалъ новый колодецъ, который наполнилъ виномъ. Сойдя въ обычное время съ неба Китоврасъ подошелъ къ колодцу, напился вина, опьянѣлъ и уснулъ. Вельможа воспользовался его сномъ и надѣлъ на него цѣпи со словами: „Имя Господа твоего да будетъ надъ тобой“! Китоврасъ безъ сопротивленія пошелъ за вельможей.

На пути Китоврасъ увидѣлъ человѣка, покупавшаго себѣ башмаки на семь лѣтъ, и посмѣялся надъ нимъ; увидѣвъ другого человѣка, который ворожилъ, онъ тоже посмѣялся; встрѣтивъ свадьбу, заплакалъ; встрѣтивъ пьянаго, сбившагося съ дороги, Китоврасъ указалъ ему дорогу. Соломонъ, удивленный такими поступками Китовраса, спросилъ его, что они означаютъ. Китоврасъ объяснилъ, что надъ покупавшимъ на семь лѣтъ башмаки онъ смѣялся потому, что ему предстоитъ черезъ семь дней умереть; надъ ворожившимъ человѣкомъ онъ посмѣялся потому, что тотъ не догадывался, что на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, зарыто золото; надъ свадьбой онъ плакалъ потому, что женившійся не проживетъ и мѣсяца; а заблудившагося пьянаго направилъ на путь потому, что онъ—хорошій человѣкъ.

Китоврасъ научилъ Соломона, какъ добыть камень (червяка, по другимъ сказаніямъ) шамиръ, которымъ можно безъ шума обдѣлывать камень. Для этого Соломонъ положилъ на гнѣздо ворона, въ которомъ находились яйца, хрустальную пластинку. Когда воронъ прилетѣлъ въ гнѣздо, онъ пытался разбить хрусталь; но такъ какъ ему это не удалось, то онъ улетѣлъ и черезъ нѣсколько часовъ вернулся съ камнемъ въ клювѣ. Едва онъ прикоснулся этимъ камнемъ къ пластинкѣ, какъ она раскололась. Воронъ указалъ Соломону, что такіе камни находятся на краю востока, на высокой горѣ. Оттуда Соломонъ досталъ много такихъ камней, роздалъ ихъ работникамъ, и съ этого времени работа производилась безъ шума.

Отъ Китовраса пришлось Соломону и пострадать. Соломонъ однажды похвастался передъ Китоврасомъ своей силой. Китоврасъ предложилъ ему испытать и его силу, для чего просилъ снять съ него цѣпи и дать ему перстень. Соломонъ согласился. Китоврасъ проглотилъ перстень, ударилъ Соломона своимъ крыломъ и перебросилъ его на конецъ вселенной, а самъ сталъ управлять государствомъ вмѣсто Соломона. Соло-

монъ пошелъ странствовать по всей землѣ, питаясь милостынней. По однимъ сказаніямъ, Соломонъ до конца жизни былъ бѣднымъ странникомъ, а по другимъ—онъ возвратился въ Іерусалимъ и снова вернулъ себѣ престолъ.

Апокрифы о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ.

58. Апокрифы о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Къ новозавѣтнымъ апокрифамъ относятся слѣдующіе: 1) „Евангелія“ апокрифическія, 2) „Сказаніе Аѳродитіана“, 3) „Преніе Іисуса Христа съ діаволомъ“, 4) „Слово Адама во адѣ къ Лазарю“, 5) „Апокалипсисъ Петра“, 6) „Хожденіе Богородицы по мукамъ“, 7) „Слово о видѣніи св. апостола Павла“, 8) „Вопросы Іоанна Богослова ко Господу на горѣ Ѳаворской“, 9) „Бесѣда трехъ святителей“, 10) „Сказаніе о двѣнадцати пятницахъ“, 11) „Слово св. отца Пахомія о средѣ и пяткѣ“, 12) „Эпистолія о недѣлѣ“, 13) „Сказаніе о свѣтлой недѣлѣ“.

59. Апокрифическія „Евангелія“. Изъ семи апокрифическихъ евангелій, имѣвшихся въ греческой, латинской и восточной литературахъ, у насъ были болѣе извѣстны три: Іакова, Ѳомы и Никодима.

1) „Первоевангеліе Іакова“. „Первоевангеліе Іакова“ начинается благовѣстіемъ Іоакиму и Аннѣ о рожденіи Маріи; далѣе, въ немъ разсказывается о рожденіи и жизни Дѣвы Маріи, и о рождествѣ Христа. Евангеліе заканчивается разсказомъ о Вѳлеемскомъ избіеніи.

Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ, излагаемыхъ въ этомъ Евангеліи, любопытны слѣдующіе.

Анна, жена Іоакима, такъ оплакиваетъ свое безплодіе: „Люто мнѣ! Кому уподобихся азъ и не уподобихся азъ? Птицамъ небеснымъ, яко птицы небесныя плодовиты предъ Тобою, Господи. Люто мнѣ! Кому уподобихся азъ? Ни звѣремъ земнымъ, яко звѣріе земніи плодовиты суть передъ Тобою, Господи: Кому уподобихся азъ? Земли сей, яко и земля приноситъ плоды своя на всякое время и Тя благословляетъ, Господи“.

У Іоакима и Анны долго не было дѣтей. Наконецъ, подъ старость, у нихъ родилась дочь Марія, которая была посвящена Богу. Марія была введена во храмъ, гдѣ и стала пре-

бывать. Она принимала пищу „отъ руки ангеловы“; посредствомъ жезловъ былъ выбранъ ей женихъ: изъ жезла вышелъ голубь и полетѣлъ на голову Іосифа.

У колодца, изъ котораго Марія носила воду, она впервые слышитъ гласъ архангела: „Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ!“ Возвратившись домой, она видитъ самого ангела, который возвѣщаетъ ей о предстоящемъ рожденіи Спасителя. Изображаются смущеніе Іосифа и Маріи, испытаніе ихъ священниками храма при посредствѣ „воды обличенія“ и вообще отношенія окружающихъ. Когда Маріи пришло время родить, Іосифъ отправляется искать повивальную бабку. Въ это время все въ природѣ замираетъ: птицы молчатъ, овцы не ѣдятъ и не двигаются, пастухъ поднялъ свою руку съ жезломъ, и рука замерла въ воздухѣ; козлы приложились къ потоку, чтобы пить, и не пьютъ.

Елисавета съ младенцемъ чудесно спасается отъ преслѣдованій Ирода въ горѣ, которая разверзается и скрываетъ ее.

„Первоевангеліе Іова“ было извѣстно уже въ половинѣ II в.

2) „**Евангеліе Ѳомы**“. Въ этомъ Евангеліи съ особенною подробностью разсказывается о дѣтствѣ Христа. Евангеліе начинается такъ: „Я, Ѳома, избранный израильтянинъ, возвѣщаю всѣмъ народамъ, что я знаю о дѣтствѣ Іисуса, родившагося въ Виѳлеемѣ Назаретскомъ“.

Ѳома разсказываетъ, что юный Іисусъ лѣпилъ изъ грязи птицъ, которыя чудесно оживали и летали. Разгнѣвавшись на дерзкихъ сверстниковъ, Іисусъ наказалъ ихъ словомъ: одинъ, подвергнутый проклятію, зачахъ, другой упалъ и умеръ, преслѣдовавшіе Іисуса ослѣпли и т. д.

Іосифа упрекаютъ сосѣди за шалости Іисуса; воспитатель хватаетъ Іисуса за ухо. Когда учитель бьетъ Іисуса по головѣ, Іисусъ стыдитъ его своею мудростью и всевѣдѣніемъ.

Іисусъ воскрешаетъ своего сотоварища, упавшаго съ крыши и убившагося. Онъ помогаетъ Іосифу въ работахъ: засѣваетъ ниву, вытягиваетъ короткое бревно. Въ школахъ онъ отличался своими знаніями и развитіемъ. Онъ словомъ разрушалъ и поднималъ зданія, лѣчилъ отъ укушенія ехидны, воскрешалъ мертвыхъ.

Въ этомъ Евангеліи Христосъ изображается съ рѣзкимъ, суровымъ характеромъ. Вѣроятно, по этой причинѣ „Евангеліе Ѳомы“ у насъ было менѣе популярно, чѣмъ другія два.

3) „Никодимово евангеліе". „Никодимово евангеліе" имѣетъ двѣ редакціи: одна, краткая, разсказываетъ объ осужденіи Христа на смерть и его воскресеніи; другая, полная, присоединяетъ къ этому разсказъ о сошествіи Христа въ адъ. Къ этому Евангелію присоединяется еще „Посланіе Пилата къ Тиверію кесарю".

Разсказывая о судѣ надъ Христомъ, „Никодимово евангеліе" сообщаетъ, что, когда Христосъ былъ введенъ въ палаты къ Пилату, то стоявшіе тамъ „боги демонскіе" преклонились передъ нимъ. Іудеи, увидѣвшіе чудо, закричали, что это люди, державшіе боговъ, наклонили ихъ. Пилатъ призвалъ людей, „державшихъ боговъ", на допросъ. Люди сообщили Пилату, что они — греки, и у нихъ не было никакого повода наклонять боговъ. Тогда Пилатъ велѣлъ старѣйшинамъ іудейскимъ выбрать изъ своей среды наиболѣе сильныхъ и поставить ихъ у идоловъ. Когда Христа ввели второй разъ къ Пилату, чудо повторилось: боги пали и поклонились ему до земли.

Пилатъ видѣлъ невинность Христа, но ничего не могъ сдѣлать съ іудеями и уступилъ имъ, „измывъ руки свои передъ солнцемъ". Пилатъ и его жена, услышавъ о распятіи Христа и о чудесахъ, которыми оно сопровождалось, отъ скорби не могли въ тотъ день ни ѣсть, ни пить.

Въ „Посланіи Пилата" подробно излагаются чудеса, которыми сопровождалась смерть Христа. Между прочимъ, сообщается, что „въ одну субботу ночью былъ съ неба великій шумъ, и все небо было въ семь разъ яснѣе и свѣтлѣе всѣхъ дней, а отъ третьяго часу ночью возсіяло солнце, какъ никогда не бывало, и освѣтило всюду, и все небо просвѣтилось, какъ молнія, внезапно пришедшая зимою. И нѣкіе высокіе мужи въ великолѣпныхъ одеждахъ и въ неисповѣдимой славѣ являлись въ великомъ множествѣ, восклицая: распятый Христосъ воскресъ! И голосъ ихъ слышался, какъ громовое величіе: слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, выйдите изъ ада порабощенные въ преисподней! Отъ голоса же ихъ горы и холмы земные колебались, камни разсѣлись, и на землѣ явились великія пропасти... и многія тѣла умершихъ воскресли, и все множество воспѣвало великимъ голосомъ: воскресъ изъ мертвыхъ Христосъ и, воскресивъ всѣхъ мертвыхъ, оживилъ и, разрушивъ адъ, умертвилъ... Всю ночь свѣтъ не переставалъ. Изъ іудеевъ же многіе умерли, такъ что и тѣла ихъ

не явились. И одержимый страхомъ и лютымъ трепетомъ, видѣвши то, что происходило въ это время, я написалъ и возвѣстилъ вашей державѣ, изложивъ содѣянное іудеями на Іисуса".

О Пилатѣ „Никодимово евангеліе" разсказываетъ, что римскій императоръ осудилъ его на смерть. Идя на казнь, онъ раскаялся и молился. По окончаніи молитвы съ неба раздался голосъ, извѣщавшій ему прощеніе: „... тобою совершились пророческія пророченія обо мнѣ, и ты будешь свидѣтелемъ во второмъ моемъ пришествіи, когда буду судить живыхъ и мертвыхъ". Голова Пилата взята была ангеломъ на небо.

Вторая часть пространной редакціи „Никодимова евангелія", повѣствующая о сошествіи Христа въ адъ, извѣстна была у насъ по „словамъ", которыя ложно приписывались Епифанію Кипрскому и Евсевію Александрійскому.

„Слово въ великую субботу о погребеніи тѣла Спасителя" Епифанія Кипрскаго разсказываетъ о томъ, какъ находившіеся въ аду ветхозавѣтные патріархи и пророки молились Богу объ избавленіи. Тогда послышался голосъ: „Возьмитесь, врата вѣчныя"! Всѣ основанія ада поколебались, адскія силы въ ужасѣ бросились во всѣ стороны; а силы Божіи разрушали адъ: раскапывали основанія ада, вязали мучителей, освобождали узниковъ. Адамъ услышалъ приближеніе Спасителя и обратился къ заключеннымъ съ слѣдующими словами: „Я слышу, что нѣкто идетъ къ намъ, и если тотъ воистину соизволилъ придти сюда, то мы освободимся отъ узъ, и если воистину увидимъ его съ нами, то избавимся отъ ада". Въ это время входитъ Христосъ съ побѣднымъ оружіемъ въ рукахъ, съ крестомъ. Адамъ въ ужасѣ ударилъ себя въ грудь и привѣтствовалъ Христа, а Христосъ, взявъ его за руку, воскресилъ со словами: „Возстань, спящій! Я—Богъ твой; ради тебя бывшій сыномъ тебѣ, и нынѣ говорю: повелѣваю связаннымъ — выходите, и находящимся во тьмѣ—просвѣтитесь, и лежащимъ—возстаньте! А тебѣ повелѣваю: возстань, спящій, потому что не для того я тебя сотворилъ, чтобы ты былъ связанъ въ аду; воскресни изъ мертвыхъ, потому что я — жизнь человѣкамъ и воскресеніе".

„Слово въ великую пятницу" Евсевія Александрійскаго представляетъ событія, изложенныя въ „Никодимовомъ евангеліи", въ трехъ отдѣлахъ: 1) ожиданіе находившимися въ аду ветхозавѣтными праведниками искупленія и сошествіе въ адъ

Іоанна Предтечи, 2) предательство Іуды и козни адскихъ силъ и 3) сошествіе въ адъ Спасителя, разрушеніе ада и изведеніе изъ него праведниковъ.

Эти три евангелія, особенно первое и третье, пользовались большой популярностью не только среди мірянъ, но и въ духовенствѣ, на Востокѣ, на Западѣ и на Руси. Своими повѣствованіями они оказали большое вліяніе на культъ христіанскій и на живопись: въ каноническихъ евангеліяхъ нѣтъ указаній на такое событіе, какъ введеніе Дѣвы Маріи во храмъ, а въ „Первоевангеліи Іакова“ о немъ есть разсказъ, и церковь празднуетъ это событіе до сихъ поръ; далѣе, пасхальная пѣснь о сошествіи Христа въ адъ основана на повѣствованіи „Никодимова евангелія“; воскресеніе Христа въ древности изображалось въ видѣ сошествія Христа во адъ, и т. д.

60. „Сказаніе Аѳродитіана о чудѣ въ Персидской землѣ“. Въ Персіи была знаменитая кумирница, наполненная золотыми и серебряными идолами. Однажды пришелъ въ кумирницу царь, чтобы узнать у жрецовъ смыслъ увидѣннаго имъ сна. Жрецъ Прупъ сообщилъ царю, что въ прошлую ночь всѣ идолы ликовали и говорили, что „Ира съ этого времени наречется Ураніей (небесной), потому что ее возлюбило великое солнце, что она обѣщана за древодѣля: имя ей Марія“. Вечеромъ царь самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ идолы начали пѣть и играть. Царь ужаснулся и хотѣлъ уйти. Въ это время вдругъ раскрылась кровля кумирницы, въ нее вошла свѣтлая звѣзда и стала надъ кумиромъ источника. Всѣ кумиры пали ницъ, кромѣ идола источника. Жрецы объявили царю, что почитанію боговъ наступаетъ конецъ, что въ Іерусалимѣ родился сынъ Вседержителя и что необходимо послать въ Іерусалимъ пословъ. Царь немедленно отправилъ волхвовъ. Едва они отправились въ путь, какъ двинулась и звѣзда и стала показывать имъ путь. Звѣзда привела ихъ въ вертепъ, гдѣ находилась Дѣва Марія съ младенцемъ. Мать Христа была высокаго роста, съ кругловатымъ лицомъ, смуглаго цвѣта; Христосъ сидѣлъ и имѣлъ на видъ второй годъ отъ роду; своею наружностью онъ напоминалъ мать. Волхвы поклонились младенцу, дали ему злато, ливанъ и смирну, „отроча же смѣяшеся и плескаше“. Сказаніе оканчивается появленіемъ ангела, который запрещаетъ волхвамъ возвращаться къ Ироду. Вернувшись на родину, волхвы принесли съ собою изображеніе

Дѣвы Маріи и Христа и помѣстили это изображеніе въ кумирницѣ.

61. „Преніе Іисуса Христа съ діаволомъ“. Испытывая Христа, діаволъ спрашиваетъ Его, откуда Онъ. Христосъ отвѣчаетъ, что съ небесъ. „Иди ты на небо,—говоритъ ему діаволъ,—сядь на свой престолъ: небеса—твои, а земля—моя“. Христосъ говоритъ дьяволу, что пришелъ погубить его и ангеловъ его, и свѣтильники его, и дѣла его (разбой, татьба, зависть, волхвованіе и пр.). Діаволъ спрашиваетъ, что сдѣлаетъ Христосъ съ человѣкомъ, который будетъ творить дѣла діавола. Христосъ отвѣчаетъ, что тому человѣку, который будетъ творить эти дѣла 50 лѣтъ и 3 года, а потомъ покается, накормитъ странника, помилуетъ нищаго, — тому пошлетъ блаженную смерть; если же человѣкъ и по прошествіи 53 лѣтъ не покается, Христосъ пошлетъ ему лютую смерть.

Діаволъ тогда вошелъ на гору, собралъ всѣхъ бѣсовъ, сообщилъ имъ объ опасности, угрожающей имъ отъ Христа, и велѣлъ собраться съ силами. Вдругъ отъ множества бѣсовъ поднялся „прахъ на 12 поприщъ“, затряслись горы, заметались глубины. Испугались ученики Христа; апостолъ Петръ бросился даже бѣжать отъ Христа. Но Христосъ успокоилъ учениковъ, напомнилъ имъ, какъ Отецъ и Онъ низвергли діавола съ неба. Затѣмъ Христосъ велѣлъ облакамъ сойти на землю; діаволъ былъ схваченъ и повѣшенъ „стремглавъ за пяты“. Діаволъ сталъ угрожать Христу тѣмъ, что войдетъ въ сердце Анны и Каіафы и внушитъ имъ распять его. Христосъ отвѣтилъ, что онъ будетъ дѣйствительно пригвожденъ ко кресту, но люди будутъ потомъ кресту же поклоняться. „Если бы я зналъ,—сказалъ діаволъ,—гдѣ ты родился, я погубилъ бы тебя и матерь твою“. Христосъ велѣлъ землѣ разверстись на триста локтей. Діаволъ началъ молить Христа не губить его. Христосъ успокоилъ его: „Не бойся, не погублю тебя, но повелю тебѣ царствовать три лѣта, при кончинѣ міра. Послѣ того совьются небеса, какъ свитокъ, земля разгорится, какъ желѣзо: тогда погублю тебя“.

62. „Слово Адама во адѣ къ Лазарю“. Въ „Словѣ Адама“ разсказывается о томъ, что происходило въ аду наканунѣ сошествія Христа въ адъ. Въ аду находились Адамъ, всѣ патріархи и пророки. Адамъ говоритъ: „Воспоемъ нынѣ, отложимъ плачъ и утѣшимся. Ударь, Давидъ, въ гусли и воз-

ложи свои персты на живыя струны! Насталъ день спасенія: я слышу пастырей, свиряющихъ (играющихъ на свирѣли) у вертепа, и голосъ ихъ проходитъ чрезъ врата ада; слышу топотъ коней персскихъ: волхвы отъ своихъ царей несуть дары Царю небесному, нынѣ на землѣ родившемуся. Этого дня многіе ждали. Пріидите всѣ праведные и пророки, пошлемъ вѣсть о себѣ ко Владыкѣ Христу со слезами и вопросимъ, хощетъ ли онъ избавить насъ отъ этой муки". Исаія и Іеремія сказали: „Кто можетъ отъ насъ донести туда вѣсть? Врата ада—мѣдныя, вереи—желѣзныя, замки—каменные, все твердо запечатано". Давидъ сказалъ: „Вотъ заутра пойдетъ отъ насъ Лазарь четверодневный, другъ Христовъ: онъ донесетъ отъ насъ вѣсть къ нему". Адамъ, съ воплемъ и ударяя себя по лицу, проситъ Лазаря: „Повѣдай отъ меня Владыцѣ: для того ли, Господи, создалъ меня, чтобы на короткій вѣкъ быть на землѣ, и осудить меня многіе годы мучиться въ аду? Для того ли я наполнилъ землю? Вотъ, возлюбленные внуки мои во тьмѣ сидятъ, во днѣ адовомъ, мучимы отъ Сатаны. На малый часъ я былъ царемъ всѣхъ тварей Божіихъ, а нынѣ на многіе дни сдѣлался рабомъ ада и плѣнникомъ его бѣсовъ. Если я согрѣшилъ, Господи, паче всѣхъ человѣкъ, то по дѣламъ моимъ ты воздалъ сію муку. Не жалуюсь, Господи, но и я по твоему образу созданъ, а нынѣ діаволъ ругается надо мною. Здѣсь въ аду мучится твой другъ, первый патріархъ Авраамъ, который ради тебя хотѣлъ заклать сына своего Исаака и которому ты, Господи, сказалъ: благословятся о тебѣ вся колѣна земная. Въ чемъ онъ согрѣшилъ"? Адамъ указываетъ на Ноя, Моисея, Давида, Іоанна Крестителя, на пророка Илію и Еноха, которые угодили Богу и ждутъ спасенія: „Приди по насъ, Господи, вскорѣ: избави насъ отъ ада и свяжи діавола!" „Слово Адама" на этомъ прерывается.

Въ „Словѣ въ субботу шестую на воскресенье друга Божьяго Лазаря" разсказывается о томъ, что Лазарь, вернувшись на землю послѣ своего воскресенія, исполнилъ просьбу Адама.

63. „Апокалипсисъ Петра". „Апокалипсисъ Петра", ученика Христа, дошедшій до насъ на греческомъ языкѣ, и притомъ въ отрывкахъ, изображаетъ состояніе праведниковъ и грѣшниковъ въ загробномъ мірѣ.

Ученики просятъ Христа показать имъ кого-либо изъ умершихъ праведниковъ. Христосъ исполняетъ ихъ желаніе.

Ученики внезапно видятъ двухъ мужей необыкновенной красоты: лицо ихъ сіяло, какъ солнце; одежды ихъ были необыкновенно свѣтлы; тѣла ихъ были бѣлѣе снѣга и краснѣе розы; волосы ихъ, кудрявые и блестящіе, обрамляли ихъ лицо и плечи, какъ вѣнецъ, сплетенный изъ лепестковъ нарда и пестрыхъ цвѣтовъ.

Апостолъ Петръ удостоился видѣть рай, гдѣ обитаютъ праведные: это—обширное пространство за предѣлами земли, преисполненное сіяющимъ свѣтомъ, усѣянное неувядающими цвѣтами, наполненное ароматами, усѣянное цвѣтущими растеніями съ необыковенными плодами. Обитатели этого мѣста носятъ одежду ангеловъ свѣта, которые сами находятся тутъ же.

Противъ рая находится адъ. Это, въ отличіе отъ рая — мѣсто, преисполненное мрака. Въ немъ мучатся грѣшники, одѣтые въ черныя одежды, такія же, какія носятъ карающіе ангелы. Грѣшники, поносившіе путь справедливости, повѣшены за языкъ; подъ ними горитъ огонь. Лжеучители, люди, извращавшіе истину, плаваютъ въ озерѣ изъ кипящей грязи, и немилостивые ангелы подвергаютъ ихъ пыткамъ. Надъ кипящей грязью висятъ повѣшенныя за волосы жены, нарушившія супружескую вѣрность, а мужчины, съ которыми онѣ согрѣшили, привязанные за ноги, погружены головой въ кипящую грязь. Убійцы и ихъ соучастники брошены въ пропасть, гдѣ ихъ преслѣдуютъ и гложутъ тучами безжалостные черви. Въ другомъ озерѣ, состоящемъ изъ крови и нечистотъ грѣшниковъ, сидятъ женщины, у которыхъ дѣти родились раньше времени; ихъ дѣти, сидя противъ своихъ матерей плачутъ; огненные лучи исходятъ изъ глазъ дѣтей и опаляютъ матерей. Въ пламени стоятъ до половины тѣла гонители и предатели праведныхъ: ихъ внутренности пожираютъ черви, карающіе ангелы бичуютъ ихъ. Грѣшники, хулившіе пути справедливости, отъ невыносимыхъ страданій грызутъ себѣ губы; въ ихъ глаза льется расплавленное желѣзо. У лжесвидѣтелей пылаетъ во рту огонь, и они кусаютъ себѣ языкъ. Богачи, отличавшіеся жестокосердіемъ, катаются на грудѣ остроконечныхъ кремней. Ростовщики, дававшіе деньги за проценты и требовавшіе проценты на проценты, стоятъ въ кипящемъ озерѣ изъ гноя, грязи и крови. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ пылалъ огонь, стояли идолопоклонники. Недалеко отъ нихъ огненными бичами били

другъ друга люди, предававшіеся гнѣву. Людей, оставившихъ пути Божіи, жгутъ, мучатъ и жарятъ на сковородахъ.

64. „Хожденіе Богородицы по мукамъ“. „Хожденіе Богородицы по мукамъ“ — переводъ греческаго апокрифа, извѣстнаго подъ заглавіемъ „Откровеніе Пресвятой Богородицы“. Содержаніе „хожденія“ состоитъ въ изображеніи мученій грѣшниковъ въ аду и, повидимому, представляетъ переработку „Апокалипсиса Петра“ (§ 63).

Богородица молится на горѣ Елеонской, чтобы снизошелъ архангелъ Михаилъ и разсказалъ ей о мукахъ грѣшниковъ. Михаилъ является въ сопровожденіи 400 ангеловъ: 100 явилось съ востока, 100—съ запада, 100—съ сѣвера и 100—съ юга. Отверзся адъ, и открылась картина мукъ: слышался сильный вопль множества людей. На вопросъ Богородицы, кто эти мучащіеся, архангелъ Михаилъ объясняетъ: „Сіи суть, иже не вѣроваша во Отца и Сына и Св. Духа, позабыша Бога и вѣроваша юже ны бѣ тварь Богъ на работу сотворилъ, того они все боги прозваша: солнце и мѣсяцъ, землю и воду и звѣри и гади... отъ камени ту устроя Трояна, Хорса, Велеса, Перуна...“. Въ другомъ мѣстѣ, которое было первоначально покрыто тьмою и откуда также слышался сильный вопль, мучились тѣ, которые не хотѣли исповѣдывать имени Богородицы, которые не вѣрили, что отъ нея родился Спаситель. Отсюда Богородица посмотрѣла на югъ. Здѣсь протекала огромная огненная рѣка, въ которой было множество людей. Одни изъ нихъ были погружены въ ней до пояса, другіе до шеи, третьи доверху. До пояса были погружены тѣ, которые проклинали отца и мать; до шеи—тѣ, которые ѣли человѣческое мясо; доверху—тѣ, которые нарушали клятву крестомъ. Здѣсь же Богородица увидѣла человѣка, повѣшеннаго за ноги и терзаемаго червями: этотъ человѣкъ бралъ за свои деньги большіе проценты; повѣшенную за зубы женщину, изъ устъ которой выползали змѣи и терзали ее: эта женщина ходила по сосѣдямъ, подслушивала, сплетничала, производила ссору и вражду. На сѣверѣ было распростерто огненное облако, среди котораго было множество кроватей: на нихъ лежали люди, которые по лѣности не вставали къ заутренѣ на Святую недѣлю и спали, какъ мертвые. Крылатый змѣй съ тремя головами терзалъ человѣка, который зналъ священное Писаніе, но не творилъ по Писанію. На огненныхъ столахъ распростерты были тѣ,

которые не чтутъ поповъ; на желѣзномъ деревѣ съ желѣзными вѣтвями повѣшены были за языки клеветники и ссорщики. Далѣе, въ тяжкихъ мукахъ вопили патріархи, епископы съ славными именами, попадьи, черницы монастырей, немилостивые князья, цари. Налѣво отъ востока была огненная смоляная рѣка. Смола клокотала, какъ въ котлѣ. Когда огненныя волны поднимались, грѣшники погружались внизъ на тысячу локтей. Это были „жидове“, которые мучили Христа, отвергались Бога и прощенія, которые отравляютъ людей ядомъ, убиваютъ мечомъ. Далѣе, въ огненномъ озерѣ мучились христіане, творившіе дѣла діавола и не успѣвшіе раскаяться.

Богородица была потрясена зрѣлищемъ мукъ христіанъ и стала сама проситься въ адъ помучиться вмѣстѣ съ христіанами. Архангелъ сказалъ, что ей подобаетъ почивать въ раю. Тогда она стала просить его воздвигнуть воинство семи небесъ и помолиться за грѣшныхъ, чтобы Господь помиловалъ ихъ. Архангелъ отвѣчаетъ, что это уже дѣлается—семь разъ днемъ и семь разъ ночью.

Тогда Богородица попросила вознести ее на небо и поставить передъ престоломъ Отца. Богородица стала молить Владыку помиловать грѣшныхъ христіанъ. Молитва осталась безуспѣшной. Богородица созвала пророковъ, апостоловъ-евангелистовъ и всѣ силы небесныя, чтобы они вмѣстѣ съ нею помолились за грѣшниковъ. Тогда Богъ послалъ къ грѣшникамъ Сына своего, который ради молитвъ матери, архангела Михаила и множества мучениковъ облегчилъ ихъ муки: „Даю вамъ, мучащимся день и ночь, имѣти покой отъ великаго четверга до святой Пятидесятницы“.

65. „Слово о видѣніи св. апостола Павла“. „Слово о видѣніи св. апостола Павла“, подобно „Хожденію Богородицы“, изображаетъ состояніе грѣшниковъ въ аду и праведниковъ въ раю. Этотъ апокрифъ также находится въ связи съ „Апокалипсисомъ Петра“ (§ 63).

Господь повелѣваетъ апостолу Павлу проповѣдывать людямъ покаяніе и призывать ихъ къ пониманію того, что вся природа повинуется Богу, одно только человѣчество продолжаетъ грѣшить. Природа жалуется на людей. Великое и свѣтлое солнце много разъ молилось: „Господи Боже, Вседержителю! Доколѣ мнѣ смотрѣть на беззаконія и неправды человѣческія? Повели, да сотворю по моей силѣ на нихъ“. Луна и звѣзды много разъ во-

прошали Бога и говорили: „Ты далъ намъ область нощи: долго ли намъ смотрѣть на кровопролитіе, творимое сынами человѣческими? Повели намъ, и сотворимъ на нихъ по силѣ нашей“. Воды жаловались на то, что люди осквернили въ нихъ святое имя Божіе. Особенно много жалобъ приносила земля, которой приходится много претерпѣвать отъ людскихъ беззаконій: разбоя, воровства, клятвы, волхвованія, обмана, отъ того, что отецъ возстаетъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата. „Повели мнѣ,—обращается земля къ Богу,—да не подамъ имъ плодовъ отъ моей крѣпости“. Богъ отвѣчалъ имъ, что Онъ знаетъ грѣхи людей, но Его человѣколюбіе ожидаетъ, что люди покаются и вернутся къ нему; если же они не сдѣлаютъ этого, тогда Онъ будетъ судить ихъ. Когда заходитъ солнце, ангелы приходятъ къ Богу и приносятъ ему людскія дѣла — добрыя и злыя. То же самое дѣлаютъ они и ночью. Поэтому люди должны непрестанно каждый день и каждый часъ благословлять Бога. Даже ночью они должны вставать и въ тотъ часъ, когда ангелы докладываютъ Богу о прегрѣшеніяхъ людей, возсылать Богу молитвы о своемъ помилованіи.

Послѣ этого вступленія излагается самое видѣніе апостола Павла. Павелъ увидѣлъ страшныхъ и немилосердныхъ ангеловъ: лица ихъ были искажены отъ ярости, зубы ихъ—выше рта, глаза свѣтятся, какъ звѣзды, изъ устъ ихъ выходитъ огненное пламя. Это—ангелы, которые приходятъ за душами невѣрныхъ людей. Павелъ увидѣлъ другихъ ангеловъ: лица ихъ свѣтились, какъ солнце, чресла ихъ препоясаны золотымъ поясомъ, въ рукахъ ихъ—печать Божія и свитокъ, на которомъ написано имя Божіе. Это—ангелы, которые посылаются за душами праведныхъ людей. Взглянувъ съ неба на землю, Павелъ увидѣлъ, что она совсѣмъ ничтожна, и понялъ тогда „суетность величества человѣческаго“. Взглянувъ на землю еще разъ, онъ увидѣлъ, что она покрыта огненнымъ облакомъ: это было беззаконіе, смѣшанное съ молитвой. Павелъ видѣлъ, какъ душа разстается съ тѣломъ. Взявъ душу праведника, ангелы три раза говорили ей: „познай, душе, свое тѣло, откуда вышла; въ день воскресенья ты снова должна будешь возвратиться въ свое тѣло“. Душа прощалась съ тѣломъ и лобызала его. Павелъ видѣлъ также, какъ исходитъ и душа грѣшника.

Послѣ этого ангелъ вознесъ Павла на третье небо и по-

казалъ рай—мѣста праведниковъ: у воротъ было два золотыхъ столпа, на столпахъ—скрижали, на которыхъ были написаны имена работающихъ Богу. Отсюда Павелъ посмотрѣлъ на землю и увидѣлъ землю обѣтованную: земля блестѣла, какъ серебро; посрединѣ была рѣка, текущая молокомъ и медомъ; на берегахъ ея росли деревья. Сюда переносятся души праведныхъ послѣ смерти.

Отсюда Павелъ былъ перенесенъ въ градъ Христовъ. Этотъ городъ окруженъ двѣнадцатью стѣнами; внутри каждой стѣны—1.000 столповъ. Отъ западной стороны города течетъ рѣка медвяная, Фисонъ, съ юга—рѣка молочная, Евфратъ, съ востока—рѣка съ виномъ и елеемъ, Тигръ, а съ сѣвера—рѣка масленая, Гіонъ. Посрединѣ города находился высокій алтарь; подлѣ него стоялъ мужъ, въ рукахъ котораго были гусли и Псалтирь. Лицо этого мужа свѣтилось, какъ солнце. Онъ пѣлъ, и его пѣніе наполняло весь городъ. Всѣ, находившіеся на столпахъ вратъ, возглашали „аллилуія“ такъ громко, что основаніе города тряслось. Этотъ мужъ былъ Давидъ, а ворота—входъ въ небесный Іерусалимъ.

Ангелъ взялъ Павла на западъ и показалъ ему рѣку, пылающую огнемъ, въ которой мучились грѣшники. Самая страшная му́ка назначена тѣмъ, которые отрицаютъ воплощеніе Христа отъ Дѣвы Маріи.

Отверзлось небо и съ него стало сходить множество воинства. Грѣшники стали просить архангела Михаила и ангеловъ помолиться за нихъ. Ангелы съ апостоломъ Павломъ пали ницъ и стали молить Господа помиловать свое созданіе. Богъ, ради молитвъ архангела Михаила и Павла, смягчилъ участь грѣшниковъ и далъ имъ покой на день и ночь Св. Недѣли.

Павелъ былъ введенъ въ рай Эдемскій, въ которомъ пали Адамъ и Ева. Въ раю Павелъ увидѣлъ вышеупомянутыя рѣки и дерево, изъ котораго выходила вода, давшая начало рѣкамъ. На деревѣ почивалъ Духъ Божій, а когда онъ дышалъ, тогда текли воды. Это—Святой Духъ, носившійся до сотворенія міра надъ бездной, а со времени сотворенія міра почивающій на этомъ деревѣ. Павелъ увидѣлъ и древо познанія добра и зла, и древо жизни, около котораго стоялъ херувимъ съ пламеннымъ оружіемъ въ рукахъ. Павелъ видѣлъ Богородицу, которая шла въ сопровожденіи 200 ангеловъ, Авраама, Исаака, Іакова, Моисея, Исаію, Іеремію, Ноя, Илію и Елисея.

66. „Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Θаворской“. Въ греческомъ подлинникѣ этотъ апокрифъ носитъ названіе „Апокалипсиса второго, Іоанна“.

Іоаннъ Богословъ молится на горѣ Θаворской Господу, чтобы Онъ открылъ ему, что будетъ во второмъ пришествіи. Семь дней молился Іоаннъ, и, наконецъ, онъ былъ восхищенъ отъ горы и поставленъ передъ лицомъ небеснымъ. Онъ увидѣлъ открытое небо и распростертую книгу толщиною въ семь горъ; длина же ея такова, что умъ человѣческій не въ состояніи ее измѣрить; книга имѣла семь печатей. На вопросъ о содержаніи книги и о томъ, когда ея содержаніе сбудется, Господь указалъ Іоанну признаки кончины міра и пришествія Антихриста. Будутъ посланы обличать Антихриста Енохъ и Илія, но Антихристъ убьетъ Илію. Кончина міра и страшный судъ послѣдуютъ такимъ образомъ. Господь пошлетъ на землю ангеловъ, которые возьмутъ оттуда все славное и честное, святыя книги и св. крестъ, а землю зажгутъ. Земля сгоритъ на 50.000 локтей въ ширину и 500 локтей въ глубину; поднимутся четыре великихъ вѣтра на землю; земля станетъ бѣлой, какъ снѣгъ, и ровной, какъ хартія, свободной отъ малѣйшей скверны. Тогда Господь пошлетъ четырехъ сильныхъ ангеловъ, которые возопіютъ великимъ голосомъ и затрубятъ въ трубы. Голосъ ихъ будетъ услышанъ до конца вселенной, и воздвигнутся силы небесныя. Небеса съ востока на западъ раздѣлятся, появится свѣтлое кадило, распространится благоуханіе, и на землю, какъ украшенная невѣста, будетъ перенесенъ горній Іерусалимъ. Тьмы темъ ангеловъ пойдутъ передъ Господомъ и будутъ вопіять: „Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ“... За ними сойдетъ на землю самъ Господь, и узритъ его всякое око. Затѣмъ принесена будетъ и книга за семью печатями. Когда снимется первая печать, спадутъ звѣзды; когда снимется вторая печать, скроется луна; снимется третья печать—затворится лучъ солнечный; снимется четвертая печать — разступятся небеса; пятая — разверзется земля, и наступитъ тьма кромѣшная; со снятіемъ шестой печати—изсякнетъ морская пучина; когда снимется седьмая печать—откроется адъ. Послѣ этого начнется судъ. Сначала будутъ допрошены нечистые духи съ Антихристомъ: они будутъ отправлены во тьму кромѣшную; потомъ будутъ допрошены эллины (язычники), вѣровавшіе въ звѣзды, солнце, луну

и идолы: они будутъ посланы въ адъ; „жидове“, распявшіе Христа, будутъ отправлены во тьму кромѣшную. Затѣмъ будутъ допрошены христіане: праведники будутъ отдѣлены отъ грѣшныхъ и поставлены по правую сторону, а грѣшники по лѣвую. Праведники возсіяютъ, какъ солнце, а грѣшники будутъ омрачены и погнаны, какъ скотъ, къ рѣкѣ огненной: одни изъ нихъ попадутъ въ рѣку огненную, другіе—въ червь неусыпающій, третьи—въ скрежетъ зубовный, четвертые—въ седмиустный пламень. На землѣ откроется рай: праведники будутъ съ ангелами; не будетъ здѣсь ни діавола, ни смерти, ни печали, ни воздыханія, но жизнь вѣчная.

67. „Бесѣда трехъ святителей“. Составленіе „Бесѣды“ приписывается тремъ святителямъ—Василію Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоустому, но авторъ ея на самомъ дѣлѣ неизвѣстенъ. „Бесѣда“ составлена на основаніи апокрифическихъ сказаній. Она состоитъ изъ вопросовъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, которые интересовали стариннаго читателя, причемъ нерѣдко поставленный вопросъ напоминаетъ мудрую загадку, которая такъ популярна была въ древности, и изъ отвѣтовъ на эти вопросы. Вотъ примѣры вопросовъ и отвѣтовъ.

В. Кто первый наречеся на земли? О. Сатанаилъ нареченся первый и причтенъ бысть къ ангеламъ, за гордость же нареченъ Сатана. В. Гдѣ Богъ жилъ, когда не было свѣта? О. Суть три каморы на воздусѣхъ; ту бяше Господь въ трехъ каморахъ, а свѣту тогда не бысть. В. Отъ чего солнце сотворено? О. Отъ выспреннія ризы Господни. В. Отъ чего луна сотворена? О. Отъ аера и отъ воздуха и отъ престола Господня. В. На чемъ держится земля? О. На трехъ китехъ великихъ, на тридцати китехъ на малыхъ. В. Отъ чего громъ и молнія сотворены? О. Гласъ Господень въ колесницѣ огненной утвержденъ, и ангела громная приставлена. В. Отъ коликихъ частей Адамъ сотворенъ? О. Отъ осьми частей: тѣло взято отъ земли, отъ камени—кости, отъ моря—кровь, отъ солнца—очи, отъ облака—мысли, отъ вѣтра—духъ, отъ огня—теплота, душу Господь вдунулъ. В. Сколько пробылъ Адамъ въ раю? О. Отъ шестого часа до девятаго. В. Гдѣ вселился Адамъ по изгнаніи изъ рая? О. Въ землѣ Мадіамской. В. Кому Господь прежде всѣхъ сослалъ грамоту? О. Сиѳу, Адамову сыну. В. Что ему сослалъ? О. Десять словъ Божіихъ: „Искони бѣ Слово, Слово

бѣ отъ Бога“... В. Когда четвертая часть міра умерла? О. Когда Каинъ убилъ Авеля. В. Когда возрадовался весь міръ? О. Когда Ной вышелъ изъ ковчега. В. Который пророкъ не былъ погребенъ? О. Моисей на горѣ Синайской, а внесъ его ангелъ въ рай. В. Кто дважды смерть вкусилъ? О. Лазарь четвородневный. В. Кто не рожденъ, кто не умеръ, кто не истлѣлъ? О. Не рожденъ Адамъ, не умеръ Илія, не истлѣла Лотова жена. В. Что значитъ: гробъ хождаше, а въ немъ мертвецъ пояше? О. Китъ въ мори хождаше, а Іона во чревѣ пѣснь Богу пояше. В. Что есть высота небесная и широта земная, и глубина морская? О. Отецъ и Сынъ и Св. Духъ. В. Что такое рѣка посреди моря течетъ? О. Море есть весь міръ, а рѣка—божественныя писанія и почитаніе книжное. В. Какой городъ прежде всѣхъ сотворенъ и больше всѣхъ? О. Іерусалимъ городъ прежде всѣхъ сотворенъ и больше всѣхъ: въ немъ пупъ земли и церковь святая святыхъ, и гробъ Господень. В. Сколько великихъ морей? О. Двѣнадцать, а рѣкъ великихъ тридцать. В. Сколько острововъ великихъ? О. Семьдесятъ два; столько же разныхъ языковъ, разныхъ рыбъ, птицъ, деревъ, а костей въ человѣкѣ 290, столько же и суставовъ. В. Какого звѣря не было въ Ноевомъ ковчегѣ? О. Рыбы. В. Кто отвалилъ камень отъ гроба Господня? О. Два ангела: Заилъ и Капуилъ. В. Кто родился прежде Адама съ бородой? О. Козелъ. В. Какое было на землѣ первое художество? О. Швечество: Адамъ и Ева сшили себѣ одѣяніе изъ листвія смоковнаго. В. Что такое: стоялъ городъ на пути, а пути къ нему нѣтъ; пришелъ къ нему нѣмой посолъ, принесъ грамоту неписанную? О. Городъ былъ ковчегъ, а посолъ—голубь, принесъ масличный сучокъ. В. Что есть два мелющіе жернова—одинъ подъемлется, а другой оставляется? О. Жерновы суть міръ, а иже мелется—душа съ тѣломъ: душа вознесется, а тѣло оставляется на землѣ. В. Какая мать пожираетъ своихъ дѣтей? О. Море, принимающее въ себя рѣки. В. Стоитъ дубъ, безъ вѣтвей и корней; придетъ къ нему нѣкто безъ ногъ, возьметъ его безъ рукъ, зарѣжетъ безъ ножа и съѣстъ безъ зубовъ. О. Дубъ—человѣкъ: придетъ къ нему смерть и зарѣжетъ безъ ножа.

68. „Сказаніе о двѣнадцати пятницахъ“. Въ началѣ этого „Сказанія“ разсказывается о его происхожденіи. Въ одномъ городѣ „западной страны“ между христіанами и

евреями происходили постоянные споры по вопросамъ религіи, часто оканчивавшіеся кровопролитными столкновеніями. Наконецъ, обѣ стороны рѣшили выбрать отъ себя по одному философу и рѣшеніе спора предоставить имъ. Христіане выбрали богобоязненнаго мужа Елевферія, а евреи своего философа Тарасія. Елевферій при помощи Божіей побѣдилъ „жидовина". „Жидовинъ" призналъ себя побѣжденнымъ, но разставаясь съ Елевферіемъ, замѣтилъ, что этотъ послѣдній ничего не знаетъ о двѣнадцати пятницахъ, а такое знаніе было бы очень полезно для христіанскихъ душъ. Елевферій заинтересовался словами еврейскаго философа и обратился за разъясненіемъ къ находившемуся тамъ сыну его Малху. Малхъ объяснилъ, что ихъ дѣды нѣкогда схватили одного изъ христіанскихъ апостоловъ, у котораго нашли свитокъ. Апостола убили, свитокъ прочли и сожгли: въ свиткѣ было написано о двѣнадцати пятницахъ. Евреи поклялись между собою не передавать этого сказанія христіанамъ. Но Малхъ, склонный къ христіанской вѣрѣ, рѣшился разсказать Елевферію сказаніе. Какъ только Малхъ окончилъ свой разсказъ, явился его отецъ. Узнавъ о происшедшемъ, онъ убиваетъ сына и себя.

Въ „Сказаніи" перечисляется двѣнадцать пятницъ, ознаменовавшихся какими-нибудь особенно важными религіозными событіями. Первая пятница—въ мартѣ мѣсяцѣ въ 6-й день: въ этотъ день Адамъ нарушилъ заповѣдь Божію и былъ изгнанъ изъ рая. Вторая пятница—передъ Благовѣщеніемъ: въ этотъ день въ третьемъ часу Каинъ убилъ Авеля. Третья пятница—на Страстной недѣлѣ: въ девятомъ часу былъ распятъ Христосъ. Четвертая пятница—передъ Вознесеніемъ Господнимъ: въ этотъ день были погублены Содомъ, Гоморра и другіе города. Пятая пятница—передъ Пятидесятницей: агаряне съ Навуходоносоромъ взяли Іерусалимъ во второмъ часу дня. Шестая—въ іюнѣ передъ Петровымъ днемъ: Господь послалъ на землю египетскую десять казней. Седьмая—передъ Успеніемъ Богородицы: въ этотъ день измаильтяне плѣнили многія страны. Восьмая—передъ Усѣкновеніемъ главы Іоанна Крестителя: въ этотъ день Иродъ отсѣкъ Іоанну въ десятомъ часу главу. Девятая—передъ Воздвиженіемъ честнаго креста. Десятая—по Воздвиженіи: въ этотъ день Моисей раздѣлилъ жезломъ Черное море. Одиннадцатая—передъ Рождествомъ Христовымъ: въ этотъ день пророкъ Іеремія „знамена кивотъ

святыни Господни". Двѣнадцатая—по Рождествѣ Христовѣ: въ этотъ день Иродъ избилъ младенцевъ, и пророкъ Захарія былъ убитъ въ пятомъ часу дня.

Перечисленныя пятницы необходимо почитать постомъ, молитвою, душевною и тѣлесною чистотою; въ эти дни не слѣдуетъ ни путешествовать, ни садить, ни покупать, ни продавать, потому что совершенное въ эти дни не будетъ на пользу, а „на пакость превратится".

Чтущіе двѣнадцать пятницъ, наоборотъ, получаютъ разнаго рода благодѣянія. „Кто первую пятницу чтитъ, тотъ не умретъ внезапною смертью; кто вторую пятницу чтитъ, отъ внезапнаго убійства будетъ предохраненъ; кто третью пятницу чтитъ, тотъ отъ непріятеля будетъ сохраненъ; кто четвертую пятницу чтитъ, отъ утопленія сохраненъ будетъ; кто пятую и шестую пятницу чтитъ, отъ всякаго недостатка и скудости избавленъ будетъ; кто седьмую пятницу чтитъ, отъ вѣчной муки будетъ избавленъ; кто восьмую пятницу чтитъ, отъ искушеній и трясавицы избавленъ будетъ; кто девятую пятницу чтитъ, отъ великаго и смертнаго грѣха сохраненъ будетъ; кто десятую пятницу чтитъ, имя того написано будетъ у пресвятой Богородицы на престолѣ; кто одиннадцатую пятницу чтитъ, тотъ при смерти узритъ пресвятую Богородицу; кто двѣнадцатую пятницу чтитъ, имя того человѣка будетъ написано у самого Господа въ книгахъ животныхъ".

Пятница среди русскаго простонародія пользуется большимъ почитаніемъ: она даже представляется живымъ существомъ и чествуется, какъ святая. Объясняется это тѣмъ, что съ пятницей у языческихъ народовъ, въ томъ числѣ и у русскихъ, связывалось почитаніе какихъ-нибудь божествъ; у римлянъ, напр., пятница посвящена была богинѣ Венерѣ (dies Veneris). Съ принятіемъ христіанства это празднованіе пятницы было пріурочено въ греко-римскомъ мірѣ къ событіямъ новозавѣтной исторіи: пятница сплелась съ именемъ св. мученицы Параскевы. Въ житіи этой мученицы разсказывается, что родители ея отличались особымъ почитаніемъ пятницы, какъ дня страданій Христа. За это Богъ далъ имъ въ этотъ именно день, въ пятницу, дочь, которой они дали имя Параскевы, что по-гречески значитъ пятница. Такимъ образомъ, собственное имя мученицы въ переводѣ на церковно-славянскій языкъ обратилось въ св. Пятницу. Празднованіе пятницы перешло къ русскимъ и, быть можетъ,

встрѣтилось съ соотвѣтственнымъ же почитаніемъ пятницы на Руси. Обычай почитанія пятницы былъ отмѣченъ у насъ уже „Стоглавомъ“ (XVI в.). Онъ говоритъ, что по погостамъ и по селамъ, и по волостямъ ходятъ „лживые пророки, мужики и женки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются; а сказываютъ, что имъ являются св. Пятница и св. Настасія (олицетвореніе воскресенія) и велятъ имъ заповѣдати крестьяномъ каноны завѣчати; они же заповѣдаютъ крестьяномъ въ среду и пятницу (§ 69) ручнаго дѣла не дѣлати и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменья не разжигати, и иные заповѣдуютъ богомерзкія дѣла творити“. Въ „Регламентѣ“ (XVIII в.) отмѣчается обычай „водить простоволосую женку подъ именемъ Пятницы въ церковномъ ходу и воздавать ей честь и дары“. Народная масса и теперь убѣждена, что по пятницамъ не слѣдуетъ прясть, пахать, чтобы не пылить матушку Пятницу и не засорить ей глаза кострикой и пылью.

69. „Слово св. отца Пахомія о средѣ и пяткѣ“. Въ „Словѣ св. отца Пахомія о средѣ и пяткѣ“ устанавливается правило почитанія среды и пятницы, въ воспоминаніе о страданіяхъ и смерти Христа. Это правило называется тайной спасенія, открытой свыше св. Пахомію. Среда и пятница олицетворяются въ этомъ „Словѣ“ въ видѣ двухъ ангеловъ, которые въ будущей жизни будутъ встрѣчать и провожать въ рай души тѣхъ, которые почитали ихъ.

70. „Эпистолія о недѣлѣ“. „Эпистолія о недѣлѣ“, ниспосланная съ неба въ Іерусалимъ самимъ Іисусомъ Христомъ, заповѣдуетъ почитать вмѣстѣ съ средой и пятницей и „недѣлю“, т.-е. воскресеніе. Этими тремя днями,—говоритъ въ „Эпистоліи“ самъ Господь,—земля стоитъ. Недѣлю надо почитать потому, что въ этотъ день Богъ создалъ перваго человѣка; въ этотъ день Онъ явился Аврааму подъ дубомъ мамврійскимъ, а Моисею въ купинѣ; въ недѣлю Господь крестился отъ Іоанна, и въ недѣлю Онъ будетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Проводить этотъ день слѣдуетъ въ полномъ воздержаніи отъ какого бы то ни было труда. Тѣмъ, кто не вѣритъ всему этому, „Эпистолія“ угрожаетъ нашествіемъ измаильтянъ.

71. „Сказаніе о свѣтлой недѣлѣ“. Въ „Сказаніи о свѣтлой недѣлѣ“ разсказывается, что, когда Христосъ воскресъ, солнце взошло до шестого часа и стояло на востокѣ три

дня на одномъ мѣстѣ, на югѣ тоже три дня и на западѣ два дня; на восьмой день оно зашло. На этомъ основаніи пасхальная недѣля называется свѣтлой недѣлей и великимъ днемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Агіографія.

72. Агіографическая литература и ея виды. Дѣятельность наиболѣе выдающихся представителей христіанской церкви, получившихъ за свои подвиги названіе святыхъ, преподобныхъ и т. д., послужила предметомъ особой литературы, которая называется агіографической, т.-е. литературой о святыхъ. Большую часть этой литературы церковь признала канонической; меньшая часть ея признана неканонической, или апокрифической.

Агіографическая литература дошла до насъ въ сборникахъ и въ отдѣльныхъ житіяхъ святыхъ.

Сборники житій святыхъ.

73. Сборники житій святыхъ. Къ сборникамъ житій святыхъ относятся слѣдующіе: 1) „Четьи-минеи“, 2) „Патерики“ и 3) „Прологи“.

74. „Четьи-минеи“. „Четьями-минеями“ называются сборники житій святыхъ, расположенныхъ по мѣсяцамъ и назначенныхъ для назидательнаго чтенія на каждый день. Вѣроятно, уже въ княжеско-дружинную эпоху у насъ были переводныя „Четьи-минеи“ на всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ; но до нашего времени дошли „Четьи-минеи“ только немногихъ мѣсяцевъ. Въ нихъ помѣщены, между прочимъ, житія слѣдующихъ святыхъ: Антонія Великаго, Іоанна Златоустаго, Ѳеодосія Великаго.

75. „Патерики“. „Патериками“ называются сборники житій святыхъ. Въ нихъ излагаются подвиги, совершенные христіанскими подвижниками и отшельниками, происходившія въ ихъ жизни чудеса, видѣнія, которыхъ они удостоивались свыше, наконецъ, даже просто интересныя новеллы и анекдоты. „Патерики“ читались обыкновенно въ церквахъ за богослуженіемъ

и въ монастыряхъ за трапезою во время Великаго поста или въ другое время. Изъ „Патериковъ“ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: 1) „Синайскій патерикъ“ („Лимонарь“) и 2) „Скитскій патерикъ“.

76. „Синайскій патерикъ“ („Лимонарь“). „Синайскій патерикъ“, или „Лимонарь“ (т.-е. Цвѣтущій Лугъ), былъ составленъ въ концѣ VI в. палестинскимъ монахомъ Іоанномъ Мосхомъ († 620). Іоаннъ Мосхъ, самъ предававшійся подвигамъ монашеской жизни, любилъ также наблюдать подвиги монаховъ въ разныхъ мѣстностяхъ Палестины, Сиріи, Египта и другихъ странъ, для чего предпринималъ рядъ путешествій. Посѣтивъ отшельниковъ, жившихъ главнымъ образомъ въ Палестинѣ, Сиріи и Египтѣ, Іоаннъ Мосхъ задумалъ изложить свои наблюденія надъ ихъ жизнью, а также передать тѣ разсказы, которые онъ услышалъ изъ ихъ устъ и устъ встрѣчныхъ лицъ. Такъ появился „Синайскій патерикъ“, посвященный авторомъ монаху Софронію, ученику и товарищу автора въ его путешествіяхъ.

Разсказы, составляющіе содержаніе „Синайскаго патерика“, дѣлятся на три группы: 1) повѣствованія аскетическаго содержанія, 2) повѣствованія съ свѣтскимъ элементомъ и 3) повѣствованія съ полемическимъ элементомъ.

1) Повѣствованія аскетическаго содержанія. Предметомъ повѣствованій съ аскетическимъ содержаніемъ служатъ суровые подвиги отшельниковъ, ихъ восторженное настроеніе, помогавшее имъ совершать эти подвиги и побѣждать искушенія, которымъ они подвергались въ борьбѣ съ плотью, грѣховнымъ началомъ міра. Вотъ нѣкоторыя повѣствованія, въ которыхъ эти стороны жизни отшельниковъ нашли себѣ яркое отраженіе.

Однажды трое монаховъ заблудились въ пустынѣ. Стояли сильныя лѣтнія жары. Уже нѣсколько дней монахи не пили ни капли воды. Они такъ ослабѣли, что не могли двинуться съ мѣста. Тогда они, примирившись съ ожидавшею ихъ смертью, легли подъ деревьями. Когда они лежали, на нихъ нашло состояніе „изступленія“ (т.-е. восторга), и они внезапно увидѣли купель, наполненную водою. Около купели находилось двое какихъ то мужей. Эти мужи напоили монаховъ и такимъ образомъ спасли ихъ отъ смерти.

Одинъ монахъ нечаянно укололъ свою ногу терніемъ. Рана на ногѣ стала гноиться, причиняя монаху большія страданія.

Но монахъ отказывался лѣчиться, говоря: „сколько страждетъ внѣшній человѣкъ, столько внутренній веселится“. Другой монахъ совершалъ въ теченіе шестидесяти лѣтъ своей отшельнической жизни особаго рода подвигъ: онъ, не переставая, плакалъ. На разспросы окружающихъ о причинѣ его непрерывнаго плача монахъ отвѣчалъ: „время сіе, братія, далъ намъ Богъ на покаяніе, и если его потеряемъ, то уже не воротимъ“. Одинъ старецъ наложилъ на себя обѣтъ молчанія. Въ теченіе тридцати лѣтъ онъ не проронилъ ни одного слова. Если ему необходимо было что-нибудь сообщить, онъ дѣлалъ знакъ пальцами.

Подвиги отшельниковъ не исчерпывались этой пассивной стороной: отшельники, гдѣ только представлялся случай, совершали дѣятельные подвиги человѣколюбія. Одинъ старецъ, отличавшійся альтруизмомъ еще тогда, когда находился въ міру (онъ ночью тайно вспахалъ и засѣялъ ниву одного бѣдняка, у котораго не было хлѣбныхъ сѣмянъ), выходилъ на дорогу, ведущую отъ Іордана къ Іерусалиму, съ хлѣбомъ и водой, кормилъ и поилъ попадавшихся путниковъ; если путникъ былъ обремененъ тяжелой ношей, старецъ помогалъ ему нести ношу до вершины горы Елеонской и до Іерихона; иногда старецъ носилъ дѣтей. Если старцу попадался человѣкъ, не имѣющій одежды, старецъ снималъ свою ризу и отдавалъ ее прохожему бѣдняку. Надъ умершими по дорогѣ старецъ творилъ службу и самъ хоронилъ ихъ.

Нѣкоторыя повѣствованія рисуютъ своеобразную деликатность и безграничное смиреніе монаховъ. Одинъ старецъ, вернувшись къ себѣ домой, замѣтилъ, что у него похищены книги и посуда. Старецъ отправился къ своему сосѣду-монаху, чтобы подѣлиться съ нимъ происшествіемъ. Когда старецъ входилъ во дворъ, онъ вдругъ замѣтилъ свои вещи. Догадавшись, что это его сосѣдъ совершилъ похищеніе, старецъ, не подавая вида, что онъ что-либо замѣтилъ, возвращается домой, и дастъ сосѣду возможность спрятать похищенное. Черезъ нѣкоторое время монахъ-воръ былъ заключенъ въ тюрьму. Старецъ, не показывая виду, что ему извѣстно, кто похитилъ его книги и посуду, сталъ навѣщать въ тюрьмѣ монаха-вора, поить и кормить его. Это такъ подѣйствовало на монаха-вора, что онъ бросился къ ногамъ старца, признался ему во всемъ и просилъ прощенія.

Однажды игуменъ одного монастыря, Сергій, со своими спутниками заблудились, попали на лугъ какого-то крестьянина и помяли на немъ траву. Крестьянинъ, увидавъ это, разсердился и сталъ бранить старцевъ: „Такъ-ли монахамъ подобаетъ дѣлать? Боитесь-ли вы Бога? Если бы вы имѣли страхъ Божій передъ очами, этого бы не сдѣлали“! Одинъ изъ старцевъ отвѣтилъ ему: „Правду говоришь, чадо! Если бы мы имѣли страхъ Божій, этого бы не сдѣлали“. Крестьянинъ продолжалъ бранить старцевъ. Старецъ ему отвѣчаетъ: „Истину говоришь, чадо! Если бы мы были настоящіе монахи, этого бы не сдѣлали. Бога ради прости насъ! Мы передъ тобою согрѣшили“. Крестьянинъ было пораженъ такимъ великимъ смиреніемъ. Онъ упалъ къ ногамъ старца съ восклицаніемъ: „Нѣтъ! Я согрѣшилъ передъ вами. Господа ради простите меня и возьмите меня съ собою“. Старцы согласились. Съ этого времени крестьянинъ отвергся отъ міра сего.

Однажды одинъ старецъ отправился въ Александрію продать нѣсколько предметовъ собственнаго издѣлія. Въ городѣ онъ замѣтилъ, что одинъ молодой монахъ вошелъ въ кабакъ. Старецъ опечалился и сталъ ожидать выхода монаха. Когда молодой монахъ вышелъ изъ кабака, старецъ подошелъ къ нему и сказалъ: „Знаешь-ли, господине, что ты во образъ ангельскій облеченъ? Вѣроятно, нѣтъ, ибо иначе ты зналъ бы, какъ много въ мірѣ сѣтей діавольскихъ. Неужели ты не знаешь, что, входя въ городъ, мы повреждаемся и очами, и слухомъ, и всѣмъ образомъ? А ты еще и въ кабакъ ходишь, будучи такъ молодъ! И чего бы ты вовсе не хотѣлъ, тамъ слушаешь и видишь, и съ нечистыми мужами и женами тамъ пребываешь. Молю тебя, чадо мое, бѣги въ пустыню, гдѣ можешь Божіею помощью спастись“! Молодой монахъ отвѣчалъ старцу: „Пошелъ прочь, старикъ! Богу ничего не нужно, кромѣ чистаго сердца“! Тогда старецъ, воздѣвъ свои руки къ небу, воскликнулъ: „Слава тебѣ, Боже! Я пятьдесятъ лѣтъ прожилъ въ скитѣ, а сердца чистаго не стяжалъ; а вотъ этотъ монахъ и въ кабакѣ сидитъ, и чистое сердце стяжалъ“!

Нѣкоторыя повѣствованія „Синайскаго патерика“ рисуютъ отношенія между отшельниками и животными, звѣрями. Основная мысль этихъ повѣствованій та, что безсловесныя животныя подчиняются слову человѣка, проникнутаго благочестіемъ, просвѣтленнаго вѣрой. Эта мысль образно выражена въ слѣдую-

щемъ разсказѣ. Одинъ отшельникъ ходилъ спать въ логовище льва. Однажды онъ взялъ оттуда двухъ львятъ, принесъ ихъ въ церковь и сказалъ братіи: „Если бы мы, братіе, сохранили всѣ заповѣди Божіи, то намъ покорились бы эти звѣри; но грѣховъ ради нашихъ сами мы покорены ими и ихъ боимся“. Въ другомъ разсказѣ повѣствуется слѣдующее. Однажды появился въ тростникѣ левъ, который причинялъ много опустошеній и губилъ людей. Юліанъ-столпникъ послалъ своего ученика сказать льву слѣдующія слова: „Во имя Іисуса Христа Сына Божія отыди отъ земли сей“! Ученикъ безпрекословно исполнилъ повелѣніе старца. Левъ тотчасъ же всталъ и ушелъ. Однажды отшельникъ Іоаннъ шелъ по очень тѣсной тропинкѣ между плетнями изъ терновника, которыми были огорожены крестьянскія нивы. Тропинка была такъ тѣсна, что человѣку даже безъ ноши трудно было протиснуться. Вдругъ навстрѣчу отшельнику показался левъ. Отшельникъ и левъ встрѣчаются. Ни тому, ни другому нельзя пройти. Тогда левъ всталъ на заднія лапы и плотно прижался къ плетню съ одной стороны: образовался на тропинкѣ узкій проходъ, по которому отшельникъ прошелъ впередъ своей дорогой.

Любопытенъ разсказъ, въ которомъ фигурируютъ левъ и оселъ. Отецъ Герасимъ Іорданскій, идя по пустынѣ, встрѣтилъ льва, который жалобно протягивалъ ему лапу. Герасимъ посмотрѣлъ и увидѣлъ въ лапѣ терніе: лапа отекла и гноилась. Герасимъ сѣлъ подлѣ льва, вытащилъ терніе, очистилъ рану и обвязалъ лапу платкомъ. Левъ псцѣлился и сталъ всюду сопровождать старца. Въ лаврѣ былъ оселъ, на которомъ возили для отшельниковъ воду съ Іордана. Отецъ Герасимъ велѣлъ своему льву пасти этого осла на берегу рѣки. Однажды оселъ отошелъ отъ льва на большое разстояніе. Въ это время проходилъ мимо съ верблюдами человѣкъ изъ Аравіи; увидѣвъ осла, онъ его поймалъ и увелъ съ собою. Левъ долго искалъ осла и, не найдя его, печально и уныло вернулся къ отцу Герасиму. Старецъ, увидя льва пришедшимъ безъ осла, рѣшилъ, что левъ съѣлъ осла и сказалъ льву: „Ты съѣлъ осла, такъ вотъ же тебѣ: отнынѣ исполняй ту службу, которую дѣлалъ оселъ“. Въ теченіе долгаго времени монахи возили воду на львѣ. Однажды купецъ, похитившій осла, возвращался обратно по этой же мѣстности. Перебравшись черезъ Іорданъ, онъ вдругъ увидѣлъ льва, испугался и бросился бѣжать, оставивъ

и своихъ верблюдовъ, и похищеннаго осла. Левъ (это былъ левъ отца Герасима) подбѣжалъ къ ослу, взялъ его вмѣстѣ съ верблюдами и привелъ въ скитъ. Старецъ тогда убѣдился, что напрасно заподозрилъ льва. Онъ освободилъ его отъ работы и далъ ему имя Іорданъ. Въ скоромъ времени отецъ Герасимъ скончался и въ отсутствіи льва былъ погребенъ. Когда левъ пришелъ, ученикъ Герасима, Савватій, сказалъ ему: „Іордане! Нашъ старецъ оставилъ насъ сирыхъ и отошелъ ко Господу". Савватій сталъ кормить льва, но левъ отказался отъ пищи, глазами искалъ старца, скорбѣлъ и ревѣлъ. Чтобы успокоить льва, Савватій и прочіе отшельники повели льва къ могилѣ старца. Савватій сказалъ льву: „Вотъ здѣсь лежитъ нашъ старецъ, погребенъ" и преклонилъ на могилѣ свои колѣни. Левъ тоже наклонился, сталъ ударяться головой о землю, заревѣлъ и испустилъ свой духъ.

2) Повѣствованія съ свѣтскимъ элементомъ. Авторъ „Синайскаго патерика" и его спутникъ Софроній во время своихъ странствій часто наталкивались на поучительныя сцены жизни или встрѣчались въ городахъ и въ пустынѣ съ интересными людьми, съ которыми вступали въ бесѣды. Іоаннъ Мосхъ запоминалъ эти сцены или разсказы и вносилъ ихъ въ свой трудъ. Въ этихъ разсказахъ, представляющихъ характеръ новеллъ или анекдотовъ, отразились любопытныя черты жизни людей въ Палестинѣ и Египтѣ. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ новеллъ.

Однажды въ Александріи Іоанну и Софронію пришлось сидѣть на улицѣ возлѣ трехъ слѣпцовъ, которые вели между собою бесѣду. Слѣпцы разсказывали другъ другу, какъ каждый изъ нихъ ослѣпъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ: „Я былъ корабельщикъ; еще въ молодости своей я плылъ однажды по морю и отъ многаго зрѣнія сдѣлалась на моихъ глазахъ бѣльма". Другой слѣпецъ говорилъ: „А я былъ стекольщикъ; по моей неосторожности, отъ сильнаго огня выскочили мои очи". Третій слѣпецъ разсказалъ цѣлую исторію: „Еще въ молодости своей я возненавидѣлъ всякій трудъ, дошелъ до того, что мнѣ нечего было ѣсть, и сталъ я воровать. Однажды случилось мнѣ быть на мѣстѣ, гдѣ казнятъ преступниковъ, и я увидѣлъ, что несутъ мертваго человѣка, покрытаго дорогою одеждою. Я пошелъ слѣдомъ, чтобы увидѣть, гдѣ его положатъ. Несшіе трупъ обошли сзади церковь Іоанна Великаго, поло-

жили его во гробъ и ушли. Послѣ этого я влѣзъ во гробъ и совлекъ съ мертвеца все его одѣяніе, оставивъ его въ одной рубашкѣ. Когда я выходилъ уже изъ могилы, вспало мнѣ на мысль снять съ мертвеца и рубашку: она показалась мнѣ очень хорошей. Я вернулся и сталъ снимать съ мертвеца его послѣднее одѣяніе... Тогда мертвецъ поднялся, сѣлъ передо мной и, вцѣпившись своими перстами мнѣ въ лицо, выдралъ мнѣ очи, и я со страшной болью и въ ужасѣ, оставивъ все, что съ мертвеца грабилъ, бѣжалъ изъ могилы". Выслушавъ разсказы слѣпцовъ, путешественники встали и пошли. Дорогой Софроній сказалъ Іоанну: „О, отецъ Іоаннъ, сохранимъ себя отъ всякаго зла". Авторъ замѣчаетъ, что эти разсказы принесли имъ большую пользу, и написалъ онъ ихъ на пользу всѣмъ.

Однажды путешественникамъ пришлось имѣть бесѣду съ бывшимъ разбойникомъ Кирьякомъ. За лютость и безчеловѣчность онъ получилъ прозвище Волка. У него была цѣлая шайка, состоявшая изъ христіанъ и евреевъ. Разъ къ Свѣтлому Христову Воскресенью возвращалась изъ Іерусалима въ село толпа крестьянъ съ дѣтьми. Вдругъ на нихъ напали разбойники, которые стали грабить ихъ и убивать. Часть крестьянъ спаслась бѣгствомъ. По дорогѣ они встрѣтили атамана разбойниковъ Кирьяка, котораго не было среди разбойниковъ во время нападенія на крестьянъ. Увидя бѣгущихъ крестьянъ, Кирьякъ спросилъ ихъ, что случилось. Они объяснили. Атаманъ взялъ крестьянъ и пошелъ съ ними къ своей шайкѣ. Предъ нимъ встала картина страшнаго избіенія и грабежа: на землѣ валялись дѣти несчастныхъ. Самъ атаманъ ужаснулся, казнилъ виновныхъ разбойниковъ, вернулъ крестьянамъ женъ и дѣтей и провелъ ихъ до села. Нѣкоторое время спустя, атаманъ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму, гдѣ просидѣлъ десять лѣтъ. Его не казнили и выпустили на волю. Бывшій разбойникъ всѣмъ разсказывалъ, что его пощадили ради той милости, которую нѣкогда онъ проявилъ къ дѣтямъ.

Одинъ житель Царьграда разсказывалъ путешественникамъ о себѣ слѣдующее. Онъ былъ сыномъ богатыхъ родителей, но вмѣсто наслѣдства онъ желалъ себѣ одного только—благословенія Божія. Отецъ его роздалъ все свое имѣніе бѣднымъ. Въ томъ же городѣ жило богатое семейство, состоявшее изъ мужа, жены и дочери. Жена говорила мужу: „Господине! Много имѣнія далъ намъ Господь, а имѣемъ мы только одну дочь.

Если выдадимъ ее замужъ за такого же богатаго человѣка, что будетъ пользы, когда не будетъ въ немъ добрыхъ обычаевъ? Станетъ онъ только оскорблять ее. Но поищемъ человѣка смиреннаго и богобоязливаго, чтобы онъ по Богѣ и въ любви съ нею жилъ". Мужъ сказалъ женѣ: „Правду говоришь, жена! Иди въ святую церковь, помолись прилежно Богу и подожди: кто первый выйдетъ въ церковныя двери, тотъ и посланный отъ Бога". Первымъ въ церковь вошелъ разсказчикъ. Жена черезъ рабыню свою подозвала къ себѣ вошедшаго и стала разспрашивать, кто онъ и откуда. Онъ разсказалъ. Отецъ его оказался извѣстенъ ей. Узнавши, что разсказчикъ не женатъ, богатая дама сказала ему: „Добрый твой промысленникъ Христосъ, котораго ты вмѣсто всего избралъ, дастъ тебѣ нынѣ жену и богатство, да пріимешь ее со страхомъ Божіимъ". Разсказчикъ заключилъ свое повѣствованіе слѣдующими словами: „И сотворили бракъ, и со своею дочерью дали они мнѣ все имѣніе свое; я же молюся, чтобы и мнѣ сподобиться ходить по пути отца моего въ теченіе всей моей жизни".

Любопытна слѣдующая новелла. Однажды корабль со множествомъ пассажировъ остановился въ открытомъ морѣ, несмотря на попутный вѣтеръ. Сверхъестественный гласъ сообщилъ капитану, что на кораблѣ ѣдетъ великая грѣшница. Капитанъ обратился съ разспросами къ указанной свыше женщинѣ, которая сказала слѣдующее: „Великая я грѣшница и вижу, что ради моихъ тяжкихъ грѣховъ вы всѣ погибнете. Была я замужемъ и имѣла своихъ дѣтей. Когда одному изъ нихъ исполнилось девять лѣтъ, а другому пять, мужъ мой умеръ, и я осталась вдовой. Хотѣлось мнѣ вторично выйти замужъ за одного воина; но онъ отказался взять жену съ дѣтьми отъ другого мужа. Слыша, что онъ не хочетъ на мнѣ жениться ради моихъ дѣтей, воспламененная сильною къ нему любовью, я, окаянная, заколола обоихъ дѣтей своихъ и послала къ нему сказать, что у меня уже нѣтъ больше дѣтей. Тогда воинъ, съ ужасомъ узнавъ, что я совершила, воскликнулъ: „Живъ Господь, живый на небесахъ! Не возьму я себѣ такой жены"! По повелѣнію сверхъестественнаго голоса эту преступницу спустили въ лодку, которая немедленно пошла на дно морское, а корабль снова тронулся съ мѣста.

3) Повѣствованія съ полемическимъ элементомъ. Въ „Синайскомъ патерикѣ" есть рядъ повѣствованій, въ которыхъ отра-

зилась борьба съ ересями, особенно Несторіевой. Одинъ монахъ изъ монастыря, находившагося близъ Іордана, увидѣлъ во снѣ внѣ своей кельи жену, одѣтую въ багряницу, и съ нею двухъ священнолѣпныхъ мужей. Монахъ догадался, что „то была Дѣва Марія съ Іоанномъ Богословомъ и апостоломъ Петромъ“. Монахъ сталъ молить Богородицу войти въ его келью. Богородица сказала ему: „Ты имѣешь въ своей кельѣ моего врага; какъ же ты молишь, чтобы я вошла“? Съ этими словами Богородица исчезла. Проснувшись, монахъ началъ скорбѣть. Со слезами онъ раздумывалъ о томъ, въ чемъ согрѣшилъ. Чтобы разсѣять свою грусть, монахъ взялъ назидательную книгу и сталъ читать ее. Онъ прочелъ всю книгу и въ концѣ ея наткнулся на нѣсколько словъ зловѣрнаго Несторія. Тогда только монахъ понялъ, о какомъ врагѣ говорила Богородица, и почему она отказалась войти въ его келью.

77. **„Скитскій патерикъ“**. „Скитскій патерикъ“ представляетъ сборникъ разсказовъ объ египетскихъ отшельникахъ. Основная часть этого сборника, „Лавсаикъ“ (по имени нѣкоего постельничаго Лавса, для котораго сборникъ былъ написанъ), была составлена въ первой половинѣ V-го вѣка Палладіемъ, епископомъ Елеонопольскимъ. Впослѣдствіи „Лавсаикъ“ былъ дополненъ цѣлымъ рядомъ другихъ повѣствованій, главнымъ образомъ изъ „Синайскаго патерика“. Такъ образовался „Скитскій патерикъ“, разсказы котораго имѣли большое вліяніе на древне-русскаго читателя. Образчикомъ повѣствованій „Скитскаго патерика“ можетъ послужить разсказъ отца Серапіона объ одномъ изъ знаменитѣйшихъ отшельниковъ, Маркѣ Фракскомъ.

Отецъ Серапіонъ, на пути въ Александрію, задумалъ посѣтить Марка Фракскаго. Узнавъ отъ одного купца, что до Фракской горы, гдѣ подвизался Маркъ, было около 30 дней пути, отецъ Серапіонъ взялъ тыкву съ водой, немного финиковъ и углубился въ пустыню. Онъ шелъ 20 дней и не видѣлъ ни птицы, ни звѣря, ни вообще какого-либо живого существа. Вода въ тыквѣ была вся выпита; отецъ Серапіонъ изнемогъ отъ жажды и упалъ, какъ мертвый. Вдругъ передъ отцомъ Серапіономъ явились двое юношей, которые подняли его и указали ему на корень одного растенія, растущаго въ пустынѣ. Отецъ Серапіонъ подошелъ къ этому растенію, сорвалъ его и поѣлъ его корни. Это подкрѣпило упавшія силы

путешественника, и Серапіонъ снова пустился въ путь. Наконецъ, отецъ Серапіонъ дошелъ до Фраческой горы. Когда Серапіонъ приближался къ горѣ, къ нему навстрѣчу вышелъ самъ Маркъ. Тѣло Марка обросло волосами такъ, что отшельникъ походилъ на косматаго звѣря. Серапіонъ почувствовалъ ужасъ. Маркъ, замѣтивъ это, сказалъ ему: „Чадо, не бойся смотрѣть на меня“! Затѣмъ, умиленно заплакавъ, Маркъ продолжалъ: „Чадо Серапіонъ! Зачѣмъ ты пришелъ сюда“? Онъ благословилъ Серапіона, обнялъ его и сказалъ: „Пробылъ я въ пустынѣ 90 лѣтъ и не видалъ человѣка“. Маркъ спросилъ Серапіона: „Стоитъ-ли міръ по прежнему обычаю“?— „Да, отче, стоитъ еще благодатію Христовою и твоими молитвами“. Маркъ задаетъ Серапіону новый вопросъ: „Есть-ли въ мірѣ какіе-либо святые, творящіе силы и чудеса, какъ Господь сказалъ: аще вѣру имате, яко зерно горчично, речете горѣ сей: двинься, и вверзися въ море“! Едва Маркъ произнесъ послѣднія слова, какъ находившаяся вблизи гора сама собою поднялась и вверглась въ море. Серапіонъ наклонился, чтобы видѣть, какъ гора шла. Маркъ сказалъ горѣ: „Что съ тобою, гора? Вѣдь я не тебѣ велѣлъ двинуться. Стань на мѣстѣ твоемъ“! Гора немедленно перешла на свое мѣсто. Серапіонъ въ ужасѣ палъ ницъ. Маркъ взялъ Серапіона за руку, поднялъ его и сказалъ: „Я былъ аѳинянинъ и учился въ училищѣ философскомъ; но благословенъ Господь Богъ, приведшій меня сюда“! Маркъ сотворилъ молитву, по окончаніи которой онъ громкимъ голосомъ сказалъ, обращаясь къ пещерѣ: „Предложи, чадо, трапезу“! Маркъ и Серапіонъ вошли въ пещеру: въ пещерѣ были трапеза, два стула, хлѣбъ, овощи, двѣ рыбы, финики. По окончаніи трапезы, Маркъ сказалъ: „Чадо, возьми все это отсюда“! Трапеза мгновенно исчезла. Вечеромъ того же дня Маркъ сообщилъ Серапіону: „Днесь разлучается душа моя отъ страстей плотскихъ“. Маркъ сотворилъ молитву, послѣ которой съ неба раздался голосъ: „Принесите мнѣ сосудъ, избранный отъ пустыни“! Серапіонъ взглянулъ вверхъ и увидѣлъ душу Марка, возносимую на небеса. Небесный покровъ открылся. Серапіонъ увидѣлъ толпы бѣсовъ, стоявшихъ наготовѣ: душа святого удержана была на часъ времени (на воздушныхъ мытарствахъ). Снова послышался повелительный голосъ: „Возьмите и принесите ее сюда“! Бѣсы были посрамлены, а ангелы приняли душу отшельника. Былъ уже шестой

часъ ночи. Серапіонъ всю ночь провелъ въ молитвѣ. Утромъ Серапіонъ положилъ тѣло Марка въ пещерѣ, заградилъ входъ въ пещеру, помолился и сошелъ съ горы. На пути Серапіону опять явились двое юношей, которые сказали ему: „Вопстину, брате, похоронилъ сегодня тѣло, котораго недостоинъ весь міръ“.

Большой популярностью пользовались на Руси разсказы „Скитскаго патерика“ о Макаріи Александрійскомъ. Однажды Макарій шелъ по пустынѣ, сопровождаемый двумя ангелами. На пути имъ попалось мертвое тѣло. Ангелы объясняютъ Макарію, что дѣлается съ душой по выходѣ ея изъ тѣла, и почему необходимо совершать поминовеніе души въ третій, девятый и сороковой день: на третій день послѣ смерти человѣкъ измѣняется въ своемъ видѣ; въ девятый день разрушается весь организмъ человѣческій, за исключеніемъ сердца; на сороковой день погибаетъ и сердце.

Популяренъ былъ разсказъ „Скитскаго патерика“ о смерти грѣшника и праведника. Одинъ старецъ удостоился видѣть, какъ исходитъ душа изъ грѣшника и изъ праведника. Къ грѣшнику подошелъ грозный ангелъ и трезубцемъ вышибъ изъ него душу. На распутьи умиралъ одинъ праведный нищій. Къ нему подошли два ангела, Михаилъ и Гавріилъ, чтобы принять его душу, и сѣли около него, одинъ по правую сторону, а другой — по лѣвую. Но душа не хотѣла выйти изъ тѣла нищаго. Гавріилъ сказалъ Михаилу: „Возьмемъ-же ее и уйдемъ“! Михаилъ отвѣтилъ ему: „Мнѣ не велѣно отъ Владыки принуждать душу къ ея исходу изъ тѣла“. Сказавъ это, Михаилъ возгласилъ громкимъ голосомъ: „Господи, что повелишь намъ о душѣ сей, потому что она не хочетъ выходить изъ тѣла“? Тогда съ неба послышался гласъ: „Се посылаю Давида со гуслями и пѣніемъ, да изыдетъ душа съ радостью, слышавше красоту пѣнія; вы же сами не принуждайте ея“. Внезапно явились Давидъ и нѣкіе прекрасные мужи и начали пѣть прекрасныя пѣсни. Слушая эти пѣсни, душа съ радостью вышла изъ тѣла на руки къ Михаилу, и ангелы, взявъ ее, радостно вознеслись на небо.

78. Прологи. „Прологами“ называются сборники краткихъ житій святыхъ, составленные по греческимъ сборникамъ, носившимъ названіе „Синаксарей“. Появленіе „Прологовъ“ относится къ X в. Составъ ихъ очень сложенъ: *во-первыхъ*, въ

основу „Прологовъ“ легли „Мартирологіи“, т.-е. краткіе перечни мучениковъ съ краткими свѣдѣніями объ ихъ мученіяхъ: *во-вторыхъ*, въ „Прологи“ входятъ житія святыхъ; *въ-третьихъ*, въ нихъ сообщаются свѣдѣнія о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ праздникахъ и о нѣкоторыхъ событіяхъ, повліявшихъ на судьбу христіанской церкви; *въ-четвертыхъ*, въ „Прологахъ“ имѣются разсказы (притчи, анекдоты) изъ „Патериковъ“; *въ-пятыхъ*, въ нихъ помѣщаются слова отцовъ церкви, поученія и похвалы святымъ и праздникамъ, составляющіе содержаніе сборниковъ, называемыхъ „Торжественниками“.

„Прологи“ бываютъ двухъ родовъ: распространенные, заключающіе въ себѣ всѣ указанные элементы, и краткіе, содержаніе которыхъ исчерпывается свѣдѣніями о мученикахъ и житіями святыхъ.

Первоначально „Прологи“ изображали греческихъ и римскихъ святыхъ; позднѣе въ нихъ появляются разсказы о русскихъ святыхъ.

Отдѣльныя житія святыхъ.

79. Отдѣльныя житія святыхъ. Изъ отдѣльныхъ житій святыхъ у насъ болѣе извѣстны были слѣдующія: 1) Житіе Антонія Великаго, 2) Житіе и хожденіе св. отца Нифонта, 3) Житіе Андрея Юродиваго, 4) Житіе Василія Новаго, 5) Житія Георгія Побѣдоносца, 6) Житіе Ѳеодора Тирона, 7) Житіе св. Макарія Римскаго и 8) Житіе преподобнаго Зосимы.

80. Житіе Антонія Великаго. Житіе Антонія Великаго, перваго знаменитаго египетскаго отшельника († 356), написано Аѳанасіемъ Александрійскимъ († 373). Она излагаетъ событія очень подробно, начиная съ дѣтства Антонія и до его смерти. Съ особеннымъ вниманіемъ авторъ останавливается на изображеніи непрерывной борьбы Антонія съ бѣсами. Бѣсы смущали Антонія не только ночью, но и днемъ. Окружая Антонія, они производили родъ состязаній между собою, вступали другъ съ другомъ въ притворную борьбу, которая становилась замѣтной и постороннимъ: „Одинъ влагалъ нечистые помыслы, другой отражалъ ихъ своими молитвами; одинъ приводилъ въ раздраженіе члены, другой, какъ бы стыдясь сего, ограждалъ тѣло вѣрою, молитвами и постами“. Антоній для

большихъ подвиговъ удалился совсѣмъ отъ людей и поселился въ гробницахъ. Здѣсь нападенія на него бѣсовъ усилились. Однажды ночью вокругъ мѣста, гдѣ находился Антоній, бѣсы стали производить такой громъ, что земля заколебалась: „Какъ бы разорвъ четыре стѣны Антоніева жилища, бѣсы вторгаются къ нему, принявъ образы звѣрей и пресмыкающихся. Все мѣсто наполнилось призраками львовъ, медвѣдей, леопардовъ, волковъ, змѣй, аспидовъ, скорпіоновъ. Каждый изъ сихъ призраковъ начинаетъ дѣйствовать соотвѣтственно принятому имъ наружному виду. Левъ, какъ бы готовясь напасть, рычитъ: волъ хочетъ бодать; змѣя не перестаетъ извиваться; волкъ напрягаетъ силы, чтобы броситься...“ Силою молитвы Антоній избавился отъ этихъ призраковъ. Но бѣсы продолжали его безпокоить. Приходящіе, которыхъ Антоній не принималъ и которые нерѣдко стояли у ограды, ясно слышали, что за оградой какъ бы цѣлыя толпы мятутся, стучатъ, жалобно воютъ и взываютъ: „Удались изъ нашихъ мѣстъ! Что тебѣ въ этой пустынѣ? Не перенесешь нашихъ козней...“

81. Житіе и хожденіе св. отца Нифонта. Нифонтъ былъ сынъ князя Агапита изъ Плагіона. Онъ въ дѣтствѣ еще былъ увезенъ для воспитанія въ Константинополь. Здѣсь онъ провелъ большую часть своей жизни, затѣмъ сдѣлался епископомъ въ Кипрѣ, гдѣ и скончался.

Нифонтъ съ юности любилъ чтеніе книгъ; въ то же время Нифонтъ стремился къ нравственной чистотѣ въ жизни. Ему пришлось вести упорную борьбу съ бѣсомъ сладострастія, который его преслѣдовалъ, но благодаря своему благочестивому другу Никанору и посѣщавшимъ его видѣніямъ Богородицы, то печальной, то улыбающейся, Нифонтъ одержалъ побѣду надъ бѣсомъ.

Нифонтъ обрекаетъ себя на особый подвигъ: онъ странствуетъ по Константинополю изъ одной церкви въ другую, налагаетъ на себя обѣтъ молчанія, подвергаетъ себя самоистязанію. Бѣсы употребляли всѣ усилія, чтобы отвлечь Нифонта отъ такой жизни: они прыгали вокругъ него въ видѣ воронъ, кричали и спорили съ нимъ, являлись ему въ образахъ псовъ, лакомствъ, женщинъ и т. д. Они возбудили въ Нифонтѣ сомнѣнія въ существованіи Бога, въ личности Христа; они требовали отъ него, чтобы онъ прекратилъ свои непрестанныя молитвы и увѣровалъ въ силу бѣсовъ. Нифонтъ по-

бѣдоносно отразилъ это искушеніе. Послѣ этого Нифонтъ впалъ въ другое искушеніе — въ гордость и преувеличенное мнѣніе о своей святости. И съ этимъ искушеніемъ Нифонтъ справляется.

Тогда Нифонтъ сподобился утѣшительныхъ видѣній: одинъ разъ онъ былъ вознесенъ на таинственный столпъ посреди моря; въ другой разъ, когда Нифонтъ молился въ храмѣ, съ неба простерлись къ нему огромныя руки, которыя обняли его: затѣмъ ангелъ облилъ его мѵромъ. Нифонтъ вознесенъ былъ на воздухъ, и бѣсы безсильно кувыркались около него.

Когда Нифонту хотѣлось спать, онъ клалъ на землю камень, на камень клалъ что-нибудь изъ своей одежды, пѣлъ погребальныя пѣсни, крестилъ свое ложе и ложился спать. Чтобы сберечь себя отъ козней діавола, Нифонтъ бралъ масла отъ кандилы Богородицы и помазывалъ себѣ передъ сномъ чело, уши, выю и сердце.

Въ житіи Нифонта есть интересные отдѣльные эпизоды, какъ, напр., эпизодъ „о русаліяхъ“. „Русаліи“ это были дружины, которыя ходили въ Византіи отъ Рождества до Богоявленія отъ села къ селу, съ „русальскими играми“ и собирали деньги и подарки.

Какъ труба собираетъ воиновъ, а молитва собираетъ ангеловъ Божіихъ, такъ сопѣли и гусли собираютъ около себя безстыдныхъ бѣсовъ. Кто ухаживаетъ за сопѣльникомъ, тотъ почитаетъ темнаго бѣса, который хочетъ пожрать весь міръ. Надо быть подальше отъ русалій, сопѣльниковъ, игрецовъ, отъ этой хитрости діавола, и особенно не слѣдуетъ удѣлять чего-либо изъ своего имущества на нихъ, такъ какъ все это идетъ пронырливому бѣсу. Люди, которые не отстанутъ отъ игрецовъ и русалій, будутъ причислены къ „кумиро-служебникамъ“ и за гробомъ впадутъ въ скрежетъ зубовный. Если кто имѣетъ хоть небольшую денежную монету, лучше дать ее во имя Христа: этимъ можно получить жизнь вѣчную.

82. Житіе Андрея Юродиваго. У нѣкоего знатнаго мужа въ Византіи, въ царствованіе царя Льва (V в.), среди многочисленной челяди находился юный рабъ-скиѳъ (славянинъ), Андрей. Заслуживъ расположеніе своего господина, Андрей былъ отданъ имъ учителю для обученія грамотѣ. Отличаясь способностями, Андрей скоро научился читать Псалтирь. Господинъ, довольный успѣхами Андрея, сталъ пользо-

ваться своимъ рабомъ для разныхъ хозяйственныхъ надобностей.

Андрей полюбилъ чтеніе книгъ. Болѣе всего онъ любилъ читать житія святыхъ и разсказы о мученикахъ. Любилъ также Андрей часто посѣщать церкви. Однажды во снѣ Андрей увидѣлъ, какъ препирались бѣсы со святыми. Бѣсы выставили изъ своей среды великана и требовали у святыхъ поединщика. Святые не знали, кого послать. Въ это время съ неба сходитъ прекрасный юноша, имѣвшій въ рукѣ три драгоцѣнныхъ вѣнца, отъ которыхъ исходило удивительное благоуханіе. Андрею очень захотѣлось получить хотя бы одинъ вѣнецъ, но не зналъ, что́ нужно сдѣлать для этого. Юноша предложилъ Андрею вступить въ поединокъ съ бѣсомъ-великаномъ, обѣщая ему побѣду. Андрей вступилъ въ бой и одолѣлъ бѣса. Прекрасный юноша далъ Андрею всѣ три вѣнца и, поцѣловавъ его, сказалъ: „Иди съ добромъ, отселѣ уже нашъ еси и другъ, и братъ. Нагъ буди и похабъ (юродивый) мене дѣля (ради), и много добра причастникъ будеши въ день царствія моего“. Андрей проснулся и рѣшилъ отказаться отъ всѣхъ благъ и удобствъ жизни. Господинъ не согласился отпустить Андрея на волю.

Въ слѣдующую ночь Андрей всталъ и помолился; затѣмъ онъ взялъ ножъ и пошелъ къ источнику, недалеко отъ котораго находилась спальня его господина; онъ совлекъ съ себя ризу и началъ рѣзать ее на куски, причемъ онъ дѣлалъ это съ какимъ-то неистовствомъ и произнося какія-то непонятныя слова. Всѣ подумали, что въ Андрея вселился бѣсъ. Чтобы исцѣлить его, приковали его цѣпями къ церкви св. Анастасія. Ночью Андрея посѣтили видѣнія. Къ нему явился Сатана съ бѣсами и сталъ его искушать и пугать. Но св. Іоаннъ Богословъ прогналъ ихъ. Послѣ этого Андрей увидѣлъ себя въ царскихъ палатахъ. Царь велѣлъ Андрею приблизиться къ престолу и спросилъ его, желаетъ-ли онъ служить ему, и предложилъ ему снѣди, сначала сладкой, потомъ горькой. Вторая снѣдь оказалась столь горькой, что Андрей почувствовалъ крайнее отвращеніе. Замѣтивъ это, царь сказалъ Андрею, что горькая снѣдь—это тотъ тяжкій и узкій путь, который ведетъ въ царство небесное. Андрей сказалъ царю: „Горко есть орудіе ее, владыко, да кто же можетъ ясти, а тебѣ работая“? Царь говоритъ Андрею, что вѣдь онъ ему далъ не только горькой снѣди, но и сладкой, и объяснилъ ему символическое

значеніе той и другой: „Посредѣ сладкаго и горькаго есть путь, да въ горцемъ показано ти есть вкушеніе страстемъ и болѣзнямъ, еже ти есть пріяти мене дѣля (ради); а въ сладцѣмъ и добрѣйшемъ бываетъ хладъ и покой, и утѣшеніе стражущимъ мене дѣля". Андрей, все еще находившійся подъ впечатлѣніемъ ужасной горечи второй снѣди, заявляетъ царю, что не находитъ въ себѣ силы служить ему. Царь улыбнулся, вынулъ изъ-за пазухи какой-то предметъ и „узрачіе" (драгоцѣнную ткань), по виду подобное огню и весьма благоухающее, и велѣлъ Андрею взять это и съѣсть. Андрой взялъ, съѣлъ и почувствовалъ великую сладость и радость. Послѣ этого Андрей понялъ, что путь служенія царю очень сладокъ. Онъ палъ въ ноги царю и обѣщался служить ему. Четыре мѣсяца Андрей сидѣлъ прикованнымъ къ церкви. Наконецъ, его признали неисправимымъ и отпустили на волю.

Съ этого времени Андрей началъ свои подвиги юродства. Онъ ходилъ по улицамъ почти нагой; своимъ образомъ жизни и поведеніемъ онъ вызывалъ насмѣшки и даже побои. Онъ ходилъ по цѣлымъ днямъ, безъ пищи и нигдѣ не присѣвъ. Иногда онъ скитался и по ночамъ. Если же ему не хотѣлось ходить, Андрей отыскивалъ мѣсто, гдѣ лежали собаки, прогонялъ одну изъ нихъ и ложился на ея мѣсто.

Такъ Андрей жилъ, перенося голодъ, холодъ, зной, жару, насмѣшки и побои отъ окружающихъ и т. д. Однажды зимой разразились страшные морозы. Андрею плохо приходилось. Ища себѣ хоть какого-нибудь пристанища, Андрей пошелъ къ нищимъ; но послѣдніе палками стали гнать его отъ себя, крича: „убирайся отсюда, собака!" Гдѣ-то Андрей наткнулся на собаку. Андрей легъ возлѣ собаки, чтобы погрѣться. Собака, увидя это, поднялась и ушла. Андрей былъ пораженъ: онъ оказывается настолько грѣшенъ, что даже собаки брезгаютъ имъ. Андрей рѣшился умереть. Вдругъ онъ почувствовалъ теплоту и увидѣлъ юношу, который ударилъ его по лицу цвѣткомъ. Раздался голосъ, повелѣвавшій увести его на двѣ недѣли. Андрей погрузился въ сладкій сонъ. Проснувшись, Андрей увидѣлъ себя въ преображенномъ видѣ: онъ былъ безъ плоти, его одѣяніе выткано было молніями; на головѣ его былъ вѣнецъ, сотканный изъ разныхъ цвѣтовъ; на ногахъ его были золотые свѣтящіеся сапоги; препоясанъ онъ былъ дорогимъ царскимъ поясомъ. Вокругъ него распростиралась чудная мѣст-

ность: земля была испещрена благовонными цвѣтами, изъ которыхъ капалъ медъ; деревья цвѣли, давали плоды безостановочно и не увядали; множество разнообразныхъ прекрасныхъ птицъ летало и пѣло. Посреди этой мѣстности протекала рѣка, къ которой слетались птицы. Воздухъ пропитанъ былъ ароматомъ; Андрею казалось, что ароматъ этотъ исходитъ отъ кадилъ, которыми ангелы кадятъ на небѣ передъ Богомъ.

Вдругъ на Андрея напалъ ужасъ: онъ почувствовалъ, что стоитъ на небесной тверди, и съ нимъ идетъ юноша, одѣтый въ багряницу, и съ лицомъ, свѣтящимся, какъ солнце; вокругъ этого юноши ходили ангелы, бѣлые, какъ свѣтъ огненной зари; они пѣли какую-то сладкую пѣснь въ честь Распятаго. Послѣ этого Андрей былъ вознесенъ на второе и третье небо. Онъ увидѣлъ завѣсу, за которой, какъ сообщилъ ему юноша, сопровождавшій его, находится Сынъ Божій, сидящій одесную Отца; на завѣсѣ сидѣлъ голубь: голова его была, какъ злато, грудь — багряная, крылья — краснаго, какъ пламень, цвѣта, ноги — темно-красныя; изъ очей его исходилъ свѣтъ, подобный зарѣ. Когда завѣса была отодвинута, Андрей увидѣлъ страшный престолъ, висѣвшій на воздухѣ безъ всякой опоры; изъ него исходило пламя, бѣлое, какъ снѣгъ. Тамъ сидѣлъ Сынъ Божій; Андрей удостоился видѣть его Божью и человѣчью красоту, подобную солнечному блеску. Бога-Отца Андрей отъ страха не могъ разсмотрѣть. Андрей палъ ницъ и ясно услышалъ три слова Божія. Вернувшись на землю, Андрей никому этихъ словъ не сообщилъ.

Въ „Житіи св. Андрея Юродиваго“ есть замѣчательный эпизодъ—пророчество и конечной судьбѣ Царьграда, который называется „церковнымъ Іерусалимомъ“.

Епифаній, ученикъ Андрея, спрашиваетъ своего учителя, „отъ коего знаменіа есть разумѣти кончину, и како сей градъ, церковный Іерусалимъ, кончатися хощеть, и сущая здѣ святыя церкви камо ся держуть, и кресты и честныя иконы и книги и святыя мощи?“. Андрей объявилъ своему ученику, что Царьградъ—даръ Богоматери и потому онъ будетъ существовать вѣчно, до конца міра. „Да си вѣси,—говорилъ Андрей,—яко до кончины (міра) не боимся ни единого языка, ни створить ему зла, ни возметь его, не буди того: вданъ бо есть даромъ Богородици, да никтоже можетъ оттяти его отъ честныхъ рукъ Ея; языци бо мнози приступять къ стѣнамъ его и рогы своя

сокрушать, отходяще со срамомъ, повелѣніа и богатство много отъ нея пріемлюще".

Послѣднія судьбы Царьграда, по предсказаніямъ Андрея, будутъ таковы.

Въ послѣдніе дни Господь Богъ возставитъ „отъ нищеты" царя, который успокоитъ народъ, дастъ миръ и тишину, укротитъ агарянъ, возстановитъ святыя церкви: тогда не будетъ ни обидящаго, ни обидимаго; этотъ царь внушитъ сынамъ человѣческимъ такой страхъ, что они перестанутъ нарушать правила нравственности, а своихъ бояръ, творящихъ беззаконія, царь предастъ казни. За этимъ царемъ послѣдуетъ другой, Анраилихъ, „сынъ беззаконный", который будетъ царствовать три года и заведетъ въ городѣ неслыханное беззаконіе: начнется великій развратъ. Третій царь будетъ „оселъ лютъ і отмѣтникъ Іисусъ Христовъ": онъ будетъ гнать христіанъ, разрушать церкви, ругать животворящій крестъ Христовъ и служителей церкви. Четвертый царь, изъ Эѳіопіи, будетъ добръ: къ радости и веселію вселенной онъ возстановитъ поруганную христіанскую святыню. Пятый царь, изъ Аравіи, будетъ царствовать только „лѣто едино". Явившись въ Іерусалимъ, на то мѣсто, „гдѣ же стоясте ногѣ Господа нашего Іисуса Христа, своими руками предасть честное древо, и снемъ вѣнець царевъ Господу Богу и со обѣма и предасть душю свою". Тогда въ Царьградѣ возстанутъ трое юношей безстыдныхъ и несмысленныхъ, которые будутъ мирно царствовать 150 дней, а затѣмъ начнутъ междоусобную брань: одинъ изъ нихъ опрется на силы Солуня и двинется на Римъ, другой—на силы Месопотаміи или Александріи, третій—на силы Фригіи, Галатіи, Арменіи, Аравіи и другихъ странъ. Во время этой брани воины будутъ истреблять другъ друга, какъ мясники разсѣкаютъ скотину. На томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ происходить брань, смѣшается море съ кровью на протяженіи двѣнадцати верстъ, и юноши-цари погибнутъ. Послѣ этого возстанетъ жена Модана отъ Понта, „діаволя дщи, потворница и мужелюбница". Тогда будутъ дни разврата, гусли, плясанія, сатанинскія пѣсни, поруганія и игранія, которыхъ до этого времени никакой человѣкъ не видѣлъ. Жена Модана осквернитъ церковные алтари, сожжетъ священные сосуды, кресты, иконы и церковныя книги, потребуетъ себѣ божескихъ почестей, съ глумленіемъ вызоветъ на борьбу Всевышняго, и, наконецъ, „лютая лвица" начнетъ „пле-

вати на небо и каменіемъ метати горѣ“ (вверхъ). Тогда Господь простретъ свою страшную руку на Царьградъ, серпомъ Своей силы посѣчетъ персть, находящуюся подъ градомъ, и повелитъ водамъ, на которыхъ градъ стоитъ отъ вѣка, потопить его. Царьградъ погрузится въ воду. Останется только, „одинъ столпъ, стоящій на торгу, яко имѣетъ честныя гвозды“. Къ этому столпу мореплаватели будутъ привязывать потомъ корабли. Когда приблизится кончина міра, Господь отворитъ врата, затворенныя Александромъ Македонскимъ въ Индоліи, и оттуда изыдутъ 72 царя. Эти цари будутъ господствовать 666 дней. Тогда возстанетъ Сатана Антихристъ отъ племени Данова.

83. Житіе Василія Новаго. Житіе Василія Новаго было написано во второй половинѣ X в. монахомъ Григоріемъ, ученикомъ и послѣдователемъ св. Василія Новаго († 944). О жизни св. Василія Новаго авторъ сообщаетъ мало свѣдѣній.

Византійскій императоръ Василій Македонянинъ послалъ нѣкоторыхъ бояръ въ дальнія страны. Проходя однажды черезъ какія то горы, бояре нашли пустынника, приняли его за бродягу, привели въ Царьградъ и предали суду. На судѣ старецъ отказался дать о себѣ какія-либо свѣдѣнія и обошелся съ судьей презрительно. За это старецъ былъ подвергнуть сначала битью и мученіямъ, а потомъ отданъ былъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ: звѣри не тронули старца. Тогда старца бросили въ море: отсюда старецъ чудеснымъ образомъ былъ вынесенъ двумя дельфинами. Этотъ старецъ былъ Василій Новый. Съ этого времени по городу распространяется слава о благочестіи старца. Одинъ патрицій пріютилъ его у себя и далъ ему въ услуженіе свою кормилицу Ѳеодору, старую добродѣтельную женщину. Находясь въ услуженіи у Василія, Ѳеодора была усердной ходатайницей передъ нимъ за всѣхъ, приходившихъ къ нему ради душевной и тѣлесной пользы. Однимъ изъ такихъ пришедшихъ былъ и монахъ Григорій, авторъ „Житія Василія Новаго“. Не давая подробныхъ свѣдѣній изъ жизни Василія, житіе его важно двумя обширными эпизодами: 1) о мытарствахъ и 2) о страшномъ судѣ.

1) Эпизодъ о мытарствахъ. Ѳеодора достигла глубокой старости и скончалась. Монахъ Григорій очень любилъ ее и по смерти ея мучился вопросомъ о томъ, что стало съ душой Ѳеодоры, попала ли она къ лику святыхъ, или къ погибшимъ.

Узнавъ о сомнѣніяхъ своего ученика, Василій Новый утѣшилъ его и сообщилъ, что его сомнѣнія скоро разрѣшатся. Дѣйствительно, въ ту же ночь у Григорія было видѣніе. Нѣкій юноша повелъ Григорія въ жилище Ѳеодоры, и Ѳеодора сама разсказала Григорію, какъ она перешла смертную нужду и какъ миновала воздушныхъ клеветниковъ, т.-е. бѣсовъ, пребывающихъ на мытарствахъ (мытарство, отъ слова „мыто“, т.-е. пошлина, означаетъ мѣсто, гдѣ взимается пошлина, по нашему—таможня). Вотъ разсказъ Ѳеодоры.

„Какъ могу я тебѣ повѣдать все это и какъ вообразить въ умѣ моемъ? Отъ страха и трепета многое я забыла; видѣла я образы, которыхъ прежде никогда не видала, слышала я слова, которыхъ дотолѣ никогда не слыхивала. Какъ разскажу я тебѣ о мукахъ тѣлесныхъ, о великой бѣдѣ и тоскѣ, которую терпятъ умирающіе? Знай же: кто нагой входитъ въ страшный огонь и сгораетъ, помалу сжигаемъ, разрушается; такова и болѣзнь смертная, и люто разлученіе души съ тѣломъ. Когда приблизилась я къ концу жизни, увидѣла, какъ приступили къ одру моему множество звѣрообразныхъ еѳіоповъ. Страшно смотрѣли они на на меня своими искривленными и кровавыми очами; лица ихъ были искажены, а сами черны пуще смолы. И держали огромные свитки, исписанныя хартіи и отвивали ихъ, всячески устрашая меня. Когда была я въ такомъ неописанномъ ужасѣ и ни откуда не чаяла себѣ спасенія, внезапно предстали двое прекрасныхъ юношей, въ золотыхъ одеждахъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами. Я несказанно обрадовалась, и одинъ изъ этихъ свѣтлыхъ юношей, грозно обратившись къ тѣмъ омраченнымъ проклятымъ, говорилъ имъ, чтобы они отошли, потому что имъ не будетъ здѣсь добычи. Но они, безстыдные, стали исчислять всѣ грѣхи мои съ первыхъ дней моей юности и до смерти, и много меня поносили и на меня клеветали. Потомъ явилась сама смерть, смерть, яко левъ ревущій, ужасна и страшна, но человѣческаго устроенія. И носила она на себѣ всякое оружіе—и мечи, и ножи, пилы, серпы, стрѣлы и многія другія незнаемыя орудія, которыми она кознодѣйствуетъ. Увидѣвъ этотъ страшный образъ, ужаснулась душа моя, а юноши сказали смерти: „Что медлишь? Разрѣши союзы“! Тогда смерть приблизилась ко мнѣ и, взявши малый оскордецъ• (инструментъ, при помощи котораго отесываютъ камни), стала отсѣкать мнѣ ноги, потомъ руки, а инымъ

орудіемъ—другіе мои тѣлесные составы, инымъ—иные, и такъ расторгла всѣ союзы и члены моего тѣла и двадцать ногтей моихъ растерзала. И омертвѣло все тѣло мое, и не имѣла уже я ни рукъ, ни ногъ и не могла двинуться. Потомъ, взявъ сѣкиру, отсѣкла мнѣ голову. Затѣмъ смерть налила чего то въ чашу и дала мнѣ пить. О, сынъ мой Григорій! Какъ горька была та чаша! Такъ горька, что въ то же мгновеніе исторглась душа моя и скочила изъ тѣла, какъ птица изъ рукъ ловца. Тогда тѣ двое прекрасныхъ юношей приняли меня ризами на свои руки. И взглянула я назадъ и увидѣла тѣло мое, лежащее бездушно и неподвижно, и безчувственно: будто кто, скинувъ съ себя одежду, бросилъ ее и стоитъ, на нее взирая. И опять стали приступать ко мнѣ тѣ страшные еѳіопы, угрожая мнѣ и перечисляя грѣхи мои. Тогда тѣ двое прекрасныхъ юношей собрали всѣ добрыя дѣла мои и все это мѣрили на мѣрилахъ и мѣрили вмѣстѣ съ моими грѣхами поодиночкѣ, и добрыми дѣлами искупали грѣхи мои; еѳіопы же скрежетали на меня зубами, порываясь исхитить отъ прекрасныхъ юношей. И вдругъ, неожиданно явился отецъ нашъ Василій и далъ ангеламъ ковчежецъ, сказавъ: „Когда вамъ нужно будетъ на воздухѣ миновать мытарства, искупите, взимая изъ этого ковчежца“. Сказавъ это, онъ отошелъ, и мнѣ показалось, что въ томъ ковчежцѣ было золото“. Прекрасные юноши искупали душу Ѳеодоры ароматами и повели ее по мытарствамъ. Первое мытарство—оклеветанія и второе—поруганія пройдены были благополучно. Юноши восполнили недостатки Ѳеодоры отъ дарованія св. Василія. Восходя отсюда по воздуху, юноши говорили другъ другу: „Поистинѣ сія душа помощь велику имѣетъ отъ угодника Божія Василія!“ Душа Ѳеодоры благополучно миновала третье мытарство—зависти. Еѳіопы скрежетали на Ѳеодору зубами и порывались поглотить ее, но напрасно. Въ пятомъ мытарствѣ испытывали Ѳеодору о гнѣвѣ и ярости. Старѣйшина еѳіоповъ велѣлъ терзать Ѳеодору, и еѳіопы, какъ псы, облизывали ее и приносили всѣ дѣла ея и рѣчи, которыя она сдѣлала или сказала когда либо въ ярости или гнѣвѣ. Въ шестомъ мытарствѣ, гордости, ничего не нашли въ Ѳеодорѣ, потому что въ жизни она была убогою рабынею. Седьмое мытарство—празднословія. „Бывшіе тамъ,—разсказывала Ѳеодора,—обличали меня, что́ я съ юности своей праздно изглаголала и какія мірскія пѣсни пѣла, и всякій мой смѣхъ

и глумленіе. И сказала я тогда самой себѣ: откуда же знаютъ все это проклятые мытарники, когда и сама то я все это давно уже забыла"? Одиннадцатое мытарство — пьянственное. „И стояли,—продолжала Ѳеодора,—слуги мытарства, какъ волки и хищники, готовые поглотить насъ. И напали на меня эти истязатели и даже пересчитали всѣ тѣ чаши, сколько я выпила въ своей жизни, и говорили: „Вотъ, не столько ли ты выпила чашъ? И вотъ не такіе ли то именно были тѣ, которые съ тобою вмѣстѣ пили? И не была ли ты тогда то пьяна паче мѣры?" И точно, окаянные тѣ клеветники поименно называли тѣхъ, съ которыми я дѣйствительно бывала на пирахъ; точно, много ко мнѣ хаживало гостей, и я съ ними пировала!" Искупивши свои пьянственные грѣхи, Ѳеодора поднялась выше и достигла двѣнадцатаго мытарства—злопомненія. Ѳеодора не была злопамятной, и потому она быстро миновала это мытарство. Поднимаясь, она спросила своихъ спутниковъ: „Молю васъ, господіе мои! Повѣдайте мнѣ, отчего все знаютъ эти беззаконники, будучи такъ далеко отъ міра и отъ земной жизни"? И отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ моихъ проводниковъ: „Всякій христіанинъ отъ св. крещенія пріемлетъ себѣ святого ангела, который и хранитъ его невидимо, наставляетъ его и напишетъ всѣ его добрыя дѣла, и тогда же лукавый діаволъ напишетъ грѣхи каждаго мытарства". Наконецъ, Ѳеодора со спутниками достигла послѣдняго, двадцать второго, мытарства. „И сидѣлъ князь зѣло жестокъ, весь изсохъ и унылъ, будто отъ долгой болѣзни, плакалъ и рыдалъ, и дышалъ огнемъ немилосердія. И слуги его окружили меня, какъ пчелы, испытывая меня и истязая, и обыскивая, но ничего не успѣли: мы же съ радостью отошли отъ нихъ".

2) Эпизодъ о страшномъ судѣ. Читая книги Ветхаго Завѣта, монахъ Григорій убѣждался въ истинности многихъ идей еврейскаго ученія. Свои сомнѣнія Григорій высказалъ св. Василію. Послѣдній наставилъ его на путь истинный и въ качествѣ главнаго аргумента противъ еврейскаго ученія привелъ тотъ фактъ, что Господь Богъ прогналъ отъ себя евреевъ и разсточилъ ихъ въ концы вселенной. Вернувшись отъ Василія, Григорій имѣлъ видѣніе, въ которомъ ему открыта была картина страшнаго суда.

Приступая къ описанію своего видѣнія, Григорій говоритъ: „Видѣлъ я себя на нѣкоторомъ злачномъ полѣ, цвѣ-

тущемъ прекрасными цвѣтами. Тихій вѣтеръ навѣвалъ тонкую прохладу, нѣжно преклоняя цвѣты, а надъ ними носился тонкій и нѣжный паръ, испускавшій благоуханіе. И стоялъ я на томъ полѣ, удивлялся и веселился сердцемъ. И подошелъ ко мнѣ мужъ, мужъ свѣтелъ и красенъ, въ бѣлыхъ ризахъ; и сказалъ мнѣ, что по моему прошенію удостовѣриться въ законѣ іудейскомъ, молитвами св. отца Василія, онъ покажетъ мнѣ въ видѣніи, что такое вѣра жидовская, покажетъ также вѣроисповѣданія другихъ народовъ". Внезапно Григорій и его спутникъ-ангелъ были подняты и стали переноситься въ какія-то очень свѣтлыя мѣста, съ землею, прозрачною, какъ стекло, въ мѣста, пылавшія чудеснымъ пламенемъ, которое не жгло и было исполнено ангельскихъ силъ. Затѣмъ Григорій и его спутникъ очутились около какой то горы, на которую они вступили. Отсюда Григорій взглянулъ на востокъ и увидѣлъ великое страшное поле, блиставшее чистымъ золотомъ. На полѣ былъ расположенъ великій городъ: это былъ высшій Іерусалимъ, нерукотворенный Сіонъ, сдѣланный изъ чистаго золота и изъ двѣнадцати символическихъ камней. Въ городѣ было двѣнадцать воротъ, сдѣланныя изъ тѣхъ двѣнадцати камней. Посреди города находился блестящій холмъ, будто раскаленное желѣзо. На холмѣ возвышался страшный крестъ, весь въ сіяніи, а на крестѣ былъ голубь, бѣлый, какъ снѣгъ. Въ то время, какъ Григорій смотрѣлъ и дивился видѣнному, вдругъ точно блеснула страшная молнія: надъ городомъ пронесся юноша, за нимъ другой, который принесъ чудесный престолъ. Юноши-ангелы установили престолъ на высокомъ холмѣ. Послѣ этого слетѣло еще четыре ангела; у каждаго было по свѣчѣ въ рукѣ. Наконецъ, слетѣлъ еще одинъ ангелъ, который торжественно возгласилъ: „Се судъ и воскресеніе мертвыхъ хощетъ быти, и воздаяніе комуждо отъ праведнаго Судіи пріиде".

Съ высоты пронесся огненный столпъ по всему воздуху и, расцаляясь, сошелъ на землю, разлился на всѣ четыре конца ея и поѣлъ все сотворенное. Тогда съ высоты раздался голосъ: „Да соберутся кость къ кости и суставъ къ суставу, и членъ къ члену своему". Когда раздавался этотъ голосъ, грозные ангелы схватили Антихриста и извергли его вмѣстѣ съ его проклятыми слугами; двѣнадцать ангеловъ со своимъ воеводою вострубили въ трубы; отъ гласа трубнаго сталъ громъ, земля заколебалась отъ страха, какъ море,—и вотъ стали

восходить жилы и плоть на кости человѣческія; но духа жизни еще не было въ нихъ. Тогда воевода вострубилъ въ другой разъ: земля заколебалась пуще прежнаго; разверзлись гробы всѣхъ, отъ вѣка усопшихъ, и извергли ихъ изъ себя. Свыше сошло множество ангеловъ, будто песокъ морской; каждый изъ ангеловъ шелъ къ одному изъ возставшихъ и влагалъ душу каждаго человѣка въ его тѣло. Вострубилъ воевода въ третій разъ: ужаснулись небо и земля отъ гласа трубнаго, и всѣ мертвые ожили; море и рѣки, озера, болота и лѣса со страхомъ отдавали отъ себя въ цѣлости всѣхъ людей, погибшихъ въ нихъ разными смертями. И вышли всѣ воскресшіе, будто песокъ морской, разные возрастомъ мужчины и женщины. Григорію чудилось, что у однихъ воскресшихъ лица сіяли, какъ звѣзды, у другихъ, какъ луна въ мрачную вочь, у третьихъ, какъ раскаленное желѣзо, испускающее искры, у четвертыхъ, какъ солнце; у однихъ лицо было бѣлое, какъ снѣгъ, у другихъ, какъ чистая и бѣлая шерсть, у третьихъ—бѣлое и румяное, какъ цвѣтокъ. У каждаго воскресшаго была въ рукѣ молніеобразная книга, а на челѣ—писаніе: у одного написано было на челѣ—пророкъ Господень, у другихъ—проповѣдникъ Божій, апостолъ Христовъ, смиренъ сердцемъ, нищъ духомъ и т. д. Лица грѣшниковъ имѣли скаредную нечистоту, были темны и помрачены: у однихъ лица походили на прахъ, смѣшанный съ пепломъ; у другихъ на лицѣ была, будто аспидова кожа, у третьихъ—будто ослиная кожа, у четвертыхъ лицо было, будто дымная зелень, у пятыхъ, будто свиная кожа, у шестыхъ, точно окровавленное. Всѣ эти грѣшники говорили другъ другу: „О, горе намъ! Вотъ уже послѣдній день пришествія Христова!“ И стояли, поникши и ожидая отвѣта отъ Праведнаго Судіи. На темени каждаго грѣшника были червленыя написанія, означавшія его грѣхъ. Между тѣмъ съ высоты сходили вышніе чины, воспѣвая божественную пѣснь; посреди нихъ несли деревянный крестъ, сіявшій необыкновеннымъ свѣтомъ, и поставили его на престолѣ, уготованномъ для Судіи. Увидя это, праведные возрадовались, а грѣшники вострепетали. Григорій съ спутникомъ стоялъ на нѣкоторомъ высокомъ мѣстѣ; ему казалось, что онъ стоитъ на воздухѣ и видитъ все отъ одного края вселенной до другого; онъ слышалъ все, что бы и гдѣ бы во вселенной ни говорилось. Былъ шумъ великій, слышались звуки страшные, и Григорій ужаснулся. „Не бойся,—сказалъ ему

спутникъ-ангелъ,—не бойся: увидишь еще больше того! Это двинулись силы небесныя—передъ пришествіемъ самого Великаго Судіи". И дѣйствительно, стали появляться во множествѣ силы небесныя и полки ангеловъ на мѣсто судилища. Ангелы и силы небесныя были различнаго вида: одни—бѣлые, какъ снѣгъ, другіе—какъ пламя, третьи блистали золотомъ. Они раздѣлились на четыре начала и разошлись по четыремъ краямъ неба. Появилась огненная колесница, окруженная многоочитыми небесными силами; затѣмъ показался, предшествуемый страшными ангельскими полчищами, свѣтлый и бѣлый, какъ снѣгъ, облакъ, несомый четырьмя животными: львомъ, тельцомъ, овномъ и орломъ. Григорій такъ передаетъ свое впечатлѣніе отъ этой картины: „Умъ не постигаетъ, мысль не можетъ достичь, чтобы повѣдать страшнаго Божества благолѣпіе, и было оно въ проліяніе на всю вселенную, якоже въ темнѣ нощи внезапу солнцу возсіявшу и весь міръ озарившу". Ангелы великимъ гласомъ возгласили: „Благословенъ грядый во имя Господне! Господь Богъ пріиде судити живымъ и мертвымъ". Всѣ люди пали ницъ на землю и поклонились Судіи. Когда Господь возсѣлъ на престолѣ, небо и земля вострепетали, какъ листъ на деревѣ отъ вѣтра, и всѣ люди были охвачены страхомъ. Господь взглянулъ на небо, и небо свернулось отъ лица Его и отъ очей Его: Господь взглянулъ на землю, и земля начала бѣжать, потому что она была скверна и нечиста отъ дѣлъ человѣческихъ; она побѣжала и пропала: всѣ очутились на воздухѣ. Господь опять взглянулъ наверхъ—и тотчасъ явилось новое небо; взглянулъ Господь внизъ—и тотчасъ явилась новая земля, и обновились люди, и все стало новое. И была твердь, но не было ни солнца, ни луны, ни звѣздъ, потому что вмѣсто нихъ возсіяло восходящее солнце, немерцающій свѣтъ, Христосъ Богъ нашъ. Взглянулъ Господь на море—вода морская тотчасъ изсякла и преложилась въ огонь; отъ этого огня взвилось пламя, которое достигло до небесъ; произошелъ великій шумъ и клокотъ. Взглянулъ Господь на грѣшниковъ—внезапно напали на нихъ съ запада страшные лики огненныхъ ангеловъ и стали ввергать ихъ въ это огненное море. И былъ плачъ и скрежетъ зубовъ. Ангелы вострубили въ страшныя трубы—и одесную Судіи было уготовано мѣсто. Какъ молнія, понеслись съ востока полки другихъ ангеловъ, которые отдѣляли праведныхъ отъ грѣшниковъ; они радостно цѣловали ихъ,

приводили ихъ къ Судьѣ и поставляли ихъ одесную Его. Господь взглянулъ на сѣверъ и югъ—понеслись другіе полки ангеловъ, которые привели къ Судьѣ грѣшниковъ и поставили ихъ ошуюю Его. Обратившись одесную, Господь сказалъ: „Придите, благословенные Отца Моего, и наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе небесное“! Обратившись ошуюю, Господь сказалъ: „Идите отъ Мене, проклятые, въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и слугамъ его“! Господь взглянулъ еще разъ на обновленную землю—и произросли и зацвѣли на ней различные сады, потомъ протекла рѣка, чистая и сладкая, паче меда, потомъ протекла другая рѣка, млечная, паче молока естественнаго; эти рѣки проходили по всей землѣ, разливаясь и орошая сады, но такъ, что молоко не смѣшивалось съ медомъ; налетѣли птицы небесныя, будто великій облакъ, наполнили сады и начали пѣть прекрасныя пѣсни. Господь еще разъ взглянулъ вверхъ—и воинства ангеловъ снесли съ высоты страшный и дивный городъ—вышній Іерусалимъ и поставили его на востокѣ. Раздался трубный гласъ; всѣ, на небѣ и на землѣ, восхвалили Господа. Господь сошелъ съ престола и направился къ блестящимъ вратамъ города, говоря тихимъ и кроткимъ голосомъ сидѣвшимъ одесную: „Пріидите, благословенные Отца Моего, и войдите въ радость Господа Бога Вашего“!

Начинается торжественное шествіе праведниковъ въ Вышній Іерусалимъ. Сначала входитъ Божья Матерь, которую Христосъ пріемлетъ, слегка наклонивши свою голову. Вслѣдъ за Божьей Матерью съ подобающею торжественностью и велелѣпіемъ вошли двѣнадцать апостоловъ, семьдесятъ учениковъ Христа, ликъ св. мучениковъ, святители, постники, мученицы, затѣмъ Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, судьи ветхаго завѣта, Адамъ, Авель, Ной и пр.

Затѣмъ описывается судъ надъ грѣшниками. Господь имѣлъ въ рукѣ огненный жезлъ. Онъ ввергнулъ этотъ жезлъ въ толпу грѣшниковъ, и грѣшники раздѣлились на группы по народамъ, по колѣнамъ, племенамъ, вѣроисповѣданіямъ и ересямъ. Сначала были отдѣлены христіане отъ невѣрныхъ. Послѣдніе были ввергнуты въ огненное море; сюда же попали разбойники, самоубійцы, сквернословцы, смѣхотворцы и пр., и пр. Далѣе Господь изъ массы грѣшниковъ отдѣлилъ большой полкъ: это были монахи; лица ихъ были омрачены, въ ру-

кахъ они держали свѣтильники, безъ масла; на выяхъ ихъ лежали лѣность и небреженіе, и уныніе, и нерадѣніе, и непокореніе, яко желѣза тяжкія. Это были монахи, которые не сохранили своего обѣта и поработились свѣтскимъ страстямъ. Далѣе отдѣляется новая толпа, состоящая изъ иноковъ и мірянъ: лица ихъ были черныя, причемъ поперемѣнно то посрамлялись, то просвѣтлялись; отъ правыхъ рукъ ихъ капало масло чистое, яко золото, отъ лѣвыхъ же,—яко суровая смола. Это были несчастные люди съ недостатками и достоинствами; это были сластолюбцы, но надѣлявшіе нищую братію милостынею. Господь не взглянулъ на нихъ, и суровые ангелы повлекли ихъ на муки. Несчастные оборачивались назадъ и взывали къ Господу: „Пощади насъ, Боже Милостивый!“ Внезапно съ неба сходитъ отроковица, прекрасная и препрославленная; ей служили ангелы. Эта откроковица была Милостыня. По ея мольбамъ, Господь смилостивился надъ сластолюбцами; Господь избавилъ ихъ отъ вѣчнаго огня, но войти въ Вышній Іерусалимъ не позволилъ: Господь велѣлъ отвести имъ мѣсто на сѣверѣ и лишить ихъ всего потребнаго. Далѣе слѣдовали младенцы, не просвѣщенные христіанствомъ: Господь велѣлъ имъ дать покойное мѣсто, но они навсегда лишались блаженства видѣть лицо Господне. За дѣтьми, не просвѣщенными христіанствомъ, слѣдовали еретики. Наружность ихъ описывается въ отвратительныхъ чертахъ. Творя судъ надъ еретиками, Господь прежде всего требуетъ, чтобы передъ Нимъ предсталъ основатель ереси, ересіархъ. Сначала выступаютъ аріане. Господь судитъ Арія, говоря ему: „Не Азъ ли есмь Господь Іисусъ Христосъ, соприсносущій Отцу? Како убо ты Мое Божество въ тварь сведе? И тобою прельщенный сонмъ вѣчной мукѣ ты предалъ? Отдай мнѣ ихъ души, о проклятый“! Аріане были ввергнуты въ огонь вѣчный. Отдѣляется толпа еретиковъ-македонійцевъ. И сказалъ Господь Македонію: „Азъ умолчу тебѣ, но Св. Духъ, похуленный тобою, пріидетъ и посрамитъ тебя, якоже истинный Богъ есть“. Небесныя силы воспѣли ужасную пѣснь: „Царю Небесный, Утѣшителю“ и т. д. По окончаніи пѣнія возсіяли свѣтъ и огненная пресвѣтлая заря: блеснула молнія; явился Престолъ смарагдовый и на немъ—Утѣшитель Господь (т.-е. Св. Духъ), яко снѣговиденъ голубь, и явившись, почилъ на Единородномъ Сынѣ Божіи; скверный же Македоній былъ посрамленъ и вмѣстѣ съ послѣ-

дователями преданъ мукѣ. Далѣе явились несторіане. Несторію Господь сказалъ: „Гдѣ же два лица (лицо божественное, вѣчное и человѣческое, временное), какъ ты лжемудрствовалъ обо Мнѣ, и столько народа ввергнулъ въ погибель? Не Азъ ли есмь единъ Святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ, въ двухъ естествахъ, но въ одномъ составѣ“? Является передъ Несторіемъ Богородица, неизреченнымъ свѣтомъ просвѣщенная, недоумѣнною славою украшенная и ангелами страшными служимая. Ангелы пѣли ей: „Радуйся, сподобившаяся быть Матерью Господу Богу“. За несторіанами послѣдовали другіе еретики, въ томъ числѣ иконоборцы, и евреи, не принявшіе и распявшіе Христа. Евреи, узнавъ распятаго ими Христа, пришли въ ужасъ и трепетъ. Напрасно они взывали къ ветхозавѣтному Богу своихъ отцовъ, напрасно умоляли своихъ пророковъ, судей и Моисея о защитѣ. Моисей сталъ обличать ихъ, объясняя ихъ заблужденія, и показалъ имъ въ Іисусѣ Христѣ истиннаго Бога. Когда Моисей, обличивъ евреевъ, отступилъ отъ нихъ, они стали призывать Бога: „Боже отецъ нашихъ! Богъ Авраамовъ, Исааковъ, Іаковль! Избави насъ въ часъ бѣды сея! Кромѣ тебѣ иного Бога не познали“. Когда они такъ взывали, блеснула молнія и пронеслась по всей землѣ, затѣмъ блеснула другая, и обѣ молніи стали надъ Судіею, осѣнивши Его. Всѣ силы небесныя воспѣли Ему со Отцомъ и Св. Духомъ. Затѣмъ явился другой престолъ, подобный престолу Судіи, и на томъ престолѣ Ветхій денми (т.-е. Богъ-Отецъ) покоился съ Единороднымъ Сыномъ и Словомъ. Увидя это, іудеи вострепетали. Обличивъ нечестивыхъ евреевъ, Богъ-Отецъ сталъ невидимъ. Послѣднимъ нечестивцемъ, осужденнымъ Господомъ, былъ Діоклетіанъ, величайшій гонитель христіанъ въ III в. Какъ левъ, ревѣлъ, стоналъ и скрежеталъ зубами этотъ великій грѣшникъ въ страшномъ пламени и напрасно обращался съ мольбами къ распятому Господу и къ святымъ Его угодникамъ.

84. Житія св. Георгія Побѣдоносца. Житія св. Георгія Побѣдоносца, замученнаго въ концѣ III-го или въ началѣ IV в., дѣлятся на двѣ группы: 1) житія, изображающія борьбу св. Георгія со Змѣемъ, и 2) житія, изображающія мученія св. Георгія.

1) Борьба св. Георгія со Змѣемъ. Сюжетъ о борьбѣ св. Георгія со Змѣемъ дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ: по

одной изъ нихъ борьба произошла до мученій и смерти Георгія, по другой—послѣ смерти.

а) Первая редакція. Первая редакція такъ изображетъ борьбу Георгія со Змѣемъ.

Въ городѣ Лаосіи жилъ царь Селевивъ (Селевкъ), который поклонялся Аполлону, Гераклу, Скамандру и Артемидѣ. Богъ, увидѣвъ, что великое множество жителей этого города стоитъ на гибельномъ пути Содома и Гоморры, послалъ на городъ бѣдствіе: въ озерѣ, находившемся недалеко отъ города, поселился чудовищный Змѣй — человѣкопожиратель. Сначала царь пытается осилить Змѣя при помощи войска, но безуспѣшно. Тогда онъ предложилъ жителямъ, всѣмъ, начиная съ богатыхъ и кончая бѣдными, приносить въ жертву своихъ дѣтей; самъ царь обязался также принять участіе въ этомъ. Но царю стало жаль потомъ единственной дочери, и онъ сталъ умолять народъ пощадить ее. Народъ не соглашается, и царскую дочь ведутъ изъ города къ Змѣю. Въ это время возвращается изъ похода противъ персовъ греческое войско, въ которомъ былъ храбрый воинъ Георгій. Георгій, по повелѣнію Божію, пошелъ по направленію къ озеру и увидѣлъ, что ведутъ къ Змѣю дѣвушку. Георгій обѣщаетъ спасти ее, если она увѣруетъ во Христа. Она соглашается, и Георгій, обратившись къ Богу съ молитвой, слышитъ Его ободряющій голосъ. Выходитъ изъ озера Змѣй и прыщетъ на Георгія ядомъ; но Георгій заклинаетъ его именемъ Божіимъ, и Змѣй начинаетъ смиренно лизать его ноги. Георгій приказываетъ царевнѣ обвязать Змѣя своимъ поясомъ и вести его въ городъ. Жители въ ужасѣ отъ этого зрѣлища. Георгій обѣщаетъ имъ убить Змѣя, если они примутъ христіанство; если же они не согласятся, онъ напуститъ Змѣя на весь городъ. Жители соглашаются. Змѣй подвергается казни, и царь возсылаетъ Богу благодарственныя молитвы. Георгій приглашаетъ епископа Александра, который въ 15 дней креститъ 40.000 человѣкъ. Изъ земли начинаетъ бить источникъ, исцѣляющій всякіе недуги. Георгій уѣзжаетъ, жители города провожаютъ его съ великимъ плачемъ. Царь послѣ отъѣзда Георгія строитъ во имя его церковь; царевна, получившая при крещеніи имя Маріи, посвящаетъ себя Богу.

б) Вторая редакція. Въ другой редакціи, отличающейся сжатостью, дѣйствіе происходитъ въ Палестинѣ, въ городѣ

Гевалѣ. Боги повелѣваютъ царю сдѣлать жителямъ предложеніе давать въ жертву Змѣю дѣтей. Царь послѣдній отдаетъ свою дочь, причемъ онъ не сокрушается. Георгій появляется въ этомъ городѣ съ цѣлью спасти городъ отъ бѣдствія. Когда была построена церковь во имя его, Георгій послалъ для нея свой щитъ, который сталъ висѣть надъ куполомъ, ничѣмъ не поддерживаемый.

Сказаніе о борьбѣ св. Георгія со Змѣемъ было извѣстно у насъ уже съ древнихъ временъ. На фрескахъ Старо-Ладожской церкви XII в. изображены св. Георгій, Змѣй и „Елисава", ведущая Змѣя, обвязаннаго поясомъ. На одной иконѣ XIII в. по бокамъ ея изображены мученія св. Георгія, а посрединѣ изображенъ св. Георгій на конѣ, съ копьемъ въ рукѣ, и дѣвица, ведущая побѣжденнаго Змѣя.

Сюжетъ о борьбѣ св. Георгія Змѣемъ представляетъ, вѣроятно, пріуроченіе къ Георгію древнихъ вавилонскихъ преданій о борьбѣ Мардука съ Тіаматъ (§ 37) [1]).

2) Мученія св. Георгія. Сказанія о мученіяхъ св. Георгія были извѣстны у насъ въ трехъ редакціяхъ.

а) Одна редакція, признаваемая церковью, не знаетъ, кто былъ отецъ Георгія, а о матери его упоминаетъ только мимоходомъ. Георгій за свои христіанскіе взгляды подвергается императоромъ Діоклетіаномъ мученіямъ, которыя продолжаются семь дней. Муки эти слѣдующія: Георгія заключаютъ въ тюрьму и на грудь его кладутъ громадный камень; привязываютъ его къ колесу, утыканному гвоздями, и раздираютъ ему тѣло; бросаютъ его въ яму, наполненную негашеной известью, откуда на третій день его выводятъ невредимымъ; надѣваютъ ему на ноги утыканные гвоздями желѣзные сапоги; бьютъ его палками и воловьими жилами; два раза даютъ ему ядъ, приготовленный магомъ Аѳанасіемъ. Но всѣ эти муки Георгій,

---

[1]) Въ основу вавилонскаго мноа о борьбѣ Мардука съ первобытнымъ сверхъестественнымъ дракономъ Тіаматъ, вѣроятно, легли преданія о дѣйствительной борьбѣ вавилонянъ, или, точнѣе, ихъ предшественниковъ, шумиро-аккадійцевъ, съ гигантскими пресмыкающимися въ нижней, болотистой части Месопотаміи. Судя по вавилонскому изображенію дракона, можно даже думать, что шумиро-аккадійцамъ пришлось въ начальную пору ихъ пребыванія въ Месопотаміи столкнуться съ какимъ-то, быть можетъ, единичнымъ чудовищемъ, въ родѣ плезіозавра, динозавра или бронтозавра.

поддерживаемый невидимой силой, переноситъ безъ вреда для себя. Императоръ и маги требуютъ отъ него чудесъ. Онъ воскрешаетъ умершаго и обращаетъ его въ христіанство; обращаетъ въ христіанство мага Аѳанасія, вельможъ царя, пахаря, у котораго вылѣчилъ своимъ словомъ вола, и даже императрицу Александру. Діоклетіанъ приводитъ Георгія въ храмъ, чтобы заставить его принести жертву идоламъ, но Георгій своимъ словомъ повергаетъ идоловъ на землю. Діоклетіанъ обрекаетъ Георгія и царицу на казнь. По дорогѣ къ лобному мѣсту царица умираетъ Георгій передъ казнью молится за своихъ мучителей. Ему отрубаютъ голову.

б) Другая редакція, собственно апокрифическая, знаетъ родителей Георгія: отцомъ его былъ язычникъ Геронтъ, а мать—христіанка Полихронія. Мать тайно воспитывала сына въ христіанской религіи. Однажды отецъ пригласилъ сына принести жертву идоламъ; Георгій отказался и сталъ обличать язычниковъ. Передъ смертью отецъ Георгія принимаетъ христіанство. По смерти отца Георгій истребляетъ идоловъ; на него доноситъ царю жрецъ Селиванъ. Георгія приглашаютъ на допросъ и затѣмъ подвергаютъ мукамъ. Царь предлагаетъ Георгію поклониться идоламъ. Георгій притворно соглашается и своимъ словомъ повергаетъ идоловъ. Когда Георгія ведутъ на казнь, его привѣтствуетъ мать его Полихронія. Царь велитъ и ее казнить.

в) Третья редакція, тоже апокрифическая, была самой распространенной на Востокѣ и на Западѣ. Она не называетъ родителей Георгія. Мучитъ Георгія персидскій царь Дадіанъ въ теченіе семи лѣтъ, при чемъ совершаются великія чудеса: три раза Георгія казнятъ, и три раза Богъ его воскрешаетъ; чтобы убѣдить царя и окружающихъ его въ истинности христіанской вѣры, Георгій велитъ сухому дереву пустить листья, воскрешаетъ мертвецовъ, исцѣляетъ больныхъ, воскрешаетъ павшаго быка; по его повелѣнію, идолы сами себя обличаютъ, и Георгій свергаетъ ихъ. Эти чудеса оказываютъ дѣйствіе на множество язычниковъ, и даже жена Дадіана, Александра, признала Христа. Всѣ они были казнены нечестивымъ Дадіаномъ. Дадіанъ приговариваетъ Георгія къ казни; по молитвѣ Георгія передъ его казнью нисходитъ съ неба огонь, который истребляетъ множество язычниковъ.

85. Сказанія о Ѳеодорѣ Тиронѣ. Въ сказаніяхъ о Ѳеодорѣ Тиронѣ, замученномъ при Максиміанѣ Галеріи (начало IV в.), изображаются побѣда Ѳеодора надъ Змѣемъ, муки, испытанныя имъ за вѣру, и чудо, совершенное имъ по смерти.

Ѳеодоръ Тиронъ отправляется, по приказанію царя, плѣнить пещерныхъ людей. Исполнивъ благополучно это порученіе, онъ возвращается назадъ. Мать беретъ коня Ѳеодора и ведетъ его на водопой къ колодцу. Колодецъ въ то время охранялся змѣями, которымъ царь давалъ ежегодную дань; за эту дань змѣи пускали воду, которой пользовались всѣ жители. Побѣда, одержанная Ѳеодоромъ надъ пещерными людьми, отвлекла вниманіе царя, и царь забылъ принести змѣямъ обычную жертву. Змѣй разгнѣвался и пересталъ пускать воду. Именно въ это время мать Ѳеодора пришла къ колодцу съ конемъ. Она напоила коня; вдругъ Змѣй схватилъ ее и унесъ въ свое жилище. Ѳеодоръ рѣшается освободить мать. На случай несчастнаго исхода своего предпріятія Ѳеодоръ сообщаетъ царю свое завѣщаніе относительно имущества и приказываетъ творить его память „въ первую субботу“. Спустившись въ колодецъ, онъ нашелъ свою мать, украшенную, какъ дѣва, золотомъ и серебромъ и окруженную двѣнадцатью змѣями. Ѳеодоръ ужаснулся. Помолившись Богу, онъ услышалъ ободряющій голосъ съ неба. Ѳеодоръ напалъ на змѣевъ, истребилъ ихъ и готовился выйти съ матерью изъ колодца. Въ это время показался трехголовый Змѣй въ 60 локтей длины, съ двумя юношами и тремя женами. Ѳеодоръ снова былъ ободренъ голосомъ свыше и пронзилъ Змѣя копьемъ. Снизошла вода, „яко рѣка велія“, которая унесла трупъ Змѣя, а Ѳеодоръ съ матерью и двумя юношами благополучно выбрался изъ колодца.

Послѣ побѣды Ѳеодора Тирона надъ змѣями сказаніе изображаетъ его мученическую смерть.

Чудо, совершенное Ѳеодоромъ послѣ смерти, таково. Юліанъ задумалъ осквернить христіанъ на первой недѣлѣ великаго поста. Для этого онъ приказалъ константинопольскому градоначальнику всѣ съѣстные припасы, продаваемые на рынкѣ, окропить идоложертвенною кровью. Тогда Тиронъ, уже умершій, является „явѣ, а не во снѣ“, къ архіерею, открываетъ ему замыселъ Юліана и указываетъ, какъ можно удержать бѣдныхъ христіанъ отъ покупки съѣстныхъ припасовъ: для этого архіерей

долженъ раздавать имъ „коливо“, т.-е. пшеницу, сваренную съ медомъ. Въ память этого событія христіане чествуютъ Ѳеодора Тирона въ субботу первой недѣли великаго поста „коливами“.

86. Житіе св. Макарія Римскаго. „Житіе св. преподобнаго отца нашего Макарія, иже есть близь рая обрѣтенъ за 20 поприщъ“, разсказываетъ слѣдующее.

Убогіе и недостойные иноки Сергій, Ѳеофилъ и Югинъ пришли въ монастырь отца Асклипія, находящійся въ сирійской Месопотаміи, между рѣками Евфратомъ и Тигромъ. Отпѣвши годину (часъ) девятую, иноки стали бесѣдовать другъ съ другомъ о постѣ, воздержаніи, чистотѣ и о честномъ имени. И нашла на нихъ на всѣхъ добрая мысль, и сказалъ Ѳеофилъ своимъ спутникамъ: „Хотѣли бы мы вся дни живота своего ходіти и страньствовати по земли, да вижю, гдѣ прілежитъ небо ко земли, якоже глаголютъ книгы, яко на столпѣхъ желѣзныхъ стоитъ небо“. И отвѣтили ему Сергій и Югинъ: „Брате, Ѳеофилъ! Тебя имѣеве во отца мѣсто: идѣже ты идеши, и не разлучивѣся тебе, яко и намъ угодно быть слово твое“. Тайно покинувъ монастырь, иноки отправились въ далекое путешествіе.

Сергій, Ѳеофилъ и Югинъ шли 16 дней и пришли въ Іерусалимъ. Здѣсь они пробыли 20 дней, посѣщая монастыри и молясь Богу. Отсюда иноки отправились на востокъ, шли 55 дней, перешли Тигръ, рѣку великую, и пришли въ Персію, въ чистое поле, именемъ Асія, гдѣ св. Меркурій убилъ Ульяна Поровата. И вошли они въ городъ Едіспонъ (Ктисифонъ), гдѣ лежатъ три отрока—Ананія, Азарія и Мисаилъ, и поклонились имъ. Пройдя всю Персію, иноки вошли въ Индѣйскую землю. Увидѣвъ иноковъ, мѣстные жители убоялись ихъ и, принявъ ихъ за соглядатаевъ, собрались въ числѣ 2.000, схватили ихъ, затворили въ тѣсномъ мѣстѣ и не давали ни ѣсть ни пить. Черезъ 10 дней явились провѣдать иноковъ, думая, что они умерли, и, найдя ихъ живыми, вывели вонъ и погнали изъ своей земли, бія ихъ прутьями. Отсюда иноки шли 40 дней, ничего не вкушая. Наконецъ, имъ попалось прекрасное и плодовитое дерево, и они насытились отъ плодовъ его. Отсюда иноки попали въ землю, гдѣ живутъ „псаглавые люди“. Эти люди не причинили инокамъ никакой пакости. Шли они черезъ землю „псаглавыхъ людей“ 100 дней. Далѣе иноки

пошли на востокъ, въ землю „трепсятокъ“. Увидѣвъ иноковъ. „трепсятки“ побѣжали отъ нихъ. И взошли иноки „на гору высоку зѣло, на пейже солнце не сияетъ, ні древа не растутъ, развѣе змінъ свистъ слышети и скрежетъ зубы ихъ: ехидны и аспиды, увалы, василиски“. Четыре дня шли иноки черезъ эту гору и Божьей милостью остались „невреженн“ отъ змѣй; „отъ свисту же ихъ воскомъ уши свои затыкаша, не могуща терпѣти глас змінныхъ“. Пройдя черезъ гору, иноки очутились въ великой пустой землѣ, по которой еще не проходилъ человѣкъ. Шли иноки 60 дней, размышляя о томъ, что дѣлать дальше, и молясь Господу, чтобы ихъ „упаслъ отъ лютыхъ зміевъ“. Когда иноки такъ молились, вдругъ противъ нихъ очутился „елень“. Иноки пошли за нимъ и пришли на мѣсто ровное, гдѣ паслись олени. Они прошли всю эту землю „безъ пути“. Отсюда иноки шли дальше 70 дней и пришли на ровное мѣсто, гдѣ росло много деревьевъ, имѣвшихъ сладкіе плоды. „И не бѣша сіянія солночного на мѣсте томъ, но мъгла темна“. Заплакали иноки, не зная, куда теперь идти. Семь дней сидѣли они на этомъ мѣстѣ плача. Вдругъ прилетѣлъ голубь. Иноки возвеселились, прославили Бога, пошли „по голуби“ и обрѣли „комору“, на которой было написано: „Олександра, царь макідоньскій, отъ Халкидона и Перьсіи воевалъ и до сего мѣста дошелъ, за тѣмъ же паречется тьма. Да иже хощеть се мѣста минути, да идетъ налѣво: все бо воды мира сего отъ лѣвыя страны, и ктоже ся тѣмъ надержить, да выидеть на свѣтъ; а на десно (направо)—горы великы и стромны (крутыя) и озера полны зміи, да то прошедъ, утѣшихомся и спасены бысть“. Иноки свернули налѣво и шли 40 дней. И сталъ доходить до иноковъ „гласъ, яко конь ржуще“. Приблизившись къ мѣсту, откуда шелъ голосъ, иноки увидѣли озеро, но не могли увидѣть воды. „И слышахомъ плач и стенаніе и воздыханіе много зело: полно человѣкъ озеро то“. И пришелъ къ инокамъ гласъ, говоря: „Сіи суть люди осуждени: тѣ бо ся Бога отвергоша“. Иноки со страхомъ миновали это озеро. Пройдя немного, иноки увидѣли двѣ высокія горы и великаго мужа, прикованнаго веригами къ одной изъ горъ и опаляемаго „четыремъ пламенемъ“; мужъ издавалъ вопль, который можно было слышать за 30 поприщъ. Со страхомъ иноки побѣжали дальше и увидѣли жену простоволосую, стоящую на краю пропасти, обвитую великимъ змѣемъ: когда жена пыталась говорить, змѣй билъ ее хоботомъ

по устамъ и не давалъ говорить. Изъ пропасти слышны были сильные гласы: „Помилуй мя Господи! Помилуй мя, Сыне Бога вышняго!“ Снова пустились иноки въ путь и шли 40 дней. И пришелъ на нихъ гласъ поющій множества народа, „и бысть благоуханье многа зело“. И увидѣли иноки великую церковь: посреди нея былъ алтарь, а посреди него—источникъ, въ которомъ была вода, бѣлая, какъ молоко. Около источника стояли мужи, которые пѣли ангельскія пѣсни. Иноки вострепетали и были отъ страха, какъ мертвые. Одинъ изъ мужей сказалъ: „Сей есть источникъ безсмертія, ожідая праведныхъ: вкусіте и насладитеся!“ Иноки вкусили этой воды, прославили Бога и пошли дальше. Три дня они не вкушали ничего: уста ихъ были услаждены той водой и слипались, какъ отъ меду. И шли иноки до рѣки и насытились. „Бяше по рецѣ тої земли свѣтло, седмеріцею свѣтлѣе сего свѣта“. Иноки поклонились на всѣ четыре стороны, и вдругъ поднялись вѣтры: „Западный ветръ, аки зеленъ, а отъ востока рыжъ, а отъ полунощи, аки кровь, а полуденный, акі снѣгъ бѣлъ; солнце теплѣе сего седмерицею, и древа болши сѣхъ, и горы высущия; земля два ліца имаша—червлена и бѣла, и птицы всѣми лицы, инокою тварью“ (породы). Иноки шли дальше 100 дней, не вкушая пищи, развѣ только утоляя жажду изъ рѣки. На пути имъ встрѣтилось множество мужей, женъ и дѣтей: одни изъ нихъ озлоблялись на иноковъ, а другіе дивились. Иноки рѣшили быть смѣлыми: „Растресемъ власы главъ своихъ,—говорилъ Сергій,—и укрѣпимся на нихъ: аще ли побѣжімъ, то погубять ны“. Иноки такъ и сдѣлали: люди испугались и побѣжали отъ нихъ.

Послѣ долгихъ странствій иноки, наконецъ, обрѣли пещеру. Они вошли въ нее, никого не нашли, но увидѣли въ ней слѣды человѣческихъ поклоновъ; пещера была наполнена благоуханіемъ. Иноки отдохнули въ пещерѣ и выспались. На другой день, выйдя изъ пещеры, иноки увидѣли къ востоку мужа, страшнаго образомъ и нагого; власы его были бѣлы, какъ снѣгъ; все его тѣло было покрыто волосами. Этотъ мужъ приблизился къ пещерѣ и вошелъ въ нее. Увидѣвъ иноковъ, мужъ палъ на землю и сталъ заклинать ихъ: „Аще есте отъ Бога, то явита мнѣ; аще ли отъ дьявола, то идите кромѣ (отъ) мене грѣшного“. Иноки отвѣтили ему, что они — рабы Божіи и діавола проклинаютъ. Старецъ поднялся, воздѣлъ руки на небо и прославилъ Бога, благословилъ иноковъ и раскрылъ

власы отъ лица своего. „И бяша благоуханіе отъ него много и благо зело“. У старца очи впали отъ старости; вѣки и брови закрыли очи, а ногти на рукахъ и ногахъ были, какъ серпы. Старецъ спросилъ иноковъ, кто они. Иноки сказали и объяснили цѣль своихъ странствій—„доити до мѣста, гдѣ прилежитъ небо къ земли“. Старецъ сказалъ имъ: „Чада моя добра! Не можетъ человѣкъ, плотенъ (плотскимъ) родился отъ жестока грѣха, доити и того место видѣти: азъ бо грѣшный, много се покушахъ и плакахся къ Богу, дабы видѣлъ чюдо таціи; и явімися ангелъ во снѣ нощію, глаголя: „Не прогнѣвай Господа Бога своего, создавъшаго тя, и нихтоже можеть жівъ того мѣста доити“. И азъ рекохъ: „Про что, Господи мой?“ И рече ми: „Яко отъ сего мѣста есть 20 попріщь градъ желѣзенъ, а другій мѣденъ; да за тѣми есть грады рай, гдѣже бѣ былъ Адамъ съ Евгою; да вышедъ убо на востокъ за раемъ, ту прилежитъ небо къ земли. И поставилъ Господь стрещи херувимъ и сераѳимъ, тіиже имуще въ рукахъ оружіе пламенное, и учінени суть въ раи древѣса животные; суть же та херувими отъ ногу до пояса человѣци, а перси — львовы, а главы—иною тварью, а руцѣже, аки ледени внѣ стѣнѣ градныхъ, да не можеть нихътоже внити тамо; суть бо ту силы страшны зело ангельстіи вои отвсюду пребывають, и поясы небесные ту суть“. Услышавъ объ этихъ чудесахъ отъ Божьяго человѣка, иноки возрадовались.

Преподобный старецъ обратился къ инокамъ съ просьбой уйти на короткое время съ мѣста, гдѣ они сидѣли: „Имамъ два дѣтище,—говорилъ старецъ,—приходеть ко мнѣ на всякъ вечеръ; да страхъ ми есть, егда восхапятся (накинутся) на вы“. Иноки подумали, что эти дѣтища—люди, и исполнили просьбу старца. И вотъ пришли изъ пустыни два льва. Отъ страха иноки пали ницъ. Старецъ возложилъ свои руки на львовъ, благословилъ ихъ и сказалъ: „Чада моя! Отъ миру человѣчьскаго пріішли ко мнѣ суть гости; да не мозіта имъ зла створити, но раби суть Божіи“. Старецъ велѣлъ инокамъ подойти ко львамъ. Съ великимъ страхомъ иноки подошли. Львы приблизились къ инокамъ и стали выражать радость: одному они ноги лизали, другого обнимали лапами за шею. Удивленные всѣмъ этимъ, иноки стали вопрошать старца, кто онъ такой. Старецъ сказалъ имъ, что его зовутъ Макаріемъ, и разсказалъ о себѣ такую исторію.

Макарій происходилъ отъ богатыхъ родителей, жившихъ въ Римѣ. Родители принудили Макарія вступить въ бракъ съ дѣвицей изъ сильнаго рода. Вечеромъ, въ день свадьбы, Макарію на сердце пришла мысль: онъ тайно покинулъ свой чертогъ и скрылся. И послалъ Господь Макарію ангела Рафаила во образѣ странника, и Макарій началъ съ нимъ свои странствія. Три года странствовалъ такъ Макарій, пока однажды, проснувшись, онъ не увидѣлъ, что его спутникъ исчезъ. Съ неба раздался гласъ, сообщавшій Макарію, что спутникъ его былъ Рафаилъ, который привелъ его на мѣсто, назначенное Господомъ. Макарій возрадовался и отправился далѣе, невѣдомо куда. Сначала путь указывалъ Макарію „дивьякъ“ (дикій звѣрь), а потомъ олень. Наконецъ, Макарію попался змѣй, который возвѣстилъ ему человѣчьимъ голосомъ, что здѣсь находится гора, которая уже 12 лѣтъ ожидаетъ его, такъ какъ она уготована ему. Змѣй, принявъ видъ юноши, пошелъ впередъ и привелъ Макарія къ этой пещерѣ. Войдя въ пещеру, Макарій нашелъ трупъ львицы и около нея двухъ львятъ, поникшихъ отъ голода. Макарій сталъ кормить ихъ.

Когда Макарій окончилъ свое повѣствованіе, прилетѣлъ воронъ, который принесъ „три полотьце (куска) хлѣба“ и положилъ передъ гостями.

Послѣ этого Макарій разсказалъ о своемъ главномъ грѣхѣ.

Двѣнадцать лѣтъ жилъ Макарій въ своей пещерѣ. Однажды онъ вышелъ посидѣть передъ дверьми пещеры. И началъ Сатана искушать его: Макарій видитъ передъ собою „ризу женьску“. Макарій съ недоумѣніемъ взялъ „ризу“ и принесъ ее въ пещеру. На другой день Макарій нашелъ снова „вещь женьску“ и опять принесъ ее въ пещеру. На этотъ разъ Макарій легъ спать, не перекрестясь. На третій день, выйдя изъ пещеры. Макарій увидѣлъ жену, сидящую на камнѣ, необыкновенной красоты и въ позолоченныхъ ризахъ. Эта женщина плакала горькими слезами. Макарій самъ прослезился и спросилъ ее, кто она. Жена разсказала Макарію, что она изъ Рима, дочь богатаго человѣка, что родители принуждали ее выходить замужъ, а она не захотѣла, убѣжала изъ дому въ пустыя горы и теперь не знаетъ, гдѣ она. Макарій, „не вѣдый козня дьяволя“, взялъ ее за руку и ввелъ въ пещеру. Вечеромъ Макарій легъ спать, опять не перекрестясь. Ночью жена исчезла отъ очей Макарія. Тогда Макарій понялъ, что это

было діаволово искушеніе, вышелъ изъ пещеры и сталъ горько плакать. Львята, увидѣвъ беззаконіе Макарія, разсердились на него и не хотѣли подходить къ нему. Тогда Макарій показалъ львятамъ мѣсто въ углу пещеры. Львята выкопали тамъ яму глубиною съ человѣка. Макарій влѣзъ въ яму и велѣлъ львятамъ засыпать ее. Три года сидѣлъ Макарій въ ямѣ и не умеръ. Наступила суровая зима; земля разсѣлась надъ головой Макарія; яма открылась, и Макарій увидѣлъ свѣтъ. Это было знакомъ того, что Господь очистилъ его беззаконіе.

Иноки, услышавъ разсказъ Макарія, прославили Господа. Принявъ благословеніе отъ Макарія, иноки пустились въ обратный путь. Они вернулись къ игумену Асклипію и разсказали братіи о житіи преподобнаго Макарія.

87. Житіе преподобнаго Зосимы. Въ „Житіи преподобнаго Зосимы, како ходи въ рахмани“, изображается блаженная жизнь рахмановъ (браминовъ).

Въ пустынѣ жилъ нѣкто Зосима. Это былъ праведный человѣкъ: онъ „не вкуси хлѣба ни вина 40 дни ни 40 нощи, ни лица человѣча видѣ“. Зосима сталъ молить Бога, чтобы ему дано было видѣть „житіе блаженныхъ человѣкъ, иже суть рахмане“. Молитва Зосимы была услышана: явился ангелъ, который велѣлъ Зосимѣ отправиться въ путь.

Зосима вышелъ изъ своей пещеры и шелъ, не зная самъ куда, 40 дней. И вотъ, пришелъ изъ пустыни звѣрь, именемъ верблюдъ, преклонилъ колѣни, взялъ Зосиму на свой хребетъ, понесъ его и высадилъ на одномъ страшномъ мѣстѣ, гдѣ было множество лютыхъ звѣрей. Испугался Зосима и обратился къ Богу съ молитвой. Вдругъ началось землетрясеніе, поднялась великая буря, подняла отъ земли Зосиму и поставила его у рѣки именемъ Евмеаси. Зосима собрался уже перейти черезъ рѣку, какъ вдругъ рѣка возопила человѣческимъ голосомъ: „Зосима, человѣче Божій! Не можеши проити сквозѣ воды моя, но виждь, еже есть врьху воды“. Зосима посмотрѣлъ и увидѣлъ облачную стѣну, поднимавшуюся отъ воды до неба. Облако сказало Зосимѣ: „Зосима человѣче Божій! Сквозѣ мя не проходитъ ни птица мира сего, ни духъ вѣтренни, ни солнце, ни превабитель (прельститель) діаволъ, ни инъ никтожь не можетъ проити сквозѣ мя“. Изумился Зосима и сталъ молиться Богу. Вдругъ взошли отъ земли два дерева, исполненныя благоуханныхъ плодовъ. Дерево, находившееся по

этой сторонѣ рѣки, преклонилось, взяло Зосиму на свою верхушку и, поднявъ его высоко, преклонило до средины рѣки, гдѣ встрѣтилось съ верхушкой другого дерева. Другое дерево приняло Зосиму и поставило его по ту сторону рѣки. Это была земля блаженныхъ.

Въ землѣ блаженныхъ Зосима прежде всего увидѣлъ человѣка, „сидяща нага“. Зосима спросилъ его, почему онъ нагъ. „Человѣкъ онъ“ отвѣтилъ Зосимѣ: „Не вѣси ся, брате, а самъ бо еси нагъ: ты бо носиши кожю овецъ земныхъ. и то истлѣетъ съ тѣломъ твоимъ. И возъзрѣвъ на небо, вижю лице мое и одежу мою, кака есть“. Зосима посмотрѣлъ на человѣка и увидѣлъ, что лицо его, какъ лицо ангела, а одежду его, какъ молнію, идущую съ востока на западъ. Испугался Зосима и, вообразивъ, что это—сынъ Божій, палъ ницъ. Человѣкъ поднялъ Зосиму, объяснилъ, что онъ—„единъ отъ блаженныхъ человѣкъ“, и повелъ его къ своимъ старцамъ. Отъ этихъ старцевъ Зосима услышалъ о житіи блаженныхъ.

Блаженные люди—потомки тѣхъ блаженныхъ людей, которые явились во времена пророка Іереміи. Іеремія проповѣдывалъ, что городъ Іерусалимъ будетъ преданъ въ руки иноплеменниковъ; онъ свергъ съ себя ризы, посыпалъ пепломъ главу свою и перстью одръ свой и заповѣдалъ людямъ, чтобы они „возвратились“ отъ своихъ беззаконныхъ дѣлъ. Услышавъ это, Рехомъ, отецъ блаженныхъ, сказалъ имъ: „Слушайте, сынове и дщери, Рехома, отца вашего: съвлецѣте ризы съ тѣлъ вашихъ; хлѣба отъ огня да не ясте и вина ни олу (крѣпкаго напитка) не пиите и меду да не вкуси, донелѣже услышитъ Господь молитву нашу“. Блаженные послушались Рехома, сдѣлали это и съ великимъ плачемъ стали молиться Господу Богу. Господь услышалъ молитву блаженныхъ и помиловалъ Іерусалимъ.

По смерти іерусалимскаго царя на престолъ іерусалимскій вступилъ его сынъ, который велѣлъ блаженнымъ оставить свои обычаи. Блаженные отказались. Тогда царь велѣлъ ввергнуть ихъ въ темницу. Ночью вдругъ открылся верхъ темницы; вошелъ ангелъ, который схватилъ блаженныхъ за волосы, вознесъ на облака, принесъ къ рѣкѣ и велѣлъ имъ идти по теченію рѣки. Такъ пришли блаженные въ ту землю, которую они населяютъ теперь. Вода въ рѣкѣ погибла, мѣсто разсѣлось, выступила вода изъ бездны и оградила землю блаженныхъ. Затѣмъ пришелъ облакъ и сталъ отъ воды до небеси.

Блаженные живутъ безъ грѣха, хотя они не безсмертны. Земля ихъ производитъ добровонные плоды; отъ корня древа исходитъ вода слаще меда. Блаженные пребываютъ день и ночь въ молитвахъ. Нѣтъ у блаженныхъ ни винограда, ни сосуда, ни желѣза, ни дома, ни зданій, ни огня, ни ножа, ни серебра, ни злата. Жену блаженный имѣетъ только до тѣхъ поръ, пока у него не будетъ двухъ дѣтей, а потомъ они разлучаются другъ съ другомъ и оба пребываютъ въ чистотѣ. Нѣтъ у блаженныхъ числа ни лѣтъ, ни часовъ, ни мѣсяцевъ, ни дней: всѣ дни у нихъ, какъ одинъ день. Въ пещерахъ ихъ лежитъ листвіе древесное, на которомъ блаженные спятъ. Пищу блаженные вкушаютъ ежедневно въ 6 часу: „Исходитъ бо отъ древа плодъ въ 6-й часъ, и ядимъ и піемъ отъ него, дондеже насытимся; и паки возвращается плодъ на мѣсто свое“. Когда наступаетъ постъ, плоды отъ деревъ перестаютъ появляться, и тогда падаетъ съ неба манна. Блаженные знаютъ время своей кончины: къ нимъ ходятъ ангелы, которые бесѣдуютъ съ ними обо всемъ и сообщаютъ о приближеніи ихъ кончины. Кончина блаженныхъ не сопровождается ни муками ни болѣзнями. Какъ невѣста ждетъ жениха своего, такъ и душа блаженныхъ ждетъ возвѣщенія ангела. Когда ангелъ скажетъ: „Пойди, душе: зовстъ тя Христосъ!“ — душа выходитъ изъ тѣла, и ангелы простираютъ одежду свою и пріемлютъ ее.

Узнавъ о житіи блаженныхъ, Зосима простился съ ними и двинулся въ обратный путь. Деревья опять перенесли его черезъ рѣку и облакъ. Затѣмъ явился левъ, который взялъ на себя Зосиму и несъ его 105 дней, потомъ верблюдъ, который привезъ его на старое мѣсто.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сочиненія свв. отцовъ и учителей церкви.

88. О сочиненіяхъ свв. отцовъ и учителей церкви. Переработкѣ еврейско-христіанскаго міропониманія на основахъ древне-греческой мысли (§ 33) содѣйствовали своими трудами отцы и учители церкви, лица, которыя въ юности воспитали свой умъ на древне греческихъ произведеніяхъ. Наиболѣе популярными и распространенными у насъ были сочи-

ненія слѣдующихъ отцовъ и учителей церкви: Ефрема Сирина, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Нила Синайскаго, Ѳеодорита Кирскаго, Геннадія Константинопольскаго, Іоанна Синайскаго-Лѣствичника, инока Антіоха, Анастасія Синаита, Іоанна Дамаскина, Никона Черногорца.

89. Сочиненія пр. Ефрема Сирина. Пр. Ефремъ Сиринъ (т.-е. сиріецъ, † 372 г.) оставилъ послѣ себя многочисленныя сочиненія: догматико-полемическія, экзегетическія, моральныя, аскетическія, похвальныя слова святымъ, церковныя пѣсни и молитвы. Въ нихъ Ефремъ Сиринъ обнаружилъ глубокое знаніе св. Писанія и обширную ученость. Давая свои толкованія отдѣльнымъ событіямъ или лицамъ св. Писанія, Ефремъ Сиринъ прежде всего старался установить буквальный историческій смыслъ ихъ и потомъ уже давалъ и объясненія прообразовательно-пророческія (§ 23). Помимо учености Ефремъ Сиринъ обнаруживаетъ въ своихъ сочиненіяхъ и поэтическое дарованіе: большая часть его произведеній, даже догматико-полемическихъ, облечена въ форму пѣсенъ, стихотвореній. Не отличаясь внѣшней отдѣлкой, его пѣсни и стихотворенія проникнуты глубокимъ чувствомъ, по преимуществу чувствомъ сокрушенія, которое вызывалось у автора сознаніемъ духовной немощи и испорченности человѣка, мыслью о неизбѣжномъ концѣ всѣхъ нашихъ стремленій,—мыслью о смерти и о необходимости постояннаго покаянія, памяти о загробномъ судѣ.

Вотъ нѣкоторые отрывки, характеризующіе основное настроеніе Ефрема Сирина:

„Проходитъ день, по слѣдамъ его идетъ другой, и когда не гадаешь, — смерть стоитъ уже въ головахъ у тебя... Гдѣ мудрецы, которые написали книги и писаніями своими наполнили міръ? Гдѣ тѣ, которые изумляли міръ своимъ словомъ и твореніями, плѣняли своими умствованіями?.. Гдѣ тѣ, которые гордились дорогими одеждами, покоились на пурпуровыхъ ложахъ. Гдѣ тѣ, которыя изумляли красотою своей наружности? Гдѣ руки, которые украшались жемчужинами? Гдѣ тѣ, которые приводили въ трепетъ своими велѣніями и покоряли себѣ землю ужасомъ своего владычества? Скажи землѣ, и она укажетъ тебѣ, гдѣ они; вопроси шеолъ (подземное царство), и онъ откроетъ тебѣ, куда они положены... Вонъ, всѣ они вмѣстѣ лежатъ въ землѣ, всѣ стали прахомъ, и не различишь, гдѣ прахъ богатаго, и гдѣ прахъ бѣднаго...“.

„Видѣлъ я, какъ алчный шеолъ наполняется, и всегда неполонъ: чѣмъ большее число мертвецовъ въ него входитъ, тѣмъ обширнѣе дѣлается его зѣвъ. Несчетныя тысячи лежатъ тамъ и богатыхъ, и бѣдныхъ, безчисленные сонмы видѣлъ я лежащихъ тамъ... Тихо лежатъ они въ могилѣ... Внимательно всматривался я въ кости и богатыхъ, и бѣдныхъ, — точно ли кости богатыхъ красивѣе, нежели кости бѣдныхъ?.. Вмѣстѣ смѣшаны тамъ кости ихъ...“.

Въ стихотвореніи подъ заглавіемъ „На губительную язву“ авторъ говоритъ: „Великій праздникъ нынѣ у смерти: созвала она и собрала всѣ племена и народы; созвала царей и князей, сильныхъ и обладателей; призвала вселенную отъ концовъ ея, собрала роды и поколѣнія, острова и обитателей ихъ отъ одного конца земли до другого, — и отверзъ гортань свою алчный шеолъ, поглощающій поколѣнія... Какъ царь, стоитъ смерть въ обители мертвыхъ, окруженная своими воинствами, безчисленными тьмами, полчищами и сонмами людей, которыхъ созвала, чтобы всѣ узнали ее. Низложила она человѣчество, ввергла во тьму умершихъ... Гробы наполнились тѣлами мертвыхъ, дома остались безъ жителей, пусты, протоптана дорога къ мертвымъ, запустѣлъ путь къ живымъ... Всякій заботится о томъ, чтобы приготовить скорѣе ровъ своему тѣлу, какъ будто ровъ этотъ ему пріятнѣе ложа подъ богатымъ покровомъ. Каждый спѣшитъ вырыть столько могилъ, сколько людей у него въ домѣ.. Но по множеству умирающихъ недостаетъ и могилъ, и каждый заботится только о своей могилѣ, заботится прежде всего приготовить ее себѣ, а потомъ уже и для другихъ. Мало земли для могилъ: вся она изрыта, вся ископана... Каждый заботится о себѣ самъ, боясь, что иначе, если умретъ, некому будетъ похоронить его.. Великій праздникъ при гробахъ! Тамъ и живые, и мертвые,— мертвые погребены въ землѣ, живые плачутъ при гробахъ... Обезлюдѣли и запустѣли дома, а могилы полны, даже черезъ край! У всякаго гроба отверста пасть, а у домовъ всѣхъ двери наглухо заперты. Не стало смѣха на землѣ, исчезла радость; царствуютъ плачъ, воздыханія, сѣтованіе, скорбь; болѣзненно вопіетъ сама земля. Безлюдны стали улицы; опустѣли, необитаемы дома; на стогнахъ не слышно человѣческаго голоса... Гумно плачетъ о своемъ владѣльцѣ; земледѣлецъ оставилъ работу свою; стадо плачетъ о пастухахъ,—разсѣяно, разогнано

оно по горамъ. Уныло ржетъ конь и горько плачетъ о своемъ господинѣ... Погибли наши нивы: не стало земледѣльцевъ: плачутъ виноградники и луга, служившіе пажитью скоту... Безмолвно лежитъ мать: на лонѣ у нея грудной младенецъ, лобзаетъ ее, играетъ ея волосами, зоветъ ее своимъ лепечущимъ языкомъ; но она молчитъ, не поетъ ему колыбельныхъ пѣсенъ, не даетъ горячихъ лобзаній. Куда же скрылся въ ней этотъ источникъ несказанной материнской любви? Почему говорливыя прежде уста не лобзаютъ плода чрева своего?.. Что не укорите вы, подруги, эту безжалостную мать?.. Младенецъ у ней на груди, а она и не взглянетъ на него!.. Утомились погребающіе; никто не заботится о ближнемъ... Опустѣла церковь и сѣтуетъ: нѣтъ у ней ни входящихъ, ни выходящихъ“...

Изъ произведеній Ефрема Сирина для насъ особенное значеніе имѣли два: 1) „Слово о злыхъ женахъ“ и 2) „Паренесисъ“.

1) „Слово о злыхъ женахъ“. „Слово о злыхъ женахъ“, какъ показываетъ заглавіе, разсматриваетъ отрицательныя черты въ женщинахъ. „Нѣтъ звѣря,—говоритъ Ефремъ Сиринъ,—подобнаго женѣ лукавой и нескромной на языкъ. Что страшнѣе льва между четвероногими, или лютѣе змія между пресмыкающимися? Однако же ничего не значатъ они въ сравненіи съ лукавою женою... А что левъ и змій уступаютъ ей въ злобѣ, свидѣтельствуетъ о томъ и Премудрый, говоря: „Лучше жити съ львомъ и зміемъ, неже жити съ женою лукавою“ (Сирах., XXV, 18)... О, какое это зло,—самое острое оружіе діавольское! Черезъ жену вначалѣ развратилъ діаволъ Адама въ раю, черезъ жену заключилъ Іосифа въ темницу, черезъ жену побудилъ Давида къ коварному убійству Урія, черезъ жену премудрѣйшаго Соломона довелъ до преступленія, черезъ жену гналъ Илію, черезъ жену ослѣпилъ Сампсона и усѣкнулъ Предтечу Христова, черезъ жену всѣхъ доводитъ до паденія, всѣхъ безчеститъ, всѣхъ убиваетъ, всѣхъ позоритъ... О, какое, всякаго зла злѣйшее, зло лукавая жена! И аспиды, если ихъ приласкаютъ, дѣлаются кроткими; и львы, и барсы, привыкнувъ къ человѣку, бываютъ смирны; но лукавая и безстыдная жена, если оскорбляютъ ее, бѣсится, если ласкаютъ—превозносится“...

2) **„Паренесисъ“.** „Паренесисъ“ представляетъ собраніе поученій и словъ Ефрема Сирина. Изъ помѣщенныхъ здѣсь словъ особенно много читались у насъ тѣ, которыя касались кончины міра, напр., „Слово о Антихристѣ“. Въ этихъ словахъ авторъ картинно изображаетъ тѣ ужасы и бѣдствія, которыми будетъ сопровождаться кончина міра.

Вотъ, какъ Ефремъ Сиринъ изображаетъ дѣйствія Антихриста въ началѣ его появленія.

„Великъ пуженъ будетъ подвигъ для вѣрныхъ, чтобы устоять противъ чудесъ и знаменій, какія онъ совершитъ, когда въ страшныхъ призракахъ покажетъ себя подобнымъ Богу, будетъ летать по воздуху, и всѣ бѣсы, подобно ангеламъ, вознесутся передъ мучителемъ... Кто устоитъ противъ его обольщеній, когда увидитъ по всей землѣ распространившуюся неизреченную скорбь, когда увидитъ, что весь міръ въ смятеніи, и что каждый бѣжитъ укрыться въ горахъ, и одни умираютъ отъ голода, другіе истаиваютъ, какъ воскъ, отъ жажды? Каждый со слезами будетъ спрашивать другого: „Есть-ли гдѣ на землѣ слово Божіе“? И услышитъ въ отвѣтъ: „Нигдѣ“! И многіе поклонятся мучителю, взывая: „Ты—нашъ спаситель“! Море мятется, земля изсыхаетъ, небеса не дождятъ, растенія увядаютъ, и всѣ живущіе на востокѣ земли отъ великаго страха бѣгутъ на западъ, живущіе же на западѣ съ трепетомъ бѣгутъ на востокъ. Безстыдный же, пріявъ тогда власть, пошлетъ бѣсовъ во всѣ концы смѣло проповѣдывать: „Великій царь явился во славѣ: идите и видите его“... У кого будетъ такая адамантовая душа, чтобы перепести всѣ эти соблазны?.. Всѣ послѣдователи Антихриста будутъ носить на себѣ печать звѣря: только въ этомъ случаѣ имъ можно будетъ покупать себѣ пищу и все потребное“. Печать Антихриста, его „злочестивыя начертанія“ будутъ на правой рукѣ и на челѣ каждаго человѣка, „чтобы человѣку не было уже возможности правою рукою напечатлѣть крестное знаменіе“. Для привлеченія къ себѣ народовъ Антихристъ будетъ прибѣгать къ хитрости: онъ „не будетъ брать даровъ, будетъ говорить съ гнѣвомъ, показывать пасмурный видъ, и многіе народы и сословія, увидѣвъ такія добродѣтели его, съ великой радостью провозгласятъ его царемъ... Но утвердившись на царствѣ, онъ скоро измѣнитъ свой скромный видъ на грозный и лютый и прежде всего во гнѣвѣ поразитъ трехъ царей“... Антихристъ совершитъ многочислен-

ныя знаменія передъ народами: на виду зрителей онъ будетъ переставлять горы и вызывать острова изъ моря: но эти знаменія будутъ недѣйствительными, ложными. Люди не будутъ находить себѣ пищи, чтобы утолить голодъ; „жестокіе надзиратели будутъ поставлены вездѣ, и тому только будетъ позволено покупать пищу, кто у себя на челѣ или на правой рукѣ имѣетъ печать Антихриста“. Младенцы будутъ умирать на лонѣ матерей, умретъ и мать надъ своимъ ребенкомъ, умретъ и отецъ съ женою и дѣтьми среди торжища, и некому будетъ похоронить и положить ихъ въ гробъ. „Отъ множества труповъ, лежащихъ по улицамъ, распространится зловоніе, которое будетъ поражать живыхъ... Но некуда бѣжать и скрыться! Все въ смятеніи — и море, и суша... Зловоніе на морѣ, зловоніе на сушѣ, голодъ и жажда въ домахъ... Золото и серебро будутъ разсыпаны на улицахъ, и никто до нихъ не коснется—все омерзѣло... Съ рыданіемъ встрѣчаются всѣ другъ съ другомъ—отецъ съ сыномъ, сынъ съ отцомъ, мать съ дочерью; обнимаясь на улицахъ, они кончаютъ жизнь; братья, обнимаясь съ братьями, умираютъ“... Всѣ тѣ, которые повѣрили Антихристу и приняли на себя его печать, приступятъ къ нему и попросятъ у него ѣсть и пить. Но Антихристъ, самъ не имѣя ничего, скажетъ имъ: „Откуда, люди, дамъ вамъ пить и ѣсть? Небо не хочетъ дать землѣ дождя, и земля не даетъ ни жатвы, ни плодовъ“... Тогда среди людей поднимется плачъ и рыданіе, какихъ еще никогда не было на землѣ. Сама природа раздѣлитъ скорбь людей. „Восплачутъ тогда вся земля и море, восплачетъ воздухъ, а вмѣстѣ восплачутъ и дикіе звѣри, и птицы небесныя; восплачутъ горы и холмы, и дерева на равнинахъ; восплачутъ и свѣтила небесныя — о родѣ человѣческомъ. Ибо всѣ уклонились отъ святого Бога и повѣрили лести, принявъ на себя вмѣсто животворящаго креста Спасителя начертаніе сквернаго и богоборнаго... Въ устахъ человѣческихъ прекратится вдругъ гласъ псалма и молитвы,—восплачутъ великимъ плачемъ всѣ церкви Христовы, потому что не будетъ ни священнослуженія, ни приношеній“... Съ появленіемъ Христа начнется всеобщее воскресеніе изъ мертвыхъ. „Тогда въ аду кости человѣческія, слыша гласъ трубы, со тщаніемъ побѣгутъ, ища своихъ суставовъ; тогда увидимъ, какъ всякое дыханіе человѣческое во мгновеніе ока возстанетъ съ мѣста своего, и всѣ отъ четырехъ концовъ земли будутъ

собраны на судъ. Тотчасъ дадутъ—земля своихъ мертвецовъ, а море—своихъ. Что растерзали звѣри, что раздробили рыбы, что расхитили птицы,—все это явится во мгновеніе ока. Ни въ одномъ волосѣ не окажется недостатка... Потомъ мы увидимъ огненную рѣку, текущую съ яростью, подобно свирѣпому морю, поядающую горы и дебри, пожигающую всю землю и дѣла, яже на ней; исчезнутъ источники, спадутъ звѣзды, солнце померкнетъ... Тогда ангелы потекутъ во всѣ страны, собирая людей отъ всѣхъ концовъ; тогда увидимъ небо новое и землю новую...“.

90. Сочиненія Василія Великаго и Григорія Богослова. Изъ сочиненій Василія Великаго († 379) у насъ болѣе всего извѣстны были „Бесѣды на Шестодневъ“ (см. § 102) и аскетическія поученія. Аскетическія поученія Василія касались главнымъ образомъ поста и монашеской жизни („Предисловіе постническимъ словесемъ“, „Вопрошанія постническа“, „О вѣрѣ“).

На ряду съ сочиненіями Василія Великаго были у насъ извѣстны и сочиненія другого отца церкви — Григорія Богослова († 389). У насъ читали главнымъ образомъ его „Поученія“.

91. Сочиненія Іоанна Златоустаго. Сочиненія Іоанна Златоустаго (347—407), получившаго свое прозвище за необыкновенное краснорѣчіе, были у насъ очень распространены. Помимо краснорѣчія такому распространенію содѣйствовали и другія свойства сочиненій Іоанна, а именно, ясность, естественность, простота. Наставленія Іоанна дышали любовью къ ближнимъ: онъ проповѣдывалъ любовь къ врагамъ, снисхожденіе и любовь къ согрѣшающимъ, которыхъ онъ умѣлъ утѣшать, и особенно любовь къ бѣдному классу населенія, къ которому стоялъ очень близко; убѣждая въ одной своей бесѣдѣ своихъ слушателей придти на помощь къ бѣднымъ, Іоаннъ даетъ точныя указанія о числѣ ихъ: одна десятая въ городѣ — бѣдные люди, одна десятая—босяки, остальныя восемь десятыхъ—люди посредственнаго состоянія. Сочувствіе Іоанна къ бѣднымъ было такъ велико, что однажды онъ выразилъ такую мысль: „Богъ не такъ скоро услышитъ праведныхъ, какъ бѣдныхъ...“.

Въ сочиненіяхъ Іоанна Златоустаго еще нѣтъ того суроваго аскетическаго настроенія, которое въ Византіи развивается позднѣе: его міровоззрѣніе проникнуто жизнерадостнымъ на-

строеніемъ и свѣтлымъ воззрѣніемъ на міръ; но сочувствіе къ жизни отшельнической, къ жизни внѣ условій греко-римскаго міра есть и у Златоустаго. Жизнь въ пустынѣ, въ уединеніи, представляется Златоустому жизнью, наиболѣе близкой къ природѣ, наиболѣе преисполненной нравственнаго величія. „Святые,—говоритъ Іоаннъ Златоустъ,—облеченные во власяницы, живущіе въ пустыняхъ, носятъ брачныя одежды... Нѣтъ у нихъ потоковъ крови, они не разсѣкаютъ мяса, нѣтъ головныхъ болей, нѣтъ приправъ въ кушаньяхъ, нѣтъ ни тяжелаго запаха и непріятнаго курева, ни безпрестаннаго бѣганія и шума, ни суматохи и криковъ несносныхъ, а только хлѣбъ и вода: вода изъ чистаго источника, хлѣбъ—отъ трудовъ праведныхъ. Постелью имъ служитъ просто трава; небо служитъ имъ вмѣсто крова, а луна вмѣсто свѣтильника—и для нихъ то однихъ не даромъ свѣтитъ луна... Разговоръ ихъ исполненъ такого же спокойствія: они не говорятъ о томъ, о чемъ разговариваемъ мы, до насъ нисколько не касающемся, напр., такой-то сдѣланъ начальникомъ, такой-то лишенъ начальства, такой-то умеръ, такой-то получилъ наслѣдство и т. п. И какъ мы не находимъ достойнымъ нашего разговора то, что дѣлаютъ муравьи въ своихъ муравейникахъ, такъ и они не говорятъ о томъ, что дѣлаемъ мы... Ничто у святыхъ царь, ничто—начальникъ; но какъ мы смѣемся надъ дѣтьми, въ игрѣ представляющими царя или начальника, такъ и они презираютъ гордость тѣхъ, которые внушаютъ страхъ собою...“.

Сочиненія Іоанна Златоустаго у насъ распространялись въ сборникахъ и извлеченіяхъ, сдѣланныхъ въ Болгаріи и носящихъ слѣдующія заглавія: 1) „Златоструй“, 2) „Учительное Евангеліе“, 3) „Андріатисъ“ и 4) „Маргаритъ“.

1) **„Златоструй“.** „Златоструй“ представляетъ сборникъ словъ Іоанна (количество словъ не одинаково въ рукописяхъ: въ однѣхъ—135, въ другихъ—80). Слова эти были сказаны Іоанномъ на различныя мѣста изъ „Книги Бытія“, на посланія апостола Павла и на какіе-нибудь случаи изъ жизни. Содержаніе ихъ имѣетъ цѣлью уясненіе нравственныхъ положеній христіанства. Переводъ вообще отличается точностью, хотя онъ не буквaленъ. Во многихъ мѣстахъ подлинникъ перифразируется; иногда въ переводѣ имѣются пропуски, а иногда собственныя добавленія переводчика; иногда переводчикъ по собственнымъ соображеніямъ одно слово разбивалъ на два слова. „Злато-

струй“ былъ составленъ при дѣятельномъ участіи болгарскаго царя Симеона (§§ 26—27).

2) „Учительное Евангеліе“. „Учительное Евангеліе“, т. е. Евангеліе, сопровождаемое толкованіями, представляетъ извлеченіе изъ бесѣдъ Іоанна Златоустаго на Евангелія Матѳея и Іоанна и изъ нѣкоторыхъ сочиненій другихъ отцовъ церкви. Это извлеченіе сдѣлано было и отчасти переработано самостоятельно извѣстнымъ болгарскимъ писателемъ Константиномъ Пресвитеромъ (§ 27). „Учительное Евангеліе“ распадается на отдѣльныя бесѣды. Каждая бесѣда, въ свою очередь, состоитъ изъ трехъ частей: вступленія, толкованія отрывка, читаемаго въ данный день на литургіи изъ Евангелія, и заключенія. Изъ этихъ трехъ частей толкованіе, наиболѣе обширная часть, представляетъ переводъ съ греческаго; вступленіе и заключеніе принадлежатъ перу составителя „Учительнаго Евангелія“.

„Учительное Евангеліе“ своими толкованіями, большею частью нравственнаго характера, имѣло большое значеніе для славянъ-христіанъ, въ томъ числѣ и для русскихъ, такъ какъ вводило мысль славянина-христіанина въ духъ христіанскаго ученія. Имѣли значеніе также и вступленія и заключенія Константина. Отличаясь ясностью, простотой и общедоступностью, они проникнуты искреннимъ чувствомъ и любовью къ болгарскому народу. Во вступленіяхъ и заключеніяхъ Константина замѣтно стараніе автора обновить нравственную жизнь поучаемыхъ въ духѣ ученія Христа, возбудить въ нихъ чувство благодарности къ Богу за призваніе къ христіанству, принесшему имъ благо просвѣщенія. Переводъ „Учительнаго Евангелія“ отличается ясностью и простотою.

3) „Андріатисъ“. „Андріатисъ“ представляетъ сборникъ словъ, сказанныхъ Іоанномъ Златоустомъ въ Антіохіи по случаю бунта и низверженія толпой императорскихъ статуй. Сборникъ состоитъ изъ 21 бесѣды.

4) „Маргаритъ“. „Маргаритъ“, т. е. „Жемчужины“, состоитъ изъ разнообразныхъ бесѣдъ и словъ Іоанна, число которыхъ было отъ 20 до 80. Переводъ этого сборника, повидимому, относится къ XIII—XIV вв.

Сочиненія Іоанна Златоустаго были у насъ настолько популярны, что вызвали также составленіе собственно русскихъ сборниковъ его произведеній, причемъ на ряду съ произведеніями, принадлежащими дѣйствительно Іоанну, въ эти сборники

попадали и произведенія, принадлежащія русскимъ авторамъ. Изъ такихъ сборниковъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: 1) „Златоусты“ и 2) „Измарагды“.

1) „Златоусты“. Въ основу сборниковъ съ этимъ заглавіемъ легли, какъ предполагаютъ, поученія на воскресные дни недѣль Великаго поста; къ нимъ присоединены были позже поученія на воскресные дни послѣ Пасхи, а затѣмъ поученія на прочіе дни Великаго поста и выдающіеся дни недѣль, предшествующихъ посту. Наконецъ, „Златоусты“ вообще превратились въ сборники проповѣдей на круглый годъ.

2) „Измарагды“. Сборники подъ именемъ „Измарагдовъ“ по своему содержанію напоминаютъ „Златоусты“. Отличаются „Измарагды“ отъ „Златоустовъ“ тѣмъ, что поученія, помѣщаемыя въ „Златоустахъ“, основаны на праздничномъ евангельскомъ чтеніи, или на событіи, празднуемомъ церковью, тогда какъ поученія въ „Измарагдахъ“ — смѣшаннаго содержанія: опредѣленной системы въ ихъ подборѣ нѣтъ. Повидимому, „Измарагды“ предназначались для домашняго чтенія мірянъ, тогда какъ „Златоусты“ предназначались для чтенія въ церкви.

92. **Сочиненія Нила Синайскаго.** Нилъ Синайскій († 450), отличавшійся строгостью своей жизни, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и плодовитымъ писателемъ. Въ своихъ сочиненіяхъ нравственнаго и аскетическаго содержанія онъ проводитъ слѣдующую мысль: у всякаго человѣка есть одинъ вѣчный даръ Творца — совѣсть, внутреннее невольное влеченіе къ добру; слѣдуя этому влеченію, человѣкъ, въ какой бы степени паденія онъ ни находился, можетъ спастись, если у него есть твердая сила воли. Высшимъ идеаломъ христіанской жизни должна служить жизнь первыхъ христіанъ, давшихъ образцы наилучшаго житія; такіе образцы они могли дать потому, что у каждаго неподкупнымъ судіею была своя совѣсть. „Вмѣсто свѣтильника,—пишетъ Нилъ Синайскій,—употребляй при разсмотрѣніи поступковъ своихъ совѣсть свою: она покажетъ тебѣ, какія дѣла въ твоей жизни хороши и какія худы“. Въ большей части своихъ сочиненій Нилъ преслѣдуетъ одну цѣль: „воздвизать совѣсть къ лучшему“. При этомъ онъ не требуетъ непремѣнно аскетическихъ подвиговъ: онъ даже не сочувствуетъ подвигамъ внѣшняго самоумерщвленія, вмѣсто котораго выдвигаетъ добрыя дѣла. „Изнуряй плоть добрыми дѣлами, — говоритъ Нилъ,—но позаботься не приводить ее въ совершенный

упадокъ... Столько подвизайся, сколько нужно, чтобы ослабить плотскія движенія; а если изнеможешь, врачуй тѣло для здравія, а не для роскошной жизни...“. Для своего спасенія нѣтъ надобности подвергать намѣренно свою жизнь опасности; ее необходимо беречь: „не пренебрегай своею жизнью и не поступай, ни на что не смотря, вопреки законамъ, чтобы и не погибнуть безъ закона“...

Изъ сочиненій Нила Синайскаго у насъ были болѣе извѣстны слѣдующія: 1) „Главизны о молитвѣ“, 2) „Различныя главизны“, 3) „О злыхъ осьми помыслахъ“ и 4) „Посланіе къ пресвитеру Хариклію“.

Вотъ нѣкоторые отрывки изъ его сочиненія „О злыхъ осьми помыслахъ“: „Начало плода — цвѣтъ, а начало добродѣтельной жизни — воздержаніе. Чѣмъ больше дровъ, тѣмъ сильнѣе пламя,—такъ и обиліе пищи вызываетъ похоть. Гаснетъ пламя, когда нѣтъ топлива; скудость пищи приводитъ въ безсиліе страсть. Запущенная земля производитъ терніе; а душа чревоугодника рождаетъ гнусныя мысли... Гнѣвливый инокъ— дикій вепрь: увидитъ кого, и зубы остритъ; инокъ терпѣливый—тихій источникъ: всѣ утоляютъ въ немъ жажду... Гнѣвъ и ярость уменьшаютъ дни... Печаль—дряхлость души, печаль— червякъ сердца, пожирающій родившую его мать. Кто любитъ міръ, у того всегда много печали, а кто презираетъ мірское, тотъ всегда веселъ... Какъ моль изъѣдаетъ одежду, а червь— дерево, такъ печаль съѣдаетъ душу человѣка... Лѣность—изнеможеніе души... Безводное облако гонится вѣтромъ, а умъ, лишенный терпѣнія,—духомъ лѣности. Лѣность гонитъ инока изъ келіи. Поддаваясь лѣности, инокъ постоянно посматриваетъ на дверь, и мысль его — о посѣтителяхъ. Заскрипѣли ворота—и онъ сейчасъ вонъ. Услышалъ голосъ — и глядитъ въ окно, пока не одеревенѣетъ сидя. Читая книгу, лѣнивый часто позѣвываетъ, очень скоро начинаетъ поддаваться дремотѣ, протираетъ глаза, потягиваетъ руки; отвернувши глаза отъ книги, глядитъ на стѣну; обратившись опять къ книгѣ и прочтя немного, останавливается на полусловѣ, смотритъ, далеко-ли до конца, считаетъ листы, тетради, бранитъ буквы и украшенія; наконецъ, закрывъ книгу, кладетъ ее подъ голову и спитъ, но не очень глубокимъ сномъ: голодъ скоро пробуждаетъ его и заставляетъ поторопиться къ обѣду...“.

Въ „Посланіи къ пресвитеру Хариклію“ выражается лю-

бовь Нила Синайскаго къ ближнимъ, снисхожденіе къ согрѣшающимъ.

93. Труды Ѳеодорита Кирскаго. Изъ трудовъ Ѳеодорита Кирскаго († 457) у насъ были извѣстны: 1) „Толкованія на псалмы“, 2) отрывокъ догматическаго содержанія подъ заглавіемъ „Отъ того еже о св. Троицѣ“, находящійся въ „Изборникѣ Святославовѣ 1073 г.“ (§ 116), 3) „О разсмотрѣніи всякаго дѣла зла“, 4) „О вѣрѣ“ и 5) отрывки изъ толкованій Ѳеодорита на книги малыхъ пророковъ.

94. Труды Геннадія Константинопольскаго. Изъ трудовъ Геннадія, патріарха Константинопольскаго († 471), у насъ болѣе всего былъ извѣстенъ „Стословецъ“, получившій свое названіе отъ того, что онъ раздѣленъ на 100 краткихъ параграфовъ („словъ“). Въ этомъ сочиненіи, отличающемся простотой своего изложенія, кратко изложены догматы христіанской нравственности и жизни.

Вотъ главныя мысли автора:

„Вѣруй во Отца и Сына и Св. Духа... Вѣруй въ Сына Божія... Родившую Его Матерь именуй Богородицей... Кресту Христову поклоняйся съ вѣрой... Вѣруй въ воскресенье мертвыхъ и жизнь будущаго вѣка... Помни судъ, готовься къ отвѣту, ожидай воздаянія по дѣламъ и вѣруй, что это будетъ, и будетъ непремѣнно... Затѣмъ возлюби Господа Бога твоего всею душою твоею и крѣпостью... Еще возлюби искренняго твоего... Имѣй всегда въ сердцѣ своемъ страхъ Божій и помни, что Богъ вездѣ съ тобою, на всякомъ мѣстѣ... Страхомъ Его, какъ уздою, воздерживай умъ твой... Преклоняй главу твою предъ всякимъ; кто старѣе тебя лѣтами и разумомъ... Ради смиренія преклоняй главу и передъ всякимъ богатымъ: это — многовѣтвистое дерево; наклонясь, лучше пройдешь... Не стыдись нищеты: большая часть міра сего въ нищетѣ ходитъ... Украшай себя правдою, старайся всякому говорить истину... Будь кротокъ со всякимъ, съ высшимъ тебя и съ низшимъ... Кроткая поступь, кроткое сидѣніе, кроткій взглядъ, кроткое слово — симъ покажешь, что ты — истинный христіанинъ... Ни въ какомъ дѣлѣ не ищи земной славы: земная слава угасаетъ для того, кто любитъ ее. На время, подобно бурному вѣтру, она дышитъ на человѣка и, отнявъ у него плодъ добрыхъ дѣлъ его, вскорѣ удаляется, посмѣявшись его неразумѣнію... Ты знаешь: кто зоветъ къ

себѣ царя, тотъ чиститъ свою палату; такъ и ты, если хочешь принять въ домъ свой Царя Небеснаго ради просвѣщенія души твоей, очисти тѣло постомъ, истощи жаждою, укрась душу смиреніемъ и наполни благоуханною молитвою... Не будь гордъ, чтобы не сталъ величаться гробъ, когда онъ заключитъ въ себѣ твою гордость. Убогій будетъ отдыхать въ полдень на гробѣ твоемъ и никакого вреда отъ этого не получитъ... Когда видишь, что несутъ мертваго, пожалѣй о немъ, какъ о своемъ собственномъ естествѣ, и проводи его до могилы... Больного посѣти и принеси ему, чего онъ желаетъ вкусить; самъ послужи ему, какъ своему сроднику, зная, что и ты также пострадешь... Когда ты сидишь за столомъ, наполненномъ различными яствами, вспомни, что иной ѣстъ въ это время сухой хлѣбъ и не можетъ по болѣзни воды принести... Услаждая себя пріятными напитками, вспомни, что въ это время какой нибудь нищій пьетъ теплую воду, согрѣвшуюся отъ солнца и смѣшанную съ пылью... Когда лежишь на мягкой постели и свободно протягиваешься, вспомни, что иной лежитъ на голой землѣ подъ однимъ рубищемъ и не смѣетъ протянуть ноги отъ болѣзни и холода... Лежа въ храминѣ подъ твердою кровлею и слыша шумъ отъ падающаго дождя, подумай о бѣдныхъ, которые въ это время лежатъ подъ дождемъ, какъ стрѣлами, пронзаемые каплями дождя, а другіе, не могши уснуть, сидятъ, потому что подъ нихъ подошла вода... Когда во время зимы ты въ теплой горницѣ и безъ боязни открываешь тѣло свое, вздохни, помысливъ о нищихъ, какъ они въ это время кряхтятъ при маломъ огнѣ, дрожатъ и только причиняютъ глазамъ своимъ большой вредъ отъ дыма, согрѣваютъ только руки, а плечи и все тѣло ихъ мерзнутъ отъ стужи... Подумай о душѣ твоей—она у тебя одна; одно и время жизни, конецъ же—неизвѣстенъ; воздушная пучина непроходима и полна твоими врагами; нѣтъ помогающаго тебѣ, кромѣ вѣры и добрыхъ дѣлъ: объ нихъ постарайся всею твоею силою... Вступи на стезю добродѣтели и иди скоро, чтобы не застигъ тебя вечеръ; поспѣшай ко вратамъ небеснаго града, не уклонися ни направо, ни налѣво, чтобы не заблудиться и не упасть въ пропасть мученія“...

95. Труды Іоанна Синайскаго-Лѣствичника. Іоаннъ Синайскій-Лѣствичникъ († 563) извѣстенъ былъ у насъ, главнымъ образомъ, своимъ произведеніемъ аскетическаго содер-

жанія — „Лѣствицей“. Въ этомъ произведеніи Іоаннъ намѣчаетъ путь, или „лѣствицу“ для постепеннаго нравственнаго совершенствованія лицъ, избравшихъ иноческую жизнь. Этотъ путь состоитъ изъ тридцати ступеней духовнаго восхожденія къ совершенству. Каждой изъ этихъ ступеней Іоаннъ посвящаетъ особую бесѣду. Вотъ нѣкоторыя изъ ступеней: любовь, безстрастіе, молитва, безмолвіе, терпѣніе, отреченіе отъ суетной жизни, странничество и т. д. Установленныя Іоанномъ тридцать ступеней въ процессѣ нравственнаго совершенствованія не связаны между собою строгой психологической послѣдовательностью: онѣ представляютъ отдѣльные фазисы душевнаго состоянія человѣка, часто разграниченные другъ отъ друга на очень сомнительныхъ началахъ. Тѣмъ не менѣе сочиненіе Іоанна имѣетъ цѣльность благодаря своей основной идеѣ постепеннаго нравственнаго совершенствованія. Иноческая жизнь представляетъ путь непрерывнаго и труднаго восхожденія по лѣстницѣ духовнаго совершенствованія. Такое восхожденіе возможно при внимательномъ самонаблюденіи: наблюдая себя, необходимо останавливаться на тѣхъ своихъ мысляхъ, чувствахъ и настроеніяхъ, которыя подсказываются страстями или грѣховными наклонностями, и безпощадно искоренять ихъ. Личное духовное совершенствованіе состоитъ въ борьбѣ съ собственными пороками и страстями, въ процессѣ духовнаго самоочищенія отъ нихъ. Въ этомъ состоитъ главная задача инока. Побѣждая отдѣльные пороки и страсти, постепенно очищая отъ нихъ свою душу, инокъ поднимается по ступенямъ духовной лѣстницы. Восхожденію по этимъ ступенямъ особенную помощь оказываетъ непрестанная память о смерти: слезы сокрушенія и умиленія размягчаютъ душу инока, а полная отдѣленность отъ всего доставляетъ ему внутренній душевный покой. Путь нравственнаго восхожденія Іоаннъ рекомендуетъ совершать сознательно, „съ разсужденіемъ“. Въ заключеніе 30-ой ступени своей „лѣствицы“ Іоаннъ приглашаетъ своего читателя на подвигъ нравственнаго совершенствованія воззваніемъ: „всходите, всходите“!

96. Труды инока Антіоха и св. Анастасія Синаита. Изъ трудовъ указанныхъ отцовъ и учителей церкви замѣчательны слѣдующіе:

1) **„Пандекты“ инока Антіоха.** Это сочиненіе инока Антіоха († 635), состоящее изъ 130 главъ, ясно и общедоступно

трактуетъ о добродѣтеляхъ и порокахъ: „о воздержаніи“, „о постѣ“, „о скупости“, „о взаимъ дающихъ“, „о томъ, еже хранитися отъ женъ“, „о гнѣвѣ“, „о лѣности“, „о татьбѣ“ и т. д.

2) **„Вопросы и отвѣты“ св. Анастасія Синаита.** Сочиненія, изложенныя въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, благодаря своей легкости и общедоступности, были очень распространены въ византійско-болгарской литературѣ и у насъ. „Вопросы и отвѣты“ св. Анастасія Синаита († 686) посвящены разбору нѣкоторыхъ затруднительныхъ для пониманія мѣстъ св. Писанія.

97. Труды Іоанна Дамаскина. Іоаннъ Дамаскинъ († ок. 753) отличался обширностью и многосторонностью своего образованія. Онъ развилъ свой умъ на сочиненіяхъ Аристотеля, и это сдѣлало Іоанна точнымъ и строгимъ мыслителемъ, отчетливымъ въ понятіяхъ и словахъ. Среди отцовъ церкви Іоаннъ Дамаскинъ считается первымъ систематикомъ, и въ этомъ — значеніе его богословскихъ сочиненій. Изучивъ физику Аристотеля, Іоаннъ Дамаскинъ развилъ въ себѣ склонность къ наблюденію явленій природы; поэтому его сочиненія изобилуютъ естественно-научными свѣдѣніями. Тщательное изученіе Іоанномъ сочиненій Аристотеля по психологіи выразилось въ обиліи психологическихъ свѣдѣній, разсѣянныхъ по его сочиненіямъ.

Іоаннъ Дамаскинъ замѣчателенъ не только, какъ богословъ-систематикъ, но и какъ неподражаемый церковный пѣснотворецъ.

Изъ богословскихъ сочиненій Іоанна Дамаскина у насъ было очень цѣнимо сочиненіе подъ заглавіемъ: „Слово о правѣй вѣрѣ“, или „Увѣріе“, переведенное Іоанномъ Экзархомъ (§ 27). Это капитальное сочиненіе состоитъ въ греческомъ подлинникѣ изъ 100 главъ, образующихъ четыре книги. Содержаніе его слѣдующее.

Въ *первой* книгѣ авторъ излагаетъ сначала доказательства бытія Божія, причемъ замѣчаетъ, что „вѣдѣніе о бытіи Божіемъ самъ Богъ насадилъ въ природѣ каждаго“. Затѣмъ авторъ говоритъ „о непостижимости Божества“, „о томъ, что Богъ единъ, а не многіе“, о Св. Духѣ, о Св. Троицѣ, о вездѣсущіи Божіемъ и т. д.

Во *второй* книгѣ авторъ прежде всего толкуетъ слово „вѣкъ“. Слово „вѣкъ“, по мнѣнію автора, „означаетъ многое: вѣкомъ называется и жизнь каждаго человѣка, вѣкомъ называется и тысячелѣтнее время, вѣкомъ именуются также вся

настоящая жизнь и вѣкъ будущій, нескончаемый по воскресеніи; вѣкомъ опять называется не время и не какая-либо часть времени, измѣряемая движеніемъ и теченіемъ солнечнымъ, т.-е. состоящая изъ дней и ночей, но то, что продолжается наравнѣ съ вѣчнымъ, какъ бы нѣкое временное движеніе и протяженіе. Что время для временнаго, то вѣкъ для вѣчнаго"... Далѣе авторъ говоритъ о твореніи, объ ангелахъ, о діаволѣ и демонахъ, о видимой твари, о небѣ, о свѣтѣ, огнѣ и о свѣтилахъ— солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, о воздухѣ и вѣтрахъ, о водахъ, о землѣ и о томъ, что изъ нея, о раѣ, о человѣкѣ, объ удовольствіяхъ, о скорби, о страхѣ, о гнѣвѣ, о чувственности, о чувствахъ, о способности мышленія, о памяти, о словѣ внутреннемъ и внѣшнемъ, о страдательномъ состояніи и о дѣйствованіи, о добровольномъ и невольномъ, о свободѣ, о промыслѣ, о предвидѣніи и предопредѣленіи. Изъ перечня главъ видно, что вторая книга „Слова о правѣй вѣрѣ" представляетъ своего рода энциклопедію свѣдѣній по естествознанію и психологіи. Вотъ нѣкоторыя изъ свѣдѣній и воззрѣній автора, заимствованныхъ имъ большею частью у древне-греческихъ мыслителей.

„Небо окружаетъ все и само шарообразно, и отовсюду составляетъ высшую часть; а средина обнимаемаго имъ пространства составляетъ низшую часть...". „Тѣла легкія и быстродвижныя получили отъ Создателя высшее мѣсто, а тяжелыя и стремящіяся внизъ — низшее, т.-е. среднее. Самая легкая и стремящаяся кверху стихія — огонь, которому, говорятъ, поэтому и дано первое мѣсто послѣ неба: подъ симъ огнемъ разумѣютъ эѳиръ. Послѣ и ниже его—воздухъ, а земля и вода, какъ тѣла, болѣе тяжелыя и стремящіяся внизъ, повѣшены въ самой срединѣ, или, наоборотъ, земля и вода—внизу, вверху же со всѣхъ сторонъ какъ бы нѣкоторый покровъ, кругомъ простертъ воздухъ, а около воздуха со всѣхъ сторонъ эѳиръ, а внѣ и вокругъ всего этого небо... Небо движется кругообразно и сгнетаетъ все, что внутри его, и такимъ образомъ все остается твердо и не распадается... Говорятъ, есть семь поясовъ неба, одинъ выше другого, и что въ каждомъ поясѣ — по одной планетѣ: въ первомъ, самомъ высшемъ поясѣ,—Сатурнъ, во второмъ—Юпитеръ, въ третьемъ—Марсъ, въ четвертомъ — Солнце, въ пятомъ — Венера, въ шестомъ— Меркурій, въ седьмомъ, самомъ низшемъ,—Луна... Названы же

онѣ планетами (т.-е. блуждающими) потому, что совершаютъ движеніе, противоположное движенію неба: ибо, тогда какъ небо и прочія звѣзды движутся отъ востока къ западу, онѣ однѣ движутся отъ запада къ востоку... Еще говорятъ, что небо наподобіе шара окружаетъ землю и въ быстрѣйшемъ круговомъ своемъ движеніи носитъ съ собою солнце, луну и звѣзды и что, когда солнце надъ землею—бываетъ здѣсь день, а когда солнце зайдетъ подъ землею—бываетъ ночь, а тамъ—день... Говорятъ также, что въ небѣ есть двѣнадцать созвѣздій, или знаковъ зодіака, которые имѣютъ движеніе, противоположное движенію солнца, луны и другихъ пяти планетъ, и что семь планетъ проходятъ черезъ двѣнадцать знаковъ зодіака. Солнце на прохожденіе каждаго знака зодіака употребляетъ одинъ мѣсяцъ и въ двѣнадцать мѣсяцевъ проходитъ всѣ двѣнадцать знаковъ...“.

О стихіяхъ, число которыхъ сводилось къ четыремъ, Іоаннъ Дамаскинъ передаетъ слѣдующія свѣдѣнія: „Огонь есть одна изъ стихій, легкая, болѣе другихъ стремящаяся вверхъ, имѣющая свѣтить... Огонь, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть не что иное, какъ свѣтъ; другіе помѣщаютъ міровой огонь выше воздуха и называютъ эѳиромъ... Вода—также одна изъ четырехъ стихій... Океанъ доставляетъ морямъ воду, которая оставаясь въ моряхъ долгое время и стоя неподвижно, дѣлается горькою, между тѣмъ какъ солнце и смерчи постоянно вытягиваютъ изъ нея тончайшія частицы: изъ нихъ составляются облака и бываютъ дожди... Океанъ раздѣляется на четыре начала, или на четыре рѣки: имя одной—Фисонъ, т.-е. Гангесъ индійскій, имя второй — Геонъ, это Нилъ, истекающій изъ Эѳіопіи въ Египетъ, имя третьей—Тигръ, имя четвертой—Евфратъ. Есть много и другихъ очень большихъ рѣкъ, изъ коихъ нѣкоторыя изливаютъ воды свои въ море, а другія теряются въ землѣ... Земля — одна изъ четырехъ стихій, сухая, холодная, тяжелая и неподвижная... Одни полагаютъ, что она поставлена и утверждена на водахъ, другіе — на воздухѣ... Нѣкоторые считаютъ землю шаровидною, другіе—похожею на конусъ...“.

Перейдя къ разсмотрѣнію человѣка, авторъ касается двухъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ человѣкъ,—тѣла и души. Всякое тѣло, по мнѣнію автора, состоитъ изъ четырехъ стихій—земли, воды, воздуха и огня, а тѣла живыхъ существъ состоятъ изъ четырехъ „изливъ“, или „влагъ“: изъ „черной

желчи", которая соотвѣтствуетъ землѣ, изъ „флегматической влаги", которая соотвѣтствуетъ водѣ, изъ „крови", которая соотвѣтствуетъ воздуху, и изъ „желтой желчи", соотвѣтствующей огню. Человѣкъ одаренъ пятью чувствами — зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ, осязаніемъ. „Органами, или орудіями зрѣнія служатъ нервы, исходящіе изъ мозга, и глаза... Органы слуха — нѣжные нервы мозга и уши со всѣмъ ихъ устройствомъ". Обоняніе „производится посредствомъ ноздрей, которыми запахъ поднимается къ мозгу, а оканчивается при краяхъ переднихъ желудочковъ...". Органы вкуса — языкъ, особенно конецъ языка, и верхняя часть во рту, которую называютъ небомъ. Въ этихъ органахъ находятся простирающіеся изъ мозга довольно расширенные нервы, которые передаютъ высшей способности души принятое впечатлѣніе, или ощущеніе. Пятое чувство—осязаніе. Это чувство дѣйствуетъ посредствомъ нервовъ, распростертыхъ изъ мозга по всему тѣлу.

Третья книга трактуетъ о вопросахъ богословскихъ съ присоединеніемъ полемики противъ современныхъ автору еретическихъ ученій. Въ ней говорится „о божественномъ домостроительствѣ, Божіемъ попеченіи о насъ и нашемъ спасеніи", „о воплощеніи Сына Божія", „о двухъ естествахъ во Христѣ", „о взаимномъ сообщеніи свойствъ", „о числѣ естествъ" и т. д.

Четвертая книга — догматико-полемическаго содержанія. Въ ней излагается о томъ, что послѣдовало по воскресеніи Іисуса Христа, „о сѣдѣніи одесную Отца", ведется полемика съ тѣми, которые говорили: „если Христосъ имѣетъ два естества, то вы или служите твари, поклоняясь сотворенному естеству, или признаете одно естество достопоклоняемымъ, а другое недостопоклоняемымъ"; дается отвѣтъ на вопросъ, почему вочеловѣчился Сынъ Божій, а не Отецъ и не Духъ Св., и что совершилъ Сынъ своимъ вочеловѣченіемъ; дается отвѣтъ и на другой вопросъ, сотворена ли упостась Христова, или нѣтъ, трактуется объ обрѣзаніи, Антихристѣ и воскресеніи изъ мертвыхъ.

Переводъ „Слова о правѣй вѣрѣ" — не полонъ: изъ 100 главъ Іоаннъ Экзархъ перевелъ только 48, выбравъ для перевода только такія, которыя по своему содержанію представлялись наиболѣе важными и доступными для молодого болгарскаго народа. Главы же съ слишкомъ отвлеченнымъ содержаніемъ или тѣ, въ которыхъ заключалась полемика съ утонченными

еретическими ученіями, Іоанномъ опущены. Такъ, опущены главы, въ которыхъ Іоаннъ Дамаскинъ трактовалъ „о томъ, что о Богѣ говорится тѣлообразно“, „о мѣстѣ Божіемъ и о томъ, что одинъ Богъ неограниченъ“, „о свойствахъ естества Божія“, „о скорби“, „о страхѣ“, „о гнѣвѣ“, „о чувственности“, „о способности мышленія“ и т. д.

98. Труды Никона Черногорца. Между трудами Никона Черногорца (XI в.), монаха одного изъ монастырей близъ Антіохіи на Черной горѣ, у насъ наиболѣе популяренъ былъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ „Пандекты“. „Пандекты“ дѣлятся на двѣ части, заключающія въ себѣ 64 слова. По своему содержанію сборникъ представляетъ собраніе извлеченій изъ сочиненій отцовъ и учителей церкви и другихъ сочиненій по вопросамъ христіанской нравственности, свѣтской и монашеской. Эти извлеченія сопровождаются краткими замѣчаніями самого Никона.

„Пандекты“ Никона Черногорца служили для многихъ изъ древне-русскихъ писателей неисчерпаемымъ источникомъ цитатъ и отрывковъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Эти цитаты придавали многимъ изъ нашихъ писателей видъ обширной начитанности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Естественно-научная литература.

99. Объ естественно-научной литературѣ. Византійско-болгарская естественно-научная литература разсматриваетъ природу и ея явленія съ еврейско-христіанской точки зрѣнія. Къ ней относятся „Физіологъ“, „Шестодневы“ и „Христіанская топографія“ Козьмы Индикоплова.

100. „Физіологъ“. „Физіологомъ“ называется сборникъ свѣдѣній о звѣряхъ, птицахъ, насѣкомыхъ, рыбахъ, деревьяхъ, камняхъ и т. д. Свѣдѣнія эти почерпались изъ египетскихъ сказаній, изъ Талмуда, Библіи и у античныхъ писателей. „Физіологъ“ сложился во II — III вв. по Р. Х. Свѣдѣнія, сообщаемыя „Физіологомъ“, большею частью фантастическія, были переработаны христіанскими писателями и снабжены символическими толкованіями съ точки зрѣнія еврейско-христіанскаго міровоззрѣнія.

Каждая статья, посвященная въ „Физіологѣ“ отдѣльному звѣрю, птицѣ и т. д., распадается на двѣ части: въ одной описываются тѣ или другія свойства звѣря, птицы и т. д., въ другой излагаются символическія толкованія этихъ свойствъ и выводится какая-нибудь назидательная мысль.

Вотъ примѣры изъ „Физіолога“:

1) **О львѣ.** Львица рождаетъ скимна (дѣтеныша) мертвымъ и стережетъ его. Появляется отецъ скимна, сильно дуетъ на него и оживляетъ его. Такъ и Вседержитель Отецъ на третій день воздвигъ изъ мертвыхъ своего первороднаго сына.

2) **О змѣѣ.** Когда змѣя старится, то, желая помолодѣть, она постится сорокъ дней и сорокъ ночей, пока кожа, ослабѣвши, не станетъ слѣзать съ нея. Тогда змѣя ищетъ камень или тѣсную разсѣлину, черезъ которую начинаетъ пробираться. Утомивъ труднымъ прохожденіемъ свое тѣло, змѣя молодѣетъ. Такъ и человѣкъ, желающій отложить мірскую старость, долженъ ходить тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ. „Смотри, о человѣкъ, какъ поступаетъ змѣя для своего спасенія: она постится; постись же и ты: ты обновишься и дойдешь въ Божію волю“. Змѣя отлагаетъ свою ветхую кожу: такъ и человѣкъ долженъ отложить ветхаго человѣка, т.-е. свои грѣхи.

Змѣя, собираясь идти къ источнику, чтобы пить воду, оставляетъ свой ядъ въ гнѣздѣ. Когда человѣкъ собирается пить отъ истиннаго источника, отъ тѣла и крови Христа, онъ долженъ выгнать изъ своего сердца всякую злобу; онъ долженъ примириться съ братомъ своимъ и тогда принести свой даръ.

3) **О китѣ.** Китъ великъ, какъ островъ. Корабельщики пристаютъ къ нему, какъ къ острову, бросаютъ якорь и привязываютъ къ нему корабль: затѣмъ на китѣ разводятъ огонь и готовятъ кушанье. Когда огонь прижжетъ кита, онъ спускается въ глубину и топитъ корабль. Также бываетъ и съ человѣкомъ, который возложитъ свои надежды на діавола: вмѣстѣ съ нимъ онъ погрузится въ геенну огненную.

Другое свойство кита состоитъ въ слѣдующемъ. Когда ему хочется ѣсть, онъ открываетъ свои уста, изъ которыхъ исходитъ благоуханіе; малыя рыбы собираются около устъ кита, и китъ проглатываетъ ихъ; великія рыбы не приближаются къ киту и этимъ спасаютъ себя отъ гибели. Соломонъ въ притчахъ предостерегаетъ противъ коварной женщины: медъ,

капающій изъ устъ такой женщины, на время услаждаетъ гортань человѣка, а впослѣдствіи окажется болѣе горькимъ, чѣмъ желчь, и болѣе острымъ, нежели обоюдоострый мечъ: онъ смертью низведетъ человѣка въ адъ.

4) **Объ инорогѣ.** Пѣснопѣвецъ говоритъ: „И вознесется, яко инорога, рогъ мой". Инорогъ — звѣрь небольшой величины, какъ козелъ. Онъ не имѣетъ голоса и отличается кротостью. Посреди головы у него—рогъ. Такъ какъ инорогъ отличается силой, то охотники не могутъ приблизиться къ нему. Поймать инорога можно такъ: передъ нимъ выставляютъ чистую дѣвицу: инорогъ приближается къ дѣвицѣ и начинаетъ сосать ея сосцы; дѣвица легко приводитъ инорога въ царскую палату. Воздвигнутъ былъ рогъ нашего спасенія въ домѣ Давида черезъ истинную и чистую Богородицу: Слово стало плотью и вселилось въ насъ.

Охотники, ища мѣсто, гдѣ отдыхаютъ слоны, употребляютъ для ихъ ловли слѣдующій способъ. Слонъ не имѣетъ суставовъ и потому не можетъ сгибать колѣнъ. Когда онъ хочетъ спать, то прислоняется къ дереву. Охотники, замѣтивъ дерево, заблаговременно подпиливаютъ его, но не до конца. Когда слонъ прислонится къ этому дереву, дерево сломается, и слонъ упадетъ на землю съ великимъ ревомъ. Охотники подбѣгаютъ, изрубаютъ его, берутъ мясо съ костями и поскорѣе отбѣгаютъ, чтобы не предупредилъ ихъ и не настигъ инорогъ: инорогъ, услыша ревъ слона, прибѣгаетъ къ нему, преклоняетъ колѣна, влагаетъ подъ нимъ рогъ и поднимаетъ его. Единорогъ — символъ благоуготованнаго Господа; Іисусъ Христосъ — церковный рогъ; увидѣвъ падшаго человѣка, Христосъ умилосердился, пришелъ и воздвигъ его.

5) **О слонѣ.** Если охотники не явятся къ свалившемуся слону, то какъ онъ поднимается? А вотъ какъ. Слонъ возопіетъ великимъ, грознымъ и болѣзненнымъ гласомъ: на его голосъ является громаднаго роста слонъ и пытается поднять лежащаго слона, но не можетъ. Тогда оба слона начинаютъ ревѣть великими гласами; на ихъ голосъ прибѣгаютъ двѣнадцать слоновъ, которые пробуютъ поднять упавшаго, но безполезно. Тогда всѣ двѣнадцать слоновъ вмѣстѣ съ двумя другими начинаютъ ревѣть; на ихъ голосъ является маленькій слонъ, просовываетъ свой хоботъ подъ лежащаго слона и поднимаетъ его. Большой слонъ—это ветхозавѣтный законъ, ко-

торый не можетъ поднять человѣка и спасти; маленькій слонъ—образъ Христа, спасшаго человѣка.

6) О саламандрѣ. Огонь, если въ него попадаетъ саламандра, гаснетъ. Такъ три отрока, ввергнутые въ печь огненную, не сгорѣли, а студили ее.

7) О камняхъ, дающихъ огонь. Есть камни, которые, столкнувшись другъ съ другомъ, возгораются и зажигаютъ все, что есть вокругъ нихъ. Камни эти—символы мужчины и женщины. Мужчина долженъ находиться подальше отъ женщины; приблизившись къ женщинѣ, можно запылать страстью, и тогда будутъ сожжены всѣ добродѣтели. Самсонъ присталъ къ женщинѣ, и она остригла его силу.

8) О струѳокамилѣ. Струѳокамилъ, когда наступаетъ ему время нести яйца, приходитъ на песокъ, сноситъ ихъ сюда и зарываетъ въ песокъ. Изъ яицъ вылупливаются птенцы. Таковы родители, бросающіе своихъ дѣтей, не заботящіеся объ ихъ воспитаніи. Но есть духовные отцы, которые съ радостью берутъ на себя заботы о чужихъ дѣтяхъ.

„Физіологъ“ своими свѣдѣніями и толкованіями имѣлъ большое вліяніе на церковную живопись и на церковное устное творчество (См. „Курсъ“, Ч. I, книга вторая).

101. „Шестодневы“. „Шестодневами“ назывались весьма популярныя въ византійско-славянской литературѣ сочиненія, въ которыхъ трактуется о происхожденіи міра. Въ основу разработки этого вопроса авторы „Шестодневовъ“ брали библейскій разсказъ о шести дняхъ творенія, откуда и произошло названіе сочиненій. Но этотъ краткій, сухой разсказъ дополнялся обширными комментаріями естественно-научнаго, философскаго и богословскаго характера. Основной задачей авторовъ было дать согласную съ Библіей и, слѣдовательно, пріемлемую для христіанъ картину происхожденія міра. Согласно съ этой цѣлью авторы „Шестодневовъ“, съ одной стороны, ведутъ полемику противъ Птоломеевой системы міра, а съ другой,—пользуются всякимъ случаемъ для того, чтобы доказать премудрость, всемогущество и безконечную благость Бога—Творца и Промыслителя міра.

Изъ „Шестодневовъ“ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: 1) „Бесѣды на Шестодневъ“ Василія В., 2) „Шесть словъ о твореніи міра“ Северіана, епископа Гавальскаго, 3) „Похвала Богу о сотвореніи всея твари“ Георгія Писида и 4) „Шестодневъ“ Іоанна Экзарха Болгарскаго.

102. „Бесѣды на Шестодневъ“ Василія В. Сочиненіе Василія В. (§ 90) распадается на девять бесѣдъ, причемъ каждая изъ нихъ посвящена отдѣльной темѣ.

1) Первая бесѣда. Вторая бесѣда. Первая бесѣда состоитъ изъ комментаріевъ къ начальнымъ словамъ Библіи: „Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю“. Вторая бесѣда беретъ своей темой дальнѣйшія слова Библіи: „Земля бѣ невидима и неустроена“.

Приступая къ своему изложенію, авторъ дѣлаетъ слѣдующее вступительное замѣчаніе: „Эллинскіе мудрецы много разсуждали о природѣ, и ни одно ихъ ученіе не осталось твердымъ и непоколебимымъ: послѣдующимъ ученіемъ всегда ниспровергалось предшествовавшее... Одни прибѣгали къ вещественнымъ началамъ и причину всѣхъ вещей приписывали стихіямъ міра; другіе представляли себѣ, что природу видимыхъ вещей составляютъ атомы и недѣлимыя тѣла, тяжесть и скважность, потому что рожденіе и разрушеніе происходятъ, когда недѣлимыя тѣла то взаимно сходятся, то разлучаются, а въ тѣлахъ, существующихъ долѣе другихъ, причина продолжительнаго пребыванія заключается въ крѣпчайшемъ сцѣпленіи атомовъ... Одни утверждали, будто бы небо отъ вѣчности существуетъ вмѣстѣ съ Богомъ, а другіе говорили, что оно есть Богъ безначальный и нескончаемый, причина благоустройства въ частяхъ вселенной... Къ чему приводятъ геометрія и ариѳметическіе пріемы изслѣдованія о толщахъ и пресловутая астрономія, эта многопопечительная суета, если изучившіе эти науки дошли до заключенія, что видимый сей міръ совѣченъ Творцу Богу, и если то, что ограничено и имѣетъ вещественное тѣло, возвели они въ одну славу съ Естествомъ непостижимымъ и невидимымъ!.. Вымѣрившіе разстояніе звѣздъ, описавшіе звѣзды, всегда видимыя и сѣверныя, а также звѣзды, находящіяся около южнаго полюса и живущимъ тамъ видимыя, а намъ неизвѣстныя, раздѣлившіе на тысячу частей и сѣверную широту и зодіакальный кругъ, съ точностью наблюдавшіе возвращеніе звѣздъ, ихъ стоянія, склоненіе и общее движеніе къ прежнимъ мѣстамъ, а также время, въ какое каждая изъ планетъ совершаетъ свой періодъ, — они не нашли одного изъ всѣхъ способа, какъ уразумѣть Бога, Творца вселенной... они не умѣли сказать: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю“. Указавъ основной, съ точки зрѣнія еврейско-христіанскаго

міропониманія, недостатокъ въ космологическихъ воззрѣніяхъ греческихъ философовъ, Василій В. предостерегаетъ своихъ читателей противъ излишней любознательности и совѣтуетъ не тратить времени на размышленія о томъ, что такое земля сама по себѣ и на чемъ она основана. При изслѣдованіи послѣдняго вопроса, на чемъ основана земля,—говоритъ Василій В.,—„мысль придетъ въ круженіе, разсудокъ не найдетъ никакого несомнѣннаго предѣла. Если скажемъ, что воздухъ подложенъ подъ широту земли, то придемъ въ затрудненіе, какимъ образомъ естество мягкое, заключающее въ себѣ много пустоты, противоборствуетъ такой тяжести, будучи ею сдавлено, а не расплывается во всѣ стороны, убѣгая изъ-подъ гнета и непрестанно переливаясь на верхъ гнетущаго? Съ другой стороны, если предположить себѣ, что подъ землею—вода, то и въ такомъ случаѣ, придется спросить себя: отчего тяжелое и густое не погружается въ воду, но слабѣйшимъ естествомъ поддерживается естество, столько превосходящее его тяжестью? Сверхъ того, надобно будетъ найти опору и самой водѣ, и опять съ недоумѣніемъ спрашиваешь: на чемъ твердомъ или упорномъ лежитъ нижній ея слой? Если же предположить, что другое тѣло, которое тяжелѣе земли, препятствуетъ ей идти книзу, то долженъ будешь разсудить, что и для него нужно какое-нибудь поддерживающее тѣло, не дозволяющее ему падать внизъ. Если же и для него можемъ придумать какой-нибудь подкладень, то разумъ нашъ опять потребуетъ подпоры и для сего подкладня. А такимъ образомъ пойдешь въ безконечность...“. Приведя изъ св. Писанія выраженіе—„Азъ утвердихъ столпы ея“ (Пс. LXXIV, 4),—Василій В. объясняетъ: „Разумѣй, что столпами названа сила, поддерживающая землю“. Другое выраженіе въ св. Писаніи—„На моряхъ основалъ ю (землю) есть“ (Пс. XXIII, 2)—Василій В. комментируетъ въ томъ смыслѣ, что „водное естество повсюду разлито вокругъ земли“. Впрочемъ,—замѣчаетъ авторъ,—какого бы мнѣнія ни держаться по этому вопросу, необходимо признать одно, что „все въ совокупности содержится силою Творца“. „Нѣкоторые естествоиспытатели остроумно доказываютъ, что земля пребываетъ неподвижною, поелику она заняла среднее мѣсто въ мірѣ, и во всѣ стороны имѣетъ равное разстояніе краевъ... Итакъ, не дивись, что земля никуда не падаетъ, занимая естественное для нея мѣсто, средину...“. То же самое можемъ сказать и о небѣ. Мірскіе

мудрецы предложили многочисленныя разсужденія о составѣ неба: одни говорили, что оно сложено изъ четырехъ стихій— земли, огня и другихъ двухъ; другіе, откинувъ сіе мнѣніе, какъ неправдоподобное, въ составъ неба ввели какое-то пятое тѣлесное вещество, выдумавъ его самовольно и сами отъ себя; у нихъ есть какое-то эоирное тѣло, какъ говорятъ они, ни огонь, ни воздухъ, ни земля, ни вода, ни какое-либо изъ простыхъ веществъ...". Заканчивая свою вторую бесѣду, авторъ останавливается на словахъ Библіи: „И бысть вечеръ и бысть утро, день единъ". Моисей, по мнѣнію автора, намѣренно назвалъ первый день творенія, эту „главу времени", не первымъ днемъ, но единымъ, „чтобы день сей по самому наименованію имѣлъ сходство съ вѣкомъ... По нашему ученію, извѣстенъ и тотъ вечерній, не имѣющій преемства и нескончаемый, день, который у псалмопѣвца наименованъ осьмымъ (Пс. VI, 1), потому что онъ находится внѣ сего седмичнаго времени. Посему, назовешь ли его днемъ, или вѣкомъ, выразишь одно и то же понятіе; скажешь ли, что это день, или что это — состояніе, всегда онъ одинъ, а не многіе; наименуешь ли вѣкомъ, онъ будетъ единственный, а не многократный. Моисей, чтобы возвести мысль къ будущей жизни, наименовалъ единымъ сей образъ вѣка, сей начатокъ дней, сей, современный свѣту, святый Господень день, прославленный воскресеніемъ Господа...".

2) Третья бесѣда. Четвертая бесѣда. Третья бесѣда трактуетъ о тверди, а четвертая о собираніи водъ.

Говоря объ устройствѣ неба, авторъ такъ объясняетъ происхожденіе дождя и снѣга: „Когда говорится, что роса и дождь приносятся съ неба, тогда представляемъ въ умѣ тѣ воды, которымъ назначено занимать горнюю страну. Ибо, если испаренія собрались на высотѣ и сгнетаемый вѣтрами воздухъ сгустился, то, какъ скоро парообразно и въ тонкихъ частицахъ разсѣянныя дотолѣ по облаку влаги между собою сблизятся, тотчасъ образуются капли, тяжестью соединившихся частицъ влекомыя книзу, и таково происхожденіе дождя. Когда влага, раздробленная стремительностью вѣтровъ, обратится въ пѣну, потомъ, до крайности охлажденная въ цѣломъ своемъ объемѣ, замерзаетъ, тогда, по расторженіи облака, падаетъ внизъ снѣгъ".

Происхожденіе воды на землѣ авторъ объясняетъ такъ:

„Вся земля имѣетъ въ себѣ множество проходовъ и черезъ непримѣтныя скважины изъ началъ моря расходится по ней вода“. О морѣ авторъ говоритъ такъ: „Море прекрасно передъ Богомъ, потому что влага изъ него идетъ по земнымъ глубинамъ; оно прекрасно также и потому, что служитъ пріемникомъ рѣкъ, принимаетъ въ себя отовсюду потоки и не выступаетъ изъ своихъ предѣловъ; оно прекрасно и потому, что служитъ началомъ и источникомъ воздушныхъ водъ, когда нагрѣвается лучами солнечными и отлагаетъ отъ себя, посредствомъ испаренія, тонкія частицы воды, которыя, будучи привлечены въ горнее пространство и потомъ охлаждены, какъ возвысившіяся далѣе, нежели куда простираются лучи, отражаемые земною поверхностью, при возрастающемъ холодѣ, также и отъ тѣни облаковъ,—дѣлаются дождемъ и утучняютъ землю“...

3) **Пятая бесѣда.** Пятая бесѣда посвящена вопросу „о прозябаніяхъ земли“. Объясняя ростъ растеній, авторъ говоритъ: „Когда сѣмя упадетъ въ землю, которая имѣетъ въ себѣ соразмѣрную влажность и теплоту, тогда оно, разбухнувъ, сдѣлавшись многоскважиннымъ и объемлемое близъ лежащею землею, привлекаетъ къ себѣ то, что ему свойственно и сродно. Самыя же тонкія частицы земли, приставая къ скважинамъ и входя въ нихъ, расширяютъ объемъ сѣмени, отчего оно пускаетъ внизъ корни и идетъ вверхъ, давая изъ себя стебли. по числу корней. А при постоянномъ согрѣваніи ростка, привлекаемая корнями влага, притяженіемъ теплоты, извлекаетъ изъ земли, сколько нужно питательнаго, и раздѣляетъ это стеблю, кожѣ, влагалищамъ зеренъ, самимъ зернамъ и колосьямъ. Такимъ образомъ, при постепенномъ возрастаніи, каждое растеніе приходитъ въ свойственную ему мѣру, будетъ ли оно изъ рода хлѣбныхъ или бобовыхъ, или овощныхъ, или растущихъ кустарникомъ“... Интересно замѣчаніе автора объ янтарѣ: „Янтарь есть сокъ растеній, отвердѣвшій въ камень. И такое мнѣніе подтверждаютъ примѣчаемыя въ янтарѣ травинки и мелкія животныя, которыя, будучи захвачены, когда сокъ былъ еще мягкій, остаются въ немъ“.

4) **Шестая бесѣда.** Шестая бесѣда посвящена вопросу о происхожденіи небесныхъ свѣтилъ. Останавливаясь на словахъ Библіи: „И да будутъ знаменія и во времена, и во дни, и въ лѣто“,—Василій В. говоритъ: „Для человѣческой жизни

необходимы указанія свѣтилъ. И если кто не черезъ мѣру многаго ищетъ въ ихъ знаменіяхъ, то при долговременномъ наблюденіи найдетъ полезныя примѣты. Многое можно узнавать объ изобиліи дождя, многое о засухѣ и о движеніи вѣтровъ или мѣстныхъ или повсюдныхъ, сильныхъ или легкихъ... Когда солнце поднимается сквозь туманъ, тогда лучи его помрачаются, и оно кажется огненнаго или кроваваго цвѣта, потому что густота воздуха производитъ въ глазахъ такое представленіе. Но сгущенный и остоявшійся воздухъ, котораго не разсѣяли и солнечные лучи, очевидно, не могъ быть ими преодоленъ по причинѣ избытка земныхъ паровъ,—и по множеству влаги произведетъ несчастье въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ собирается. Подобнымъ образомъ, когда луна кажется увлажненною или когда солнце окружаютъ, такъ называемые, вѣнцы, сіе служитъ признакомъ или множества воздушной воды или движенія сильныхъ вѣтровъ. Или, когда вмѣстѣ съ солнцемъ идутъ, такъ называемыя, побочныя солнца, они бываютъ знакомъ какихъ-нибудь воздушныхъ перемѣнъ. А также столпы радужнаго цвѣта, являющіеся на облакахъ въ прямомъ положеніи, показываютъ дожди или жестокія бури, или вообще большой переворотъ въ воздухѣ“... Признавая правильность такихъ „знаменій“, Василій В. съ ироніей и насмѣшкой обличаетъ крайности астрологическихъ гаданій, особенно мнѣнія тѣхъ, которые защищаютъ „науку о дняхъ рожденія“ и говорятъ, что „жизнь наша зависитъ отъ движенія небесныхъ свѣтилъ“.

5) Седьмая, восьмая и девятая бесѣды. Въ седьмой бесѣдѣ идетъ рѣчь о пресмыкающихся, въ восьмой о птицахъ, а въ девятой о земныхъ животныхъ.

Пресмыкающіяся находятся въ связи съ водою. „Что для земныхъ животныхъ воздухъ, то для породы плавающихъ вода. Причина сему очевидна. Въ насъ есть легкое, наполненное пустотами и скважинами, и грудобрюшня, которая, чрезъ расширеніе груди, принимая въ себя воздухъ, провѣтривается и прохлаждаетъ внутренній жаръ, а у нихъ расширеніе и сжатіе жаберъ, принимающихъ и выпускающихъ воду, заступаетъ мѣсто дыханія“... Вотъ какое обозрѣніе родовъ пресмыкающихся дѣлаетъ авторъ: „Къ иному роду принадлежатъ такъ называемыя черепокожія, напр., раковины, гребенки, морскія улитки, веретенки и тысячи разнообразныхъ устрицъ. Иной родъ составляютъ мягкочерепныя: крабы, раки и т. п. Къ

иному роду принадлежатъ, такъ называемые, слизняки, имѣющіе плоть мягкую и губчатую, — полипы, каракатицы и имъ подобные. И между сими опять есть безчисленныя различія; ибо драконы, мурены, угри, которые водятся въ илистыхъ рѣкахъ и озерахъ, по сходству природы своей, приближаются болѣе къ ядовитымъ пресмыкающимся, нежели къ рыбамъ. Иной родъ мечущихъ икру, и иной—живородящихъ. Живыхъ дѣтей рождаютъ вьюны и мокрицы, и вообще животныя, такъ называемыя, хрящеватыя. Живородящія суть: большая часть китовъ, дельфины и тюлени, о которыхъ разсказываютъ, что они новорожденныхъ дѣтей своихъ, чѣмъ-нибудь испуганныхъ, принявъ опять въ чрево, прячутъ тамъ"... Коснувшись рыбъ, авторъ останавливаетъ свое вниманіе на „перехожихъ" рыбахъ и объясняетъ причину ихъ передвиженій.

Перейдя къ птицамъ, Василій В. перечисляетъ различныя породы ихъ, дѣлаетъ замѣчанія объ ихъ образѣ жизни и т. д. Здѣсь же авторъ говоритъ о пчелахъ, саранчѣ, кузнечикахъ и пр.

Таково, въ бѣглыхъ чертахъ, содержаніе труда Василія В. Необходимо добавить, что авторъ отъ замѣчаній естественнонаучнаго характера нерѣдко переходитъ къ нравственнымъ выводамъ. Нѣсколько примѣровъ покажетъ, какъ авторъ дѣлаетъ это. „Въ растеніяхъ,—говоритъ авторъ,—найдешь признаки, похожіе на человѣческую юность и старость... Одни дерева, будучи срѣзаны, прозябаютъ вновь, а срубленныя и обожженныя сосны превращались, какъ замѣтили, даже въ дубы. Извѣстно и то, что въ нѣкоторыхъ деревахъ естественный порокъ исправляется заботами садовниковъ, напр., кислыя гранаты и горькіе миндали, когда стволъ у корня будетъ провернутъ и въ самую сердцевину впущенъ тучный клинъ изъ певга, промѣняютъ горькій свой сокъ на пріятный... Посему да не отчаивается въ себѣ никто изъ провожающихъ жизнь во грѣхѣ, зная, что какъ земледѣліе измѣняетъ качество растеній, такъ попечительность души о добродѣтели можетъ одержать верхъ надъ всякими недугами..."". Другой примѣръ— о хитрости рака, желающаго полакомиться устрицами: „Сама природа несокрушимымъ оплотомъ обезопасила нѣжную плоть устрицы,—двѣ раковины, плотно прилаженныя одна къ другой, совершенно закрываютъ устрицу, и клещи рака по необходимости остаются безсильными. Что же онъ дѣлаетъ? Какъ скоро онъ видитъ, что устрица въ безвѣтренномъ мѣстѣ съ насла-

жденіемъ грѣется и открываетъ половинки своего черепа солнечнымъ лучамъ,—непримѣтно вбросивъ въ нихъ камень, препятствуетъ закрыться и овладѣваетъ добычей! Недостатокъ силы ракъ замѣняетъ выдумкой. Такая злоумышленность въ животныхъ, не одаренныхъ ни разумомъ, ни словомъ!.. Я хочу однако, чтобы ты, подражающій умѣнію и ловкости раковъ снискивать пищу, удерживался отъ вреда ближнимъ, — таковъ тотъ, кто съ коварствомъ приходитъ къ брату, содѣйствуетъ невзгодамъ ближняго, увеселяется чужими бѣдами...". „Не могу умолчать о лукавствѣ и вороватости полипа, который всякій разъ принимаетъ цвѣтъ камня, къ которому легко пристаетъ, почему многія рыбы, безъ опасенія плавая, приближаются къ полипу, точно какъ къ камню, и дѣлаются готовою добычею хитреца. Таковы нравомъ тѣ, которые угождаютъ всякой преобладающей власти, каждый разъ сообразуются съ обстоятельствами, не держатся постоянно одного и того же намѣренія, удобно дѣлаются то тѣмъ, то другимъ, — съ цѣломудренными уважаютъ цѣломудріе, съ невоздержными — невоздержны, въ угодность всякому перемѣняютъ расположеніе...". „Заботливость буселей (птицъ особой породы) о состарѣвшихся достаточна къ тому, чтобы и нашихъ дѣтей, если только захотятъ внимать сему, сдѣлать отцелюбивыми... Бусели, обступивъ кругомъ отца, у котораго отъ старости вылиняли перья, согрѣваютъ его своими крыльями и обильно доставляя ему пищу, даже въ летаніи оказываютъ сильную помощь, слегка поддерживая съ обѣихъ сторонъ своими крыльями...".

103. „Шесть словъ о твореніи міра" Севериана. Трудъ Севериана, епископа Гавальскаго († 415), приписывающійся иногда Іоанну Златоустому, представляетъ изъ себя простую переработку „Бесѣдъ на Шестодневъ" Василія В. (§ 102).

104. „Похвала Богу о сотвореніи всея твари" Георгія Писида. Георгій Писидъ (VII в.) былъ діакономъ Софійской церкви въ Константинополѣ и близкимъ къ императору Гераклію лицомъ. Онъ написалъ въ половинѣ VII в. стихотворную поэму въ 1910 стихахъ, подъ заглавіемъ „Шестодневъ". Это сочиненіе пользовалось у позднѣйшихъ греческихъ писателей большой славой: его ставили по стиху и вообще стилю наряду съ Софокломъ и Эврипидомъ. Стихъ Георгія дѣйствительно не дуренъ; что касается изложенія, то оно отли-

чается вычурностью, и это часто затемняетъ пониманіе содержанія произведенія. Въ 1385 г. „Шестодневъ“ Георгія былъ переведенъ на древне-болгарскій языкъ Дмитріемъ Зографомъ подъ заглавіемъ „Похвала Богу о сотвореніи всея твари“. Переводъ страдаетъ большими недостатками: Дмитрій Зографъ переводитъ большею частью буквально, отчего многія мѣста очень темны и могутъ быть поняты только при помощи греческаго текста. По своему содержанію „Похвала Богу“ распадается на двѣ части: 1) богословскую и 2) естественно-научную.

1) **Первая часть.** Источникомъ первой, богословской, части „Шестоднева“ Георгія служили: св. Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, сочиненія отцовъ церкви — Василія В., Іоанна Златоустаго, Григорія Назіанзина, Діонисія Ареопагита и т. д.

Въ началѣ своего труда Георгій Писидъ обращается къ своему покровителю, патріарху Сергію, съ просьбой о нравственной помощи; авторъ выражаетъ увѣренность, что патріархъ прогонитъ мракъ унынія свѣтовидною свѣщею своихъ кроткихъ и тихихъ словесъ; авторъ часто приходилъ къ нему со своею окаменѣвшею тернистою душою, и патріархъ сѣялъ въ нее сѣмена божественнаго разума, изъ которыхъ теперь вырастаетъ словесный плодъ: пусть будетъ такъ и теперь, когда авторъ берется за свое сочиненіе Авторъ почерпаетъ свое вдохновеніе изъ твореній Давида, гласящихъ: „Возвеличилъ еси, Господи, вся премудростію сотворилъ еси“. Божественное Существо неизслѣдимо, но Оно отражается въ его созданіяхъ. Неизмѣримая небесная сфера, распростертая, какъ кожа, украшенная свѣтилами, двигается чуднымъ образомъ медленно, всегда сохраняя одни и тѣ же разстоянія, ни на чемъ не утверждаясь. Небо остается неизмѣннымъ, старѣясь, пока его не сокрушитъ своимъ словомъ Создавшій его. Увѣнчанное звѣздами, въ чудныхъ ризахъ, небо носитъ одинъ свѣтлый камень—солнце на своей груди, а другой у ногъ—луну; бездну повиваетъ небо, какъ пелена, а землю держитъ по срединѣ. И вся эта неизмѣримая безконечность противъ Творца, яко едина бываетъ капля. Ангельскіе чины воспѣваютъ, какъ побѣдителю, пѣснь реместводѣтелю (художнику) этого многовертимаго небеснаго покрова, Единому въ Троицѣ. Невыразимая красота дня и ночи, разсвѣтъ и сумерки, грозы, — все это составляетъ общее достояніе живущихъ. Воздухъ, которымъ мы говоримъ и дышимъ, не можетъ быть восхищенъ ни бога-

тымъ, ни сильнымъ. Солнце, это око міра, всепитательный огонь, даетъ свой свѣтъ и нашему зрѣнію, и малой лунной свѣщѣ, а само двигается доброчинно по разъ утвержденному направленію. Четверица стихій, повидимому, столь между собою враждебныхъ, гармонично исполняетъ свое назначеніе. Времена года, „яко дѣвы ликующе вкупѣ, сплетаютъ свои персты, да ликъ составятъ доброчиннаго житія“. Постепенностью ихъ смѣны поддерживается растительный міръ. Медленно двигается время — семью днями, и также медленно, но неуклонно вертится колесо человѣческой жизни. Это чередованіе существуетъ для того, чтобы люди не вздумали считать Божествомъ какую-либо тварь: солнце, луна, денница—пророки и проповѣдники дня и ночи; небо, воздухъ и вся приснодвижимая тварь — рабы непреложнаго Существа. Вотъ клокочетъ градъ, разливается мракъ, спадаетъ огонь, дождитъ пепелъ; вотъ море, какъ неистовствующая вакханка, прибивается къ землѣ, реветъ, точитъ пѣну и снова тихо возвращается, какъ бѣжавшая „рабыня, за власы держимая“. Научимся, видя это, и устрашимся гнѣва Божія: какъ крикъ битыхъ щенятъ устрашаетъ львовъ, такъ и мы устрашимся, видя наказаніе твари. Господь долго предупреждаетъ человѣка различными знаменіями и символами. Онъ до того долготерпѣливъ и милосердъ, что кажется лицепріятнымъ: считаетъ до единой цаты (мелкая монета) всю милостыню и не забываетъ чаши воды, поданной во имя Его. Онъ грозитъ человѣку: какъ стрѣлецъ, наводитъ лукъ и снова его опускаетъ, ожидая покаянія. Господь создалъ землю на водахъ и ни на чемъ другомъ не утвердилъ ея; надъ нею носятся вѣтры, гремятъ громы, облака напояютъ жаждущую землю, градъ образуется, не смотря на жары, и сыплется со снѣгомъ, который не каменѣетъ отъ холоду. Вездѣ отразилась непостижимость Творца: какъ въ зеркалѣ, онъ явилъ себя въ созданной твари. Какъ ученикъ сначала изучаетъ буквы, потомъ склады и затѣмъ уже переходитъ къ словамъ и рѣчи, такъ и мы сначала изучаемъ природу, начиная съ самыхъ простыхъ вещей, и, идя далѣе въ глубину ученія, приступаемъ къ ученію о Богѣ и видимъ, что мы ничего не изучили, какъ только „стѣнь (тѣнь) сокровенну“. Рожденіе и устройство человѣка не менѣе удивительно. Какъ изъ сѣмени происходитъ и кровь, и жилы, и ребра, коими охраняется сердце? Откуда берется различіе половъ, ростъ тѣла и его старость, когда,

какъ хлѣбный колосъ, блѣднѣетъ старикъ и, „какъ колосъ, смотритъ на землю и видитъ вѣчный домъ“? Части тѣла нашего устроены, какъ рабы, которые дѣлаютъ каждый свое дѣло, подъ наблюденіемъ госпожи—души: уши устроены съ извилинами, чтобы звуки доходили по порядку; ноздри, затыкающіяся отъ прилива страстей, замѣняются дыханіемъ черезъ ротъ; глаза, наподобіе солнца и луны, пускаютъ струю свѣта черезъ зрачекъ, какъ стрѣльцы пускаютъ стрѣлы. Удивительно связаны между собою душа и тѣло: тѣло привязано къ землѣ; но это не мѣшаетъ душѣ носиться по землѣ и небу и стараться узнать причину и цѣль всего существующаго. Образующеюся при этомъ мыслью пользуется великій Змій—діаволъ. Онъ дѣлаетъ людей блудными, какъ свиньи, хищными, какъ волки, запальчивыми, какъ оса, гнѣвливыми, какъ рысь, льстивыми, какъ песъ, который притворяется играющимъ, а готовится укусить. Этотъ древній Змій, раздувая помыслы, одинаково завладѣваетъ душою и тѣломъ. Онъ мѣшаетъ сладость съ горечью онъ—совѣтникъ-врагъ и хулитель-другъ, кроткій убійца и смиренный разбойникъ. Онъ соблазняетъ насъ, когда мы стараемся бѣжать отъ грѣха, и вцѣпляется сзади, какъ ракъ клещами. Но человѣкъ побѣждаетъ этого неизреченнаго Змія: Илья взошелъ на небо, Даніилъ затворилъ уста львовъ, три отрока невредимо претерпѣли огонь, Моисей превратилъ Нилъ въ кровь, раздѣлилъ морскую бездну и даже удостоился лицезрѣнія Божества. Но онъ не видѣлъ всего Божества: никакой высокій умъ не можетъ лицезрѣть Создателя солнца. Только отчасти мы можемъ видѣть Его творческую руку въ ангелахъ, въ воздухѣ, въ садахъ, во всякомъ плывущемъ и пресмыкающемся родѣ.

2) **Вторая часть.** Матеріалы для второй части своего естественно научнаго труда авторъ-поэтъ почерпалъ изъ сочиненій античныхъ писателей—Аристотеля, Эліана, Плутарха и, можетъ быть, Плинія. Возможно, что авторъ внесъ въ свой трудъ и личныя наблюденія надъ природой, и легендарныя свѣдѣнія, почерпнутыя имъ во время его путешествія на Востокъ. Во второй части авторъ дѣлаетъ подробное, хотя и отрывочное, обозрѣніе мірозданія. Она состоитъ изъ цѣлаго ряда риторическихъ вопросовъ.

Все въ мірѣ одинаково достойно восхищенія, и все указываетъ на всемогущество и мудрость Творца: красота розана,

яблока, запахъ бальзама и нарда, крѣпость дуба. Финикъ растетъ въ сухихъ мѣстахъ, а приноситъ сладкіе плоды. Померанцы защищаются шипами. Удивительно устройство плодовъ: у однихъ „костяная твердь“ внутри, у другихъ — снаружи. Левъ страшенъ, а боязливая серна отличается быстротой бѣга; „велемочный“ быкъ созданъ пахать землю. Птицы какъ будто ведутъ между собою разумную бесѣду. Птица „ногъ“ такъ сильна, что уноситъ вола: она и летаетъ на крыльяхъ, и ходитъ четвероногою. Гнѣвливые верблюды не соединяются съ матерями и обличаютъ тѣхъ персовъ, у коихъ подобные браки были дозволены. Раненый козелъ, не изучая Гиппократа, ѣстъ траву „диктамонъ“ и избавляется отъ „яда стрѣльчатаго“. Ястребъ, безъ указаній Галена, очищаетъ свое зрѣніе сокомъ „горьколистнаго фридака“. Всѣ звѣри умѣютъ лѣчиться: рысь — кровью дикаго козла, верблюдъ — дубовыми листьями, собака — зеленымъ троскотомъ, волкъ — землею, заяцъ — жуками, левъ — мясомъ обезьяны, козлы — „нетлѣнною аскомоніей“. Аистъ безвредно ѣстъ змѣй. Звѣрь, „долѣ зря“ (κατῶβλεψ), отравляющій дыханіемъ все живое, старается дышать внизъ. Большія животныя часто терпятъ досаду отъ малыхъ: ихъ кусаетъ комаръ и часто будитъ своимъ пѣніемъ; слонъ боится крика поросятъ. Илъ, залѣзши въ ротъ крокодила, прорѣзаетъ внутренности звѣря, тогда какъ трохилъ чиститъ зубы крокодила и крикомъ предупреждаетъ его объ опасности. Киты, „морскія горы“, носятся по морямъ, а маленькая ехина удерживаетъ однимъ перомъ быстро плывущіе корабли. Порфиріонъ (какая-то порода птицъ) самовольно умираетъ съ голоду, увидѣвъ нарушеніе цѣломудрія. Угри рождаютъ дѣтей изъ боковъ, подтверждая тѣмъ слова Моисея о созданіи нашей праматери изъ ребра. Кто облачилъ черепаху въ броню, кто зажегъ огонь въ свѣтящемся червѣ? Саламандра угашаетъ огонь, которымъ живутъ и питаются „огнеродныя“. Жуки прячутъ дѣтей въ особыя заготовляемыя ими катышки, движеніе коихъ Порфирій смѣлъ сравнить съ движеніемъ неба. Гипы рождаются мертвыми и оживляются кровью изъ матерняго чрева. Пеликаны глотаютъ цѣликомъ закрытыхъ устрицъ, и когда тѣ раскроются отъ жары, они быстро извергаютъ раковины и съѣдаютъ одно мясо. Велегласный куръ (пѣтухъ) безъ солнца знаетъ время. Фениксъ, символъ воскресенья, возстаетъ изъ собственнаго пепла; ворона пред-

сказываетъ погоду; ибисъ самъ себя лѣчитъ. Кротъ затыкаетъ отверстіе въ норѣ, предчувствуя приближеніе непогоды; ехина прячется отъ бури въ глубину; пчела лучше Эвклида строитъ шестигранный домикъ; пауки выдѣлываютъ чудныя ткани; сухощавые комары громко трубятъ, трудолюбивые муравьи собираютъ запасы. Птичье яйцо—своего рода микрокосмъ: топкая оболочка—воздухъ, желтокъ—огонь, бѣлокъ—вода, скорлупа—земля. Кто создалъ павлина, блещущаго золотомъ съ сапфирами и смарагдами, воинственную саранчу, шелковичнаго червя? Этотъ червь—такой же символъ воскресенья, какъ и ласточка, умирающая зимой, воскресающая весной, лѣчащая свои глаза травой „ласточникомъ". Упомянувъ о винограде, красотѣ изумрудовъ, жемчуга, сапфировъ и рубиновъ, авторъ возвращается къ мысли о непостижимости Творца и заключаетъ свою поэму словами: „Яко же возвеличися Божіямъ созданіямъ содѣтельное и премудрое Вседѣйство. Ему же слава въ безконечные вѣки. Аминь".

105. „Шестодневъ" Іоанна Экзарха Болгарскаго. „Шестодневъ" Іоанна Экзарха [1]) Болгарскаго (§ 27) представляетъ переводъ съ сокращеніями „Шестодневовъ" Василія В. и Севериана Гавальскаго, а также отдѣльныхъ мѣстъ изъ сочиненій отцовъ церкви, каковы Григорій Нисскій, Іоаннъ Дамаскинъ, Ѳеодоритъ Кирскій и отрывковъ изъ сочиненій Аристотеля, Парменида, Демокрита, Діогена, Ѳалеса, Платона и т. д. Этотъ трудъ Іоанна состоитъ изъ шести словъ, по числу дней творенія. Излагая исторію этихъ дней и давая обширныя объясненія ихъ, авторъ много полемизируетъ съ „жидовиномъ", т.-е. съ іудеемъ.

Вотъ образчики объясненій и свѣдѣній „Шестоднева".

Приведя первый стихъ изъ Библіи: „Въ началѣ сътвори Богъ небо и землю",—авторъ даетъ такія толкованія. Небо, о которомъ говорится здѣсь, не то небо, которое мы видимъ, но вышнее. Въ одно время съ вышнимъ небомъ и землею сотворилъ Богъ воду, огонь и воздухъ, хотя прямо объ этомъ въ первомъ стихѣ не говорится. Духъ Божій, носившійся надъ бездной, былъ, по мнѣнію Іоанна, не Духъ Св., а „въздуха

---

[1]) Экзархами назывались духовныя лица, состоявшія при епископахъ, митрополитахъ и т. д. для исполненія особыхъ порученій, какъ, напр., обозрѣніе епархій, собираніе податей и проч.

сего дыханіе". Огонь, созданный Богомъ словами „да будетъ свѣтъ", не тотъ огонь, который знакомъ намъ на землѣ, а горній, горящій безъ вещественныхъ предметовъ и не угасающій. Видимое нами небо, „твердь", было создано на второй день творенія словами: буди твердь посреди воды". Твердью водѣ были раздѣлены на двѣ части: одна часть осталась на землѣ, другая находится между твердью и вышнимъ небомъ.

Свѣдѣнія, передаваемыя Іоанномъ о животныхъ и птицахъ, напоминаютъ свѣдѣнія „Физіолога" (§ 100). Таковы, напр., свѣдѣнія объ ехиніи, малой морской рыбѣ. Предвидя бурю, она уцѣпляется за камень, какъ за якорь. Корабельщики, увидя это, догадываются, что предстоитъ буря. Эта же малая рыбица ехинія, прицѣпившись къ большому кораблю, можетъ остановить его.

Есть морская птица алкіонъ (гальціона). Она вьетъ гнѣздо на берегу моря, а яйца кладетъ на песокъ. Алкіонъ выводитъ птенцовъ зимой. Зимою, въ бурное время, вѣтры гонятъ морскія волны на берегъ. Но эти вѣтры прекращаются на семь дней, когда алкіону надо выводить птенцовъ.

Въ „Шестодневѣ" Іоанна есть и самостоятельныя мѣста, въ которыхъ авторъ даетъ цѣнныя свѣдѣнія о древнемъ бытѣ славянъ, о хазарахъ, о современныхъ автору ересяхъ. Любопытна бесѣда шестая, въ которой описывается дворецъ болгарскаго князя Симеона, изображается величіе столичныхъ храмовъ, и нарисованъ образъ Симеона, сидящаго на пышномъ тронѣ.

106. „Христіанская топографія" Козьмы Индикоплова. Козьма Индикопловъ (Индикоплевстъ, т.-е. плаватель въ Индію), купецъ, современникъ Юстиніана (VI в.), изъ Александріи, мѣста своего жительства, совершилъ по торговымъ дѣламъ рядъ путешествій въ Аравію и восточную Африку. Принявъ монашество, онъ задумалъ написать трудъ, въ которомъ, въ противовѣсъ Птоломеевой системѣ съ ея представленіемъ о шаровидности земли, были бы даны географическо-астрономическія свѣдѣнія съ христіанской точки зрѣнія. Этотъ трудъ, подъ заглавіемъ „Христіанская топографія", состоитъ изъ двѣнадцати главъ.

Въ своемъ трудѣ авторъ отвергаетъ мнѣнія древне-греческихъ писателей объ устройствѣ вселенной и неба и указываетъ на св. Писаніе, какъ на единственный надежный источ-

никъ для построенія правильной системы міра. По его мнѣнію, подкрѣпляемому цитатами изъ св. Писанія и апокрифическихъ сочиненій, земля—не шаръ, а плоскость, напоминающая своею формой Ноевъ ковчегъ и Моисееву скинію завѣта; эта плоскость представляетъ продолговатый съ востока къ западу четвероугольникъ, покрытый небеснымъ сводомъ; часть земли, населенная людьми, окружена океаномъ, по краямъ котораго возвышается стѣна; четыре угла этой стѣны прикрѣплены къ небесному своду; земля покоится на твердомъ основаніи; поэтому подъ нею ничего нѣтъ, и нѣтъ, слѣдовательно, антиподовъ.—существъ, которыя, по мнѣнію языческихъ писателей, признававшихъ шаровидность земли, населяютъ противоположную сторону земли; солнце и свѣтила заходятъ за высокую гору, находящуюся на сѣверѣ; движеніями свѣтилъ, солнца, луны, звѣздъ, а также вообще явленіями небесными и атмосферическими управляютъ особо назначенные для этого ангелы, которымъ эта обязанность поручена въ четвертый день творенія міра и которые будутъ исполнять ее до кончины міра, пока звѣзды не упадутъ съ неба (§ 50).

Козьма Индикопловъ, кромѣ того, даетъ свѣдѣнія объ Индіи и Тапробаны (Цейлона), въ которыхъ самъ не былъ, и описываетъ нѣкоторыя животныя и растенія, встрѣчающіяся тамъ: единорога, воднаго коня и др.

Русская рукопись перевода снабжена многочисленными рисунками, на которыхъ изображены, между прочимъ, потопъ, столпотвореніе вавилонское и раздѣленіе языковъ, восхожденіе и захожденіе солнца „по божественному писанію“, царство небесное, каррикатура на ученіе объ антиподахъ, трапеза въ Моисеевой скиніи, представляющей образъ земли, ангелы, приводящіе въ движеніе звѣзды и пр.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Историографія.

107. Историографія. Къ византійско-болгарской историографической литературѣ, которая разсматриваетъ историческія событія и явленія съ еврейско-христіанской точки зрѣнія (§ 34), относятся слѣдующія сочиненія: „Палеи“, „Хроники“, или „Хронографы“, и „Откровеніе“ Меѳодія Патарскаго.

108. Палеи. Палеями въ древности назывались сочиненія, въ которыхъ излагалась ветхозавѣтная исторія — то буквально текстами Библіи, то апокрифами, то собственными словами автора. Палеи были двухъ родовъ: 1) толковая и 2) историческая.

109. „Палея толковая". „Палея толковая" имѣла двѣ редакціи: 1) первоначальную и 2) хронографическую.

1) **Первоначальная редакція „Палеи толковой".** „Палея толковая" въ первоначальной редакціи состоитъ изъ двухъ элементовъ: собственно историческаго — изложенія ветхозавѣтныхъ событій по первымъ восьми библейскимъ книгамъ — и богословско-символическаго комментарія къ этимъ событіямъ, причемъ первый элементъ, историческій, подчиняется второму — богословско-символическому. Эти толкованія имѣли опредѣленную цѣль: во-первыхъ показать, что ветхозавѣтныя событія — лишь прообразъ и подготовка Новаго Завѣта и, во-вторыхъ, что Новый Завѣтъ превосходитъ Ветхій (§ 41). Такъ, ребро Адама, изъ котораго была создана Ева, сопоставляется съ ребромъ Христа, прободеннымъ копьемъ воина. Особенно интересны символы, которые указываютъ на превосходство Новаго Завѣта надъ Ветхимъ: пока Сарра была бездѣтна, Авраамъ признавалъ своимъ сыномъ Измаила; когда же Сарра родила Исаака, Агарь съ ея сыномъ Измаиломъ были прогнаны изъ дому: „яко же Измаилъ Исаака бьяше, тако и жидове Іисуса Христа бивше пропяли; якоже Авраамъ отогна рабу съ робичищемъ ея, такожь и Христосъ... моисейская начертанія отверже, и ветхій законъ оставленъ бысть, новаго же закона мнози своею кровію напои".

Обиліе богословско-символическаго комментарія такого рода объясняется отношеніями византійцевъ къ іудейству и магометанству, противъ которыхъ христіанамъ приходилось защищать свое ученіе. Такимъ образомъ, „Палея толковая" носитъ характеръ полемики съ іудействомъ и отчасти съ магометанствомъ; ея изложеніе часто прерывается обращеніями къ „жидовину", а иногда и къ магометанину, съ рѣзкими обличеніями и укоризнами.

„Палея толковая" въ своей исторической части съ особеннымъ вниманіемъ и подробностью останавливается на начальныхъ событіяхъ библейской исторіи и завершается предсказаніями Давида, Соломона и Филона о Христѣ и вообще о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Историческій матеріалъ

заимствуется изъ Библіи и изъ апокрифическихъ сказаній. Такъ, въ „Палеѣ толковой“ подробно разсказывается о паденіи Сатанаила и десятаго чина ангеловъ, о раѣ, о древахъ жизни и познанія добра и зла, о хожденіи Сиѳа въ рай передъ смертью Адама, о погребеніи Адама въ Іерусалимѣ и т. д. Въ „Палеѣ толковой“ сдѣланы большія вставки изъ такихъ апокрифическихъ сказаній, какъ „Откровеніе Авраама“, „Слово Аѳанасія Александрійскаго о Мелхиседекѣ“ „Лѣствица Іакова“, „Завѣты двѣнадцати патріарховъ“, „Житіе Моисея“, „Сказаніе о Соломонѣ“ и проч.

„Палея толковая“ распадается на двѣ части.

а) Первая часть. Первая часть „Палеи толковой“ посвящена „Шестодневу“, т. е. изложенію шести дней творенія, сопровождающемуся обширными толкованіями.

Толкованія даются о явленіяхъ физическаго міра, напр., о тверди небесной, о землѣ, о водахъ воздушныхъ и возмущеніи моря, о захожденіи солнечномъ, о „нощи, чего ради бываетъ нощь“, „о кругахъ земли“, о временахъ года, о теплѣ и стужѣ, „о лунномъ умаленіи“. По представленію „Палеи толковой“, навѣянному „Книгой Еноха“ (§ 50), ангелы во вселенной исполняютъ разнаго рода службу: есть ангелы, завѣдующіе облаками, мракомъ, льдомъ, мглою, морозомъ, росою молніей, громомъ, зноемъ, временами года. Земля не повѣшена ни на чемъ; подъ ней нѣтъ ни стихій, ни планетъ; держится же она на своей тверди повелѣніемъ Божіимъ. Звѣзды движутся по небу служебными ангелами. Перейдя къ животному міру, „Палея толковая“ передаетъ, по „Физіологу“ (§ 100) и „Шестодневамъ“ (§§ 101—105), свѣдѣнія и сказанія о разнообразныхъ, часто чудовищныхъ и фантастическихъ, звѣряхъ, рыбахъ и птицахъ. Такъ, она даетъ слѣдующія свѣдѣнія о райской птицѣ алконостѣ. Алконостъ имѣетъ гнѣздо на песчаномъ берегу моря. Здѣсь она носитъ яйца. Дѣтей алконостъ выводитъ зимой. Когда приближается время для вывода дѣтей, алконостъ беретъ свои яйца, несетъ ихъ на средину моря и опускаетъ ихъ въ глубину. Море тогда многими бурями къ берегу приражается. Алконостъ садится на одномъ мѣстѣ вверху моря, а яйца остаются въ глубинѣ. Море становится спокойнымъ въ теченіе семи дней, пока дѣти алконоста не выйдутъ изъ моря и не познаютъ своихъ родителей (§ 105). Есть рыба многоножница. Нравъ ея такой: она принимаетъ

цвѣтъ того камня морского, къ которому подойдетъ. Молодыя рыбы, принимая многоножницу за камень, часто попадаютъ въ ея челюсти. Есть малая рыбица ехинія, которая, прицѣпившись къ кораблю, можетъ остановить его (§ 105). Любопытны свѣдѣнія Палеи о птицѣ фениксѣ. Сказанія объ этой птицѣ, которая черезъ каждыя 500 лѣтъ возрождается изъ собственнаго пепла, существовали уже во времена Геродота; въ христіанскую эпоху эта птица получила символическое толкованіе. Въ „Палеѣ толковой“ о ней разсказывается слѣдующее: „Есть птица въ великой Индіи, называемая фениксъ, о которой Давидъ-пророкъ въ 91-мъ псалмѣ сказалъ: праведникъ, яко фюниксъ, процвѣте. И та птица есть единогнѣздница, не имѣетъ ни подружья, ни чадъ, но сама только пребываетъ въ своемъ гнѣздѣ; пищу же свою добываетъ, летая въ нѣдры Ливана, и, летая тамъ, наполняетъ крылья свои ароматомъ и оттого благовонна; но когда эта птица старѣется, то взлетитъ на высоту и беретъ отъ небеснаго огня и, спустившись, зажигаетъ гнѣздо свое и тутъ же сама сгораетъ; но потомъ въ пеплѣ гнѣзда своего нарождается червемъ, и изъ того червя бываетъ птица съ тѣмъ же нравомъ и съ тѣмъ же естествомъ. И эта птица фениксъ является образомъ истинно вѣрующихъ въ Бога, потому что, хотя они и приняли мученія за Христа, но нашли большую пищу рая и въ благоуханіи водворились“.

При разсказѣ о сотвореніи человѣка дается обстоятельное разсужденіе о духовной и тѣлесной природѣ человѣка.

б) Вторая часть. Вторая часть „Палеи толковой“ посвящена повѣствованію „о бытіи человѣчемъ“. Повѣствованіе это до потопа отличается сжатостью и ограничивается хронологическими и генеалогическими данными: обозначается число лѣтъ, протекшихъ отъ Адама до раздѣленія языковъ, мимоходомъ упоминается объ Авраамѣ, разсказывается о рожденіи Исава и Іакова и почти сейчасъ же послѣ этого о благословеніи ихъ отцомъ; на символическомъ толкованіи этихъ событій „Палея толковая“ останавливается подробно. Далѣе излагается исторія бѣгства Іакова къ Лавану, передается отъ лица Іакова апокрифическій разсказъ о лѣстницѣ, которую онъ видѣлъ во снѣ на пути; этотъ разсказъ сопровождается обширнымъ символическимъ толкованіемъ. Послѣ этого кратко передается о встрѣчѣ и примиреніи Іакова съ Исавомъ и излагается исторія Іосифа. Много мѣста отведено разсказу о благословеніи Іаковомъ сыно-

вей и „Завѣтамъ двѣнадцати патріарховъ“, причемъ и тутъ даны символическія толкованія предсказаніямъ. Эпоха отъ Моисея до Соломона изложена въ отрывкахъ изъ Библіи: здѣсь меньше полемическихъ обличеній „жидовина“ и символическихъ толкованій.

„Палея толковая“, которой на Западѣ соотвѣтствовали, такъ называемыя, „Библіи бѣдныхъ“ (Biblia pauperorum, предназначавшіяся для людей, „бѣдныхъ духомъ“), имѣла въ древней Руси огромное значеніе: *во-первыхъ*, она до XVI в. замѣняла образованнымъ русскимъ Библію, которой въ полномъ видѣ на Руси не было: „Палеей“ они вообще называли Ветхій Завѣтъ; *во-вторыхъ*, „Толковая палея“ своими символическими толкованіями имѣла вліяніе на церковную живопись; *въ-третьихъ*, своими символическими толкованіями она имѣла вліяніе на русскую церковную литературу.

На Руси „Палея толковая“ подвергалась переработкамъ *).

2) **Хронографическая редакція „Палеи толковой“.** Первоначальная редакція „Палеи толковой“ подверглась измѣненію: въ нее были вставлены статьи историческаго содержанія, и она была соединена съ хроникой Георгія Амартола (§ 111). Такимъ образомъ, „Палея толковая“ превратилась въ хронику событій изъ всемірной исторіи.

110. „Историческая палея“. Отъ „Толковой палеи“ рѣзко отличается „Историческая палея“ („Книга бытія небеси и земли“, „Очи палейныя“). Въ послѣдней излагается ветхозавѣтная исторія съ апокрифическими дополненіями до Давида включительно, съ большими отступленіями отъ Библіи. Полемическаго элемента въ ней нѣтъ, такъ же, какъ и богословско-символическаго элемента и сопоставленія Ветхаго Завѣта съ Новымъ. Если въ „Исторической палеѣ“ встрѣчаются такія толкованія, то они отличаются крайнею наивностью. Такъ, „Историческая палея“ разсказываетъ, что Ной, по выходѣ изъ

---

*) Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что „Палея толковая“ была составлена не въ Византіи, а въ Болгаріи въ X — XI вв. какимъ либо изъ учениковъ Меѳодія (быть можетъ, даже самимъ Меѳодіемъ) и представляла переработку преній, которыя велъ Константинъ съ іудеями и магометанами (§ 25). Составленіе „Палеи толковой“ въ Болгаріи можетъ быть объяснено сильнымъ вліяніемъ въ ней іудейства.

Другіе изслѣдователи считаютъ „Палею толковую“ русскимъ произведеніемъ и относятъ ее къ XIII в.

ковчега, приноситъ жертву Богу и поетъ: „Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносимъ“, а сыновья его отвѣчаютъ: „Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ и молимъ Ти ся, Боже нашъ“.

„Историческая палея“, болѣе доступная по содержанію, имѣла на Руси большее распространеніе, чѣмъ „Толковая палея“. Съ широкимъ распространеніемъ христіанства она повліяла на содержаніе устнаго творчества: изъ „Исторической палеи“ заимствованъ былъ, напр., образъ богатыря Самсона, у котораго на головѣ семь волосъ, имѣющихъ таинственную силу.

111. „Хроники“. „Хрониками“, или „хронографами“, называются византійскія лѣтописи, т. е. сочиненія, въ которыхъ съ еврейско-христіанской точки зрѣнія излагается всемірная исторія, въ слѣдующемъ порядкѣ: ветхозавѣтныя событія отъ сотворенія міра, исторія древнихъ царствъ и, наконецъ, исторія Византіи. Свѣдѣнія, даваемыя „хрониками“,—различной цѣнности: одни изъ нихъ отличаются большею или меньшею точностью, напр., свѣдѣнія изъ исторіи евреевъ, ассиріянъ, вавилонянъ, грековъ, римлянъ; другія отличаются фантастичностью. Таковы напр., свѣдѣнія о чудовищныхъ народахъ (дивовищахъ).

Послѣ вавилонскаго столпотворенія и смѣшенія языковъ, по сообщеніямъ „хроникъ“, люди измѣнились не только голосами, языками, но и видомъ, нравами, обычаями. Такъ какъ люди были лукавы передъ Господомъ и заблудились дѣлами своими, то они уподобились своимъ видомъ и образомъ жизни звѣрямъ и скотамъ. Такъ образовались чудовищнаго вида и жизни племена. Люди, называемые сатирами, имѣютъ свои жилища въ лѣсахъ, по горамъ. Они ходятъ съ такой быстротой, что никто не можетъ догнать ихъ. Одежды эти люди не имѣютъ; тѣло ихъ обросло волосами; языкомъ они не говорятъ, а только кричатъ голосомъ. Люди, по имени аримаспы, живутъ въ дальнихъ земляхъ татарскихъ. Они имѣютъ по одному только глазу. Эти люди ведутъ войну съ грифами за жемчугъ и золото. Въ Индійской землѣ живутъ мохнатые люди безъ губъ. Они питаются отъ деревьевъ, пахучихъ кореньевъ и цвѣтовъ; но они не ѣдятъ и не пьютъ, а только нюхаютъ. На сѣверѣ у океана-моря живутъ люди, обладающіе столь великими ушами, что ими покрываютъ все свое тѣло. Въ дальнихъ татарскихъ земляхъ живутъ люди неврилы, которые умѣютъ обращаться изъ

человѣка въ волка и обратно. Люди, называемые апотамами, ходятъ на рукахъ и ногахъ; всякій апотамъ на половину—человѣкъ и на половину — конь; у апотамовъ — длинныя бороды; живутъ апотамы въ водѣ. „Много, — сообщаютъ хроники,—и иныхъ всякихъ людей, чудныхъ по своей природѣ, въ Африкѣ, Индіи и другихъ странахъ. У иныхъ—песьи головы, а иные—безъ головъ, а на грудяхъ у нихъ—зубы, а на локтяхъ—глаза. Иные—о двухъ лицахъ и о четырехъ глазахъ, а иные по шести роговъ на головѣ носятъ; у иныхъ по шести перстовъ на рукахъ и ногахъ, а у иныхъ по шести рукъ и ногъ, а у иныхъ по одной рукѣ и ногѣ. А всѣ тѣ люди на вселенную пошли отъ одного человѣка, т.-е. Адама, но учинились таковыми за умноженіе грѣховъ своихъ".

Любопытна сообщаемая хрониками „Повѣсть о Сивильскомъ царствѣ". „Межъ юга и запада, за Нилою рѣкою, за Политарскою землею есть гора; имя ей—скала; черезъ нее нельзя пройти ни одному человѣку — такъ она высока. Въ горѣ есть пещера. Идти черезъ пещеру, со свѣчами, нужно 40 дней. Пройдя пещеру до конца, путешественникъ видитъ неизреченный свѣтъ. Земля же та—ровна: нѣтъ на ней ни горъ, ни раздолій; только много на ней различнаго винограда. Много тамъ золота и всякаго драгоцѣннаго камня. А живутъ въ горѣ той, въ пещерахъ каменныхъ, все дѣвицы нескверніи и безсмертніи, Божіимъ повелѣніемъ и ихъ умоленіемъ. Одежду на себѣ носятъ золотомъ тканную, только до пояса, а отъ пояса все тѣло ихъ нагое. А по тѣлу ихъ врѣзаны каменья драгоцѣнные, самоцвѣтные. Царствуетъ у нихъ въ той землѣ дѣвица Сивилла, царица нескверна же и безсмертна. А приходятъ къ нимъ изъ разныхъ странъ послы и приводятъ къ нимъ въ даръ все дѣвочекъ, до 10 лѣтъ или до 12, а старше того годами не приводятъ. И берутъ себѣ за то тѣ послы золота, серебра и драгоцѣннаго каменія, сколько хотятъ. Да и тѣ у нихъ приводныя дѣвицы безсмертны же бываютъ Божіимъ повелѣніемъ, какъ скоро тѣхъ дѣвицъ водою измоютъ; а измывъ водою, по тѣлу рѣжутъ бритвами и вставляютъ въ тѣ раны каменіе многоцѣнное. А болѣзни тѣ дѣвицы никакой на себѣ не имѣютъ: тотчасъ же рана и заживаетъ. А пословъ тѣхъ учатъ дѣвицы небесному движенію и земному коловрату".

Изъ „хроникъ" у насъ наиболѣе распространены были слѣдующія:

1) „Хронографъ“ Іоанна Малалы. „Хронографъ“ антіохійца Іоанна Малалы (VI в.), состоящій изъ 18 книгъ, излагаетъ всемірную исторію отъ сотворенія міра до 36-го года царствованія Юстиніана, т. е. до 563 г. послѣ Р. Х., причемъ разсказъ прерванъ и не доведенъ до своего естественнаго конца. Какъ антіохіецъ, Малала съ особенной любовью останавливается на событіяхъ, связанныхъ съ исторіею родного города.

Авторъ „Хронографа“ былъ хорошо образованъ. Онъ обнаруживаетъ большую начитанность въ тогдашней исторической литературѣ: онъ знакомъ съ „мудрѣйшими“ хронографами тогдашней эпохи—съ хронографами Африкана, Иринея, Домнина, Несторіана и др. Отличительными чертами „Хронографа“ Малалы являются объективность и умѣлое воспроизведеніе портретовъ историческихъ дѣятелей.

Объективность Малалы выражается прежде всего въ его отзывахъ о языческихъ императорахъ, которыхъ онъ часто характеризуетъ положительными чертами. Даже объ Юліанѣ Отступникѣ онъ выражается очень сдержанно и отмѣчаетъ его краснорѣчіе. Въ тѣсной связи съ объективностью Малалы находится и другая особенность, очень важная для историка: Малала тщательно отмѣчаетъ, къ какой партіи въ циркѣ принадлежалъ изображаемый императоръ.

Объективно изображая историческихъ дѣятелей, Малала часто даетъ и ихъ портреты, причемъ онъ не только воспроизводитъ ихъ нравственныя качества, но и описываетъ ихъ внѣшность. Эта особенность имѣла большое значеніе для греческой, а впослѣдствіи и для русской, иконографіи: у Малалы иконографы почерпали матеріалы для своихъ изображеній.

„Хронографъ“ Малалы не всегда отличается точнымъ воспроизведеніемъ прошлаго. Среди разсказа объ историческихъ событіяхъ нерѣдко попадаются повѣсти полу-историческаго, полу-беллетристическаго содержанія, а также апокрифическія сказанія. Изъ произведеній беллетристическаго характера помѣщенъ знаменитый романъ „Александрія“ (§ 119), а изъ апокрифическихъ сказаній слѣдующія: „Слово Аѳанасія Александрійскаго о Мелхиседекѣ“ (§ 52) и „Завѣты двѣнадцати патріарховъ“ (§ 54).

Переведенный при царѣ Симеонѣ на древне-болгарскій языкъ, „Хронографъ“ Малалы подвергся цѣлому ряду дополненій.

2) „Хроника“ Георгія Амартола. „Хроника“ Георгія Амартола, т. е. Грѣшника (IX в.), состоитъ изъ 4 книгъ. Въ *первой* книгѣ излагается объ Адамѣ, Нимродѣ, Кинѣ, о персахъ, римлянахъ, Филиппѣ Македонскомъ, Александрѣ, о браминахъ, халдеяхъ, амазонкахъ и пр. *Вторая* книга излагаетъ ветхозавѣтную исторію отъ Адама до римлянъ. *Третья* книга излагаетъ исторію отъ Цезаря до Константина В. *Четвертая* книга излагаетъ римско-византійскую исторію отъ Константина В. до 842 г.

Матеріалы для своей „Хроники“ Георгій Амартолъ почерпалъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Такъ, онъ пользовался „Хроникой“ Θеофана, „Хронографомъ“ Малалы, „Іудейской исторіей“ І. Флавія и др. Періодъ между 813—842 гг. Георгій излагаетъ, какъ очевидецъ. Эта часть „Хроники“ бѣдна фактами собственно историческими: въ ней излагаются по преимуществу событія и факты изъ церковной исторіи Византіи съ тенденціозной точки зрѣнія, которая болѣе или менѣе замѣтно выступаетъ и во всей „Хроникѣ“. Георгій Амартолъ былъ монахъ, жившій въ эпоху иконоборства. Это обстоятельство было причиной того, что „Хроника“ Георгія пріобрѣла особый характеръ. Авторъ — приверженецъ иконопочитанія и врагъ иконоборства. Этимъ опредѣляется отношеніе автора къ дѣятелямъ эпохи иконоборства; этимъ же объясняются его исходная точка зрѣнія и тонъ его „Хроники“, который въ разсказѣ о событіяхъ изъ эпохи иконоборства становится рѣзкимъ и желчнымъ: разсказъ часто переходитъ отъ памфлета къ панегирику, и наоборотъ.

Перваго иконоборца, императора Льва Исаврiянина (717—741), Георгій называетъ „богоборцемъ, взбѣсившимся противъ правой и древней вѣры, лютѣйшимъ звѣремъ и худороднымъ мѣдникомъ, немилосерднымъ львомъ или дракономъ всесквернымъ“. О сынѣ Льва, Константинѣ (741—775), Георгій пишетъ такъ: „Послѣ Льва Исавра царствовалъ сынъ его Константинъ Кавалопъ 34 года, отъ страшнаго Льва происшедшій пестрообразный леопардъ,—согласно съ словомъ пророка, говорящаго, что отъ сѣмени зміева происходятъ аспидъ и змій летающій,—и сущій отъ Дана Антихристъ“.

Иначе отзывается Георгій о поборникахъ иконопочитанія. При Константинѣ и его матери Иринѣ,—говоритъ Георгій,—„благочестивый догматъ началъ съ дерзновеніемъ возглашаться,

и слово Божіе множилось, и монастыри со всякою безбоязненностью и тщаніемъ возсождались, и возсіяло всякое церковное устроеніе". Объ императрицѣ Иринѣ (780 — 802) Георгій выражается такъ: „Она была весьма благочестива и любила добродѣтель и устроила многія страннопріимницы и сиротопитательницы и монастыри, сдѣлала облегченіе податей и множество другихъ исправленій". Георгій прославляетъ „вѣрную и православную" императрицу Ѳеодору и ея сына Михаила, возстановившихъ иконопочитаніе (842) и утвердившихъ „издревле богоутвержденную священную и правѣйшую вѣру". „Хроника" Георгія заканчивается описаніемъ торжества православія на константинопольскомъ соборѣ (842).

Въ своей „Хроникѣ" Георгій Амартолъ вездѣ, гдѣ только представляется поводъ, защищаетъ на историческихъ основаніяхъ законность почитанія иконъ, прославляетъ монашество и монашескія добродѣтели.

На историческія событія Георгій Амартолъ смотритъ съ еврейско-христіанской аскетической точки зрѣнія. Исторія представляется ему ареной борьбы двухъ сверхъестественныхъ силъ—Бога и діавола. Оттого въ его „Хроникѣ" часто говорится о Божьемъ предопредѣленіи, съ одной стороны, и о діавольскихъ козняхъ, съ другой стороны. Въ связи съ этимъ находится и склонность Георгія къ описыванію чудесъ, видѣній и знаменій.

„Хроника" Георгія имѣетъ продолженіе. Одно изъ нихъ, до 948 г., приписывается Симеону Магистру и Логоѳету.

„Хроника" Георгія Амартола была у насъ очень популярна, и до XIV в., вмѣстѣ съ „Хронографомъ" Іоанна Малалы, была почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній по всеобщей исторіи.

3) „Лѣтописецъ вкратцѣ" патріарха Никифора. „Лѣтописецъ вкратцѣ" (или „вскорѣ") патріарха Никифора представляетъ сухой хронологическій указатель къ событіямъ и царствованіямъ отъ сотворенія міра до 829 г. Въ немъ авторъ перечисляетъ, въ сопровожденіи хронологическихъ датъ, царей—еврейскихъ, персидскихъ, представителей династіи Птоломея, римскихъ и византійскихъ императоровъ, высшихъ іерарховъ Константинополя, Рима, Іерусалима, Александріи и Антіохіи.

4) „Хроника" Константина Манассіи. „Хроника" Константина Манассіи излагаетъ всемірную исторію отъ сотворенія міра

до 1081 г. Въ „Хроникѣ“ помѣщена повѣсть о Троянской войнѣ (§ 120).

112. „Откровеніе Меѳодія Патарскаго“. „Откровеніе“ приписывается св. Меѳодію Патарскому (III—IV вв.); въ дѣйствительности оно ему не принадлежало, такъ же, какъ не принадлежитъ и другому Меѳодію — патріарху Константинопольскому (IX в.). Повидимому, „Откровеніе“ было составлено во второй половинѣ VII в.; нѣкоторые ученые думаютъ, что время его составленія падаетъ на 676—678 гг.

„Откровеніе“ представляетъ обзоръ судебъ человѣчества отъ перваго человѣка до второго пришествія. Исторія міра и человѣчества совершается въ теченіе семи тысячелѣтій, прообразомъ которыхъ были семь дней творенія.

Первая тысяча лѣтъ начинается съ момента изгнанія Адама и Евы изъ рая и оканчивается отдѣленіемъ Сиѳова рода отъ рода Каина. Изъ событій, совершившихся за это время, авторъ „Откровенія“ отмѣчаетъ слѣдующія. Въ тридцатый годъ по изгнаніи изъ рая у Адама и Евы родились Каинъ и сестра его Калмана; еще черезъ тридцать лѣтъ у Адама и Евы родились Авель и сестра его Девора. Въ 130 г. перваго тысячелѣтія міра Каинъ убилъ Авеля; Адамъ и Ева оплакивали Авеля 100 лѣтъ. Въ 230 г. родился Сиѳъ, человѣкъ-исполинъ, наподобіе самого Адама, который также былъ исполиномъ. Въ 930 г. скончался Адамъ, и родъ Сиѳа отдѣлился отъ рода Каина. Родъ Сиѳа удалился на гору, находившуюся противъ рая; а родъ Каина занялъ поле Наидъ, на которомъ былъ убитъ Авель.

Во второмъ тысячелѣтіи сыновья Ламеха изобрѣли искусство; между потомками Каина стала распространяться безнравственность; потомки Сиѳа стали смѣшиваться съ потомками Каина. Второе тысячелѣтіе заканчивается всемірнымъ потопомъ.

Въ третьемъ тысячелѣтіи основывается новое поселеніе Фамнонъ. У Ноя рождается четвертый сынъ, Монитонъ (Мунтъ), который получилъ отъ Бога способности къ наукамъ и искусствамъ и первый изобрѣлъ астрономію. По смерти Ноя произошло смѣшеніе языковъ, и Монитонъ ушелъ на востокъ. У этого Монитона учился искусству царствовать Неврод, происходившій изъ племени Сиѳа и основавшій Вавилонъ въ 2790 г. Сыновья Хама сдѣлали себѣ царемъ

Понтиппа. Неврод послалъ къ Монитону людей, которые построили послѣднему городъ его имени. Между Невродомъ и Монитономъ царилъ миръ, а между Невродомъ и Понтипомъ не было мира.

Въ четвертомъ тысячелѣтіи Египетъ былъ завоеванъ Невродомъ. Вавилонское царство укрѣпилось за потомствомъ Неврода. Одинъ изъ потомковъ Неврода Хозомузедей взялъ себѣ жену изъ племени Хама. По смерти Хозомузедея сынъ его Іезда женился на своей матери. Сынъ Іезды Іерездей поработилъ и поплѣнилъ сыновей Хама и пожогъ всѣ страны. При сынѣ Іерездея Хозроѣ потомки Хама возстали и начали войну съ Хозроемъ. Хозрой далъ имъ перейти черезъ Тигръ, напалъ на нихъ и уничтожилъ до единаго.

Въ пятомъ тысячелѣтіи изъ царства Монитона явился Сампсіасъ, сынъ Вара и попустошилъ землю отъ Евфрата до Издратига, совершилъ переходъ черезъ Индію и въ пустынѣ Савской разбилъ потомковъ Измаила, которые бѣжали въ пустыню Етривъ (въ Аравіи). Измаильтяне вели войну съ царями, побѣдили ихъ и завладѣли землей обѣтованной. Ихъ было множество. Питались они конскимъ и верблюжьимъ мясомъ. Сдѣлавъ себѣ корабли, они, наподобіе птицъ, летали по волнамъ и доходили до Рима, Иллирика, Гигита, Солуня и Сарданіи. Четыре вождя ихъ—Оривъ, Зивъ, Зевее и Салмана вели войну съ израильтянами, но были побѣждены Гедеономъ: измаильтяне снова бѣжали въ пустыню Етривъ. Передъ кончиной міра измаильтяне снова выйдутъ изъ этой пустыни, покорятъ всѣ страны, но сами будутъ побѣждены греческимъ царемъ.

Шестое тысячелѣтіе обнимаетъ рядъ царствованій, послѣдовательно перечисляемыхъ въ „Откровеніи“. Отъ Неврода до Парудема, а отъ Парудема до Иста Вавилономъ владѣло царство гигантовъ. До Сенерифа царствовали персы. У Сенерифа были сыновья—Андрамелехъ и Сарасу. Они убили отца своего и убѣжали въ землю Араратскую. Въ Вавилонѣ царствовали Сарадумъ и Навуходоносоръ, который былъ поставленъ военачальникомъ Сенерифомъ, когда этотъ послѣдній ходилъ воевать съ индійскимъ царемъ. Навуходоносоръ взялъ себѣ жену у мидянъ, по имени Іероудумею. Послѣ смерти Навуходоносора и Валтасара царствовалъ Дарій мидянинъ, который женился на персіянкѣ Дорѣ и имѣлъ отъ нея сына

Хозроя. Дарій правилъ Индіей и Ливіей, а Хозрой—Ѳракіей. Онъ освободилъ потомковъ Израиля и отослалъ ихъ въ землю обѣтованную, позволивъ имъ возстановить храмъ, разрушенный Навуходоносоромъ. Дарій былъ убитъ Александромъ, рожденымъ отъ македонскаго царя Филиппа и Хузифы, дочери Фола, царя эѳіопскаго. Во время своихъ походовъ Александръ встрѣтилъ въ солнечной странѣ нечистые народы Гогъ и Магогъ, которые жили наподобіе дикихъ звѣрей: ѣли комаровъ, мышей, кошекъ, змѣй и вообще все нечистое и скверное; мертвыхъ они не хоронили, а съѣдали. Александръ побоялся, что эти народы могутъ дойти до Св. земли и осквернить ее разными скверами. Онъ помолился Богу и погналъ эти народы къ сѣвернымъ горамъ. Богъ велѣлъ двумъ горамъ соединиться: онѣ соединились и заключили въ себѣ эти нечистые народы. Между горами осталось узкое пространство въ 12 локтей; оно было заперто желѣзными воротами, которыя были замазаны особымъ веществомъ асинхитомъ: асинхитъ нельзя ни разсѣчь желѣзомъ, ни зажечь огнемъ. При кончинѣ міра Гогъ и Магогъ и всѣ вообще нечистые народы выйдутъ изъ своего заключенія. По смерти Александра на Хузифѣ женился Визъ, основавшій городъ Византію. У нихъ родилась дочь Византія, на которой женился Армалей, царь римскій. У Армалея было три сына: первый, по имени тоже Армалей, правилъ въ Римѣ, другой—Урванъ—въ Византіи, третій—Клавдій—въ Александріи. Такъ случилось, что потомство эѳіоплянки Хузифы стало господствовать надъ Эѳіопіей, Македоніей, Римомъ и Византіей. Къ Византійскому царству должны быть отнесены слова пророка: „Еѳіопія предваритъ руку свою къ Богу“. Царство греческое отнынѣ не будетъ побѣждено. Много царствъ было раньше, но всѣ они погибли; послѣднимъ было царство персовъ, но и оно рушилось.

Седьмая, послѣдняя, тысяча лѣтъ, по пророчествамъ „Откровенія“, пройдетъ такимъ образомъ. Изъ пустыни Етривской выйдутъ измаильтяне и соберутся на Гаваонѣ, гдѣ отъ острія ихъ меча падутъ сильные изъ грековъ. За человѣческое нечестіе, которое дойдетъ до того, что одну жену будутъ имѣть отецъ, сынъ и братъ, Господь предастъ греческое царство въ руки Измаила. Всѣ страны будутъ порабощены, жители будутъ либо перебиты, либо уведены въ плѣнъ. Путь измаильтянъ будетъ отъ моря до моря, отъ во-

стока до запада. Они будутъ жестоко обращаться съ побѣжденными: будутъ брать дань съ живыхъ и съ мертвыхъ, не будутъ имѣть жалости ни къ больнымъ, ни къ женщинамъ, и никто не въ силахъ будетъ противостать имъ. Земля осквернится кровью, страны и города опустѣютъ. Изъ рукъ матерей измаильтяне будутъ вырывать дѣтей и бросать ихъ звѣрямъ. Они перебьютъ всѣхъ священниковъ, они устроятъ себѣ въ храмахъ спальни, а священными одеждами будутъ покрывать своихъ коней. Въ это время истинныхъ христіанъ найдется мало; люди будутъ горделивы, сребролюбивы, непослушны родителямъ; боящіеся Бога ни во что не будутъ цѣниться. Люди отчаятся въ своей жизни; отнимется отъ іереевъ честь, и прекратится всякая служба. Настанетъ голодъ, и люди будутъ гибнуть. Въ бѣдствіи люди продадутъ свои земледѣльческія орудія и даже своихъ дѣтей. Все это допущено будетъ Богомъ, чтобы объявились вѣрные. Послѣ всѣхъ этихъ бѣдствій, когда Персія, Романія, Киликія, Сирія и т. д. будутъ опустошены, и измаильтяне въ гордости скажутъ: „не избудутъ изъ рукъ нашихъ христіане!“ — тогда внезапно возстанетъ, какъ бы отъ сна, царь греческій, считавшійся какъ бы мертвымъ. Онъ разобьетъ измаильтянъ и поработитъ ихъ всѣхъ; иго его будетъ въ семь разъ тяжелѣе ига измаильскаго. Измальтянъ постигнетъ голодъ, и будутъ они рабами своихъ бывшихъ рабовъ. Земля умирится, и каждый возвратится на свое мѣсто. Тогда царь обратитъ свой гнѣвъ противъ отрекшихся отъ Христа. На землѣ будетъ необыкновенное плодородіе; всѣ люди заживутъ въ мирѣ, застроятся города, и священники будутъ освобождены отъ стѣсненій. Во время этого мира на людей снова обрушатся бѣдствія: откроются сѣверныя врата, изъ горъ выйдутъ заключенные Александромъ нечистые народы, которые наведутъ на землю страхъ и ужасъ. Когда эти народы возьмутъ Іоппь, Господь пошлетъ своего архистратига, который въ одно мгновеніе истребитъ ихъ. Тогда придетъ въ Іерусалимъ греческій царь, а черезъ $10^1/_2$ лѣтъ послѣ этого родится Антихристъ. Когда явится Антихристъ, греческій царь взойдетъ на Голгоѳу, возложитъ вѣнецъ свой на крестъ и предастъ царство свое Богу и Отцу, и крестъ съ вѣнцомъ вознесется на небо. Антихристъ прельститъ всѣхъ своими ложными чудесами, войдетъ въ Іерусалимъ и сядетъ въ храмѣ, приказывая считать себя за Бога. На обличеніе Антихриста

Господь пошлетъ Илію и Еноха; но они будутъ убиты Антихристомъ. Тогда послѣдуетъ второе пришествіе Христа, и начнется всеобщій судъ.

„Откровеніе Меѳодія Патарскаго“—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній византійскаго творчества: въ немъ съ особенною типичностью выразилась всемірно-историческая точка зрѣнія, выработанная еврейско-византійскими мыслителями. Эта точка зрѣнія представляетъ изъ себя сочетаніе четырехъ идей.

1) Идея богоизбранности народовъ. Первая идея — идея богоизбранности того или другого народа. Эта идея первоначально была выработана іудейскими мыслителями, подъ вліяніемъ обстоятельствъ исторіи еврейскаго народа (§ 37): въ еврейской литературѣ еврейскій народъ разсматривается, какъ народъ, который уже въ лицѣ его родоначальника Авраама былъ избранъ свыше для сохраненія истинной вѣры (§ 40).

2) Идея послѣдовательной смѣны царствъ. Вторая идея—идея послѣдовательной смѣны царствъ. Эта идея впервые нашла себѣ выраженіе въ „Книгѣ пророка Даніила“, въ эпизодѣ со сномъ Навуходоносора и въ видѣніи пяти царствъ (§ 40). Авторъ „Книги Даніила“ убѣжденъ былъ, что четвертое царство, греческое, подъ властью котораго находились іудеи, падетъ, какъ и предыдущія три царства, и на ихъ мѣсто будетъ возстановлено новое царство, іудейское, символомъ котораго во снѣ Навуходоносора является камень, разбившій истуканъ. „И во дни тѣхъ царствъ,—говорилъ Даніилъ Навуходоносору,—Богъ небесный воздвигнетъ царство, которое во вѣки не разрушится, и царство это не будетъ передано другому народу: оно сокрушитъ и разрушитъ всѣ царства, а само будетъ стоять вѣчно!...“ Толкуя свое видѣніе пяти царствъ, авторъ „Книги Даніила“ говоритъ, что послѣ четвертаго царства примутъ царство святые Всевышняго, которые будутъ владѣть царствомъ „во вѣкъ и во вѣки вѣковъ“. Такимъ образомъ, пятое царство, іудейское, по убѣжденію автора „Книги Даніила“, будетъ вѣчно стоять: всемірная исторія сводится къ послѣдовательной смѣнѣ пяти царствъ, изъ которыхъ пятое существуетъ вѣчно. При Маккавеяхъ іудеи освободились отъ власти греческаго царя и добились самостоятельности. Но вѣчнымъ іудейство не стало: возникло новое царство, римское, появленія котораго авторъ „Книги Даніила“ не предвидѣлъ. Греческія царства пали подъ ударами Рима;

сама Іудея была разгромлена, и іудейское царство пало навсегда.

Съ паденіемъ Іудеи и съ появленіемъ христіанства пятое царство сна Навуходоносора и видѣнія Даніила стало толковаться соотвѣтственно новымъ обстоятельствамъ.

Св. Ипполитъ (жившій во второй половинѣ II-го в. и въ первой половинѣ III-го в.), толкуя „Книгу Даніила", говоритъ, что золотая голова истукана во снѣ Навуходоносора означаетъ вавилонское царство, серебряная грудь—персидское, мѣдное чрево и мѣдныя бедра — греческое царство, а голени и ноги, сдѣланныя изъ желѣза и глины,—римское царство. Камень, сорвавшійся съ горы, разбившій истуканъ, ставшій великою горою и наполнившій всю землю, это, по толкованію св. Ипполита,—Христосъ, сошедшій съ неба, уничтожившій римское царство и основавшій небесное царство. Это царство—вѣчное. Въ другомъ своемъ сочиненіи, въ „Сказаніи о Христѣ и Антихристѣ", св. Ипполитъ такимъ же образомъ толкуетъ видѣніе Даніила о пяти царствахъ. Четвертый звѣрь видѣнія—римское царство; малый рогъ четвертаго звѣря это—Антихристъ; Сынъ человѣческій — Іисусъ Христосъ, вторично сошедшій съ неба и основавшій вѣчное царство.

3) Богоизбранность и вѣчность Константинополя, второго Рима. Толкованія св. Ипполита, явившіяся въ ту пору, когда римская имперія была еще языческой, а христіанская церковь — гонимой, пользовались большою популярностью въ христіанской церкви.

Послѣ объявленія христіанской церкви государственнымъ учрежденіемъ, а христіанской религіи — господствующей, создались новыя обстоятельства, требовавшія внесенія поправокъ въ толкованія св. Ипполита.

Подъ четвертымъ царствомъ продолжаютъ разумѣть римскую имперію; но римская имперія — уже христіанское царство; слѣдовательно, она стала богоизбраннымъ царствомъ: это — послѣднее христіанское царство, которое будетъ существовать до второго пришествія Христа; Римъ — вѣчный городъ.

Этотъ взглядъ выразился въ „Словѣ Ефрема Сирина и Исидора Севильскаго о послѣднемъ царствѣ, объ Антихристѣ и концѣ міра": римское царство, — говорится здѣсь, — будетъ существовать до конца міра, когда на землѣ истребится всякое

начальство и власть и когда христіанское царство будетъ передано Богу и Отцу.

Въ такъ называемой „Тибуртинской легендѣ“, сложившейся въ VII в., повѣствуется слѣдующее.

Послѣдній царь выйдетъ изъ Византіи: онъ будетъ царемъ грековъ и римлянъ. Этотъ царь побѣдитъ измаильтянъ, отомститъ имъ за христіанъ, укрѣпитъ и успокоитъ христіанство. На землѣ водворится миръ, сопровождаемый обиліемъ плодовъ земныхъ. Въ это время родится изъ Данова колѣна Антихристъ; тогда же выйдутъ съ сѣвера народы, запертые въ городахъ Александромъ М. Царь отправится въ Іерусалимъ и на Голгоѳѣ предастъ свое царство Богу и Отцу. Наступитъ царство Антихриста, которое будетъ разрушено явленіемъ Христа.

Съ особенною ясностью формулировалъ богоизбранность и вѣчность римскаго царства Козьма Индикоплювъ (§ 106), тоже исходившій изъ „Книги Даніила“. Въ своемъ толкованіи сна Навуходоносора и видѣнія Даніила Козьма стоитъ ближе къ іудейскому пониманію: четвертое царство — Александра М. и его преемниковъ. Камень, сорвавшійся съ горы, и Сынъ человѣческій, это — Христосъ. Ко времени появленія Христа четыре царства отнимаются и разрушаются; на ихъ мѣсто Богъ воздвигаетъ новое царство — римское, которое во вѣки не истлѣетъ: это царство будетъ слугою Христову строенію. Бѣдствія, обрушившіяся на Римскую имперію — временныя какъ и тѣ, которыя нѣкогда обрушивались на богоизбранный еврейскій народъ.

Паденіе Западной Римской имперіи повлекло новыя толкованія, которыя съ особенною живостью вырабатывались въ уцѣлѣвшей половинѣ Римской имперіи, т.-е. въ Византіи. Старому Риму начинаетъ противополагаться новый Римъ — Константинополь. Четвертое царство „Книги Даніила“ толкуется, какъ царство византійское.

Въ „Житіи Іакова Жидовина“ (крестившагося при Праклѣ) проводится мысль, что четвертый звѣрь видѣнія Даніила — символъ Византійской имперіи, призванной существовать до конца міра.

Съ особенною полнотою и ясностью мысль о богоизбранности и вѣчности Царьграда проводится въ „Откровеніи Меѳодія Патарскаго“. Авторъ этого произведенія, обладавшій болѣе широкимъ историческимъ кругозоромъ, чѣмъ его пред-

шественники, изображаетъ послѣдовательную смѣну слѣдующихъ царствъ: еврейскаго, египетскаго, вавилонскаго, персидскаго, македонскаго, римскаго и византійскаго.

Въ своемъ изображеніи Византіи и ея судебъ авторъ исходитъ изъ слѣдующихъ словъ Псалтири: „Ѳіопія предваритъ руку свою къ Богу“ (Пс. LXVII, 32). Эти слова въ то время понимались, какъ пророчество о томъ, что Ѳіопія будетъ существовать до конца міра. Авторъ „Откровенія“ опровергаетъ это толкованіе, *во-первыхъ*, указаніемъ на то, что Ѳіопское царство пало, а *во-вторыхъ*, ссылкой на то, что такое толкованіе не согласуется съ видѣніемъ пяти царствъ Даніила. Исходя изъ видѣнія Даніила, авторъ устанавливаетъ своеобразную генеалогическую связь между Ѳіопіей, Македоніей, Римомъ и Византіей.

Хузифа, мать Александра Македонскаго (другое имя ея — Олимпіада), родомъ ѳіоплянка, возвращается по смерти сына къ своему отцу Фолу, ѳіопскому царю, и выходитъ замужъ за Виза, основателя города Виза, „еже нынѣ зовомый Царьгородъ“. У Виза рождается дочь, получившая имя Византія. На Византіи женится римскій царь Ромилъ Армалей. У Ромила отъ этого брака было три сына: Армалей, Урванъ и Клавдій. Старшій сынъ, Армалей, унаслѣдовалъ престолъ отца въ Римѣ; второй сынъ, Урванъ, унаслѣдовалъ городъ матери — Визъ, или Византію; младшій сынъ, Клавдій, унаслѣдовалъ Александрію. Изъ этой генеалогіи видно, что авторъ „Откровенія“ не только уравниваетъ Византію съ Римомъ, но даже склоненъ приписывать ей, сравнительно съ Римомъ, первенствующее значеніе: Визъ и Ромилъ, родоначальники двухъ царствующихъ домовъ, являются современниками другъ другу; а ихъ преемники — сыновья Византіи. На этомъ основаніи не трудно было проводить мысль о томъ, что Византія была законной носительницей задачъ перваго Рима. Авторъ приходитъ къ заключенію о богоизбранности и вѣчности Царьграда. Четвертое царство въ видѣніи Даніила, это — греческое царство.

„Царство елинское, — говоритъ авторъ, — сирѣчь грѣчьское, еже есть сѣмене ѳіопьскаго, сіе предваритъ рукою своею къ Богу въ послѣдній день, по пророчьствѣмъ проречени“.

Изобразивъ грозную силу потомковъ Измаила, разбитыхъ Гедеономъ, авторъ „Откровенія“ говоритъ, что на землѣ не

будетъ другого царства, которое сможетъ расправиться съ нимъ „даже до числа временъ седморичныхъ“, кромѣ греческаго. „И по семъ побѣждени будутъ царствомъ грѣчьскыимъ и повинуются ему: сіе бо царство възвеличится паче въсѣхъ царствій язычьскыихъ и не потрѣбится (не будетъ уничтожено) ні единѣмъ царствомъ“.

Греческое царство просуществуетъ до конца міра, потому что оно владѣетъ главной святыней и охраной богоизбраннаго царства, — „честнымъ древомъ крѣстнымъ, водруженнымъ посрѣдѣ земли“.

4) Идея семитысячелѣтняго существованія вселенной. Четвертая идея — идея о семитысячелѣтнемъ существованіи вселенной. Происхожденіе этой идеи таково.

Апостолы убѣждены были въ близости кончины міра: они вѣрили, что еще при ихъ жизни вселенная погибнетъ, и на ея мѣсто создастся новая, послѣ чего на небесныхъ облакахъ появится съ великою силою и славою Христосъ, который произведетъ страшный судъ надъ людьми.

Это убѣжденіе раздѣлялъ и апостолъ Павелъ.

По мѣрѣ того, какъ время шло и второго пришествія не происходило, среди христіанъ сталъ распространяться іудейскій взглядъ на время кончины міра: по этому взгляду міръ будетъ существовать 6.000 лѣтъ (т.-е. приблизительно до конца V в. по нашей эрѣ), прообразомъ которыхъ служатъ 6 дней творенія. Седьмая тысяча лѣтъ, прообразомъ которой служитъ суббота, седьмой день, день покоя, будетъ періодомъ царства святыхъ. Этого взгляда придерживался, напр., св. Ипполитъ, который видѣлъ въ субботѣ „образъ будущаго царства святыхъ, когда они воцарятся со Христомъ, по пришествіи Его съ небесъ, какъ излагаетъ Іоаннъ въ своемъ „Апокалипсисѣ“: ибо день Господень, яко тысяща лѣтъ“ (Пс. LXXXIX, 5).

Когда по истеченіи 6.000 лѣтъ отъ сотворенія міра, кончины міра и второго пришествія не произошло, сталъ складываться новый взглядъ: міръ будетъ существовать не 6.000 лѣтъ, а 7.000. Этотъ взглядъ пріобрѣлъ въ византійско-болгарской литературѣ большую популярность.

Въ „Небесахъ“ Іоанна Дамаскина (§ 97) выражается убѣжденіе въ томъ, что міру предназначено существовать семь „вѣковъ“, т.-е. тысячелѣтій: „Глаголютъ же ся убо сего мира седмь вѣкъ, рекъше отъ небесьскаго и земьнаго сътво-

рения и до обьщаго человѣкомъ съконьчания и въстания". Въ „Житіи Андрея Юродиваго" (§ 82) о кончинѣ міра черезъ 7.000 лѣтъ говорилось еще яснѣе: „Еще бо въ седмый вѣкъ мира сего и чтеныи лѣты не кончался есть: по кончаніи же сего, тогда воздвигнеть Богъ духъ страшенъ на всю землю, и зберутся кости человѣчьски ко еже къ своему уду и составляются и прилѣпятся... И тогда... воскреснутъ мертвіи в мегновеніи ока, и снидетъ Судіа и воздастъ камуждо по дѣломъ его. И потомъ къ тому начнется осмый вѣкъ: кончины же сей вѣкъ не имѣетъ". Андрей Юродивый даже указываетъ причину кончины міра. Ангеловъ, отпавшихъ отъ Бога, — объясняетъ Андрей, — было 100 темъ; 12 темъ восполнено было праведниками изъ іудеевъ; оставшіяся 88 темъ должны быть восполнены праведными христіанами. Восполненіе отпавшихъ ангеловъ совершится въ теченіе 7.000 лѣтъ, по истеченіи которыхъ земной міръ окончитъ свое существованіе. Внѣшнимъ признакомъ близости кончины міра будетъ, по словамъ Андрея, паденіе Константинополя: „Мимошедшю Царевуграду, сдѣ ся кончина уставляетъ". Почему міру назначено было существовать именно семь тысячъ лѣтъ, объясняется изъ одного мѣста въ „Палеѣ толковой" (§ 109), въ которомъ по поводу изгнанія Адама и Евы изъ рая говорится слѣдующее: „И постави Богъ противу седми дней седмь тысящъ лѣтъ, а осмой тысящи нѣсть конца, еже есть осмый день, сирѣчь вѣкъ немерцая бесконечный въ единъ день той есть". Итакъ, семь дней недѣли это — образъ семи тысячъ лѣтъ, данныхъ міру для его существованія и для созданія 100 темъ праведниковъ; седьмой день, день покоя, — образъ кончины міра въ седьмую тысячу.

Авторъ „Откровенія Меѳодія Патарскаго" усвоилъ символическо-мистическое толкованіе семи дней недѣли, какъ прообраза 7.000 лѣтъ существованія вселенной, и матеріалъ своего обзора всемірной исторіи распредѣлилъ на семь „вѣковъ", т.-е. тысячелѣтій, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста: „Въ четыредесятое лѣто Иаредово съвръшися пръвое тысяще, еже есть пръвый вѣкъ".

Таковы основныя мысли, изъ которыхъ сложилась всемірно-историческая точка зрѣнія, выработанная авторомъ „Откровенія Меѳодія Патарскаго".

„Откровеніе Меѳодія Патарскаго" пользовалось большимъ

авторитетомъ среди византійцевъ, у славянъ и на Руси; оно не считалось „ложнымъ“ и не подвергалось запрещеніямъ. Напротивъ, и у грековъ, и у славянъ, и у русскихъ „Откровеніе“ считалось книгой священной. Поэтому среди христіанъ Востока и особенно у русскихъ безпрепятственно складывалось твердое убѣжденіе въ томъ, что міръ просуществуетъ только семь тысячелѣтій, по истеченіи которыхъ (по нашей эрѣ — въ 1492 г.) наступитъ второе пришествіе Христа и будетъ произведенъ страшный судъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Гадательныя книги.

113. Гадательныя книги. Въ индексъ запрещенныхъ книгъ занесены, на ряду съ апокрифами, книги гадательнаго содержанія, къ числу которыхъ относятся слѣдующія:

1) „**Громникъ**“. Въ этой книгѣ изложены предвидѣнія метеорологическія, хозяйственныя и политическія, дѣлаемыя на основаніи того, въ какомъ знакѣ зодіака загремитъ громъ. Если, напр., громъ загремитъ въ знакѣ тельца (въ апрѣлѣ), то пшеницѣ и четвероногимъ будетъ пагуба, въ восточныхъ странахъ будетъ голодъ, а въ западныхъ — недуги; царю, лютому для враговъ, будетъ смиреніе, другъ другу — заколеніе, въ царскихъ домахъ — велія радость; если громъ загремитъ въ знакѣ овна (въ мартѣ), то съ востока будетъ тля, а рати и тѣлесамъ — гибель.

2) „**Молніянинъ**“. Въ этой книгѣ предвидѣнія дѣлаются на основаніи того, въ какіе дни ударитъ молнія. Если молнія ударитъ въ 10-й день мая, то будетъ голодъ, если — въ 20-й день іюня, будетъ мужемъ скорая пагуба; если молнія ударитъ въ 19-й, 24-й и 29-й день августа, то возстанутъ брани многія и будетъ зима лютая.

3) „**Колядникъ**“. Колядникъ даетъ предсказанія на круглый годъ о состояніи погоды, здоровья, урожая на хлѣбъ, здоровья молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ и т. д. въ зависимости отъ того, въ какой день недѣли придется Рождество Христово. Если, напр., Рождество падетъ на воскресенье, то зима будетъ добрая, весна дождливая, жатва сухая, будетъ

много меду и вина, юнымъ дѣтямъ — пагуба, а скоту — надежъ; если Рождество падетъ на понедѣльникъ, то зима будетъ добрая, весна ведреная, затѣмъ обильные дожди, всему міру обиліе, великая смертность.

4) „О часахъ добрыхъ и злыхъ“. Въ этомъ сочиненіи указывается, какіе изъ 24-хъ часовъ въ сутки добрые, злые и средніе. Первый и второй часы воскресенья — добры, третій — золъ, четвертый — средній, пятый — добръ, шестой — золъ, седьмой — средній и т. д.

5) „О дняхъ добрыхъ и злыхъ“. Въ этой книгѣ указывается, какіе дни мѣсяца добрые, злые и средніе. Первый день мѣсяца съ утра — золъ, второй — посреди — золъ, седьмой — весь золъ и т. д. Указанія этой книги заключаются такимъ наставленіемъ: „Смотри, съ испытаніемъ исчисляй и познавай, въ какомъ зодіи (знакѣ зодіака) луна — въ добромъ, зломъ или среднемъ: если въ добромъ, въ таковой день можно все дѣлать; если въ зломъ — ничто же подобаетъ творити“.

6) „О дняхъ лунныхъ“. Въ этой книгѣ указываются счастливые и несчастливые, относительно рожденія человѣка и его занятій, лунные дни. Указанія выводятся изъ совпаденія даннаго дня съ какимъ нибудь библейскимъ событіемъ. Такъ, напр., въ первый день луны былъ сотворенъ Адамъ; поэтому тотъ день для всего пригоденъ—купить, продавать, по водѣ плавать, сѣять и садить, стричь волосы, которые отростутъ тонко и гладко, кроить платье, строить домъ; въ этотъ день потерянное скоро отыскивается, недужный исцѣляется, родившіеся мужского пола будутъ веселы, на все разумны, мудрые книжники, а женскаго пола—честны и вѣрны своимъ мужьямъ. Въ третій день луны Каинъ родился; поэтому день тотъ золъ и лютъ осужденнаго ради Каина; отъ всего надо беречься: не должно ни покупать, ни продавать, ни сѣять, ни садить; если свадьбу сдѣлать, скоро разлучатся. Въ четвертый день луны родился Авель; поэтому день этотъ добръ на все: землю дѣлать, по водѣ плавать, или храмъ строить, пиръ чинить, дѣтей на ученіе давать. Въ четырнадцатый день луны смѣшались языки у строителей столпа; въ этотъ день хорошо чинить глиняные сосуды, строить печи; кто родится въ этотъ день, будетъ многолѣтенъ, язычен, образенъ на бесѣду...

7) „Астрологія“ и „Звѣздочтецъ“. Въ книгахъ съ такими заглавіями излагаются указанія на счастливые и несчастливые

годы, объясняются знаки зодіака и счастливое или несчастливое расположеніе звѣздъ и планетъ. Вотъ, что сообщается о двоюнадесяти зодіакальныхъ знакахъ: „Верху седьмого небеси есть планитское коло (кругъ), идѣже суть дванадесять нелестныя (необманчивыя) звѣзды, имъ же имена суть сіи (перечисляются названія зодіакальныхъ знаковъ). Сія дванадесять нарекутся звѣзды нельстивыя, занеже не прельщаютъ насъ, якоже планиты, но паче знаменія, безъ льщенія, отъ нихъ бываютъ въ мірѣ; зодіи глаголются, за еже жизненный путь имутъ всѣмъ человѣкомъ; домове нарекутся, занеже исходятъ и входятъ въ нихъ планиты“. Въ другомъ мѣстѣ говорится о небѣ, единомъ по существу, но девятеричномъ по числу: первое небо — по образу вѣка, иже преже сотворенія міру; второе — по образу вѣка, иже по воскресеніи и судѣ; седмь другихъ небесъ по образу седмихъ вѣкъ міра. Вотъ примѣръ предсказанія на сентябрь, знакъ котораго—яремъ (вѣсы), изъ „Звѣздочетца“: „Зима не студена, ни тепла, весна добра, лѣто знойно, осень ведрена; аще увидиши 7 звѣздъ, тогда будетъ красно и добро, и тишина велика; аще узриши 7 звѣздъ, полнымъ свѣтомъ стояще, тогда будетъ всей земли потрясеніе, скоту рогату великъ падежъ; а кто родится въ тое звѣзду, будетъ торговецъ, ростомъ средній, обычаемъ супругъ, скупъ, хитеръ и остроуменъ на всякое дѣло“.

8) „**Волховникъ**“. Подъ „Волховникомъ“ разумѣется книга, излагающая всякаго рода примѣты. Она распадается на слѣдующія части: *а)* „*Вороногpай*“ (примѣты и гаданія по крику вороновъ), *б)* „*Куроклик*ъ“ (примѣты по крику пѣтуховъ), *в)* „*Птичникъ*“ (гаданія по крику и полету птицъ), *г)* „*Трепетникъ*“ (примѣты по дрожанію мышцъ или вообще частей тѣла), *д)* „*Сносудецъ*“ (сонникъ), *е)* „*Путникъ*“ (примѣты о добрыхъ и злыхъ встрѣчахъ), *ж)* „*Зелейникъ*“, „*Травникъ*“, „*Цвѣтникъ*“, „*Лѣчебникъ*“ (описаніе волшебныхъ и цѣлебныхъ травъ, заговоры противъ болѣзней).

9) „**Чаровникъ**“. Чаровникъ состоитъ изъ сказаній объ оборотняхъ.

10) „**Рафли**“. „Рафли“ — астрономическая книга, въ которой разсматривается вліяніе звѣздъ на жизнь человѣка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сборники.

114. О сборникахъ. Кромѣ сборниковъ, упомянутыхъ при обзорѣ сочиненій свв. отцовъ и учителей церкви, большое значеніе имѣли у насъ слѣдующіе сборники: 1) „Пчела“, 2) „Древне-болгарская энциклопедія X в.“ и 3) „Изборникъ Святославовъ 1076 г.“

115. „Пчела“. Большою популярностью на Руси пользовались сборники, извѣстные подъ именемъ „Пчелъ“. Эти сборники состоятъ изъ краткихъ изреченій или афоризмовъ, выбранныхъ изъ св. Писанія, сочиненій отцовъ церкви и даже свѣтскихъ писателей греко-римской языческой древности и касающихся разныхъ вопросовъ нравственной и обыденной жизни. Первый сборникъ такого рода составленъ былъ преподобнымъ Максимомъ Исповѣдникомъ († 662) подъ заглавіемъ „Главы богословскія, или выборъ изъ писателей нашихъ (христіанскихъ) и внѣшнихъ“ (языческихъ). Св. Іоаннъ Дамаскинъ составилъ два такихъ сборника, подъ заглавіемъ „Священныя подобы“ (т.-е. сходныя по содержанію мѣста), причемъ матеріалъ распредѣленъ по предметамъ, въ алфавитномъ порядкѣ. Монахъ Антоній (XI в.) составлялъ такого же рода сборникъ подъ именемъ „Пчела“ (по-гречески Мѐлисса); названіе это дано было для характеристики сборника: подобно тому, какъ пчела собираетъ медъ со множества разнообразныхъ цвѣтовъ, такъ и монахъ Антоній трудолюбиво собиралъ мѣткіе афоризмы и изреченія изъ сочиненій разныхъ авторовъ. У Антонія изреченій изъ свѣтскихъ писателей меньше, чѣмъ у Максима Исповѣдника.

Славянскій сборникъ „Пчела“ представляетъ соединеніе сборниковъ Максима Исповѣдника и монаха Антонія. Матеріалъ раздѣленъ на главы по предметамъ, напр.: о добродѣтели и злобѣ, о мудрости, о чистотѣ и цѣломудріи, о правдѣ, о богатствѣ и убожествѣ, о благодати, о милостынѣ, о власти и княженіи, о лжи и клеветѣ и пр. Изреченія, касающіяся одного какого-нибудь предмета, распредѣляются другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ: сначала помѣщаются цитаты изъ Евангелія, Апостола, Ветхаго Завѣта, преимущественно изъ

Притчей, Екклесіаста, Сираха, затѣмъ изъ отцовъ и учителей церкви и, наконецъ, изъ древнихъ языческихъ писателей и вообще знаменитыхъ людей, а именно — изреченія и афоризмы Плутарха, Демокрита, Діогена, Исократа, Менандра, Геродота, Эврипида, Пиѳагора, Демосѳена, Сократа, Ксенофонта, Аристотеля, Катона, Эпикура и др.

Примѣры изреченій изъ языческихъ писателей: „Ни коня безъ узды возможно есть держати, ни богатства безъ ума“ (Пиѳагоръ); „Мудра дума паче многихъ рукъ, мудрый паче крѣпкаго“ (Діодоръ); „Лукавіи мужи, аще и благою рѣчію совѣщаютъ, нрава дѣля (ради) невѣрни суть“ (Плутархъ). Иногда въ „Пчелѣ“ помѣщаются басни и даже разсказы.

Примѣръ басни: „Волкъ, видѣвъ пастуха, ѣдущи чужи овци отаи (скрытно) въ кучѣ (въ хижинѣ), и рече: о, колико бысте голкы (шуму) съставили, оже быхъ то я сотворилъ!“

„Пчела“ давала древне-русскимъ читателямъ и писателямъ возможность щеголять афоризмами и изреченіями и дѣлать ссылки на писателей, сочиненій которыхъ они и не читали.

Многія изреченія, помѣщенныя въ „Пчелѣ“, вошли въ пословицы, и, наоборотъ, въ позднѣйшіе списки „Пчелы“ помѣщаются иногда на ряду съ изреченіями изъ упомянутыхъ источниковъ русскія устныя пословицы.

116. „Древне-болгарская энциклопедія X в.“ Въ началѣ X в. въ Болгаріи, въ царствованіе Симеона (§§ 26, 27), былъ составленъ обширный сборникъ съ энциклопедическимъ содержаніемъ. Этотъ сборникъ, состоявшій, вѣроятно, изъ нѣсколькихъ частей, извѣстенъ въ наукѣ подъ названіемъ „Древне-болгарской энциклопедіи X в.“ Въ XI в. „Древне-болгарская энциклопедія X в.“ заносится къ намъ. Отъ него до насъ дошли двѣ части, изъ которыхъ одна извѣстна подъ названіемъ „Еллинскаго и Римскаго лѣтописца“, а другая — подъ названіемъ „Изборника Святославова 1073 г.“

1) **„Еллинскій и Римскій лѣтописецъ“.** „Еллинскій и Римскій лѣтописецъ“, болѣе извѣстный подъ сокращеннымъ названіемъ „Еллинскаго лѣтописца“, представляетъ изъ себя сборникъ многочисленныхъ произведеній, по преимуществу историческаго содержанія. Въ составъ этого сборника вошли слѣдующія произведенія: 1) ветхозавѣтныя книги: „Пятикнижіе Моисеево“, „Книга Іисуса Навина“, „Книга Судей“, „Руѳь“, четыре книги „Царствъ“, „Есфирь“, „Пѣснь пѣсней“, „Екклесіастъ“,

„Притчи Соломона“, отрывки изъ „Премудрости Соломона“, „Книга Даніила“, съ толкованіями Ипполита, 2) „Хроника Іоанна Малалы“ (§ 111), 3) „Хронографъ“ Георгія Амартола (§ 111), 4) „Лѣтописецъ вкратцѣ“ Никифора (§ 111), 5) „Александрія“, въ двухъ редакціяхъ, 6) статья Палладія о рахманахъ, 7) „Дѣянія апостоловъ Петра и Павла“, 8) сказаніе о созданіи церкви св. Софіи въ Константинополѣ, 9) сказаніе о рожденіи Константина В. и о нѣкоторыхъ событіяхъ его царствованія, 10) апокрифъ о пророкѣ Іереміи и Варухѣ, и др.

„Еллинскій лѣтописецъ“ подвергся цѣлому ряду переработокъ: въ настоящее время установлены четыре вида этого „лѣтописца“.

2) **„Изборникъ Святославовъ 1073 г.“** „Изборникъ Святославовъ 1073 г.“ названъ такъ потому, что былъ переписанъ дьякомъ Іоанномъ съ болгарскаго оригинала для князя Святослава Черниговскаго, имя котораго упоминается переписчикомъ въ „Послѣсловіи“. Вмѣсто имени Святослава въ другой рукописи „Изборника“ стоитъ имя болгарскаго царя Симеона, какъ это видно изъ слѣдующаго отрывка: „Великый въ царехъ Симеонъ желаніемъ зѣло вжела“...

По содержанію своему „Изборникъ Святославовъ 1073 г.“ очень разнообразенъ. Въ немъ помѣщены извлеченія изъ сочиненій отцовъ церкви и другихъ писателей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ.

а) Вопросы богословско-церковные. Къ статьямъ богословско-церковнаго характера относятся слѣдующія: „Исповѣданіе вѣры“ св. Никифора, патріарха константинопольскаго, „Отвѣты“ Анастасія Синаита на предложенные вопросы, поученіе о злой женѣ—отрывокъ изъ поученія Златоуста, статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ (§ 44), статья св. Епифанія о двѣнадцати камняхъ.

Изъ перечисленныхъ статей любопытны двѣ: а) „О злой женѣ“ Іоанна Златоуста и б) „О двѣнадцати камняхъ“ св. Епифанія.

а) „О злой женѣ“ Іоанна Златоуста. О злой женѣ Іоаннъ Златоустъ говоритъ такъ:

„Уне (лучше) жити въ земли пустѣ, или (нежели) съ женою язычьною (невоздержною на языкъ) и которивую (сварливою). И акы чрьвь въ дрѣвѣ, тако же мужа погубить жена злодѣица. И якоже капля изгонять человѣка въ день слотнъ

(ненастный) отъ хлѣвины (хижины) своея, тако же жена язычьна отъ хлѣвины его. И якоже усерязь (серьга) златъ въ ноздрьхъ свинии, тако же и женѣ злосъмыслнѣ краса".

„Никый же убо звѣрь тъчьнъ (подобенъ) женѣ злѣ и язычьнѣ. Что бо есть льва лютѣе въ четвьрьножинаахъ, что ли буяе (ядовитѣе) змья плѣжуштихъ (пресмыкающихся), — но ничтоже тѣхъ развѣ (сравнительно съ) зълѣ жены" (см. § 89, въ „Словѣ о злыхъ женахъ" Ефрема Сирина).

β) *„О двънадцати камняхъ" св. Епифанія.* Статья св. Епифанія, архіепископа Кипрскаго (IV в.), о двѣнадцати камняхъ находится въ связи съ предшествующей ей въ „Изборникѣ" статьей Іоанна Златоуста „о ризѣ святительсцѣй".

Ветхозавѣтные первосвященники носили на своей одеждѣ, на груди, особое украшеніе, которое извѣстно подъ названіемъ „логіонъ". На этомъ логіонѣ были вшиты двѣнадцать драгоцѣнныхъ камней, по числу двѣнадцати племенъ іудейскихъ. Въ Библіи логіонъ описывается такъ:

„И списта на немъ швеніемъ по три камени четырми ряды. Рядъ каменій: сардій и топазій и смарагдъ,—рядъ одинъ; и рядъ вторый: анѳраксъ и сапфіръ, и іасписъ; и рядъ третій: лигурій и ахатъ, и амеѳустъ; и рядъ четвертый: хрисолиѳъ и вирруллій, и онухій — окованы около златомъ и всаждени въ златѣ. И каменіе бяху отъ именъ сыновъ ізраилевыхъ двана-десять, по именамъ ихъ изваяно въ печати, кійждо своимъ именемъ въ дванадесять племенъ" („Исх." XXXVI).

Въ своей статьѣ св. Епифаній описываетъ эти камни и указываетъ чудодѣйственную силу каждаго изъ нихъ.

Примѣры:

„Съардион (сердоликъ) вавулоньскый нарицаемый учрьмьнь (красноватъ) есть, акы кръвь; бываетъ же въ Валонѣ (Вавилонѣ) на земли, яже е (есть) къ Асуриемъ. Прозрачьнъ же есть. Силы цѣльбьныя, имь же лѣкують (лѣчатъ) врачеве отоки (опухоли) и язвы, отъ желѣза бываштa, помазаюште".

„Пазной", т.-е. топазъ,—красножелтаго цвѣта. Онъ бываетъ въ индѣйскомъ городѣ Пазѣ. Если топазъ острятъ по „врачьбной ослѣ" (оселкѣ), то онъ испускаетъ не красный сокъ, какъ можно было бы ожидать по его цвѣту, а бѣлый, какъ молоко. Сколько ни острить топазъ, послѣдній „ни мѣрою ни тѣломъ не охудѣе". „Въземлемое" отъ топаза употребляется для лѣченія глазъ и противъ другихъ болѣзней.

„Змарагдъ (изумрудъ) зеленъ убо есть, на горахъ же инъдийскихъ копаюште варъвари сѣкуть. И сила же его есть лице видѣти въ немъ".

„Анафраксъ (рубинъ) зѣло чрьвенъ (красенъ) есть обрзъмь. Бываеть же въ Кархидонѣ ливуйсцѣмь (ливійскомъ), иже наричеться Африкии. Глаголють же, нѣ дьпью (днемъ), нъ ноштью ся обрѣтаеть: издалечя бо, акы дуплятица (лампада) или акы угль, искрами мьчьште (представляется) и единъ часъ прѣстане. Разумѣвъше же иштуштеи его, яко тъ (этотъ камень) есть, идуть на блѣскъ его и обряштуть и (его). Носимъ же кацѣми любо (какими либо) ризами да обьеться (вм.—обвиеться), блѣскъ его внѣ ризъ мяеть" [1]).

„Сапъѳиръ (сапфиръ) юбагъ (темноватый, фіолетовый) есть. Бываетъ же въ Индии и въ Ефиопии. Остримъ же отоки (отеки) и напыштения (опухоли) цѣлить съ млѣкъмь помазаемь по обяштренныимъ (заостреннымъ) мѣстомъ. И на горѣ же данный Моусии законъ на камыцѣ (камнѣ) сапъѳирѣ глаголеться бывъ".

„Иасписъ" (яшма) — зеленоватъ. Находятъ его въ устьѣ рѣки Фермодонты и „Амаѳунтыйсцѣмь Купри" (Кипрѣ). Полезенъ при падучей болѣзни.

„Оуакинѳъ (гіацинтъ) акы ючрьмьнь (красноватъ) есть. Обрѣтаеть же ся въ утрьнии (внутренней) Варъварии сюриисцѣи, Скуѳию (Скиѳіей) же ю нарицають ветъсии (древніе), страну ту вьсю сѣверьскую, иже суть гоѳѳи (готы) и давьнис. Да ту убо въ ютрь (внутрь) въ пустыни великыя Скуѳию есть дъбрь (дебрь), зѣло глубока и человѣкомъ невъходьна, стѣнами камянами обоюду оградивъшися: да тѣмь (потому) съ горы приникъшу кому любо акы съ стѣнъ не мошти (не имѣть возможности) дозьрѣти дьна (дна) дъбри той, нъ отъ глубины

---

[1]) Представленіе о свѣтящихся, или „самоцвѣтныхъ" камняхъ было усвоено авторами устныхъ произведеній. Въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ говорится, что въ колчанѣ этого богатыря были три дорогія стрѣлы: въ ушахъ у нихъ было поставлено „по тирону", „по каменю по дорогу самоцвѣтному". Дюкъ пускаетъ стрѣлы изъ лука днемъ, а собираетъ ихъ ночью, потому что днемъ стрѣлъ не видать, „а въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горятъ". Въ „Азбуковникѣ" (кн. 2-ая) объ анаораксѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Издалече бо видѣти ся, акы свѣща свѣтящеся, или яко угль искрами меща, и по свѣту его шедше обрѣтаютъ; носимъ же кацѣми ризами обвитъ, блескъ его внѣ ризы сіяетъ".

мракъ есть, акы пропасть нѣкая. Посылаемии же отъ ближьниихъ ту цѣсарии (царей) осужденици нудьми (насильно), заклавъше агньца и одьравъше (разодравши на куски), съмештуть съ горы отъ камения въ пропасть дъбри тоя, и прилипать каменіе на мѣстѣхъ тѣхъ. Орьли убо, въ камении томь живуще, на вону (воню, запахъ) мясьную съходять и възносять агнята съ льпящемь камениемь, и егда изѣдять мяса, каменіе остаеть на врьху горы. Осужденици же, смотривъше, къде възносять орьли мяса, идуть и тако приносять камение. Имуть же дѣйство сице (такъ): намештемъ (бросаемые) бо на угли огньныя, сами не врѣждяються, нъ угли угашають. Не тъчью же се, нъ и (не только это бываетъ, но и слѣдующее) възьмь нѣкъто камыкъ и обивъ (обвивъ) въ понявицу (покрывало) нѣку и дрьжя рукою надъ угльми, самъ отъ сгня руку си ижьжеть, понявиця же без врѣда съ проста прѣбывае. Глаголють же и раждаюштимъ женамъ на потрѣбу есть".

б) Вопросы философскіе. Къ статьямъ на философскія темы относятся статьи Максима Исповѣдника и Ѳеодора Пресвитера Раиѳскаго объ естествѣ, количествѣ, качествѣ, различіи. Эти статьи любопытны философскою и научною терминологіею, которая вырабатывалась въ молодой болгарской литературѣ.

α) Опредѣленіе существеннаго и случайнаго. Въ своей статьѣ „О различии сущтия и естьства" Ѳеодоръ Пресвитеръ Раиѳскій такъ опредѣляетъ существенное и случайное:

„Сущтие есть вещь о собѣ състояштися, не трѣбуюшти иного на бытье, сирѣчь (т.-е.) въ себѣ сы (существующее), а не въ иномь бытия имы, акы сълучяй. Сълучяй же есть, еже не можеть въ себѣ быти, нъ въ иномь имать бытье. Сущие бо подълежаштее есть, акы вешти дѣлесомъ; сълучай же въ сущтии разумѣваемо есть рекъше (напр.) тѣло и образъ: не бо есть тѣло въ образѣ, нъ образъ въ тѣлѣ, да тѣло убо есть сущтие, а образъ—сълучяй. Тако же и душа и мудрость: не бо есть душа въ мудрости, нъ мудрость—въ души".

β) Опредѣленіе рода и вида. Въ статьѣ „О лици" такъ опредѣляются родъ и видъ:

„Родъ бо паричуть (называютъ), еже можеть по различьнымъ глаголатися видомъ; видъ же есть подъчиняемое по родъ".

γ) „О количествѣ и о мѣремыихъ". Въ статьѣ „О

количьствѣ и мѣремыихъ“ (объ измѣряемыхъ) говорится слѣдующее:

„Количьство убо есть сама та мѣра мѣряштия и чьтуштия, колико же еже подъ чисменьмь (числомъ) и мѣрою подъложить, рѣкъше (т.-е.) мѣримая и чьтомая. Количьства же ова суть разлучяема, ова же съдрьжима. Разлучаемая же суть яже ся отъ себе разлучають, яко же се: тридесяти камыкъ (камней) или о десяти фуники (финики), и та бо разлучена суть отъ себе и чьтома наричуть ся, аште не мальствомъ и множьствъ (множьствомь) мѣрима будуть, спудъмь (мѣрою для сыпучихъ тѣлъ) или тацѣмь жде, акы пшеница и прокое (прочее). Съдрьжаштая же ся егда есть мѣримое яко же се: едино дрѣво обрѣтаеться дъвою локъту или трии локътъ, или камыкъ или чьто такыихъ и едино сы мѣриться. Да сего дѣля наричеться съдрьжимая мѣра; число же наричеться рекъше разночьтомое и множьство и врѣмя и растояния. Число убо рекъше единьница, дъвоица, троица и прокая (прочія) числа. Мѣра же рекъше малъ, великъ, статирь, талантъ (названія греческихъ монетъ) и такаяжде. Врѣмя же рекъше чясъ, дьнь и мѣсяць и лѣто. Дальство же рекъше длъгота, широта, глубыни“.

в) Вопросы естественно-научные и календарно-гигіеническіе. Къ статьямъ на естественно-научныя и календарно-гигіеническія темы относятся слѣдующія:

α) О составѣ человѣческаго тѣла. Въ статьѣ Θеодорита „О святѣй Троици“, между прочимъ, сообщаются свѣдѣнія о составѣ человѣческаго тѣла:

„И тѣло же убо чловѣче отъ четырь съставъ глаголемъ съзьдано: имать бо отъ огня теплоту, отъ въздуха же студеньство, отъ земля же сухоту, отъ воды же мокроту“.

Это, распространенное въ византійско-болгарской научной литературѣ, представленіе о стихійномъ составѣ человѣческаго тѣла (§ 129) воспроизведено было на Руси въ духовномъ стихѣ „О Голубиной книгѣ“ (см. кн. 2-ую).

β) Календарь и гигіена. Въ статьѣ „Мѣсяци по римлянемъ, о различьныихъ мѣсяциихъ“ перечислены римскія названія мѣсяцевъ и даются гигіеническіе совѣты о діэтѣ. Перечень мѣсяцевъ начинается съ марта, которымъ въ древности начинали новый годъ.

„1. Марта 31 сладъко яждь и пии — 2. Априля 30 рѣпы

не ѣжь. — 3. Маия 31 поросяте не яжды. — 4. Иуня 30 въ часъ въторый пии воды мало... — 6. Августа слѣза (просвирняка, растенія) не яжды. — 7. Сетемвра 30 млѣка не яжды. — 8. Октявря 31 не яжды оцьтяна (уксуса). — 9. Ноября 30 не мыйся часто. — 10. Декабря 31 капусты не яжды. — 11. Иенуара 31, въ часъ 2-ый пии вина цѣла мало. — 12. Феvруаря 28 сеvкла (свеклы) не яжды".

г) Вопросы теоріи словесности. Вопросамъ теоріи словесности посвящена статья Георгія Херобоска („Хуровьска") „О образѣхъ", т.-е. о тропахъ и фигурахъ. Авторъ разсматриваетъ и объясняетъ 27 „образовъ". Изъ нихъ наиболѣе интересны слѣдующіе: „инословие" (аллегорія), „прѣводъ" (метафора), „нестатъкъ" (эллипсисъ), „изобилие" (плеоназмъ) и „поречение" (повтореніе), „прикладъ" (символъ), „притъча" (парабола), „лицетворение" (олицетвореніе), „прилогъ" (уподобленіе), „поругание" (иронія).

Примѣры:

„*Инословие* (аллегорія) убо есть ино нѣчто глаголюшти, а инъ разумъ указаюшти. Яко же еже е (есть) речено отъ Бога къ змии — „проклята ты и отъ всѣхъ звѣрии", — слово бо акы „змии" есть на диявола же инорѣчьнѣ змьемъ парицаема разумѣваемъ".

„*Прѣводъ* (метафора) же есть слово отъ иного на ино прѣводимо. Имать же образы четыре: или бо отъ съдушьныихъ (одушевленныхъ) на не съдушьная прѣводиться; или отъ не съдушьныихъ на съдушьная. Отъ съдушьныихъ убо на съдушьная, — яко же се, кто цѣсаря пастуха наричеть людьмъ: пастухъ бо истовое (собственно) — овьчии есть; оба же еста съдушьна — и цѣсарь и овчии пастухъ. Отъ бездушьныихъ же на бездушьная, — яко же се, кто угль съкрывъ въ пепелѣ, глаголе: сѣмя огньное сънабъдѣвъся (скрытое); или речеть: многъ изливаеться изъ дрѣва пламы, — еже бо лиятися мокрнимъ случяеться. Отъ съдушьныихъ на бездушьная: егда кто высоту горьную врьхъ или главу сущу нарицае; врьхъ бо и главу о съдушьныихъ истовое нарицаеть. Отъ бездушьныихъ же на съдушьная: яко же се речено е (есть) — море впдѣ и бѣжа, — еже бо видѣти о съдушьныихъ истовое глаголеться".

„*Нестатъкъ* (эллипсисъ) же есть слово, иже неиспълънь избесѣдуеться, подая же разумѣвати и въслѣдьне (остальное). Яко же се, кто, болѣвъ и исцѣлѣвъ, или плачася и рыдая,

въслѣдьнее, оставивъ, речеть: болѣхъ и по прьсьмъ бьяхъся; разумѣти же е (есть) лѣпо (слѣдуетъ) оставивъшее (остальное), рекъше, яко исцѣлѣхъ и обѣма рукама".

„*Изобилие* (плеоназмъ) же есть, егда избываеть рѣчь, отъ рѣчи же ничесо же боле не назнаменуюште, яко же есть — противьникъ и супротивьникъ. Пореченіе (повтореніе) же есть слово, подъемлемо продлъженія ради, яко же се, егда о вѣдомѣемь намъ дѣлѣ вѣдѣние извѣштая кто речеть: вѣдѣ, вѣдѣ дѣло то, дважды вѣдѣ реки; или, грѣху продлъжание назнаменуя, речеть: зълъ грѣхъ, зълъ есть".

„*Прикладъ* (символъ) же есть слово тьмьно, съкровьнъ имы въ себе розумъ. Яко же се речено е отъ Самисона иноплеменьникомъ: отъ ядуштааго изиде брашьно — назнаменуяше бо льва, его же уби. И обрѣтеное въ устѣхъ его — бъчелинъ (пчелиный) сътъ. И яко же се быхомъ рекли жятеля (жнецамъ) водамъ ловьца" (рыболова).

„*Притъча* (парабола) же есть рѣчь подобьныими и вѣдомыими напрѣдъ (передъ) очи приводяшти разумѣваемое. Яко же е и Господня притъча о блудьнѣемь сыну, въ ней же показаеть многую Божию благыню, ти како приходить къ каюштимъся".

„*Лицетворение* (олицетвореніе) же есть, егда кто къ бездушьныимъ, акы къ тѣлеси другоици (часто) и словеса стрина (?) прилагаеть. Яко же се: небеса исповѣдають славу Божию".

„*Прилогъ* (уподобленіе) же есть слово къ иному нѣчьсому съложенааго указа явление. Имы, по реченууму отъ Соломона: подражай мравию (муравью), о лѣниве! Промысльное бо его рьвение (рвеніе къ промыслу, трудолюбіе) имѣти велить, а не естьство".

„*Поругание* (иронія) же слово лицемѣрьно отъ супротивьнааго супротивьное явление являя. Поругание же образі 4: поругание (насмѣшка), похухнание (осмѣяніе), поигранне (сарказмъ), посмьяние (остроумная шутка). И поругание есть слово съ укоръмь глаголемо, яко же се, бы кто бѣгуни смѣяся речеть: доблии (доблестный) храбъръ есть".

д) Статьи на историческія темы. Къ нимъ относятся „Лѣтописцъ вкратцѣ" патріарха Никифора (§ 111), изъ котораго въ „Изборникѣ" помѣщенъ перечень царей „отъ Авъгуста даже и до Константина и Зоя, царь грьчьскыихъ".

Вотъ начало этого лѣтописца:

„1. Авъгустъ, иже и осмородьный (произвольный переводъ слова Octavianus, въ которомъ переводчикъ принялъ octa за octo, восемь). Лѣтъ 56, мѣсяць 4, день 1. Въ 43 лѣтъ его родися Христосъ Богъ нашь, въ лѣто вьсего мира 5501“.

„2. Тивериосъ. Лѣтъ 22, мѣсяць 6, дьнии 19“.

„3. Гаиосъ. Лѣтъ 3, мѣсяць 10“.

„4. Клавъдиосъ. Лѣтъ 13, мѣсьць 8, дьнии 19“.

„5. Неронъ. Лѣтъ 13, мѣсяць 6, дьнии 17. Сь вьрховьняя апостола въ Римѣ уби“.

„6. Галъвасъ. Мѣсяць 7, дьниі 6“.

„7. Оѳонъ. Мѣсяць 3, дьнии 5“.

„8. Уиттеллиосъ. Мѣсяць 7, дьнь 1“.

„9. Уеспасианосъ. Лѣтъ 10. При семь Іерусалимъ полонень бысть“.

„10. Титосъ. Лѣтъ 3. И убиенъ бы отъ Дометиана“.

„11. Деметианосъ, сынъ его. Лѣтъ 5, дьнии 5. Сь Богословьца поточи“.

„12. Неруасъ (Нерва). Лѣтъ 1, мѣсяць 1, дьнии 3“.

„Изборникъ Святославовъ 1073 г.“ имѣетъ интересное „послѣловіе“:

„А коньць вьсѣмъ книгамъ. Оже ти собѣ не любо, то того и другу не твори“.

„Въ лѣто 6581 написа Іоаннъ диакъ Изборьникъ сь великууму князю Святославу“.

„Великый въ князьхъ князь Святославъ въжделаниемь зѣло въжделавъ дрьждаливый (державный) владыка обавити (обнаружить) покръвеныя разумы въ глубинѣ многостръпътныхъ (заключающихъ въ себѣ много трудностей) сихъ кънигъ прѣмудрааго Василя въ разумѣхъ повелѣ мнѣ, немудрувѣдию, прѣмѣну сътвориті рѣчи, инако набъдяште (сохраняя) тождьство разумъ его, яже акы бъчела (пчела) любодѣльна съ вьсякого цвѣта псаніу (писаніе) събьравъ, акы въ единъ сътъ въ велъмысльное (исполненные великихъ мыслей) срьдьце свое проливаеть, акы сътъ сладъкъ из устъ своихъ прѣдъ боляры на въразуминие тѣхъ мыслемъ являяся имъ новый Птолемей, не вѣрою, нъ желаниемь паче и събора дѣля многочьстьныихъ божьствьныихъ кънигъ вьсѣхъ, имиже и своя палаты испълънь. Вѣчьную си память сътвори еже памяти вину въсприяти буди христолюбивѣй его души въ отъмьштение (воздаяніе) вѣщемъ

блаженыихъ и святыихъ мужь въ непрѣбрьдомыи (безконечный) вѣкъ вѣкомъ".

Рукопись „Изборника Святославова 1073 г." представляетъ замѣчательный памятникъ древней рукописной живописи: на первомъ листѣ рукописи изображенъ князь Святославъ съ семьей; на второмъ листѣ изображенъ Іисусъ Христосъ, держащій въ лѣвой рукѣ Евангеліе и правою — благословляющій; по обѣимъ сторонамъ Христа изображены два павлина; на третьемъ листѣ изображенъ храмъ съ тремя куполами, на аркѣ — ликъ Спасителя, а по сторонамъ храма — павлины и другія птицы.

По серьезности содержанія „Изборникъ Святославовъ 1073 г." представлялъ большія трудности для древне-русской читающей публики.

117. „Изборникъ Святославовъ 1076 г.". Легче былъ по содержанію „Изборникъ Святославовъ 1076 г.", переписанный тоже дьякомъ Іоанномъ. Въ составъ его вошли статьи религіозно-нравственнаго характера: краткія толкованія св. Писанія, статьи о молитвѣ, о постѣ, о чтеніи книгъ, поученіе о правой вѣрѣ, поученіе богатымъ, поученія дѣтямъ Ксенофонта и Ѳеодоры.

1) **„О чтеніи книгъ".** Въ статьѣ „О чтеніи книгъ" разъясняется польза, извлекаемая христіаниномъ изъ чтенія „святыхъ книгъ".

„Добро есть, братие,—говоритъ авторъ,—почитанье книжьное паче вьсякому хрьстьяну: блажени бо, рече, испытающтии съвѣдѣния его вьсѣмь срьдьцьмь възиштють его". „Испытывать свѣдѣнія", даваемыя книгами, значитъ, по объясненію автора, не торопиться дойти поскорѣе до слѣдующей главы, а вдумываться въ смыслъ прочитываемаго, „тришьды обраштяяся о единой главизнѣ".

Какъ корабль не можетъ быть построенъ безъ гвоздей, такъ и христіанинъ не можетъ быть праведникомъ безъ „почитания книжьнааго". Какъ у плѣнниковъ умъ все время обращенъ къ родинѣ, такъ и у праведника умъ долженъ быть обращенъ къ книжному почитанію. Красота воина — въ оружіи, красота корабля—въ вѣтрилахъ, а красота праведника—въ книжномъ почитаніи: книжное почитаніе открываетъ христіанину глаза на законъ, на заповѣди Божіи.

„Послушай ты житья святааго Василия и святааго Іоанна

Златоустааго и святааго Кирила філософа и инѣхъ многъ святыихъ, како и ти съпрьва повѣдають о нихъ рекуште, измлада прилежааху святыихъ книгъ, тоже и на добрая дѣла подвигнушася. Вижь, како ти начятъкъ добрымъ дѣломъ поучение святыихъ книгъ! Да тѣми, братия, и сами подвигнемъся на путь жития ихъ и на дѣла, и поучаимъся въину (всегда) книжьныимъ словесьмъ, творяще волю ихъ, якоже велять, да и вѣчьныя жизни достоини будемъ, во вѣкы аминь".

2) „Наказаніе богатымъ". Если Богъ сподобилъ тебя великихъ благъ, то и ты долженъ оказывать большія воздаянія. Открой уши свои страждущимъ въ нищетѣ. Если хочешь имѣть отъ всѣхъ честь, будь всѣмъ общимъ благодѣтелемъ. „Аште хоштеши вся сущяя подъ собою исправити, добро творяштяя чьсті и зъло творяштимъ запрѣщай". Держи около себя такихъ совѣтниковъ, которые не все, что ты говоришь, хвалятъ, но стараются отвѣчать тебѣ по правдѣ. Хранилище твоего спасенія состоитъ въ томъ, чтобы никогда не обижать людей. Требуя прощенія грѣховъ, прощай и самъ согрѣшающихъ въ отношеніи къ тебѣ. Истинный властелинъ это тотъ, кто самъ собою обладаетъ и не является рабомъ похотей. Не оправдывай неправеднаго, если онъ тебѣ и другъ, и не обижай праведнаго, если онъ тебѣ и врагъ.

3) „Поученіе въ правой вѣрѣ". „Вѣруй въ Отца и Сына и Святааго Духа, въ Троицю нераздѣльну, божество едино Отца не рождена, Сына рождена, а незъдана, нъ исходяштя, трие въ единой воли, едину славу, едину чьсть и едино поклоненіе отъ вьсея твари и отъ ангелъ и человѣкъ пріемлюштю прѣвѣчьну и бесконьчьну прѣбываюштю въ вѣкы".

„Въплъшение же Сына вѣруй истиньно суште, а не привидѣниемь, въ двѣ естьствѣ божьство и чловѣчьство, Бога по божьству, человѣка по въчеловѣчьенію, въ обоемь съвьршена. Крьсту Христову съ вѣрою поклоняйся, яко на томь спасение вьсѣмъ человѣкомъ съдѣла Господь".

4) „Поученіе къ сыновьямъ" Ксенофонта. На смертномъ одрѣ Ксенофонтъ обратился къ двумъ своимъ сыновьямъ съ поученіемъ. Онъ указалъ имъ на то, что жилъ „безлукы" (безъ лукавства), былъ почитаемъ и любимъ всѣми, „не сана ради велика, нъ норовъмь великъмъ"; никого онъ не укорилъ, не оклеветалъ, никому не позавидовалъ и не повредилъ; посѣщалъ церковь вечеромъ, утромъ и въ полдень, не презрѣлъ

нищихъ, не оставлялъ странниковъ, страждущихъ, заключенныхъ въ темницахъ, плѣнниковъ.

Ксенофонтъ учитъ дѣтей своихъ поступать также.

„Убогыихъ посѣштяита, въдовицѣ заштиштаита, не мошътныя милуита и осужяемыя бес правьды изьмѣта. Миръ имѣита съ всѣми. Паче же вьсѣхъ, иже въ пустыни и въ печерахъ и въ пропастьхъ земльныихъ, добро творита".

„Поминаита манастыря, чьрноризьць стыдитася и чьтѣта и милосрьдуита".

„Вьсе, елико имата златъмь и сребръмь и ризами, неимуштиимъ подаита. И въ работѣ (рабствѣ) суштяя, акы своя чяда, любита и уныя (юныхъ) милуита и старыя свободы съподобита, пищу имъ до съмрьти дающя".

„Матере не забываита, волю ей творита и послушяйта съ страхъмь Господьньмь".

5) **„Поученіе къ сыну" Ѳеодоры.** Блаженная Ѳеодора, взявъ сына къ себѣ на лоно, поцѣловала его и, сказавъ, что приспѣлъ часъ ея скончанія, стала поучать его.

„Се,—говорила она,—имаши Бога и старѣйшааго въ отца мѣсто; имѣй съврьстьникы, акы братию, меньшая, акы чада, старѣйшая, акы отьца".

„Чадо, алчьнъ буди, да ся насытиши, и подаждь алчюштиимъ хлѣбъ свой, одежю свою нагымъ, чюжему не похошти, зъла не глаголи брату своему".

„Миръ имѣй съ вьсѣми, кротъкъ буди, не славохотьнъ, и егда тя въпрашяють, то отвѣштяй съ тихостью. Не радуйся вражьду злу".

„Боляштихъ посѣштяй, старыя утѣшяй, убогыя напитай, скърбяштяя утѣши, заблужьшяя накажи (наставь), въдовицямъ помошътьникъ буди, мьртвыя погрѣбай".

„Не бойся пакостии сотонинъ: немошътьны бо суть; вьсѣхъ мятежь его ни худѣ (ни мало) убойся".

„Тружяйся во ину (всегда), да видіть Богъ трудъ твой и посълеть ти помошть свою: си аште твориши, то въ цесарьствии Божии въдворишися".

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Беллетристика.

118. О беллетристикѣ. Византійско-болгарская беллетристика состояла изъ повѣстей, сложившихся въ Византіи или на Востокѣ и попавшихъ къ намъ въ переводахъ, сдѣланныхъ по преимуществу въ Болгаріи и позже въ Сербіи. Къ этимъ повѣстямъ, имѣющимъ характеръ чисто свѣтскій или полусвѣтскій, полу-церковный, или даже чисто церковный, относятся слѣдующія: 1) романъ „Александрія“, 2) сказаніе „О Троянской войнѣ“, 3) поэма „Девгеніево дѣяніе“, 4) „Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ“, 5) „Сказаніе о бѣломъ клобукѣ“, 6) „О Синагриппѣ и его совѣтникѣ Акирѣ“, 7) „Чудо св. Николы о Синагриппѣ царѣ“, 8) „Стефанитъ и Ихнилатъ“, 9) романъ „Варлаамъ и Іоасафъ“, 10) „Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ“.

119. Романъ „Александрія“. Личность Александра Македонскаго, создавшаго огромную имперію, послужила предметомъ многочисленныхъ сказаній, образовавшихъ съ теченіемъ времени романъ, подъ заглавіемъ „Александрія“ (около 200 г. послѣ Р. Х.) Составленіе этого романа неправильно приписывалось племяннику Аристотеля, Каллисѳену, сподвижнику Александра Македонскаго: Каллисѳенъ умеръ раньше Александра и не могъ, конечно, составить этотъ романъ. Поэтому неизвѣстный авторъ первоначальной редакціи „Александріи“ условно называется Псевдо-Каллисѳеномъ, т. е. ложнымъ Каллисѳеномъ.

Романъ „Александрія“ сдѣлался на многіе вѣка весьма популярнымъ произведеніемъ на Востокѣ, на Западѣ и на Руси. Въ началѣ IV в. онъ переводится на латинскій языкъ Юліемъ Валеріемъ, а въ V—VI вв.—на армянскій. Романъ проникъ затѣмъ и въ мусульманскія страны, гдѣ герой его, подъ именемъ „Искандера“, обратился въ національнаго мусульманскаго героя. Наконецъ, этотъ романъ переводится и на древній церковно-славянскій языкъ.

На древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ „Александрія“ дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ: болгарской и сербской.

Болгарская редакція „Александріи“ представляла первона-

чально близкій къ оригиналу переводъ Псевдо-Каллисѳена. Дополненная разсказомъ о появленіи Александра въ Іерусалимъ, болгарская редакція „Александріи“ вошла въ хронику Іоанна Малалы (§ 111). Впослѣдствіи болгарская редакція романа подверглась, повидимому, на Руси переработкѣ: въ него были внесены историческія свѣдѣнія изъ хроникъ Амартола и Малалы (§ 111), изъ „Еллинскаго лѣтописца“ (§ 116), сказанія объ основаніи Византіи и о заключеніи Александромъ М. нечистыхъ народовъ въ горахъ—изъ „Откровенія Меѳодія Патарскаго“ (§ 112), подробности о чудесахъ Индіи изъ „Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ“ (§ 128), свѣдѣнія объ ехидахъ и о Горгоніи изъ „Физіолога“ (§ 98), извѣстія о рахманахъ изъ „Житія преподобнаго Зосимы“ (§ 87), разсказы о чудесахъ, которыя видѣлъ Александръ на крайнемъ востокѣ, недалеко отъ рая, изъ „Житія св. Макарія Римскаго“ (§ 86) и т. д. Подвергшись еще нѣсколькимъ переработкамъ, новая редакція болгарской „Александріи“ была внесена въ XIV—XVI вв. въ составъ „Еллинскаго лѣтописца“ (§ 116).

Сербская редакція „Александріи“ представляетъ переработку, повидимому, западно-европейскую, особой редакціи греческаго подлинника. Сербская редакція романа ближе подходитъ къ типу романа: въ ней герои произносятъ рѣчи, захватывавшія чувства читателей; въ ней разсѣяно множество афоризмовъ, которые нравились средневѣковому читателю; наконецъ, въ ней впервые Александръ изображается полу-христіанскимъ героемъ. Вслѣдствіе этого сербская редакція „Александріи“ съ XIV—XV вв. начинаетъ пріобрѣтать на Руси особую популярность и вытѣснять „Александрію“ болгарской редакціи.

Содержаніе „Александріи“ таково.

Когда Дарій, царь персидскій, напалъ на Египетъ, царемъ его былъ волхвъ Нектанебъ. Благодаря чарованіямъ Нектанебъ узналъ, что потерпитъ пораженіе, и потому рѣшилъ тайно убѣжать изъ своего царства. Онъ оставилъ египетскому народу „рукописаніе“, въ которомъ сообщилъ, что удаляется отъ нихъ, чтобы не быть свидѣтелемъ ихъ горя, но черезъ 30 лѣтъ вернется къ нимъ юнымъ и сильнымъ и покоритъ ихъ враговъ персовъ.

Изъ Египта Нектанебъ отправляется въ Македонію, гдѣ выдаетъ себя за врача и звѣздочета. Въ это время въ Македоніи царствовалъ Филиппъ. У его жены, прекрасной Олимпіады,

не было дѣтей, о чемъ Филиппъ очень горевалъ. Отправляясь однажды въ походъ, Филиппъ замѣтилъ ей, что, если до его возвращенія у ней не будетъ сына, его сердце отвернется отъ нея. Послѣ отъѣзда Филиппа Олимпіада, не зная, что дѣлать, рѣшила обратиться за помощью къ врачу-волхву Нектанебу. Нектанебъ, пораженный ея красотой, сообщилъ ей, что сами боги хотятъ посѣтить ее, и она наречется матерью великаго царя. Къ Олимпіадѣ является Нектанебъ въ образѣ бога Аммона, у котораго была орлиная голова, василисковы рога, хвостъ аспида, ноги льва, золотыя и червленныя крылья грифа. Когда у Олимпіады родился сынъ, которому дано было имя Александръ, оракулъ предсказалъ, что онъ будетъ великъ благочестіемъ и разумомъ, что онъ сдѣлается царемъ всего міра, что онъ убьетъ отца своего и на сороковомъ году жизни вернется къ матери своей—землѣ.

Вернувшись изъ похода, Филиппъ обрадовался рожденію сына. Онъ отдалъ его на обученіе Аристотелю и Нектанебу. Первый проходитъ съ нимъ произведенія Гомера, второй обучаетъ его астрологіи. Согласно предсказанію оракула Нектанебъ, отецъ Александра, падаетъ отъ руки своего сына.

Александръ уже рано обнаруживаетъ необыкновенныя способности: добываетъ чуднаго вологлаваго коня (Букефала), ведетъ войну съ куманами (скиѳами) и т. д.

По смерти Филиппа Александръ совершаетъ рядъ походовъ. Онъ осаждаетъ Аѳины, въ главѣ которыхъ въ то время стояли 12 мудрецовъ. Изъ нихъ Діогенъ перешелъ на сторону Александра и научилъ его взять городъ хитростью. Взявъ Аѳины, Александръ поджегъ ихъ. Сгорѣлъ и храмъ съ богами. По этому поводу Александръ замѣтилъ, что, если бы боги въ самомъ дѣлѣ были богами, они сумѣли бы сохранить себя отъ огня. Когда Александръ выразилъ чувство радости по случаю побѣды и чувство сожалѣнія о пролитіи аѳинской крови, Діогенъ замѣтилъ: „Тяжко тѣмъ, кто не пріемлетъ совѣта мудрыхъ: научи неразумнаго, и онъ тебя возненавидитъ; дай мудрому забаву, мудрѣе будетъ“.

Паденіе Аѳинъ возбудило всеобщее вниманіе и сожалѣніе у греческихъ царей. Узнавъ объ этомъ, Александръ замѣтилъ: „головы не разбивъ, мозгу не достать“.

За Аѳинами наступила очередь Рима. Римляне, знавшіе уже объ участи Аѳинъ, изъявили Александру покорность и

вышли къ нему съ дарами, въ числѣ которыхъ были 12 одеждъ Соломона и его вѣнецъ, стемма (повязка на головѣ) царицы южской Сивиллы, оружіе Париса и Аякса и пр.

Послѣ этого Александръ начинаетъ подготовлять походъ на восточныя страны. Дарій посылаетъ ему грозное посланіе. Но оно не останавливаетъ Александра. Прежде всего Александръ направляется на Іерусалимъ, которымъ въ то время управлялъ пророкъ Бога Саваоѳа Іеремія. Іереміи во снѣ является Давидъ, который извѣщаетъ его о приближеніи избавителя отъ персидскаго ига. Александръ, узнавъ, что евреи вѣруютъ въ единаго Бога, творца неба и земли, замѣчаетъ, что онъ признаетъ этого Бога, и не беретъ съ евреевъ дани.

Изъ Іерусалима Александръ идетъ на Египетъ. Египтяне подкупаютъ врача Александра, Филиппа, чтобы онъ отравилъ царя. Филиппъ отказывается. Тогда египтяне посылаютъ Александру письмо съ сообщеніемъ, что врачъ злоумышляетъ на его жизнь. Врачъ выпиваетъ половину лѣкарственнаго зелья, приготовленнаго для Александра, и обвиненіе египтянъ разсѣивается. Египтяне умоляютъ Александра о помилованіи: „Помилуй насъ, царь Александръ, нашего царя Нектанеба сынъ: старымъ онъ удалился, молодымъ вернулся“. Они сообщаютъ Александру предсказаніе Нектанеба и знаменіе, по которому его можно узнать: надъ кѣмъ сорвется вѣнокъ, находящійся въ рукѣ статуи Нектанеба, и на чью голову онъ упадетъ, тотъ и есть помолодѣвшій вернувшійся Нектанебъ. Чудо съ вѣнкомъ совершается надъ Александромъ.

Изъ Египта Александръ идетъ на востокъ на Дарія, который съ войсками поджидаетъ его на Евфратѣ. Дарій, несмотря на помощь индійскаго царя Пора, терпитъ пораженіе. Онъ, считавшій себя прежде богомъ, разувѣрился въ своемъ счастіи: „Кто неправедно сѣетъ, съ плачемъ пожнетъ; кто много повышается, много пониженъ будетъ“. Находясь при смерти, Дарій утѣшается мыслью о томъ, что его дочь Роксана выйдетъ замужъ за Александра. Дѣйствительно, послѣ полной побѣды надъ Даріемъ Александръ женится на Роксанѣ.

Жажда завоеваній увлекаетъ Александра дальше, на востокъ. Передъ нимъ открывается рядъ чудесъ и диковинокъ: люди съ собачьими головами, люди съ птичьими головами, безголовые съ глазами и ртомъ на груди, одноногіе, шестиногіе, шестирукіе, одноглазые, великаны, пигмеи, дикія женщины,

чудовищные муравьи и раки и т. д. Чѣмъ шире становится область завоеванія, тѣмъ чаще попадаются Александру памятники былого могущества, напоминающіе о бренности и непрочности земного могущества и смерти. Надпись въ городѣ Солнца предвозвѣщаетъ Александру преждевременную смерть.

Далѣе въ романѣ разсказывается о побѣдахъ надъ индійскимъ царемъ Поромъ, надъ амазонками, надъ нечестивыми народами Гогъ и Магогъ, которыхъ Александръ затворилъ за двумя горами на сѣверѣ.

Узнавъ объ оригинальной жизни нагихъ мудрецовъ рахмановъ (браминовъ), Александръ отправляется въ ихъ страну. По дорогѣ онъ видитъ много чудеснаго. Такъ, онъ видѣлъ страну, гдѣ рождается перецъ. „Въ одномъ мѣстѣ въ Индіи живутъ люди малые и худосильные. Живутъ они въ каменныхъ пещерахъ, окруженныхъ высокими стѣнами, по которымъ тѣ люди лазятъ. И ростутъ тамъ деревца малыя, на которыхъ рождается перецъ. Когда перецъ созрѣетъ, испекается отъ солнца. Тогда тѣ люди, вышедши изъ пещеръ, раскладываютъ солому и хворостъ и жгутъ ихъ. А земля ихъ полна зміевъ и всякаго гада; отъ того огня весь гадъ скрывается въ ямы. Тогда зажигаютъ тѣ люди огонь и на ямахъ, и отъ огня и дыму весь гадъ подохнетъ. Тогда всѣ тѣ жители—мужи, жены и дѣти—отрясаютъ деревья, собираютъ перецъ и уносятъ его въ пещеры. И ничего другого тѣ люди не дѣлаютъ, но перцемъ все покупаютъ. Измаильтяне возятъ къ нимъ пшеницу и промѣниваютъ на перецъ. А люди тѣ низки ростомъ и съ огромными головами, волоса имѣютъ великіе и не стригутъ ихъ; цари же ихъ служатъ индійскому царю. Сквозь ту землю идетъ рѣка, нарицаемая Индосъ, и однажды въ годъ покрываетъ всю ту землю. Въ рѣкѣ той берутъ камень измарагдъ и сапфиръ и карвункулосъ. Послѣдній—господинъ всѣмъ камнямъ: въ ночи свѣтитъ. И топазій есть камень: это—гнѣздо карвункулосу. Топазій желтъ, а въ немъ ядро червленное, будто уголь горящій: онъ то и свѣтитъ въ ночи. Есть и другіе многіе камни дорогіе и бисеръ. Оттуда пошелъ Александръ на великій островъ Прованскій. На этомъ островѣ живетъ великій царь Индійскій, которому подвластны всѣ прочіе владѣтели. И принадлежатъ къ тому острову до тысячи другихъ острововъ. Никто туда входить не можетъ, потому что тамъ есть желѣзная матица (магнитъ), которая привлекаетъ къ себѣ

желѣзо. Поэтому корабли дѣлаютъ тамъ съ деревянными гвоздями. На томъ острову — пять рѣкъ, и никогда не бываетъ онъ безъ овощей. Въ одно и то же время одинъ цвѣтетъ, другой ростетъ, тотъ зрѣетъ, а тотъ мякнетъ. Есть тамъ и финики, и орѣхи великіе индійскіе, какъ дыни, дорогіе камни и жемчугъ, и бисеръ, и золото; и нѣтъ тамъ убогихъ: всѣ богаты; есть тамъ и птицы райскія. А люди живутъ по 150 лѣтъ... Тамъ исходитъ изъ Эдема рѣка едина и раздѣляется на четыре начала: Фисонъ, Нилъ, Тигръ и Евфратъ... Въ пустыняхъ водится много слоновъ; а ловятъ ихъ такъ: слонъ имѣетъ ноги не сгибающіяся и спитъ, прислонясь у дерева; ловцы, усмотрѣвъ слона, подпиливаютъ дерево пилою; тогда слонъ упадетъ и не можетъ встать, и такъ его ловятъ. И иныя многія мѣста проходилъ Александръ и видѣлъ различныхъ людей и животныхъ. И видѣлъ горы, изъ которыхъ многими мѣстами исходитъ огонь. Въ томъ огнѣ рождаются и живутъ черви, именуемые саламандрами. Эти черви источаютъ нити, какъ шелкъ; изъ тѣхъ нитей жены ткутъ полотно и приготовляютъ одежды. Когда одежды загрязнятся, ихъ не моютъ, а бросаютъ въ огонь и вынимаютъ изъ него чистыми“...

Наконецъ, Александръ достигаетъ страны рахмановъ. Рахманы, узнавъ, что пришелъ къ нимъ Александръ, послали къ нему писаніе слѣдующаго содержанія: „Если идешь къ намъ биться, то ничего у насъ не найдешь. Мы — люди нагіе и и ничего не имѣемъ, но въ любомудріи обыкши жить, сотворены отъ вышняго Промысла“. Прочитавъ это посланіе, Александръ умилился и, перейдя рѣку Гангисъ, вошелъ въ страну рахмановъ. „И видѣлъ дерева прекрасныя въ множествѣ всякими плодами украшенныя. Рѣка обходила всю ихъ землю; а вода въ ней сладка и свѣтла, и бѣла, будто молоко. И росли финики многіе и очень плодовитые, и виноградныя лозы, изъ которыхъ на каждой до тысячи гроздій. Сами же рахманы, обнаженные, живутъ въ кущахъ и вертепахъ, мужья по одну сторону Гангиса, и жены съ дѣтьми по другую, будто стада на паствѣ“. Александръ удивился жизни рахмановъ и сталъ спрашивать, есть ли у нихъ города. Рахманы отвѣтили: „Вотъ нашъ городъ: здѣсь отдыхаемъ мы на землѣ, здѣсь пріемлемъ сонъ, потому что земля насъ рождаетъ, земля питаетъ, въ землю же и ляжемъ мы по скончаніи, въ чаяніи воскресенія отъ горняго Промысла“. Александръ спросилъ у рахманов,

что такое премудрость. Они отвѣтили ему: „Нѣтъ никакой премудрости въ томъ, чтобы убивать человѣка, но разбойническое дѣло; мужество же есть не человѣку противиться, но воздуху обнаженнымъ тѣломъ, удерживаться отъ похотей чрева и не быть побѣжденнымъ отъ него страстями, не желать славы и богатства тлѣннаго. Вотъ, что побѣда, Александръ! Вотъ, что убей! И если все это побѣдишь, нѣтъ тебѣ нужды съ внѣшними врагами бороться. Если внутренними врагами побѣждаемъ бываешь, нѣтъ тебѣ пользы внѣшнихъ побѣждать. Вотъ мы, рахманы, внутреннія рати побѣдивши, со внѣшними не боремся, листіемъ облачаемся, плоды ѣдимъ, воду пьемъ и Богу славу воспѣваемъ, желая будущихъ благъ; мало говоримъ, много смыслимъ. У васъ умъ языкъ есть и при устахъ—смыслъ. Золото и серебро собираете; дома и великіе города имѣете; ѣдите и пьете, какъ скоты нечистые, и великихъ звѣрей гнѣвъ имѣете“. Умиленной мудростью рахмановъ, Александръ свидѣлся съ ихъ старѣйшиной, имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду и многому отъ него научился.

Наконецъ, Александръ готовится идти въ Вавилонъ. Является ему во снѣ пророкъ Іеремія, который возвѣщаетъ, что наступаетъ сороковой годъ, когда тѣло его должно вернуться въ землю, откуда оно взято. Съ этого времени мысль о смерти не покидаетъ Александра даже во время веселыхъ празднествъ въ Вавилонѣ. Александръ умираетъ отравленный. Роксана, разодравъ свое платье, оплакиваетъ Александра: „О Александре, всего свѣта царю и храбрый господине, премудрый во человѣцѣхъ! Не зриши ли мене, поне въ чужей земли оставилъ мя еси, а самъ, яко солнце, съ солнцемъ подъ землю зашелъ еси? О небо, солнце, луна и вся звѣзды! Дряхлымъ образомъ срыдайте ми плачъ! О земле и основаніе вѣчныхъ утвержденій, горы же и холмы! Плачитеся со мною днесь и поточите источници слезъ, дондеже езера наполнятся и горы напьются пелыни, ибо и горести всякія горчайши мнѣ зѣло днесь!“

Роксана убиваетъ себя надъ тѣломъ Александра. Ее вмѣстѣ съ Александромъ хоронятъ въ золотыхъ ковчегахъ, поставленныхъ на столбахъ, и до сихъ поръ стоящихъ, — по словамъ романа,—въ Александріи.

120. Сказаніе „О Троянской войнѣ“. Сказаніе о Троянской войнѣ извѣстно въ рукописяхъ подъ заглавіемъ „Притча о кралехъ“. Это сказаніе сложилось не на основаніи

поэмъ Гомера, а на позднѣйшихъ преданіяхъ, связанныхъ съ именами Диктиса и Дарета. Диктисъ былъ грекъ съ острова Крита, спутникъ Идоменея. Онъ, будто бы, описалъ Троянскую войну, и его описаніе долго оставалось въ неизвѣстности. При Неронѣ произошло однажды землетрясеніе, вслѣдствіе котораго раскрылась могила Диктиса, въ которой хранилось его произведеніе. Соотвѣтственно своему происхожденію Диктисъ симпатичными чертами изображаетъ греческихъ героевъ и называетъ варварами троянцевъ, которые ругаются надъ трупами враговъ. Сказаніе Диктиса сохранилось въ латинскомъ переводѣ.

Съ противоположной точки зрѣнія излагаетъ Троянскую войну Даретъ, который былъ троянскимъ жрецомъ Гефеста и написалъ фригійскую Иліаду: онъ сочувственными чертами изображаетъ троянцевъ. Сказаніе Дарета пользовалось особенною популярностью у западно-европейскихъ народовъ, возводившихъ свое культурное начало къ Риму, а черезъ Римъ къ Энею и Троѣ. Это сказаніе сохранилось въ латинскомъ переводѣ съ именемъ Корнелія Непота.

Сказанія о Троянской войнѣ находятся въ хроникахъ Малалы и Манассіи (§ 111), въ переводѣ на древне-болгарскій языкъ.

Сказанія и Диктиса и Дарета не представляютъ такой поэтической обработки сюжета, какъ „Александрія“: это—сжатый перечень событій, свидѣтелями которыхъ будто бы были Диктисъ и Даретъ.

Въ „Притчѣ о кралехъ“ въ началѣ описывается Троянская мѣстность и излагается родословная троянскихъ царей до Пріама, затѣмъ идетъ самый разсказъ.

Гекуба видитъ зловѣщій сонъ: сынъ, который у нея родится, будетъ причиной гибели Трои. Чтобы предотвратить эту участь, родившагося мальчика, Париса (Парижъ), забрасываютъ. Онъ воспитывается пастухами. На свадьбѣ Пелея Парисъ рѣшаетъ споръ трехъ богинь въ пользу Венеры, которая обѣщаетъ ему прекрасную Елену. Кассандра, вѣщая пророчица троянская, предостерегаетъ Париса отъ поѣздки къ царю Менелаю. Но онъ не слушается этихъ предостереженій, отправляется въ Грецію, объясняется Еленѣ въ любви и несмотря на предостереженіе Елены, увозитъ ее въ Трою. Далѣе, событія отъ похода греческихъ царей и до смерти Полимнестора излагаются сжато и кратко.

Оканчивается „Притча о кралехъ“ слѣдующимъ выводомъ:

„Такъ кончилось троянское кралевство... такъ Богъ смиряетъ возносящихся и сѣмя нечестивыхъ истребляетъ, какъ провозвѣстилъ пророкъ, говоря: я видѣлъ нечестиваго превозносящимся и высящимся и прошелъ мимо, и не нашлось его мѣсто, потому что Богъ праведенъ и любитъ правду, а пути нечестивыхъ истребляетъ и своею мышцею гордымъ противится, а право ходящимъ даетъ благодать и не лишаетъ добра ходящихъ не злобою". Этотъ выводъ, сдѣланный, вѣроятно, славянскимъ переводчикомъ, привязанъ къ „Притчѣ" чисто внѣшнимъ образомъ: внутренней связи между нимъ и содержаніемъ „Притчи" нѣтъ.

121. Поэма „Девгеніево дѣяніе". Девгеній, герой сказанія русско-славянской редакціи, соотвѣтствуетъ Василію Дигенису Акриту, герою византійской поэмы X в. Она состоитъ изъ 10 пѣсенъ, въ которыхъ разсказывается о происхожденіи Дигениса и изображаются его подвиги въ борьбѣ съ сарацинами на границахъ Византіи недалеко отъ Евфрата. Содержаніе ея таково.

У вдовы знаменитаго дѣятеля, Андроника Дуки, жившаго въ царствованіе Ѳеодоры и Льва Мудраго, были пять сыновей и одна дочь, отличавшаяся замѣчательной красотой. Однажды, когда мать была въ церкви, а братья на охотѣ, аравійскій царь Амиръ (Эмиръ) похищаетъ красавицу. Мать посылаетъ въ догонку за Амиромъ сыновей. Братья отправляются и догоняютъ Амира. Они укоряютъ его за то, что онъ „татьбою" увезъ сестру, и требуютъ ея возвращенія. Амиръ, указывая на гору, сообщаетъ имъ, что тамъ лежитъ трупъ ихъ сестры, которая убита имъ. Братья ищутъ трупъ сестры и, не найдя его, возвращаются къ Амиру съ угрозами. Тогда Амиръ говоритъ имъ, что сестра ихъ жива, и онъ ее любитъ; изъ любви къ ней онъ готовъ отречься отъ Магомета и поселиться въ предѣлахъ имперіи. Братья, увидѣвшись съ сестрой, спросили ее, какъ обращался съ ней Амиръ. Сестра описала почтительное и безукоризненное поведеніе Амира и заявила, что, если Амиръ крестится, то лучшаго зятя имъ и не нужно, потому что онъ и славою славенъ, и силою силенъ, и мудростію мудръ, и богатствомъ богатъ. Братья согласились, и Амиръ, собравъ свои сокровища, отказался отъ царства и уѣхалъ въ Византію. Амиръ принимаетъ крещеніе и вступаетъ въ бракъ, который торжественно отпразднованъ.

Мать Амира, узнавъ объ отъѣздѣ сына, посылаетъ ему письмо, въ которомъ укоряетъ его за измѣну вѣрѣ предковъ и требуетъ, подъ угрозой проклятія, вернуться назадъ. Амиръ рѣшается поѣхать увидѣться съ матерью и затѣмъ вернуться назадъ. Ему удается склонить мать принять христіанство, и она пріѣзжаетъ въ Византію съ сыномъ.

У Амира рождается сынъ Василій, получившій названіе Дигениса („двуродный“, т.-е. отъ отца-сарацина и матери-гречанки), въ русско-славянскихъ переводахъ — Девгенія. Дигенисъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Онъ очень рано совершаетъ на охотѣ рядъ подвиговъ, приводящихъ въ восхищеніе его отца и дядей. Его красота поразительна.

Когда воспитаніе Дигениса окончилось, Амиръ исключительно отдается подвигамъ благочестія, а Дигенисъ дѣлается начальникомъ палликаровъ, сталкивается съ апелатами-разбойниками, и его имя скоро пріобрѣтаетъ извѣстность и наводитъ страхъ.

Въ это время до Дигениса донеслись слухи о красотѣ Евдокіи, дочери стратига Дуки. Дигенисъ почувствовалъ къ Евдокіи любовь. Стратигъ Дука не хочетъ отдавать своей дочери за Дигениса. Тогда Дигенисъ, съ согласія Евдокіи, похищаетъ ее. Дука посылаетъ за нимъ въ погоню своихъ сыновей. Дигенисъ сражается съ ними и выбиваетъ ихъ изъ сѣдла. Дука принужденъ согласиться на бракъ дочери съ Дигенисомъ. Брачныя празднества продолжаются три мѣсяца. Вся природа принимаетъ участіе въ торжествѣ: земля расцвѣла отъ веселья, горы пляшутъ, скалы поютъ, рѣки замедлили свое теченіе.

Послѣ свадьбы Дигенисъ отправляется съ женой къ границамъ для ихъ защиты. Онъ совершаетъ множество подвиговъ въ борьбѣ съ богатырями и звѣрями и получаетъ прозвище Акрита (непобѣдимаго). Онъ борется съ дракономъ, напавшимъ на Евдокію, поражаетъ льва, принимаетъ поединокъ съ тремя предводителями апелатовъ-разбойниковъ и побѣждаетъ всѣхъ. Одинъ изъ предводителей, Филопапп, призываетъ противъ Дигениса воинственную дѣвушку Максимо, происходившую отъ амазонокъ. Въ поединкѣ Дигенисъ побѣждаетъ Максимо. По просьбѣ Максимо поединокъ возобновляется на слѣдующій день. Максимо является въ роскошной одеждѣ, въ золотомъ панцырѣ и на бѣлоснѣжномъ конѣ. Дигенисъ ранилъ Максимо

въ пальцы правой руки, и она роняетъ свой мечъ. Максимо предлагаетъ Дигенису свою любовь. Дигенисъ измѣняетъ своей женѣ. Жена, подозрѣвая, почему ея мужъ долго не возвращался послѣ второго поединка съ Максимо, прощаетъ проступокъ мужа и опасается только Божьяго правосудія надъ нимъ. Дигенисъ не рѣшается сознаться передъ женой въ своемъ проступкѣ и успокаиваетъ ее: „Максимо была ранена: я перевязалъ ея руку. Вотъ почему я замѣшкался, душистое мое яблоко, потому что не хочу прослыть убійцей женщинъ“.

Въ послѣднихъ пѣсняхъ поэмы изображается жизнь Дигениса въ его прекрасномъ дворцѣ на берегу Евфрата, описывается смерть его отца, матери и его собственная смерть. Жена не пережила смерти своего мужа.

Русско-славянская редакція поэмы имѣетъ нѣкоторыя существенныя отличія отъ греческой. *Во-первыхъ*, историческая, географическая и генеалогическая сторона поэмы въ русско-славянской редакціи стерта, и поэма приняла характеръ сказки. дѣйствіе которой совершается за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ. Даже отдѣльныя подробности носятъ сказочный характеръ. Такъ, мать Амира не грамоту шлетъ своему сыну, а посылаетъ трехъ сарацинъ, которые должны увезти обратно царя съ любимой имъ дѣвушкой; даетъ она имъ три вѣщія книги и трехъ коней: одинъ конь — вѣтреница, другой — громъ, третій — молнія; сарацины, выведя Амира, сядутъ на вѣтреницу, и никто не въ состояніи будетъ увидѣть ихъ; когда они войдутъ въ сарацинскую землю и сядутъ на громъ-коня, тогда всѣ аравитяне услышатъ объ этомъ; а когда сядутъ на коня-молнію, они станутъ невидимы въ Греческой землѣ. *Во-вторыхъ*, отдѣльные эпизоды подверглись измѣненіямъ. Такъ, напр., подвергся существеннымъ измѣненіямъ эпизодъ съ Максимо. Побѣжденная Максимо умоляетъ Девгенія вступить съ нею въ бракъ: „тогда никто намъ обоимъ не будетъ въ состояніи противостоять“; но мудрый Девгеній, который, по русско-славянской редакціи еще не женатъ, посмотрѣлъ въ вѣщую книгу „о житіи своемъ и о смерти“ и увидѣлъ тамъ, что, если онъ женится на Максимо, то проживетъ шестнадцать лѣтъ, а если овладѣетъ Евдокіей, то проживетъ тридцать шесть лѣтъ; поэтому Девгеній отказывается отъ союза съ Максимо. Такимъ образомъ, элементъ романическій замѣненъ въ русско-славянской редакціи элементомъ религіозно-мисти-

ческимъ. *Въ-третьихъ*, опредѣленная въ греческой поэмѣ борьба грековъ съ сарацинами замѣняется въ русско-славянской редакціи борьбою православныхъ съ погаными вообще; готовясь къ битвѣ, христіанскіе герои поютъ ангельскую пѣснь; тамъ, гдѣ они стоятъ, сіяетъ солнце; гдѣ крутитъ Амира, тамъ. „аки и тьма, темно".

Вѣроятно, русско-славянская редакція „Девгеніева дѣянія" имѣла своимъ источникомъ какую-нибудь греческую или южнославянскую переработку поэмы въ сказочномъ стилѣ съ христіанскимъ освѣщеніемъ.

122. „Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ". Навуходоносоръ-найденышъ, воцарившись въ Вавилонѣ, велѣлъ учинить „знаменіе змія" на всей городской утвари, на платьѣ, оружіи, знаменахъ, хоромахъ. Себѣ Навуходоносоръ сдѣлалъ мечъ-самосѣкъ, „аспидъ-змій", свойство котораго состояло въ томъ, что во время битвы онъ самъ вылеталъ изъ ноженъ и начиналъ безъ пощады рубить враговъ. Передъ своею смертью Навуходоносоръ завѣщалъ задѣлать мечъ въ городскую стѣну и заклиналъ не вынимать его до скончанія вѣка.

Сынъ Навуходоносора, Василій, въ минуту опасности, побуждаемый вавилонянами, рѣшается прибѣгнуть къ помощи меча-самосѣка. Но едва мечъ-самосѣкъ былъ вынутъ изъ стѣны, какъ онъ выпорхнулъ изъ ноженъ, отсѣкъ голову царю и изрубилъ многихъ вавилонянъ; въ то же время зміи, изображенные на разныхъ предметахъ, внезапно сошли и пожрали всѣхъ вавилонянъ. Вавилонъ опустѣлъ, и въ немъ поселились дикіе звѣри и всевозможныя чудовища; вокругъ Вавилона разлегся чудовищный змѣй.

Много времени спустя послѣ этого греческій императоръ Левъ посылаетъ въ Вавилонъ трехъ пословъ,—грека, обежанина и славянина—съ цѣлью узнать, какъ лежатъ тамъ тѣла трехъ отроковъ—Ананіи, Азарія и Мисаила, и взять отъ нихъ знаменіе. Послы натыкаются на цѣлый рядъ чудесъ и опасностей, но въ Вавилонъ имъ удается проникнуть. Здѣсь они поклонились мощамъ угодниковъ. Они хотѣли взять съ гробницы ихъ кубокъ съ миррой и ливаномъ и отнести къ царю, какъ знаменіе. Но въ это время послышался голосъ, приказавшій имъ идти въ царскія палаты и взять знаменіе оттуда. Войдя въ палаты, послы нашли два вѣнца—одинъ Навуходоносора—царя Вавилонскаго и „всея вселенныя", а другой—

его супруги. При вѣнцахъ оказалась грамота на греческомъ языкѣ: въ ней сказано было, что этимъ вѣнцамъ надлежитъ быть на императорѣ Львѣ и его супругѣ. Послы взяли вѣнцы съ грамотой, захватили еще сердоликовую крабицу съ багряницей и доставили все это въ Византію. Патріархъ вѣнчаетъ византійскаго императора знаменіемъ Вавилона.

„Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ“ своимъ содержаніемъ примыкаетъ къ такимъ произведеніямъ, въ которыхъ разрабатывалась идея о богоизбранности и вѣчности Царьграда (§ 112): въ немъ символически изображается переходъ власти надъ вселенной отъ Вавилона къ Византіи. На русской почвѣ это сказаніе получило интересное продолженіе („Курсъ“, Ч. I, кн. 2).

123. „Сказаніе о бѣломъ клобукѣ“. Константинъ Великій, побѣдивъ Максенція, по повелѣнію апостоловъ Петра и Павла, явившихся ему во снѣ, принимаетъ крещеніе отъ папы Сильвестра. Константинъ почитаетъ Сильвестра, какъ Бога и отца, и даже хочетъ возложить на его голову царскій вѣнецъ, но папа не соглашается на это. Являются императору апостолы Петръ и Павелъ, которые показываютъ ему въ рукахъ своихъ „одѣяніе бѣло, еже достойно бяше святителемъ носити на главѣ“. Императоръ зоветъ „ризношвецъ мудрѣйшихъ“ и велитъ имъ сотворить „клобукъ бѣлъ блаженному папѣ“. Этотъ бѣлый клобукъ торжественно возлагается на голову папы. Въ тринадцатый годъ своего царствованія Константинъ пришелъ къ убѣжденію, что тамъ, гдѣ есть власть святительская, гдѣ глава христіанскаго благочестія установленъ самимъ Небеснымъ царемъ, тамъ не должна находиться власть земного царя. На этомъ основаніи Константинъ, взявъ отъ папы благословеніе, поручилъ ему Римъ, а самъ построилъ себѣ новый городъ, названный имъ Константинополемъ.

По смерти папы Сильвестра бѣлый клобукъ пользовался первоначально великимъ почитаніемъ. Но затѣмъ настали другія времена: діаволъ воздвигъ нѣкоего царя Карула (Карла В.) и папу Ѳармуса (Ѳормоза), которыхъ научилъ прельстить христіанскій родъ ложными ученіями. Они велѣли отступить отъ православной вѣры и разодрать святую апостольскую церковь; они впали въ Аполинаріеву ересь и вмѣнили въ правду опрѣсноки [1]). Не взлюбили съ этого времени и святого бѣлаго

[1]) Аполинаріевою ересью считалось употребленіе опрѣсноковъ. По ученію Аполинарія, Сынъ Божій пріялъ отъ Богородицы одну только

клобука и заключили его „въ придѣлѣ нѣкоемъ церковныя стѣны“.

„По мнозѣхъ временехъ“ возсталъ другой папа латинскаго служенія, который сталъ отвергать поклоненіе святымъ иконамъ. Онъ пытается сжечь бѣлый клобукъ, отправить въ дальнія страны и тамъ поругать его и истребить. Но это ему не удалось: буря разбиваетъ корабль, на которомъ везли клобукъ; нѣкій Іеремія, тайно державшійся православія, спасаетъ клобукъ. По его молитвѣ буря на морѣ утихаетъ; Константинъ и Сильвестръ привлекаютъ къ Іереміи доску, за которую онъ ухватывается, и велятъ ему идти и разсказывать о случившемся. Папа, узнавъ объ этомъ, ужаснулся и приказалъ поставить клобукъ въ церкви, „а почести ему не воздалъ никакой“. Во снѣ является къ папѣ ангелъ Господень ужаснаго вида, съ пламеннымъ мечемъ въ рукѣ, и велитъ папѣ отослать святой клобукъ въ Константинополь къ патріарху. Папа исполняетъ Божье повелѣніе. Въ то время въ Константинополѣ патріархомъ былъ Филоѳей, отличавшійся постничествомъ и другими добродѣтелями, а царемъ былъ Иванъ Кандакузинъ.

Подобно предыдущему сказанію, „Сказаніе о бѣломъ клобукѣ“ примыкаетъ къ произведеніямъ, разрабатывавшимъ идею о богоизбранности Царьграда (§ 112): оно имѣло цѣлью установить символически переходъ духовной власти въ христіанскомъ мірѣ отъ папы къ византійскому патріарху.

На русской почвѣ сказаніе имѣетъ продолженіе („Курсъ“, Ч. I, кн. 2).

124. „О Синагрипѣ и его совѣтникѣ Акирѣ“. Повѣсть „О Синагрипѣ“ — восточнаго происхожденія. Она отразилась на легендарной біографіи Эзопа и вошла въ арабскій сборникъ сказокъ „Тысяча и одна ночь“. Въ русско-славянской редакціи, которая основана на византійской переработкѣ повѣсти, имена дѣйствующихъ лицъ и мѣстъ искажены: Санхерибъ, властитель Аравіи (Ассура) и Ниневіи превратился въ Синагрипа, Синографа, царя Адоровъ (Торъ, Ассуръ) и Наливскія (т. е. Ниневійской) страны, или въ царя Аневицкаго (Аравитскаго) и Азорскаго (Ассурскаго); Гейкаръ — въ

плоть, безъ души; кто причащается опрѣснокомъ, тотъ принимаетъ мертвую плоть, а не живую, потому что тѣсто само по себѣ бездушно: квасъ для тѣста — то же, что и душа для тѣла.

Акира и Наданъ—въ Анадана, Анадона, Анадама. Свой христіанско-поучительный характеръ эта повѣсть пріобрѣла, вѣроятно, у византійцевъ. Элементъ поучительный, выразившійся въ цѣломъ родѣ афоризмовъ, передаваемыхъ Акиромъ Анадану, пользовался такою популярностью, что даже былъ выдѣленъ изъ повѣсти и распространялся въ самостоятельныхъ спискахъ. Содержаніе повѣсти состоитъ въ слѣдующемъ.

Мудрый совѣтникъ царя Синагрипа Акиръ много имѣетъ богатствъ, но одного не далъ ему Богъ: дѣтей. Онъ молится Богу: „Господи, Боже мой! Если я умру безъ наслѣдника, то будутъ говорить: вотъ, Акиръ былъ праведенъ и служилъ Богу, а умеръ и не нашлось никого отъ мужескаго пола, кто бы постоялъ у гроба его, ни отъ дѣвическаго, кто бы его оплакалъ“. Раздается въ отвѣтъ съ неба голосъ, говорящій Акиру, что потомства у него не будетъ, и совѣтующій ему усыновить „сестрина сына“, Анадана. Акиръ послѣдовалъ этому совѣту. Онъ сталъ учить Анадана всей той премудрости, которою самъ владѣлъ. Насытивъ Анадана своимъ ученіемъ, „яко хлѣбомъ и виномъ“, Акиръ даетъ ему рядъ наставленій: „Человѣче, внимай глаголы моя, господину мой, Надане!... Если что слышишь отъ царя, или видишь въ его домѣ, пусть это останется въ твоей душѣ, и не разсказывай объ этомъ людямъ... Сына своего укрощай съ дѣтства, а если не укротишь, онъ преждевременно состаритъ тебя... Не будь многорѣчивымъ, чтобы не согрѣшить передъ своимъ господиномъ... Лживый человѣкъ сперва будетъ пользоваться любовью, а въ концѣ надъ нимъ будетъ смѣяться... Если тебя позовутъ на обѣдъ, то не ходи по первому приглашенію; если же тебя пригласятъ во второй разъ, то это будетъ означать, что тебѣ дѣйствительно воздаютъ честь... Лучше для человѣка добрая смерть, чѣмъ злая жизнь... Лучше имѣть въ своей рукѣ овечью ногу, нежели овечье плечо въ чужой рукѣ; лучше близкая овца, нежели далекій волъ. Лучше одинъ воробей, котораго имѣешь въ рукѣ, нежели тысяча птицъ, летающихъ по аеру. Лучше болѣть огнемъ (быть въ жару) или трясавицей, нежели жить съ злой женой... Когда вода въ рѣкѣ потечетъ къ истоку своему, когда птица станетъ летать задомъ напередъ, или синечь или сарацинъ побѣлѣютъ, или желчь станетъ сладкой, какъ медъ,—тогда только безумный научится уму-разуму“.

Послѣ такихъ наставленій Акиръ ставитъ своего племянника въ совѣтники царю вмѣсто себя. Но Анаданъ оказался неблагодарнымъ Акиру. Убѣдившись въ этомъ, Акиръ отдалъ свой домъ не Анадану, а его младшему брату. Тогда Анаданъ рѣшился погубить Акира. Онъ написалъ, будто бы отъ имени Акира, письма къ царямъ египетскому и персидскому съ предложеніемъ передать имъ владѣнія Синагрипа безъ боя и подбросилъ эти письма во дворцѣ. Письма попались царю. Царь повѣрилъ, что Акиръ ему измѣнилъ, и велѣлъ казнить его. Но слуга, который доженъ былъ исполнить приказаніе, вмѣсто Акира казнитъ другого, похожаго на него, а Акира заключаетъ въ тюрьму.

Нѣкоторое время спустя послѣ этого египетскій царь, услышавъ о казни Акира, посылаетъ къ Синагрипу посольство съ требованіемъ прислать ему искуснаго строителя, который возвелъ бы домъ между небомъ и землей и отвѣчалъ бы на всѣ его вопросы. Если Синагрипъ пришлетъ такого мудреца, фараонъ обѣщаетъ платить дань въ теченіе четырехъ лѣтъ; если же не пришлетъ, Синагрипъ будетъ платить дань ему. Синагрипъ обращается къ Анадану; но Анаданъ не въ состояніи дать совѣтъ, какъ поступить, и всѣ невольно вспоминаютъ мудраго Акира. Тогда слуга рѣшается открыть царю, что Акиръ живъ. Царь въ великой радости спѣшитъ освободить Акира и посылаетъ его въ Египетъ подъ чужимъ именемъ. Пріѣхавъ въ Египетъ, Акиръ остроумно отвѣчаетъ на мудреные вопросы фараона. Такъ, фараонъ загадываетъ Акиру такую загадку: стоитъ дубово бревно, на немъ двѣнадцать сосенъ, на каждой соснѣ тридцать колесъ, а на колесѣ по двѣ мыши—одна черная, а другая бѣлая. Акиръ разгадываетъ загадку: бревно—годъ, 12-ть сосенъ—12-ть мѣсяцевъ, 30-ть колесъ—30-ть дней, черная мышь—ночь, бѣлая мышь—день. Требованіе фараона построить домъ между небомъ и землей онъ исполнилъ такъ: ястребники Акира научили двухъ орлицъ взлетать на воздухъ съ клѣткой, привязанной къ нимъ; въ клѣткѣ былъ мальчикъ, который кричитъ: „Вотъ дѣлатели доспѣли, понесите каменіе и известь!“ Акиръ говоритъ царю: „Повели, чтобы нести каменіе и известь, дабы не медлили дѣлатели“. „Какъ нести ихъ на такую высоту?“ отвѣчаетъ царь и отказывается отъ своей затѣи.

Когда Акиръ, благополучно исполнивъ порученіе, возвра-

щается домой, Синагрипъ осыпаетъ его почестями и наградами, а Анаданъ подвергается наказанію.

125. „Чудо св. Николы о Синагрипѣ царѣ“. Въ связи съ предыдущей повѣстью (§ 124) находится повѣсть о чудѣ святого Николая съ царемъ Синагрипомъ.

Царь Синагрипъ отправляется по морю на войну. Поднимается буря, которая грозитъ потопить корабль. У царя былъ въ то время совѣтникъ, по имени Акиръ, очень мудрый и „зѣло крестьянъ“ (т. е. глубокій христіанинъ). Акиръ совѣтуетъ царю, для избавленія отъ угрожающей опасности, обратиться къ св. Николаю и обѣщать ему канунъ и свѣчу. Царь обрадовался совѣту и сталъ призывать святого Николу. Буря стала затихать, и корабль благополучно доѣхалъ до родного города. По прибытіи царь сказалъ Акиру: „Кто есть святой Никола? Призови его ко мнѣ“! Акиръ отвѣтилъ: „Есть митрополитъ въ Халкидонѣ, именемъ Ѳеоктиристъ; онъ можетъ призвать Николу въ образъ человѣка“. Царь послалъ пригласить къ себѣ митрополита, такъ какъ онъ „обѣщалъ на морѣ святому Николаю канунъ и свѣчи, и трапезы, и столы готовы“. Ѳеоктиристъ явился. Чтобы призвать св. Николу, необходимо было выстроить церковь. Въ три дня церковь была готова. Отслужены были литургія, молебенъ, и былъ освященъ канунъ. Всѣ сѣли за трапезу, и Ѳеоктиристъ приготовилъ за столомъ мѣсто св. Николѣ. Присутствовавшіе сомнѣвались въ томъ, чтобы св. Никола въ самомъ дѣлѣ явился, какъ вдругъ Ѳеоктиристъ первый увидѣлъ идущаго святого. Ѳеоктиристъ вскочилъ съ мѣста и пошелъ на встрѣчу святому со свѣчами и кадиломъ. Приблизившись, св. Никола сказалъ: „Былъ я на морѣ Тиверіадскомъ, и поднялась великая буря, и начали призывать мое имя, и я избавилъ изъ моря корабль“. Ѳеоктиристъ спрашиваетъ святого, что дали ему спасенные. Святой отвѣтилъ: „Обѣщали мнѣ канунъ и свѣчи, и темьянъ и дали мнѣ печенаго тѣстянаго кура“—и показалъ Ѳеоктиристу подарокъ. Ѳеоктиристъ замѣтилъ святому „философіею“: „А я бы ради этого тѣстянаго кура и трехъ ступеней не ступилъ“. Услышавъ эти слова, св. Никола повернулся, чтобы уходить, и сказалъ Ѳеоктиристу: „Ты—гордъ, а называешься святителемъ, но сотворю на тебя молитву Всевышнему царю, Христу Богу“. Испуганный Ѳеоктиристъ съ плачемъ палъ къ ногамъ святого, а царь и всѣ присутствующіе стали умолять святого, чтобы

онъ вошелъ въ палату царскую. Святой вошелъ, благословилъ брашна и вино, и питье; начали ѣсть и пить, а св. Никола сталъ невидимъ. Царь и всѣ люди прославили Бога и сотворили св. Николѣ честной праздникъ. За „три ступени“ святые отцы велѣли поминать святого Ѳеоктириста черезъ три года въ четвертый, въ высокосный годъ, а святого Николу поминать трижды въ годъ: въ день его рожденія, на его успеніе и на перенесеніе его мощей.

126. „Стефанитъ и Ихнилатъ“. Источникомъ повѣсти „Стефанитъ и Ихнилатъ“ былъ индійскій животный эпосъ въ арабской переработкѣ. Въ первоначальной своей обработкѣ индійскій животный эпосъ состоялъ изъ тринадцати отдѣловъ. Первые пять отдѣловъ были впослѣдствіи выдѣлены въ самостоятельное цѣлое и образовали сборникъ сказокъ-басенъ подъ именемъ „Панчатантра“, т. е. „Пятикнижіе“. Въ предисловіи къ „Панчатантрѣ“ сообщается, что это произведеніе возникло изъ бесѣдъ одного мудреца, Вишну-Сармы, который былъ наставникомъ сыновей одного индійскаго царя и училъ ихъ нравственности и политикѣ. Сказки-басни „Панчатантры“ породили уже въ Индіи рядъ подражаній и передѣлокъ: такова была знаменитая „Гитопадеза“, съ которой находятся въ связи басни Эзопа.

Въ VI в. послѣ Р. Х., по приказанію персидскаго царя Хозроя Нушірвана, „Панчатантра“ была переведена на пеглевійскій языкъ, подъ заглавіемъ „Калила-ва-Димна“. Заглавіе это возникло такъ. Въ „Панчатантрѣ“ среди дѣйствующихъ персонажей важную роль играютъ два шакала: Каратака и Даманака. Эти имена превращены были въ слова „Калила“ (т. е. Прямодушный) и „Димна“ (Лукавый).

Въ VIII в. послѣ Р. Х. пеглевійскій текстъ былъ переведенъ подъ тѣмъ же заглавіемъ на арабскій языкъ, причемъ въ предисловіи книга приписывается мудрецу Бидпаю. Эта арабская редакція послужила источникомъ множества редакцій на самыхъ разнообразныхъ языкахъ: ново-сирійской, персидской, еврейской, греческой, древне-испанской; персидская редакція въ свою очередь дала начало редакціямъ турецкой и грузинской; еврейская редакція повела за собою редакцію латинскую; латинская редакція дала начало редакціямъ нѣмецкой, чешской и т. д.

Въ XI в. послѣ Р. Х. появляется переводъ книги съ

арабскаго на греческій, сдѣланный Симеономъ Сиѳомъ, подъ заглавіемъ „Стефанитъ и Ихнилатъ“; „Стефанитъ“ значитъ по-гречески „Увѣнчанный“: такъ переведено было имя прямодушнаго шакала; а „Ихнилатъ“ значитъ „Слѣдящій“: такъ названъ въ греческой редакціи лукавый шакалъ.

„Стефанитъ и Ихнилатъ“ представляетъ изъ себя своеобразный родъ сочиненія въ восточномъ стилѣ, состоящаго въ томъ, что одинъ разсказъ ведетъ за собой цѣлую серію другихъ, связанныхъ съ первымъ. Повѣсть распадается на двѣ части: въ *первой* индійскій царь слушаетъ разсказъ, дѣйствующими лицами котораго являются главнымъ образомъ царь Левъ, царедворецъ Быкъ, Стефанитъ и Ихнилатъ; *вторая* часть состоитъ изъ разсужденій индійскаго царя съ философами. Въ обѣихъ частяхъ вплетено много сказокъ-басенъ.

Индійскій царь спрашиваетъ одного изъ своихъ мудрецовъ о томъ, какъ лукавый мужъ разстроилъ дружбу между близкими людьми и поселилъ между ними вражду. Мудрецъ объяснилъ это сказкой-басней о богатомъ купцѣ. Одинъ изъ сыновей купца въ дорогѣ заморилъ быка и оставилъ его на лугу. Быкъ отдохнулъ на лугу, наѣлся и раздобрѣлъ. Недалеко отъ этого луга жилъ царь-Левъ со многими другими львами, медвѣдями, волками, лисицами и т. д. Однажды Левъ услышалъ страшный ревъ какого-то звѣря и смутился. Въ недоумѣніи, не зная, что дѣлать, царь-Левъ оставался на одномъ мѣстѣ, не рѣшаясь двинуться съ него. Царедворцы-шакалы, прямодушный Стефанитъ и лукавый Ихнилатъ, подмѣтили смущеніе царя. Разсуждая объ этомъ, они припоминаютъ рядъ сказокъ-басенъ изъ міра животныхъ. Стефанитъ и Ихнилатъ подготовляются подѣйствовать на царя-Льва сказками-баснями объ обезьянѣ, верблюдѣ и зайцѣ, разсужденіями о мудрости и слабоуміи, сравненіями и изреченіями о царскихъ отрокахъ, воинахъ, писцахъ, и идутъ къ царю. Послѣ бесѣды царь-Левъ сообщаетъ Ихнилату, что онъ боится Быка, такъ какъ не знаетъ его силы и мудрости и можетъ судить о немъ только по его страшному реву. Ихнилатъ въ отвѣтъ разсказалъ Льву сказку-басню о лисицѣ и тимпанѣ (бубнѣ): на деревѣ висѣлъ тимпанъ, который издавалъ звуки; лиса схватила тимпанъ, растерзала его, и звуки прекратились. Затѣмъ Ихнилатъ берется навести справки о Быкѣ. Ихнилатъ убѣждаетъ Быка явиться ко двору царя-Льва, и царь милостиво принимаетъ его. Ихнилатъ начинаетъ зави-

довать Быку и въ формѣ сказокъ-басенъ обмѣнивается по этому поводу мыслями съ Стефанитомъ. Ихнилатъ хочетъ убить Быка, а Стефанитъ удерживаетъ его, говоря, что его козни могутъ обратиться противъ него самого. Тогда Ихнилатъ рѣшается извести Быка хитростью. Когда Стефанитъ пугаетъ Ихнилата силою и могуществомъ Быка, Ихнилатъ отвѣчаетъ ему: „Не гляди на мою немощь: часто и сильные побѣждались слабѣйшими“. Въ подтвержденіе этого онъ разсказываетъ сказку-басню. Змѣй пожиралъ постоянно птенцовъ у одного ворона. Воронъ задумалъ избавиться отъ змѣя, но не знаетъ, какъ приняться за это: не выколоть ли змѣю глаза? Другъ ворона отговариваетъ его отъ этого: надо придумать такую хитрость, чтобы погубить врага и самому остаться въ живыхъ. По совѣту друга воронъ похищаетъ драгоцѣнный женскій уборъ и кладетъ въ гнѣздо змѣя. Начинаютъ искать уборъ и находятъ у змѣя и убиваютъ его. „Все это, — заключаетъ Ихнилатъ, — я сказалъ тебѣ, чтобы ты уразумѣлъ, что мудрость сильнѣе крѣпости“. Онъ разсказываетъ Льву сказку о трехъ рыбахъ, изъ которыхъ одна спаслась отъ смерти, притворившись мертвой, сказки о волкѣ, лисѣ, состарѣвшемся львѣ, о купцѣ, ввѣрившемъ желѣзо похитителю. Ихнилатъ намекаетъ Льву на то, что Быкъ злоумышляетъ на его жизнь, а Быку внушаетъ, что царь измѣнилъ дружбѣ съ нимъ. Царь повѣрилъ Ихнилату, и Быкъ палъ жертвой ярости Льва. Но и козни Ихнилата открываются. Царь раскаивается въ казни Быка и велитъ заключить въ тюрьму Ихнилата. Ихнилата посѣщаетъ въ тюрьмѣ Стефанитъ, который совѣтуетъ ему открыто во всемъ признаться, такъ какъ лучше пострадать здѣсь на землѣ, чѣмъ на томъ свѣтѣ. Но Ихнилатъ не слѣдуетъ совѣту Стефанита: на допросѣ держится крайне вызывающе и самъ выступаетъ съ обвиненіями противъ своихъ обличителей. Одинъ изъ совѣтниковъ Льва назвалъ Ихнилата льстивымъ и лукавымъ, сказалъ, что у него лѣвый глазъ малъ и мигливъ, вѣки вздернуты, что онъ ходитъ, склонивъ голову. Ихнилатъ ему отвѣчаетъ: „Всѣ мы подъ небомъ ходимъ, никто не восходитъ выше небесъ; а вотъ ты, бесѣдуя, мнишь себя мудрымъ: въ своихъ собственныхъ глазахъ бревна не видишь, а сучокъ замѣчаешь въ глазахъ ближняго“. Судъ приговариваетъ Ихнилата къ казни. Первая часть разсказа оканчивается слѣдую-

щимъ выводомъ: „Всякій, сшивающій лесть на своего друга, впадаетъ въ сдѣланный имъ ровъ“.

Во второй части имена Стефанита и Ихнилата исчезаютъ, и содержаніе ея состоитъ въ томъ, что царь индійскій разспрашиваетъ мудреца о друзьяхъ, которые любятъ другъ друга и въ любви устойчивы, о томъ, какъ уберечься отъ лицемѣрныхъ пріятелей-враговъ, какъ царю соблюдать свое царство— незлобивымъ ли нравомъ, или благою совѣстью, или подаяніемъ и т. д.

127. Романъ „Варлаамъ и Іоасафъ“. Романъ „Варлаамъ и Іоасафъ“ представляетъ искусную переработку на христіанскій ладъ біографіи сына индійскаго царя Капилавасту — Сиддарты, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Будды († 543 г. до Р. Х.). Авторъ греческой редакціи неизвѣстенъ. Прежде приписывали этотъ романъ Іоанну Дамаскину. Но въ старыхъ рукописяхъ есть указаніе, что романъ привезенъ былъ изъ Индіи въ Іерусалимъ Іоанномъ, монахомъ монастыря св. Саввы. Распространеніе романа по разнымъ странамъ началось съ XI в., когда благодаря крестовымъ походамъ между Востокомъ и Западомъ завязываются болѣе тѣсныя сношенія. Греческая редакція романа дала начало цѣлому другихъ редакцій: латинской, нѣмецкой, французской, провансальской; сѣверно-французская редакція дала начало итальянской, нѣмецкая—шведской; латинская редакція послужила источникомъ испанской, чешской и польской; на Востокѣ были двѣ арабскія редакціи: одна—христіанская, переработанная изъ греческой, а другая—нехристіанская, съ пеглевійскаго оригинала, затѣмъ—еврейская, эѳіопская, армянская и т. д. Въ переводѣ съ греческаго на древне-болгарскій языкъ романъ „Варлаамъ и Іоасафъ“ попалъ къ намъ. Содержаніе его слѣдующее.

Индійскій царь Абеннеръ (Авениръ), ревностный язычникъ, подвергаетъ въ своемъ царствѣ гоненію христіанство, которое начало проникать туда. Ненависть къ христіанству у царя еще болѣе усилилась, когда одинъ изъ главныхъ приближенныхъ его ушелъ и сдѣлался отшельникомъ. Въ это время у бездѣтнаго Абеннера родился сынъ необыкновенной красоты, которому дали имя Іоасафъ. Звѣздочеты предсказываютъ царю, что его сынъ будетъ богатъ и могущественъ; одинъ особенно искусный звѣздочетъ говоритъ, что царство Іоасафа будетъ не отъ міра сего и что царевичъ, вѣроятно, сдѣлается

послѣдователемъ преслѣдуемой теперь религіи. Царь Абенеръ, чтобы пророчество не исполнилось, велѣлъ построить для сына особый дворецъ, окружилъ сына молодыми и прекрасными воспитателями и запретилъ пускать во дворецъ постороннихъ и сообщать царевичу, что на свѣтѣ существуютъ смерть, старость, болѣзнь, бѣдность или вообще какое бы то ни было страданіе; царевичъ долженъ воспитываться такъ, чтобы наслаждаться настоящимъ и чтобы ничто не возбуждало мысли о будущей жизни. Точно также до царевича не должны были доходить слухи о христіанскомъ ученіи.

Живя въ своемъ искусственномъ заключеніи, Іоасафъ прекрасно развивается физически, умственно и нравственно и своими оригинальными вопросами удивляетъ учителей и царя. Достигши юношескаго возраста, Іоасафъ сталъ замѣчать, что его держатъ точно въ заключеніи. Когда онъ убѣдился, что это дѣлается по волѣ отца, онъ сталъ разузнавать о причинѣ этого. Отвѣты одного изъ воспитателей, а затѣмъ и самого отца не только не удовлетворили его, но еще болѣе обезпокоили. „Знай,—сказалъ царевичъ отцу,—что не радость, а высшую скорбь причиняешь мнѣ такимъ способомъ“. Онъ успокоился только тогда, когда получилъ возможность выходить, куда онъ захочетъ. Царь вынужденъ былъ уступить царевичу, но отдалъ строгій приказъ, чтобы съ пути царевича было устраняемо все, что могло бы возбудить въ немъ печальныя мысли.

Первое время приказъ царя исполнялся въ точности. Но затѣмъ слуги стали относиться къ своему дѣлу небрежнѣе. Однажды царевичъ увидѣлъ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ былъ въ проказѣ, а другой—слѣпой. Царевичъ разспрашиваетъ у приближенныхъ, что съ этими людьми, и въ первый разъ узнаетъ, что на свѣтѣ есть болѣзнь. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого царевичу попался на встрѣчу старикъ со сморщеннымъ лицомъ, дрожащими ногами, бѣлыми волосами и безъ зубовъ, и царевичъ узнаетъ, что на землѣ существуетъ старость и неизбѣжная для всякаго человѣка смерть. „Горестна эта жизнь,—сталъ думать царевичъ:—и какъ человѣкъ можетъ наслаждаться ею въ ожиданіи неизбѣжной смерти? И меня она постигнетъ, и всѣ обо мнѣ забудутъ. Но что будетъ потомъ со мной? Обращусь ли я въ ничто? Или есть еще другой міръ и другая жизнь“? Съ этого времени царевичъ сталъ искать

человѣка, который разрѣшилъ бы всѣ его сомнѣнія и указалъ бы ему исходъ.

Въ это время въ Сенаарской пустынѣ жилъ одинъ пустынникъ Варлаамъ, который достигъ высокой степени совершенства въ знаніи жизни. По откровенію свыше, Варлаамъ узналъ о душевномъ состояніи Іоасафа. Онъ покинулъ пустыню и въ образѣ купца явился въ землю индійцевъ. Придя къ воспитателю Іоасафа, Варлаамъ сказалъ, что привезъ для продажи царевичу драгоцѣнный камень, имѣющій свойство освѣщать сердца слѣпыхъ свѣтомъ истины, глухимъ открывать слухъ, нѣмымъ давать голосъ, больныхъ исцѣлять, глупыхъ умудрять, демоновъ изгонять; тотъ, кто дѣлается обладателемъ камня, пользуется всѣми благами, но камень этотъ видимъ только для того, кто обладаетъ чистымъ здоровымъ зрѣніемъ и цѣломудреннымъ тѣломъ. Царевичъ изъявляетъ желаніе увидѣть этотъ камень. „Прежде, нежели исполнить твое желаніе,— отвѣчаетъ Варлаамъ,—я долженъ испытать твой разумъ. Если въ твоемъ сердцѣ я найду благодарную почву, я безъ колебанія вложу въ нее божественное сѣмя. Я надѣюсь на успѣхъ: изъ-за тебя совершилъ я этотъ далекій путь, чтобы показать тебѣ то, чего ты не видѣлъ, и научить тому, о чемъ ты не слышалъ прежде“.

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ поученій Варлаама, въ которыхъ при помощи аполога, т. е. въ формѣ притчи, излагается содержаніе христіанскаго ученія. Матеріалъ для апологовъ заимствованъ авторомъ романа отчасти изъ христіанскихъ источниковъ, а большею частью изъ восточныхъ, приспособленныхъ къ христіанскимъ понятіямъ. Изъ апологовъ Варлаама особенно знаменитымъ былъ апологъ о человѣкѣ, который былъ преслѣдуемъ свирѣпымъ инорогомъ, встрѣченнымъ имъ въ полѣ. Спасаясь отъ него, человѣкъ внезапно попалъ въ пропасть. Падая туда, онъ ухватился за вѣтви дерева, росшаго по бокамъ пропасти, и повисъ на воздухѣ. Посмотрѣвъ внизъ, преслѣдуемый увидѣлъ, что корень дерева, за вѣтви котораго онъ ухватился, грызутъ двѣ мыши — черная и бѣлая, что на днѣ пропасти лежитъ страшный змѣй съ раскрытой пастью, а изъ стѣны пропасти выходятъ четыре головы аспида. Находясь въ такомъ ужасномъ положеніи, путникъ замѣтилъ, что съ вѣтокъ дерева капаетъ медъ. Забывъ про всѣ опасности, путникъ жадно устремился къ меду. Смыслъ притчи такой: человѣкъ, преслѣдуемый

смертью (инорогомъ), кое-какъ устраивается въ земной жизни (ухватывается за вѣтви дерева, растущаго въ пропасти); но его положеніе непрочно: день и ночь (бѣлая и черная мыши) подтачиваютъ корни жизни; не смотря на это, человѣкъ, побуждаемый слабостью своей природы (головы аспида), предается краткимъ жизненнымъ наслажденіямъ (устремляется къ меду, капающему съ дерева), хотя за это угрожаетъ ему адъ (змѣй на днѣ пропасти).

Когда царевичъ усвоилъ христіанское ученіе, Варлаамъ тайно крестилъ его. Царевичъ хочетъ послѣдовать за Варлаамомъ въ пустыню, но Варлаамъ удерживаетъ его отъ этого, совѣтуя повременить; отказывается отъ денежнаго подарка, предложеннаго царевичемъ, и возвращается въ пустыню, оставивъ царевичу, по его просьбѣ, свою грубую одежду и взявъ съ собой старую и изорванную одежду Іоасафа.

Пока все это происходило, начальникъ дворца царевича Зарданъ съ подозрѣніемъ слѣдилъ за посѣщеніями Варлаама. Узнавъ о томъ, что происходило между царевичемъ и Варлаамомъ, Зарданъ, боясь отвѣтственности, доложилъ обо всемъ царю. Царь сильно огорчился и сталъ совѣтоваться съ Арахесомъ, человѣкомъ мудрымъ и опытнымъ звѣздочетомъ, о томъ, какъ поступить. Арахесъ предложилъ царю послать за Варлаамомъ погоню, поймать его и мучить до тѣхъ поръ, пока не признаетъ передъ царевичемъ своего ученія ложнымъ. Если же не удастся захватить Варлаама, то, по совѣтту Арахеса, слѣдуетъ призвать одного мудраго пустынника языческой вѣры Нахора, бывшаго учителя математики Арахеса; Нахоръ очень похожъ на Варлаама; его можно убѣдить выступить въ присутствіи царевича подъ именемъ Варлаама, въ видѣ защитника христіанства, поспорить съ язычниками и признать себя въ концѣ побѣжденнымъ. Погоня за Варлаамомъ не увѣнчалась успѣхомъ, и пришлось прибѣгнуть ко второму способу, предложенному Арахесомъ. Но тутъ случилось нѣчто неожиданное: Нахоръ, во время спора, самъ увѣровалъ въ христіанское ученіе и затѣмъ, укрѣпленный въ истинахъ вѣры царевичемъ, тайно бѣжалъ въ пустыню. Тогда жрецы, опасаясь, что и самъ царь начнетъ склоняться къ новой религіи, обратились къ волшебнику Теудасу, который брался при помощи подвластныхъ ему демоновъ вернуть Іоасафа въ язычество. По его совѣту, царевича окружили женскимъ персоналомъ, состоявъ-

шимъ изъ отборныхъ красавицъ, съ цѣлью возбудить въ немъ страсти. Но царевичъ, прибѣгнувъ къ молитвѣ и посту, избѣжалъ искушеній; демоны были посрамлены, и самъ Теудасъ принялъ христіанство.

Тогда царь, по совѣту Арахеса, раздѣлилъ свое царство на двѣ части и одну изъ нихъ отдалъ сыну. Арахесъ полагалъ, что заботы объ управленіи смогутъ отвлечь царевича отъ христіанства; а если не отвлекутъ, то по крайней мѣрѣ удержатъ его отъ удаленія въ пустыню. Іоасафъ, какъ его ни влекло къ Варлааму, покорился волѣ отца и отправился въ назначенный ему городъ. Здѣсь онъ сталъ наставлять народъ истинной религіи и сдѣлалъ свою страну образцомъ христіанскаго царства. Подъ конецъ своей жизни Абеннеръ раскаялся въ своемъ нечестіи, увѣровалъ въ истиннаго Бога и передалъ все царство сыну. Черезъ четыре года Абеннеръ скончался, и Іоасафъ оплакалъ своего отца.

Несвязанный уже волей отца, Іоасафъ собралъ въ своемъ дворцѣ вельможъ и нѣкоторыхъ гражданъ и объявилъ имъ, что онъ собирается отказаться отъ царства и удалиться въ пустыню. Огорченные вельможи и граждане не хотѣли отпускать его. Тогда Іоасафъ назначилъ на свое мѣсто Варахію, одного изъ своихъ вельможъ, а самъ ночью скрылся изъ дворца. Граждане погнались за нимъ и вернули его назадъ, но напрасно: Іоасафъ поклялся, что не останется у нихъ, и граждане вынуждены были уступить. Іоасафъ, сопровождаемый всеобщимъ плачемъ, удалился.

Іоасафъ отдалъ свое богатое платье бѣдняку, а самъ, оставшись во власяницѣ, подаренной ему Варлаамомъ, отправился въ Сенаарскую пустыню искать Варлаама. Два года скитался Іоасафъ, испытывая рядъ лишеній и искушеній, приготовленныхъ ему діаволомъ, и, наконецъ, одинъ пустынникъ указалъ ему, какъ можно найти Варлаама. Найдя своего учителя, Іоасафъ поселился въ его пещерѣ и обнаружилъ такія способности къ бдѣнію, неустанной молитвѣ и воздержанію, что превзошелъ и Варлаама. Іоасафъ пережилъ Варлаама и схоронилъ его. Проживъ въ пустынѣ 35 лѣтъ, Іоасафъ мирно скончался. Въ часъ его кончины явился пустынникъ, указавшій Іоасафу путь къ Варлааму, и похоронилъ Іоасафа рядомъ съ Варлаамомъ. Получивъ во снѣ отъ страшнаго мужа приказъ, пустынникъ отправился въ Индійское царство возвѣстить о кончинѣ угодни-

ковъ. Варахія, узнавъ объ этомъ, пришелъ съ множествомъ народа въ Сенаарскую пустыню, гдѣ нашелъ нетлѣнныя и благоухающія тѣла Іоасафа и Варлаама, и торжественно перенесъ ихъ въ свою столицу.

128. „Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ“. „Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ“ представляетъ изъ себя посланіе Пресвитера Іоанна къ греческому императору Мануилу (Иммануилъ Комненъ, 1143—1180 гг.). Въ серединѣ XII в. въ Европѣ стали распространяться слухи о существованіи въ Азіи сильнаго христіанскаго государства, во главѣ котораго находился священникъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, царь Іоаннъ. Имя Іоанна стало появляться въ сочиненіяхъ западно-европейскихъ путешественниковъ, причемъ царство Іоанна представлялось въ фантастическихъ и противорѣчивыхъ очертаніяхъ. Такъ какъ въ это время западно-европейское общество занято было идеей о возвращеніи отъ турокъ Гроба Господня, то на этого Іоанна возлагались большія надежды: вѣрили, что онъ пошлетъ крестоносцамъ на помощь свою могучую армію, и цѣль крестовыхъ походовъ будетъ достигнута. Кто именно разумѣлся подъ именемъ Іоанна, трудно сказать; но вѣроятнѣе всего, что образъ Іоанна создался на основаніи слуховъ о Далай-Ламѣ — главѣ обширнаго буддійскаго міра, церковная организація котораго напоминаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ христіанство. Содержаніе сказанія состоитъ въ слѣдующемъ.

Іоаннъ — могущественный царь и первосвященникъ: ему служатъ епископы и цари; его страна переполнена неисчислимыми богатствами и нежданными чудами. Мануилъ, греческій императоръ, посылаетъ къ Іоанну посольство, чтобы испытать силу и чудеса Индѣйской земли. Іоаннъ отвѣчаетъ посольству: „Скажите вашему царю: если хочешь узнать о силахъ и чудесахъ моего царства, то продай свое царство греческое и купи на это бумаги и пріѣзжай въ мое Индѣйское царство со своими книжниками, и я дамъ тебѣ описать чудеса Индѣйской земли; но ты не сможешь описать мое царство до исхода души“. Далѣе слѣдуетъ разсказъ объ Индѣйскомъ царствѣ. До обѣда Іоаннъ является въ роли пресвитера, а послѣ обѣда онъ—царь надъ 3.600 царями; онъ—поборникъ православной Христовой вѣры. Его царство въ одну сторону простирается на 10 мѣсяцевъ пути, а въ другую сто-

рону на безконечное пространство—до того мѣста, гдѣ земля сходится съ небомъ.

Индѣйская земля наполнена чудовищными людьми, звѣрями и птицами. Въ ней есть люди нѣмые, рогатые, люди вышиною въ девять саженъ и крошечные пигмеи, люди съ четырьмя и шестью руками, съ песьими головами, со скотьими головами, съ глазами и ртомъ на груди, или на головѣ, на темени въ волосахъ, люди, представляющіе наполовину пса и наполовину человѣка, или наполовину птицу и наполовину человѣка. Встрѣчаются въ Индіи слоны, дромадеры, гиппопотамы, саламандры, фениксы. Гадовъ въ этой странѣ нѣтъ: ни ужа, ни рыбы, ни змѣи, ни ящерицы, ни мухи, ни комара; а если появляется какой-нибудь гадъ, то онъ скоро умираетъ. Индѣйское царство богато золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями; тамъ есть райская рѣка Геонъ, которая течетъ драгоцѣнными камнями; изъ драгоцѣнныхъ камней особенно замѣчателенъ „кармакоулъ“ (т.-е. карбункулъ), который ночью такъ свѣтится, точно огонь горитъ.

У подошвы горы Олимпа есть чудный источникъ; вода изъ него, если выпить ее три раза натощакъ, имѣетъ свойство предохранять отъ всякой болѣзни, и человѣкъ, выпившій эту воду, на всю жизнь остается такимъ, какъ будто ему 32 года отъ роду.

Благодаря всему этому въ Индѣйскомъ царствѣ нѣтъ бѣдняковъ, скупыхъ, воровъ, льстецовъ, и всѣ живутъ въ согласіи. „Никто между нами,—пишетъ Іоаннъ,—не лжетъ и лгать не можетъ: если кто примется лгать, тотчасъ же умираетъ и его память вмѣстѣ съ нимъ. Всѣ мы слѣдуемъ по стезямъ правды и любимъ другъ друга“.

Дворецъ Іоанна состоитъ изъ нѣсколькихъ палатъ. Одна палата—серебряная, покрытая золотомъ, а внутри украшенная драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, какъ небо звѣздами. Другая палата—изъ чистаго золота: въ ней восемь столбовъ золотыхъ, толщиною въ три сажени, а вышиною въ восемь саженъ: на каждомъ столбѣ—драгоцѣнный камень; ночью эти столбы свѣтятъ, какъ огонь, а днемъ сіяютъ какъ золото. Третья палата — тоже серебряная, на золотыхъ столбахъ; на каждомъ столбѣ по два драгоцѣнныхъ камня, и эти камни ночью свѣтятся, какъ огонь горитъ, а днемъ, какъ золото, сіяютъ. Въ этой послѣдней палатѣ обѣдаетъ Іоаннъ со множествомъ

царей, королей, князей, патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ и проч. Съѣстными припасами завѣдуютъ два царя и два короля. Одного перцу за обѣдомъ и ужиномъ выходитъ по четыре бочки.

Дворъ царя Іоанна такъ великъ, что цѣлый день надо ѣхать въ одну сторону, чтобы придти къ его концу. Во дворѣ— множество рѣкъ, озеръ, источниковъ, овощей. Ворота двора также чудесно выстроены: правая верея ихъ сдѣлана изъ сапфира, а лѣвая — изъ слоновыхъ зубовъ; кровля — изъ зміевыхъ роговъ, а самыя ворота — изъ золота съ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; на воротахъ изображены чудеса отъ Адама и „до сего дня". Среди двора стоитъ 40 серебряныхъ столбовъ позолоченныхъ; у каждаго столба по 40 колецъ, у каждаго кольца привязано по 40 коней, на которыхъ совершаетъ поѣздки Іоаннъ съ царями и королями.

Когда Іоаннъ отправляется на войну, передъ нимъ несутъ 12 крестовъ и 12 столовъ изъ краснаго золота съ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, а одинъ крестъ—деревянный съ изображеніемъ распятія; по другую сторону передъ нимъ несутъ золотое блюдо, на которомъ положена земля въ знакъ того, что мы изъ земли сдѣланы и въ землю пойдемъ, и еще одно золотое блюдо, на которомъ лежитъ драгоцѣнный камень и „четій жемчугъ", который означаетъ величіе Индѣйскаго царства.

Іоаннъ ограничивается титуломъ Пресвитера, хотя у него служатъ стольниками, кравчими, постельниками и т. д. митрополиты, архіепископы, епископы и т. д. Это объясняется христіанскимъ смиреніемъ Іоанна.

129. Умственный кругозоръ древне-русскаго читателя по переводной литературѣ. Изложенная въ предыдущихъ параграфахъ литература, переведенная съ греческаго языка на древне-болгарскій или на древне-русскій, давала наивысшую сумму знаній древне-русскому читателю. Разсмотримъ эти знанія по предметамъ.

1) **Филологія и словесность.** На первомъ мѣстѣ необходимо поставить знанія по языку и словесности. Что давала, переводная литература, или, лучше сказать, что пріобрѣтали въ этой области изъ нея русскіе читатели? Знанія по этимъ предметамъ древне-русскаго читателя итересовали очень мало. Даже сочиненія, касающіяся обученія грамотѣ, повидимому, были

неизвѣстны нашимъ предкамъ. Первая азбука (букварь Бурцева) появилась въ Московской Руси только въ 1634 г., да и этотъ букварь былъ простой перепечаткой букваря, составленнаго въ Юго-западной Руси (1621, кн. 2-ая, § 286). Второй предметъ, касающійся языка, это грамматика. Основныя правила грамматики опять таки не интересовали древнерусскаго читателя, и первая русско-славянская грамматика (Мелетія Смотрицкаго) является у насъ въ Москвѣ въ 1648 г. Тѣмъ менѣе могли интересовать древняго читателя нашего дальнѣйшія ступени словесныхъ познаній въ древности — риторика и піитика.

2) **Математика.** Состояніе математическихъ познаній древне-русскаго человѣка соотвѣтствовало познаніямъ по языку и словесности. Древне-русскій человѣкъ, подобно византійцамъ, для изображенія цифръ пользовался буквами своей азбуки. Каждый цифровой знакъ, на какомъ бы онъ мѣстѣ ни стоялъ, сохранялъ одно и то же значеніе. При помощи этихъ буквъ-цифръ можно было изображать числа до тысячи. Для обозначенія чиселъ, начиная съ тысячи, приходилось прибѣгать къ особымъ условнымъ знакамъ. Благодаря такой системѣ изображенія чиселъ, рѣзко отличающейся отъ современной десятичной, наши предки изъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій употребляли преимущественно сложеніе и вычитаніе; умноженіе и дѣленіе представляли для нихъ крайнія трудности. Но особенно трудной наукой были дроби. Единственныя употребительныя дроби были: половина, четверть и треть, далѣе — полчетверти и полтрети, затѣмъ — пол-полчетверти и пол-полтрети и наконецъ, пол-пол-полчетверти и пол-пол-полтрети. Если на практикѣ встрѣчалась нашимъ предкамъ дробь иного рода, они старались выразить ее механически путемъ сопоставленія съ обычными для нихъ дробями. Что касается складыванія или сложенія дробей, то древне-русскій человѣкъ обыкновенно избѣгалъ ихъ такимъ образомъ: наименьшую дробь приравнивалъ къ единицѣ, остальныя выражалъ кратными числами и замѣнялъ такимъ образомъ дѣйствія надъ дробями — дѣйствіями надъ цѣлыми числами. Учебники ариѳметики съ изложеніемъ четырехъ дѣйствій надъ цѣлыми числами и дробями стали появляться у насъ не раньше XVI в. Учебникъ ариѳметики съ арабскими числами впервые появляется въ 1647 г., хотя „цыфирь“ еще долго и послѣ этого счита-

лась у насъ чѣмъ то чародѣйскимъ, „непотребнымъ и противнымъ Закону Божію“. Даже Петръ В., издавшій въ 1702 г. дневникъ взятія Орѣшка, не рѣшился напечатать всю книгу съ „цыфирными числами“. Изъ другихъ отдѣловъ математики у насъ была извѣстна геометрія, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, а въ смыслѣ искусства измѣренія земельныхъ участковъ. Это искусство, лишенное правильной теоретической основы, руководившееся однимъ только инструментомъ—веревкой, впадало на практикѣ въ самыя грубыя ошибки. Площадь всякаго треугольника для нашихъ предковъ равнялась произведенію одной стороны на половину другой (вмѣсто половины произведенія высоты на основаніе); площадь всякаго четыреугольника приравнивалась къ площади прямоугольника съ равнымъ периметромъ; въ неправильномъ четыреугольникѣ брали среднюю ариѳметическую длину двухъ противоположныхъ сторонъ и умножали ее на такую же полу-сумму двухъ остальныхъ сторонъ. Площадь круга измѣрялась такимъ образомъ: окружность круга дѣлили на четыре равныя части; двѣ изъ нихъ считались за стороны равновеликаго квадрата и перемножались. И т. д. Впервые учебники геометріи у насъ появляются при Петрѣ (1719), а алгебры—еще позже (1730).

3) Астрономія и космографія. Астрономія извѣстна у насъ была въ своемъ прикладномъ отдѣлѣ, поскольку она необходима была для составленія календаря. Особенно важна была она для опредѣленія праздника Пасхи и зависящихъ отъ нея подвижныхъ праздниковъ, а для этого необходимо было знать „кругъ луны“ и „кругъ солнца“. Такъ называемая, „Пасхалія“ была составлена еще въ Византіи и доведена до 1492 г., т.-е. до конца седьмого тысячелѣтія, когда должна была, по всеобщему убѣжденію на христіанскомъ Востокѣ, наступить кончина міра. Для пользованія таблицами „Пасхаліи“ и для ея продолженія послѣ 1492 г. нужно было знать кое-что по астрономіи, хотя бы въ видѣ практическихъ правилъ вычисленія. Эти правила вычисленія излагаются въ старинныхъ астрономическихъ руководствахъ. Первый научный календарь является у насъ только въ 1719 г.

Что касается свѣдѣній, касающихся устройства вселенной, положенія земли среди міра, ея формы и т. д., то въ этомъ отношеніи наши предки располагали большимъ матеріаломъ въ переводной литературѣ: въ „Палеѣ“, „Шестодневѣ“ Іоанна

Экзарха, въ „Христіанской топографіи“ Козьмы Индиноплова и т. д. изложены были основныя еврейско-христіанскія представленія о вселенной, навѣянныя „Книгой Еноха“ (§ 50). Въ этихъ книгахъ на основаніи „божественнаго писанія“, къ которому относили не только каноническія книги св. Писанія, но и апокрифы, а также сочиненія отцовъ и учителей церкви, доказывалось, что земля держится на трехъ китахъ (по богомильскимъ представленіямъ), что она четвероугольна (у Козьмы Индиноплова), потому что форму продолговатаго четыреугольника имѣла скинія завѣта Моисея; земля стоитъ на самой себѣ, потому что въ Писаніи сказано: „Ты утвердилъ землю на ея основаніи“; за предѣлами океана, окружающаго землю, есть еще земля, потому что въ Писаніи сказано: „Кто перейдетъ за предѣлы моря, чтобы извести оттуда Бога?“

Кромѣ такихъ представленій существовали въ переводной литературѣ и другія, заимствованныя у грековъ. Земля не четыреугольна, не треугольна и не кругла: вселенная имѣетъ подобіе яйца. Подобно тому, какъ яйцо состоитъ изъ желтка посрединѣ, безъ облекающаго его бѣлка, и изъ скорлупы, охватывающей все яйцо, такъ и вселенная имѣетъ посрединѣ землю; земля облегается со всѣхъ сторонъ воздухомъ; наконецъ, земля и воздухъ замыкаются со всѣхъ сторонъ небомъ. Земля занимаетъ во вселенной мѣсто посрединѣ, на равномъ разстояніи отъ неба со всѣхъ сторонъ; вокругъ земли обращается небо. Иные говорятъ, что земля держится на семи столпахъ; если бы это было такъ, то спрашивается, на чемъ водружены эти столпы? Объ устройствѣ неба въ связи съ такими представленіями, очевидно, заимствованными изъ Птоломеевой системы міра, давались такія свѣдѣнія. Небо по своему существу одно, а по числу небесъ — девять. Одно небо устроено „по образу этого вѣка — до сотворенія міра“; другое — по образу того вѣка, который наступитъ по воскресеніи, судѣ и воздаяніи; остальныя семь небесъ созданы по образу семи вѣковъ (въ смыслѣ тысячелѣтій) міра, а дальше — беззвѣздная твердь. Семь небесъ имѣютъ семь великихъ звѣздъ-царей надъ другими звѣздами: на нижнемъ (ближайшемъ къ землѣ) небѣ — луна, затѣмъ идутъ въ порядкѣ Ермисъ (Меркурій), Афродита (Венера), Солнце, Арисъ (Марсъ), Зевсъ (Юпитеръ), Кронъ (Сатурнъ). Выше седьмого неба находятся двѣнадцать звѣздъ (знаки зодіака).

Но такія представленія не пользовались симпатіей въ Византіи, какъ противорѣчащія св. Писанію. Опровергая ихъ, благочестивые писатели замѣчали, что люди, считающіе семь „аерскихъ поясовъ“, исчисляющіе величину солнечнаго и луннаго круга, заблуждаются: человѣческое зрѣніе не можетъ различать величинъ на огромныхъ разстояніяхъ; солнце и луна существуютъ для знаменій, какъ сказано въ Писаніи: „да будутъ знаменія на дни, на годы и на лѣта“; отъ небесныхъ „свѣтильниковъ“ происходятъ знаменія, предвѣщающія бурю и утишеніе, дождь и сильный вѣтеръ и т. д. Съ системой Коперника впервые русскіе читатели стали знакомиться въ концѣ царствованія Петра В. (1717 и 1724), но она считалась „богопротивной“. Даже въ 1757 г. товарищъ директора московской типографіи считалъ ученіе о вращеніи земли вокругъ солнца „сомнительнымъ“.

4) **Физика.** Изложеннымъ астрономическимъ и космографическимъ понятіямъ соотвѣтствовала и византійско-болгарская физика, основанія которой также были заимствованы изъ „Книги Еноха“ (§ 50). Явленія природы, подобно небеснымъ явленіямъ, управляются особыми ангелами: есть ангелы грома, молніи, дождя, бури, здоровья и т. д. Эти явленія посылаются Богомъ сообразно нуждамъ и поведенію людей; одни изъ нихъ служатъ людямъ для руководства въ обыденной ихъ жизни, другія, какъ, напр., страшныя бури, засухи, землетрясенія, моровыя язвы, затменія служатъ для наказанія людей за ихъ грѣхи и для обращенія ихъ на путь истинный. Радуга существуетъ для того, чтобы вбирать въ себя излишекъ воды, чтобы не было на землѣ потопа.

На ряду съ такого рода объясненіями существовали и другія, которыя были результатомъ греческой научной мысли. По этимъ объясненіямъ, громъ и молнія происходятъ отъ столкновенія тучъ. Какъ отъ столкновенія кремня съ желѣзомъ происходятъ звукъ и искра, такъ въ большихъ размѣрахъ производятся грохотъ и огонь столкновеніемъ тучъ. Сначала бываетъ громъ, а потомъ молнія; мы же сначала видимъ молнію, а потомъ слышимъ громъ. Происходитъ это отъ того, что человѣческое зрѣніе отличается быстротою: оно видитъ то, что ему доступно, немедленно; слухъ же воспринимаетъ медленно: оттого онъ ощущаетъ громъ позже, чѣмъ зрѣніе воспринимаетъ молнію. Если при столкновеніи тучъ съ неба

отпадаетъ часть небеснаго огня, то она, соединившись съ молніею, устремляется на землю и поражаетъ человѣка, животное, дерево, вообще, на что нападетъ. Эти воззрѣнія также отвергались византійскими авторитетами.

5) **Естествовѣдѣніе**. Собственно естествознаніе, знаніе живой природы, даваемое въ настоящее время зоологіей, ботаникой, минералогіей, физіологіей и пр., въ древности состояло изъ скудныхъ правильныхъ представленій, перепутанныхъ съ значительнымъ количествомъ фантастическихъ представленій, которыми пользовались въ интересахъ религіозной символики. Таковы звѣри инорогъ, онокентавръ, птицы стратимъ, алконостъ, фениксъ, рыба ехинія, люди одноглазые, съ собачьими головами и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ представленій, объясняемыхъ вообще ограниченностью и скудостью опыта и наблюденій въ эпоху Византіи, обязаны своимъ происхожденіемъ попросту недоразумѣнію, проявленному мало образованными читателями того времени. Такъ, птица фениксъ, о которой, по мнѣнію „Палеи“, Давидъ-пророкъ говоритъ въ 91-мъ псалмѣ („праведникъ, яко фюниксъ, процвѣте“) усмотрѣна въ псалмѣ „Палеей“ только потому, что она смѣшала феникса съ финиковой пальмой, названія которыхъ по-гречески почти совпадаютъ: Давидъ уподобляетъ праведника финиковой пальмѣ. Еще замѣчательнѣе происхожденіе другой райской птицы — алконоста. Въ „Шестодневѣ“ Іоанна Экзарха говорится объ алкіонѣ (птицѣ-гальціонѣ): „алкіонъ есть морская птица“; при переписке этого мѣста сдѣлана была орѳографическая ошибка, именно оно было переписано такъ: „алкионестъ морская птица“; сочетаніе двухъ словъ „алкіонъ“ и „есть“ съ этого времени стали читать, какъ одно слово: „алконостъ“. Такъ была создана новая райская птица.

6) **Медицина**. Въ соотвѣтствіи съ такими естественно-научными познаніями находилась и медицина. Медицина исходила изъ ученія о четырехъ стихіяхъ міра. Съ этимъ ученіемъ русскіе читатели могли познакомиться, между прочимъ, по „Шестодневу“ Іоанна Экзарха (§ 105). Богъ, — говорится здѣсь, — создалъ „землю“; Богъ сказалъ: да будетъ свѣтъ, и явился „огонь“; бездна, надъ которой носилась тьма, это — „вода“, а духъ Божій, носившійся надъ водою, это — „воздухъ“. Такимъ образомъ, вселенная, созданная Богомъ, состоитъ изъ четырехъ стихій: земли, огня, воды и воздуха. По

образцу міра созданъ и человѣкъ; онъ также состоитъ изъ четырехъ стихій, соотвѣтствующихъ міровымъ стихіямъ: изъ черной желчи, которая, подобно землѣ, суха и студена; изъ красной желчи, которая, подобно огню, суха и тепла; изъ флегмы, которая, подобно водѣ, мокра и студена: изъ крови, которая, подобно воздуху, влажна и тепла. Когда эти основныя стихіи человѣческаго организма находятся въ равновѣсіи, человѣкъ здоровъ; когда равновѣсіе ихъ нарушается, человѣкъ боленъ. Возрасты и времена года сопровождаются опредѣленными болѣзнями, которыя можно предупредить соотвѣтствующей діэтой. У пятнадцатилѣтнихъ юношей умножается кровь; то же самое бываетъ для всѣхъ возрастовъ весной, потому что весна влажна и тепла. Въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ умножается красная желчь; то же самое происходитъ для всѣхъ возрастовъ лѣтомъ, потому что лѣто тепло и сухо. Въ сорокапятилѣтнемъ возрастѣ умножается въ организмѣ черная желчь; то же самое бываетъ для всѣхъ возрастовъ осенью, потому что она суха и студена. Наконецъ, въ старческомъ организмѣ умножается флегма, сирѣчь мокрота; то же самое бываетъ для всѣхъ возрастовъ зимой, потому что она мокра и студена. Съ каждымъ изъ этихъ состояній связано особое настроеніе: подвижное и легко мѣняющееся въ отрокѣ зависитъ отъ крови; бодрое и рѣшительное въ молодомъ человѣкѣ зависитъ отъ красной желчи; „благосостоятельное“ настроеніе въ зрѣломъ возрастѣ обусловливается обиліемъ черной желчи; тупое и печальное настроеніе старика зависитъ отъ обилія флегмы. На основаніи этого ученія давался рядъ предписаній врачебнаго и житейскаго характера, исполненіе которыхъ гарантировало здоровье и которыя даже заносились въ календари (см. такого рода предписанія въ „Изборникѣ Святославовѣ 1073 г.“, § 116). Западно-европейская медицина, результатъ болѣе широкаго опыта и болѣе глубокой мысли, появляется у насъ только съ Петра В. (1706).

7) **Географія.** Познанія географическія, разсѣянныя по переводнымъ книгамъ, были большею частью скудны, неопредѣленны и фантастичны. Болѣе точныя свѣдѣнія по всеобщей географіи появляются въ XVI—XVII вв. изъ западно-европейскихъ произведеній.

8) **Исторія.** Такимъ же характеромъ отличались и познанія историческія. Главными источниками въ этой отрасли были

„Палея“, византійскія хроники и „Откровеніе“ Меѳодія Патарскаго. Вмѣсто точныхъ историческихъ фактовъ въ нихъ преобладаетъ легенда. Исторія западно-европейскихъ странъ остается неизвѣстной древне-русскимъ читателямъ до XVI в.

130. Достоинства византійско-болгарской литературы. Византійско-болгарская литература, по міровоззрѣнію, лежащему въ ея основѣ, представляла для своего времени выдающееся явленіе въ исторіи культуры европейскаго человѣчества.

Во-первыхъ, византійско-болгарская литература давала подробныя свѣдѣнія космологическаго характера: въ ней отчетливо изображено происхожденіе міра и человѣка и отмѣчена извѣстная послѣдовательность въ міровомъ творчествѣ.

Во-вторыхъ, византійско-болгарская литература давала не менѣе ясныя эсхатологическія представленія (т.-е. представленія о конечной судьбѣ міра и человѣка): міръ будетъ существовать семь тысячелѣтій, по прошествіи которыхъ наступитъ его кончина: къ этому моменту участь человѣка ясно опредѣлится: всѣ умершіе воскреснутъ; праведники получатъ въ награду вѣчное блаженство, а грѣшники будутъ ввергнуты въ вѣчныя муки.

Въ-третьихъ, византійско-болгарская литература давала рядъ свѣдѣній по всевозможнымъ отраслямъ знаній, свѣдѣній, очень часто фантастическихъ, но нерѣдко и правильныхъ и этимъ выводила своихъ читателей изъ круга обычныхъ для нихъ слишкомъ элементарныхъ представленій національнаго происхожденія и пробуждала въ нихъ любознательность.

Въ-четвертыхъ, византійско-болгарская литература давала кодексъ личной морали (обузданіе личныхъ страстей, правдивость, смиреніе, любовь къ бѣднымъ и убогимъ, милостыня и т. д.) и живые образы ея осуществленія.

131. Кѣмъ и какъ читалась на Руси византійско-болгарская литература. Переводная византійско-болгарская литература читалась въ древней Руси небольшой группой грамотныхъ людей. Послѣдніе по своему происхожденію первоначально принадлежали къ нашей аристократіи, свѣтской и духовной. По мѣрѣ усложненія русской жизни кругъ читателей расширяется: мало-по-малу появляются читатели ея и среди простого народа, сначала въ городахъ и, значительно позже,— въ селахъ.

Древне-русскіе читатели далеко не все понимали въ прочитываемыхъ книгахъ: легче всего давалось имъ чтеніе повѣствовательныхъ произведеній, напр., беллетристики и апокрифовъ. Менѣе доступны были сочиненія научно-богословскаго характера, *во-первыхъ*, потому, что утонченная мысль византійца, воспитывавшаяся вѣками на отвлеченныхъ вопросахъ, оставалась совершенно недоступной едва-едва начинавшимъ мыслить русскимъ читателямъ, а *во-вторыхъ*, потому, что нѣкоторые переводы были сдѣланы не совсѣмъ вразумительно: безъ греческаго оригинала они и теперь не всегда понятны.

Переводная византійская литература находитъ себѣ болѣе широкій кругъ читателей со второй половины XV в., когда усложнившаяся русская жизнь дала русскому человѣку рядъ тяжелыхъ уроковъ и заставила его мысль работать энергичнѣе прежняго.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Національная основа древне-русской литературы.

132. Первобытное устное творчество, его характеръ и происхожденіе. Первобытное устное творчество зародилось въ патріархально-родовую эпоху (§ 8).

Первоначально произведенія устнаго творчества находились въ тѣсной связи съ музыкой и пѣніемъ. Въ то же время эти произведенія не дѣлились еще, какъ въ позднѣйшую эпоху, на прозаическія и поэтическія, на эпическія, лирическія и драматическія: древнѣйшія устныя произведенія представляли изъ себя простѣйшее сочетаніе элементовъ прозаическихъ и поэтическихъ, эпическихъ, лирическихъ и драматическихъ. Эта характерная особенность первобытнаго устнаго творчества называется *синкретизмомъ*.

Первобытное устное творчество находится въ связи съ первобытнымъ общественнымъ трудомъ и обязано своимъ происхожденіемъ характернымъ особенностямъ послѣдняго.

Физическій трудъ сводится къ произведенію простыхъ мускульныхъ движеній. Мускульное движеніе состоитъ обыкно-

венно изъ двухъ основныхъ элементовъ: одного болѣе сильнаго, а именно—поднятія, отталкиванія, растягиванія и т. д., и другого болѣе слабаго, а именно—опусканія, притягиванія, ослабленія и т. д. Правильное чередованіе обоихъ основныхъ элементовъ въ процессѣ физическаго труда, называется *рабочимъ ритмомъ*.

Рабочій ритмъ является естественнымъ свойствомъ всякаго физическаго труда и объясняется необходимостью приспособить мускульныя движенія къ дѣятельности легкихъ и сердца.

Ритмическій характеръ физическаго труда съ особенною наглядностью проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда работа совершается при помощи какого-либо инструмента, и инструментъ, соприкасаясь съ даннымъ матеріаломъ, издаетъ опредѣленный звукъ. Этотъ звукъ, производимый молотомъ кузнеца, рубанкомъ столяра, топоромъ плотника и т. д., повторяется черезъ равные промежутки времени, наглядно давая знать работнику о достаточномъ или недостаточномъ напряженіи его силы, о равномѣрности или неравномѣрности промежутковъ времени между основными элементами мускульныхъ движеній. Каждая работа сопровождается свойственными ей опредѣленными звуками. Эти звуки, соотвѣтствующіе ритму работы, образуютъ свой особый ритмъ, который называется *тоническимъ*.

Тоническій ритмъ работы имѣетъ огромное значеніе для работника, особенно, когда въ работѣ принимаетъ участіе нѣсколько человѣкъ (напр., два кузнеца, работающіе вмѣстѣ надъ однимъ и тѣмъ же кускомъ желѣза): этотъ ритмъ, отдаваясь въ ушахъ работниковъ подобно такту, усиливаетъ мускульное напряженіе, своею равномѣрностью облегчаетъ надлежащее расходованіе мускульной энергіи и пріучаетъ работниковъ приспособляться другъ къ другу. Такимъ образомъ, тоническій ритмъ, при совмѣстной работѣ, играетъ роль регулятора общаго труда.

Въ первобытное время, физическій трудъ отличался однообразіемъ и былъ крайне утомителенъ. Поэтому въ ту эпоху рабочій ритмъ игралъ несравненно большую роль, чѣмъ въ настоящее время. Это можно подтвердить примѣрами изъ жизни современныхъ дикарей.

Выколачиваніе коры колотушкой, для приготовленія матеріи, на островахъ Тонга производится такимъ образомъ: „Куски луба длиною отъ 2 до 5 футовъ и шириною отъ 1

до 3 дюймовъ кладутъ на брусъ, въ 6 футовъ длиною и 9 дюймовъ шириною, приподнятый съ каждаго конца подставками приблизительно на дюймъ высоты отъ земли, причемъ онъ нѣсколько качается. Двѣ или три женщины обыкновенно садятся у одного и того же бруска; каждая кладетъ поперекъ него свой кусокъ луба и, колотя его правой рукой, лѣвой передвигаетъ то въ ту, то въ другую сторону. Сперва примѣняется къ дѣлу нарѣзная, а потомъ гладкая сторона колотушки. Женщины обыкновенно колотятъ въ тактъ. Рано утромъ въ тихомъ воздухѣ красиво разносятся звуки выколачиванія коры, причемъ одни тоны слышатся вблизи, другіе теряются вдали; одни быстро, другіе медленно слѣдуютъ другъ за другомъ, но всѣ чрезвычайно равномѣрно. Если у работницы устала одна рука, колотушка быстро переходитъ въ другую, и, такимъ образомъ, тактъ не нарушается".

Вотъ, какъ производится лущеніе зерна у восточно-африканскихъ народовъ: „Зерно толкутъ деревяннымъ пестомъ длиною въ шесть футовъ, толщиною около четырехъ дюймовъ, въ большой деревянной ступѣ, похожей на древне-египетскія. Толченіе производится двумя или тремя женщинами въ одной ступѣ. Каждая женщина, прежде чѣмъ опустить пестъ въ ступу, выпрямляется съ силою, чтобы сообщить больше твердости удару, и всѣ вмѣстѣ съ такою точностью выдерживаютъ тактъ, что два песта никогда не падаютъ разомъ въ ступу. Это равномѣрное „тудъ-тудъ-тудъ" и женщины, занятыя оживленной работой,— явленіе неразлучное съ каждой исправной африканской деревней. Съ помощью небольшого количества воды дѣйствіемъ ударовъ отдѣляется твердая наружная шелуха или кожура зерна, и оно готово для ручной мельницы".

Вспахиваніе земли производится такъ: „Въ Харрарѣ галласы, вмѣстѣ съ работою плугомъ, разрыхляютъ землю такимъ образомъ, что сперва вскапываютъ ее деревянными палками въ два метра длиною, на верхнемъ концѣ которыхъ прикрѣпляютъ для тяжести кусокъ желѣза или камня, и затѣмъ раздробляютъ глыбы мотыкой или еще болѣе разрыхляютъ почву деревянными лопатами. Работа происходитъ такъ, что четыре человѣка становятся въ рядъ и съ равномѣрнымъ тактомъ разрыхляютъ мотыкою землю, пока не будетъ вскопано все поле".

Рабочій ритмъ настолько завладѣваетъ душою дикаря, что даже переносится отъ ежедневной работы въ другія области

его жизни. О неграхъ замѣчено слѣдующее: „Что они ни дѣлаютъ,—ходятъ ли, танцуютъ ли, поютъ, играютъ или работаютъ,—они все дѣлаютъ въ тактъ, который самые глупые негры, всѣ безъ различія, соблюдаютъ съ большей точностью, чѣмъ наши солдаты и музыканты послѣ долгаго обученія и упражненія".

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ рабочаго ритма создается наклонность къ ритмичности во всѣхъ областяхъ жизни.

Рабочій ритмъ послужилъ исходнымъ пунктомъ для возникновенія пѣнія, музыки и устныхъ произведеній. Произошло это такимъ образомъ.

Нѣкоторые виды физическаго труда не сопровождаются тоническимъ ритмомъ, или же ихъ тонический ритмъ не достаточно ярокъ. Таковы, напр., сѣяніе, жатва серпами, ручное шитье и т. д. И у первобытныхъ людей было не мало такихъ отраслей труда. Когда приходилось заниматься такого рода трудомъ, первобытный человѣкъ, привыкшій уже къ тому, что цѣлый рядъ работъ сопровождается тоническимъ ритмомъ, сталъ восполнять недостающій ритмъ своимъ голосомъ, издавая соотвѣтствующія восклицанія или крики (въ родѣ, напр., „Неіа, Неіа" у индѣйцевъ въ британской Гвинеѣ, „Ае-о, Ае-о" у бушменовъ и т. д.), или какимъ-либо инструментомъ, издающимъ звуки, какъ, напр., барабаномъ, флейтой и т. д.

Изъ восклицаній и криковъ, восполнявшихъ отсутствовавшій тонический ритмъ, развилась пѣсня, которая въ началѣ представляла простой напѣвъ безъ словъ или наборъ безсмысленныхъ звуковъ, или даже наборъ первыхъ попавшихъ словъ, суть которыхъ заключалась въ выраженіи тоническаго ритма данной работы. Такова, напр., слѣдующая пѣсня индѣйскихъ лодочниковъ: „Ah yah, ah yah, ah ya, ya ya, ah ya, ya ya, ah ya, ya ya, ya ya, ya ya, ya ya".

Съ теченіемъ времени содержаніе пѣсенъ становится осмысленнѣе и состоитъ въ описаніи совершаемой работы или въ повѣствованіи о происшедшемъ событіи.

Австралійскій охотникъ, сидя вечеромъ у костра, поетъ такую пѣсню: „Кенгуру бѣжалъ быстро, а я еще быстрѣе. Кенгуру былъ жиренъ, я его съѣлъ. Кенгуру, кенгуру!"

Австралійскіе воины, отправляясь въ походъ на врага, поютъ: „Колите его въ лобъ, колите его въ грудь, колите его въ печень, колите его въ сердце, колите его въ бока, колите

его въ плечи, колите его въ животъ, колите его въ ребра!“...

Австралійскіе охотники изъ племени нарриньери, возвращаясь съ удачной охоты, поютъ: „Нарриньери идутъ, нарриньери идутъ! Сейчасъ они придутъ. Всѣ несутъ кенгуру и идутъ быстро. Нарриньери идутъ!“

Ботокуды поютъ такую пѣсню: „Нынче у насъ была славная охота: мы убили звѣря. Теперь у насъ есть что ѣсть: мясо вкусно, водка вкусна“.

Англійскій путешественникъ Мунго-Паркъ, разсказывая о гостепріимствѣ, оказанномъ ему одной негритянкой, передаетъ пѣсню, которую пѣли за пряжей дѣвушки въ домѣ негритянки. Пѣли о своемъ гостѣ. Одна изъ дѣвушекъ пѣла: „Дули вѣтры и шелъ дождь. Блѣдный бѣлый человѣкъ, слабый и усталый, явился и сѣлъ подъ нашимъ деревомъ. Нѣтъ у него матери, чтобы подать ему молока; нѣтъ жены, которая намолола бы ему муки“. Хоръ дѣвушекъ отвѣчалъ: „Приголубимъ бѣлаго человѣка: нѣтъ у него матери, чтобы подать ему молока; нѣтъ жены, которая смолола бы ему муки“.

При погребеніи молодого туземца австралійскія женщины, раздѣлившись на два хора — одинъ изъ молодыхъ женщинъ, другой изъ старыхъ,—поютъ такъ. Хоръ изъ молодыхъ женщинъ: „Моего молодого брата“. Хоръ старыхъ: „Моего молодого сына“. Оба хора вмѣстѣ: „Никогда больше я не увижу, никогда больше я не увижу!“

Такія пѣсни составлялись во множествѣ на отдѣльные случаи, и большинство ихъ сейчасъ же послѣ этого забывались и замѣнялись новыми.

По мѣрѣ того, какъ человѣческое общество развивалось, изъ множества первобытныхъ пѣсенъ стали выдѣляться такія, которыя связаны были съ опредѣленными устойчивыми моментами въ общественномъ трудѣ или въ жизни человѣка вообще. Это были пѣсни, которыми сопровождались общественная охота на крупнаго звѣря данной мѣстности, главные моменты въ процессѣ земледѣльческаго труда и такіе моменты въ жизни руководителей общества, какъ вступленіе въ бракъ и похороны. Такъ создались группы пѣсенъ, которыя пріобрѣли устойчивость и стали передаваться въ болѣе или менѣе неизмѣнномъ видѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Первобытная пѣсня, обязанная своимъ происхожденіемъ

тоническому ритму физической работы и сопровождаемая музыкой, съ теченіемъ времени отдѣляется отъ работы и поется внѣ рабочаго времени; но ея связь съ работой остается: она выражается въ играхъ, пляскахъ (танцахъ) и обрядахъ. Игра, пляска и обрядъ, сопровождаемые пѣсней, представляютъ изъ себя символическое изображеніе той или другой отрасли труда, какъ, напр., охоты, войны, жатвы и т. д. Это видно по тѣмъ драмамъ-пантомимамъ, которыя встрѣчаются у дикихъ народовъ. Изъ такихъ драмъ-пантомимъ особенно характерна та, которую европейцы наблюдали у австралійскихъ охотниковъ-дикарей.

Дѣйствіе происходило въ лунную ночь на лѣсной полянѣ, освѣщаемой громаднымъ костромъ, въ присутствіи 500 туземцевъ-зрителей и при участіи оркестра изъ 100 женщинъ. Актеры-туземцы жестами изображали дѣйствіе, а руководитель пантомимы сопровождалъ пѣніемъ отдѣльныя сцены.

„Первая сцена изображала стадо рогатаго скота, вышедшее изъ лѣса на лугъ пастись. Черные актеры раскрасились подходящимъ образомъ. Подражаніе было необыкновенно искусное, движенія и позы каждаго отдѣльнаго животнаго были до смѣшного вѣрны натурѣ: одни лежали, жуя жвачку, другія стояли и чесались рогами и задними ногами или лизали другъ друга и своихъ телятъ, нѣкоторыя дружелюбно терлись головами. Послѣ этой буколической картины, продолжавшейся нѣсколько времени, началась вторая сцена. Показалась толпа туземцевъ, которые стали подкрадываться къ стаду, соблюдая всѣ обычныя въ такихъ случаяхъ предосторожности. Наконецъ, они подобрались, и двѣ коровы пали, пораженныя копьями,—къ великому удовольствію зрителей, которые обнаружили живѣйшую радость. Охотники мимически изобразили операцію снятія шкуры, свѣжеванія и раздѣлки добычи,—все это съ тягостной близостью къ правдѣ. Третья сцена началась съ того, что въ лѣсу послышался лошадиный топотъ, и скоро появился отрядъ бѣлыхъ „верхами“. Лица актеровъ были раскрашены въ свѣтло-коричневый цвѣтъ, а туловища—въ синій или красный, изображавшій цвѣтныя рубашки; ноги ниже колѣнъ за неимѣніемъ кожаной обуви были оплетены прутьями. Бѣлые помчались прямо на чернокожихъ, открыли огонь и оттѣснили ихъ. Но послѣдніе быстро снова сомкнулись, и завязалась отчаянная схватка, въ которой черные стали одолѣвать бѣлыхъ. Бѣлые скусывали патроны, накладывали пистоны, — однимъ словомъ,

совершенно точно передавали всѣ пріемы заряжанія и стрѣльбы изъ ружей. Когда падалъ туземецъ, зрители издавали стонъ, если же летѣлъ ничкомъ въ траву бѣлый, кругомъ раздавался громкій крикъ торжества. Въ концѣ концовъ бѣлые были позорно обращены въ бѣгство при необузданномъ восторгѣ туземцевъ, которые были настолько возбуждены, что примѣрное сраженіе было на волосъ отъ того, чтобы перейти въ кровавую дѣйствительность".

Съ возникновеніемъ въ патріархально-родовомъ періодѣ религіи, нѣкоторые игры, пляски и обряды, тѣсно связанные съ культомъ предковъ и силъ природы, пріобрѣтаютъ религіозное значеніе.

Отдѣлившись отъ труда, первобытная пѣсня попала въ условія, благопріятныя для самостоятельнаго развитія: изъ нея постепенно развиваются отдѣльные поэтическіе роды, каковы лирика, эпосъ и драма, а затѣмъ и отдѣльные виды послѣднихъ.

Авторами устныхъ поэтическихъ произведеній въ первобытную эпоху были не лица, одаренныя поэтическими способностями — для созданія первобытной пѣсни не требовалось ни малѣйшаго дарованія,—а лица, совершавшія ту или другую работу. Вслѣдствіе раздѣленія труда въ патріархально-родовую эпоху, участіе отдѣльныхъ лицъ въ созданіи первобытныхъ пѣсенъ было не одинаково: главная и активная роль въ ихъ созданіи принадлежала руководителю общественнаго труда — патріарху-старѣйшинѣ; второстепенная и пассивная роль принадлежала подчиненной части патріархально родового общества, которая лишь повторяла за своимъ руководителемъ напѣвы и слова пѣсенъ.

Съ увеличеніемъ патріархально-родового общества изъ группы патріарховъ-старѣйшинъ, постепенно выдѣляются жрецы, волхвы и пѣвцы, спеціальность которыхъ состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобы создавать новыя устныя произведенія и хранить древнія.

133. Устное творчество древне-русскаго происхожденія. Въ послѣдніе два вѣка съ устъ русскаго простонародія было записано любителями и учеными множество заговоровъ, лирическихъ пѣсенъ, сказокъ, загадокъ, пословицъ и поговорокъ. Всѣ эти произведенія относятся къ самымъ разнообразнымъ эпохамъ русской жизни и исторіи. Среди нихъ

дошли до насъ, въ измѣненномъ уже видѣ, и такія, которыя сложились на границѣ между патріархально-родовой эпохой и эпохой государственной. Это — произведенія древне-русскаго происхожденія, зародившіяся среди русской патріархально-родовой аристократіи. Въ нихъ сохранились черты быта и міровоззрѣнія начальнаго момента въ существованіи русскаго государства. На позднѣйшихъ ступеняхъ развитія русской государственности произведенія древне-русскаго устнаго творчества переходятъ изъ высшихъ классовъ въ среду низшихъ и здѣсь пріобрѣтаютъ простонародный отпечатокъ.

Произведенія древне-русскаго устнаго творчества распадаются на слѣдующія группы: 1) заговоры, 2) лирическія пѣсни, 3) сказки, 4) загадки, 5) пословицы и 6) поговорки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Заговоры.

134. Заговоры. Заговорами (заклинаніями, заклятіями) называются краткія устныя произведенія, содержаніе которыхъ заключаетъ въ себѣ магическую силу: произнесенныя въ сопровожденіи особыхъ дѣйствій и пріемовъ, они привлекаютъ къ произносящему ихъ лицу благотворное дѣйствіе силъ природы или отвращаютъ отъ него ихъ вредное дѣйствіе.

Заговоры хранятся въ настоящее время среди простого народа знахарями, колдунами, знахарками, которые являются наслѣдниками древняго класса людей—кудесниковъ, волхвовъ, вѣдуновъ, чародѣевъ и т. д., выдѣлившихся, въ свою очередь, изъ патріархально-родовой аристократіи, руководительницы общества и носительницы древняго опыта. Виды заговора — клятвы и присяги—до сихъ поръ въ ходу даже въ образованныхъ классахъ населенія.

Заговоры сложились въ патріархально-родовую эпоху (§ 8), когда человѣкъ представлялъ себѣ силы природы, какъ дѣйствія живыхъ сверхъестественныхъ существъ. Древній человѣкъ вѣрилъ, что на эти существа можно, въ цѣляхъ своего благополучія, оказать, какъ на живыхъ людей, воздѣйствіе жертвами, мольбами и вообще словами. Заговоры очень близки къ молитвамъ, съ которыми язычникъ обращался къ богамъ, предкамъ-

организаторамъ рода и всего міра. Но между молитвой и заговоромъ есть существенное различіе: молитва есть выраженіе такого желанія, которое богъ можетъ удовлетворить и не удовлетворить; заговоръ—это такое обращеніе къ богамъ, которое основывается на убѣжденіи въ возможности внушить богу то или другое пожеланіе такъ, чтобы богъ, какъ загипнотизированный, не въ силахъ былъ не выполнить его.

Заговоры въ древности имѣли большое значеніе въ техникѣ общественнаго труда: это были особаго рода, сверхъестественные, техническіе пріемы, способные придать тому или другому виду труда исключительную успѣшность или производительность. Плохо зная еще законы природы, не имѣя еще могучихъ орудій для воздѣйствія на нее, древній человѣкъ прибѣгалъ въ борьбѣ за существованіе къ помощи заговоровъ: всякаго рода затрудненія, возникавшія у него при столкновеніи съ силами природы, если онъ не умѣлъ непосредственно управлять ими, онъ устранялъ при помощи заговора. Болѣзни, напр., онъ объяснялъ себѣ дѣйствіемъ злыхъ боговъ и лѣчилъ ихъ на этомъ основаніи заговорами, въ родѣ слѣдующаго: „Матушка, заря вечерняя, утренняя, полунощная! Какъ вы тихо потухаете-поблекаете, такъ бы и болѣзни и скорби въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ) потухли и поблекли, денныя, ночныя и полуночныя“.

Особенно важную роль заговоры играли въ хозяйственно-промышленной дѣятельности древняго человѣка: сюда относятся заговоры, устраняющія затрудненія въ звѣроловствѣ, скотоводствѣ, пчеловодствѣ, земледѣліи и торговлѣ. Цѣлый рядъ заговоровъ относится къ явленіямъ общественной и нравственной жизни, напр., къ войнѣ, поединку, суду, любви и т. д.

Примѣры:

„Ясной зорей одѣнусь, краснымъ солнцемъ опояшусь, частыми звѣздами опотычусь; пойду я, рабъ (такой-то), въ чистое поле, а въ томъ чистомъ полѣ лежитъ бѣлъ-горючъ камень; стану я рабъ (такой-то) къ востоку лицомъ, къ западу хребтомъ, на всѣ четыре стороны поклонюсь. Пособите и помогите вы мнѣ, рабу, за охотою ходити, бѣлыхъ и сѣрыхъ зайцевъ ловити, куницъ и лисицъ, и сѣрыхъ волковъ, дорогихъ звѣрей-рысей загоняти и залучати, чтобы бѣгали по своей ступи и по своей тропѣ безопасно, на сторону не отмятывались и взадъ не ворочались“...

При сажаніи роя пчелъ въ улей говорится: „Не я тебя сажаю: сажаютъ тебя бѣлыя звѣзды, рогоногій мѣсяцъ, красное солнышко, сажаютъ тебя и укорачиваютъ“ (т.-е. укрощаютъ).

„Гой еси ты, зоря утренняя, и ты, зоря вечерняя! Пади ты на мою рожь, чтобы она росла, какъ лѣсъ высока, какъ дубы толста“.

„Гой еси, солнце жаркое! Не пали и не пожигай ты овощъ и хлѣбъ мой, а жги и пали куколь и полынь-траву“.

„Какъ падаютъ капли дождя и не пробиваютъ текучей воды, а пропадаютъ въ ней, такъ пусть пули не пробиваютъ меня и коня моего“.

„На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ живутъ три брата, три вѣтра — одинъ сѣверный, другой восточный, третій западный. Навейте, нанесите вы, вѣтры, печаль-сухоту рабѣ Божіей (такой-то), чтобы она безъ меня дня не дневала, часа не часовала“.

Заговоръ въ наиболѣе полномъ видѣ состоитъ изъ пяти частей: 1) изъ вступленія, въ которомъ изображается рядъ дѣйствій, будто бы совершаемыхъ заговаривающимъ лицомъ и въ древности, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ совершавшихся („встану я, рабъ (такой-то), благословясь и перекрестясь, чистой водой умоюсь, бранымъ полотенцемъ утрусь... пойду въ чистое поле, въ твердые заводы, во темные лѣса, подъ ясную зорю, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ чистыя звѣзды“), 2) изъ выраженія желанія, иногда пространно, иногда кратко („сними мою зубную боль, унеси боль подъ облака“), 3) изъ уподобленія, или символа, т.-е. сравненія желаемаго явленія съ какимъ либо явленіемъ въ природѣ („въ печи огонь горитъ и тлѣютъ дрова, такъ бы тлѣло и горѣло сердце у такого-то“), 4) изъ обращенія къ стихіямъ — солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, зарѣ, вѣтрамъ, огню, грому, дождю, водѣ — съ просьбой о помощи („мѣсяцъ, ты, мѣсяцъ... сойди мѣсяцъ, сними мою зубную боль...“), 5) изъ замыканія, или закрѣпленія заговора („замыкаю свои слова замками, бросаю ключи подъ бѣлъ-горючъ камень-алатырь; а какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса мѣтки“, „будьте, мои слова, крѣпки и лѣпки, тверже камня, лѣпче клею и сѣры, сольчѣй соли, вострѣй меча-самосѣка, крѣпче булата“).

Только немногіе заговоры имѣютъ всѣ пять частей; боль-

шая часть ихъ обыкновенно состоитъ изъ двухъ частей—второй и третьей (изъ выраженія желанія и уподобленія) или второй и четвертой (изъ выраженія желанія и обращенія къ стихіи).

Заговоры, возникнувъ въ глубокой языческой древности, подверглись затѣмъ историческимъ вліяніямъ. Поэтому заговоры можно дѣлить на слѣдующія группы: 1) заговоры чисто языческіе и 2) заговоры, подвергшіеся вліянію христіанства, или возникшіе подъ вліяніемъ христіанства.

1) Языческіе заговоры. Чисто языческихъ заговоровъ не дошло до нашего времени; но объ нихъ мы можемъ судить по сохранившимся въ нашихъ лѣтописяхъ клятвамъ-заклинаніямъ нашихъ предковъ-язычниковъ.

Въ договорѣ Игоря съ греками (944) такъ передается клятва-заклинаніе дружинниковъ-язычниковъ: „И елико ихъ есть не хрещено, да не имутъ помощи отъ Бога ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего и да будуть раби въ весь вѣкъ в будущий“.

Въ договорѣ Святослава (971) находится такая клятва-заклинаніе: „Да имѣемъ клятву отъ Бога, въ негоже вѣруемъ, в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти (т.-е. пусть уподобимся по цвѣту золоту, пусть пожелтѣемъ, какъ страдающіе желтухой), яко золото, и своимъ оружьемъ да иссѣчени будемъ“.

2) Заговоры съ христіанской окраской. Заговоры, сохранившіеся до сихъ поръ въ устахъ простонародья, или въ очень ранія времена записанные и извѣстные подъ именемъ „ложныхъ молитвъ“, представляютъ уже результатъ смѣшенія языческихъ элементовъ и христіанскихъ воззрѣній. Въ нихъ, на ряду съ обращеніемъ къ стихіямъ или явленіямъ природы, встрѣчаются очень часто обращенія къ христіанскимъ святымъ, которые считаются защитниками отъ разныхъ бѣдствій и болѣзней и на которыхъ, повидимому, были перенесены черты языческихъ божествъ. Такъ, св. Никита, еп. новгородскій, считается защитникомъ отъ пожара и молніи, св. Власій и св. Георгій — покровителями скота, св. муч. Кононъ — хранителемъ дѣтей отъ оспы, св. Сисиній—защитникомъ отъ лихорадки, священномученикъ Антипа—отъ зубной боли, св. Зосима—покровителемъ пчелъ и т. д. Многіе заговоры или ложныя молитвы носятъ имена этихъ святыхъ. Вотъ, напр., заговоръ противъ зубной

боли: „Молитва священномученика Антипы зубная. Положить 12 поклоновъ. Господи помилуй 40 разъ и положить челюсть на камень. Говори слѣдующую молитву: Радуйся, стѣно, и кореніе ея. Измій, Господи, болѣзнь отъ моихъ челюстей и зубовъ моихъ. Да не обрушатся стѣною въ вѣкъ, Христе Боже, и даждь помощь, Христе, и здравіе, исцѣленіе главѣ и челюстемь рабу твоему імя рекъ (такому-то) молитвами святаго священномученика Антипы и св. Богородицы и святыхъ безмездникъ Козмы и Даміана и всѣхъ святыхъ твоихъ нынѣ и присно и в вѣкы вѣкомь. Аминь".

Среди заговоровъ-ложныхъ молитвъ есть такіе, на содержаніе которыхъ отразилось вліяніе апокрифовъ, а черезъ апокрифы вліянія восточныя вообще. Въ этомъ отношеніи очень любопытенъ заговоръ противъ лихорадки („трясавицы"). Содержаніе его таково.

На берегу моря стоитъ каменный столпъ, а въ столпѣ сидитъ св. Сисиній и видитъ, что море взволновалось до облаковъ и изъ воды выходятъ на берегъ „двѣнадцать бабъ простоволосыхъ". Это — трясавицы, дочери Ирода, явившіяся для того, чтобы мучить людей. Св. Сисиній молится Богу, чтобы Онъ избавилъ отъ нихъ людей, и Богъ посылаетъ ангеловъ Сихайло и Аноса и четырехъ евангелистовъ, которые начинаютъ бить ихъ „дубцами" желѣзными и наносятъ имъ по три тысячи ранъ въ день. Трясавицы молятъ о пощадѣ, обѣщая не мучить людей. Ангелы спрашиваютъ у дочерей Ирода ихъ имена. Имена эти — Трясея, Огнея, Ледея, Ломея, Пухлея, Желтея, Глядѣя и т. д.—оказываются названіями болѣзненныхъ симптомовъ лихорадки. О двѣнадцатой трясавицѣ, Невѣѣ, говорится, что она — самая старая между сестрами, что она — та „трясавица", которая отсѣкла голову Іоанну Крестителю, что она проклятѣе всѣхъ: кого она поймаетъ, тотъ не можетъ остаться въ живыхъ. Послѣ перечня именъ трясавицъ приводится молитва для избавленія отъ лихорадки: „Заклинаю васъ св. великимъ апостоломъ Сисиніемъ и святыми евангелистами Лукою, Маркомъ, Матѳеемъ, Іоанномъ. Побѣгите отъ раба Божія (такого-то) за три дни, за три поприща; а если не побѣжите отъ раба Божія (такого-то), и я призову на васъ великаго апостола Сисинія и святыхъ Сихайло и Аноса и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Матѳея, Іоанна, и учнутъ васъ мучить, даючи вамъ по четыре тысячи ранъ на

день". Прочитавъ молитву, священникъ долженъ дать больному съ креста святую воду, въ сопровожденіи слѣдующихъ словъ: „крестъ, всей вселенней хранитель, всѣмъ церквамъ красота, крестъ, апостоламъ похвала" и т. д. Въ концѣ заговора выражается убѣжденіе, что всякій, выпившій эту воду съ вѣрой, „будетъ здоровъ и исцѣленъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ".

Заговоръ противъ лихорадки находится въ связи съ однимъ разсказомъ, который имѣется въ греческой и болгарской письменности. Содержаніе его таково.

Въ Аравіи жила женщина, по имени Мелитина. Всякій разъ, когда у нея рождался ребенокъ, его сейчасъ же послѣ рожденія похищало страшное чудовище Гилло. Такъ у ней было похищено подъ рядъ семь дѣтей. Тогда Мелитина скрылась въ одну башню, гдѣ и родила двухъ мальчиковъ-близнецовъ. Однажды братья Мелитины свв. Сисиній и Сисинодоръ, возвращаясь съ военной службы, проходили мимо этой башни. Они рѣшили посѣтить сестру. Сестра, опасаясь появленія Гилло, долго не впускаетъ ихъ, но, наконецъ, согласилась. Опасенія сестры оправдались: Гилло, пролѣзши въ горло лошади, проникаетъ незамѣтно въ башню и похищаетъ дѣтей. Свв. Сисиній и Сисинодоръ обращаются съ мольбой къ Богу, садятся на крылатыхъ коней и летятъ на гору Ливанскую. По дорогѣ они разспрашиваютъ о мѣстопребываніи Гилло у вербы и терновника; не получивъ отъ нихъ отвѣта, святые проклинаютъ ихъ, и съ этого времени верба стала расти криво, а терновникъ сдѣлался колючимъ. У оливы святые узнали, что чудовище находится на берегу моря. И дѣйствительно, здѣсь они увидѣли Гилло. Сисиній и Сисинодоръ бросаются на него; Гилло превращается въ рыбу, а святые — въ рыболововъ; рыба превращается въ ласточку, а святые — въ соколовъ; ласточка превращается въ волосъ царской бороды, Сисиній и Сисинодоръ просятъ у царя позволенія вырвать волосъ. Царь позволяетъ, и волосъ превращается въ женщину, которую святые принимаются бить. Она проситъ отпустить ее, обѣщая при этомъ не трогать людей, если святые выведутъ на ладони материнское молоко. Святые совершаютъ это чудо. Тогда Гилло сообщаетъ имъ, что въ домъ человѣка, который напишетъ его $12^1/_2$ именъ, оно не можетъ

проникнуть. Въ концѣ разсказа помѣщена молитва Спасителю, Божіей Матери и свв. Сисинію и Сисинодору.

Таково содержаніе разсказа, послужившаго матеріаломъ для созданія заговора. Превратившись въ заговоръ, разсказъ подвергся сокращенію и измѣненіямъ. $12^1/_2$ именъ Гилло приняты были за имена отдѣльныхъ лицъ и превратились въ 12 дочерей Ирода. Башня сестры свв. Сисинія и Сисинодора превратилась въ каменный столпъ, въ которомъ живетъ самъ св. Сисиній и т. д.

Исторія о свв. Сисиніи и Сисинодорѣ, не была плодомъ творчества грековъ: въ еврейской кабаллистической литературѣ есть легенды, напоминающія эту исторію. Число 12, играющее въ разсказѣ роль, показываетъ, что разсказъ о Гилло находится въ связи съ манихейской ересью, возникшей подъ вліяніемъ иранскаго дуализма, миѳологія котораго признаетъ существованіе 12 духовъ. Существованіе 12 духовъ признавалось и нѣкоторыми манихейскими ересями. Манихейскія воззрѣнія, въ свою очередь, отразились на ереси богомильской, возникшей въ Болгаріи (§ 27). Произведенія, носившія отпечатокъ этой ереси, изъ Болгаріи попали къ намъ. Молитва св. Сисинія у насъ прямо приписывается болгарскому попу Іереміи, извѣстному распространителю богомильской ереси и апокрифическихъ сочиненій въ Болгаріи.

Таковъ длинный путь, установленный наукой для заговора отъ лихорадки: этотъ заговоръ представляетъ результатъ взаимодѣйствія древне-иранскихъ воззрѣній и легендъ христіанскаго происхожденія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Лирическія пѣсни.

135. Устная лирика и ея дѣленіе. Лирическими пѣснями называются краткія стихотворныя произведенія, въ которыхъ изображается какой-либо отдѣльный моментъ, выхваченный авторомъ изъ природы или изъ жизни человѣка, внутренней и внѣшней.

Древнѣйшая устная лирика изображала основные моменты, связанные съ выдающимися общественными праздниками или

съ такими событіями въ жизни руководителей общества, какъ бракъ или смерть. Поэтому устная лирика распадается на два главные разряда: 1) праздничныя пѣсни и 2) бытовыя пѣсни.

Праздничныя пѣсни.

136. Праздничныя пѣсни. Праздничными пѣснями называются такія устныя произведенія лирическаго характера, которыя въ сопровожденіи особыхъ обрядовъ и игръ пѣлись во время древнихъ праздниковъ.

137. Происхожденіе древне-русскихъ праздниковъ. Древне-русскія празднества, сохранившіяся до сихъ поръ среди простонародія, а нѣкоторыя изъ нихъ и среди образованнаго класса населенія, произошли изъ сліянія національныхъ русскихъ празднествъ языческой эпохи съ празднествами христіанскими.

Національныя русскія празднества совершаемы были въ честь Дажьбога, бога солнца, Волоса, бога покровителя скота и Перуна, бога грома и молніи. Особенно много праздниковъ было въ честь Дажьбога.

Дажьбогъ, этотъ могучій организаторъ жизни на землѣ, производитель всякаго рода богатствъ — растительныхъ и животныхъ, богъ, отъ котораго зависѣло и благосостояніе человѣка въ области звѣроловства, скотоводства и земледѣлія, пользовался особымъ вниманіемъ русскаго славянина.

Въ годовой дѣятельности Дажьбога замѣчалась извѣстная періодичность: Дажьбогъ то обнаруживаетъ чрезвычайную силу свѣта и тепла (лѣтомъ), при которой растительный и животный міръ достигаютъ особенно высокой степени развитія, то переживаетъ необыкновенный упадокъ своихъ силъ (зимой), когда вся природа замираетъ. Не зная истинной причины смѣны временъ года, русскій славянинъ-язычникъ объяснялъ себѣ ее анимистически (§ 8): у Дажьбога, бога свѣта и тепла, есть врагъ—богъ тьмы и холода; между обоими богами происходитъ борьба, въ которой періодически одерживаетъ верхъ то одинъ богъ, то другой. Въ этой борьбѣ особенное вниманіе русскаго славянина-язычника привлекали два основныхъ момента: зимнее солнцестояніе (11 декабря, по новому стилю — 24 декабря) и лѣтнее солнцестояніе (10 іюня, по новому стилю — 23 іюня). Зимнимъ солнцестояніемъ назы-

вается моментъ, состоящій изъ самой длинной ночи и самаго короткаго дня въ году; лѣтнимъ солнцестояніемъ, наоборотъ, называется моментъ, состоящій изъ самаго длиннаго дня и самой короткой ночи въ году. Зимнее солнцестояніе было моментомъ наивысшаго торжества бога мрака, холода, зла. На слѣдующій день, 12 декабря (по новому стилю—25 декабря), день увеличивался на одну минуту, а ночь сокращалась: это—поворотъ солнца на лѣто, начало усиленія солнечной энергіи, признакъ будущаго торжества Дажьбога надъ богомъ тьмы. Лѣтнее солнцестояніе—это моментъ наивысшаго развитія силъ Дажьбога, его торжества надъ богомъ тьмы. Слѣдующій день, 11 іюня (24-ое по новому стилю)—лѣтній солноворотъ, начало упадка силъ Дажьбога.

Около двухъ моментовъ въ жизни Дажьбога, момента его рожденія и момента наивысшаго развитія его творческихъ силъ, группировался рядъ праздниковъ, сопровождавшихся обрядами, заклинаніями, играми и пѣснями. Съ распространеніемъ у насъ христіанства эти празднества были пріурочены къ христіанскимъ праздникамъ.

Христіанскія празднества, наканунѣ своего появленія на Руси, представляли сами по себѣ уже явленіе очень сложное.

Христіанство, распространяясь въ предѣлахъ греко-римскаго міра, встрѣтилось съ сильно развитымъ языческимъ культомъ, который имѣлъ свои празднества, складывавшіяся многіе вѣка. Христіанство не могло побѣдить этого культа и вынуждено было, приспособляясь къ греко-римскому быту (§ 23), включить въ свои празднества элементы греко-римскаго язычества.

У грековъ и римлянъ, въ языческую пору ихъ существованія, былъ рядъ праздниковъ отъ 24 ноября до 5 января: 1) Брумаліи, 2) Сатурналіи, 3) Воты, и 4) январскія Календы.

1) Брумаліи (отъ 24-го ноября по 17-ое декабря) въ языческую пору посвящались богу веселья Діонису. Полныя ничѣмъ не стѣсняемаго веселья, эти празднества сопровождались переряживаніемъ, маскированіемъ и неистовыми плясками, символически воспроизводившими различные моменты при сборѣ винограда и приготовленіи вина.

2) Сатурналіи (отъ 17-го декабря по 23-ье декабря), совершавшіяся въ честь бога плодородія Сатурна, сопровожда-

лись гладіаторскими играми, охотами въ циркѣ, закланіемъ поросенка, взаимными угощеніями и подарками.

3) Воты (отъ 24-го декабря по 31-ое декабря) состояли въ принесеніи жертвъ и въ вознесеніи богамъ обѣтовъ за благополучіе государства.

4) Календы (отъ 1-го января по 5-ое января) были праздникомъ всеобщей радости, въ которой объединялись люди всѣхъ сословій, возрастовъ и положеній. Они сопровождались пиршествами и попойками. Вѣрили, что особенная веселость въ этотъ праздникъ обезпечиваетъ веселую счастливую жизнь на весь годъ. Наканунѣ перваго дня Календъ по домамъ ходила толпа молодежи съ пляской и пѣніемъ, привѣтствовала хозяевъ и получала подарки, а въ первый день праздника ходили съ этою же цѣлью дѣти; кромѣ того, наканунѣ перваго января занимались гаданіями.

Перечисленныя празднества открыто совершались въ Римской имперіи и послѣ признанія христіанства государственной религіей, несмотря на то, что Брумаліи и Сатурналіи падали на постъ, установленный христіанскою церковью. Въ VI в. Юстиніанъ запретилъ ихъ, а вмѣсто нихъ расширилъ празднованіе Календъ—съ 25 декабря по 5 января. Съ этого времени на январскія Календы перенесены были обычаи и обряды отмѣненныхъ праздниковъ.

Такъ сложился христіанскій праздникъ „Святки“, въ которомъ слились элементы языческіе съ христіанскимъ празднованіемъ Рождества Христова (25 декабря) и Богоявленія (6 января).

Весною, въ маѣ мѣсяцѣ, греко-римское населеніе справляло другой праздникъ—Розаріи. Въ этотъ праздникъ совершались поминки по умершимъ, дома украшались зеленью, на голову одѣвались вѣнки изъ розъ. Въ христіанскій періодъ праздникъ Розаріи былъ пріуроченъ къ Троицыну дню. И здѣсь произошло сліяніе элементовъ греко-римскаго язычества съ христіанскими представленіями.

Попавши съ принятіемъ христіанства къ русскимъ славянамъ, греко-римскія языческо-христіанскія празднества нашли въ національныхъ русскихъ празднествахъ нѣчто родственное и слились съ ними въ одно цѣлое, въ которомъ съ трудомъ можно различить, гдѣ кончается русское язычество и гдѣ начинается греко-римское. Такъ образовались слѣдующіе русскіе

праздники: 1) Коляда, 2) Масленица, 3) Встрѣча весны, Красная горка, Радуница, Егорьевъ день, 4) Русальная недѣля, Семикъ и Троица, 5) Купала, Ярило (Кострома), 6) праздники жатвы.

138. Коляда. Празднованіе зимняго солноворота (12 декабря), подъ именемъ Коляды, былъ пріуроченъ къ Святкамъ, отъ 24 декабря по 6 января.

Слова Коляда объясняли различно: одни производили его отъ слова „коло"—колесо и приводили его въ связь съ фигурой солнца; другіе—отъ слова „колода", подразумѣвая зажженный пень, символизирующій солнечный свѣтъ; третьи—отъ сочетанія словъ „кол"—„ѣд", т.-е. кругомъ ѣдущій, четвертые отъ сочетанія словъ „кол"—„ѣда"—круговое угощеніе. Всѣ эти толкованія имѣли цѣлью сблизить слово Коляда съ понятіемъ солнца. Гораздо проще и ближе къ истинѣ объясняется слово Коляда изъ латинскаго слова Calendae — Календы; перейдя къ болгарамъ, это слово приняло форму коледа, т.-е. сочетаніе еп было передано носовымъ гласнымъ, юсомъ малымъ; въ русскомъ языкѣ юсъ малый замѣняется чистымъ гласнымъ *я*. Слово Коляда, такимъ образомъ, усвоено было русскими при посредствѣ болгаръ, жившихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ греко-римскихъ населеніемъ на Балканскомъ полуостровѣ, для обозначенія греко-римскихъ Святокъ, перешедшихъ на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ. Обозначая греко-римскія Святки, слово Коляда означаетъ и празднованіе зимняго солноворота, русскаго праздника, а съ забвеніемъ имени Дажьбога косвенно означаетъ и русскаго бога солнца.

Святки на Руси сопровождались обрядами; играми и гаданіями. Обряды и игры имѣли два значенія: 1) похороны зимы и 2) рожденіе солнца. Изъ обрядовъ и игръ необходимо упомянуть прежде всего переряживаніе, или маскированіе, преимущественно въ образы звѣрей: этотъ обрядъ символизируетъ неестественное состояніе солнца зимою. По фрескамъ Кіевскаго Софійскаго собора видно, что святочные игрецы одѣвались въ звѣриныя шкуры и носили маски съ рогами на головѣ. У бѣлоруссовъ и малороссовъ до сихъ поръ существуетъ обрядъ переряживанія парня козой, состоящій въ слѣдующемъ: парень надѣваетъ вывороченный на изнанку тулупъ; на лицѣ у него—маска, на головѣ—рога; онъ сидитъ верхомъ на упряжной дугѣ; переряженнаго такимъ образомъ парня ведетъ дѣдъ

съ пѣсельниками, которые поютъ пѣсню. Рядились, особенно въ древности, также туромъ или конемъ.

Другой рядъ обрядовъ имѣетъ аграрный, т.-е. земледѣльческій характеръ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ наканунѣ Рождества возятъ плугъ, какъ символъ плодородія на будущій годъ; въ другихъ мѣстахъ плугъ вносятъ въ избу и его рукоятку ставятъ на столъ. Въ Малороссіи и Бѣлоруссіи наканунѣ Рождества домохозяинъ садится за столъ, который такъ уставленъ кучей пироговъ и съѣстныхъ припасовъ вообще, что изъ-за кучи не видать домохозяина; въ комнату входятъ домашніе; домохозяинъ спрашиваетъ ихъ, видятъ ли они его; домашніе отвѣчаютъ что не видятъ; тогда домохозяинъ высказываетъ пожеланіе, чтобы изъ-за стоговъ, сноповъ и возовъ не было видно свѣту. Этотъ обычай напоминаетъ обрядъ, исполнявшійся въ XII в. балтійскими славянами, у которыхъ, въ отличіе отъ прочихъ славянъ, языческій культъ былъ очень высоко развитъ, такъ что у нихъ были храмы и сословіе жрецовъ: во время праздника въ честь бога Святовита въ Арконѣ, на островѣ Рюгенѣ, жрецъ перемѣнялъ вино, которое содержалось въ рогѣ, находившемся въ рукѣ идола; затѣмъ жрецъ ставилъ между собой и народомъ круглый пирогъ величиною въ ростъ человѣка и спрашивалъ присутствующихъ, видятъ ли они его; давался отрицательный отвѣтъ, и жрецъ выражалъ пожеланіе, чтобы его изъ-за пирога не видно было и въ будущемъ году. Съ этимъ же обычаемъ находится въ связи и другой, состоящій въ томъ, что на Новый годъ осыпаютъ другъ друга хлѣбными сѣменами.

Другіе обряды и соотвѣтствующія имъ пѣсни носятъ характеръ охотничьяго и военнаго быта; съ такого рода обрядами иногда смѣшиваются обряды, касающіеся сватовства и брака. Повидимому, эти обряды вмѣстѣ съ пѣснями, сопровождавшими ихъ, возникли въ эпоху княжеско-дружинной Руси среди класса дружинниковъ и оттуда уже, съ исчезновеніемъ дружины, попали въ народную массу.

Всѣ эти обряды и игры сопровождались гаданіями и пѣснями. Пѣсни можно раздѣлить на слѣдующія группы: 1) колядскія, или колядки, 2) овсеневыя, 3) подблюдныя и игорныя.

1) Колядскія пѣсни. Колядскими пѣснями называются такія, въ которыхъ воспѣвается Коляда. Онѣ поются обыкновенно наканунѣ Рождества молодежью, которая ходитъ по зажиточнымъ

домамъ и получаетъ подарки. Онѣ дѣлятся на три группы. Къ одной группѣ относятся пѣсни, въ которыхъ сохранились явные слѣды языческихъ представленій; къ другой группѣ относятся пѣсни, въ которыхъ разработаны мотивы чисто христіанскіе. И та и другая группа носитъ характеръ величанія хозяевъ дома. Къ третьей группѣ относятся колядки, основнымъ мотивомъ которыхъ является сватовство или бракъ.

Въ колядкахъ *первой* группы разсказывается о приходѣ Коляды наканунѣ Рождества, о томъ, какъ долго Коляду искали и какъ ее нашли на такомъ-то „господиновомъ дворѣ, на семи верстахъ, на восьми столбахъ, въ которомъ три терема златоверхіе огорожены желѣзнымъ тыномъ, ворота мѣдныя, а подворотня—дорогъ рыбій зубъ“.

Сравненіе съ литовско-латышскими обрядами показываетъ, что изображаемая ограда должна служить охраной отъ злыхъ духовъ или отъ вѣдьмъ. Такимъ образомъ, картина „господинова двора“, огороженнаго желѣзнымъ тыномъ, имѣла, повидимому, характеръ заклинанія, или заговора противъ злыхъ силъ.

Колядки первой группы сопровождаются припѣвомъ: „ой Коляда, Коляда!“ Содержаніе этихъ колядокъ—рожденіе солнца, Дажьбога, возрожденіе его къ дѣятельности [1]).

Среди колядскихъ пѣсенъ первой группы особенно интересны тѣ, которыя носятъ *аграрный* характеръ. Въ одной пѣснѣ поющіе приглашаютъ хозяина встать и посмотрѣть, какъ Господь ходитъ по двору и приготовляетъ плуги и воловъ; далѣе поется о томъ, что Господь приготовляетъ коней, ходитъ на току, кладетъ снопы въ три ряда, пшеницу въ четыре, устраиваетъ пчеловодство и готовитъ пиво; въ заключеніе величаются хозяева дома. Образъ Господа, подготовляющаго

---

[1]) Къ колядскимъ пѣснямъ первой группы относятъ также слѣдующую: „За рѣкою, за быстрою, ой коліодка, ой коліодка! Лѣса стоятъ дремучіе; въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ, огни горятъ великіе; вокругъ огней скамьи стоятъ, скамьи стоятъ дубовыя; на тѣхъ скамьяхъ—добры молодцы, добры молодцы, красны дѣвицы, поютъ пѣсни коліодушки. Ой коліодка, ой коліодка! Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ: онъ точитъ свой булатный ножъ. Котелъ кипитъ горючій, возлѣ котла козелъ стоитъ: хотятъ козла зарѣзати. Ой коліодка, ой коліодка!“...

Эта пѣсня, изображающая языческое жертвоприношеніе въ лѣсу, въ настоящее время признается подложной.

земледѣльческую работу, повидимому, представляетъ отраженіе языческаго божества — Дажьбога. Въ другой колядкѣ изображается, какъ хозяинъ ходитъ за плугомъ и пашетъ, какъ урождается хлѣбъ, какъ затѣмъ хозяинъ собираетъ жнецовъ— сорокъ сороковъ молодцовъ и набираетъ столько копенъ, сколько на небѣ звѣздъ, и связываетъ на берегу Дуная снопы. Оканчивается колядка величаніемъ: „Привѣтствуемъ тебя, добрый молодецъ, Иване хлопче“!

Вторая группа колядокъ имѣетъ по преимуществу легендарно-христіанское содержаніе, навѣянное событіями, касавшимися Рождества Христа или Крещенія. Въ одной такой колядкѣ разсказывается, какъ Пречистая Дѣва купала на рѣкѣ Іордани своего сына, какъ явились туда три царя съ тремя дарами: изъ нихъ одинъ царь названъ св. Петромъ, а другой св. Рождествомъ. Въ другой колядкѣ съ такимъ же содержаніемъ разсказывается, что одинъ изъ царей принесъ въ даръ дорогой цвѣтокъ, который и есть святое Рождество. Какъ и всѣ колядки, и эта оканчивается величаніемъ хозяевъ. Въ третьей колядкѣ описывается, какъ Пречистая на Дунаѣ бѣлила ризы; растворяются небеса, идетъ самъ Господь и принимаетъ ризы Пречистой и т. д.

Содержаніе пѣсенъ *третьей* группы сводится, въ общемъ, къ слѣдующему.

Славный молодецъ, иногда „князь“, хочетъ продать коня. Конь напоминаетъ своему хозяину, что нѣкогда онъ вынесъ его невредимымъ съ поля битвы, когда вслѣдъ за ними летѣли стрѣлы. Молодецъ, или князь, осаждаетъ Царьгородъ или Вышгородъ. Жители осажденнаго города выводятъ молодцу вороного коня или выносятъ золото. Молодецъ отказывается и требуетъ себѣ красной дѣвушки-княжны.

2) Овсеневыя пѣсни. Пѣсни, которыя поются наканунѣ Новаго года или въ самый день Новаго года, называются въ сѣверной Россіи овсеневыми.

Названіе „овсеневый“ происходитъ отъ словъ Овсень, Авсень, Усень, Таусенъ, встрѣчающихся въ овсеневыхъ пѣсняхъ и представляющихъ названіе воспѣваемаго божества. Слово Усень сближали съ литовско-латышскимъ словомъ auszra— утренняя заря, а также съ словомъ Ushing, означавшимъ имя бога покровителя скота. Другіе ученые думали, что въ словѣ Овсень лежитъ корень „сѣ“ отъ слова „сѣять“; по этому тол-

кованію слово Овсень находится въ связи съ обычаемъ „сѣять“ зерна при пѣніи овсеневыхъ пѣсенъ. Третьи полагаютъ, что слово Овсень образовалось изъ двухъ словъ — *о* + *весень* — и означаетъ „весенній праздникъ“. Есть, наконецъ, еще одно объясненіе. Слова Овсень, Авсень, Усень, Таусенъ встрѣчаются въ пѣсняхъ сѣверной или сѣверо-восточной части Россіи. Весь сѣверъ Россіи нѣкогда былъ занятъ финскими племенами, среди которыхъ селились русскіе колонисты. Русскіе и финны смѣшивались между собою, причемъ результатомъ этого смѣшенія было и смѣшеніе воззрѣній и культовъ. Мордвины, народъ финскаго племени, живущій среди русскихъ, молятся въ день Новаго года богу Таунсяю Велькому Васяю и просятъ его, чтобы онъ далъ имъ поросятъ черныхъ и бѣлыхъ, какъ онъ самъ любитъ. Таунсяй—мордовскій богъ свиней; Вельки Васяй—Василій Великій. Мордвины заимствовали у русскихъ св. Василія Великаго, на котораго, по связи съ новогоднимъ поросенкомъ, перенесли черты своего національнаго бога свиней — Таунсяя. Въ свою очередь, и русскіе заимствовали у мордовцевъ имя Таунсяя, передѣлавъ его въ Таусена, Овсеня, Авсеня, Усеня, и перенесли ва него черты Дажьбога.

Въ овсеневыхъ пѣсняхъ славится пріѣздъ Таусена, совпадающій съ Новымъ годомъ. По своему содержанію овсеневыя пѣсни напоминаютъ колядки. Отдѣльныя строфы овсеневыхъ пѣсенъ сопровождается припѣвомъ: „Ой, Овсень, ой Овсень“, или просто: „Таусенъ“.

Въ одной овсеневой пѣснѣ поется слѣдующее:

„Овсень, Овсень! Ты ходилъ, ты гулялъ по крутымъ горамъ, по святымъ вечерамъ. Овсень, Овсень! Ты леталъ, ты порхалъ къ Филимону на дворъ, ко Прокофьевичу. Овсень, Овсень! Ты сыскалъ, угадалъ: на широкомъ дворѣ полны ведра виномъ. Овсень, Овсень! У хозяина дворъ осушенъ, омощенъ, чисто выметенъ. Овсень, Овсень! Посреди Москвы у хозяина дворъ воротами красенъ. Овсень, Овсень! Воротами красенъ, вереи ихъ пестры, всѣ обточенныя. Овсень, Овсень! У Прокофьича дворъ весь тыномъ затыненъ, серебромъ обнесенъ“.

Хозяинъ выноситъ поющимъ щедрую подачку, и пѣвцы со свистомъ и пляской продолжаютъ пѣсню:

„На дворѣ у Филимона три теремчика стоятъ: высокіе теремочки — о двѣнадцати вѣнцахъ. Филимонъ-сударь — хо-

рошъ, свѣтъ Прокофьевичъ—пригожъ. Овсень, Овсень! Свѣтъ-Прокофьевичъ пригожъ".

Хозяинъ приглашаетъ поющихъ въ свой домъ. Поющіе входятъ съ слѣдующими припѣвами:

„Первый теремъ—свѣтелъ мѣсяцъ, другой теремъ—красно солнце, третій теремъ—часты звѣзды. Свѣтелъ мѣсяцъ—хозяинъ самъ, красно солнце—хозяюшка, часты звѣзды—ихъ дѣтушки".

Любопытна своими подробностями слѣдующая овсеневая пѣсня:

„Летѣла пава. Таусенъ! Черезъ наши поля. Таусенъ! Роняла перья. Кому перья брати? На что перья? Шапочку шити, перьями пушити. На что шапочку? На базаръ ѣхати, топорикъ купить, дрова рубить, пиво варить, мосты мостить. Кому мостами ѣздити? Молодцу-удальцу. На чемъ ему ѣздити? На сивенькой свинкѣ. Чѣмъ погоняти? Живымъ поросенкомъ. Таусенъ"!

Послѣ этого поющіе приговариваютъ:

„Кишки да лепешки, свиныя ножки, въ печи сидѣли, на насъ глядѣли, въ кошель захотѣли".

Въ третьей овсеневой пѣснѣ поется слѣдующее:

„Ай во борѣ, борѣ, стояла тамъ сосна, зелена-кудрява. Ой Овсень! Ой Овсень! Ѣхали бояре, сосну срубили, дощечки пилили, мосточекъ мостили, сукномъ устилали, гвоздьми убивали. Ой Овсень! Ой Овсень! Кому-жъ, кому ѣхать по тому мосточку? Ѣхать тамъ Овсеню, да Новому году"!

Въ четвертой овсеневой пѣснѣ воспѣвается плодородіе на новый годъ.

„Ходитъ Илья на Василья, носить пугу (кнутъ) житяную. Де (гдѣ) замахне, жито расте, житу, пшеницю, всяку пашницю (пшеницу), у полѣ ядро, а въ томъ добро" [1]).

3) Подблюдныя и игорныя пѣсни. Святочныя гаданія и игры сопровождаются пѣснями, изъ которыхъ наиболѣе интересны подблюдныя и игорныя.

---

[1]) Въ Малороссіи овсеневымъ пѣснямъ соотвѣтствуютъ „щедривки". Названіе „щедривокъ" объяснется тѣмъ, что вечеръ наканунѣ Новаго года считается щедрымъ, т.-е. богатымъ подарками, какъ это видно изъ слѣдующей „щедривки": „Щедрикъ-ведрикъ, дайте вареникъ, грудочку кашки, кильце ковбаски, да щей мало, дайте сала, дайте ковбаску — до дому понесу"!..

а) Подблюдныя пѣсни. На столъ ставится блюдо съ водой, которое накрывается скатертью. За столъ садятся гадающія, которыя кладутъ около блюда свои кольца, перстни, серьги, затѣмъ кусочки хлѣба, соль и три уголька. Послѣ этого поется рядъ пѣсенъ, получившихъ по имени блюда названіе „подблюдныхъ". Первая пѣсня посвящается хлѣбу и соли:

„Слава Богу на небѣ, слава! Государю нашему на сей землѣ, слава! Чтобы нашему государю не старѣться, слава! Его цвѣтному платью не изнашиваться, слава! Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться, слава! Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться, слава!.. А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ, слава! Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ, слава! Старымъ людямъ на потѣшеніе, слава! Добрымъ людямъ на услышаніе, слава"!

По окончаніи этой пѣсни кладутъ кольца, перстни, хлѣбъ, соль и угольки на блюдо и поютъ двѣ пѣсни.

Первая пѣсня:

„Катилося зерно по бархату, еще ли то зерно бурмитское (крупнаго жемчуга). Прикатилося зерно ко яхонту. Крупенъ жемчугъ съ яхонтомъ, хорошъ женихъ съ невѣстою!"

Другая пѣсня:

„Идетъ кузнецъ изъ кузницы, несетъ кузнецъ три молота. Кузнецъ, кузнецъ! Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ, изъ остаточковъ — золотъ перстень, изъ обрѣзочковъ — булавочку. Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися, мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися, мнѣ тою булавкою убрусъ (фату) притыкать".

Послѣ каждой пѣсни вынимаютъ изъ блюда какой-нибудь изъ положенныхъ предметовъ и припѣваютъ: „Да кому мы спѣли, тому добро. Слава! Кому вынется, тому сбудется, скоро сбудется, не минуется".

Главнымъ предметомъ гаданій въ глубокой древности было, повидимому, богатство въ зависимости отъ развитія силы Дажьбога; впослѣдствіи гаданія приняли болѣе узкій характеръ и свелись къ гаданіямъ дѣвушекъ о замужествѣ. Особенно характерной въ этомъ отношеніи является пѣсня „Идетъ кузнецъ изъ кузницы".

б) Игорныя пѣсни. Игорныя пѣсни это тѣ, которыми сопровождаются святочныя игры. Изъ игръ болѣе замѣчательна игра, состоящая въ хороненіи золота. По окончаніи пѣнія подблюдныхъ пѣсенъ одна изъ дѣвушекъ вынимаетъ изъ блюда послѣднее кольцо и передаетъ его въ руки другой, та пере-

даетъ третьей и т. д. Эта святочная игра сопровождается слѣдующей пѣсней:

Хоръ поетъ:

„И я золото хороню, хороню, чисто серебро хороню, хороню, я у батюшки въ терему, въ терему, я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ. Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай, красная: въ какой рукѣ былица, змѣиная крылица“?

Дѣвушка въ кругу отвѣчаетъ:

„И я рада бы гадала, кабы знала, вѣдала, черезъ поле идучи, русу косу плетучи-первиваючи, златомъ приплетаючи. Ахъ, вы кумушки, вы, голубушки, вы скажите, не утайте, мое золото отдайте! Меня мати хочетъ бити, по три утра, по четыре, по три прута золотые, четвертымъ жемчужнымъ“.

Хоръ:

„Палъ, палъ перстень въ калину, въ малину, въ черную смородину. Очутился перстень да у боярина, да у молодого, на правой на ручкѣ, на маломъ мизинцѣ. Еще дѣвицы гадали, да не отгадали; еще красныя гадали да не отгадали. Наше золото пропало, чистымъ порохомъ запало, призаиндивѣло, призаплѣсневѣло. Молодайка, отгадай-ка“!

По окончаніи пѣсни дѣвушка, хоронившая золото, старается отгадать, у кого находится кольцо. Смыслъ этой игры въ настоящее время теменъ. Предполагаютъ, что кольцо—это символъ золотого солнца, а хороненіе его символизируетъ скрытое во время зимы состояніе солнечной энергіи, создающей жизнь.

139. Масленица. „Широкая, веселая“ масленица всегда отличалась на Руси особымъ разгуломъ. Въ понедѣльникъ празднуется встрѣча масленицы, въ четвергъ — ея переломъ, въ воскресенье совершаются ея проводы. Масленица была продолженіемъ праздниковъ, начинавшихся Колядой. Въ языческую пору онъ совершался въ началѣ весны, а съ принятіемъ христіанства былъ отодвинутъ къ концу рождественскаго мясоѣда. Этотъ праздникъ, какъ и предыдущій, входилъ въ культъ солнца, энергія котораго съ особенною силою пробуждалась весной. Отсюда—необыкновенное веселье, которымъ этотъ праздникъ сопровождался, цѣлый рядъ обрядовъ, сохранившихся до сихъ поръ, но уже утратившихъ свой смыслъ. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на громадныхъ саняхъ возятъ наряженнаго мужика; мужикъ сидитъ на колесѣ, прикрѣпленномъ наверху столба, возвышающагося посрединѣ саней.

Колесо—это символъ солнца. Вмѣсто мужика въ другихъ мѣстахъ возятъ на саняхъ дерево, обвѣшенное лентами и украшеніями. Дерево—символъ плодородія, создаваемаго солнцемъ. Въ третьихъ мѣстахъ возятъ соломенное чучело, тоже разукрашенное, которое затѣмъ торжественно сжигается,—символъ уничтоженія зимы. Съ оживленіемъ природы весною у нашихъ предковъ соединялась мысль объ оживаніи и умершихъ: этимъ объясняются поминальные блины на масленицѣ.

Пѣсенъ, связанныхъ съ масленицей, сохранилось очень мало, такъ какъ этотъ праздникъ входилъ въ цѣлую группу весеннихъ праздниковъ, отъ которыхъ онъ былъ оторванъ христіанствомъ.

Въ одной пѣснѣ изображается діалогъ дочери съ матушкой:

„За рѣкою, матушка, гусельки гудятъ, за быстрою, сударыня, звончатыя. Пусти меня, матушка, гуслей послушать!“

„Пустить тебя, дитятко,—вѣкъ не видать!“

„Приду, приду, матушка, на Великъ день, съ красненькимъ, матушка, съ яичкомъ, съ молоденькимъ со зятечкомъ“.

„Милое дитятко! Мнѣ тебя далече ждать!“

„А ты меня, матушка, кличъ закликай!“

„Дитя мое милое, голосу нѣтъ!“

„А ты, моя матушка, близко подойди!“

„Дитя мое милое! Ножки не идутъ“.

„А ты, моя матушка, письмо напиши!“

„Писаря нѣтъ!“

Въ другой пѣснѣ, каждый стихъ которой сопровождается припѣвами „люли, люли“ и „гоголекъ, гоголечекъ“, изображается пышность масленицы:

„Наша масленица годовая, ена гостика дорогая, ена пѣшею къ намъ не ходить, все на комоняхъ разъѣзжаить, чтобы коники были вороные, чтобы слуги были молодые“.

140. Встрѣча весны. Красная Горка. Радуница. Егорьевъ день. Весенніе праздники, начинавшіеся масленицей, возобновлялись въ мартѣ съ Благовѣщенія, продолжались на Пасху, Ѳомину недѣлю и оканчивались днемъ св. Егорія; они иногда продолжались и дольше, до іюня. Въ это время отношенія между солнцемъ и природой представляются по аналогіи съ отношеніями между женихомъ и невѣстою.

Весенніе праздники начинаются съ того, что призывается

весна, зажигаютъ костры (символъ солнечнаго тепла), черезъ которые прыгаютъ. Съ воскресенья Ѳоминой недѣли, получившаго простонародное названіе Красной горки, начинаются хороводы, кругообразное движеніе которыхъ, повидимому, является символомъ движенія солнца. Понедѣльникъ Ѳоминой недѣли называется Радуницей и посвящается поминовенію умершихъ. Въ этотъ день во многихъ мѣстахъ и теперь ходятъ на кладбище, оплакиваютъ родныхъ покойниковъ, раскладываютъ на могилахъ кушанье, какъ бы угощая покойниковъ, угощаютъ другъ друга, пьютъ медъ, вино, а остатки выливаютъ на могилы. Сюда же приходятъ женихи и невѣсты просить у покойниковъ родительскаго благословенія на бракъ.

На Ѳоминой же недѣлѣ справляется „Вьюнецъ“, состоящій въ томъ, что ходятъ по улицамъ и поютъ пѣсни въ честь новобрачныхъ.

23 апрѣля—Егорьевъ день: на Егорія (Власія) были перенесены черты Волоса, и потому Егорій является покровителемъ скота и источникомъ плодородія, начальникомъ весны. Въ этотъ день обходятъ съ пѣснями засѣянныя поля и выгоняютъ впервые послѣ зимы скотину въ поле.

Пѣсни, поющіяся въ это время, дѣлятся на три разряда: 1) веснянки, 2) хороводныя весеннія пѣсни и 3) егорьевскія пѣсни.

1) Веснянки. Содержаніемъ веснянокъ служатъ призывы весны хорами дѣвушекъ. Эти призывы весны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаютъ заговоры-заклинанія. Въ веснянкахъ выражаются пожеланія, связанныя съ благосостояніемъ человѣка, или выражаются настроенія дѣвушки при мысли о бракѣ. Въ нихъ встрѣчаются обращенія къ жаворонку, ласточкѣ, соловью; упоминаются кудрявая верба, бѣлая березынька, калина, шелково-зеленая трава, говорится о любви, съ вѣнками, съ цвѣтами.

Примѣрами пѣсенъ, въ которыхъ призывается весна, могутъ служить слѣдующія:

а) Первая пѣсня:

„Благослови, Боже, весну закликати, весну закликати, зиму запирати“.

б) Вторая пѣсня:

„Весна, весна красная! Приди, весна, съ радостью, съ радостью, радостью, съ великою милостью, со льномъ высокіимъ, съ корнемъ глубокіимъ, съ хлѣбами обильными“.

в) Третья пѣсня:

„Весна красна! Что ты къ намъ принесла? Красное лѣтечко“.

Примѣрами веснянокъ, въ которыхъ обращенія къ веснѣ сплетаются съ думами дѣвушки о предстоящемъ бракѣ, могутъ послужить слѣдующія:

а) Первая пѣсня:

„Весна красна! На чемъ пришла? На чемъ пріѣхала? На сошечкѣ, на бороночкѣ. Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ, и всѣ красныя на широкой; одной дѣвки нѣтъ: сидитъ она во теремѣ, ширинку (фату) шьетъ золотомъ, узду везетъ тесменную. Ахъ! горе великое! Кому-то достанется? Достанется моему суженому, моему ряженому“.

б) Вторая пѣсня:

„Разлилися воды на чотыре броды: у першому бродѣ солевейко щебетавъ, зелены сады розвивавъ; у другому бродѣ зазулька (кукушка) ковала, лѣтечко казала; у третьему бродѣ коничокъ заржавъ, вонъ дороженьку почавъ; а въ четвертомъ бродѣ да дѣвчина плаче, за нелюбого идучи, собе лихо чуючи“.

Въ день Пасхи, при восходѣ солнца, поется слѣдующая пѣсня:

„Солнышко, ведрышко, выгляни въ окошечко! Твои дѣтки плачутъ, сыръ колупаютъ, собакамъ бросаютъ; собаки-то не ѣдятъ, а куры-то не клюютъ. Солнышко, покажись, красное снарядись! Ѣдутъ господа-бояре къ тебѣ въ гости во дворъ, на пиры пировать, во столы столовать“.

При первомъ весеннемъ дождѣ поется такая пѣсня:

„Дождикъ, дождикъ! Снаряжайся на показъ. Дождикъ, припусти, мы поѣдемъ во кусты, во Казань побывать, въ Астрахань погулять. Поливай дождь на бабину рожь, на дѣдову пшеницу, на дѣвкинъ ленъ, поливай ведромъ. Дождь, дождь, припусти, посильнѣй, поскорѣй, насъ, ребятъ, обогрѣй“.

2) Хороводныя весеннія пѣсни. Съ Красной горки (воскресенье Ѳоминой недѣли) начинаются хороводы. Названіе это дано празднику потому, что хороводы происходили на холмѣ, или возвышенности, освѣщаемой краснымъ солнцемъ, раньше освободившейся отъ снѣга и покрывшейся молодой травой. Въ настоящее время хороводы утратили древнее значеніе и превратились въ простую забаву. Хороводы сопровождаются пѣніемъ пѣсенъ. Содержаніемъ этихъ пѣсенъ служатъ любовь и

бракъ. Хороводныя пѣсни сопровождаются припѣвами: „Дунай Ивановичъ“, „Донъ Ивановичъ“, „Ой Дидъ-Ладо“. Эти припѣвки отличаются древностью, причемъ значеніе припѣва „Дидъ-Ладо“ еще не установлено: одни возводятъ слово „Дидъ“— къ слову дѣдъ и слово „Ладо“ къ слову ладъ, т.-е. согласіе, радость и думаютъ, что они имѣютъ связь съ Дажьбогомъ; другіе видятъ въ нихъ простыя восклицанія. „Донъ Ивановичъ“ и „Дунай Ивановичъ“—олицетворенія рѣкъ, создавшіяся еще въ глубокой древности. Припѣвки „ай люли-люшеньки“ и „лелюполелю“ образовались изъ церковной „аллилуіи“.

Передъ началомъ хороводныхъ пѣсенъ обыкновенно выходитъ на лужокъ хороводница и запѣваетъ сборную пѣсню, а играющіе, постепенно сближаясь въ кружокъ, приготовляются пѣть. Сборная пѣсня начинается такъ:

„Какъ на улицѣ дождикъ накрапываетъ, хороводъ красныхъ дѣвокъ прибываетъ. Охъ, вы, дѣвушки, поиграйте! Ужъ какъ вы, холостые, не глядите! Вамъ гляденьицемъ дѣвушекъ не взяти, ужъ какъ взять ли, не взять ли по любви, что по батюшкину повелѣнью, по матушкину благословенью“.

Въ срединѣ хоровода ходитъ молодецъ съ поднятою рукою. Хоръ поетъ:

„Ходилъ нашъ свѣтлый князь, ходилъ около своего города, ходилъ около своего высокаго; ищетъ нашъ свѣтлый князь свою ли свѣтлую княгиню... Ходитъ, ходитъ князь, ходитъ кругомъ города; онъ сѣчетъ, онъ рубитъ своимъ мечомъ ворота. Скоро ли, свѣтлый князь, сыщемъ красну дѣвицу?“

Тутъ самъ молодецъ, остановившись и подхвативъ пѣсню, доканчиваетъ ее:

„Ужъ я ли гдѣ найду красну дѣвицу-княгиню! Ту ли дѣвицу-княгиню златымъ перстнемъ подарю“.

Участники хоровода раздѣляются на двѣ половины: въ первой отдѣляются мужчины, „бояре“, во второй — женщины, дѣвушки, „княгини“. Въ срединѣ каждой половины стоитъ женихъ. Обѣ половины сближаются и поютъ поочередно пѣсню; первые, послѣ пѣнія стиховъ второй половины, показываютъ предметы, о которыхъ говорится въ пѣснѣ. Подъ конецъ пѣсни играющіе сближаются еще болѣе и цѣлуются.

1-ый хоръ:

„Бояре! Да вы почто пришли? Молодые, да вы почто пришли?“

2-ой хоръ:

„Княгини! Да мы невѣстъ смотрѣть! Молодыя, да мы невѣстъ смотрѣть!“

1-ый хоръ:

„Бояре! Покажите жениха? Молодые, покажите жениха?“

2-ой хоръ:

„Княгини! Во се нашъ женишокъ! Молодыя, во се нашъ женишокъ!“

1-ый хоръ:

„Бояре! Покажите теремъ? Молодые, покажите теремъ?“

2-ой хоръ:

„Княгини! Во се дѣвичій теремъ! Молодыя, во се дѣвичій теремъ!“

1-ый хоръ:

„Бояре! Покажите кафтанъ? Молодые, покажите кафтанъ?“

2-ой хоръ:

„Княгини! Во се нашъ кафтанъ! Молодыя, во се нашъ кафтанъ!“

1-ый хоръ:

„Бояре! Покажите кушакъ? Молодые, покажите кушакъ?“

2-ой хоръ:

„Княгини! Во се нашъ кушакъ! Молодыя, во се нашъ кушакъ!“

1-ый хоръ:

„Бояре! Покажите сапоги? Молодые, покажите сапоги?“

2-ой хоръ:

„Княгини! Во се нашъ сапожокъ! Молодыя, во се нашъ сапожокъ!“

1-ый хоръ:

„Бояре! Идите во теремъ? Молодые, идите во теремъ?“

2-ой хоръ:

„Княгини! Поздороваться! Молодыя, со всѣмъ поѣздомъ!“

Послѣ этого происходятъ слѣдующія игры: а) „плетень“, б) „сѣяніе проса“ и в) „воробышекъ“.

а) „*Плетень*“. Въ игрѣ „плетень“ молодыя женщины, дѣвушки и мужчины становятся попарно и, сомкнувшись руками въ видѣ плетня, вытягиваются въ линію. Хороводница запѣваетъ:

„Заплетися, плетень, заплетися! Ты завейся, труба золотая! Завернись, камка кружчатая! Изъ-за горъ дѣвица утей

выгоняла. Тига, утушка, домой! Тига, сѣрая, домой! Я сама гуськомъ, сама сѣренькимъ. Ой, свѣтъ, сѣра утица! Потопила малыхъ дѣтушекъ и въ меду, и въ сахарѣ, и въ яствѣ сахарномъ. Я старымъ старикамъ—киселя съ молокомъ; молодымъ молодкамъ—шелковую плетку, а краснымъ дѣвицамъ—бѣлилъ да румянъ".

Первая пара поднимаетъ вверхъ соединенныя руки, и подъ образовавшуюся арку начинаютъ проходить играющіе. Хоръ поетъ:

„Расплетися, плетень, расплетися: ты развейся, труба золотая; ты развернися, камка кружчатая! Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла. Тига, утушка, домой! Тига, сѣрая, домой! Я сама гуськомъ, сама сѣренькимъ. Ой, свѣтъ, сѣра утица! Вынимала малыхъ дѣтушекъ изъ меду, изъ сахару, изъ яствъ сахарныхъ".

б) „Сьяніе проса". Играющіе дѣлятся на двѣ половины, которыя сначала находятся на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, а потомъ, во время пѣнія, постепенно приближаются одна къ другой.

1-ый хоръ:

„А мы просо сѣяли, сѣяли! Ой Дидъ-Ладо, сѣяли, сѣяли!"

2-ой хоръ:

„А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ! Ой Дидъ-Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!"

1-ый хоръ:

„А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать? Ой Дидъ-Ладо, вытоптать, вытоптать!"

2-ой хоръ:

„А мы коней выпустимъ, выпустимъ! Ой Дидъ-Ладо, выпустимъ, выпустимъ!"

1-ый хоръ:

„А мы коней переймемъ, переймемъ!" [1])

2-ой хоръ:

„А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?"

1-ый хоръ:

„Шелковымъ поводомъ, поводомъ!"

---

[1]) Послѣ каждой строки повторяются припѣвъ „Ой Дидъ-Ладо" и послѣднее слово.

2-ой хоръ:
„А мы коней выкупимъ, выкупимъ!“
1-ый хоръ:
„А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?“
2-ой хоръ:
„А мы дадимъ сто рублей, сто рублей“.
1-ый хоръ:
„Не надо намъ тысячи, тысячи“.
2-ой хоръ:
„А что же вамъ надобно, надобно?“
1-ый хоръ:
„Намъ надобно дѣвицу, дѣвицу“.

Въ это время изъ второго хора переходитъ дѣвушка въ первый.

2-ой хоръ:
„Нашего полку убыло, убыло“.
1-ый хоръ:
„Нашего полку прибыло, прибыло“.

Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣвушки не перейдутъ изъ второго хора въ первый.

в) „*Воробышекъ*“. Эта игра состоитъ въ слѣдующемъ. Играющіе соединяются въ кружокъ, а хороводникъ представляетъ изъ себя воробья. При началѣ каждаго куплета хороводникъ стоитъ спокойно, а потомъ, сообразно словамъ пѣсни, изображаетъ минами разные характеры людей, съ присоединеніемъ отъ себя всевозможныхъ кривляній. Большею частью стараются изображать горбатыхъ, хромыхъ, вообще людей, вызывающихъ отвращеніе. Игра сопровождается слѣдующей пѣсней:

„Скажи, скажи, воробышекъ, какъ дѣвицы ходятъ? Онѣ этакъ, и вотъ этакъ! Туды глядь, сюды глядь, гдѣ молодцы сидятъ. Скажи, скажи, воробышекъ, какъ молодцы ходятъ? Они этакъ, и вотъ этакъ! Туды глядь, сюды глядь, гдѣ голубушки сидятъ. Скажи, скажи, воробышекъ, какъ старушки ходятъ? Онѣ этакъ, и вотъ этакъ! Туды глядь, сюды глядь, гдѣ молодые сидятъ. Скажи, скажи, воробышекъ, какъ злые люди ходятъ? Они этакъ, и вотъ этакъ! Туды глядь, сюды глядь, гдѣ добрые сидятъ“.

3) Егорьевскія пѣсни. День 23 апрѣля сопровождается пѣс-

пями въ честь Егорія (Георгія, Юрія). Обходя въ этотъ день съ ранняго утра засѣянныя поля, крестьяне поютъ:

а) Первая пѣсня:

„Мы вокругъ поля ходили, Егорья окликали. Егорій ты нашъ храбрый! Ты спаси нашу скотинку въ полѣ и за̀ полемъ, въ лѣсу и за̀ лѣсомъ, подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ, подъ краснымъ солнышкомъ, отъ волка отъ хищнаго, отъ медвѣдя лютаго, отъ звѣря лукаваго".

б) Вторая пѣсня:

„Юрій, вставай рано, отмыкай землю, выпущай росу на теплое лѣто, на буйное жито, на ядренистое, на колосистое, людямъ на здоровье".

в) Третья пѣсня:

„Юрья, Юрья, Божа мой! Подай ключи зямлю одмыкать, бычка напасать".

г) Четвертая пѣсня:

„Святый Юрья, Божій посолъ, до Бога пошовъ, а узявъ ключи золотые, отомкнувъ землю сырусенькую, пущивъ росу цяплюсенькую на бѣлую Русь и на увесь свѣтъ".

141. Русальная недѣля, Семикъ и Троица. Русальная недѣля была весеннимъ праздникомъ, пріуроченнымъ къ христіанской Троицѣ. Этотъ праздникъ соотвѣтствуетъ грекоримскимъ Розаріямъ, отъ которыхъ, вѣроятно, заимствованы и названія „Русаліи", „русальная недѣля", а отсюда „русалки" — имя для обозначенія душъ умершихъ. Наши Русаліи посвящены были главнымъ образомъ чествованію душъ умершихъ предковъ, чествованію деревьевъ и цвѣтовъ.

1) **Семикъ.** Поминовеніе усопшихъ предковъ было пріурочено къ четвергу на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи и называется Семикомъ. Семикъ, величаемый у русскихъ „честны́мъ", — одинъ изъ трехъ главныхъ лѣтнихъ праздниковъ. „Какъ у насъ въ году, — поется въ пѣснѣ, — три праздника: первый праздникъ — Семикъ честной, другой праздникъ — Троицынъ день, а третій праздникъ — Купальница". [1]) Семикъ — великій день русалокъ. Подъ русалками въ настоящее время простой народъ подразумѣваетъ души умершихъ некрещенныхъ младенцевъ, утопленицъ и вообще самоубійцъ. Въ древности подъ русалками подразумѣвались вообще души умершихъ предковъ. Въ языческую

[1]) День св. Аграфены „Купальницы", 23-го іюня.

пору покойниковъ хоронили на распутьяхъ, въ лѣсахъ, или спускали въ воду. Поэтому русалки, по простонароднымъ представленіямъ, выбѣгаютъ на распутьяхъ, преслѣдуютъ путниковъ, качаются на вѣтвяхъ деревьевъ. Но главная стихія русалокъ — вода: съ весенняго разлитія водъ и до Троицы русалки, по простонароднымъ вѣрованіямъ, живутъ въ водѣ, изъ которой выходятъ на берегъ поиграть; онѣ съ Троицына дня и до Петрова поста живутъ на деревьяхъ, а потомъ уходятъ въ могилы.

Къ Семику среди простого народа до настоящаго времени готовятъ особые караваи, драчены и яичницы, красятъ яйца въ желтую краску. Въ старину Семикъ встрѣчали на могилахъ родителей, гдѣ, послѣ поминовенія покойниковъ, домохозяева со своими семействами располагались и закусывали драченой и яичницей. Въ день Семика по домамъ, дворамъ и улицамъ разставляютъ березки, — любимѣйшее и наиболѣе почитаемое у русскихъ дерево. Молодежь обоего пола отправляется въ рощи и, выбравъ какую нибудь березку, украшаетъ ее лентами и лоскутьями. Изъ вѣтвей березы дѣлаютъ вѣнокъ и черезъ этотъ вѣнокъ „кумятся“ (цѣлуются), приговаривая: „Здравствуй, кумъ и кума, березу завивши!“ Послѣ этого начинаютъ пѣть пѣсни и водить хороводы. Поздно вечеромъ украшенную березу ломаютъ и съ пѣснями уносятъ домой.

Изъ пѣсенъ, связанныхъ съ Семикомъ, замѣчательна прежде всего та, въ которой отразились представленія о русалкахъ.

„Ой, бѣжитъ, бѣжитъ мила дѣвочка, — поется въ ней, — а за нею да русалочка. Ты послушай мене, красна панночка! Загадаю тебѣ три загадки: коли ты вгадаешь — я до батька пущу: А якъ не вгадаешь — я до себя возьму. Ой, що расте, да безъ корня? Ой, що бѣжитъ, да безъ повода? Ой, що цвѣте безъ всякаго цвѣта? — Камень расте безъ корня, вода бѣжитъ безъ повода; папороть цвѣте безъ всякаго цвѣту! — Дивчинка загадочки не вгадала, русалочка ее залоскотала“.

Въ слѣдующихъ двухъ пѣсняхъ выражаются чувства, связанныя съ почитаніемъ березы.

а) Первая пѣсня:

„Береза моя, березонька, береза моя бѣлая, береза моя кудреватая! Стоишь ты, березонька, осередь долинушки; на тебѣ, березонька, листья бумажные, подъ тобой, березонька, трава шелковая: Близъ тебя, березонька, красны дѣвушки въ

Семикъ поютъ; подъ тобой, березонька, красны дѣвушки вѣнокъ плетутъ. Что не бѣлая березонька къ землѣ клонится, не шелкова травонька подъ ней разстилается, не бумажны листочки отъ вѣтра раздуваются: подъ этой березонькой съ красной дѣвицей молодецъ разговариваетъ".

б) Вторая пѣсня:

„Ой Дидо! Ой Ладо! На курганѣ соловей гнѣздо свиваетъ, а иволга развиваетъ. Хоть ты вей, не вей, соловей, не бывать твоему гнѣзду свитому, не бывать твоимъ дѣтямъ вывожатымъ, не летать имъ по дубровѣ, не клевать имъ яровой пшеницы. Ой Ладо! Ой Ладо! Ой Дидо! Ты не радуйся, дубъ съ горькою осиною: ты радуйся, бѣлая береза! Къ тебѣ дѣвки идутъ, къ тебѣ красныя идутъ, съ пирогами, со яичницей, со драченами".

Есть рядъ пѣсенъ, которыя связаны съ опредѣленною игрою, происходящей вокругъ березы. Молодежь совершаетъ круговое движеніе около березы, плететъ изъ вѣтвей березы вѣнокъ, украшаетъ ее лентами и поетъ:

„Не дожжикъ березу обмываетъ: здѣсь въ рощѣ дѣвокъ прибываетъ. Скачите, пляшите, красны дѣвки! А вы, холостые, поглядите! Съ гулянья вамъ дѣвушекъ не взяти! А взять ли, не взять ли съ доброй воли, по батюшкину повелѣнью, по матушкину благословенью, по невѣстину рукодѣлью".

По окончаніи этой пѣсни, образуютъ новый кругъ; въ средину его входятъ мужчина и женщина, которые ходятъ и поютъ съ прочими:

„Ахъ, во полѣ липинка стояла, во полѣ кудрявая стояла. Подъ липою былъ шатеръ, въ томъ шатрѣ столъ стоитъ, за тѣмъ столомъ дѣвица, за тѣмъ сидитъ красная, шьетъ ширинку золотомъ, нижетъ узду жемчугомъ. Ѣхалъ мимо молодецъ. Богъ на помощь, дѣвица! Богъ на помощь, красная! Ширинку шить золотомъ, низать узду жемчугомъ".

Мужчины поютъ:

„Не мнѣ ли ширинка? Не моему ли коню уздичка?"

Женщины отвѣчаютъ:

„Не по молодцѣ ширинка, не по твоемъ конѣ уздичка!"

Въ срединѣ круга ходитъ мужчина, а потомъ женщина и при нѣкоторыхъ словахъ приводимой ниже пѣсни пляшутъ:

„Царь по городу гуляетъ: царь царевны своей ищетъ. Ужъ какъ гдѣ моя царевна? Гдѣ княгиня молодая? Ужъ

и вотъ твоя царевна, вотъ княгиня молодая! По загороду гуляетъ, шелковымъ платкомъ махаетъ, златымъ перстнемъ освѣщаетъ. Растворяйтесь, ворота, растворяйтесь, широки, вы еще тово пошире".

При этихъ словахъ одна сторона круга раздвигается, и двое, поднявъ вверхъ руки, держатъ платокъ за оба конца, чтобы дать пройти сквозь сдѣланныя такимъ образомъ „ворота" „царевнѣ", которая до этого находилась внѣ круга. Когда „царевна" пройдетъ, продолжаютъ пѣть:

„Вы сойдитеся поближе! Вы еще тово поближе! Поцѣлуйтесь помилѣе! Вы еще тово милѣе!"

Въ каждое междудѣйствіе, какъ кончатъ кругъ, садятся за столы, накрытые скатертями, и угощаютъ другъ друга лакомствами, пивомъ и виномъ. Потомъ встаютъ и поютъ:

„Пошелъ молодецъ на гулянье, на веселое на веселье. На немъ синь кафтанъ на распашку, шелковый кушакъ на рубашкѣ, трость камышева съ алой лентой, перчаточки въ правой ручкѣ. Подошедъ къ дѣвушкамъ, поклонился: Ужъ вы здравствуйте на гуляньѣ, на веселомъ на весельѣ! Тутъ дѣвушки пріуныли, тутъ всѣ красныя пріумолкли; одна дѣвушка всѣхъ рѣзвѣе, на рѣчахъ она всѣхъ смѣлѣе..."

Послѣ этой пѣсни съ весельемъ и пѣснями срѣзываютъ нѣсколько березокъ; вѣнки, на нихъ сдѣланные, украшаютъ лентами и идутъ въ село. Придя въ село, всаживаютъ березки въ землю и три раза поютъ слѣдующую пѣсню:

„Какъ за нашимъ за дворомъ растетъ трава шелковая; по той травкѣ панья шла, а за паньей панъ летѣлъ, крича: панья, ты моя!—А я, сударь не твоя! Родимова батюшки, сударыни матушки".

Сдѣлавъ изъ себя кругъ, играющіе перевиваются, проходя по очереди подъ поднятыя двумя дѣвушками руки вверхъ, и поютъ:

„Какъ за Волгой яръ-хмѣль подъ кусточкомъ вьется; перевился яръ-хмѣль на нашу сторонку. Какъ на нашей сторонкѣ житье пребогато! Серебряны листья, вѣнки золотые! Нащиплю я хмѣлю, хмѣлю яровова, наварю я пива, пива молодова. Позову я гостя, гостя дорогова, ай ли гостя дорогова, ай ли гостя дорогова, батюшку роднова: мое-жъ батюшка, вить, пьетъ, пьетъ, пьянъ не напьется, домой соберется".

Эту пѣсню поютъ два раза, съ тою разницею, что слова

къ отцу перемѣняютъ на слова къ матери. Кончивъ ее, начинаютъ другой кругъ и поютъ:

„Ахъ, по травкѣ, по муравкѣ, вокругъ города большова гулялъ молодецъ удалой“.

Мужчина, а чаще дѣвушка въ мужской шляпѣ, расхаживаетъ вокругъ хоровода, который поетъ:

„Ой Туръ (вѣроятно, Перунъ), молодецъ удалый, онъ изъ города большого, вызывалъ красну дѣвицу съ нимъ на травкѣ побороться“.

Въ то же время другая дѣвушка съ платкомъ въ рукѣ ходитъ посреди хоровода при пѣснѣ:

„Ой, Дидъ, Ладо! Побороться вышла красна дѣвица и молодца поборола, на муравку уронила. Ой, Дидъ, Ладо, уронила!“

Дѣвушка поборает мужчину, срываетъ съ него шапку, треплетъ волоса. Хороводъ поетъ:

„Добрый молодецъ, вставая, закрывалъ лицо руками, утиралъ горючи слезы. Онъ не смѣлъ своей кручины добрымъ людямъ объявить. Ой, Туръ! Дидъ! Ладо! Объявить!“

2) **Троица.** За Семикомъ слѣдуетъ Троица. Троицынъ день— уже чисто лѣтній праздникъ. Этотъ день обыкновенно сопровождается играми и обрядами, напоминающими семицкіе. Въ село вносятъ березку, одѣтую въ пестрое платье, „гостейку“. Вокругъ березки ведутъ хороводы, сопровождаемые пѣснями. Затѣмъ плетутъ вѣнки и гадаютъ на нихъ. Вѣнки бросаютъ въ воду и наблюдаютъ, потонетъ ли вѣнокъ, или поплыветъ, остановится ли на какомъ нибудь мѣстѣ, или поплыветъ въ сторону, чей вѣнокъ уйдетъ впередъ, и чей отстанетъ. Вѣнокъ, который быстро поплылъ, предвѣщаетъ скорое замужество; вѣнокъ, закрутившійся на мѣстѣ и потомъ поплывшій, предвѣщаетъ позднее замужество; потонувшій вѣнокъ предвѣщаетъ безбрачіе или смерть.

Въ пѣсняхъ, которыя поются въ Троицу, изображается плетеніе вѣнковъ, какъ, напр., въ слѣдующей пѣснѣ:

„Благослови, Троица! Богородица! Намъ въ лѣсъ пойти, намъ вѣнки завивать. Ай Дидо! Ой Ладо! Намъ вѣнки завивать и цвѣты сорывать. Ай Дидо! Ой Ладо! А мы въ лѣсъ пойдемъ и цвѣтовъ нарвемъ, мы цвѣтовъ нарвемъ и вѣнокъ совьемъ. Ай Дидо! Ой Ладо! Свекру-батюшкѣ, свекрови-матушкѣ; свекру-батюшкѣ—малиновой, свекрови-матушкѣ—кали-

новой. Ай Дидо! Ой Ладо! Пойду-ль я тишкомъ, лужкомъ, бережкомъ, сломлю-ль съ сыра дуба вѣточку, брошу на быстру рѣчиньку. Ай Дидо! Ой Ладо! Не тонетъ, не плыветъ съ сыра дуба вѣточка, не тужитъ по мнѣ свекоръ-батюшка, свекровь-матушка. Ай Дидо! Ой Ладо!".

Въ другихъ пѣсняхъ изображается чувство любви дѣвушки къ доброму молодцу, какъ, напр., въ слѣдующей:

„Я въ вѣночкѣ, я въ зеленочкѣ хожу, гуляю, по городочку. Ищу-ль я, ищу ласкова Ладу. Я въ вѣночкѣ, я въ зеленочкѣ, хожу-ль я, хожу вокругъ городочка. Добрый молодчикъ! Будь моимъ Ладой".

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, сходныхъ съ послѣдней, изображается, наоборотъ, любовь молодца къ красной дѣвушкѣ, какъ въ слѣдующей:

„А я вью вѣночки, вью зеленочки, хожу-ль я вокругъ городочку, хожу-ль я, найду-ли я ласкову себѣ невѣсту. Ты будешь мнѣ, красна дѣвушка, невѣстой"...

142. Купала и Ярило. Основнымъ лѣтнимъ языческимъ праздникомъ былъ праздникъ лѣтняго солнцестоянія (9 іюня), когда солнце достигаетъ высшей степени напряженія своихъ силъ, когда его постепенно развивающаяся любовь къ матери-сырой-землѣ, завершается бракомъ, и оно придаетъ водѣ, растеніямъ особыя чудесныя цѣлительныя свойства. Послѣ этого солнечная энергія начинаетъ падать и къ зимѣ низводится до ничтожныхъ размѣровъ. Праздникъ лѣтняго солнцестоянія имѣетъ, какъ и Коляда, два смысла, но противоположныхъ: 1) обоготвореніе наивысшаго развитія производительныхъ силъ природы и 2) похороны лѣта.

Праздникъ лѣтняго солнцестоянія существовалъ у грековъ и римлянъ. У грековъ на праздникахъ Цереры и Вакха совершалось очищеніе посредствомъ огня и воды. У римлянъ на праздникѣ Палиліи (въ честь богини пастуховъ—Pales) существовалъ обычай перескакивать черезъ огонь и проводить черезъ него стада; вмѣстѣ съ тѣмъ происходило очищеніе при посредствѣ воды. На праздникѣ Весты (23 іюня) у римлянъ дома окроплялись водою; ночью въ этотъ же день зажигали костры и перепрыгивали черезъ огонь.

Съ принятіемъ христіанства праздникъ лѣтняго солнцестоянія былъ пріуроченъ у насъ ко дню Рождества Іоанна Крестителя (24 іюня), причемъ книжное слово „Креститель"

замѣнилось народнымъ словомъ „Купала“, что значитъ „купающій“, т.-е. крститель. На Іоанна Крестителя были перенесены черты Дажьбога, а крещеніе, совершавшееся Іоанномъ, было приравнено къ языческому очищенію водой.

Въ Великороссіи въ настоящее время купальскіе обряды почти исчезли и сохранились довольно хорошо въ Бѣлоруссіи и Малороссіи. Совершаемые большею частью наканунѣ 24-го іюня, эти обряды состоятъ въ томъ, что прыгаютъ черезъ костры, прогоняютъ черезъ нихъ скотъ, купаются, чтобы обезопасить себя отъ дѣйствія враждебныхъ силъ природы, скатываютъ съ горы зажженное колесо въ воду, что символизируетъ поворачиваніе солнца на зиму, сжигаютъ, топятъ или хоронятъ чучело изъ соломы, а иногда два чучела — одно изъ нихъ, изображающее женщину и называемой Купалой, Мариной, Мареной, а другое, изображающее мужчину и называемое Яриломъ, Костромой, Костробонькой. Въ ночь на Ивана-Купалу собираютъ травы, пріобрѣтающія въ этотъ день чудесныя свойства, какъ, напр., плакунъ-трава, одолень-трава, чертополохъ, разрывъ-трава; въ эту ночь, по простонародному вѣрованію, цвѣтетъ огненнымъ цвѣтомъ папоротникъ, и тотъ, кому удастся подсмотрѣть это цвѣтеніе, можетъ найти подъ нимъ кладъ съ золотомъ.

Къ празднику Купалы примыкали сливавшіяся иногда съ нимъ праздники въ честь Ярила (отъ „яръ“ — свѣтъ, жаръ, пылъ — эпитетъ бога солнца). Это — праздникъ похоронъ Ярила, совершавшихся черезъ недѣлю послѣ Троицы, во Всесвятское заговѣнье или въ первое воскресенье послѣ Петрова дня, празднуемаго 29 іюня. Похороны эти совершались при помощи чучелъ, олицетворяющихъ Ярила, или кто-нибудь изъ присутствующихъ игралъ роль Ярила.

Праздники въ честь Купалы и Ярила были вмѣстѣ съ тѣмъ праздникомъ завершенія любви солнца къ матери-сырой-землѣ. На этихъ праздникахъ происходило свободное сближеніе половъ, какъ отголосокъ древнихъ отношеній въ эпоху первобытнаго коммунизма (§ 6). Купанье было основнымъ обрядомъ, освящавшимъ вступленіе въ бракъ.

Обряды купальскіе сопровождаются пѣснями.

При зажиганіи въ кострѣ чучела поютъ:

„Купала на Ивана! Гдѣ Купала ночевала? Купала на Ивана ночевала у Ивана“.

При потопленіи чучела поютъ подобную же пѣснь:

„Купала на Ивана! Купався Иванъ, та въ воду упавъ. Купала на Ивана!“

Любопытна пѣсня, въ которой Купала представляется хозяиномъ золотыхъ кладовъ:

„Купала наша, Купала! Дай намъ котлы золота! Вотъ солодушка (папоротникъ) цвѣтетъ; я усяду при ней, проночую при ней, подстерегу красочку (цвѣтокъ), сорву папоротку, буду богачъ-богатырь, закуплю я весь свѣтъ“.

143. Жатвенные праздники. Во второй половинѣ іюля былъ у славянъ-язычниковъ праздникъ въ честь Перуна, бога грома. Съ его именемъ связывались благодѣтельныя для плодородія грозы, которыми обыкновенно отличается эта часть іюля, и начало жатвенныхъ работъ.

Съ принятіемъ христіанства празднованіе Перуна было пріурочено къ 20 іюля, дню празднованія пророка Ильи. На пророка Илью были въ древности перенесены черты Перуна. Такъ, Илья-пророкъ разъѣзжаетъ по небу на колесницѣ и производитъ громъ и молнію. Илья носитъ житяную пугу, и гдѣ замахнетъ ею, тамъ растетъ жито.

Жатвенные праздники носятъ названіе „зажинокъ“, „обжинокъ“, „дожинокъ“ и „толоки“. Изъ обрядовъ, совершаемыхъ на этихъ праздникахъ, замѣчательно завиваніе на полѣ изъ колосьевъ ржи или пшеницы вѣнковъ, которые несутъ съ пѣснями въ деревню и хранятъ до посѣва; въ другихъ мѣстахъ связываютъ дожиночный „снопъ-дѣдъ“, который тоже съ пѣснями переносится въ деревню и ставится въ переднемъ углу. Эти вѣнки и дожиночный снопъ обладаютъ цѣлебными свойствами: ими кормятъ заболѣвшую скотину, ихъ примѣшиваютъ къ зернамъ для посѣва. Къ этимъ обрядамъ присоединяется еще одинъ, состоящій въ „завиваніи бороды“ Волосу, Ильѣ (т.-е. „снопу-дѣду“) или Козлу, который является олицетвореніемъ нивы.

Пѣсни, относящіяся къ этому празднику, содержатъ похвалу хлѣбу, полю, хозяину, проводятъ параллель между жатвой и битвой, заключаютъ въ себѣ обращеніе къ солнцу и мѣсяцу, сравниваютъ хлѣбъ съ золотомъ.

Бытовыя пѣсни.

144. Бытовыя пѣсни. Бытовыми пѣснями называются устныя произведенія, которыми въ древности сопровождались такія событія, какъ бракъ или смерть патріарховъ-старѣйшинъ, князей, бояръ, а позднѣе бракъ или смерть въ простонародной массѣ. Бытовыя пѣсни дѣлятся на слѣдующія: 1) свадебныя и 2) похоронныя.

145. Древне-русскій бракъ. Отношенія между молодыми людьми и дѣвушками, складывавшіяся на праздникахъ въ честь Дажьбога и освящавшіяся обрядомъ купанія на Ивана-Купалу, скрѣплялись затѣмъ бракомъ.

Бракъ въ народныхъ массахъ, помимо церковнаго обряда, сопровождается въ настоящее время множествомъ обрядовъ, которые являются отголоскомъ глубокой старины: такими же обрядами сопровождались въ XVI—XVII вв. наши великокняжескія и царскія свадьбы.

Въ древности, въ теченіе многихъ вѣковъ послѣ оффиціальнаго принятія христіанства, народная масса обходилась совершенно безъ церковнаго обряда. Она держалась убѣжденія, что церковный бракъ нуженъ для князей и бояръ, а ей не нуженъ. Это убѣжденіе объясняется условіями распространенія у насъ христіанства (§ 29). Духовенство вело упорную борьбу съ этимъ убѣжденіемъ. Въ „Правилѣ“ митрополита Іоанна (XI в.) находится указаніе, что въ то время были люди, которые вступали въ бракъ „безъ благословенія“; въ „Правилѣ“ митрополита Кирилла III (въ концѣ XIII в.) констатируется обычай въ Новгородской Руси водить невѣстъ къ водѣ: „не велимъ,—пишетъ митрополитъ Кириллъ,—тому тако быти“; въ „Правилѣ“ митрополита Максима (XIV в.) требуется, чтобы паства не держала женъ безъ благословенія апостольской церкви; въ „Посланіи“ митрополита Фотія къ новгородцамъ (XV в.) приказывается наложить на сочетавшихся бракомъ безъ благословенія священника эпитимію на три года, а потомъ сочетать ихъ по церковному обряду.

Въ древне-русскомъ бракѣ необходимо отличать три стороны: 1) бытовую, 2) юридическую и 3) религіозную.

1) **Бытовая сторона древне-русскаго брака.** Древне-русскій бракъ у русско-славянскихъ племенъ имѣлъ разныя основанія,

въ зависимости отъ образа жизни каждаго племени. Древляне, радимичи, вятичи и сѣверяне, продолжавшіе занятія, возникшія еще въ эпоху родового коммунизма, т.-е. главнымъ образомъ звѣроловство, затѣмъ уже скотоводство и лишь въ малой степени земледѣліе, жили, по словамъ лѣтописца, „звѣринскимъ“ обычаемъ, „скотьски“. Коснувшись взаимныхъ отношеній мужской и женской половины у этихъ племенъ, лѣтописецъ заявляетъ, что у нихъ браковъ не было, и въ доказательство отмѣчаетъ полное отсутствіе „стыденія“ въ отношеніяхъ мужчинъ къ „снохамъ“, „сестрамъ“, „матерямъ“ и „свекровямъ“ и т. д.; иными словами, отношенія между полами у перечисленныхъ русскихъ славянъ отличались почти такой же свободой, какая существовала въ эпоху коммунизма. Хотя русскіе славяне наканунѣ своего разселенія уже вступили въ періодъ патріархально-родовой общественности, однако патріархально-родовыя начала еще не успѣли окончательно развиться, и у нихъ сохранилось еще много чертъ быта эпохи родового коммунизма. Разселившись по бассейну Днѣпра, русскіе славяне долго вели мирный образъ жизни, и патріархально-родовая общественность, не поддерживаемая военной дисциплиной, дальше не развивалась, а разложилась на семейно-общественныя мелкія организаціи, напоминающія родовыя общины эпохи первобытнаго коммунизма, что́ должно было еще въ большей степени поддерживать черты быта старой эпохи, а иногда даже возрождать ихъ.

Сохранивъ весьма значительную свободу въ половыхъ отношеніяхъ, русскіе славяне, однако, внесли въ эти отношенія и нѣкоторыя черты патріархально-родового быта, а именно прежде всего—умыканіе: у древлянъ, говоритъ лѣтописецъ, браковъ не было, „но умыкиваху у воды дѣвиця“. То же самое свидѣтельствуетъ лѣтописецъ относительно радимичей, вятичей и сѣверянъ: „Браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы; схожахуся на игрища, на плясанія и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, с неюже кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены“. Изъ словъ лѣтописца видно, что многіе русскіе славяне добывали себѣ женъ при помощи похищенія, т.-е. способомъ, который возникъ въ патріархально-родовой періодъ, что у славянъ было по двѣ, по три жены, что опять является характерной чертой патріархально-родового быта. Но похищеніе не было насильственнымъ:

оно происходило на основаніи соглашенія между похитителемъ и похищаемой и пріурочивалось къ лѣтнимъ празднествамъ, происходившимъ на берегу рѣки, къ празднествамъ, на которыя сходились жители ближайшихъ селеній. Въ этомъ сказалось вліяніе старыхъ свободныхъ отношеній эпохи первобытнаго родового коммунизма.

Съ возникновеніемъ у русскихъ государственной власти, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ развивались военныя отношенія, похищеніе по предварительному уговору между похитителемъ и похищаемой должно было превратиться въ похищеніе насильственное: въ многочисленныхъ военныхъ походахъ дружинѣ доставалось большое количество плѣнныхъ и плѣнницъ. Многія изъ плѣнницъ были обращаемы побѣдителями въ женъ. Отношеніе мужей къ такимъ женамъ, конечно, было не похоже на отношеніе къ женамъ, похищеннымъ съ ихъ согласія.

Такимъ образомъ, у большинства древне-русскихъ славянъ были двѣ формы брака: 1) древнѣйшая—похищеніе по взаимному соглашенію похищаемой и похитителя и 2) позднѣйшая — насильственное похищеніе, какъ результатъ военнаго похода.

Къ этимъ двумъ формамъ древне-русскаго брака присоединяется третья, тоже древняго происхожденія, возникшая у кіевскихъ полянъ. Кіевскіе поляне попали въ очень удобный торговый пунктъ и съ давнихъ поръ находились въ мирныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Византіей и арабскимъ Востокомъ. Эти сношенія съ болѣе культурными народами должны были повліять на бытъ полянъ. Лѣтописецъ рисуетъ полянъ, какъ очень кроткихъ и тихихъ. Отношенія между полами у нихъ были строже. Бракъ у нихъ, по словамъ лѣтописца, существовалъ, причемъ за невѣсту давалась плата. Такимъ образомъ, похищеніе по взаимному соглашенію у торговыхъ полянъ вытѣснено было вознагражденіемъ родныхъ за невѣсту. Впослѣдствіи, въ торгово-промышленной средѣ, вознагражденіе за невѣсту, или вѣно, принимаетъ грубую форму купли-продажи дѣвушки.

Эти три формы древне-русскаго брака съ историческимъ развитіемъ русскаго народа постепенно вытѣсняются новой. По мѣрѣ развитія моногамной семьи и укрѣпленія власти отца, бракъ между молодыми заключается на основаніи согла-

шенія родителей молодыхъ. О томъ, желаютъ ли молодые вступить другъ съ другомъ въ бракъ, или нѣтъ, родители не справлялись. Такой бракъ являлся для молодыхъ неожиданностью; поэтому онъ въ пѣсняхъ называется судомъ Божіимъ; женихъ и невѣста называются „суженными", т.-е. присужденными другъ другу, назначенными другъ другу высшей волей.

Эта форма брака, четвертая, была у насъ до второй половины XIX в. господствующей почти во всѣхъ классахъ населенія. Но она вобрала въ себя многіе элементы древне-русскаго брака, слѣды которыхъ сохранились въ обрядахъ, сопровождающихъ эту форму брака.

а) Слѣды взаимнаго уговора. Остатки стариннаго уговора самихъ молодыхъ сохранились въ слѣдующихъ обрядахъ, совершаемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ: жениха и невѣсту спрашиваютъ, желаютъ ли они вступить въ бракъ; женихъ и невѣста продолжительно смотрятъ другъ на друга, какъ будто знакомятся другъ съ другомъ; послѣ этого спрашиваютъ ихъ, согласны ли они вступить въ бракъ. Въ другихъ мѣстахъ существуетъ обычай, чтобы сваты спрашивали у невѣсты позволенія ввести жениха въ избу.

б) Слѣды насильственнаго умыканія. Слѣды насильственнаго умыканія военнаго характера сохранились во многихъ свадебныхъ обрядахъ, совершаемыхъ въ настоящее время. Такъ, во многихъ мѣстностяхъ къ дому невѣсты отправляется отъ жениха поѣздъ изъ молодежи; это—дружина, во главѣ которой стоитъ иногда „тысяцкій". Этотъ поѣздъ, имѣющій нерѣдко даже знамя (т.-е. шестъ, увѣшенный на верху матеріей), разыгрываетъ какъ бы набѣгъ на домъ невѣсты. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поѣзду жениха устраиваются со стороны родныхъ невѣсты препятствія, напр., запираются ворота дома. Передъ домомъ невѣсты происходитъ какъ бы борьба, во время которой изъ дома невѣсты въ нѣкоторыхъ губерніяхъ производятъ въ поѣздъ жениха холостые выстрѣлы изъ ружья. Борьба заканчивается переговорами, послѣ которыхъ поѣздъ входитъ въ домъ невѣсты. Въ домѣ невѣсты поѣзжане держатъ себя, какъ побѣдители: шапокъ не снимаютъ, хлещутъ кнутами по стѣнамъ, скамьямъ, обращаются съ родными невѣсты грубо. Около невѣсты изъ родныхъ стоитъ обыкновенно братъ, чѣмъ-нибудь вооруженный, напр., палкой: братъ въ матріархальной семьѣ

былъ единственнымъ мужчиной, который могъ защитить сестру при нападеніи чужого рода.

в) Слѣды вознагражденія за невѣсту. Въ разсказѣ о принятіи Владимиромъ крещенія и о вступленіи его въ бракъ съ греческой царевной сообщается, что Владиміръ отдалъ грекамъ городъ Корсунь, какъ „вѣно“, т.-е. плату за царевну. Платить за невѣсту было въ обычаѣ среди торговыхъ кіевскихъ полянъ. Слѣды покупки невѣсты, въ грубыхъ формахъ, сохранились до настоящаго времени въ слѣдующихъ обрядахъ: 1) въ произношеніи свадебной формулы—„у васъ товаръ, у насъ деньги“; 2) въ пропоѣ невѣсты—родители уступаютъ невѣсту за угощеніе; 3) въ осмотрѣ невѣсты, состоящемъ въ томъ, что родственники жениха или самъ женихъ осматриваютъ невѣсту, какъ товаръ: ея шею, руки, уши, заставляютъ ее пройтись по комнатѣ, чтобы узнать ея походку; 4) въ рукобитіи, состоящемъ въ томъ, что сватъ послѣ сговора бьетъ по рукамъ съ родителями невѣсты, при чемъ руки, какъ при торговыхъ сдѣлкахъ, заворачиваютъ въ полы верхней одежды; 5) въ продажѣ мѣста около невѣсты, состоящемъ въ томъ, что брату или родственнику невѣсты, сидящему около нея, женихъ даетъ подарокъ, послѣ чего мѣсто занимаетъ женихъ; 6) въ покупкѣ невѣстиной косы—женихъ кладетъ на столъ деньги и беретъ при этомъ невѣсту за косу. Въ пѣсняхъ, отразившихъ слѣды купли, невѣста называется „ряженой“, а женихъ „ряженымъ“, отъ слова „рядиться“, такъ какъ родители невѣсты и жениха рядились между собою.

2) Юридическая сторона брака. Бракъ въ эпоху патріархальную и въ послѣдующія эпохи основывался на власти мужчины надъ женщиной (§ 8). Женщина, вступая въ бракъ, отдавалась въ полную власть мужчины. Юридическое главенство мужчины и подчиненіе женщины символически выражалось слѣдующими обрядами:

1) Разуваніемъ невѣстой молодого. Въ лѣтописяхъ передается, что Рогнѣда отказываетъ сватающемуся князю Владиміру слѣдующими словами: „не хочу розути робичича“ (§ 29). Кое-гдѣ обычай разуванія справляется и теперь.

2) Послѣ заключенія брака отецъ новобрачной ударяетъ ее слегка плеткой и затѣмъ эту плетку передаетъ новобрачному.

3) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ такой обычай:

новобрачный послѣ заключенія брака прикрываетъ новобрачную полою своего кафтана, въ знакъ того, что она переходитъ подъ его власть и защиту.

3) Религіозная сторона древне-русскаго брака. Въ тѣсной связи съ бытовой и юридической стороной древне-русскаго брака находится и религіозная. Родъ, а затѣмъ выдѣлившаяся изъ него семья были союзами не только экономическими и юридическими, но и религіозными: они находились въ зависимости отъ предковъ-организаторовъ дома и подъ ихъ охраной. Домъ былъ не только жилищемъ, но и храмомъ, въ которомъ подъ печкой невидимо присутствуетъ предокъ-организаторъ, Дѣдушка-домовой. Выходя замужъ, женщина оставляетъ свой домъ и тотъ культъ, который съ этимъ домомъ былъ связанъ. Перемѣна дома для женщины означала и перемѣну культа: почитаніе одного Дѣдушки-домового смѣнялось почитаніемъ другого, того, подъ покровительствомъ котораго находился мужъ и его родъ. Перемѣна культа выражается въ разныхъ обрядахъ, совершаемыхъ невѣстой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ невѣста даетъ согласіе выйти замужъ тѣмъ, что слѣзаетъ съ печи. Въ Малороссіи родители, чтобы благословить дочь на бракъ, садятся у печи. Прежде существовалъ обычай обводить новобрачную въ домѣ новобрачнаго вокругъ очага. Въ Малороссіи существуетъ обычай, чтобы невѣста, явившись въ домъ жениха, бросала подъ печь пѣтуха—символъ приносившейся прежде жертвы Дѣдушкѣ-домовому. Въ Бѣлоруссіи невѣста бросаетъ въ печь поясъ или связку баранокъ. Въ другихъ мѣстностяхъ невѣста кладетъ хлѣбъ на печь.

Религіозная сторона брака состояла не только въ перемѣнѣ родового или семейнаго культа. Бракъ человѣческій былъ, по воззрѣніямъ древнихъ, отраженіемъ брака верховныхъ организаторовъ міровой жизни, боговъ, брака Дажьбога съ матерью-сырой-землей или водой, совершавшагося на праздникѣ Ивана-Купалы. Поэтому въ древне-русскомъ бракѣ отразилось и это вѣрованіе. Въ бракѣ важную роль играла вода. Умыканіе невѣстъ, по свидѣтельству лѣтописца, происходило на праздникахъ, совершавшихся у воды; изъ „Правила“ митрополита Кирилла (конецъ XIII в.) видно, что невѣстъ водятъ къ водѣ. Множество свадебныхъ обрядовъ сводятся такъ или иначе къ водѣ, какъ символу. Во многихъ мѣстностяхъ невѣста, одна или съ женихомъ, идетъ къ рѣкѣ, колодцу,

умывается здѣсь, или ее умываютъ присутствующіе, набираетъ воды и, придя въ домъ жениха, окропляетъ его домъ и домашній скотъ. Въ Великороссіи обливаніе водою замѣнялось купаніемъ въ банѣ. Отправленіе невѣсты въ баню и въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ Великороссіи совершается съ большою торжественностью и обрядностью: невѣсту родные ея при этомъ благословляютъ хлѣбомъ-солью, а присутствующіе одариваютъ деньгами; подруги невѣсты при мытьѣ молодой бьютъ въ сковороды и въ желѣзную заслонку печи.

146. Свадебныя пѣсни. Пѣсенъ, въ которыхъ изображается вступленіе въ бракъ по свободному уговору, сохранилось мало. Въ одной пѣснѣ изображается, какъ мать выводитъ дочь къ гостямъ въ свѣтлую свѣтличку и предлагаетъ ей выбрать себѣ изъ незнакомыхъ гостей — знакомаго, изъ молодыхъ—молодого и наряднаго, съ которымъ ей суждено будетъ вѣкъ вѣковать и мать забывать; дѣвушка выбираетъ себѣ изъ гостей жениха, съ которымъ будетъ вѣкъ вѣковать и матери не забывать. Въ другой пѣснѣ изображается какъ дѣвушка поджидаетъ къ себѣ „суженаго“, „ряженаго“ и снаряжается въ цвѣтное шелковое платье; она проситъ своихъ подружекъ, чтобы онѣ съ появленіемъ суженаго-ряженаго пѣли погромче и веселѣе, чтобы суженый-ряженый не соскучился. Родня суженаго въ нѣкоторыхъ такихъ пѣсняхъ рисуется въ привлекательныхъ чертахъ. Въ этихъ пѣсняхъ тоже встрѣчаются слѣды умыканія и купли, что вполнѣ понятно: свободный уговоръ былъ въ связи съ умыканіемъ, которое въ торговой городской средѣ замѣнялось куплей, имѣвшей первоначально характеръ простого вознагражденія родныхъ невѣсты.

Въ пѣсняхъ, отразившихъ слѣды насильственнаго умыканія, дѣвушка выражаетъ свой страхъ передъ наѣздомъ „лихого наѣздника“, „чужого-чужанина“, т.-е. жениха. Въ одной пѣснѣ поется, какъ дѣвушка, сидя у окна, шила волю золотомъ, обшивала ее чистымъ серебромъ; вдругъ къ окну подлетаетъ орелъ, который совѣтуетъ ей не тратить чистаго серебра и не портить краснаго золота: садъ ея будетъ полоненъ, весь родъ ея покоренъ, а ея волюшка очутится въ неволюшкѣ; къ ея батюшкѣ пріѣдутъ съ боемъ и грабежомъ, ограбятъ батюшку, полонятъ матушку, а ее повезутъ на чужую сторонушку. Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ женихъ

и поѣзжане называются „лютыми татарами“ и „литвою“. [1]) Въ одной изъ этихъ пѣсенъ выражается рѣшимость дать этой „литвѣ“ отпоръ, воевать съ ней, бить ее, но не отдавать „Марусеньки“. Въ одной великорусской пѣснѣ невѣста передъ вѣнцомъ поетъ о томъ, что ей не спалось всю ночь, что, когда стала заниматься заря, явились недруги-разлучники, чтобы разлучить ее съ отцомъ, матерью и ея родомъ-племенемъ; она умоляетъ родимаго брата своего, чтобы онъ пошелъ въ зеленый лѣсъ, срубилъ березыньку и заградилъ ею путь-дороженьку, чтобы ея недругамъ нельзя было ни пройти, ни проѣхать.

Въ пѣсняхъ, отразившихъ слѣды купли невѣсты, невѣста умоляетъ своихъ родителей не соблазняться золотомъ, серебромъ, такъ какъ она у нихъ и безъ золота богатехонька. Въ одной пѣснѣ невѣста проситъ родителей, чтобы они не били полу̀ о полу, не хлопали пирогъ о пирогъ, чтобы они ее, бѣдную, не отдавали на чужую сторону. Когда женихъ торгуетъ мѣсто рядомъ съ ней у ея брата, она обращается къ брату съ просьбой поломаться, постараться, не продавать сестры ни за рубль, ни за золото; но брату, говорится въ пѣснѣ, сестра мила, а золото милѣе; братецъ-татаринъ продалъ сестру за таляръ, русу-косу за полтину. И дѣвушка говоритъ, что тотъ, кого она любила, стоитъ за дверями, а тому, кого она отъ роду не знала, подаетъ свою руку.

При такихъ условіяхъ выхода замужъ жизнь замужняя должна представляться страшной. Чужая сторонушка вся горемъ изнасѣяна, слезами полита, печалью огорожена. Чужіе отецъ съ матерью уродились безжалостными: сердце у нихъ безъ огня разгорается, гнѣвъ раскипается безъ смолы. „Что медвѣдь съ медвѣдицей—богоданный то батюшка съ богоданной матушкой; шипицы колючія—богоданные милы братцы; крапива жгучая—богоданныя сестрицы“. Невѣста сравниваетъ себя съ лебедью, случайно попавшей въ стадо гусиное: сѣрые гуси щиплютъ ее за то, что она не умѣетъ кликать по-гусиному. Чужіе отецъ и мать за все бранятъ и журятъ ее; „ступишь ли ногой—поглядятъ всѣ за тобой; махнешь ли рукой—засмѣются

[1]) Съ исторической точки зрѣнія такія названія вполнѣ понятны: малороссамъ долго приходилось отбиваться отъ татаръ, а бѣлоруссамъ—отъ литовцевъ; совершая свои походы на русскихъ, татары и литовцы захватывали въ плѣнъ русскихъ женщинъ и дѣвушекъ и дѣлали многихъ изъ нихъ своими женами.

надъ тобой; молвишь ли словечко — передразнивать начнутъ; сядешь ли за столъ — всѣ куски во рту сочтутъ; станешь ли молчать—станутъ дурой величать". Невѣста спрашиваетъ себя, какъ величать ей свекра лютаго и свекровь лютую; назвать свекромъ и свекровью — разсердятся, а называть батюшкой и матушкой — не хочется; однако—принуждаетъ себя невѣста— „убавлю я спеси, гордости, прибавлю я ума-разума: назову я свекра батюшкой, а люту свекровь матушкой!" На чужой сторонѣ „надо сорокъ разумовъ, пятьдесятъ обычаевъ", надо быть „вѣковѣчной ключницей-платьемойницей". Невѣста справляется у замужней подруги, какъ живется на чужой сторонѣ; та отвѣчаетъ ей: „Будь головушкой поклонлива, будь сердечушкомъ покорлива, носи платье—не снашивай, терпи горюшко—не сказывай".

Въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ отражается и религіозная сторона брака. Такъ, въ нихъ довольно часто попадается символъ перехода черезъ воду, обозначающій вступленіе въ бракъ. Въ одной пѣснѣ описывается быстрая рѣченька, на которой лежитъ тонкая и гибкая „дощечка"; черезъ этотъ мостъ перешелъ „Михаилъ сударь, перешелъ Гавриловичъ", который перевелъ Анфисиньку. Въ другой пѣснѣ дѣвушка обѣщаетъ дать много золота, еще больше скатна жемчуга тому, кто перевезетъ ее черезъ рѣчку; является, откуда ни возьмись, женихъ, который „спущаетъ молодку на быстру рѣчку".

Есть рядъ пѣсенъ, которыми сопровождаются отдѣльные моменты свадьбы, какъ особой игры, или особаго обряда.

1) Во время рукобитья:

„На сегодняшній бѣлый день выпала роса холодная, ознобила мое сердце ретивое. Благослови, Боже истинный, Божья мать—Богородица, запѣвать пѣсню новую, новую не пѣванную. Что не ключики брякнули, да не замочики щелкнули, — по рукамъ пріударили. Запоручилъ сударь-батюшка и родимая матушка да меня молодешеньку за поруки за крѣпкія да за заряды великіе".

Или:

„Вы послухайте, желанные родители! Ужъ я чѣмъ я провинилася, я которою ногою проступилася? Вы запродайте удоистыхъ коровушекъ, запродайте ступистыхъ лошадушекъ, вы повыкупите, жаланные родители, отъ эвтого чужого чужанина".

2) Проклятія свату и свахѣ:

„Государь ты мой батюшка и родимая матушка! Ужъ вы всѣхъ подчуйте; одного гостя не подчуйте, ужъ вы свата лестливаго... Государь ты мой, батюшка! Ты возьми свата за воротъ, поведи свата за двери, повали его на дровни, да повези его на поле. Ты подай свату борону, чтобъ расчесалъ буйну голову. Уже дай, Боже, сватушку ему за эту за выслугу—на печи бы заблудитися, сквозь напыльникъ (перекладина надъ устьемъ печки) провалитися, да во щахъ ему сваритися, на поваренкѣ бы свата выняли. Киселемъ бы подавитися, да молокомъ бы захлебнутися. Еще дай, Боже, сватушку, ему за эту за выслугу: ему сорокъ бы сыновей, да пятьдесятъ ему дочерей,—сыновей бы не женивать, дочерей не выдавывать“.

„Не кладу я судьбы-жалобы на родителя-батюшка, на сударыню-матушку; я кладу судьбу-жалобу что на сватью на бо̀льшую, на лукавую, вилявую, на змѣю семиглавую, семиглавую, семихвостую: чтобъ тебѣ, сватьюшка, сыновей бы тѣ разбойниковъ, дочерей посидѣлочекъ!“

„Ты, злодѣйка наша, сватовщица, лиходѣйка-обманщица!.. Умереть бы тебѣ, сватовщица, на печи въ углу, подъ шубою... Мы схоронимъ тебя, сватовщица, мы въ темный лѣсъ во раменье, мы подъ горькую осинушку“...

3) Плачъ невѣсты по дѣвичьей волѣ:

„Скучно мнѣ, дѣвушкѣ-сиротинушкѣ, безталанной, бѣдной головушкѣ. При отцѣ росла я, при родимомъ, я у матушки, у сударыни, сиживала подъ окошечкомъ, почесывала буйну головушку, поплетывала трубчату косу. Теперь батюшка да какъ чужъ-чужанинъ, родная матушка хуже мачехи. До зорeньки красныя понаѣлися, до свѣта Божьяго понапилися — пропили меня, дѣвушку-сиротинушку, пропили головушку безпріютную, не глядя на слезы, на жалѣньице, забросили дѣтице въ нелюбиму сторону да на горюшко, на кручинушку, да на плаканье, да на вѣчное“.

4) Пѣсни, которыя поются подругами невѣсты во время приготовленія приданаго:

„Не чаяла меня матушка вѣкъ сбыти, меня вѣкъ сбыти, со двора изжити: изжила меня матушка во единый часъ, во единый часъ, во минуточку. Жарко, жарко въ теремѣ свѣчи горятъ, все горятъ свѣчи воску яраго! Жалко, жалко плакала красная дѣвица по своей косѣ русой... Унималъ ее родной

батюшка, уговаривала родитель-матушка: Ты не плачь, наша умпая! Не тужи, душа разумная! Ужъ вѣдь мы тебя не въ полонъ дадимъ, ужъ вѣдь мы тебя замужъ выдадимъ; отдаемъ тебя за умнаго, что за умнаго, за разумнаго. Ужъ какъ мы тебя не одну спустимъ, — мы тебѣ дадимъ провожатыихъ. — Ты не тѣшь, не тѣшь, родной батюшка! Не уговаривай, родимая матушка! Провожатые всѣ разъѣдутся, — я одна, молодешенька, остануся съ удалымъ добрымъ молодцемъ".

„Что вчера о эту пору, поранѣе малешенько, мимо батюшкинъ широкій дворъ, мимо матушкинъ-то высокъ теремъ, мимо мой темный кутничекъ (задній уголъ избы) пролетѣлъ младъ ясенъ соколъ. Онъ махнулъ правымъ крылышкомъ, онъ черкнулъ сизымъ перышкомъ: Ты не плачь, не плачь, дѣвица, не плачь, дочь отецкая! На чужой-то на сторонѣ и повадно, и весело: всѣ добры да и ласковы до тебя молодешеньки; на чужой-то на сторонѣ три поля проса насѣяны, три горы изнакочены, зеленымъ виномъ поливаны, весельемъ огорожены, радостью исподпираны. И соколу не облетѣти, и конному не объѣхати, а пѣшему не подумати. — Что вчера о эту пору, поранѣе малешенько, мимо батюшкинъ широкій дворъ, мимо матушкинъ новъ высокъ теремъ, мимо мой темный кутничекъ, пролетала лебедушка. Она махнула правымъ крылышкомъ, она черкнула бѣлымъ перышкомъ: Ты поплачь, поплачь, дѣвица, поплачь, дочь отецкая! На чужой-то на сторонѣ не повадно. не весело: всѣ не добры и не ласковы до тебя молодешеньки, На чужой-то на сторонѣ надо жить-то умѣючи, говорить разумѣючи, — голову держать поклончиву, ретиво сердце покорчиво: молодому поклонитися, старому покоритися. — На чужой-то на сторонѣ растутъ лѣса-то вилявые (извилистые), да живутъ люди лукавые: продадутъ да и выкупятъ, проведутъ да и выведутъ они тебя молодешеньку".

„Мнѣ немножко спалось, да много видѣлось, грозенъ сонъ мнѣ-ка привидѣлся: какъ мимо мово крутоскладна зголовьица протекала рѣчка быстрая, какъ около этой рѣчки быстрыя обросла лядина лѣсу частаго, какъ у этой лядины лѣсу частаго стоитъ ель да суковатая, да береза виловатая; какъ по этой рѣченькѣ по быстроей плыветъ сѣрая утушка со сизымъ селезенышкомъ; какъ у сѣрой у утушки призавернута головушка подъ правое подъ крылышко. Разсудите сонъ, пожалуста, вы, народъ, люди добрые! Я сама свой сонъ поразсужу: не утушка

плыла по рѣченькѣ, не сѣрая со сизымъ селезенышкомъ, а плыла я, красна дѣвушка, со чужимъ со чужаниномъ; какъ около этой рѣченьки быстроей не лядина лѣсу частаго, то чужая сторонушка, все чужіе чужанины; то не ель суковатая, то свекровушка зубатая, не береза виловатая, а золовушка зубатая; то не рѣченька протекла быстрая, тутъ протекали со моихъ со ясныхъ очей горючія слезинушки...“

„Какъ нашей дѣвушкѣ темной ночки не спалось, темной ночки не спалось, много во снѣ видѣлось: кабы въ избищѣ старые углы прочь отбивалися, по той по избушкѣ шла гусыня сыпучая, на столбѣ сидѣлъ котище усатый, въ переду на лавицѣ два ясныхъ сокола, у судахъ на оконячкѣ двѣ косатки косатыя, на кроваткѣ во уголышкѣ двѣ лебедки бѣлыя. Будила побуживала родная матушка: Вставай, мое дитятко, встань ранешенько! Встань ранешенько, умывайся бѣлешенько! Я твой сонъ весь разсужу, пословесно разскажу: Избища старая — то чужая сторонушка, углы прочь отвалилися — незнакомые людишки; гусыня сыпучая — то свекровь лихучая, котище усатый — то свекрище старый, ясные соколы — деверье пересмѣшливые, косатки косатыя—позоловки щекатыя, лебедушки бѣлыя—то невѣстки бѣдныя“.

„Ты скажи-ка, чужой чужбининъ! Ужъ ты гдѣ меня повысмотрѣлъ? Ужъ ты гдѣ меня повыглядѣлъ? На горкѣ катаючись, о Христовомъ дни качаючись, аль на тихой смиренной бесѣдушкѣ? И тогда у меня молодешенькой было туку (полноты) принабавлено, было росту принаставлено; накладно да лицо бѣлое: и бѣлымъ (бѣлилами) было набѣленое, алымъ (румянами) да нарумянено“.

5) На дѣвичникѣ:

„Прости, красно мое солнышко, желанный кормилецъ-батюшка, и родительница моя матушка! Охъ-ти мнѣ, да охъ-ти мнѣшинько, дочь кручинная головушка! По послѣднему денечку я сидѣла молодешенька, я во свѣтлой своей свѣтлицѣ, во высокой новой горницѣ. Ужъ я шила волю золотомъ, обшивала чистымъ серебромъ; я смотрѣла, молодешенька, изъ косящата окошечка на озеро на Онежское: изъ-за озера за Онежскаго летятъ птицы заморскія: соловей—птица свистущая, орелъ — птица говорящая; орелъ сѣлъ да на окошечко, соловей сѣлъ подъ окошечкомъ. Орелъ сталъ да выговаривать, соловей сталъ да высвистывать: Не сиди, наша голубушка, подъ косящатымъ

окошечкомъ, ты не трать чиста серебра и не порти красна золота. По сегодняшнему денечку быть саду да полоненному, всему роду покоренному; волюшкѣ быть въ неволюшкѣ, дѣвушкѣ быть во заботушкѣ.—Не задолго поры-времени проскрипѣли дубовы сани, пробренчала золота узда, просвистала шелкова плеть: пріѣзжалъ злодѣй большой сватъ, насулилъ онъ батюшкѣ много пива, много пьянаго. Говорилъ желанный батюшка: Мнѣ-ка пить, да не запитися; не промѣняю любовь дочери я за винную за рюмочку. Выводилъ да злодѣй большой сватъ много злата, много злата, много серебра, много скатнаго жемчугу. Говоритъ родима матушка: Серебромъ-то не шлюзы шлюзить, золотомъ-то не тыны тынить, жемчугомъ да не сады садить. Пропились да промоталися желанные мои родители: пропили мою головушку не за пивную за кружечку, не за винную за рюмочку. Вѣрно, я, молодешенька, надоѣла да наскучила! Видно, бѣдная я напрокучила своимъ долгимъ дѣвичествомъ, глупымъ малымъ ребячествомъ! Я пріѣла, молодешенька, всѣ я стоги пятигодные да засѣки неисходныя, проносила, молодешенька, всѣ я цвѣтныя платьица, придержала, молодешенька, всю безсмѣтную золоту казну! Какъ при мнѣ, да молодешенькѣ, у моихъ свѣтъ у родителей ужъ какъ въ полѣ не родилося, на дворѣ да не плодилося, на столѣ да не спорилося! Изживаютъ меня, бѣдную, будто ворога изъ города, люта звѣря изъ темна лѣса. Погоди, родима матушка! Схватишься да догадаешься, какъ не будетъ меня, бѣдной, и по бережку находишься, камешковъ наприбираешься и къ сердцу наприжимаешься. Рада будешь, красно солнышко, черезъ поле въ глаза видѣти, черезъ лѣсъ да голосъ слышати, черезъ рѣку рѣчь говорити. У меня, у молодешеньки, будетъ волюшка спрошеная, красота да доложеная. Мнѣ захочется тошнешенько на родимую сторонушку, да отхочется скорешенько: у меня день пройдетъ спрошаючи, другой день да вздоложаючись, недѣлька снаряжаючись на родимую сторонушку: осенью-да бездорожьице, а весною-да безпольице, лѣтомъ—лѣтнія работушки, зимой—зимушка студеная. И не спустятъ меня, бѣдную, на родимую сторонушку... Ужъ мы свидимся-понаплачемся, разойдемся-натоскуемся“.

„Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка! Красно солнышко родима матушка! Не бейте вы полу о полу! Не хлопайте вы пирогъ о пирогъ, не пропивайте вы меня, бѣдную, не давайте

вы меня, горькую, на чужу дальню сторонушку, ко чужому отцу, къ чужой матери. Какъ чужіе-то отецъ съ матерью безжалостивы уродилися: безъ огня у нихъ сердце разгорается, безъ смолы у нихъ гнѣвъ раскипается; насижусь-то я у нихъ, бѣдная, ко конецъ стола дубоваго, нагляжусь-то я, наплачуся".

6) При расплетаніи косы:

„У свово-то родима батюшка, у своей-то родимой матушки, я чесала васъ, русы волосы, среди-то полу дубоваго; я мочила васъ, русы волосы, ключевой водой холодною; я сушила васъ, русы волосы, на крутомъ красномъ крылечкѣ я сходимымъ (всходимымъ) краснымъ солнышкомъ. На чужой-то дальней сторонушкѣ, я у свекра у батюшки, я у свекрови у матушки, чесать стану васъ, русы волосы, во кутѣ (во углу) да за занавѣсой; мочить стану васъ, русы волосы, я своими да горючими слезами; а сушить стану васъ, русы волосы, я своей тоской да кручинушкой. И запрутъ васъ, русы волосы, на тридцать три замка, на тридцать три ключа, — и бросятъ эти ключики во сине море Хвалынское. Сохватаетъ эти ключики рыба, да рыба бѣлая"...

„Разсыпайтеся, русы волосы, по моимъ-то могучимъ плечамъ, по моему-то лицу бѣлому, по моему-то платью цвѣтному—по единому волосочику! Вамъ не долго разсыпатися: не годъ поры-времячка, не нидѣлюшка нидѣливать: вамъ единый день до вечера, въ дивьей крàсотѣ въ послѣднее".

7) Передъ отправленіемъ въ баню:

„Ты пожалуй-ка, мила подруженька, со кумушками да со подружками помыться да попариться... Изукрашена тепла паруша (баня) все цвѣточкимя алинькимя... Огорожена путь-дороженька она бѣлой березонькой... У дымнаго-то баннаго окошечка у насъ поставлены да караульщички... Ты пожалуй же, мила подруженька, со кумушками да со подружками помыться да попариться! Ужъ ты смой съ лица горючи слезы, съ тепла сердца — тоску-кручинушку! — Вы подруженьки-голубушки! Не обманете ли меня вы молодешеньку со теплой-то вы со парушей? Не сомью-ли (не смою-ли) свою дивью крàсоту? — Ты не бойся, мила подруженька! Не сомьешь ты свою дивью красоту. Какъ полетитъ твоя дивья красота дымнымъ банныемъ окошечкомъ, со дымами да со кудрявымя, со парами да со медвянымя, тутъ поймаютъ твою дивью красоту что мои-то

братцы милые; принесутъ твою дивью красоту во батюшковъ да во высокій теремъ".

8) При одѣваніи невѣсты:

„По послѣднему денечку нанесло тучку черную, со громами со трескучими, съ молніями со сверкучими, на батюшковъ высокъ теремъ, на матушкину горенку. Пріѣзжалъ чужой чужбининъ, съ храбрымъ своимъ поѣздомъ, съ поѣзжанами молодыми. Гдѣ-то есть у молодешеньки соколъ-братецъ, братецъ родименькой, голубочикъ златокрыленькой, запонка да воротовая, сердоликъ, дорогой камень. Наряжу я, молодешенька, службицу я не великую, да работку не тяжелую: ты сходи-ка, братецъ, соколъ мой, въ постоялую конюшеньку, ты возьми-ка, братецъ, соколъ мой, что ни лошадь саму лучшую; запряги-ка, братецъ, соколъ мой, въ саночки да въ самокаточки; поѣзжай-ка, братецъ, соколъ мой, въ славный городъ Вытегру, въ лавочки торговыя, закупи-ка, братецъ, соколъ мой, горнитуру мнѣ черняго и шелковъ семи разныихъ. Гдѣ-то есть у молодешеньки тайны, милыя подруженьки, дорогія поровеночки (однолѣтки).— Вы повышейте, голубушки, заузорчатую зановѣсь: вы на первомъ углѣ вышейте вы Литву да со татарами; на другомъ углѣ вышейте вы Москву да со боярами; вы на третьемъ углѣ вышейте царя да со царицею; на четвертомъ углѣ вышейте короля со королицею. На середочкѣ же вышейте красно солнышко, со мѣсяцемъ, да со частыми звѣздочками. Ты повѣсь-ко, братецъ, соколъ мой, заузорчатую занавѣсь ко крыльцу да ко перильному и ко столбику точеному, ко колечку золоченому. Какъ поѣдетъ да чужой чужбининъ, въ городахъ онъ не бывающій, мудрости мало видающій: разглядится да разсмотрится на узорчатую зановѣсь и оставитъ молодешеньку на родимой на сторонушкѣ, у желанныхъ у родителей.—Глупая я, красна дѣвица, неразумная головушка! Какъ поѣдетъ чужой чужбининъ: впереди его вожатые, позади же провожатые, по сторонѣ да сбережатые, въ городахъ они бывалые, много мудрости видалые,—не отпустятъ молодешеньку на родимую сторонушку. Не пускай-ка, братецъ, соколъ мой, безъ допросу на крытое крыльцо, безъ докладу красной дѣвицѣ".

9) Передъ благословеніемъ:

„Разодвиньтесь вы, люди добрые, на всѣ четыре сторонушки! Допустите вы меня, горькую, до батюшкиныхъ до рѣз-

выхъ ногъ. Не бѣлая березынька къ землѣ клонится, а я, горькая, кланяюсь батюшкѣ, къ рѣзвымъ ногамъ".

Падаетъ въ ноги отцу и продолжаетъ рыдать у ногъ, говоря:

„Ни злата я у тебя, батюшка, прошу, ни злата, ни серебра. Прошу я у тебя, батюшка, благословенья. Благослови-ка ты меня, батюшка, во чужи люди, во незнамые, во незнамые-незнакомые. Какъ-то мнѣ, батюшка, во чужихъ людяхъ будетъ жить? Какъ-то мнѣ, родимой, чужимъ людямъ будетъ служить? Во чужихъ людяхъ жить горькохонько, во чужихъ-незнакомыхъ служить тяжелехонько".

10) При отпускѣ невѣсты къ вѣнцу:

„Матушка! Да что въ полѣ пыльно? Сударыня моя, да что запылилось?"

— Дитятко! Кони разыгрались, свѣтъ, милая моя, вороные разыгрались.

„Матушка, да чьи-жъ это кони? Сударыня, да чьи вороные?"

— Дитятко! Ивановы кони, свѣтъ, милая моя, его вороные.

„Матушка! Коней-то вѣдь ловятъ, сударыня моя, вороныхъ-то ловятъ".

— Дитятко! Не бось, не пугайся! Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ въ чужи люди.

„Матушка! По дорожкѣ ѣдутъ, сударыня моя, по широкой ѣдутъ".

— Дитятко, не бось, не пугайся! Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ тебя въ чужи люди.

„Матушка! На дворъ, вѣдь, въѣзжаютъ, сударыня моя, на широкій въѣзжаютъ".

— Дитятко! Не бось, не пугайся! Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ тебя въ чужи люди.

„Матушка! Въ горницу входятъ... Сударыня моя, въ новую входятъ!"

— Дитятко! Не бось, не пугайся! Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ тебя въ чужи люди.

„Матушка! За столъ уже садятся, сударыня моя, за дубовый садятся!"

— Дитятко! Садися, крестися, свѣтъ, милая моя, Господь надъ тобою!

„Темно, темно на дворѣ, темнѣе того въ теремѣ. Бояре (поѣздъ жениха) ворота облегли, торгуютъ, торгуютъ Дуняшу".

— Торгуйся, торгуйся, братецъ, не отдавай меня дешево. Проси за меня сто рублей, за мою косыньку тысячу, за мою красоту смѣты нѣтъ.

„Братецъ, постарайся, братецъ поломайся! Не продавай сестру ни за рубль, ни за золото. Брату мила сестра, а золото милѣе...“

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершается при этомъ и обрядъ выплачиванія дружкою брату невѣсты денегъ. Когда онъ приметъ ихъ, то въ Галицкой Руси поютъ:

„Ой, татаръ, братчикъ, татаръ. Продавъ сестру за таляръ (талеръ), русу косу за шестакъ, бѣле личко таки и такъ“.

147. О похоронныхъ пѣсняхъ. Похоронными называются устныя пѣсни, которыми въ древности сопровождались похороны патріарха-старѣйшины, князя, боярина, а позже домохозяина изъ простонародной массы. О существованіи такихъ пѣсенъ въ древности имѣется рядъ свидѣтельствъ.

Арабскій путешественникъ Ибнъ-Фодланъ (начала X в.), описывая похороны одного знатнаго русса и обрекшей себя на смерть рабыни его, говоритъ о томъ, что эта дѣвушка до смерти своей пѣла длинныя пѣсни, въ которыхъ прощалась со своими близкими. Лѣтописецъ, говоря о языческихъ обычаяхъ русскихъ славянъ, упоминаетъ о бѣсовскихъ пѣсняхъ на тризнахъ. Разсказывая подъ 1078 г. о похоронахъ Изяслава Ярославича, лѣтописецъ говоритъ, что его сынъ Ярополкъ „идяше по немь, плачася с дружиною своею: Отче, отче мой! Что еси пожилъ бес печали на свѣтѣ семь, многы напасти приимъ отъ людий и отъ братья своея? Се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою“. Въ посланіи къ Олегу, подъ 1096 г., Владимиръ Мономахъ говоритъ о „желяхъ“, т.-е. о плачахъ по мертвомъ. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ говорится, что послѣ пораженія русскихъ половцами жены павшихъ русскихъ воиновъ плакали по своимъ мужьямъ, говоря, что теперь онѣ уже не увидятъ ихъ своими глазами. Въ „Стоглавѣ“ (XVI в.) постановлено запретить похоронные языческіе обряды и пѣсни, которые описываются такимъ образомъ: „Въ Троицкую субботу по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ (кладбищахъ) и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаніемъ. И егда учнутъ играти скомрахи (комедіанты, актеры) и гудцы (играющіе на гусляхъ) и перегудницы, они же, отъ плача преставше, начнутъ ска-

кати и плясати и въ долони (ладоши) бити и пѣти пѣсни сотонинскія". Даже въ 1715 г. Петръ В., по случаю смерти супруги царя Ѳеодора Алексѣевича, вынужденъ былъ наистрожайше приказать, чтобы никто ни надъ царицей, ни надъ другими покойниками не совершалъ „непристойнаго и суевѣрнаго обычая выть, приговаривать и рваться надъ умершими". Но этотъ обычай сохранился среди простонародія до настоящаго времени, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ даже существуетъ особый классъ женщинъ — „вопленницъ", или „плачей", которыя хранятъ и развиваютъ сохранившійся отъ глубокой древности репертуаръ похоронныхъ пѣсенъ, или, какъ онѣ называются, „заплачекъ", „причитаній".

148. Древне-русскія похороны. Смерть представлялась древне-русскому человѣку переходомъ въ новую жизнь, поѣздкой или путешествіемъ въ новый міръ; погребеніе представлялось снаряженіемъ къ путешествію. Способы погребенія и обряды, которыми погребеніе сопровождалось у древне-русскихъ славянъ, имѣли двѣ цѣли: устроить нормальную жизнь для покойниковъ въ новомъ мірѣ и установить живую связь между ними и ихъ родными. Устроить покойному нормальную загробную жизнь побуждали любовь къ нему, съ одной стороны, а съ другой—опасеніе его мести за пренебреженіе къ нему; установить связь съ покойникомъ необходимо было для того, чтобы заручиться его благоволеніемъ и помощью въ важные моменты жизни. У древне-русскихъ славянъ существовали два главныхъ способа погребенія: 1) сжиганіе тѣла и 2) зарываніе въ землю. Существовалъ, хотя, повидимому, и менѣе былъ распространенъ еще одинъ способъ—спускáніе трупа въ воду.

1) **Сжиганіе тѣла.** О существованіи перваго способа похоронъ—сжиганія, свидѣтельствуетъ Ибнъ-Фодланъ (начала X в.) въ своемъ описаніи похоронъ знатнаго русса. Другое свидѣтельство есть въ нашей лѣтописи, гдѣ описываются нравы русскихъ славянъ-язычниковъ: „И аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ и по семь творяху кладу (костеръ) велику и възложахуть и (его) на кладу, мертвеца сожьжаху и посемь, собравше кости, вложаху въ судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творять вятичи и нынѣ (въ началѣ XII в.). Си же творяху обычая кривичи и прочии погании"... Изъ этого свидѣтельства нашей лѣтописи видно, что прахъ покойника

по сожженіи, собранный въ сосудѣ, ставился на столбѣ на перекресткѣ дорогъ. Но это не было единственнымъ обычаемъ. Раскопки, производившіяся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, указываютъ еще на одинъ способъ сохраненія праха покойниковъ: расчищали мѣсто, на которомъ раскладывался костеръ; трупъ покойнаго сжигался на этомъ кострѣ, а затѣмъ надъ останками насыпался большой курганъ.

Сжиганіе труповъ у русскихъ славянъ соединялось съ особымъ представленіемъ о загробной жизни; а именно, предполагалось, что покойный, благодаря сожженію, уносится въ надземный міръ, въ воздушныя пространства, гдѣ продолжаетъ свое существованіе. Когда Ибнъ-Фодланъ сообщилъ одному руссу, что у арабовъ трупы зарываютъ въ землю, руссъ удивился глупости арабовъ: „Умершему,—сказалъ руссъ,—и такъ тяжело, а вы еще наваливаете на него лишнюю тяжесть, зарывая въ землю. Вотъ у насъ лучше; посмотри, — сказалъ онъ, указывая на сгораніе трупа знатнаго русса,— какъ легко нашъ умершій восходитъ къ небесамъ вмѣстѣ съ дымомъ“. Покойники носятся по воздуху на коняхъ. Этому представленію нашихъ предковъ соотвѣтствуетъ сообщеніе Ибнъ-Фодлана, что вмѣстѣ съ трупомъ русса сожжена была и его лошадь.

2) **Зарываніе въ землю.** Второй способъ похоронъ—зарываніе трупа въ землю—находилъ себѣ у насъ примѣненіе тоже очень рано. Онъ находился въ связи съ инымъ представленіемъ о загробной жизни; именно, предполагалось, что покойники живутъ подъ землею, въ подземномъ царствѣ Гробъ, въ который клался трупъ, представлялся жилищемъ, домомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ гробъ прямо называется теперь „домовиной“.

Жизнь за гробомъ представлялась продолженіемъ земной жизни, хотя и въ особыхъ таинственныхъ формахъ. Поэтому существовалъ обычай при первомъ способѣ похоронъ сжигать вмѣстѣ съ трупомъ предметы, необходимые для продолженія жизни: любимую жену, коня, оружіе и т. д.; если же похороны состояли въ зарываніи трупа въ землю, то эти предметы хоронились вмѣстѣ съ покойникомъ. Кромѣ того, въ гробъ клали яства и напитки.

Вѣра въ продолженіе жизни покойниковъ сказывается въ цѣломъ рядѣ обрядовъ, существующихъ въ народныхъ массахъ и теперь. Въ сѣверной Россіи существуетъ обычай на поминальномъ обѣдѣ ставить лишній приборъ—для покойнаго;

ложка кладется подъ скатерть; послѣ обѣда ложка подвергается осмотру; если она окажется влажной, это служитъ знакомъ того, что покойный присутствовалъ за обѣдомъ и пользовался ею. Другой обычай во время поминальнаго обѣда состоитъ въ томъ, что сажаютъ на печь (§ 21) ребенка и заставляютъ смотрѣть его на столъ черезъ хомутъ (хомутъ — символъ поѣздокъ мертвецовъ на коняхъ), не видать ли за столомъ лишняго человѣка.

Съ принятіемъ христіанства обычай сожженія исчезаетъ и замѣняется зарываніемъ въ землю. Вмѣстѣ съ тѣмъ и обряды, имѣвшіе цѣлью устройство покойному нормальной загробной жизни, вытѣсняются обрядами церковными; съ исчезновеніемъ этихъ обрядовъ исчезаютъ и пѣсни, которыя съ ними связаны были, такъ какъ и онѣ замѣнились пѣснями церковными. Сохранившіяся до нашего времени причитанія и заплачки носятъ по преимуществу элегическій характеръ: онѣ выражаютъ горе, вызванное смертью дорогого покойника.

149. Причитанія и заплачки. Въ причитаніяхъ и заплачкахъ сохранились слѣды двоякаго рода представленій: о загробной надземной жизни покойниковъ и о загробной подземной жизни.

Идея о надземной жизни покойника выражается въ образахъ удаленія души умершаго къ небеснымъ свѣтиламъ — къ солнцу и мѣсяцу, къ восточной сторонѣ. „Пріубрался, поется въ одной пѣснѣ—свѣтъ надежная головушка къ красну солнышку на приберегушку, къ свѣтлу мѣсяцу — на придракушку (ласковый уходъ)“. Въ другой пѣснѣ поется: „Пріукрылся нашъ желанный родной дядюшка онъ за темные лѣса за дремучіе, за высокія горы, за толкучія, за синія моря да за глубокія, вровень съ облачками онъ да съ ходячими, ко луны онъ, нашъ свѣтъ, да подвосточной“. Въ третьей пѣснѣ: „Удалилась моя бѣлая лебедушка за горушки она за высокія, за облачка она за ходячія, къ красну солнышку, дѣвица, во бесѣдушку къ свѣтлу мѣсяцу она въ приберегушку“. „Удалилось рожено ваше дитятко за темные лѣса за дремучіе, за высокія горы за толкучія; ко зари оно, дите, да ко восточноей; туды вѣтрышки вѣдь не провѣваютъ, лютое звѣрье не прорыскивае, малая птица не пролетывае; ни прохожіихъ туды, ни проѣзжіихъ; хоть не дальняя сторонушка — безъизвѣстная, не колодистъ туды путь—безповоротный“. Въ одной

пѣснѣ изображается, какъ умершіе носятся на облакахъ, встрѣчаются другъ съ другомъ и узнаютъ знакомыхъ.

Въ другихъ пѣсняхъ преобладаетъ идея о подземной жизни покойниковъ. Иногда эта идея переплетается въ однѣхъ и тѣхъ же пѣсняхъ съ идеей о надземной жизни. „Хоть отпущено рожено у меня дитятко хоть не въ дальнюю дорожку,— безъизвѣстную, не въ лѣсные перелѣски мутареливые (мытарственные), ко этой Пресвятой да Богородицѣ, во матушку да во сыру землю, во погреба онъ да во глубокіи; теперь все прошло, миновалося, я навѣки съ дитемъ да поразсталась“. Гробъ въ связи съ идеей подземной жизни представляется жилищемъ, домомъ: „Нонь повыду на крылечко переное, гдѣ дѣлаютъ колоду бѣлодубову, гдѣ ладятъ кресты животворящіе; на допросъ возьму я плотничковъ-работничковъ: Ай же плотнички-работнички, кто задалъ (заплатилъ) вамъ золоту казну безчетную, что вы дѣете холодную хоромину не мшоную; не обнесены брусовы бѣлы лавочки, не прорублены косевчаты окошечки, не врѣзаны стекольчаты околенки, не складена печенька муравленая, не устлана перинушка пуховая, не собраны утѣхи вси съ забавушкой“.

Сохранивъ слѣды двоякаго представленія о загробной жизни, наши похоронныя пѣсни замѣчательны и въ художественномъ отношеніи. Въ нихъ встрѣчаются интересные образы: 1) горя, 2) смерти и 3) душевнаго настроенія родныхъ умершаго.

1) Образы горя. Въ похоронныхъ пѣсняхъ горе представляется живымъ существомъ, которому даются разныя наименованія: горе-злосчастье, безсчастье, досада, кручина-злодѣйка, безталанница. Горе представляется въ образахъ „обиды“ (т.-е. бѣды, злого дѣла), „судины“ (судьбины), „жребія“, даннаго человѣку отъ роду и преслѣдующаго его до конца жизни. „Ой лѣса, лѣса дремучіе, вы задавите злу обидушку; ой же матушка сыра-земля, ты прими меня сиротинушку“. Въ пѣснѣ по утопленникѣ говорится: „Знать, судинушка по берегушку ходила, страшно, ужасно голосомъ водила, во длани судинушка плескала, до суженыхъ головъ да добиралась“. Въ одной пѣснѣ высказывается, что несчастіе прокрадывалось уже съ колыбели: „Зло безсчастье тутъ ко мнѣ да пробиралося; кругомъ наковъ ремней да обвивалося, въ дырявой люлечкѣ, знать, со мной оно, злодійно, качалося, вдвое-втрое тутъ накачалося, впереди

оно, безсчастье, не укатится, позади оно не останется". Нерѣдко горе изображается нечаянно, неизвѣстно откуда, явившимся: „Я не знаю нонь, обидна красна дѣвица, откуль напасть велика буде кручинушка; посмекаю я дѣвичьимъ умомъ-разумомъ, съ океанъ-моря напасть ли, моря синяго, аль съ холодной, съ подсиверной сторонушки, аль съ темныхъ лѣсовъ невзгодушка дремучихъ".

Образъ горя, какъ живого существа, неизвѣстно откуда набрасывающагося на человѣка и преслѣдующаго его иногда всю жизнь, встрѣчается не только въ причитаніяхъ и заплачкахъ, но и въ простонародныхъ пѣсняхъ и сказкахъ о горѣ-злосчастіи, а также въ повѣсти на ту же тему о горѣ (см. кн. 2-ую).

2) **Символы смерти.** Смерть въ похоронныхъ пѣсняхъ изображается въ видѣ молодой женщины, красной дѣвицы, калики перехожаго (странника) и птицы. При этомъ смерть приходитъ съ синяго моря или съ чистаго поля незамѣтно, крадучись, голодная и холодная. „Подходила тутъ скорая смеретушка; она крадучись шла, злодѣйка-душегубица, по крылечку ли она да молодой женой, по новымъ ли шла сѣнямъ да красной дѣвушкой, аль калѣкой она шла да перехожею, со синя ли моря шла да все голодная, со чиста ли поля шла да вѣдь холодная; у дубовыхъ дверей да не ступялася, у окошечка вѣдь смерть да не давалася (т.-е. не просилась). Потихошеньку она да подходила и чернымъ ворономъ въ окошко залетѣла". Со смертью, какъ съ живымъ существомъ, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ выражается пожеланіе вступить въ бой, отогнать ее съ оружіемъ въ рукахъ. Въ другихъ пѣсняхъ упрашиваютъ смерть пощадить умирающаго; но смерть остается неумолимой.

Образъ смерти-птицы находится въ связи съ повѣріемъ относительно птицъ, предвѣщающихъ смерть: это главнымъ образомъ — хищныя птицы, крикъ и прилетъ которыхъ служитъ печальнымъ предвѣстіемъ чьей либо смерти.

3) **Картины душевныхъ настроеній.** Потеря родного, особенно неожиданная, соединяется съ чувствомъ недовѣрія къ совершившемуся факту. Это недовѣріе находитъ себѣ въ похоронныхъ пѣсняхъ образное выраженіе въ слѣдующихъ формахъ:

а) Обращеніе къ окружающимъ съ разспросами. Родственникъ умершаго обращается къ сосѣдямъ, знакомымъ, роднымъ съ вопросомъ, не видали ли они гдѣ нибудь умершаго: „Ты по-

думай-ко, любима мила сватьюшка; да какъ шла путемъ широкой дороженькой, ты не стрѣтила-ль надежной тамъ головушки въ темномъ лѣсу дремучемъ, аль на чистомъ его полюшкѣ? Кругомъ шла да какъ ты малаго озерышка, по крутому ты шла да какъ по бережку, тамъ не видѣла-ль любима мила сватьюшку?"

б) Отыскиваніе умершаго. Изображается отыскиваніе умершаго въ домѣ, на дворѣ, въ полѣ, на берегу рѣки: „Повзыскать пойду сердечно свое дитятко, по всему пойду хоромному строеньицу; обойду да по селу я деревенскому, поспрошу я у любимыхъ поровесниковъ (сверстниковъ): дите да не сидитъ ли на бесѣдушкѣ?... Не могу пойти, печальная головушка. Пойду съ горюшка во чистое во полюшко: онъ не ходитъ ли въ раздольѣ, во чистомъ полѣ, не гуляетъ ли онъ, свѣтъ, въ зеленомъ саду?.. Я съ тоски пойду ко быстрой этой рѣченькѣ; онъ не ходитъ ли по крутому по бережку, не стрѣляетъ ли водоплавныхъ сѣрыхъ утушекъ съ этого оружія зарукавнаго?"

в) Обращеніе къ стихіямъ природы. Поющій обращается къ вѣтру или водѣ съ просьбой разметать или размыть могилу, чтобы можно было увидѣть умершаго: „Вы сповѣйте, вѣтры буйные, со низовой со сторонушки; разнесите, вѣтры буйные, всѣ пески да вѣдь сыпучіе и всѣ камешки катучіе! Разступись-ко, мать-сыра земля, расколись-ко гробова доска, размахнитесь, бѣлы саваны! Ужъ вы, ангелы-архангелы, опуститесь съ неба на землю, вы кладите свѣту-батюшку во бѣлы груди здыханьицо,. во ясны очи гляденьицо!"

150. Пріемы древне-русскаго устнаго творчества. Изложенные въ предыдущихъ параграфахъ (§§ 134—149) виды устнаго творчества, т.-е. заговоры, пѣсни праздничныя и бытовыя, обнаруживаютъ въ своей основѣ опредѣленные пріемы художественнаго творчества, общіе имъ всѣмъ.

Основной пріемъ древне-русскаго устнаго творчества сводится къ *параллелизму*, т.-е. къ сопоставленію явленій душевнаго міра съ явленіями внѣшней природы. Этотъ пріемъ возникъ изъ анимистическаго міровоззрѣнія, согласно которому природа представляется обществомъ живыхъ существъ, подобнымъ патріархально-родовой общинѣ людей (§ 8). Явленія душевнаго міра напоминали древнему человѣку рядъ явленій въ природѣ, органической и неорганической, и, наоборотъ, явленія во внѣш-

ней природѣ напоминали ему явленія его собственнаго душевнаго міра. Такъ какъ древній человѣкъ еще не отдѣлялъ себя отъ природы и не противопоставлялъ себя ей, то онъ, изображая свои внутреннія переживанія, невольно сплеталъ съ ними явленія природы, и наоборотъ.

Параллелизмъ, какъ пріемъ древне-русскаго устнаго творчества, распадается на слѣдующіе виды: 1) положительный параллелизмъ, 2) отрицательный параллелизмъ, 3) символическій параллелизмъ и 4) сравнительный параллелизмъ.

1) Положительный параллелизмъ. Параллелизмъ положительный состоитъ въ томъ, что явленіе или событіе изъ человѣческой жизни сопровождается положительною параллелью изъ жизни природы. Напр.: „Цвѣли цвѣтики, да поблекли, любилъ меня милый другъ, да покинулъ“, „Благословлялось красное солнышко у свѣтлаго мѣсяца, благословлялся князь молодой у родного батюшки“. „Зеленый лѣсочекъ къ землѣ приклонился, а что же ты, парнишка, холостъ, не женился“, „Хилилася вишня видъ (отъ) верху до корени,—наклонилася Маруся черезъ стилъ (столъ) до батенька“, „Стелется и вьется по лугамъ трава шелковая,—цѣлуетъ, милуетъ Михайло свою женушку“, „Отломилась вѣточка отъ садовой отъ яблоньки, откатилось яблочко,—отъѣзжаетъ сынъ отъ матери на чужу дальню сторону“, „Тонкое деревцо свирѣльчатое, нѣтъ его тончѣе изо всей рощи,—умная дѣвушка Еленушка, нѣтъ ея умнѣе изо всей родни“, „Гуси, лебеди видѣли въ морѣ утушку, не поймали, только подмѣтили, крылышки подрѣзали,—князи-бояре-сватьи видѣли Катичку, не взяли, подмѣтили, косу подрѣзали“.

2) Параллелизмъ отрицательный. Отрицательный параллелизмъ состоитъ въ томъ, что событіе изъ человѣческой жизни сопровождается отрицательной параллелью изъ жизни природы. Примѣры: „Не бѣлая береза нагибается, не шатучая осина расшумѣлася,—добрый молодецъ кручиной убивается“, „Не орелъ подъ сѣни подлетѣлъ,—Ванька по сѣнямъ походилъ“, „Не ручей да бѣжитъ, быстра эта рѣченька,—это я, бѣдная, слезами обливаюся; и не горькая осина разстонулася,—это зла моя кручина расходилася“.

3) Пареллелизмъ символическій. Символическій параллелизмъ состоитъ въ томъ, что событіе изъ человѣческой жизни сопровождается прочной, получившей опредѣленный устойчивый

смыслъ, параллелью изъ внѣшняго міра. Устная лирика почерпаетъ свои символы изъ трехъ источниковъ: а) изъ неорганической природы, б) изъ міра животныхъ, в) изъ растительнаго міра.

а) Символы изъ неорганической природы. Солнце, закрытое тучами, паденіе звѣздъ, туманъ, мутная вода, паденіе листьевъ, наклоненіе деревьевъ или вообще растительности къ землѣ, разливъ воды, сыпанье жемчуга, — всѣ эти образы служатъ символами печали, грусти. Примѣры: „Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, а злодѣй-тоска въ ретиво сердце, — не сходить туману съ синя моря, ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ“, „Ты разсыпься, крупенъ жемчугъ, что по атласу, да по бархату, — ты расплачься, невѣстушка“, „Ой, разлійся, водзица, а по лугу, по долинѣ,—ой расплачься, Ганулька, на роду, на племени“.

Особую роль играетъ въ устной лирикѣ вода: вода, питье воды — символы любви, а переходъ черезъ рѣку — символъ брака. Примѣры: „Тече рѣчка невеличка, схочу-перескочу,— отдай мени, моя мати, за кого я хочу“, „Ой, не ходи коло воды, жовтоногій копче: е у мене кращій тебе, дороженьку топче; ой не ходи коло воды билыми ногами: е у мене кращій тебе, съ чорными бровями“, „Черезъ рѣченьку черезъ быструю, подай рученьку, подай другую“ — предлагаетъ дѣвицѣ молодецъ.

б) Символы изъ міра животныхъ. Образы сокола и орла примѣняются къ доброму молодцу; образъ бѣлой лебеди означаетъ молодую женщину, чаще дѣвушку, голубь и голубка — символъ супружеской любви, кукушка — символъ тоскующей женщины, чайка — символъ тоскующей женщины въ малорусской поэзіи. Примѣры: „Любилися, кохалися, якъ голубивъ пара“, „Не кукушка во сыромъ лѣсу куковала, а жена горевала“, „Вскинусь я, взброшусь я кукушечкою, полечу я на свою сторонушку, на батюшкину“, „Ой, бида чайци небози, щи вывела дитки при битій дорози“.

в) Символы изъ міра растеній. Калина — символъ молодости, по преимуществу, дѣвичьей, веселья, разгула; калина въ своихъ различныхъ видахъ и состояніяхъ даетъ образы для символизированія всевозможныхъ явленій изъ жизни дѣвушки, или молодой женщины: калина вообще означаетъ женщину; калина, съ опустившимися вѣтвями, — символизи-

руетъ печаль дѣвушки; ломать вѣтви калины значитъ брать дѣвушку замужъ; собирать калину, ходить по калину значитъ искать любви, любить; гулять по калиновому мосту значитъ предаваться беззавѣтному веселью, разгулу. Въ одной пѣснѣ тоскующая дѣвушка приглашаетъ молодцовъ построить ей „калиновый мостокъ", т.-е. развеселить ее. Въ другой— состарѣвшаяся дѣвушка хочетъ вернуть свои молодые годы; она догоняетъ ихъ на калиновомъ мосту и, обращаясь къ нимъ со словами, говоритъ: „Ой, нагнала лѣта мои на калиновомъ мосту; ой, вернитеся, вернитеся хоть на часокъ въ гости!"

Калинѣ противополагается яворъ—символъ грусти, печали. Въ одной пѣснѣ дѣвушка говоритъ, что ей хочется пить, да въ криницѣ вода не чиста, потому что въ нее попали листья явора; она проситъ молодцовъ очистить криницу отъ листьевъ: „Напилась бы я водици, криница не чиста: ой, нападало въ криницю яворoваго листу. Ой, збудуйте мени, хлопци, мосточекъ калиновый! Ой, вычистить изъ криници той листъ яворовый".

4) **Сравнительный параллелизмъ.** Сравнительный параллелизмъ состоитъ въ томъ, что параллель, которою сопровождается какое-нибудь событіе изъ человѣческой жизни, основывается на сходствѣ, вызывающемъ сравненіе. Это сравненіе выражается двояко: при помощи союзовъ (какъ, будто, словно, ровно, точно, что), или въ формѣ творительнаго падежа. Примѣры: „Ужъ какъ матушка плачетъ, какъ рѣка течетъ; сестра то ли плачетъ, какъ ручьи кипятъ", „Красна дѣвица идетъ, словно павушка плыветъ", „Покажись, приди, надежная головушка, хоть съ-подъ кустышка приди, да сѣрымъ заюшкомъ, изъ-подъ камышка явись да горностаюшкомъ", „Конь мой лошадь, аки лютый звѣрь".

На ряду съ параллелизмомъ, устное творчество прибѣгаетъ къ такимъ общеизвѣстнымъ пріемамъ какъ употребленіе 1) эпитетовъ, 2) тавтологій и 3) повтореній.

1) **Эпитеты.** Эпитетами называются слова, живо изображающія такую черту въ предметѣ, которая производитъ впечатлѣніе наиболѣе характерной. Изъ видовъ эпитета устное творчество предпочитаетъ, такъ называемые, постоянные эпитеты, т.-е. такіе, которыми одинъ и тотъ же предметъ сопровождается постоянно. Такъ, въ великорусской устной ли-

рикѣ употребительны слѣдующіе постоянные эпитеты: „черный“ воронъ, дѣвица „красная“, земля „сырая“, поле „чистое“, тѣло „бѣлое“, кудри „русые“, коса „русая“, ноги „рѣзвыя“, батюшка „родимый“, трава „зеленая“, „синее“ море, „сѣрый“ волкъ, „борзый“ конь; иногда къ эпитету прилагательному присоединяется еще существительное: „матушка сыра“ земля, подворотня дорогъ „рыбій зубъ“ (моржовая кость). Въ малорусской устной поэзіи употребительны слѣдующіе эпитеты: „чорный“ воронъ, волкъ „сѣрый“, „зелена“ трава, „синее“ море, „чистое“ поле, степи „широки“, „чорная“ хмара.

2) **Тавтологія.** Тавтологія состоитъ въ томъ, что рядомъ ставятся два слова, однородныхъ по корню или по значенію. Таковы, напр., выраженія: „шутки шутить“, „думу думать“, „судъ судить“, „ряды рядить“, „мосты мостить“, „дзвоны дзвонили“, „на помочь помогае“, „думать-гадать“, „родъ-племя“, „конь-лошадь добрая“, „путь-дорога“, „океанъ-море“. Къ подобнымъ тавтологическимъ выраженіямъ приближается сочетаніе двухъ словъ, изъ которыхъ одно обозначаетъ родъ, къ которому принадлежитъ предметъ, а другой — его видъ: „прилетѣла птичка-синичка“, „рыба-щука“, „ковыль-трава“.

3) **Повтореніе.** Повтореніе состоитъ въ томъ, что одно слово въ предложеніи или нѣсколько словъ повторяются: „А нашего полку убыло, убыло“, „И я золото хороню, хороню, чисто серебро хороню, хороню“, „По широкой по рѣкѣ, по раздольной по Окѣ“. Повтореніе въ устномъ творчествѣ можетъ достигаться и при употребленіи особыхъ способовъ, а именно путемъ отрицанія противоположнаго понятія или при помощи соединенія родственныхъ по смыслу и этимологически словъ: „А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю“, „Свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ, не низко, высоко, не близко, далеко“, „Мурава трава зеленая“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сказки.

151. О сказкахъ. Сказками называются устныя произведенія, въ которыхъ изображаются приключенія фантастическихъ героевъ. Въ древности онѣ назывались „баснями“,

„байками“. Разсказчики сказокъ до сихъ поръ называются среди простонародія „баянами“, „баюнами“, „баутчиками“ и „бахарями“.

Сказки въ простонародномъ быту служатъ въ настоящее время для забавы, препровожденія времени. Простой народъ не относится къ нимъ съ такой серьезностью, которая проявляется у него въ отношеніи къ пѣснѣ. Такое различіе выражено самимъ простонародіемъ слѣдующими словами: „сказка — складка, пѣсня — быль“. Этими словами простонародіе проводитъ рѣзкую черту между обоими видами творчества: сказка, по его убѣжденію, — порожденіе фантазіи, пѣсня—отраженіе былого, того, что было народомъ на самомъ дѣлѣ пережито.

Сказки очень рано превратились у насъ въ источникъ забавы. Въ „Словѣ о богачѣ и бѣднякѣ“ (XII в.) описывается, какъ забавляется древне-русскій богачъ на сонъ грядущій: домочадцы и слуги „ноги ему гладятъ... иніи гудуть, иніи баютъ (подразумѣвается сказки) ему...“. Значитъ, уже въ глубокой древности происходило то, что намъ извѣстно изъ позднѣйшей эпохи крѣпостного права XVIII — XIX вв.

Однако сказки, вопреки простонародному убѣжденію, не составляютъ продукта чистой фантазіи: въ нихъ отразились бытъ и воззрѣнія иногда очень древняго происхожденія, но впослѣдствіи уже забытые. Такъ, въ сказкахъ встрѣчается отраженіе такихъ чертъ, которыя характеризуютъ грубость древняго быта: людоѣдство (Баба-Яга), разрубаніе тѣла на мелкія части, выниманіе сердца и печени, выкалываніе глазъ, выбрасываніе стариковъ, новорожденныхъ, больныхъ и слабыхъ на голодную смерть, казнь осужденныхъ при помощи привязыванія ихъ къ хвостамъ лошадей, выпускаемыхъ на свободу въ поле, закапываніе въ землю живыми, слѣды коммунистическихъ половыхъ отношеній (бракъ кровныхъ родныхъ—брата и сестры, сына и матери, отца и дочери), надземное погребеніе (на высокихъ столбахъ), клятвы землею.

Именно, какъ продуктъ творчества очень древнихъ, по преимуществу языческихъ, временъ, сказки подвергаются такъ же, какъ и остальные виды устнаго творчества, преслѣдованію со стороны духовенства уже очень рано. Въ XI в. запрещается „баять сказки“, „кощюнить“ (разсказывать смѣшное), подвергаются порицанію разказчики сказокъ, „празднословци“ „смѣхословци“. Въ XII в. запрещается басни „баять“ и т. д. Даже въ

XVII в. осуждаются тѣ, которые „сказки сказываютъ небывалыя“.

Несмотря на эти запрещенія, сказки въ устахъ простого народа уцѣлѣли, конечно, въ измѣненномъ видѣ, до сихъ поръ.

152. Происхожденіе и составъ русскихъ сказокъ. Сравненіе русскихъ сказокъ со сказками другихъ народовъ показало чрезвычайное сходство ихъ по содержанію. Замѣчательно, что сходны сказки не только у народовъ аріо-европейскихъ. Многія сказки, различаясь въ подробностяхъ, сходны между собою по существу у народовъ самыхъ разнообразныхъ расъ: аріо-европейской, монгольской, даже черной.

Это сходство объясняется слѣдующими причинами: 1) сходствомъ условій жизни у разнообразныхъ народовъ; при такомъ сходствѣ творческая мысль у народовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга пространствомъ и временемъ, должна была приходить къ однороднымъ результатамъ независимо другъ отъ друга; 2) сходство сказокъ собственно у аріо-европейскихъ народовъ отчасти можетъ быть объяснено сохраненіемъ отдѣльными племенами поэтическихъ преданій, бывшихъ нѣкогда общимъ достояніемъ аріо-европейсвой расы до ея распаденія на отдѣльныя племена; 3) сходство сказокъ аріо-европейскихъ народовъ съ сказками народовъ другихъ расъ можетъ быть объяснено также заимствованіями, совершившимися подъ вліяніемъ мирныхъ и военныхъ отношеній различныхъ расъ.

Въ настоящее время установлено нѣсколько путей, по которымъ сюжеты сказокъ могли отъ однихъ народовъ попадать къ другимъ. Два ученыхъ, Бенфей и Либрехтъ, полагаютъ, что центромъ, откуда сказочные сюжеты распространялись во всѣ стороны, была Индія.

Бенфей перевелъ на нѣмецкій языкъ сборникъ индійскихъ сказокъ „Панчатантра“ („Пятикнижіе“), снабдивъ его обширными комментаріями. Распространеніе сказокъ изъ Индіи онъ связываетъ съ распространеніемъ буддизма: именно, изъ Индіи сюжеты сказокъ вмѣстѣ съ буддизмомъ попали въ Тибетъ, къ монголамъ; отсюда монголами онѣ были занесены въ Европу, восточную часть которой они завоевали въ половинѣ XIII в.; они передали сказки русскимъ, а отъ русскихъ онѣ перешли къ западнымъ европейцамъ. Таковъ одинъ изъ возможныхъ путей передачи сказокъ.

Либрехтъ намѣчаетъ другой путь: изъ Индіи сказки пере-

шли на югъ къ арабамъ; отъ послѣднихъ въ Византію, а изъ Византіи въ Европу, восточную и западную. Таковъ другой путь заимствованій.

Но если возможно было заимствованіе сказочныхъ сюжетовъ русскими и западно-европейцами изъ Индіи черезъ посредство монголовъ и Византіи, то не менѣе вѣроятнымъ представляется и заимствованіе сказочныхъ сюжетовъ индійцами, монголами и арабами, тѣми же путями, у европейскихъ народовъ. Завоеваніе Малой Азіи, Ирана и части Индіи Александромъ Македонскимъ должно было подготовить возможность заимствованій у грековъ указанными народами.

Переходы сказочныхъ сюжетовъ отъ однихъ народовъ къ другимъ, конечно, сопровождалось ихъ измѣненіемъ и смѣшиваніемъ другъ съ другомъ. Поэтому отличить, что въ сказкѣ принадлежитъ мѣстному народу и что заимствовано,—трудно: сказки по своимъ сюжетамъ и обработкѣ — международны и лишь слегка носятъ національный отпечатокъ.

153. Дѣленіе сказокъ. Сказки древнѣйшаго происхожденія дѣлятся на два разряда: 1) сказки о животныхъ и 2) сказки, отразившія миѳическія представленія.

154. Сказки о животныхъ. Сказками о животныхъ („животнымъ эпосомъ“) называются такія, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются дикіе звѣри, рѣже—домашнія животныя. Сказки этого разряда должны были сложиться въ ту эпоху, когда основныя занятія заставляли человѣка часто сталкиваться со звѣрями, т.-е. въ эпоху звѣроловства и скотоводства. Въ эту эпоху борьба со звѣрями, вслѣдствіе плохого вооруженія человѣка, была очень опасна: человѣкъ казался самому себѣ слабымъ сравнительно съ цѣлымъ рядомъ хищныхъ звѣрей; наоборотъ, многіе звѣри должны были представляться ему необыкновенно могучими. Подъ вліяніемъ анимистическаго міровоззрѣнія человѣкъ приписывалъ звѣрямъ человѣческія свойства, иногда даже въ преувеличенныхъ размѣрахъ: крикъ звѣря или птицы былъ человѣку непонятенъ, но человѣческая рѣчь звѣрямъ и птицамъ понятна; звѣрь и птица знаютъ больше, чѣмъ человѣкъ, и понимаютъ стремленія человѣка. Въ эту эпоху человѣкъ обоготворялъ животныхъ, какъ носителей болѣе высокой, чѣмъ у человѣка, силы; въ эту эпоху возникло убѣжденіе въ возможности превращенія человѣка въ звѣря и обратно. Ростъ человѣческаго могущества долженъ былъ по-

степенно ослаблять эти взгляды и убѣжденія, и это должно было отразиться на содержаніи сказокъ о животныхъ.

Главными дѣйствующими лицами русскихъ сказокъ о животныхъ являются лиса (въ индійскихъ сказкахъ вмѣсто лисы—шакалъ), волкъ, медвѣдь, заяцъ, коза и козелъ, быкъ, лошадь, собака, воронъ, пѣтухъ. Наиболѣе часто героями сказокъ о животныхъ являются лиса и волкъ. Объясняется это тѣмъ, что, *во-первыхъ*, съ ними человѣку чаще всего приходилось сталкиваться въ хозяйственной дѣятельности; *во-вторыхъ*, эти звѣри по величинѣ и силѣ занимаютъ въ животномъ царствѣ средину; наконецъ, *въ третьихъ*, благодаря предыдущимъ двумъ причинамъ, съ ними человѣкъ имѣлъ возможность очень близко познакомиться.

Лиса послужила предметомъ обширнаго эпоса въ Западной Европѣ: во Франціи этотъ эпосъ называется Roman de Renart, а въ Германіи—Reinhart Fuchs. И въ западно-европейскомъ животномъ эпосѣ, и въ нашихъ сказкахъ лиса одинаково представляется звѣремъ пронырливымъ, коварнымъ, хитрымъ, своею хитростью берущимъ перевѣсъ надъ другими звѣрями, болѣе сильными, чѣмъ она,—надъ волкомъ и медвѣдемъ. Въ нашихъ сказкахъ лиса носитъ рядъ прозвищъ: кума-лиса, лисичка-сестричка, лиса-Патрикѣевна, Лизавета Ивановна и т. д.

Волкъ выступаетъ уже съ иными чертами: онъ золъ, жаденъ, прожорливъ, но глупъ и недогадливъ; лиса часто подшучиваетъ надъ нимъ и проводитъ его, но волкъ всякій разъ снова дается ей въ обманъ.

И волкъ, и лиса выступаютъ въ сказкахъ съ рѣзко опредѣленными чертами. Гораздо менѣе опредѣленной фигурой въ сказкахъ является медвѣдь: отличительная черта его — недогадливость.

Сказки о животныхъ дѣлятся на три группы.

1) **Первая группа**. Къ первой группѣ относятся сказки, въ которыхъ изображаются характерныя черты лисы и волка. Изъ сказокъ этой группы наиболѣе интересны слѣдующія: а) „Лиса-повитуха“, б) „Кража рыбы лисой“, в) „Ловля рыбы волкомъ“, г) „Битый небитаго везетъ“, и д) „Двѣ хаты“.

а) „Лиса-повитуха“. Жили-были кумъ съ кумою—волкъ съ лисою. Была у нихъ кадочка медку. А лисица любила все сладенькое. Вотъ лежитъ кума въ избушкѣ, да украдкой постукиваетъ хвостомъ. Волкъ обращаетъ вниманіе лисы, что кто-то сту-

читъ. „А, знать меня на повой (повивать новорожденнаго) зовутъ“, отвѣчаетъ лиса, выходитъ изъ избы, идетъ къ меду, нализывается и возвращается обратно. „Что Богъ далъ?“ спрашиваетъ волкъ лису. „Початочекъ“, отвѣчаетъ лиса. Въ другой разъ лиса опять постукиваетъ хвостикомъ, снова выходитъ изъ избы „на повой“ и, нализавшись меду досыта, такъ что меду только на донышкѣ осталось, возвращается въ избу. На вопросъ волка, что Богъ далъ, лиса отвѣчаетъ: „Середышекъ“. Въ третій разъ выходитъ лиса „на повой“ и слизываетъ остатки меда. На вопросъ волка, что Богъ послалъ, лиса отвѣчаетъ: „Поскребышекъ“. Прошло нѣкоторое время. Лиса прикинулась хворою и проситъ кума принести медку. Пошелъ волкъ, а меду—ни слѣда. Волкъ возвращается и сообщаетъ, что медъ съѣденъ. Лиса говоритъ: „Какъ съѣденъ? Кто же съѣлъ? Кому окромя тебя?“ Волкъ крестится и божится. Лиса предложила для изобличенія виновника лечь обоимъ на солнышкѣ: „У кого вытопится медъ, тотъ и виновникъ“. Пошли, легли. Лисицѣ не спится, а волкъ храпитъ во всю пасть. Глядь—у кумы-то показался медокъ. А кума давай скорѣе перемазывать его на волка. „Кумъ, кумъ,—кричитъ лиса,—это что? Вотъ кто съѣлъ!“ И волкъ, нечего дѣлать, повинился.

Сюжетъ о лисѣ-повитухѣ—одинъ изъ древнѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ у европейскихъ и неевропейскихъ народовъ.

б) „Кража рыбы лисой“. Жили дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: „Ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой“. Наловилъ дѣдъ рыбы и везетъ домой цѣлый возъ. Ѣдетъ онъ и видитъ—лисичка, свернувшись калачикомъ, лежитъ на дорогѣ, какъ мертвая. „Вотъ будетъ подарокъ женѣ“, сказалъ дѣдъ, взялъ ее, положилъ на возъ, а самъ пошелъ впередъ. А лисичка улучила время и стала выбрасывать съ воза все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Выбросивъ всю рыбу, лисичка скрылась.

„Ну, старуха, какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу“, сказалъ старикъ, пріѣхавъ домой.—„Гдѣ?“—„Тамъ на возу—и воротникъ, и рыба“. Подошла баба къ возу—ни воротника ни рыбы, и стала ругать дѣда. Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая.

Между тѣмъ лиса собрала разбросанную рыбу въ одну кучу, сѣла и ѣстъ себѣ. Идетъ волкъ и проситъ у лисы рыбки. „Налови самъ, да и ѣшь“, отвѣчаетъ ему лиса. „Я не умѣю“.—

„Эка, вѣдь я же наловила! Ты, куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ прорубь,—рыба сама на хвостъ и пацѣпляется. Да смотри, сиди подольше, а то не наловишь!“

Этотъ сюжетъ встрѣчается съ измѣненіями, между прочимъ, у лапландцевъ, у готтентотовъ (у которыхъ вмѣсто лисы дѣйствуетъ шакалъ, вмѣсто волка—гіена).

в) „Ловля рыбы волкомъ“. Пошелъ волкъ на рѣку и опустилъ хвостъ въ прорубь. Цѣлую ночь просидѣлъ волкъ, и хвостъ его приморозило. Попробовалъ волкъ приподняться: не тутъ то было! „Эка, сколько рыбы привалило,—и не вытащить“, думаетъ волкъ. Смотритъ,—бабы идутъ за водой. Завидя сѣраго, бабы закричали: „Волкъ, волкъ! Бейте его!“ Прибѣжали и стали бить волка, чѣмъ попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. „Хорошо же,—думаетъ волкъ,—ужъ я тебѣ отплачу, кумушка!“

г) „Битый небитаго везетъ“. Накушавшись рыбки, лисичка захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть. Она забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжитъ. А волкъ ей—навстрѣчу: „Такъ-то учишь ты? Меня всего исколотили!“ — „Эхъ, куманекъ, — говоритъ лисичка-сестричка,— у тебя хоть кровь выступила, а у меня—мозгъ. Меня больнѣй твоего прибили: я насилу плетусь“.—„И то правда,—говоритъ волкъ: гдѣ тебѣ кумушка ужъ идти! Садись на меня: я тебя довезу“. Лисичка сѣла на спину—онъ и понесъ. Вотъ лисичка сидитъ, да потихоньку и говоритъ: „Битый небитаго везетъ, битый небитаго везетъ!“ — „Что ты, кумушка, говоришь?“ — „Я, куманекъ, говорю: битый битаго везетъ“. — „Такъ, кумушка, такъ!“

д) „Двѣ хаты“. Лисица и волкъ согласились построить себѣ двѣ хаты. „Я себѣ построю лубяную (изъ лубковъ),— говоритъ лиса,—а ты себѣ ледяную“. Построили и живутъ себѣ. Пришла весна, и волчья хата растаяла. Разсердился волкъ на новый обманъ лисы и хочетъ съѣсть ее. „Пойдемъ, куманекъ,—говоритъ ему лиса,—еще поконаемся (потягаемся), кому то кого достанется ѣсть!“ Вотъ лисичка-сестричка привела волка въ лѣсъ къ глубокой ямѣ и говоритъ ему: „Прыгай! Если ты перепрыгнешь черезъ яму, тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь,—мнѣ тебя ѣсть“. Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. „Ну,—говоритъ лисичка,—сиди же тутъ!“ А сама ушла.

2) **Вторая группа.** Ко второй группѣ сказокъ о животныхъ относятся такія, въ которыхъ изображается превосходство человѣка надъ дикими звѣрями. Наиболѣе интересные сюжеты этой группы слѣдующіе: а) „Мужикъ, медвѣдь и лиса“ и б) „Медвѣжья лапа“.

а) „Мужикъ, медвѣдь и лиса“. Подружился мужикъ съ медвѣдемъ и затѣяли вмѣстѣ рѣпу сѣять. Мужикъ и уговаривается: „Смотри, Мишка, какъ взойдетъ рѣпа,—вершки тебѣ, а корешки—мнѣ“. Родилась добрая рѣпа. Мужикъ всю зиму ѣлъ, а медвѣдь въ берлогѣ лапу сосалъ, чуть съ голоду не умеръ. На слѣдующій годъ мужикъ съ медвѣдемъ посѣяли пшеницу. Медвѣдь выбралъ себѣ корешки, а мужику предложилъ вершки. Пшеница уродилась густая. Мужикъ всю зиму ѣлъ, а медвѣдь опять лапу сосалъ, едва съ голоду не умеръ. На третій годъ мужикъ пашетъ одинъ. Приходитъ къ нему медвѣдь и говоритъ: „Я тебя, мужикъ, съѣмъ за то, что ты меня обманываешь“. Мужикъ проситъ подождать, пока онъ пашню допашетъ. Медвѣдь согласился и легъ подъ мужичью телѣгу. Мужикъ пашетъ-не пашетъ, время оттягиваетъ, самъ слезно плачетъ, рѣкою заливается. О ту пору бѣжитъ лиса къ мужику и говоритъ: „Мужикъ, я тебя отъ смерти отведу. Что ты мнѣ за работу дашь?“—„Куръ мѣшокъ“. Убѣжала лиса прочь, подняла по лѣсу визгъ, писк, гамъ, по-собачьи залаяла. Испугался медвѣдь и спрашиваетъ у мужика, кто это въ лѣсу шумитъ. А лиса—тутъ какъ тутъ и шепчетъ мужику: „Говори, что охотники“. Медвѣдь еще больше испугался и попросилъ мужика положить его на телѣгу. Приходитъ лиса, и грубымъ голосомъ спрашиваетъ, что на телѣгѣ лежитъ. А медвѣдь мужику говоритъ: „Скажи, что колода“. Лиса говоритъ: „Кабы была колода, она бы была увязана“. Медвѣдь шепчетъ мужику: „Увяжи меня поскорѣе!“ Мужикъ туго-натуго связалъ Мишку веревками. А лиса опять—тутъ какъ тутъ и спрашиваетъ мужика, что у него на телѣгѣ. Мужикъ отвѣчаетъ, что колода. „А кабы колода — возражаетъ лиса, — у ней бы топоръ былъ воткнутъ“. Медвѣдь говоритъ мужику: „Воткни въ меня топоръ, да полегче!“ Мужикъ изо всѣхъ силъ воткнулъ топоръ, и медвѣдь „кончился“.

Лиса требуетъ у мужика обѣщанной награды. На другой день мужикъ, выѣхавъ на пашню, вывезъ мѣшокъ, а въ немъ были двѣ куры и борзая собака. Лиса проситъ мужика вы-

пускать изъ мѣшка по одной курицѣ. Мужикъ выпустилъ одну куру, другую, а потомъ собаку. Собака погналась за лисой, а лиса побѣжала въ нору. Собака стоитъ у норы, а лиса, сама съ собою говоритъ: „Ноги, что вы дѣлали?“ — „Мы бѣжали“. — „А вы, глазки?“ — „Мы глядѣли“. — „А вы, уши?“ — „Мы слушали“. — „А ты, хвостъ?“ — „Я, — говоритъ, — тебѣ подъ ноги мѣшался, чтобы ты упала“. О ту пору лисица осердилась на хвостъ и высунула его изъ норы. Собака ухватила лису за хвостъ, вытащила ее и разорвала.

б) „Медвѣжья лапа“. Близъ деревни, въ глухомъ лѣсу, поселился медвѣдь. Что ни день, то новыя проказы Мишки: то овцы въ деревнѣ не досчитаются, то корову или лошадь найдутъ задранную. Мужики сдѣлали облаву на медвѣдя. Убить медвѣдя не пришлось, а только отсѣкли ему топоромъ лапу. Самъ же Мишка ускакалъ и на трехъ лапахъ. Мужики отдали медвѣжью лапу одной бѣдной старушкѣ. Старушка остригла съ лапы шерсть, содрала кожу, а мясо поставила вариться. Наступила ночь. Сѣла старуха на печь, подостлала подъ себя медвѣжью кожу и начала прясть медвѣжью шерсть. Вотъ ужъ и полночь на дворѣ, а старуха все прядетъ. Вдругъ старуха слышитъ — кто то подъ окошкомъ рявкаетъ и скрипитъ. Старушка слѣзла съ печи, посмотрѣла въ окно, да такъ и обмерла со страху: идетъ на деревяшкѣ медвѣдь, клюкою подпирается, идетъ и поетъ: „Скрипу, скрипу, скрипучи! На липовой ногѣ на березовой клюкѣ, на красномъ батогѣ. И вода то спитъ, и земля то спитъ, всѣ по селамъ спятъ, по деревнямъ спятъ. Одна баба не спитъ, на моей кожѣ сидитъ, мою шерстку прядетъ, мое мясо варитъ“. Испугалась старуха. Жила она одна-одинешенька. Что дѣлать? А медвѣдь ужъ въ сѣняхъ деревяшкой постукиваетъ, впотьмахъ дверь нащупываетъ, а самъ поетъ свою пѣсню. Видитъ старуха бѣду неминучую, отперла подполье, погасила огонь, а сама залѣзла на печь. Медвѣдь вломился въ избу, сталъ шарить старуху, да впотьмахъ свалился въ подполье. Старуха соскочила съ печи, захлопнула подполье и побѣжала звать мужиковъ. Прибѣжали мужики съ топорами и рогатинами и добили медвѣдя.

3) Третья группа. Къ третьей группѣ сказокъ о животныхъ относятся такія, въ которыхъ изображается превосходство домашнихъ животныхъ, даже слабыхъ, надъ дикими звѣрями. Къ нимъ относятся слѣдующія сказки: а) „Волкъ и собака“,

б) „Котъ и баранъ“, в) „Котъ, пѣтухъ и лиса“ и г) „Лиса и заяцъ“.

а) „Волкъ и собака“. Идетъ разъ по лѣсу волкъ и разнюхиваетъ, нѣтъ ли чѣмъ поживиться. Видитъ—подъ сосною лежитъ старый знакомый—Барбоска: по мордѣ у него текутъ горькія слезы, а на шеѣ болтается веревочная петля. Волкъ спрашиваетъ Барбоску, какъ онъ забрелъ сюда. Барбоска разсказалъ печальную исторію: привелъ его сюда хозяинъ и хотѣлъ его повѣсить, такъ какъ онъ сталъ старъ и даромъ хлѣбъ ѣстъ, да веревка оборвалась; хозяинъ бросилъ Барбоску здѣсь, а домой возвращаться не велѣлъ. Услышавъ этотъ разсказъ, волкъ обрадовался и сказалъ Барбоскѣ, что теперь онъ съ нимъ разсчитается за старое и съѣстъ его съ косточками. Задрожалъ Барбоска, но и виду не показалъ, что испугался и смиренно согласился быть съѣденнымъ. Только врядъ ли по вкусу придутся его кости и кожа: лучше было бы, если бы волкъ покормилъ его мясцомъ да далъ ему сначала поправиться. Волкъ согласился и сталъ откармливать собаку на убой: то ему конинки, то свининки, то баранинки тащитъ и все разспрашиваетъ, откормился ли онъ. Барбоска проситъ его еще погодить, а самъ уже чуетъ въ себѣ силу. Волку, наконецъ, надоѣло ждать, и онъ рѣшилъ, что пора уже разсчитаться съ Барбоской. А Барбоска ощетинился на волка, залаялъ, вцѣпился въ него зубами да такъ и рветъ ему бока. Видитъ волкъ, что дѣло плохо, поджалъ хвостъ и бросился со всѣхъ ногъ бѣжать. Барбоска вернулся назадъ въ деревню и долго еще служилъ своему хозяину.

б) „Котъ и баранъ“. Жили старикъ и старуха. У нихъ были котъ да баранъ. Старуха „укопъ копитъ“ (собираетъ сметану и сливки на масло), а котъ проказитъ. Однажды старуха пошла въ погребъ и увидѣла, какъ котъ сдвинулъ съ горшка покромку и слизываетъ сметану. Старуха сообщила объ этомъ старику. Рѣшили убить кота. Котъ, узнавъ объ угрожающей ему участи, бросился въ хлѣвъ къ барану и сказалъ ему: „Брате баранъ! Меня хотятъ завтра убити, тебя зарѣзати“. Баранъ испугался и уговорился съ котомъ вмѣстѣ бѣжать. Вотъ пошли путемъ-дорогою котъ да баранъ. По дорогѣ они нашли волчью голову и взяли ее съ собою. Забравшись въ лѣсъ, бѣглецы увидѣли издали огонь и пустились прямо туда. Подходятъ, а вокругъ огня грѣются двѣнадцать

волковъ. Поздоровались и усѣлись у огня. „Брате, — спрашиваетъ баранъ у кота, — что намъ вечерять (ужинать) будетъ?“ — „А двѣнадцать то волчьихъ головъ! Поди, выбери, которая пожирнѣе“. Баранъ пошелъ въ кусты, поднялъ повыше волчью голову, которую дорогой нашли, и спрашиваетъ: „Эта ли, брате-котъ?“ — „Нѣтъ, не эта: выбери получше!“ Баранъ опять ушелъ въ кусты, и поднялъ ту же волчью голову и спрашиваетъ кота: „Эта ли?“ Волки такъ испугались, что рады были бы убѣжать, да безъ спросу не смѣютъ. Четверо волковъ попросились у кота и барана пойти „за дровами“ и ушли. Остальные восемь волковъ стали еще пуще бояться: если котъ и баранъ могли поѣсть двѣнадцать волковъ, то осмерыхъ и подавно поѣдятъ. Стали четверо волковъ проситься „за водою“. Котъ отпустилъ: „Ступайте, да скорѣе ворочайтесь!“ Послѣдніе четыре волка отпросились сходить за ушедшими и посмотрѣть, отчего они не возвращаются.

Волки собрались вмѣстѣ и пустились дальше въ лѣсъ. Попадается имъ медвѣдь, Михайло Ивановичъ. „Слыхалъ ли ты, Михайло Ивановичъ, — спрашиваютъ волки, — чтобы котъ да баранъ съѣдали по двѣнадцати волковъ?“ Медвѣдь отвѣчаетъ, что не слыхалъ и желалъ бы посмотрѣть, какова ихъ храбрость. Рѣшено было пригласить кота и барана на обѣдъ. Медвѣдь отправилъ къ нимъ съ приглашеніемъ лису. Вернувшись, лиса сказала: „Обѣщались быть. Ахъ, Михайло Ивановичъ, какой котъ то сердитый! Сидитъ на пнѣ да ломаетъ его когтями: это на насъ онъ точитъ свои когти. А глаза такъ и выпучилъ!..“ Медвѣдь струхнулъ, посадилъ одного волка въ сторожа на высокій пень, далъ ему въ лапы „утирку“ (полотенце) и наказалъ махнуть утиркой, когда увидитъ приближеніе гостей. Стали готовить обѣдъ: четыре волка притащили четырехъ коровъ, а въ повара медвѣдь посадилъ сурка.

Идутъ въ гости котъ да баранъ. Завидѣвъ караульнаго, котъ сказалъ барану: „Я подползу тихонько по травѣ и сяду у самаго пня супротивъ волчьей рожи, а ты, братъ-баранъ, разбѣжись и, что есть силы, ударь его лбомъ!“ Баранъ разбѣжался, ударилъ со всей мочи волка и сшибъ его, а котъ бросился ему прямо въ морду, вцѣпился въ морду когтями и исцарапалъ ее до крови. Медвѣдь и волки испугались. Волки разбѣжались, медвѣдь вскарабкался на сосну, сурокъ спрятался въ нору, а лиса забилась подъ колодину. Котъ и ба-

ранъ принялись за приготовленныя кушанья. Ѣстъ котъ и мурлычитъ: „Мало, мало!“ Обернулся какъ то котъ назадъ и видитъ, что изъ норы торчитъ хвостъ сурка. Испугался котъ, да какъ прыснетъ на сосну! Медвѣдь „устрахался“, ринулся съ сосны на землю и чуть не задавилъ лисы подъ колодиной. Побѣжалъ медвѣдь, побѣжала лиса. „Знать, ты, куманекъ, ушибся?“—спрашиваетъ лисица. — „Нѣтъ, кумушка: если бы я не спрыгнулъ, котъ бы давно меня съѣлъ“.

в) „*Котъ, пѣтухъ и лиса*“. Жили-были котъ съ пѣтушкомъ. Жили они дружно: одному безъ другого ѣда — не ѣда, радость—не радость. Пѣтушокъ почиталъ кота, какъ отца: котъ пѣтушка, словно сына, любилъ. Разъ котъ, отправляясь на охоту, сказалъ пѣтуху, чтобы онъ въ окошечко не выглядывалъ и головки не высовывалъ: въ лѣсу поселилась лиса-курятница—какъ разъ утащитъ. Когда котъ ушелъ, лиса спровѣдала, что старшаго нѣтъ дома, стала подъ окошко и говоритъ тоненькимъ голоскомъ: „Пѣтушокъ, пѣтушокъ, золотой гребешокъ, маслена головка, сметанный лобокъ! Выгляни въ окошко: дамъ тебѣ кашки на красной ложкѣ!“ Пѣтухъ выглянулъ въ окошко. А лиса только этого и ждала, схватила пѣтушка и потащила къ себѣ. Тащитъ лиса пѣтушка, а пѣтушокъ громко кричитъ: „Котенька, котикъ! Несетъ меня лиса во дремучіе лѣса, за широкіе дома, за высокія горы, за быстрыя рѣки“. Услышалъ котъ, побѣжалъ къ пѣтушку и отнялъ его у лисы. Немного времени спустя котъ, собравшись на охоту, опять далъ пѣтушку прежнее наставленіе. По уходѣ кота лиса снова явилась подъ окошко и стала соблазнять пѣтушка выйти катать золотыя яблочки. Польстился пѣтушокъ на золотыя яблочки и выглянулъ въ окошко, а лиса схватила его и потащила въ лѣсъ. Котъ услышалъ крикъ пѣтуха и опять отбилъ его. Немного времени спустя котъ опять ушелъ. Лиса пришла подъ окошко и опять выманила пѣтуха и утащила его. На этотъ разъ пѣтухъ не докричался, и лиса утащила его къ себѣ въ избушку въ темный лѣтъ. Вернувшись домой, котъ не нашелъ пѣтушка, и его взяло горе.

Пошелъ котъ на базаръ, купилъ себѣ кафтанъ, нарядился гусляромъ и пришелъ къ лисьей избушкѣ. Сталъ онъ подъ окошкомъ, заигралъ на гусляхъ, и запѣлъ: „Стрень-брень-гусельки, золотыя струнушки! За горами высокими, за долами широкими, за рѣками быстрыми, въ лѣсу дремучімъ жила-

была лиса въ своемъ златомъ гнѣздѣ. У лисы—четыре дочери: одна то дочь Чучелка...“ Было дѣло на масленицѣ: лиса блины пекла. Услышавъ игру и пѣніе, лиса велѣла своей дочкѣ Чучелкѣ вынести искусному пѣвцу блинокъ. Котъ взялъ блинокъ въ ротъ, Чучелку ударилъ саблей въ бокъ—да въ сумку. А самъ опять заигралъ и запѣлъ свою пѣсню, въ концѣ которой назвалъ вторую дочь лисы—Почучелку. Лиса посылаетъ съ блинкомъ свою вторую дочь, потомъ третью—Подай-Челнокъ, и четвертую—Подмети-Шестокъ. Всѣхъ ихъ постигаетъ одинаковая участь. Ждала лиса, ждала, а не возвращаются въ избу ея дочки. Посылаетъ лиса за ними пѣтушка. Какъ только пѣтушокъ вышелъ, котъ велѣлъ ему бѣжать поскорѣе домой. Пѣтушокъ пустился во весь духъ по горамъ, по доламъ къ своему старому жилью. А котъ положилъ гуселькн въ сторону, прибодрился, пріосанился, пошелъ къ лисѣ въ избушку и поетъ: „Идетъ котъ на ногахъ, въ красныхъ сапогахъ, несетъ саблю на плечѣ, а сумочку при бедрѣ: хочетъ лису загубить, ей голову порубить.“ Какъ заслышала лиса эту пѣсню, метнулась туда-сюда, да какъ-разъ и попалась коту навстрѣчу.

Вернулся котъ домой, а пѣтушокъ уже давно тамъ. И стали они попрежнему жить ладно и дружно.

г) „Лиса и заяцъ“. Жили-были лиса да заяцъ. У лисы изба была ледяная, а у зайчика лубяная. Пришла весна: у лисицы изба растаяла, а у зайчика стоитъ по старому. Попросилась лиса къ зайчику погрѣться, да и выгнала его. Идетъ дорогой зайчикъ и плачетъ, а на встрѣчу ему — собаки. Собаки спрашиваютъ зайчика, про что онъ плачетъ. Зайчикъ разсказалъ имъ про свое горе. Собаки утѣшаютъ зайчика и берутся выгнать лису. Подошли къ избѣ. „Тяфъ, тяфъ, тяфъ! Поди, лиса, вонъ!“ А лиса имъ съ печи: „Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по закоулкамъ!“ Испугались собаки и ушли.

Зайчикъ опять идетъ да плачетъ. Ему на встрѣчу идетъ медвѣдь, который, узнавъ про горе зайчика, берется выгнать лису. Медвѣдь, какъ и собаки, напугался угрозы лисы и ушелъ. То же самое случилось съ быкомъ.

Наконецъ, попадается зайчику пѣтухъ, который тоже берется выгнать лису. Зайчикъ говоритъ ему: „Нѣтъ, не выгонишь. Собаки гнали—не выгнали, медвѣдь гналъ—не выгналъ, быкъ гналъ—не выгналъ, и ты не выгонишь“. — „Нѣтъ, вы-

гоню!“ Подошли къ избѣ. Пѣтухъ закричалъ: „Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! Поди, лиса, вонъ!“ Услышавъ это, лиса испугалась и говоритъ: „Одѣваюсь...“ Опять пѣтухъ закричалъ свои слова. Лиса говоритъ: „Шубу одѣваю“. Въ третій разъ пѣтухъ закричалъ. Лиса выбѣжала, пѣтухъ ее зарубилъ и сталъ съ зайчикомъ жить да поживать, да добра наживать.

155. Сказки, отразившія миѳическія представленія. Сказки, отразившія миѳическія представленія, это тѣ, въ которыхъ изображается борьба свѣтлаго божества съ темнымъ, иначе говоря, смѣна временъ года, дня и ночи съ анимистической точки зрѣнія.

Въ нѣкоторыхъ сказкахъ этого разряда прямо идетъ рѣчь о силахъ природы, такъ какъ послѣднія называются собственными именами. Въ сказкѣ о „Иванѣ Бѣломъ“ Вѣтеръ, Дождь и Громъ женятся на трехъ сестрахъ-царевнахъ; брата ихъ, царевича, они учатъ разнымъ мудростямъ: Громъ учитъ его грохотать, Дождь — лить потоки и топить города и села, Вѣтеръ — дуть; въ сказкѣ о „Ѳедорѣ Тугаринѣ“ разсказывается о томъ, какъ Вѣтеръ, Дождь и Громъ сватаются за красавицъ и уносятъ ихъ съ собою. Въ другихъ сказкахъ герои и героини, царевичи и царевны изображаются съ солнцемъ, мѣсяцемъ или звѣздами на головѣ, лицѣ и на лбу: это указываетъ на связь этихъ образовъ съ небесными свѣтилами.

Но обыкновенно въ сказкахъ съ миѳическимъ содержаніемъ борьба свѣтлаго божества съ темными изображается при помощи фантастическихъ образовъ. Замираніе природы осенью и зимою представляется въ образѣ похищенія красавицы какими-нибудь чудовищами, драконами, или въ образахъ усыпленія, окаменѣнія, околдованія красавицы. Туманы и тучи, закрывающіе солнце и препятствующіе его благотворному воздѣйствію на земную красавицу-природу, олицетворяются въ образѣ Змѣя; стужа и холодъ представлены въ образахъ Мороза или, чаще, Кащея-Безсмертнаго, а зима, заставляющая всю природу окостенѣть, въ образѣ Бабы-Яги костяной ноги. Герои этихъ сказокъ ставятъ себѣ цѣлью возвращеніе похищенныхъ красавицъ или ихъ оживленіе, если онѣ окаменѣли, уснули и т. д., т.-е. оживленіе природы. Эта цѣль достигается при помощи особыхъ диковинныхъ предметовъ или существъ; такъ, въ сказкахъ упоминаются такіе предметы, какъ золотыя

яблоки, конь златогривый, олень-золотые рога, свинка-золотая щетинка, жаръ-птица, которые, повидимому, намекаютъ на золотые лучи солнца; другой разрядъ диковинокъ, упоминаемыхъ въ сказкахъ, какъ, напр., сапоги-скороходы, коверъ-самолетъ, вѣроятно, означаетъ вѣтеръ или быстро несущіяся тучи; мертвая и живая вода, оживляющая мертвыхъ, — это роса, весенніе и лѣтніе дожди, оживляющіе природу; скатерть-самобранка — это образъ обилія, наступающаго въ природѣ весной и лѣтомъ.

Въ сказкахъ съ миѳическимъ содержаніемъ главными представителями темныхъ силъ являются: 1) Баба-Яга и 2) Кащей-Безсмертный.

1) **Баба-Яга.** Баба-Яга изображается въ нашихъ сказкахъ двояко: или какъ злое враждебное существо, какъ людоѣдка, или, чаще, какъ помощница герою.

Баба-Яга костяная нога живетъ на сѣверѣ среди свирѣпыхъ морозовъ; она смугла, глаза ея, какъ уголья; когда она несется, земля трясется; ѣдетъ она на желѣзной ступѣ, которую погоняетъ желѣзнымъ толкачомъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Охотника Баба-Яга превращаетъ въ камень. Она живетъ въ лѣсу или въ избушкѣ на курьей ножкѣ, причемъ избушка можетъ, по слову героя, поворачиваться къ лѣсу задомъ, а къ нему передомъ; или она живетъ въ теремѣ, которой огороженъ тыномъ, съ воткнутыми на немъ человѣческими головами; вмѣсто дверей у воротъ — ноги человѣческія, вмѣсто запоровъ — руки, вмѣсто замковъ — ротъ съ острыми зубами: это — женихи, сватавшіеся за дочерей Бабы-Яги и павшіе жертвой ея людоѣдства. У себя Баба-Яга или лежитъ, или прядетъ шерсть; она владѣетъ вѣтрами и чудными конями.

Баба-Яга — вѣщая вѣдьма: она знаетъ прошедшее и будущее; она обладаетъ способностью производить чары. Она знаетъ, гдѣ скрыты красавицы, которыхъ ищутъ герои сказокъ, какъ достать тѣ диковинки, которыя имъ нужны. Во многихъ сказкахъ она даетъ герою совѣты и прямо помогаетъ ему. Баба-Яга даетъ герою клубочекъ, который можетъ докатиться, если его бросить, до того мѣста, которое герою нужно; иногда, при помощи этого клубочка, можно спастись отъ преслѣдованія враговъ: если его бросить, онъ превращается въ огромную гору, мѣшающую врагу догнать героя. Кромѣ клубка Баба-Яга иногда снабжаетъ героя полотенцемъ,

гребнемъ и щеткой; если по дорогѣ бросить полотенце, то образуется быстрая, глубокая рѣка; гребень можетъ превратиться въ непроходимый дремучій лѣсъ, щетка — въ огненную рѣку. Иногда эти предметы служатъ герою для защиты отъ самой Бабы-Яги.

Образъ Бабы-Яги встрѣчается и въ сказкахъ другихъ народовъ: у тюрковъ ей соотвѣтствуетъ — Шамусъ-баба, у литовцевъ — Лаума. Шамусъ-баба представляется съ веревкой изъ сухихъ жилъ, съ желѣзнымъ молоткомъ и желѣзными клещами; Лаума ѣздитъ въ желѣзной телѣжкѣ съ проволочнымъ кнутомъ. Обѣ эти старухи изображены людоѣдками: изъ трехъ героевъ сказокъ двухъ онѣ съѣдаютъ, причемъ изъ ихъ спинъ онѣ вырѣзываютъ себѣ ремни.

Къ русскимъ сказкамъ о Бабѣ-Ягѣ относятся слѣдующія: а) „Баба-Яга", б) „Звѣриное молоко" и в) „Царь-Дѣвица".

а) „Баба-Яга". Жили себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ овдовѣлъ и женился на другой, а отъ первой жены осталась у него дѣвочка. Злая мачеха не взлюбила ее, била и думала, какъ бы извести ее. Разъ дѣдъ уѣхалъ куда-то. Мачеха и говоритъ дѣвочкѣ: „Поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у нея иголочку и ниточку — тебѣ рубашку сшить". А тетка эта была Баба-Яга костяная нога. Дѣвочка была не глупа и зашла прежде къ своей теткѣ посовѣтоваться. Вотъ та ее и научаетъ: „Тамъ тебя, племяннушка, будетъ березка въ глаза стегать — ты ее ленточкой перевяжи; тамъ тебѣ ворота будутъ скрипѣть и хлопать — ты подлей имъ подъ пяточки маслица; тамъ тебя собаки будутъ рвать — ты имъ хлѣба брось; тамъ тебѣ котъ будетъ глаза драть — ты ему ветчины дай".

Пошла дѣвочка къ Бабѣ-Ягѣ. Видитъ, сидитъ Баба Яга въ хаткѣ и ткетъ. Дѣвочка объяснила, зачѣмъ она пришла. Баба-Яга посадила ее ткать, а сама велѣла работницѣ истопить баню и хорошенько вымыть племянницу: „Я хочу ею позавтракать". Дѣвочка сидитъ ни жива, ни мертва. Баба-Яга вышла изъ хаты, а дѣвочка дала коту ветчинки и спрашиваетъ его, нельзя ли какъ-нибудь уйти отсюда. Котъ ей и говоритъ: „Вотъ тебѣ гребешокъ и полотенце: возьми ихъ и убѣги. За тобою будетъ гнаться Баба-Яга; ты приложи ухо къ землѣ, и какъ заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце: сдѣлается широкая, широкая рѣка; если же Баба-Яга перейдетъ черезъ рѣку и станетъ догонять тебя, то опять

приклони ухо къ землѣ, и какъ услышишь, что она близко, брось гребешокъ: сдѣлается дремучій, дремучій лѣсъ: сквозь него она уже не проберется". Дѣвочка взяла полотенце и гребешокъ и побѣжала. Собаки хотѣли ее рвать — она бросила имъ хлѣба, и онѣ ее пропустили; ворота хотѣли захлопнуться — она подлила имъ подъ пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотѣла ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А котъ сѣлъ за крáсны (ткацкій станокъ) и ткетъ. Баба-Яга подошла къ окну и спрашиваетъ ее, ткетъ ли она. Котъ грубымъ голосомъ отвѣчаетъ: „Тку, тетка, тку, милая". Баба-Яга бросилась въ хату, увидѣла, что дѣвочки нѣтъ, и давай бить кота. А котъ и говоритъ: „Я тебѣ столько служу — ты мнѣ косточки не дала, а она мнѣ ветчинки дала". Накинулась Баба-Яга на собакъ, на ворота, на березку. Сѣла поскорѣе Баба-Яга въ ступу, толкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ и пустилась въ погоню за дѣвочкой. Услышавъ, что Баба-Яга гонится и уже близко, дѣвочка бросила полотенце: сдѣлалась широкая рѣка. Заскрипѣла отъ злости Баба-Яга, воротилась домой, взяла быковъ и пригнала къ рѣкѣ: быки выпили всю рѣку до чиста. Слышитъ дѣвочка, что Баба-Яга опять ее догоняетъ, бросила гребешокъ, и сдѣлался дремучій, страшный лѣсъ. Баба-Яга стала грызть его, но не могла прогрызть и вернулась домой.

Дѣдъ, вернувшись домой, узналъ о происшедшемъ, разсердился на жену и убилъ ее, а самъ съ дочкой сталъ жить да поживать.

б) „Звѣриное молоко." Жилъ-былъ царь, у котораго были сынъ, Иванъ-царевичъ, и дочь. Въ это время въ сосѣднемъ государствѣ случилась бѣда: въ немъ вымеръ весь народъ. Иванъ-Царевичъ попросилъ отца благословить его ѣхать на житье въ сосѣднее государство. Сестра не захотѣла отстать отъ Ивана-царевича и пошла съ нимъ. Вотъ шли они и набрели въ чистомъ полѣ на избушку: стоитъ избушка на куриныхъ ножкахъ и повертывается. Иванъ-Царевичъ сказалъ: „Избушка, избушка! Стань по-старому, какъ мать поставила". Избушка остановилась. Они вошли въ нее, а тамъ лежитъ Баба-Яга: въ одномъ углу — ноги, въ другомъ — голова, губы — на притолкѣ, носъ въ потолокъ уткнула. Баба-Яга привѣтствовала Ивана-Царевича и спросила, куда онъ ѣдетъ. Иванъ-царевичъ объяснилъ. Баба-

Яга сказала: „Самъ бы туда шелъ, а сестру понапрасну взялъ: она тебѣ много вреда сдѣлаетъ“. Накормила, напоила путниковъ Баба-Яга и спать положила, а на другой день, отпуская ихъ въ дорогу, дала Ивану-Царевичу синій клубочекъ и собаку. Клубочекъ привелъ путниковъ къ другой избушкѣ на куриныхъ ножкахъ. Въ ней лежитъ вторая Баба-Яга, которая, узнавъ, куда идетъ Иванъ-царевичъ, повторила предостереженіе своей сестры. На другой день она, отправляя Ивана-царевича въ путь, дала ему собаку и полотенце: „Будетъ у тебя на пути большая рѣка,—говорила Баба-Яга,—перейти нельзя; ты возьми это полотенце да махни однимъ концомъ—тотчасъ явится мостъ, а когда перейдешь по ту сторону, махни другимъ концомъ—и мостъ пропадетъ. Да смотри, махай украдкою, чтобы сестра не видѣла“. На пути дѣйствительно попалась широкая рѣка. Иванъ-царевичъ украдкой махнулъ полотенцемъ, и явился мостъ, по которому они прошли; махнулъ другимъ концомъ—и мостъ пропалъ. Тутъ пришли они въ опустѣлое царство, гдѣ и стали жить.

Вздумалось Ивану-царевичу пойти съ собаками на охоту. Въ это время къ рѣкѣ прилетаетъ Змѣй-Горынычъ, ударился о сыру землю и сдѣлался такимъ молодцомъ да красавцемъ, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать. Зоветъ къ себѣ царевну: „Ты,—говоритъ,—меня измучила, тоской изсушила: я безъ тебя жить не могу“. Полюбился царевнѣ Змѣй-Горынычъ; она и кричитъ ему, чтобы онъ перелетѣлъ черезъ рѣку. Змѣй-Горынычъ, сказалъ, что не можетъ, и научилъ царевну выпросить у брата полотенце, будто бы для стирки, придти къ рѣкѣ и махнуть однимъ концомъ. Царевна исполнила совѣтъ Змѣя-Горыныча. Когда Иванъ-царевичъ опять отправился на охоту, царевна пришла къ рѣкѣ, махнула концомъ полотенца, и явился мостъ. Змѣй перешелъ по мосту. Сталъ Змѣй-Горынычъ придумывать съ царевной средства погубить Ивана-царевича. Вернувшись съ охоты, Иванъ-царевичъ засталъ сестру въ постели: она жаловалась, что больна, а во снѣ видѣла, что поздоровѣетъ отъ волчьяго молока. Царевичъ пошелъ въ лѣсъ добывать волчьяго молока. Видитъ—волчиха кормитъ волчатъ, хотѣлъ ее застрѣлить; а волчиха человѣческимъ голосомъ проситъ пощадить ее, даетъ Ивану-царевичу своего молока и въ придачу волченка: „Онъ тебѣ станетъ вѣрой-правдой служить“,—сказала волчиха.

Иванъ-царевичъ возвращается домой. Змѣй, увидѣвъ его издали, далъ царевнѣ новый совѣтъ, а самъ оборотился вѣникомъ. Царевичъ вошелъ въ комнату съ собаками. Собаки почуяли нечистый духъ, и давай теребить вѣникъ — только прутья летятъ! На другой день царевна попросила медвѣжьяго молока. Иванъ-царевичъ досталъ медвѣжьяго молока и въ придачу получилъ медвѣженка. Замѣтивъ издали приближеніе царевича, Змѣй превратился въ помело. На другой день царевна пожелала львинаго молока. Царевичъ досталъ львинаго молока и въ придачу получилъ львенка. На другой день царевна послала царевича за „живущей“ и „цѣлящей“ водой, которая находится за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ. „Въ томъ царствѣ есть двѣ горы высокія, стоятъ онѣ вмѣстѣ, вплотную одна къ другой прилегли; только разъ въ сутки расходятся, раздвигаются, и черезъ двѣ-три минуты опять сходятся. Промежъ тѣхъ толкучихъ горъ хранится вода живущая и цѣлящая“. Царевичъ благополучно досталъ этой воды. На другой день царевна пожелала, чтобы царевичъ досталъ ей мучной пыли съ мельницы, которая находится въ тридесятомъ царствѣ: эта мельница — за двѣнадцатью дверями желѣзными, разъ въ годъ отворяется, и то на короткое время; не успѣешь оглянуться, какъ двери захлопнутся. Отправился царевичъ со своей охотой на мельницу, прождалъ время, когда растворились двѣнадцать желѣзныхъ дверей, вошелъ туда, наскоро намелъ мучной пыли, и едва успѣлъ онъ выйти, какъ двери захлопнулись, и осталась его охота на мельницѣ взаперти. Заплакалъ царевичъ: „Видно, смерть моя близко!“ Увидѣвъ, что царевичъ возвращается безъ охоты, Змѣй-Горынычъ сказалъ: „Ну, теперь его не боюсь!“ Выскочилъ навстрѣчу, разинулъ пасть и кричитъ царевичу, что теперь онъ его съѣстъ. Царевичъ проситъ у Змѣя позволенія вымыться сначала въ банѣ. Змѣй согласился. Царевичъ началъ рубить дрова и воду таскать. Прилетаетъ воронъ и каркаетъ: „Каръ-каръ, Иванъ-царевичъ! Руби дрова, да не скоро: твоя охота четверо дверей прогрызла!“ Иванъ-царевичъ, что нарубитъ, то въ воду покидаетъ. А время идетъ да идетъ. Нечего дѣлать: надо топить баню. Воронъ опять возвѣщаетъ, что охота прогрызла на мельницѣ восемь дверей. Истопилъ царевичъ баню и началъ мыться. Вотъ прибѣгаетъ собака. „Ну, — говоритъ царевичъ, — двоимъ смерть не страшна!“ А за собакой при-

бѣжали и всѣ. Змѣй-Горынычъ долго поджидалъ Ивана-царевича, не вытерпѣлъ и пошелъ самъ въ баню. Тутъ выскочила на него вся охота и разорвала на мелкіе кусочки. Иванъ-царевичъ собралъ кусочки въ кучу, сжегъ огнемъ и пепелъ развѣялъ по чистому полю. Идетъ Иванъ-царевичъ во дворецъ, хочетъ сестрѣ голову отрубить, а сестра пала на колѣни и проситъ пощадить ее. Не сталъ царевичъ казнить ее, а вывелъ на дорогу, посадилъ въ каменный столбъ, положилъ возлѣ вязанку сѣна, да поставилъ два чана: одинъ съ водою, другой — порожній. И говоритъ: „Если ты эту воду выпьешь, это сѣно съѣшь, да выплачешь полонъ чанъ слезъ, тогда Богъ тебя проститъ, и я прощу“. А самъ покидаетъ сестру и уходитъ за тридевять земель.

Пришелъ Иванъ-царевичъ въ большой городъ и видитъ — половина народа веселится и пѣсни поетъ, а другая горючими слезами заливается. Изъ разспросовъ оказалось, что на озерѣ поселился двѣнадцатиголовый Змѣй, который каждую ночь прилетаетъ да людей поѣдаетъ; и у народа положена очередь, съ какого конца въ какой день на съѣденіе давать; тѣ, которые веселятся, отбыли очередь, а которые нѣтъ, рѣкой заливаются. Теперь жребій палъ на царскую дочь. Царь объявилъ, что тому, кто убьетъ змѣя, отдастъ половину царства и царевну замужъ. Узнавъ все это, царевичъ отправился съ своею охотой на озеро, а тамъ уже стоитъ царевна и горько плачетъ. Царевичъ ободряетъ ее. Вдругъ взволновалось озеро, всколыхнулось, появился двѣнадцатиголовый Змѣй. Напустилъ царевичъ на Змѣя всю свою охоту — двухъ собакъ, волка, медвѣдя и льва. Они въ мигъ растерзали Змѣя на клочки. Царевичъ вырѣзалъ изъ двѣнадцати головъ языки, положилъ въ карманъ, отпустилъ охоту погулять, а самъ легъ на колѣни къ царевнѣ и уснулъ[1]). Рано утромъ пріѣхалъ къ озеру водовозъ съ бочкой. Видитъ — Змѣй убитъ, царевна жива, а на колѣняхъ у ней спитъ добрый молодецъ. Водовозъ подбѣжалъ, выхватилъ мечъ и отрубилъ Ивану-царевичу голову, а съ царевны вымучилъ клятву, что она признаетъ его своимъ избавителемъ. Собравъ змѣиныя головы, водовозъ отправился

[1]) Эпизодъ о борьбѣ Ивана-царевича съ двѣнадцатиголовымъ Змѣемъ навѣянъ, очевидно, духовными стихами и сказаніями объ Егоріи Храбромъ (кн. 2-ая, §§ 208—209).

съ царевной къ царю. Спустя нѣкоторое время, на мѣсто происшествія прибѣгаетъ охота Ивана-царевича и видитъ — царевичъ безъ головы. Левъ черезъ стараго ворона досталъ мертвой и живой воды и спрыснулъ царевича. Царевичъ ожилъ. Идетъ царевичъ въ городъ и видитъ — всѣ веселятся: царь выдаетъ свою дочь за водовоза, убившаго Змѣя. Царевичъ нарядился гусляромъ, вошелъ во дворецъ и сталъ играть. Всѣ удивились искусной игрѣ. Царевна налила рюмку вина и поднесла ему изъ своихъ рукъ. Взглянула на гусляра и вспомнила своего спасителя. Слезы брызнули изъ глазъ царевны. Царь спросилъ, о чемъ царевна плачетъ. Тутъ царевичъ разсказалъ царю все, какъ было, и въ доказательство показалъ змѣиные языки. Водовоза подхватили подъ руки и разстрѣляли, а царевичъ женился на царевнѣ. Вспомнивъ про сестру, царевичъ поѣхалъ къ каменному столбу: сестра съѣла сѣно, выпила воду и наплакала чанъ слезъ. Иванъ-царевичъ простилъ сестру и взялъ ее къ себѣ. Стали всѣ вмѣстѣ жить да поживать, добра наживать.

в) „Царь-Дѣвица“. Жилъ-былъ царь, и былъ онъ старъ. Вотъ царь и предлагаетъ своимъ сыновьямъ достать ему мертвой и живой воды у Царь-Дѣвицы. Поѣхали двое старшихъ сыновей, а младшій остался дома. Долго ждалъ царь своихъ сыновей, да не дождался. Тогда отпросился поѣхать за мертвой и живой водой младшій сынъ, Иванъ-царевичъ. Идетъ Иванъ-царевичъ, смотритъ — возлѣ дремучаго лѣса — избушка на курьихъ ножкахъ. Входитъ Иванъ-царевичъ въ избушку, а въ ней сидитъ Баба-Яга. Она угощаетъ Ивана-царевича и, узнавъ о томъ, куда онъ ѣдетъ, даетъ ему коня и отправляетъ къ своей средней сестрѣ. Средняя Баба-Яга тоже угостила Ивана-царевича, дала ему лучшаго коня и направила къ старшей сестрѣ. Старшая Баба-Яга дала ему коня лучше первыхъ двухъ и сказала, что теперь онъ можетъ ѣхать въ царство Царь-Дѣвицы; только онъ не долженъ въѣзжать въ ворота — у воротъ львы стерегутъ, а нужно на конѣ перемахнуть черезъ тынъ, но осторожно, чтобы не задѣть струнъ, не то все царство взволнуется, и ему живому не быть; перемахнувъ черезъ тынъ, царевичъ долженъ пройти во дворецъ, въ ту комнату, гдѣ спитъ Царь-Дѣвица: у нея подъ подушкой находятся пузырьки съ мертвой и живой водою; царевичъ долженъ взять той и другой воды и спѣшить на-

задъ, не заглядываясь на красоту Царь-Дѣвицы. Царевичъ отправился въ путь. Подъѣхавъ къ царству, царевичъ перемахнулъ черезъ тынъ, и конь не зацѣпилъ ни единой струны. Войдя въ комнату, гдѣ спала Царь-Дѣвица, царевичъ досталъ пузырьки съ мертвой и живой водой. Тутъ онъ заглядѣлся на дѣвичью красоту и поцѣловалъ Царь-Дѣвицу. Сталъ царевичъ садиться на коня — у коня ноги подгибаются; сталъ черезъ тынъ перескакивать — задѣлъ послѣднюю струну. Вмигъ все царство проснулось, встала Царь-Дѣвица и велѣла осѣдлать коня. Царевичъ едва спасся отъ Царь-Дѣвицы.

На возвратномъ пути царевичъ встрѣтилъ своихъ братьевъ и разсказалъ имъ, что онъ добылъ мертвой и живой воды. Царевичъ легъ отдыхать и уснулъ крѣпкимъ сномъ. Старшіе братья воспользовались сномъ Ивана-царевича, отобрали у него мертвую и живую воду и подсунули простую. Царь обрадовался возвращенію сыновей, а еще болѣе тому, что младшій сынъ досталъ мертвой и живой воды. Выпилъ царь воды: какъ былъ старъ, такъ и остался. Тогда старшіе братья заявили, что Иванъ-царевичъ вретъ: не онъ досталъ мертвой и живой воды, а они. Царь попробовалъ ихъ воды, и сейчасъ же помолодѣлъ. Разсердился царь на Ивана-царевича и прогналъ его.

Между тѣмъ Царь-Дѣвица снарядила корабль, пріѣхала въ то царство, откуда былъ родомъ Иванъ-царевичъ, и отправила царю письмо съ требованіемъ прислать къ ней того изъ царевичей, который былъ у нея, грозя въ противномъ случаѣ поджечь огнемъ царство и всѣхъ взять въ плѣнъ. Царь посылаетъ старшихъ сыновей. Царь-Дѣвица ихъ прогоняетъ и требуетъ, чтобы ей прислали младшаго. Царь велѣлъ искать Ивана-Царевича. Какъ нашли царевича, тотчасъ отправили къ Царь-Дѣвицѣ. Царь-Дѣвица говоритъ Ивану-царевичу, что, разъ онъ былъ въ ея царствѣ, пусть теперь беретъ ее замужъ. Царевичъ женился на Царь-Дѣвицѣ, а царь, узнавъ о продѣлкѣ старшихъ сыновей, прогналъ ихъ со двора.

2) **Кащей-Безсмертный.** Кащей-Безсмертный — образъ чудовища, похищающаго красавицу. Герой сказки пытается освободить ее и часто гибнетъ. Иногда съ помощью самой красавицы герою удается узнать, какъ можно погубить Кащея-Безсмертнаго; оказывается, что на морѣ-океанѣ находится островъ, на островѣ растетъ дубъ, подъ дубомъ зарытъ сундукъ, въ

сундукѣ находится заяцъ, въ зайцѣ — утка, въ уткѣ — яйцо, а въ яйцѣ заключается смерть Кащея. Герой добываетъ яйцо, приходитъ къ Кащею, ударяетъ его яйцомъ въ лобъ, и Кащей умираетъ. Яйцо, какъ символъ жизни, играетъ важную роль у тюрко-финскихъ народовъ. Такъ, у чувашъ, когда умираетъ человѣкъ, разбиваютъ сырое куриное яйцо. Повидимому, образъ яйца, въ которомъ заключается душа Кащея, а затѣмъ и самое имя Кащей навѣяны отношеніями русскихъ къ племенамъ тюрко-монгольскимъ.

Сюжетъ, связанный съ образомъ Кащея-безсмертнаго, — одинъ изъ древнѣйшихъ. Въ египетской сказкѣ о двухъ братьяхъ, Анупу и Битью, записанной за 14 вѣковъ до Р. Х. для сына фараона Менефта, разсказывается, что сердце Битью было скрыто въ цвѣткѣ акаціи. Такой же мотивъ разрабатывается въ сказкахъ индійскихъ, кавказскихъ, нѣмецкихъ, норвежскихъ, зулусскихъ и т. д.

Примѣромъ сказокъ, въ которыхъ выведенъ Кащей-Безсмертный, можетъ послужить сказка подъ заглавіемъ „Кащей-Безсмертный“.

а) „Кащей-Безсмертный“. Жилъ-былъ царь. У него былъ одинъ сынъ. Когда царевичъ былъ малъ, мамки и няньки его прибаюкивали: „Баю-баю, Иванъ-царевичъ! Вырастешь большой, найдешь себѣ невѣсту: за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ сидитъ въ башнѣ Василиса Кирбитьевна — изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается“. Минуло царевичу пятнадцать лѣтъ, и отпросился у отца поѣхать — поискать свою невѣсту. Пріѣзжаетъ царевичъ въ одинъ городъ и видитъ — на площади кнутомъ наказываютъ человѣка. Царевичъ спросилъ, за что его наказываютъ. „А за то, — отвѣтили ему, — что задолжалъ онъ одному именитому купцу десять тысячъ, да въ срокъ и не выплатилъ. А кто его выкупитъ, у того Кащей-Безсмертный жену унесетъ“. Жаль стало царевичу, выкупилъ наказываемаго и пошелъ своей дорогой. Вдругъ за нимъ бѣжитъ человѣкъ, котораго онъ выкупилъ, и говоритъ ему: „Спасибо, Иванъ-царевичъ! Если бы ты меня не выкупилъ, ввѣкъ бы не досталъ своей невѣсты. А теперь я помогу“. Царевичъ спросилъ у него, какъ его имя. „Меня зовутъ Булатъ-молодецъ“. Сѣли на коней и отправились добывать Василису Кирбитьевну. Пріѣхавъ въ тридесятое государство, Иванъ-царевичъ и Булатъ-молодецъ отправились къ

высокой башнѣ, гдѣ сидѣла Василиса Кирбитьевна. Булатъ-молодецъ выманилъ ее изъ башни, посадилъ на коня къ Ивану-царевичу, и оба поскакали обратно во всю конскую прыть. Много ли, мало ли ѣхали наши витязи, только Булатъ-молодецъ снялъ съ руки своей перстень, спряталъ его и говоритъ: „Поѣзжай, Иванъ-царевичъ! А я назадъ ворочусь, поищу перстень“. Василиса стала удерживать его, но Булатъ-молодецъ настоялъ на своемъ, повернулъ коня, поскакалъ назадъ и видитъ — ѣдетъ погоня, посланная за ними царемъ Кирбитомъ. Булатъ-молодецъ бросился на нее, перебилъ всю, кромѣ одного человѣка, и вернулся обратно къ Ивану-царевичу. Много ли, мало ли ѣхали наши витязи, Булатъ-молодецъ сказалъ Ивану-царевичу, что потерялъ платокъ и повернулъ назадъ. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, Бутатъ-молодецъ наткнулся на новую погоню, еще болѣе многочисленную, перебилъ ее и вернулся обратно къ Ивану-царевичу. Настала темная ночь. Раскинули шатеръ. Булатъ-молодецъ поставилъ Ивана-царевича на караулъ, а самъ легъ спать. Иванъ-царевичъ стоялъ-стоялъ, утомился, присѣлъ у шатра и уснулъ. Откуда ни возьмись — Кащей-Безсмертный, схватилъ Василису Кирбитьевну и унесъ. Утромъ проснулся Иванъ-царевичъ, видитъ, что его невѣсты нѣтъ и горько заплакалъ. Проснулся Булатъ-молодецъ и, узнавъ, что̀ произошло, догадался, что это — дѣло Кащея-Безсмертнаго. Булатъ-молодецъ и Иванъ-царевичъ отправляются искать Кащея. По дорогѣ они встрѣчаютъ двухъ пастуховъ Кащея. Разспросивъ ихъ подробно о Кащеѣ, витязи свернули имъ головы, нарядились пастухами и погнали стадо домой. Они проникли къ Василисѣ Кирбитьевнѣ, попросили ее узнать у Кащея, гдѣ его смерть, и спрятались. Только что гости успѣли спрятаться, прилетаетъ Кащей-Безсмертный. „Фу-фу, — говоритъ, — прежде русскаго духу слыхомъ не было слыхать, видомъ не видать, а нониче русскій духъ въ-очью является, въ уста бросается“. Отвѣчаетъ ему Василиса Кирбитьевна: „Самъ ты по Руси налетался, русскаго духа нахватался, такъ онъ тебѣ и здѣсь чудится“. Стала ласкаться къ Кащею и приговаривать: „Другъ ты мой милый! Насилу дождалась тебя. Ужъ не чаяла въ живыхъ увидать: думала, что тебя лютые звѣри съѣли“. Кащей засмѣялся: „Дура-баба! Волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Развѣ могутъ меня лютые звѣри съѣсть?“ — „Да гдѣ же твоя

смерть?“ — „Моя смерть далече: на морѣ-окіянѣ есть островъ; на томъ островѣ дубъ стоитъ, подъ дубомъ сундукъ зарытъ, въ сундукѣ — заяцъ, въ зайцѣ — утка, въ — уткѣ яйцо, а въ яйцѣ — моя смерть“. Сказалъ и улетѣлъ.

Узнавъ, гдѣ находится смерть Кащея, Иванъ-царевичъ и и Булатъ-молодецъ собрались въ дорогу. Долго ли, коротко ли шли, запасы у нихъ истощились, и они стали голодать. Попалась имъ собака со щенятами. Булатъ-молодецъ хотѣлъ убить ее; собака попросила пощадить ее, оставить ей жизнь. Булатъ-молодецъ оставилъ ей жизнь. Точно также пощадилъ Булатъ-молодецъ орла и рака. Наконецъ, путники попали на островъ, гдѣ скрыта была смерть Кащея. Булатъ-молодецъ ухватился руками за дубъ и вырвалъ его съ корнемъ. Подъ дубомъ нашелся сундукъ. Когда Булатъ-молодецъ открылъ его, изъ него выскочилъ заяцъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, собака, которую пощадили, схватила зайца и притащила его. Булатъ-молодецъ разорвалъ зайца: изъ него вылетѣла утка, которая высоко поднялась въ поднебесье. Вдругъ взвился орелъ, схватилъ утку и несетъ къ Булату-молодцу. Булатъ-молодецъ разорвалъ утку: изъ утки выкатилось яйцо и упало въ море. Вдругъ ползетъ ракъ и несетъ яйцо. Иванъ царевичъ и Булатъ-молодецъ взяли яйцо, вернулись къ Кащею-Безсмертному и ударили его яйцомъ въ лобъ. Кащей растянулся и умеръ. Взялъ Иванъ-царевичъ Василису Кирбитьевну и поѣхалъ въ дорогу.

Ѣхали-ѣхали — настала темная ночь. Раскинули шатеръ. Булатъ-молодецъ сталъ на часахъ. Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло, и стало двѣнадцать дѣвицъ. „Ну, Булатъ-молодецъ, да Иванъ-царевичъ! Убили вы нашего брата Кащея-Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну. Не будетъ и вамъ добра: какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою собачку любимую, — она вырвется у псаря и разорветъ царевича на клочки; а кто это слышитъ, да ему скажетъ, тотъ по колѣна будетъ каменнымъ!“ На другой день путники отправились дальше. Въ слѣдующую ночь опять стоитъ на часахъ Булатъ-молодецъ. Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, превратившихся въ двѣнадцать дѣвицъ. Дѣвицы, сестры Кащея, предсказали, что Иванъ-царевичъ будетъ убитъ любимымъ конемъ; а кто скажетъ объ этомъ Ивану-ца-

ревичу, тотъ по поясъ будетъ каменнымъ. Въ третью ночь дѣвицы предсказали, что Иванъ-царевичъ будетъ поднятъ на рога любимой коровой; а кто скажетъ ему объ этомъ, весь станетъ каменный.

Вернувшись на родину, Иванъ-царевичъ женился на Василисѣ Кирбитьевнѣ. Нѣсколько дней спустя вздумалось царевичу показать женѣ свою любимую собаку. Собака вырвалась у псаря и побѣжала къ Ивану-царевичу. Булатъ-молодецъ выхватилъ саблю и разрубилъ ее пополамъ. Разсердился на него Иванъ-царевичъ; но за старую службу ничего не сказалъ. Въ другой разъ царевичъ приказалъ вывести своего любимаго коня. Конь вырвался у конюха и поскакалъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ ему голову. Еще пуще разгнѣвался Иванъ-царевичъ на Булата-молодца и приказалъ было повѣсить его, да Василиса Кирбитьевна упросила пощадить его. Въ третій разъ тоже случилось съ любимой коровой. Тутъ Иванъ-царевичъ такъ озлобился, что ничего не хотѣлъ слушать и призвалъ палача, чтобы немедленно казнить Булата-молодца. Тогда Булатъ-молодецъ разсказалъ Ивану-царевичу про первую ночь, которую онъ простоялъ на часахъ, — и окаменѣлъ до колѣна; разсказалъ про вторую ночь, — и окаменѣлъ по поясъ; разсказалъ про третью ночь, — и окаменѣлъ весь. Иванъ-царевичъ поставилъ Булата-молодца въ особую палату, сталъ каждый день ходить туда съ Василисой Кирбитьевной и горько плакаться.

Прошло много лѣтъ. Разъ какъ-то плакался Иванъ-царевичъ надъ окаменѣвшимъ Булатомъ-молодцемъ, и вдругъ раздался голосъ: „Если хочешь, можешь меня спасти: у тебя есть двое дѣтей — сынъ да дочь; возьми ихъ, зарѣжь, нацѣди крови, и той кровью помажь камень“. Иванъ-царевичъ и Василиса Кирбитьевна потужили, погоревали и рѣшили пожертвовать своими дѣтьми. Едва они помазали камень кровью, какъ Булатъ-молодецъ ожилъ. Спрашиваетъ Булатъ-молодецъ Ивана-царевича и Василису Кирбитьевну, жалко ли имъ своихъ дѣтей. „Жалко, Булатъ-молодецъ!“ Булатъ-молодецъ повелъ ихъ въ комнату дѣтей. Пришли. Смотрятъ — дѣти живы. Отецъ съ матерью обрадовались и задали пиръ на весь міръ.

Изъ сюжетовъ, разработанныхъ сказками съ миѳическимъ содержаніемъ, наиболѣе интересны слѣдующіе: 1) борьба со Змѣемъ, 2) превращеніе людей и 3) выполненіе трудныхъ задачъ.

1) Борьба со Змѣемъ. Змѣй похищаетъ красавицу. Герой сказки борется со Змѣемъ, который обыкновенно бываетъ о трехъ, шести и двѣнадцати головахъ, побѣждаетъ его и освобождаетъ красавицу. Этотъ мотивъ изображается, кромѣ вышеизложенной сказки „Звѣриное молоко“, еще въ двухъ: въ сказкѣ „Хрустальная гора“ и въ сказкѣ „Никита Кожемяка“.

а) „Хрустальная гора“. Три царевича отпрашиваются у своего отца на охоту. Отецъ благословилъ ихъ, и царевичи разошлись въ разныя стороны. Младшій царевичъ Иванъ ѣздилъ-ѣздилъ и попалъ на поляну. На полянѣ лежала палая лошадь, около которой собралось много всякаго звѣря, птицы и гаду. Поднялся соколъ, прилетѣлъ къ царевичу, сѣлъ ему на плечо и говоритъ ему: „Иванъ-царевичъ! Раздѣли намъ эту лошадь: лежитъ она здѣсь тридцать три года, а мы все споримъ, а какъ подѣлить—не придумаемъ“. Царевичъ слѣзъ съ коня и раздѣлилъ падаль такъ: звѣрямъ—кости, птицамъ—мясо, кожу—гадамъ, а голову—муравьямъ. Поблагодарилъ соколъ Ивана-царевича и далъ ему способность оборачиваться яснымъ соколомъ и муравьемъ.

Ударился Иванъ-царевичъ о сыру землю, обернулся соколомъ и полетѣлъ въ тридесятое государство; а того государства больше, чѣмъ на половину, втянуло въ хрустальную гору. Прилетѣлъ царевичъ прямо во дворецъ, оборотился добрымъ молодцемъ и нанялся къ царю на службу. Однажды дочь царя попросилась отправиться съ Иваномъ-царевичемъ погулять на хрустальной горѣ. Когда Иванъ-царевичъ и царевна подходили уже къ хрустальной горѣ, вдругъ, откуда ни возьмись, выскочила золотая коза. Царевичъ помчался за ней, козы не добылъ, а воротился назадъ,—царевны нѣтъ!

Нарядился царевичъ древнимъ старикомъ, такъ что его и узнать нельзя было, и сталъ наниматься къ царю пастухомъ. Царь сказалъ ему: „Хорошо, будь пастухомъ. Коли прилетитъ Змѣй о трехъ головахъ, дай ему три коровы, коли о шести головахъ, дай шесть коровъ, а коли о двѣнадцати головахъ, то отсчитывай двѣнадцать коровъ“. Иванъ-царевичъ погналъ стадо по горамъ, по доламъ. Вдругъ летитъ съ озера Змѣй о трехъ головахъ. „Охъ, Иванъ-царевичъ, за какое ты дѣло взялся? Гдѣ бы сражаться доброму молодцу, а онъ стадо пасетъ! Ну-ка,—говоритъ—отгони мнѣ трехъ коровъ“.— „Не жирно ли будетъ? отвѣчаетъ царевичъ: я самъ въ суточки ѣмъ

по одной уточкѣ, а ты трехъ коровъ захотѣлъ... Нѣтъ тебѣ ни одной!“ Змѣй осерчалъ, а вмѣсто трехъ захватилъ шесть коровъ. Иванъ-царевичъ обернулся яснымъ соколомъ, снялъ у Змѣя три головы и погналъ стадо домой. На другой день прилетѣлъ съ озера Змѣй о шести головахъ и потребовалъ у царевича шесть коровъ. Царевичъ не далъ, и Змѣй вмѣсто шести захватилъ двѣнадцать коровъ. Царевичъ обратился яснымъ соколомъ, бросился на Змѣя и снялъ у него шесть головъ. Вечеромъ Иванъ-царевичъ оборотился въ муравья и сквозь малую трещину заползъ въ хрустальную гору. Смотритъ — въ хрустальной горѣ сидитъ царевна. Царевна разсказала царевичу слѣдующее: „Меня унесъ Змѣй о двѣнадцати головахъ: живетъ онъ на батюшкиномъ озерѣ; въ томъ Змѣѣ сундукъ таится, въ сундукѣ—заяцъ, въ зайцѣ—утка, въ уткѣ—яичко, въ яичкѣ—сѣмячко. Коли ты убьешь его, да достанешь это сѣмячко, въ тѣ поры можно хрустальную гору извести и меня избавить“. На слѣдующій день прилетѣлъ Змѣй о двѣнадцати головахъ и потребовалъ у Ивана-царевича двѣнадцать коровъ. Царевичъ отказалъ, вступилъ со Змѣемъ въ борьбу и побѣдилъ его. Разрѣзавъ туловище Змѣя, Иванъ-царевичъ нашелъ сундукъ, въ сундукѣ былъ заяцъ, въ зайцѣ—утка, въ уткѣ—яйцо, въ яйцѣ—сѣмячко. Иванъ-царевичъ взялъ сѣмячко, зажегъ и поднесъ къ хрустальной горѣ: гора растаяла. Иванъ-царевичъ вывелъ царевну и привезъ отцу. Обрадовался царь и выдалъ свою дочь замужъ за Ивана-царевича.

б) „*Никита Кожемяка*“. Около Кіева проявился Змѣй, который бралъ съ народа по красной дѣвицѣ и съѣдалъ ее. Пришелъ чередъ идти къ Змѣю царской дочери. Змѣй схватилъ царевну и повезъ ее въ берлогу, а ѣсть ее не сталъ: она была такая красавица, что Змѣй взялъ ее въ жены. У царевны была собачка, которая увязалась съ нею изъ дому. Напишетъ, бывало, царевна записочку къ батюшкѣ съ матушкой, навяжетъ собачкѣ на шею, а та побѣжитъ, куда слѣдуетъ, да и отвѣтъ еще принесетъ. Разъ царевна узнала отъ Змѣя, что въ Кіевѣ есть нѣкто Никита Кожемяка, который сильнѣе его. Царевна немедленно написала объ этомъ родителямъ. Царь самъ отправился къ Никитѣ. Въ ту пору Никита мялъ въ рукахъ двѣнадцать кожъ. Увидѣвъ, что къ нему пришелъ самъ царь, Никита задрожалъ отъ испуга, руки затряслись, и онъ разорвалъ всѣ двѣнадцать кожъ. Едва уда-

лось уговорить Никиту пойти на Змѣя. Взялъ Никита триста пудъ пеньки, насмолилъ ее и, обмотавшись ею, пошелъ къ Змѣю. Между Никитой и Змѣемъ завязалась битва. Никита повалилъ Змѣя. Тогда Змѣй предложилъ Никитѣ вступить съ нимъ въ союзъ и подѣлить между собою весь міръ пополамъ. „Хорошо,—сказалъ Никита,—надо межу проложить“. Сдѣлалъ Никита соху въ триста пудъ, запрягъ въ нее Змѣя и сталъ межу пропахивать отъ Кіева до моря Кавстрійскаго. Послѣ этого Никита предложилъ раздѣлить море. Въѣхалъ Змѣй въ средину моря. Никита убилъ его и потопилъ въ морѣ. Межа, проведенная Никитой, и теперь видна: вышиною она — двухъ саженъ. „Кругомъ ея пашутъ, а борозды не трогаютъ. А кто не знаетъ, отчего эта борозда, называютъ ее валомъ“. [1])

2) Превращеніе людей. Во многихъ сказкахъ люди превращаются въ животныхъ, птицъ, рыбъ и т. д., причемъ эти превращенія бываютъ добровольныя или насильственныя.

Добровольныя превращенія бываютъ тогда, когда герои спасаются отъ преслѣдованій; и преслѣдуемый, и преслѣдующій одинаково обращаются въ соотвѣтствующихъ звѣрей или птицъ, какъ, напр.: голубь — ястребъ, соколъ, собака—волкъ, ершъ — щука и т. д. Превращеніе играетъ важную роль въ сказкахъ о невѣстахъ и женихахъ: невѣста обыкновенно превращается въ лебедь, утку, голубку, лягушку, козу, а женихъ— въ сокола, козла.

Во многихъ сказкахъ разсказывается и о насильственныхъ превращеніяхъ. Обыкновенно, женщина-волшебница превращаетъ мужа, жениха или мужчину въ какое-нибудь животное — въ собаку, ворона, дятла, воробья; или братъ превращается въ козленка.

Примѣрами сказокъ съ такимъ сюжетомъ, кромѣ изложенной выше сказки „Хрустальная гора“, могутъ служить слѣдующія: а) „Царевна-лягушка“ и б) „Сестрица Аленушка, братецъ Иванушка“.

а) „Царевна-лягушка“. Царь сдѣлалъ своимъ тремъ сыновьямъ слѣдующее предложеніе: „Дѣти мои милыя! Возьмите себѣ по стрѣлкѣ, натяните тугіе луки и пустите въ разныя

---

[1]) Эта сказка представляетъ пріуроченіе мотива о змѣеборствѣ (§ 84), въ переработанномъ видѣ, къ образу лѣтописнаго богатыря Яна Усмошвеца (§ 209).

стороны: на чей дворъ стрѣла упадетъ, тамъ и сватайтесь". Пустилъ стрѣлу старшій сынъ—упала она на боярскій дворъ, прямо противъ дѣвичьяго терема; пустилъ средній сынъ—полетѣла стрѣла къ купцу на дворъ и остановилась у краснаго крыльца, гдѣ стояла душа-дѣвица; пустилъ стрѣлу младшій сынъ, Иванъ-царевичъ,—попала стрѣла въ болото, и подхватила ее лягушка-квакушка. Женились царевичи: старшій—на боярышнѣ, средній—на купеческой дочкѣ, а Иванъ-царевичъ—на лягушкѣ.

Однажды царь призываетъ своихъ сыновей и приказываетъ имъ, чтобы ихъ жены испекли къ завтрашнему дню по мягкому бѣлому хлѣбу. Вернулся Иванъ-царевичъ въ свои палаты невеселъ, ниже плечъ буйну голову повѣсилъ. „Ква-ква, Иванъ-царевичъ! Почто такъ кручиненъ сталъ? спрашиваетъ его лягушка: аль услышалъ отъ отца своего слово непріятное?" Иванъ-царевичъ сообщилъ лягушкѣ о распоряженіи отца. Лягушка сказала ему: „Не тужи. царевичъ! Ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренѣе!" Уложила царевича спать, да сбросила съ себя лягушечью кожу и обернулась душой-дѣвицей Василисою Премудрою. Вышла Василиса на красное крыльцо и закричала громкимъ голосомъ: „Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкій бѣлый хлѣбъ, каковъ ѣла я, кушала у родного моего батюшки". На утро проснулся Иванъ-царевичъ,—у квакушки хлѣбъ давно готовъ, и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Изукрашенъ хлѣбъ разными хитростями: по бокамъ видны города царскіе и съ заставами. Царь поблагодарилъ Ивана-царевича и тутъ же приказалъ, чтобы жены царевичей соткали ему за единую ночь по ковру. Невеселъ вернулся Иванъ-царевичъ. Квакушка успокоила его и уложила спать. На утро проснулся Иванъ-царевичъ, а у квакушки коверъ давно готовъ, изукрашенъ златомъ-серебромъ, хитрыми узорами. Поблагодарилъ царь Ивана-царевича и тутъ же отдалъ новый приказъ, чтобы всѣ три царевича явились къ нему на смотръ, вмѣстѣ съ женами. Невеселъ вернулся Иванъ-царевичъ. Квакушка, узнавъ, въ чемъ дѣло, сказала ему: „Не тужи, царевичъ! Ступай одинъ къ царю въ гости, а я вслѣдъ за тобою буду. Какъ услышишь стукъ да громъ, скажи: это моя лягушонка въ коробчонкѣ ѣдетъ". Вотъ старшіе братья явились на смотръ со своими женами, разодѣтыми, разубран-

ными; стоятъ да на Ивана-царевича смѣются: „Что-жъ ты, братъ, безъ жены пришелъ? Хоть бы въ платочкѣ принесъ! И гдѣ ты этакую красавицу выискалъ? Чай, всѣ болота исходилъ?“ Вдругъ поднялся великій стукъ да громъ — весь дворецъ затрясся. Гости испугались. А Иванъ-царевичъ говоритъ: „Не бойтесь, господа: это моя лягушонка въ коробчонкѣ пріѣхала!“ Подлетѣла къ царскому крыльцу золоченая коляска, запряженная шестью лошадьми, и вышла оттуда Василиса Премудрая, такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Стали гости ѣсть-пить, веселиться. Василиса Премудрая испила изъ стакана, да послѣдки себѣ за лѣвый рукавъ вылила, закусила лебедемъ, да косточки за правый рукавъ спрятала. Жены старшихъ царевичей увидали ея хитрости, давай и себѣ то же дѣлать. Послѣ, какъ пошла Василиса Премудрая танцовать съ Иваномъ-царевичемъ, махнула лѣвой рукой—сдѣлалось озеро, махнула правой—и поплыли по водѣ бѣлые лебеди. Царь и гости диву дались. Старшія невѣстки пошли танцовать, махнули лѣвыми руками — гостей забрызгали, махнули правыми — кость царю прямо въ глазъ попала! Царь разсердился и прогналъ ихъ. Тѣмъ временемъ Иванъ-царевичъ улучилъ минуточку, побѣжалъ домой, нашелъ лягушечью кожу и спалилъ ее на большомъ огнѣ. Пріѣзжаетъ Василиса Премудрая, хватилась — нѣтъ лягушечьей кожи, пріуныла, запечалилась и говоритъ царевичу: „Охъ, Иванъ-царевичъ! Что же ты надѣлалъ? Если бы немножко ты подождалъ, я бы вѣчно была твоею; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ—у Кащея-Безсмертнаго“. Обернулась бѣлой лебедью и улетѣла въ окно.

Иванъ-царевичъ горько заплакалъ, помолился на всѣ четыре стороны и пошелъ, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли,—попадается ему навстрѣчу старый старичокъ. Узнавъ отъ Ивана-царевича объ его несчастіи, старичокъ сказалъ: „Охъ, Иванъ-царевичъ! Зачѣмъ ты лягушечью кожу спалилъ? Не ты ее надѣлъ, не тебѣ и снимать было! Василиса Премудрая хитрѣй, мудренѣй своего отца уродилась; онъ зато осерчалъ на нее и велѣлъ ей три года квакушей быть. Вотъ тебѣ клубокъ: куда онъ покатится,—ступай за нимъ смѣло!“ Пошелъ Иванъ-царевичъ за клубочкомъ и встрѣчается въ чистомъ полѣ съ медвѣдемъ.

Онъ хочетъ убить его, а медвѣдь провѣщалъ ему: „Не бей меня, Иванъ-царевичъ! Когда-нибудь пригожусь тебѣ“. Пошелъ Иванъ-царевичъ дальше и по дорогѣ пощадилъ селезня и косого зайца. На берегу синяго моря, на пескѣ, издыхала щука-рыба. Иванъ-царевичъ взялъ ее и бросилъ въ море, а самъ пошелъ дальше. Наконецъ, клубочекъ прикатился къ избушкѣ на курьихъ лапкахъ. Иванъ-царевичъ вошелъ въ избушку и видитъ — на печи, на девятомъ кирпичѣ лежитъ Баба-Яга, костяная нога, носъ въ потолокъ вросъ. Баба-Яга накормила, напоила царевича и научила, какъ найти Василису Премудрую: „Она теперь у Кащея-Безсмертнаго; трудно ее достать, нелегко съ Кащеемъ сладить: смерть его — на концѣ иглы, та игла—въ яйцѣ, то яйцо—въ уткѣ, та утка—въ зайцѣ, тотъ заяцъ — въ сундукѣ, а сундукъ стоитъ на высокомъ дубу, и то дерево Кащей, какъ свой глазъ, бережетъ“.

Иванъ-царевичъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ росъ дубъ, и не знаетъ, что ему дѣлать. Вдругъ, откуда ни возьмись, прибѣжалъ медвѣдь и выворотилъ дубъ съ корнемъ. Сундукъ упалъ и разбился. Выбѣжалъ изъ сундука заяцъ и бросился во всю прыть. Вдругъ за нимъ погнался другой заяцъ, схватилъ его и въ клочья разорвалъ. Изъ зайца вылетѣла утка, а за ней пустился селезень и ударилъ ее — утка выронила яйцо, которое упало въ море. Вдругъ выплываетъ къ берегу щука и держитъ въ зубахъ яйцо. Иванъ-царевичъ взялъ яйцо, разбилъ его, досталъ иглу и отломилъ кончикъ. Кащей умеръ, а Иванъ-царевичъ пошелъ въ его домъ, взялъ Василису Премудрую и вернулся домой.

б) „*Сестрица Аленушка, братецъ Иванушка*“. Жили-были царь и царица. У нихъ были сынъ и дочь. Сына звали Иванушкой, а дочь Аленушкой. Вотъ царь съ царицею померли. Остались дѣти одни и пошли странствовать по бѣлу свѣту. Шли они, шли и видятъ прудъ, а около пруда пасется стадо коровъ. Захотѣлось Иванушкѣ пить. Говоритъ ему Аленушка: „Не пей, братецъ, а то будешь теленочкомъ!“ Послушался Иванушка, и пошли они дальше. Видятъ рѣку, а около ходитъ табунъ лошадей. Опять Иванушкѣ захотѣлось пить изъ рѣки, а сестра удерживаетъ его, говоря, что онъ сдѣлается жеребеночкомъ. Послушался Иванушка, и пошли дальше. Видятъ озеро, а около гуляетъ стадо овецъ. Иванушкѣ страшно

хочется пить, а сестра удерживаетъ его, говоря, что онъ будетъ баранчикомъ. Пошли дальше. Видятъ ручей, а возлѣ пасется стадо козъ. Не вытерпѣлъ Иванушка, напился и сталъ козленочкомъ, и прыгаетъ передъ Аленушкой. Заплакала Аленушка, обвязала шелковымъ поясомъ и повела его съ собою.

Пришла Аленушка съ козленкомъ въ одно царство. Царь узналъ о судьбѣ Аленушки и ея братца и женился на ней. Жили они очень счастливо. Добрые, глядя на нихъ, радовались, а злые завидовали. Больше всего завидовала одна старая вѣдьма, которая думала, что царь женится на ея дочери. Вотъ задумала вѣдьма извести Аленушку. Она подстерегла Аленушку, когда та пошла гулять, схватила ее, навязала ей тяжелый камень на шею и бросила въ море. Свою дочку вѣдьма обернула Аленушкой и послала во дворецъ. Никто ея не распозналъ. Самъ царь обманулся. Одинъ только козленокъ все зналъ: не ѣстъ, не пьетъ, ходитъ по берегу да жалобно кричитъ. Услышала царица, что козленочекъ кричитъ, и стала требовать, чтобы его зарѣзали. Удивился царь, однако согласился, велѣлъ наточить ножи, разложить костры и нагрѣть котлы. Провѣдалъ козленокъ, что ему недолго остается жить, побѣжалъ къ берегу и сталъ причитывать: „Аленушка, сестрица моя! Меня хотятъ зарѣзати: костры кладутъ высокіе, котлы грѣютъ чугунные, ножи точатъ булатные, хотятъ меня зарѣзати!“ Аленушка изъ-подъ воды отвѣчаетъ братцу: „Ахъ, братецъ мой, Иванушка! Тяжелъ камень шею перетеръ, шелкова трава на рукахъ свилась, желты пески на грудь легли“. Тутъ неподалеку находился царь, услышалъ, какъ козленокъ переговаривается съ Аленушкой, созвалъ людей. Они вытащили Аленушку и сорвали съ нея камень. Аленушка ожила и бросилась обнимать козленочка: козленочекъ сталъ опять Иванушкой. Разсказала Аленушка царю о происшедшемъ. Царь казнилъ вѣдьму и ея дочь. Послѣ этого царь съ царицей и Иванушкой стали жить лучше прежняго.

3) Выполненіе трудныхъ задачъ. Не мало сказокъ имѣетъ своимъ мотивомъ выполненіе героями трудно осуществимыхъ задачъ, какъ, напр., добываніе необыкновенныхъ красавицъ, небывалыхъ животныхъ, чудесныхъ предметовъ, уже упомянутыхъ выше, а также построеніе въ одну ночь золотого моста или терема, разсаживаніе въ одну ночь цѣлаго сада и т. д. Выполнить эти задачи обыкновенно помогаетъ герою мудрая

жена, мать, дѣвушка, которая успокаиваетъ героя фразой: „утро вечера мудренѣе: ложись спать, — все будетъ исполнено“.

Примѣромъ сказокъ, сюжетомъ которыхъ является выполненіе трудныхъ задачъ, можетъ послужить, кромѣ сказокъ „Царевна-лягушка“ и „Звѣриное молоко“, также сказка „Морской царь и Василиса Премудрая“.

а) „Морской царь и Василиса Премудрая“. Жили-были царь съ царицею. Царь любилъ ходить на охоту и стрѣлять дичь. Разъ царь хотѣлъ застрѣлить молодого орла. Орелъ упросилъ царя пощадить его, взять къ себѣ и кормить три года, обѣщая, что царь за это въ накладѣ не останется. Царь согласился. По прошествіи трехъ лѣтъ орелъ взялъ на крылья царя и полетѣлъ съ нимъ къ себѣ домой. Онъ угостилъ царя, снарядилъ для него корабль и далъ два сундучка: одинъ — красный, другой зеленый. Отправляя царя въ обратный путь, орелъ сказалъ: „Смотри же, не отпирай сундуковъ, пока домой не пріѣдешь. Красный сундучокъ отопри на заднемъ дворѣ, а зеленый сундучокъ — на переднемъ дворѣ“. Распростившись съ орломъ, царь пустился по морю въ обратный путь. У одного острова царь остановился и вышелъ на берегъ. Тутъ онъ вспомнилъ про сундучки, и захотѣлось узнать, что въ нихъ. Взялъ онъ красный сундучокъ, поставилъ на землю и открылъ, а оттуда столько разнаго скота вышло, что глазомъ не окинешь: едва на островѣ умѣстилось. Увидя это, царь сталъ горевать и приговаривать: „Что же мнѣ теперь дѣлать? Какъ опять соберу все стадо въ такой маленькій сундучокъ“. Вдругъ изъ воды выходитъ человѣкъ, который обѣщаетъ помочь его горю, если онъ обѣщаетъ дать ему то, чего дома не знаетъ. Царь подумалъ и согласился. Человѣкъ изъ воды собралъ въ сундучокъ все стадо, и царь поѣхалъ въ свое царство.

Пріѣхавъ домой, царь узналъ, что въ его отсутствіе у него родился сынъ. Тутъ царь понялъ, какое обѣщаніе далъ онъ человѣку изъ воды. Ничего не сказалъ онъ царицѣ, вышелъ на задній дворъ, открылъ красный сундучокъ — оттуда полѣзли быки, коровы, овцы, бараны; вышелъ на передній дворъ, открылъ зеленый сундучокъ — появился передъ нимъ большой садъ; какихъ, какихъ деревьевъ тутъ не было! Царь такъ обрадовался, что и забылъ отдать своего сына.

Прошло много лѣтъ. Разъ царь пошелъ гулять къ рѣкѣ.

Изъ рѣки опять вышелъ прежній человѣкъ и потребовалъ отдачи сына. Вернулся царь домой съ тоскою-кручиною и разсказалъ царицѣ и царевичу всю правду. Погоревали, поплакали вмѣстѣ и рѣшили, что дѣлать нечего. Отвезли на взморье и оставили его одного.

Оставшись одинъ, царевичъ оглядѣлся кругомъ, увидѣлъ тропинку и пошелъ по ней. Шелъ, шелъ и очутился въ дремучемъ лѣсу, передъ избушкой, въ которой жила Баба-Яга. Баба-Яга напоила, накормила царевича и, узнавъ, куда онъ путь направляетъ, сказала ему: „Иди, дитятко, на море. Прилетятъ туда двѣнадцать колпи́цъ (порода цапель), обернутся красными дѣвицами и станутъ купаться. Ты покрадься потихоньку и захвати у старшей дѣвицы сорочку. Какъ поладишь съ нею, ступай къ морскому царю; и попадутся тебѣ навстрѣчу Объѣдало и Опивало, попадется еще Морозъ-Трескунъ — всѣхъ возьми съ собою: они тебѣ къ добру пригодятся“. Простился царевичъ съ Бабой-Ягой, пошелъ на указанное мѣсто и спрятался за кусты. Тутъ прилетѣли двѣнадцать колпи́цъ, ударились о сырую землю, — обернулись красными дѣвицами и стали купаться. Царевичъ скралъ у старшей сорочку и сидитъ себѣ за кустомъ. Дѣвицы выкупались и вышли на берегъ. Одиннадцать дѣвицъ подхватили сорочки, обернулись колпи́цами и улетѣли. Осталась одна старшая, Василиса Премудрая. Стала Василиса молить царевича вернуть ей сорочку, обѣщая быть ему полезной, когда онъ придетъ къ батюшкѣ Водяному царю. Царевичъ отдалъ ей сорочку; она обернулась колпи́цей и улетѣла. Пошелъ царевичъ дальше, встрѣтилъ трехъ богатырей — Объѣдало, Опивало и Морозъ-Трескунъ, взялъ ихъ съ собою и пришелъ къ Водяному царю.

Водяной царь немедленно далъ царевичу задачу: построить въ одну ночь большой хрустальный мостъ. „Не построишь, — говоритъ царь, — голова долой“. Идетъ царевичъ отъ Водяного царя, самъ слезами заливается. Василиса Премудрая открыла оконце въ своемъ терему и спросила царевича, о чемъ онъ плачетъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, Василиса сказала: „Ничего! Ложись-ка спать: утро вечера мудренѣе“. А сама вышла на крылечко, гаркнула, свистнула молодецкимъ посвистомъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались плотники и поставили хрустальный мостъ. Утромъ Василиса разбудила царевича и велѣла ему идти на мостъ. Царевичъ взялъ метлу, сталъ на мосту и ме-

тетъ себѣ. Идетъ Водяной царь, посмотрѣлъ на работу, похвалилъ царевича и далъ ему новую задачу: насадить за одну ночь зеленый садъ, да вѣтвистый, чтобы въ саду пѣвчія птицы распѣвали, на деревьяхъ бы цвѣты расцвѣтали, груши-яблоки спѣлыя висѣли. Василиса Премудрая опять спасла царевича: утромъ былъ готовъ чудный садъ. Похвалилъ его Водяной царь: „Спасибо, царевичъ! Сослужилъ ты мнѣ службу вѣрою-правдою. Выбирай себѣ за то невѣсту изъ двѣнадцати моихъ дочерей. Всѣ онѣ — лицо въ лицо, волосъ въ волосъ, платье въ платье. Угадаешь до трехъ разъ одну и ту же, будетъ она твоею женою, не угадаешь — велю тебя казнить“. Узнала про то Василиса Премудрая и стала учить царевича, какъ узнать ее: „Въ первый разъ я платкомъ махну, въ другой платье поправлю, въ третій надъ моей головой станетъ муха летать“. Такъ царевичъ три раза угадалъ Василису Премудрую.

Повѣнчали царевича съ Василисой, а Водяной царь приготовилъ много всякаго кушанья — сотнѣ человѣкъ не съѣсть! — и велитъ зятю, чтобы все было съѣдено: не то — худо будетъ. Царевичъ попросилъ дозволить закусить и одному старичку, именно Объѣдалѣ: все съѣлъ Объѣдало — еще мало стало. Поставилъ Водяной царь сорокъ бочекъ питья и велѣлъ зятю все выпить. Царевичъ пригласилъ другого старичка Опивала, — и все было выпито. Тогда Водяной царь велѣлъ истопить для царевича чугунную баню. Печь и стѣны такъ раскалились, что за пять верстъ подойти нельзя. Царевичъ послалъ впередъ въ баню третьяго старичка, Мороза-Трескуна: дунулъ въ одинъ уголъ, дунулъ въ другой — ужъ сосульки висятъ. Помылся-попарился царевичъ и домой воротился.

Василиса предложила царевичу уѣхать отъ Водяного царя. Осѣдлали коней и поскакали въ чистое поле. Услышавъ погоню, Василиса Премудрая остановилась, оборотила коней колодеземъ, себя — ковшикомъ, а царевича — старичкомъ. Наѣхала погоня и спрашиваетъ у старичка, не видалъ ли онъ добра молодца съ красной дѣвицей. Старикъ отвѣтилъ, что видѣлъ ихъ, но давно. Вернувшись обратно, гонцы сообщили Водяному царю о томъ, что они видѣли. Разсердился царь, что они не захватили старика, колодезь и ковшъ, казнилъ ихъ и послалъ новую погоню. Слышитъ Василиса Премудрая новую погоню, оборотила царевича старымъ попомъ, а себя ветхою церковью. Новая погоня вернулась опять ни съ чѣмъ. Тогда

снарядился самъ Водяной царь. Василиса Премудрая оборотила коней рѣкою медовою, берегами кисельными, царевича — селезнемъ, себя — сѣрою утицей. Водяной царь бросился на кисель и сыту, ѣлъ-ѣлъ, пилъ-пилъ и лопнулъ.

Стали подъѣзжать царевичъ и Василиса домой, къ отцу и матери царевича. Василиса говоритъ царевичу: „Ступай, царевичъ, впередъ! Доложись отцу съ матерью, а я тебя тутъ на дорогѣ обожду. Только помни мое слово: со всѣми цѣлуйся, не цѣлуй сестры, не то меня забудешь“. Пріѣхалъ царевичъ домой, сталъ со всѣми здороваться, поцѣловалъ и сестру, и въ ту же минуту забылъ про свою жену, словно и въ мысляхъ не была. Три дня ждала царевича Василиса Премудрая. На четвертый она нарядилась нищенкой, пошла въ стольный городъ и пристала у одной старушки. А царевичъ собрался уже жениться на богатой королевнѣ. Всѣмъ велѣно было идти поздравлять жениха съ невѣстой и нести въ даръ по пирогу пшеничному. Василиса Премудрая замѣсила тѣсто, положила творогу да голубя съ голубкой и сдѣлала пирогъ. Пошла Василиса Премудрая со старушкой во дворецъ и попали къ самому обѣду. Подали пирогъ Василисы. Только разрѣзали его пополамъ, какъ изъ него вылетѣли голубь и голубка. Голубка ухватила кусокъ творогу, а голубь говоритъ ей: „Голубушка, дай и мнѣ творожку!“ „Не дамъ, — отвѣтила голубка, — а то ты меня позабудешь, какъ позабылъ царевичъ свою Василису Премудрую“. Тутъ вспомнилъ царевичъ про свою жену, выскочилъ изъ-за стола, бралъ ее за бѣлыя руки и сажалъ возлѣ себя рядышкомъ. Съ тѣхъ поръ стали жить они вмѣстѣ во всякомъ добрѣ и въ счастіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Загадки.

156. О загадкахъ. Загадками называются краткія произведенія, въ которыхъ о какомъ нибудь предметѣ говорится аллегорически, т.-е. при посредствѣ образовъ, имѣющихъ лишь очень отдаленное сходство съ предметомъ. Цѣль загадокъ состоитъ въ томъ, чтобы ихъ отгадывать.

Наши загадки изложены большею частью стихотворнымъ

размѣромъ, часто съ риѳмами. Умѣніе загадывать и отгадывать загадки считалось въ древности признакомъ глубокомыслія, особой мудрости. Такъ, на Востокѣ состязались между собою въ мудрости при помощи загадокъ Соломонъ и царица Савская. У древнихъ грековъ загадываетъ загадки чудовище Сфинксъ. Въ скандинавскомъ эпосѣ „Эдда“ состязаются въ мудрости, при помощи загадокъ, боги съ великанами. У насъ загадки задаютъ Баба-Яга и русалки. Загадываніе и отгадываніе загадокъ встрѣчаются въ индійской и финской поэзіи. Умѣніе угадывать загадки въ древности могло сыграть въ жизни отгадчика важную роль: обреченный на казнь иногда получалъ жизнь подъ условіемъ разгадать загадку; въ сказкахъ нерѣдко добрый молодецъ можетъ жениться на царевнѣ, если разрѣшитъ заданную царемъ загадку; въ пѣсняхъ русалка загадываетъ встрѣчному загадки, и если онъ не угадаетъ, она можетъ защекотать его до смерти.

Загадки—произведенія весьма древняго происхожденія. Но такихъ до насъ дошло немного. Многія изъ загадокъ обязаны своимъ происхожденіемъ письменности. Особенно много такихъ загадокъ у насъ должно было появиться съ того времени, когда въ нашу литературу проникли переводныя произведенія, заключавшія въ себѣ мудреные „вопросы“ и „отвѣты“ на нихъ, т.-е. съ XI в.

Вѣроятно, къ числу древнихъ загадокъ надо отнести тѣ, которыя предлагаются русалками въ пѣсняхъ: „Да что растетъ безъ коренья (—камень), да что цвѣтетъ безъ цвѣта (—папоротникъ), да что бѣжитъ безъ повода“ (—вода)?

Есть одна старинная свадебная пѣсня, въ которой женихъ предлагаетъ невѣстѣ загадки, подобныя тѣмъ, какія загадываютъ русалки: если невѣста отгадаетъ, онъ на ней женится.

„Красна дѣвица по садику гуляла, цвѣты алые дѣвица собирала. Мимо ѣхалъ тутъ гостиный сынъ: Ужъ Богъ помочь тебѣ, красная дѣвица, цвѣты алые тебѣ, дѣвица, собирати.—Благодарствуй, сынъ гостиный, благодарствуй.—Загадать ли тебѣ, красная дѣвица, шесть мудреныихъ загадокъ, загадать ли?—Загадай-ка, сынъ гостиный, загадай-ка шесть мудреныихъ загадокъ, загадай-ка.—Ужъ какъ что у насъ, дѣвица, выше лѣсу? Еще что у насъ, дѣвица, краше свѣту? Еще что у насъ, дѣвица, чаще лѣсу? Еще что у насъ, дѣвица, безъ коренья? Еще что у насъ, дѣвица, безъ умолку? Еще что у насъ, дѣвица, безъ-

извѣстно?—Отгадаю, сынъ гостиный, отгадаю шесть мудреныихъ загадокъ, отгадаю. Выше лѣсу, сынъ гостиный, свѣтелъ мѣсяцъ; краше свѣту, сынъ гостиный, красно солнце; чаще лѣсу, сынъ гостиный, часты звѣзды; безъ коренья, сынъ гостиный, бѣлый камень; безъ умолку, сынъ гостиный, сине море; безъизвѣстна, сынъ гостиный, Божья воля.—Отгадала, красная дѣвица, отгадала шесть мудреныихъ загадокъ, отгадала. Ужъ и, знать, тебѣ, дѣвица, быть за мною, ужъ, знать, быть тебѣ купеческой женою".

Возможно, что древними загадками являются и тѣ, въ которыхъ идетъ рѣчь о стихіяхъ природы и которыя, слѣдовательно, были навѣяны миѳическими представленіями. Таковы слѣдующія загадки:

„Что безъ огня горитъ" *(солнце)?*—„Красна дѣвушка по небу ходитъ" *(солнце).*—„Стоитъ дерево середь села, а въ каждой хатци по гилячци" (по вѣтви,—*солнце*). „Стоитъ дубъ-стародубъ, на томъ дубѣ-стародубѣ сидитъ птица-веретеница, никто ее не поймаетъ—ни царь, ни царица, ни красная дѣвица" *(солнце на небѣ).*—„Сито свито, золотомъ покрыто; кто ни взглянетъ, тотъ заплачетъ" *(солнце).*—„Изъ окна въ окно—золото веретено" *(солнечный лучъ).*—„Поле полянское, стадо лебедянское, пастухъ вышинскій" *(мѣсяцъ, пасущій звѣздное стадо).*—„За бабиной избушкой виситъ хлѣба краюшка; собаки лаютъ, а достать не могутъ" *(полумѣсяцъ).*—„Постелю рогожку, посыплю горошку, посреди хлѣба краюшку" *(небо, звѣзды, мѣсяцъ).*—„Крашеное коромысло черезъ рѣку свисло" *(радуга).*—„Сивый жеребецъ черезъ прясло глядитъ" *(мѣсяцъ).*—„Конь бѣжитъ, земля дрожитъ" *(громъ).*—„Братцева коня не поймать" *(вѣтеръ).*—„Шли козы мостомъ, увидали зорю, попадали въ воду" *(звѣзды).*—Туръ ходитъ по горамъ, турица то по доламъ; туръ свиснетъ, турица мигнетъ" *(гроза, громъ и молнія).*—„Черная корова весь міръ поборола, а бѣлая подняла" *(ночь и день).*—„Два быка бодутся, вмѣстѣ не сойдутся" *(небо и земля).*—„Махнула птица крыломъ, покрыла весь свѣтъ однимъ перомъ" *(ночь).*—„Красная дѣвушка по небу ходитъ" *(солнце).*—„Сестра къ брату въ гости идетъ, а онъ отъ сестры прячется" *(ночь и день).*—„Заря заряница, красная дѣвица, врата запирала, по полю гуляла, ключи потеряла; мѣсяцъ видѣлъ, солнце скрало" *(роса).*—„Есть три брата родные: одинъ ѣстъ—не наѣстся, другой пьетъ—не напьется, третій гуляетъ—не нагуляется" *(огонь, земля, вода).*—

„Около города Городчанскаго много скота Литвинскаго, одинъ пастухъ, какъ ягодка“ *(мѣсяцъ и звѣзды)*.—„Красненькій кочетокъ по жердочкѣ бѣжитъ“ *(огонь)*.—„Меня бьютъ, колотятъ, ворочаютъ, рѣжутъ,—я все терплю и всѣмъ добромъ плачу“ *(земля)*.—„Выше лѣса, тоньше колоса“ *(вѣтеръ)*.—„До неба достанетъ, а отъ земли не видать“ *(дождь)*.—„На дворѣ горой, а и въ избѣ водой“ *(снѣгъ)*. — „Безъ клина, безъ топора, мостъ моститъ“ *(морозъ)*.

Нѣкоторыя загадки имѣютъ отношеніе къ хозяйственной дѣятельности древне-русскихъ славянъ: „Мѣсяцъ Новецъ днемъ въ полѣ блеститъ, къ ночи на небо слетѣлъ“ *(серпъ)*.—„Два борова дерутся, промежъ ихъ пѣна валитъ“ *(жернова)*.—„Баба-Яга вилами нога; весь міръ кормитъ—сама голодна“ *(соха)*.—„Худая рогожа все поле покрыла“ *(борона)*.—„Маленькій, горбатенькій, все поле обрыщетъ, домой прибѣжитъ—цѣлый годъ пролежитъ“ *(серпъ)*.—„Травы поѣмъ—зубы притуплю; песку хвачу—опять навострю“ *(коса)*.—„Два корабля идутъ съ Божьяго суда, а третій на Божій судъ“ *(сноны на телѣгѣ)*.

Загадки, на ряду съ большинствомъ другихъ устныхъ произведеній, преслѣдовались духовенствомъ. По окружной грамотѣ Алексѣя Михайловича загадывающіе загадки такъ же осуждаются, какъ и поющіе бѣсовскія пѣсни.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пословицы.

157. О пословицахъ. Пословицами называются краткія изреченія, въ которыхъ высказывается сужденіе о какомъ-нибудь предметѣ или событіи. Въ древности пословицы назывались „притчами“.

Первоначально пословицы входили въ составъ небольшихъ разсказовъ о какихъ-нибудь событіяхъ, сказокъ, пѣсенъ и представляли мѣтко и кратко выраженное обобщеніе того, о чемъ шла рѣчь въ разсказѣ или пѣснѣ. Отличаясь часто мѣрностью склада, имѣя нерѣдко созвучія въ началѣ и въ срединѣ (аллитерацію) или въ концѣ (риѳму), эти обобщенія легко запоминались, выдѣлялись изъ разсказовъ и даже переживали

въ народной памяти самые разсказы. Примѣрами пословицъ, до сихъ поръ связанныхъ съ разсказами или пѣснями, могутъ служить слѣдующія:

„Въ горѣ жить не кручинну быть, а нагому ходить — не соромиться“ (изъ пѣсни).—„Отъ радости кудри вьются, въ печали сѣкутся“.—„Носъ вытащитъ, хвостъ увязитъ, хвостъ вытащитъ, носъ увязитъ“ (изъ сказки о журавлѣ).—„И ракитовый кустъ за правду стоитъ“ (изъ сказки объ убитой сестрѣ и дудкѣ).—„Битый небитаго везетъ“ (изъ сказки).—„То старина, то и дѣяніе“ (изъ былины).

Пословицы въ простонародномъ быту до сихъ поръ играютъ важную роль: онѣ служатъ руководящими принципами дѣятельности; на нихъ ссылаются въ оправданіе своихъ поступковъ и дѣйствій, ими пользуются для обвиненія или обличенія другихъ. Важное значеніе послóвицы простой народъ выразилъ въ пословицахъ же: „Старинная пословица во вѣкъ не сломится“, „Старинная пословица не мимо молвится“, „Добрая пословица не въ бровь, а прямо въ глазъ“, „На пословицу суда нѣтъ“.

Древнѣйшія пословицы отражаютъ древній бытъ, языческіе вѣрованія и обряды, а также историческія событія.

1) **Пословицы, отразившія языческіе вѣрованія и обряды.** Примѣры: „Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ“ (анимистическій взглядъ на солнце).—„Который богъ вымочитъ, тотъ и высушитъ“ (многобожіе).—„Моленый баранъ отлучился, инъ гулящій прилучился“ (намекъ на жертвоприношеніе).—„Обреченная скотинка—ужъ не животинка“.—„Жилъ въ лѣсѣ, молился пнямъ“ (почитаніе Лѣшаго).—„Храберъ, силенъ, а все съ Лѣшимъ не справишься“.—„Былъ бы бѣсъ, будетъ и Лѣшій“.—„Умѣючи (т.-е. наотмашь) и вѣдьму бьютъ.“—„Въ лѣсу Лѣшій, а дома мачеха“.—„Егорій да Власъ всему хозяйству глазъ“ (почитаніе Волоса).—„Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ“.—„Сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко“.—„На печи сидѣтъ, кирпичамъ молился“ (почитаніе Домового).—„Домовой не полюбитъ (скотину), не что возьмешь“.—„Не все то русалка, что въ воду ныряетъ“.—„Старый воронъ мимо не каркнетъ“.—„Всякому бы ворону на свою голову каркать“.—„Вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли“ (бракъ безъ церковнаго обряда).—„Взялъ боженьку за ноженьку, да и объ полъ“ (низверженіе кумировъ).

Подъ вліяніемъ духовенства на языческихъ боговъ стали смотрѣть, какъ на нечистую силу, на бѣсовъ, дьявола, Сатану. Это отразилось въ слѣдующихъ пословицахъ:

„Изъ пуста дупла либо сычъ, либо сова, либо самъ Сатана“ (т.-е. Лѣшій).—„Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить“ (Водяной).—„Въ тихомъ омутѣ черти водятся“.—„Горы да овраги—чортово житье“.

2) **Пословицы, отразившія историческія событія.** Этотъ разрядъ пословицъ обнимаетъ историческія событія съ древнѣйшихъ временъ и до позднѣйшихъ.

Примѣры:

„Погибоша, аки Обрѣ (авары), ихже нѣсть племени, ни наслѣдъка“ (въ лѣтописи).—„Бѣда, аки въ Роднѣ“ (голодъ въ 980 г. въ Роднѣ).—„Руси есть веселие пити, не можемъ бес того быти“ (слова Владимира магометанскимъ миссіонерамъ, подъ 986 г.).—„Путята крести (новгородцевъ) мечемъ, а Добрыня огнемъ“ (о крещеніи новгородцевъ, оказавшихъ сопротивленіе).—„Радимичи волчья хвоста бѣгаютъ“ (пораженіе радимичей воеводою Владимира Св., имѣвшимъ прозвище „Волчій хвостъ“).—„Не погнетши (не раздавивши) пчелъ, меду не ѣдать“, говорилъ волынско-галицкій князь Романъ о своевольныхъ боярахъ (подъ 1231 г.).—„Не во время гость хуже татарина“.—„Тутъ словно Мамай воевалъ“.—„Каковъ ханъ, такова и орда“ (эти пословицы отражаютъ татарщину).—„Семеро пойдутъ, Сибирь возьмутъ“ (послѣ завоеванія Сибири казаками съ Ермакомъ во главѣ).—„Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день“ (по поводу запрещенія при Борисѣ крестьянамъ перехода къ другимъ помѣщикамъ даже въ осенній Юрьевъ день).

Историческое содержаніе имѣютъ и слѣдующія пословицы:

„На одномъ вѣчѣ, да не однѣ рѣчи“ (отголоски вѣчевого образа правленія).—„Братчина судитъ, какъ судья“ (судебная власть общины).—„Братъ брату головой въ уплату“ (круговая порука родныхъ за преступленія, совершенныя однимъ изъ нихъ).—„На дѣлѣ правъ, да на дыбѣ виноватъ“ (пытка).—„Душа согрѣшила, а ноги виноваты“ (пытка, правежъ).—„Лежачаго не бьютъ“ (во время кулачныхъ боевъ).—„По имени тебѣ мѣсто дать, по отчеству пожаловать“ (мѣстничество).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Поговорки.

158. Поговорки. Поговорками называются выраженія, употребляемыя въ разговорѣ, обыкновенно въ формѣ сравненій, для того, чтобы придать рѣчи особую наглядность. „Поговорка,—говоритъ простой народъ,—цвѣточекъ, пословица—ягодка". Поговорки называются также „присловьями" или „присказками".

Примѣры:

„Вертится, какъ бѣсъ передъ заутреней". — „Какъ двѣ капли воды". — „Одинъ, какъ перстъ". — „Ни дать, ни взять". — „Какъ снѣгъ на голову". — „На поминѣ легокъ". — „Не по днямъ, по часамъ растетъ". — „Ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ описать". — „Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается".

159. Національное устное творчество, какъ одна изъ основъ древне-русской литературы. Древнѣйшее устное творчество, какъ видно изъ предыдущаго (§§ 133—158), представляетъ результатъ сближенія древне-русскаго анимистическаго міровоззрѣнія съ нѣкоторыми элементами еврейско-византійско-болгарскаго міровоззрѣнія. Это творчество послужило основой для древне-русской литературы въ двухъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, ему обязаны своимъ появленіемъ элементарныя формы словесныхъ произведеній, служившія образцами въ теченіе всего періода существованія русской литературы; устное творчество, зародившись среди патріархально-родовой аристократіи, постепенно становится достояніемъ также и низшихъ классовъ населенія; и высшій и низшій классы, особенно послѣдній, пользуются древними формами словесныхъ произведеній—заговорами, пѣснями, сказками, загадками, пословицами и поговорками—для выраженія новаго бытового, идейнаго и историческаго содержанія.

Во-вторыхъ, древнѣйшее устное творчество сохранило живые слѣды національнаго языческаго міровоззрѣнія, продолжавшаго въ бо̀льшей или меньшей степени быть господствующимъ въ русской жизни началомъ, и этимъ оказывало вліяніе на литературное творчество всей древней Руси.

Основныя черты древне-русскаго міровоззрѣнія, отдѣленнаго отъ еврейско-византійско-болгарскаго, сводятся къ слѣдующему:

1) Силы, предметы и явленія природы представляются живыми существами или дѣйствіями живыхъ существъ (анимизмъ). Между человѣкомъ и любымъ предметомъ въ природѣ нѣтъ различія по существу: различіе существуетъ только по объему, или количеству силы, присущей человѣку и данному предмету въ природѣ. Человѣкъ можетъ превратиться въ любой предметъ, и, наоборотъ, любой предметъ въ природѣ можетъ превратиться въ человѣка.

2) Наиболѣе могучимъ силамъ природы, представляемымъ сверхъестественными существами, принадлежитъ власть надъ менѣе могучими силами и надъ человѣкомъ. Отношенія между людьми и этими сверхъестественными существами представляются по аналогіи съ отношеніями между простыми членами патріархально-родовой общины и ея руководителями-патріархами.

3) Верховныя сверхъестественныя существа образуютъ двѣ общины, находящіяся въ непрерывной борьбѣ другъ съ другомъ: одна община состоитъ изъ добрыхъ, благодѣтельныхъ существъ, а другая изъ существъ злыхъ, причиняющихъ вредъ. Въ борьбѣ другъ съ другомъ послѣдовательно одерживаетъ верхъ то одна община, то другая; соотвѣтственно этому природа и жизнь или быстро расцвѣтаютъ, или увядаютъ; соотвѣтственно этому и человѣкъ либо благоденствуетъ, либо страдаетъ.

4) Какъ живыя существа, одаренныя разумомъ, чувствомъ волей и пр., верховныя силы природы подлежатъ воздѣйствію слова человѣческаго: человѣкъ при помощи слова, произносимаго по опредѣленнымъ правиламъ, можетъ предотвратить ожидаемое дѣйствіе той или другой силы природы и, наоборотъ, вызвать такого рода дѣйствіе.

5) Причинная связь между явленіями понимается по аналогіи связи между хотѣніемъ и дѣйствіемъ; а такъ какъ эта связь представляется человѣческому сознанію, какъ нѣчто произвольное, то и въ природѣ связь между явленіями признается лишь, какъ связь между хотѣніемъ высшей силы и ея дѣйствіемъ. Отсюда—допущеніе въ природѣ всякихъ неожиданностей и чудесъ.

6) Человѣкъ свободно отдается всѣмъ своимъ влеченіямъ, не отличая еще среди нихъ дурныхъ отъ хорошихъ, нравственнаго отъ безнравственнаго: для него всѣ его влеченія, поскольку они не противорѣчатъ примитивнымъ обычаямъ среды и ея кровнымъ связямъ, естественны, а потому и хороши.

7) Особеннымъ уваженіемъ пользуются у древняго человѣка два качества: сила („буесть“) и хитрость. Сила, позволяющая одержать побѣду надъ врагомъ, будетъ-ли это звѣрь, или человѣкъ, вызывала глубокое преклоненіе ея свидѣтелей. Хитрость, связанная съ обманомъ, пользовалась не меньшимъ почетомъ, если при ея помощи болѣе слабый побѣждалъ сильнаго врага.

8) Міровоззрѣніе древне-русскаго человѣка носитъ поэтическій характеръ: оно выражалось у него по преимуществу въ произведеніяхъ поэтическихъ. Отвлеченное мышленіе, способность къ теоретическому мышленію—еще только въ зародышѣ; поэтому и проза древне-русскаго человѣка исчерпывается такими крошечными произведеніями, какъ загадки, пословицы и поговорки, представляющія выдѣлившіеся изъ поэтическихъ произведеній элементы прозы.

Библіографія. I. Еврейско-византійско-болгарская основа древне-русской литературы. *Н. Никольскій.* Древній Израиль. Популярные очерки по исторіи евреевъ, въ научномъ освѣщеніи.—*М. А. Соловейчикъ.* Очерки по еврейской исторіи и культурѣ. Подъ ред. *М. И. Кулишера* и *Л. А. Сева.* Спб. 1912.—*Юлій Веллыаузенъ.* Израильско-іудейская религія. Изъ исторіи ранняго христіанства. Сборникъ статей А. Гарнака, Ю. Велльгаузена, А. Юлихера. М. 1907.—*Г. Гольльманъ.* Религія іудеевъ въ эпоху Іисуса. М. 1908.—*О. Пфлейдереръ.* Подготовка христіанства въ греческой философіи Спб. 1908.—*Карлъ Каутскій.* Античный міръ, іудейство и христіанство. Спб. 1909.—*Фридрихъ Деличъ.* Библія и Вавилонъ. Изд. 5-ое. Спб. 1912.—*І. Сендерлендъ.* Священныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта. Ихъ происхожденіе, развитіе и характеръ. Лейпцигъ — С.-Петербургъ. 1907. — *Н. Никольскій.* Царь Давидъ и псалмы. Спб. 1908. — *В. Вреде.* Происхожденіе книгъ Новаго Завѣта. М. 1908. — *В. Вреде.* Павелъ. М. 1907. — *И. И. Срезневскій.* Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. Спб. 1860. — *А. Н. Пыпинъ.* Ложныя и отреченныя книги русской старины. Спб. 1862.—*Н. С. Тихонравовъ.* Памятники русской отреченной литературы. Т. I—II. М. 1863. — *И. Порфирьевъ.* Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Спб. 1877. — *И. Порфирьевъ.* Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Спб. 1890.—*А. Н. Поповъ.* Описаніе рукописей библіотеки А. И. Хлудова. М. 1872. — *А. Н. Поповъ.*

Первое прибавленіе къ описанію. М. 1875. — *А. Н. Поповъ.* Библіографическіе матеріалы. «Чт. Моск. Общ. ист. и древн.». М. 1879—81 гг. и 1889—90 гг.—*И. И. Срезневскій.* Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Спб. 1867—1881.—*Н. С. Тихонравовъ.* Апокрифическія сказанія. Спб. 1894. «Сборн. Отд. рус. яз. и слов. Ак. Н.» Т. LVIII. Спб. 1895.—*П. А. Лавровъ.* Апокрифическіе тексты (между прочимъ, Первоевангеліе Іакова, Евангеліе Ѳомы). Спб. 1899.—*М. Н. Сперанскій.* Славянскія апокрифическія евангелія. М. 1895.—*Др. Ів. Франко.* Памятки українсько-руської мови і литературы. Апокрифи і легенди з українських рукописів. Тт. I—IV. У Львові. 1896—1906.—*Н. С. Тихонравовъ.* Отреченныя книги древней Россіи. «Сочиненія». Т. I. М. 1898.—*И. Порфирьевъ.* Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Казань. 1872—1873.—*Свящ. А. Смирновъ.* Книга Еноха. Историко-критическое изслѣдованіе, русскій переводъ и объясненіе апокрифической книги Еноха. Казань. 1888. Разборъ *Соболевскаго,* въ «Ж. М. Н. Пр.» 1889, январь.—*Александръ Веселовскій.* Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада. Спб. 1872.—*П. Е. Щеголевъ.* Очерки исторіи отреченной литературы. Сказаніе Афродитіана. Спб. 1899—1900.—*И. Н. Ждановъ.* Бесѣда трехъ святителей и Joca monachorum. «Сочиненія». Т. I. Спб. 1904.—*Вл. Сахаровъ.* Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древнерусской письменности и вліяніе ихъ на народные духовные стихи. Тула. 1897. — *М. Н. Сперанскій.* Славянская Метафрастовская Минея-Четья. «Изв. Ак. Н.» 1904. Т. IX, кн. 4.—*Н. Петровъ.* О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго Пролога. Кіевъ. 1875.—*А. И. Пономаревъ.* Славяно-русскій Прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи. Спб. 1890. — *Житіе Нифонта*—въ «Пам. Древн. Письм.» 1880, II, XXIX, LXII, LXX.—*Н. И. Костомаровъ.* Мистическая повѣсть о Нифонтѣ, памятникъ русской литературы. «Историческія монографіи». Т. I. Спб. 1863.—*Житіе Андрея Юродиваго*—въ «Четьихъ-Минеяхъ» Макарія, подъ 2-мъ октября.—*И. И. Срезневскій.* Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. LXXXVII. «Сборн. Ак. Н.», т. XX (Объ Андреѣ Юродивомъ).—*Житіе Василія Новаго*—въ «Четьихъ-Минеяхъ» Макарія, подъ 26-мъ марта. — *А. Н. Веселовскій.* Безразличные и обоюдные въ житіи Василія Новаго и народной эсхатологіи. «Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха». XII. Спб. 1889. — *В. Сахаровъ.* Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древнерусской письменности и вліяніе ихъ на народные духовные стихи. Тула. 1879 (Объ Андреѣ Юродивомъ и Василіи Новомъ). — *А. Кирпичниковъ.* Св. Георгій и Егорій Храбрый. Изслѣдованіе литературной исторіи христіанской легенды. Спб. 1879. — *А. Веселовскій.* Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ. «Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ». Приложеніе къ XXXVII т. «Зап. Имп. Ак. Н.», № 3. Спб. 1880. — *А. В. Рыстенко.* Легенда о св. Георгіи и Драконѣ въ византійской и славянорусской литературѣ. «Зап. Новор. Унив.». Т. 112. Одесса. 1909.— *Житія Ѳеодора Тирона, Макарія Римскаго и Зосимы*—у Пыпина («Ложныя и отреченныя книги русской старины») и Тихонравова («Памятники отреченной русской литературы», т. II).—*А. Веселовскій.* Греческій апокрифъ о св. Ѳеодорѣ (О Ѳеодорѣ Тиронѣ). «Разысканія». «Сборн. Отд. рус. яз. и

слов. Ак. Н.». Т. XX. Спб. 1879.—*А. Кирпичниковъ.* Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ (О Ѳеодорѣ Тиронѣ). «Ж. М. Н. Пр.», 1877, № 10.—*А. С. Архангельскій.* Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Обозрѣніе рукописнаго матеріала. «Къ изученію древнерусской литературы». Спб. 1888. — *А. С. Архангельскій.* Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. I—IV. Казань. 1893. — *Ал. Александровъ.* Физіологъ. Казань. 1893. — *П. Вяземскій.* О литературной исторіи Физіолога. «Памятн. Древн. Письм.» 1878—1879. — *А. Карнѣевъ.* Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога. Изд. Общ. Любит. Древн. Письм. XCII. Спб. 1890.—*А. Карнѣевъ.* Новѣйшія изслѣдованія о Физіологѣ. «Ж. М. Н. Пр.» 1890, январь. — *И. Ягичъ.* Разборъ книги А. Карнѣева. Спб. 1894. — *В. Мочульскій.* Происхожденіе Физіолога и его начальныя судьбы въ литературахъ Востока и Запада. «Р. Филол. Вѣстникъ». 1889.—*А. Поповъ.* Шестодневъ, составленный Іоанномъ, Экзархомъ болгарскимъ, по харатейному списку московской Синодальной библіотеки 1263 года, слово въ слово и буква въ букву. М. 1879. — Книга, глаголемая *Косьмы Индикоплова.* Христіанская Топографія. Изд. Общ. Любит. Др. Письм. Спб. 1886.—*К. Калайдовичъ.* Іоаннъ Экзархъ болгарскій М. 1824.—Шестодневъ *Георгія Писида* въ славяно-русскомъ переводѣ Дмитрія Зографа, 1385 г.: «Похвала Богу о сотвореніи всея твари». Поэма XIV в. Текстъ перевода съ предисловіемъ И. Шляпкина. Изд. Общ. Любит. Др. Письм. Спб. 1882.—*И. Шляпкинъ.* Георгій Писидійскій и его поэма о міротвореніи въ славяно-русскомъ переводѣ 1385 года. «Ж. М. Н. П.» 1890 г. іюнь. — *Палея Толковая*, по списку, сдѣланному въ г. Коломнѣ въ 1406 г. Трудъ учениковъ Н. С. Тихонравова. В. I—II. М. 1892—1896.—*Палея Толковая* 1477 г. Воспроизведеніе Синодальной рукописи № 210. В. I. Спб. 1892. — *Палея историческая*: «Книга бытія небеси и земли, съ приложеніемъ сокращенной Палеи русской редакціи. Подъ ред. Андрея Попова. «Чтенія въ Моск. Общ. ист. и древн. росс.» 1881. Кн. I. — *Успенскій.* Толковая Палея. Въ приложеніи къ «Православному Собесѣднику». Казань. 1876.—*Ив. Ждановъ.* Палея. «Сочиненія». Т. I. Спб. 1904.—*В. Вревскій.* Русская историческая Палея. «Филол. Зап.». 1888. Вып. 2.—*В. Истринъ.* Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи. Спб. 1898. — *В. М. Истринъ.* Редакціи Толковой Палеи. «Ж. М. Н. Пр.» 1904, февраль, октябрь, 1906, февраль. — *А. А. Шахматовъ.* Толковая Палея и Русская лѣтопись. Спб. 1904. — *К. К. Истоминъ.* Къ вопросу о редакціяхъ Толковой Палеи. «Извѣстія Ак. Н.» 1905, т. X, кн. 1, 1906, т. XI, кн. 1, 1908, т. XIII, кн. 4. — *В. М. Истринъ.* Редакціи Толковой Палеи. «Извѣстія Ак. Н.» 1905, т. X, кн. 4, 1906, т. XI, кн. 1, 2, 3. — *В. Адріанова.* Къ литературной исторіи Палей. «Труды Кіевской Дух. Акад.» 1909, VII—VIII.—О хроникѣ *Іоанна Малалы* см. въ предисловіи кн. М. А. Оболенскаго къ «Лѣтописцу Переяславля Суздальскаго», М. 1851. — Хроника *Георгія Амартола.* «Памятн. Древн. Письм.». Спб. 1878.—*С. Шестаковъ.* О происхожденіи и составѣ хроники Георгія Монаха (Амартола). Казань. 1892.—О хроникахъ Малалы и Амартола см. у Терновскаго, «Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ древней Руси». Кіевъ. 1875—1876.—*В. Истринъ.* Откровеніе Меѳодія Патарскаго и апокрифическія видѣнія Даніила въ византійской и

славяно-русской литературахъ. М. 1898.—Тексты гадательныхъ книгъ—у Пыпина («Ложн. и отреч. кн.») и у Тихонравова («Пам. рус. отреч. лит.»).—*В. Н. Перетцъ.* Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. I. Къ исторіи Громника. Спб. 1899.—*В. Н. Перетцъ.* Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. II. Къ исторіи Лунника. Спб. 1901.—*М. Н. Сперанскій.* Изъ исторіи отреченной литературы. I. Гаданія по Псалтири. Тексты гадательной псалтири и родственныхъ ей памятниковъ и матеріалъ для ихъ объясненія. Спб. 1899.—*М. Н. Сперанскій.* Изъ исторіи отреченной литературы. II. Трепетникъ. Спб. 1899.—*Ѳ. Керенскій.* Древне-русскія отреченныя вѣрованія и Календарь Брюса. «Ж. М. Н. П.» 1874, №№ 3—5.—*Н. Н. Кононовъ.* Изъ области астрологіи. «Древности». Труды Славянской Коммиссіи Моск. Археол. Общ. Т. IV, в. 1. М. 1907.—*П. Безсоновъ.* Книга Пчела, памятникъ древней русской словесности, переведенный съ греческаго. «Временникъ Моск. Общ. истор. и древн.». Кн. XXV. 1857.—*В. Семеновъ.* Древняя русская Пчела, по пергаменному списку. Спб. 1893.—*Сухомлиновъ.* О сборникахъ подъ названіемъ Пчелъ. «Извѣстія II Отд. Акад. Н.». Т. II. 1853.—*В. Семеновъ.* Матеріалы къ литературной исторіи русскихъ Пчелъ. «Чтенія Моск. Общ. ист. и древн.» 1895. Кн. II.—*А. В. Михайловъ.* Къ вопросу о греко-византійскихъ и славянскихъ сборникахъ изреченій. «Ж. М. Н. Пр.» 1893, № 1.—*А. А. Шахматовъ.* Древне-болгарская энциклопедія X вѣка. «Византійскій Временникъ» 1900, т. VII, № 1.—*Изборникъ Святославовъ 1073 г.* Изд. Общ. Любит. Др. Письм. Спб. 1880.—*Изборникъ Святославовъ 1076 г.* Изд. Шимановскаго. Варшава. 1887.—*Н. И. Костомаровъ.* Памятники старинной русской литературы. Спб. 1860—1862.—*А. Н. Пыпинъ.* Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб. 1857.—*Ѳ. И. Буслаевъ.* Перехожіе повѣсти и разсказы. «Мои Досуги». Т. II. М. 1886.—*А. Н. Веселовскій.* Исторія романа и повѣсти. В. II. Спб. 1888.—*В. Истринъ.* Александрія русскихъ хронографовъ. М. 1893.—*А. Н. Веселовскій.* Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дигенисѣ. «Вѣстникъ Европы» 1875, апрѣль.—*Н. С. Тихонравовъ.* Девгеніево дѣяніе. «Сочиненія». Т. I. М. 1898.—*Ив. Ждановъ.* Повѣсти о Вавилонѣ и «Сказаніе о князехъ Владимирскихъ». «Русскій былевой эпосъ». Спб. 1895.—*А. Е. Викторовъ.* Стефанитъ и Ихнилатъ. М. 1881.—*А. В. Рыстенко.* Къ исторіи повѣсти «Стефанитъ и Ихнилатъ» въ византійской и славяно-русской литературахъ. Одесса. 1902.—*А. В. Рыстенко.* Стефанитъ и Ихнилатъ по греческимъ спискамъ Мюнхенской Королевской библіотеки. Одесса. 1909.—*А. Кирпичниковъ.* Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Харьковъ. 1876.—*В. Истринъ.* Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ. М. 1893.

II. Національная основа древне-русской литературы. *Л. Майковъ.* Сборникъ великорусскихъ заклинаній. «Записки Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи». Т. II. 1869.—*П. Ефименко.* Сборникъ малорусскихъ заклинаній. М. 1874.—*П. Ефименко.* Малорусскія заклинанія. «Чтен. М. Общ.». 1894.—*Н. Сумцовъ.* Заговоры, библіографическій указатель. «Сборникъ Харьковскаго Историко-филолог. Общ.», тт. IV—V.—*Н. Сумцовъ.* Личные обереги отъ глаза. Пожеланія и проклятія. «Сборникъ Харьк. Истор.-фил. Общ.». Т. IX.—*Н. Сумцовъ.* Колдуны, вѣдьмы и упыри. «Сборникъ Харьк. Истор.-фил. Общ.». Т. III.—*И. Порфирьевъ.*

Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библіотеки. «Труды четвертаго Археологическаго съѣзда въ Казани въ 1877 г.» Т. II. Казань. 1891. — *И. Д. Мансветовъ.* Византійскій матеріалъ для сказанія о двѣнадцати трясавицахъ. М. 1881.—*А. Н. Веселовскій.* Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. Гл. VI. Спб. 1883. — *Н. Крушевскій.* Заговоры, какъ видъ русской поэзіи. «Варшавскія Унив. Извѣстія». Т. III. 1876. — *Ѳ. Ю. Зелинскій.* О заговорахъ. Исторія развитія заговора и главныя его формальныя черты. Харьковъ. 1897 (изъ «Сборника Харьк. Истор.-фил. Общ.»).—*А. И. Аллазовъ.* Къ исторіи византійской отреченной письменности. Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры. Одесса. 1901 г.— *А. Ветуховъ.* Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. Изъ исторіи мысли. В. I—II. Варшава. 1902--1907.—*Сахаровъ.* Пѣсни обрядовыя и лирическія. 1838.— 1839.—*П. Якушкинъ.* Народныя русскія пѣсни. Спб. 1865.—*П. В. Шейнъ.* Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Т. I. Вып. 1—2. Спб. 1898—1900. — *П. В. Шейнъ.* Русскія народныя пѣсни. Ч. I. М. 1870. — Памятники великорусскаго нарѣчія. Спб. 1855.—*Е. Барсовъ.* Причитанія сѣвернаго края. I—II. 1872—1882. Т. III (въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества»).—*М. Максимовичъ.* Малороссійскія пѣсни. М. 1827.—*П. П. Чубинскій.* Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Имп. Р. Географическимъ Обществомъ. Т. I—VII. 1872—1878.—*П. Безсоновъ.* Бѣлорусскія пѣсни съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта. Ч. I. В. I. М. 1871. — *И. И. Носовичъ.* Бѣлорусскія пѣсни. Спб. 1874.—*П. В. Шейнъ.* Бѣлорусскія пѣсни. Спб. 1874. — *Е. Р. Романовъ.* Бѣлорусскій сборникъ. В. 1—5. Кіевъ и Витебскъ. 1886—1891.—*Снегиревъ.* Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. В. I. М. 1837. В. 2—3. 1838 В. 4. 1839.—*Терещенко.* Бытъ русскаго народа. Ч. I—VII. Спб. 1848.—*Сахаровъ.* Сказанія русскаго народа. 1836.—*И. Калинскій.* Церковно-народный мѣсяцесловъ. «Записки по Отдѣленію этнографіи». Спб. 1877.—*Селивановъ.* Годъ русскаго земледѣльца. «Рус. Бесѣда». 1856. Кн. II, IV. 1857. Кн. III, IV. — *Максимовичъ.* Дни и мѣсяцы украинскаго селянина. «Собраніе сочиненій». Т. II. Кіевъ. 1877.—*Александръ Веселовскій.* Румынскія, славянскія и греческія коляды. «Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха». Спб. 1883. Гл. VII.—*Н. Ѳ. Сумцовъ.* Научное изученіе колядокъ и щедривокъ. «Кіевская Старина». 1886. Февраль. — *Н. И. Коробка.* Къ изученію малорусскихъ колядокъ. «Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ». 1902. Т. III, кн. 3. — *Вс. Миллеръ.* Русская масленица и западно-европейскій карнавалъ. М. 1884.—*Е. Аничковъ.* Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ. Ч. I—II. Спб. 1902—1905.—*Аѳанасьевъ.* Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Т. I—III. М. 1866—1869. — *А. А. Потебня.* О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. «Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древностей». 1865. Кн. 2—3. — *А. А. Потебня.* О купальныхъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ. М. 1867.—*Н. Ѳ. Сумцовъ.* Культурныя переживанія. Кіевъ. 1890.—*Е. И. Якушкинъ.* Обычное право. Т. I—II. Ярославль 1875—1896.—*А. Ефименко.* Изслѣдованія народной жизни В. I. М. 1884. — *Сумцовъ.* О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ.

Харьковъ. 1881.—*А. А. Потебня.* Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака. 1867.—*В. Охримовичъ.* Значеніе малорусскихъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ въ исторіи эволюціи семьи. «Этнографическое Обозрѣніе». 1891. Кн. XI. 1892. Кн. XV.—*М. Довнаръ-Запольскій.* Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ. «Этногр. Обозр.». 1893. Кн. XVI, XVII, XIX.—*А. Котляревскій.* О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. «Сочиненія». Т. III. Спб. 1891.—*Г. Куликовскій.* Похоронные обряды Обонежскаго края. «Этногр. Обозр.» 1890. Кн. IV.—*А. А. Потебня.* О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ. М. 1867.—*Александръ Веселовскій.* Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ. «Разысканія въ области рус. дух. стиха». Спб. 1889. Гл. XIII.—*А. А. Потебня.* Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. Варшава. 1883—1887.—*Александръ Веселовскій.* Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля. «Ж. М. Н. Пр.» 1898. Мартъ.—*А. А. Потебня.* О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи. Харьковъ. 1860.—*Александръ Веселовскій.* Изъ исторіи эпитета. «Ж. М. Н. Пр.» 1895. Ноябрь. — *А. Н. Аѳанасьевъ.* Народныя русскія сказки. Т. I—IV. М. 1873. Изд. 3-ье, подъ ред. Грузинскаго. М. 1897.—*И. А. Худяковъ.* Великорусскія сказки. Спб. 1860—1863.—*И. А. Худяковъ.* Матеріалы для изученія народной словесности. Спб. 1863.—*Эрленвейнъ.* Народныя сказки. М. 1863.—*Чудинскій.* Русскія народныя сказки, прибаутки и побасенки. М. 1864. — *Д. Н. Садовниковъ.* Сказки и преданія Самарскаго края. Спб. 1884. — *Рудченко.* Народныя южно-русскія сказки. В. 1—2. Кіевъ. 1869. — *П. П. Чубинскій.* Малорусскія сказки. «Труды этногр.-статистич. экспедиціи». Т. II. 1878.—*П. В. Шейнъ.* Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Т. II. 1893. — *Е. Р. Романовъ.* Бѣлорусскій сборникъ. В. 3 — 4. Витебскъ. 1887 — 1891. — *Буслаевъ.* Славянскія сказки. «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». Т. I. Спб. 1861.—*А. А. Котляревскій.* Русская народная сказка. «Сочиненія». Т. II. Спб. 1891.—*А. Н. Аѳанасьевъ.* Сказка и миѳъ. «Филологическія Записки». 1864. №№ 1—2. — *А. Потебня.* О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядностей и повѣрій. «Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей россійскихъ». 1865. Кн. 2.—*Коллачевскій.* Животный эпосъ на западѣ и у славянъ. Казань. 1882.—*Н. Ѳ. Сумцовъ.* Малорусскія сказки. «Этнографическое Обозрѣніе». Т. XXII.—*В. Бобровъ.* Русскія народныя сказки о животныхъ. Варшава. 1909.—*А. М. Смирновъ.* Систематическій указатель темъ и варіантовъ русскихъ народныхъ сказокъ. «Извѣстія Ак. Н.» 1911, т. XVI, кн. 1.—*Д. Садовниковъ.* Загадки русскаго народа. Спб. 1876.—*А. Сементовскій.* Малорусскія загадки. Спб. 1872. — *И. Носовичъ.* Бѣлорусскія загадки. Спб. 1869. — *В. В. Даль.* Пословицы русскаго народа. Т. I—II. Спб. 1879. — *Носовичъ.* Бѣлорусскія пословицы. «Записки Имп. Геогр. Общ. по отдѣлу этногр.» 1869. Т. II. — *Номисъ.* Украинскія приказки, прислівія и таке инше. Спб. 1864.—*І. Иллюстровъ.* Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1903. — *Буслаевъ.* Русскій бытъ и пословицы. «Историческіе очерки». Т. I. Спб. 1861.—*Бѣловъ.* Русская исторія въ народныхъ поговоркахъ. «Истор. Вѣстн.» 1884. Кн. 3.—*Бѣловъ.* Народный умъ въ пословицахъ и поговоркахъ. «Истор. Вѣстн.» 1884. Кн. 2.—*Иллюстровъ.* Юридическія пословицы и поговорки

русскаго народа. М. 1885.—*Потебня.* Басня. Пословица. Поговорка. «Изъ лекцій по теоріи словесности». Харьковъ. 1894.—*И. Тимошенко.* Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897. — *Е. Ляцкій.* Нѣсколько замѣчаній по вопросу о пословицахъ и поговоркахъ. «Извѣстія II. Отд. Акад. Н.» 1897. — *В. Перетцъ.* Изъ исторіи пословицы. «Ж. М. Н. Пр.» 1898. Май.—*П. К. Симони.* Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и пр. XIII—XIX столѣтій. Спб. 1899. В. 1.—*І. Иллюстровъ.* Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ. Спб. 1910.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

160. Періоды въ исторіи древней русской литературы. Исторія древней русской литературы обнимаетъ періодъ времени приблизительно отъ IX в. до конца XVII в. Она распадается въ свою очередь на пять періодовъ: 1) *періодъ первый*: эпоха княжеско-дружиннаго просвѣщенія (отъ IX в. до половины XIII в.), 2) *періодъ второй*: эпоха удѣльнаго литературнаго творчества (отъ половины XIII в. до конца XV в.), 3) *періодъ третій*: эпоха московской культуры (отъ конца XV в. до конца XVI в.), 4) *періодъ четвертый*: эпоха южно-русскаго просвѣщенія (XVI — XVII вв.) и 5) *періодъ пятый*: эпоха южно-русскаго вліянія на Москву (XVII в.).

Періодъ первый.

Эпоха княжеско-дружиннаго просвѣщенія.

161. Эпоха княжеско-дружиннаго просвѣщенія. Эпоха княжеско-дружиннаго просвѣщенія охватываетъ время отъ IX в. до половины XIII в. Она называется такъ потому, что находится въ связи съ начальнымъ періодомъ существованія русскаго государства, когда послѣднее носило черты особаго общественно-политическаго строя — княжеско-дружиннаго.

162. Основныя занятія русскихъ въ эпоху княжеско-дружинной Руси. Основнымъ видомъ хозяйственной дѣятельности въ княжеско-дружинной Руси была добывающая промышленность, что обусловливалось, съ одной стороны, богатствомъ естественныхъ даровъ природы въ бассейнѣ великаго воднаго пути, а съ другой—рѣдкостью населенія.

Изъ видовъ добывающей промышленности первое мѣсто занимали *звѣроловство* и *птицеловство* (охота), т.-е. та отрасль, которая столь характерна для первобытнаго родового коммунизма. Основатели Кіева—Кій, Щекъ и Хоривъ—были, по лѣтописному преданію, звѣроловами; сѣверяне платили дань хазарамъ по шкурѣ бѣлки „съ дыма"; Олегъ, покоривъ древлянъ (883), наложилъ на нихъ дань—по черной куницѣ съ дома; по свидѣтельству арабскаго писателя Ибнъ-Хордадбе (во второй половинѣ IX в.), русскіе вывозили на продажу мѣха выдры и черныхъ лисицъ; Игорь одарилъ византійскихъ пословъ (945) тѣмъ, чѣмъ самъ былъ богатъ, — преимущественно мѣхами; Ольга, по словамъ лѣтописи, устраивала въ древлянской и новгородской областяхъ княжескія „ловища", т.-е. приспособленія для звѣроловства, а по Днѣпру и Деснѣ „перевѣсища"—приспособленія для ловли птицъ; Святославъ говорилъ, что одно изъ главныхъ богатствъ Руси—мѣха; поводомъ къ междоусобной борьбѣ между сыновьями Святослава—Ярополкомъ кіевскимъ и Олегомъ древлянскимъ—послужило убійство Олегомъ Люта, сына воеводы Ярополка Свѣнельда, который „ловы дѣялъ", „гна звѣри въ лѣсѣ", причемъ забрался во владѣнія Олега (975); арабскіе писатели X в.—Ибнъ-Даста, Ибнъ-Хаукаль, Аль-Истархи—сообщаютъ, что русскіе вывозятъ мѣха собольи, горностаевы и бѣличьи; о Всеволодѣ лѣтопись сообщаетъ (1088), что онъ „ловы дѣялъ звѣриные за Вышгородомъ"; въ „Русской Правдѣ" (XI в.) кража охотничьей собаки, ястреба и сокола, также употреблявшихся древними русскими для охоты, подвергались уголовной карѣ; Владимиръ Мономахъ въ своемъ „Поученіи" разсказываетъ о своихъ охотничьихъ подвигахъ на ряду съ подвигами военными и дѣлами управленія; даже въ концѣ XII в. охота продолжаетъ имѣть существенное значеніе въ хозяйственной дѣятельности княжеско-дружинной Руси: князь отправляется на охоту на продолжительное время, съ женой и дружиной.

Второй по важности отраслью добывающей промышлен-

ности было *пчеловодство*, или *бортничество*. Игорь и Ольга въ X в. одаривали грековъ, кромѣ мѣховъ, медомъ и воскомъ; Святославъ, перечисляя богатства Руси, наряду съ мѣхами упоминаетъ медъ и воскъ; арабскіе писатели Ибнъ-Хаукаль и Ибнъ-Даста (X в.) упоминаютъ о медѣ, какъ объ одной изъ важнѣйшихъ статей вывоза русскихъ; въ XII в. у русскихъ князей были особые погреба, „медуши“, съ запасами меда, причемъ въ одномъ изъ такихъ погребовъ въ Путивлѣ было около 5.000 пудовъ меду; въ „Русской Правдѣ“ за срубку бортняго дерева, за уничтоженіе знака, поставленнаго владѣльцемъ на борти, за похищеніе пчелъ и меда назначены опредѣленные штрафы.

Третьей важной отраслью добывающей промышленности было *рыболовство*. Археологическія данныя (остатки рыболовныхъ крючковъ, удочекъ, острогъ, грузилъ для сѣтей) и лѣтописныя свидѣтельства достаточно доказываютъ важную роль и этой отрасли промышленности.

Что касается сельскаго хозяйства, то на первомъ мѣстѣ необходимо поставить *скотоводство*. Въ XII в. встрѣчаются указанія на существованіе у насъ коннозаводства; въ XI—XII вв. конскіе табуны у князей достигаютъ высокихъ цифръ: у черниговскихъ Ольговичей упоминается (1145) конскій табунъ въ 4.000 головъ; въ „Русской Правдѣ“ упоминаются слѣдующіе виды древне-русскаго домашняго скота: лошади, быки, коровы, волы, телята, бараны, козы, свиньи; показанныя въ „Русской Правдѣ“ цѣны на скотъ — очень низкія — доказательство того, что скота было много. Сравнительно съ скотоводствомъ значительно слабѣе развито было птицеводство. Изъ прирученныхъ птицъ въ „Русской Правдѣ“ упоминаются голуби, куры, утки, гуси, журавли, лебеди, причемъ цѣны на нихъ очень дорогія.

Менѣе развито было въ княжеско-дружинной Руси, особенно въ началѣ, *земледѣліе*. Въ эпоху разселенія своего съ Карпатскаго нагорья русскіе славяне были знакомы съ земледѣліемъ. Византійскій императоръ Маврикій свидѣтельствуетъ, что у славянъ этой эпохи было много проса и пшеницы; въ могилахъ сѣверянъ и полянъ археологи нашли зерна ржи, ячменя, пшеницы и гречихи, а также серпы. Однако земледѣліе не принадлежало къ господствующимъ отраслямъ промышленности: имъ русскіе славяне занимались лишь по стольку, по-

сколько оно могло удовлетворить ихъ собственныя потребности. Что земледѣліе не играло первенствующей роли въ хозяйствѣ русскихъ славянъ, видно изъ того, что среди богатствъ Руси не упоминается хлѣбъ, а только мѣха, медъ и воскъ (къ которымъ присоединяется особый еще товаръ — „челядь“, т.-е. рабы). Только въ XII в. замѣчается ростъ земледѣлія и его значенія. Такъ, на съѣздѣ князей у Долобскаго озера (1103) дружина Святополка указывала на то, что неудобно предпринимать походъ на половцевъ весной, когда смерды (крестьяне) заняты полевыми работами; есть свидѣтельства о посѣвахъ пшеницы, ржи, овса, проса, пшена, солода, гороха, льна, мака; въ „Русской Правдѣ“ говорится о ратайномъ (земледѣльческомъ) тіунѣ (старостѣ), о ролейномъ закупѣ (рабочемъ-земледѣльцѣ), о ролейной, или пашенной, межѣ, о гумнѣ и ямѣ—приспособленіяхъ для храненія хлѣба, о боронѣ и плугѣ.

Ещё слабѣе была *обрабатывающая промышленность*. По курганамъ X—XI вв. можно установить, что тогда существовали гончарное и металлическое производство, производство шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій: въ древлянскихъ и полянскихъ могилахъ встрѣчаются глиняныя сосуды, ожерелья, серпы, косы, желѣзныя части плуга, молоты, ножи, замки, ключи, стрѣлы, каменныя формы для литья металловъ, остатки шерстяныхъ тканей и холста. Объ этихъ же отрасляхъ обрабатывающей промышленности встрѣчаются извѣстія въ письменныхъ памятникахъ. Ибнъ-Даста указываетъ, что русскіе выдѣлывали стрѣлы, щиты и копья; Ибнъ-Фодланъ и лѣтопись сообщаютъ о выдѣлываніи изъ дерева идоловъ: Перунъ былъ съ серебряной головой и золотыми усами — значитъ, у насъ была и обработка серебра и золота; византійскій императоръ Константинъ Багрянородный упоминаетъ о выдѣлываніи русскими деревянныхъ лодокъ; преданіе о кожемякѣ Янѣ Усмошвецѣ (992) указываетъ на существованіе обработки кожъ. Но всѣ эти промыслы были очень слабо развиты. При дворѣ Владимира Св. дружина пользовалась еще деревянными ложками, которыя послѣ ея протеста замѣнены были серебряными; Ибнъ-Фодланъ сообщаетъ, что русскіе покупали зеленыя бусы изъ глины, которыя цѣнились ими очень дорого; Ибнъ-Даста утверждаетъ, а археологическія данныя подтверждаютъ, что русскіе, за исключеніемъ стрѣлъ, щитовъ и копій, прочее оружіе покупали. Только въ XII в. обрабатывающая

промышленность достигаетъ нѣсколько большаго развитія: въ XII в. новгородцы славятся, какъ искусные плотники; производство лодокъ изъ дерева пріобрѣтаетъ нѣкоторое разнообразіе; появляются русскіе золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера.

Важное значеніе въ княжеско-дружинной Руси имѣла *внѣшняя торговля*. Съ хазарами и арабами эта торговля началась еще въ VIII в.; расцвѣтъ ея относится къ IX и X вв., къ которымъ относятся и особенно многочисленные клады съ арабскими диргемами. По свидѣтельству Ибнъ-Хардадбе, русскіе пріѣзжаютъ съ товарами къ хазарамъ въ ихъ столицу Итиль, у устья Волги, возятъ товары къ юго-восточному берегу Каспійскаго моря, а иногда даже появляются съ караванами верблюдовъ и въ Багдадѣ. Въ XI в. торговля съ Востокомъ слабѣетъ и затѣмъ совсѣмъ прекращается съ занятіемъ половцами путей сообщенія туда.

Торговыя сношенія съ Византіей происходятъ въ IX—XII вв., причемъ расцвѣтъ торговли съ ней относится къ X в.

Наконецъ, русскіе вели торговыя сношенія и съ нѣмцами, главнымъ образомъ съ островомъ Готландомъ. Доказательствомъ тому служатъ клады съ западными монетами (шляги) IX—XI вв.

Русскіе вывозили мѣха, медъ, воскъ и рабовъ, а ввозили оружіе, металлическія издѣлія, шелковыя матеріи, предметы и украшенія изъ серебра и глины, вина, плоды и монеты — арабскіе диргемы, византійскіе солиды („золотники“) и нѣмецкіе шляги.

Обзоръ главныхъ занятій населенія княжеско-дружинной Руси показываетъ, что русскіе этой эпохи еще мало двинулись впередъ въ экономическомъ отношеніи: преобладаютъ занятія, сохранившіяся отъ эпохи родового коммунизма, съ легкой примѣстью новыхъ занятій, характеризующихъ патріархально-родовую промышленность. Такимъ образомъ, русскіе эпохи княжеско-дружинной Руси господствовавшими занятіями обречены были стоять на очень низкой культурѣ. Только одно занятіе является совершенно новымъ: внѣшняя торговля, и она произвела въ экономическомъ и общественномъ строѣ княжеско-дружинной Руси нѣкоторыя важныя измѣненія.

163. Техника занятій въ княжеско-дружинной Руси. Техника занятій въ княжеско-дружинной Руси отличалась крайней простотой и первобытностью.

Для ловли звѣрей существовали двоякаго рода приспособленія („путики“): „пасныя“ и „силовыя“. „Пасныя“ были не что иное, какъ ямы или западни, а „силовыя“ это—силки. Для ловли птицъ употреблялись „перевѣсища“, представлявшія изъ себя сѣти, которыя развѣшивались между деревьями.

Русскій звѣроловъ, къ услугахъ котораго были обширные дѣвственные лѣса, устраивалъ на обширныхъ пространствахъ такого рода ловушки, и въ нихъ попадалось много звѣрей и птицъ, которыхъ онъ истреблялъ безъ пощады. Если въ одномъ районѣ количество звѣрей и птицъ уменьшалось, русскій звѣроловъ переходилъ въ новый районъ, гдѣ къ его услугамъ оказывались новыя богатства животнаго міра. Такимъ образомъ, звѣроловство носило хищническій, или экстенсивный, кочевой характеръ; техника его не требовала ни особеннаго искусства, ни особеннаго напряженія умственныхъ способностей, ни большого труда, ни предварительной затраты капитала на устройство приспособленій для ловли.

Техника пчеловодства была не менѣе проста. Древне-русскій пчеловодъ не имѣлъ нужды въ искусственныхъ приспособленіяхъ для пчелъ въ родѣ ульевъ, или пасѣкъ: онъ, охотясь за звѣрями въ лѣсу, натыкался на дуплистыя деревья, въ которыхъ складывали медъ и воскъ дикія пчелы; на эти деревья, называвшіяся бортними, или бортями, онъ ставилъ „знамя“, т. е. отмѣчалъ ихъ знакомъ собственности, а затѣмъ своевременно вынималъ изъ нихъ и медъ и воскъ. При такомъ способѣ пчеловодства опять-таки не требовалось ни умственнаго напряженія, ни капитала, ни особаго труда.

Рыболовство до сихъ поръ отличается простотой техники, а тогда, при обиліи рѣчныхъ и вообще водныхъ богатствъ и рѣдкости населенія, было еще проще.

Земледѣліе также отличалось простотой. Въ лѣсу, на извѣстномъ пространствѣ, вырубались и сжигались деревья; образовывалось поле, сухое и покрытое пепломъ („палъ“, „огнище“, „ляды“); на этомъ полѣ въ теченіе года или двухъ сѣялся хлѣбъ, послѣ чего древне-русскій земледѣлецъ переходилъ на новое мѣсто, съ которымъ производилъ такую же операцію. Это—такъ называемая „подсѣчная“, „огневая“ или „лядиная“ система земледѣлія. Такимъ образомъ, и земледѣліе носило экстенсивный, хищническій и кочевой характеръ, что возможно было опять-таки при обширности территоріи и рѣдкости населенія. Поземельной

собственности въ нашемъ смыслѣ еще не было, а было свободное временное землепользованіе.

Техника внѣшней торговли отличалась не меньшей простотой. Къ веснѣ приготовлялись лодки, которыя нагружались предметами русскаго вывоза, причемъ часть товаровъ, сложенныхъ въ лодки, принадлежала мѣстной русской аристократіи, другая часть представляла дань, которую получали князья и дружина (дань была натурой). Затѣмъ эти лодки спускались внизъ по Днѣпру, въ сопровожденіи военной охраны. Далѣе онѣ шли вдоль западнаго берега Чернаго моря до Константинополя, гдѣ русскіе товары обмѣнивались на греческіе. На зиму русскіе возвращались обратно. Такимъ образомъ, торговля имѣла караванный характеръ: она не имѣла постоянной непрерывной связи между русскими продавцами и внѣшнимъ рынкомъ, не требовала выработки коммерческой техники и затраты капитала. Техника внѣшней торговли мало напрягала, какъ и техника другихъ занятій, умственныя способности русскаго человѣка.

Обзоръ техники основныхъ занятій эпохи княжеско-дружинной Руси подтверждаетъ, что русскіе находились еще на низкой ступени культурнаго развитія.

164. Общественные классы въ княжеско-дружинной Руси. Населеніе княжеско-дружинной Руси распадалось на три класса: на 1) аристократію, 2) простой народъ и 3) духовенство.

1) **Аристократія.** Аристократія, въ рукахъ которой сосредоточивались крупныя богатства и политическая власть, состояла изъ двухъ слоевъ: а) изъ дружины и б) изъ городской мѣстной аристократіи.

а) Дружина. Дружиной назывался высшій военно-административный правительственный классъ: съ дружиной князь предпринималъ походы и собиралъ дань; изъ дружины князь назначалъ отдѣльныхъ лицъ на должности военныя, административныя, судебныя; изъ дружины же князь назначалъ лицъ, которыя отправлялись въ Византію или на Востокъ для продажи собранной дани. Словомъ, съ дружиной князь дѣлилъ трудъ по управленію княжествомъ и доходы.

По своему племенному составу дружина первоначально была иностранной, а именно, состояла изъ скандинавскихъ выходцевъ, варяговъ, и только съ теченіемъ времени, пополняясь изъ рядовъ мѣстной русской аристократіи, постепенно обрусѣла.

Дружина, какъ особый классъ населенія, распадалась на два слоя: на α) старшую дружину и β) младшую.

α) *Старшая дружина.* Представители старшей дружины назывались „княжьими мужами“, или „боярами“ (отъ слова „боляринъ“, которое приводятъ въ связь съ словомъ „*большій*“). Это были умудренные опытомъ, сильные, богатые и независимые сотрудники князя по управленію государствомъ. Бояре имѣли собственныя дружины. Такъ, у знаменитаго воеводы Игоря, Свѣнельда, была своя дружина, матеріальному благоденствію которой завидовала дружина Игоря. Янъ Вышатичъ, собиравшій дань для Святослава Черниговскаго, и Ратиборъ, дружинникъ Владимира М., а потомъ кіевскій тысяцкій, также имѣли свои дружины. О численности боярскихъ дружинъ можетъ дать понятіе слѣдующій фактъ: къ Ярославу М. пріѣхалъ на службу варягъ Шимонъ, со всѣмъ своимъ домомъ — „до 3.000 душъ“.

Личный составъ старшей дружины при первыхъ князьяхъ отличался подвижностью и безпрерывно мѣнялся: одни дружинники, окончивъ то или другое предпріятіе, для осуществленія котораго они нанялись, и получивъ вознагражденіе, покидали службу и возвращались на родину или уходили въ другія страны; другіе, наоборотъ, пріѣзжали на Русь и поступали на службу.

При Владимирѣ Св. и Ярославѣ М., т.-е. на протяженіи свыше 70 лѣтъ, дружина пріобрѣтаетъ бо́льшую устойчивость: она складывается въ особый правящій классъ и переходитъ по наслѣдству къ послѣдующимъ князьямъ, занимавшимъ кіевскій престолъ. Это—„дружина отня“ (т.-е. отцовская), обладавшая широкимъ государственнымъ опытомъ, пользовавшаяся крупнымъ авторитетомъ въ русскомъ обществѣ и имѣвшая большое вліяніе на князя и на общество. Въ ней уже намѣчается особый порядокъ занятія высшихъ государственныхъ должностей—по наслѣдству—характернѣйшая черта для общественнаго класса, превратившагося въ сословіе [1]). Въ 1043 г. Ярославъ М. поручаетъ воеводство Вышатѣ. Сынъ Вышаты Янъ совершаетъ при Святославѣ Черниговскомъ въ 1071 г. полюдье на Волгѣ; въ 1089 г. при Всеволодѣ, Янъ уже занимаетъ постъ кіевскаго тысяцкаго; Святополкъ II, который въ началѣ своего

[1]) Въ болѣе развитомъ состояніи эта черта проявляется позднѣе, напр., въ Новгородѣ. См. кн. 2-ая, § 15, стр. 38.

княженія руководился совѣтами дружинниковъ, привезенныхъ изъ Турова, вынужденъ былъ признать авторитетъ старой кіевской дружины, причемъ главная роль въ этомъ дѣлѣ выпала на долю Яна. Далѣе, воеводой и ближайшимъ сотрудникомъ Святополка II состоялъ братъ Яна—Путята. И т. д.

β) *Младшая дружина.* Къ младшей дружинѣ относились слѣдующія группы лицъ: 1) „отроки", домашніе слуги князя, нерѣдко невольные, исполнявшіе всякаго рода обязанности по домашнему хозяйству при его дворѣ или во время походовъ и путешествій; 2) „дѣтскіе", которые были тѣлохранители князя, а также отправляли по порученію князя разнаго рода обязанности полицейскаго характера; 3) „дворяне", постоянные дворцовые слуги, въ составъ которыхъ входили въ значительной степени холопы (рабы, см. дальше).

Дружина, какъ военно-административный правительственный классъ, пользовалась, съ момента своего образованія, фактическимъ перевѣсомъ надъ остальнымъ населеніемъ. Этотъ перевѣсъ первоначально не сопровождался особыми, юридически выраженными, привилегіями. Такъ, представители младшей части дружины, т.-е. отроки, дѣтскіе и дворяне, ограждались относительно жизни, здоровья, чести и имущества на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прочее населеніе, т.-е. не пользовались юридически особыми преимуществами. Первоначально даже убійство боярина, представителя старшей части дружины, наказывалось такъ же, какъ и убійство простого человѣка, кровавой местью. Въ XII в. штрафъ за убійство боярина взимался уже въ 80 гривенъ, т.-е. вдвое болѣе, чѣмъ за убійство простого человѣка; оскорбленіе чести боярина оплачивалось 12 гривнами, т.-е. въ четыре раза дороже, нежели оскорбленіе чести простого человѣка (см. ниже). Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени дружина, особенно старшая ея часть, пріобрѣтаетъ, въ сравненіи съ прочимъ населеніемъ, нѣкоторыя преимущества сословнаго характера.

Находясь въ услуженіи князю, дружина за свою службу получала отъ князя вознагражденіе изъ дани, торговыхъ и судебныхъ пошлинъ. Кромѣ того, дружинники на ряду съ прочимъ населеніемъ занимались основными отраслями древнерусскаго хозяйства — охотой, скотоводствомъ и земледѣліемъ. Скопленіе въ рукахъ дружины богатствъ въ видѣ дани съ населенія давало возможность дружинѣ ставить эти отрасли труда

на широкихъ капиталистическихъ основаніяхъ: дружинники захватывали обширныя земли и широко обрабатывали ихъ при помощи труда холоповъ или лицъ полусвободныхъ.

Разнообразіе и широта дѣятельности, безпрерывныя сношенія съ восточными странами и съ Византіей и потребности государственнаго управленія (напр., составленіе государственныхъ актовъ, заключеніе письменныхъ договоровъ съ иностранными государствами) содѣйствовали тому, что дружинники съ княземъ во главѣ знали грамоту и, вмѣстѣ съ духовенстомъ, были самою просвѣщенною частью населенія.

б) Городская мѣстная аристократія. Городская мѣстная аристократія („нарочитые мужи", „лучшіе люди" „огнищане", „градскіе старцы") состояла изъ потомковъ старѣйшинъ патріархально-родового періода. Главными занятіями ея вначалѣ были охота и обмѣнъ ея предметовъ на продукты византійской и восточной промышленности; позже къ этимъ занятіямъ присоединяются земледѣліе и скотоводство на основахъ холопскаго труда. Съ появленіемъ дружины съ княземъ во главѣ большая часть мѣстной аристократіи была отстранена отъ непосреднаго руководительства общественнымъ трудомъ: власть ея сильно уменьшилась, и доходы значительно сократились. Однако, благодаря древнимъ связямъ съ простонародіемъ, мѣстная аристократія продолжала имѣть важное значеніе въ княжескодружинной Руси: пользуясь своимъ вліяніемъ на простонародіе, она вступаетъ съ княжеско-дружинной аристократіей въ соперничество и даже, въ удобные моменты общественно-политической жизни, принуждаетъ ее вступать съ собою въ опредѣленные договоры, „ряды".

2) Простой народъ. Простой народъ распадался на три класса: а) классъ свободныхъ людей, б) классъ полусвободныхъ, или „закуповъ" и в) классъ несвободныхъ, или „холоповъ".

а) Классъ свободныхъ людей. Свободные люди, самый многочисленный классъ населенія, были потомками младшихъ членовъ патріархально-родовыхъ семействъ („люди", „молодшіе люди", „меньшіе люди", „простые люди", „простая чадь"). Онъ дѣлился на городскихъ и сельскихъ свободныхъ людей. Къ городскимъ свободнымъ людямъ относились ремесленники и рабочіе, жившіе въ городахъ; къ сельскимъ—крестьяне, называвшіеся „смердами". Смерды занимались въ деревняхъ охотой, скотоводствомъ и земледѣліемъ.

Основнымъ правомъ всякаго свободнаго простолюдина въ княжеско-дружинной Руси была его личная свобода. За убійство простолюдина вначалѣ полагалась кровавая месть; если не было мести, убійца платилъ князю штрафъ въ 40 гривенъ; впослѣдствіи, со второй половины XI в., кровавая месть совершенно замѣняется штрафомъ въ 40 гривенъ и головничествомъ, т.-е. вознагражденіемъ семьи убитаго, установленнымъ въ 5 гривенъ. Нанесеніе вреда здоровью простолюдина точно также подвергалось наказанію: за тяжелое увѣчье—отсѣченіе руки или ея израненіе, лишавшее возможности владѣть ею,—полагался въ XI в. штрафъ въ 40 гривенъ; за лишеніе руки, ноги, глаза и носа въ XII в. платилось 20 гривенъ князю и 10 гривенъ потерпѣвшему; за остальные проступки противъ здоровья простолюдина—побои до синяковъ и крови, отсѣченіе пальца и ударъ мечомъ, не причинившій смерти, платилась вира князю въ 3 гривны и вознагражденіе потерпѣвшему въ 1 гривну. За оскорбленіе чести простолюдина платилась вира въ 3 гривны.

Второе право, принадлежавшее простымъ людямъ, было право собственности на движимое и недвижимое имущество. Собственность простолюдина ограждалась отъ посягательствъ закономъ: за поджогъ и конокрадство назначались „потокъ“ и „разграбленіе“, т.-е. смертная казнь или изгнаніе и конфискація имущества преступника; за кражу бобра, за истребленіе чужого скота, уничтоженіе знака собственности на борти, уничтоженіе пашенной межи полагалось 12 гривенъ; за кражу хлѣба съ гумна, скота изъ хлѣва, пса, ястреба и сокола изъ перевѣса, за похищеніе пчелъ и меда полагалось 3 гривны.

Третье право свободнаго простолюдина — политическое, право главы семьи участвовать въ вѣчѣ, народномъ собраніи, для рѣшенія дѣлъ, касающихся княжества.

Съ правами связаны были у простыхъ людей, главнымъ образомъ, у смердовъ, и обязанности.

Первая обязанность смерда состояла въ томъ, чтобы платить князю дань. Эту обязанность смерды выполняли и до появленія у русскихъ славянъ государственнаго устройства. *Во-первыхъ*, предки смердовъ, младшіе члены патріархально-родовыхъ семействъ, удѣляли часть продуктовъ своего труда въ пользу своихъ руководителей — патріарховъ-старѣйшинъ; *во-вторыхъ*, другую часть удѣляли въ пользу своихъ иноземныхъ властителей:

новгородскіе славяне платили дань варягамъ, поляне, сѣверяне и радимичи — хазарамъ. Далѣе, на обязанности смердовъ лежало содержаніе должностныхъ княжескихъ лицъ при исполненіи ими обязанностей и, вѣроятно, отправленіе цѣлаго ряда натуральныхъ повинностей, какъ, напр., исправленіе дорогъ, починка мостовъ и т. д., т.-е. смерды, какъ потомки младшихъ членовъ патріархально-родовыхъ семействъ, продолжали, но уже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, отправленіе тѣхъ же функцій, которыя исторически выпали на долю ихъ предковъ. За провозъ ихъ товаровъ взыскивались торговыя пошлины, за судебное разбирательство ихъ дѣлъ—судебныя пошлины.

Второй обязанностью простолюдина была военная служба, въ случаѣ необходимости. Простые люди, отправлявшіеся на войну, образовывали особое отъ княжеской дружины ополченіе свободныхъ людей.

Таковы были права и обязанности свободныхъ людей изъ простонародія. Эти права и обязанности между свободными горожанами и свободными сельчанами распредѣлялись далеко не равномѣрно.

Городское свободное простонародіе было несравненно болѣе обезпечено въ своихъ правахъ, нежели сельское. Этимъ городское простонародіе обязано было праву участія въ народномъ собраніи, въ вѣчѣ. Сельское простонародіе, находившееся далеко отъ города, фактически лишено было возможности принимать участіе въ этихъ собраніяхъ, между тѣмъ какъ городское простонародіе, руководимое мѣстной аристократіей, принимало въ нихъ дѣятельное участіе, подавало свой голосъ и имѣло возможность, такъ или иначе, защищать свои интересы и даже, отъ времени до времени, улучшать свое положеніе.

Въ иномъ положеніи было сельское свободное населеніе. Далекое отъ городскихъ центровъ, гдѣ кипѣла общественно-политическая жизнь, оно могло сохранить за собою только право свободы и право собственности, при этомъ послѣднее право далеко не безусловно: если у смерда не было дѣтей мужескаго пола, то его имущество переходило въ собственность князя; незамужнія дочери его получали только нѣкоторую часть, замужнія ничего не получали [1]). Въ положеніи смерда харак-

[1]) Иной законъ существовалъ въ аналогичномъ случаѣ для дружинника: если у дружинника не было сына, его имущество переходило къ дочери: князь не наслѣдовалъ.

терны были не права его (остатокъ древней свободы), а обязанности.

Отбываніе этихъ обязанностей, не дававшія смерду возможности развивать свое матеріальное благосостояніе, ставили его въ приниженное, сравнительно съ городскимъ простолюдиномъ, положеніе. Слѣды этой приниженности можно найти и въ лѣтописяхъ. Ярославъ М., побѣдивъ Святополка Окаяннаго, вознаградилъ свое войско такъ: старостамъ онъ заплатилъ по 10 гривенъ, новгородцамъ-горожанамъ по 10 гривенъ, а смердамъ—по гривнѣ. Такимъ образомъ, трудъ воина-смерда, едва ли уступавшій труду воина-горожанина, былъ оцѣненъ въ 10 разъ дешевле труда послѣдняго. Самое слово „смердъ“ въ древности было презрительнымъ или ругательнымъ: галицкій лѣтописецъ, съ цѣлью уколоть двухъ бояръ, называетъ ихъ „беззаконниками отъ племени смердья“; когда Святополкъ II и Владимиръ М. предложили Олегу Святославичу пріѣхать въ Кіевъ поговорить о государственныхъ дѣлахъ („Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отець нашихъ и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ“), Олегъ гордо отвѣтилъ: „Нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ“. Такимъ образомъ, Олегъ считаетъ ниже своего достоинства обсуждать государственныя дѣла съ представителями духовенства, дружины и горожанъ и даже называетъ горожанъ „смердами“, вкладывая въ это слово презрительный смыслъ.

Между городскимъ простонародіемъ и сельскимъ было и другое различіе — культурное. Городское простонародіе было болѣе развито, нежели сельское: первое, находясь въ постоянномъ общеніи съ образованной аристократіей, заимствовало у послѣдней начатки создаваемой ею національной русской культуры; второе, живя далеко отъ городовъ, бывшихъ центрами культуры, долго еще оставалось на той ступени развитія и культуры, которая существовала на Руси наканунѣ образованія государства и принятія крещенія.

б) Закупы. Закупы образовывали полусвободный классъ населенія. Онъ создавался такимъ образомъ.

Свободный человѣкъ, нуждаясь въ деньгахъ, дѣлалъ заемъ у богатыхъ лицъ и обязывался этотъ заемъ отработать; свой заемъ закупъ обезпечивалъ самозалогомъ, т.-е. залогомъ своей рабочей силы. Господинъ имѣлъ по отношенію къ закупу рядъ

правъ: за провинность господинъ имѣлъ право бить закупа; за кражу или бѣгство господинъ получалъ право обратить закупа въ раба, холопа. Но на господинѣ лежали по отношенію къ закупамъ и обязанности: *во-первыхъ*, господинъ обязанъ былъ выдать закупу сполна выговоренную сумму и дать ему опредѣленный участокъ земли; *во-вторыхъ*, господинъ не имѣлъ права лишать свободы или стѣснять свободу закупа безъ всякихъ провинностей со стороны послѣдняго; *въ-третьихъ*, господинъ подлежалъ суду, если онъ нарушалъ права закупа.

Въ развитомъ состояніи закупы появляются въ XII в.

в) Холопы. Въ худшемъ положеніи былъ классъ несвободныхъ—холоповъ-рабовъ, которые своимъ появленіемъ обязаны были, главнымъ образомъ, многочисленнымъ войнамъ. Холопъ имѣлъ нѣкоторыя, хотя и очень ограниченныя, права: если холопъ ударилъ свободнаго человѣка, то отвѣчалъ за это не только его господинъ, платившій штрафъ, но и самъ холопъ, котораго потерпѣвшій имѣлъ право побить; холопъ, въ случаѣ недостатка въ свидѣтеляхъ со стороны свободныхъ людей, могъ выступать въ качествѣ свидѣтеля. Такимъ образомъ, древне-русскій законъ предоставлялъ холопу кое-какія права личности. Но, съ другой стороны, онъ совершенно лишенъ былъ личной свободы и не пользовался никакими имущественными правами. Занятія холоповъ были очень разнообразны: они могли быть простыми рабочими въ имѣніяхъ господъ, могли быть повѣренными по торговымъ дѣламъ своихъ господъ, завѣдывали хозяйствомъ („тіуны"), занимались ремеслами, дѣлались дядьками-воспитателями.

До XI в. холоповъ въ Кіевскомъ княжествѣ было не много, и положеніе ихъ не было тяжело: съ ними обращались хорошо и скоро отпускали на волю. Съ XI в. количество рабовъ быстро увеличивается, и ихъ положеніе въ половинѣ XII в. становится значительно тяжелѣе.

3) Духовенство. Общественно-политическое развитіе княжеско-дружинной Руси, усложняясь, требовало улучшенія способовъ управленія. Для осуществленія этой задачи при Владимирѣ Св. русское правительство сближается съ культурной Византіей и принимаетъ христіанство. Принятіе христіанства привело къ образованію у насъ особаго учрежденія—церкви и къ созданію, на ряду съ дружиной, второго правящаго класса населенія—духовенства.

Въ духовенствѣ эпохи княжеско-дружинной Руси надо различать два слоя: высшую часть духовенства, состоявшую изъ митрополита, епископовъ и игуменовъ монастырей, и низшую, состоявшую изъ рядового бѣлаго и чернаго духовенства. Высшій представитель русской церкви—митрополитъ—назначался константинопольскимъ патріархомъ изъ грековъ: русская церковь въ княжеско-дружинную эпоху находилась въ зависимости отъ византійской; за весь этотъ періодъ у насъ было только два митрополита изъ русскихъ: Иларіонъ (1051—1054) и Климентъ Смолятичъ (1147—1154). Епископы у насъ назначались по распоряженію князей: при этомъ они выбирались не изъ бѣлаго и чернаго духовенства, какъ въ Византіи, а почти исключительно изъ чернаго. Это объясняется тѣмъ, что бѣлое духовенство у насъ составлялось по преимуществу изъ низшаго класса—изъ городского, а впослѣдствіи и изъ сельскаго простонародія, и потому, въ общемъ, оно не отличалось образованностью: среди бѣлаго духовенства, вѣроятно, были и лица безграмотныя, попавшія въ священники благодаря знанію наизусть текстовъ книгъ, необходимыхъ для богослуженія и исполненія требъ. Въ иномъ положеніи была у насъ монашествующая часть духовенства: она состояла по преимуществу изъ лицъ высшихъ классовъ (дружины, мѣстной аристократіи), среди которыхъ образованіе, или, по крайней мѣрѣ, грамотность была необходимостью; кромѣ того, монахи, по своему соціальному происхожденію, имѣли навыкъ къ управленію и, слѣдовательно, могли занимать съ честью такіе административные посты, какъ епископскіе.

Духовенство, какъ руководящая часть русской церкви, точнѣе, какъ церковь по преимуществу, имѣло своею задачею организовать отношенія двоякаго рода: 1) отношенія народной массы къ власти гражданской и церковной и 2) отношенія членовъ паствы другъ къ другу. Эти отношенія духовенство стремилось организовать на основахъ христіанскаго ученія, точнѣе, на основахъ того пониманія его, которое установилось въ Византіи къ концу X в., т.-е. на основахъ смиренія и терпѣнія.

Для наставленія паствы въ ученіи Христа, наше древнее духовенство прибѣгало къ устному поученію, т.-е. къ изложенію съ церковной каѳедры главнѣйшихъ догматовъ христіанства, что, конечно, происходило не часто. При помощи поученія же духовенство учило и основамъ нравственной жизни, съ точки

зрѣнія христіанскаго ученія. Прежде всего высшее духовенство проводило въ своихъ поученіяхъ мысль о богоустановленности свѣтской власти. Такъ, напр., епископы, совѣтовавшіе Владимиру Св. казнить разбойниковъ, говорили ему: „Ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье: достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ“. Иларіонъ, обращаясь къ Владимиру Св., говоритъ въ сочиненіи „О законѣ и благодати“: „Добръ-же зѣло и вѣренъ послухъ (свидѣтель) сынъ твой Георгій, его-жъ сотвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству“. Митрополитъ Никифоръ въ посланіяхъ своихъ къ Владимиру М. говоритъ: вы, „князья, избрани бысте отъ Бога и возлюблени бысте Имъ“; о самомъ Владимирѣ митрополитъ говоритъ, что „его Богъ издалеча проразумѣ и предповелѣ, его изъ утробы освяти и помазавъ“. Идея о богоустановленности княжеской власти постепенно усваивается образованною частью древне-русскаго общества. Въ лѣтописи, подъ 1169 г., половецкіе князья (точнѣе, самъ лѣтописецъ устами половецкихъ князей) говорили князю Глѣбу Юрьевичу: „Богъ посадилъ тя и князь Андрѣй на отчинѣ своей и на дѣдини въ Кыевѣ“. Въ связи съ идеей о богоустановленности княжеской власти, духовенство проповѣдывало необходимость почитанія властей. Такъ, новгородскій епископъ Лука Жидята въ „Поученіи къ братіи“ пишетъ: „Бога ся бойте, князя чтите, рабы первое Бога, также господу“ (государя). Въ сборникѣ поученій XII в., въ статьѣ „Поученіе любовно“, дается такое правило: „Буди боязливъ предъ цесаремъ, готовъ въ повелѣніи его“. Въ „Кормчей“ XIII в. находится поученіе русскаго духовника исповѣдующимся, въ которомъ сказано: „Тако же и къ властельмъ страхъ имѣй и любовь: боя бо ся ихъ съблюдешися отъ зла, имь же ненависть приходить, и любя я (ихъ), тъчноѣ отъ нихъ въспріимеши... Всяка власть—отъ Бога: по санъмъ же всѣмъ честь отдавай“. Въ поученіи XIII в., подъ заглавіемъ „Слово св. отецъ, како жити крестьяномъ“, дается слѣдующее наставленіе: „Наипаче же своему князю пріязнь имѣй, а не мысли зла нань. Глаголеть бо Павелъ апостолъ: Отъ Бога власти всяки устроены суть. Рече бо: Бога ся бойте, а князя чтите. Аще бо властелемъ кто противится, то Божію суду повиненъ есть; повелѣнію бо противится Божію“.

Идея о богоустановленности власти послужила исходнымъ

пунктомъ для двухъ выводовъ. Если власть дается отъ Бога, то нельзя добиваться ея насильно: таковъ первый важный выводъ, который часто повторяется въ лѣтописяхъ. Другой выводъ заключался въ томъ, что князья отвѣтственны передъ Богомъ за исполненіе своихъ задачъ.

Кромѣ поученія у древне-русскаго духовенства были еще два средства для воздѣйствія на паству: а) монашеская жизнь, какъ образчикъ примѣра и подражанія для паствы и б) церковная юрисдикція въ нѣкоторыхъ областяхъ жизни, какъ принудительное начало для воздѣйствія на паству.

а) Монашеская жизнь. Монашество у насъ явилось въ ту пору, когда въ Греціи оно находилось въ упадкѣ, а именно, когда монастыри стали основываться не внѣ міра, въ пустынѣ, а на міру, причемъ общинный строй старыхъ монастырей уступилъ мѣсто индивидуализму: монахи предпочитали жить по кельямъ, на полной свободѣ. Наше монашество было подражаніемъ греческому. При Владимирѣ Св. монахи жили около приходскихъ церквей по отдѣльнымъ кельямъ. Затѣмъ монастыри основываютъ у насъ князья и богатые люди съ цѣлью обезпечить себѣ царство небесное черезъ посредство вѣчныхъ молитвъ монаховъ, которыми населялись основанные ими монастыри. Въ эпоху княжеско-дружинной Руси число монастырей у насъ дошло до 70. Только немногіе изъ нихъ были основаны трудами и подвигами самихъ монаховъ. Къ монастырямъ послѣдняго рода относится Кіевопечерскій, основанный пр. Антоніемъ въ княженіе Ярослава М.

Дѣятельность нашихъ монаховъ проходила въ аскетическихъ подвигахъ: въ умерщвленіи плоти, которое достигалось ношеніемъ веригъ, бдѣніемъ, постомъ, молчаніемъ, и въ молитвахъ. Это—подвижничество обыкновенное. Болѣе трудное подвижничество состояло въ затворничествѣ (пещерничество), столпничествѣ и юродствѣ. Первое состояло въ томъ, что монахъ избиралъ себѣ особую пещеру, въ которой съ трудомъ можно было повернуться, запирался въ ней и жилъ въ теченіе многихъ лѣтъ, питаясь только хлѣбомъ и водой, и то очень скудно. Такъ, многотерпѣливый Іоаннъ, затворникъ Печерскій, выжилъ въ такомъ затворничествѣ, „въ великомъ воздержаніи, многимъ постомъ удручая и томя плоть свою и нося на всемъ тѣлѣ желѣза“, 30 лѣтъ. Столпничество, это—видъ затворничества, состоящій въ томъ, что монашествующій запирался въ узкой

столпообразной башнѣ и жилъ въ ней стоя. Этотъ видъ аскетическихъ упражненій былъ самымъ труднымъ. Въ княжеско-дружинную эпоху столпничествомъ занимался, кажется, одинъ только Кириллъ Туровскій. Наконецъ, юродство состояло въ томъ, что монашествующій принималъ личину идіота, безумца и дерзко обличалъ людей, чтобы терпѣть отъ нихъ поношенія и укоризны.

б) Церковная юрисдикція. Духовенству предоставлено было обширное поприще для воздѣйствія на древне-русское общество и его отношенія. Вѣдѣнію церкви подлежали прежде всего дѣянія грѣховныя, затѣмъ дѣянія грѣховно-преступныя и, наконецъ, противозаконныя дѣянія, которыя совершались церковными людьми вообще, духовными и свѣтскими.

Къ грѣховнымъ дѣяніямъ относились слѣдующія: волхвованіе и чародѣяніе, браки въ близкихъ степеняхъ родства, разводъ по взаимному соглашенію супруговъ, употребленіе недозволенной пищи, общеніе въ пищѣ съ язычниками.

Къ дѣяніямъ грѣховно-преступнымъ, т.-е. такимъ, въ которыхъ нарушеніе церковныхъ правилъ соединяется съ причиненіемъ физическаго или нравственнаго вреда другому или съ нарушеніемъ общественнаго порядка, относились слѣдующія: умыканіе дѣвицъ, оскорбленіе женской чести, самовольный разводъ мужа съ женой безъ вины послѣдней и пр. Эти дѣла разбирались княжескимъ судьей при участіи судьи церковнаго.

Церковному суду подлежали, наконецъ, всѣ проступки, совершавшіеся лицами церковными, т.-е. бѣлымъ духовенствомъ съ его семьями и чернымъ, мірянами, служившими церкви, рабами, отпущенными на волю и селившимися на церковныхъ земляхъ подъ именемъ изгоевъ, людьми безпріютными и убогими, которые были призрѣваемы церковью. Наиболѣе тяжкіе проступки церковныхъ людей подлежали суду церковному при участіи княжескаго судьи.

Несмотря на широту своей юрисдикціи, духовенство не могло рѣзко измѣнить существовавшія у насъ общественныя и частныя отношенія: эта задача превышала его силы; но духовенство своею практикою суда несомнѣнно вносило рядъ новыхъ общественныхъ и нравственныхъ понятій, какъ, напр., понятія о законѣ, о правителѣ, и начатки слѣдственнаго судебнаго процесса, и т. д. Наиболѣе сильное, сравнительно, вліяніе духовенство имѣло на организацію семьи. Семья, которую застало у насъ духовенство, рѣзко отличалась отъ современной

семьи: она допускала многоженство; кромѣ того, такая семья практиковала легкій разводъ. Духовенство съ такой семьей предприняло борьбу, которая продолжалась очень долго и закончилась только тогда, когда съ измѣненіемъ экономическихъ и общественныхъ отношеній создалась нынѣшняя моногамная семья.

Вліяніе духовенства простиралось и на политику. Князья нерѣдко совѣщались по дѣламъ управленія съ епископами и игуменами, которые по своему образованію и опытности въ дѣлахъ управленія могли оказывать князьямъ важныя услуги. Иногда князья отправляли епископовъ въ качествѣ пословъ къ другимъ князьямъ для улаженія какихъ-нибудь недоразумѣній.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ князья часто вмѣшивались въ дѣла, подсудныя епископамъ, смѣщали епископовъ, даже подвергали ихъ суду.

Содержаніе духовенства складывалось изъ цѣлаго ряда источниковъ. Прежде всего въ пользу духовенства изъ всѣхъ княжескихъ доходовъ удѣлялась десятина. Въ частности митрополиты получали плату за посвященіе въ епископы, а епископы получали плату за поставленіе въ священники и діаконы („симонія“); въ пользу митрополита и епископовъ шли особыя подати, которыми облагалось приходское духовенство, т.-е. священники и діаконы; митрополиты и епископы получали также судебныя пошлины, т.-е. плату за судебное разбирательство проступковъ лицъ, подлежащихъ духовному суду; наконецъ, митрополитамъ и епископамъ принадлежали обширныя земли, которыя давали крупные доходы. Доходы монаховъ складывались изъ монастырскихъ земельныхъ и денежныхъ вкладовъ, которые дѣлались князьями, боярами и богатыми купцами.

165. Положеніе женщины въ княжеско-дружинной Руси. Положеніе женщины въ княжеско-дружинной Руси было еще довольно хорошо. Правда, жизнь ея не ограждалась закономъ съ такою же силою, какъ жизнь свободнаго мужчины: за убійство женщины платилась половинная вира, т.-е. 20 гривенъ. Но имущественныя права женщины, кто бы она ни была— дѣвушка, замужняя женщина или вдова,—тщательно охранялись. Такъ, вдова послѣ смерти мужа получала часть наслѣдства, если ея дѣти уже достигли совершеннолѣтія; если же дѣти оставались еще малолѣтними, вдова становилась домоправительницей и распоряжалась имѣніемъ дѣтей.

166. Политическое устройство княжеско-дружинной Руси. Главными политическими силами въ княжеско-дружинной Руси были: 1) князь, 2) боярская дума и 3) вѣче.

1) Князь. Основной политической силой былъ князь, въ рукахъ котораго сосредоточивались исторически сложившаяся власть надъ обществомъ и крупныя матеріальныя средства для ея поддержанія.

Исторія княжескаго властвованія въ княжеско-дружинной Руси распадается на три періода: а) борьба за единовластіе, б) борьба за отчины, в) борьба за старѣйшинство и г) паденіе кіевскаго старѣйшинства.

а) Борьба за единовластіе. Первый періодъ, отъ основанія русскаго государства и до смерти Ярослава М. (1054), можетъ быть названъ періодомъ борьбы за единовластіе. Первоначально борьба идетъ между династіей Рюрика и тѣми многочисленными княжескими родами, варяжскаго и туземнаго происхожденія, о которыхъ въ лѣтописяхъ сохранились многочисленные отголоски (Аскольдъ и Диръ, „великіе князи“ съ варяжскими именами, сидѣвшіе по городамъ при Олегѣ и упоминаемые въ договорахъ Олега съ греками, древлянскій Малъ, туровскій князь Туры, Рогволодъ полоцкій). Эта борьба при Владимирѣ Св. заканчивается побѣдой рюриковой династіи надъ всѣми другими княжескими родами.

Послѣ смерти Святослава (972) борьба между княжескими династіями осложняется борьбой, подымающейся въ семьѣ Рюриковичей. Основной причиной этой борьбы было стремленіе старшаго изъ братьевъ сосредоточить въ своихъ рукахъ тѣ области Русской земли, которыя отецъ еще при жизни отдавалъ въ управленіе своимъ сыновьямъ. Со смертью князя-отца, его сыновья становились самостоятельными князьями управляемыхъ ими областей. Старшій братъ обыкновенно послѣ смерти отца захватывалъ Кіевъ, и такимъ образомъ на его долю доставалась одна только Кіевская область. Такой раздѣлъ Русской земли сильно ослаблялъ власть кіевскаго князя. Съ цѣлью сохранить за собою во всемъ объемѣ власть, принадлежавшую отцу, и связанные съ нею доходы, старшій братъ вступалъ со своими братьями въ кровавую борьбу за единовластіе. Во время этой борьбы братья, за исключеніемъ одного, погибали, и уцѣлѣвшій братъ завладѣвалъ всею Русскою землею. Такъ, по смерти Святослава, старшій сынъ его Ярополкъ убилъ

своего брата Олега и захватилъ Древлянскую землю, полученную Олегомъ еще при жизни отца; младшій сынъ Святослава, Владимиръ, управлявшій Новгородомъ, получивъ вооруженную силу изъ-за моря и присоединивъ къ ней вооруженную силу изъ новгородцевъ, двинулся противъ Ярополка, убилъ его и сдѣлался единымъ властителемъ Русской земли (980). По смерти Владимира Св. (1015) поднялась борьба за единовластіе между его сыновьями. Старшій сынъ его, Святополкъ I Окаянный, убилъ своихъ братьевъ Бориса, Глѣба и Святослава, но самъ погибаетъ отъ Ярослава, сидѣвшаго въ Новгородѣ и также воспользовавшагося вооруженными силами варяговъ и новгородцевъ. Ярославъ завладѣлъ Кіевомъ (1019), но ему не удалось сдѣлаться единовластнымъ княземъ: ему пришлось подѣлиться Русской землей со своимъ братомъ Мстиславомъ Тмутороканскимъ, на долю котораго достались области по лѣвую сторону Днѣпра. Только послѣ смерти Мстислава (1036) Ярославъ сталъ почти единовластнымъ княземъ въ Русской землѣ: въ рукахъ его брата Изяслава (сына Рогнѣды и внука Рогволода) осталась Полоцкая земля.

б) Борьба за отчины. Этотъ періодъ въ исторіи княжескаго властвованія начинается послѣ смерти Ярослава М. (1054) и продолжается до начала XII в.

Лѣтописецъ, сообщая подъ 1054 г. о смерти Ярослава М., передаетъ, что Ярославъ передъ своею смертью разъяснилъ своимъ дѣтямъ, какъ они должны организовать свои отношенія другъ къ другу послѣ его смерти. „Се азъ, — говорилъ Ярославъ, — отхожю свѣта сего, сынове мои. Имѣйте в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете в любви межю собою, Богъ будеть в васъ и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающеся (въ междоусобіяхъ), то погыбнете самі и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимь великымъ. Но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу—Кыевъ: его послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будеть в мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь (Волынскій), а Вячеславу Смолинескъ". Распредѣливъ такимъ образомъ русскія области между своими сыновьями и заповѣдавъ имъ „не

преступати предѣла братня ни сгонити", Ярославъ обратился къ Изяславу съ особымъ наказомъ: „Аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помагай, егоже обидять".

Изъ этого „ряда" видно, что Ярославъ М., подчиняясь обычаю семейнаго раздѣла собственности, распредѣляетъ русскія земли между своими сыновьями и въ то же время, опасаясь естественныхъ послѣдствій такого раздѣла — распаденія Русской земли на самостоятельныя владѣнія, убѣждаетъ своихъ сыновей сохранить между собою семейный союзъ, а старшему поручаетъ особую задачу — поддерживать этотъ союзъ. Чтобы старшій сынъ могъ практически осуществить поставленную задачу, Ярославъ соотвѣтственнымъ образомъ распредѣляетъ между ними области: старшему, Изяславу, онъ отдаетъ наиболѣе важныя въ политическомъ и экономическомъ отношеніи земли — Кіевскую область и тѣсно связанную съ ней Новгородскую; остальнымъ сыновьямъ—менѣе важныя земли.

Такимъ образомъ, въ рядѣ Ярослава обнаруживается стремленіе примирить два начала: начало семейнаго раздѣла съ началомъ государственнаго единства.

На практикѣ сочетаніе этихъ двухъ началъ приняло оригинальный характеръ.

Русская земля сохранила свое государственное единство, причемъ первоначально носителемъ этого единства былъ не Изяславъ, старшій сынъ Ярослава М., а трое старшихъ братьевъ—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, которые образуютъ союзъ между собою: они вмѣстѣ обороняютъ Русскую землю отъ внѣшнихъ враговъ, вмѣстѣ ведутъ борьбу противъ Всеслава Полоцкаго (внука Изяслава Полоцкаго), хитростью заманиваютъ его къ себѣ и заключаютъ въ Кіевѣ въ тюрьму, вмѣстѣ законодательствуютъ, вмѣстѣ преслѣдуютъ ту же политику, которая такъ характерна для князей предыдущаго періода, т.-е. политику сосредоточенія русскихъ областей въ своихъ рукахъ. Эта политика иллюстрируется слѣдующими, напр., фактами: когда въ 1057 г. умеръ Вячеславъ Смоленскій, союзные князья перевели въ Смоленскъ Игоря Волынскаго, а Волынь присоединили къ своимъ землямъ; когда умеръ Игорь, братья-союзники также присоединили его область къ своимъ землямъ и т. д.

Въ 1068 г. произошло нашествіе половцевъ на Русскую землю. Братья-союзники пошли противъ половцевъ, но потер-

пѣли пораженіе. Изяславъ и Всеволодъ убѣжали въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Кіевляне собрались на вѣчѣ и рѣшили потребовать у Изяслава оружія и коней, чтобы вооружиться и дать отпоръ половцамъ. Изяславъ отказался. Тогда кіевляне подняли противъ Изяслава мятежъ, освободили сидѣвшаго въ тюрьмѣ Всеслава Полоцкаго и провозгласили его своимъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу. Черезъ семь мѣсяцевъ Изяславъ вернулся съ польскими войсками. Всеславъ, покинувъ тайкомъ кіевлянъ, бѣжалъ. Кіевляне послали къ Святославу и Всеволоду пословъ съ заявленіемъ, что они раскаиваются въ томъ, что прогнали своего князя, и просятъ заступиться за нихъ передъ Изяславомъ; если Святославъ и Всеволодъ не согласятся на это, они заявляютъ имъ, что сожгутъ свой городъ и уйдутъ въ Греческую землю. Святославъ и Всеволодъ испугались этой угрозы и взяли на себя посредничество между кіевлянами и Изяславомъ. Изяславъ вступилъ въ городъ и, хотя обѣщалъ братьямъ не подвергать наказанію участниковъ мятежа, казнилъ многихъ кіевлянъ. Съ этого момента союзъ трехъ старшихъ братьевъ сталъ разстраиваться: Изяславъ повелъ самостоятельную политику; между нимъ и его братьями начались враждебныя отношенія. Святославъ и Всеволодъ пошли вмѣстѣ на Изяслава, и послѣдній вынужденъ былъ снова бѣжать въ Польшу. На кіевскій престолъ сѣлъ Святославъ (1073), Всеволодъ перешелъ изъ Переяславля въ Черниговъ. Въ 1076 г. Святославъ умеръ. Узнавъ объ этомъ, Изяславъ вернулся на Русь и снова занялъ Кіевъ. По смерти Изяслава (1078), кіевскій престолъ занялъ Всеволодъ (1078—1093). Русская земля, за исключеніемъ Полоцкаго княжества, сосредоточилась въ рукахъ Всеволода. Отдѣльныя области Русской земли Всеволодъ отдалъ въ управленіе своимъ сыновьямъ и племянникамъ, сыновьямъ старшаго брата своего, Изяслава.

Изъ этого краткаго очерка можно видѣть, что на практикѣ сыновей Ярослава относительно Кіева создавался, болѣе или менѣе, особый порядокъ наслѣдованія: отъ старшаго брата къ младшимъ, въ порядкѣ ихъ старшинства и подъ условіемъ обладанія достаточной силой для поддержанія своихъ притязаній [1]).

[1]) Младшіе сыновья Ярослава М., Игорь († 1053) и Вячеславъ († 1056), рано умерли, еще при жизни старшихъ братьевъ, и имъ не пришлось стать кіевскими князьями.

При Всеволодѣ возникаетъ вопросъ о судьбѣ младшихъ князей, его племянниковъ, большая часть которыхъ осталась безъ владѣній. Эти князья не мирятся со своей судьбой и начинаютъ борьбу за полученіе своей доли въ Русской землѣ. Первые начали эту борьбу Ростиславичи — Володарь и Василько [1]) (1084). Борьба эта закончилась тѣмъ, что Всеволодъ удѣлилъ имъ волости въ Галицко-Волынской землѣ. Примѣру Ростиславичей стали слѣдовать и другіе младшіе князья.

Съ особенною силою младшіе князья стали предъявлять и осуществлять свои притязанія послѣ смерти Всеволода (1093). Прежде всего возникъ вопросъ о томъ, кому изъ внуковъ Ярослава М. занять кіевскій престолъ. Наиболѣе сильными претендентами были Святополкъ, сынъ Изяслава, и Владиміръ М., сынъ Всеволода. Особенно серьезнымъ претендентомъ былъ Владиміръ М., который при жизни отца былъ дѣятельнымъ помощникомъ ему. Однако Владиміръ М. не рѣшился занять кіевскій престолъ, предвидя, что тогда у него возникнетъ война со Святополкомъ: „Аще сяду на столѣ отца своего,—размышлялъ Владиміръ, — то имамъ рать со Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отца его былъ“. Придя къ такому заключенію, Владиміръ уступилъ Кіевъ Святополку, а самъ занялъ Черниговъ. Но Владиміру не пришлось княжить въ Черниговѣ: изъ Тмутороканя явился Олегъ, сынъ Святослава, который изъявилъ притязаніе на Черниговъ, какъ на „отчину“ — владѣніе, принадлежавшее его отцу. Свое притязаніе Олегъ поддержалъ военной силой. Владиміръ, не подготовленный къ борьбѣ съ Олегомъ, вынужденъ былъ уступить Олегу Черниговъ и перешелъ въ Переяславль, свою „отчину“.

Такимъ образомъ, на практикѣ старшихъ внуковъ Ярослава М. устанавливается особый порядокъ занятія русскихъ областей — по отчинѣ. Эта практика скрѣпляется договоромъ князей на Любечскомъ съѣздѣ въ 1097 г.: „Кождо да держитъ отчину свою,—постановили князья: Святополкъ—Кыевъ, Изяславлю, Володимерь—Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ—Святославлю; а имже роздаялъ Всеволодъ городы, Давыду—Володимеръ, Ростиславичема—Перемышьль Володареви, Теребовль Василкови“.

[1]) Отецъ ихъ Ростиславъ былъ сынъ Владимира и внукъ Ярослава М. Владиміръ († 1052), дѣдъ Ростиславичей, умеръ еще при жизни отца своего Ярослава М.

Занявъ кіевскій престолъ, Святополкъ возобновилъ политику своихъ предшественниковъ, именно занялся собираніемъ разрозненныхъ частей своей „отчины“, т.-е. земель, принадлежавшихъ его отцу Изяславу. Эта политика, которую Святополкъ ведетъ большею частью въ союзѣ съ Святославичами, черниговскими князьями, въ однихъ случаяхъ сопровождалась успѣхомъ, въ другихъ (напр., въ отношеніи къ Новгороду) неудачей. Святополкъ, въ общемъ, не пользовался среди князей такимъ авторитетомъ, какъ его отецъ.

в) Борьба за старѣйшинство. Послѣ смерти Святополка († 1113) кіевляне пригласили на кіевскій престолъ Владимира М. Занявъ кіевскій престолъ, Владимиръ М. (1113—1125) сталъ энергично и искусно осуществлять двѣ цѣли: 1) сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ тѣ земли, которыя принадлежали его отцу Всеволоду и 2) укрѣпить обладаніе Кіевомъ за своимъ потомствомъ.

Для достиженія первой цѣли Владимиръ М. прежде всего роздалъ тѣ земли, которыми онъ владѣлъ до приглашенія на кіевскій престолъ, своимъ сыновьямъ: Мстиславу — Новгородъ, Святославу, а по его смерти Ярополку — Переяславль, Вячеславу — Смоленскъ, Юрію — Суздаль. Затѣмъ Владимиръ постепенно присоединяетъ турово-пинскія земли, принадлежавшія сыновьямъ Святополка, и Волынь. Такимъ образомъ, за исключеніемъ Полоцкой земли, остававшейся въ рукахъ потомковъ Изяслава, сына Рогнѣды и Владимира Св. и внука Рогволода, въ рукахъ Владимира М. сосредоточились всѣ русскія земли, за исключеніемъ тѣхъ, которыя принадлежали потомству Святослава Черниговскаго.

Для достиженія второй цѣли Владимиръ М. принялъ мѣры къ тому, чтобы кіевскій престолъ перешелъ къ его старшему сыну Мстиславу. Обстоятельства благопріятствовали этому: старшая линія Ярославичей, потомство Изяслава, захудала и сошла со сцены; старшіе Святославичи умерли, а младшій былъ безсиленъ.

Мстиславъ (1125—1132) продолжалъ политику отца. Уже Владимиръ М. принялъ рядъ мѣръ къ тому, чтобы подчинить своей власти полоцкихъ князей. Мстиславъ довершилъ дѣло, начатое отцомъ: онъ подвергъ изгнанію полоцкихъ князей, а ихъ волость присоединилъ къ своимъ землямъ.

Благодаря такой политикѣ, въ рукахъ потомства Влади-

мира М. сосредоточилось большинство русскихъ земель, которыя тѣснымъ кольцомъ окружали земли черниговскихъ князей. Кромѣ того, и Владимиръ и Мстиславъ стремились къ подчиненію своей власти другихъ русскихъ князей: они хотѣли закрѣпить старѣйшинство въ Русской землѣ за своимъ потомствомъ.

По смерти Мстислава на престолъ кіевскій вступилъ бездѣтный братъ его, Ярополкъ (1132—1139), которому Мстиславъ передалъ и своихъ дѣтей. По ряду Мстислава съ Ярополкомъ, послѣдній, занявъ кіевскій престолъ, перевелъ изъ Новгорода въ Переяславль старшаго сына Мстислава Всеволода. Переяславль въ семьѣ Мономаховичей считался вторымъ по важности, послѣ Кіева, городомъ, и переводъ Всеволода въ этотъ городъ былъ знакомъ того, что послѣ Ярополка Кіевъ перейдетъ въ руки потомства Мстислава. Это возбудило тревогу въ младшихъ братьяхъ Мстислава, въ Юріи Суздальскомъ и въ Андреѣ Волынскомъ, которые могли сами разсчитывать на кіевскій престолъ. Юрій выгналъ изъ Переяславля Всеволода, и послѣдній вернулся въ Новгородъ, который сильно взволновался послѣ перевода своего князя. Ярополкъ вынужденъ былъ пойти на Юрія, и выгналъ его; но перевести снова Всеволода въ Переяславль не удалось, такъ какъ это грозило потерей Новгорода, и Ярополкъ перевелъ въ Переяславль изъ Полоцка Изяслава, другого сына Мстислава. Переводъ этотъ повелъ къ отпаденію Полоцкой земли. Подъ вліяніемъ этого Ярополкъ вынужденъ былъ отказаться отъ задачи поддерживать слабыхъ сыновей Мстислава, и онъ вступилъ въ отдѣльныя соглашенія со своими братьями: Изяслава перевелъ насильно изъ Переяславля въ Минскъ, а Переяславль уступилъ своему брату Вячеславу, а потомъ Юрію. Такимъ образомъ, при Ярополкѣ образуется союзъ братьевъ — Ярополка, Юрія и Андрея противъ племянниковъ, сыновей Мстислава. Попытка Всеволода Мстиславича увлечь Новгородъ въ борьбу съ союзомъ кончилась неудачей, и Всеволодъ даже потерялъ Новгородъ. Тогда Мстиславичи вступили въ союзъ съ черниговскими князьями, среди которыхъ особенно выдавался Всеволодъ Ольговичъ († 1146), внукъ Святослава Черниговскаго. Благодаря этому союзу Изяславъ Мстиславичъ захватилъ Волынь, а Всеволодъ—Вышгородъ, откуда потомъ перешелъ въ Псковъ.

Пользуясь раздорами, водворившимися въ семьѣ Монома-

ховичей, черниговскіе князья, отстраненные отъ Кіева при Владимирѣ М., начинаютъ проявлять притязанія на старѣйшинство. По смерти Ярополка за осуществленіе задачъ Владимира М. и Мстислава берется Всеволодъ Ольговичъ, которому удается занять кіевскій престолъ (1139—1146). Но Всеволодъ не располагалъ такими силами, которыя были у Владимира М. и Мстислава: его попытки распорядиться землями Изяслава Мстиславича и Андрея Владимировича кончились неудачей. Послѣ этого Всеволодъ возобновилъ союзъ съ Мстиславичами, направленный, съ одной стороны, противъ Юрія Владимировича, а съ другой—противъ другихъ черниговскихъ князей. Тогда Всеволодъ утвердился на кіевскомъ престолѣ и былъ большинствомъ князей русскихъ признанъ старѣйшимъ.

Еще при жизни своей Всеволодъ Ольговичъ добивается согласія князей и кіевлянъ на то, чтобы престолъ кіевскій послѣ него перешелъ къ его брату Игорю. Но Игорю не пришлось долго княжить: изъ Переяславля двинулся Изяславъ Мстиславичъ и завладѣлъ Кіевомъ.

г) Паденіе кіевскаго старѣйшинства. Занявъ Кіевъ (1146), Изяславъ Мстиславичъ сразу выступилъ на путь своего дѣда и отца. Въ его рукахъ сосредоточились силы Кіева, Волыни, Смоленска, Новгорода и Турово-Пинской области. Но тутъ Изяславу пришлось столкнуться съ Юріемъ Владимировичемъ, располагавшимъ значительными матеріальными средствами, развившимися въ Ростово-Суздальской землѣ. Между Изяславомъ и Юріемъ возникаетъ продолжительная борьба, въ которой побѣждаетъ то одинъ, то другой. По смерти Изяслава (1054) Юрій окончательно завладѣваетъ Кіевомъ и княжитъ въ немъ до своей смерти (1057).

Эпоха княженія Юрія весьма замѣчательна въ исторіи русской земли: къ этому времени ясно обозначается упадокъ Кіева, какъ основного центра русскаго государства. Кіевъ, бывшій предметомъ ожесточенной борьбы князей, добивавшихся старѣйшинства, не могъ завести свою княжескую династію, подъ управленіемъ которой онъ могъ бы внутренно развиваться, и сталъ падать. Иная судьба выпала на долю другихъ земель: онѣ, большею частью, обзавелись мѣстными династіями и стали быстро развиваться въ матеріальномъ и въ культурномъ отношеніяхъ.

Въ 1169 г. сынъ Юрія Андрей Боголюбскій взялъ Кіевъ, подвергъ его страшному разоренію и заставилъ признать за

собою старѣйшинство въ Русской землѣ. Кіевскаго престола онъ однако не занялъ, а остался жить въ Ростово-Суздальской землѣ. Старѣйшинство князя перестало связываться съ кіевскимъ престоломъ.

Первоначально русскій князь былъ наемнымъ вооруженнымъ стражемъ Руси, ея торговли. Завоеванія и столкновенія съ народами, имѣющими опредѣленный государственный строй, стали налагать отпечатокъ государственности и на руссскихъ князей: въ X. в., когда русскіе находились въ оживленныхъ сношеніяхъ съ хазарами, русскіе князья, изъ подражанія хазарскому кагану, носили тоже титулъ кагана. Сношенія съ Византіей, принятіе христіанства, вліяніе духовенства внесли новый взглядъ, по которому задача князя состоитъ не столько въ охранѣ отъ внѣшнихъ враговъ, сколько въ установленіи и поддержаніи внутренняго порядка.

Дѣятельность князей была двоякаго рода: внѣшняя и внутренняя.

Внѣшняя дѣятельность первыхъ князей направлялась къ пріобрѣтенію заграничныхъ рынковъ и къ охранѣ торговыхъ путей къ нимъ. Для осуществленія первой задачи князья предпринимали рядъ походовъ на Византію, число которыхъ до смерти Ярослава было шесть: походы Аскольда (860), Олега (907), два похода Игоря (941 и 944), второй болгарскій походъ Святослава (971), превратившійся въ войну съ греками, и походъ Владимира, сына Ярослава М. (1043). Эти походы большею частью имѣли цѣлью поддержать или возстановить прерывавшіяся торговыя сношенія съ Византіей. Походы заканчивались договорами, въ которыхъ подробно и точно опредѣленъ порядокъ ежегодныхъ торговыхъ сношеній съ Византіей и порядокъ частныхъ отношеній между русскими и греками въ Византіи.

Съ появленіемъ степныхъ кочевниковъ торговые пути перестали быть безопасными, и на князей выпала задача охранять ихъ. Олегъ сейчасъ же послѣ того, какъ занялъ Кіевъ, началъ строить вокругъ него укрѣпленные города; Владимиръ строилъ города по Деснѣ, Трубежу, Стугнѣ, Сулѣ и другимъ рѣкамъ. Эти города, или „заставы“, заселялись боевымъ народомъ, который вербовался изъ славянскихъ и финскихъ племенъ. Для большаго укрѣпленія этихъ городовъ ихъ соединяли другъ съ другомъ земляными окопами и лѣсными засѣ-

ками. Строя заставы для охраны Кіевской области отъ кочевниковъ, князья въ то же время часто предпринимали походы на нихъ. Три вѣка, X—XII, наполнены безпрерывной упорной борьбой съ печенѣгами, а затѣмъ съ половцами.

Кромѣ того, князья, особенно первые, заботились и о расширеніи предѣловъ государства, для чего также предпринимали рядъ походовъ.

Главною отраслью внутренней дѣятельности у князей былъ сборъ налоговъ. Налоги складывались прежде всего изъ дани, которая платилась натурой (мѣхами, воскомъ, медомъ), причемъ или князь съ дружиной самъ ѣздилъ собирать дань („полюдье“), или населеніе само привозило ее („повозье“). Затѣмъ въ налоги входили судебные штрафы (виры). Сборъ налоговъ былъ наиболѣе опредѣленной и устойчивой отраслью внутренней дѣятельности князей.

Законодательная дѣятельность князей — другая отрасль внутренней дѣятельности — не имѣла систематическаго характера: она возникала только подъ давленіемъ экстренныхъ нуждъ и исходила изъ установившихся на Руси обычаевъ. Въ связи съ законодательствомъ находилась и судебная власть князя. Рядъ проступковъ (жалоба закупа на обиду отъ господина, тяжба братьевъ о наслѣдствѣ и др.) подлежалъ суду самого князя. Въ судебной дѣятельности князя интересовали, главнымъ образомъ, виры и судебныя пошлины.

Что касается административной дѣятельности — третьей отрасли внутренней дѣятельности, — то она сводилась главнымъ образомъ къ назначенію должностныхъ лицъ.

Такимъ образомъ, власть князя была еще несложна, мало развита; главный интересъ ея сосредоточивался на фискальной сторонѣ управленія.

2) **Боярская дума.** При князѣ состояла боярская дума, съ которою князь совѣтовался по военно-административнымъ дѣламъ.

Въ составъ боярской думы входили въ X в. наиболѣе выдающіеся и вліятельные представители древне-русской аристократіи — княжеско-дружинной и мѣстной, а также епископы [1]). Съ XI в. въ составѣ княжеской думы происходитъ важная

---

[1]) Высшее духовенство, по своему происхожденію, само принадлежало къ древне-русской аристократіи (§ 164).

перемѣна: князья перестаютъ приглашать въ думу представителей мѣстной аристократіи.

По количеству лицъ, княжеская дума была не велика: въ ней обыкновенно было отъ 5 до 10 лицъ.

Съ думой князь совѣтовался и въ мирное и въ военное время. Предметы совѣщаній были самаго разнообразнаго свойства: договоры съ иноземцами, изданіе законовъ, измѣненіе порядка княженія, оборона земли отъ враговъ, заключеніе мира, отношенія къ другимъ князьямъ и т. д. По всѣмъ этимъ вопросамъ князь совѣтовался со своею думой. Князь излагалъ въ думѣ свои планы. Выслушавъ мнѣнія своихъ бояръ, князь или соглашался съ ними, или не соглашался и поступалъ по-своему. Если мнѣнія бояръ расходились, князь присоединялся къ одной изъ сторонъ.

Княжеская дума пользовалась большимъ вліяніемъ. Князь могъ приступить къ осуществленію своихъ намѣреній только послѣ предварительнаго совѣта съ боярами. Когда Владимиръ М. убѣждалъ Святополка II предпринять походъ на половцевъ, послѣдній передалъ предложеніе Владимира на обсужденіе своей дружинѣ. Дружина Святополка была противъ похода. Не одобряла такого похода и дружина Владимира. Тогда Владимиръ обратился къ своимъ боярамъ и къ боярамъ Святополка съ рѣчью, которая произвела на нихъ сильное впечатлѣніе и измѣнила ихъ взгляды. Только послѣ этого князья рѣшились предпринять походъ. Нерѣдко случалось, что князья, подъ вліяніемъ бояръ, оставляли свои намѣренія. Такъ поступили Изяславъ Мстиславичъ и его братъ во время борьбы съ Юріемъ Долгорукимъ въ 1151 г.

Если князь задумывалъ какое-либо предпріятіе безъ вѣдома бояръ, послѣдніе отказывали ему въ своемъ содѣйствіи.

Княжеская дума была выразительницей интересовъ княжеско-дружинаго класса населенія.

3) Вѣче. Третьей политической силой было вѣче, которое развилось изъ совѣта патріархально-родовыхъ старѣйшинъ (§ 9). Это было народное собраніе, обсуждавшее и рѣшавшее вопросы, касающіеся даннаго города и тяготѣвшей къ нему области.

На вѣче собирались прежде всего горожане, но могли присутствовать, при возможности, и сельчане, т.-е. вообще всѣ свободные люди. Право рѣшающаго голоса принадлежало од-

нако не всѣмъ, а только главамъ семействъ, что объясняется происхожденіемъ вѣча. Составъ вѣчевого собранія по числу лицъ не отличался какою-либо опредѣленностью или постоянствомъ: всякое вѣчевое собраніе считалось законнымъ. Опредѣленнаго порядка въ обсужденіи предмета также не было; голосованія съ его современнымъ принципомъ математическаго большинства не существовало; поэтому при разногласіи вопросъ рѣшался вооруженною схваткой.

Главный вопросъ, разрѣшеніемъ котораго вѣче чаще всего занималось, былъ вопросъ объ избраніи и изгнаніи князей. Этотъ вопросъ поднимался на вѣчѣ только въ случаяхъ крайней нужды, когда отъ его разрѣшенія зависѣло благо города. Такъ, изъ 50 князей, бывшихъ кіевскими князьями, только 14 были призваны вѣчемъ. Въ экстренныхъ же случаяхъ вѣче дѣлало князьямъ рядъ указаній относительно ихъ государственной дѣятельности и вступало съ ними въ „ряды“, т. е. договоры о желательной программѣ ихъ дѣйствій. Иногда вѣче объявляло войну или заключало миръ. Когда являлась необходимость экстренно собрать съ населенія деньги, вопросъ рѣшался вѣчемъ.

Руководящая роль на вѣчѣ принадлежала мѣстной аристократіи. Оттѣсненная княжеско-дружиннымъ классомъ населенія отъ непосредственнаго управленія государствомъ, мѣстная аристократія стала дѣйствовать черезъ вѣче и, пользуясь своими древними связями съ простонародіемъ, пріобрѣла крупное вліяніе на правительство.

Въ отличіе отъ княжеской думы, вѣче было выразителемъ и защитникомъ интересовъ городской демократіи, развивавшейся подъ руководствомъ мѣстной аристократіи.

Вѣче, какъ политическая сила княжеско-дружинной Руси, было слабѣе княжеской думы и тѣмъ болѣе князя: въ рукахъ князя находились огромныя матеріальныя средства и военно-административная сила дружины.

Центральное управленіе въ княжеско-дружинной Руси еще не имѣло спеціально государственнаго характера; оно носило характеръ хозяйственнаго управленія: дворскій — завѣдывалъ княжескимъ дворцомъ и дворцовымъ хозяйствомъ; казначей завѣдывалъ княжеской казной, печатникъ былъ княжескимъ секретаремъ, меченоша завѣдывалъ оружіемъ, стольникъ — съѣстными припасами и напитками, покладникъ, или спаль-

никъ—домашней обстановкой дворца, тіуны, набиравшіеся нерѣдко изъ рабовъ, были приказчиками.

Больше организованности было въ областномъ управленіи. Основной административной единицей былъ городъ. Главнымъ органомъ администраціи въ городѣ былъ посадникъ, который назначался княземъ обыкновенно изъ его старшихъ дружинниковъ. Посадникъ былъ въ городѣ представителемъ князя, и потому власть его совпадала съ властью князя.

Обзоръ политическаго устройства княжеско-дружинной Руси показываетъ, что политическій строй отличался еще простотой, несложностью и отсутствіемъ опредѣленности: онъ вполнѣ въ этомъ отношеніи соотвѣтствовалъ простотѣ и несложности общественнаго труда въ ту эпоху.

167. Главные моменты въ исторіи княжеско-дружинной Руси. Исторія княжеско-дружинной Руси распадается на два періода: 1) отъ основанія государства до половины XII в. и 2) отъ половины XII в. до половины XIII в.

1) **Русское государство отъ IX в. до половины XII в.** Въ это время русское государство занимаетъ территорію великаго воднаго пути и сосѣднія съ ней территоріи: на юго-западѣ—Прикарпатскій край и на сѣверо-востокѣ—Окско-Волжскій край. У него два центра—Новгородъ и Кіевъ. Главная роль принадлежитъ Кіеву, почему и русское государство этого періода называется Кіевскимъ.

За этотъ періодъ времени русское государство быстро развивается.

Въ аристократіи происходитъ непрерывное сосредоточеніе продуктовъ общественнаго труда; среди ея представителей быстро распространяется византійская культура, усваивается византійско-болгарская литература и пробуждается самостоятельное идейно-литературное творчество. Размноженіе князей и распредѣленіе между ними областей особенно сильно содѣйствовало распространенію кіевскаго просвѣщенія: получивъ область, князь отправлялся въ ея центръ съ дружиной и духовенствомъ; онъ заносилъ въ него кіевское просвѣщеніе и его литературныя произведенія. Благодаря этому изъ Кіева просвѣщеніе проникало въ самые отдаленные областные центры и распространялось среди мѣстныхъ аристократій.

Сосредоточеніе капитала въ рукахъ высшихъ классовъ населенія повело къ возникновенію княжеской и боярской по-

земельной собственности, а затѣмъ монастырской и вообще церковной. Эти земли эксплоатировались главнымъ образомъ при посредствѣ труда рабовъ, а затѣмъ и закуповъ. Рабы обязаны были своимъ происхожденіемъ многочисленнымъ войнамъ. Вторгшись въ область своего врага, древне-русскій князь старался по возможности разорить ее и набрать побольше плѣнниковъ, которыхъ онъ обращалъ въ рабовъ и которыми населялъ свою область. Даже при вступленіи въ княжество своего соперника-родича, князь жегъ его села и истреблялъ запасы хлѣба, скота и „челядь“ (рабы). Владимиръ Мономахъ, наилучшій изъ русскихъ князей княжеско-дружинной эпохи, не уступалъ въ этомъ отношеніи другимъ князьямъ: въ своемъ „Поученіи“ онъ разсказываетъ, какъ напалъ однажды врасплохъ на Минскъ и не оставилъ тамъ „ни челядина, ни скотины“. Благодаря этимъ войнамъ у насъ образовался кадръ многочисленныхъ рабовъ. Уже въ X—XI вв. „челядь“ составляютъ обычный товаръ русскаго купца на ряду съ мѣхами, медомъ и воскомъ. Товаръ этотъ распродавался и въ Итилѣ, и въ Византіи. Къ половинѣ XII в. количество рабовъ достигаетъ громадныхъ размѣровъ. Соотвѣтственно этому и положеніе рабовъ къ половинѣ XII в. становится болѣе тяжелымъ, чѣмъ прежде.

Въ то же время отношенія землевладѣльцевъ къ полусвободнымъ закупамъ постепенно мѣняется: оно уподобляется отношеніямъ къ рабамъ, и вольнонаемный крестьянинъ попадаетъ въ положеніе, мало чѣмъ отличающееся отъ положенія раба. Матеріальное благосостояніе княжеско-дружинной Руси было въ сущности благосостояніемъ высшихъ классовъ населенія и ложилось тяжелымъ бременемъ на плечи низшихъ классовъ.

Незавидное положеніе низшихъ классовъ служило источникомъ ихъ неудовольствія. Съ особенной силой это неудовольствіе прорвалось въ Кіевѣ послѣ смерти Святополка II (1113): кіевское простонародіе подняло мятежъ противъ высшихъ классовъ, которые поспѣшили пригласить на престолъ популярнаго среди населенія князя Владимира М. Вступивъ на престолъ, Владимиръ М., по совѣту съ боярами, издалъ уставъ, которымъ облегчалось матеріальное положеніе низшихъ классовъ. „Уставъ“ начинается такой исторической справкой: „Володимѣръ Всеволодичь, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмь: Ратибора, киевьского тысячьского, Прокопью,

бѣлогородьского тысячьского, Станислава, переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Іванка Чюдиновича, Олгова мужа (т.-е. боярина Олега Святославича Черниговскаго)"... Далѣе идутъ самыя постановленія. Важнѣйшее постановленіе касается „роста", т.-е. процентовъ на занятый капиталъ. По этому постановленію, кредиторъ, давшій взаймы капиталъ по 50% въ годъ, можетъ получать такіе проценты только въ теченіе двухъ лѣтъ; кредиторъ, взимавшій 50% три года подрядъ, лишается права требовать съ должника возвращенія самого капитала. Далѣе, закупу предоставлено было право иска противъ его барина. Такого рода постановленія нѣсколько облегчили матеріальное положеніе городского кіевскаго простонародія. Въ общемъ, однако, его положеніе продолжало оставаться неудовлетворительнымъ.

Такова была первая причина недовольства въ низшихъ классахъ. Она дополнялась другой причиной, не менѣе важной.

Въ 1036 г. Ярославъ нанесъ печенѣгамъ сильное пораженіе, и на нѣкоторое время Кіевская Русь отдохнула отъ степныхъ кочевниковъ. Но въ 1061 г. появляются новые степняки—половцы (куманы), съ которыми борьба ведется непрерывно въ теченіе XI и XII вв. Борьба съ половцами была тяжелѣе, чѣмъ съ печенѣгами. Сами печенѣги перешли въ подданство Кіевской Руси, разбившись на отдѣльныя племена подъ различными названіями (торки, берендѣи, турнѣи, коуи, каспичи, бастѣева чадь, черные клобуки) и образовали хорошую полуосѣдлую, полукочевую кавалерію, оборонявшую границы Руси отъ половцевъ. Въ XI в. по рѣкѣ Роси, западному притоку Днѣпра (ниже Кіева), находилось Поросье, страна, которая со времени Ярослава была густо заселена народомъ. Населеніе состояло изъ русскихъ колонистовъ и мирныхъ кочевниковъ — торковъ, берендѣевъ. Здѣсь, на Роси, находился городъ Юрьевъ, въ которомъ была даже епархіальная каѳедра всей Поросьи. Страна эта, какъ пограничная со степью, постоянно подвергалась нападеніямъ со стороны половцевъ. Когда въ 1095 г. на Юрьевъ опять напали половцы, жители покинули его и удалились въ Кіевъ. Въ 1096 г. половецкій ханъ Бонякъ „Шелудивый" незамѣтно подкрался къ самому Кіеву, ворвался въ Печерскій монастырь, ограбилъ его и зажегъ.

Безпрерывныя столкновенія съ половцами и опустошеніе земель ими сдѣлали жизнь въ предѣлахъ южной Руси до

такой степени невыносимой, что, когда въ 1069 г. на Кіевъ шелъ съ поляками изгнанный кіевлянами Изяславъ, кіевское вѣче отправило пословъ къ братьямъ его Святославу и Всеволоду съ просьбой защитить городъ отъ Изяслава, угрожая, въ противномъ случаѣ, зажечь свой городъ и уйти въ Греческую землю. Русскіе князья напрягали всѣ силы и способы, чтобы парализовать половцевъ: давали половцамъ платья, скота, женились на ханскихъ дочеряхъ, заключали съ ними мирные договоры, но все это не останавливало хищническихъ набѣговъ. Волей-неволей приходилось окапывать валами степныя границы, строить крѣпости и быть каждую минуту наготовѣ къ нападенію. Особенно упорную борьбу приходилось вести съ кочевниками въ Переяславской области, находившейся на границѣ съ степью. При такихъ условіяхъ на Руси вырабатывались типы воиновъ-богатырей, изъ кототорыхъ одинъ, Демьянъ Куденевичъ, жившій въ Переяславлѣ въ половинѣ XII в., описывается въ лѣтописи. Этотъ воинъ-богатырь со слугою и пятью воинами, по разсказамъ лѣтописи, одинъ выѣзжалъ на цѣлое половецкое войско и часто обращалъ его въ бѣгство; однажды онъ выѣхалъ на половцевъ совершенно одинъ, безъ шлема и панцыря, перебилъ много половцевъ, но самъ получилъ отъ стрѣлъ множество ранъ и еле живой вернулся въ городъ. До смерти Мстислава (1132), сына Мономаха, княжеско-дружинная Русь удачно отбивалась отъ половцевъ и даже сама проникала въ глубь степей и наносила половцамъ пораженія. Но послѣ этого времени борьба становится не подъ силу. Особенно страдать приходилось смердамъ и вообще низшимъ классамъ населенія.

Экономическая и юридическая приниженность низшихъ классовъ населенія, княжескія усобицы и половецкія пападенія заставили трудящіеся классы покидать Приднѣпровье: съ половины XII в. эта, хорошо до тѣхъ поръ заселенная, страна начинаетъ пустѣть. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и экономическое благосостояніе княжеско-дружинной Руси; торговля съ Византіей слабѣетъ, вслѣдствіе затрудненія сношеній съ Византіей; притокъ металлическихъ денегъ сокращается, и ихъ цѣнность сильно повышается.

Въ первой половинѣ XI в. среди городской демократіи возникаетъ свое культурно-просвѣтительное движеніе.

2) Русское государство отъ половины XII в. до половины XIII в.

Уже въ первую половину XII в. начинается выселеніе „людей“ изъ южныхъ областей на окраины, въ двухъ направленіяхъ.

Одна часть населенія шла на западъ, къ Карпатскому нагорью, т.-е. къ мѣсту, покинутому его предками въ VII в. Эта эмиграція отразилась на матеріальномъ и политическомъ состояніи двухъ княжествъ, находившихся здѣсь: Галиціи и Волыни. Во второй половинѣ XII в. Галицкое княжество при Ярославѣ Осмомыслѣ становится однимъ изъ самыхъ сильныхъ на Западѣ. Въ концѣ XII в. Галиція присоединяется къ Волыни. Соединенныя княжества при Романѣ Мстиславичѣ и его сынѣ Даніилѣ густо заселяются, богатѣютъ и пріобрѣтаютъ вліяніе даже на Кіевъ.

Другой потокъ эмиграціи направлялся изъ Кіевской области на сѣверо-востокъ, въ междурѣчье Оки и Волги, въ Ростово-Суздальскій край. До половины XII в. эта страна населялась колонистами, направлявшимися главнымъ образомъ съ сѣверо-запада, изъ Новгородской области, въ составъ которой Ростово-Суздальскій край входилъ при первыхъ князьяхъ. Здѣсь были города Ростовъ, Суздаль, Ярославль, Муромъ и др. Между Кіевской областью и Ростово-Суздальскимъ краемъ не было до половины XII в. прямого сообщенія, такъ какъ на пространствѣ между верхней Окой и Десной, отъ города Карачева и до Козельска, лежали огромные густые лѣса (въ сказкахъ о разбойникахъ они извѣстны подъ именемъ „Брынскихъ“). Поэтому Ростово-Суздальская Русь называлась у кіевлянъ „Залѣсской землей“. Чтобы изъ этой Залѣсской земли пробраться въ Кіевъ, необходимо было ѣхать по дорогѣ, проторенной новгородскими колонистами, т.-е. дѣлать огромный обходъ на сѣверо-западъ и затѣмъ уже черезъ Новгородскую область спускаться внизъ на югъ, къ Кіеву.

Въ первой половинѣ XII в. начинаетъ прокладываться туда и прямоѣзжая дорога. Владиміръ Мономахъ похваляется, что онъ одинъ разъ проѣхалъ въ Ростовъ „свозь вятичей“, т.-е. черезъ лѣса, которыми была покрыта область, населенная вятичами. Сынъ Владимира Мономаха, Юрій Долгорукій, во время борьбы съ своимъ племянникомъ Изяславомъ (1149—1154), былъ уже въ состояніи водить къ Кіеву прямой дорогой изъ Ростова цѣлые полки.

Прямой путь изъ Кіева въ Ростово-Суздальскую землю

проложенъ былъ колонистами, двигавшимися изъ Поднѣпровья на сѣверо-востокъ. Мѣстные ростово-суздальскіе князья охотно шли навстрѣчу этому движенію колонистовъ въ ихъ пустынныя владѣнія. Около того времени, когда замѣчается опустѣніе Кіевской Руси, на сѣверо-востокѣ возникаетъ рядъ городовъ: въ 1134 г. Юрій Долгорукій строитъ городъ Кснятинъ при впаденіи рѣки Большой Нерли въ Волгу; въ 1147 г. упоминается впервые городъ Москва; въ 1150 г. Юрій строитъ городъ Юрьевъ „въ полѣ“, или Польскій; въ 1154 г. онъ основываетъ на рѣкѣ Яхромѣ городъ Дмитровъ; около 1155 г. сынъ Юрія Долгорукаго Андрей Боголюбскій основываетъ ниже Владимира на Клязьмѣ городъ Боголюбовъ и т. д. Эта строительная дѣятельность была очень широка, и Андрей Боголюбскій имѣлъ основаніе утверждать, что онъ Суздальскую Русь „городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ“. Что около половины XII в. Ростово-Суздальская Русь колонизировалась по преимуществу эмигрантами изъ Кіевской Руси, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что названія городовъ въ этой области являются по большей части названіями городовъ въ Кіевской Руси (Переяславль, Звенигородъ, Стародубъ, Вышгородъ, Галичъ, Лыбедь, Почайна, Кіевъ): колонисты въ воспоминаніе о покинутой родинѣ давали городамъ привычныя и любимыя названія.

Съ отливомъ населенія изъ Кіевской области на окраины начинается матеріальный упадокъ ея, а вслѣдъ за нимъ и политическій. Зато начинается матеріальное и политическое развитіе окраинъ. Ростово-Суздальская Русь достигаетъ такой силы, что въ 1169 г. при Андреѣ Боголюбскомъ захватываетъ и разоряетъ Кіевъ. Съ этого времени Кіевъ теряетъ свое значеніе центра Русской земли. Русь распадается на нѣсколько областей съ самостоятельными экономическими, политическими и культурными центрами. Образовались отдѣльныя княжества—Кіевское, Черниговское, Галицко-Волынское, Смоленское, Новгородское, Ростово-Суздальское и т. д., которыя имѣютъ свои особенности, свою исторію и свою судьбу.

Въ 1237—1240 гг. появляются новые кочевники-скотоводы—татары. Они опустошаютъ всю Русь и подчиняютъ ее своей власти. Кіевъ, взятый ими въ 1240 г., окончательно теряетъ свое значеніе. Взятіемъ Кіева заканчивается эпоха княжеско-дружинной Руси.

168. „Русская Правда“. Подъ „Русской Правдой“ разумѣется древне-русскій сборникъ съ законодательнымъ содержаніемъ.

„Русская Правда“ дошла до насъ въ трехъ редакціяхъ: *краткой* (сохранившейся въ спискѣ академическомъ), *пространной* (въ спискахъ синодальномъ, троицкомъ, карамзинскомъ и др.) и *сокращенной* (въ спискѣ кн. Оболенскаго). Первая редакція содержитъ въ себѣ уставы Ярослава и его сыновей, вторая редакція состоитъ изъ тѣхъ же уставовъ, но дополненныхъ въ XII—XIII вв. новыми постановленіями. Послѣдняя редакція сокращенная, представляетъ извлеченіе изъ пространной редакціи.

Въ „Русской Правдѣ“ различаютъ три законодательныхъ сборника, которымъ присвоены особыя названія: 1) „Правда Ярослава“, 2) „Правда Ярославичей“ и 3) „Правда пространная“.

1) **„Правда Ярослава“.** Сборникъ „Правда Ярослава“ составленъ не позже времени Ярослава М. († 1054). Въ немъ излагаются въ систематическомъ порядкѣ—статья объ убійствѣ, за которое полагается еще месть родныхъ убійцѣ, а при отсутствіи мстителя — штрафъ въ 80 гривенъ за убійство княжого мужа и княжого тіуна, а за убійство лицъ изъ остальныхъ классовъ населенія — 40 гривенъ; далѣе, статьи о ранахъ, увѣчьяхъ и личныхъ оскорбленіяхъ, о нарушеніи имущественныхъ правъ. Однако въ этотъ сборникъ вошли не всѣ постановленія Ярослава.

2) **„Правда Ярославичей“.** „Правда Ярославичей“ состоитъ изъ постановленій, изданныхъ вмѣстѣ тремя старшими Ярославичами — Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ, и каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Эти постановленія распредѣлены въ хронологическомъ порядкѣ.

3) **„Правда пространная“.** „Правда пространная“ состоитъ изъ двухъ половинъ. Первая половина, составленная, вѣроятно, при Владимирѣ М., есть не что иное, какъ систематическій сводъ постановленій Ярослава М. и его ближайшихъ преемниковъ. Вторая половина состоитъ изъ позднѣйшихъ постановленій XII и, вѣроятно, первой половины XIII в. „Правда пространная“, въ цѣломъ, сложилась не позже половины XIII в.

Источниками „Русской Правды“ были, *во-первыхъ*, княжескіе уставы, изъ которыхъ нѣкоторые отдѣльно и упоминаются,

напр.: „урокъ Ярославль“ о пошлинахъ въ пользу вирника, уставъ Изяслава о вирѣ за голову конюшаго, уставъ трехъ Ярославичей о замѣнѣ кровавой мести штрафомъ, уставъ Владимира М. о процентахъ и др.; *во-вторыхъ*, судебные приговоры князей по частнымъ поводамъ, приговоры, превращенные въ законъ, какъ, напр., приговоръ Изяслава I по поводу убійства княжескаго конюшаго старосты; *въ-третьихъ*, законодательные проекты духовенства, принятые князьями, какъ, напр., постановленія о положеніи вдовъ и ихъ отношеніи къ дѣтямъ; *въ-четвертыхъ*, отдѣльныя постановленія, заимствованныя изъ византійскихъ сводовъ, какъ, напр., постановленія объ отвѣтственности господина за преступленія его холопа.

„Русская Правда“ не представляетъ изъ себя цѣльнаго и всесторонняго отраженія юридическихъ отношеній въ княжеско-дружинной Руси. Такъ, въ ней, напр., совершенно не упоминается „поле“ [1]). Тѣмъ не менѣе „Русская Правда“ даетъ отчетливое представленіе о степени развитія юридическаго самосознанія въ княжеско-дружинномъ обществѣ.

„Русской Правдѣ“ было чуждо понятіе о преступленіи, т.-е. о нарушеніи закона: ей извѣстна только „обида“, т.-е. рядъ проступковъ противъ личныхъ и имущественныхъ правъ частныхъ лицъ. Поэтому ея содержаніе сводится къ опредѣленію проступковъ противъ здоровья личности и ея имущества и къ установленію за нихъ цѣлаго ряда наказаній. Въ связи съ этимъ находится и другая особенность „Русской Правды“: она знаетъ только внѣшнюю, матеріальную, отвѣтственность преступника, или, точнѣе, „обидчика“, безъ участія нравственнаго мотива, хотя въ то же время она уже отличаетъ убійство неумышленное, „въ свадѣ“, „въ обиду“, отъ убійства съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, „въ разбоѣ“, проступокъ, причиняющій вредъ или угрожающій жизни (отсѣченіе пальца, ударъ мечомъ, не сопровождающійся смертью), отъ проступка, оскорбительнаго для чести (ударъ палкой, жердью, ладонью, выдергиваніе уса, бороды), причемъ за проступки послѣдняго рода налагаетъ вчетверо болѣе строгое взысканіе.

---

[1]) Поле, т.-е. судебный поединокъ, — одинъ изъ часто практиковавшихся способовъ доказательства въ княжеско-дружинной Руси, состоявшій въ томъ, что обвиняемый и обвинитель, если они оставались недовольны приговоромъ князя, вступали другъ съ другомъ въ вооруженную борьбу: кто одолѣвалъ, тотъ и признавался правымъ.

Наказанія, налагаемыя „Русской Правдой“, были нѣсколькихъ родовъ, въ зависимости отъ характера „обиды“. За такія „обиды“, какъ убійство, увѣчье и посягательство на здоровье, первоначально полагалась месть, т.-е. возмездіе родныхъ (отца, сына, брата, дяди и племянника) „обидчику“: за убійство — смерть убійцы, „головника“, а за увѣчье и за личныя оскорбленія — лишеніе „обидчика“ свободы и тѣлесное наказаніе его. Со второй половины XI в. месть родныхъ замѣняется другими видами наказаній: именно, за убійство полагались „вира“, т.-е. денежный штрафъ въ 10 гривенъ [1]) въ пользу князя, и „головничество“, денежный штрафъ въ пользу потерпѣвшаго (размѣръ его въ „Русской Правдѣ“ не опредѣляется). Если убійство было непредумышленное и убійца состоялъ въ круговой порукѣ съ прочими членами „верви“, т.-е. общины, или если убійство было предумышленнымъ, но община не выдавала убійцы, то штрафъ возлагался на всю общину; такой штрафъ назывался „дикой вирой“.

За другіе проступки назначались „продажа“, т.-е. штрафъ въ 12 гривенъ и въ 3 гривны, въ пользу князя, и „урокъ“, т.-е. штрафъ въ 1 гривну, въ пользу потерпѣвшаго. Если лица, совершившія проступки, оказывались несостоятельными и не могли платить возлагаемыхъ на нихъ штрафовъ, ихъ подвергали „потоку“, т.-е. лишенію личныхъ правъ, и „разграбленію“, т.-е. лишенію имущественныхъ правъ.

Отражая правовое самосознаніе княжеско-дружиннаго общества, „Русская Правда“ попутно даетъ цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ указаній на экономическій бытъ и общественно-политическій строй княжеско-дружинной Руси.

Основными занятіями русскихъ въ эпоху княжеско-дружинной Руси были, по „Русской Правдѣ“, охота, торговля, скотоводство и земледѣліе. Такъ, излагая рядъ проступковъ, связанныхъ съ этими занятіями, и устанавливая за нихъ взысканія, „Русская Правда“ говоритъ, что за похищеніе бобра изъ ловища виновный уплачиваетъ 12 гривенъ, за порчу веревки на перевѣсѣ (§ 163), за срубку борти, за похищеніе собаки на мѣстѣ охоты — 3 гривны. Кредиторамъ воспрещается

---

[1]) Гривна кунъ въ XI—XII вв. равнялась приблизительно 10 руб., а къ концу XII в.—5 руб. Гривна кунъ дѣлилась на 20 ногатъ, или на 25 (позже на 50) кунъ, или на 50 рѣзаней, или на 600 вѣкошь.

подвергать наказанію купца, взявшаго въ долгъ товары или занявшаго деньги, если онъ потерпитъ кораблекрушеніе, или подвергнется пожару, или будетъ ограбленъ непріятелемъ, „занеже пагуба отъ Бога есть, а не виноватъ есть“: такому купцу необходимо позволить разсрочить платежъ на нѣсколько лѣтъ; если же купецъ пропьетъ ввѣренный ему товаръ, или проиграетъ, или „въ безумьи“ испортитъ, то съ нимъ кредиторы могутъ поступить, какъ хотятъ: хотятъ — ждутъ, хотятъ — продадутъ въ рабство, — „а своя имъ воля“. За кражу домашняго скота и домашнихъ птицъ полагаются опредѣленные штрафы, сообразно съ цѣнами на различные виды скота и птицъ въ эпоху княжеско-дружинной Руси. Особенно строго наказывалось конокрадство. За уничтоженіе полевой межи или межевого дуба виновный платилъ 12 гривенъ продажи. Виновный въ поджогѣ гумна или двора выдается князю головой, со всѣмъ имѣніемъ, изъ котораго прежде всего вознаграждается потерпѣвшій. И. т. д.

Не менѣе драгоцѣнныя указанія даетъ „Русская Правда“ и объ общественно-политическомъ строѣ княжеско-дружинной Руси. „Русская Правда“ знаетъ, что русскіе въ княжеско-дружинную эпоху распадались на высшіе классы („княжіе мужи“, „бояре“, „огнищане“), представители которыхъ уже пользуются рядомъ привилегій, и низшіе („люди“, „смерды“, „наймиты“, „ролейные закупы“, т.-е. сельскіе рабочіе, „холопы“), положеніе которыхъ, въ правовомъ отношеніи, значительно хуже положенія „высшихъ классовъ. Особенно незавидно, по „Русской Правдѣ“, положеніе холоповъ, которымъ посвящено большое количество статей.

Отражая преимущества высшаго, военно-административнаго класса населенія, „Русская Правда“ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ указанія на крупную роль въ княжеско-дружинной Руси капитала: въ ней съ замѣчательною детальностью различаются и опредѣляются имущественныя отношенія, причемъ, въ связи съ этимъ, преступленія противъ собственности наказываются очень строго, нерѣдко строже, чѣмъ преступленія противъ личности. Штрафъ въ 12 гривенъ взыскивается за похищеніе бобра изъ ловища, за уничтоженіе полевой межи — и за выбитіе зуба, за убійство чужого холопа. Штрафомъ въ 3 гривны и одинаковымъ урокомъ наказываются отсѣченіе пальца, ударъ по лицу или мечомъ не на смерть, „мука“ смерда—и порча веревки на перевѣсѣ и похищеніе охотничьяго

пса на мѣстѣ охоты. Поджогъ и конокрадство наказываются строже, чѣмъ тяжкія увѣчья и даже убійство. Купецъ, по своей винѣ потерявшій взятые въ кредитъ товары или деньги, могъ быть продаваемъ кредиторами въ рабство. Наймитъ, за попытку убѣжать отъ хозяина, не вернувъ послѣднему занятаго у него капитала, терялъ свою свободу и превращался въ холопа. И. т. д.

„Русская правда“ была выразительницей интересовъ древнерусскаго капитала въ эпоху княжеско-дружинной Руси.

169. Просвѣщеніе въ княжеско-дружинной Руси. Трудовая дѣятельность народной массы въ княжеско-дружинной Руси, благодаря рѣдкости населенія и обилію естественныхъ даровъ природы, отличалась первобытной простотой и несложностью: она не требовала особеннаго искусства, умственнаго напряженія, изобрѣтательности. Этотъ основной фактъ въ исторіи княжеско-дружинной Руси долженъ былъ порождать другой— отсутствіе жизненной необходимости среди простонародной массы въ просвѣщеніи, школѣ, наукѣ. Сложнѣе была трудовая дѣятельность князя, и дружины: торговыя сношенія съ Востокомъ и Византіей и задачи внутренняго управленія требовали уже элементарнаго просвѣщенія — грамотности. Поэтому грамотность среди княжеской дружины была распространена еще до оффиціальнаго принятія крещенія. Неудачи въ борьбѣ съ Византіей показали русскимъ князьямъ слабость общественно-политической организаціи русскихъ сравнительно съ организаціей Византіи. Слѣдствіемъ этихъ неудачъ было признаніе высоты византійской культуры и желаніе ее усвоить. Съ оффиціальнымъ принятіемъ христіанства у насъ появляются духовенство, греческіе учителя и школы. Древне-русскія школы не были постоянными правильно организованными учрежденіями: „учитель“, т. е. лицо, умѣвшее читать и писать, обучалъ желавшихъ или имѣвшихъ въ этомъ нужду, причемъ учителями были и міряне, и духовныя лица.

Въ княжеско-дружинной Руси, кромѣ такихъ неорганизованныхъ и непостоянныхъ школъ грамоты, другихъ, повидимому, не существовало. Это доказывается тѣмъ, что, *во-первыхъ*, высшая греческая школа, отличавшаяся схоластическимъ характеромъ, не могла удовлетворить реальныхъ потребностей русскаго народа не только въ его массѣ, но и въ высшихъ слояхъ: тонкая богословская мысль, ораторство, основанное на искус-

ственныхъ пріемахъ, слишкомъ противорѣчили простому и несложному укладу русской жизни; *во-вторыхъ*, въ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ упоминаній о такихъ школахъ; *въ-третьихъ*, если бы такія школы существовали въ эпоху княжеско-дружинной Руси, то такъ или иначе обнаружилось бы ихъ вліяніе, напр., въ появленіи произведеній, представляющихъ русскіе научные опыты, чего на самомъ дѣлѣ не было.

Просвѣщеніе княжеско-дружинной Руси естественно должно было соотвѣтствовать строю русской жизни: оно исчерпывалось, съ одной стороны — грамотностью, умѣніемъ читать и писать, а съ другой,—тѣмъ умственнымъ развитіемъ, которое давалось чтеніемъ книгъ, переведенныхъ съ греческаго языка на древне-болгарскій или самостоятельно составленныхъ у насъ. При большихъ умственныхъ способностяхъ чтеніемъ книгъ можно было достичь высокой для того времени степени развитія и стать просвѣщеннымъ человѣкомъ, но конечно, не въ смыслѣ научнаго просвѣщенія: послѣднее дается только школой съ ея систематическимъ воздѣйствіемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ на умственныя способности учащихся.

170. Татарское нашествіе. Татарское нашествіе, которымъ заканчивается эпоха древняго княжеско-дружиннаго просвѣщенія и начинается эпоха удѣльнаго литературнаго творчества, имѣло большое значеніе въ исторіи русской культуры и литературы. На современниковъ оно произвело сильное впечатлѣніе. Ихъ поразила неожиданность, съ какою явился этотъ невѣдомый дотолѣ народъ—татары, а пораженія, понесенныя цѣлымъ рядомъ народовъ и русскими, стали разсматриваться, какъ наказанія, ниспосланныя свыше за грѣхи.

Разсказавъ о первомъ столкновеніи русскихъ съ татарами, закончившемся пораженіемъ первыхъ при Калкѣ (1223), лѣтописецъ говоритъ: „Въ томъ же году (т.-е. въ 1223 г.) явился народъ, о которомъ никто ясно не знаетъ, кто они и откуда вышли, и какой ихъ языкъ, и какого племени, и какая ихъ вѣра; а зовутъ ихъ татары, а иные говорятъ таурмены, а другіе печенѣги, а иные говорятъ, что это — тотъ народъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Меѳодій, Патарскій епископъ...“.

„Откровеніе“ Меѳодія Патарскаго (§ 112) было хорошо усвоено нашими литературно образованными предками, и изложенныя въ немъ событія часто сопоставлялись съ событіями изъ русской жизни. Такъ, разсказывая подъ 1906 г. о внезап-

номъ нападеніи половецкаго хана Боняка на Кіевопечерскій монастырь, лѣтописецъ говоритъ, что половцы это — „безбожные сыны Измаиловы, пущенные на казнь христіанъ“; лѣтописецъ напоминаетъ сказаніе Меѳодія о нечистыхъ народахъ, которые, потерпѣвъ отъ Гедеона пораженіе, бѣжали въ пустыню Етривъ; онъ думаетъ, что четыре колѣна спасшихся въ пустыню измаильтянъ были торкмены, печенѣги, торки и половцы. Излагая новгородское сказаніе о племени югрѣ, лѣтописецъ предполагаетъ, что это — одно изъ племенъ, „заклепанныхъ“ въ горахъ Александромъ Македонскимъ. Новгородское сказаніе передавало слѣдующее. Въ полунощныхъ странахъ, по сосѣдству съ самоѣдами, на рѣкѣ Печорѣ новгородскіе торговцы наткнулись на такое чудо, о какомъ передъ тѣмъ не слыхали. „За лукой моря есть горы, высота которыхъ точно до неба, и въ тѣхъ горахъ — великій кличъ и говоръ, и сѣкутъ гору, желая высѣчься (прорубить выходъ); и въ этой горѣ прорублено малое оконце, и оттуда говорятъ, и нельзя понять ихъ языка, но показываютъ на желѣзо и помаваютъ рукой, прося желѣза, и если кто дастъ имъ ножъ или сѣкиру, то за это отдаютъ мѣхами. А путь до тѣхъ поръ непроходимъ отъ пропастей, снѣга и лѣсовъ; поэтому мы и не всегда къ нимъ доходимъ...“. По поводу этого сказанія новгородскихъ купцовъ, изображающаго мѣновую торговлю съ однимъ изъ сибирскихъ племенъ, лѣтописецъ съ убѣжденіемъ заключаетъ, что югра это — „люди, заклепанные Александромъ, Македонскимъ царемъ“.

По поводу Калкскаго пораженія лѣтопись снова вспоминаетъ „Откровеніе“ Меѳодія: татары, говоритъ лѣтописецъ, „вышли изъ пустыни Етривской, находящейся между востокомъ и сѣверомъ“, „потому что Меѳодій такъ сказалъ, что къ скончанію временъ должны явиться тѣ, которыхъ загналъ Гедеонъ, и поплѣнятъ всю землю отъ востока до Евфрата и отъ Тигра до Понтскаго моря... Богъ же одинъ знаетъ ихъ, кто они и откуда вышли; ихъ хорошо знаютъ премудрые мужи, кто разумно умѣетъ читать книги; мы же ихъ не знаемъ, кто они, но вписали здѣсь о нихъ для памяти той бѣды русскихъ князей, которая была отъ нихъ. И мы слышали, что они поплѣнили многіе страны — ясовъ, обезовъ, касоговъ и избили множество безбожныхъ половцевъ, а другихъ загнали; и такъ послѣдніе умирали, убиваемые гнѣвомъ Божіимъ и Пречистой

его Матери, потому что много зла сотворили эти окаянные половцы Русской землѣ, и потому всемилостивый Богъ хотѣлъ погубить и наказать безбожныхъ сыновъ Измаиловыхъ, куманъ, чтобы отомстилась имъ кровь христіанская, что и случилось надъ ними, беззаконными... И эти туармены прошли всю Куманскую страну и подошли къ Русской землѣ, гдѣ зовется Половецкій валъ. И услышавъ объ нихъ, русскіе князья Мстиславъ Кіевскій, и Мстиславъ Черниговскій, и другіе князья рѣшили идти на нихъ, полагая, что тѣ пойдутъ на Русь... И князи русскіе пошли и бились съ ними и побѣждены были ими, и мало ихъ спаслось отъ смерти; а кому судьба оставила жизнь, тѣ убѣжали, а прочіе были перебиты: былъ здѣсь убитъ Мстиславъ, старый добрый князь, и другой Мстиславъ, и семь другихъ князей, а бояръ и прочихъ воиновъ многое множество, потому что говорятъ такъ, что однихъ кіевлянъ погибло въ этой битвѣ десять тысячъ; и были плачъ и горе на Руси и по всей землѣ у тѣхъ, кто слышалъ эту бѣду. А это бѣдствіе случилось 31 мая мѣсяца, на память св. мученика Іереміи".

Подробнѣе разсказывается объ этомъ въ „Галицко-Волынской лѣтописи". „Пришло неслыханное нашествіе: безбожные моавитяне, называемые татары, пришли на землю Половецкую. Когда же половцы поднялись, то Юрій Кончаковичъ, самый сильный изъ половцевъ, не могъ удержаться противъ нихъ; и когда онъ бѣжалъ, то много ихъ было перебито до рѣки Днѣпра, а татары вернулись въ свои вѣжи; когда же половцы прибѣжали въ Русскую землю, то говорили русскимъ князьямъ: если вы не поможете намъ, то мы сегодня будемъ изрублены, а вы будете изрублены завтра". Русскіе князья посовѣтовались въ Кіевѣ и рѣшили отправиться въ походъ противъ татаръ. Собралось большое русское войско. На Калкѣ произошло между русскими и татарами столкновеніе, закончившееся побѣдой татаръ. „Была побѣда надъ русскими князьями такая, какой не бывало никогда. А татары, побѣдивши русскихъ князей за прегрѣшеніе христіанское, дошли до Святополкова Новгорода. Русь не вѣдала ихъ коварства, выходила къ нимъ съ крестами; они же избивали ихъ всѣхъ. Ожидая (отъ Руси) христіанскаго покаянія, Богъ обратилъ татаръ назадъ, въ землю восточную".

„Троицкая лѣтопись" говоритъ, что такого пораженія русскихъ князей, какъ при Калкѣ, еще не было никогда на русской землѣ. Татары преслѣдовали русскихъ до Днѣпра; плѣн-

пыхъ князей они положили подъ доски, а сами сѣли наверху обѣдать; изъ воиновъ спасся только десятый. „И Александръ Поповичъ былъ здѣсь убитъ съ другими семидесятью храбрыми... И было это намъ за наши грѣхи. Богъ вложилъ въ насъ недоумѣніе, и погибло безчисленное множество людей, и были вопль, воздыханіе и печаль по всѣмъ городамъ и по волостямъ. А этихъ злыхъ татаръ, таурменъ, мы не вѣдаемъ, откуда они пришли на насъ и куда опять дѣвались: только Богъ вѣдаетъ".

Прошло 14 лѣтъ. О калкскомъ пораженіи уже забыли. Вдругъ въ 1237 г. снова явились вѣсти о татарахъ. Въ „Лаврентьевской лѣтописи" сообщается, что въ 1237 г. благовѣрный епископъ Митрофанъ поставилъ кивотъ въ св. Богородицѣ соборной, въ Суздалѣ. „Въ томъ же году на зиму пришли отъ восточной страны на Рязанскую землю, лѣсомъ, безбожные татары и начали воевать Рязанскую землю и плѣнили ее до Пронска; поплѣнивши всю Рязань, пожгли ее и князя ихъ убили... много святыхъ церквей предали огню, пожгли монастыри и села... потомъ пошли на Коломну... Въ ту же зиму взяли татары Москву и убили воеводу Филиппа Нянка за православную христіанскую вѣру, а князя Владимира, сына Юрьева, взяли руками, а людей перебили отъ старца и до сосущаго младенца, а городъ и взятыя церкви предали огню, всѣ монастыри и села пожгли и ушли, взявши много имѣнія... Сотворилось великое зло Суздальской землѣ, и отъ самаго крещенія не было такого зла, какое случилось теперь... Устроивъ свой станъ у города Владимира, татары пошли, взяли Суздаль и св. Богородицу разграбили, княжій дворъ огнемъ пожгли и монастырь св. Дмитрія пожгли, а прочіе разграбили, а чернецовъ и черницъ, и поповъ, и попадей, и дьяконовъ, и женъ ихъ, и дочерей, и сыновей ихъ — все это полонили въ свой станъ, а сами пошли къ Владимиру... Въ недѣлю мясопустную по заутрени приступили къ городу... и былъ плачъ великій въ городѣ, а не радость (по случаю масленицы), ради нашихъ грѣховъ и неправды; за умноженіе нашихъ грѣховъ и беззаконій напустилъ Богъ поганыхъ, не потому, чтобы онъ ихъ миловалъ, но наказывая насъ, чтобы мы отстали отъ злыхъ дѣлъ. И этими казнями казнитъ насъ Богъ, нашествіемъ поганыхъ, потому что это есть батогъ его, чтобы мы опомнились и отстали отъ своего злого пути. Поэтому въ праздники наши Богъ наводитъ намъ сѣтованіе, какъ сказалъ пророкъ: пре-

вращу ваши праздники въ плачъ и ваши пѣсни въ рыданіе. И они взяли городъ до обѣда"...

О взятіи татарами Кіева „Ипатьевская лѣтопись" пишетъ такъ. Батый, взявъ въ 1237 г. Козельскъ и Черниговъ, послалъ Меньгукана „сглядать" Кіева. Меньгуканъ, разсмотрѣвъ съ другой стороны Днѣпра Кіевъ, удивился его красотѣ и величинѣ. Онъ послалъ пословъ къ князю Михаилу и къ горожанамъ, „хотя ихъ прельстить", но они „не послушали его". Въ 1240 г. наступилъ чередъ Кіеву. „Пришелъ Батый къ Кіеву въ большой силѣ, со многимъ множествомъ своей силы, и окружила городъ, и остолпила сила татарская, и былъ городъ въ великомъ обдержаніи. И былъ Батый у города, и слуги его окружили городъ, и ничего не было слышно отъ скрипа его телѣгъ, отъ рева множества его верблюдовъ и отъ ржанія его конскихъ стадъ; и Русская земля была наполнена врагами. И взяли кіевляне у нихъ одного татарина, именемъ Таврула, и тотъ сказалъ имъ всю силу ихъ; здѣсь были братья его, сильные воеводы: Уздюй, Байдаръ, Бирюй, Каиданъ, Бонакъ и Кююкъ,—который воротился, узнавши о смерти хана, и сталъ ханомъ, не изъ его рода, но былъ воевода его первый, — здѣсь былъ Бѣдяй-богатуръ и Бурундай-богатырь, который взялъ Болгарскую землю и Суздальскую, и множество другихъ воеводъ, которыхъ мы здѣсь не написали. И Батый поставилъ у города пороки (стѣнобитныя орудія) подлѣ Лядскихъ воротъ, потому что здѣсь подошелъ близко лѣсъ; эти орудія, не переставая, били день и ночь и выбили стѣны, и горожане пришли къ пробитой стѣнѣ, и тутъ можно было видѣть копейный бой и стукъ щитовъ; стрѣлы помрачили свѣтъ побѣжденнымъ, и когда Дмитръ (кіевскій тысяцкій) былъ раненъ, татары вошли на стѣны и остались тамъ этотъ день и ночь. Горожане сдѣлали опять другое укрѣпленіе около св. Богородицы. На другое утро татары пришли на нихъ, и была между ними великая битва; когда же люди взбѣжали на церковь и на церковные хоры со своимъ имуществомъ, то отъ тяжести повалились съ ними стѣны церковныя, и такимъ образомъ городъ былъ взятъ врагами. А Дмитрія татары вывели раненаго и не убили его ради его мужества".

Съ паденіемъ Кіева наступаетъ татарское иго: на Русь стали пріѣзжать татарскіе сборщики податей, а русскіе князья стали ѣздить въ орду на поклонъ. Въ 1243 г. великій князь

Ярославъ поѣхалъ къ Батыю, а сына своего Константина послалъ къ самому хану въ Азію. Въ 1244 г. князья Владиміръ Константиновичъ, Борисъ Васильковичъ, Василій Всеволодовичъ со своими мужами „поѣхали въ татары". Въ 1245 г. князь Константинъ Ярославичъ пріѣхалъ отъ татаръ; въ томъ же году поѣхалъ къ нимъ великій князь Ярославъ со своею братьею и съ племянниками. Въ 1246 г. Святославъ и другіе князья пріѣхали отъ татаръ, а Михаилъ Черниговскій съ внукомъ поѣхалъ къ нимъ. Въ 1247 г. отправляются туда Андрей Ярославичъ и Александръ Ярославичъ, и т. д.

Пріѣзжая на поклонъ, князья русскіе должны были испытывать не мало униженій для своего достоинства: татары всячески старались подчеркнуть, что русскіе князья — побѣжденные, а они—побѣдители; русскіе князья передъ тѣмъ, какъ представиться хану, должны были исполнить рядъ обрядовъ и церемоній, не только унизительныхъ для ихъ достоинства, но и оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства. Князья, отстаивавшіе свое достоинство, гибли. Такъ, князь Михаилъ Черниговскій, отказавшійся поклониться огню и идоламъ, былъ убитъ. Южно-русскій лѣтописецъ въ любопытныхъ чертахъ описываетъ чувства, которыя испытывалъ князь Даніилъ Галицкій, когда послѣднему пришлось отправиться къ татарамъ на поклонъ (1250). Князь зналъ о предстоящихъ ему униженіи и опасности. Проѣзжая Кіевъ, онъ проситъ игумена и братію Выдубецкаго монастыря помолиться за него и затѣмъ отправляется въ дальнѣйшій путь, „видя бѣду страшную и грозную". Въ Переяславлѣ онъ встрѣтилъ татаръ и увидѣлъ, что нѣтъ въ нихъ добра, и началъ „сильно скорбѣть душою", когда увидѣлъ, что татары обладаемы діаволомъ, когда увидѣлъ ихъ скверное кудесничество, когда узналъ, что приходящихъ царей, князей и вельможъ они водятъ около куста и заставляютъ поклоняться солнцу и лунѣ, и землѣ, діаволу и умершимъ въ аду отцамъ ихъ и дѣдамъ, и матерямъ. По словамъ лѣтописца, Даніилъ, явившись въ орду, былъ избавленъ отъ ихъ кудесничества, но Батыю долженъ былъ поклониться по татарскимъ правиламъ и долженъ былъ испить кумыса: „Ты,— говорилъ ему Батый,—уже нашъ, татаринъ: пей наше питье!" Пошелъ Даніилъ на поклонъ и къ великой татарской княжнѣ, которая, вмѣсто непрывычнаго для русскихъ кумыса, прислала ему вина. Описавъ пребываніе Даніила въ ордѣ, лѣтописецъ

говоритъ: „О, злѣе зла честь татарская! Нѣкогда Даніилъ Романовичъ бывалъ великимъ княземъ, обладалъ Русскою землею, Кіевомъ, Владимиромъ и Галичемъ и, съ братомъ своимъ, иными странами, а нынѣ стоитъ на колѣняхъ и холопомъ называется, и дани отъ него хотятъ, жизни не чаетъ, и грозы приходятъ. О, злая честь татарская! Отецъ его былъ царь въ русской землѣ, покорилъ Половецкую землю и воевалъ всѣ другія страны, а сынъ не получилъ его чести. И кто же другой можетъ получить ея? Потому что ихъ злобѣ и коварству нѣтъ конца: Ярослава, великаго князя Суздальскаго, уморили зельемъ; Михаилъ, князь Черниговскій, не поклонившійся кусту, и съ бояриномъ его Ѳеодоромъ, зарѣзаны были ножомъ... и приняли вѣнецъ мученическій, и многіе другіе князья и бояре были убиты. Когда же князь Даніилъ пробылъ у нихъ двадцать пять дней, онъ былъ отпущенъ, и ему была поручена его земля... И пришелъ въ свою землю, и встрѣтили его братъ его и сыновья, и былъ плачъ его обидѣ и большая радость о его здравіи...“.

Не всѣ князья испытывали такія сложныя ощущенія, какъ Даніилъ. Нѣкоторые въ точности исполняли всѣ требованія татарскаго церемоніала. Лѣтопись отмѣчаетъ, что такихъ князей въ ордѣ принимали „съ великой честью“, которая удовлетворяла и князей, и лѣтописца.

Татарское нашествіе, какъ событіе, наложило сильный отпечатокъ на устное княжеско-дружинное творчество эпохи княжеско-дружиннаго просвѣщенія.

171. Литература княжеско-дружиннаго періода. Идейно-литературное творчество перваго періода происходило преимущественно среди русской аристократіи, свѣтской и духовной, и въ меньшей степени среди городской демократіи. Въ это время русское общество усиленно усваиваетъ византійско-болгарскія идеи, литературныя формы византійско-болгарскаго творчества и, наконецъ, въ самостоятельномъ литературномъ творчествѣ выражаетъ свои интересы, стремленія и идеи.

Литературное творчество перваго періода было двоякаго рода—письменное и устное.

172. Древняя письменность и ея техника. До изобрѣтенія книгопечатанія въ половинѣ XV в. книги переписывались ручнымъ способомъ. Въ эпоху княжеско-дружинной Руси перепиской занимались грамотныя лица изъ высшихъ классовъ населенія. Въ древне-русскихъ сочиненіяхъ встрѣчаются указанія

на то, что въ качествѣ переписчиковъ книгъ выступали князья, бояре, монахи, священники, дѣти священниковъ, дьяки. Такъ, перепиской книгъ занималась княжна полоцкая св. Евфросинія (XII в.); по свидѣтельству лѣтописи, князь Владимиръ Васильковичъ Волынскій (XIII в.) переписывалъ для церквей своихъ посланія апостоловъ, богослужебныя книги.

Переписываніе книгъ было занятіемъ чрезвычайно труднымъ. Древнѣйшій почеркъ рукописей былъ, такъ называемый, уставный, состоящій изъ четкихъ крупныхъ буквъ по преимуществу прямолинейной формы и рѣже круглой. Эти буквы приходилось почти вырисовывать, и потому переписываніе даже небольшихъ книгъ отнимало много времени: чтобы переписать одну книгу, требовалось около года времени. Переписавъ книгу, переписчикъ испытывалъ большую радость, какая возникаетъ въ особенно счастливыхъ моментахъ жизни или при исполненіи труднаго подвига. Многіе изъ нихъ къ концу рукописи дѣлали приписки, въ которыхъ выражали эти радостныя чувства: „Яко же радуется женихъ о невѣстѣ, тако радуется писецъ, видя послѣдній листъ“. „Радуется купецъ, прикупъ створивъ,—пишетъ списатель Лаврентьевской лѣтописи,—и кормьчий въ отишье (пристань) приставъ, и странникъ въ отечьство свое пришедъ; такоже радуется и книжный списатель, дошедъ до конца книгамъ“. Иныя приписки такого рода, выражая радость переписчика по поводу окончанія работы, въ то же время отражаютъ и его чувство досады, которое вызывалось кропотливостью и трудностью работы: „Радъ заяцъ, тенета избывъ: такожде радъ писецъ, дописавъ послѣднюю строку“. Переписываніе книгъ богослужебныхъ или св. Писанія представлялось подвигомъ по преимуществу: переписавъ такого рода книгу, переписчикъ чувствовалъ себя нравственно просвѣтленнымъ, и онъ надѣялся на спасеніе своей души и душъ читателей книги. „Списани быша, — говорится въ одной рукописи, — сія божественныя книги въ утѣшеніе и въ спасеніе всѣмъ вѣрнымъ, почитающимъ со вниманіемъ и страхомъ Божіимъ“. При переписываніи переписчики заботились о томъ, чтобы не надѣлать ошибокъ, переписать книгу буква въ букву, что конечно, не всѣмъ удавалось [1]), и въ то же время предостерегали буду-

[1]) См. § 42. Соображенія, высказанныя въ этомъ параграфѣ о текстѣ библейскихъ книгъ, имѣютъ значеніе и для всякихъ другихъ книгъ.

щихъ переписчиковъ своего труда отъ искаженій, присоединяя къ такимъ предостереженіямъ и заклинанія. Такъ, въ одной рукописи есть такая приписка: „Аще кто небреженіемъ исчернитъ книги сія, да будетъ на немъ трясца“ (лихорадка).

Въ связи съ точной и правильной передачей текста переписчики заботились и о красотѣ почерка и рукописи. Заглавныя буквы отличались величиной, особой формой и красивой отдѣлкой; писались онѣ киноварью, особымъ составомъ изъ ртути и сѣры. Рукописи украшались миніатюрами и орнаментами. Такъ, на первомъ листѣ „Изборника Святославова 1076 г.“ изображены князь Святославъ Ярославичъ и его семейство; въ „Остромировомъ Евангеліи“ на первомъ листѣ воспроизведена богато разукрашенная виньетка въ византійскомъ вкусѣ.

Матеріалъ, на которомъ писались книги до изобрѣтенія тряпичной бумаги, былъ двухъ родовъ: пергаментъ, т.-е. особеннымъ образомъ обработанная кожа животныхъ, чрезвычайно дорогая, и бомбицина, хлопчатая бумага, отличавшаяся толщиною и плотностью.

Матеріалъ древнихъ книгъ и техника ихъ приготовленія показываютъ въ достаточной степени, что книги въ древности были явленіемъ рѣдкимъ и дорого стоящимъ. За одинъ молитвенникъ галицкій князь Владимиръ Ярославичъ заплатилъ 8 гривенъ кунъ, что равняется по нашему счету 40 руб. Книги хранились въ кладовыхъ вмѣстѣ съ другими цѣнными предметами: кунами (деньгами), сосудами, дорогими тканями и проч. Имѣть книги могли только лица состоятельныя или учрежденія: церкви, монастыри. Первая библіотека заведена была у насъ Ярославомъ Мудрымъ при митрополичьей церкви св. Софіи. Вѣроятно, по образцу этой библіотеки заводились библіотеки вообще князьями и епископами при каѳедральныхъ соборахъ. Затѣмъ библіотеки заводились у богатыхъ лицъ изъ высшихъ классовъ населенія и у монаховъ, вышедшихъ отсюда же. Міряне нерѣдко отказывали свои библіотеки монастырямъ, и, такимъ образомъ, въ монастыряхъ собирались книжныя сокровища.

173. Начало русской письменности. Древнѣйшіе памятники русской письменности, дошедшіе до насъ, относятся къ XI в. Отъ XI в. дошло до насъ около 30 книгъ, отъ XII около 65 книгъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на самомъ дѣлѣ книгъ

было больше, но для насъ онѣ затерялись. Письменность наша, повидимому, началась раньше XI в.: есть косвенныя указанія, дающія основанія предполагать, что письменность, у насъ была уже въ X в. [1]).

Такъ, анализъ лѣтописныхъ статей о крещеніи Ольги подъ 6463 (955) г. и объ ея смерти подъ 6477 (969) г. заставляетъ изслѣдователей приходить къ заключенію, что матеріалы для нихъ были, между прочимъ, извлечены, вмѣстѣ съ хронологическими датами, изъ особой повѣсти объ Ольгѣ, причемъ эта повѣсть была составлена въ скоромъ времени послѣ смерти Ольги; хронологическія даты, подъ которыми записаны оба событія, считаются достовѣрными: повидимому, онѣ принадлежатъ современнику этихъ событій, вѣроятнѣе всего, тому изъ пресвитеровъ, который крестилъ Ольгу или похоронилъ ее.

Анализъ другихъ лѣтописныхъ статей, изложенныхъ подъ различными годами X в., позволяетъ приходить къ тому же заключенію, а именно, что въ этомъ вѣкѣ на Руси уже была письменность.

Однако отъ X в. изслѣдователи располагаютъ не только косвенными, но и прямыми указаніями на такой фактъ: въ лѣтописи помѣщены договоры нашихъ князей съ греками (Олега — 907 и 911 гг., Игоря — 945 г. и Святослава — 971 г.). Эти договоры представляютъ несомнѣнные государственные документы въ современныхъ переводахъ съ гречскаго языка.

Необходимо отмѣтить, что эти договоры первоначально были написаны у насъ глаголической азбукой, и уже впослѣдствіи, когда съ принятіемъ крещенія къ намъ явились книги, написанныя кириллицей, они были переписаны кириллицей. Доказательствомъ этого служатъ слѣдующія соображенія:

1) Въ договорѣ Святослава (971) сказано, что онъ былъ заключенъ индикта [2]) 14-го, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, что и въ IX в. были на Руси зачатки письменности, что весьма вѣроятно. Къ сожалѣнію, основанія, которыя они приводятъ въ доказательство, именно, ссылки на мелкія лѣтописныя свѣдѣнія отъ IX в. съ хронологическими датами въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, не выдерживаютъ критики: изслѣдованіе лѣтописной хронологіи до 945 г. показало, что она была составлена не современниками событій, а редакторами позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ.

[2]) Индиктомъ назывался періодъ времени въ 15 лѣтъ (счетъ его начинался съ 1-го сентября), а также число такого періода, соотвѣтствующее данному году.

онъ былъ заключенъ индикта 15-го. Это противорѣчіе въ дѣйствительности легко объясняется, если предположить, что первоначально договоръ написанъ былъ глаголицей: буквы глаголицы, какъ и буквы кириллицы, имѣли числовое значеніе; но между глаголицей и кириллицей есть одно различіе: въ кириллицѣ буква ѕ не имѣетъ числового значенія, ѧ означаетъ единицу, в—2, г—3 и т. д.; въ глаголицѣ же и ѕ имѣетъ числовое значеніе, такъ что цифровое значеніе буквъ идетъ безпрерывно въ азбучномъ порядкѣ: ѧ = 1, ѕ = 2, в = 3 и т. д.; въ договорѣ глаголическими буквами было написано — индикта 15-го (ѧі) переписчикъ же, забывши, вѣроятно, различіе въ обозначеніи чиселъ глаголицей и кириллицей, ошибочно передалъ глаголическую цифру 15 цифрой 14.

2) Въ этомъ же договорѣ есть такое странное мѣсто: „хочю имѣти миръ и свершену любовь со всякомь великимь царемъ гречьскимъ“... Если слова „со всякомь“ написать глаголицей, то окажется, что оба эти слова очертаніемъ буквъ напоминаютъ слова „съ Иваномъ“; въ подлинникѣ такъ, вѣроятно, и было написано, такъ какъ Святославъ заключилъ договоръ съ Іоанномъ Цимисхіемъ; переписчикъ же спуталъ нѣкоторыя близкія другъ къ другу по начертанію глаголическія буквы и прочелъ „со всякомь“.

Вѣроятно, глаголицей писались не одни только договоры, но и другія произведенія нашей письменности X-го в. до наплыва къ намъ произведеній на древне-болгарскомъ языкѣ, написанныхъ кириллицей, и возможно, что „русскія письмена“, которыя видѣлъ Кириллъ въ Корсуни (§ 25), были именно глаголицей.

174. Языкъ письменности княжеско-дружинной Руси. Населеніе древняго Кіева говорило на одномъ изъ южно-русскихъ языковъ, именно на языкѣ полянъ, къ которымъ кіевляне принадлежали по своему происхожденію. Языкъ этотъ можно еще точнѣе опредѣлить: это — языкъ того выдѣлившагося изъ племени полянъ рода, который основалъ городъ Кіевъ. Языку этого рода, вслѣдствіе исключительныхъ условій развитія города Кіева, суждено было развиться въ литературный языкъ всей княжеско-дружинной Руси. Торгово-промышленныя и военныя отношенія къ цѣлому ряду народовъ должны были содѣйствовать развитію этого языка и въ то же время налагать на него въ большей или меньшей степени тотъ или

другой отпечатокъ. Такъ, въ языкѣ кіевлянъ должны были оставить слѣды хазары, варяго-руссы, греки и кочевники, начиная съ печенѣговъ и кончая половцами. Въ Кіевѣ, какъ въ средоточіи экономической, общественно-политической и культурной жизни всей древней Руси, эти вліянія должны были имѣть особенную силу.

Но этотъ языкъ кіевскихъ полянъ не могъ проявиться въ древне-русской литературѣ во всей его чистотѣ: со времени оффиціальнаго принятія крещенія Кіевомъ и наплыва къ намъ книгъ на древне-болгарскомъ языкѣ, языкъ кіевскихъ полянъ подвергается сильному вліянію чуждаго намъ, но литературно лучше обработаннаго, языка нашихъ южныхъ родичей. Особенно сильное вліяніе этотъ языкъ пріобрѣлъ въ области церковной и въ произведеніяхъ религіозно-нравственнаго характера. Слабѣе было вліяніе его въ произведеніяхъ свѣтскихъ писателей или тамъ, гдѣ шла рѣчь не о религіозно-нравственныхъ вопросахъ, для изложенія которыхъ наши писатели располагали готовымъ шаблономъ древне-болгарской рѣчи: здѣсь чуждый намъ древне-болгарскій языкъ не давалъ достаточно простора для выраженія мыслей, обозначенія предметовъ и т. д., и писатель переходилъ на живую кіевскую рѣчь.

Особенности русскаго языка проявляются даже въ переводныхъ памятникахъ: переписчикъ подъ вліяніемъ своего говора иногда, незамѣтно для самого себя, переписывалъ слова древне-болгарскаго перевода неточно, на древне-русскій ладъ. Фонетика и грамматика древне-болгарскія незамѣтно замѣнялись фонетикой и грамматикой древне-русской. Правописаніе древне-болгарское подвергается у насъ видоизмѣненію: отбрасываются носовыя гласныя и замѣняются соотвѣтствующими чистыми; *ъ* часто замѣняется буквами *и* и *е*, *в* — буквой *у* и т. д.

175. Дѣленіе литературы княжеско-дружиннаго періода. Русская литература перваго періода распадается на шесть отдѣловъ: 1) литература первыхъ митрополитовъ-грековъ, 2) литература, отразившая зарожденіе и развитіе русскаго національнаго самосознанія, 3) литературная дѣятельность нашихъ іерарховъ-грековъ, 4) литература мѣстныхъ центровъ, 5) литература, отразившая татарское нашествіе, и 6) княжеско-дружинное устное творчество (былины).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Литература первыхъ митрополитовъ-грековъ.

(Конецъ X в. и XI-ый вѣкъ).

176. Митрополиты-греки и ихъ задачи. Съ принятіемъ христіанства при Владимирѣ Св. у насъ начинается усиленное усвоеніе византійско-христіанскаго просвѣщенія. Нашими наставниками въ немъ были митрополиты-греки, получавшіе на своей родинѣ порядочное образованіе. Незнакомство съ русскимъ языкомъ, заставлявшее ихъ прибѣгать къ посредству переводчиковъ, мѣшало имъ всесторонне исполнять свою обязанность. Тѣмъ не менѣе они многое сдѣлали для насажденія у насъ византійско-христіанскаго просвѣщенія: *во-первыхъ*, они наставляли русскую часть духовенства въ духѣ этого просвѣщенія и всѣми мѣрами старались поддерживать зависимость русской церкви отъ константинопольскаго патріарха; *во-вторыхъ*, они вели борьбу съ русскимъ язычествомъ; *въ-третьихъ*, особенныя заботы они направляли на то, чтобы предостеречь молодую паству противъ римскаго христіанства.

Эта послѣдняя задача нашихъ митрополитовъ-грековъ объясняется двумя причинами.

Во-первыхъ, въ IX—XI вв. между византійской и римской церковью происходила борьба за преобладаніе, завершившаяся раздѣленіемъ церквей; въ интересахъ митрополитовъ-грековъ было возбудить въ русской паствѣ враждебное отношеніе къ римской церкви.

Во-вторыхъ, въ эти же вѣка среди скандинавской части княжескихъ дружинъ было не мало христіанъ по латинскому обряду. Число ихъ особенно увеличилось съ того времени, когда христіанство распространилось по всей Скандинавіи, т.-е. съ XI в. [1]). Не малое число лицъ, исповѣдывавшихъ христіанство по западному обряду, принадлежало къ западнымъ

---

[1]) Съ этого времени западное христіанское вѣроисповѣданіе у насъ получаетъ названіе „варяжскаго".

торговцамъ, проживавшимъ по нашимъ главнымъ городамъ. Общее количество лицъ, исповѣдывавшихъ западное христіанство, было настолько велико, что они имѣли свои храмы въ Новгородѣ, Ладогѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Псковѣ и Кіевѣ (нѣсколько). Въ эпоху княжеско-дружинной Руси иностранцы пользовались у насъ свободой вѣроисповѣданія. Въ высшемъ русскомъ обществѣ, которое по своему происхожденію само было полу-иностраннымъ, нетерпимости не существовало. Другіе классы населенія, пребывавшіе по существу въ язычествѣ, религіозными вопросами не интересовались.

177. Митрополиты Леонтій, Георгій и Іоаннъ II. Терпимыя отношенія русскаго общества къ христіанамъ по западному обряду возбуждали опасенія со стороны нашихъ іерарховъ-грековъ. Поэтому и сочиненія ихъ, переведенныя съ греческаго на древне-русскій языкъ, имѣютъ своимъ содержаніемъ главнымъ образомъ полемику съ латинствомъ. Эти писатели — слѣдующіе: митрополиты Леонтій (Левъ), Георгій и Іоаннъ II.

1) Митрополитъ Леонтій. Отъ Митрополита Леонтія (992—1008) сохранилось въ греческомъ подлинникѣ посланіе подъ заглавіемъ „*Объ опрѣсноках*ъ“. Въ этомъ посланіи излагаются и разсматриваются главныя, съ византійской точки зрѣнія, отступленія западной церкви отъ восточной. Эти отступленія слѣдующія: употребленіе опрѣсноковъ, которому авторъ посвящаетъ большую часть своего посланія, постъ по субботамъ, ежедневное совершеніе литургіи въ Великій постъ, безбрачіе духовенства, употребленіе въ пищу удавленины и, наконецъ, ученіе о происхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Поводомъ къ появленію этого сочиненія, вѣроятно, послужили попытки, дѣлавшіяся тогда папами, — привлечь русскихъ подъ свою власть.

2) Митрополитъ Георгій. Митрополиту *Георгію* (1065—1079) принадлежитъ сочиненіе подъ заглавіемъ „*Стязаніе съ латиною*“. Въ этомъ сочиненіи, явившемся уже послѣ раздѣленія церквей, авторъ прежде всего разсказываетъ о томъ, какъ „латиняне“ отлучились отъ православія. Во времена семи вселенскихъ соборовъ латиняне были единомысленны съ греками— „то же глаголюще, то же мысляще“. Послѣ этого Римомъ и его землею завладѣваютъ нѣмцы: старые правовѣрные мужи, твердо державшіе законъ Христа, апостоловъ и святыхъ отповъ, мало-по-малу перемерли, а молодые, плохо утвердившіеся

въ законѣ, поддались нѣмецкой прелести и впали въ рядъ заблужденій. Митрополитъ насчитываетъ 27 заблужденій латинской церкви, среди которыхъ, кромѣ служенія литургіи на опрѣснокахъ, безбрачія духовенства и Filioque, фигурируютъ также совершеніе службы не въ алтарѣ, а во всей церкви, и притомъ не одинъ разъ въ день, а три, четыре, пять. „Стязаніе съ латиною“, очевидно, имѣло цѣлью оповѣстить русскую паству объ окончательномъ раздѣленіи церквей и представить ей въ общемъ итогѣ всѣ заблужденія западной церкви, изъ-за которыхъ она перестала быть православной.

3) **Митрополитъ Іоаннъ II.** Митрополитъ *Іоаннъ II* (1080—1089) изображается нашимъ лѣтописцемъ, какъ лицо, выдающееся по своему образованію („хытръ книгамъ и ученью“), нравственнымъ качествамъ („милостивъ убогымъ и вдовицямъ, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ“) и умѣнію говорить („рѣчистъ“). Отъ него дошло до насъ два сочиненія: „Посланіе къ папѣ Клименту III“ и „Правила церковныя вкратцѣ“, написанныя въ формѣ посланія къ черноризцу Іакову.

„*Посланіе къ папѣ Клименту III*“ представляетъ изъ себя отвѣтъ на предложеніе, сдѣланное папой черезъ своего епископа, присоединиться къ западной церкви. Посланіе написано въ весьма сдержанномъ тонѣ и очень дипломатично. Митрополитъ пишетъ, что, если папа дѣйствительно твердо держитъ догматы православія, какъ сообщалъ ему присланный отъ папы епископъ, то онъ, митрополитъ, „привѣтствуетъ и лобызаетъ его священную главу“ и усердно желаетъ, чтобы Господь устроилъ возсоединеніе церквей. Препятствіемъ къ этому однако служатъ заблужденія западной церкви. Перечисливъ обычно указывавшіяся тогдашними византійцами заблужденія, въ томъ числѣ, несоблюденіе поста въ первую недѣлю четыредесятницы, усвоеніе права совершать таинство миропомазанія только епископамъ, митрополитъ предлагаетъ папѣ обратиться къ константинопольскому патріарху и находящемуся при немъ собору митрополитовъ, которые разсмотрятъ предложеніе папы о соединеніи и постановятъ рѣшеніе.

„*Правила церковныя вкратцѣ*“ Іоанна II, ставшія у насъ каноническими, имѣютъ совершенно иное содержаніе, чѣмъ предшествующія произведенія. Это сочиненіе замѣчательно своими указаніями на національный русскій бытъ: въ немъ от-

мѣчается служеніе бѣсамъ (т.-е. богамъ), болотамъ, колодцамъ, указывается на чародѣяніе и волхвованіе, на многожество, на обычай простого народа заключать бракъ безъ церковнаго благословенія на томъ основаніи, что церковный обрядъ нуженъ только князьямъ и боярамъ, на продажу челяди евреямъ и еретикамъ и пр.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Зарожденіе и развитіе національнаго русскаго самосознанія.

(XI в. и первая четверть XII в.).

178. Эпоха зарожденія и развитія національнаго самосознанія. Эпоха зарожденія и развитія національнаго самосознанія на Руси начинается въ концѣ X в., съ провозглашеніемъ византійско-христіанской религіи государственной, и продолжается до 20-хъ годовъ XII в. Центрами, гдѣ русское самосознаніе зародилось и развивалось, были городъ Кіевъ, самый богатый и культурный изъ русскихъ городовъ, а за Кіевомъ—Новгородъ. Сначала самосознаніе пробуждается въ аристократіи, свѣтской и духовной, а затѣмъ и въ городской демократіи. Во второй половинѣ XI в. происходитъ сближеніе между аристократическимъ идейно-литературнымъ движеніемъ и демократическимъ. Въ концѣ XI в. и въ началѣ XII в. подводятся итоги обоимъ теченіямъ. Въ началѣ XII в. оба теченія сливаются въ цѣльное міровоззрѣніе, которое съ этого времени становится русскимъ національнымъ міровоззрѣніемъ.

Иниціаторами движенія были русскіе князья—Владимиръ Св. и Ярославъ М.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Зарожденіе самосознанія въ аристократіи.

179. Просвѣтительная дѣятельность Владимира Св. Провозгласивъ византійское христіанство государственной религіей (§ 29), Владимиръ Св. (980—1015) положилъ начало

распространенію у насъ византійско-болгарскаго просвѣщенія: онъ пригласилъ изъ Корсуня священниковъ, которые принесли съ собою книги на древне-болгарскомъ языкѣ и привели греческихъ учителей. Владиміръ, повидимому, желалъ, чтобы греки, въ лицѣ своихъ ученыхъ и священниковъ, передали русскому народу ту науку, которою они сами располагали. По его приказанію, у бояръ были собраны дѣти и отданы „на ученіе книжное“ привезеннымъ изъ Корсуня грекамъ. Такъ у насъ возникла первая школа. Лѣтопись не сообщаетъ намъ никакихъ подробностей о характерѣ школы, о томъ, что̀ въ ней преподавалось, даже о ея судьбѣ. Вѣроятно, въ ней преподавались оба греческихъ курса: низшій и высшій (§ 23).

180. Просвѣтительная дѣятельность Ярослава М. Сынъ Владимира Св., Ярославъ М. (1019—1054), продолжалъ культурно-просвѣтительное дѣло своего отца. *Во-первыхъ*, онъ открылъ школу грамоты въ Новгородѣ: въ лѣтописи, подъ 1030 г., сообщается, что Ярославъ велѣлъ собрать въ Новгородѣ отъ старостъ и отъ поповъ 300 дѣтей и учить ихъ книгамъ. *Во-вторыхъ*, онъ образовалъ при своемъ дворѣ въ Кіевѣ кружокъ образованныхъ людей, прошедшихъ, вѣроятно, курсъ открытой Владиміромъ школы. Здѣсь, въ этомъ кружкѣ, при участіи самого Ярослава, переписывались книги, переводились съ греческаго языка на русскій и даже составлялись самостоятельныя сочиненія.

Лѣтописецъ, сравнивая эпоху Ярослава М. съ эпохой Владимира Св., такъ характеризуетъ ихъ: „При семь (Ярославѣ) нача вѣра хрестьяньска плодитися и раширяти... И бѣ Ярославъ... книгамъ прилежа и почитая я (ихъ) часто в нощи и въ дне. И собра писцѣ многы, и прекладаше отъ грекъ на словѣньское писмо, и списаша книгы многы, имиже поучащеся вѣрнии людье наслажаются ученья божественаго. Якоже бо се—нѣкто землю разореть, другый же насѣеть, ини же пожинають и ядять пищу бескудну (обильную), тако и сь: отець бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше (т.-е.), крещеньемь просвѣтивъ, сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людий, а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное“. По этой характеристикѣ, Владиміръ просвѣтилъ Русь крещеніемъ, а Ярославъ—книгами.

Въ эпоху Ярослава М. усвоеніе византійско-болгарскаго міровоззрѣнія и его литературныхъ формъ достигаетъ среди

нашей аристократіи такой высоты, что она уже начинаетъ пользоваться имъ въ цѣляхъ національнаго самосознанія.

Въ правящемъ классѣ возникаютъ и обсуждаются три вопроса: 1) о происхожденіи Руси, 2) о связи русской исторіи съ всемірной и, наконецъ, 3) объ отношеніи русской церкви къ византійской. Попутно съ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ передовая часть русской аристократіи впервые пытается воспользоваться византійско-христіанской точкой зрѣнія для выработки идеальнаго образа русскаго дѣятеля.

Писатели, пытавшіеся разрѣшить эти вопросы и задачи, принадлежали, съ одной стороны, къ митрополичьему двору, а съ другой,—къ придворному литературно-научному кружку Ярослава М. Къ нимъ относятся неизвѣстный по имени редакторъ перваго русскаго лѣтописнаго свода, именно „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“, Иларіонъ, предполагаемый авторъ сочиненія „О законѣ и благодати“, и Лука Жидята, иниціаторъ „Древняго Новгородскаго свода“ и авторъ „Поученія къ братіи“.

„Древнѣйшій Кіевскій сводъ“.

(1039).

181. „Древнѣйшій Кіевскій сводъ“. Однимъ изъ наиболѣе раннихъ и выдающихся русскихъ произведеній является лѣтопись, извѣстная подъ именемъ „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“ (1039).

182. Терминологія лѣтописнаго дѣла. При изученіи лѣтописи, какъ особаго рода литературныхъ произведеній, необходимо имѣть въ виду различіе между слѣдующими терминами: 1) лѣтопись, 2) лѣтописная замѣтка, 3) лѣтописное сказаніе, 4) лѣтописный сводъ, 5) лѣтописный сборникъ и 6) лѣтописный списокъ.

1) **Лѣтопись.** Слово „лѣтопись“ употребляется въ двухъ смыслахъ: а) въ широкомъ и б) въ узкомъ.

а) „Лѣтопись“ въ широкомъ смыслѣ слова. „Лѣтопись“ въ широкомъ смыслѣ слова означаетъ особый родъ древнихъ историческихъ сочиненій, въ которыхъ послѣдовательно излагаются событія изъ прошлой жизни какого-нибудь народа, области, города и т. д.

б) „Лѣтопись“ въ узкомъ смыслѣ слова. „Лѣтописью“ въ узкомъ смыслѣ слова называется сдѣланное современникомъ

погодное изложеніе событій изъ жизни какого-нибудь народа, области, города и т. д.

2) **Лѣтописная замѣтка.** Подъ „лѣтописной замѣткой“, какъ показываетъ само названіе, разумѣется запись какого-нибудь событія съ опредѣленной хронологической датой. Такія записи дѣлались обыкновенно современниками событія для памяти. До насъ онѣ не дошли; но что онѣ существовали, можно установить на основаніи анализа многихъ мѣстъ нашихъ лѣтописей.

Примѣры:

„В лѣто 6528 (1020). Родися у Ярослава сынъ, и нарече имя ему Володимеръ“. — „В лѣто 6534 (1026). Ярославъ совокупи воя многы, и приведе Кыеву, и створи миръ с братомъ своимъ Мьстиславомь у Городьца. И раздѣлиста по Днѣпрь Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону. И начаста жити мирно и в братолюбьствѣ, и уста усобица и мятежь. И бысть тишина велика в земли“. — „В лѣто 6536 (1028). Знаменье змиево (комета) явися на небеси, яко видѣти всей земли“ — „Въ лѣто 6553 (1045). Сгорѣ святая София, въ суботу, по заутрьни, въ часъ 3, мѣсяца марта въ 15“.

Замѣтки въ этомъ родѣ, часто встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ, должны быть записями современниковъ: только современникъ могъ отмѣтить, что новгородская церковь св. Софіи сгорѣла въ 1045 г., 15-го марта, въ субботу, въ третьемъ часу, послѣ заутрени.

3) **Лѣтописныя сказанія.** „Лѣтописнымъ сказаніемъ“ называется цѣльный разсказъ, обыкновенно, безъ хронологическихъ датъ, о какомъ-либо выдающемся событіи. Таково, напр., сказаніе о происхожденіи русскаго государства, извѣстное подъ названіемъ „Начало земли Русской“, сказаніе о крещеніи Руси, сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба и т. д. Такого рода сказанія большею частью также не дошли до насъ въ отдѣльности и имѣются, въ переработанномъ видѣ, только въ лѣтописяхъ.

4) **Лѣтописный сводъ.** „Лѣтописными сводами“ называются сочиненія, представляющія соединеніе въ цѣльный лѣтописный разсказъ лѣтописныхъ сказаній, устныхъ и письменныхъ, и лѣтописныхъ замѣтокъ.

Составители лѣтописныхъ сводовъ, называемые „редакторами“, собирали лѣтописныя сказанія различныхъ авторовъ, а также устныя преданія, сопоставляли ихъ другъ съ другомъ,

распредѣляли ихъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ слѣдовали другъ за другомъ излагаемыя въ нихъ событія, и затѣмъ почти буквально переписывали ихъ, дополняя ихъ при этомъ лѣтописными замѣтками, а также собственными припоминаніями и соображеніями. Если въ сказаніяхъ, переписываемыхъ редакторомъ, находились хронологическія даты, редакторъ и ихъ переписывалъ. Очень часто редакторъ свода производилъ сложныя вычисленія о времени событій, составлялъ хронологическую таблицу съ обозначеніемъ каждаго года и старался распредѣлить всѣ событія, о которыхъ повѣствуютъ сказанія и преданія, по отдѣльнымъ годамъ. Для этого нерѣдко приходилось разбивать сказанія на отдѣльныя части, переносить части одного сказанія въ другое и т. д. Въ результатѣ такой работы редактора надъ собраннымъ матеріаломъ получался цѣльный разсказъ о прошлыхъ событіяхъ, распредѣленныхъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Счетъ годовъ въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ велся отъ сотворенія міра. Считали, что отъ сотворенія міра и до Р. Х. прошло 5508 лѣтъ; новый годъ считался одно время съ марта мѣсяца, а потомъ—съ сентября.

Къ древнѣйшимъ лѣтописнымъ сводамъ относятся слѣдующіе: „Древнѣйшій Кіевскій сводъ“, „Древній Новгородскій сводъ“, „Кіевопечерскій сводъ“, „Начальный Кіевскій сводъ“, „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ и др.

Подобно лѣтописнымъ сказаніямъ лѣтописные своды не дошли до насъ въ отдѣльности.

5) Лѣтописный сборникъ. „Лѣтописнымъ сборникомъ“ называется соединеніе нѣсколькихъ лѣтописныхъ сводовъ въ одинъ цѣльный лѣтописный разсказъ. До нашего времени лѣтописи дошли именно въ такихъ сборникахъ.

6) Лѣтописный списокъ. Лѣтописные сборники дошли до насъ не въ оригиналахъ своихъ, а въ позднѣйшихъ копіяхъ, сдѣланныхъ съ нихъ. Эти копіи, болѣе или менѣе близкія къ оригиналамъ, называются „лѣтописными списками“. Такъ, до насъ дошли, напр., слѣдующіе списки лѣтописныхъ сборниковъ: 1) сдѣланный для суздальскаго князя Дмитрія Константиновича монахомъ Лаврентіемъ (1377) „Лаврентьевскій списокъ“, въ которомъ помѣщены „Сильвестровъ сводъ“ и въ качествѣ его продолженія — „Суздальская лѣтопись“, 2) найденный въ Ипатьевскомъ монастырѣ (въ Костромской губ.) „Ипатьевскій

списокъ", въ которомъ помѣщены „Сильвестровъ сводъ", „Кіевская лѣтопись" до 1201 г. и „Галицко-Волынская лѣтопись" до 1292 г. (XIV—XV вв.).

Лѣтописные сборники и лѣтописные списки, вслѣдствіе смѣшенія терминовъ, чаще всего называются „лѣтописными сводами" или „лѣтописями".

183. Происхожденіе и время составленія „Древнѣйшаго Кіевскаго свода". Относительно происхожденія и времени составленія „Древнѣйшаго Кіевскаго свода" существуютъ слѣдующія предположенія.

Въ 1039 г., при Ярославѣ М., была окончена постройка кіевской церкви св. Софіи. Съ этимъ событіемъ находится въ связи и другое. Митрополія русской церкви, со времени принятія Русью крещенія и до 1039 г., находилась въ г. Переяславлѣ (южномъ). Построивъ церковь св. Софіи, Ярославъ перевелъ митрополію изъ Переяславля въ Кіевъ, причемъ митрополичью каѳедру учредилъ при вновь построенной церкви. Это случилось при митрополитѣ Ѳеопемптѣ.

Въ Греціи при епископскихъ и митрополичьихъ дворахъ существовалъ обычай вести лѣтопись даннаго города. Этотъ обычай, повидимому, былъ занесенъ и къ намъ митрополитомъ Ѳеопемптомъ: при его дворѣ, въ Кіевѣ, составляется въ 1039 г. „Древнѣйшій Кіевскій сводъ".

Цѣль редактора „Древнѣйшаго Кіевскаго свода" состояла въ томъ, чтобы увѣковичить событіе 1039 г. и изложить предшествовавшія ему историческія событія съ древнѣйшихъ временъ.

184. Содержаніе „Древнѣйшаго Кіевскаго свода". Въ „Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ" излагаются событія изъ исторіи Руси съ древнѣйшихъ временъ и до 1039 г. включительно. Сводъ состоитъ изъ шести отдѣльныхъ повѣстей. Каждая повѣсть изображаетъ опредѣленную эпоху или разсказываетъ объ опредѣленномъ событіи.

1) **„Начало земли Русьтѣ".** Въ первой повѣсти, имѣющей заглавіе „Начало земли Русьтѣ", излагаются событія съ древнѣйшихъ временъ и до смерти Игоря.

а) Преданіе объ основаніи Кіева. Были три брата: Кый, Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь. Кый сидѣлъ на горѣ, гдѣ теперь находится „увозъ Боричевъ", Щекъ—на горѣ Щековицѣ, а Хоривъ—на горѣ Хоривицѣ. Они сотворили градъ

и нарекли ему имя „Кыевъ“. „Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь. Бяху мужи мудри и съмысльни, нарицахуся поляне, отъ нихъже суть поляне Кыевѣ и до сего дьне“.

По смерти этихъ братьевъ родъ ихъ княжилъ надъ полянами, и были у полянъ войны съ древлянами и угличами.

б) Завоеваніе Кіева Олегомъ. Въ эти времена славяне, кривичи и меря давали дань варягамъ — по бѣлой вѣверицѣ (бѣлкѣ) отъ мужа. Варяги, жившіе среди славянъ, кривичей и мери причиняли имъ насилія; „и отъ тѣхъ варягъ прозъвашася новъгородьци — варягы: прежде бо бѣша словенѣ“. И былъ у нихъ князь, именемъ Олегъ, „мужь мудръ и храбръ“. И началъ всюду воевать. Онъ отправился внизъ по Днѣпру и, дойдя до Кіева, сталъ разузнавать, кто въ немъ княжитъ. Ему сказали, что княжатъ два брата — Аскольдъ и Диръ. Олегъ скрылъ своихъ воиновъ въ ладьяхъ, а самъ съ малой дружиной высадился на берегъ и, выдавъ себя за „гостей“ (купцовъ), пригласилъ Аскольда и Дира. Когда послѣдніе явились, воины Олега выскочили изъ ладій, убили Аскольда и Дира, понесли ихъ тѣла на гору и погребли. „И сѣде Ольгъ къняжа Кыевѣ; и бѣша у него мужи варязи, и отътолѣ прозвашася Русию. Сии же Ольгъ нача грады ставити и дани устави варягомъ и кривичемъ и мери“.

в) Походъ Олега на Царьградъ. Послѣ этого Олегъ пошелъ на грековъ къ „Цѣсарюграду“. Греки заперли свою гавань Судъ и затворились въ городѣ. Олегъ велѣлъ вытащить суда на берегъ и сдѣлать колеса, поставилъ суда на колеса, и суда при попутномъ вѣтрѣ подъѣхали къ городской стѣнѣ. Греки испугались, послали къ Олегу просить не губить города и обѣщали платить дань, какую онъ хочетъ. Олегъ согласился. Греки вынесли Олегу яствъ и вина. Олегъ не принялъ этого: „бѣ бо устроено съ отравою“. Греки испугались и сказали: „Нѣсть се Ольгъ, нъ святый Дьмитрий, посъланъ отъ Бога на ны“. И потребовалъ Олегъ отъ грековъ по 12 гривенъ на человѣка: было 100 кораблей, а на каждомъ кораблѣ по 40 мужей. Олегъ повѣсилъ свой щитъ на вратахъ Царьгдада, „показая побѣду“, и вернулся въ Кіевъ съ золотомъ, паволоками (тканями), виномъ, фруктами и всякимъ „узорочьемъ“ (драгоцѣнностями). И прозвали Олега „вѣщимъ“: „бяху бо людие погани (язычники) и невѣгласи“ (невѣжды). Изъ Кіева

Олегъ отправился въ Новгородъ, а оттуда за море. „И уклюну и (его) змия въ ногу, и съ того умьре“.

г) Игорь. Свѣнельдъ и Мстиша. Послѣ этого сталъ княжить въ Кіевѣ Игорь и привелъ себѣ жену „отъ Пльскова“, именемъ Ольгу: „и бѣ мудра и съмыслъна“. Отъ нея родился Святославъ. У Игоря былъ воевода Свѣнельдъ. И пошелъ Игорь на древлянъ и возложилъ на нихъ дань. И пошелъ на угличей. И не давался ему одинъ городъ, по имени Пересѣченъ. Три года Игорь осаждалъ его и едва взялъ. Онъ „примучилъ“ угличей и возложилъ на нихъ дань. Обѣ дани, отъ древлянъ и угличей, Игорь передалъ Свѣнельду. И сказала дружина Игоря: „Се далъ еси единому мужеви мъного: отроци Свѣнелжи изодѣлися суть оружиемь и пърты (платьемъ), а мы—нази (голы). Да поиди, къняже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы!“ Послушался Игорь и пошелъ въ Древлянскую землю собирать дань, принадлежавшую Свѣнельду. Узнавъ о появленіи Игоря, сынъ Свѣнельда Мстиша (Мстиславъ Лютый), предводительствовавшій надъ дружиною отца, велѣлъ сказать Игорю, чтобы онъ вернулся обратно. Игорь не послушался. Тогда древляне съ Мстишей во главѣ вышли изъ Искоростѣня противъ Игоря, перебили его дружину, убили его самого и похоронили: могила его у Искоростѣня существуетъ до сего дня.

Это преданіе, компрометтировавшее Рюриковичей, въ послѣдующихъ лѣтописныхъ сводахъ было радикально измѣнено.

2) „**Начало къняжения Святославля**“. Въ этой повѣсти излагаются событія отъ смерти Игоря и до единовластія Ярополка.

а) Походъ Ольги и Святослава на древлянъ. Въ Кіевѣ находилась Ольга со своимъ сыномъ Святославомъ и его кормильцемъ и воеводой Асмудомъ. Они собрали много воиновъ и пошли на древлянъ. Древляне выступили противъ нихъ. Святославъ первый метнулъ своимъ копьемъ. Копье скользнуло между ушами коня и упало къ его ногамъ, потому что Святославъ былъ еще малъ. Увидѣвъ это, Асмудъ велѣлъ дружинѣ начать битву. И они побѣдили древлянъ и возложили на нихъ тяжкую дань. Ольга прошла со своимъ сыномъ и дружиною по Древлянской землѣ, „уставляющи уставы и урокы“.

б) Крещеніе Ольги. Послѣ этого Ольга отправилась въ Царьградъ, гдѣ тогда былъ „цѣсаремъ“ Цимисхій. И крестилъ ее цѣсарь съ патріархомъ, и нарекли ей имя Елена. „Се же

бысть въ лѣто 6463“ (955), — замѣчаетъ редакторъ свода: это — первая хронологическая дата въ сводѣ.

в) Святославъ. Ольга жила со своимъ сыномъ Святославомъ и убѣждала его креститься. Святославъ же „небрежаше того“, говоря: „Како азъ хощю инъ законъ приняти единъ, а дружина сему смѣятися начьнуть!“ Ольга говорила сыну, что, если онъ крестится, то и всѣ сдѣлаютъ это. Онъ же не послушался и продолжалъ творить „нравы поганьскыя“.

Выросши и возмужавъ, Святославъ началъ собирать много храбрыхъ воиновъ. „Бѣ бо самъ храбръ и льгокъ, акы пардусъ (леопардъ); войны мъногы творяше, а возъ по себѣ не вожаше, ни котьла, ни мясъ варя, но по тънъку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, грядину (говядину) на угльхъ испекъ, ядяше; ни шатьра имяше, но подъкладъ (попону) постьлавъ и седьло въ головахъ; тако же и прочии вои его вьси бяху. И посылаше къ странамъ, глаголя: хощю на вы ити!“

Святославъ пошелъ на хазаръ и побѣдилъ ихъ, а потомъ на дунайскихъ болгаръ, взялъ 80 городовъ и сѣлъ княжить въ Переяславцѣ.

Послѣ этого въ первый разъ появляются на Руси печенѣги и осадили въ безчисленномъ множествѣ Кіевъ. Кіевляне послали къ Святославу звать его на помощь. Святославъ, узнавъ о происшедшемъ, быстро собрался, явился къ Кіеву и прогналъ печенѣговъ „въ поле“. „Се же бысть въ лѣто 6477 (969)“, — замѣчаетъ редакторъ: это — вторая хронологическая дата въ сводѣ.

И сказалъ Святославъ матери своей и боярамъ: „Не любо ми есть Кыевѣ быти; хощю жити Переяславьци въ Дунаи, яко то есть среда земли моей, яко ту вься благая съходяться: отъ грькъ — злато, паволокы, вина, овощеве разноличьни, ис чехъ же и из угоръ — сребро и комони (кони), изъ Руси же — скора (мѣха) и воскъ, медъ и челядь“ (рабы). Ольга, сославшись на приближеніе смерти, упросила его подождать, пока она умретъ, и похоронить ее. Черезъ три дня Ольга скончалась. „И плакася по неи сынъ ея и вънуци ея и людие вси плачьмъ великъмь“... „И бѣ заповѣдала Ольга не творити тризны надъ собою: бѣ бо имущи презвутеръ (священника): сии похорони блаженую Ольгу“.

г) Гибель Святослава. По смерти Ольги Святославъ посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, Олега въ Древлянской землѣ, Вла-

димира въ Новгородѣ, а самъ опять отправился въ Болгарію. Здѣсь онъ столкнулся съ греками и потерпѣлъ пораженіе. Возвращаясь обратно на Русь, Святославъ былъ убитъ печенѣгами у днѣпровскихъ пороговъ.

3) **„Княжение Ярополче“**. Ярополкъ, по внушенію воеводы Блуда, отправился на своего брата Олега древлянскаго. Олегъ потерпѣлъ пораженіе. Во время бѣгства Олегъ съ моста свалился въ рѣку и погибъ. Древлянская земля перешла къ Ярополку. Владиміръ, узнавъ о происшедшемъ, убѣжалъ изъ Новгорода за море. Ярополкъ взялъ область Владимира и поставилъ въ Новгородѣ посадниковъ.

4) **„Начало княжения Володимеря“**. „Въ лѣто 6486“ (978)— такъ начинается четвертая повѣсть: это—третья хронологичедата въ сводѣ. Въ повѣсти излагаются событія отъ похода Владимира на Ярополка и до конца его жизни. Наиболѣе интересны слѣдующіе эпизоды повѣсти:

а) Походъ Владимира на Ярополка. Владиміръ вернулся изъ-за моря съ варягами и послалъ посадниковъ новгородскихъ къ Ярополку съ извѣщеніемъ, что онъ идетъ на него. Съ огромнымъ войскомъ Владиміръ подступилъ къ Кіеву. Ярополкъ затворился въ Кіевѣ съ Блудомъ. Владиміръ сталъ склонять Блуда къ измѣнѣ. Блудъ согласился. Подъ вліяніемъ Блуда Ярополкъ покинулъ Кіевъ и убѣжалъ въ городъ Родню. Владиміръ занялъ Кіевъ. Ярополкъ былъ убитъ, и властителемъ Руси сталъ Владиміръ.

б) Язычество и варяги-христіане. Въ началѣ княженія Владиміръ былъ ревностнымъ язычникомъ. Однажды старцы и бояре рѣшили принести человѣческую жертву. Жребій палъ на сына одного варяга-христіанина. Отецъ отказался выдать своего сына и даже сталъ хулить языческихъ боговъ. Толпа подрубила сѣни, въ которыхъ находились варягъ и его сынъ; сѣни рухнули и погребли ихъ подъ своими обломками.

в) Принятіе крещенія. „Въ лѣто 6494“ (986). Къ Владиміру стали приходить послы отъ болгаръ-магометанъ, нѣмцевъ и хазарскихъ жидовъ съ предложеніемъ принять ихъ религію. Ни одна изъ религій не понравилась ему. Узнавъ, что магометанская вѣра запрещаетъ пить, Владиміръ сказалъ: „Руси есть веселие питие: не можемъ бес того быти“. Нѣмцевъ Владиміръ отослалъ со словами: „Идѣте опять, яко отьци наши сего не приняли суть“. Ознакомившись съ іудейской религіей и узнавъ, что Богъ

разгнѣвался на іудеевъ и расточилъ ихъ по всѣмъ странамъ, Владиміръ сказалъ: „То како вы инѣхъ учите, сами отъвьржени отъ Бога и расточени? Аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ; еда и намъ то же мыслите прияти?“ Пришелъ къ Владиміру отъ грековъ философъ Кириллъ, который изложилъ ему христіанское ученіе и показалъ ему „запону (картину), на ней же бѣ написано судище Господне“: на правой сторонѣ были изображены праведники, съ веселіемъ шедшіе въ рай, а на лѣвой—грѣшники, шедшіе на муку. Вздохнулъ Владиміръ и сказалъ: „Добро симъ о десную, горе же симъ о шюю!“ Философъ сказалъ Владиміру: „Аще хощеши о десную съ правьдьними стати, то крьстися!“ Владиміръ созвалъ бояръ и градскихъ старцевъ и, посовѣтовавшись съ ними, рѣшилъ принять греческую вѣру. Владиміръ принялъ въ Кіевѣ крещеніе; крестились его сыновья и бояре. Послѣ этого Владиміръ велѣлъ уничтожить идоловъ и крестить кіевлянъ. Стали ставить церкви по городамъ и поповъ. У нарочитыхъ людей брали дѣтей и отдавали на книжное ученіе. „Се же бысть въ лѣто 6495 (987). По святѣмъ же крещеніи пожи Володимеръ 28 лѣтъ“.

г) Походъ на Корсунь. На третье лѣто по крещеніи Владиміръ съ великою силой отправился на Корсунь, осадилъ его и взялъ при помощи Анастаса корсунянина. Греческіе цари заключили съ Владиміромъ миръ и прислали ему свою сестру въ замужество. Владиміръ взялъ „цѣсарицу“, церковные сосуды и иконы и, вернувъ Корсунь грекамъ „цѣсарицѣ дѣля“ (ради), отправился обратно въ Кіевъ.

д) Милостыня и пиры Владимира. Владиміръ былъ милостивъ къ нищимъ, вдовицамъ и сирымъ. Онъ велѣлъ всякому нищему и убогому приходитъ на княжескій дворъ и получать пищу, питье и деньги. Немощнымъ и больнымъ, которые не могли попасть на княжескій дворъ, по повелѣнію Владимира, привозили на телѣгѣ хлѣба, мяса, рыбы, овощей, меду и пр. „Се же пакы творяше людьмъ своимъ: по вься недѣля устави на дворѣ въ гридьници пиръ творити и приходити бояромъ и гридьмъ и сътьскымъ и десятьскымъ и нарочитымъ мужемъ при кънязи и без князя; бываше же на обѣдѣ томь множество мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилию отъ вьсего“.

е) Смерть Владимира и обстоятельства, послѣдовавшія за нею. Въ лѣто 6523 (1015) Владиміръ захворалъ. При немъ

находился Борисъ, котораго незадолго передъ этимъ Владиміръ вызвалъ изъ г. Владимира, „зълобы ради, юже имяше къ нему Святополкъ“. Въ это время пришла вѣсть, что на Русь идутъ печенѣги. Владиміръ отправилъ противъ нихъ Бориса и немного времени спустя послѣ этого скончался въ Берестовѣ. Святополкъ, старшій сынъ Владиміра, заручившись расположеніемъ Путьши и вышегородскихъ бояръ, поручилъ имъ найти Бориса и убить его.

5) „О убіеніи Борисовѣ“. Въ этой повѣсти изображается убійство Святополкомъ Бориса и Глѣба, походъ Ярослава на Святополка и бѣгство Святополка въ Польшу.

Наиболѣе замѣчательною частью этой повѣсти является разсказъ объ убіеніи Бориса и Глѣба, разсказъ, который вмѣстѣ съ концомъ предыдущей повѣсти и началомъ послѣдующей, впослѣдствіи не разъ перерабатывался въ стилѣ житія и сталъ первымъ образцомъ древне-русской житійной литературы. Авторъ разсказа имѣлъ двѣ цѣли: политическую и религіозную. Первая цѣль состояла въ томъ, чтобы представить Ярослава избраннымъ свыше орудіемъ кары, постигшей окаяннаго Святополка; вторая состояла въ томъ, чтобы прославить Бориса и Глѣба, двухъ представителей правящаго класса, съ христіанскимъ смиреніемъ принявшихъ смерть отъ руки старшаго брата.

Содержаніе разсказа состоитъ въ слѣдующемъ.

Занявъ кіевскій престолъ, Святополкъ созвалъ кіевлянъ и сталъ раздавать имъ „имѣніе“. Они принимали, но сердце ихъ было не съ нимъ, а съ Борисомъ. Между тѣмъ Борисъ, не найдя печенѣговъ, пустился въ обратный путь. Дорогой пришла вѣсть о смерти Владиміра. Борисъ сильно огорчился. „И плакася по отьци вельми: любимъ бо бѣ отьцьмь своимъ паче всѣхъ. И ста шатьры“. У Бориса была „дружина отьня“. Она обратилась къ Борису съ такимъ предложеніемъ: „Се, дружина у тебя отьня и вои; поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отьни“. Борисъ отвѣтилъ имъ: „Не буди мънѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго. Аще отьць ми умьре, то сь ми буди въ отьца мѣсто“. Услышавъ это, воины разошлись отъ Бориса, и онъ остался съ одними своими отроками: къ нему уже дошла вѣсть о томъ, что Святополкъ хочетъ погубить его. Однажды ночью явились посланные отъ Святополка и подошли къ шатру Бориса. Борисъ, знавшій объ угрожавшей ему участи, пѣлъ въ это время заутреню. Окончивъ ее, Борисъ, обернув-

шись къ образу Владыки, сталъ тамъ молиться: „Господи Іисусе Христе, иже симь образъмь явися на земли съпасенія ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на крьстѣ руцѣ свои, и приимъ страсть грѣхъ ради нашихъ, тако и мене съподоби прияти страсть. Се же не отъ противьныхъ приимаю, нъ отъ брата своего; и не сътвори ему, Господи, въ семь грѣха". Окончивъ свою молитву, Борисъ возлегъ на своемъ одрѣ. Тутъ на него напали, какъ дикіе звѣри, пронзили его копьями, а также одного изъ его слугъ. Но Борисъ былъ еще живъ. Тогда одинъ изъ „губителей" извлекъ мечъ и пронзилъ его въ сердце. „И тако съконьчася блаженыи Борисъ, вѣньць приимъ отъ Христа Бога съ правьдьными, причьтъся съ пророкы и апостолы, съ ликы мученичьскыми въдваряяся, Аврааму на лонѣ почивая, видя неиздреченьную радость, въспѣвая съ ангелы и веселеся въ лику святыхъ". Тѣло Бориса привезли въ Вышгородъ. А окаянные убійцы его вернулись къ Святополку и стали хвалиться своимъ дѣяніемъ. Имена этихъ законопреступниковъ слѣдующія: Путьша, Тальць, Еловичь, Ляшько, а отецъ ихъ—Сатана.

Убивъ Бориса, Святополкъ помыслилъ въ себѣ: „Се, убихъ Бориса. Како бы убити Глѣба?" Глѣбъ, догадавшись о замыслахъ Святополка, убѣжалъ въ полунощныя страны. Святополкъ отправилъ за нимъ погоню. Глѣба догнали и схватили. По приказанію Горясѣра, руководившаго погоней, поваръ Глѣба, именемъ Торчинъ, взялъ ножъ и зарѣзалъ своего господина. „Акы агня непорочьно, принесеся на жьртву Богови въ воню благоухания жьртва словесьная! И прия вѣнець, въшьдъ въ небесьныя обитѣли и узьрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся съ нимь неиздреченьною радостию, юже улучиста братолюбиемь своимь".

Послѣ этого Святополкъ убилъ третьяго брата своего, Святослава. И сталъ Святополкъ размышлять: „Избию вьсю братию свою и преиму власть русьску единъ".

Услышалъ объ этомъ Ярославъ и опечалился. Онъ собралъ много воиновъ, варяговъ и славянъ, и пошелъ на Святополка, говоря: „Не азъ почахъ избивати братию, нъ онъ. Да будеть отъмьстьникъ Богъ кръве братия моея, зане без вины пролия кръвь Борисову и Глѣбову правьдьную. Еда и мънѣ сице же сътворить? Нъ суди ми, Господи, по правьдѣ, да съконьчается зълоба грѣшьнаго".

Между Святополкомъ и Ярославомъ произошла битва, окончившаяся побѣдой Ярослава. Святополкъ бѣжалъ въ Польшу.

6) „Начало княженія Ярославля Кыевѣ“. Въ этой повѣсти излагаются главныя событія княженія Ярослава М.

Польскій король Болеславъ помогъ Святополку и пошелъ на Ярослава. Ярославъ потерпѣлъ пораженіе и убѣжалъ въ Новгородъ съ четырьмя мужами.

Ярославъ собралъ много воиновъ, варяговъ и славянъ, и снова пошелъ на Святополка. Произошла злая сѣча. Весь день длилась она. Къ вечеру одолѣлъ Ярославъ. Святополкъ бѣжалъ. На него напалъ такой страхъ, что у него ослабѣли кости, и и его понесли на носилкахъ. Прибыли къ Берестью. Святополкъ сказалъ своимъ спутникамъ: „Побѣгнетѣ съ мъною: женуть (гонятся) по насъ!“ Отроки Святополка вышли посмотрѣть—никого не оказалось. Побѣжали дальше; Святополкъ же, „въ немощи лежа“, вскакивалъ и кричалъ: „Осе (вотъ) женуть (гонятся), оно женуть! Побѣгнѣте!“ Гонимый Божьимъ гнѣвомъ, Святополкъ прибѣжалъ въ пустыню, „межю Ляхы и Чехы“, и здѣсь „испровьрже злѣ животъ свой“.

Далѣе изображаются отношенія между Ярославомъ и его братомъ Мстиславомъ, борьба съ печенѣгами, закладка Золотыхъ воротъ въ Кіевѣ и построеніе церкви св. Софіи.

Редакторъ заканчиваетъ сводъ похвалой просвѣтительной дѣятельности Ярослава М. (см. § 180).

185. Составъ „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“. По своему составу „Древнѣйшій Кіевскій сводъ“ представляетъ очень сложное произведеніе. Источниками его послужили: 1) письменныя произведенія, 2) устныя преданія, 3) собственныя припоминанія редактора и 4) личныя соображенія редактора.

1) Письменныя произведенія. Редакторъ „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“ пользовался цѣлымъ рядомъ письменныхъ произведеній. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ какая-то, ближайшимъ образомъ еще не установленная, болгарская лѣтопись.

а) Болгарская лѣтопись. Болгарская лѣтопись, имѣвшаяся на рукахъ у редактора, послужила источникомъ кіевскаго свода въ двухъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, она была для русскаго редактора образцомъ, откуда онъ почерпалъ пріемы лѣтописнаго изложенія.

Во-вторыхъ, изъ нея онъ почерпнулъ матеріалы для нѣкоторыхъ своихъ повѣствованій.

Такъ, разсказы редактора свода о болгарскихъ и греческихъ войнахъ Святослава обязаны своимъ происхожденіемъ несомнѣнно болгарской лѣтописи: въ ней говорилось о взятіи Святославомъ 80 городовъ, приводились рѣчи, съ которыми Святославъ обращался къ своимъ воинамъ, рѣчь Святослава о преимуществахъ Переяславца, и сдѣлано было замѣчаніе о томъ, что опустошенные Святославомъ греческіе города стоятъ пустыми до сего дня.

Разсказъ объ обращеніи въ христіанство Владимира, повидимому, навѣянъ болгарскими разсказами о принятіи крещенія Борисомъ болгарскимъ, на котораго сильное впечатлѣніе произвела картина страшнаго суда, написанная художникомъ Меѳодіемъ. Вѣроятно, въ этихъ разсказахъ шла рѣчь о предложеніяхъ, сдѣланныхъ Борису со стороны магометанъ, католиковъ и іудеевъ. Имя Кирилла-философа, считавшагося просвѣтителемъ Болгаріи, тоже попало изъ болгарской лѣтописи [1]).

б) Русскія письменныя сказанія. Кромѣ болгарской лѣтописи редакторъ свода имѣлъ подъ рукой нѣсколько письменныхъ сказаній русскаго происхожденія. Изъ нихъ можно отмѣтить слѣдующія: 1) сказаніе объ Ольгѣ, сообщавшее о крещеніи Ольги въ Царьградѣ, объ ея возвращеніи въ Кіевъ, объ отказѣ Святослава креститься и о смерти Ольги, 2) сказаніе о варягахъ-мученикахъ, 3) сказаніе о крещеніи Владимира въ Кіевѣ и 4) сказаніе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ.

2) Устныя преданія. Очень много матеріаловъ редакторъ почерпалъ, особенно для первоначальнаго періода въ исторіи Руси, изъ современныхъ ему старинъ-преданій, содержаніе которыхъ онъ вкратцѣ передаетъ. Къ такимъ старинамъ-преданіямъ относятся разсказы объ основаніи Кіева, о завоеваніи Кіева Олегомъ, о походѣ Олега на Царьградъ, о смерти Олега, объ убіеніи Игоря, о походѣ Ольги и Святослава на древлянъ, о томъ, какъ въ отсутствіе Святослава Кіевъ едва не былъ взятъ печенѣгами, о распрѣ между сыновьями Святослава и о пирахъ Владимира.

3) Собственныя припоминанія редактора. Собственныя припоминанія редактора относятся ко времени Ярослава М. Начиная съ

---

[1]) Впрочемъ, имя Кирилла могло попасть въ разсказъ объ обращеніи Владимира также изъ преданія о крещеніи Аскольда и Дира Константиномъ и Меѳодіемъ (§ 29).

6523 (1015) г., года смерти Владимира Св., редакторъ излагаетъ, иногда очень обстоятельно, рядъ такихъ свѣдѣній, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ припоминаніямъ самого редактора: эти свѣдѣнія воспроизводятъ то, что онъ слышалъ отъ современниковъ, или то, чему очевидцемъ былъ онъ самъ.

Описаніе Любечской битвы—первое въ русскихъ лѣтописяхъ обстоятельное описаніе сраженія: редакторъ отмѣчаетъ расположеніе войскъ обоихъ противниковъ, указываетъ топографическія данныя, сообщаетъ хронологическія данныя и разсказываетъ объ исходѣ сраженія.

Подъ разными хронологическими датами редакторъ сообщаетъ даже мелкія свѣдѣнія, которыя могли быть сохранены только очевидцами. Таково, напр., сообщеніе подъ 6525 г. о пожарѣ въ Кіевѣ, подъ 6534 г.—о первомъ мирномъ договорѣ въ Городцѣ между Ярославомъ М. и Мстиславомъ, подъ 6536 г.—о появленіи на небѣ „знамения змиева“ (кометы) и т. д.

4) Личныя соображенія редактора. Излагая свой лѣтописный матеріалъ, особенно легендарный, въ которомъ было много противорѣчиваго и неяснаго, редакторъ старался согласовать другъ съ другомъ противорѣчія и объяснить неясное.

Такъ, для того, чтобы перейти отъ преданія о началѣ Кіева къ преданію о появленіи въ Кіевѣ Олега, редакторъ свода употребляетъ такую переходную фразу: „Въ си же времена словѣне и кривичи и меря дань даяху варягомъ...“

Преданія объ Олегѣ редакторъ связываетъ собственнымъ умозаключеніемъ о тожествѣ новгородскаго правящаго класса съ кіевскимъ: подобно тому, какъ на югѣ имя полянъ,—думаетъ редакторъ,—было поглощено именемъ „русь“, какъ назывался правящій классъ въ Кіевѣ, такъ на сѣверѣ имя новгородскихъ славянъ было вытѣснено именемъ „варяги“; но эти два слова—„русь“ и „варяги“—означаютъ одинъ и тотъ же пришлый правящій классъ.

Нерѣдко редакторъ древнія событія излагалъ по аналогіи съ позднѣйшими. Такъ, усобицы между сыновьями Святослава онъ излагалъ подъ вліяніемъ болѣе извѣстныхъ ему усобицъ между сыновьями Владимира: какъ въ повѣсти объ убіеніи Бориса и Глѣба редакторъ изображаетъ Ярослава мстителемъ за убитыхъ братьевъ, такъ въ разсказѣ о началѣ княженія Владимира онъ изображаетъ Владимира мстителемъ за убійство Олега.

Изображая испытаніе вѣръ, редакторъ влагаетъ въ уста миссіонеровъ рѣчи, составленныя имъ на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ имѣлъ о иноземныхъ религіяхъ.

И т. д.

Такимъ образомъ, въ „Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ“ тѣсно переплетаются между собою легенды, факты и личныя соображенія редактора, естественно вызывавшіяся въ немъ въ процессѣ изученія многочисленныхъ матеріаловъ о прошломъ въ исторіи русскаго государства.

Весь „Древнѣйшій Кіевскій сводъ“ проникнутъ сознаніемъ единства Русской земли. Редакторъ внимательно слѣдитъ за возникновеніемъ и развитіемъ русскаго государства и послѣдовательно отмѣчаетъ его расширеніе.

Значеніе „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“ въ исторіи русской культуры и литературы громадно: онъ послужилъ исходнымъ пунктомъ для развитія русскаго національнаго самосознанія.

„О законѣ и благодати“.

(1037—1050).

186. Сочиненіе „О законѣ и благодати“, его авторъ и время составленія. Имя автора сочиненія „О законѣ и благодати“ не указано ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ. Изъ самого сочиненія можно извлечь слѣдующіе выводы объ авторѣ.

Во-первыхъ, авторъ—русскій человѣкъ, и притомъ глубоко любящій свою родину. Что авторъ—русскій, видно изъ тѣхъ мѣстъ сочиненія, въ которыхъ онъ самъ называетъ Русскую землю своею землею, а русскій народъ—своимъ народомъ. Патріотизмъ автора проявляется во многихъ мѣстахъ его сочиненія: авторъ съ восторгомъ изображаетъ дѣятельность Владимира Св.; о дѣятельности первыхъ русскихъ князей, объ Игорѣ и Святославѣ, онъ говоритъ, что они „не въ худѣ и не въ невѣдоми земли владычьствоваша, но въ Руськой, яже вѣдома и слышима есть всѣми конци земля“. Въ авторѣ виденъ русскій человѣкъ и патріотъ также изъ того мѣста въ сочиненіи, гдѣ онъ съ замѣчательной силой убѣжденія говоритъ, что въ христіанскомъ просвѣщеніи Руси кроются высшія божественныя предначертанія.

Во-вторыхъ, авторъ—современникъ Ярослава М. Это видно прежде всего изъ того, что авторъ обращается къ Владимиру Св. съ воззваніемъ—встать изъ гроба и взглянуть на своего сына Ярослава-Георгія, украшающаго престолъ его земли. Что авторъ—современникъ Ярослава М., видно также и изъ другого обстоятельства. Сочиненіе „О законѣ и благодати", какъ это можно установить на основаніи косвенныхъ данныхъ, написано между 1037—1050 гг. Сочиненіе „О законѣ и благодати" не могло быть написано раньше 1037 г.: въ немъ авторъ упоминаетъ Великія, или Золотыя, кіевскія ворота; а эти ворота были заложены въ 1037 г. Сочиненіе это не могло быть написано позже 1050 г.: въ немъ упоминается еще въ живыхъ супруга Ярослава Ирина, а Ирина скончалась въ 1050 г.

Въ-третьихъ, авторъ — лицо близкое къ Ярославу М. и преданное ему. Только лицо, близкое къ Ярославу, могло обращаться къ Владимиру Св. съ слѣдующими воззваніями: „Встани! Виждь чадо свое Георгіа, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь, его же Господь изведе отъ чреслъ твоихъ, виждь красящааго столъ земля твоея!" Только лицо, преданное Ярославу, могло уподоблять Ярослава Соломону, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ автора: „Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгій, егожь створи Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, но утвержающа, ни умаляюща твоему благовѣрію положенія, но паче прилагающа, не казяща (не искажающаго), нъ учиняюща, иже недокончена твоа, акы Соломонъ Давыдова".

Въ-четвертыхъ, авторъ — лицо духовное, не занимающее, однако, высокаго поста въ церковной іерархіи. Что авторъ—духовное лицо, ясно изъ содержанія всего произведенія; а что онъ не занималъ высокаго поста, видно изъ слѣдующей фразы: „Ты же,—пишетъ авторъ, обращаясь къ Владимиру,—съ новыими отци нашими, епископы, снимаяся (собираясь), часто съ многимъ смѣреніемъ съвѣщавашеся". Если бы авторъ самъ былъ епископомъ, едва ли онъ называлъ бы своихъ коллегъ „отцами нашими": такое выраженіе умѣстнѣе всего въ устахъ духовнаго лица, подчиненнаго епископу.

Въ-пятыхъ, наконецъ, авторъ—человѣкъ, глубоко образованный для своего времени и прекрасно владѣющій литературною рѣчью.

Ища среди современниковъ Ярослава М. лицо, которое

подходило бы къ этимъ выводамъ, изслѣдователи остановились на Иларіонѣ.

Свѣдѣнія объ Иларіонѣ очень скудны.

Недалеко отъ Кіева находилось село Берестово, бывшее любимымъ мѣстопребываніемъ Ярослава М. Священникомъ мѣстной княжеской церкви былъ Иларіонъ, котораго лѣтопись характеризуетъ, какъ „мужа блага, книжна и постника“. На сосѣднемъ холмѣ, у Днѣпра, Иларіонъ выкопалъ себѣ двухсаженную пещеру, въ которую часто уединялся для тайной молитвы Богу. Своею благочестивою жизнью и высокою для того времени образованностью, Иларіонъ обращалъ на себя вниманіе современниковъ. Когда скончался митрополитъ Ѳеопемптъ, родомъ грекъ, возникъ вопросъ о назначеніи новаго митрополита. Въ то время отношенія между Русью и Византіей были враждебны. Правящій классъ, съ Ярославомъ во главѣ, рѣшилъ воспользоваться этимъ и освободить русскую церковь отъ греческой зависимости. Былъ собранъ соборъ русскихъ епископовъ, который, безъ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ, поставилъ въ митрополиты лицо русскаго происхожденія, именно Иларіона (1051—1054). Въ лѣтописи такъ говорится объ этомъ замѣчательномъ событіи въ исторіи русской церкви: „Ярославу, сыну Владимерову, внуку Святославлю, со греки брани и нестроенія быша; и сице Ярославъ съ епископы своими русскими свещавше, умыслиша по священному правилу и уставу апостольскому сице. Правило св. апостолъ 1-ое: два или три епископы да поставляютъ единого епископа. И по сему священному правилу и уставу божественныхъ апостолъ сошедшеся, рустіи епископы поставиша Иларіона русина митрополита Кіеву и всей Рустей земли, не отлучающеся отъ православныхъ патріархъ и благочестія греческаго закона, ни гордящеся от нихъ поставлятися, но соблюдающеся отъ вражды и лукавства, якоже быша тогда“.

На этомъ кончаются точныя свѣдѣнія объ Иларіонѣ.

Что касается образованности Иларіона, то существуетъ предположеніе, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ мальчиковъ, которые, по приказанію Владимира, были взяты у знатныхъ родителей для обученія въ первой нашей школѣ у греческихъ учителей (§ 179).

Близость Иларіона къ Ярославу можетъ быть объяснена тѣмъ, что Ярославъ, вѣроятно, самъ получившій образованіе

отъ учителей учрежденной отцомъ его школы, любилъ образованность и окружалъ себя образованными людьми. Въ лѣтописи объ Ярославѣ сообщается, что онъ любилъ читать книги и нерѣдко проводилъ за ними день и ночь, что онъ окружалъ себя лицами, которыя переписывали книги и самъ дѣлалъ переводы съ греческаго языка на древне-русскій. Иларіонъ, какъ одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей, могъ принимать дѣятельное участіе въ княжескомъ кружкѣ грамотныхъ и образованныхъ людей (§ 180).

Принимая во вниманіе всѣ вышеприведенныя соображенія, можно допустить, что авторомъ сочиненія „О законѣ и благодати“ былъ Иларіонъ, хотя это допущеніе нуждается еще въ фактическомъ подтвержденіи.

Гдѣ и по какому поводу прочитано было авторомъ сочиненіе „О законѣ и благодати“, — неизвѣстно. Прежде существовало убѣжденіе, что эта рѣчь была проповѣдью, произнесенной авторомъ въ Кіевѣ въ Десятинной церкви. Вѣроятнѣе, однако, другое предположеніе, состоящее въ томъ, что сочиненіе „О законѣ и благодати“ не было церковной проповѣдью и потому не было произнесено передъ церковной публикой. *Во-первыхъ*, содержаніе рѣчи слишкомъ отвлеченно для пониманія ея обычной публикой, посѣщавшей тогда церкви; *во-вторыхъ*, самъ авторъ заявляетъ, что онъ обращается къ людямъ, „преизлиха насыщшимся сладости книжныя“; *въ-третьихъ*, сочиненіе не называется ни поученіемъ, ни словомъ. Эти характерныя черты позволяютъ сдѣлать предположеніе, что сочиненіе „О законѣ и благодати“ прочитано было въ кругу образованнѣйшихъ лицъ того времени, вѣроятно, во дворцѣ Ярослава въ присутствіи самого князя. Поводомъ къ этой рѣчи могло послужить какое-нибудь знаменательное событіе въ культурно-просвѣтительной дѣятельности Ярослава, напр., окончаніе построенія св. Софіи и перенесеніе митрополіи въ Кіевъ. Въ такомъ случаѣ можно думать, что сочиненіе Иларіона было написано около 1039 г.

187. Содержаніе сочиненія „О законѣ и благодати“. Сочиненіе „О законѣ и благодати“ дѣлится на три части: 1) въ первой части авторъ разсматриваетъ ветхій завѣтъ („законъ“), какъ подготовительную къ новому завѣту („благодати“) ступень; 2) во второй части авторъ прославляетъ князя Владимира, просвѣтившаго Русь христіанскою вѣрою и 3) въ третьей

части авторъ обращается къ Богу съ молитвой отъ лица земли Русской.

1) **Первая часть.** Первая часть имѣетъ такое заглавіе: „О законѣ, Моисеомъ данѣемъ, и о благодати и истинѣ, Іисусъ Христомъ бывшимъ, и како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни, и вѣра въ вся языки простр҃ся и до нашего языка русьскаго“. Въ этой части говорится о превосходствѣ благодати надъ закономъ, о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ и о водвореніи христіанства на Руси.

а) Превосходство благодати надъ закономъ. Богъ въ своемъ милосердіи предопредѣлилъ спасти павшій родъ человѣческій, ниспославъ на землю своего Единороднаго Сына. Но къ принятію Сына Божія необходимо было родъ человѣческій подготовить. Для этого Господь далъ людямъ сначала законъ, который долженъ былъ воспитывать людей къ принятію благодати. Онъ положилъ законъ для приготовленія людей къ принятію истины и благодати, чтобы человѣческое естество, при руководствѣ закона, уклоняясь отъ идольскаго многобожія, пріучилось вѣровать въ единаго Бога, чтобы человѣчество, какъ сосудъ осквернённый, омытое, какъ водою, закономъ и обрѣзаніемъ, могло принять млеко благодати и крещенія. Законъ былъ предтечею и служителемъ благодати и истины; истина же и благодать служатъ вѣку будущему, жизни безсмертной. Ибо законъ приводилъ подзаконныхъ къ благодатному крещенію; крещеніе же препровождаетъ сыновъ своихъ въ вѣчную жизнь. Моисей и пророки проповѣдали о пришествіи Христовомъ, а Христосъ и его апостолы — о воскресеніи и будущемъ вѣкѣ.

Эту общую мысль авторъ иллюстрируетъ символически, пользуясь для этого параллелями между закономъ и благодатью, сходными съ параллелями въ „Палеѣ Толковой“ (§ 109), а также употребляя сравненія съ различными явленіями и предметами въ природѣ. Законъ онъ сопоставляетъ съ образами Агари и ея сына Измаила, а благодать — съ образами Сарры и ея сына Исаака. „Прежде — законъ, потомъ — благодать, прежде — сѣнь (тѣнь), ти потомъ — истина. Образъ же закону и благодати — Агарь и Сарра; работнаа (рабыня) Агарь и свободнаа Сарра, — работнаа прѣже, ти потомъ свободнаа... Яко Авраамъ убо отъ юности своея Сарру имѣ жену си, а не рабу: Богъ убо преже всѣхъ изволи и умысли Сына Своего въ міръ по-

слати и тѣмъ благодати явитися... Отгнана бысть Агарь раба съ сыномъ ея Измаиломъ, а Исаакъ, сынъ свободныа, наслѣдникъ бысть отцу своему, Аврааму; и отгнани быша іюдеи и расточени по странамъ, и чада благодатьная, христіани, наслѣдницы быша Господу и Отцу. Отъиде бо свѣтъ луны, солнцю въставшу, тако и законъ, благодати явльшися, и студенство (холодъ) ночное погыбе, солнечнѣй теплотѣ землю съгрѣвши...“

Мысль о томъ, что законъ имѣлъ временное значеніе и долженъ былъ уступить благодати, дополняется другой мыслью, что законъ имѣлъ узко-національное значеніе, тогда какъ благодать имѣетъ всемірное значеніе, предназначена для всѣхъ національностей. Эта мысль иллюстрируется образами сыновей Іакова, Манассіи и Ефрема. Оправданіе іудейское было стѣснено „зависти ради“ іудеевъ, потому что оно не простиралось на другіе народы и находилось только въ Іудеѣ. Но христіанское спасеніе благо и щедро: оно простирается на всѣ концы земли. Такъ исполнилось на іудеяхъ благословеніе, данное Манассіи, а на христіанахъ—данное Ефрему: старшаго, Манассію, Іаковъ благословилъ лѣвою рукою, а младшаго, Ефрема,—правой, и такимъ образомъ, Манассія, хотя былъ старше Ефрема, но сдѣлался меньшимъ, по благословенію Іакова. Такъ и іудеи, хотя были прежде христіанъ, но христіане сдѣлались выше іудеевъ, по благодати Христовой.

б) О двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ. Нарисовавъ превосходство благодати надъ закономъ, авторъ обращается къ виновнику благодати Іисусу Христу, къ его неизмѣримому человѣколюбію. Рожденный прежде вѣковъ отъ Отца, единосущный Ему, какъ свѣтъ солнцу, Онъ сошелъ на землю для спасенія людей. Будучи однимъ изъ лицъ Троицы, Онъ воплотился. Въ немъ два естества было: божеское и человѣческое. И эти два естества проявляются параллельно во всей земной жизни Христа: какъ человѣкъ, Онъ питался млекомъ матери,—какъ Богъ Онъ повелѣлъ ангеламъ съ пастырями пѣть: „слава въ вышнихъ Богу“; какъ человѣкъ, онъ былъ повитъ пеленами,—какъ Богъ, путеводствовалъ волхвовъ звѣздою; какъ человѣкъ, бѣжалъ въ Египетъ,—какъ Богу, поклонилась ему „рукотворенаа (идолы) египетскаа“; какъ человѣкъ, Онъ былъ распятъ,—какъ Богъ, по своей власти ввелъ въ рай распятаго съ нимъ; какъ человѣкъ, вкусилъ „оцта“ (уксуса) и испустилъ духъ,—какъ Богъ, помрачилъ солнце и потрясъ землю; какъ

человѣкъ, Онъ былъ положенъ въ гробъ,—какъ Богъ, разрушилъ адъ и освободилъ души. Вкусивъ оцта и желчи, онъ уничтожилъ преступленія и грѣхи, порожденные „сладкимъ“ адамовымъ вкушеніемъ отъ дерева.

в) О водвореніи христіанства на Руси. Евреи не приняли ученія Христа, но оно стало распространяться по всему міру и достигло и русскаго народа. „Се бо уже и мы съ всѣми христіаны славимъ святую Троицу... И уже не идолослужителе зовемся мы, но христіанами... И уже не капищъ съграждаемъ, но зиждемъ Христовы церкви; уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга, но Христосъ за ны закалаемъ бываетъ и дробимъ въ жертву Богу и Отцу; и уже не жертвеныа крове вкушающе погыбаемъ, но, Христовы пречистыя крови вкушающе, спасаемся. Вся страны благый Богъ помилова, и насъ не презрѣ, въсхотѣ и спасе ны и въ разумъ истиный приведе; пустѣ бо и преиссохши земли нашей сущи, внезапу потече источникъ евангельскый, напаяя всю землю нашу... И прѣже бывшимъ намъ, аки звѣремъ и скотомъ, не разумѣющимъ десницѣ и шуйцѣ и земленыхъ прилежащемъ (заботящимся о земномъ) и ни мала о небесныхъ попекущемся, посла къ намъ Господь заповѣди, ведуща въ жизнь вѣчную...“

2) **Вторая часть.** Вторая часть имѣетъ такое заглавіе: „Похвала кагану нашему Владимеру, отъ него же крещени быхомъ“. Въ этой части авторъ прославляетъ виновника крещенія Руси Владимира (Василія) и отмѣчаетъ при этомъ характерными, имѣющими историческое значеніе, чертами принятіе крещенія самимъ Владимиромъ и народомъ.

а) Принятіе крещенія Владимиромъ и крещеніе Руси. Славитъ похвалами Римская страна Петра и Павла, черезъ которыхъ увѣровала во Іисуса Христа, Сына Божія, Асія, Ефесъ и Патмосъ—Іоанна Богослова, Индія—Ѳому, Египетъ—Марка. Прославимъ и мы,—говоритъ авторъ,—по силѣ нашей, хотя малыми похвалами, совершившаго великія и чудныя дѣла, нашего учителя и наставника, великаго кагана земли нашей Владимира, внука древняго Игоря, сына славнаго Святослава, которые, властвуя въ свое время, прославились мужествомъ и храбростью во многихъ странахъ и по своимъ побѣдамъ и силѣ вспоминаются и прославляются донынѣ. Ибо они господствовали не въ бѣдной и неизвѣстной странѣ, но въ Русской, которая извѣстна во всѣхъ концахъ земли. Когда Владимиръ съ

правдою, мужествомъ и смысломъ управлялъ своею землею, пришло на него посѣщеніе Вышняго, и возсіялъ въ сердцѣ его разумъ. Онъ всегда слышалъ о православной, христолюбивой и сильной вѣрою землѣ Греческой, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Троицѣ и поклоняются Ему, какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія, какъ въ селеніяхъ и городахъ благовѣрныхъ всѣ прилежатъ къ молитвѣ, всѣ предстоятъ Богу, и уразумѣлъ суету идольскаго заблужденія и взыскалъ единаго Бога, сотворившаго все видимое и невидимое. Владиміръ возгорѣлся духомъ и возжелалъ сердцемъ — быть христіаниномъ. И это желаніе его осуществилось. Совлекся каганъ нашъ одежды, а съ нею и ветхаго человѣка; сложилъ одежду тлѣнную, отрясъ прахъ невѣрія и, вошедши во святую купель, возродился отъ Духа и воды. Но этимъ не удовольствовался Владиміръ: онъ повелѣлъ и всему народу своему креститься, чтобы во всѣхъ городахъ его славили имя святой Троицы малые и великіе, рабы и свободные, юные и старые, бояре и простые, богатые и убогіе. И ни одинъ человѣкъ не противился его благочестивому повелѣнію: крестились, если кто не по любви, то изъ страха къ повелѣвшему, потому что благовѣріе въ немъ соединено было съ властью. Съ этого времени тьма служенія бѣсовскаго исчезла, и нашу землю освѣтило солнце Евангелія: капища разрушены, церкви воздвигаются, идолы низвергаются, и явились иконы святыхъ, бѣсы убѣжали, крестъ освѣтилъ города... Поставлены на горахъ монастыри, явились черноризцы; мужи и жены, малые и великіе—всѣ люди наполнили святыя церкви, прославили Господа.

б) Похвала Владиміру. Послѣ этого въ сочиненіи идетъ самая похвала, распадающаяся на три части: α) прославленіе „благого помысла“ и „остроумія“ Владимира, β) о щедротахъ Владимира и сравненіе его съ Константиномъ В. и γ) обращеніе къ Владиміру.

α) *Прославленіе „благого помысла“ и „остроумія“ Владимира.* Авторъ не можетъ въ достаточной степени надивиться доблести, крѣпости и силѣ Владимира, сумѣвшаго исключительно своимъ острымъ умомъ понять, гдѣ обрѣтается истина. „Не видѣлъ еси Христа, не ходилъ еси по немъ: како ученикъ Его обрѣтеся и не видѣвше Его вѣроваша?.. Вѣдущеи бо законъ и пророки распяша и (Его), ты же, ни закона, ни пророкъ почитавъ, распятому поклонися. Како

ти сердце разверзеся? Како вниде въ тя страхъ Божій?.. Не видѣ апостола, пришедша въ землю твою, нищетою своею и наготою, и гладомъ, и жаждею сердце твое клоняща на смѣреніе; не видѣ бѣсъ изгоняющь именемъ Христовымъ, болящихъ здравующь, огня на хладъ прелагаема, мертвыихъ встающе— спхъ всѣхъ не видѣвъ, како убо вѣрова? Дивно чудо! Иніи царіе и властителе, видяще вся си бывающа отъ святыхъ мужъ, не вѣроваша, но пача на страсти и муки прѣдаша ихъ; ты же, о блаженичe, безъ всѣхъ сихъ притече ко Христу; токмо отъ благааго помысла и остроумія разумѣвъ, яко есть Богъ единъ, Творець видимыимъ и невидимыимъ, небеснымъ и земнымъ, и яко посла въ міръ спасенье възлюбленаго своего Сына!..“

β) *О щедротахъ Владимира и сравненіе его съ Константиномъ В.* Отсюда авторъ переходитъ къ прославленію щедротъ и милостынь Владимира къ бѣднымъ, говоря, что о нихъ человѣчество и нынѣ помнитъ, и высказываетъ увѣренность, что за свои милостыни и за обращеніе многочисленныхъ идолопоклонниковъ въ христіанство онъ, подобно Константину Великому, удостоится славы на небесахъ. „Подобниче великаго Коньстянтина, равноумне, равнохристолюбче, равночьстителю служителемъ Его! Онъ со святыми отци Никейскаго собора законъ человѣкомъ полагааше; ты же, съ новыими отцы нашими, епископы, снимаяся (собираясь), часто съ многимъ смѣреніемъ съвѣщаваашеся, како въ человѣцѣхъ новопознавшіихъ законъ уставити. Онъ въ елинѣхъ и римлянѣхъ царство Богу покори; ты же, о блаженниче, подобно: уже бо и въ онѣхъ и въ насъ Христосъ царемъ зовется. Онъ съ матерію своею Еленою крестъ отъ Іерусалима принесша и всему міру своему разъславша, вѣру утвердиша; ты же съ бабою твоею Ольгою принесе крестъ отъ новаго Іерусалима, Коньстянтина града и сего, на землѣ своей поставивъ, утверди. Его же убо подобникъ (подобный) сы, съ тѣмъ же единоя славы и чьсти обещника (соучастника) тя сътвори Господь на небесѣхъ благовѣрья твоего ради, еже имѣ въ животѣ своемъ“.

γ) *Обращеніе къ Владимиру.* Какъ на свидѣтелей благовѣрія Владимира, авторъ указываетъ на Десятинный храмъ, построенный имъ, храмъ, въ которомъ покоится честное тѣло его, и на сына его Ярослава (Георгія), который продолжаетъ его благочестивыя дѣла. Въ порывѣ ораторскаго во-

одушевленія авторъ обращается къ Владимиру: „Встани, о честнаа главо, отъ гроба твоего, встани, отряси сонъ! Нѣси бо умерлъ, но спиши до общаго всѣмъ въстаніа. Встани! Нѣси умерлъ: нѣсть бо ти лѣпо умрети, вѣровавшу въ Христа, живота всему міру. Отряси сонъ, возведи очи, да видиши, какоя ти чьсти Господь тамо сподобивъ и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Встани! Виждь чадо свое Георгіа (Ярослава), виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь, его же Господь изведе отъ чреслъ твоихъ; виждь красящааго столъ земля твоея, и возрадуйся, възвеселися. Къ сему же виждь и благовѣрную сноху твою Ирину, виждь внукы твоа и правнукы, како живутъ, како храними суть Господемъ, како благовѣріе держатъ по преданію твоему, како въ святыа церкви частятъ (часто ходятъ), како славятъ Христа, како покланяются имени Его. Виждь же и градъ величьствомъ сіяющъ, виждь церкви цвѣтущи, виждь христіанство растуще, виждь градъ иконами святыихъ освѣщаемъ блистающеся и тиміамомъ обухаемъ и хвалами и божествеными пѣніи святыими оглашаемъ, — и си вся видѣвъ, възрадуйся и възвеселися и похвали благаго Бога, всѣмъ симъ строителя!“.

Послѣ этого обращенія ораторъ представляетъ Владимира уже прославленнымъ на небесахъ и обращается къ нему съ молитвой, чтобы онъ помолился Богу о своей землѣ, о людяхъ своихъ и особенно о сынѣ своемъ каганѣ Георгіи.

3) **Третья часть.** „Молитва къ Богу отъ всеа земли нашеа“. Въ этой части авторъ обращается къ Богу съ молитвой отъ лица всей Русской земли. „Помяни, какъ благій, и насъ, убогихъ твоихъ... Ты—Богъ нашъ, и мы—люди твои, твоя часть, твое достояніе. Не воздѣваемъ рукъ нашихъ къ Богу чуждому, не послѣдуемъ какому либо пророку, не держимся ученія еретическаго, но призываемъ Тебя, Бога истиннаго... Доколѣ стоитъ міръ сей, не наводи на насъ напасти и искушенія и не предай насъ въ руки иноплеменниковъ, да не назовется градъ твой градомъ плѣненнымъ, и стадо твое—пришельцами въ землѣ не своей, да не скажутъ вопреки намъ народы: гдѣ есть Богъ ихъ? Не напускай на насъ скорби, глада, внезапной смерти, огня, потопленія, чтобы не отпали отъ вѣры нетвердые въ вѣрѣ. Немного накажи, немного помилуй, не сильно порази, но милостиво исцѣли, не надолго оскорби, но вскорѣ утѣшь... Продли милость твою на людяхъ твоихъ, враговъ прогони,

миръ утверди, народы укроти, голодъ вознагради изобиліемъ. Государей нашихъ сдѣлай грозными народамъ; бояръ умудри; города распространи, церковь возрости, достояніе твое соблюди, мужей, женъ и дѣтей спаси; находящихся въ рабствѣ, въ плѣненіи, въ заточеніи, въ путешествіи, въ плаваніи, темницахъ, въ алчбѣ, жаждѣ и наготѣ—всѣхъ помилуй, всѣхъ утѣшь, всѣхъ обрадуй, подавай имъ радость тѣлесную и душевную".

Эта молитва, которою заканчивается рѣчь „О законѣ и благодати", была очень цѣнима среди нашего духовенства и вошла въ церковный обиходъ.

188. Комментаріи къ сочиненію „О законѣ и благодати". Сочиненіе „О законѣ и благодати" является замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ XI в.

Оно прежде всего служитъ наглядным показателемъ той степени просвѣщенія и національнаго самосознанія, котораго достигла въ эпоху Ярослава М. передовая часть нашей аристократіи въ лицѣ придворнаго литературно-научнаго кружка (§ 180). Въ этомъ кружкѣ людей, которые уже съ дѣтства были христіанами, происходила напряженная умственная работа, направляемая, съ одной стороны, національными стремленіями, съ другой—началами византійскаго христіанства.

Авторъ сочиненія „О законѣ и благодати", одинъ изъ представителей кружка, обнаруживаетъ въ своей работѣ большія знанія, высокое умственное развитіе и литературный талантъ.

1) Всемірно-историческая точка зрѣнія. Сочиненіе Иларіона принадлежитъ къ разряду философско-историческихъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ разсматривается смѣна однихъ историческихъ народовъ другими и указывается внутренній смыслъ этой смѣны. Въ своемъ сочиненіи авторъ стоитъ на той философско-исторической (иначе—всемірно-исторической) точкѣ зрѣнія, которая выработана была еврейско-христіанскими мыслителями (§ 112). Въ элементарномъ видѣ эта точка зрѣнія состояла въ томъ, что движеніемъ человѣчества управляетъ самъ Богъ. Изъ всѣхъ народовъ Богъ избралъ въ древности одинъ, именно израильскій, и далъ ему законъ. Законъ былъ подготовительной ступенью къ воспріятію истины и благодати. Наступилъ новозавѣтный періодъ, который имѣетъ превосходство надъ ветхозавѣтнымъ: въ этомъ періодѣ всѣ народы призываются къ воспріятію истины и благодати и, слѣдовательно, къ спасенію человѣчества.

Авторъ усвоилъ эту точку зрѣнія и умѣло примѣняетъ ее къ своей родинѣ. Русь, съ этой точки зрѣнія, принадлежитъ къ тѣмъ молодымъ народамъ, которые призваны свыше къ принятію истины и благодати. Авторъ съ патріотическимъ восторгомъ изображаетъ принятіе Русью крещенія и его виновника, Владимира Св.

2) **Новый образъ Владимира.** Сочиненіе „О законѣ и благодати“ замѣчательно и въ другомъ отношеніи: въ немъ авторъ даетъ новый для того времени образъ Владимира.

Въ то время, т.-е. около половины XI в., какъ и позже, княжеско-дружинный классъ населенія распадался по міровоззрѣнію на двѣ группы. Въ одной группѣ, именно въ той, которая приняла христіанство внѣшнимъ образомъ, еще царило міровоззрѣніе до-христіанское, съ точки зрѣнія котораго освѣщались факты и событія изъ русской жизни. Другая группа, глубже воспринявшая христіанство, ощущала потребность въ замѣнѣ устарѣвшаго міровоззрѣнія византійско-болгарскимъ и дѣлала попытки освѣщать факты и событія изъ русской жизни съ новой точки зрѣнія. Къ числу такихъ попытокъ въ эпоху Ярослава М. относится и попытка автора сочиненія „О законѣ и благодати“. Во второй части своего сочиненія авторъ блестяще освѣщаетъ съ новой точки зрѣнія, христіанской, личность Владимира, создаетъ образъ благочестиваго героя и противопоставляетъ его тому образу Владимира, который жилъ въ княжеско-дружинномъ эпосѣ и такъ не подходилъ подъ образы, выработанные еврейско-византійскимъ мышленіемъ.

Въ княжеско-дружинной средѣ, лишь слегка задѣтой христіанствомъ, образъ Владимира рисовался, какъ образъ ласковаго князя, славившагося своими „щедротами и милостынями“, и совсѣмъ не рисовался, какъ образъ князя равноапостольнаго. Лѣтописецъ, писавшій въ началѣ XII в., замѣчаетъ о Владимирѣ. „Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣи земли, крестивъ ю. Мы же, хрестьяне суще, не въздаемъ почестья противу оного възданью... Да еще быхомъ имѣли потщанье и мольбы приносили Богу за нь (него) в день преставленья его, и видя бы Богъ тщанье наше к нему, прославилъ бы и (его)...“. Итакъ лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что и къ его времени личность Владимира не превратилась въ образъ равноапостольнаго князя: современники лѣтописца не воздавали Владимиру столько почести, сколько заслуживалъ подвигъ Влади-

мира; если бы,—разсуждаетъ лѣтописецъ,—мы ревностнѣе молились Богу за Владимира въ день его смерти, то, можетъ быть, Богъ прославилъ бы его, т.-е. отъ Владимира произошли бы чудеса. Но чудесъ нѣтъ, и это отсутствіе чудесъ, связанныхъ личностью Владимира, повидимому, сильно смущало приверженцевъ новаго міровоззрѣнія.

Авторъ сочиненія „О законѣ и благодати“ прекрасно справляется со своей задачей. Владиміръ въ его изображеніи превращается въ князя-просвѣтителя, утвердителя вѣры. Это — князь, удивляющій всѣхъ своею доблестью, крѣпостью и силою: онъ — другъ правды, смыслу мѣсто, милостыни гнѣздо; онъ мужественно владѣетъ мечомъ на защиту своей земли и на утвержденіе своей власти; онъ страшенъ всѣмъ сосѣднимъ народамъ; онъ „безъ блазна“ (затрудненія), съ правдой, мужествомъ и смысломъ пасетъ Богомъ данныхъ ему людей. Но будучи столь мужественнымъ и непобѣдимымъ, Владиміръ склоняется передъ служителями вѣры; покоривъ свое царство Богу, онъ смиренно совѣщается съ епископами о томъ, какъ уставить законъ въ новопросвѣщенномъ народѣ; онъ строитъ и украшаетъ церкви и монастыри, часто присутствуетъ при богослуженіи, оказываетъ покровительство и помощь бѣднымъ, больнымъ, заложникамъ и содержимымъ въ рабствѣ; съ врагами вѣры онъ поступаетъ строго и страхомъ передъ своею властью заставляетъ ихъ умолкать. Даже по смерти онъ не прекращаетъ своихъ заботъ о родной землѣ и церкви, потому что не свойственно умереть тому, кто увѣровалъ во Христа—жизнь всего міра; съ высоты своего небеснаго жилища онъ наблюдаетъ за дѣлами своей земли и молится о ней...

Такимъ образомъ, авторъ создалъ изъ личности Владиміра образъ благочестиваго князя-просвѣтителя, руководствующагося въ своей дѣятельности указаніями учительствующей части церкви. Владиміръ, добровольно создавшій у насъ церковную власть, дѣйствительно, часто руководился въ своей государственной дѣятельности указаніями представителей церкви, и потому новый образъ Владиміра не противорѣчилъ исторіи.

Создавъ этотъ образъ, авторъ сочиненія „О законѣ и благодати“ выставилъ его, какъ идеалъ для каждаго русскаго князя. Такъ въ лицѣ автора этого сочиненія русская церковь впервые выступила съ идеей о подчиненіи свѣтской власти церковному руководительству.

3) Церковныя отношенія Руси и Византіи. Создавъ изъ личности Владимира церковный идеалъ князя, авторъ сочиненія „О законѣ и благодати“ воспользовался имъ и для другой задачи—для борьбы съ руководительствомъ грековъ въ русской церкви.

Греки, со времени принятія Русью крещенія, пріобрѣли верховную власть надъ русской церковью. Стремясь сохранить за собою эту власть навсегда, греки передавали исторію крещенія Владимира и Руси по-своему, съ точки зрѣнія, которая благопріятствовала ихъ власти. Такъ, легенда о предсказаніи апостола Андрея на горахъ кіевскихъ, повидимому, была греческаго происхожденія: такъ какъ просвѣтителемъ Греціи считался апостолъ Андрей, то этой легендой греки хотѣли выразить ту идею, что Русь въ церковномъ отношеніи представляетъ не болѣе, какъ подчиненную часть Греціи, и притомъ съ весьма древнихъ, апостольскихъ временъ. Другая легенда, связанная съ корсунскимъ походомъ Владимира, несомнѣнно уже греческаго происхожденія, занесенная въ Кіевъ „корсунскими попами“, которыхъ привезъ Владиміръ. Эта легенда повѣствовала о греческомъ миссіонерѣ къ Владимиру и о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ имъ на Владимира, объ отправленіи Владимиромъ пословъ во всѣ страны для испытанія вѣръ, о слѣпотѣ Владимира наканунѣ крещенія, объ его чудесномъ исцѣленіи въ моментъ крещенія и т. д. [1]).

Авторъ сочиненія „О законѣ и благодати“, вѣроятно, знакомый съ этими легендами, смѣло противорѣчитъ имъ: Владиміръ слышалъ о Греческой землѣ, но принялъ онъ крещеніе не вслѣдствіе проповѣди греческаго миссіонера, не потому, что былъ склоненъ къ этому какимъ-нибудь апостоломъ или какими-нибудь чудесами,—ничего подобнаго,—говоритъ авторъ,—не было, а въ силу своего разумнаго убѣжденія. Сравнивая князя Владимира съ другими царями и властителями, авторъ отдаетъ предпочтеніе Владимиру: другіе цари были свидѣтелями чудесъ, которые творили святые: изгнаніе бѣсовъ, превращеніе огня въ холодъ, воскресеніе мертвыхъ и пр., и все-таки не приняли крещенія и святыхъ мужей мучили и уби-

[1]) Въ этой легендѣ, повидимому, сохранились отголоски крещенія русскихъ князей до Владимира Св., особенно отголоски крещенія Аскольда (§ 29).

вали; Владимиръ же, безъ какихъ-нибудь чудесъ, а въ силу одного только убѣжденія, принялъ крещеніе. Это даетъ право автору ставить Владимира и его подвигъ наравнѣ съ Константиномъ и его подвигомъ, а Русскую землю наравнѣ съ Греціей.

Такъ авторъ обосновалъ національную задачу своего времени: добиться независимости русской церкви отъ византійской. Идея такой независимости въ эпоху Ярослава М. была въ русскихъ правящихъ кругахъ очень популярной. Въ концѣ княженія Ярослава была сдѣлана попытка осуществить эту идею: кіевскимъ митрополитомъ былъ избранъ, безъ сношенія съ Константинополемъ, русскій человѣкъ, именно Иларіонъ.

4) Литературныя вліянія на сочиненіе „О законѣ и благодати“ и его стиль. Сочиненіе „О законѣ и благодати“ замѣчательно также, какъ образчикъ русскаго произведенія, написаннаго подъ вліяніемъ образцовъ соотвѣтствующей византійской литературы. Въ немъ замѣтно вліяніе апокрифовъ, житій святыхъ (агіографіи) и того особаго литературнаго стиля, который былъ выработанъ византійскими авторами толкованій къ св. Писанію (§ 23).

а) Вліяніе апокрифовъ. Слѣды вліянія апокрифовъ можно видѣть на слѣдующихъ примѣрахъ. Авторъ говоритъ: „Яко человѣкъ, (Христосъ) бѣжаше въ Египетъ, и яко Богу, рукотвореннаа египетскаа поклонишася“. Въ каноническихъ Евангеліяхъ о поклоненіи Христу египетскихъ идоловъ ничего нѣтъ, а въ апокрифическомъ Евангеліи Матѳея объ этомъ имѣется цѣлое сказаніе. Фраза: „Тъ Богъ есть, творяй чудеса, съдѣла спасеніе посредѣ земля крестомъ и мукою на мѣстѣ лобнемь, вкусивъ оцта и желчи, да сластнаго вкушенія Адамова, еже отъ древа преступленіе и грѣхы вкушеніемъ горести прогонетъ“—связана, съ одной стороны, съ апокрифомъ о распятіи Христа на крестѣ, который былъ сдѣланъ изъ дерева, выросшаго изъ главы Адама (§ 49), а съ другой, — съ представленіемъ о центрѣ земномъ, находившемся въ Іерусалимѣ около мѣста погребенія Христа (§ 228).

б) Вліяніе агіографіи. Вліяніе византійской агіографической литературы сказалось во второй части сочиненія, гдѣ восхваляется Владимиръ. Такъ, свѣдѣнія объ обрѣтеніи креста Еленой и о Никейскомъ соборѣ авторъ могъ получить только изъ этой литературы. Знакомство автора съ агіографической литературой доказывается особенно слѣдующимъ мѣстомъ сочиненія, въ

которомъ Владимиръ противопоставляется нечестивымъ царямъ: „Не видѣ апостола пришедша въ землю твою, иже нищетою своею и наготою, и гладомъ же, и жаждею сердце твое клоняща на смиреніе. Не видѣ бѣсъ изгоняща именемъ Христовымъ, болящіихъ здравующь, огня на хладъ прелагаема, мертвыихъ въстающе... Иніи царіе и властеле, видяще си вся бывающа отъ святыхъ мужь, не вѣроваша, но паче на страсти и муки предаша ихъ". Изложенныя въ этомъ отрывкѣ свѣдѣнія о нечестивыхъ царяхъ-мучителяхъ, о проповѣдникахъ вѣры и ихъ чудесахъ могли быть почерпнуты опять-таки только изъ житій святыхъ.

в) Стиль. Стиль первой части сочиненія, въ подражаніе византійскимъ комментаторамъ св. Писанія, состоитъ изъ антитезъ, олицетвореній, отвлеченныхъ понятій и символическаго параллелизма. Примѣромъ антитезы, т.-е. противоположенія, можетъ быть слѣдующая фраза: „Прежде — законъ, потомъ — благодать; прежде—стѣнь (тѣнь), ти потомъ—истина". Олицетвореніе отвлеченныхъ понятій, т.-е. изображеніе отвлеченнаго понятія живымъ существомъ, проявляется въ слѣдующей фразѣ, въ которой благодать представлена живымъ существомъ: „Благодать же глагола къ Богу: аще нѣсть времене снити ми на землю и спасти міръ, сниди на гору Синай и законъ положи... Послуша и (ея) Богъ яже отъ благодати словесъ и сниде на Синай". Для символическаго параллелизма византійскіе писатели заимствовали образы или изъ природы, или изъ св. Писанія. Примѣромъ символизма перваго рода можетъ служить сопоставленіе закона съ тѣнью, свѣтомъ луны, ночнымъ холодомъ, а благодати—съ сіяніемъ солнца, съ теплотой. Больше примѣровъ символизма второго рода: рабыня Агарь—символъ закона, Ветхаго Завѣта, свободная Сарра—символъ благодати, Новаго Завѣта; возложеніе Іаковомъ правой руки на голову младшаго сына, Ефрема, а лѣвой на голову старшаго, Манассіи,—символъ превосходства и побѣды болѣе молодого новозавѣтнаго ученія надъ старымъ ученіемъ, іудейскимъ.

„Древній Новгородскій сводъ".

(1050).

189. „Древній Новгородскій сводъ". Въ 1050 г. въ Новгородѣ произошло выдающееся событіе: на мѣсто сгорѣвшей

деревянной церкви св. Софіи была построена новая, каменная. Это случилось при новгородскомъ князѣ Владимирѣ, сынѣ Ярослава М., и при новгородскомъ епископѣ Лукѣ Жидятѣ. Въ ознаменованіе этого событія былъ составленъ, по распоряженію Луки, лѣтописный сводъ, называемый „Древнимъ Новгородскимъ сводомъ“ (1050).

Въ этомъ сводѣ излагаются событія отъ начала Руси до 1050 г. включительно, когда въ Новгородѣ былъ оконченъ постройкой и освященъ храмъ св. Софіи.

Для составленія „Древняго Новгородскаго свода“ редакторъ пользовался источниками двухъ родовъ: 1) письменными и 2) устными.

1) Письменные источники. Въ распоряженіи редактора „Древняго Новгородскаго свода“ были два основныхъ письменныхъ источника: а) „Древнѣйшій Кіевскій сводъ“ и б) „Новгородская лѣтопись 1036 г.“.

а) „Древнѣйшій Кіевскій сводъ“. Въ основу „Древняго Новгородскаго свода“ легъ „Древнѣйшій Кіевскій сводъ“ (§§ 181—185), копія котораго была, повидимому, привезена въ Новгородъ епископомъ Лукою. Этотъ сводъ вошелъ въ составъ „Древняго Новгородскаго свода“ почти цѣликомъ, отъ начала и до вступленія на престолъ Ярослава М., а дальше— въ краткомъ извлеченіи.

б) „Новгородская лѣтопись 1036 г.“. Вторымъ важнымъ письменнымъ источникомъ была мѣстная „Новгородская лѣтопись 1036 г.“.

„Новгородская лѣтопись 1036 г.“ состояла изъ двухъ частей.

а) Первая часть. Первая часть была составлена въ 1017 г. новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ по постановленію новгородскихъ властей. Въ ней излагались событія изъ исторіи Новгорода, отъ крещенія новгородцевъ до 1016 г. включительно.

Въ началѣ лѣтописи 1017 г., подъ 6497 (989) г., сообщалось слѣдующее событіе: „Приде Новугороду епископъ Іоакимъ Кърсунянинъ и требища раздруши и кумиры посѣче. И уряди собѣ церкъвь богоотець Іоакима и Анны, а святую Софию заложи дубову коньць Пискуплѣ улицѣ надъ Вълховъмь и съвьрши ю о 13 вьрсѣхъ“ (верхахъ).

Далѣе сообщалось о томъ, что Владимиръ посадилъ въ

Новгородѣ своего сына Вышеслава, а по смерти его—другого сына, Ярослава. Особенное вниманіе удѣлено составителемъ лѣтописи 1017 г. событіямъ, разыгравшимся въ Новгородѣ въ 6522 — 6524 (1014 — 1016) гг. Ярославъ отказался платить своему отцу Владимиру дань. Владиміръ сталъ готовиться къ походу на Ярослава. Ярославъ, съ своей стороны, выписалъ изъ-за моря варяговъ. „Нъ (но) Богъ, — пишетъ лѣтописецъ,—не въдасть дияволу радости: Володимеръ бо съконьчася, Святополкъ же сѣде Кыевѣ и нача избивати братию свою". Ярославъ не зналъ о томъ, что происходило въ Кіевѣ. Между тѣмъ нанятые Ярославомъ варяги стали „насилие дѣяти новъгородьцемъ". Новгородцы собрались ночью и „исѣкоша варяги въ Поромони дворѣ". Узнавъ объ этомъ, Ярославъ, находившійся „на Ракомѣ", разгнѣвался на новгородцевъ. Онъ послалъ къ нимъ сказать: „уже мънѣ сихъ не крѣсити" (воскресить), и пригласилъ къ себѣ „нарочитыхъ мужей", избившихъ варяговъ, и перебилъ тысячу славныхъ воиновъ. Въ ту же ночь Ярославъ, услышавъ о событіяхъ въ Кіевѣ, раскаялся передъ новгородцами и попросилъ у нихъ помощи. Новгородцы согласились. Взявъ 3.000 новгородцевъ и присоединивъ къ нимъ 1.000 вновь приглашенныхъ варяговъ, Ярославъ пошелъ на Святополка. Битва произошла близъ Любеча. Святополкъ потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ, а Ярославъ занялъ престолъ своего отца. И вознаградилъ Ярославъ своихъ воиновъ, и далъ новгородцамъ грамоту, содержавшую „правъду и уставъ". Лѣтопись заканчивалась этой грамотой, на которой потомъ новгородцы основывали свои притязанія на особыя права и привилегіи.

Лѣтопись 1017 г. была составлена съ цѣлью увѣковѣчить фактъ дарованія новгородцамъ грамоты съ „правдой и уставомъ".

β) *Вторая часть.* Вторая часть „Новгородской лѣтописи 1036" была составлена и присоединена къ первой части въ 1036 г. Поводомъ къ ея составленію были слѣдующія обстоятельства.

Около 1020 г. Ярославъ велѣлъ арестовать новгородскаго посадника Константина (сына Добрыни, знаменитаго дяди Владимира Св.) и подвергъ его тюремному заключенію. На третье лѣто послѣ этого Константинъ былъ казненъ. Эти дѣйствія Ярослава объясняются, вѣроятно, тѣмъ, что Константинъ, а съ

нимъ и Новгородъ, держали себя, на основаніи грамоты Ярослава, слишкомъ независимо отъ кіевскаго князя, такъ же, какъ держалъ себя самъ Ярославъ при жизни своего отца. Вѣроятно, Ярославъ не ограничился арестомъ и казнью Константина, а въ то же время пріостановилъ и дѣйствіе грамоты. Въ 1036 г. Ярославъ посадилъ на новгородскій престолъ своего сына Владимира и въ то же время далъ новгородцамъ новую грамоту, по которой размѣръ дани, уплачиваемой новгородцами, былъ уменьшенъ въ 10 разъ сравнительно съ данью, которая уплачивалась при Владимирѣ Св. Такое важное въ исторіи Новгорода событіе требовало увѣковѣченія. Эта задача была осуществлена въ 1036 г., когда епископскую каѳедру въ Новгородѣ занималъ Лука [1]).

2) Устные источники. Устные источники „Древняго Новгородскаго свода“ были двоякаго рода: а) устныя древнія преданія и б) свидѣтельства современниковъ редактора.

а) Устныя преданія. Изъ устныхъ новгородскихъ преданій, вошедшихъ въ сводъ, наиболѣе замѣчательны слѣдующія: α) о призваніи варяговъ, β) о Владимирѣ и его дядѣ Добрынѣ.

α) *О призваніи варяговъ.* Новгородскіе люди, называемые славянами, кривичи, меря и чудь давали дань варягамъ. И возстали они на варяговъ, прогнали ихъ за море и стали владѣть сами собою. Славяне имѣли свою волость. Они построили себѣ городъ, назвали его Новгородомъ и поставили себѣ во главѣ старѣйшину Гостомысла. Кривичи, меря и чудь имѣли тоже свои волости. И начали всѣ они воевать другъ съ другомъ, „и бысть межю ими рать велика и усобица. И въсташа градъ на градъ, и не бѣ въ нихъ правъды“. Тогда они рѣшили поискать себѣ князя. Они отправились за море къ варягамъ и сказали: „Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣту; да поидѣте къ намъ княжить и владѣть нами“. Поднялись три брата со своими родами, взяли съ собою много дружины и явились къ Новгороду. Старшій братъ, Рюрикъ, сѣлъ въ Новгородѣ, другой, Синеусъ,—на Бѣлоозерѣ, а третій, Труворъ,—въ Изборскѣ.

β) *О Владимирѣ и его дядѣ Добрынѣ.* Къ Святославу въ Кіевъ явились новгородскіе люди просить себѣ князя.

---

[1]) Грамоты Ярослава до насъ не дошли: составители московскихъ сводовъ, пользовавшіеся новгородскими сводами, не переписывали ихъ.

Святославъ обѣщалъ дать имъ кого-либо изъ своихъ сыновей, если они согласятся. Ярополкъ и Олегъ отказались. И сказалъ Добрыня новгородцамъ, чтобы они просили Владимира. „Бѣ бо Володимеръ отъ Малъфрѣди, ключьницѣ Ользины (Ольги), сестра же бѣ Добрынина, отьць же бѣ има (ихъ) Мьстиша Свѣнелдичь [1]), и бѣ Добрыня уй (дядя) Володимеру“. Новгородцы попросили Владимира. Святославъ сказалъ имъ: „Ото вы есть“ (вотъ вамъ его)! Новгородцы взяли Владимира къ себѣ. И пошелъ Владимиръ въ Новгородъ съ дядей своимъ Добрынею и сѣлъ въ немъ.

И былъ Добрыня „храбръ и нарядьнъ (распорядительный) мужъ“. Добрыня послалъ къ Рогволоду Полоцкому просить его дочь Рогнѣду за Владимира. Рогнѣда отвѣтила: „Не хощю розути робичища, нъ (но) Ярополка хощю“. Рогволодъ пришелъ изъ за моря и имѣлъ волость свою въ Полоцкѣ. Послы Добрыни, вернувшись къ Владимиру, передали ему отвѣтъ Рогнѣды. Разгнѣвался Владимиръ и сказалъ объ этомъ Добрынѣ. Добрыня „испълнися ярости, и, поимша вои, (они) идоста на Полотьскъ и побѣдиста Рогъволода“. Рогволодъ заперся въ городѣ. Добрыня и Владимиръ взяли городъ и схватили Рогволода, его жену и дочь. Добрыня убилъ Рогволода и жену его, а Рогнѣду отдалъ Владимиру въ жены.

б) Свидѣтельства современниковъ редактора. Вторымъ устнымъ источникомъ „Древняго Новгородскаго свода“ были свидѣтельства современниковъ, совпадавшія съ припоминаніями самого редактора. Свѣдѣнія, сообщенныя отъ 1037 до 1050 г., состоятъ изъ такихъ свидѣтельствъ и припоминаній, снабженныхъ хронологическими датами.

„Древній Новгородскій сводъ“ 1050 г. имѣлъ продолженіе. При дворѣ новгородскаго епископа записывались, хотя и съ перерывами, наиболѣе выдающіяся событія. Отъ времени до времени эти записи собирались и вносились въ сводъ. Такъ, въ 1079 г. внесены были въ него свѣдѣнія о событіяхъ, происшедшихъ между 1050—1079 гг. Новыя свѣдѣнія были внесены въ 1097 г. и въ 1108 г.

---

[1]) О Мистишѣ см. § 184.

Лука Жидята.

(1036—1059).

190. „Поученіе къ братіи“, его авторъ и время составленія. „Поученіе къ братіи“ найдено было въ началѣ XIX в. въ двухъ спискахъ (XIV-го или XV в.) лѣтописи; оно помѣщено было вслѣдъ за извѣстіемъ о назначеніи Луки Жидяты новгородскимъ епископомъ. Это дало поводъ первому издателю приписать поученіе Лукѣ Жидятѣ. Въ одномъ изъ позднѣе найденныхъ списковъ „Поученіе къ братіи“ изложено безъ имени автора, и притомъ подъ заглавіемъ: „Слово поучение іерусалимское“. Такое заглавіе дано было „Поученію къ братіи“, вѣроятно, потому, что по сжатости изложенія основныхъ религіозно-нравственныхъ истинъ оно уподоблялось апокрифическимъ „епистоліямъ“, ниспосылавшимся будто-бы съ неба въ Іерусалимѣ. Въ одномъ изъ списковъ XVI в. это поученіе носитъ также заглавіе: „Поучение архиепископа Лукы къ братии“. Такимъ образомъ, догадка перваго издателя, повидимому, подтверждается.

О жизни и дѣятельности Луки Жидяты, или Жиряты [1]), лѣтописи сообщаютъ лишь немногія данныя.

„Въ лѣто 6538 (1030),—говорится въ лѣтописяхъ,—преставися архіепископъ Акимъ Новгородскій [2]), и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше“ [3]).

„Въ лѣто 6538 (1030). Преставися первый епископъ Іоакимъ Новгородскій; бѣ во епископіи 42 лѣта, и бѣ въ его мѣсто ученикъ его Ефремъ, и благословенъ бысть епископомъ Іоакимомъ, еже учити люди новопросвѣщенныя, понеже Русская земля вновѣ крестися, чтобъ мужи и жены вѣру хри-

---

[1]) Прозвище „Жидята“, или „Жирята“, находится, повидимому, въ связи съ популярнымъ въ Новгородѣ именемъ „Гюрги“, т.-е. Георгій, черезъ формы „Гюрята“, „Жюрята“. Возможность такихъ переходныхъ формъ доказывается правописаніемъ въ лѣтописяхъ отчества извѣстнаго воеводы Бориса Жирославича, которое встрѣчается также въ формѣ „Жидиславичъ“.

[2]) Это былъ первый новгородскій епископъ грекъ, привезенный Владимиромъ Св. изъ Корсуня; отсюда его прозвище—Корсунянинъ (§ 189).

[3]) Имѣется въ виду школа, открытая въ Новгородѣ Іоакимомъ. Учителемъ въ этой школѣ былъ упомянутый здѣсь Ефремъ, тоже грекъ по происхожденію.

стіанскую твердо держали, а поганскія вѣры не держали и не имѣли бъ; сей, поучивъ люди пять лѣтъ, святительству же не сподобися“ (т.-е. не былъ назначенъ епископомъ новгородскимъ).

„Въ лѣто 6544 (1036). Иде Ярославъ Новугороду и посади сына своего Володимира Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту“...

„Въ лѣто 6553 (1045). Заложи Володимеръ святую Соѳью Новѣгородѣ“.

„Въ лѣто 6561 (1053). У Всеволода (сына Ярослава М.) родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, отъ царицѣ грькынѣ“.

„Въ лѣто 6563 (1055) клевета бысть на архіепископа Луку отъ своего холопа Дудики, и изыде изъ Новагорода, и иде Кіеву, и осуди и (его) митрополитъ Ефремъ, и пребысть тамо три лѣта“.

„Въ лѣто 6566 (1058) архіепископъ Лука пріа столъ свой въ Новѣгородѣ и свою власть; Дудици же холопу оскомины бѣша (подвергли наказанію): урѣзаша ему носа и руцѣ отсѣкоша, и сбѣже въ нѣмци“.

„Въ лѣто 6567 (1059), октовріа въ 15 день, преставися епископъ новгородскій Лука, ѣдучи изъ Кіева, на Копысѣ, и положенъ бысть въ Великомъ Новѣгородѣ за святою Софіею, и бысть во епископіи 23 лѣта“.

Таковы скудныя лѣтописныя данныя, имѣющія связь съ личностью и дѣятельностью Луки Жидяты. Сопоставляя ихъ съ фактами изъ русской исторіи во второй трети XI в., можно придти къ слѣдующимъ выводамъ о Лукѣ Жидятѣ.

Лука Жидята былъ знатный новгородецъ, лично извѣстный Ярославу М. по своимъ выдающимся способностямъ. Свое образованіе Лука, вѣроятно, получилъ въ школѣ, основанной новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ, грекомъ. Учителемъ въ этой школѣ былъ грекъ Ефремъ, ученикъ Іоакима. Передъ своею смертью Іоакимъ благословилъ Ефрема на занятіе новгородской каѳедры. Однако Ефремъ этой каѳедры не получилъ: въ правящихъ кіевскихъ кругахъ созрѣвала мысль о національзаціи русской церкви, объ освобожденіи ея отъ греческой власти. Въ 1036 г. Ярославъ назначилъ епископомъ новгородскимъ Луку Жидяту. Такимъ образомъ, грекъ Ефремъ, готовившійся занять новгородскую каѳедру, былъ отстраненъ.

Лука Жидята, въ качествѣ новгородскаго епископа (1036—1059) проявлялъ выдающуюся дѣятельность.

Во-первыхъ, до него въ Новгородѣ было только два небольшихъ храма: деревянный храмъ св. Софіи, построенный въ 989 г. епископомъ Іоакимомъ, и храмъ свв. Іоакима и Анны, построенный имъ же и въ томъ же году. Лука, при новгородскомъ князѣ Владимирѣ, сынѣ Ярослава, строитъ великолѣпный каменный храмъ св. Софіи (1045—1052), который, съ нѣкоторыми измѣненіями, существуетъ до настоящаго времени. Вѣроятно, при Лукѣ построено было еще много другихъ храмовъ: это можно заключить изъ того, что въ концѣ XI в. Новгородъ славился обиліемъ храмовъ и монастырей. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого вывода можетъ служить слѣдующее обстоятельство. Ко времени Луки дѣти, учившіяся въ школѣ, открытой въ Новгородѣ Ярославомъ М. (§ 180), должны были достичь зрѣлаго возраста. Вѣроятно, большинство изъ нихъ стало священниками, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ сами были дѣтьми священниковъ.

Во-вторыхъ, при Лукѣ развивается въ Новгородѣ выдающаяся просвѣтительная дѣятельность. Такъ, при немъ (1047) издана была книга „Толковыхъ пророчествъ“, переписанная попомъ Упыремъ Лихимъ (§ 43); въ его же епископство (1056—1057) составленъ былъ для новгородскаго посадника Остромира діакономъ Григоріемъ извѣстный списокъ Евангелія (§ 43). Предполагаютъ также, что „Древній Новгородскій сводъ“ (§ 189) составленъ по иниціативѣ Луки. Въ связи съ такою дѣятельностью, вѣроятно, развивалось въ Новгородѣ учительное и проповѣдническое слово, однимъ изъ образцовъ котораго является „Поученіе къ братіи“.

Около 1052 г. враждебныя отношенія между Русью и Греціей (§ 186) прекратились. Возобновились прежнія мирныя отношенія, скрѣпленныя даже бракомъ между Всеволодомъ, сыномъ Ярослава М., и одной изъ греческихъ царевенъ. Вѣроятно, мирныя отношенія возобновились подъ условіемъ возвращенія русской церкви подъ старую власть константинопольскаго патріарха. Это видно изъ того, что послѣ митрополита Иларіона (§ 186) митрополичью каѳедру въ Кіевѣ снова занимаетъ грекъ по происхожденію, Ефремъ (1054). Судя по имени, это былъ тотъ самый Ефремъ, который былъ отстраненъ отъ новгородской епископской каѳедры въ пользу Луки Жидяты: только при такомъ допущеніи становятся понятными дальнѣйшія событія изъ жизни Луки.

Въ 1055 г. одинъ изъ холоповъ Луки возвелъ на своего господина передъ митрополитомъ какую-то клевету. Лука былъ обвиненъ въ „неподобныхъ рѣчехъ“. Въ чемъ состояли эти рѣчи, неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, что Лука, дѣятельно работавшій для національзаціи русской церкви, высказывался противъ назначенія митрополитомъ грека. Если вѣрно предположеніе, что Ефремъ—отстраненный въ пользу Луки кандидатъ на новгородское епископство, то „неподобныя рѣчи“ Луки должны были вызвать со стороны Ефрема самый суровый отпоръ, подсказываемый чувствомъ мести. Дѣйствительно, вызванный въ Кіевъ, Лука былъ осужденъ и подвергнутъ заточенію, въ которомъ пробылъ три года. Въ 1058 г. Лука получилъ свободу, потому ли, что ему удалось оправдаться, или потому, что, вѣроятно, умеръ его врагъ, митрополитъ Ефремъ. Лука не только получилъ свободу, но и вернулъ себѣ епископскую каѳедру въ Новгородѣ. Вернувшись въ Новгородъ, Лука подвергъ своего клеветника, холопа Дудику, тяжелому физическому наказанію, именно, велѣлъ „урѣзать“ ему носъ и отсѣчь руки.

Въ 1059 г. Лука скончался.

Относительно времени появленія „Поученія къ братіи“ существуютъ два мнѣнія.

Одни полагаютъ, что „Поученіе“ было произнесено Лукою при вступленіи въ управленіе Новгородскою епархіей, т.-е. въ 1036 г.

Другіе предполагаютъ, что „Поученіе“ было не проповѣдью, произнесенной устно, въ церкви, а посланіемъ, адресованнымъ Лукою паствѣ письменно въ отсутствіи изъ Новгорода. На это наводитъ заглавіе поученія—„къ братіи“, т.-е., вѣроятнѣе всего, ко всей паствѣ, и заключительныя слова „Поученія“: „Богъ же мира со всѣми вами“, которыя едва-ли умѣстны въ обыкновенномъ поученіи въ церкви. По всей вѣроятности, „Поученіе къ братіи“ послано было въ Новгородъ Лукою Жидятой изъ Кіева, куда онъ часто ѣздилъ по дѣламъ епархіи, а, можетъ быть, во то время, когда онъ находился тамъ въ качествѣ обвиняемаго и когда, слѣдовательно, у него былъ серьезный поводъ съ особенной силой задуматься надъ христіанскими чувствами и христіанскою жизнью своей паствы. Въ такомъ случаѣ „Поученіе къ братіи“ должно было появиться значительно позже, между 1055—1058 гг.

191. Содержаніе „Поученія къ братіи“ и комментаріи къ нему. „Поученіе къ братіи“, по своей краткости и простотѣ изложенія, можетъ служить образчикомъ древнихъ поученій, направленныхъ духовенствомъ къ новообращенной паствѣ, еще плохо разумѣвшей основныя начала новаго ученія и налагаемыя имъ обязанности.

Всѣ христіане должны, — поучаетъ Лука, — прежде всего вѣрить въ Бога, и Троицу—Отца, Сына и Св. Духа. Затѣмъ нужно вѣрить въ воскресеніе изъ мертвыхъ и жизнь вѣчную для праведниковъ и въ муку вѣчную для грѣшниковъ.

Объ обязанностяхъ христіанина авторъ даетъ такія наставленія: „Не ленитеся къ церкви ходити и на заутреню, и на обѣдню, и на вечерню; и въ своей клѣти, хотя спати, Богу поклонився, толико (тогда) на постели лязи. Въ церкви предстоите со страхомъ Божіемъ, не молви рѣчи, но ни мысли (не думай о постороннемъ), но моли Бога всею мыслью, да отдасть ти Богъ грѣхи“.

Автору приходится давать своимъ читателямъ и нравственныя наставленія, большею частью весьма элементарнаго свойства: „Любовь имѣите со всяцѣмъ человѣкомъ, а боле з братиею, и не буди ино на сердци, а ино въ устѣхъ; но подъ братомъ амы (ямы) не рой, да тебя Богъ вь горшаа тои не вринеть... Претерпите братъ брату и всякому человѣку, а не въздаите зла за зло... Не мози свадити (не производи ссоръ), да не наречешися сынь диаволу, но смиряи (примиряй поссорившихся), да будеши сынь Богу... Помните и милуите странныя (странниковъ) и убогыя и темничникы (заключенныхъ въ темницахъ) и своимъ сиротамъ (рабамъ) милостиви будете. Чтите стара человѣка и родителя своя; не кленитеся Божіимъ именемъ, ни иною заклинаете ни проклинаите. Бога ся боите, князя чтите, раби первое Бога, также господу (государя); чтите отъ всего сердца иереа Божиа, чтите и слугы церковныя. Не убий, не укради, не солжи, лжи послухъ (свидѣтель) не буди“.

Въ „Поученіи къ братіи“ встрѣчаются такія наставленія, которыя касаются и современныхъ пороковъ. Такъ, Лука вооружается противъ лихоимства („судите по правдѣ, мзды не емлите, въ лихву не даите“) и пьянства („не піи безъ года (безвременно), но здоволъ (въ мѣру), а не по пианьства“).

Но особенно интересны слѣдующія слова „Поученія къ

братіи“: „Буести не имѣите, ни гордости“. „Буесть“ (отъ слова „буй“—высокій) буквально значитъ высота; чаще всего это слово примѣнялось въ древности къ полету птицъ и означало „пареніе“. Но слово „буесть“ имѣло и переносный смыслъ: оно означало самоувѣренность, сознаніе своихъ силъ, отвагу, смѣлость въ борьбѣ и на войнѣ, т.-е. такое качество, которое особенно цѣнится и идеализируется въ эпохи, когда властвуетъ грубая физическая сила. „Буесть“, качество въ высокой степени цѣнное съ точки зрѣнія княжеско-дружинной, особенно должно было возбуждать протестъ съ точки зрѣнія византійскаго христіанства, проповѣдующаго кротость и смиреніе. Отсюда наставленіе автора: „буести не имѣите, ни гордости“.

Въ связи съ этимъ наставленіемъ находится другое наставленіе автора: „И не буди ино на сердци, а ино въ устѣхъ“. Этими словами авторъ вооружается противъ качества, прямо противоположнаго „буести“, но не менѣе его цѣнившагося въ древности, именно противъ хитрости. Достаточно вспомнить, какою славою преданіе окружило Ольгу за ея хитро исполненную месть древлянамъ (§§ 206, 209) и за то, что она „переклюкала“ византійскаго императора (§ 206), чтобы понять, какъ представители церкви должны были вооружаться противъ хитрости и обмана.

Наконецъ, авторъ обращается еще съ однимъ наставленіемъ: „Москолудство вамъ, братіе, нелѣпо имѣти, ни молвити срамна слова“... Первоначально слово „москолудство“ производили отъ словъ „маска“ и „луда“ (т.-е. одежда) и на этомъ основаніи предполагали, что авторъ предостерегаетъ противъ переряживаній. Но затѣмъ найдено было, что словомъ „москолудство“ переводится греческое слово μιμολογία („мимологія“), которое означаетъ исполненіе мимовъ, шутовство, буффонство. Авторъ въ вышеприведенномъ наставленіи предостерегаетъ своихъ читателей противъ театральныхъ зрѣлищъ, составлявшихъ спеціальность скомороховъ, этихъ музыкантовъ, актеровъ, бродячихъ артистовъ, безъ которыхъ въ древности не обходились пиры и свадьбы (§ 291); вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ убѣждаетъ не употреблять въ разговорѣ ругательныхъ словъ.

Таково, въ основныхъ чертахъ содержаніе „Поученія къ братіи“.

Въ „Поученіи“ нѣтъ какой-либо одной главной мысли: въ

немъ изложенъ рядъ разнообразныхъ и равносильныхъ мыслей. Авторъ „Поученія“ стремится обнять всѣ основные элементы христіанства, какъ-религіозно-нравственнаго ученія, и въ простой общепонятной формѣ представить ихъ своимъ читателямъ или слушателямъ: въ немъ перечислены обязанности къ Богу, къ ближнему и къ самому себѣ.

„Поученіе къ братіи“ не отличается стройностью плана въ развитіи мыслей, или полнотой и соразмѣрностью въ ихъ распредѣленіи: проповѣдь любви къ Богу у автора переплетается съ указаніями на обязанность для христіанина личнаго самонаблюденія; требованіе вѣры въ Бога, основное требованіе христіанской религіи, стоитъ у автора рядомъ съ такимъ частичнымъ проявленіемъ богопочитанія, какъ молитва, и т. д.

Эти особенности содержанія и формы „Поученія“ объясняются, помимо элементарности древне-русскаго просвѣщенія, и задачей автора: послѣдній хотѣлъ своей паствѣ, жившей еще до-христіанскими навыками, внушить необходимость перестроить свои отношенія на началахъ христіанскаго ученія.

Для достиженія своей задачи авторъ цитируетъ рядъ подходящихъ еврейско-христіанскихъ произведеній: „Символъ вѣры“, „Заповѣди десятословія“, изреченія изъ „Псалтири“, „Евангелія“, „Посланій“ апостольскихъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Поученіе“ совпадаетъ по выраженнымъ мыслямъ съ мыслями въ сочиненіяхъ Кирилла Іерусалимскаго.

Языкъ „Поученія“ отличается сжатостью и простотой, столь характерной для новгородскихъ произведеній вообще.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Зарожденіе самосознанія въ городской демократіи.

192. Зарожденіе самосознанія въ городской демократіи. Въ первой половинѣ XI в., когда въ русской аристократіи замѣчается зарожденіе самосознанія, этотъ же самый процессъ наблюдается и среди городской демократіи, во главѣ которой стояла мѣстная аристократія. Къ этому времени христіанское ученіе становится уже достояніемъ и горожанъ. Изъ ихъ среды выдѣляются лица, которыя въ христіанскомъ ученіи и въ формахъ христіанской жизни ищутъ разрѣшенія вопро-

совъ, возникавшихъ подъ вліяніемъ условій личной и классовой жизни. Это было время, когда жизнь городского класса стала значительно тяжелѣе прежняго. Зависимость отъ капиталистовъ, князей и бояръ, лишенія, необходимость приспособляться къ скуднымъ условіямъ существованія повели къ тому, что наиболѣе сознательная часть горожанъ возвела въ идеалъ суровый и скудный образъ жизни и основной своей добродѣтелью стала считать терпѣніе. Поэтому самосознаніе городской демократіи зарождается въ формѣ аскетическаго монашества. Иниціаторомъ этого движенія является преподобный Антоній; центромъ движенія становится основанный имъ Кіевопечерскій монастырь.

193. Русскіе монастыри въ княжеско-дружинную эпоху. Зачатки монастырей у насъ возникли давно, вѣроятно, еще до оффиціальнаго принятія крещенія. При Владимиръ Св., по свидѣтельству автора сочиненія „О законѣ и благодати“ (§§ 186—188), „монастыреве на горахъ сташа“. До Ярослава Мудраго эти монастыри имѣли совершенно особый строй. Нѣсколько лицъ, которыя имѣли тяготѣніе къ монашеской жизни, соединялись въ общину и ставили, каждое для себя, гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ келіи. Обыкновенно келіи эти ставились при приходскихъ церквахъ въ ихъ оградахъ. Таковъ былъ первоначальный типъ нашихъ монастырей, заимствованный изъ Греціи,—типъ монастырскихъ слободокъ или скитовъ. Въ эти монастырскія слободки шли далеко не всегда съ цѣлью отреченія отъ міра, съ цѣлями аскетически-дисциплинарными, а нерѣдко съ цѣлью покормиться отъ міра и играть роль „отцовъ“ для мірянъ.

Монастыри въ собственномъ смыслѣ слова стали появляться у насъ во второй половинѣ княженія Ярослава Мудраго. Эти монастыри въ княжеско-дружинную эпоху дѣлятся на слѣдующіе разряды: 1) монастыри ктиторскіе, которые основывались князьями и дружинниками и были ихъ собственностью; 2) монастыри, которые основывались монахами на средства князей, дружинниковъ и вообще русской аристократіи. Основывая такой монастырь, или давая средства на его основаніе, князь, боярин и т. д. преслѣдовали одну цѣль: имѣть въ лицѣ монаховъ своего монастыря своихъ постоянныхъ „богомольцевъ“, т.-е. спеціалистовъ по возсыланію молитвъ къ Богу о всевозможномъ благополучіи его основателя. Послѣ смерти основателей въ эти монастыри обращались за молитвами и другія

лица изъ нашей аристократіи; они дѣлали богатые вклады монастырю деньгами и земельной собственностью, вслѣдствіе чего монастыри быстро богатѣли и обращались въ крупныя земельныя помѣстья. Въ подражаніе византійцамъ (§ 23) наши аристократы нерѣдко, особенно передъ смертью, постригались въ монахи, чтобы провести остатокъ жизни въ молитвахъ къ Богу и этимъ спасти свою душу въ будущемъ мірѣ. Постригаясь въ монахи, аристократы также дѣлали крупные вклады. Благодаря этому и у насъ (наподобіе того, какъ это произошло въ Византіи) сложился въ монастыряхъ обычай при постриженіи брать съ постригаемаго вкладъ.

Итакъ, наши монастыри до половины XIII в. были аристократическими учрежденіями, преслѣдовавшими религіозныя цѣли нашей аристократіи. Аскетизма въ нихъ почти не было.

Относительно монастырей всѣхъ этихъ типовъ необходимо имѣть въ виду, что въ княжеско-дружинную эпоху ни одинъ изъ нихъ не возникъ въ пустынѣ, въ лѣсу или вообще подальше отъ міра: всѣ они построены или въ городахъ, или на очень близкомъ разстояніи отъ нихъ.

Отъ всѣхъ этихъ монастырей рѣзко отличался по своему происхожденію, строю и направленію одинъ, а именно Кіевопечерскій.

194. Преподобный Антоній и Кіевопечерскій монастырь. Кіевопечерскій монастырь былъ основанъ преподобнымъ Антоніемъ, который былъ родомъ изъ города Любеча Черниговской области. Неизвѣстно, изъ какого класса населенія происходилъ Антоній. Если принять во вниманіе, что Антоній былъ уроженцемъ второстепеннаго города второстепенной области, то ясно прежде всего, что онъ не принадлежалъ къ кіевской княжеско-дружинной средѣ. Слѣдовательно, Антоній былъ родомъ или изъ мѣстной любечской аристократіи, или изъ простыхъ свободныхъ горожанъ. Если принять во вниманіе, что Антоній не принималъ сана священства и оставался простымъ монахомъ, что онъ, вѣроятнѣе всего, былъ неграмотенъ, то можно думать, что онъ происходилъ скорѣе изъ класса простыхъ горожанъ, нежели изъ мѣстной аристократіи.

Еще міряниномъ Антоній (мірское имя его — Антипа) отправился въ Грецію, чтобы поклониться мѣстнымъ святынямъ. Онъ былъ на Аѳонѣ, гдѣ посѣтилъ тамошніе монастыри. Строгая

подвижническая жизнь греческихъ монаховъ поразила Антонія, и онъ самъ почувствовалъ влеченіе къ отшельничеству. Антоній подъ руководствомъ игумена одного неизвѣстнаго монастыря прошелъ на практикѣ своего рода курсъ монашеской жизни, и былъ постриженъ въ монахи. Съ Аѳона Антоній вернулся на родину и остановился въ Кіевѣ. Это случилось немного времени спустя послѣ поставленія въ митрополиты Иларіона (1051). Антоній обошелъ находившіяся въ Кіевѣ монастырскія слободки, но ни въ одной изъ нихъ не нашелъ истинноподвижнической жизни и рѣшилъ устроиться особо, по образцу, усвоенному имъ въ Греціи. Ища себѣ удобнаго мѣста для отшельничества, Антоній въ трехъ верстахъ къ югу отъ Кіева, по сосѣдству съ великокняжескимъ селомъ Берестовымъ, набрелъ на пещеру, вырытую Иларіономъ, и поселился въ ней [1]). Здѣсь онъ сталъ жить, предаваясь аскетическимъ подвигамъ, „моля Бога, ядый хлѣбъ сухъ, и того же чрезъ день, и воды въ мѣру вкушая, копая печеру и не давая себѣ упокоя день и нощь, и въ трудѣхъ пребывая, въ бдѣніи и молитвахъ“. Около времени смерти Ярослава М. (1054) имя Антонія, какъ выдающагося подвижника, сдѣлалось знаменитымъ. Изяславъ, преемникъ Ярослава, приходилъ къ нему съ дружиной за благословеніемъ и молитвой. Къ Антонію стали стекаться монахи, склонные къ аскетическимъ подвигамъ. Скоро составилась монашеская община въ 12 человѣкъ, среди которыхъ особенно выдавались „великій“ Никонъ, самый образованный изъ братіи, поучавшій ее, „изъ книгъ почитающе“, имѣвшій санъ священника и совершавшій при монастырѣ обрядъ постриженія, и юный Ѳеодосій, отличавшійся суровымъ подвижничествомъ. „И бѣ видѣти,—пишетъ преп. Несторъ въ своемъ житіи Ѳеодосія,—свѣтила три суща в пещерѣ, разгоняюща тму бѣсовскую молитвою и алканіемъ: мню же преподобнаго Антоніа и блаженнаго Ѳеодосіа и великаго Никона. Сіи бѣша в пещерѣ, моляху Христа Бога, и Богъ бѣ с ними“.

Когда пещера приняла видъ настоящаго монастыря, Антоній, изъ любви къ уединенію, рѣшился искать себѣ новаго мѣста для подвиговъ. Онъ сообщилъ братіи о своемъ намѣ-

[1]) По недошедшему до насъ „Житію Антонія“ (§ 204), Антоній былъ на Аѳонѣ гораздо раньше и поселился для подвиговъ въ пещерѣ, вырытой варягами и носившей поэтому названіе „варяжской“.

реніи и поставилъ имъ въ игумены Варлаама, а самъ съ небольшимъ числомъ единомышленниковъ удалился на сосѣдній холмъ, отдѣленный отъ монастыря глубокимъ оврагомъ, и ископалъ себѣ тамъ вторую пещеру. Въ этой пещерѣ Антоній, съ небольшимъ перерывомъ, подвизался до конца своей жизни (около 1073 г.).

Такъ создался на Руси первый демократическій монастырь, вызвавшій у преп. Нестора такую характеристику: „Мнози бо монастыреве отъ царей, и отъ боляръ и отъ богатства поставлени, но не суть таки, якови же поставлени слезами и пощеніемъ, и бдѣніемъ: Антоній бо не имѣ злата, но стяжа слезами и пощеніемъ“.

Между Кіевопечерскимъ монастыремъ и княжескою властью возникаетъ при Антоніи рядъ столкновеній.

Первое столкновеніе произошло по слѣдующему поводу.

Въ монастырѣ постриглись нѣкоторые изъ приближенныхъ къ князю Изяславу лицъ, именно, Варлаамъ, сынъ Іоанна „перваго у князя в болярехъ“ (1060) и княжій отрокъ Ефремъ Евнухъ (1061). Узнавъ о происшедшемъ, Изяславъ разсердился на кіевопечерскихъ монаховъ. Онъ велѣлъ схватить Никона и привести его къ нему. Князь съ гнѣвомъ взглянулъ на Никона и спросилъ его: „Ты ли еси остригий болярина бес повелѣніа моего?“ Никонъ отвѣтилъ: „Благодатію Божіею азъ есмь постригий я (ихъ) повелѣніемъ Царя Небеснаго Іисуса Христа, призвавшаго я (ихъ) на таковъ подвигъ.“ Отвѣтъ Никона привелъ Изяслава въ ярость. „То иди и увѣщай я (ихъ) в домъ свои поити, или на заточеніе послю тя и сущая с тобою и пещеру вашу раскопаю!“. Никонъ отвѣтилъ: „Се еже есть, владыко, угодно предъ очима твоима тако творити; мнѣ же нѣсть лѣпо отвращати воинъ отъ Царя небеснаго“. Никонъ былъ посаженъ подъ арестъ. Между тѣмъ Антоній, узнавъ объ угрозахъ Изяслава, покинулъ вмѣстѣ съ прочими иноками свою пещеру и уже находился на пути въ другую область. Отрокъ донесъ Изяславу о происшедшемъ. Въ то же время супруга Изяслава, сестра польскаго короля Казимира, стала просить его не разорять монастыря. Она сказала ему: „Послушай, господи, и не гнѣвайся, яко такоже бысть въ странѣ нашей (въ Польшѣ): отбѣжавшимъ нѣкоея ради бѣды чернцемъ, много зла створися ихъ ради в земли тъ; но блюдися, господи, да не тако въ области

твоей будеть". Князь задумался и, побоявшись гнѣва Божія, освободилъ Никона и вернулъ Антонія и его братію.

Бояринъ Іоаннъ, увидѣвъ, что Изяславъ оставилъ Антонія и иноковъ безъ наказанія, разжегся гнѣвомъ и, „поимъ отроκы многы, иде на святое стадо, иже распудивъ (разогналъ) я (ихъ), и вшедъ въ пещеру, и имъ (взялъ), сына своего, блаженнаго Варлаама, извлече и (его) вонъ"... Бояринъ снялъ съ своего сына монашеское одѣяніе, одѣлъ его въ боярскій костюмъ и посадилъ подъ домашній арестъ. Это не помогло. Варлаамъ обладалъ стойкимъ характеромъ: три дня сидѣлъ онъ въ своей комнатѣ, отказываясь отъ всякой пищи. Бояринъ Іоаннъ, узнавъ объ этомъ, смягчился и отпустилъ его обратно въ монастырь.

Серьезнѣе и значительнѣе по смыслу было второе столкновеніе, о которомъ, къ сожалѣнію, сохранились лишь очень скудныя извѣстія.

Кіевская демократія, недовольная Изяславомъ за его неудачныя дѣйствія противъ половцевъ, подняла противъ него мятежъ (§ 166), освободила изъ кіевской тюрьмы Всеслава Полоцкаго и возвела его на кіевскій престолъ (1068). Изяславъ бѣжалъ въ Польшу къ королю Болеславу. Вернувшись оттуда съ польскими войсками, онъ прогналъ Всеслава (1069). „Тогда, — передаетъ „Кіевопечерскій патерикъ", — Изяславъ, въ Кіевъ вошедъ, начатъ на преподобнаго Антонія гнѣватися зѣло, діаволу наустившу (подстрекнувшему). Нѣкто бо предъ Изяславомъ бяше оклеветалъ, аки бы Антоній Всеслава любилъ и совѣтовалъ ему: тѣмъ же и всему тому смятенію аки бы виновенъ былъ". Судя по этому сообщенію, Антоній въ столкновеніи, происшедшемъ между Изяславомъ и кіевской демократіи, принялъ сторону послѣдней и своимъ авторитетомъ поддержалъ ее противъ Изяслава. Молва даже приписывала Антонію чуть ли не руководящую роль въ мятежѣ. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, трудно сказать. Вѣроятно, основанія для такой молвы были: Антоній, какъ любечскій горожанинъ, не имѣлъ никакихъ реальныхъ связей съ кіевской княжеско-дружинной аристократіей и потому тѣмъ съ большею легкостью могъ рѣшиться стать за демократію противъ Изяслава. Когда Изяславъ снова овладѣлъ кіевскимъ престоломъ, Антоній понялъ, что Изяславъ не проститъ ему такого дѣла. Отъ кіевлянъ, смирившихся передъ Изяславомъ, никакой поддержки нельзя

было ожидать, и Антоній, тайно ночью, убѣжалъ въ сосѣднюю Черниговскую область, гдѣ нашелъ защиту у князя Святослава. Впослѣдствіи между Антоніемъ и Изяславомъ состоялось примиреніе, на какихъ условіяхъ, неизвѣстно, и Антоній вернулся въ Кіевъ.

195. Преподобный Ѳеодосій Печерскій. Ѳеодосій (мірское имя его неизвѣстно), сынъ великокняжескаго чиновника-тіуна (§ 164) родился (вѣроятно, между 1035—1038 гг.) въ Василевѣ, въ Кіевской области; дѣтство и юность онъ провелъ въ Курскѣ, въ Черниговской области, куда отецъ его былъ переведенъ на службу. Съ дѣтства Ѳеодосій обнаружилъ большія способности и быстро выучился грамотѣ подъ руководствомъ „единаго отъ учитель“ въ Курскѣ. Въ немъ рано пробудились инстинкты его предковъ-холоповъ (въ тіуны попадали обыкновенно холопы).

Во время своего обученія онъ узналъ о подвижникахъ христіанскаго монашества и рѣшился въ своей жизни слѣдовать ихъ примѣру. Онъ отказался отъ участія въ играхъ своихъ сверстниковъ, снялъ съ себя свѣтлыя одежды, въ какія одѣвали его родители сообразно своему общественному положенію, и сталъ носить изорванныя платья, чтобы казаться однимъ „отъ убогихъ“. Когда Ѳеодосію исполнилось 13 лѣтъ, умеръ его отецъ. Ѳеодосій началъ свое подвижничество съ того, что „со всякимъ смиреніемъ“ принялъ участіе въ домашнихъ работахъ вмѣстѣ и наравнѣ съ рабами. Съ этого времени начинается для Ѳеодосія рядъ столкновеній съ его матерью. Мать его была женщина атлетическаго сложенія съ горячимъ и крутымъ характеромъ. Поведеніе сына, совершенно не соотвѣтствовавшее ея общественному положенію, возмутило ее. Сначала она пыталась воздѣйствовать на него убѣжденіями. Когда же послѣднія оказались безуспѣшными, она не задумалась подвергнуть своего сына жестокимъ побоямъ. Но эти побои не уничтожили въ Ѳеодосіи стремленія подражать подвижникамъ: у него даже возникло желаніе попасть въ Св. землю, гдѣ Христосъ „плотію ходилъ“. И когда однажды черезъ Курскъ прошли какіе-то іерусалимскіе странники, т.-е., вѣроятно, греки, собиравшіе милостыню, Ѳеодосій ушелъ вмѣстѣ съ ними. Но мать нагнала своего сына по дорогѣ, жестоко избила его, разругала странниковъ и привела его домой связаннымъ. Дома она еще разъ побила его и посадила въ особой комнатѣ на привязи. Черезъ

два дня мать освободила Ѳеодосія отъ привязи, но заковала его ноги въ кандалы. Такъ въ этихъ кандалахъ Ѳеодосій ходилъ довольно долго. Черезъ нѣкоторое время мать стала упрашивать сына, чтобы онъ не покидалъ ее; она взяла съ него слово, что онъ не уйдетъ, и сняла съ него кандалы.

Послѣ этого Ѳеодосій сталъ часто посѣщать мѣстную церковь. Узнавъ, что литургіи часто не бываетъ за недостаткомъ просфоръ, онъ сталъ печь просфоры, продавать ихъ и вырученное раздавать нищимъ. Посадникъ Курска взялъ Ѳеодосія, какъ знатока и любителя церковныхъ службъ, для своей домовой церкви дьякомъ. Въ своемъ новомъ положеніи Ѳеодосій, окончательно рѣшившій стать монахомъ, надѣлъ на себя желѣзныя вериги. Когда объ этомъ провѣдала мать, на Ѳеодосія опять посыпались увѣщанія, брань и побои. Раздумывая о своихъ обязанностяхъ къ матери и о требованіяхъ христіанскаго ученія, Ѳеодосій съ особеннымъ вниманіемъ остановился на словахъ Христа: „Аще кто не оставитъ отца или матере и вслѣдъ Мене не идетъ, то нѣсть Мене достоинъ“. Эти слова какъ бы свыше санкціонировали преимущество личной склонности Ѳеодосія передъ требованіями матери, и Ѳеодосій опять, въ послѣдній разъ, покинулъ родной домъ. Онъ прибылъ въ Кіевъ вслѣдъ за купеческимъ обозомъ, пробывъ въ дорогѣ три недѣли.

Тщетно старался Ѳеодосій попасть въ какой-нибудь монастырь: его, какъ бѣдняка, нигдѣ не принимали. Наконецъ, онъ услышалъ о подвигахъ Антонія въ пещерѣ и отправился къ нему. Антоній, увидѣвъ передъ собою юношу 18—20 лѣтъ, сначала отказывался принять Ѳеодосія, указывая ему, что мѣсто, гдѣ онъ подвизается, „скорбно и тѣснѣйше паче инѣхъ мѣстъ“, и онъ, столь юный возрастомъ, не въ силахъ будетъ „терпѣти на мѣстѣ семъ скорби“. Но Ѳеодосій своими усердными мольбами и настойчивостью склонилъ на свою сторону Антонія, и Ѳеодосій былъ постриженъ въ монахи (около 1058 г.). Черезъ два года послѣ этого (1060) мать, тщетно искавшая своего сына, нашла его, наконецъ, въ пещерѣ Антонія. Между ними произошла бесѣда. Сынъ убѣдительно доказывалъ преимущество иноческой жизни передъ мірской. Мать была покорена доводами сына, и сама постриглась въ одномъ изъ кіевскихъ женскихъ монастырей.

Вскорѣ послѣ постриженія Ѳеодосія, братія печерская ис-

копала большую пещеру, устроила въ ней церковь и келью. Антоній, искавшій уединенія, какъ сказано выше, покинулъ братью, поставивъ надъ нею игуменомъ Варлаама.

Въ старой пещерѣ количество монашествующихъ увеличивалось, и братья съ благословенія Антонія стала выселяться изъ пещеры на поверхность. Братья выпросила у князя Изяслава гору, въ которой находилась пещера, построила на ней церковь, келіи и огородила мѣсто. Это переселеніе совершилось около 1062 г., и около этого же времени, игуменъ Варлаамъ получилъ игуменство въ одномъ монастырѣ, построенномъ княземъ Изяславомъ. Когда братія обратилась къ Антонію съ просьбой поставить имъ игумена, Антоній указалъ имъ на Ѳеодосія (1062—1074).

Вступивъ въ управленіе монастыремъ, Ѳеодосій рѣшилъ пересоздать монашескую жизнь на болѣе строгихъ началахъ. Онъ послалъ одного изъ братіи въ Константинополь, гдѣ въ то время находился инокъ Кіевопечерскаго монастыря Ефремъ Евнухъ (§ 194), съ требованіемъ переписать уставъ Студійскаго монастыря (§ 23) и списокъ переслать черезъ посланца ему. Ефремъ исполнилъ требованіе. На основаніи полученаго устава Ѳеодосій установилъ въ монастырѣ, „какъ пѣнья пѣти монастырская и поклонъ какъ держати и чтенія почитати и стоянье въ церкви и весь рядъ церковный и на трапезѣ сѣданія и что ясти въ кія дни“. Пытался Ѳеодосій осуществить въ монастырѣ и главное требованіе студійскаго устава: общность имущества для всей братіи и отсутствіе частной собственности. Съ этой цѣлью онъ воспретилъ монахамъ держать у себя въ кельяхъ какую бы то ни было частную собственность. Запрещено было даже инокамъ срывать ягоды или колосья въ полѣ и ѣсть ихъ въ отдѣльности. Точно также общая молитва ставилась выше частной молитвы въ кельѣ.

Чтобы добиться соблюденія новыхъ требованій, Ѳеодосій обходилъ кельи, и если онъ находилъ у кого либо лишнее имущество, одежду, пищу, то онъ отбиралъ все это и бросалъ въ огонь, а виновнику давалъ наставленіе о нестяжательности. Послѣ повечерія инокамъ запрещалось ходить другъ къ другу и вести праздные разговоры: иноки должны были это время проводить въ трудѣ, молитвѣ, чтеніи и пѣніи псалмовъ. Ѳеодосій каждую ночь обходилъ кельи, и если слышалъ гдѣ-нибудь бесѣду, то стучалъ въ дверь, а на другой день обличалъ про-

винившихся. Нерѣдко Ѳеодосій обращался къ инокамъ съ церковными поученіями, въ которыхъ училъ ихъ быть внимательными къ церковному пѣнію, къ преданіямъ свв. отцовъ и книжному почитанію, ходить со сложенными на груди руками, при встрѣчѣ кланяться другъ другу, спѣшить къ началу богослуженія, при входѣ въ церковь пѣть „Святый Боже“, а затѣмъ дѣлать три земныхъ поклона, не прислоняться въ церкви къ стѣнѣ, наблюдать благочиніе и порядокъ при пѣніи псалмовъ и т. д.

Эти мѣры привели къ тому, что въ Кіевопечерскомъ монастырѣ водворились ручной трудъ, сильное воздержаніе, великое пощеніе и молитвы со слезами. Несторъ такъ описываетъ жизнь и труды иноковъ, число которыхъ при Ѳеодосіи дошло до 100:

„... Ядь ихъ бѣ ржанъ хлѣбъ токмо, пити—вода, в суботу же и в недѣлю (воскресенье) сочива (кушанье, приправленное сокомъ изъ сѣмянъ) вкушахуть; многажды и в та два дьни, не обрѣтшуся сочиву, зеліе (зелень) сварившe едино, и то ядяху. Еще же и рукама своима дѣлахуть, и ово ли копытця (родъ обуви), ово клобукы и ина ручная дѣла строяще, и тако носяще въ градъ продаяху и тѣмъ жита купляху, и се раздѣляхуть, да каждии в нощи свою часть измеляше на строеніе хлѣбомъ. Таже потомъ начатокъ пѣнію заутренему творяху, и тако паки дѣлаху ручное свое дѣло; другоици (въ другое время) же въ оградѣ капахуть зелиинаго растеніа, дондеже (пока) годъ (время) будяше божественному славословію; и тако вси вкупѣ сшедшеся въ церковь, пѣніа часамъ творяхуть, таже святую литургію съвершивше; и тако вкушаше хлѣба, паки дѣлы своя коиждо имяшеть, и тако по вся дни трудяшеся пребывахуть в любви Божіей“.

Такимъ образомъ, въ жизни иноковъ Кіевопечерскаго монастыря, подъ руководствомъ Ѳеодосія, чередовались различные виды ручного труда, строгій пищевой режимъ и совершеніе богослуженій. Этимъ Кіевопечерскій монастырь высоко вознесся не только надъ русскими монастырями княжеско-дружиннаго періода, но отчасти и надъ современными греческими монастырями, переживавшими періодъ упадка. Несторъ такъ характеризуетъ Кіевопечерскій монастырь и его нравственный духъ въ эпоху Ѳеодосія:

„Бѣ же и се дивно чюдо видѣти, братіе: совокупи бо

Господь такы черноризцы въ обители Матере Своея (т.-е. Богородицы), акы свѣтила Руской земли сіахуть: овіи же бяху постници, овіи же на бдѣніе, иніи же на колѣнопоклоненіе, овіи же на пощеніе чрезъ дьнь или чрезъ два дни, иніи же ядяху хлѣбъ с водою, иніи же зеліе варено, другіи же сыро, по любви пребывающе, меньшіи покаряющеся старѣйшимъ ся, не смѣюще предъ ними глаголати, но все с покореніемъ и послушаніимъ великымъ; тако же и старѣйшіи имяху любовь к меньшимъ, наказаху, ихъ утѣшающе, акы чада своя възлюбленная; и аще который братъ впадаше в нѣкое съгрѣшеніе, утѣшаху его и единого епитемію раздѣляху любо тріе, любо четыре, за великую любовь. Такова бо бяше любовь в тои святѣй братіи, воздержаніе же и смиреніе! И аще нѣкій братъ отхожаше отъ монастыря, вся братіа о томъ имяху печаль, посылаху по нь (немъ) и призываху въ манастырь брата и, шедъ къ игумену, вси поклонишася за брата и умоляху игумена, и пріимаху брата в манастырь с радостію. Таковіи бо бяху черноризци тогда!“

При Ѳеодосіи опять происходитъ столкновеніе между монастыремъ и княжескою властью. Это столкновеніе произошло по слѣдующему поводу. Святославъ отнялъ у старшаго брата Изяслава престолъ его (1073). Ѳеодосій вооружился противъ поступка Святослава. Онъ сталъ открыто противодѣйствовать ему и настаивалъ на возвращеніи престола Изяславу. Это не помогло. Тогда Ѳеодосій написалъ Святославу обширную „епистолію“, „обличая того, глаголя: гласъ крови брата твоего вопіетъ на тя Богу, яко Авелева на Каина,—и инѣхъ многыхъ древнихъ гонитель и убойникъ и братоненавидникъ приводя...“ Получивъ это посланіе (не дошедшее до насъ), Святославъ въ гнѣвѣ хватилъ имъ объ полъ, „яко левъ, рыкнувъ на преподобнаго“, и рѣшилъ избавиться отъ смѣлаго обличителя, отправивъ его въ заточеніе. Рѣшеніе князя испугало братію. Она приступила къ Ѳеодосію, умоляя его прекратить свои обличенія князя; бояре также старались убѣдить Ѳеодосія измѣнить свои отношенія къ Святославу. Ѳеодосій понималъ, что отъ его рѣшенія зависитъ очень многое: и личное душевное спасеніе, и характеръ кіевопечерскаго монашества. Онъ говорилъ, что готовъ и на заточеніе, и на смерть, чтобы получить мученическій вѣнецъ. Однако въ рѣшительную минуту Ѳеодосій уступилъ мольбамъ братіи и убѣжденіямъ бояръ.

Уступка Ѳеодосія была для него и для руководимаго имъ демократическаго монастыря тяжкимъ пораженіемъ, а для Святослава крупной побѣдой княжеской власти надъ передовою частью кіевской демократіи.

Съ этого времени Святославъ сталъ часто посѣщать монастырь и охотно выслушивалъ поученія Ѳеодосія, поскольку послѣднія не касались жизненныхъ для него вопросовъ. Мало того, Святославъ дѣлалъ Ѳеодосію уступки въ мелочахъ. Такъ, онъ, напр., для Ѳеодосія отмѣнялъ увеселенія въ своемъ дворцѣ на тѣ дни, въ которые являлся къ нему Ѳеодосій. Случилось это вотъ по какому поводу. Однажды явился во дворецъ князя Ѳеодосій. У князя было веселье: музыка и пѣніе. Ѳеодосій сѣлъ въ сторонѣ и съ грустью опустилъ голову. А затѣмъ, обратившись къ князю, сказалъ ему: „то будетъ ли сице (такъ) на ономъ свѣтѣ“? Святославъ прослезился и немедленно остановилъ веселье.

Чтобы закрѣпить свои новыя отношенія съ Ѳеодосіемъ, Святославъ, какъ умный политикъ, подарилъ монастырю землю подъ задуманный Ѳеодосіемъ каменный храмъ.

Въ 1074 г. Ѳеодосій смертельно заболѣлъ: его могучее здоровье было надорвано, съ одной стороны, вѣроятно, лишеніями, которымъ онъ подвергалъ себя, а съ другой, вѣроятно, тѣмъ нравственнымъ потрясеніемъ, которое онъ испыталъ отъ исхода столкновенія съ княземъ Святославомъ. Послѣ непродолжительной болѣзни онъ скончался.

196. „Слова“ Ѳеодосія къ кіевопечерскимъ инокамъ. Преподобному Ѳеодосію приписываются десять поученій къ инокамъ. Изъ нихъ, въ полномъ видѣ, дошли до насъ пять поученій, а другія — въ отрывкахъ. Заглавія дошедшихъ до насъ поученій таковы: два поученія „О терпѣніи и о любви“, одно „О терпѣніи и милостынѣ“, одно „О терпѣніи и о смиреніи“ и одно „О хожденіи къ церкви и о молитвѣ“. Такимъ образомъ, въ четырехъ поученіяхъ упорно проповѣдуется о терпѣніи, котораго, очевидно, не хватало инокамъ, и которымъ, наоборотъ, въ значительной степени отличался самъ Ѳеодосій.

Въ поученіяхъ къ инокамъ Ѳеодосій, *во-первыхъ*, рекомендуетъ братіи питать къ Богу самоотверженную и дѣятельную любовь, повиноваться игумену и быть съ нимъ откровеннымъ, совершать монашескіе подвиги терпѣливо и мужественно, воз-

ненавидѣть міръ и мірское, непрестанно каяться, гнать отъ себя злые помыслы и достойно выдерживать великій постъ, который онъ называетъ десятиной, удѣляемой нами Богу изъ цѣлаго года.

Во-вторыхъ, Ѳеодосій наставляетъ о хожденіи въ церковь и учитъ, какъ вести себя тамъ. Онъ уподобляетъ монаха воину. Когда раздается трубный звукъ, воинъ уже не спитъ; забывая жену, дѣтей, имущество, даже жизнь свою, онъ устремляется въ битву, увлекаемый идеаломъ преходящей славы. У монаха болѣе возвышенная цѣль: борьба съ злыми силами. Побѣда надъ этими силами вознаграждается безконечной славой и неизреченной честью. Поэтому и монахъ съ ударомъ призывнаго колокола долженъ устремляться къ святой церкви на божественное пѣніе. Стоять въ церкви нужно со страхомъ, склонивъ голову внизъ, а умъ вознося къ Вышнему.

Въ-третьихъ, Ѳеодосій обличаетъ братію за ихъ ропотъ, вызывавшійся тѣмъ, что Ѳеодосій не принималъ въ монахи такихъ лицъ, которыя оказывались во время испытанія слабыми и нерадивыми, и давалъ въ монастырѣ пріютъ и содержаніе странникамъ и бѣднымъ. Обличаетъ онъ братію также за недостатокъ смиренія, покорности, за лѣность, нехожденіе въ церковь, нерадѣніе о своемъ спасеніи и пр. „Житіа бо святыхъ почитающе,—говоритъ Ѳеодосій,—и отъ тѣхъ затыкающе ушы своя, яко не слышати мужства ихъ... Но на неподобныа рѣчи и на укореніе и на гнѣваніе несмы лѣнивы: на то бо уста своя отврьземъ, и очи не дремливи, ухо—внѣ... Егда бо година церковнаа (время службы) позоветь насъ на святый съборъ (въ церковь), и тогда сердца наша Сотона омрачить лѣностію, яко не ити съ тщаніемъ въ церковь на святое събраніе,—не реку въ церковь, но и на тотъ обѣдъ (на общую трапезу). А о павечерници (краткая вечерня) нѣсть ми здѣ глаголати: колико възвѣщалъ есмь о томъ, и нѣсть послушающаго ни единагоже!“. Обличаетъ Ѳеодосій братію и за то, что они въ церкви опираются на стѣны и столбы.

„Поученія“ Ѳеодосія отличаются простотой и непритязательностью изложенія. О себѣ Ѳеодосій говоритъ со смиреніемъ, называя себя „грѣшнымъ и недостойнымъ рабомъ“ братіи, „убогымъ“, „худымъ“; наоборотъ, въ отношеніи къ слушателямъ онъ употребляетъ нѣжныя и ласковыя выраженія:

„любимцы мои“, „отцы и братія моя“, „возлюбленные“, „братія моя любимая“, „чада духовная избранная“ [1]).

197. Великій Никонъ. На ряду съ Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, свѣтиломъ Кіевопечерскаго монастыря считался Никонъ, называемый „великимъ“ († 1088), предполагаемый редакторъ одного изъ замѣчательныхъ лѣтописныхъ сводовъ, именно „Кіевопечерскаго свода“. О жизни и дѣятельности Никона сохранились крайне скудныя извѣстія. Но и по этимъ извѣстіямъ можно видѣть, что Никонъ былъ дѣйствительно замѣчательною для своего времени личностью.

Никонъ, одинъ изъ старшихъ подвижниковъ пр. Антонія, былъ прежде всего инокъ съ выдающимся образованіемъ, что видно изъ слѣдующаго: въ то время, какъ Ѳеодосій поучалъ иноковъ „духовными словесы“, Никонъ говорилъ свои поученія „изъ книгъ почитающе“; книжнымъ дѣломъ въ монастырѣ, по свидѣтельству Нестора, занимался Никонъ: „Мъногажьды же пакы великому Никону сѣдящу и дѣлающу книгы, божественному (Ѳеодосію) въскраи того сѣдящу и прядущу нити, иже на потребу таковому дѣлу“. Имѣя санъ священника, Никонъ совершалъ при монастырѣ обрядъ постриженія: онъ постригъ Ѳеодосія, Варлаама и Ефрема. Какъ единственный священникъ, онъ былъ и духовникомъ братіи. Ѳеодосій, отлучаясь изъ монастыря, поручалъ монастырь Никону.

Во время столкновенія своего съ Изяславомъ (§ 194), Никонъ держалъ себя съ замѣчательнымъ достоинствомъ. Хотя Изяславъ вернулъ Никону свободу, однако Никонъ въ скоромъ времени послѣ этого (1061) покинулъ Кіевопечерскій монастырь и удалился въ Тмуторокань, близъ котораго основалъ на одномъ островѣ собственный монастырь. Почему Никонъ сдѣлалъ это, неизвѣстно. Вѣроятно, роль Никона въ дѣлѣ постриженія двухъ выдающихся по своему положенію лицъ изъ кіевской правящей среды была гораздо болѣе значительна, нежели она представлена въ дошедшихъ до насъ памятникахъ. Если Никонъ покинулъ Кіевопечерскій монастырь, значитъ, или монастырь былъ пощаженъ Изяславомъ подъ условіемъ

---

[1]) Преподобному Ѳеодосію приписываютъ еще цѣлый рядъ другихъ сочиненій, которыя, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, принадлежатъ не ему, а Ѳеодосію II-му Греку, игумену Кіевопечерскаго монастыря въ первой половинѣ XII в. (см. §§ 232—233).

удаленія Никона, или самъ Никонъ не нашелъ возможнымъ долѣе оставаться въ немъ.

Послѣ смерти тмутороканскаго князя Ростислава (1066) Никонъ, по порученію тмутороканскаго правящаго класса, ѣздилъ въ Черниговъ къ князю Святославу просить на княженіе его сына Глѣба и послѣ этого посѣтилъ Кіевопечерскій монастырь. Ѳеодосій, бывшій тогда уже игуменомъ монастыря (§ 195), сталъ просить Никона вернуться въ Кіевопечерскій монастырь. Никонъ выразилъ согласіе, но сказалъ, что сдѣлаетъ это послѣ того, какъ привезетъ князя Глѣба въ Тмуторокань и устроитъ дѣла своего монастыря. Въ 1068 г. Никонъ вернулся въ Кіевопечерскій монастырь. По этому поводу Несторъ такъ говоритъ объ отношеніяхъ между Ѳеодосіемъ и Никономъ: „Вельми же любляше и (его, т.-е. Никона) богодухновеньный Ѳеодосій, яко отца себѣ имѣяше, тѣмже и, аще и коли гдѣ отходя, поручаше тому братію, еже тѣхъ съблюдати же и поучати якоже старійшу тому сущю. И егда же паки самъ поучаше братію въ церкви духовными словесы, и повелѣваше паки великому Никону, яко, съ книги почитающе, поученіе творити братіи“...

Въ 1073 г., послѣ столкновенія между Ѳеодосіемъ и Святославомъ (§ 195), Никонъ снова покинулъ Кіевопечерскій монастырь и съ двумя иноками опять удалился въ Тмуторокань. Объ этомъ преп. Несторъ говоритъ кратко: „Великій же Никонъ, видѣвъ таковое смятеніе въ князехъ суще, отъиде съ инѣма двѣма черноризцема въ прежереченый островъ, идѣже монастырь составилъ. И блаженному Ѳеодосію много того молившу, яко да не разлучити ся има, дондеже еста въ плоти (пока они живы), и не отходити ему отъ него, обаче (однако) онъ не послуша его о томъ, но, якоже речеся, отъиде въ свое мѣсто“. Почему Никонъ вторично покинулъ монастырь, Несторъ не объясняетъ; но объ этомъ можно догадываться: Никонъ и ушедшіе съ нимъ два инока, очевидно, принадлежали къ тому меньшинству въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, которое не одобряло уступчивости Ѳеодосія и большинства братіи въ вопросѣ объ отнятіи Святославомъ престола у Изяслава. Принимая во вниманіе высокій авторитетъ, которымъ пользовался Никонъ въ Кіевопечерскомъ монастырѣ вообще и у Ѳеодосія въ частности, а также его мужественный и независимый характеръ, можно

даже думать, что протестъ Ѳеодосія противъ Святослава и его епистолія были внушены Никономъ.

Послѣ смерти Ѳеодосія (1074) Никонъ опять вернулся въ Кіевопечерскій монастырь, а около 1077—1078 гг. сдѣлался игуменомъ Кіевопечерскаго монастыря.

Въ 1088 г. Никонъ скончался.

„Кіевопечерскій сводъ".

(1073).

198. „Кіевопечерскій сводъ". „Кіевопечерскій сводъ", не дошедшій до насъ въ отдѣльности, составленъ, какъ предполагаютъ, въ 1073 г. великимъ Никономъ. Въ основу его легъ „Древнѣйшій Кіевскій сводъ", который въ своей части до 1039 г. былъ дополненъ новыми разсказами, а послѣ 1039 г. былъ продолженъ до 1073 г. По своему происхожденію эти разсказы представляютъ или преданія, или свидѣтельства редактора, какъ современника.

1) **Дополненія до 1039 г.** Изъ разсказовъ, дополняющихъ „Древнѣйшій Кіевскій сводъ" до 1039 г., особеннаго вниманія заслуживаютъ два: а) о хазарской дани и б) объ единоборствѣ Мстислава съ Редедею.

а) О хазарской дани. Когда братья Кій, Щекъ и Хоривъ скончались, поляне стали терпѣть обиды отъ древлянъ и иныхъ сосѣдей. И нашли полянъ хазары и стали требовать у нихъ дани. Поляне подумали и дали имъ въ видѣ дани по мечу „отъ дыма". Хазары принесли эту дань своему князю. Князь пригласилъ старѣйшинъ, сообщилъ имъ о новой дани и показалъ мечъ. Осмотрѣли старцы мечъ и сказали: „Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружиемь единое страны (отточеннымъ съ одной стороны), рекъше (то есть) саблями, а сихъ оружие—обоюду остро, рекъше мечи: си имуть имати (брать) дань на насъ и на инѣхъ странахъ". Это предсказаніе старѣйшинъ сбылось: „Владѣютъ бо козары (хазарами) русьстии кънязи и до дьньшьняго дьне".

б) Объ единоборствѣ Мстислава съ Редедею. Мстиславъ (братъ Ярослава М.), находясь въ Тмутороканѣ, пошелъ на касоговъ. Узнавъ объ этомъ, князь касожскій Редедя вышелъ противъ Мстислава. Когда обѣ дружины сошлись, Редедя пред-

ложилъ Мстиславу рѣшить дѣло единоборствомъ. Мстиславъ согласился. И начали они крѣпко бороться. Послѣ долгой борьбы Мстиславъ сталъ изнемогать: „бѣ бо великъ и сильнъ Редедя“. Тогда Мстиславъ обратился съ мольбой о помощи къ Богородицѣ, обѣщая соорудить во имя Ея храмъ. „И се рекъ, удари имъ (Редедею) о землю и, выньзъ (обнаживъ) ножь, зарѣза Редедею“. Одолѣвъ Редедю, Мстиславъ пошелъ на его землю, взялъ все его имѣніе, жену и дѣтей, возложилъ на касоговъ дань и вернулся въ Тмуторокань. Здѣсь онъ заложилъ церковь св. Богородицы, которая стоитъ въ Тмутороканѣ до сего дня [1]).

Эти разсказы, какъ и другіе, въ которыхъ выводится на сцену братъ Ярослава Мстиславъ, относятся къ группѣ преданій, которыя были въ ходу въ Тмутороканѣ, и съ которыми Никонъ ознакомился послѣ своего пріѣзда въ Тмуторокань.

2) Дополненія послѣ 1039 г. Изъ разсказовъ, касающихся событій послѣ 1039 г. и принадлежащихъ перу самого редактора свода, наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: а) „Начало княженія Изяславля“, б) „Начало Печерьскаго монастыря“, в) О волхвахъ, г) О столкновеніи между Ярославичами и Всеславомъ Полоцкимъ, д) О мятежѣ въ Кіевѣ и о возведеніи Всеслава на престолъ, е) О возвращеніи въ Кіевъ Изяслава, ж) О захватѣ кіевскаго престола Святославомъ Черниговскимъ.

а) „Начало княженія Изяславля“. Повѣсть о началѣ княженія Изяслава помѣщена подъ 6562 (1054) г. Въ ней разсказывается о смерти Ярослава М., излагается предсмертное завѣщаніе Ярослава дѣтямъ (§ 166) и перечисляются земли, распредѣленныя между ними. Эта повѣсть находится въ тѣсной связи съ разсказомъ о захватѣ кіевскаго престола Святославомъ Черниговскимъ въ 1073 г. Послѣднее событіе, повидимому, и послужило побудительной причиной для Никона заняться продолженіемъ „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“ съ момента кончины Ярослава М. Этотъ моментъ связывался для Никона съ завѣщаніемъ Ярослава, которое онъ излагаетъ, отчасти на основаніи собственныхъ припоминаній, отчасти на

[1]) Дополненія сдѣланы также къ разсказу о неудачномъ походѣ Владимира, сына Ярослава М., на грековъ, подъ 1043 г. Этотъ разсказъ представляетъ позднѣйшую приписку къ „Древнѣйшему Кіевскому своду“, неизвѣстно кѣмъ сдѣланную. Въ рукахъ редактора „Кіевопечерскаго свода“ находилась рукопись именно съ такою припиской.

основаніи собственныхъ соображеній о томъ, что Ярославъ именно въ такой формѣ и долженъ былъ выразить сыновьямъ свою волю. Подъ перомъ Никона завѣщаніе Ярослава М. приняло характеръ политической нормы, нарушеніе которой составляетъ проступокъ. Ярославъ, по этому завѣщанію, далъ Изяславу свой столъ, т.-е. поставилъ его на мѣсто себя и велѣлъ своимъ младшимъ сыновьямъ такъ же слушаться Изяслава, какъ они слушались его. Обязанность младшихъ сыновей Ярослава слушаться старшаго, Изяслава,—вотъ важнѣйшій для Никона пунктъ въ завѣщаніи Ярослава.

б) „Начало Печерьскаго монастыря“. Эта обширная повѣсть, помѣщенная подъ 6570 (1062) г., излагаетъ исторію возникновенія Кіевопечерскаго монастыря, начиная съ двухсаженной „печеръки“ малой, которую ископалъ для себя Иларіонъ (§ 186), и кончая 1062 г., когда иноки, въ началѣ игуменства Ѳеодосія, выселились изъ пещеры на поверхность, во вновь устроенный монастырь: этотъ именно годъ Никонъ и считаетъ „началомъ“ Кіевопечерскаго монастыря. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ Ѳеодосій, доставъ Студійскій уставъ, ввелъ въ монастырѣ строгую подвижническую жизнь. Наконецъ, повѣсть изображаетъ подвиги Ѳеодосія и руководимыхъ имъ иноковъ. Среди разсказа о подвигахъ инока Исакія Никонъ сообщаетъ о возвращеніи Изяслава изъ Польши и о послѣдствіяхъ этого возвращенія для монастыря: „И нача гнѣватися Изяславъ на Антонія из Вьсеслава, и присълавъ Святославъ въ нощь, поя Антонія Чьрнигову. Антонии же, пришьдъ Чьрнигову, възлюби Болдины горы. Ископавъ печеру, ту ся вьсели“... Излагая исторію Кіевопочерскаго монастыря, авторъ хорошо сознаетъ исключительныя особенности его и противополагаетъ этотъ монастырь современнымъ ему аристократическимъ монастырямъ: „Мънози бо монастыри, — говоритъ авторъ,—отъ цѣсарь и отъ бояръ и отъ богатьства поставлени, нъ не суть таци, каци суть поставлени сльзами и пощеніемь, и молитвою, и бъдѣніемь“ (§ 194).

в) О волхвахъ. Повѣсть о волхвахъ помѣщена подъ 6573 (1065) г.

Въ началѣ повѣсти разсказывается о знаменіи, именно о великой звѣздѣ, появлявшейся на западѣ послѣ солнечнаго захода. Звѣзда держалась семь дней и испускала лучи кроваваго цвѣта. „Се же проявляше не на добро: по семь бо быша

усобицѣ мъногы и нашьствие поганыхъ на Руську землю; си бо звѣзда бѣ акы кървава, проявляющи кръви пролитие".

Далѣе шли разсказы о волхвѣ, явившемся въ Кіевъ и предсказывавшемъ, „яко на пятое лѣто Дънѣпру потещи въспять, а землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Грьчьстѣ земли на Русьстѣ, а Русьстѣ на Грьчьстѣ, и прочимъ землямъ измѣпитися"; о волхвахъ, произведшихъ смуту въ Ростово-Суздальской области (кн. 2-ая, § 110), и объ одномъ финскомъ кудесникѣ. Содержаніе послѣдняго разсказа состоитъ въ слѣдующемъ.

Нѣкоему новгородцу случилось придти въ Чудь. Здѣсь онъ явился къ одному кудеснику, „хотя вълхвования отъ него". Кудесникъ, по своему обычаю, сталъ призывать бѣсовъ въ свою „храмину". Бѣсы однако не явились. Кудесникъ сказалъ новгородцу: „Бози не смѣють прити: нѣчьто имаши на собѣ, егоже бояться". Новгородецъ догадался, что бѣсы боятся креста, снялъ съ себя крестъ и положилъ его внѣ „храмины". Кудесникъ опять сталъ призывать бѣсовъ. Тогда бѣсы явились и повѣдали, чего ради пришелъ новгородецъ. Новгородецъ спросилъ кудесника, почему бѣсы боятся креста. Кудесникъ сказалъ, что крестъ — знаменіе небеснаго Бога, „его же наши бози бояться". „Наши бози,—продолжалъ кудесникъ,—живутъ въ бездънахъ [1]); суть же образъмь чьрни, крила ти хвосты имуще; въсходять же и подъ небо, слушающе вашихъ богъ: ваши бо бози на небеси суть; аще кто умьреть отъ вашихъ людии, то взъносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираеть, то носимъ есть къ нашимъ богомъ въ бездъну".

Въ концѣ повѣсти разсказывается о появленіи волхва въ Новгородѣ, при князѣ Глѣбѣ Святославичѣ (§ 30).

г) О столкновеніи между Ярославичами и Всеславомъ Полоцкимъ. Эта повѣсть помѣщена подъ 6575 (1067) г. Въ ней разсказывается о походѣ, предпринятомъ старшими Ярославичами — Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ — противъ Всеслава Полоцкаго и о пораженіи послѣдняго на рѣкѣ Немигѣ. Всеславъ спасся бѣгствомъ. Послѣ этого Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ послали пригласить къ себѣ Всеслава для переговоровъ, обѣщая не творить ему никакого зла, и „цѣловаша крьстъ чьстный къ Вьсеславу". Всеславъ, положив-

[1]) Имѣется въ виду міровая бездна, о которой см. въ § 37, п. 2,*г*.

шись на крестное цѣлованіе, явился къ нимъ. Ярославичи, схватили Всеслава, привезли его въ Кіевъ и посадили его вмѣстѣ съ двумя его сыновьями „въ порубъ“. Такъ Ярославичи преступили крестное цѣлованіе.

д) О мятежѣ въ Кіевѣ и о возведеніи Всеслава на престолъ. Эта повѣсть помѣщена подъ 6576 (1068) г. Въ этомъ году произошло нашествіе половцевъ на Русскую землю, закончившееся пораженіемъ Ярославичей. Повѣсть разсказываетъ о мятежѣ кіевлянъ, о возведеніи на престолъ Всеслава Полоцкаго и о бѣгствѣ Изяслава въ Польшу. Причину этихъ событій Никонъ видитъ въ нарушеніи Ярославичами крестнаго цѣлованія Всеславу.

„Се же, — говоритъ авторъ, — Богъ яви силу крьстную, понеже Изяславъ, цѣловавъ крьстъ и я (схватилъ) и (его, т.-е. Всеслава); тѣмь же (т.-е. Ярославичамъ) наведе Богъ поганыя, сего же (т.-е. Всеслава) явѣ (явно) избави крьстъ чьстьныи. Въ дьнь бо Въздвиженія Вьсеславъ, въздъхнувъ, рече: „О, крьсте чьстьный! Понеже къ тобѣ вѣровахъ, избави мя отъ рова сего“. Богъ же показа силу крьстьную на показание земли Русьстѣ, да не преступаютъ чьстьнаго крьста, цѣловавъше его; аще ли преступитъ къто, то и сьде приметъ казнь и на придущимь вѣцѣ казнь вѣчьную. Понеже велика есть сила крьстьная: крьстъмь бо побѣжены бываютъ силы бѣсовьскыя; крьстъ бо кънземъ въ браньхъ пособитъ; крьстъмь бо ограждаеми вѣрьнии людие побѣжаютъ супостаты противьныя; крьстъ бо въскорѣ избавляетъ отъ напастии призывающимъ его съ вѣрою: ничьсо же ся боятъ бѣси, тькъмо крьста; аще бо бываютъ отъ бѣсъ мьчьтания (навожденія), знаменавше лице крьстъмь, прогонимы бываютъ“.

е) О возвращеніи въ Кіевъ Изяслава. Подъ 6577 (1069) г. помѣщена повѣсть о возвращеніи Изяслава изъ Польши съ польскими войсками, о тревогѣ кіевлянъ, о посредничествѣ Святослава и Всеволода между кіевлянами, грозившими сжечь Кіевъ и уйти въ Греческую землю, и Изяславомъ [1]). Изяславъ отпустилъ большую часть польскаго войска обратно, и съ небольшой польской дружиной, во главѣ которой стоялъ польскій

---

[1]) Угроза кіевлянъ уйти въ Греческую землю, по всей вѣроятности, была подсказана воспоминаніемъ о предсказаніи волхва. См. выше повѣсть о волхвахъ.

король Болеславъ, пошелъ къ Кіеву, отправивъ впередъ своего сына, Мстислава. „И пришьдъ Мьстиславъ исѣче (казнилъ) иже бѣша высѣкли (освобидившихъ) Всьслава, числъмь 70 чади (простыхъ людей), а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ". Послѣ этого явился самъ Изяславъ, который распорядился перенести „търгъ на гору" [1]).

ж) О захватѣ кіевскаго престола Святославомъ Черниговскимъ. „Въ лѣто 6581 (1073). Въздвиже дияволъ котору (междоусобіе) въ братии сеи Ярославичихъ". Святославъ и Всеволодъ пошли на своего брата Изяслава. Изяславъ бѣжалъ изъ Кіева; Святославъ занялъ кіевскій престолъ. Такъ Святославъ преступилъ „заповѣдь отьню, паче же Божию. Велии бо есть грѣхъ преступающимъ заповѣдь отьца своего. Ибо испьрва преступи сынове Хамови на землю Сиѳову и по 400 лѣтъ отъмьщение приняша отъ Бога: отъ племене бо Сиѳова суть еврѣи, иже, избивъше хананѣйско племя, въсприяша свои жребии и свою землю. Пакы преступи Исавъ заповѣдь отьца своего и прия убийство. Не добро бо есть преступати предѣла чюжаго".

Таково содержаніе „Кіевопечерскаго свода" послѣ 1039 г. Въ этой своей части „Кіевопечерскій сводъ" представляетъ прежде всего лѣтопись Кіевопечерскаго монастыря, въ которой съ воодушевленіемъ изображается зарожденіе, ростъ и развитіе этого исключительнаго монастыря, участіе его въ политическихъ событіяхъ того времени, борьба его съ опасностями которыя угрожали его существованію, великіе подвиги иноковъ монастыря, высоко вознесшіе его надъ прочими русскими монастырями. Изображая судьбы Кіевопечерскаго монастыря, авторъ въ то же время излагаетъ и политическія событія, со времени смерти Ярослава М., причемъ эти событія освѣщаются имъ съ опредѣленной, послѣдовательно проводимой, религіозно-нравственной точки зрѣнія: нарушеніе княземъ крестнаго цѣлованія другому князю есть тяжкій грѣхъ, наказываемый свыше уже тутъ, на землѣ—нашествіемъ поганыхъ, потерей престола; предсмертная воля князя-отца, требующая отъ младшихъ дѣтей почитанія старшаго брата, обязательна для дѣтей: она тожественна

[1]) „Гора" — древнѣйшая часть Кіева, въ которой находились дома кіевской аристократіи. На „торгу", въ нижней части Кіева, происходили демократическія вѣча. Перенесеніемъ „торга" наверхъ, въ аристократическую часть города, Изяславъ, очевидно, хотѣлъ предупредить на будущее время повтореніе событій 1068 г.

съ волей Божіей, и ея нарушеніе можетъ повлечь за собою такое же наказаніе свыше, какое нѣкогда постигло потомковъ Хама и Исава. Такова религіозно-нравственная точка зрѣнія Никона, которою руководился и Кіевопечерскій монастырь въ своей политической дѣятельности [1]).

„Кіевопечерскій сводъ" имѣлъ продолженіе до 1093 г. Разсказы, касающіеся событій отъ 1073 г. до 1088 г., т.-е. до смерти Никона, въ томъ числѣ обширный разсказъ о смерти Ѳеодосія, были составлены, вѣроятно, при ближайшемъ участіи Никона послѣ его вторичнаго возвращенія въ Кіевопечерскій монастырь, а послѣ смерти Никона—его учениками и послѣдователями, въ этомъ числѣ, вѣроятно, и преподобнымъ Несторомъ (§ 202).

199. Значеніе Кіевопечерскаго монастыря во второй половинѣ XI в. Кіевопечерскій монастырь во второй половинѣ XI в. имѣлъ громадное значеніе.

Во-первыхъ, этотъ монастырь былъ созданъ трудами лицъ, которыя, по своему соціальному происхожденію, принадлежали къ городской демократіи эпохи княжеско-дружинной Руси. Такими лицами были Антоній и Ѳеодосій.

Во-вторыхъ, создавая и развивая свой монастырь, Антоній и Ѳеодосій, вынесшіе изъ демократической среды склонность къ строго-умѣренной жизни и соотвѣтствующіе навыки, ввели въ свой монастырь строгій аскетизмъ, высоко поднявшій его надъ прочими русскими монастырями княжеско-дружинной эпохи. Съ этого времени Кіевопечерскій монастырь становится образцомъ подражанія для монастырей аристократическаго происхожденія и типа.

Въ-третьихъ, Кіевопечерскій монастырь привлекаетъ въ свои стѣны выдающихся лицъ изъ княжеско-дружинной аристократіи, которыя постригаются здѣсь въ иноки. Между иноками демократическаго и аристократическаго происхожденія

---

[1]) Если редакторомъ „Кіевопечерскаго свода" дѣйствительно былъ Никонъ", то необходимо признать, что личность этого инока оказывается еще болѣе замѣчательной, чѣмъ можно было думать. Невольно возникаетъ вопросъ, кто такой былъ Никонъ. Одинъ изслѣдователь, занявшійся этимъ вопросомъ, приходитъ къ заключенію, что Никонъ — не кто иной, какъ Иларіонъ, вынужденный послѣ примиренія Руси съ Византіей покинуть митрополичью каѳедру и принявшій подъ именемъ Никона схиму въ Кіевопечерскомъ монастырѣ.

возникаетъ взаимодѣйствіе: они другъ на друга вліяютъ — аристократы, подчиняя представителей демократіи своему просвѣтительному вліянію, а представители демократіи, подчиняя аристократовъ своему аскетическому вліянію. Благодаря такому взаимодѣйствію создаются кадры иноковъ, прошедшихъ строгую аскетическую школу, привыкшихъ, благодаря своему соціальному происхожденію, къ управленію и съ достоинствомъ занимающихъ посты епископовъ и игуменовъ. Этимъ Кіевопечерскій монастырь оказалъ русской церкви крупную услугу, содѣйствуя національзаціи высшей церковной администраціи и ослабляя власть грековъ.

Въ-четвертыхъ, Кіевопечерскій монастырь играетъ видную политическую роль, приводящую его къ цѣлому ряду столкновеній съ княжескою властью. Въ этихъ столкновеніяхъ монастырь выступаетъ съ опредѣленными требованіями и отчетливыми сужденіями, вытекавшими изъ твердыхъ религіозно-нравственныхъ и политическихъ принциповъ. Вдохновителемъ политики Кіевопечерскаго монастыря былъ, повидимому, великій Никонъ.

Въ-пятыхъ, въ Кіевопечерскомъ монастырѣ происходила серьезная литературная работа, результатомъ которой былъ „Кіевопечерскій сводъ“, ярко отразившій исторію Кіевопечерскаго монастыря въ связи съ политическими событіями того времени и выразившій складывавшіеся въ немъ національные религіозно-нравственные и политическіе принципы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сближеніе аристократическаго теченія съ демократическимъ.

200. Сближеніе аристократическаго теченія съ демократическимъ. Смѣшанный въ соціальномъ отношеніи составъ Кіевопечерскаго монастыря послужилъ основой для сближенія между двумя идейно-литературными теченіями: 1) аристократическимъ, начало которому было положено при митрополичьемъ дворѣ („Древнѣйшій Кіевскій сводъ“) и которое продолжено было далѣе на національныхъ началахъ литературно-научнымъ кружкомъ Ярослава М., 2) и демократическимъ, которое было создано

Антоніемъ, Ѳеодосіемъ и великимъ Никономъ. Выразителями этого сближенія является рядъ писателей, вышедшихъ по преимуществу изъ стѣнъ Кіевопечерскаго монастыря. Эти писатели продолжали своими работами служить развитію русскаго національнаго самосознанія. Основная задача ихъ состояла въ томъ, чтобы создать изъ русскихъ историческихъ дѣятелей, выдвинутыхъ аристократіей и демократіей, рядъ идеальныхъ, съ византійско-христіанской точки зрѣнія, образовъ, которые могли бы служить предметомъ подражанія и руководящимъ началомъ въ житейской практикѣ.

Къ числу писателей, трудившихся надъ этой задачей, относятся авторъ „Памяти и похвалы князю Володимеру“, авторъ „Житія преп. Антонія“ и преп. Несторъ.

„Память и похвала князю Володимеру“.

(Вторая половина XI в.).

201. „Память и похвала князю Володимеру“. Сочиненіе „Память и похвала князю Володимеру“ дошло до насъ въ трехъ редакціяхъ: пространной, краткой, которой дано заглавіе „Древнее житіе Св. Владимира“, и средней.

Полное заглавіе пространной редакціи „Памяти“ таково: „Память и похвала князю русскому Володимеру, како крестися Володимеръ и дѣти своя крести и всю землю Русскую отъ коньца и до коньца, и како крестися баба Владимирова Олга преже Володимера. Списано Иіаковомъ мнихомъ“. Изъ этого заглавія видно, что авторомъ этого сочиненія былъ Іаковъ Мнихъ. Въ древне-русской письменности имѣются краткія свѣдѣнія о нѣсколькихъ инокахъ, носившихъ имя Іаковъ.

Ѳеодосій Печерскій, передъ своею смертью въ 1074 г., предлагалъ братіи выбрать на свое мѣсто въ игумены пресвитера Іакова. Послѣдній былъ постриженъ не въ Кіевопечерскомъ монастырѣ: онъ явился сюда съ Альты, т.-е., по всей вѣроятности, изъ Переяславскаго монастыря Бориса и Глѣба, построеннаго на томъ мѣстѣ у рѣки Альты, гдѣ былъ убитъ Борисъ.

Другой Іаковъ—это черноризецъ, на вопросы котораго отвѣчаютъ „Правила церковныя вкратцѣ“ митрополита Іоанна II. Третій Іаковъ—это „многогрѣшный чернецъ“, авторъ посланія

„нѣкоего отца къ духовному сыну“, къ Божію слугѣ Дмитрію, великому князю, подъ которымъ нѣкоторые изслѣдователи разумѣютъ князя Изяслава I.

Разныя ли это лица, или это—одно и то же лицо, вопросъ остается открытымъ.

Пространная редакція „Памяти и похвалы“ представляетъ сводъ нѣсколькихъ произведеній. Въ немъ соединены, и притомъ механически, *во-первыхъ*, два похвальныхъ произведенія о Владимирѣ Св.; *во-вторыхъ*, въ него вставлено похвальное слово объ Ольгѣ; *въ-третьихъ*, въ немъ имѣются извлеченныя, повидимому, изъ „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“ лѣтописныя свѣдѣнія о Владимирѣ.

Несмотря на компилятивность состава, повлекшую за собой рядъ повтореній, сочиненіе „Память и похвала“ можетъ быть разсматриваемо, какъ цѣльное произведеніе, распадающееся на нѣсколько частей, далеко не всегда связанныхъ другъ съ другомъ.

Въ *первой* части идетъ рѣчь о намѣреніи Владимира принять крещеніе. Говоря объ этомъ, авторъ сообщаетъ, что Владиміръ былъ побужденъ къ принятію крещенія двумя обстоятельствами: *во-первыхъ*, Богъ, „провидѣвъ доброту сердца его и призрѣвъ съ небеси милостію своею, просвѣтилъ сердце его принять святое крещеніе“; *во-вторыхъ*, Владиміръ слышалъ „о бабкѣ своей Ольгѣ, какъ, шедши къ Царюгороду, приняла она святое крещеніе, и какъ пожила потомъ добрѣ предъ Богомъ, всѣми добрыми дѣлы украсившися“, и возгорѣлъ желаніемъ подражать ей.

Во *второй* части авторъ говоритъ кратко и въ общихъ чертахъ, что сначала крестился Владиміръ, а затѣмъ крестилъ и весь народъ. Изъ словъ Іакова Мниха видно, что Владиміръ крестился за два года до похода на Корсунь,—гдѣ, объ этомъ онъ не говоритъ,—что два года спустя, т.-е. уже будучи христіаниномъ, Владиміръ предпринимаетъ походъ на Корсунь. Это свидѣтельство Іакова Мниха чрезвычайно драгоцѣнно, если сопоставить его съ извѣстіями византійскихъ лѣтописцевъ: послѣдніе не сообщаютъ, что Владиміръ принялъ крещеніе отъ грековъ, хотя о женитьбѣ Владимира на греческой царевнѣ говорятъ [1]).

[1]) Умолчаніе греческихъ лѣтописцевъ о томъ, что Владиміръ принялъ крещеніе въ Корсунѣ отъ грековъ, является наилучшимъ доказа-

Въ *третьей* части находится похвала Владимиру. Авторъ называетъ его апостоломъ въ князьяхъ и сопоставляетъ съ Константиномъ Великимъ.

Четвертая часть заключаетъ въ себѣ похвалу Ольгѣ, къ которой авторъ переходитъ, сказавши сначала о матери Константина, Еленѣ. Іаковъ кратко сообщаетъ о путешествіи Ольги въ Константинополь, о ея крещеніи тамъ, [2]) объ ея возвращеніи обратно, о сокрушеніи бѣсовскихъ требищъ, объ ея смерти.

Пятая часть содержитъ похвалу христіанскимъ добродѣтелямъ Владимира, разсказъ о побѣдахъ его и походѣ на Корсунь. Прославляя добродѣтели Владимира, Іаковъ Мних подчеркиваетъ чествованіе Владимиромъ господскихъ праздниковъ, во время которыхъ онъ ставилъ по три трапезы: одну митрополиту и епископамъ со священниками и монахами, другую— нищимъ и третью — себѣ съ боярами; особо говоритъ онъ о любви Владимира къ милостынѣ.

Шестая часть содержитъ обзоръ дѣяній Владимира послѣ крещенія съ хронологіей главныхъ фактовъ и разсказъ о кончинѣ Владимира.

„Память и похвала князю Владимиру“ —произведеніе не столько историческое, сколько похвальное: его цѣль—прославить подвигъ Владимира Св. и его бабки Ольги, принявшихъ крещеніе и просвѣтившихъ Русь. Такимъ образомъ, идея этого произведенія—та же, что и въ сочиненіи „О законѣ и благодати“ (§ 188), подъ вліяніемъ котораго отчасти и находился авторъ „Памяти“ (или, точнѣе, авторы составныхъ частей „Памяти“).

Несмотря на характеръ панегирика, „Память и похвала Володимеру“, послѣ сочиненія „О законѣ и благодати“, является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи княженія Владиміра и особенно обстоятельствъ его крещенія и крещенія Руси: въ немъ сохранились отголоски національно-русскихъ

тельствомъ того, что авторъ сочиненія „О законѣ и благодати“ хорошо зналъ обстоятельства, при которыхъ произошло крещеніе Владимира и Руси (см. § 188). Ближе къ исторической правдѣ эти обстоятельства были изложены въ „Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ“ (§ 184).

[2]) Историческія изслѣдованія не подтверждаютъ преданія о принятіи Ольгой крещенія въ Константинополѣ.

преданій объ этихъ событіяхъ, преданій, еще не искаженныхъ „корсунской“ легендой.

Преподобный Несторъ.

(Вторая половина XI в.).

202. Преподобный Несторъ и его труды. Біографія преподобнаго Нестора располагаетъ крайне ничтожнымъ количествомъ фактовъ.

Вскорѣ послѣ смерти преп. Ѳеодосія, т.-е. послѣ 1074 г., Несторъ пришелъ въ Кіевопечерскій монастырь, игуменомъ котораго былъ въ то время Стефанъ. Онъ былъ постриженъ въ монахи и въ скоромъ времени, при Стефанѣ же, былъ поставленъ въ діаконы, или іеродіаконы. Въ этомъ санѣ, не позже 1088 г., Несторъ написалъ два произведенія, сначала—„Чтеніе о житіи Бориса и Глѣба“, а затѣмъ „Житіе преподобнаго Ѳеодосія“. Кромѣ того, Несторъ написалъ „Сказаніе, что ради прозвася Печерскій монастырь“ и „Слово о перенесеніи мощей Ѳеодосія“, съ краткой похвалой Ѳеодосію.

1) **„Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба“.** „Чтеніе о житіи Бориса и Глѣба“, составленное Несторомъ около 1082 г., представляетъ переработку въ житійномъ стилѣ сказанія „О убіении Борисовѣ“ изъ „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“ (§ 184): Несторъ распространилъ лѣтописное сказаніе цѣлымъ рядомъ разсужденій и молитвъ, вложенныхъ въ уста Бориса и Глѣба.

Въ приступѣ къ „Чтенію“ авторъ молится о ниспосланіи ему разума и исповѣдуется въ грубости своего неразумія. Отсюда авторъ переходитъ къ изображенію божественнаго домостроительства, отъ сотворенія неба и земли и до озаренія Русской земли свѣтомъ христіанства. Сказавши затѣмъ о Владимирѣ и крещеніи Руси, авторъ переходитъ къ жизни Бориса и Глѣба.

Онъ ничего не говоритъ о рожденіи Бориса и Глѣба, вѣроятно, потому, что при рожденіи ихъ Владимиръ былъ еще язычникомъ и никакихъ матеріаловъ для назиданія нельзя отсюда извлечь. О дѣтствѣ Бориса и Глѣба Несторъ, конечно, не имѣлъ никакихъ свѣдѣній. Отсутствіе ихъ авторъ восполнилъ общими мѣстами: Борисъ и Глѣбъ были, „яко двѣ здвѣздѣ

свѣтлѣ, свѣтящеся посредѣ темныхъ"; они усердно читали божественныя книги, житія и мученія святыхъ; ихъ сердца разжигались жаждой подражить святымъ и уклоняться отъ мірской суеты; они прилежно во всѣ часы упражнялись въ молитвѣ; подобно отцу, они творили щедрую милостыню нищимъ, вдовамъ и сиротамъ; наконецъ, они сходны съ тѣми святыми, имена которыхъ получили, именно съ св. Романомъ Сладкопѣвцемъ и съ царемъ Давидомъ.

Послѣ этого авторъ приступаетъ къ разсказу объ убіеніи Бориса и Глѣба Святополкомъ. Воспроизводя историческія событія болѣе или менѣе вѣрно, авторъ однако нерѣдко избѣгаетъ точныхъ указаній. Въ этомъ отношеніи поучительно сравненіе „Чтенія" Нестора съ сказаніемъ „О убіеніи Борисовѣ" въ „Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ" (§ 184).

Такъ, напр., разсказывая о предсмертной болѣзни Владимира, „Древнѣйшій Кіевскій сводъ" сообщаетъ, что Владиміръ отправилъ Бориса съ войскомъ противъ печенѣговъ, начавшихъ войну. Несторъ, разсказывая объ этомъ же фактѣ, не называетъ враговъ по имени, а просто говоритъ, что въ страну Владимира „придоша ратніи". „Древнѣйшій Кіевскій сводъ", разсказывая о замыслахъ Святополка на братьевъ послѣ смерти Владимира, сообщаетъ, что Святополкъ пользовался совѣтами и помощью вышегородцевъ съ Путшей во главѣ и имъ поручилъ совершить убійство Бориса; Несторъ просто говоритъ о слугахъ Святополка: „И вложи зло въ сердце его (Святополка), да пославъ на пути погубити (Бориса), и онъ же посла слуги своя погубити, избра мужи неистовыя, посла на блаженнаго Бориса...". Сводъ сообщаетъ, что Борисъ, отправившись противъ печенѣговъ, не нашелъ ихъ и вернулся назадъ; Несторъ передаетъ это иначе: „ратніи же, яко услышаша блаженнаго Бориса, идуща съ вои, бѣжаша, не дерзнуша стати противу блаженному".

Уступая въ исторической вѣрности лѣтописному сказанію „О убіеніи Борисовѣ", произведеніе Нестора превосходитъ его, какъ образецъ житія.

Цѣль автора „Чтенія" состояла въ томъ, чтобы изобразить въ идеальныхъ чертахъ почитаніе старшаго князя младшими, почитаніе, доходящее до самопожертвованія. Это видно изъ слѣдующихъ словъ автора: „Видите ли братіе, коль высоко покореніе, еже стяжаста святая къ старѣйшому брату си.

Аще бо быста супротивилися ему, едва быста такому дару чюдесному сподоблена отъ Бога. Многи бо суть нынѣ дѣтескы князи, не покоряющеся старѣйшимъ и супротивящеся имъ и убиваеми суть: ти не суть такой благодати сподоблены, якоже святая сия". Итакъ,—учитъ Несторъ,—младшіе князья („дѣтескы") должны покоряться старѣйшимъ и не сопротивляться имъ. Тѣ младшіе князья, которые исполняютъ это, сподобляются отъ Бога дару творить чудеса; тѣ же изъ нихъ, которые не покоряются и сопротивляются, гибнутъ. Къ числу послѣднихъ относятся слѣдующіе князья, которыхъ, повидимому, имѣлъ въ виду Несторъ: Борисъ Вячеславичъ, павшій въ битвѣ со своимъ дядей, Изяславомъ I, у Нѣжатина поля въ 1078 г., и Романъ Святославичъ, приведшій противъ своего дяди Всеволода половцевъ и тоже погибшій въ 1079 г.

Прославляя „высокое покореніе" старѣйшимъ князьямъ и воплощая это качество въ братьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ, Несторъ шелъ по слѣдамъ великаго Никона и „Кіевопечерскаго свода": въ эпоху княжескихъ междоусобій, столь губительныхъ для Руси, Несторъ неуклонно проводилъ идею, выработанную въ стѣнахъ Кіевопечерскаго монастыря, — объ особыхъ политическихъ правахъ и преимуществахъ старшихъ князей [1]).

2) **„Житіе преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго".** „Житіе преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго" составлено было Несторомъ послѣ „Чтенія", но не позже 1088 г. Поводомъ къ составленію „Житія" послужило, какъ предполагаютъ, возникшее среди кіевопечерскихъ иноковъ желаніе канонизовать Ѳеодосія.

Несторъ попалъ въ Кіевопечерскій монастырь, когда Ѳеодосія уже не было въ живыхъ, но въ монастырѣ еще были монахи, хорошо помнившіе Ѳеодосія монахомъ и игуменомъ и даже знавшіе эпизоды изъ его дѣтства. Поэтому Несторъ имѣлъ возможность собрать обильный матеріалъ для житія Ѳеодосія.

Въ своемъ „Житіи" Несторъ изображаетъ Ѳеодосія вели-

---

[1]) Около 1115 г., когда произошло второе перенесеніе мощей свв. Бориса и Глѣба, было составлено неизвѣстнымъ авторомъ новое житіе Бориса и Глѣба подъ заглавіемъ „Сказаніе, страсть и похвала святую мученику Бориса и Глѣба". Въ основу этого житія легла повѣсть объ убіеніи Бориса и Глѣба, находящаяся въ „Начальномъ Кіевскомъ сводѣ" (§ 206), но дополненная вставками изъ „Чтенія" Нестора. „Сказаніе и страсть" долгое время приписывалось Іакову Мниху (§ 201).

кимъ подвижникомъ и въ то же время заступникомъ передъ князьями и судьями за несправедливо обижаемыхъ и гонимыхъ, однимъ изъ трехъ кіевопечерскихъ свѣтилъ. Попутно авторъ даетъ живыя черты тогдашняго быта,—семейнаго, общественнаго, политическаго и особенно религіозно-нравственнаго.

Намѣреніе кіевопечерской братіи канонизовать Ѳеодосія не осуществилось: повидимому, оно наткнулось на упорное противодѣйствіе со стороны митрополита-грека.

Составленное Несторомъ „Житіе преп. Ѳеодосія“ является однимъ изъ лучшихъ образцовъ древне-русской житійной литературы.

3) **„Сказаніе, что ради прозвася Печерскій монастырь“**. Это сочиненіе Нестора представляетъ воспроизведеніе статьи „Начало Печерьскаго монастыря“ изъ „Кіевопечерскаго свода“ (§ 198).

203. Особенности древне-русскихъ житій святыхъ. Житія святыхъ, какъ они сложились въ Византіи, представляютъ своеобразное сочетаніе двухъ формъ словесныхъ произведеній: 1) біографіи и 2) панегирика (восхваленія, „похвалы“). Въ нихъ излагаются въ послѣдовательномъ порядкѣ факты изъ всей жизни святого, но не всѣ, а только такіе, которые возвышаютъ изображаемое лицо, идеализируютъ его, выставляютъ его, какъ святого. Такъ, Владиміръ извѣстенъ, какъ полководецъ, совершившій не мало походовъ,—и какъ реформаторъ; въ нашихъ житіяхъ Владиміръ изображается, только какъ князь, принявшій крещеніе и распространявшій христіанство въ народѣ, т.-е. изъ его жизни выбраны такіе факты, которые дѣлали его святымъ.

Стиль житій святыхъ отличается художественностью, достигаемою тремя способами: 1) обиліемъ сравненій и сопоставленій, 2) размышленіями и рѣчами дѣйствующихъ лицъ и 3) разнаго рода оговорками и замѣчаніями.

1) **Сравненія и сопоставленія.** Сравненія и сопоставленія, вводимыя при посредствѣ часто встрѣчающагося въ житіяхъ слова „яко“, можно раздѣлить на а) общія и б) частныя.

а) Общія сравненія. Общимъ сравненіемъ называется уподобленіе всей жизни святого жизни другого извѣстнаго, болѣе древняго святого.

Владиміръ въ житіяхъ сравнивается непремѣнно съ Константиномъ В. Борисъ и Глѣбъ называются мучениками. Въ

дѣйствительности Борисъ и Глѣбъ не имѣютъ ничего общаго съ древними мучениками, которые пострадали за свои убѣжденія, за преданность вѣрѣ. Но Борисъ и Глѣбъ умерли насильственною смертью, какъ умирали мученики, и эта черта ихъ біографіи давала поводъ авторамъ житій вообще уподоблять Бориса и Глѣба древнимъ мученикамъ.

б) Частныя сравненія. Частными сравненіями называются такія, которыя примѣняются къ отдѣльнымъ эпизодамъ или чертамъ изъ жизни изображаемаго святого.

Въ „Житіи“ Ѳеодосія Печерскаго разсказывается, какъ великій князь Изяславъ, не зная хорошо монастырскаго устава, пришелъ въ Печерскій монастырь въ полдень, когда для братіи полагался отдыхъ и въ монастырь никто не впускался. Изяславъ постучался въ ворота. Привратникъ отворилъ. Хотя привратникъ узналъ князя, однако самъ не рѣшился впустить его въ такое время и пошелъ сначала за разрѣшеніямъ къ игумену. Авторъ житія находитъ сравненіе для этого эпизода. Именно, въ „Дѣяніяхъ Апостольскихъ“ разсказывается, какъ апостолъ Петръ пришелъ однажды въ домъ, гдѣ было собраніе апостоловъ. Такъ какъ Петръ опоздалъ на собраніе, то служанка, открывшая ему двери, не впустила его, а пошла сначала возвѣстить объ его приходѣ собравшимся уже апостоламъ. Преп. Несторъ, приведя это сравненіе, замѣчаетъ, что Изяславъ стоялъ и стучался, подражая апостолу Петру. Въ дѣйствительности никакого подражанія тутъ со стороны Изяслава не было. Но стиль житій требовалъ обилія сравненій, и авторъ болѣе или менѣе искусно старался удовлетворить этому требованію.

Въ погонѣ за сравненіями авторы житій иногда попадали въ большія затрудненія, изъ которыхъ они съ трудомъ выбирались.

Христіанскія имена Бориса и Глѣба были Романъ и Давидъ. На этомъ основаніи преп. Несторъ сравниваетъ Бориса со св. Романомъ, а Глѣба съ царемъ Давидомъ. Между Глѣбомъ и Давидомъ то сходство, что оба были у родителей младшими сыновьями. Тутъ сравненіе оказывается легкимъ. Труднѣе было сопоставить Бориса съ Романомъ. Въ житіи св. Романа повѣтствуется, что этотъ святой обладалъ поэтическимъ дарованіемъ: св. Романъ сочинилъ много священныхъ пѣсенъ, за что получилъ названіе „Сладкопѣвца“. Поэтическое дарованіе

св. Романъ получилъ чудеснымъ образомъ. Однажды Богородица принесла ему свитокъ, который велѣла ему съѣсть; онъ не съѣлъ его, и свитокъ былъ похищенъ діаволомъ. Богородица принесла другой свитокъ, который святой съѣлъ. Тогда у святого стали проявляться поэтическія наклонности. Таковы матеріалы, даваемые біографіей Романа, для сравненія Бориса съ св. Романомъ. Преподобный Несторъ нашелъ сходство между ними въ слѣдующемъ: подобно тому, какъ свитокъ былъ похищенъ у Романа діаволомъ, такъ жизнь была похищена у Бориса Святополкомъ.

Сравненія пріискивались не только для святыхъ, но и для ихъ противниковъ. Такъ, Святополкъ сопоставляется съ Каиномъ и Юліаномъ-Отступникомъ.

2) Размышленія и рѣчи дѣйствующихъ лицъ. Размышленія и рѣчи дѣйствующихъ лицъ вводятся съ цѣлью ярче освѣтить какую-нибудь характерную черту святого, для изображенія которой не достаетъ реальныхъ фактовъ.

Чтобы убѣдить читателей, что смерть Бориса и Глѣба можно назвать мученической, преп. Несторъ заставляетъ Бориса и Глѣба предаваться соотвѣтственнымъ размышленіямъ и говорить соотвѣтствующія рѣчи. Такъ, Борисъ, услышавъ о смерти отца, о вступленіи на престолъ нелюбимаго кіевлянами брата его, Святополка, отвергаетъ предложеніе своихъ приближенныхъ идти на Святополка, прогнать его и завладѣть престоломъ,—и предается размышленіямъ о неизбѣжности смерти. Онъ уважаетъ права старшаго брата, не хочетъ сопротивляться ему и говоритъ: „Сердце мое горитъ, и душа моя смущается, и не знаю, къ кому обратиться и передъ кѣмъ излить горькую печаль мою. Къ брату ли Святополку, котораго я имѣлъ вмѣсто отца? Не думаю, что онъ печется о мірскомъ и помышляетъ объ убійствѣ моемъ. Что же я скажу и что сотворю? Пойду къ брату и скажу ему: ты будь мнѣ отцомъ, ты мнѣ—братъ старшій; что повелитъ мнѣ господинъ мой?...“ Глѣбъ, узнавъ о смерти отца и объ убійствѣ брата, въ свою очередь, обращается къ Борису со словами, въ которыхъ выражается великая братская любовь и нежеланіе оставаться въ живыхъ послѣ его смерти: „Моли у Бога, брате, чтобы и мнѣ принять мученическій вѣнецъ и снова узрѣть тебя въ селеніяхъ райскихъ, оставивъ всѣ тягостныя бѣдствія земныя“. Смыслъ этихъ размышленій и рѣчей—изобразить

обоихъ братьевъ мучениками, павшими жертвой сознанія своего долга къ старшему брату.

3) Оговорки и замѣчанія. Изложеніе житій святыхъ нерѣдко прерывается оговорками и замѣчаніями автора, вызываемыми самыми разнообразными побужденіями. Когда автору житія приходится излагать изъ жизни святого фактъ, не представляющій ничего выдающагося, онъ сопровождаетъ его своими замѣчаніями. Такъ, разсказывая о томъ, что преп. Антоній не соглашался принять Ѳеодосія въ монастырь изъ-за его юности, преп. Несторъ, чтобы и этому факту придать особую значительность и глубину смысла, замѣчаетъ, что Антоній сдѣлалъ это съ цѣлью испытать Ѳеодосія, такъ какъ въ дѣйствительности онъ предвидѣлъ, что изъ этого мальчика выйдетъ великій подвижникъ. Въ житіи Бориса и Глѣба сообщается, что Борисъ былъ женатъ,—фактъ, не дающій ничего въ смыслѣ возвеличенія Бориса. Преп. Несторъ сопровождаетъ сообщеніе этого факта оговоркой: Борисъ женился не по собственному желанію, а изъ послушанія отцу. Такимъ образомъ, этой оговоркой подчеркивается въ характерѣ Бориса одна изъ христіанскихъ добродѣтелей—послушаніе родителямъ.

Таковы главные пріемы въ разработкѣ житій святыхъ. Основная цѣль этихъ біографій-панегириковъ была—поученіе: жизнь святого должна быть изображена такъ, чтобы служить образцомъ подражанія для читателей. Поэтому авторы житій дорожили лишь такими фактами и постольку, поскольку они могли удовлетворять этой цѣли.

Житія святыхъ имѣли огромное значеніе въ исторіи русской культуры.

Во-первыхъ, житія, окружающія ореоломъ мученичества и святости такую политическую идею, какъ обязанность младшихъ князей признавать надъ собою волю старшаго князя, („Чтеніе о житіи Бориса и Глѣба“)—оказывали на младшихъ князей, въ большей или меньшей степени, сдерживающее вліяніе, смягчая остроту княжескихъ междоусобій.

Во-вторыхъ, эти же самыя житія, а также и другого типа, въ которыхъ идетъ рѣчь объ аскетахъ („Житіе преп. Ѳеодосія“), изображая силу вѣры святого, стойкость его убѣжденій, рѣшительность и послѣдовательность въ дѣлѣ обузданія собственныхъ страстей („борьба съ діаволомъ“) и готовность къ мученичеству, будили въ своихъ читателяхъ религіозно-нравствен-

ныя стремленія, въ большей или меньшей степени отрывали ихъ отъ привычной обстановки съ ея примитивными нравственными отношеніями, нерѣдко даже увлекали ихъ на путь подражанія святымъ и такимъ образомъ высоко поднимали ихъ личности надъ окружающей средой.

Несмотря на особый подборъ фактовъ и особую обработку ихъ, житія имѣютъ значеніе и для исторической науки: въ нихъ почерпается матеріалъ чисто историческаго характера, особенно тамъ, гдѣ наука не располагаетъ другими источниками.

„Житіе преподобнаго Антонія".

(Около 1089).

204. „Житіе преподобнаго Антонія". „Житіе преподобнаго Антонія", составленное неизвѣстнымъ авторомъ около 1089 г., не дошло до насъ. Но имъ, какъ источникомъ, пользовались авторы двухъ произведеній—„Начальнаго Кіевскаго свода" (§ 206) и „Кіевопечерскаго патерика" (§§ 266—271), по которымъ данное житіе и можетъ быть возстановлено въ существенныхъ чертахъ. Въ этомъ произведеніи излагались преданія, связанныя съ личностью Антонія, основаніемъ Кіевопечерскаго монастыря и подвигали первыхъ иноковъ монастыря. Насколько можно судить по извлеченіямъ „Начальнаго Кіевскаго свода" и „Кіевопечерскаго патерика", „Житіе преп. Антонія" изображало дѣятельность Антонія и начало Кіевопечерскаго монастыря такъ.

Антоній вначалѣ велъ отшельническую жизнь близъ родного города Любеча. И вложилъ ему Богъ въ сердце „въ страну Гречьску" идти. Антоній устремился на Святую гору (на Аѳонъ). Обойдя находившіеся тутъ монастыри, Антоній возлюбилъ чернеческій образъ, и въ одномъ изъ нихъ онъ былъ постриженъ и посвященъ въ санъ пресвитера. Игуменъ этого монастыря, научивъ Антонія чернечеству, сказалъ, что отъ него будетъ много чернецовъ, благословилъ его и отпустилъ на Русь. Антоній пришелъ къ Кіеву и здѣсь, недалеко отъ Берестова, поселился въ одной пещерѣ, называвшейся Варяжской. Скоро распространились слухи о суровой жизни новаго отшельника, и къ нему стали стекаться лица, желавшія вести монашескую жизнь. Первыми явились Моисей Угринъ, потомъ

Иларіонъ, избранный впослѣдствіи въ митрополиты (§ 186), и Ѳеодосій. Антоній принялъ ихъ и постригъ ихъ въ иноки. Когда число иноковъ дошло до 12, Антоній поставилъ имъ игумена, а самъ удалился въ другую пещеру. Новый игуменъ, руководимый Антоніемъ, построилъ церковь и монастырь. По устроенію Божіею, къ Антонію изъ Греціи пришли три пѣвца со своими родами: они научили монаховъ церковному пѣнію; среди нихъ находился монахъ Студійскаго монастыря Михаилъ, у котораго Антоній нашелъ уставъ этого монастыря. Антоній воспользовался этимъ уставомъ и сталъ примѣнять его къ своему монастырю. Когда игуменомъ Кіевопечерскаго монастыря сталъ Ѳеодосій, Антоній и Ѳеодосій начали строить большую каменную церковь. Основаніе этой церкви сопровождалось великими чудесами (§ 268). Антоній скончался до того, какъ постройка церкви была окончена: она была достроена и украшена трудами слѣдующихъ игуменовъ.

Таково, въ основныхъ чертахъ, содержаніе „Житія преподобнаго Антонія“. Это произведеніе замѣчательно во многихъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, „Житіе преп. Антонія“ заключаетъ въ себѣ рядъ указаній, которыя противорѣчатъ тому, что извѣстно изъ „Житія преп. Ѳеодосія“ и другихъ произведеній Нестора, касающихся исторіи Кіевопечерскаго монастыря. Главныя противорѣчія—слѣдующія: 1) по „Житію Ѳеодосія“ Антоній, возвратившись отъ Св. горы, поселился въ пещерѣ, которую ископалъ себѣ Иларіонъ; по „Житію Антонія“, Антоній поселился въ пещерѣ, слывшей подъ именемъ Варяжской; 2) по „Житію Ѳеодосія“, обрядъ постриженія совершалъ великій Никонъ, который долгое время былъ единственнымъ пресвитеромъ при монастырѣ; по „Житію Антонія“, обрядъ постриженія былъ совершаемъ самимъ Антоніемъ; 3) „Житіе Ѳеодосія“ ничего не знаетъ объ отношеніяхъ между Антоніемъ и Иларіономъ; по „Житію Антонія“, Иларіонъ былъ въ числѣ лицъ, получившихъ постриженіе отъ Антонія; 4) по „Житію Ѳеодосія“, Студійскій уставъ полученъ былъ Ѳеодосіемъ черезъ кіевопечерскаго инока Ефрема Евнуха, который ѣздилъ въ Константинополь; по „Житію Антонія“, Студійскій уставъ былъ полученъ Антоніемъ отъ чернеца Михаила, явившагося изъ Греціи; 5) по „Житію Ѳеодосія“, великая церковь была построена и новый монастырь былъ поставленъ при Ѳеодосіи, а

по „Житію Антонія“,—при не называемомъ преемникѣ Антонія; 6) по „Житію Ѳеодосія“, Антоній явился съ Аѳона въ скоромъ времени послѣ избранія Иларіона въ митрополиты, слѣдовательно, въ началѣ второй половины XI в., а великая церковь была построена въ 1062 г.; по „Житію Антонія“, Антоній явился съ Аѳона около 1030 г., а великая церковь была построена въ скоромъ времени послѣ этого.

Во-вторыхъ, „Житіе Антонія“ проникнуто явной тенденціей—приписать созданіе строгой организаціи Кіевопечерскаго монастыря Антонію, а черезъ Антонія — непосредственному вліянію Греціи. Особенно обращаетъ на себя вниманіе въ „Житіи“ упорное подчеркиваніе связи Кіевопечерскаго монастыря со Святой горой: „Житіе“ обстоятельно разсказываетъ о путешествіи Антонія къ Святой горѣ, объ его постриженіи тамъ и о полученіи имъ отъ одного изъ игуменовъ благословенія идти на Русь; возвратившись на Русь и найдя себѣ пещеру, Антоній обращается къ Богу съ молитвой: „Господи! Утверди мя в мѣстѣ семь, и да будеть на мѣстѣ семь благословенье Святыя горы и моего игумена, иже мя постриглъ“; къ собравшейся братіи Антоній обращается съ такими словами: „Се Богъ васъ, братья, совокупи, и отъ благословенья есте Святыя горы, имьже мене постриже игуменъ Святыя горы, а язъ (я) васъ постригалъ; да буди благословенье на васъ первое отъ Бога, а второе отъ Святыя горы“; давая свое благословеніе на поставленіе монастыря, Антоній говоритъ: „Благословенъ Богъ о всемь, и молитва святыя Богородица и сущихъ отець, иже в Святѣй горѣ, да будетъ с вами!“

Указанныя особенности „Житія преп. Антонія“ могутъ быть объяснены такимъ образомъ.

Когда иноки Кіевопечерскаго монастыря возбудили вопросъ о канонизаціи Ѳеодосія, митрополитъ, выискивая средства для того, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ этого ходатайства [1]), возбудилъ вопросъ о канонизаціи Антонія и поручилъ освѣ-

[1]) Почему русскіе митрополиты съ крайней неохотой удовлетворяли подобныя ходатайства, понятно: какъ греки, обслуживавшіе интересы константинопольскаго патріарха, они понимали, что содѣйствовать канонизаціи русскихъ святыхъ—это значитъ придавать силу русской церкви, а подобное усиленіе неминуемо должно было повести впослѣдствіи къ уничтоженію зависимости ея отъ константинопольскаго патріарха.

домленному лицу, вѣроятно, изъ иноковъ же Кіевопечерскаго монастыря, составить житіе Антонія. Житіе было составлено, но, согласно указаніямъ митрополита, въ особомъ духѣ: митрополичьему двору не нравилось то обстоятельство, что, согласно „Житію Ѳеодосія“ Нестора, строгое кіевопечерское подвижничество возникло, независимо отъ митрополіи, по иниціативѣ Ѳеодосія; нужно было во что бы то ни стало разбить этотъ опасный для греческой власти взглядъ и представить дѣло такъ, что это подвижничество — результатъ вліянія греческаго подвижничества, подвижничества аѳонскаго, занесеннаго на Русь задолго до Ѳеодосія Антоніемъ.

Поднятіе вопроса о канонизаціи Антонія вмѣсто Ѳеодосія было со стороны русской митрополіи весьма ловкимъ шагомъ; кіевопечерская братія, жаждавшая имѣть своего святого, помирилась бы и на Антоніи. Но митрополія, выигравъ съ „Житіемъ преп. Антонія“ время, повидимому, воспользовалась какими-то удобными обстоятельствами, оставшимися для насъ неизвѣстными, и вопросъ о канонизаціи Антонія былъ снятъ.

Такимъ образомъ, митрополіи удалось на время отдѣлаться отъ канонизаціи двухъ русскихъ святыхъ. А тѣмъ временемъ пущенное въ оборотъ „Житіе преп. Антонія“ стало, какъ интересное литературное произведеніе, дѣлать свое дѣло: выведенные въ немъ образы древне-русскихъ иноковъ и вложенная въ него тенденція стали постепенно западать въ воображеніе и умы читателей; даже часть иноковъ Кіевопечерскаго монастыря, вѣроятно, наиболѣе молодая, еще плохо знакомая съ освѣщеніемъ исторіи монастыря по „Кіевопечерскому своду“ и по „Житію Ѳеодосія“, стала поддаваться вліянію „Житія преп. Антонія“. Результатомъ этого вліянія было появленіе новыхъ лѣтописныхъ сводовъ.

„Начальный Кіевскій сводъ“.

(Около 1095).

205. Кіевопечерскій игуменъ Іоаннъ. Столкновенія между Кіевопечерскимъ монастыремъ и княжескою властью не прекратились послѣ смерти Антонія, Ѳеодосія и Никона. Объ одномъ изъ такихъ столкновеній, происшедшемъ въ началѣ княженія Святополка II, сохранились отрывочныя свѣдѣнія.

Вступивъ на кіевскій престолъ, Святополкъ II прежде всего принялся за увеличеніе своихъ капиталовъ. Для этого онъ сталъ, подъ разными предлогами, конфисковывать имѣнія у представителей мѣстной кіевской и княжеско-дружинной аристократіи [1]) и отнимать цѣнные предметы и товары (напр., соль, см. § 268) у Кіевопечерскаго монастыря. Въ то же время на Русь обрушился цѣлый рядъ бѣдствій: нашествія половцевъ, междоусобія среди князей, голодъ. „Кіевопечерскій патерикъ“ (§ 268) такъ разсказываетъ объ этомъ: „Бысть убо въ дни княженія Святополка в Киевѣ много насиліе людемъ сътвори Святополкъ: домы бо силныхъ до основаніа безвинныхъ искоренивъ и имѣніа многы отъимъ (отнявъ), и сего ради попусти поганымъ силу надъ нимъ. И быша брани многы отъ половець, к сим же усобица бысть в та времена, и глад крѣпокъ и скудота веліа во всемъ в Руской земли“.

Дѣйствія Святополка, въ связи съ указанными бѣдствіями, вызвали въ русскомъ обществѣ сильное недовольство Святополкомъ. Выразителемъ этого недовольства былъ игуменъ Кіевопечерскаго монастыря Іоаннъ, который между 1093—1097 гг. смѣло обличалъ Святополка. Святополкъ арестовалъ Іоанна и отправилъ его въ ссылку въ Туровъ. За Іоанна вступился Владиміръ М. Заступничество Владимира М. спасло Іоанна: Святополкъ разрѣшилъ ему вернуться обратно. „Кіевопечерскій пятерикъ“ такъ разсказываетъ объ этомъ.

Послѣ чуда съ солью и лебедой (§ 268) Святополкъ „устыдися о створеннемъ и, вшедъ в монастырь къ игумену Іоанну, покаяся къ нему; бѣ бо преже вражду имѣя на нь, зане обличаше его несытства ради богатства и насиліа ради. Его же емъ (схватилъ) Святополкъ в Туровъ заточи. Аще бы Владимеръ Мономахъ на сего не восталъ, его же убояхся Святополкъ, скоро възврати съ честію игумена въ Печерскій монастырь“.

206. „Начальный Кіевскій сводъ“. „Начальный Кіевскій сводъ“ былъ составленъ около 1095 г. неизвѣстнымъ по имени редакторомъ, инокомъ Кіевопечерскаго монастыря.

Сводъ состоитъ изъ трехъ частей: 1) изъ предисловія,

---

[1]) Извѣстно, что Святополкъ II привелъ въ Кіевъ свою дружину, изъ Турова, а старая дружина, дружина предшествующихъ старшихъ князей, первое время была не у дѣлъ (§ 164).

принадлежащаго перу самого редактора, 2) изъ собственно лѣтописной части и 3) изъ заключенія, принадлежащаго, какъ и предисловіе, самому редактору.

1) Предисловіе. Предисловіе, предпосланное редакторомъ „Начальному Кіевскому своду“, чрезвычайно замѣчательно.

Кіевъ,—пишетъ авторъ,—называется такъ по имени Кія, какъ Римъ названъ такъ по имени царя Рима, Антіохія—по имени Антіоха, Селевкія — по имени Селевка, Александрія—по имени Александра и т. д. Промыслу Божію угодно было, чтобы Кіевъ съ его златоверхими церквами и монастырями возникъ на тѣхъ горахъ, гдѣ поганые приносили жертвы бѣсамъ.

Послѣ такого вступленія авторъ заявляетъ, что онъ собирается говорить „о началѣ Русьскыя земля и о кънязьхъ, како и отъкуду быша“. Онъ проситъ своихъ читателей обратить вниманіе на то, каковы были древніе князья и ихъ мужи. „Тии бо кънязи,—подчеркиваетъ авторъ,—не събираху мънога имѣния, ни творимыхъ виръ (штрафовъ, § 168), ни продажь (штрафовъ, § 168) въскладаху на люди; нъ оже (если) будяше правая вира, и ту възьмя, даяше дружинѣ на оружие“. Древніе русскіе князья воевали чужія страны, содержали свою дружину на тѣ средства, которыя добывали войной, и дружина не жаловалась, что она получаетъ мало содержанія. Дружинники вели тогда скромный образъ жизни: „Они бо не въскладаху на своя жены златыхъ обручь, нъ хождаху жены ихъ въ сребряныхъ. И росплодили были (умножили, обогатили) землю Русьскую“. Такъ было въ прошломъ, а теперь стало совсѣмъ иное: „За наше несытьство навелъ Богъ на ны поганыя: а и скоти наши и села наша и имѣния за тѣми суть. А мы зълыхъ своихъ дѣлъ не останемъ“.

Пишется: „Богатьство, неправьдою събираемо, извѣеться“, „Събираеть и не вѣсть, кому събираеть я“, „Луче малое правьдьнику паче богатьства грѣшьныхъ мънога“. На этомъ основаніи авторъ увѣщеваетъ своихъ читателей исправиться: „Да отъселѣ, братие моя възлюбленая, останѣмъся отъ несытьства своего, нъ довольни будѣти урокы (штрафами, § 168) вашими, никому же насилия творяще, милостынею оцвѣтуще и страньнолюбиемь въ страсѣ Божии и правовѣрии свое съпасение съдѣвающе, да и сьдѣ добрѣ поживемъ и тамо вѣчьнѣй жизни причастьници будемъ“.

Обращая вниманіе своихъ читателей на характеръ древнихъ князей и ихъ отношеніе къ Русской землѣ, авторъ предисловія дѣлаетъ намеки, главнымъ образомъ, на первые годы княженія Святополка II, вызвавшіе возмущеніе въ русскомъ обществѣ (§ 205).

2) Лѣтописная часть. Лѣтописная часть „Начальнаго Кіевскаго свода“ представляетъ изъ себя обширное повѣствованіе о судьбахъ Руси, начиная съ Кія, Щека и Хорива и до 1093 года включительно. Матеріалъ этой части вставленъ редакторомъ въ особую хронологическую сѣть, открываемую 854-мъ годомъ.

Въ основу „Начальнаго Кіевскаго свода“ легъ „Кіевопечерскій сводъ“ (§ 198), соединенный съ „Древнимъ Новгородскимъ сводомъ“ (§ 189) и дополненный и переработанный на основаніи цѣлаго ряда другихъ источниковъ, письменныхъ и устныхъ.

а) Письменные источники. Къ письменнымъ источникамъ, которыми пользовался редакторъ „Начальнаго Кіевскаго свода“, относятся слѣдующіе: α) „Палея толковая“, β) „Княжескій помянникъ“, γ) „Корсунская легенда“, δ) „Житіе преп. Антонія“, ε) „Поученіе о казняхъ Божіихъ“, ζ) „Черниговская лѣтопись“.

α) *„Палея толковая“.* Редакторъ „Начальнаго Кіевскаго свода“ воспользовался для своего труда хронографической редакціей „Палеи толковой“ (§ 109), откуда онъ почерпнулъ свѣдѣнія о первыхъ нападеніяхъ Руси на Царьградъ и матеріалы для составленія первыхъ хронологическихъ датъ.

Первая хронологическая дата въ „Начальномъ Кіевскомъ сводѣ“ — 6362 (854) г. Это, по мнѣнію редактора свода, — годъ вступленія на престолъ византійскаго императора Михаила III. Редакторъ вычислилъ эту дату по „Толковой палеѣ“, въ которой сообщалось слѣдующее: „И при сего (т.-е. Михаила) царствіи, въ второе лѣто царства его, крещена бысть Болгарьская земля, и преложиша книгы отъ греческа языка на словеньскый Кириллъ-философъ с Мефодіемъ в лѣто 6363, при Борисѣ, князи болгарьстѣмъ“. Изъ этого извѣстія редакторъ сдѣлалъ выводъ, что первый годъ царствованія Михаила III былъ 6363-ій (854) [1]. Подъ этимъ годомъ редакторъ изла-

[1]) Эта дата невѣрна: въ дѣйствительности Михаилъ III вступилъ на престолъ въ 842 г.

гаетъ множество событій: объ основаніи Кіева, о нападеніи на Царьградъ руссовъ, о дани полянъ хазарамъ, о призваніи новгородами Рюрика, Синеуса и Трувора, о княженіи въ Кіевѣ Аскольда и Дира, о взятіи Кіева Игоремъ и Олегомъ. Всѣ эти событія не могли произойти въ теченіе одного года: но редакторъ отнесъ ихъ къ 854 г. потому, что первое нападеніе руссовъ на Константинополь произошло въ царствованіе Михаила, какъ объ этомъ сообщалось въ хронографической редакціи „Палеи толковой“ [1]). Опредѣлить точнѣе хронологію перечисленныхъ событій редакторъ свода не могъ.

Вторая хронологическая дата—6428 (920) г. Къ этому году редакторъ отнесъ неудачный походъ Игоря на Византію. Свою вторую дату редакторъ выставилъ на основаніи слѣдующаго извѣстія изъ хронографической редакціи „Палеи толковой“, въ которомъ разсказывалось о второмъ нападеніи руссовъ и о пораженіи, понесенномъ ими: „По Констянтинѣ же царствова Романъ, поставленъ царемъ и Николою патріархомъ в лѣто 6428; іюня же мѣсяца 10 день приплуша Русь на Коньстянтинъ градъ“... Исходя изъ этого извѣстія и сопоставивъ съ нимъ сообщенія „Кіевопечерскаго свода“ о русскихъ походахъ на Византію, редакторъ „Начальнаго Кіевскаго свода“ пришелъ къ заключенію, что это былъ неудачный походъ Игоря и что, слѣдовательно, онъ произошелъ въ первый годъ царствованія византійскаго императора Романа, т.-е. въ 6428 (920) г. [2]).

Третья дата—6429 (921) г., подъ которымъ редакторъ разсказываетъ о томъ, что Игорь и Олегъ собирали „воя многы“ и „корабли многы бещисленыи“, находится въ связи съ *четвертой* датой,—съ 6930 (922) г., подъ которымъ разсказывается о блестящемъ походѣ Олега на Царьградъ. Обѣ эти даты изобрѣтены самимъ редакторомъ свода съ цѣлью согласовать между собою два извѣстія о походахъ русскихъ на Царьградъ; въ одномъ изъ нихъ, найденномъ въ хронографической редакціи „Палеи толковой“, говорилось о пораженіи руссовъ, въ другомъ, найденномъ въ „Кіевопечерскомъ сводѣ“

---

[1]) Это нападеніе произошло, какъ теперь точно установлено, въ 860 г. (§ 22).

[2]) Въ дѣйствительности это нападеніе Руси произошло въ 941 г.

и въ „Древнемъ Новгородскомъ сводѣ“, говорилось о побѣдоносномъ походѣ Олега на Царьградъ. Раздумывая надъ обоими извѣстіями, редакторъ пришелъ къ заключенію, что между обоими событіями была извѣстная связь и послѣдовательность: сначала было пораженіе руссовъ, а потомъ—побѣда; потерпѣли пораженіе руссы подъ предводительствомъ ихъ князя Игоря; одержали побѣду руссы подъ предводительствомъ Олега, воеводы Игоря [1]). Если пораженіе Игоря произошло въ 6428 (920) г., то слѣдующій годъ, 6429 (921), долженъ былъ пойти на соборы въ новый походъ, а въ 6430 (922) г., очевидно, Олегъ нанесъ грекамъ ораженіе. Таковъ былъ приблизительно процессъ разсужденія у редактора свода, приведшій его къ установленію третьей и четвертой датъ.

Пятая дата—6453 (945) г., подъ которымъ въ „Начальномъ Кіевскомъ сводѣ“ разсказывается о смерти Игоря, вѣроятно, также навѣяна хронографической редакціей „Палеи толковой“: отсюда редакторъ узналъ, что византійскій императоръ Романъ былъ сведенъ съ престола въ 6453 (945) г.; Романъ былъ современникомъ Игоря, слѣдовательно,—рѣшилъ редакторъ, не располагавшій точными данными,—Игорь, повидимому, скончался приблизительно въ этомъ же году.

β) *„Княжескій помянникъ“*. Во времена Ярослава М. была составлена особая книга—„Княжескій помянникъ“, куда вносились свѣдѣнія о смерти членовъ княжеской фамиліи. Вѣроятно, эти свѣдѣнія занесены были въ помянникъ, иногда съ комментаріями составителя его, съ могильныхъ крестовъ или плитъ, на которыхъ высѣкали надписи съ означеніемъ года, а иногда мѣсяца и дня смерти даннаго лица.

Къ числу такихъ свѣдѣній, использованныхъ редакторомъ „Начальнаго Кіевскаго свода“, относятся, вѣроятно, слѣдующія: „Въ лѣто 6508 (1000). Преставися Малъѳрѣдь“ (дочь Мистиши Свѣнельдича и мать Владимира Св.).—„Въ се же лѣто (6508) преставися Рогънѣдь, мати Ярославля“.—Въ лѣто 6509 (1001). Преставися Изяславъ, отецъ Брячиславль, сынъ Володимерь“.—Въ лѣто 6511 (1003) Преставися Всеславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь“.—„Въ лѣто 6519 (1011) Преставися раба Божіа Анна, царица Володимиря“.

---

[1]) Въ „Начальномъ Кіевскомъ сводѣ“ Олегъ называется не княземъ, а воеводой Игоря.

γ) *„Корсунская легенда“*. Подъ „Корсунской легендой“ разумѣется особое сказаніе о крещеніи Владимира Св., сложившееся среди грековъ въ Корсунѣ и занесенное въ Кіевъ взятыми изъ Корсуня священниками.

Корсунская легенда сложилась на почвѣ того факта, что Владиміръ, взявъ Корсунь, вывезъ оттуда священниковъ, мощи святыхъ, священные сосуды и иконы. Въ началѣ послѣдней четверти XI в. эта легенда, дополненная преданіями русскаго происхожденія, а также лѣтописными данными, была переработана въ особое житіе Владимира, близкое по содержанію къ „Древнему житію Владимира“, встрѣчающемуся въ приложеніи къ „Памяти и похвалѣ“ Іакова (§ 201). Въ немъ проводилась мысль о томъ, что своимъ крещеніемъ и просвѣщеніемъ Русь была обязана Греціи: Владиміръ принялъ крещеніе въ Корсунѣ; крещеніе Владимира ознаменовалось чуднымъ исцѣленіемъ его; русскій народъ былъ крещенъ духовенствомъ, выведеннымъ изъ Корсуня. Такая тенденція житія является доказательствомъ того, что оно обязано было своимъ происхожденіемъ греческой части русскаго духовенства, вѣроятнѣе всего, митрополичьему двору: въ интересахъ послѣдняго было противодѣйствовать національному движенію русскихъ, возникшему въ областяхъ церковной, культурной и литературной, и проводить въ общество идеи, благопріятныя для греческой власти.

Редакторъ „Начальнаго Кіевскаго свода“ воспользовался „Корсунской легендой“ для переработки того сказанія о крещеніи Владимира и Руси, которое находилось въ „Кіевопечерскомъ сводѣ“: онъ опустилъ разсказъ свода о крещеніи Владимира въ Кіевѣ и замѣнилъ его разсказомъ о крещеніи его въ Корсунѣ. Такимъ образомъ, одно изъ важнѣйшихъ русскихъ сказаній, изображавшихъ принятіе крещенія въ національномъ духѣ, было замѣнено сказаніемъ, идея котораго благопріятствовала дальнѣйшему укрѣпленію греческой власти.

δ) *„Житіе преп. Антонія“*. „Житіемъ преп. Антонія“ редакторъ „Начальнаго Кіевскаго свода“ воспользовался для переработки сказанія „Кіевопечерскаго свода“ о происхожденіи Кіевопечерскаго монастыря: исторія этого монастыря была изложена въ духѣ „Житія преп. Антонія“. Такъ другое важное сказаніе національнаго происхожденія подверглось переработкѣ въ духѣ греческой тенденціи „Житія преп. Антонія“.

ε) *„Поученіе о казняхъ Божіихъ“*. Разсказавъ подъ 6576 (1068) г. о пораженіи, нанесенномъ Ярославичамъ половцами на Альтѣ, редакторъ помѣстилъ дальше „Поученіе о казняхъ Божіихъ“ [1]).

„Поученіе о казняхъ Божіихъ“ представляетъ переработку одного изъ „словъ“, помѣщенныхъ въ „Златоструѣ“ (§ 91). Въ этомъ „словѣ“ дается объясненіе причинъ такихъ общенародныхъ бѣдствій, какъ голодъ, засуха, эпидеміи, нашествія непріятелей, междоусобія и пр. Причиной всѣхъ такихъ бѣдствій являются или гнѣвъ Божій, или грѣхи наши, или козни діавола. „Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощетъ зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому убийству и кровипролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы. Земли же согрешивши которѣй любо, казнитъ Богъ смертью, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ (бездождіемъ), ли гусѣницею, ли инѣми казньми“... Однимъ изъ важныхъ грѣховъ, навлекающимъ казни Божіи, „Поученіе“ считаетъ двоевѣріе. „Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе (если смотримъ на встрѣчу, какъ на примѣту). Аще бо кто усрящетъ (встрѣтитъ) черноризца, то възвращается, ли единецъ (безсемейнаго), ли свинью. То не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволю наученью кобь (гаданіе по примѣтамъ) сию держатъ. Друзии же и закыханью (чиханью) вѣруютъ, еже бываетъ на здравье главѣ. Но сими дьяволъ лстить и другыми правы, всячьскыми лестьми (хитростями) превабляя (отманивая) ны отъ Бога: трубами (музыкой) и скоморохы, гусльми и русальи“.

ζ) *„Черниговская лѣтопись“*. Подъ тѣмъ же годомъ, гдѣ помѣщено „Поученіе о казняхъ Божіихъ“, т.-е. подъ 6576 (1068), разсказывается слѣдующее: „Посемь же половцемъ воюющимъ по землѣ Русьстѣ, Святославу сущю Черниговѣ, и половцемъ воюющимъ около Чернигова, Святославъ же, собравъ дружины нѣколико, изиде на ня (нихъ) ко Сновьску. И узрѣша половцы идущь полкъ, пристроишася противу. И вѣдѣвъ Святославъ множьство ихъ, и рече дружинѣ своей: — „Потягнѣмъ (напряжемъ всѣ свои силы, устремимся)! Уже

[1]) Это поученіе приписывается, врядъ ли основательно, прп. Ѳеодосію.

намъ не лзѣ камо (некуда) ся дѣти (дѣться)". — И удариша в конѣ (конницей), и одолѣ Святославъ в трехъ тысячахъ, а половецъ бѣ 12 тысячъ. И тако бьеми, а друзии потопоша въ Снови, а князя ихъ яша рукама, въ 1 день ноября. И възвратися съ побѣдою в градъ свой Святославъ".

Этотъ разсказъ представляетъ изъ себя вставку между двумя, находящимися въ связи другъ съ другомъ, фразами: „Изяславъ же бѣжа въ Ляхы" и „Всеславъ же сѣде Кыевѣ". Точность, съ которой указываются день побѣды Святослава надъ половцами, численность войскъ половецкаго и русскаго, рѣчь Святослава къ дружинѣ,—все это заставляетъ предполагать, что разсказъ о побѣдѣ Святослава заимствованъ изъ недошедшей до насъ „Черниговской лѣтописи".

б) Устные источники. Къ устнымъ источникамъ, которыми воспользовался редакторъ „Начальнаго Кіевскаго свода", относится рядъ преданій, изъ которыхъ наиболѣе интересными являются слѣдующія:

а) Три мести Ольги. Убивъ Игоря, древляне отправили къ Ольгѣ 20 пословъ съ извѣщеніемъ объ убійствѣ ея мужа и съ предложеніемъ ей выйти замужъ за ихъ князя Мала. „Мужа твоего убихомъ, — говорили послы; — бяше бо мужь твой, акы волкъ, восхыщая и грабя; а наши князи добри суть; расплодили землю нашю". Ольга отвѣтила посламъ, что ей теперь уже не воскресить мужа, и она готова принять предложеніе древлянъ. А теперь ей хочется воздать имъ почесть передъ своими людьми. Пусть они,—говорила Ольга,— вернутся въ лодку, на которой пріѣхали, и лягутъ на ней, „величающеся"; утромъ она пошлетъ за ними, а они, „величающеся", пусть скажутъ: „Не идемъ на конехъ, ни пѣши идемъ, но понесете ны в лодьи!" Они такъ и сдѣлали. Посланные Ольгой кіевляне понесли на своихъ плечахъ лодку съ послами и бросили ее въ глубокую яму. Ольга подошла къ ямѣ и спросила пословъ, хорошую ли честь она оказала имъ. Послы отвѣтили: „Пущи намъ бысть Игоревѣ смерти!" Ольга велѣла засыпать пословъ живыми.

Послѣ этого Ольга отправляетъ пословъ къ древлянамъ, требуя, чтобы они прислали къ ней самыхъ знатныхъ древлянъ, такъ какъ кіевляне не пускаютъ ее къ нимъ. Древляне исполнили это требованіе. Ольга велѣла приготовить для нихъ баню. Баня была подожжена, и послы сгорѣли живьемъ.

Тогда Ольга снарядилась къ древлянамъ сама, съ дружиной, отправивъ впередъ пословъ съ требованіемъ приготовить все, что нужно для отпразднованія тризны надъ Игоремъ. Древляне наварили и свезли много меда. Ольга поплакала надъ могилой Игоря и велѣла насыпать громадный курганъ надъ нею.

Послѣ этого началась тризна. Древляне перепились. Ольга велѣла своей дружинѣ перебить древлянъ. Погибло 5.000 древлянъ.

β) *Какъ Ольга перехитрила греческаго царя.* Когда Ольга пріѣхала въ Царьградъ, греческій царь Цимисхій поразился ея красотой и умомъ и сказалъ ей: „Подобна еси съ нами царствовати въ градѣ семъ“. Ольга поняла, что царь предлагаетъ ей выйти за него замужъ, и указала царю, что она—„погана“; но она готова принять крещеніе, если самъ царь согласится быть ея крестнымъ отцомъ; въ противномъ случаѣ она не крестится. Царь согласился. Послѣ крещенія царь пригласилъ къ себѣ Ольгу и сказалъ ей: „Хощю тя поняти (взять) себѣ женою“. Ольга отвѣтила царю: „Како хощеши мѧ поняти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя себѣ дщерью? А въ крестиянѣхъ сего нѣсть закона, а ты, царю, самъ вѣси“. Царь сказалъ своимъ вельможамъ: „Упремудри мя Ольга словесы своими!“ [1]). Щедро одаривъ Ольгу, царь отпустилъ ее домой.

γ) *Подвигъ отрока и воевода Претичъ.* Когда Святославъ находился въ Болгаріи, въ Переяславцѣ, и Печенѣги, явившіеся впервые на Русь, обступили Кіевъ громадной силой, произошло такое событіе.

На другой сторонѣ Днѣпра собрались въ ладьяхъ люди, и никому изъ нихъ нельзя было приблизиться къ городу, а изъ города никому нельзя было выбраться къ нимъ. Между тѣмъ кіевляне стали уже изнемогать отъ голода и жажды.

Собравшись для обсужденія своего положенія, они рѣшили отправить кого-либо на ту сторону Днѣпра съ просьбой о помощи. Одинъ отрокъ взялся исполнить это порученіе. Взявъ узду, онъ вышелъ изъ города къ печенѣгамъ и сталъ разспра-

---

[1]) Въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ (§§ 208—211) греческій царь обращается не къ вельможамъ, а къ самой Ольгѣ, со слѣдующими словами: „Переклюкала (перехитрила) мя еси, Ольга!“

шивать ихъ, не видѣлъ ли кто-нибудь его коня. Отрокъ отлично говорилъ по-печенѣжски, и печенѣги приняли его за своего. Дойдя до берега Днѣпра, отрокъ снялъ съ себя платье, бросился въ Днѣпръ и поплылъ на другую сторону. Тутъ только печенѣги замѣтили свою ошибку и стали стрѣлять въ него. Но отрокъ былъ уже далеко. Съ той стороны Днѣпра увидѣли его, взяли на лодку и высадили на берегъ. Отрокъ передалъ воеводѣ Претичу, отъ имени кіевлянъ, слѣдующее: „Аще не поступите заутра къ граду, и людие предатися имутъ печенѣгомъ“. Претичъ обѣщалъ на другой день съ утра приступить къ городу въ ладьяхъ, взять Ольгу и княжичей и перевести ихъ на другую сторону Днѣпра: „Аще ли того не створимъ, погубить насъ Святославъ“. На другой день рано утромъ Претичъ со своими людьми приблизился на ладьяхъ къ городу; люди его громко затрубили въ трубы; кіевляне отвѣтили громкими криками. Печенѣги вообразили, что явился самъ князь, и отступили отъ города. Ольга со своими внуками и людьми вышла къ ладьямъ. Печенѣжскій князь вернулся къ Претичу одинъ и спросилъ, кто это явился, и не князь ли онъ. Претичъ отвѣтилъ, что онъ—не князь, а мужъ князя, стоящій во главѣ передового отряда; а за нимъ идетъ самъ князь съ безчисленнымъ войскомъ. Говорилъ такъ Претичъ, чтобы напугать печенѣговъ. Печенѣжскій князь попросилъ мира и отступилъ отъ города.

3) Заключеніе. „Начальный Кіевскій сводъ“ имѣетъ обширное заключеніе, въ которомъ изложеніе потрясающихъ событій конца княженія Всеволода и начала княженія Святополка переплетается съ размышленіями самого редактора по поводу этихъ событій.

Подъ 1093 г., годомъ смерти Всеволода и вступленія на престолъ Святополка, редакторъ прежде всего сообщаетъ о преставленіи Всеволода. Это сообщеніе сопровождается замѣчательной характеристикой этого князя.

„Сий бо благовѣрный князь Всеволодъ, — говорится въ сводѣ,—бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя (снабжалъ всѣмъ необходимымъ) убогыя, въздая честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любяше черноризци и подаяше требованье (потребное) имъ. Бѣ же и самъ въздержася отъ пьяньства и отъ похоти: тѣмь любимъ бѣ отцемь своимъ“... Когда Всеволодъ княжилъ въ Кіевѣ,—продолжаетъ редакторъ

свода,—на него обрушились печали, бо̀льшія, нежели тѣ, которыя пришлось ему перенести въ Переяславлѣ: докучали ему его „сыновцы“ (племянники), требовавшіе у него волостей; мучили его болѣзни; наконецъ, пришла старческая немощь. „И нача любити смыслъ уныхъ (и сталъ поддаваться вліянію молодыхъ бояръ), свѣтъ (совѣтъ) творя с ними; си же начаша заводити (руководить) и (имъ), негодовати (вооружать его противъ) дружины своея первыя (старой) и людемъ не доходити княже правды: начаша тиуни грабити, людий продавати, сему не вѣдущу въ болѣзнехъ своихъ“.

Нарисовавъ такими любопытными чертами образъ Всеволода, редакторъ сообщаетъ о вступленіи на престолъ Святополка и о его первыхъ дѣйствіяхъ.

Къ Святополку явились послы отъ половцевъ „о мирѣ“, т.-е. съ цѣлью возобновить мирный договоръ предшествующаго князя и получить отъ новаго князя обычные подарки. „Святополкъ же, не здумавъ с бо̀лшею дружиною отнею и стрыя (дяди) своего, совѣтъ створи с пришедшими с нимъ“ (т.-е. съ дружиною, которую онъ привезъ изъ Турова), арестовалъ пословъ и посадилъ ихъ въ тюрьму. Половцы, узнавъ объ этомъ, произвели нашествіе на Русь, во время котораго Святополкъ потерпѣлъ два пораженія.

Нашествіе половцевъ и бѣдствія, обрушившіяся на Русь, вызываютъ со стороны редактора свода рядъ длинныхъ разсужденій, суть которыхъ сводится къ тому, что подобныя бѣдствія посылаются Богомъ за грѣхи. „Се бо на ны Богъ попусти поганыя, не яко милуя ихъ, но насъ ѣкажа (наказывая), да быхомъ ся востягнули (отказались) отъ злыхъ дѣлъ; сими казнить ны нахоженьемъ (нашествіемъ) поганыхъ: се бо есть батогъ Его“...

Редакторъ не сообщаетъ, за какіе собственно грѣхи навелъ Богъ половцевъ въ 1093 г.; но для читателя свода, ознакомившагося прежде всего съ вступленіемъ къ своду, это было ясно: „За наше несытьство,—говорится тамъ,—навелъ Богъ на ны поганыя, а и скоти наши, и села наша, и имѣния за тѣми суть; а мы зълыхъ своихъ дѣлъ не станемъ“. Имѣя въ виду читателя, знающаго предисловіе, редакторъ, среди своихъ разсужденій, говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „Согрѣшихомъ и казними есмы; якоже створихомъ, тако и стражемъ: городи вси опустѣша, села опустѣша; прейдемъ (если отправимся на) поля,

идѣже пасоми бѣша стада конь, овця и волове, все тоще нонѣ видимъ, нивы поростъше—звѣремъ жилища быша". Разсужденія редактора кончаются слѣдующими словами: „Се бо азъ, грѣшный, и много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни".

Таковы главныя дополненія, которыя были сдѣланы редакторомъ „Начальнаго Кіевскаго свода" къ лѣтописнымъ матеріаламъ, собраннымъ его предшественниками.

Дополняя предшествующіе своды, редакторъ „Начальнаго Кіевскаго свода" вмѣстѣ съ тѣмъ опускалъ нѣкоторые разсказы, или одни разсказы замѣнялъ другими; а въ связи съ этимъ онъ дѣлалъ рядъ соотвѣтствующихъ измѣненій.

Такъ, въ „Начальномъ Кіевскомъ сводѣ" совершенно опущенъ разсказъ о подвигахъ Ѳеодосія Печерскаго, имѣвшійся въ Кіевопечерскомъ сводѣ" [1]). Опущенъ также разсказъ „Древнѣйшаго Кіевскаго свода" о крещеніи Владимира въ Кіевѣ и замѣненъ разсказомъ о крещеніи Владимира въ Корсунѣ. Опущенъ разсказъ о нападеніи на Игоря Мстиши съ древлянами и замѣненъ другимъ. Эта замѣна особенно интересна для характеристики метода составленія лѣтописныхъ сводовъ.

Преданіе объ убійствѣ Игоря Мстишей Свѣнельдичемъ изображало героическими чертами одного изъ выдающихся русскихъ дружинниковъ; когда русскій князь, передавшій управленіе Древлянскою землею Свѣнельду, вздумалъ отнять у него право собирать принадлежавшую ему дань, Свѣнельдъ, вмѣстѣ съ древлянами, оказалъ ему вооруженное сопротивленіе, и Игорь палъ отъ руки Мстиши, сына Свѣнельда. Такое преданіе должно было пользоваться большою популярностью среди русскихъ дружинниковъ. Въ противовѣсъ ему, въ кіевскомъ обществѣ стала складываться другая версія о гибели Игоря.

Существовало неизвѣстное „Древнѣйшему Кіевскому своду" преданіе о томъ, что послужило поводомъ къ междоусобію среди сыновей Святослава. „Начальный Кіевскій сводъ" такъ излагаетъ его.

Послѣ смерти Святослава сынъ Свѣнельда, Лютъ, охотился и въ погонѣ за звѣрями попалъ во владѣнія Олега Древлянскаго, сына Святослава. Онъ попался навстрѣчу Олегу,

---

[1]) Опущеніе этого разсказа—большой ущербъ для исторіи Кіевопечерскаго монастыря.

который также охотился. Олегъ убилъ Люта. Съ тѣхъ поръ возникла ненависть между Ярополкомъ и Олегомъ. Отецъ Люта, Свѣнельдъ, воевода Ярополка, возбуждалъ Ярополка противъ Олега и требовалъ, чтобы Ярополкъ отправился въ походъ противъ своего брата. Ярополкъ послушался. Олегъ потерпѣлъ пораженіе и погибъ. Древлянская земля перешла подъ власть Ярополка.

Это преданіе находилось въ рѣзкомъ противорѣчіи съ разсказомъ „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“ о Свѣнельдѣ и Мистишѣ при Игорѣ. Послѣдній разсказъ изображалъ Свѣнельда и Мистишу состоящими во враждѣ съ кіевскимъ княземъ; новое преданіе, сложившееся ко времени составленія „Начальнаго Кіевскаго свода“, сдѣлало Свѣнельда и Мистишу преданными слугами кіевскаго князя.

Такимъ образомъ, между новымъ преданіемъ и разсказомъ „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“ открывалось крупное противорѣчіе, которое требовало устраненія. Разрѣшая вопросъ о томъ, который изъ двухъ разсказовъ правдоподобнѣе, редакторъ „Начальнаго Кіевскаго свода“ отдалъ предпочтеніе новому преданію: къ концу XI в. не было на Руси такихъ могучихъ дружинниковъ, какими были Свѣнельдъ и его сынъ при Игорѣ; и редактору „Начальнаго Кіевскаго свода“ трудно было допустить возможность такого столкновенія между дружинникомъ и княземъ, которое привело бы къ трагическому исходу для князя. На этомъ основаніи редакторъ „Начальнаго Кіевскаго свода“ рѣшилъ соотвѣтственнымъ образомъ передѣлать разсказъ „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“. Для этого необходимо было устранить изъ разсказа все то, что могло дать поводъ думать о непріязненномъ столкновеніи между Игоремъ и Свѣнельдомъ, т.-е. прежде всего эпизодъ о передачѣ Игоремъ Свѣнельду права на дань съ Древлянской земли.

Съ исключеніемъ этого эпизода и связанныхъ съ нимъ деталей разсказа (напр., словъ изъ рѣчи Игоревой дружины: „Се далъ еси единому мужеви много“) исторія гибели Игоря приняла подъ перомъ редактора „Начальнаго Кіевскаго свода“ новую окраску.

Игорь,—разсказывается въ этомъ сводѣ, — побѣдилъ древлянъ и возложилъ на нихъ дань.

Наступила осень. И сталъ Игорь думать о новомъ походѣ на древлянъ, „хотя примыслити бо́льшюю дань“. И сказала

дружина Игорю: „Отроци Свѣнелжи [1]) изодѣлися суть оружьемь и порты, а мы — нази [2]); поиди, княже, с нами въ дань, да и ты добудеши и мы“. Послушался Игорь, пошелъ за данью въ Древлянскую землю, произвелъ надъ древлянами рядъ насилій, взялъ дань и отправился въ обратный путь. Дорогой Игорь рѣшилъ еще разъ взять съ древлянъ дань. Отправивъ домой большую часть своего войска, Игорь съ малочисленной дружиной вернулся къ древлянамъ. Узнавъ о возвращеніи Игоря, древляне стали думать съ княземъ своимъ Маломъ [3]): „Аще ся въвадить (повадится) волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его. Тако и се: аще не убьемъ его, то вся ны погубить“.

Древляне вышли изъ Искоростѣня, убили Игоря и перебили его дружину: „бѣ бо ихъ мало“,—поясняетъ редакторъ.

Такимъ образомъ, Игорь погибъ не въ столкновеніи со своимъ же могучимъ дружинникомъ, а жертвой своей жадности и какого-то страннаго затменія сообразительности, подъ вліяніемъ котораго онъ отпустилъ большую часть своей дружины домой.

Такъ редакторъ „Начальнаго Кіевскаго свода“ справился со своей задачей: согласовать преданіе о Лютѣ, сынѣ Свѣнельда, съ разсказомъ о гибели Игоря отъ руки Мстиши, сына Свѣнельда.

Продолжая дальше лѣтописный разсказъ, редакторъ свода невольно оставилъ слѣды первоначальнаго разсказа о причинахъ гибели Игоря: „Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилець его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнельдъ, тоже отець Мстишинъ“. Почему

---

[1]) До этой рѣчи дружины въ „Начальномъ Кіевскомъ сводѣ“ нѣтъ ни слова о Свѣнельдѣ.

[2]) Почему отроки Свѣнельда богаты, а дружина Игоря бѣдна, въ „Начальномъ Кіевскомъ сводѣ“ не объяснено.

[3]) Мстиша, сынъ Свѣнельда, превращенъ въ Мала подъ вліяніемъ преданія о трехъ местяхъ Ольги, гдѣ онъ именно такъ именуется. Замѣна въ преданіи имени Мстиша именемъ Малъ, вѣроятно, произошло по слѣдующей причинѣ: имя Мстиша забылось, но преданіе помнило, что въ гибели Игоря роковую роль сыгралъ не старый „князь“ древлянскій, а молодой, „Малый“; отъ нарицательнаго „Малый“ было въ позднѣйшемъ преданіи произведено собственное „Малъ“. Возможно также, что это имя извлечено изъ имени дочери Мстиши и матери Владимира Св. „Малъ-орѣди“ (§ 189).

необходимо опредѣлить Свѣнельда по его сыну, для читателя „Начальнаго Кіевскаго свода“ неизвѣстно: нигдѣ раньше ни о какомъ Мистишѣ ничего не сообщалось.

Измѣненія болѣе мелкаго характера разсѣяны по всему „Начальному Кіевскому своду“. Особенно интересны измѣненія, внесенные редакторомъ въ разсказъ о первыхъ русскихъ князьяхъ.

Дополняя „Кіевопечерскій сводъ“ и его продолженія свѣдѣніями изъ „Древняго Новгородскаго свода“, редакторъ „Начальнаго Кіевскаго свода“ замѣтилъ странное обстоятельство: въ „Кіевопечерскомъ сводѣ“ первымъ варяжскимъ княземъ упоминается Олегъ, а за нимъ—Игорь, причемъ не указано, были ли между ними какія либо отношенія родства; въ „Древнемъ Новгородскомъ сводѣ“ первыми князьями называются Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, затѣмъ Олегъ и, наконецъ, Игорь, причемъ и здѣсь не указано, были ли между ними какія либо отношеніе родства. Далѣе, изъ греческихъ хроникъ редакторъ зналъ о пораженіи, которое потерпѣли руссы подъ Царьградомъ, а изъ „Кіевопечерскаго свода“—о взятіи Олегомъ Царьграда. Сопоставляя оба эти извѣстія, редакторъ пришелъ къ заключенію, что сначала было пораженіе русскихъ, а потомъ послѣдовала побѣда, одержанная Олегомъ. Задавшись вопросомъ о томъ, кто же потерпѣлъ пораженіе, редакторъ рѣшилъ, что Игорь. Но такой выводъ приводилъ къ рѣзкому противорѣчію: по свидѣтельству источниковъ, Игорь княжилъ послѣ Олега, а между тѣмъ выходило, что Олегъ побѣдилъ грековъ послѣ пораженія Игоря. Ища выхода изъ создавшагося противорѣчія, редакторъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Русская земля имѣетъ одну княжескую династію, основателемъ которой былъ, очевидно, одинъ изъ приглашенныхъ новгородцами князей. Который же изъ нихъ? Очевидно, не Синеусъ и Труворъ, а тотъ, который называется старѣйшимъ и который сѣлъ въ Новгородѣ. Синеусъ и Труворъ, повидимому, умерли бездѣтными, потому что объ ихъ потомствѣ не дошло никакихъ свѣдѣній. У Рюрика же, очевидно, былъ сынъ. Кто именно? Очевидно, Игорь. Что касается Олега, то онъ былъ не княземъ, а воеводой Игоря; Игорь потерпѣлъ пораженіе подъ Царьградомъ, а его воевода Олегъ загладилъ это пораженіе и взялъ Царьградъ.

Такъ, редакторъ „Начальнаго Кіевскаго свода“ на осно-

ваніи сопоставленія данныхъ изъ „Кіевопечерскаго свода“, „Древняго Новгородскаго свода“ и хронографической редакціи „Палеи толковой“ создалъ генеалогію первыхъ русскихъ князей и Олега призналъ воеводой Игоря.

Въ исторіи русской литературы „Начальный Кіевскій сводъ“ представляетъ замѣчательное явленіе.

Во-первыхъ, въ этомъ сводѣ впервые проявляется критическое отношеніе редактора къ лѣтописнымъ матеріаламъ, стремленіе устранить противорѣчія, выяснить неясное и вставить весь лѣтописный матеріалъ въ цѣлую хронологическую сѣть.

Во-вторыхъ, характерны для этого свода измѣненія, сдѣланныя авторомъ подъ вліяніемъ „Корсунской легенды“ и „Житія преп. Антонія“, этихъ двухъ произведеній, проникнутыхъ грекофильской тенденціей: редакторъ свода, повидимому, самъ сочувственно относился къ этой тенденціи.

Въ-третьихъ, „Начальный Кіевскій сводъ“ замѣчателенъ также и въ идейномъ отношеніи, какъ опытъ изображенія древне-русской исторіи съ опредѣленной цѣлью, выраженной намеками въ предисловіи и въ заключеніи,—противопоставить Святополку II образы древне-русскихъ князей, которые „расплодили“ Русскую землю, изобразить бѣдствія, обрушившіяся на Русь въ началѣ княженія Святополка, какъ наказаніе, ниспосланное на него и на весь русскій народъ, за производимыя имъ насилія и „несытьство“, и этимъ дать ему предостереженіе.

Въ-четвертыхъ, „Начальный Кіевскій сводъ“ замѣчателенъ, наконецъ, тѣмъ, что именно онъ легъ въ основу дальнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, наложивъ такимъ образомъ на нихъ неизгладимый отпечатокъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Итоги самосознанія въ княжеско-дружинной Руси.

(Начало XII в.).

207. Итоги самосознанія въ княжеско-дружинной Руси. Въ исторіи княжеско-дружинной Руси XI-ый вѣкъ былъ эпохой зарожденія и развитія національнаго русскаго самосознанія. По иниціативѣ Владимира Св. и Ярослава М. на Руси

начинаетъ распространяться византійско-болгарское просвѣщеніе. Подъ руководствомъ приглашенныхъ изъ Корсуня грековъ къ 30-мъ годамъ XI в. въ княжеско-дружинной средѣ образуется русская интеллигенція, воспитанная на началахъ византійско-болгарскаго просвѣщенія. Въ новообразовавшейся интеллигенціи, тѣсно связанной съ княжескимъ дворомъ, зарождается національное самосознаніе. Толчокъ къ этому зарожденію данъ былъ „Древнѣйшимъ Кіевскимъ сводомъ“, составленнымъ по иниціативѣ митрополичьяго двора. Въ этомъ сводѣ дана была цѣльная картина происхожденія и развитія Руси до 1039 г. Представители русской интеллигенціи увидѣли, что русскіе князья „не въ худѣ и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но въ Руской, яже вѣдома и слышима есть всѣми конци земля“. Слава Русской земли, о которой повѣствовалъ „Древнѣйшій Кіевскій сводъ“, будила въ русской интеллигенціи чувство національной гордости. Но это чувство на первыхъ же порахъ его пробужденія наткнулось на рѣзкое противорѣчіе въ окружающей дѣйствительности: во главѣ русской церкви стояли греки; русская церковь находилась подъ властью греческой. Слава Русской земли была военной славой, но не просвѣтительно-культурной: Русь была бѣдна просвѣщеніемъ, храмами и монастырями, ея церковь была еще лишена святыхъ дѣятелей и святыхъ мѣстъ, между тѣмъ какъ Грецiя въ этомъ отношеніи находилась на верху славы. Въ русской интеллигенціи явилась потребность сравняться въ культурно-просвѣтительномъ отношеніи съ Греціей и добиться освобожденія русской церкви отъ греческой власти. Началось національное культурно-просвѣтительное движеніе, проявившееся въ открытіи школъ и библіотекъ, въ изданіи книгъ, въ построеніи церквей, въ устройствѣ монастырей, въ попыткахъ подготовить канонизацію русскихъ дѣятелей, наконецъ, въ частичной попыткѣ освободить русскую церковь отъ греческой власти путемъ избранія въ митрополиты русскаго человѣка. Въ литературѣ выразителями этого движенія въ княжеско-дружинной средѣ были Иларіонъ и Лука Жидята. Исходя изъ данныхъ „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“, Иларіонъ увидѣлъ въ особенностяхъ принятія крещенія Владимиромъ и Русью исключительное міровое явленіе, дающее право на уподобленіе Владимира Константину В. и изображеніе его святымъ и равноапостольнымъ.

Около года смерти Ярослава М. (1054) пошатнувшаяся власть Греціи надъ русскою церковью возобновляется. Около того же времени культурно-просвѣтительное движеніе, начавшееся въ придворномъ кругу, заносится въ демократическую среду. Центромъ этого движенія становится строгій Кіевопечерскій монастырь, а его представителями — Антоній, Ѳеодосій, Никонъ, Несторъ и др. Здѣсь движеніе пріобрѣтаетъ необыкновенную силу: вырабатываются сильные характеры, выдвигаются высоко-нравственныя личности, стойкіе защитники опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, опытные церковные администраторы. Изъ стѣнъ этого монастыря вышли такія произведенія, какъ „Кіевопечерскій сводъ“ и „Житіе преп. Нестора“.

Движенія, возникшія въ княжеско-дружинной и демократической средѣ, своею серьезностью и значительностью, своими цѣлями, угрожавшими греческому господству, вызвали тревогу въ греческой части русскаго духовенства. Послѣдняя стала давать этому движенію отпоръ. Литературными выраженіями этого контръ-движенія были такія произведенія, какъ „Житіе Владимира“, составленное подъ вліяніемъ „Корсунской легенды“, и „Житіе преп. Антонія“. Оба произведенія изображаютъ принятіе крещенія Владимиромъ и Русью, а также исторію возникновенія Кіевопечерскаго монастыря въ грекофильскомъ духѣ.

Къ концу XI в. между указанными тремя движеніями происходитъ сближеніе: рѣзкости національнаго движенія смягчаются, грекофильская тенденція приспособляется къ основнымъ чертамъ національнаго движенія. Литературнымъ выраженіемъ этого момента въ исторіи развитія національнаго русскаго самосознанія является „Начальный Кіевскій сводъ“.

Въ началѣ XII в. на почвѣ предшествующаго развитія происходитъ дѣятельное подведеніе итоговъ идейно-литературной работѣ предшествующихъ поколѣній. Это стремленіе выразилось въ собираніи литературныхъ памятниковъ прошлаго и въ созданіи изъ нихъ обширныхъ сводныхъ произведеній— лѣтописныхъ сводовъ. Изъ этихъ сводовъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: 1) „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, 2) „Сильвестровъ сводъ“ и 3) вторая редакція „Сильвестрова свода“.

„Повѣсть временныхъ лѣтъ“.

(1113—1116).

208. „Повѣсть временныхъ лѣтъ“. „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ получила такое названіе отъ слѣдующаго своего заглавія: „Се повѣсти времяньныхъ (прошлыхъ) лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Киевѣ начя первѣе княжити, и откуду Руская земля стала есть“ [1]).

„Повѣсть временныхъ лѣтъ“ распадается на двѣ части: 1) на вступительную часть безъ хронологическихъ датъ и 2) на собственно лѣтописную часть, сопровождаемую хронологическими датами.

1) Вступительная часть. „Повѣсть“ начинается съ краткаго обзора всемірной исторіи.

Послѣ потопа сыновья Ноя—Симъ, Хамъ и Іафетъ—раздѣлили между собою землю: Симъ получилъ Востокъ, Хамъ—Югъ, а Іафетъ — Западъ. Распредѣливъ между собою земли, сыновья Ноя стали жить каждый въ своемъ удѣлѣ. Между тѣмъ люди размножились, и вотъ во дни Нектана и Фалека они задумали построить столпъ до неба. Они собрались въ Сенарѣ и стали строить столпъ, а около него—городъ Вавилонъ. Но построеніе не было окончено: Богъ раздѣлилъ собравшихся на 72 языка и разсѣялъ ихъ по всей землѣ. Однимъ изъ этихъ языковъ былъ славянскій, языкъ славянъ, происшедшихъ отъ рода Іафета. Отсюда „Повѣсть“ переходитъ къ славянамъ и разсказываетъ о поселеніи славянъ на Дунаѣ и о разселеніи ихъ оттуда по разнымъ странамъ. Перечисливъ главныя славянскія племена, „Повѣсть“ переходитъ къ русскимъ славянамъ, описываетъ путь „изъ варягъ въ греки“, разсказываетъ о посѣщеніи апостоломъ Андреемъ Русской земли, излагаетъ преданія о древнѣйшихъ событіяхъ среди русскихъ племенъ до образованія государства и обстоятельно описываетъ обычаи и нравы древнихъ русскихъ племенъ—полянъ, древлянъ, вятичей, радимичей, кривичей.

---

[1]) Это заглавіе—не что иное, какъ распространеніе того мѣста изъ предисловія къ „Начальному Кіевскому своду“, въ которомъ редакторъ указываетъ, что онъ будетъ говорить „о началѣ Русьскыя земля и о кънязьхъ, како и отъкуда быша“ (§ 206).

2) **Собственно лѣтописная часть.** Собственно лѣтописная часть начинается слѣдующими словами: „Въ лѣто 6360 (852), индикта 15 день, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руская земля. О семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется в лѣтописаньи гречьстѣмъ. Тѣмъже отселе почнемъ и числа положимъ". „Числа", о которыхъ говоритъ редакторъ „Повѣсти", представляютъ разсчетную хронологическую таблицу отъ Адама до Михаила III и отъ Олега до смерти Святополка II. Послѣ хронологической таблицы идетъ непрерывное погодное изложеніе событій до 1113 г. включительно.

209. Составъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ". „Повѣсть временныхъ лѣтъ" представляетъ, съ одной стороны, коренную переработку „Начальнаго Кіевскаго свода" (§ 206), съ другой—его продолженіе до 1113 г.

Для переработки „Начальнаго Кіевскаго свода" редакторъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" воспользовался множествомъ новыхъ иностранныхъ и русскихъ источниковъ.

1) **Иностранные источники.** Изъ иностранныхъ источниковъ редакторъ „Повѣсти" воспользовался слѣдующими:

а) „Хроника" Георгія Амартола. Изъ „Хроники" Георгія Амартола и ея продолженія (§ 111) въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" помѣщено слѣдующее: 1) о раздѣленіи земли между сыновьями Ноя, 2) о захватѣ потомками Хама чужого удѣла и объ изгнаніи ихъ оттуда, 3) о нравахъ различныхъ народовъ—сирійцевъ, бактрійцевъ, халдеевъ, британцевъ, амазонокъ, 4) объ Аполлоніи Тіанскомъ и о волшебныхъ дѣлахъ, 5) о зловѣщихъ знаменіяхъ передъ нашествіемъ Антіоха на Іерусалимъ, 6) о нападеніяхъ руссовъ на Царьградъ, 7) рядъ извѣстій о византійскихъ дѣлахъ.

Свои заимствованія редакторъ „Повѣсти" дѣлалъ съ большимъ толкомъ. Такъ, разсказавъ по Амартолу о нравахъ различныхъ народовъ, редакторъ отъ себя изображаетъ нравы извѣстнаго ему народа—половцевъ. Смерть Олега по предсказанію кудесника побудила редактора заняться изслѣдованіемъ причинъ дѣйствій чародѣйской силы; для этого онъ изъ Амартола привелъ разсказъ о чудесахъ Аполлонія Тіанскаго и предложенное Амартоломъ объясненіе, что всѣ такія чудеса совершаются по попущенію діавольскому, чтобы черезъ нихъ искушалась православная вѣра, добра ли она и крѣпко ли

привержена ко Господу. Необыкновенныя явленія въ природѣ послѣ смерти Ярослава М. побудили редактора сдѣлать изъ Амартола пять выписокъ, въ которыхъ разсказывается о подобныхъ же явленіяхъ.

б) „Житіе Василія Новаго“. Изъ „Житія Василія Новаго“ (§ 83) редакторъ заимствовалъ описаніе нападенія Игоря на Царьградъ въ 6449 (941) г.; вѣроятно, отсюда заимствованы и нѣкоторыя черты, которыми описывается походъ Игоря подъ 6452 (944) г.

в) „Откровеніе Меѳодія Патарскаго“. „Откровеніемъ Меѳодія Патарскаго“ (§ 112) редакторъ пользуется при разсказѣ о нашествіи половцевъ въ 1096 г. для объясненія происхожденія половцевъ отъ измаильтянъ.

г) „Паннонскія житія“. Изъ „Паннонскихъ житій“ (§ 25) редакторъ свода заимствовалъ свѣдѣнія о Кириллѣ и Меѳодіи и ихъ дѣятельности.

д) Книги св. Писанія. Редакторъ сопровождалъ изложеніе событій соотвѣтствующими цитатами изъ книгъ св. Писанія (§§ 40—41).

2) Русскіе источники. Изъ русскихъ источниковъ редакторъ „Повѣсти“ воспользовался прежде всего оффиціальными документами, а именно—договорами русскихъ князей съ греками 907 г., 912 г., 944 г. и 971 г. Затѣмъ редакторъ внесъ въ свою „Повѣсть“ рядъ разсказовъ, письменныхъ и устныхъ, въ которыхъ излагались событія отъ 1093 г. до 1113 г. и дополнилъ ихъ тѣми свѣдѣніями, которыми онъ самъ располагалъ, какъ очевидецъ событій. Наконецъ, онъ собралъ множество новыхъ преданій. Сюда относятся прежде всего преданія о разселеніи славянъ, о русскихъ славянахъ, о нравахъ и обычаяхъ древлянъ, полянъ, радимичей, вятичей и др. Наконецъ, идутъ преданія объ отдѣльныхъ эпизодахъ изъ древне-русской исторіи. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны слѣдующія:

а) Преданіе объ обрахъ. Обры были „тѣломъ велици и умомъ горди“. Этотъ народъ ходилъ на византійскаго царя Ираклія, воевалъ со славянами и мучилъ побѣжденныхъ дулѣбовъ такимъ образомъ: если обрину нужно было ѣхать куда нибудь, то онъ запрягалъ въ телѣгу трехъ, четырехъ или пять женщинъ дулѣбскихъ и ѣздилъ. За гордость Богъ наказалъ обровъ: онъ истребилъ ихъ такъ, что не оставилъ ни

одного обрина. Отсюда и пословица на Руси: „Погибоша, аки обрѣ, ихже нѣсть племени, ни наслѣдъка“.

Подъ обрами этого преданія, повидимому, надо разумѣть аваровъ (§ 16), побѣдившихъ дулѣбовъ, въ рукахъ которыхъ была гегемонія надъ славянами въ VI—VII вв. Ужасъ, наведенный на славянъ свирѣпыми побѣдителями, придалъ аварамъ въ воображеніи побѣжденныхъ сверхъестественныя черты: авары превратились въ непобѣдимыхъ великановъ. Въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ слово „обринъ“ стало нарицательнымъ и означаетъ „великанъ“ (напр., чешское olbrim). Освобожденіе славянъ отъ аварскаго ига, подъ перомъ редактора свода, превратилось въ наказаніе аваръ Богомъ за гордость.

б) Легенда объ апостолѣ Андреѣ. Апостолъ Андрей проповѣдывалъ христіанство въ Синопіи (въ Крыму); изъ Синопіи онъ пошелъ въ Корсунь. Узнавъ, что недалеко отсюда находится устье Днѣпра, Андрей, намѣреваясь идти въ Римъ великимъ воднымъ путемъ, отправился вверхъ по Днѣпру. Онъ остановился для отдыха на берегу Днѣпра у подошвы тѣхъ горъ, гдѣ впослѣдствіи возникъ городъ Кіевъ. На другой день утромъ Андрей сказалъ своимъ ученикамъ: „Видите ли горы сия? Яко на сихъ горахъ восіяетъ благодать Божья: имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать“. Поднявшись на эти горы, Андрей благословилъ ихъ, поставилъ крестъ, помолился Богу, отправился далѣе вверхъ по рѣкѣ и попалъ въ мѣстность, гдѣ впослѣдствіи возникъ Новгородъ. Здѣсь апостолъ наблюдалъ удивительный обычай мѣстныхъ жителей париться въ баняхъ. Отсюда Андрей пошелъ дальше въ землю варяговъ и затѣмъ въ Римъ. Разсказывая о своихъ странствованіяхъ, апостолъ Андрей, между прочимъ, говорилъ и о баняхъ: „Дивно видѣхъ в землѣ Словеньстѣ, идущю ми сѣмо (сюда): видѣхъ бани древены, и пережьгуть я (ихъ) рамяно (сильно), и совлокуться, и будуть нази, и облѣются квасомъ усняномь (щелокомъ), и возьмуть на ся прутье младое, и бьють ся сами, и того ся добьють, едва слѣзуть лѣ (еле) живи, и облѣются водою студеною, и тако оживуть; и то творять по вся дни, не мучими никимъже, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье“. Слушатели Андрея много дивились этому обычаю. Андрей изъ Рима опять отправился въ Синопію.

Эта древне-церковная легенда (въ „Начальномъ Кіевскомъ сводѣ“ ея нѣтъ) состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть, разсказъ о путешествіи Андрея, навѣянъ апокрифическимъ произведеніемъ „Обходы апостоловъ“, представляющимъ дополненіе къ „Дѣяніямъ Апостольскимъ“. Въ немъ, между прочимъ, описываются странствованія апостола Андрея, посѣтившаго въ числѣ другихъ странъ и Скиѳію. Вторая часть представляетъ, получившее широкое распространеніе, сатирическое изображеніе сѣверныхъ племенъ, въ томъ числѣ славянъ. Это изображеніе возникло, вѣроятно, среди кіевлянъ.

Подобный же разсказъ о банѣ найденъ въ историческомъ описаніи Ливоніи Діонисія Фабриція (XVI—XVII вв.). Этотъ авторъ разсказываетъ слѣдующее. Близъ Дерпта находился доминиканскій монастырь. Число монаховъ въ монастырѣ увеличивалось, а средствъ на содержаніе ихъ не хватало. Монахи отправили въ Римъ къ папѣ пословъ, которымъ поручено было изобразить строгость жизни монаховъ и просить субсидіи. Папа отправилъ въ монастырь своего легата для провѣрки словъ посольства. Монахи угостили легата крѣпкимъ пивомъ и свели въ свою баню. Возвратившись въ Римъ, легатъ разсказалъ о томъ, какъ монахи доминиканскаго монастыря парились. Разсказъ легата очень напоминаетъ разсказъ апостола Андрея.

в) Новыя преданія о Кіи. Въ дополненіе къ преданію „Начальнаго Кіевскаго свода“, заимствованному изъ „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“ (§ 184), редакторъ „Повѣсти“ приводитъ о Кіи и другое преданіе. По этому преданію у того мѣста, гдѣ впослѣдствіи возникъ Кіевъ, находился съ той стороны Днѣпра перевозъ. Кій былъ перевозчикъ. Отсюда сложилось выраженіе: „на перевозъ на Киевъ“. Редакторъ свода находитъ невѣроятнымъ это преданіе: если бы Кій былъ перевозникомъ, онъ,—разсуждаетъ редакторъ,—не ѣздилъ бы въ Царьградъ, а если бы и поналъ туда, то едва ли былъ бы принятъ царемъ; между тѣмъ царь его принялъ и оказалъ ему великую честь. Возвращаясь изъ Константинополя,—продолжаетъ редакторъ,—Кій на Дунаѣ нашелъ мѣсто, которое ему очень понравилось, и построилъ тамъ городокъ—Кіевецъ; но жители окрестной мѣстности не дали ему тутъ жить, и Кій вернулся на родину. По смерти братьевъ родъ ихъ княжилъ среди полянъ.

г) О смерти Олега. Олегъ вопрошалъ волхвовъ и кудесниковъ, какъ онъ умретъ. Одинъ кудесникъ сказалъ ему: „Княже! Конь, егоже любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети“. Услышавъ это, Олегъ сказалъ, что онъ больше не сядетъ на этого коня, и распорядился кормить коня, но къ нему больше не подводить. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Возвратившись изъ похода на грековъ, Олегъ вспомнилъ про своего коня и, позвавъ главнаго конюха, спросилъ его о конѣ. Конюхъ сообщилъ Олегу, что коня уже нѣтъ въ живыхъ. Олегъ разсмѣялся и сталъ бранить кудесника: „То ти неправо глаголють волъсви, но все лжа есть: конь умерлъ есть, а я—живъ“. Олегъ отправился посмотрѣть на кости коня. Придя на мѣсто, гдѣ лежали обнаженныя кости и „лобъ голъ“, Олегъ опять разсмѣялся. „Отъ сего ли лба смерть было взяти мнѣ?“ воскликнулъ Олегъ и наступилъ ногою на голову коня. „И выникнувши змиа изо лба и уклюну в ногу, и с того разболѣся и умре“. Всѣ люди плакали великимъ плачемъ. Олега похоронили въ Кіевѣ, на горѣ Щековицѣ.

Такое же преданіе разсказывается въ скандинавской сагѣ о норвежскомъ героѣ Орваръ-Оддѣ. Орваръ-Одду колдунья предсказала, что онъ проживетъ 300 лѣтъ счастливой и славной жизнью, а затѣмъ погибнетъ отъ своего коня Факса. Орваръ-Оддъ велѣлъ убить коня, бросить его въ глубокій болотистый ровъ и насыпать надъ нимъ курганъ. Послѣ этого Орваръ-Оддъ прославился многими подвигами въ разныхъ странахъ, женился на Руси на русской княжнѣ и вернулся черезъ 300 лѣтъ въ Норвегію. Въ Норвегіи за это время произошла большая перемѣна: мѣста, которыя прежде зеленѣли и цвѣли, превратились въ высохшія пустыни. Высохъ и ровъ, куда былъ брошенъ Факсъ, курганъ разсыпался, и голая голова коня обнажилась. Подойдя поближе, Орваръ-Оддъ, поворачивая голову копьемъ, воскликнулъ: „И это—голова Факса!“ Тутъ изъ головы коня выскочила ящерица, укусила героя въ пятку и впустила своего яду. Орваръ-Оддъ умеръ.

Повидимому, это одно и то же преданіе, принявшее различныя формы въ нашей княжеско-дружинной средѣ и въ Скандинавіи.

Въ „Начальномъ кіевскомъ сводѣ“ о смерти Олега сообщается кратко, причемъ укушеніе змѣей упоминается только какъ одно изъ преданій: „Иде Олегъ к Новугороду и оттуда

в Ладогу. Друзіи же сказають, яко идущю ему за море и уклюну зміа в ногу, и с того умре; есть могыла его въ Ладозѣ".

д) Четвертая месть Ольги и взятіе Искоростьня. Къ разсказу „Начальнаго Кіевскаго свода" о трехъ местяхъ Ольги (§ 206) редакторъ „Повѣсти" прибавляетъ разсказъ о четвертой мести.

Истребивъ перепившихся древлянъ, Ольга возвращается въ Кіевъ и снаряжаетъ большое войско противъ древлянъ. Древляне потерпѣли пораженіе и заперлись въ городахъ своихъ. Ольга устремилась на городъ Искоростѣнь, жители котораго были главными виновниками въ убійствѣ ея мужа. Осажденные защищались мужественно и долго. Ольга послала сказать осажденнымъ, что всѣ другіе города согласились уплачивать ей дань; они одни только сидятъ въ городѣ и хотятъ досидѣться до голодной смерти. Осажденные отвѣтили, что были бы рады платить ей дань, но они опасаются, что она все еще хочетъ мстить за своего мужа. Она успокоила ихъ, и древляне обѣщали дать ей меду и шкуръ. Но Ольга отказалась отъ этого и попросила дать ей отъ каждаго дома по три голубя и по три воробья. Древляне обрадовались и немедленно послали къ Ольгѣ эту дань съ поклономъ. Ольга раздала голубей и воробьевъ своимъ воинамъ, велѣла привязать къ нимъ зажженные фитили и, когда смеркнется, пустить ихъ. Птицы устремились къ своимъ гнѣздамъ, и городъ запылалъ. Древляне выбѣжали изъ города. Ольга велѣла избивать ихъ или брать въ плѣнъ. Оставшихся она обложила тяжкою данью.

Преданіе о четвертой мести, повидимому, принадлежитъ къ международнымъ эпическимъ сюжетамъ. Герой скандинавскихъ сагъ Гаральдъ, при взятіи одного города въ Сициліи, употребляетъ такую же хитрость; одинъ датскій король такимъ же образомъ беретъ городъ Дублинъ; употребленіе этой же хитрости приписывается сказаніями Александру Македонскому, Хозрою и др.

е) Объ основаніи Переяславля. Однажды въ княженіе Владимира Св. вторглись въ русскіе предѣлы печенѣги и остановились по ту сторону рѣки Сулы. Владимиръ выступилъ противъ нихъ и остановился по сю сторону той же рѣки. Печенѣжскій князь предложилъ Владимиру рѣшить дѣло поединкомъ. Владимиръ сталъ искать поединщика. Долгое время никто не

откликался на предложеніе Владимира. „И поча тужити Володимиръ“. Въ это время пришелъ къ Владимиру старикъ, который сообщилъ ему, что у него есть сынъ силачъ: однажды, когда старикъ бранилъ сына, послѣдній, мявшій въ это время кожу сапога, въ гнѣвѣ разодралъ сапогъ своими руками. Князь обрадовался и велѣлъ прислать его. Чтобы испытать свою силу, молодой богатырь велѣлъ раздразнить быка раскаленнымъ желѣзнымъ прутомъ. Быкъ бросился бѣжать. Когда онъ мчался мимо, молодой богатырь схватилъ быка рукой за бокъ и оторвалъ кусокъ кожи съ мясомъ. Выступаетъ печенѣжскій богатырь—„превѣликъ зѣло и страшенъ“. Увидѣвъ своего противника, отличавшагося среднимъ ростомъ, печенѣгъ разсмѣялся. Противники вступили въ бой. Русскій богатырь, схватившись съ печенѣгомъ, сдавилъ его въ рукахъ до смерти и ударилъ имъ о землю. Русскіе радостно закричали и ударили на печенѣговъ, которые обратились въ бѣгство. На этомъ мѣстѣ Владимиръ построилъ городъ, названный Переяславлемъ, потому что онъ переялъ здѣсь славу. Побѣдитель и его отецъ вошли въ составъ близкихъ къ Владимиру лицъ.

Имя русскаго богатыря въ различныхъ лѣтописныхъ сборникахъ и спискахъ передается различно: Янъ Усмошвецъ („усніе“—сыромятная кожа и „шью“), Янъ Усмовичъ, Илья Швецъ. Въ преданіяхъ, сохранившихся до настоящаго времени, онъ называется Кирилломъ или Никитой Кожемякой. По этимъ преданіямъ Никита мялъ 12 кожъ, когда къ нему явились послы отъ князя съ просьбой спасти кіевлянъ отъ змѣя, пожиравшаго ихъ. Никита въ досадѣ, что прервали его работу, разодралъ сразу 12 кожъ.

Янъ Усмошвецъ, повидимому, тотъ самый богатырь, котораго подъ именемъ Чоботка (сапогъ) упоминаютъ Эрихъ Лассота и Кальнофойскій (§ 296).

ж) Объ осадѣ Бѣлгорода. Однажды печенѣги осадили Бѣлгородъ. Въ городѣ поднялся голодъ. Владиміръ не могъ помочь, такъ какъ у него было мало войска. Жители города собрались на вѣче. Обсудивъ свое положеніе, они стали склоняться къ тому, чтобы сдаться печенѣгамъ. Одинъ старикъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ и предложилъ имъ прибѣгнуть къ слѣдующей хитрости. Онъ посовѣтовалъ собрать у всѣхъ по горсти овса, пшеницы, отрубей и т. д., приготовить кисель, выкопать въ городѣ колодецъ, поставить въ немъ кадку и на-

лить въ нее кисель; по совѣту старика выкопали и другой колодецъ и въ немъ поставили другую кадку съ медомъ. Утромъ на другой день бѣлгородцы предложили печенѣгамъ послать къ нимъ въ городъ 10 мужей посмотрѣть, что у нихъ дѣлается. Когда они явились, жители города сказали имъ, что они напрасно тратятъ свои силы, осаждая городъ: горожане получаютъ свой кормъ отъ земли. Они подвели печенѣговъ къ обоимъ колодцамъ, почерпнули изъ колодцевъ киселя и меду и дали имъ попробовать. Печенѣги изумились и попросили дать имъ этого киселя и меду для того, чтобы дать отвѣдать своимъ князьямъ. Печенѣжскіе князья, отвѣдавъ киселя и меду, поняли, что имъ этого города не взять, и отступили.

210. Особенности „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, сравнительно съ „Начальнымъ Кіевскимъ сводомъ“, имѣетъ существенныя особенности.

Во-первыхъ, открытіе оффиціальныхъ документовъ съ точными хронологическими датами заставило редактора „Повѣсти“ кореннымъ образомъ переработать хронологію „Начальнаго Кіевскаго свода“ до 945 г. Первая дата „Повѣсти“ — 6360 (852) г., который редакторъ принимаетъ за годъ вступленія на престолъ Михаила вмѣсто 6362 (854) г. „Начальнаго Кіевскаго свода“. Эту дату редакторъ вычислилъ по хронологическимъ таблицамъ „Лѣтописца вскорѣ“ Никифора (§ 111) [1]. Призваніе варяговъ редакторъ отнесъ къ 862 г. Нападеніе Аскольда на Константинополь произошло, по его вычисленіямъ, въ 866 г. [2]. Походы Олега на Константинополь редакторъ отнесъ къ 907 и 912 гг.

Во-вторыхъ, изучая договоры русскихъ съ греками, редакторъ замѣтилъ, что два изъ нихъ заключены Олегомъ (907 и 912), а одинъ—Игоремъ (944). Изъ этого онъ сдѣлалъ выводъ, что Олегъ не былъ „воеводой“ Игоря, какъ утверждалъ редакторъ „Начальника Кіевскаго свода“ (§ 206), а княземъ, ставшимъ во главѣ русскаго государства послѣ Рюрика. Чтобы объяснить себѣ, почему не вступилъ въ управленіе Игорь, сынъ Рюрика, редакторъ сдѣлалъ предположеніе, что Игорь въ то время былъ ребенкомъ, а Олегъ былъ родственникомъ Рюрика. Въ замѣткѣ подъ 6387 (879) г. редак-

---

[1]) И эта дата невѣрна. См. примѣчаніе въ § 206, стр. 612.

[2]) См. примѣчаніе 1-ое, въ § 206, стр. 613.

торъ „Повѣсти“ пишетъ: „Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, вѣдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря: бѣ бо дѣтескъ вельми“.

Въ-третьихъ, около 1099 г. въ отношеніяхъ между Святополкомъ II и Кіевопечерскимъ монастыремъ произошелъ переворотъ: Святополкъ усиленно сталъ добиваться его расположенія. „Кіевопечерскій патерикъ“ (§§ 266—271) свидѣтельствуетъ, что Святополкъ началъ питать великую любовь къ святой Богородицѣ и къ святымъ отцамъ Антонію и Ѳеодосію; „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ подъ 1107 г. сообщаетъ, что Святополкъ передъ всякимъ своимъ предпріятіемъ приходилъ поклоняться гробу Ѳеодосія и брать благословеніе у игумена; въ 1108 г. Святополкъ выхлопоталъ у митрополита разрѣшеніе внести въ синодикъ имя Ѳеодосія, т.-е. добился канонизаціи Ѳеодосія. Рядъ побѣдъ надъ половцами во вторую половину княженія Святополка (въ 1101 г., 1103 г., 1106 г., 1107 г.), въ связи съ заискиваніями Святополка, заставили кіевопечерское монашество измѣнить свои отношенія къ Святополку. Это отразилось на изложеніи событій послѣ 1093 г.: статьи, касающіяся этихъ событій, написаны въ благопріятномъ для Святополка духѣ.

211. О редакторѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Составленіе „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ долгое время приписывалось преп. Нестору (§ 202). Это мнѣніе сложилось въ тѣ времена, когда еще думали, что „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ — не сводъ, а лѣтопись, и притомъ начальная. Подтвержденіемъ этому мнѣнію служили слѣдующія соображенія: *во-первыхъ*, Поликарпъ въ своемъ посланіи къ Акиндину (§ 267) два раза упоминаетъ о Несторѣ, „иже написа лѣтописецъ“; *во-вторыхъ*, одинъ изъ лѣтописныхъ списковъ „Повѣсти“, именно Хлѣбниковскій, имѣетъ такое заглавіе: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ черноризца Нестора...“. Мнѣніе объ авторствѣ Нестора было поколеблено, когда произведенъ былъ сравнительный анализъ разсказовъ „Повѣсти“ о Борисѣ и Глѣбѣ и о началѣ Кіевопечерскаго монастыря съ принадлежащими Нестору „Чтеніемъ о житіи Бориса и Глѣба“, „Житіемъ преп. Ѳеодосія“ и „Что ради прозвася Печерскій монастырь“. Между ними открылся рядъ противорѣчій, приведшихъ изслѣдователей къ выводу, что Несторъ не могъ быть авторомъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Что касается указанія Поликарпа на составленіе Несторомъ

„лѣтописца“, то его стали толковать, не какъ свидѣтельство о фактѣ, а какъ выводъ, сдѣланный Поликарпомъ на основаніи изученія того лѣтописнаго свода, которымъ онъ пользовался для составленія сказаній о черноризцахъ Кіевопечерскаго монастыря: редакторъ „свода“ пользовался нѣкоторыми произведеніями Нестора, причемъ при выпискахъ, сдѣланныхъ изъ нихъ, онъ сохранилъ имя Нестора; упоминаніе этого имени понято было позднѣйшими поколѣніями, въ томъ числѣ и Поликарпомъ, какъ имя редактора „Свода“.

Таковы выводы, къ которымъ нѣкоторые изслѣдователи пришли уже давно. Въ настоящее время, когда выяснился необыкновенно сложный составъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, когда установлено, что ей предшествовалъ цѣлый рядъ другихъ болѣе древнихъ сводовъ, поддерживать мнѣніе объ авторствѣ Нестора, стало гораздо труднѣе. Несторъ былъ, вѣроятно, однимъ изъ продолжателей „Кіевопечерскаго свода“ (§ 198). Слѣдующій по времени сводъ, именно „Начальный Кіевскій сводъ“, составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ произведеній грекофильскаго направленія, среди которыхъ особенно важное значеніе имѣло „Житіе преподобнаго Антонія“ (§ 204). Уже въ этомъ сводѣ исторія Кіевопечерскаго монастыря изображена въ чертахъ, находящихся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ данными произведеній Нестора. Вотъ почему трудно допустить, чтобы Несторъ былъ редакторомъ даже „Начальнаго Кіевскаго свода“. Тѣмъ болѣе Несторъ не могъ быть редакторомъ такого позднѣйшаго и болѣе обработаннаго свода, какъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“.

„Сильвестровъ сводъ“.

(1116).

212. „Сильвестровъ сводъ“. Въ 1116 г. игуменъ Выдубецкаго монастыря св. Михаила Сильвестръ составилъ новый лѣтописный сводъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ запись, которою заканчивается сводъ: „Игуменъ Сильвестръ св. Михаила написахъ книгы си Лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у св. Михаіла, въ 6624 (1116), индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сия, то буди ми въ молитвахъ“.

Въ основу своего свода Сильвестръ положилъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, подвергнувъ ее нѣкоторымъ измѣненіямъ: онъ сократилъ разсказы о событіяхъ изъ исторіи Кіевопечерскаго монастыря и изложеніе событій послѣ 1093 г., а событія 1111—1113 гг., написанныя въ сочувственномъ для Святополка II духѣ, Сильвестръ совершенно опустилъ; съ другой стороны, Сильвестръ дополнилъ „Повѣсть“ подъ 1097—1099 гг. разсказомъ объ ослѣпленіи Василька Ростиславича.

„Сильвестровъ сводъ“ оканчивается 1110 г., подъ которымъ повѣствуется о появленіи огненнаго столпа надъ Кіевопечерскимъ монастыремъ. Въ „Повѣсти“ разсказъ шелъ не объ одномъ столпѣ, а о трехъ, причемъ редакторъ сопровождалъ описаніе этого „знаменія“ объясненіями, состоявшими въ томъ, что три столпа были предвѣстниками кончины трехъ кіевопечерскихъ старцевъ. Сильвестръ говоритъ не о трехъ столпахъ, а объ одномъ; толкованія „Повѣсти“ къ „знаменію“ опущены.

Вторая редакція „Сильвестрова свода“.

(1119).

213. Вторая редакція „Сильвестрова свода“. Въ 1119 г. неизвѣстный редакторъ подвергъ „Сильвестровъ сводъ“ переработкѣ и дополненіямъ. Подъ 1096 г. редакторъ изложилъ свою бесѣду съ новгородцемъ Гюрятой Роговичемъ о сѣверныхъ племенахъ—югрѣ и самояди. Съ 1111 г. до 1119 г. идетъ обстоятельное изложеніе событій, касающихся, главнымъ образомъ, Владимира М. Въ приложеніи къ своду редакторъ помѣстилъ „Поученіе чадомъ“ Владимира М.

Воспроизведя подъ 1110 г. сообщеніе „Сильвестрова свода“ о появленіи огненнаго столпа, редакторъ далъ свои комментаріи къ этому знаменію. „Се же бѣаше, — толкуетъ редакторъ,—не огненный столпъ, но видъ ангелскъ: ангелъ бо сице является, ово столпомъ огненымъ, ово же пламенемъ; якоже рече Давидъ: творя ангелы своя духы и слугы своя огнь палящь, и племи суть (посылаются) повелѣньемъ Божьимъ, аможе (куда) хощеть Владыка и Творець всѣхъ. Ангелъ бо приходить, кдѣ благая мѣста и молитвении домове, и ту показаеть нѣчто мало видѣнья своего, яко мощно видѣти человѣкомъ: не мощно бо зрѣти человѣкомъ естьства ангельскаго, яко и

Моиси великый не взможе видѣти ангелскаго естьства: водяшеть бо я (ихъ) въ день столпъ облаченъ, а в нощи столпъ огненъ; то се не столпъ водяше ихъ, но ангелъ идяше предъ ними въ нощи и въ дне. Тако и се явленье нѣкоторое показываше, емуже бѣ быти, еже и бысть: на 2-ое бо лѣто не сь ли ангелъ вожь (вождь) бысть на иноплеменьникы и супостаты? [1]) Якоже рече: ангелъ предъ тобою предъидеть, и пакы: ангелъ твой буди с тобою!“

214. Методъ составленія лѣтописныхъ сводовъ и его значеніе. Лѣтописные своды, какъ видно изъ предыдущихъ параграфовъ о лѣтописяхъ, составлялись такимъ образомъ.

Собравъ цѣлый рядъ сказаній о прошедшихъ событіяхъ изъ русской исторіи, редакторъ перваго лѣтописнаго свода (§§ 181—185) соединилъ ихъ въ одинъ разсказъ. Эти сказанія, взятыя въ отдѣльности, не имѣли другъ съ другомъ никакой внѣшней связи. Но между ними была нѣкоторая внутренняя связь: всѣ сказанія — и устныя, и письменныя, — какимъ бы авторамъ они ни принадлежали, повѣствовали о древнѣйшихъ событіяхъ изъ русской исторіи; эти событія слѣдовали другъ за другомъ въ опредѣленномъ хронологическомъ порядкѣ, основные моменты котораго, въ общемъ, еще не были забыты современниками редактора свода. Исходя изъ сознанія этого порядка, редакторъ распредѣлилъ собранныя сказанія въ такой послѣдовательности, въ какой шли другъ за другомъ изображаемыя въ нихъ событія. Съ цѣлью установить между сказаніями и внѣшнюю связь, редакторъ, переходя отъ одного изъ нихъ къ другому, прибѣгаетъ къ такимъ выраженіямъ: „въ си же времена“, „по сихъ же“, „по семь же“. Такъ сложился первый лѣтописный сводъ — „Древнѣйшій Кіевскій сводъ“ (§§ 181—185).

Составители слѣдующихъ лѣтописныхъ сводовъ поступали такъ.

Взявъ первый сводъ, редакторъ новаго свода отмѣчалъ въ немъ мѣста, подлежавшія, по его мнѣнію, дополненію вновь найденными матеріалами; переписывая старый сводъ, новый редакторъ вставлялъ въ отмѣченномъ мѣстѣ тотъ или другой новый матеріалъ. Такъ, редакторъ „Кіевопечерскаго свода“,

---

[1]) Редакторъ свода имѣетъ въ виду побѣдоносный походъ русскихъ на половцевъ въ 1111 г.

переписывая „Древнѣйшій Кіевскій сводъ“, вставилъ послѣ разсказа объ основаніи Кіева преданіе о хазарской дани, а между двумя замѣтками подъ 6530 и 6532 гг.—преданіе объ единоборствѣ Мстислава съ Редедею. Редакторъ „Древняго Новгородскаго свода“, со своей стороны, сдѣлалъ рядъ вставокъ въ „Древнѣйшій Кіевскій сводъ“, напр., вставки о призваніи варяговъ, о Владимирѣ и Добрынѣ и др.

Такого же рода вставки обнаруживаются при чтеніи въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ тѣхъ мѣстъ, гдѣ изложены договоры Олега и Игоря съ греками. Часть „Повѣсти“ начиная съ разсказа отъ смерти Олега (912) до похода Игоря на древлянъ, является большой вставкой въ первоначальный текстъ „Начальнаго свода“. Въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ послѣ изложенія договора 912 г. читается фраза: „И живяше Олегъ, миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень...“. Эта же фраза повторяется въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, но уже съ именемъ Игоря, подъ 945 г.: „Игорь же нача княжити въ Кыевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И пріспѣ осень...“. Слова „И приспѣ осень...“ подъ 912 г. продолжаются такъ: „И помяну Олегъ конь свой...“, а подъ 945 г. иначе: „И нача мыслити на деревляны...“. Приведенная фраза не совсѣмъ умѣстна въ этомъ сводѣ ни по отношенію къ Олегу, ни тѣмъ болѣе по отношенію къ Игорю. Очевидно, въ древнемъ текстѣ „Начальнаго свода“ фраза эта читалась вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти Олега, и притомъ въ такой формѣ: „Игорь же нача княжити въ Кыевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень (того года, когда умеръ Олегъ) и нача мыслити на деревляны...“.

Вставки такого рода нерѣдко дѣлались настолько неискусно, что ихъ нетрудно отмѣтить и въ настоящее время. Такъ, напр., редакторъ „Начальнаго свода“ не зналъ о четвертой мести Ольги (§ 206); поэтому его разсказъ о мести Ольги оканчивался въ „Начальномъ сводѣ“ описаніемъ битвы, завершившейся побѣдой: „И побѣдиша (Ольга съ Святославомъ) деревляны, и возложиша на нихъ дань тяжку“. Редакторъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ (§ 209) раздѣлилъ эту фразу, и послѣ словъ „И побѣдиша деревляны“ вставилъ разсказъ о взятіи Искоростѣня, начинавшійся словами: „Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ“. Разсказъ оканчивался словами: „а прокъ (остатокъ) ихъ (т.-е. древлянъ) остави платити дань“.

Методъ вставокъ, кажущійся намъ столь простымъ и грубымъ, въ свое время требовалъ большого напряженія критическаго мышленія у редактора свода: необходимо было тщательно изучить старый сводъ, подвергнуть тщательному изученію цѣлый рядъ новыхъ источниковъ, сопоставить послѣдніе со сводомъ и привести ихъ въ связь съ нимъ, примирить ихъ другъ съ другомъ и, наконецъ, намѣтить пунктъ, гдѣ можно сдѣлать ту или другую вставку. Эта работа требовала большихъ знаній, огромной памяти, силы критической мысли и, наконецъ, умѣнія искусно сдѣлать вставку.

Благодаря методу вставокъ лѣтописные своды представляютъ своего рода сборники многочисленныхъ отдѣльныхъ произведеній древне-русской литературы, сохранившихъ въ лѣтописи почти безъ измѣненій свое содержаніе, свой стиль, иногда свое заглавіе и имя своего автора. Критическій анализъ лѣтописныхъ сводовъ даетъ возможность возстановить въ отдѣльности тѣ произведенія, изъ которыхъ составились своды, и такимъ образомъ расширить кругъ литературныхъ произведеній древней Руси.

Редакторы новыхъ сводовъ не только дѣлали дополненія къ старому своду, но и производили, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, сокращенія и измѣненія.

215. Періодъ до 945 г. по лѣтописнымъ сводамъ. Начальный періодъ русской исторіи до 945 г. подвергался каждымъ новымъ редакторомъ переработкѣ. Такъ, редакторъ „Начальнаго Кіевскаго свода“, сопоставляя сообщенія „Кіево-печерскаго свода“ и „Древняго Новгородскаго свода“ о первыхъ русскихъ князьяхъ, пришелъ къ выводу, что между этими князьями была кровная связь, и на этомъ основаніи построилъ генеалогію первыхъ русскихъ князей. По этой генеалогіи оказывается, что Игорь былъ сыномъ Рюрика, а Олегъ — воеводой Игоря. Редакторъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, усвоивъ эту генеалогію, внесъ въ нее поправку, признавъ Олега тоже княземъ, именно родственникомъ Игоря.

Особенно большимъ измѣненіямъ подвергалась хронологія этого періода. Эти измѣненія основывались на новыхъ данныхъ и новыхъ вычисленіяхъ. Тѣмъ не менѣе ни одному редактору не удалось установить точной хронологіи, такъ какъ данныя, изъ которыхъ они исходили, были ошибочны. Исключенія пред-

ставляютъ только годы договоровъ—907, 912 и 944, которые вполнѣ точны.

216. Тенденціозность лѣтописныхъ сводовъ. Отношеніе редакторовъ сводовъ къ прошлому не было строго объективнымъ: у нихъ были свои симпатіи и антипатіи, свои общественно-политическіе и моральные взгляды, и это отражалось на изложеніи ими событій. Такъ, редакторъ „Кіево-печерскаго свода", излагая событія послѣ смерти Ярослава М., послѣдовательно проводитъ идею объ обязанности младшихъ князей повиноваться старшему. Редакторъ „Начальнаго Кіевскаго свода", питавшій антипатію къ Святополку II, рекомендуетъ читателямъ первыхъ русскихъ князей, какъ идеальные образцы, заслуживающіе подражанія. Редакторъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" изобразилъ княженіе Святополка II въ благопріятныхъ чертахъ, а Сильвестръ въ своемъ сводѣ опускаетъ наиболѣе благопріятныя для Святополка статьи. Новый редакторъ „Сильвестрова свода", съ особенной симпатіей относившійся къ Владимиру М., тщательно записываетъ событія, связанныя съ его дѣятельностью.

Такимъ образомъ, наши древнѣйшіе лѣтописные своды проникнуты личными симпатіями и антипатіями ихъ редакторовъ: они—тенденціозны.

217. Лѣтописный взглядъ на историческія событія. Лѣтописные своды представляютъ сліяніе множества отдѣльныхъ произведеній двоякаго происхожденія: княжеско-дружиннаго и церковнаго. Въ княжеско-дружинныхъ частяхъ свода обнаруживается дохристіанское міровоззрѣніе административно-военнаго сословія съ его преклоненіемъ передъ храбростью и хитростью, какъ, напр., въ разсказахъ объ Олегѣ Вѣщемъ, Ольгѣ, Святославѣ. Въ тѣхъ частяхъ свода, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ лицамъ духовнымъ, выражается міровоззрѣніе византійско-христіанское (§ 34). Такъ какъ редакторами сводовъ были лица духовныя, то послѣднее міровоззрѣніе является въ сводахъ преобладающимъ.

По этому міровоззрѣнію событія въ человѣческой исторіи обязаны своимъ происхожденіемъ борьбѣ двухъ сверхъестественныхъ существъ: Бога и діавола. Предметомъ этой борьбы является человѣкъ. Все доброе и хорошее, совершающееся въ исторіи, происходитъ по внушенію или дѣйствію Бога и его ангеловъ, все злое и дурное—по внушенію и дѣйствію діавола

и бѣсовъ. Поэтому нерѣдко редакторъ, излагая хорошій поступокъ одного князя или нѣсколькихъ князей, сопровождаетъ свой разсказъ фразой: „вложи Богъ мысль добру въ русьскыѣ князи“; изображая ссоры князей, редакторъ говоритъ: „въздвиже дьяволъ котору (ссору) въ братьи сей (Ярославичихъ)“.

Богъ не хочетъ зла людямъ; но если они согрѣшаютъ, то Онъ или посылаетъ на ихъ страну голодъ, моръ, ведро, или наводитъ иноплеменниковъ, чтобы этими казнями заставить людей одуматься, вспомнить о существованіи высшей правды и исправиться.

Напротивъ, бѣсы со своимъ родоначальникомъ діаволомъ, видя, что Богъ особенно благоволитъ къ человѣку, или сами „дѣютъ“ людямъ „пакости“, или толкаютъ на пакости людей; бѣсы господствуютъ надъ язычниками и толкаютъ ихъ на христіанъ, поддерживаютъ волхвовъ; они радуются убійству, кровопролитію, сварамъ, братоненавидѣнію и усобицамъ.

Богъ открываетъ людямъ свою волю или даетъ предостереженія въ различныхъ знаменіяхъ; одни знаменія бываютъ на добро, другія—не на добро. Такъ, землетрясенія, затменія, необычайныя звѣзды, наводненія бываютъ не на добро: они предвѣщаютъ голодъ, усобицу, рать, моръ и т. д. Но есть знаменія и на добро. Такимъ знаменіемъ было явленіе надъ Кіевопечерскимъ монастыремъ огненнаго столпа.

Такимъ образомъ, редакторы сводовъ представляютъ исторію своего рода ареной, устроенной свыше для воспитанія въ человѣкѣ стремленій къ тѣмъ высокимъ цѣлямъ, которыя поставлены ему Богомъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сліяніе идейно-литературныхъ теченій.

218. Сліяніе идейно-литературныхъ теченій. Сближеніе между аристократическимъ идейно-литературнымъ теченіемъ и демократическимъ привело къ полному сліянію ихъ въ концѣ XI в. и въ началѣ XII в. Возникло новое національное міровоззрѣніе на византійско-христіанской основѣ, и это міровоззрѣніе на долгое время становится передовымъ и руководящимъ въ средѣ нашей аристократіи и той части демократіи, которая была близка къ ней.

Изъ писателей, сочиненія которыхъ отражаютъ этотъ моментъ въ развитіи русской мысли, наиболѣе замѣчательны Владимиръ М. и игуменъ Даніилъ.

„Поученіе чадомъ“ Владимира Мономаха.

(1106—1118).

219. Свѣдѣнія изъ біографіи Владимира Мономаха. Владимиръ Мономахъ (1053—1125) былъ сынъ Всеволода Ярославича. Всеволодъ былъ самымъ любимымъ сыномъ Ярослава, причемъ лѣтопись разъясняетъ, что любовь отца онъ пріобрѣлъ своимъ воздержаніемъ, т.-е. выдающимися отъ природы нравственными качествами. Онъ, повидимому, получилъ отъ отца своего Ярослава порядочное для того времени образованіе: Всеволодъ, по свидѣтельству лѣтописи, былъ большой „книголюбецъ“; по свидѣтельству же его сына Владимира, онъ зналъ пять языковъ. Мать Владимира была также замѣчательнымъ лицомъ: она по своему происхожденію была дочерью византійскаго императора Константина Мономаха, отъ котораго прозвище Мономахъ перешло и къ ея сыну Владимиру. Отъ отца Владимиръ унаслѣдовалъ склонность къ чтенію книгъ, а отъ матери, природной гречанки, воспитавшейся на началахъ византійской культуры, Владимиръ долженъ былъ унаслѣдовать способность къ самообладанію, къ хладнокровнымъ широкимъ расчетамъ, осторожность, умѣніе пользоваться обстоятельствами для расширенія своей власти и особенно склонность руководиться въ своей дѣятельности нѣкоторыми принципами христіанскаго ученія.

Проведя дѣтство и молодые годы въ Переяславской области, доставшейся Всеволоду послѣ смерти Ярослава и постоянно подвергавшейся нападеніямъ половцевъ, Владимиръ рано привыкъ къ опасностямъ боевой жизни. Здѣсь у Владимира должна была выработаться способность къ напряженной самодѣятельности, мужество, находчивость, сообразительность, и здѣсь же онъ пріобрѣлъ большой военный опытъ. Когда отецъ его Всеволодъ послѣ смерти Изяслава I вступилъ на кіевскій престолъ (1078—1093), то Владимиръ сталъ его дѣятельнымъ помощникомъ и такимъ образомъ пріучался къ техникѣ великаго княженія. Въ княженіе своего двоюроднаго брата Святополка Изяславича (1093 — 1113) Владимиръ Мономахъ принималъ

дѣятельное участіе въ выдающихся событіяхъ этого княженія. Чтобы уладить столкновенія между князьями, по иниціативѣ Владимира, созывались съѣзды князей (Любечскій въ 1097 г. и Витичевскій въ 1100 г.); въ 1111 г., по предложенію Владимира Мономаха, русскіе князья сообща предприняли походъ на половцевъ и нанесли имъ тяжкое пораженіе. Благодаря своимъ дарованіямъ и выдающейся дѣятельности, Владимиръ сдѣлался популярнѣйшимъ княземъ на Руси и былъ приглашенъ занять послѣ смерти Святополка кіевскій престолъ, несмотря на то, что на этотъ престолъ разсчитывало потомство Святослава Изяславича Черниговскаго. Ставши великимъ кіевскимъ княземъ (1113—1125), Владимиръ, съ одной стороны, ловкой политикой сосредоточилъ въ своихъ рукахъ три четверти русскихъ земель, а съ другой энергично охранялъ ихъ отъ посягательства кочевниковъ.

Владимиръ Мономахъ извѣстенъ не только, какъ талантливый и дѣятельный князь, но и какъ авторъ сочиненія, извѣстнаго подъ именемъ „Поученія чадомъ“.

220. „Поученіе“ Владимира Мономаха и время его составленія. „Поученіе чадомъ“ Владимира Мономаха сохранилось въ Лаврентьевскомъ спискѣ нашей лѣтописи подъ 1096 г. Почему оно помѣщено подъ этимъ именно годомъ,— неизвѣстно: съ описываемыми подъ этимъ годомъ событіями „Поученіе“ не имѣетъ ничего общаго.

Относительно времени, когда Владимиръ написалъ свое „Поученіе чадомъ“, существуютъ два мнѣнія. По одному изъ нихъ „Поученіе чадомъ“ написано было Владимиромъ передъ смертью, и, слѣдовательно, оно является своего рода завѣщаніемъ дѣтямъ, „духовной“. Мнѣніе это основывается на одномъ сообщеніи Владимира въ „Поученіи“: авторъ заявляетъ, что это произведеніе свое онъ писалъ „сѣдя на санѣхъ“. Выраженіе „сѣдя на санѣхъ“ (т.-е. на саняхъ), по этому мнѣнію, надо понимать не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ, а именно: „приближаясь къ смерти“. Такое толкованіе давалось этому выраженію потому, что существовалъ обычай возить покойниковъ на кладбище и зимой, и лѣтомъ на саняхъ (лѣтомъ—во избѣжаніе тряски по плохимъ дорогамъ).

Но этому мнѣнію противорѣчатъ слѣдующія слова Владимира въ „Поученіи чадомъ“: „И въ то же лѣто и дитя ся роди старѣйшее повгородское“, т.-е. старшій сынъ Владимира

Мстиславъ, который съ 1095—1117 г. былъ княземъ въ Новгородѣ. Если бы Владимиръ написалъ свое „Поученіе чадомъ“ передъ смертью (т.-е. незадолго до 1125 г.), то не назвалъ бы Мстислава „новгородскимъ“, такъ какъ Мстиславъ задолго до этого момента (съ 1117 г.) пересталъ быть новгородскимъ княземъ. На этомъ основаніи первое мнѣніе отвергается.

Другое мнѣніе состоитъ въ томъ, что выраженіе: „сѣдя на санѣхъ“ надо понимать въ буквальномъ смыслѣ: „находясь въ экипажѣ“ (на саняхъ или въ телѣгѣ), „находясь на пути“. Въ подтвержденіе этого мнѣнія изслѣдователи ссылаются на то, что, *во-первыхъ*, передъ словами „сѣдя на санѣхъ“ въ „Поученіи“ находится выраженіе: „на далечи пути“, которое указываетъ на то, что Владимиръ писалъ во время какого-то путешествія своего; *во-вторыхъ*, дальше въ этомъ же „Поученіи“ имѣются ясныя указанія и на самое путешествіе, такъ какъ сообщается, что послы, явившіеся къ Владимиру отъ братьевъ, нашли его на Волгѣ (вѣроятно, погостъ Волга, находившійся недалеко отъ Ростова на мѣстѣ позднѣйшаго Углича). Объ этомъ путешествіи Владимиръ самъ говоритъ при перечисленіи сдѣланныхъ имъ походовъ и путешествій: „И потомъ паки идохомъ къ Ростову на зиму и по три зимы ходихомъ Смолинску; *и се нынѣ иду Ростову*“. Владимиръ перечисляетъ свои походы и путешествія въ хронологическомъ порядкѣ. Если сопоставить перечисляемые имъ походы и путешествія съ свѣдѣніями, передаваемыми объ нихъ въ лѣтописяхъ, то необходимо придти къ заключенію, что фраза „и се нынѣ иду къ Ростову“ относится къ путешествію, предпринятому Владимиромъ зимою 1105 — 1106 гг. Слѣдовательно, „Поученіе чадомъ“ написано было Владимиромъ зимою 1105—1106 гг. Но въ „Поученіи“ перечисляются походы и путешествія, совершенные и послѣ 1105 г. до 1118 г. включительно. Если „Поученіе“ было написано въ 1105 — 1106 гг., то откуда взялось дальнѣйшее перечисленіе походовъ? Это недоумѣніе разрѣшается слѣдующимъ предположеніемъ: „Поученіе“ оставалось на рукахъ у Владимира и послѣ 1105 г. до 1118 г.; имѣя рукопись у себя, Владимиръ продолжалъ вписывать въ текстъ свои послѣдующіе походы до 1118 г. Въ началѣ 1119 года Владимиръ отправляетъ своего младшаго и, повидимому, самаго любимаго сына Андрея Владимировича (1102—1141) на княженіе во Владимиръ и, вѣроятно, благословляетъ его своимъ

„Поученіемъ“. Вотъ почему на 1118 г. прерывается дальнѣйшее перечисленіе походовъ Владимира.

Время написанія „Поученія къ дѣтямъ“ можно опредѣлить еще точнѣе. Внимательный анализъ цитатъ, сдѣланныхъ авторомъ въ этомъ произведеніи, показываетъ, что онѣ заимствованы изъ тѣхъ частей св. Писанія и сочиненій св. отцовъ и и учителей церкви, церковныхъ пѣснопѣній и т. д., которыя читались во время богослуженія въ первую недѣлю Великаго поста. Очевидно, Владиміръ писалъ свое „Поученіе“, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ великопостнаго богослуженія первой недѣли; а это заставляетъ предполагать, что „Поученіе“ написано было въ первую недѣлю Великаго поста, слѣдовательно, въ началѣ 1106 г. По нѣкоторымъ признакамъ, можно думать, что „Поученіе“ написано между 8—10 февраля 1106 г.

221. Составъ „Поученія“. „Поученіе чадомъ“ Владимира М. не дошло до насъ въ исправномъ видѣ: оно представляетъ механическое соединеніе двухъ произведеній Владимира: 1) собственно „Поученія къ дѣтямъ“ и 2) внесеннаго въ текстъ „Поученія“ отрывка изъ письма Владимира къ Олегу Святославичу. Переходъ отъ поученія къ письму настолько рѣзокъ, что сразу можетъ быть отмѣченъ: читатель, все время слышавшій обращеніе къ дѣтямъ при помощи мѣстоименія „вы“, вдругъ слышитъ рѣчь, обращенную на „ты“.

Странная вставка изъ письма къ Олегу не имѣетъ никакой связи съ „Поученіемъ“ и можетъ быть объяснена только предположеніемъ, что подъ рукой у составителя Лаврентьевской лѣтописи былъ списокъ съ собраніемъ сочиненій Владимира М. вообще, причемъ въ текстъ „Поученія“ случайно попали страницы изъ „Письма“ къ Олегу. Рукопись съ сочиненіями Владимира, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ пришла въ ветхость (доказательствомъ этого служатъ, между прочимъ, явные пропуски въ „Поученіи“). Немудрено, что одна часть ея могла случайно попасть въ другую. Составитель же лѣтописи добросовѣстно переписалъ рукопись въ томъ видѣ, въ какомъ она попала въ его руки.

Письмо къ Олегу было написано Владимиромъ по слѣдующему поводу. Въ 1096 г. во время княжескихъ усобицъ былъ убитъ Олегомъ Святославичемъ Изяславъ, сынъ Владимира М., а жена Изяслава была взята Олегомъ въ плѣнъ. Владиміръ отправилъ къ нему письмо, въ которомъ просилъ своего про-

тивника отпустить къ нему сноху, потому что „нѣсть въ ней ни зла, ни добра“, и затѣмъ распространяется на тему о княжескихъ усобицахъ.

222. Планъ „Поученія“. „Поученіе чадомъ“ построено по правиламъ греческой реторики. Оно состоитъ изъ пяти частей: 1) приступа, 2) раздѣленія, 3) содержанія, 4) патетической части и 5) заключенія.

1) **Приступъ.** Подражая Соломону или Павлу, Владимиръ прежде всего указываетъ на себя, какъ на автора произведенія: „Азъ, худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословенымъ, славнымъ, нареченый въ крещеніи Василий, русьскымь именемь Володимиръ, отцемь възлюбленымь и матерью своею Мьномахы“... Затѣмъ Владимиръ излагаетъ цѣль, какую онъ имѣлъ въ виду при составленіи „Поученія“. Авторъ желалъ, чтобы дѣти его или всякій другой читатель, въ руки котораго попадетъ его трудъ, усвоили даваемыя имъ наставленія и стали дѣятельно трудиться для ихъ осуществленія въ жизни. Извинившись за недостатки своего труда, Владимиръ переходитъ къ изложенію обстоятельствъ, побудившихъ его составить „Поученіе“. Когда Владимиръ на пути въ Ростовъ находился на Волгѣ (на погостѣ Волга), явились къ нему послы отъ его братьевъ съ предложеніемъ принять участіе въ задуманномъ послѣдними походѣ противъ Володаря и Василька Ростиславичей и отнять ихъ волость (Галицко-Волынскую). Владимиръ отказался, не желая нарушить заключенный раньше братьями договоръ („креста преступити“). Отпустивъ пословъ, Владиміръ, опечаленный возможностью новыхъ княжескихъ усобицъ, открылъ („разгнухъ“) Псалтирь, и ему попался псаломъ: „Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?“ и пр. (Пс. XLI и XLII). Чтеніе псалмовъ внесло успокоеніе въ душу Владимира, и у него возникла мысль написать „Поученіе“.

2) **Раздѣленіе.** Въ раздѣленіи Владимиръ указываетъ, что содержаніе его труда распадается на двѣ части: въ первой части будутъ изложены его любимыя мѣста изъ св. Писанія и другихъ книгъ, а во второй онъ изложитъ свои собственныя наставленія.

3) **Содержаніе.** Содержаніе „Поученія чадомъ“, какъ видно изъ раздѣленія, распадается на двѣ части.

а) Первая часть. Первая часть представляетъ собраніе цитатъ изъ Псалтири, заимствованія изъ сочиненій отцовъ и

учителей церкви и вообще изъ богослужебныхъ книгъ. Цитаты эти и заимствованія, какъ указано выше, взяты авторомъ изъ богослужебныхъ чтеній на первой недѣлѣ Великаго поста. Цитаты изъ Псалтири изображаютъ двоякаго рода душевное состояніе: состояніе грѣшника и состояніе праведника въ нынѣшней жизни и будущей. Выписки изъ произведеній св. отцовъ и учителей церкви рисуютъ по преимуществу черты праведника. За этими выписками слѣдуетъ указаніе на неизреченное милосердіе Божіе. Мы, грѣшные и смертные люди, готовы растерзать человѣка и пролить его кровь, если онъ намъ причинитъ зло, а Господь нашъ, въ рукахъ котораго и жизнь наша, и смерть, терпитъ наши согрѣшенія „выше главы нашей“, какъ отецъ, любящій свое дитя, наказывающій его и снова привлекающій его къ себѣ. Премилостивый къ людямъ, Богъ далъ намъ средство побѣдить нашего врага— діавола: покаяніе, слезы и милостыня — таковы три добрыхъ дѣлъ, при помощи которыхъ можно „избыть“ и побѣдить врага. Нѣкоторые „добрые“ люди достигаютъ царства небеснаго отшельничествомъ, монашествомъ и постничествомъ; но можно „избыть“ грѣхи свои и не лишиться царства небеснаго и указанными тремя добрыми дѣлами, выполненіе которыхъ не представляетъ никакой трудности, если не полѣниться для Бога. Выразивъ затѣмъ удивленіе величію Божію, проявляющемуся въ чудномъ устройствѣ вселенной, авторъ переходитъ ко второй части содержанія.

б) Вторая часть. Во второй части Владимиръ излагаетъ свои наставленія. Одни наставленія онъ даетъ, формулируя ихъ словами, а другія—наглядно изображая факты изъ своей личной дѣятельности, военно-административной и охотничьей. Изложивъ свои наставленія, авторъ обращается къ дѣтямъ съ просьбой, чтобы они смѣло отдавались всѣмъ добрымъ дѣламъ. Онъ предостерегаетъ ихъ противъ малодушія, совѣтуетъ не бояться ни „ратей“, ни „звѣрей“, потому что никто изъ нихъ не погибнетъ, если не будетъ дано повелѣніе отъ Бога.

4) Патетическая часть. Въ этой части авторъ сокрушается объ участи враждующихъ и непримирившихся грѣшниковъ.

5) Заключеніе. Авторъ заключаетъ свое „Поученіе“ молитвой.

223. Наставленія Владимира Мономаха. „Поученіе чадомъ“ проникнуто отъ начала и до конца практическимъ характеромъ: авторъ не требуетъ отъ своихъ дѣтей или во-

обще читателей исполненія требованій, превышающихъ обыкновенныя силы средняго человѣка; рекомендуя то или другое правило поведенія, Мономахъ обращается не столько къ нравственнымъ или религіознымъ чувствамъ своего читателя, сколько къ его утилитарнымъ соображеніямъ, соображеніямъ обыкновенной житейской пользы. Такъ, говоря въ одномъ мѣстѣ объ изученіи языковъ, Владимиръ сообщаетъ, что отецъ его, „дома сидя, изумѣяше пять языковъ“, а знаніе языковъ, говоритъ Владимиръ, вмѣняется иностранными землями въ особую честь. Совѣтуя хорошо принимать странниковъ, Владимиръ указываетъ, что странники разносятъ по всѣмъ землямъ и хорошую, и дурную славу о людяхъ. Коснувшись религіозныхъ обязанностей человѣка, Владимиръ убѣждаетъ своихъ дѣтей въ томъ, что спасти свою душу не трудно: для этого не нужно непремѣнно отрекаться отъ міра, предаваться отшельничеству, постничеству, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые „добрые люди“, а достаточно неуклонное исполненіе трехъ малыхъ, всѣмъ доступныхъ, дѣлъ для того, чтобы пріобрѣсти Божью милость. Практическій дѣятель сказывается и въ слѣдующемъ предложеніи, которое Владимиръ дѣлаетъ своимъ читателямъ: „Послушайте мене: аще не всего приімите, то половину“, т.-е., если его читатели чувствуютъ себя не въ силахъ выполнить всѣ его наставленія, Владимиръ убѣждаетъ ихъ принять къ руководству хоть половину его наставленій; даже и этимъ можно обезпечить себѣ правильную жизнь. Практичность Владимира Мономаха сказалась и въ томъ, что наставленія его, формулированныя словами, отличаются краткостью, но зато авторъ даетъ описаніе своихъ многочисленныхъ военныхъ и охотничьихъ подвиговъ: Владимиръ Мономахъ понималъ, что реальные факты изъ дѣятельной трудовой жизни скорѣе подѣйствуютъ на чувства и волю читателей, нежели сухія правила поведенія.

Свои наставленія Владимиръ сопровождаетъ неоднократнымъ призывомъ къ энергической дѣятельности. „Не лѣнитеся!“ —вотъ, о чемъ Владимиръ повторяетъ въ своемъ „Поученіи“ пять разъ: „не лѣнитеся,—говоритъ онъ,—на войну вышедъ“, „въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видити“, „а того (т.-е. молиться) не забывайте, не лѣнитеся“, и т. д.

Наставленія, даваемыя Владимиромъ дѣтямъ, дѣлятся на слѣдующія группы: 1) наставленія о религіозныхъ обязанно-

стяхъ, 2) о нравственныхъ обязанностяхъ, 3) о княжескихъ обязанностяхъ и 4) о хозяйственныхъ обязанностяхъ.

1) Наставленія о религіозныхъ обязанностяхъ. Основныя религіозныя обязанности, рекомендуемыя Владимиромъ Мономахомъ, носятъ отпечатокъ того аскетическаго пониманія христіанскаго ученія, которое водворилось въ Византіи въ половинѣ IX в. по окончаніи иконоборства. Такъ какъ особенно энергичное участіе въ борьбѣ за иконы приняло монашество, которое и одержало побѣду надъ противниками иконъ, то въ византійскомъ обществѣ постепенно стало распространяться поклоненіе всему монашескому: монашеское пониманіе христіанства, монашескіе идеалы, монашескій образъ жизни въ большей или меньшей степени, съ большими или меньшими отступленіями, распространяются и въ свѣтскомъ обществѣ, какъ единственно правильный путь къ душевному спасенію. Правда, для спасенія души мірянину не было надобности соблюдать непремѣнно все то, что требовалось отъ монаховъ, а только нѣкоторыя изъ ихъ обязанностей. Такое отношеніе къ монашеству занесено было и къ намъ. Наше свѣтское общество, точнѣе княжескодружинный классъ населенія, поскольку оно проникалось христіанскими воззрѣніями, воспринимало ихъ въ той аскетическимонашеской формѣ, которая господствовала въ Византіи.

Владиміръ Мономахъ, какъ одинъ изъ передовыхъ людей своего времени, усвоилъ возникшій въ Византіи компромиссъ между требованіями мірской жизни и аскетически-монашескими идеалами. По мнѣнію Владимира, для веденія угодной Богу жизни и спасенія души нѣтъ надобности отрекаться отъ міра, жить въ отшельничествѣ или монашествѣ, угнетать свою плоть постничествомъ: правильный образъ жизни создается дѣлами любви, правды и милости. Далѣе, Владиміръ усвоилъ аскетически-монашескій взглядъ на молитву, по которому молитва есть не столько обращеніе къ Богу съ просьбой, благодарностью, прославленіемъ и т. д., сколько орудіе для постояннаго дисциплинированія воли. Поэтому Владиміръ совѣтуетъ молиться почаще. Такъ, надо вставать для молитвы ночью, такъ какъ ночная молитва, сопровождаемая поклонами, можетъ очистить нашу душу отъ грѣховъ, сдѣланныхъ нами днемъ [1]).

[1]) Необходимость вставать ночью и молиться объясняется въ „Словѣ о видѣніи св. апостола Павла“ (§ 65): ночью являются къ Богу ангелы, съ докладомъ о дѣяніяхъ людей за истекшій день: если человѣкъ въ мо-

Но міряпину не пужно вставать ночью на молитву по нѣскольку разъ, какъ это требуется монашескими правилами, а достаточно встать одинъ разъ и сдѣлать при этомъ три поклона. Находясь въ пути на конѣ, необходимо постоянно произносить молитву „Господи, помилуй“, такъ какъ это лучше, чѣмъ думать о какихъ-нибудь пустякахъ.

Давая такого рода наставленія религіозно-нравственнаго характера, Владимиръ далекъ отъ пристрастія къ внѣшнимъ обрядамъ. Христіанство Владимира—не обрядовое или созерцательное, а практически-дѣятельное, и обрядъ важенъ для него лишь постольку, поскольку онъ или пробуждаетъ опредѣленное религіозно-нравственное настроеніе, или является его внѣшнимъ выраженіемъ.

Первой религіозно-нравственной обязанностью Владимиръ считаетъ любовь къ Богу, или страхъ Божій. По его мнѣнію, любовь къ ближнему обусловливается любовью къ Богу: кто дѣйствительно любитъ Бога, тотъ будетъ любить и ближняго; кто же увѣряетъ, что Бога любитъ, а брата своего не любитъ, тотъ самого себя обличаетъ во лжи. На этомъ основаніи Владимиръ требуетъ отъ своихъ дѣтей и читателей соблюденія основной христіанской заповѣди — любви къ Богу и страха Божія: „Се же вы конець всему: страхъ Божий имѣйте выше всего“.

2) Наставленія о нравственныхъ обязанностяхъ. Наставленія о нравственныхъ обязанностяхъ распадаются на двѣ группы: а) объ обязанностяхъ къ себѣ и б) объ обязанностяхъ къ другимъ.

а) Объ обязанностяхъ къ себѣ. Разсматривая отношеніе человѣка къ самому себѣ, Владимиръ ставитъ слѣдующія требованія: 1) отсутствіе гордости, или буести, 2) покаяніе и слезы и 3) самодѣятельность.

Не нужно быть гордымъ, т.-е. не нужно преувеличенно оцѣнивать свои силы, свое положеніе. Таково *первое* требованіе Владимира. Владимиръ выводитъ его изъ того факта, что всѣ мы—смертны и передъ лицомъ смерти—равны: мы—только временные обладатели тѣхъ силъ и того положенія, которыя даны намъ Богомъ: „Паче всего гордости не имѣйте

мент доклада встанетъ и помолится, то ангелъ доложитъ Богу и объ этой молитвѣ, и Богъ снисходительнѣе отнесется къ его грѣхамъ.

в сердци и въ умѣ, но рьцѣмъ: смертни есмы, днесь живы, а заутра—в гробѣ; се все, что ны еси вдалъ, не наше, но твое: поручилъ ны еси на мало дний". „Буесть" — качество, близкое къ гордости; противъ него направлялась проповѣдь нашего высшаго духовенства, и Владимиръ М. уже является княземъ, усвоившимъ отрицательное отношеніе къ „буести".

Не допуская гордости и буести, Владимиръ требуетъ отъ своихъ читателей развитія аскетически-христіанской добродѣтели—покаянія и слезъ, какъ средствъ, при помощи которыхъ человѣкъ можетъ избавляться отъ своей грѣховности и спасать свою душу. Таково *второе* требованіе, дополняющее первое.

Третье требованіе Владимира М. касается самодѣятельности. Условія русской жизни, отличаясь чрезвычайной простотой, не требовали со стороны русскаго человѣка, дѣятельнаго напряженія своихъ силъ. Поэтому русскаго человѣка еще не накопившаго такого запаса энергіи, который характеризуетъ высшія ступени культуры, тянуло, по удовлетвореніи основныхъ потребностей жизни, къ покою, ничего-недѣланію или къ пользованію трудомъ подчиненныхъ. Владимиръ, въ жилахъ котораго текла на ряду съ русской кровью — греческая, который съ дѣтства привыкъ въ Переяславлѣ къ постоянному напряженію своихъ силъ, превосходилъ другихъ русскихъ людей (въ томъ числѣ и князей) способностью къ неустанно-дѣятельной жизни. Ко времени его княженія отношенія между князьями усложнились и стали требовать отъ князей особаго напряженія воли, ума, способностей и энергіи. Наибольшее количество такой энергіи могъ обнаружить Владимиръ М., и онъ требуетъ и отъ своихъ читателей дѣятельнаго напряженія своихъ силъ. Онъ вооружается противъ лѣни тогдашняго русскаго человѣка во многихъ мѣстахъ своего „Поученія къ дѣтямъ", называя его матерью всѣхъ пороковъ: „Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а егоже не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе". Онъ требуетъ, чтобы его дѣти за всѣмъ сами наблюдали, по возможности сами все дѣлали, не полагаясь на своихъ подчиненныхъ: ни на тіуна, ни на отрока. Особенно предостерегаетъ Владимиръ противъ лѣни во время военнаго похода, потому что тамъ благодаря лѣности человѣкъ легко можетъ погибнуть. „На войну вышедъ, не лѣнитеся: не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите (не пре-

давайтесь), ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отовсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ: не розглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погыбаеть".

б) Объ обязанностяхъ къ другимъ. Любовь къ Богу обусловливаетъ, по мнѣнію Владимира М., и любовь къ ближнему. Поэтому Владимиръ даетъ рядъ наставленій, касающихся отношеній къ ближнимъ. Основною альтруистическою добродѣтелью Владимиръ считаетъ милостыню, заботу о бѣдныхъ и сиротахъ. „Всего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще, по силѣ кормите и придавайте сиротѣ...". Считая милостыню одной изъ основныхъ добродѣтелей, Владимиръ вооружается противъ обычная копить и зарывать въ землю излишекъ доходовъ, потому что „то есть великъ грѣхъ".

Далѣе, Владимиръ даетъ совѣтъ своимъ дѣтямъ быть гостепріимными въ отношеніи ко всѣмъ людямъ, безъ различія классовъ, состояній, націй и т. д. „Куда же пойдете, идѣже станете, напойте, накормите унеина (просящаго): и боле же чтите гость, откуду же к вамъ придеть, или простъ, или добръ (знатенъ), или солъ (посолъ), аще не можете даромъ (подаркомъ), брашномъ и питьемь".

Добрыя, хорошія отношенія надо проявлять ко всѣмъ вообще людямъ. Старшихъ надо почитать, какъ родителей, къ младшимъ относиться, какъ къ братьямъ; со всѣми людьми надо быть привѣтливыми: не надо пропускать ни одного, не привѣтствовавъ его и не сказавши ему добраго слова. Слабыхъ (напр., вдову) необходимо защищать отъ сильныхъ; надо посѣщать больныхъ, отдавать послѣдній долгъ покойникамъ. Свои обязательства къ людямъ надо исполнять неуклонно, особенно, если они сопровождались клятвеннымъ обѣщаніемъ (крестнымъ цѣлованіемъ). По мнѣнію Владимира, вообще надо избѣгать клятвъ: клятва можетъ быть дана только въ томъ случаѣ, если дающій ее твердо рѣшится не нарушить ея, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ только погубитъ свою душу. Любопытенъ совѣтъ Владимира М., касающійся супружескихъ отношеній: жену надо любить, но не слѣдуетъ давать ей власти надъ собой.

Наконецъ, интересны наставленія, касающіяся отношеній къ духовенству: избѣгать духовенства не слѣдуетъ; надо чтить епископовъ, поповъ и игуменовъ, заботиться объ ихъ матеріаль-

номъ благосостояніи, чтобы они молились за насъ Богу, и брать отъ нихъ благословеніе.

3) Наставленія о княжескихъ обязанностяхъ. Ссылаясь на примѣръ своего отца, Владиміръ совѣтуетъ своимъ дѣтямъ распредѣлять день такъ: вставать надо до восхода солнца; совершивъ утреннюю молитву и воздавъ хвалу Богу за дневной свѣтъ по восхожденіи солнца, его дѣти должны сѣсть думу думать съ дружиною, затѣмъ производить судъ („люди оправливати"), потомъ ѣхать на ловъ и послѣ обѣда лечь спать, потому что „спанье есть отъ Бога присуждено полудне; о тъ чинъ бо почиваеть и звѣрь, и птици и человѣци" (это объясненіе, вѣроятно, основывалось на какомъ-нибудь апокрифическомъ сочиненіи). Объ исполненіи княжескихъ обязанностей Владиміръ говоритъ очень мало и кратко. Такъ, онъ говоритъ о самодѣятельности князя въ военномъ походѣ, предостерегаетъ противъ коварства и пьянства въ походахъ („лжѣ блюдися и пьянъства: въ томъ бо душа погибаеть и тѣло"), требуетъ отъ князя правдиваго и милостиваго суда. Князь не долженъ допускать, чтобы сильные губили слабаго; онъ даже долженъ принимать лично участіе въ судопроизводствѣ („вдовицу оправдите сами"), что, впрочемъ, при простотѣ управленія часто и дѣлалось нашими князьями. Когда князь объѣзжаетъ свои земли, онъ долженъ слѣдить за отроками (дружиною), чтобы они не совершали насилій надъ жителями, и чтобы жители не посылали проклятій на голову князя.

Наиболѣе любопытное наставленіе касается смертной казни. Владиміръ М.—принципіальный противникъ смертной казни и говоритъ своимъ дѣтямъ: „Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его: аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакояже хрестьяны". Отвращеніе Владимира М. къ смертной казни напоминаетъ аналогичное явленіе въ исторіи княженія Владимира Св. Въ лѣтописи, подъ 996 (6504) г. разсказывается, что въ княженіе Владимира, уже христіанина, жившаго въ страхѣ Божіемъ, стало распространяться разбойничество. Епископы обратили на это вниманіе Владимира и спросили его, почему онъ не велитъ схватить ихъ и казнить. Владиміръ отвѣтилъ имъ: „боюся грѣха". Епископы сказали ему: „Ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье: достоитъ ти казнити разбойника, но со испытомъ". Только подъ вліяніемъ автори-

тета епископовъ Владиміръ отказался отъ своего отрицательнаго отношенія къ казни, и „нача казнити разбойникы“.

Чтобы лучше ввести своихъ дѣтей въ кругъ княжеской дѣятельности, Владиміръ излагаетъ свои походы и ловы въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ (1072—1105) [1]) и домашнія занятія. Большихъ походовъ за это время Владиміръ совершилъ 83, а числа небольшихъ онъ и не припомнитъ. Съ половецкими князьями онъ заключилъ двадцать мирныхъ договоровъ безъ единаго, а изъ плѣна освободилъ до 100 половецкихъ князей. Между прочимъ, ему удалось совершить особый подвигъ, а именно пробраться въ Ростовскую землю „сквозь“ землю вятичей, покрытую еще тогда густымъ непроходимымъ лѣсомъ (§ 167). Онъ ловилъ и собственноручно связывалъ дикихъ коней по 10 и 20 головъ. Въ борьбѣ съ дикими звѣрями онъ подвергался безчисленнымъ опасностямъ: два тура метали его съ конемъ на рогахъ, олень бодалъ его; одинъ лось его ногами топталъ, а другой рогами бодалъ; вепрь сорвалъ на его бедрѣ мечъ; медвѣдь укусилъ у колѣна „подкладъ“ (подсѣдельникъ); лютый звѣрь вскочилъ къ нему на бедро и повалилъ его вмѣстѣ съ конемъ на землю; много разъ онъ падалъ съ коня, дважды голову себѣ разбилъ, повредилъ себѣ руки и ноги. И Богъ сохранилъ его въ невредимости. Все Владиміръ исполнялъ самъ — и въ походѣ, и на охотѣ. „Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя; на посадникы не зря, ні на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ; весъ нарядъ и в дому своемь то я творилъ есмь; і в ловчихъ ловчий нарядъ самъ есмь держалъ, и в конюсѣхъ, и о соколѣхъ, и о ястрябѣхъ; тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмъ призиралъ“.

Описывая свою дѣятельную жизнь, Владиміръ не хвалится: онъ прославляетъ Бога за то, что Онъ сотворилъ его не лѣнивымъ и потребнымъ на всѣ человѣческія дѣла. Подчеркивая тотъ фактъ, что Промыслъ Божій столько разъ спасалъ его отъ смерти во время походовъ и охоты, Владиміръ совѣтуетъ

---

[1]) Съ походами, перечисленными послѣ 1105 г., выйдетъ больше, чѣмъ 33 года. Въ Лаврентьевскомъ текстѣ вмѣсто 33 л. ошибочно стоитъ 13 лѣтъ.

дѣтямъ своимъ не бояться смерти: „Никтоже васъ не можеть вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отьяти... Божие блюденье лѣплѣѣ есть человѣчьскаго“.

4) **Наставленія о хозяйственныхъ обязанностяхъ.** Хозяйственные совѣты Владимира отличаются краткостью; тѣмъ не менѣе они характеризуютъ простоту тогдашняго общественнаго и экономическаго строя. Князь долженъ самъ входить во всѣ подробности своего хозяйства, самъ заботиться о своемъ столѣ, не полагаясь ни на тіуна, ни на отрока, такъ какъ всякое упущеніе въ хозяйствѣ можетъ послужить предметомъ насмѣшекъ со стороны гостей.

224. Литературныя вліянія на „Поученіе чадомъ“. „Поученія къ дѣтямъ“ представляютъ очень древній видъ словесныхъ произведеній, сложившійся еще на еврейскомъ Востокѣ въ эпоху патріархально-родового быта. Глава рода передъ смертью, раздумывая о судьбѣ своихъ дѣтей и внуковъ, за которыхъ онъ считалъ себя отвѣтственнымъ передъ Богомъ, нерѣдко давалъ дѣтямъ наставленія. Въ нихъ онъ излагалъ свой богатый житейскій опытъ, которымъ его дѣти могли бы съ пользой для себя руководствоваться въ жизни. Оставляя дѣтямъ такого рода наставленія, патріархи и родители, какъ бы изъ за гроба, продолжали невидимо руководить дѣтьми на ихъ жизненномъ пути.

Форма поученія къ дѣтямъ у насъ стала извѣстной съ принятіемъ христіанства. Такъ, „Притчи Соломоновы“ представляютъ поученія, обращенныя къ сыну, какъ видно изъ часто встрѣчающагося въ нихъ выраженія: „сынъ мой, послушай, что отецъ твой говоритъ“. Но особенно типичной формой поученія къ дѣтямъ является апокрифическое произведеніе „Завѣты двѣнадцати патріарховъ“ (§ 54). Повѣствованіе Іуды о подвигахъ, совершенныхъ имъ на войнѣ и въ борьбѣ со звѣрями, чрезвычайно напоминаетъ разсказъ Владимира о такого же рода подвигахъ въ „Поученіи чадомъ“. „Завѣты двѣнадцати патріарховъ“ были очень популярнымъ у насъ произведеніемъ, и Владиміръ Мономахъ, безъ сомнѣнія, былъ съ нимъ знакомъ и, можетъ быть, сознательно подражалъ ему. Владиміръ Мономахъ, вѣроятно, былъ знакомъ и съ двумя поученіями, помѣщенными въ „Изборникѣ Святославовѣ 1076 г.,“ именно съ „Поученіемъ къ сыновьямъ“ Ксенофонта и съ „По-

ученіемъ къ сыну“ Θеодоры (§ 117). Такимъ образомъ, Владиміръ Мономахъ имѣлъ въ византійской переводной литературѣ готовую литературную форму, которой онъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ личной жизни, воспользовался.

Въ своемъ произведеніи Владиміръ Мономахъ проявляетъ обширную начитанность въ византійской литературѣ: въ немъ встрѣчается много цитатъ изъ наиболѣе популярныхъ въ то время сочиненій, причемъ цитаты эти, видимо, приводились Владиміромъ на память, такъ какъ онѣ часто не совпадаютъ съ подлинниками. Изъ книгъ, откуда Владиміръ черпалъ мысли, на первомъ мѣстѣ надо поставить Псалтирь (§ 40), самую популярную въ древности книгу. Псалтирь имѣла много значеній: она употреблялась, 1) какъ книга богослужебная, 2) какъ книга для чтенія, 3) какъ первая учебная книга послѣ азбуки и Часослова и 4) какъ книга гадательная. Обычай гадать по Псалтири доказывается старыми списками Псалтири, на поляхъ которыхъ помѣщены замѣтки, указывающія, какое значеніе имѣетъ та или другая страница этой книги при гаданіи. Владиміръ также раскрывалъ Псалтирь наугадъ, какъ это видно изъ его собственнаго разсказа о томъ, что онъ сдѣлалъ, отпустивъ явившихся къ нему отъ братьевъ пословъ.

Владиміръ М. обнаруживаетъ знакомство и съ другими произведеніями византійской литературы. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ самъ ссылается на Василія В.: „якоже бо Василий учаше, собравъ ту уноша“. Отрывокъ, приводимый при этомъ Владиміромъ, заимствованъ изъ произведенія Василія В., помѣщеннаго въ „Изборникѣ Святославовѣ 1076 г.“ подъ заглавіемъ „Слово, како лѣпо есть чернцу быти“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Поученія“, именно въ тѣхъ, гдѣ идетъ рѣчь о премудрости Божіей, обнаруживается вліяніе другого произведенія Василія В., его „Бесѣдъ на Шестодневъ“ (§ 102). Мысль о разнообразіи въ природѣ и о разноличіи, какъ объ особенномъ доказательствѣ премудрости Божіей, заимствована изъ этого сочиненія Василія В. Впрочемъ, эта мысль и особенно мысль о разнообразіи человѣческихъ лицъ была очень популярна въ византійской литературѣ и могла быть заимствована и изъ какихъ нибудь другихъ сочиненій. О св. Андреѣ, напр., разсказывается, что однажды діаволъ задалъ ему искушающій вопросъ: „что самое премудрое изъ твореній Божіихъ?“

Святой отвѣтилъ: „разнообразіе человѣческихъ лицъ“. Діаволъ ушелъ посрамленный.

Отдѣльныя мѣста и выраженія въ „Поученіи“, повидимому, заимствованы изъ „Пролога“ (§ 78). Таковы, напр., слѣдующія мѣста: „Не грѣшите ни одіну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи (если будетъ вамъ не въ мочь), а (то) трижды; а того не забывайте, не лѣнитеся: тѣмь бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣжаеть дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ человѣкъ избываеть“; въ „Прологѣ“ этому мѣсту соотвѣтствуетъ слѣдующее: „А егда ложися спати, то не погрѣши, не погрѣши ни единоя нощи не кланявся, но елико мога по силе; тѣмъ поклоненіемъ побѣжаетъ человѣкъ діавола и тѣмъ избываетъ грѣховъ, иже согрѣшилъ кто въ томъ дни“; въ „Поученіи“: „Всего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силнымъ погубити человѣка“. Въ „Прологѣ“: „И не дахъ силному обидѣти нищаго, ни опечалихъ никого же въ моей жизни, ни суть кривины, яже на кого изнесохъ... Не обиди убогаго, ни ближняго своего, сиротамъ не досаждай, вдовицѣ насиліе не дѣй, убогаго не презри...“.

Наконецъ, на „Поученіе“ повліяла „Книга притчей Соломонихъ“, какъ видно изъ слѣдующихъ отрывковъ изъ этой книги: „Послушайте, дѣти, наказанія отча и внемлите разумѣти помышленіе... Начало премудрости—страхъ Господень... Безумніи досады суще желателіе, нечестивіи бывше... возненавидѣша премудрость, словесе же Господня не пріяша ниже хотѣша внимати моимъ совѣтамъ, ругахуся же моимъ обличеніемъ“.

225. Причины, побудившія Владимира написать „Поученіе чадомъ“. Поводъ, побудившій Владимира написать „Поученіе“, изложенъ имъ самимъ въ приступѣ. Изъ повода можно сдѣлать выводъ и о причинахъ.

На свое положеніе русскіе князья конца XI и начала XII в. смотрѣли главнымъ образомъ, какъ на источникъ обогащенія. Извлечь изъ своего положенія какъ можно больше выгодъ было главной задачей почти всѣхъ русскихъ князей, и для осуществленія этой цѣли князья не пренебрегали никакими средствами. Въ этомъ отношеніи князья дѣлились на два разряда: князья-скопидомы и князья-удальцы. Типичнѣй-

шимъ представителемъ князей перваго разряда былъ великій князь Святополкъ Изяславичъ. Не отличаясь военными доблестями, Святополкъ зато проявлялъ большія способности въ изысканіи новыхъ доходовъ. Такъ, ставши великимъ кіевскимъ княземъ, онъ захватилъ монополію на соль, привозившуюся изъ Галича; далѣе, у него были какія-то денежныя связи съ кіевскими евреями; слѣдствіемъ этой связи было то, что по смерти Святополка въ Кіевѣ возникъ народный мятежъ, во время котораго особенно пострадали евреи.

Иными средствами достигали ту же цѣль князья-удальцы, типичнымъ представителемъ которыхъ является Олегъ Святославичъ, прозванный Гориславичемъ. Этотъ князь, стремясь добыть свою отчину Черниговъ, предпочиталъ дѣйствовать вооруженной силой: онъ одинъ изъ первыхъ русскихъ князей рѣшился воспользоваться для достиженія своей цѣли силою половцевъ, которыхъ наводилъ на своихъ противниковъ; при этомъ его ни мало не заботило то, что отъ опустошительныхъ набѣговъ этихъ хищниковъ страдаетъ Русская земля.

Оба эти типа русскихъ князей были несимпатичны Владимиру Мономаху. Владимиръ самъ по себѣ представлялъ особый типъ русскаго князя княжеско-дружинной Руси: это былъ князь, который сумѣлъ практически сочетать свой личный интересъ съ интересомъ общегосударственнымъ. Желая отвратить своихъ дѣтей и вообще своихъ читателей отъ подражанія князьямъ первыхъ двухъ типовъ, эгоистовъ низшаго сорта, желая воспитать ихъ въ духѣ сочетанія личнаго интереса съ общегосударственнымъ, Владимиръ изложилъ въ „Поученіи чадомъ“ тѣ принципы дѣятельности, которыя выработались у него въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ жизни, исполненной трудовъ и опасностей. Повидимому, Владимиръ хотѣлъ передать свое „Поученіе“ тому изъ сыновей, которому его „грамотица“ будетъ люба. Владимиръ надѣялся, что такимъ сыномъ окажется его младшій сынъ Андрей Владимировичъ, который, по свидѣтельству лѣтописей, получилъ названіе „Добраго“ и который, слѣдовательно, дѣйствительно могъ усвоить отцовскій опытъ.

„Хожденіе“ игумена Даніила.

(Около 1108).

226. Паломничество въ эпоху княжеско-дружинной Руси. Паломничество, т.-е. путешествія ко святымъ мѣстамъ, началось у насъ, вѣроятно, сейчасъ же послѣ оффиціальнаго принятія крещенія. Въ первой половинѣ XI в. преподобный Антоній, основатель Кіевопечерскаго монастыря, совершилъ путешествіе на Аѳонъ, славившійся на Востокѣ строгою жизнью отшельниковъ. Преподобный Ѳеодосій Печерскій, наслышавшись съ дѣтства о мѣстахъ, гдѣ Христосъ совершилъ свой подвигъ спасенія человѣческаго рода, задумалъ тайно уйти туда отъ матери, но его намѣреніе не удалось. Преемникъ Антонія, игуменъ Варлаамъ, совершилъ путешествіе во Святую землю. Въ XII в. количество отправляющихся во Святую землю принимаетъ уже широкіе размѣры.

Основной мотивъ, побуждавшій къ совершенію этихъ путешествій, далекихъ въ тѣ времена и преисполненныхъ опасностей, былъ религіозно-нравственный. Вѣрующаго христіанина естественно влекло собственными глазами увидѣть мѣста, ознаменовавшіяся дѣятельностью ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему казалось, что молитва, совершенная среди такой знаменитой обстановки, въ которой совершилось множество чудесъ, будетъ обладать особенной таинственной силой для спасенія. Къ первому мотиву присоединился для многихъ и другой: нѣкоторыхъ влекли во Святую землю трудность и опасности путешествія, преодолѣть которыя было особаго рода геройствомъ, молодчествомъ. Наконецъ, третьи предпринимали это путешествіе просто по склонности къ странничеству.

Всѣ эти путешественники, какими бы побужденіями они ни руководились, носили названія „паломниковъ“, „пилигримовъ“, „каликъ перехожихъ“, „странниковъ“. „Паломниками“ они назывались потому, что путешественники во Святую землю имѣли обыкновеніе уносить на родину въ воспоминаніе пальмовыя вѣтви. „Пилигримъ“ происходитъ отъ латинскаго peregrinus, что значитъ путешествующій. Наконецъ, слово „калика“ происходитъ отъ греческаго слова „калига“, означавшаго гре-

ческую обувь, которую обыкновенно носили странники, отправлявшіеся во Св. землю.

При обозрѣніи святынь паломники знакомились съ многочисленными легендами и преданіями, съ которыми были связаны въ мѣстномъ населеніи эти святыни. Грамотные паломники записывали эти легенды и преданія, или же находили ихъ уже записанными на древне-болгарскомъ языкѣ, и во множествѣ заносили ихъ на свою родину.

По возвращеніи изъ путешествія, калики пользовались большимъ уваженіемъ. Они входили въ число тѣхъ „церковныхъ людей“, которые находились въ особомъ вѣдѣніи церкви.

Путешествія во св. мѣста предпринимали, главнымъ образомъ, лица высшаго класса населенія, свѣтскаго и духовнаго, проникнутыя уже византійско-болгарскимъ міровоззрѣніемъ и обладавшія необходимыми для путешествія матеріальными средствами. Обыкновенно, они отправлялись въ путешествіе съ дружиною, т.-е. съ многочисленными спутниками изъ своихъ слугъ. Рѣже предпринимали путешествія, особенно въ первое время послѣ принятія крещенія, лица изъ низшихъ классовъ, что вполнѣ понятно: простой народъ, особенно сельскій, долгое время еще спустя послѣ оффиціальнаго принятія христіанства держался язычества (§§ 29—30), и потому въ его средѣ не могло возникнуть и мысли о паломничествѣ. Мало по малу однако начинаютъ совершать паломничества и люди изъ низшихъ классовъ. Первый примѣръ этому подали, вѣроятно, слуги бояръ и князей, побывавшіе со своими господами во святыхъ земляхъ. По ихъ слѣдамъ стали ходить и лица изъ городского простонародія, а затѣмъ и сельскаго. Въ XII в. число паломниковъ изъ низшихъ классовъ сильно увеличилось. Основной причиной этого явленія было стремленіе улучшить свое положеніе: странники изъ низшихъ классовъ питались на дорогѣ подаяніемъ, а по совершеніи путешествія попадали въ разрядъ церковныхъ людей. Противъ развитія паломничества среди простого народа церковь съ половины XII в. принимаетъ рядъ мѣръ, какъ это видно изъ „Вопрошаній“ Кирика, Саввы и Ильи къ архіепископу новгородскому Нифонту (§ 238). Кирикъ пишетъ: „А иже се рѣхъ—идуть въ сторону въ Ерусалимъ къ святымъ, а другымъ азъ бороню (браню), не велю ити: сдѣ велю доброму ему быти... Есть ли ми, владыко, въ томъ грѣхъ?“ На недоумѣніе Кирика владыка отвѣчаетъ: „Велми,

рече, добро твориши: да того дѣля (ради) идеть, абы порозну ходяче ясти и пити: а то ино зло боропи, рече". Илья въ этихъ же „Вопрошаніяхъ" спрашиваетъ: „Ходили бяху ротѣ (по обѣту), хотяче въ Ерусалимъ. Повелѣ ми опитемью дати: та бо, рече, рота губить землю сию".

227. Игуменъ Даніилъ и его путешествіе. Къ числу паломниковъ изъ высшаго класса населенія, побывавшихъ въ Палестинѣ, относится игуменъ Даніилъ, авторъ знаменитаго „Хожденія".

Біографическихъ данныхъ объ игуменѣ Даніилѣ у насъ нѣтъ. Только изъ его „Хожденія" можно почерпнуть кое-какія весьма общія и неопредѣленныя свѣдѣнія объ его личности. Въ своемъ трудѣ Даніилъ сравниваетъ рѣку Іорданъ съ рѣкою Сновью (Сосновой). Это дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ сдѣлать Даніила уроженцемъ Черниговской области, такъ какъ тамъ течетъ рѣка, какъ разъ имѣющая такое названіе. Но потомъ оказалось, что рѣкъ съ такимъ названіемъ нѣсколько, и притомъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Гораздо тверже другое данное: Даніилъ, вспоминая о своей далекой родинѣ, называетъ главнымъ образомъ южно-русскихъ князей, изъ чего вытекаетъ, что Даніилъ былъ уроженцемъ южной части княжеско-дружинной Руси.

Свое путешествіе Даніилъ совершилъ въ княженіе Святополка II, какъ онъ самъ сообщаетъ въ своемъ „Хожденіи", т.-е. между 1093—1113 гг. На основаніи данныхъ, имѣющихся въ самомъ „Хожденіи", время путешествія Даніила можно опредѣлить довольно точно. *Во-первыхъ*, оно было совершено тогда, когда Св. земля находилась въ рукахъ крестоносцевъ. *Во-вторыхъ*, Даніилъ сообщаетъ, что путешествіе къ Тиверіадскому озеру онъ совершилъ, воспользовавшись походомъ іерусалимскаго короля Балдуина на Дамаскъ; такъ какъ походъ этотъ былъ совершенъ между 1106—1108 гг., то, значитъ, на это время падаетъ и путешествіе Даніила, а составленіе описанія путешествія надо отнести приблизительно къ 1108 г.

Свѣдѣнія о Святой землѣ доставлялись многочисленными русскими паломниками и до игумена Даніила. Но эти свѣдѣнія были противорѣчивы и фантастичны. Даніилъ поставилъ себѣ цѣлью дать вѣрное и точное описаніе, вполнѣ соотвѣтствующее дѣйствительности. Для этого Даніилъ постарался обставить свое путешествіе благопріятными условіями. *Во-первыхъ*, чтобы

какъ можно обстоятельнѣе ознакомиться съ Святой землей, онъ пробылъ въ ней продолжительное время, а именно въ Іерусалимѣ—шестнадцать мѣсяцевъ, а вообще въ Палестинѣ—два года. *Во-вторыхъ*, понимая, что вѣрныя и точныя свѣдѣнія можно добыть, если обзавестись надежными знающими проводниками, Даніилъ обладавшій средствами, не жалѣлъ ихъ, и ему удалось пользоваться дѣйствительно хорошими проводниками. Объ одномъ изъ нихъ, именно о старикѣ-монахѣ монастыря св. Саввы, Даніилъ съ благодарностью отзывается въ своемъ трудѣ. *Въ-третьихъ*, Даніилъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы по возможности расширить районъ своихъ наблюденій. Такъ, узнавъ о предпринимавшемся походѣ Балдуина I на Дамаскъ, Даніилъ рѣшился воспользоваться этимъ для того, чтобы подъ охраной войска совершить опасное путешествіе до Тиверіадскаго озера. Онъ представился Балдуину, пріобрѣлъ его расположеніе и получилъ отъ него разрѣшеніе идти съ войскомъ.

228. Содержаніе „Хожденія“. „Хожденіе“ игумена Даніила представляетъ точное описаніе святынь въ топографическомъ порядкѣ, описаніе, сопровождаемое краткимъ изложеніемъ легендъ, преданій и апокрифовъ, связанныхъ съ ними. Даніилъ описываетъ прежде всего Іерусалимъ и ближайшія къ нему мѣста (Виѳанію, Геѳсиманію, Виѳлеемъ, Іорданъ, Іерихонъ, монастыри Ѳеодосія, Саввы и Харитона), Хевронъ и Дубъ Мамврійскій, затѣмъ святыни Галилеи и нѣкоторыхъ мѣстъ Самаріи (городъ Самарію, верховья Іордана, городъ Тиверіаду, море, гору Ѳаворскую, Назаретъ и Кану Галилейскую). Въ началѣ и въ концѣ своего „Хожденія“ авторъ даетъ краткое описаніе путей, по которымъ онъ ѣхалъ отъ Константинополя до Іерусалима и обратно.

1) Вступленіе. Во вступленіи къ своему труду Даніилъ сообщаетъ, что путешествіе свое онъ, „недостойный игуменъ Данилъ Рускыа земля, хужьшій во всѣхъ мнисѣхъ“, предпринялъ, нетерпѣливо побуждаемый желаніемъ увидѣть „святый градъ Іерусалимъ и землю обѣтованную“... Онъ проситъ читателей не зазрить его худоумію и грубости описанія. Онъ совершалъ свое путешествіе, какъ человѣкъ грѣшный, безъ надлежащаго страха и смиренія, а, напротивъ, во всякой слабости и лѣности: онъ пилъ и ѣлъ, и вообще творилъ „неподобныя дѣла“. Убоявшись примѣра того раба, который скрылъ талантъ своего

господина, Даніилъ рѣшился описать все, что онъ видѣлъ своими очами. Два побужденія особенно заставляли его предпринять этотъ трудъ: личное—любовь къ св. мѣстамъ и боязнь забыть то, что Господь показалъ ему недостойному, и общественное—„вѣрныхъ ради человѣкъ“, желаніе дать послѣднимъ точное описаніе св. мѣстъ, чтобы и они, даже не совершая самого путешествія, могли бы подъ руководствомъ его описанія какъ бы мысленно посѣтить эти земли и получить отъ Бога мзду, равную съ тѣми, которые совершили путешествіе. По мнѣнію Даніила, можно спасти свою душу, и не совершивъ путешествія во Св. землю, а совершая добрыя дѣла дома; и наоборотъ, тѣ, которые совершили путешествіе и по этому случаю „вознеслись своимъ умомъ“, вообразивъ, что ими совершено нѣчто доброе, уничтожаютъ награду за свой трудъ.

2) „Сказаніе о пути, иже есть къ Іерусалиму“. „Сказаніе о пути“ состоитъ изъ описанія главныхъ святынь во Св. землѣ и изъ передачи связанныхъ съ ними преданій. Наиболѣе интересными мѣстами „Сказанія“ являются слѣдующія.

а) „О пути, иже во Іерусалимъ“. Изъ Константинополя Даніилъ отплылъ по „Лукоморью“. Проѣзжая по Архипелагу, Даніилъ встрѣчалъ на своемъ пути острова и города, изъ которыхъ многіе славились какими нибудь святынями, чудесными предметами или преданіями о святыхъ. Все это онъ заноситъ въ свое „Хожденіе“. Такъ, напр., разсказывая объ островѣ Кипрѣ, онъ сообщаетъ, какъ создается здѣсь темьянъ (ладанъ). На Кипрѣ,—разсказываетъ авторъ,—родится ладанъ-темьянъ, падающій съ неба, какъ роса, въ іюлѣ и августѣ. На горахъ много небольшихъ деревьевъ, на которыя и падаетъ этотъ темьянъ, и собираютъ его въ тѣ два мѣсяца, а въ другіе онъ не падаетъ. На этомъ же островѣ онъ видѣлъ на высокой горѣ великій крестъ, который былъ поставленъ святой Еленой „на прогнаніе бѣсомъ и всякому недугу на исцѣленіе“, причемъ Елена вложила въ крестъ „честной гвоздь Христовъ“. Отъ креста, по словамъ Даніила, „до нынѣ“ бываютъ великія знаменія и чудеса; крестъ стоитъ на воздухѣ, ничѣмъ не прикрѣпленный къ землѣ, „но тако Духомъ Святымъ носимъ есть на воздусѣ“. „И ту азъ недостойный поклонихся святыни той чюдной и видѣхъ очима своима грѣшныма благодать Божію на мѣстѣ томъ и походихъ островъ тотъ весь добрѣ“.

б) „О градѣ Іерусалимѣ“. Іерусалимъ и производимое имъ

на приближающихся путниковъ впечатлѣніе Даніилъ описываетъ такъ. Святой градъ Іерусалимъ лежитъ въ долинѣ; около него высокія каменныя горы, такъ что надобно близко подойти къ городу, чтобы видѣть его. Сначала виденъ домъ Давидовъ, а потомъ вскорѣ можно видѣть Елеонскую гору, Святую Святыхъ и, наконецъ, весь городъ. На разстояніи версты отъ Іерусалима есть ровная гора. На той горѣ путники слѣзаютъ съ коней, и всѣ христіане идутъ пѣшкомъ и поклоняются храму св. Воскресенія. Великая радость бываетъ тогда всякому христіанину, увидѣвшему святой градъ Іерусалимъ, и никто не можетъ не прослезиться, увидѣвши желанную землю и мѣста святыя, гдѣ Христосъ Богъ походилъ ради нашего спасенія. И идутъ пѣшіе съ великою радостью ко святому граду Іерусалиму.

в) „О пупѣ земленомъ и о церкви“. Описавъ храмъ Воскресенія, Даніилъ подробно говоритъ о Гробѣ Господнемъ, объ его видѣ, размѣрахъ и сообщаетъ, что здѣсь, внѣ стѣны храма, за алтаремъ находится „пупъ земли“ (небольшое возвышеніе, считавшееся центромъ земной плоскости); надъ этимъ „пупомъ земли“ построена „камора“ (сводъ), на верху которой изображенъ мозаикой Христосъ съ надписью: „Се пядіею измѣрихъ небо, а дланію землю“. Отсюда на разстояніи 12 саженъ находится лобное мѣсто, гдѣ былъ распятъ Христосъ. Крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ,—сообщаетъ Даніилъ мѣстное преданіе,—былъ вдѣланъ въ камень, въ которомъ высѣчено было углубленіе; подъ этимъ камнемъ лежала голова Адама первозданнаго, и „въ распятіе Господне, егда на крестѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ предасть духъ свой, и тогда раздрася церковная катапетазма и каменіе распадеся; тогда же и той камень просѣдеся надъ главою Адамовою, и тою разсѣлиною сниде кровь и вода изъ ребръ Господнихъ на главу Адамлю и омы вся грѣхи рода человѣча. И есть разсѣлина та на камени томъ и до нынѣшняго дня; знати есть на деснѣй странѣ распятія Господня знаменіе то честное“.

г) „О Ерданьстѣй рѣцѣ“. Описывая Іорданъ, Даніилъ говоритъ, что онъ течетъ быстро; вода его мутна, но весьма сладка, такъ что пьющій эту святую воду не можетъ ею насытиться; она здорова для питья и никакой болѣзни желудку не причиняетъ. По ширинѣ, глубинѣ и изгибамъ Іорданъ напоминаетъ рѣку Сновь (Сосновую). Даніилъ измѣрилъ глубину Іордана, переправился на другую сторону его и долго ходилъ

по его берегу съ любовью. Здѣсь онъ видѣлъ мѣсто, гдѣ Илья вознесенъ былъ на огненной колесницѣ на небо, а также пещеру, въ которой жилъ Іоаннъ Креститель. Три раза былъ Даніилъ на Іорданѣ, одинъ разъ въ праздникъ водокрещенія, на которомъ онъ присутствовалъ со всею „дружиною“ своею, т.-е. со своими спутниками. Вмѣстѣ съ нею онъ былъ свидѣтелемъ нисхожденія благодати Божіей на воду іорданскую. Множество людей,—говоритъ Даніилъ,—приходитъ къ водѣ со свѣчами, и всю ночь бываетъ изрядное пѣніе при безчисленномъ множествѣ свѣчъ. Въ полночь бываетъ водокрещеніе (т.-е. освященіе воды). Тогда Духъ Св. сходитъ на воды іорданскія. Достойные люди хорошо видятъ, какъ сходитъ Духъ Св., а весь народъ не видитъ, но только радость и веселіе бываетъ въ сердцѣ каждаго человѣка. Когда погрузятъ честной крестъ и запоютъ „Во Іорданѣ крещающуся Ти, Господи“, тогда всѣ люди бросаются въ воду Іордана, какъ бы крещаясь въ Іорданѣ, какъ Христосъ въ полночь крестился отъ Іоанна.

д) „О пещерѣ Мелхиседековѣ“. Описывая гору Ѳаворъ, Даніилъ упоминаетъ пещеру Мелхиседека и сообщаетъ преданіе объ этомъ таинственномъ библейскомъ лицѣ (§ 52). Около пещеры въ древности былъ великій лѣсъ. Сюда явился Авраамъ, подошелъ къ пещерѣ и трижды воззвалъ: „Человѣче Божій, изыде сѣмо!“ Мелхиседекъ вышелъ и вынесъ хлѣбъ и вино. Въ пещерѣ этой Мелхиседекъ построилъ Богу жертвенникъ, и сотворилъ Мелхиседекъ, царь Салимскій, передъ Авраамомъ жертву Богу хлѣбомъ и виномъ. Жертва принята была Богомъ, и Мелхиседекъ благословилъ Авраама. Авраамъ же, по повелѣнію Божію, обрѣзалъ Мелхиседеку ногти и остригъ его, потому что Мелхиседекъ былъ отъ рожденія косматъ. Такъ,—заключаетъ Даніилъ,—положено было начало литургіямъ на хлѣбѣ и винѣ, а не на опрѣснокахъ. Даніилъ со спутниками вошли въ эту пещеру и поклонились святой трапезѣ. До настоящаго времени приходитъ туда святой Мелхиседекъ и служитъ литургію на этой трапезѣ.

е) „О свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесе къ Гробу Господню“. Въ особой главѣ Даніилъ разсказываетъ „о свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесе къ Гробу Господню“ въ церкви Воскресенія, въ страстную субботу, т.-е. какъ возжигаются съ неба лампады, висящія у Гроба Господня. Даніилъ самъ былъ свидѣтелемъ этого явленія. Онъ сначала опровергаетъ

разсказы предшествовавшихъ ему паломниковъ о томъ, что небесный свѣтъ нисходитъ на лампады надъ Гробомъ Господнимъ, по однимъ, въ видѣ голубя, а по другимъ—въ видѣ молніи. Все это, говоритъ Даніилъ, ложь: ни голубя, ни молніи нѣтъ, и благодать Божія сходитъ невидимо. Далѣе онъ обстоятельно описываетъ, какъ онъ поставилъ лампаду за всю Русскую землю, и какъ снизошелъ небесный свѣтъ. Въ страстную пятницу онъ отправился къ Балдуину и поклонился ему до земли. Балдуинъ пригласилъ Даніила встать и ласково спросилъ его: „Что хощеши, игумене рускый?“ Даніилъ сказалъ ему: „Господине княже! Молюся тебѣ Бога дѣля (ради) и князей ради русскихъ: хотѣлъ быхъ и азъ поставити кандило (лампаду) свое надъ Гробомъ Господнимъ за вся князи наша и за всю Рускую землю, за вся христіане Рускыя земли“. Балдуинъ охотно далъ свое согласіе и принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы лампада Даніила была повѣшена среди другихъ лампадъ. Когда Даніилъ приготовилъ свою лампаду, ключарь Гроба Господня отворилъ двери Гроба Господня, велѣлъ игумену „выступити изъ калигъ“ (снять калиги) и ввелъ его босого въ Гробъ Господень. Своими „рукама грѣшвныма“ Даніилъ повѣсилъ лампаду въ ногахъ Гроба Господня; въ головахъ стояла лампада греческая; на персяхъ—лампада всѣхъ монастырей; наверху были повѣшены „фряжскія“ лампады (т.-е. латинскія). Въ субботу въ шестомъ часу дня собралось передъ церковью Воскресенія множество народу, туземнаго и собравшагося изъ всѣхъ странъ. Всѣ стоятъ съ невозженными свѣчами, ожидая открытія дверей церкви. Когда явился Балдуинъ съ дружиною, двери открылись, и народъ вошелъ въ церковь. Тѣснота въ церкви была великая; большая часть народа не попала туда и осталась внѣ храма. Въ седьмомъ часу дня Балдуинъ съ дружиною своею, безъ обуви, пошелъ ко Гробу Господню въ сопровожденіи игумена, монаховъ монастыря св. Саввы, и игумена Даніила. Двери у Гроба Господня были запечатаны царскою печатью. Когда началось чтеніе паремій, епископъ съ діакономъ подошелъ къ дверямъ Гроба и заглянулъ вовнутрь сквозь рѣшетку двери: тамъ царилъ мракъ, и епископъ снова вернулся въ алтарь. При чтеніи шестой параміи онъ снова подошелъ къ двери Гроба, и опять оказалась тамъ темнота. Въ девятомъ часу, когда начали пѣть „Господеви поемъ“, внезапно поднялась съ востока небольшая туча; она стала

надъ церковью, и изъ нея полился на стоявшихъ у Гроба Господня дождь. Вдругъ во Гробѣ Господнемъ заблисталъ сильный и страшный свѣтъ. Епископъ отворилъ двери Гроба и, взявъ у Балдуина свѣчу, зажегъ ее отъ небеснаго свѣта. У Балдуина зажгли свои свѣчи окружающіе. Описывая „свѣтъ святый“, Даніилъ сообщаетъ, что онъ не похожъ на обыкновенный земной огонь, „но чудно инако свѣтится изрядно, и пламень его червлено есть, яко киноварь, и отнюдь несказано свѣтится“. Даніилъ сообщаетъ, что отъ этого небеснаго огня зажглись только три лампады, въ томъ числѣ и его, фряжскія же лампады не зажглись.

ж) О другихъ святыняхъ и предметахъ. Въ своемъ описаніи Даніилъ не пропускаетъ ни одного мѣста или предмета, которые были въ эпоху ветхаго и новаго завѣта чѣмъ нибудь ознаменованы: онъ видѣлъ жертвенникъ, на которомъ Авраамъ приносилъ въ жертву Исаака, пещеру, гдѣ былъ убитъ пророкъ Захарія, а внѣ ея—камень, на которомъ Іаковъ видѣлъ сонъ и гдѣ онъ боролся съ ангеломъ, гробъ Богородицы, вертепъ въ Виѳлеемѣ, гдѣ родился Христосъ, и ясли Христовы, пень того дерева, изъ котораго былъ сдѣланъ крестъ Христовъ, колодецъ, у котораго произошло Благовѣщеніе, и т. д.; при описаніи Тиверіадскаго моря Даніилъ сообщаетъ, что въ немъ много рыбы, среди которой есть одна, которую особенно любилъ Христосъ и которая по виду своему напоминаетъ карпа. Даніилъ и его спутники ѣли эту рыбу не однажды, а много разъ.

3) Послѣсловіе. Совершая свое путешествіе, Даніилъ молился не только за себя, но и за русскихъ князей и за русскихъ людей вообще. Такъ, на Гробѣ Господнемъ онъ поставилъ лампаду за всю Русскую землю; объ этомъ онъ пишетъ такъ: „Богъ тому послухъ (свидѣтель) и св. Гробъ Господень: во вьсѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ не забывахъ именъ князей рускыхъ и княгинь ихъ и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, но вездѣ поминалъ есмь въ молитвахъ. И о семь похвалю преблагаго Бога, яко сподоби мя записати имена князей русьскыхъ въ лаврѣ у св. Саввы, и нынѣ поминаются въ октеніихъ...!“ Во всѣхъ мѣстахъ Даніилъ отслужилъ 90 литургій за князей и за бояръ и за дѣтей соихъ духовныхъ, и за всѣхъ христіанъ, живыхъ и мертвыхъ.

229. Отличительныя черты „Хожденія“ и его значеніе. Сообразно цѣли, которой руководился Даніилъ, въ „Хожденіи“ нѣтъ отклоненій въ сторону: Даніилъ не описываетъ нравовъ, обычаевъ, строя страны, по которой онъ путешествовалъ. Его „Хожденіе“ — это превосходный путеводитель для паломниковъ, основной чертой котораго является стремленіе автора къ точности. Такъ, сообщая свои свѣдѣнія, авторъ съ возможною точностью опредѣляетъ большія разстоянія верстами, малыя — какъ „дващи дострѣлити гораздо“ или „яко можетъ доверечи (докинуть) камнемъ малымъ“; величину зданій и памятниковъ измѣряетъ локтями, пядями и саженями, а иногда „собою“; перечисляетъ столпы, окна, иконы и т. д. Изложенный очень просто и ясно, безъ ораторскихъ прикрасъ („азъ написахъ не хитро, но просто написахъ“), этотъ путеводитель былъ доступенъ и малограмотнымъ читателямъ древней Руси. Поэтому „Хожденіе“ игумена Даніила было очень популярно и распространено; доказательствомъ служитъ то, что до нашего времени оно дошло въ 90 спискахъ.

Въ настоящее время „Хожденіе“ Даніила, благодаря точности своихъ описаній, является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для научной топографіи средневѣковой Палестины. Переведенное на французскій языкъ, оно признано западноевропейскими учеными однимъ изъ лучшихъ въ этомъ отношеніи источниковъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Дѣятельность русскихъ іерарховъ-грековъ въ первой половинѣ XII в.

230. Русскіе іерархи-греки въ первой половинѣ XII в. Первая половина XII в. ознаменована литературною дѣятельностью двухъ выдающихся представителей нашей церкви, грековъ по происхожденію, митрополита Никифора I и Ѳеодосія. Оба писателя, подобно первымъ митрополитамъ-грекамъ, продолжаютъ предостерегать высшую часть русскаго общества, главнымъ образомъ, князей, противъ латинскаго вѣроисповѣданія и, пользуясь своимъ авторитетнымъ положеніемъ, даже

обличаютъ послѣднихъ въ тѣхъ или другихъ нравственныхъ недостаткахъ.

Митрополитъ Никифоръ I.

(1104—1124).

231. Труды митрополита Никифора I. По своему происхожденію митрополитъ Никифоръ I (1104—1124) былъ грекъ, не знавшій русско-славянскаго языка. Въ „Поученіи о постѣ“ митрополитъ замѣчаетъ: „Много поученій мнѣ надлежало бы предлагать вамъ языкомъ моимъ, чтобы водою его напоить добрую и плодоносную землю, т.-е. души ваши. Но не данъ мнѣ даръ языковъ, о которомъ свидѣтельствуетъ божественный Павелъ и посредствомъ котораго я могъ бы творить порученное мнѣ: оттого стою я посреди васъ безгласенъ и молчу много. А такъ какъ нынѣ потребно поученіе по случаю наступающихъ дней святого Великаго поста, то я разсудилъ предложить вамъ поученіе черезъ писаніе“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что митрополитъ писалъ свои сочиненія на греческомъ языкѣ, съ котораго они переводились на церковно-славянскій языкъ; поученія митрополита, очевидно, читались въ церкви по его порученію другими лицами.

Отъ митрополита Никифора дошло до насъ четыре произведенія: 1) „Посланіе къ великому князю Владимиру Мономаху о латинахъ“, 2) „Посланіе къ владимиро-волынскому князю Ярославу Святополковичу“, 3) „Посланіе къ великому князю Владимиру Мономаху о постѣ и воздержаніи чувствъ“ и 4) „Поученіе о постѣ“.

1) „Посланіе къ великому князю Владимиру Мономаху о латинахъ“. Это посланіе представляетъ отвѣтъ на вопросъ Владимира Мономаха о причинахъ отверженія латинянъ отъ православной церкви и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его. Въ своемъ отвѣтѣ митрополитъ Никифоръ кратко сообщаетъ о разрывѣ между Западной и Восточной церквами и перечисляетъ вины латинянъ. По своему содержанію отвѣтъ чрезвычайно напоминаетъ „Стязаніе съ латиною“ митрополита Георгія (§ 177). Различіе заключается въ томъ, что вины латинянъ перечисляются въ иномъ порядкѣ, причемъ количество отступленій—20, а не 27. Это посланіе свое Никифоръ рекомендуетъ князю читать не одинъ разъ, а нѣсколько, потому что „князьямъ, отъ Бога

избраннымъ и призваннымъ къ православной вѣрѣ Его, должно хорошо знать ученіе Христово и твердое основаніе церковное, да послужатъ сами опорами для св. церкви, въ назиданіе и наставленіе порученнымъ имъ отъ Бога людямъ".

2) **„Посланіе къ владимиро-волынскому князю Ярославу Святополковичу о вѣрѣ варяжской"**. Князь, которому адресовано это посланіе, былъ сосѣдомъ католической Польши. По содержанію своему посланіе близко къ предыдущему, т.-е. заключаетъ въ себѣ предостереженія противъ латинянъ, сопровождаемыя исчисленіемъ ихъ винъ. Никифоръ предлагаетъ православнымъ не ѣсть и не пить съ католиками, т.-е. совершенно разобщиться съ ними. Особенно подробно митрополитъ Никифоръ разсматриваетъ употребленіе латинянами опрѣсноковъ.

3) **„Посланіе къ великому князю Владимиру Мономаху о постѣ и воздержаніи чувствъ"**. Это посланіе адресовано князю Владимиру Мономаху, повидимому, съ цѣлью предостеречь князя противъ наклонности слѣдовать внушеніямъ клеветниковъ и наушниковъ. Вѣроятно, митрополитъ имѣлъ въ виду какіе-нибудь дѣйствительные факты; но зная, что съ нимъ не церемонятся, если бы онъ вздумалъ выступить съ рѣзкими обличеніями, онъ облекаетъ свое посланіе въ мягкія формы и даже скрываетъ свою истинную цѣль, говоря, что пишетъ князю изъ побужденія вообще дать ему какое-нибудь наставленіе по случаю Великаго поста, тѣмъ болѣе, что уставъ церковный прямо велитъ говорить въ Великомъ посту (посланіе составлено было въ Великомъ посту) что-нибудь полезное и князьямъ.

Въ началѣ своего посланія Никифоръ рисуетъ Мономаха положительными чертами: онъ называетъ его доблестнымъ главой своей и всей земли христолюбивой, подчеркиваетъ любовь князя къ посту, воздержанію, гостепріимству и благотворительности. Поэтому онъ не считаетъ нужнымъ слишкомъ долго распространяться о постѣ. Кратко указавъ на происхожденіе поста и его значеніе, какъ орудія укрощенія страстей, Никифоръ переходитъ къ источнику страстей, добра и зла въ человѣкѣ. Для этого онъ прежде всего входитъ въ психологію человѣка вообще. Человѣкъ одаренъ тремя силами: словесной (разумомъ), яростной (чувствомъ) и желанной (волей). Высшей изъ этихъ силъ является словесная (разумъ), которою мы отличаемся отъ животныхъ. Перечисливъ добрыя и дурныя дѣла, въ созданіи которыхъ принимаютъ участіе всѣ три душевныхъ

силы, Никифоръ переходитъ къ „слугамъ“, т.-е. къ орудіямъ, черезъ которыя эти силы дѣйствуютъ. „Ты узналъ теперь, — пишетъ Никифоръ, — три силы души. Узнай же и слугъ ея, черезъ которыя она дѣйствуетъ. Душа находится въ головѣ, имѣя умъ, какъ свѣтлое око, въ себѣ и наполняя своею силою все тѣло. Какъ ты, князь, сидя на своемъ престолѣ, дѣйствуешь чрезъ воеводъ и слугъ по всей своей странѣ, а самъ ты — господинъ и князь, такъ и душа дѣйствуетъ по всему тѣлу чрезъ пять слугъ своихъ, т.-е. черезъ пять чувствъ: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе“. Наилучшимъ изъ этихъ слугъ является зрѣніе; хуже слухъ, который, вмѣстѣ съ истиной, передаетъ нерѣдко и ложь. То, что мы видимъ собственными глазами, этому мы можемъ вѣрить; а то, что мы слышимъ отъ другихъ, необходимо принимать „съ великимъ испытаніемъ и судомъ“. Выставивъ эти положенія, Никифоръ переходитъ къ князю и „испытываетъ“ его по всѣмъ снламъ души. Оказывается, что по всѣмъ почти силамъ и чувствамъ князь непогрѣшителенъ. Такъ, коснувшись обонянія, митрополилъ спрашиваетъ себя, что ему говорить о такомъ князѣ, который обыкновенно спитъ на землѣ, не сидитъ дома, не носитъ свѣтлыхъ одеждъ, а когда ходитъ по лѣсамъ, то носитъ „сиротску“ одежду, и только исполняя въ городѣ свои княжескія обязанности, онъ одѣвается въ княжескія отѣянія. Относительно „вкушенія“ онъ указываетъ, что князь любитъ угощать своихъ гостей, а самъ всегда и вездѣ соблюдаетъ большое воздержаніе. Нѣкоторыя сомнѣнія у Никифора вызываетъ лишь слухъ князя: „О слухѣ не знаю, княже, что сказать тебѣ; а кажется мнѣ, что, такъ какъ самъ ты не можешь все видѣть собственными очами, то служащіе тебѣ оружіемъ иногда представляютъ тебѣ донесенія ко вреду души твоей, и черезъ отверстый слухъ твой входитъ въ тебя стрѣла. Подумай объ этомъ со вниманіемъ, княже мой, и помысли объ изгнанныхъ тобою и осужденныхъ“. Никифоръ предлагаетъ вспомнить, кто на кого доносилъ, кто кого оклеветалъ, разобраться хорошенько въ этомъ, простить ихъ, чтобы и самому заслужить прощеніе. Чтобы Владимиръ Мономахъ не подумалъ, что автору кто-нибудь пожаловался на несправедливость его, Никифоръ спѣшитъ сдѣлать слѣдующую оговорку: „Не огорчись, княже мой, словомъ моимъ и не подумай, будто пришелъ ко мнѣ кто-либо, огорченный тобою, и потому я писалъ тебѣ. Нѣтъ, я просто

написалъ тебѣ въ напоминаніе, ибо великія власти имѣютъ нужду и въ частомъ напоминаніи".

4) „Поученіе о постѣ въ недѣлю сыропустную". Въ этомъ поученіи митрополитъ Никифоръ призываетъ паству къ покаянію и исправленію въ наступающіе дни поста и указываетъ, въ чемъ состоитъ истинный постъ. Истинный постъ, по разъясненію Никифора, состоитъ не въ воздержаніи отъ мяса животныхъ, а въ воздержаніи отъ обидъ и оскорбленій ближнихъ, отъ лихвы, неправедной мзды, процентовъ (рѣзоиманія), высота которыхъ въ то время достигла крайней степени (§ 167), и пьянства. Никифоръ полемизируетъ съ тѣми лицами, которыя у насъ защищали пьянство на томъ основаніи, что выпивая они никому не причиняютъ зла. Пиршества среди высшаго класса населенія не считались у насъ порокомъ, напротивъ, разсматривались, какъ своего рода доблесть. Вотъ почему Никифоръ настаиваетъ на томъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ Великомъ посту воздерживались отъ пиршествъ и пьянства. Пьянство — мать всякой злобы и нечистоты, вольный бѣсъ, дочь діавола, смерть ума; а погубившій умъ хуже скотины. Свое предостереженіе Никифоръ сопровождаетъ характерной оговоркой: „Все это я сказалъ не для того, чтобы посрамить своихъ, да не будетъ этого: я ихъ отъ души люблю, но чтобы отогнать отъ нихъ на постное время такое зло, каково пьянство".

Изъ оговорокъ, дѣлаемыхъ митрополитомъ Никифоромъ, видно, что даже представители высшей іерархіи нашей опасались смѣло порицать недостатки и прегрѣшенія не только частныхъ лицъ, но и общіе. Очевидно, русское общество не особенно склонно было руководиться правилами христіанской морали.

Ѳеодосій-Грекъ.

(1142—1156).

232. Біографическія свѣдѣнія о Ѳеодосіи-Грекѣ. Біографическія свѣдѣнія о монахѣ Ѳеодосіи-Грекѣ крайне скудны и основываются большею частью на предположеніяхъ. Ѳеодосій-Грекъ, по всей вѣроятности, явился къ намъ въ свитѣ митрополита Никифора I (1104—1124). Изъ несомнѣнно принадлежащаго Ѳеодосію-Греку труда, именно изъ его перевода „Епистоліи папы Льва I къ Флавіану, патріарху константино-

польскому о ереси Евтихія", видно, что Ѳеодосій, какъ онъ самъ о себѣ сообщаетъ, учился „отъ младъ ноготъ омирскимъ (гомеровскимъ) и риторскимъ книгамъ" и, слѣдовательно, по своему образованію стоялъ выше тогдашнихъ русскихъ людей. Знакомство Ѳеодосія съ нашимъ церковно-славянскимъ языкомъ показываетъ, что Ѳеодосій-Грекъ жилъ на Руси довольно долго, такъ что успѣлъ порядочно усвоить языкъ страны. Далѣе, существуетъ предположеніе, что игуменъ Кіевопечерскаго монастыря Ѳеодосій II (1142—1156), упоминаемый въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XII в., былъ именно этотъ Ѳеодосій-Грекъ. Такимъ образомъ, дѣятельность Ѳеодосія-Грека относится къ первой половинѣ XII в. до 1156 г., подъ которымъ въ лѣтописи отмѣчена смерть „Ѳеодоса", игумена Печерскаго.

233. Труды Ѳеодосія-Грека. Кромѣ указаннаго въ предыдущемъ параграфѣ перевода Ѳеодосіемъ „Епистоліи папы Льва I", перу этого автора принадлежитъ, по предположеніямъ изслѣдователей, рядъ трудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые долгое время приписывались и продолжаютъ еще приписываться преподобному Ѳеодосію Печерскому (§§ 195—196).

Эти труды—слѣдующіе: 1) „Посланіе къ великому князю Изяславу II о почитаніи недѣли", 2) „Вопрошеніе великаго князя Изяслава II о варяжской вѣрѣ", 3) „Поученіе о казняхъ Божіихъ" и 4) „Слово въ субботу сыропустную".

1) **„Посланіе къ великому князю Изяславу II Мстиславичу о почитаніи недѣли"**. Это посланіе представляетъ изъ себя отвѣтъ Ѳеодосія-Грека на два вопроса, предложенные на разрѣшеніе Ѳеодосія великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ (княжилъ 1146—1149 и 1151—1154). Первый вопросъ: можно ли въ воскресный день колоть животныхъ и употреблять въ пищу ихъ мясо? Вопросъ о рѣзаніи животныхъ въ воскресный день связанъ былъ съ вопросомъ о возможности вообще труда по воскресеньямъ. „Эпистолія о недѣлѣ" запрещала вообще всякій трудъ въ воскресный день (§ 70). Второй вопросъ, занимавшій вообще русское образованное общество середины XII в., состоялъ въ слѣдующемъ: когда можно и когда нельзя употреблять въ пищу мясо животныхъ по средамъ и пятницамъ? Возможность этихъ вопросовъ, особенно второго, объясняется тѣмъ, что въ то время еще не существовало у насъ и даже въ Византіи точныхъ церковныхъ правилъ для поста: къ этому времени у насъ едва-едва монахи пріучились соблюдать посты.

Что же касается мірянъ, то, за исключеніемъ небольшой группы ихъ, находившейся въ постоянномъ общеніи съ высшимъ духовенствомъ, они въ большинствѣ не знали ни о какихъ постахъ.

Разсматривая оба вопроса, Ѳеодосій прежде всего устраняетъ недоразумѣніе, которое связано было у насъ съ понятіемъ „недѣли“. „Недѣля“ у насъ означала два предмета—седьмицу, т.-е. промежутокъ времени, обнимающій семь дней, и отдѣльный день этой седьмицы—воскресеніе. Русскіе путали эти два понятія (причемъ недѣлю-седьмицу олицетворяли, какъ св. Недѣлю). Ѳеодосій разъясняетъ русскимъ, что „недѣля“ есть особый день седьмицы: „Недѣля не наречется недѣля, якоже вы глаголете, но первый день всея недѣли наречется: понеже Христосъ Богъ нашъ въ тотъ день воскресе изъ мертвыхъ и наречется воскресный день; а понедѣльникъ наречется второй день, а вторникъ—третій, а среда—четвертый, а четвертокъ—пятый, а пятница—шестый и суббота—седьмый“. Установивъ правильное пониманіе термина „недѣля“, Ѳеодосій переходитъ къ опредѣленію значенія отдѣльныхъ дней недѣли-седьмицы для христіанина.

Указавъ, что евреямъ запрещено было въ субботу приготовлять пищу, Ѳеодосій говоритъ, что христіане освобождены отъ празднованія субботы и вообще отъ исполненія обрядоваго закона: христіанамъ нигдѣ не запрещается исполнять нѣкоторые виды труда въ воскресный день и, между прочимъ, колоть животныхъ и употреблять ихъ въ пищу. Совершенное воздержаніе отъ всякаго труда въ воскресный день было бы подражаніемъ евреямъ, „жидовствомъ“.

Вопросъ о постѣ въ среду и пятницу къ серединѣ XII в. взволновалъ все русское образованное общество—духовенство и высшій правящій классъ, причемъ для своего разрѣшенія былъ даже перенесенъ въ Константинополь. Посланіе Ѳеодосія-Грека явилось тогда, когда этотъ споръ о постѣ въ среду и пятницу едва только начинался. Ѳеодосій разрѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что по средамъ и пятницамъ вообще необходимо соблюдать постъ, потому что въ среду Христосъ былъ преданъ, а въ пятницу распятъ: сами апостолы такъ узаконили. Но въ силу другого преданія, идущаго отъ апостоловъ и отцовъ церкви и требующаго, чтобы праздники господскіе, богородичные и двѣнадцати апостоловъ проводились „свѣтло“, Ѳеодосій полагаетъ, что, если на среду и пятницу падаетъ одинъ изъ

этихъ праздниковъ, то можно въ эти дни разрѣшить себѣ мясо.

2) „Вопрошеніе великаго князя Изяслава II Мстиславича о варяжской вѣрѣ“. Это произведеніе Ѳеодосія представляетъ отвѣтъ на вопросъ Изяслава II о различіяхъ между восточнымъ и западнымъ христіанствомъ. Ѳеодосій перечисляетъ различія догматическія и обрядовыя, каковы Filioque, служеніе на опрѣснокахъ, прощеніе грѣховъ за дары (индульгенціи), то, что крещаемыхъ не помазываютъ масломъ и мѵромъ, а кладутъ имъ въ уста соль, то, что крещаемыхъ называютъ не именами святыхъ, а именами, которыя придумываются родителями. Кромѣ различій догматическихъ и обрядовыхъ Ѳеодосій перечисляетъ и различія въ обычаяхъ, ставя въ вину западнымъ христіанамъ и это. Латиняне не только неправильно вѣруютъ, но и неправильно живутъ: они ѣдятъ конину, удавленину, мертвечину, медвѣдину и бобровину, постятся въ субботу, кладутъ мертвеца ногами на западъ, а головою на востокъ, женятся на сестрахъ; ихъ священники и епископы не вступаютъ въ бракъ, епископы носятъ перстни и ходятъ на войну. Изложивъ „вины“ латинянъ, Ѳеодосій даетъ рядъ наставленій о томъ, какъ долженъ относиться православный къ тѣмъ, которые держатся латинской (варяжской) вѣры. Православный не долженъ хвалить чужую вѣру: кто это дѣлаетъ, тотъ—двоевѣрецъ и близокъ къ ереси. Если кто-нибудь скажетъ православному, что и ту и другую вѣру далъ Богъ, православный долженъ отвѣчать: „развѣ Богъ двоевѣренъ?“ Православный не долженъ имѣть съ латинянами никакого общенія ни въ дѣлахъ вѣры, ни въ дѣлахъ семейныхъ и житейскихъ; онъ не долженъ пріобщаться по ихъ обряду („комканія ихъ бѣгати“), не долженъ вступать съ ними въ брачныя и родственныя отношенія, не долженъ даже ѣсть и пить съ ними изъ однихъ сосудовъ; если кто изъ латинянъ попроситъ у православнаго ради Бога ѣсть или пить, то православный долженъ дать ему и то и другое въ особыхъ сосудахъ, а если нѣтъ особаго сосуда, то можно дать и въ своемъ, но потомъ его нужно вымыть и освятить. Ѳеодосій совѣтуетъ Изяславу II остерегаться „кривовѣрныхъ и всѣхъ ихъ дѣлъ, потому что и наша земля наполнилась людьми этой вѣры“.

„Вопрошеніе“ Ѳеодосія отличается рѣзкостью тона и крайнею нетерпимостью къ католикамъ. Причины этого таковы. Изяславъ II, ведя борьбу съ Юріемъ Долгорукимъ и Влади-

миркомъ галицкимъ, постоянно пользовался военною помощью отъ своихъ союзниковъ—поляковъ, чеховъ и венгровъ; кромѣ того, онъ находился въ родствѣ съ цѣлымъ рядомъ князей и королей католическаго вѣроисповѣданія: венгерскій король былъ его зятемъ, а Болеславъ польскій и Володиславъ чешскій были его сватьями. Такимъ образомъ, Изяславъ находился въ весьма тѣсныхъ родственныхъ и союзныхъ отношеніяхъ съ латинянами. Ѳеодосія, какъ грека, такія близкія связи очень безпокоили, такъ какъ они казались ему угрозой для греческой власти на Руси. Поставленіе Изяславомъ Климента Смолятича въ митрополиты помимо сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ должно было усиливать въ Ѳеодосіи эти опасенія. Вотъ почему Ѳеодосій не щадитъ мрачныхъ красокъ для изображенія латинянъ и рѣзко предостерегаетъ противъ нихъ князя.

„Вопрошеніе“ любопытно также автобіографическими свѣдѣніями, которыя даетъ о себѣ Ѳеодосій-Грекъ: „Я, Ѳедосъ, худой мнихъ, рабъ пресвятой Троицы, Отца и Сына и Св. Духа, былъ рожденъ въ чистой и правовѣрной вѣрѣ и хорошо воспитанъ въ законѣ отцомъ и матерью христіанами, учившими меня слѣдовать хорошему закону и правовѣрнымъ обычаямъ, къ латинству не присоединяться, ихъ обычаевъ не держаться, избѣгать ихъ причащенія, не слушать ихъ ученія и вообще остерегаться и гнушаться всѣхъ ихъ обычаевъ и нравовъ... Мнѣ отецъ говорилъ: Дитя мое, если на твою долю выпадетъ умирать ради Господа по нашей святой вѣрѣ, то прими смерть, но не отрекайся отъ нашей правой вѣры“.

3) „Поученіе о казняхъ Божіихъ“. „Поученіе о казняхъ Божіихъ“ состоитъ изъ двухъ частей, которыя связаны между собою лишь внѣшнимъ образомъ: а) собственно о казняхъ Божіихъ и б) о пьянствѣ.

а) „О казняхъ Божіихъ“. Первая часть поученія, толкующая собственно о казняхъ Божіихъ, изложена выше, въ § 206.

б) „О пьянствѣ“. Во второй части съ особенной силой обличается пьянство. „Горе и, опять скажу, горе пребывающимъ въ пьянствѣ... Пьянствомъ мы отгоняемъ отъ себя ангела-хранителя и привлекаемъ злого бѣса. Бѣсы радуются нашему пьянству и радуясь приносятъ діаволу отъ пьяницъ пьянственную жертву; а діаволъ съ радостью говоритъ: никогда я не радуюсь столько жертвамъ языческимъ, какъ пьянству христіанъ, потому что въ пьяницахъ—всѣ дѣла моего хотѣнія“.

4) „Слово въ субботу сыропустную“. Слово это, вѣроятно, произнесено было Ѳеодосіемъ во время его игуменства, въ присутствіи иноковъ Кіевопечерскаго монастыря и великаго князя Изяслава Мстиславича съ семьей. Слово состоитъ изъ двухъ частей.

Первая часть представляетъ ублаженіе святыхъ, составленное на основаніи службы въ сыропустную недѣлю. Кромѣ греческихъ святыхъ, ублажаются преподобный Антоній, преподобный Ѳеодосій и князь Игорь, убитый въ 1147 году. Ублаженіе князя Игоря наводитъ на мысль, что слово было произнесено въ скоромъ времени послѣ его убіенія.

Вторая часть представляетъ изъ себя поученіе инокамъ и князьямъ. Иноки, давшіе монашескіе обѣты, должны твердо ихъ исполнять. Между тѣмъ далеко не всѣ изъ нихъ соблюдаютъ обѣты. Многіе слишкомъ любятъ мірское: богатство, мірскія удовольствія; нѣкоторые не обнаруживаютъ достаточнаго смиренія. Ораторъ приглашаетъ иноковъ обратить вниманіе на образы святыхъ, которыхъ онъ только что ублажалъ, которые, отвергнувъ все мірское, возносились къ небу и наслѣдовали райскія врата. Они должны подражать инокамъ и не попадаться въ „сребролюбныя сѣти“. Съ особенною силою ораторъ вооружается противъ сребролюбія.

Въ концѣ своего слова ораторъ даетъ наставленія князьямъ, княгинямъ и всему народу. Онъ всѣхъ предостерегаетъ противъ златолюбія и сребролюбія, совѣтуетъ князьямъ и княгинямъ жить правдою и истиною, богатымъ творить милостыню, убогимъ—спасаться смиреніемъ и всѣмъ спасаться любовью.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Зарожденіе мѣстныхъ литературъ.

234. Зарожденіе мѣстныхъ литературъ, ихъ характеръ и дѣленіе. Образованіе къ половинѣ XII в. мѣстныхъ общественно-политическихъ и культурныхъ центровъ (§ 167) повело къ возникновенію мѣстныхъ аристократическихъ литературъ. Послѣднія возникли и развивались подъ вліяніемъ литературы кіевской, но онѣ имѣли и свои особенности.

Изъ этихъ литературъ до насъ дошли только нѣкоторыя произведенія слѣдующихъ областей: 1) Новгородской, 2) Смоленской, 3) Туровской, 4) Черниговской, 5) Кіевской, 5) Ростово-Суздальской и 7) Галицко-Волынской.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Новгородская литература.

235. Новгородъ отъ X в. до половины XII в. Новгородъ былъ центромъ сѣверной части великаго воднаго пути. Къ этому центру тяготѣла обширная область, простиравшаяся на сѣверъ до Бѣлаго моря, на востокъ до Уральскаго хребта, на западъ до Финскаго залива и Чудскаго озера. Эта область изобиловала рѣками, озерами, болотами, лѣсами. Въ лѣсахъ водились пушные звѣри, шкуры которыхъ составляли главное богатство области. Открытая для дѣйствія сѣверныхъ вѣтровъ, Новгородская область отличалась суровымъ и непостояннымъ климатомъ. Борьба за существованіе была здѣсь несравненно тяжелѣе, нежели на югѣ.

Историческія обстоятельства способствовали тому, что Новгородъ уже съ X в. попадаетъ въ условія, чрезвычайно благопріятныя для самостоятельнаго развитія. Олегъ, завоевавъ Кіевъ, сдѣлалъ его своимъ государственнымъ центромъ. Сюда вмѣстѣ съ Олегомъ перешла и его дружина, т.-е. весь военно-административный классъ населенія, создавшійся въ Новгородѣ. Для управленія Новгородомъ князья кіевскіе стали посылать сюда своихъ намѣстниковъ, сыновей. Это имѣло большое значеніе для Новгорода.

Въ то время, какъ на югѣ пришлый военно-административный классъ населенія съ выдѣлившимся изъ него духовенствомъ развивается за счетъ мѣстной кіевской аристократіи, оттѣсняя ее на задній планъ, въ Новгородѣ начинаетъ безъ помѣхъ развиваться мѣстная аристократія. Въ противовѣсъ ей создается сильная мѣстная демократія, которая вступаетъ въ борьбу съ аристократіей. Пользуясь неурядицей, создавшейся благодаря дробленію княжеско-дружинной Руси, новгородская демократія начинаетъ расширять власть вѣча и сильно ограничивать княжескую власть. Въ первой половинѣ XII в. должность посадника, стоявшаго во главѣ новгородской администраціи,

становится выборной и независимой отъ князя. Во второй половинѣ XII в. становится выборной и другая высшая должность—новгородскаго епископа, владыки, причемъ за митрополитомъ сохраняется только право утвержденія владыки. Съ этого времени во главѣ Новгорода стоятъ посадникъ и владыка. Въ 1165 г. владыка получилъ отъ константинопольскаго патріарха титулъ архіепископа, что выдѣляло его изъ среды другихъ русскихъ епископовъ. Что касается князя, то значеніе онъ имѣлъ только въ военное время, когда онъ становился во главѣ войска. Если князь, не удовлетворяясь своимъ положеніемъ, пытался вмѣшиваться въ новгородскія дѣла, новгородцы ему „кланялись“, „указывали путь“, т.-е. предлагали ему уходить.

236. Новгородская литература, ея характеръ и произведенія. Новгородское литературное творчество возникло подъ вліяніемъ Кіева. Особенности страны наложили сильный отпечатокъ на новгородскую литературу и ея стиль. Тяжелая борьба за существованіе придала уму новгородца рѣзкое реальное направленіе. Въ то же время она сдѣлала новгородца чрезвычайно скупымъ на слова: новгородецъ выражался кратко, сжато; онъ говорилъ почти одними намеками. Съ принятіемъ христіанства новгородскій реализмъ развивается подъ вліяніемъ византійско-болгарскаго міровоззрѣнія.

Изъ новгородскихъ литературныхъ произведеній до половины XIII в. сохранились слѣдующія: 1) новгородскія лѣтописи, 2) „Вопрошаніе Кюриково“, 3) „Поученіе священникамъ“ архіепископа Ильи-Іоанна и 4) „Хожденіе въ Царьградъ“ Добрыни Ядрѣйковича.

Новгородскія лѣтописи.

237. Новгородскія лѣтописи. Съ 1108 г. при дворѣ новгородскаго епископа лѣтопись ведется уже безпрерывно (§ 189), причемъ она представляетъ изъ себя рядъ краткихъ извѣстій, сопровождаемыхъ хронологическими датами.

Въ 1167 г. при дворѣ новгородскаго епископа былъ составленъ новый сводъ, который представлялъ изъ себя извлеченіе изъ „Сильвестрова свода“ второй редакціи (§ 213), дополненное новгородскою владычнею лѣтописью XII в. Въ 1169 г. этотъ владычній сводъ былъ сокращенно переписанъ

Германомъ Воятой для новгородской церкви св. Іакова: онъ излагаетъ событія отъ 989 г. до 1169 г. Сводъ Вояты имѣлъ продолженіе—до 1200 г. и до 1234 г.

Содержаніемъ новгородскихъ лѣтописей служатъ событія мѣстной жизни: поставленіе и смерть владыки, избраніе и смерть посадника, приглашеніе или изгнаніе князя, строеніе церквей, походы новгородцевъ, внутреннія волненія, морозы, непогоды, неурожаи, повальныя болѣзни, цѣнность жизненныхъ продуктовъ и товаровъ. Изложеніе отличается краткостью и сжатостью; живыхъ поэтическихъ діалоговъ, столь характерныхъ для южныхъ лѣтописей, здѣсь почти нѣтъ.

Примѣры новгородскихъ лѣтописныхъ замѣтокъ:

„Въ лѣто 6633 (1125). Преставися Володимиръ великый, Кыевѣ, сынъ Всѣволожь; а сына его Мьстислава посадиша на столѣ отци. Въ то же лѣто бяше буря веліка съ громомь и градомь, и хоромы раздьра, и съ божниць вълны раздьра, стада скотины истопи въ Волховѣ, а другыя одва переимаша живы. Томьже лѣтѣ испьсаша божницу Антонову (въ монастырѣ). Въ то же лѣто посадиша на столѣ Всѣволода новгородци".

„Въ лѣто 6644 (1136), индикта лѣта 14, новгородьци призваша пльсковиче (псковичей) и ладожаны, и сдумаша, яко изгонити князя своего Всѣволода, и въсадиша и (его) въ епископль дворъ, съ женою и съ дѣтьми и съ тьщею, мѣсяца маия въ 28; и стражье стрежаху день и нощь съ оружіемъ, 30 мужь на день; и сѣде 2 мѣсяця, и пустиша изъ города іюля въ 15, а Володимира, сына его, прияша. А се вины его творяху: 1) не блюдеть смердъ, 2) чему хотѣлъ еси сести Переяславли, 3) ехалъ еси съ полку передди всѣхъ..."

Іеромонахъ Кирикъ.

(1130—1156).

238. „Въпрошаніе Кюриково". Новгородское духовенство въ своей практикѣ встрѣчалось съ цѣлымъ рядомъ житейскихъ фактовъ и явленій, къ которымъ оно не знало, какъ относиться. Для разъясненія своихъ недоумѣній оно первопачально обращалось съ вопросами къ митрополиту или епископамъ греческаго происхожденія или вообще къ греческой части нашего духовенства. Когда и изъ русской среды стали выдаваться лица, достаточно усвоившія византійское міровоз-

зрѣніе, за разрѣшеніемъ недоумѣній стали обращаться и къ послѣднимъ. Отвѣты епископовъ и митрополитовъ часто записывались и служили руководствомъ въ церковной практикѣ низшаго духовенства. Къ числу произведеній, въ которыхъ содержатся недоумѣнные вопросы и отвѣты на нихъ, относится „Въпрошаніе Кюриково", представляющее вопросы іеромонаха новгородскаго Антоніева монастыря Кирика, священника Ильи, впослѣдствіи — архіепископа (§ 239), и епископа неизвѣстной епархіи Саввы. Отвѣты на эти вопросы даны разными лицами, но по преимуществу новгородскимъ епископомъ Нифонтомъ (1130—1156), который вышелъ изъ Кіевопечерскаго монастыря и, слѣдовательно, могъ быть особенно свѣдущъ въ религіозныхъ вопросахъ, сравнительно съ мѣстнымъ новгородскимъ духовенствомъ.

Въ „Въпрошаніи Кюриковомъ" отражаются черты быта, слегка лишь прикрашенныя христіанствомъ въ Новгородской области XI—XII вв. Вопросы, интересовавшіе Кирика, изложены безъ всякой опредѣленной системы. Это — вопросы о церковной службѣ, о священнодѣйствіяхъ, о монашествѣ, о латинскомъ крещеніи, о паломничествѣ въ Іерусалимъ, о причащеніи, о порядкѣ службы, о толкованіи Евангелія и пророчествъ, о крестѣ Господнемъ, объ иконахъ, о жизни поповъ, о Роженицахъ, о погребеніи мертвыхъ, о скоромномъ въ постъ, о рыбьей крови, о дичи, о мѣховой одеждѣ, объ исповѣди, о печеніи просфоръ, о пьянствѣ, о суевѣрныхъ обрядахъ для привлеченія любви мужчинъ и пр.

Вотъ вопросы и отвѣты, характеризующіе нѣкоторыя черты тогдашней русской жизни и степень христіанскаго развитія тогдашняго духовенства.

В. Можно ли въ воскресеніе рѣзать скотъ или птицу? О. Можно: въ томъ нѣтъ грѣха. В. Можно ли причащаться тому, у кого течетъ гной изъ устъ? О. Весьма можно. Не тотъ смрадъ отлучаетъ отъ святыни, который выходитъ изъ устъ, но смрадъ духовный. В. Можно ли давать причастіе тому, кто до обѣдни постучитъ себѣ въ зубы яйцомъ? О. Дѣтямъ можно, а взрослому, если постучитъ не однажды, а много разъ и не по забвенію, нужно возбранять. В. Въ какой одеждѣ должно ходить? О. Не бѣда, если въ медвѣдинѣ. В. Можно ли священнику служить въ той одеждѣ, въ которой будетъ вшитъ женскій платъ? О. Можно. Чѣмъ погана жена? В. Можетъ ли

жена мужу или мужъ женѣ помогать исполнять эпитимію? О. Можетъ такъ же, какъ другъ другу и братъ брату. В. Можно ли служить сорокоустъ и ставитъ кутью за живого человѣка, если онъ заказываетъ? О. Можно, только надобно сказать такому человѣку, чтобы онъ послѣ этого не грѣшилъ, потому что мертвые не грѣшатъ. В. Можно ли служить священнику, если онъ, пообѣдавъ и поужинавъ, не поспитъ, а всю ночь простоитъ на пѣніи и чтеніи? О. Можно служить, и не поспавши. Развѣ лучше спать, чѣмъ молиться Богу? В. Не грѣхъ ли возбранять странствованіе въ Іерусалимъ по святымъ мѣстамъ? О. Не только не грѣхъ, но и большое добро, когда идутъ для того, чтобы быть праздными и только ѣсть и пить. Тѣхъ, которые даютъ клятву идти въ Іерусалимъ, надобно подвергать эпитиміи, ибо клятва эта губитъ нашу землю.

Среди вопросовъ Кирика есть и такіе, которые указываютъ на существованіе у новгородцевъ обычая приносить въ жертву Роду и Роженицамъ хлѣбъ, сыръ и медъ, а также на существованіе у матерей обычая носить дѣтей для исцѣленія къ волхвамъ.

Архіепископъ Илія-Іоаннъ.

(1165—1186).

239. „Поученіе священникамъ“ архіепископа Иліи-Іоанна. Мы не имѣемъ объ архіепископѣ новгородскомъ Иліи-Іоаннѣ никакихъ біографическихъ свѣдѣній. Знаемъ только, что онъ былъ новгородскимъ архіепископомъ отъ 1165—1186 г. и въ 1166 году произнесъ передъ священниками въ соборное воскресенье поученіе. Позднѣе, въ эпоху удѣльнаго литературнаго творчества, архіепископъ Илія-Іоаннъ становится центромъ цѣлаго ряда новгородскихъ преданій и сказаній, въ которыхъ онъ изображается святымъ и чудотворцемъ (кн. 2-ая, § 82).

Архіепископъ Илія-Іоаннъ принадлежалъ къ той части духовенства нашего, которая отличалась только грамотностью и не блистала даже начитанностью въ византійской переводной литературѣ. Въ своемъ „Поученіи священникамъ“, которое состоитъ изъ наставленій, предлагаемыхъ священникамъ къ руководству, самъ Илія-Іоаннъ свидѣтельствуетъ о своей малой образованности, прося своихъ слушателей извинить его, если онъ что-либо сказалъ не такъ, какъ слѣдуетъ, потому что „азъ

не который (т. е. не Богъ знаетъ какой) книжникъ". Хотя архіепископъ Илія-Іоаннъ, по собственному признанію не „книжникъ", однако, онъ обнаруживаетъ задатки природнаго ораторскаго таланта. Давая священникамъ наставленія, Илія-Іоаннъ говоритъ сжато и кратко; изложеніе его отличается простотой, живостью и склонностью къ драматически-діалогической формѣ.

Наставляя своихъ подчиненныхъ, Илія-Іоаннъ убѣждаетъ ихъ воздерживаться отъ безпросыпнаго пьянства и ростовщичества. Провинившимся въ этомъ онъ грозитъ наказаніями: „и кунъ лишу, и въ казни будетъ отъ мене". Онъ увѣщеваетъ ихъ воздерживаться отъ игры въ кости и болѣе заниматься „почитаніемъ книжнымъ". Священники должны достойнымъ образомъ приготовляться къ совершенію литургіи и не ссылаться на дурные примѣры прежнихъ священниковъ, которыхъ можно извинить только по недавности христіанства въ Русской землѣ. Илія-Іоаннъ внушаетъ имъ возбранять женщинамъ хожденіе къ волхвамъ, вѣнчать въ церкви тѣхъ, которые живутъ въ бракѣ безъ церковнаго вѣнчанія. При настоятельной необходимости идти къ больному для его причащенія или для крещенія младенца въ воскресный день, можно, по мнѣнію Иліи-Іоанна, даже оставлять службу въ церкви. Священники должны учить мірянъ воздерживаться отъ крестнаго цѣлованія, указывать, что милостыня должна твориться отъ праведныхъ трудовъ, что милостыня отъ трудовъ неправедныхъ есть ничто передъ Богомъ. Запрещается священникамъ вносить въ алтарь и класть на жертвенникъ приносимыхъ въ церковь брашенъ и питій (кануновъ). Священники должны учить мірянъ надлежащему стоянію въ церкви, унимать отъ святочныхъ игръ, кулачныхъ боевъ; дѣтей они должны учить почитать родителей, а всѣхъ мірянъ избѣгать гнѣва и гордости. Если кто изъ священниковъ совершилъ какія-нибудь вины, влекущія за собою лишеніе священническаго сана, онъ долженъ откровенно сознаться передъ своимъ архіепископомъ: этого требуетъ душевное спасеніе священника. Онъ не долженъ скрывать своего проступка изъ опасенія, что, лишившись мѣста священника, лишится куска хлѣба, потому что онъ, архіепископъ, обѣщаетъ не дать имъ умереть съ голоду и будетъ поддерживать ихъ казной св. Софіи. Что такое обѣщаніе будетъ исполнено, Илья-Іоаннъ доказываетъ тѣмъ, что ему самому деньги не нужны: ему не надо копить ни для жены, ни для дѣтей, не надо высылать

и въ чужія земли (намекъ на греческую часть нашего духовенства).

Добрыня Ядрѣйковичъ.

(Около 1200).

240. „Хожденіе въ Царьградъ“ Добрыни Ядрѣйковича. Добрыня Ядрѣйковичъ (Андрейковичъ) былъ новгородецъ и, по всей вѣроятности, знатнаго происхожденія. Около 1200 г., т.-е. за четыре года до завоеванія Константинополя крестоносцами, онъ предпринялъ путешествіе въ Царьградъ, гдѣ онъ, вѣроятно, пробылъ довольно продолжительное время. Свое путешествіе Добрыня описалъ въ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ „Хожденія въ Царьградъ“. Вернувшись изъ Константинополя, Добрыня Ядрѣйковичъ постригся въ монашество подъ именемъ Антонія въ Хутынскомъ монастырѣ, а въ 1211 г. онъ былъ избранъ новгородскимъ архіепископомъ.

„Хожденіе“ Добрыни Ядрѣйковича, болѣе извѣстное подъ именемъ „Хожденія“ арх. Антонія, представляетъ изъ себя не столько описаніе христіанскихъ достопримѣчательностей Константинополя, сколько простой указатель къ нимъ, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ гидовъ для путешественниковъ. Въ противоположность „Хожденію“ игумена Даніила сочиненіе Добрыни отличается краткостью, сжатостью и сухостью, столь характерными для новгородской литературы вообще.

„Хожденіе“ Добрыни имѣетъ важное значеніе и для науки, и въ исторіи русской литературы. Для науки этотъ трудъ важенъ потому, что многія свѣдѣнія археологическаго и топографическаго характера о Константинополѣ до его разоренія въ 1204 г. крестоносцами можно почерпнуть только изъ него. Въ исторіи русской литературы онъ важенъ, какъ образчикъ паломничества въ греческую столицу, показывающій, что интересовало нашихъ паломниковъ въ греческой столицѣ, какія свѣдѣнія объ ней и разсказы они заносили къ себѣ на родину.

Константинополь, какъ центръ сложной византійской жизни, экономической, общественно-подитической и культурной, былъ выше пониманія русскаго человѣка вообще, только что разставшагося съ простымъ патріархально-родовымъ бытомъ. Поэтому изъ „Хожденія“ Добрыни Ядрѣйковича нельзя почерп-

нуть общей картины Константинополя. Добрыню интересовала и приводила въ изумленіе одна черта въ Константинополѣ — множество святынь, главнымъ образомъ, великолѣпные храмы съ знаменитымъ прошлымъ, сохраняющіе священные предметы библейской исторіи, останки святыхъ и мучениковъ и иногда преданія, носящія апокрифическій или суевѣрный характеръ.

Такъ, Добрыня сообщаетъ, что въ св. Софіи сохраняются скрижали Моисеева закона и кіотъ съ манной; здѣсь же находятся сверла и пилы, при помощи которыхъ дѣлался крестъ Господень. Онъ видѣлъ мраморный камень отъ самарійскаго колодца, у котораго Христосъ бесѣдовалъ съ самарянкой. Въ царскихъ золотыхъ палатахъ ему показывали орудія страданія Христа: честной крестъ, вѣнецъ, губу, гвозди, багряницу, копье, трость, далѣе—повой и поясъ св. Богородицы, нерукотворенный образъ Спасителя. Онъ видѣлъ трапезу, за которой Авраамъ со святой Троицей ѣлъ хлѣбъ, крестъ, сдѣланный изъ лозы, посаженной Ноемъ послѣ потопа. Въ другихъ мѣстахъ ему показывали трубу, въ которую трубилъ Іисусъ Навинъ, когда евреи брали Іерихонъ, и рогъ Авраамова овна: въ эту трубу и въ этотъ рогъ вострубятъ ангелы во второе пришествіе. Здѣсь же находится рогъ, изъ котораго Самуилъ возливалъ масло на Давида-царя, а также жезлъ, которымъ Моисей раздѣлилъ море.

Перечисляя святыни, Добрыня сообщаетъ и объ ихъ чудесныхъ свойствахъ: мощи св Антонія исцѣляютъ отъ волхвованія; одна икона Спасителя имѣетъ свойство обличать лжецовъ; есть чудесный засовъ, исцѣляющій отъ отравленія, если сунуть его въ ротъ отравившемуся.

Добрыня упоминаетъ и такіе предметы, какъ большое золотое блюдо, на которомъ русская княгиня Ольга принимала дары, когда она была въ Константинополѣ, свѣтящіеся каменья императора Льва, хрустальный амвонъ и пр.

Иногда Добрыня передаетъ и свои впечатлѣнія. Такъ, онъ съ большимъ одушевленіемъ описываетъ торжественность богослуженія въ св. Софіи и въ придворной церкви. О богослуженіи въ послѣдней Добрыня пишетъ: „Когда царь входитъ въ церковь, то передъ нимъ несутъ много ксилолоя (алоэ), темьяна (ѳиміама), кладутъ на уголья, и вся церковь наполняется благоуханіемъ; въ церкви раздается такое прекрасное пѣніе, точно ангелы поютъ на небѣ, и стоящіе перестаютъ

различать, гдѣ они находятся, въ церкви, или на небѣ, или въ раю. Духъ Св. наполняетъ душу и сердце праворѣрныхъ людей радостью и веселіемъ".

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Смоленское творчество.

241. О Смоленской области. Смоленская область занимала территорію, расположенную по верхнему теченію трехъ рѣкъ—Днѣпра, З. Двины и Волги. Благодаря своему географическому положенію, Смоленскъ сталъ посредникомъ въ торгово-промышленныхъ сношеніяхъ между Новгородомъ и Кіевомъ, между Ростово-Суздальской землей и западно-европейскими странами.

Смоленская область въ половинѣ XII в. достается внуку Влидимира М., Ростиславу Мстиславичу (1128—1160), и затѣмъ остается въ теченіе долгаго времени въ рукахъ старшей линіи Мономаховичей. Ростиславъ положилъ основаніе самостоятельному развитію Смоленска. Онъ добился права имѣть своего епископа, заводилъ церкви. Слѣдующій князь, Романъ Мстиславичъ (1160—1181), извѣстенъ своею просвѣтительною дѣятельностью: онъ завелъ въ Смоленскѣ училище, въ которомъ, по преданію, учились даже по-гречески и по-латыни.

242. Смоленское идейно-литературное творчество и его представители. Благодаря просвѣтительно-культурной дѣятельности Мономаховичей, въ Смоленскѣ возникло мѣстное идейно-литературное творчество. Представителями его до половины XIII в. являются Климентъ Смолятичъ и Авраамій Смоленскій.

Климентъ Смолятичъ.

(1147—1154).

243. Жизнь и труды Климента Смолятича. Климентъ Смолятичъ (1147—1154) былъ второй русскій, выбранный, по приказанію великаго князя Изяслава II, въ митрополиты, безъ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ.

По свидѣтельству лѣтописи, Климентъ былъ великимъ книжникомъ и философомъ, какихъ въ Русской землѣ и не было.

Философомъ въ эпоху древняго княжеско-дружиннаго просвѣщенія у насъ назывался всякій, кто помимо умѣнія читать и писать обнаруживалъ извѣстную начитанность въ переводной византійско-болгарской литературѣ. Такимъ образомъ, Климентъ былъ для своего времени выдающимся по образованію лицомъ, и это обстоятельство открыло ему дорогу къ митрополичьей каѳедрѣ. Но Климентъ не былъ признанъ нѣкоторыми епископами и князьями, которые находили, что митрополитъ долженъ быть поставленъ константинопольскимъ патріархомъ. Изъ-за этого въ русской церкви происходила нѣкоторое время смута.

Изъ трудовъ митрополита Климента дошелъ до насъ одинъ, а именно — „Посланіе написано Климентомъ митрополитомъ русскимъ Ѳомѣ, пресвитеру смоленскому, истолковано Аѳанасіемъ Мнихомъ“. Изъ заглавія видно, что посланіе Климента подверглось переработкѣ какимъ-то монахомъ Аѳанасіемъ. Такимъ образомъ, посланіе не во всѣхъ своихъ частяхъ принадлежитъ перу самого Климента.

Приисхожденіе „Посланія“ таково. Князь смоленскій Ростиславъ Мстиславичъ, братъ Изяслава II, отказался признать Климента русскимъ митрополитомъ, считая его поставленіе помимо константинопольскаго патріарха—незаконнымъ. Съ цѣлью примирить съ собою Ростислава Климентъ послалъ ему не дошедшее до насъ посланіе, въ которомъ мимоходомъ задѣлъ пресвитера Ѳому, бывшаго, по всей вѣроятности, близкимъ къ Ростиславу лицомъ и, очень можетъ быть, вооружавшаго князя противъ митрополита. Осворбленный Ѳома послалъ Клименту укоризненное посланіе, тоже не дошедшее до насъ. Отвѣтомъ на это посланіе Ѳомы и является сохранившееся до нашего времени „Посланіе“ Климента.

„Посланіе“ Климента состоитъ изъ двухъ частей.

Первая часть содержитъ отвѣтъ Климента на укоризны Ѳомы. Ѳома укорялъ Климента въ тщеславіи, выразившемся въ томъ, что митрополитъ въ своемъ посланіи къ Ростиславу, „славя себя и творяся философомъ“, писалъ не на основаніи сочиненій св. отцовъ, а отъ Омира (Гомера), Аристотеля и Платона. Климентъ опровергаетъ укоризны Ѳомы. Онъ заявляетъ, что, во-первыхъ, онъ не ищетъ людской славы, презираетъ богатство и занятъ одною только мыслью—о загробной жизни; во-вторыхъ, неправда, будто онъ пишетъ, руководствуясь мыслями Гомера, Аристотеля и Платона; то, что Ѳома при-

нимаетъ за идеи этихъ языческихъ писателей, на самомъ дѣлѣ представляетъ аллегорическо-символическое толкованіе св. Писанія и предметовъ природы.

Вторая часть „Посланія“ состоитъ изъ образцовъ подобныхъ толкованій, большею частью заимствованныхъ изъ сочиненій отцовъ церкви и изложенныхъ въ формѣ притчъ и вопросовъ-отвѣтовъ, напоминающихъ „Бесѣду трехъ святителей“ (§ 67). Въ этой части авторъ пользовался „Шестодневомъ“ Іоанна Экзарха Болгарскаго (§ 105), „Увѣріемъ“ Іоанна Дамаскина (§ 97) и особенно вопросо-отвѣтами блаженнаго Ѳеодорита на „Пятикнижіе“.

Вотъ примѣры толкованій.

Что значитъ: я не остерегся той „піявицы“, которая слѣдуетъ не только за египтянами, но и за іерусалимлянами? „Піявица“—это власть и слава; египтяне—міряне, іерусалимляне—монахи. Славы и власти жаждутъ не только міряне, но и монахи: жажда ея преслѣдуетъ насъ до гроба...

Что значитъ: ибо и мой диктаторъ изнемогъ отъ бремени чувственныхъ и невещественныхъ разбойниковъ по дорогѣ изъ Іерусалима въ Іерихонъ (символизація притчи Христа о милосердомъ самарянинѣ). Диктаторъ — это умъ, чувственные и невещественные разбойники — это бѣсы, Іерихонъ — это міръ, Іерусалимъ — эдемъ, человѣкъ, отправившійся изъ Іерусалима въ Іерихонъ — Адамъ, раны, нанесенныя разбойниками человѣку — это грѣхи.

Эпизодъ съ вдовицей, опустившей въ сокровищницу двѣ лепты, даетъ поводъ къ такому толкованію: вдовица — душа человѣка, двѣ лепты — это тѣлесное цѣломудріе и душевное смиреніе.

Морская рыбка ехина, останавливающая веромъ своимъ корабли на морѣ, даетъ поводъ къ обширному толкованію. Малая рыба ехина учитъ многому совершающихъ морскія путешествія: она знаетъ, когда будетъ буря, а когда тишина. Когда она предвидитъ бурю, то она взбирается на твердый камень, какъ на якорь. Видя это, корабельщики догадываются, что предстоитъ буря. Такимъ образомъ, малая рыба, а не астрологъ или халдей какой-либо, наблюдающій звѣзды, предсказываетъ бурю. Но надъ моремъ и вѣтромъ властвуетъ Господь. Если Господь проявилъ свою заботливость къ ехинѣ, то во сколько разъ болѣе велики его щедроты къ намъ, людямъ,

уповающимъ на него: Господь премудро заботится о нашемъ спасеніи и повелѣваетъ каждому исполнять то, чего Онъ хочетъ. Когда пророкъ Іона, посланный Богомъ проповѣдывать въ Ниневіи о предстоящемъ разрушеніи ея Господомъ за грѣхи, если жители ея не раскаятся, бѣжалъ отъ Господа въ Тарсисъ и находился на морѣ, то ехина не остановила корабля, на днѣ котораго спалъ Іона. Разыгралась буря, кораблю грозила гибель. Буря успокоилась только тогда, когда Іона былъ брошенъ въ море и попалъ во чрево киту. Китъ извергъ Іону, и Іона вынужденъ былъ исполнить волю Божію и идти проповѣдывать Ниневіи слово Господне; жители Ниневіи вняли словамъ Іоны, покаялись и спасли свою жизнь. Все это сдѣлалъ премудрый Христосъ Богъ, творящій чудеса.

Неизвѣстно, какія изъ толкованій извлечены самимъ Климентомъ, и какія—монахомъ Аѳанасіемъ.

Своею склонностью къ символизму „Посланіе“ Климента служитъ доказательствомъ того, что въ половинѣ XII в. византійскіе богословскіе пріемы мышленія, благодаря чтенію переводной литературы, уже становятся достояніемъ русскаго духовенства и въ областныхъ центрахъ.

Авраамій Смоленскій.

(† ок. 1220).

244. „Житіе и терпѣніе препод. Авраамія Смоленскаго“. Конецъ XII в. и начало XIII в. въ Смоленскѣ ознаменовались дѣятельностью выдающагося въ исторіи русскаго просвѣщенія лица—Авраамія Смоленскаго. Этотъ даровитый русскій человѣкъ хорошо зналъ св. Писаніе, былъ отлично знакомъ съ „глубинными книгами“, т.-е. съ книгами, толкующими св. Писаніе, и самъ хорошо толковалъ его, обладалъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, привлекавшимъ на его проповѣди весь городъ, наконецъ, имѣлъ талантъ живописца: Авраамій особенно любилъ изображать страшный судъ и воздушныя мытарства.

О дѣятельности Авраамія мы узнаемъ изъ житія, составленнаго во второй четверти XIII в. ученикомъ Авраамія Ефремомъ, инокомъ Богородицкаго монастыря на Селищѣ, и носящаго заглавіе: „Житіе и терпѣніе преподобнаго отца нашего Аврамья“.

Источники, которыми пользовался для своего труда Ефремъ, были двоякаго рода: *во-первыхъ*, разсказы очевидцевъ, которыми авторъ воспользовался для изображенія начальнаго періода жизни Авраамія; *во-вторыхъ*, собственныя воспоминанія, откуда авторъ почерпалъ матеріалы для изображенія второй половины жизни Авраамія.

„Житіе и терпѣніе Авраамія“ не представляетъ цѣльной и послѣдовательной біографіи этого дѣятеля. Авторъ поставилъ себѣ задачей обстоятельно изобразить „терпѣніе“ Авраамія, которое явилось слѣдствіемъ общественнаго волненія, вызваннаго дѣятельностью этого святого. Обо всемъ прочемъ авторъ говоритъ отрывочно и кратко.

Трудъ Ефрема является типичнымъ образцомъ древне-русскихъ житій. Онъ начинается предисловіемъ, составленнымъ по образцу предисловія Нестора къ „Житію преп. Ѳеодосія“, и оканчивается обширнымъ витіеватымъ послѣсловіемъ съ похвалой святому. Слѣдуя общепринятому стилю житій, авторъ нерѣдко избѣгаетъ точныхъ фактическихъ указаній, предпочитая имъ общія мѣста. Такъ, авторъ, лицо, близкое къ Авраамію, не могъ не имѣть свѣдѣній о дѣтствѣ и юности своего учителя; но этихъ свѣдѣній въ житіи нѣтъ. Въ связи съ этимъ находится и другая особенность „Житія и терпѣнія“ — отсутствіе точныхъ хронологическихъ датъ, не позволяющее установить ни года смерти Авраамія Смоленскаго, ни года составленія житія.

Несмотря на эти недостатки, трудъ Ефрема чрезвычайно важенъ: онъ сохранилъ воспоминанія о выдающемся русскомъ дѣятелѣ и о томъ волненіи, которое было вызвано его дѣятельностью.

По своему происхожденію, Авраамій, повидимому, принадлежалъ къ смоленской аристократіи. Такъ можно думать на основаніи нѣкоторыхъ намековъ, даваемыхъ авторомъ житія при характеристикѣ отца Авраамія. „Бѣ же отець его всѣми чтімъ и любимъ,—пишетъ Ефремъ,—отъ князя честь пріемля; бѣ бо воистинну отъ всѣхъ опознанъ, яко и правдою украшенъ и многымъ въ бѣдахъ помогая, милостивъ и тихъ къ всѣмъ, къ молитвѣ и ко церквамъ прилежа“. Если изъ этой характеристики исключить все то, что можно отнести на счетъ житійнаго стиля, т.-е. общія мѣста, останется одно важное указаніе: отецъ Авраамія былъ извѣстенъ смоленскому князю

и пользовался съ его стороны почетнымъ вниманіемъ. Такой извѣстностью и почетомъ обыкновенно пользовались лица, входившія въ составъ мѣстнаго боярства.

Авраамій съ дѣтства обратилъ на себя вниманіе своими способностями: онъ быстро выучился грамотѣ, усвоилъ церковное пѣніе и полюбилъ чтеніе боговдохновенныхъ книгъ и житій святыхъ. Изображеніе подвиговъ святыхъ особенно запало въ душу Авраамія, когда онъ пришелъ въ возрастъ. Авраамій рѣшилъ принять монашество. Покинувъ Смоленскъ, онъ постригся въ иноки въ Богородицкомъ монастырѣ, находившемся въ пяти поприщахъ разстоянія отъ города, въ Селищѣ. Здѣсь Авраамій, имѣя передъ своими умственными очами образы Христа и великихъ подвижниковъ, сталъ совершать иноческіе подвиги. „И бысть оттолѣ по благодати Христовѣ болиі на подвигъ и на вся труды подвизаяся и мыслью въспоминая святаго града Іерусалима и Гробъ Господень и вся честная мѣста, яже избавитель Богъ и Спасъ всего мира идеже страсть приятъ нашего ради спасенія, и вся честная мѣста и преподобныхъ отець пустыня, идеже суть подвигъ и трудъ свершивше: дивнаго началника всѣмъ и восиявшаго ангеломъ равна, великаго меню (мню, т.-е. имѣю въ виду) Антоніа, бывшаго крѣпка, храбра и побѣдившаго силою крестною духы неприязненыя Иларіона, бывъшаго ученика его, по немъ свѣтлаго в постьницѣхъ чюдотворца Еуфімья, иже по нихъ Саву и Феодосья архимандрита и старейша всѣхъ наставника черноризцемъ, сущимъ окрестъ Іерусалима“. Совершая подвиги аскетизма, Авраамій въ то же время усердно занимался чтеніемъ книгъ. „Изъ всѣхъ любя часто почитати ученіе преподобнаго Ефрѣма и великаго вселеныя учителя Іоанна Златоустаго и Феодосія Печерьскаго, бывшаго архимандрита всеа Руси, и вся же святыхъ богодухновенныхъ книгъ житіа ихъ и словеса проходя и внимая, почиташе день и нощь, беспрестани Богу моляся и поклоняяся и просвѣщая свою душю и помыслъ и кормимъ словомъ Божіимъ, яко дѣлолюбивая пчела, вся цвѣты облѣтающи и сладкую собѣ пищу приносящи и готовящи, такоже и вся отъ всѣхъ избирая и списая ово своею рукою, ово многыми писци, да якоже пастухъ добрыи, вся свѣдыи паствы, и когда на коеи пажити ему пасти стадо, а не якоже невѣжа, невѣдыи паствы, да овогда гладомъ, иногда же по горамъ разыдуться, блудяще, а

инии отъ звѣреи снѣдени будуть". Обративъ на себя вниманіе своимъ строгимъ подвижничествомъ и образованностью, Авраамій, по просьбѣ игумена монастыря, принялъ санъ священника. Съ этого времени начинается періодъ особенной славы Авраамія. Обладая даромъ слова, Авраамій сталъ выдаваться, какъ замѣчательный проповѣдникъ. Въ монастырь стали стекаться изъ Смоленска лица, желавшія послушать наставленія Авраамія или покаяться ему въ своихъ грѣхахъ. Это возбудило въ мѣстномъ духовенствѣ зависть и желаніе избавиться отъ популярнаго проповѣдника. „И сице же и сему бысть отъ дияволя наученіа, ибо нѣции отъ ерѣе, друзіі же отъ черноризець како бы нань въстати, овии же отъ града потязаті и укорити исходяще, друзіі спиру творяще, яко ничтоже свѣдуща противу насъ глаголааху, и тако посрамлени съ студомъ отхожааху. И пакы не преставааху крамолы нань въздвизающе въ градѣ и везде, глаголюще: Се уже весь градъ к собѣ обратилъ есть!" Даже игуменъ монастыря позавидовалъ Авраамію и запретилъ ему учить приходящихъ.

Послѣ этого Авраамій покинулъ Богородицкій монастырь, ушелъ въ Смоленскъ, въ монастырь у Честнаго Креста, гдѣ продолжалъ свою прерванную дѣятельность. „Украси же церковь иконами и завѣсами и свѣщами, и мнози начаша отъ града пріходити и послушати церковнаго пѣниа и почитаніа божественыхъ книгъ; бѣ бо блаженыи хитръ почитати: дасть бо ся ему благодать Божія не токмо почитати, но протолковати, яже мнозѣмъ несвѣдущимъ и отъ него сказаная всѣмъ разумѣти и слышащимъ, и сему изъустъ и памятью сказая, якоже ничтоже ся его не утаить божественыхъ писании, якоже николи же умлъкнуша уста его къ всѣмъ, к малымъ же и к велікымъ, рабомъ же и свободнымъ и рукодѣлнымъ, тѣмже ово на молитву, ово на церковное пѣніе, ово на утѣшеніе притекающимъ, яко и в нощи мало сна приимати, но колѣнное покланяніе и слезы многы отъ очью безъщука (тихо) излиявъ и въ перси біа и кричаніемъ Богу припадая помиловати люди своя, отвратити гнѣвъ свой и послати милость свою и належащихъ бѣдъ избавити ны и миръ и тишину подати молитвами пречистыя Дѣвы Богородица и всѣхъ святыхъ". Авраамій, отличавшійся также способностью къ живописи, написалъ двѣ иконы: „едину — страшныи судъ втораго пришествіа, а другую — испытаніе въздушныхъ мытарьствъ,

ихже всѣмъ нѣсть избѣжати, якоже великыи Иоанъ Златоустъ учитъ, чемеритъ (лютый) день поминаетъ, и самъ Господь и вси святии его се проповѣдають, егоже избѣжати нѣгде, ни скрытися, и рѣка огнена предъ судіщемъ течеть и книгы разгыбаются и судиі сѣде и дѣла открыются всѣхъ: тогда—слава и честь и радость всѣмъ праведнымъ, грѣшным же—мука вѣчная, ея же и самъ сотона боится и трепещеть".

Возобновленіе дѣятельности Авраамія и ростъ его популярности снова возбудили среди смоленскаго духовенства „крамолу". „...И вшедъ сотона въ сердца бесчинныхъ, въздвиже нань: и начаша овиі клеветати епископу, иніі же хулитіі и досажати, овии еретика нарицати, а иніі глаголаху нань — глубинныя книгы почитаеть, иніі же—къ женамъ прикладающе, попове же знающе и глаголюще: „уже наши дѣти вся обратилъ есть", друзии же пророкомъ нарицающе, и ина же многа нань вѣщанія глаголюще, ихже блаженыи чюжь"... Всѣ, отъ мала до велика, стали разсуждать о томъ, какъ поступить съ Авраамiемъ. Одни говорили, что его надо заточить, другіе, что надо прибить его къ стѣнѣ и зажечь, третьи — потопить. На дворѣ у епископа собрались игумены, попы, чернецы, князья, бояре, діаконы и всѣ церковники. За Авраамiемъ послали слугъ, которые, схвативъ его, „яко злодѣя, влачяху, овии ругахуся ему, иніі же насмѣхаахуся ему и бесчинная словеса кыдающе, и весь градъ и по торгу и по улицамъ — вездѣ полна народа, и мужи же, глаголю, и жены и дѣти, и бѣ позоръ тяжекъ видѣти". Между тѣмъ собравшіеся раздѣлились на двѣ партіи: князь и „властели" (правящій классъ) приняли сторону Авраамія, „игуменомъ же и ереомъ, аще бы мощно, жива его пожрети". Нашелся заступникъ и среди священниковъ смоленскихъ, именно Лука Прусинъ, впослѣдствіи епископъ смоленскій. Былъ приведенъ на судъ Авраамій. Тщательный разборъ обвиненій, возводимыхъ на Авраамія, показалъ передъ всѣми ихъ неосновательность. Авраамій былъ освобожденъ, но ему запрещено было совершать богослуженіе и учить приходящихъ. Авраамій вернулся въ Богородицкій монастырь.

Въ Смоленскѣ наступило великое бездождіе: земля изсохла, сады, нивы и плоды земные стали гибнуть. Епископъ Игнатій съ игуменами, іереями, дьяконами и черноризцами, въ сопровожденіи жителей всего города совершилъ молебствіе о нис-

посланіи дождя и крестный ходъ. И не было дождя на землю. Тогда вспомнили объ Авраамiи. Епископъ послалъ за нимъ, разрѣшилъ ему совершать литургію и попросилъ помолиться Богу о ниспосланіи на землю дождя. Авраамій исполнилъ просьбу епископа. Не успѣлъ Авраамій вернуться къ себѣ, какъ разразился дождь.

Епископъ Игнатій построилъ недалеко отъ Смоленска церковь во имя „Богородица Положеніе честные ризы и пояса“ и монастырь при ней. Игуменомъ этого монастыря Игнатій сдѣлалъ Авраамія. „И оттолѣ прослави і (его) Господь болѣ занеже злѣ блаженаго оскорбивше обращатися начаша и припадати на ногу, просяще прощеніа. Иже всѣми ненавидимъ бывъ, всѣми любимъ бысть, да иже преже бояхуся приiти, то убо не боящеся, но радующеся приходяху, не точью гражане едини приходяху, но съ женами и съ дѣтьми, но и отъ князь и отъ вельможь, работниі же и свободниі притекааху, вси своя грѣхы к нему исповѣдающи, и тако отхожааху в домы своа радующеся“.

По смерти епископа Игнатія Авраамій съ особеннымъ вниманіемъ сталъ останавливаться на томъ вопросѣ, который всего болѣе его занималъ, именно на вопросѣ о разлученіи души съ тѣломъ (кн. 2-я, § 195). „Блаженыи Авраамiи часто собѣ поминая, како истяжуть душу пришедшеи аггели и како испытаніе на въздусѣ отъ бѣсовьскыхъ мытаревъ, како есть стати прѣдъ Богомъ и отвѣтъ о всемъ въздати и в кое мѣсто поведутъ и како въ второе прішествие предстати предъ судищемъ страшнаго Бога и какъ будеть отъ судья отвѣтъ и како огньная рѣка потечетъ пожагающи вся, и кто помагая будеть, развѣи покаяніа и милостыня и беспрестанныя молитвы и ко всѣмъ любы и прочая иная дѣла благая, яже обрѣтаются помагающия души“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Туровская литература.

245. О Туровѣ. На Припети, притокѣ Днѣпра, въ среднемъ ея теченіи, находился древній городъ Туровъ. Онъ былъ нѣкогда центромъ самостоятельнаго варяго-русскаго княжества (§ 22). Съ установленіемъ власти династіи Рюрика по всему великому водному пути, Туровское княжество стало одной

изъ подчиненныхъ областей. Нѣкоторое время Туровъ считался самымъ важнымъ послѣ Кіева городомъ.

Туровская область досталась потомству Святополка II (1093—1113).

Свѣдѣнія о внутреннемъ развитіи Туровской области крайне скудны. Видимо, просвѣщеніе проникло изъ Кіева и сюда. Доказательствомъ служитъ то, что во второй половинѣ XII в. могъ выдвинуться на идейно-литературномъ поприщѣ знаменитый Кириллъ Туровскій.

Кириллъ Туровскій.

(1130—1182).

246. Біографическія свѣдѣнія о Кириллѣ Туровскомъ. Біографическія свѣдѣнія о Кириллѣ Туровскомъ—скудны. Кириллъ Туровскій былъ родомъ изъ Турова. Въ какомъ году родился Кириллъ, неизвѣстно; думаютъ, что около 1130 г. Онъ былъ сынъ знатныхъ и богатыхъ родителей. Жизнь въ полномъ довольствѣ не удовлетворила даровитаго юношу, и онъ рано почувствовалъ склонность къ благочестивымъ подвигамъ и молитвѣ. Онъ усердно читалъ переводную византійско-болгарскую литературу, пріобрѣлъ большую начитанность и усвоилъ пріемы византійскаго ораторскаго искусства. Весьма возможно, что свои познанія Кириллъ почерпнулъ не только изъ чтенія книгъ, но и непосредственно отъ какого-нибудь изъ образованныхъ грековъ, жившихъ въ Туровѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ XII в. въ Туровѣ жила греческая царевна, бывшая замужемъ за русскимъ княземъ, причемъ царевна навѣрно имѣла свой дворъ изъ грековъ.

Уже въ молодости Кириллъ поступилъ въ монастырь, гдѣ обратилъ на себя вниманіе своими аскетическими подвигами. Не довольствуясь обычными у насъ видами аскетизма, Кириллъ попробовалъ и тотъ видъ, который называется столпничествомъ, т.-е. затворился въ каменной башнѣ, гдѣ предавался посту, молитвѣ и изучалъ византійско-болгарскую литературу. Образованность Кирилла и его строгій образъ жизни обратили на него вниманіе туровскаго князя и населенія. По ихъ желанію Кириллъ выбранъ былъ въ епископы города. Въ точности годы его епископства неизвѣстны, но во

всякомъ случаѣ они падаютъ на вторую половину XII в. Умеръ Кириллъ около 1182 г.

247. Труды Кирилла Туровскаго. Кириллу Туровскому принадлежитъ рядъ словъ, поученій и молитвъ. Изъ словъ, несомнѣнно принадлежащихъ ему, можно назвать слѣдующія: 1) „Слово на недѣлю Ваій“, 2) „Слово на Пасху“, 3) „Слово въ новую недѣлю по Пасцѣ“ (на Ѳомину недѣлю, на Антипасху), 4) „Слово на третью недѣлю по Пасцѣ“, 5) „Слово на четвертую недѣлю по Пасцѣ“ (о разслабленномъ), 6) „Слово на шестую недѣлю по Пасцѣ“, 7) „Слово на Вознесеніе“ и 8) „Слово на седьмую недѣлю по Пасцѣ“.

Изъ поученій Кириллу Туровскому приписываются слѣдующія: 1) „Причта о души человѣчестѣй и тѣлеси“, 2) „Сказаніе о черноризчестѣмъ чину отъ ветхаго закона и новаго“, 3) „Притча о бѣлоризцѣ человѣцѣ“ и нѣкоторыя другія.

248. Содержаніе „Словъ“ Кирилла Туровскаго. Слова Кирилла Туровскаго, какъ видно изъ заглавій, пріурочены къ воскреснымъ днямъ, начиная съ вербнаго воскресенія и кончая воскресеніемъ, посвященнымъ памяти святыхъ отцовъ Никейскаго собора. Отсутствуетъ слово на пятую недѣлю по Пасхѣ. Одно слово пріурочено ко дню Вознесенія Господня.

1) **„Слово на недѣлю Ваій“.** Въ „Словѣ на недѣлю Ваій“ (въ Вербное воскресенье) изображается, въ сопровожденіи аллегорическихъ толкованій, шествіе Христа въ Іерусалимъ. Далѣе воздается празднику похвала при посредствѣ особыхъ ораторскихъ пріемовъ (общихъ мѣстъ), изображающихъ ликованіе природы, ангеловъ и людей, съ одной стороны, и унынie діавола и іудейскихъ старѣйшинъ, съ другой стороны. Заключается слово краткимъ увѣщаніемъ слушателей почтить Господа добрыми дѣлами по образу тѣхъ почестей, которыя оказаны были ему при шествіи въ Іерусалимъ.

„Днесь Христосъ отъ Виѳаніа въ Іерусалимъ входитъ, всѣдъ на жребя осліе“. „Днесь народи противъ Ісусу изыдоша, ваіа въ рукахъ дръжаще, и тѣмъ почесть ему творяще, егда Лазаря изъ гроба възва и отъ мертвыхъ его въскреси“. „Днесь апостоли на жребя ризы своа вьзложиша, и Христосъ вверху ихъ всѣдъ. Оле (о) преславныя тайны явленіе! Христіанскыя бо добродѣтели апостольскіа суть ризы, иже своимъ ученіемъ благовѣрныа люди престолъ Божій и вмѣстилище святому Духу сътвориша“. „Днесь предыдущеи (идущіи впе-

реди) и въслѣдствующіи въсклицають, глаголюще: Осанна, сыну Давидовь! Благословенъ грядый во имя Господне! Предидущеи же суть пророци и апостоли: о́ни (первые) же—преже прорицавшеи о Христовѣ пришествіи, а сіи—проповѣдавше вь всемъ мірѣ Бога, отъ Бога пришедша, и во имя его крестяще народы; а въслѣдствующеи—святители суть съ мученики: ови крѣпко съ еретики борющеся по Христѣ, и тѣхъ, яко врагы, отъ церкве изрѣюще (извергая), сіи же и до крове за Христово имя пострадаша, и, вся уметы (соръ) сътворше, вслѣдъ его текоша, да причастницы будутъ страсти его".

„Днесь весь Іерусалимъ подвигшеся (двинулся) въшествія ради Господня; старци быстро шествоваху, да Ісусу, яко Богу, поклонятся; отроци скоро течаху, да его прославятъ с чудеси Лазорева воскресеніа; младенци, яко крилати, окрестъ Ісуса паряще, вопіяху: Осанна, сыну Давидовъ... Оле тайнъ откровеніе и пророчьскихъ писаній разрѣшеніе (исполненіе)! *Старца* бо языческыа наменуеть (подразумѣваетъ) люди: прежде бо Авраама и Израиля языци суть, тогда прельщени, отъ Бога уклонившеся, нынѣ же Сыну Божію вѣрою поклоняются; образъ же *отрокъ*—всечестный, дѣвьство любящій, иноческій чинъ нарече, безпрестанни славящихъ Христа и чудеса Божіею благодатію сътворящихъ; *младенци* же вся христіаны прообрази, иже ничто же пытаютъ о Христѣ, но о томъ живуще и за того умирающе, и тому обѣты и молитвы въздающе. Днесь Анна и Каіафа негодуютъ: всѣмъ—радость и веселье, симъ же—скорбь и смущеніе".

„Днесь тварь веселится, свобождаема отъ работы вражіа и адскыа врата и верея потрясошася и бѣсовскыя силы ужасошася. Днесь горы и холми точатъ сладость; удоліа (долины) и поля плоды Богови приносять. Горніи (небожители) въспѣваютъ, а преисподніи рыдаютъ. Ангели дивятся, видяще на земли невидимаго на небесѣхъ и на жребяти сѣдящаго—сущаго на престолѣ херувимстѣ,—обступаема народы (народами)—неприступнаго небеснымъ силамъ. Нынѣ младенци (младенцами) радостно хвалимъ бываеть, его же серафими въ вышнихъ съ страхомъ безпрестанни славятъ. Нынѣ путьшествуеть въ Іерусалимъ измѣривый пядію небо и землю дланію; въ церковь входить невмѣстимый въ небеса. Днесь старѣйшины жрецескыа (первосвященники) гнѣваются на творящаго великаа чудеса; книжници и фарисеи дѣтямъ завидятъ, съ вѣтвьми

на срѣтеніе Христу текущимъ и зовущимъ: Осанна, сыну Давидовъ!“

„Тѣмъ же, братіе, подобаетъ намъ, яко Божіимъ людемъ сущимъ, возлюбившаго насъ прославити Христа. Пріидѣте, поклонимся ему и припадемъ, яко блудница, мысленнѣ пречистѣи того лобзающе нозѣ; останемся (отстанемъ), яко же и она, отъ злыхъ дѣлъ; излѣемъ (выльемъ), яко мѵро, на главу его, вѣру и любовь нашу; изыдемъ любовію, яко и народи, въ срѣтеніе ему; сломимъ гнѣводръжаніе (злопамятство), яко и вѣтви; постелемъ ему, яко и ризу, добродѣтели; воскликнемъ молитвами и безлобіемъ (беззлобіемъ), яко младенци; предидемъ (пойдемъ впереди) милостынями къ нищимъ; въслѣдуемъ (послѣдуемъ) смиреніемъ и постомъ, бдѣніемъ и блаженымъ (божественнымъ) покаяніемъ и не погубимъ четыредесятедневнаго поста, въ няже и подвизахомся, очищающеся отъ всякіа скверны, да и въ нашь Іерусалимъ внидеть нынѣ Христосъ“. „Уготоваимъ, яко горницу, душа наша смиреніемъ, да причастіемъ внидеть въ ны Сынъ Божій и Пасху съ ученикы своими сътворитъ. И пойдемъ съ идущимъ на страсть волную, вземъ крестъ свой претрьпѣніемъ всякіа обиды; распнемся бранми къ грѣху (распнемся для борьбы противъ грѣха), умертвимъ похоти тѣлесныя!“

2) **„Слово на Пасху“**. „Слово на Пасху“ состоитъ изъ вступленія, изложенія и заключенія.

а) Вступленіе. Вступленіе къ „Слову“ носитъ лирическій характеръ. Въ немъ авторъ картинно противопоставляетъ „радость и веселіе настоящаго дня“, дня воскресенія Христова, „скорби совершившагося передъ этимъ великаго таинства“ Его страданій и крестной смерти, и проводитъ параллель между двумя естествами во Христѣ, напоминающую такую же параллель въ сочиненіи „О законѣ и благодати“ (§ 187).

„Радость сугуба всѣмъ христіаномъ и веселіе миру неизреченно пришедшаго ради праздника днесь за скорбь бывшаго таиньства преже. Каяже бѣ скорбь преже бывшаго таиньства предъ вчерашнимъ днемъ? Господь нашъ Іисусъ Христосъ распинаемъ бѣ, яко человѣкъ, и яко Богъ, солнце помрачи и луну въ кровь преложи, и тма бысть по всей земли. Яко человѣкъ, возопивъ, испусти духъ, но яко Богъ, землею потрясе, и каменіе распадеся. Яко человѣкъ въ ребра ударяемъ, но яко Богъ, завѣсу перваго закона полма (на двѣ

части) раздра. Яко агнець, кровь свою источи за кровь агнець, закалаемыхъ въ пустыни на жертву, и собою жертву за спасеніе всего мира Богу и Отцу принесе. Яко человѣкъ, въ гробѣ положенъ бысть, и яко Богъ, олтарь язычьскіа церкви освяти. Яко царь, стражми стрегомъ и запечатлѣненъ въ гробѣ лежаше, но яко Богъ, ангельскими вои, бѣсовскимъ силамъ въ твердыни ада вѣщаше, глаголя: возмѣте врата князи ваши, да внидеть царь славы. Но врата адова съкрушишася словомъ Его, и верея сломишася до основаніа. Сниде самъ Господь въ адъ и попра бѣсовское царство крестомь и смерть умертви и сѣдящимъ во тмѣ видѣша свѣтъ; связани нищетою и желѣзомъ разрѣшишася и съкровища его вся восхити, и изыде днесь въ силѣ Божіи и въ славѣ святыхъ ангелъ. Работныя душа человѣча, свобождены, ведяхуся въ раи, хвалящеся о Христѣ".

б) Изложеніе. Въ изложеніи указывается, какое значеніе имѣла ветхозавѣтная Пасха и какое значеніе имѣетъ Пасха новозавѣтная, какъ „великій день" воскресенія и обновленія рода человѣческаго, излагаются евангельскія событія, которыми подтверждается истина воскресенія Христа, и объясняется символическое значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

„Пасха убо нарицается закалаемыхъ ради Моисеомъ агнець во Египтѣ, ихже кровію прагы подобоя (дверныя перекладины) помазавше, вси израилтяне избавишася смерти отъ убивающихъ египтянъ ангелъ; той же бы образъ нынѣшнія пасхы: заклася нынѣ отъ священникъ Агнецъ Божій Іисусъ Христосъ за спасеніе всего міра, и всероднаго Адама отъ ада изведе; не бо единѣхъ ради праведныхъ сниде, но всего мира падшаго преступленіемь възведе: всѣхъ бо грѣхы вземъ, на крестѣ пригвозди. Мы же вѣрою божественныа пасхи причастимся; помажемъ уста Божіею кровію, еже суть душевного дому двери, да не приступять бѣсы, хотяще ны грѣхомъ погубити. Израилтяне бо его заклаша, а языци обѣдомъ себѣ сътвориша, и се зоветь пророкъ вся вѣрныа къ Господни трапезѣ, глаголя: тѣло Христово примѣте, источника безсмертнаго вкусите. Симъ бо тѣломъ глава адова сокрушена бысть, и жало притупися; симъ бо тѣломъ держава его и власть попрана бысть; симъ чрево его просажено бысть: не бо пакы усты (дверями) его изыде Христосъ, но самъ чрево раздравъ адово и изведе душа человѣческіа. Егда бо се тѣло (Христа) въ гробѣ положено бысть, тогда мѣдяная врата сломишася, и верея желѣзныа съкруши-

шася; вратници въстрепешаша, и темница она распадеся, и мертвіи въскресоша. Се тѣло смерть умертви и тварь всю истлѣвшю обнови. Сего вѣрою вкушающе христіане освящаются и вѣчную жизнь приемлють: вкусимъ, братіе, животнаго брашна и другъ друга любовію цѣлуимь, прощающе отъ сердець своа съгрѣшеніа".

„Второе же (во-вторыхъ), въскресение Христово великій день нарицается: поистинне же великъ есть день сеи, не множае часовъ имѣя, но великыхъ ради чюдесъ, яже отъ Спаса нашего Христа сътворишася. Днесь ангели съ человѣкы ликують, и человѣци Богомъ освящаются, Святый приемлюще Духъ".

„Минувши суботѣ", пришли ко гробу Господню жены и нашли камень отваленнымъ, а гробъ пустымъ. Два ангела явились и возвѣстили имъ, что Христосъ воскресъ. Жены вернулись и сообщили объ этомъ апостоламъ. Послѣдніе „не имахуть имъ вѣры". „Обаче (однако) Петръ і Иоанъ, ставше, текоста къ гробу. Іоанъ же притече скорѣе Петра, но не вниде въ гробъ, дондеже притекъ Петръ вниде первое въ гробъ,—и видѣ ризы едины лежаща: и съ (сей) не за страхъ не вниде, первіе пришедый, но за смотрение Божіе и за писаніе книгъ; проображаста бо собою ветхый и новый законъ, Іоанъ — образъ ветхаго закона, Петръ же — новаго: тече бо преже ветхый законъ, по писанію, чая Христа; пришедшу же ему, не вниде въ вѣру его; новый же законъ послѣди пришедъ, но преже въ Христа вѣрова, и видить уже тщу надежу ветхаго закона, не могуща держащихся поне спасти" (не могущаго болѣе спасать придерживающихся его).

в) Заключеніе. Въ заключеніи авторъ обращается къ Богу съ молитвой, въ которой противопоставляетъ „вчерашніе" страстные дни „нынѣшнимъ", жизнерадостнымъ.

„Вчера съ расбойникомь распинахомтися, днесь съ тобою воскресохомь... Вчера съ Никодимомъ съ креста снимахомъ тя; днесь съ Магдалынею воскресша тя видѣхомь. Вчера съ Іосифомь во гробѣ тя полагаемь; днесь, яко Маріа, радостныа твоа глаголы слышимь"...

3) **„Слово въ новую недѣлю по Пасцѣ".** „Слово въ новую недѣлю по Пасцѣ" (на Ѳомину недѣлю, „на Антипасху") состоитъ изъ трехъ частей.

а) Первая часть. Въ первой части своего слова авторъ вкратцѣ характеризуетъ смыслъ предшествующей „недѣли",

т.-е. воскресенья, и ея значеніе въ исторіи человѣчества, воздаетъ похвалу новой „недѣлѣ“, т.-е. Ѳомину воскресенью и объясняетъ смыслъ раздачи артоса въ этотъ день.

б) Вторая часть. Во второй части авторъ художественно изображаетъ обновленіе природы весною, какъ символъ духовнаго возрожденія во Христѣ всего человѣчества.

„Нынѣ небеса просвѣтишася, темныхъ облакъ, яко вретищь, съвлекашася и свѣтлымъ воздухомь славу Господню исповѣдають: не си глаголю—видимая небеса, но разумная (мысленныя), апостоли, иже на Сіонъ вшедше къ нему познаша Господа и всю печаль забывше и скорбь юдейску и страхъ отвержеся,—Святымь Духомь осѣнени, воскресеніе Христово ясно проповѣдають“.

„Нынѣ солнце красуяся къ высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣваеть,—възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаеть. Ныня луна съ вышьняго съступивъши степени, болшему свѣтилу честь подаваеть; уже ветхый законъ, по Писанію, съ суботами преста, и пророкы Христову закону съ недѣлею честь подаеть. Ныня зима грѣховная покаяніемъ престала есть, и ледъ невѣрія богоразуміемъ растаяся; зима убо язычьскаго кумирослуженія апостольскымъ ученіемь и Христовою вѣрою престала есть, ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемь Христовъ ребръ растаяся. Днесь весна красуеться, оживляющи земное естьство; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзують (умножаютъ), и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаеть. Весна убо красная вѣра есть Христова, яже крещеніемь поражаеть человѣчьское пакы естьство; бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемь претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзують: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово Божіе пріимши, и страхомь его присно болящи, духъ спасенія ражаеть. Ныня новорожаеміи агньци и унци (тельцы), быстро путь перуще (бѣгая), скачють, и скоро къ матеремъ възвращающеся, веселяться, да и пастыри свиряюще (играя на свирѣляхъ) веселіемь Христа хвалять. Агнеца, глаголю, кроткыя отъ языкъ люди (я разумѣю подъ агнцами кроткихъ людей изъ язычниковъ), а унца кумирослужителя невѣрныхъ странъ, иже Христовомъ въчеловѣченіемь и апостольскымь ученіемь и чюдесы (вызванные чудесами), скоро по законъ емъшеся (взялись за законъ), къ святѣй церкви възвратившеся, млеко ученія ссуть

(сосутъ); да и учители Христова стада, о всѣхъ молящеся, Христа Бога славять, вся волкы и агньца въ едино стадо собравшаго. Ныня древа лѣторасли (древесные побѣги) испущають и цвѣти благоуханія процвитають, и се уже огради (огороды, сады) сладкую подавають воню, и дѣлатели съ надежею тружающеся плододавеца (подателя плодовъ) Христа призывають. Бѣхомъ бо преже акы древа дубравная, не имуще плода, ныняже присадися Христова вѣра въ нашемъ невѣрьи, и уже удержащеся корене Іосѣева (рода Іессеева, т.-е. древа родства Христа), яко цвѣты добродѣтели пущающе, райскаго пакыбытья о Христѣ ожидають; да и святители о церкви тружающеся отъ Христа мьзды ожидають. Ныня ратаи слова (проповѣдники), словесныя уньца (тельцовъ) къ духовному ярму приводяще, и крестьное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаанія почертающе, сѣмя духовное въсыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Днесь ветхая конець пріяша, и се быша вся нова, въскресенія ради. Ныня рѣкы апостольскыя наводняються, и язычныя рыбы плодъ пущають, и рыбари (просвѣщающіе христіанскимъ ученіемъ), глубину Божія въчеловѣченія испытавьше, полну церковьную мрежю ловитвы обрѣтають: рѣками бо, рече пророкъ, расядеться земля, узрять и разболяться нечестивіи людіе. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая бчела (пчела, образъ инока), свою мудрость показающи, вся удивляеть; яко же бо они въ пустыняхъ самокърміемь живуще, ангелы и человѣкы удивляють, и си на цвѣты излетающи, медвеныя сты (соты) стваряеть, да человѣкомъ сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя птица (символъ церковныхъ хоровъ) церковьныхъ ликовъ гнѣздящеся веселяться: и птица бо, рече пророкъ, обрѣте гнѣздо себѣ, олтаря твоя, и свою каяждо поющи пѣснь, славить Бога гласы немолчьными. Днесь поновившася всѣхъ святыхъ чинове, нову жизнь о Христѣ пріемъше: пророци, патріарси трудившеися въ райстѣй почивають жизни, и апостоли съ святители пострадавъшеи прославляються на небеси и на земли, мученици и исповѣдници, за Христа претерпѣвъшеи страсть, съ ангелы вѣньчаються; цари и князи благовѣрніи послушаніемь спасаються; дѣвественіи лици и иночьстіи състави, свой крестъ терпѣніемь понесъше, первеньцю Христу отъ земля на небеса послѣдують; постьници и пустыньници, отъ рукы Господня труда мьзду пріемъше, въ

горнимъ градѣ съ святыми веселяться. Днесь новымъ людемъ въскресенія Христова поновленія праздьникъ, и вся новая Богови приносяться: отъ языкъ вѣра, отъ крестьянъ требы, отъ іерей святыя жертвы, отъ міродержитель боголюбныя милостыня, отъ вельможь церковьное попеченіе, отъ праведникъ съмѣреномудріе, отъ грѣшьникъ истиньное покаяніе, отъ нечьстивыхъ обращеніе къ Богу, отъ ненавидящихъся духовьная любы".

в) Третья часть. Въ третьей части авторъ приглашаетъ слушателей войти въ сіонскую горницу, въ которой Христосъ послѣ воскресенія явился ученикамъ. Христосъ представляется бесѣдующимъ съ Ѳомой: Христосъ обращается къ Ѳомѣ съ пространной рѣчью, на которую Ѳома отвѣчаетъ тоже рѣчью (§ 250).

4) **„Слово на третью недѣлю по Пасцѣ".** „Слово на третью недѣлю по Пасцѣ" изображаетъ въ драматической формѣ праздникъ Мѵроносицъ.

Въ началѣ „Слова" ораторъ изображаетъ плачъ Богородицы у креста Іисуса Христа.

„Тварь съболѣзнуетъ ми, сыну, твоего зрящи бесъ правды умръщвеніа. Увы мнѣ, чядо мое, свѣте и творче твари! Что ти нынѣ въсплачю: заушеніе ли, или за ланиту удареніе и по плещема биеніа, узы же и заплеваніа святаго ти лица, яже отъ безаконникъ за благая пріатъ? Увы мнѣ! Неповиненъ сы, поруганъ бысть, на крестѣ смерти вкуси. Како тя терніемь вѣнчаша и желчи съ оцтомъ напоиша и еще пречистая ти ребра копіемь прободоша! Ужаснуся небо, и земля трепещеть, июдейска не терпящи дрѣзновеніа; солнце померче, и каменіе распадеся, жидовское окамененіе являющи. Вижу тя, милое мое чядо, на крестѣ висяща, бездушна, безрачна (невзрачнымъ), не имуща видѣніа, ниже доброты, и горко уязвляюся душею: хотѣла быхъ съ тобою умрети. Не терплю бо бездушна тебе зрѣти; радость мнѣ отселе никакоже прикоснется: свѣтъ бо мой и надежа и животъ, Сынъ и Богъ, на древѣ угасе. Где ми, чядо, благовѣствованіе, еже ми древле Гавріилъ глаголаше: «радуйся, обрадованная, Господь съ тобою», царя тя и сына вышняго нарицая, Спаса миру и животворца всѣмъ и грѣхомъ потребителя. Ныне же зрю тебе, яко злодѣя, межу двема разбойникома и копіемь прободена въ ребра мертвеца, и сего ради горко изнемогаю: не хощу бо жити, но предварити тя въ адъ. Нынѣ мое чаяніе, радости же и веселіа Сына

и Бога лишена бых. Увы мнѣ! О страннѣмъ ти рожествѣ тако не поболѣхъ, яко же нынѣ растерзаюся утробою, твое видящи тѣло пригвождено къ древу. Твое бысть преславно рожество, Іисусе, и нынѣ страшно умръщвеніе... Знаю твое за Адама постраданіе, но душевною рыдающи обьята горестію, дивящися твоего таинства глубинѣ. Слышите, небеса и море съ землею, внушайте моихъ слезъ рыданіе: се бо Творець вашь отъ священникъ пріемлеть, единъ праведникъ за грѣшникы и безаконникы убіенъ бысть. Днесь, Симеоне, постиже мя (исполнилось надо мною) пророченіе; копіе мою душю проиде нынѣ, твоего отъ воинъ зряще поруганіа. Увы мнѣ! Кого къ рыданію призову, или съ кымъ моихъ слезъ излію потокы? Вси бо тя оставиша, ужикы (родственники) же и друзи, твоихъ, Христе, насладившеися чюдесъ. Где нынѣ ликъ семьдесятныхъ ученикъ, где ли верховніи апостоли? Овъ (одинъ) бо тя лестію (обманомъ) фарисеомъ предасть, другіи же, страха ради предъ архіереи, отвержеся, не зная тебе человѣка. Едина, Боже мой, раба твоа рыдающи предстою съ хранителемъ твоихъ словесъ и възлюбленнымъ ти наперсникомъ. Увы мнѣ, Іисусе, драгое имя! Како стоить земя (земля), зрящи тя на себѣ на крестѣ висяща, иже на водахъ ту вначятцѣ (вначалѣ) основалъ еси, иже многыа слѣпца просвѣтивъ и мертвыа словомь въскресивша, твоего Божества мановеніемь? Пріидѣте, видите Божіа смотрѣніа таинство: како оживляа вся проклятою умръщвенъ бысть смертію".

Окончивъ свой плачъ, Богородица молитъ Іосифа идти къ Пилату и испросить у него тѣло Христа. Іосифъ отправляется къ Пилату и держитъ передъ нимъ пространную рѣчь. Далѣе передается плачъ Іосифа надъ тѣломъ Христа и изображается погребеніе тѣла Христа. Затѣмъ идетъ разсказъ о приходѣ мyроносицъ ко гробу Христа, и излагается пространная рѣчь къ нимъ ангела. Конецъ „Слова" состоитъ изъ похвалы „благообразному и досточудному" Іосифу.

5) **„Слово на четвертую недѣлю по Пасцѣ"**. Въ „Словѣ на четвертую недѣлю по Пасцѣ" (о разслабленномъ) ораторъ говоритъ о купели Виѳезда, толкуя ее символически, какъ прообразъ крещенія. Затѣмъ авторъ переходитъ къ евангельскому эпизоду съ разслабленнымъ.

Христосъ подходитъ къ овчей купели, у которой давно уже

лежалъ въ недугѣ разслабленный, и спрашиваетъ его, хочетъ ли онъ выздоровѣть. Разслабленный отвѣчаетъ:

„Ей, рече, Господи! Хотѣлъ быхъ, нъ не имѣю человѣка, дабы по възмущеніи ангеловѣ въверглъ мя бы въ купѣль. Нъ аще мя еси о сдравіи, Владыко, въпросилъ, то кртьцѣ (съ кротостью) послушай моего отвѣта, да ти своея болѣзни напасть исповѣдѣ: Л. и й (38) лѣтъ на одрѣ семь недугомь пригвожденъ слежю; грѣси мои вся уды тѣлесе моего раслабиша, а душа моя преже страсти поношеніи бодома бысть (еще прежде страданій была уязвляема поношеніями). Богови ся молю, и не послушаеть мене, зане превъзидоша безаконія моя главу мою; врачемъ издаяхъ все мое имѣніе, и помощи улучити (получить) не възмогохъ: нѣсть бо зелія, могуща Божію казнь премѣнити. Знаеміи мои гнушаються мене, смрадъ бо мой вьсякоя утѣхы лиши мя, и ближьніи мои стыдяться мною, яко чюжь быхъ страсти (страданій) ради братіи моей; вси человѣци мною кльнуться (гнушаются, какъ проклятымъ), а утѣшающаго не обрѣтохъ. Мьртва ли себѣ нареку? Нъ чрево ми пища желаеть, и языкъ отъ жажа исыхаеть. Жива ли себе помышлю? Нъ не тькмо въстати съ одра, нъ ни подвигнути себе не могу: нозѣ имѣю непоступьнѣ (парализованы), руцѣ же не тъчію бездѣлнѣ (неспособны къ дѣятельности), нъ ни осязати себе тѣма съвладѣю: непогребенъ мьртвьць разумѣюся, и одръ сь гробъ ми есть; мьртвъ есмь въ живыхъ, и живъ есмь въ мьртвыхъ; ибо яко живъ питаюся, и якоже мьртвъ не дѣлаю. Мучимъ же есмь акы въ адѣ бестудіемъ (поруганіемъ) поносящихъ ми: смѣхъ бо есмь уношамъ (юношамъ), укаряющимъся мною, и старцемъ же лежю притъча къ наказанію; мною вси глумяться, азъ же сугубо стражю. Утрьуду (внутри) болѣзнь клѣщить (мучитъ) мя, вънѣуду (снаружи) досадами укоризьникъ стужаю си: отъ всѣхъ бо пльваніе слинъ (слюней) покрываеть мя. Двое сѣтованіе объдержить ми (двумъ страданіямъ подверженъ я), гладъ паче недуга преодаляеть ми: аще бо и брашно обрящю, нъ въ уста рукою въложити его не могу; всѣмъ молюся, дабы мя кто накърмилъ, и бываеть дѣлимъ мой бѣдный укрухъ (ломоть) съ питающими мя. Стоню съ сльзами, томимъ бо лѣзнію недуга моего, и никтоже придеть посѣтить мене: единъ зло стражю, ни кымь же видимъ. Егда же останъци трапезъ богобойныхъ (богобоязненныхъ) людій принесени будуть сдѣ, скоро притекуть приставьници овчая купѣли, и не тако пси Лазо-

ревы облизаху струпы, якоже си моя помилованія (подаянія) пожирають; не имѣю же ни имѣнія, да бых̆ си единого умьздилъ (вознаградилъ) о мнѣ пекущася человѣка, яко злѣ расточихъ даное ми въ раи богатьство, и змьемь въ Едемѣ украдена ми бысть чистоты одежа, и сдѣ лежю нагъ Божія покрова; не имамъ человѣка, иже бы не гнушаяся послужилъ ми. Енохъ и Илія не обрѣтостася на земли: възята бо быста на колесьници огньнѣ и пребываета, идѣже Богъ вѣсть; Аврамъ съ Іовомъ, мало послуживша мнѣ подобнымъ, преставистася въ бесконьчьную жизнь. Господи! Человѣка не имамъ вѣрна къ Богу: Моиси боговидѣць и законодавѣць, послѣже съгрѣши къ Богу, и не вниде въ землю обѣтованую. Соломонъ премудрый, трикраты съ Богомъ бесѣдовавъ, на старость прирази (согрѣшилъ) къ Богу и, женами прельстивъся, погыбе. Господи! Человѣка не имамъ, въложаща мя въ купѣль; вси бо уклонишася и неключими быша, и нѣсть творящаго блага, нѣсть ни единого, и не разумѣють вси творящеи безаконіе".

Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ разслабленному:

„Что глаголеши: человѣка не имамъ? Азъ тебе ради человѣкъ бых̆ъ, щедръ и милостивъ, не сългавъ (не нарушивъ) обѣта моего въчеловѣченія; слышалъ бо еси пророка глаголюща: яко отроча родиться, сынъ Вышняго, и данъ бысть намъ, и тъ болѣзни и недуги наша понесеть. Тебе ради горьняго царства скипетры оставль, нижьнимъ служа, объхожю: не придохъ бо, да ми послужать, нъ да послужю. Тебе ради, бесплътьнъ сы, плътію обложихъся, да всѣхъ душевныя и тѣлесныя недуги ицѣлю. Тебе ради, невидимъ сы ангельскымъ силамъ, всѣмъ человѣкомъ явихъся: не хощю бо моего образа въ тлѣніи презьрѣти лежаща (потому что не хочу, чтобы тѣлесный образъ мой лежалъ въ тлѣніи), нъ хощю и (его) спасти и въ разумъ истиньный принести, и глаголеши: человѣка не имамъ! Азъ бых̆ъ человѣкъ, да Богомь человѣка сътворю; рѣхъ бо: бози будуть и сынове Вышняго вси, и кто инъ мене вѣрнѣй служай тобѣ? Тобѣ всю тварь на работу створихъ; небо и земля тобѣ служита, ѻно (т.-е. небо) влагою, а си (т.-е. земля) плодомъ; тебе ради солнце свѣтомь и теплотою служить, и луна съ звѣздами нощь обѣляеть; тебѣ дѣля облаци дъждьмь землю напаяють, и земля всяку траву сѣмениту и древа плодовитая на твою служьбу въздращаеть; тебѣ ради рѣкы носять, и пустыни звѣри питаеть, и глаголеши: человѣка не имамъ!..

Азъ есмь животьное озеро (озеро жизни), и се породьный (райскій) источникъ отъ устъ моихъ на тя изливаю; а ты овчая купѣли жадаеши, помалѣ пресъхнути хотяща (которая скоро пересохнетъ). Въстани, възьми одръ свой, да слышить мя Адамъ, и обновиться ныня съ тобою отъ истьлѣнія; въ тобѣ бо пьрваго преступленія Евьжину клятву исцѣляю (въ тебѣ исцѣляю проклятіе, положенное на Еву за первородный грѣхъ). Лазоря, уже раскысѣвъша въ гробѣ и четыри дни имуща въ мьртвыхъ, словомь жива створихъ; и тобѣ ныня глаголю: въстани, и възьми одръ свой, и иди въ домъ свой".

Исцѣленный разслабленный обращается съ обличительной рѣчью къ евреямъ, укорявшимъ его за то, что онъ взялъ свой одръ въ субботу. Въ концѣ „Слова" ораторъ даетъ краткое наставленіе присутствующимъ, обративъ къ нимъ рѣчь Христа къ разслабленному.

6) **„Слово на недѣлю шестую по Пасцѣ"**. „Слово на недѣлю шестую" (о слѣпомъ) начинается изложеніемъ исторіи праздника, затѣмъ слѣдуетъ прославленіе неизреченной милости и человѣколюбія Бога, изображается ослѣпленіе евреевъ относительно Христа, размышленіе евреевъ о томъ, что сдѣлать съ Христомъ, передается обличительная противъ евреевъ рѣчь прозрѣвшаго слѣпого. Въ заключеніе ораторъ воздаетъ прозрѣвшему похвалу.

7) **„Слово на Вознесеніе Господне"**. Въ „Словѣ на Вознесеніе Господне" изображается картина вознесенія Христа на небо. Ораторъ приглашаетъ слушателей на Елеонскую гору.

„На ту бо гору самъ Христосъ Богъ нашь днесь пришелъ есть, и всѣхъ святыхъ чинове тамо събрашася: праотечьстіи събори, патріаршьское множество, пророчьстіи полци, апостольстіи ликове, вѣрныхъ толпы, съ семьдесятными Христовы ученикы"!..

„Тамо бо ангельскыя силы и архангельская воиньства: ови облакы крилы вѣтрьними приносять на възятіе отъ земля Христа Бога нашего, друзіи же престолъ херовимьскый готовять; Богъ Отець жидеть (ждетъ), егоже преже имѣ въ ядрѣхъ (на лонѣ) съ собою; Духъ же Святый велить всѣмъ ангеломъ его: възмѣтѣ врата небесная, да вънидеть царь славы! Небеса веселяться, своя украшающе свѣтила, да благословяться отъ своего Творца, съ плътію сквозѣ тѣхъ врата на облацѣхъ възносима; земля радуеться, видящи на себе Бога явьственно

ходяща, и вся тварь красуеться, отъ Елеоньскыя горы просвѣщаема, яко на той ангели съ святыми апостолы, по повелѣнію Бога Отца, съвъкупишася ожидающе Сыновьня пришествія. Тѣмъ сій праздьникъ паче инѣхъ чьстьнѣй (важнѣе) бысть намъ, и си гора святѣйши есть Синайскыя горы. На ону бо невидимо съниде, а на сей явьствьно ся показа; на Синайскую бо съшьдъ, вся устрашаше, зане гора вся горяше огньмь, молнія же и громи приступающая къ горѣ умьрщвяху, тъчью съ единѣмь Моисѣемь Богъ бесѣдоваше; а на Елеоньскую съ тьмами святыхъ въшьдъ Христосъ, вся освящаеть и вся утѣшаеть. Свьтить бо ся Елеонъ, яко солнце, святыхъ чины съ Христосъмь на собѣ имѣя, и за оны громы и мълнія пророчьстіи слышатся гласи (вмѣсто громовъ и молній слышатся пророческіе гласы), яже радостьно ликъствують глаголюще: възнесися силою твоею, Боже, поемъ и въспоемъ силы твоя. Ангели вся поущають (призываютъ) глаголюще: въскликнѣте Богу вся земля, пойте же имени его; патріарси начинають пѣснь: се Богъ нашь възноситься, смиривъ обоя (т.-е. небесныя и земныя) въ едино, и съвъкупивъ земная съ небесными; преподобніи възглашають: възнесися на небеса, Боже, по всей земли слава твоя; праведници велегласують: възнесися судяй земли, да и мы въ свѣтѣ лица твоего, Господи, пойдемъ... Туже бѣ и язычьская церквы, уневѣстивъшіяся Христу, и того ныня възносима на небеса зрящи скърбить, и стонющи отъ сердца съ Соломономъ въпіеть: уязвена есмь азъ любовію твоею, женише небесный, не трудихъся въ слѣдъ тебе и дни человѣка не възлюбихъ. И акы проводящи любимаго въпіеть: да цѣлуеть мя отъ лобъзанія устъ его; съ нею же и апостольскый ликъ, зряще на своего учителя и Господа, акы чада церковьная, жалостьно глаголаху: Владыко! Неостави насъ сиръ, ихъ же волею възлюбилъ еси, яко милостивъ, нъ посъли, яко же обѣщалъ еси намъ, твой Пресвятый Духъ. Къ нимъ же отвѣща Ісусъ милостію утѣшая: сядѣте въ Іерусалимѣ, азъ бо въсхожю къ Отцю моему и Богу вашему и посълю, яко обѣщахъ вамъ, иного Параклита (Утѣшителя, ходатая), Духа моего и Отча. И въздвигъ руцѣ, благослови я. И се рекъ възношашеся на небо“...

Небесные вратари не хотятъ открыть передъ Христомъ, какъ передъ человѣкомъ, небесныхъ воротъ, но по гласу Божію узнаютъ въ Христѣ сошедшаго на землю Бога. Духъ Св. исходитъ на встрѣчу восходящему Христу, и Отецъ сажаетъ Христа

на престолъ одесную Себя. Въ концѣ „Слова“ ораторъ приглашаетъ слушателей возрадоваться Господу, взошедшему на небеса.

8) „Слово на седьмую недѣлю по Пасцѣ“. Въ „Словѣ на седьмую недѣлю“ (свв. Отецъ) излагается исторія перваго вселенскаго собора, отчасти въ повѣствовательной формѣ, отчасти въ драматической, какъ, напр., пренія Арія съ отцами собора. Затѣмъ идетъ похвала отцамъ собора и вообще свв. отцамъ, стоявшимъ за вѣру.

Съ историко-литературной точки зрѣнія особенный интересъ въ этомъ „Словѣ“ представляетъ его начало, заключающее въ себѣ драгоцѣнное указаніе на существованіе въ древней Руси профессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ.

„Якоже историцы и вѣтіа (витіи), рекше (т.-е) лѣтописци и пѣснотворци, приклоняють своа слухы въ бывшаа между царей рати и ополченіа, да украсять словесы слышащая и възвеличять крѣпко храбровавшая и мужествовавшая по своемъ цари, и не давшихъ въ брани плещи врагомь, и тѣхъ славяще похвалами вѣнчаеть,—то колми паче намъ лѣпо есть и хвалу къ хвалѣ приложити храбрымь и великымь воеводамъ Божіимь, крѣпко подвизавшимся по Сынѣ Божіи, своемь царѣ, Господѣ нашемь Іисусѣ Христѣ“.

249. Содержаніе „Поученій“ Кирилла Туровскаго. Содержаніе „Поученій“, приписываемыхъ Кириллу Туровскому, слѣдующее.

1) „Притча о души человѣчестѣй и тѣлеси“. Поученіе, носящее длинное заглавіе: „Притча о души человѣчестѣй и тѣлеси и о преступленіи Божіи заповѣди и о воскресеніи тѣлесъ человѣческихъ и о будущемъ судѣ и муцѣ“, изложено въ формѣ притчи о хромомъ и слѣпомъ.

Одинъ домовитый человѣкъ насадилъ виноградникъ. Онъ окружилъ его стѣной, сдѣлалъ ворота и приставилъ къ нимъ двухъ сторожей: одного хромого, другого слѣпого. Поручая стеречь садъ такимъ сторожамъ, хозяинъ руководился слѣдующими соображеніями: хромой, лишенный ногъ, не войдетъ въ садъ, а слѣпой, если и войдетъ, то заблудится и попадетъ въ находившуюся тамъ пропасть; съ другой стороны, оба вмѣстѣ окажутся хорошими сторожами: хромой увидитъ приближающихся воровъ, а слѣпой услышитъ ихъ. Разсчеты хозяина одноко не оправдались: слѣпой посадилъ на себя хромого, который указывалъ первому

дорогу въ садъ; они пробрались въ виноградникъ и ограбили хозяина. Смыслъ этой притчи таковъ: домовитый человѣкъ, насадившій виноградникъ,—Богъ, насадившій рай и отдавшій его на храненіе человѣку; хромой—это тѣло человѣческое, а слѣпой—душа; душа и тѣло грѣшатъ не въ отдѣльности другъ отъ друга, а вмѣстѣ.

Эта притча не была оригинальнымъ произведеніемъ Кирилла: въ старинныхъ прологахъ она встрѣчается подъ 28 сентября. Повидимому, она — продуктъ древняго творчества, потому что встрѣчается въ „Талмудѣ“ и въ сказкахъ „Тысяча и одна ночь“. Въ какой степени эта притча была популярна, видно изъ того, что ея сюжетъ проникъ и въ наше устное творчество, а именно въ былину о двухъ братьяхъ Ливикахъ и въ сказку о хромомъ и слѣпомъ богатырѣ. И въ томъ и въ другомъ произведеніи изображается безглазый, несущій на себѣ хромого.

2) **„Сказаніе о черноризчествѣ чину отъ ветхаго закона и новаго“.** Въ этомъ сказаніи Кириллъ изображаетъ въ символическихъ образахъ основныя черты иноческой жизни.

Иноки уподобляются Кирилломъ ветхозавѣтнымъ агнцамъ, которые закалались на Пасху; иноки принесли себя въ жертву Богу и, подобно агнцамъ, они должны быть безъ порока. Основная обязанность инока — полное самоотверженіе. „Ты, какъ свѣча, воленъ въ себѣ до церковныхъ дверей; а потомъ не смотри, какъ и что изъ тебя сдѣлаютъ. Ты, какъ одежда, знай себя до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ тебя въ руки, а потомъ не заботься, если разорвутъ тебя и на тряпки. Имѣй свою волю только до вступленія въ монастырь“. Далѣе дается символическое толкованіе монашескимъ одеждамъ (рясы, пояса, обуви), обѣтамъ и обрядамъ. Любопытно толкованіе, какое Кириллъ даетъ монашескому гуменцу (католической тонсурѣ, которая въ древности была и у нашего духовенства) и которое, вѣроятно, было почерпнуто имъ изъ какого-нибудь апокрифа. Израильтяне, говоритъ Кириллъ, покидая Египетъ, успѣли захватить съ собою только тѣсто въ квашнѣ. Дорогой они выдѣлывали изъ тѣста лепешки; эти лепешки они клали на голову, чтобы лучи солнца высушили ихъ и сдѣлали годными для ѣды. Когда лепешки просохли, случилась бѣда: онѣ присохли къ головамъ такъ сильно, что пришлось отрывать ихъ вмѣстѣ съ волосами. Всѣ израильтяне оплѣшивѣли и въ такомъ

видѣ они странствовали по пустынѣ. Иноки, заключаетъ отсюда Кириллъ, подобны израильтянамъ, которые отыскивали по пустынѣ землю обѣтованную: поэтому надъ ними совершается при постриженіи гуменцо.

3) **„Притча о бѣлоризцѣ человѣцѣ“**. „Притча о бѣлоризцѣ человѣцѣ и о мнишьствѣ и о души и о покаяніи“ символически изображаетъ иноческое и мірское житіе.

Въ одномъ городѣ жилъ добрый и справедливый царь, который имѣлъ одинъ недостатокъ: онъ не заботился о военной защитѣ города. Дочь царя и его совѣтники тщетно старались исправить его отъ этого недостатка. Однажды ночью въ городѣ произошелъ мятежъ. Царь вышелъ къ народу со своими совѣтниками, но не могъ узнать причины волненія. Одинъ изъ совѣтниковъ царя повелъ его съ дочерью къ одной большой горѣ, въ которой была пещера, заключавшая въ себѣ множество оружія. Внутри пещеры царь увидѣлъ человѣка, одѣтаго въ рубище, а рядомъ съ нимъ прекрасную женщину, которая пѣла пѣсню. Передъ ними стоялъ на камнѣ юноша прекраснаго вида, который подносилъ бѣдняку сосудъ съ виномъ. Когда бѣднякъ принималъ сосудъ, его вѣнчали похвалами. Царь былъ пораженъ этимъ зрѣлищемъ. Онъ не могъ понять, какъ скрытый отъ всего міра человѣкъ могъ пользоваться такою честью и такимъ весельемъ. Смыслъ этой символической картины такой: городъ—это тѣло, царь—умъ, обладающій тѣломъ, люди—пять чувствъ, нерадѣніе—безпечное отношеніе къ своей душѣ, совѣтники—житейскіе помыслы, дочь — душа, ночь—волненіе сего свѣта, мятежъ — нечаянная напасть на человѣка, выходъ царя—смерть, большая гора—монастырь, множество оружія—иноческія добродѣтели, смотрѣніе въ отверстіе—слушаніе душеполезнаго чтенія, пещера—монастырская церковь, человѣкъ въ рубищѣ — инокъ, женщина — неотлучная смертная память, юноша—Христосъ и т. д.

Эта притча навѣяна была Кириллу знаменитымъ романомъ „О Варлаамѣ и Іоасафѣ“ (§ 127).

250. Особенности „Словъ“ и „Поученій“ Кирилла Туровскаго. „Слова“ и „Поученія“ Кирилла Туровскаго, какъ это и естественно было ожидать, не представляютъ ни по содержанію, ни по пріемамъ изложенія самобытнаго явленія въ русской литературѣ: Кириллъ Туровскій лишь талантливо воспроизводилъ, съ большею или меньшею самостоятель-

ностью, образцы византійскіе. Такъ, въ „Словѣ на новую недѣлю по Пасцѣ“ замѣтно большое сходство съ соотвѣтствующимъ же „Словомъ“ Григорія Богослова; въ „Словѣ на недѣлю Ваій“ есть не мало мѣстъ, сходныхъ съ „Словомъ“ на эту же недѣлю св. Прокла, арх. Константинопольскаго; рѣчь Іосифа аримаѳейскаго въ „Словѣ на третью недѣлю“ представляетъ воспроизведеніе части „Слова“ св. Епифанія Кипрскаго († 403) на погребеніе Христа; плачъ Богородицы въ этомъ „Словѣ“ Кирилла является подражаніемъ Симеону Метафрасту († 976), автору подобнаго же плача Богородицы. Широко пользовался Кириллъ въ своихъ „Словахъ“ и „Поученіяхъ“ ветхозавѣтными и новозавѣтными апокрифами.

Вліяніе византійской литературы на произведенія Кирилла Туровскаго сказалось не только въ содержаніи ихъ, но и въ выборѣ темъ. Основнымъ содержаніемъ „Словъ“ является исторія праздника, символическое толкованіе подробностей этой исторіи, похвала празднику. Такое содержаніе „Словъ“ у Кирилла Туровскаго было общее съ содержаніемъ византійскихъ словъ XII в. и обязано своимъ происхожденіемъ тому, что византійское духовенство, приспособившись къ прочно создавшимся общественно-политическимъ отношеніямъ, свело задачу проповѣди къ краснорѣчію на отвлеченныя церковныя темы, неспособныя раззадорить слушателей. Наше духовенство не могло подняться въ этомъ отношеніи выше своихъ образцовъ: моральная проповѣдь, которая обыкновенно связывается съ обличеніемъ безнравственныхъ дѣяній людей сильныхъ по богатству, положенію и власти, рисковала встрѣтить и встрѣчала энергичный отпоръ, угрожавшій жизни проповѣдника. Поведеніе преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, самыхъ выдающихся носителей нравственной силы въ княжеско-дружинной Руси, съ достаточной ясностью показало, что даже независимая часть нашего духовенства не имѣла въ себѣ достаточнаго запаса энергіи для поддержанія авторитета христіанской морали среди правящаго класса. Естественно, что проповѣдь морали, обличеніе пороковъ становились у насъ опасными, и даже митрополитъ Никифоръ, отваживаясь на такого рода проповѣдь, долженъ былъ дѣлать рядъ оговорокъ, чтобы не навлечь на себя гнѣва сильныхъ міра сего (§ 231). Вслѣдствіе этого даровитые и краснорѣчивые ораторы, вольно и невольно, склонялись къ темамъ безопаснымъ, такимъ,

которыя позволили бы оратору обнаружить во всемъ блескѣ свои ораторскія способности.

Основные пріемы ораторскаго искусства, употребляемые въ „Словахъ“ Кирилла Туровскаго, — слѣдующіе: 1) драматизмъ изображенія событій, 2) антитеза, 3) олицетвореніе отвлеченныхъ понятій и 4) символизмъ.

1) Драматизмъ изображенія событій. Кириллъ Туровскій, обладавшій, помимо ораторскаго таланта, поэтическими способностями, часто въ своихъ „Словахъ“ передаетъ событія въ живой драматической формѣ: а) онъ рисуетъ событіе какъ бы происходящимъ теперь, въ тотъ именно моментъ, когда авторъ ведетъ свою рѣчь; б) онъ заставляетъ дѣйствующихъ лицъ вести между собою пространные діалоги.

а) Изображеніе событія происходящимъ теперь. Первый пріемъ драматизаціи — изображеніе библейскаго событія какъ бы происходящимъ теперь, въ моментъ произнесенія рѣчи,— чрезвычайно любопытенъ и для характеристики міровоззрѣнія самого Кирилла Туровскаго, и по своему вліянію на міровоззрѣніе русскаго человѣка вообще. Этотъ пріемъ Кириллъ вводитъ въ свои „Слова“ при помощи словъ „нынѣ“ и „днесь“. Такъ, въ „Словѣ на недѣлю Ваій“ Кириллъ такъ говоритъ: „Днесь горы и холми точатъ сладость; удоліа и поля плоды Богови приносять. Горніи въспѣваютъ, а преисподніи рыдаютъ. Ангели дивятся, видяще на земли невидимаго на небесѣхъ и на жребяти сѣдящаго—сущаго на престолѣ херувимстѣ, обступаема народы—неприступнаго небеснымъ силамъ“. Въ „Словѣ на новую недѣлю по Пасцѣ“, которое произносилось весною, Кириллъ говорилъ: „Нынѣ солнце красуяся къ высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣваеть: възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаеть“. Въ „Словѣ на Вознесеніе“ Кириллъ говоритъ, что на гору Елеонскую „самъ Христосъ Богъ нашь днесь пришелъ“, и собрались чины всѣхъ святыхъ: соборы праотцевъ, множество патріарховъ, пророческихъ полковъ, апостольскихъ ликовъ, толпы вѣрныхъ съ семидесятью учениками Христа; нынѣ тамъ собираются ангельскія силы, архангельскія воинства и т. д.

Такая драматизація не была простымъ пріемомъ изображенія: она порождалась византійскимъ мистицизмомъ (§ 23), съ точки зрѣнія котораго между событіями библейскими и явленіями природы и жизни существуетъ непрерывная таин-

ственная связь. Слушатели Кирилла, проникнутые еще древнерусскимъ анимизмомъ, вѣрой въ таинственное общеніе природы и жизни съ сверхъестественными существами, выносили изъ его „Словъ“ убѣжденіе, что въ самомъ дѣлѣ событія, изображаемыя Кирилломъ, происходятъ, или, точнѣе, повторяются въ тѣ дни, когда они празднуются. Это убѣжденіе русскихъ слушателей отразилось впослѣдствіи въ устномъ творчествѣ и на міровоззрѣніи русскаго человѣка вообще. Простой народъ до сихъ поръ убѣжденъ, что въ извѣстные праздники повторяются на всей землѣ связанныя съ ними библейскія событія. Такъ, напр., во время Святокъ Христосъ является на землю и ходитъ по домамъ; въ Крещеніе вода колышется и т. д.

б) Діалоги дѣйствующихъ лицъ. Другой пріемъ драматизаціи — діалоги дѣйствующихъ лицъ. Примѣромъ могутъ послужить, кромѣ діалога между разслабленнымъ и Христомъ (§ 248), діалогъ между Христомъ и Ѳомой изъ „Слова на новую недѣлю по Пасцѣ“.

Христосъ говоритъ Ѳомѣ:

„Подай руку твою и смотри прободеніе ребръ моихъ и вѣруй, что Я самъ есмь. И прежде патріархи и пророки разумѣли и вѣрили моему вочеловѣченію... Осязай меня, что Я самъ есмь, какъ прежде осязалъ Симеонъ и вѣрою просилъ отпущенія съ миромъ. И не будь невѣренъ, какъ Иродъ, который, услышавъ о моемъ рожденіи, говорилъ волхвамъ: гдѣ Христосъ рождается, я поклонюся ему, а въ сердцѣ своемъ замышлялъ убить Меня... Дай перстъ твой и посмотри на руки Мои, которыми я отверзъ очи слѣпымъ, глухимъ даровалъ слухъ, а нѣмыхъ сдѣлалъ способными говорить; посмотри на ноги мои, которыми я по морю ходилъ передъ вами и явственно ступалъ по воздуху, сходилъ въ преисподнюю и, поправъ ими адъ, шелъ съ Клеопою и Лукою до Эммауса, и не будь невѣренъ, но вѣренъ“.

Ѳома отвѣчаетъ Христу:

„Вѣрую, Господи, что ты еси Христосъ, Богъ мой, о которомъ писали, провидя духомъ, пророки, котораго прообразилъ въ законѣ Моисей, кого отверглись фарисеи съ жрецами, кому поругались евреи съ книжниками, кого осудилъ на распятіе Пилатъ съ Каіафою, но кого Богъ Отецъ воскресилъ изъ мертвыхъ. Вижу ребра, изъ которыхъ Ты источилъ воду и кровь,—воду, чтобы очистить осквернившуюся

землю, — кровь, чтобы освятить естество человѣческое. Вижу руки твои, которыми ты сотворилъ всю тварь, насадилъ рай и создалъ человѣка, которыми благословилъ патріарховъ, которыми помазалъ царей, которыми освятилъ апостоловъ. Вижу ноги твои, прикоснувшись къ коимъ, грѣшница получила отпущеніе грѣховъ, припавши къ коимъ, вдовица мертваго сына своего приняла живымъ, съ душою; при сихъ ногахъ кровоточивая, прикоснувшись края ризъ, исцѣлилась отъ недуга. И я, Господи, вѣрую, что ты еси Богъ".

Христосъ снова говоритъ Ѳомѣ:

„Ты видѣлъ меня и увѣровалъ; но блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе".

2) **Олицетвореніе отвлеченныхъ понятій.** Этотъ пріемъ состоитъ въ томъ, что отвлеченныя понятія представляются, какъ живыя существа. Такъ, напр., въ „Словѣ на Вознесеніе" олицетворяется языческая церковь, которая представлена присутствующей при вознесеніи: „Тутъ же находилась и языческая церковь, уневѣстившаяся Христу; видя Христа, вознесшагося на небо, она скорбитъ, стонетъ сердцемъ и вопіетъ словами Соломона: уязвена есмь азъ любовью твоею, женише небесный". Въ „Словѣ на новую недѣлю по Пасцѣ" Кириллъ говоритъ о „недѣлѣ" (т.-е. о воскресеніи), какъ о „царицѣ дней". Такое олицетвореніе должно было порождать въ душѣ слушателей, еще проникнутыхъ анимистическимъ міровоззрѣніемъ, убѣжденіе въ томъ, что недѣля — это есть живое сверхъестественное существо, подобное тѣмъ богамъ, отъ вѣры въ которыхъ они еще не отрѣшились.

3) **Антитеза.** Антитезой называется ораторскій пріемъ противоположенія одного предмета другому, одного дѣйствія другому и т. д. Въ „Словѣ на Пасху" Кириллъ говоритъ: „Предъ вчерашнимъ днемъ Іисусъ Христосъ, какъ человѣкъ, былъ распятъ, а какъ Богъ, помрачилъ солнце, луну въ кровь преложилъ, и тьма сдѣлалась по всей землѣ; какъ человѣкъ возопивъ, испустилъ духъ, но какъ Богъ, поколебалъ землю, и камни распались; какъ человѣкъ, былъ прободенъ въ ребра, но какъ Богъ, разодралъ завѣсу перваго закона; какъ агнецъ. источилъ кровь съ водою на мѣсто крови агнцевъ, закалавшихся прежде на жертву, но собою принесъ жертву Богу Отцу за спасеніе міра; какъ человѣкъ, былъ положенъ во гробѣ, но какъ Богъ, освятилъ алтарь языческой церкви".

4) **Символизмъ.** Символизмъ, встрѣчающійся у Кирилла Туровскаго,—троякаго рода: а) символическое толкованіе явленій природы, б) символическое толкованіе св. Писанія и в) символическое толкованіе обрядовъ.

а) Символическое толкованіе явленій природы. Подъ символизмомъ природы разумѣется особый пріемъ мысли, состоящій въ томъ, что процессы, явленія и предметы природы понимаются, какъ отраженіе высшаго духовнаго міра. Такъ, въ „Словѣ на новую недѣлю“ обновленіе природы весною изображается, какъ символъ обновленія человѣческой природы христіанскою вѣрою. Каждое явленіе въ природѣ символизируетъ что-нибудь въ царствѣ благодати. Небеса—апостолы, солнце—Христосъ; луна, исчезающая при солнцѣ,—ветхій законъ, уступающій Евангелію; зима, которую смѣнила весна,—время невѣрія, грѣха и смерти; весна—вѣра христіанская, возрождающая человѣческую природу отъ грѣха и смерти; бурные вѣтры—грѣховные помыслы; земля—человѣческая природа; сѣмя, выростающее въ землѣ,—слово Божіе, приносящее плоды добродѣтели въ душахъ вѣрующихъ; весело скачущіе агнцы—кроткіе отъ языкъ люди; деревья, производящія вѣтви, цвѣты и плоды,—вѣрующіе, приносящіе плоды вѣры; пахари, проводящіе борозды и бросающіе сѣмена,—пастыри церкви, сѣющіе слово Божіе; разлившіяся рѣки—распространяющееся повсюду ученіе Христа; трудолюбивыя пчелы, удивляющія своею мудростью—монашеское житіе; доброгласныя птицы—веселящіеся лики церковныхъ пѣснопѣвцевъ.

б) Символическое толкованіе св. Писанія. Символическое толкованіе св. Писанія, столь характерное для византійскихъ богослововъ (§ 23), имѣетъ мѣсто и въ „Словахъ“ Кирилла Туровскаго. Такъ, разсказывая въ „Словѣ на Пасху“ о посѣщеніи апостолами Петромъ и Іоанномъ гроба Господня, Кириллъ говоритъ, что Іоаннъ, хотя и вышелъ раньше Петра, но, идя медленнѣе послѣдняго, пришелъ ко гробу позже Петра; Іоаннъ, толкуетъ Кириллъ, есть символъ, или прообразъ, ветхаго завѣта, который долженъ уступить мѣсто новому завѣту, символомъ котораго является Петръ. Въ „Словѣ на недѣлю Ваій“, разсказавъ о торжественномъ шествіи Христа въ Іерусалимъ, Кириллъ даетъ слѣдующія символическія толкованія: жеребенокъ—увѣровавшіе язычники; ризы, постилаемыя по дорогѣ народомъ,—христіанскія добродѣтели; люди, срывающіе

вѣтви съ деревьевъ и бросающіе ихъ по пути Христа, — язычники; дѣти — монахи; кричавшіе „Осанна въ вышнихъ“ — апостолы и пророки. Въ „Словѣ на четвертую недѣлю“ Кириллъ объясняетъ овчую купель, какъ символъ крещенія.

в) Символическое толкованіе обрядовъ. Образчикъ такого толкованія обряда гуменца находится въ „Сказаніи о черноризчествѣмъ чину“ (§ 249).

5) **Притчи.** Наконецъ, Кириллъ прибѣгалъ и къ древне-восточному пріему изображенія — къ притчамъ. Примѣры — въ „Поученіяхъ“ (§ 249).

Перечисленныя особенности сочиненій Кирилла Туровскаго дѣлали ихъ недоступными для широкой массы слушателей и читателей. Слушателями его могла быть только небольшая группа лицъ, состоявшая изъ наиболѣе образованной части княжеско-дружинной аристократіи, да и эта группа многое въ „Словахъ“ и „Поученіяхъ“ Кирилла понимала превратно, а кое-чего и совсѣмъ не понимала.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Черниговская литература.

251. О Черниговской области. Черниговская область, простиравшаяся къ сѣверу отъ Переяславской, расположена по Деснѣ, лѣвому притоку Днѣпра, и по верхнему теченію Оки. Центромъ этой области былъ городъ Черниговъ на рѣкѣ Деснѣ. Послѣ смерти Ярослава М. († 1054) Черниговская область достается его сыну Святославу. Когда Святославъ, отнявъ престолъ у Изяслава, сдѣлался кіевскимъ княземъ, Черниговъ перешелъ къ Всеволоду, отцу Владимира М. По смерти Святослава, съ переходомъ Всеволода въ Кіевъ, Черниговъ переходитъ къ Владимиру М., но не надолго: сынъ Святослава Олегъ, прозванный Гориславичемъ, вступаетъ съ Владимиромъ М. въ борьбу за свою отчину Черниговъ и завладѣваетъ имъ. Съ этого времени Черниговская область остается въ рукахъ Олега, его старшаго брата Давида и ихъ потомствъ (§ 166).

Съ теченіемъ времени изъ Черниговской области выдѣляется Новгородъ-Сѣверская область, занимавшая бассейнъ

средней части Десны. Центромъ ея былъ Новгородъ-Сѣверскъ, по Деснѣ. Изъ другихъ городовъ этой области выдавались Трубчевскъ на Деснѣ, Курскъ, Рыльскъ и Путивль, расположенные по Сейму.

Черниговскіе и новгородъ-сѣверскіе князья долгое время должны были держаться въ отношеніи къ кіевскимъ князьямъ Мономаховичамъ оборонительной политики. Этимъ объясняются двѣ особенности въ исторіи Чернигово-Сѣверской области первой половины XII в.: первая особенность—союзъ съ половцами противъ Мономаховичей, вторая особенность — солидарность чернигово-сѣверскихъ князей въ борьбѣ съ Мономаховичами и занятіе князьями Чернигова въ порядкѣ старшинства.

Когда въ семьѣ Мономаховичей начались раздоры, чернигово-сѣверскіе князья пользуются этимъ и начинаютъ изъявлять притязанія на кіевскій престолъ. Эти притязанія впервые осуществляются при сынѣ Олега, Всеволодѣ Ольговичѣ, который занимаетъ кіевскій престолъ (1139—1146). Братъ Всеволода Игорь, вступившій на кіевскій престолъ послѣ смерти Всеволода, былъ убитъ во время мятежа, происходившаго въ Кіевѣ († 1147).

Въ 1164 г. умираетъ послѣдній изъ сыновей Олега Святославъ, князь черниговскій. Старшинство переходитъ къ его племяннику Святославу Всеволодовичу († 1194), князю новгородъ-сѣверскому. Однако черниговскіе бояре вмѣстѣ съ вдовой князя тайкомъ приглашаютъ изъ Курска на черниговскій престолъ Олега стародубскаго, сына скончавшагося Святослава. Епископъ черниговскій Антоній извѣстилъ о происходившемъ Святослава Всеволодовича. Олегъ вынужденъ былъ признать старшинство Всеволода, который занялъ черниговскій престолъ. Олегъ получилъ Новгородъ-Сѣверскъ.

Въ 1180 г. скончался Олегъ, и его мѣсто заступилъ его братъ Игорь, одинъ изъ героевъ знаменитаго „Слова о полку Игоревѣ“.

Въ томъ же 1180 г. Святославъ Всеволодовичъ занялъ кіевскій престолъ и былъ кіевскимъ княземъ до своей смерти († 1194). Онъ извѣстенъ своими удачными походами на половцевъ. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ Святославъ Всеволодовичъ называется „великимъ“ и „грознымъ“.

Въ Чернигово-Сѣверской области происходило свое идейно-литературное творчество. Такъ, можно установить, что въ Черниговѣ велась своя лѣтопись (§ 206).

Черниговская литература до насъ не дошла, за исключеніемъ „Слова о князьяхъ“, которое считается черниговскимъ произведеніемъ.

„Слово о князьяхъ“.

(1175).

252. „Слово о князьяхъ“. „Слово о князьяхъ“ составлено было въ 1175 г. Поводомъ къ его составленію были слѣдующія обстоятельства.

Олегъ Святославичъ, вынужденный вмѣсто Чернигова занять Новгородъ-Сѣверскъ (§ 251), затаилъ противъ своего противника Святослава Всеволодовича вражду. Вражда эта усилилась послѣ того, какъ Святославъ нарушилъ свое обѣщаніе—надѣлить волостями братьевъ Олега—Игоря и Всеволода (героевъ „Слова о полку Игоревѣ“). Между Олегомъ и Святославомъ возникла усобица. Противники нѣсколько разъ мирились и скрѣпляли миръ крестнымъ цѣлованіемъ. Въ 1175 г. Олегъ нарушилъ клятву и возобновилъ междоусобіе. Повидимому, партія, звавшая Олега на черниговскій престолъ, продолжала работать въ пользу своего кандидата. Зная это, Святославъ, какъ думаютъ изслѣдователи, рѣшилъ прибѣгнуть къ особой мѣрѣ для воздѣйствія на своихъ противниковъ и на Олега. 2-го мая 1175 г., въ день перенесенія мощей свв. Бориса и Глѣба, въ черниговскомъ соборѣ св. Спаса собралось много молящихся, среди которыхъ, вѣроятно, были и приверженцы Олега. По порученію Святослава, епископъ (или какое-либо другое духовное лицо) выступилъ съ громовымъ словомъ, въ которомъ требуетъ отъ младшихъ князей повиновенія старшимъ и непослушнымъ угрожаетъ отлученіемъ отъ царства Божія.

„Слышите,—говоритъ ораторъ,—князи, противящеся старѣйшеи братьи и рать въздвижуще и поганыя на свою братію возводяще: не обличилъ ти есть Богъ на страшнѣмъ судищи. Како святый Борисъ и Глѣбъ претерпѣста брату своему не токмо отъятие власти, но отъятие живота. Вы же до слова брату стерпѣти не можете и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете [1]), помощь приемлете отъ поганыхъ на

[1]) Ораторъ намекаетъ на то, что Олегъ—не въ состояніи перенести отъ Святослава „малую обиду“, состоявшую въ томъ, что Святославъ не надѣлилъ его братьевъ землей.

свою братію". Нѣкогда израильтяне, передъ нашествіемъ халдеевъ, послали за помощью къ фараону египетскому. Тогда Богъ послалъ израильтянамъ пророка, который объявилъ имъ слѣдующее: за то, что они возлагаютъ свои упованія не на Бога, а на египтянъ, Богъ отведетъ отъ нихъ халдеевъ, но предастъ ихъ въ руки египтянъ. Такъ и случилось.

„Познайте, князи, свое величество и свою честь. Князя дѣда имате святаго Володимера, приведъша къ Богу тысяща тысящами и тмы тмами душь праведныхъ, каку братію имате сиа великыя чюдотворца Бориса и Глѣба. Сима поревнуйте, сею образъ имѣйте, сима накажетеся (у нихъ поучайтесь). Аще ли сотона коли вражду ввержеть между братьею, да помянеть сею святою, како смерть улюбита паче пріяти, нежели вражду удержати; и то кто претерьпить и миръ преже начнеть, то сима отъ Бога равну мъзду прииметь".

Чтобы еще нагляднѣе изобразить необходимость послушанія старшимъ княьзямъ, ораторъ излагаетъ слѣдующую притчу.

Въ Черниговѣ княжилъ Давидъ Святославичъ. Этотъ Давидъ ни съ кѣмъ не имѣлъ вражды; если кто на него воздвигалъ рать, онъ „покорениемъ своимъ рать уставляше" (прекращалъ). Если кто изъ братіи творилъ на Давида кривду, онъ „все на собѣ притираше". Если Давидъ кому-либо крестъ цѣловалъ, онъ во всю свою жизнь не нарушалъ клятвы. „Братья же его, видяще тако суща, вси слушахуть его, яко отца и покоряются ему, яко господину". Княженіе Давида протекло въ великой тишинѣ. Когда приблизилось время кончины Давида, епископъ Ѳеоктистъ, увидя, что князь уже хочетъ преставиться, велѣлъ пѣть канонъ кресту. Вдругъ верхъ терема, въ которомъ лежалъ князь, раздвинулся, влетѣлъ голубь и сѣлъ ему „на грудехъ". Всѣ ужаснулись. Князь испустилъ душу, голубь сталъ невидимъ, и комната наполнилась „благыа воня". Тѣло князя понесли „въ Спасъ святый долго по вечернѣ". Появилась звѣзда, которая стала надъ крестомъ. Отсюда тѣло князя понесли въ церковь Бориса и Глѣба: „звѣзда же отъ Спаса преступи надъ мученическую церковь". Приблизилось время захода солнца, а гробъ еще не былъ готовъ. Епископъ сказалъ: „Се уже солнце заходить; заутра похоронимъ и" (его). Между тѣмъ солнце не заходило, а остановилось на одномъ мѣстѣ. Епископъ удивился и похвалилъ Бога. Когда гробъ былъ готовъ и тѣло князя положили въ него, солнце зашло.

Такъ Богъ прославляетъ своихъ угодниковъ.

Многіе говорятъ, что исполнять заповѣди Божіи можетъ только тотъ, кто не имѣетъ семьи: „съ женою и съ чады своими не можемъ спастися“. Но князь Давидъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей.

„Постыдитеся враждующи на братію свою и на единовѣрники своя, въстрепещете, въсплачете предъ Богомъ, паки славы отпадаете за едино злопомнение“.

Таково содержаніе „Слова о князьяхъ“.

„Слово“, надо думать, произвело впечатлѣніе на присутствовавшихъ въ храмѣ, и его содержаніе, вѣроятно, было доведено до свѣдѣнія Олега.

О томъ, что „Слово“ обратило на себя вниманіе современниковъ, можно заключить изъ того, что оно подвергалось ряду переработокъ: оно дошло до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Кіевская литература.

253. Кіевъ отъ половины XII до половины XIII вѣка. Уже при сыновьяхъ Владимира М. начинаются раздоры изъ-за Кіева. Борются другъ съ другомъ старшіе и младшіе Мономаховичи; съ Мономаховичами вступаютъ въ борьбу Ольговичи, князья черниговскіе. Къ половинѣ XII в. Кіевъ замѣтно ослабѣваетъ. Наоборотъ, мѣстные центры, особенно въ Ростово-Суздальской Руси, начинаютъ брать надъ нимъ перевѣсъ. Въ 1169 г. Кіевъ былъ взятъ войсками Андрея Боголюбскаго и повергнутъ страшному разграбленію. Съ этого времени онъ теряетъ значеніе главнаго центра Русской земли. Онъ переходитъ изъ рукъ въ руки второстепенныхъ князей, признающихъ надъ собою верховную власть ростово-суздальскихъ князей. Въ 1180 г. Кіевомъ завладѣваетъ Святославъ Всеволодовичъ, внукъ Олега Гориславича, и правитъ имъ до своей смерти (1194). Въ 1203 г. бывшій кіевскій князь Рюрикъ, лишеный престола Романомъ Волынскимъ, захватилъ въ союзѣ съ половцами Кіевъ и предалъ его еще болѣе ужасному разоренію, нежели то, которое постигло Кіевъ въ 1169 г. Въ 1240 г., когда подъ стѣнами Кіева явились татары, центръ

княжеско-дружинной Руси уже потерялъ всякое экономическое и политическое значеніе.

Идейно-литературное творчество въ Кіевской области съ средины XII вѣка продолжалось. Но оно уже не имѣло общерусскаго значенія.

Изъ произведеній мѣстнаго кіевскаго творчества до насъ дошли два — „Слово о полку Игоревѣ“ и „Кіевская лѣтопись“.

„Слово о полку Игоревѣ“.

(1187).

254. Свѣдѣнія о „Словѣ о полку Игоревѣ“. Замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ княжеско-дружиннаго литературнаго творчества является „Слово о плъку Игоревѣ, Игоря, сына Святославля, внука Ольгова“. Оно было открыто въ 1795 г. въ одной рукописи, принадлежавшей графу Мусину-Пушкину. Эта рукопись, относившаяся, повидимому, ко второй половинѣ XVI в., заключала въ себѣ, кромѣ „Слова о полку Игоревѣ“, рядъ другихъ произведеній, какъ, напр., „Сказаніе объ Индіи богатой“, „Синагрипъ, царь Адоровъ“ и др.

„Слово о полку Игоревѣ“ обратило на себя вниманіе тогдашнихъ любителей произведеній древней литературы. Для императрицы Екатерины II сдѣлана была копія съ этого произведенія, сохранившаяся до настоящаго времени. Въ 1800 г. гр. Мусинъ-Пушкинъ вмѣстѣ съ Бантышъ-Каменскимъ и Малиновскимъ издалъ по рукописи текстъ „Слова о полку Игоревѣ“, съ предисловіемъ о находкѣ рукописи, переводомъ, примѣчаніями и родословной таблицей князей, упоминаемыхъ въ произведеніи. Въ 1812 г., во время пожара Москвы, рукопись погибла. Съ того времени новой рукописи съ „Словомъ о полку Игоревѣ“ не было найдено, и приходится довольствоваться печатнымъ текстомъ 1800 г. и рукописной копіей, сдѣланной для Екатерины II. Въ эпоху открытія рукописи со „Словомъ о полку Игоревѣ“ палеографія (наука о древнихъ рукописяхъ) была еще несовершенна; поэтому и чтеніе древнихъ рукописей было еще затруднительнымъ. Многія слова рукописи были непоняты или прочитаны невѣрно. Это обстоятельство дѣлаетъ потерю рукописи „Слова о полку Игоревѣ“ невознаградимой.

Время появленія „Слова о полку Игоревѣ“ можно на основаніи данныхъ, имѣющихся въ самомъ произведеніи, опредѣлить совершенно точно.

Во-первыхъ, авторъ „Слова“ обращается къ галицкому князю Ярославу Осмомыслу, какъ къ живому еще князю [1]); но этотъ князь умеръ въ 1187 г.; слѣдовательно, „Слово о полку Игоревѣ“ не могло быть написано позже этого года.

Во-вторыхъ, изъ приведеннаго въ „Словѣ“ разговора двухъ половецкихъ хановъ — Гзака и Кончака — видно, что автору извѣстенъ фактъ возвращенія изъ половецкаго плѣна Владимира Игоревича [2]); Владиміръ Игоревичъ вернулся на родину въ 1187 г.; слѣдовательно, авторъ не могъ написать своего произведенія раньше 1187 г. Изъ этого слѣдуетъ, что „Слово о полку Игоревѣ“ было написано въ 1187 г.

255. Походъ Игоря на половцевъ. Предметомъ „Слова о полку Игоревѣ“ является неудачный походъ („полкъ“) новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 г. Этотъ походъ находился въ связи съ цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ обстоятельствъ.

Чтобы овладѣть своей отчиной, Олегъ прибѣгъ къ помощи половцевъ, враговъ Владимира М. Съ этого времени Черниговская область въ теченіе всего княжеско-дружиннаго періода русской исторіи остается въ рукахъ Ольговичей. Съ этого времени и почти до конца XII в. опредѣляется и политика Ольговичей: борьба съ Мономаховичами въ союзѣ съ половцами. Вслѣдствіе этого Ольговичи не принимали участія въ походахъ другихъ князей на половцевъ почти до конца XII вѣка.

---

[1]) „Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены (извыряя тяжести) чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, отворяеши Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святославлича!“

[2]) „Млъвитъ Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ (имѣется въ виду Игорь) къ гнѣзду летитъ, соколича (т.-е. Владимира, сына Игоря), растрѣляевѣ своими злачеными стрѣлами!“ Рече Кончакъ ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею!“ И рече Гзакъ Кончакови: „Аже его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птицы бити въ полѣ половецкомъ!“

Эти отношенія къ половцамъ нѣсколько мѣняются, когда Святославъ Всеволодовичъ занимаетъ кіевскій престолъ (1180). Какъ великій кіевскій князь, Святославъ Всеволодовичъ долженъ былъ продолжать осуществленіе одной изъ важнѣйшихъ задачъ этого княжества—борьбу съ кочевниками.

Вступивъ на престолъ, Святославъ Всеволодовичъ предпринялъ въ союзѣ съ другими князьями два большихъ похода противъ половцевъ (1183—1184). Походы были удачны: половцы потерпѣли пораженіе; русскимъ досталась богатая добыча и много плѣнныхъ, въ томъ числѣ ханъ половецкій Кобякъ. Игорь Святославичъ, князь новгородъ-сѣверскій, двоюродный братъ Святослава Всеволодовича, не принималъ участія ни въ первомъ, ни во второмъ походѣ: въ первый разъ изъ-за соперничества и ссоры, а во второй разъ изъ-за разлитія рѣкъ.

Удача Святослава Всеволодовича и бывшихъ съ нимъ князей возбудила зависть Игоря Святославича и вообще сѣверскихъ князей: „Развѣ мы уже не князья,—говорили они: добудемъ и мы такой же себѣ чести“. Игорь рѣшилъ, не предупредивъ Святослава, предпринять вмѣстѣ съ другими сѣверскими князьями самостоятельный походъ на половцевъ. Этотъ походъ, предпринятый въ 1185 г., описанъ кратко въ Лаврентьевскомъ сводѣ и подробно въ Ипатьевскомъ. На основаніи этихъ сводовъ походъ Игоря представляется въ слѣдующихъ чертахъ.

Игорь Святославичъ, согласившись со своимъ братомъ Всеволодомъ изъ Трубчевска, сыномъ Владимиромъ изъ Путивля и племянниковъ Святославомъ Ольговичемъ изъ Рыльска предпринять сообща походъ, выѣхалъ изъ Новгородъ-Сѣверска 23-го апрѣля 1185 г. по направленію къ р. Донцу, который былъ границей между русской и половецкой областями. Князья шли медленно, собирая по дорогѣ дружину. Братъ Игоря, Всеволодъ, шелъ изъ Курска особой дорогой и долженъ былъ соединиться съ Игоремъ у р. Оскола. 1-го мая Игорь Святославичъ достигъ рѣки Донца. Приближался вечеръ. Игорь взглянулъ на небо и увидѣлъ, что происходитъ солнечное затменіе (солнце стоитъ, точно мѣсяцъ). Игорь сказалъ боярамъ и дружинникамъ: „Посмотрите-ка, что это значитъ?“ Бояре и дружинники посмотрѣли на небо и опустили голову. „Князь,—сказали они Игорю,—не на добро это знаменіе“. Игорь возразилъ имъ: „Братья и дружина! Тайны Божіей никто не

знаетъ, а знаменію всякому и всему міру творецъ—Богъ; увидимъ, что сотворитъ намъ Богъ, на добро, или на зло наше". Рѣшивъ, что солнечное затменіе можетъ оказаться дурнымъ предзнаменованіемъ не для русскихъ, а для половцевъ, Игорь приказалъ переправиться черезъ Донецъ, а затѣмъ онъ пришелъ къ Осколу и здѣсь два дня дожидался своего брата Всеволода. Соединившись съ братомъ, Игорь направился къ рѣкѣ Сальницѣ. Здѣсь соглядатаи донесли, что половцы уже извѣщены о походѣ и готовы дать отпоръ; поэтому Игорю слѣ-

Родословная Святослава Ярославича.

Ярославъ Мудрый
(1019—1054).
|
Святославъ (черниговскій и кіевскій)
(† 1076).
|
Олегъ (Горославичъ)
(† 1115).
|
Всеволодъ († 1146). — Святославъ († 1164).

Святославъ кіевскій (1180—1194).

Олегъ († 1180). — **Игорь** († 1202). — **Всеволодъ** († 1196).

Святославъ (род. 1166).

Владимиръ (1170—1212).

дуетъ или поспѣшить напасть на половцевъ, или вернуться домой. Обсудивъ донесеніе соглядатаевъ, Игорь и князья рѣшили: „Если мы теперь, не бившись, возвратимся, то стыдъ намъ будетъ хуже смерти: поѣдемъ на милость Божію!" Князья продолжали путь. Они ѣхали всю ночь. Утромъ они прибыли къ р. Сюурлію. По ту сторону рѣки русскіе увидѣли половцевъ. Русскіе князья выстроили шесть полковъ: посерединѣ сталъ полкъ Игоря, по правую сторону—полкъ брата его Всеволода, по лѣвую—полкъ его племянника Святослава, впереди—полкъ его сына Владимира съ отрядомъ черниговскихъ ковуевъ (инородцевъ, находившихся въ русскомъ подданствѣ); впереди всѣхъ этимъ полковъ выдвинуты были стрѣльцы. Построились и половцы. Когда русскіе приблизились къ берегу, половецкіе стрѣлки пустили въ нихъ по стрѣлѣ и отступили къ своимъ полкамъ. Русскіе бросились переходить рѣку. Не успѣли они

переправиться на противоположный берегъ, какъ и остальные половцы бросились бѣжать. Передовой русскій отрядъ погнался за ними: многіе половцы были перебиты или захвачены въ плѣнъ; другіе покинули свои вежи, и русскіе заняли ихъ. Побѣда вскружила головы князьямъ. Они говорили: „Братья наши съ великимъ княземъ Святославомъ ходили на половцевъ и бились съ ними, озираясь на Переяславль: въ землю Половецкую они не смѣли войти; а мы теперь—въ самой землѣ Половецкой перебили поганыхъ, жены и дѣти ихъ—у насъ въ плѣну. Теперь пойдемъ на нихъ за Донъ и до конца истребимъ ихъ. Если тамъ побѣдимъ ихъ, то пойдемъ въ Лукоморье, куда и дѣды наши не хаживали, и возьмемъ до конца свою славу и честь". По возвращеніи передового отряда изъ погони Игорь предложилъ князьямъ продолжать движеніе на половцевъ, чтобы не дать имъ опомниться отъ перваго удара. „Богъ,—говорилъ Игорь,—далъ намъ побѣду, честь и славу. Мы видѣли полки половецкіе—много ихъ было; но всѣ ли они были собраны? Пойдемъ теперь въ ночь, а остальные пусть идутъ за нами завтра утромъ". Племянникъ Игоря, Святославъ Ольговичъ, возразилъ на это предложеніе: „Я далеко гнался за половцами и утомилъ лошадей. Если теперь опять поѣду, то рискую въ дорогѣ отстать". Святослава Ольговича поддержалъ его дядя Всеволодъ Святославичъ. Рѣшено было переночевать.

На другой день на разсвѣтѣ русскіе неожиданно увидѣли передъ собою половецкія полчища. Русскіе князья были поражены. „Сами мы собрали на себя всю землю Половецкую", сказалъ Игорь, и сталъ совѣтоваться съ князьями и боярами, какъ поступить. „Если мы побѣжимъ,—говорили князья,—то сами спасемся, а черныхъ людей оставимъ, и будетъ на насъ грѣхъ передъ Богомъ, что ихъ выдали; ужъ лучше, умремъ ли, живы ли останемся, всѣ—на одномъ мѣстѣ". Придя къ такому рѣшенію, русскіе сошли съ коней и пѣшіе начали битву, хотя вслѣдствіе отсутствія воды изнемогали отъ жажды. Весь день бились русскіе, бились ночь. Много русскихъ было ранено и убито. На разсвѣтѣ ковуи дрогнули и побѣжали. Игорь, раненный еще въ началѣ сраженія и потому сѣвшій на лошадь, поскакалъ за ковуями, чтобы вернуть ихъ, но тутъ былъ захваченъ половцами въ плѣнъ. Окруженный половцами, Игорь видѣлъ, какъ братъ его Всеволодъ отбивался отъ враговъ, и сталъ просить себѣ смерти, чтобы

не быть свидѣтелемъ гибели своего брата. Но Всеволодъ не былъ убитъ: онъ также попался въ плѣнъ. Русскіе потерпѣли страшное пораженіе: спаслось только человѣкъ пятнадцать.

Въ то время, какъ Игорь совершалъ свой походъ, Святославъ Всеволодовичъ кіевскій находился въ Карачевѣ (въ странѣ Вятичей) и собиралъ войска, чтобы предпринять продолжительный походъ на половцевъ. Возвращаясь изъ Карачева, Святославъ у Новгородъ-Сѣверска узналъ, что Игорь съ бритомъ пошли, не спросившись у него, въ походъ на половцевъ. Сильно разгнѣвался Святославъ Всеволодовичъ. Когда Святославъ приплылъ по Деснѣ въ Черниговъ, ему дали знать о пораженіи, понесенномъ Игоремъ. Святославъ былъ сильно огорченъ. Онъ заплакалъ и сказалъ: „Ахъ, любезные мои братья и сыновья и бояре земли Русской! Богъ далъ бы мнѣ притомить поганыхъ; но вы не сдержали молодости своей и отворили имъ ворота въ Русскую землю. Воля Господня да будетъ! Какъ прежде сердитъ я былъ на Игоря, такъ теперь мнѣ жаль его стало“. Не одинъ только Святославъ кіевскій былъ огорченъ несчастіемъ: поднялся плачъ въ Посемьѣ (область по рѣкѣ Сейму), въ Новгородъ-Сѣверскѣ, въ Черниговѣ по погибшимъ и попавшимъ въ плѣнъ; населеніе было въ отчаяніи. Зная, что половцы послѣ побѣды надъ Игоремъ низринутся на Русскую землю, Святославъ началъ поспѣшно собирать князей съ дружинами, чтобы дать половцамъ отпоръ.

Опасенія Святослава и населенія оправдались: поднялись всѣ половцы и рѣшили произвести на Русь опустошительный набѣгъ. Когда на половецкомъ совѣтѣ обсуждался вопросъ, гдѣ нанести русскимъ ударъ, между ханами Кончакомъ и Гзакомъ произошелъ споръ. Кончакъ предлагалъ: „Пойдемъ на Кіевскую сторону, гдѣ перебита наша братья и великій князь нашъ Бонякъ“; Гзакъ предлагалъ другое: „Пойдемъ на Сеймъ, гдѣ остались одни жены да дѣти: тамъ собранъ намъ готовый полонъ, и мы безъ всякой трудности возьмемъ русскіе города“. Половцы раздѣлились на двѣ партіи: Кончакъ пошелъ со своей ордой къ Переяславлю, а Гзакъ—къ Путивлю. Русскіе князья, сзываемые Святославомъ, собирались туго, причемъ между ними возникали всевозможныя ссоры и препирательства. Вслѣдствіе этого половцамъ удалось сжечь рядъ селеній, взять городъ Римовъ (Ромны) и съ богатой добычей вернуться въ степи.

Между тѣмъ Игорь жилъ въ плѣну. Половцы относились

къ нему съ большимъ почетомъ. Хотя при Игорѣ приставлена была стража изъ 20 человѣкъ, однако онъ пользовался довольно большой свободой: ему позволялось ѣздить на охоту, куда только пожелаетъ, при чемъ онъ могъ брать съ собою изъ своихъ слугъ человѣкъ пять-шесть; распоряженія и требованія Игоря исполнялись его стражами безпрекословно. Предполагая, что плѣнъ его продолжится долго, Игорь уже распорядился выписать ему священника. Но Богъ рѣшилъ иное. Среди половцевъ нашелся нѣкій Лаворъ, которому пришла мысль уйти въ Русскую землю. Лаворъ предложилъ Игорю бѣжать вмѣстѣ съ нимъ. Сначала Игорь отказался, съ одной стороны, не довѣряя Лавору, а съ другой—изъ чувства княжеской чести: „Я—говорилъ Игорь,—для славы не бѣжалъ во время боя отъ дружины, и теперь безславнымъ путемъ не пойду". Вмѣстѣ съ Игоремъ въ плѣну находились его конюшій и сынъ тысяцкаго. Оба умоляли князя принять предложеніе Лавора. Игорь медлилъ. Въ это время возвратились изъ-подъ Переяславля половцы. Думцы Игоря опять приступили къ нему, говоря: „У тебя, князь,—мысль высокая и Богу неугодная; ты все ждешь случая, какъ бы схватить Лавора и бѣжать съ нимъ, а о томъ не думаешь, какой слухъ идетъ: говорятъ, что половцы хотятъ перебить всѣхъ князей и всю Русь. Такъ не будетъ тебѣ ни славы, ни жизни". Изъ опасенія быть убитымъ Игорь рѣшился, наконецъ, принять предложеніе Лавора. Бѣжать нельзя было ни днемъ, ни ночью, такъ какъ за Игоремъ слѣдила стража, а только послѣ солнечнаго заката. Игорь черезъ своего конюшаго велѣлъ передать Лавору, чтобы тотъ переѣхалъ на ту сторону рѣки съ поводнымъ конемъ. Когда стемнѣло, половцы, по своему обыкновенію, напились кумыса. Пришелъ конюшій и сообщилъ Игорю, что Лаворъ готовъ. Съ трепетомъ поднялся Игорь, поклонился честному образу Спаса и молился: „Господи, сердцевѣдче! Спаси меня, недостойнаго". Надѣвъ на себя крестъ и икону, Игорь выползъ изъ своего шатра. Стража, полагая, что Игорь спитъ, веселилась, а Игорь былъ уже за рѣкой и мчался по степи. Черезъ одиннадцать дней бѣгства Игорь достигъ Донца. Отсюда онъ направился къ Новгородъ-Сѣверску. Затѣмъ Игорь побывалъ въ Черниговѣ. Наконецъ, онъ явился въ Кіевъ къ Святославу—просить у него помощи противъ половцевъ. Всѣ князья обрадовались возвращенію Игоря и обѣщали оказать ему помощь.

256. Содержаніе „Слова о полку Игоревѣ“. „Слово о полку Игоревѣ“ распадается на пять частей: 1) вступленіе, 2) походъ Игоря противъ половцевъ, 3) пѣснь о великомъ Святославѣ, 4) возвращеніе Игоря изъ плѣна и 5) заключеніе.

1) Вступленіе. Первая часть состоитъ изъ вступленія, въ которомъ, между прочимъ, характеризуется творческое дарованіе княжеско-дружиннаго пѣвца Бояна.

Въ началѣ своего „Слова“ авторъ выражаетъ свое колебаніе, какъ разработать свою тему—неудачный походъ Игоря Святославича—въ стилѣ княжеско-дружиннаго пѣвца Бояна, или по современнымъ ему „былинамъ“, т.-е. на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ. Авторъ склоняется къ послѣднему способу изображенія.

„Не лѣпо ли ны бяшетъ (не слѣдовало-ли бы), братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій (печальную повѣсть) о плъку (походѣ) Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начяти же ся тъй пѣсни по былинамъ (дѣяніямъ) сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется (по̀сился) мыслію [1]) по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки. Помняшеть бо, рече (вспоминалъ,—говорилъ), първыхъ временъ усобіцѣ; тогда пущашеть десять соколовь на стадо лебедѣй: который достечаше (какую догонялъ), та преди (первая) пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми (§ 198), красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нъ (но) своя вѣщіа пръсты (персты) на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху“.

„Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну (закалилъ) умъ крѣпостію своею и поостри (навострихъ) сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, поведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую“.

2) Походъ Игоря. Во второй части описывается походъ Игоря на половцевъ. Эта часть, въ свою очередь, распадается на слѣдующіе отдѣлы: а) вѣщее затменіе, б) отправленіе въ походъ и сраженіе, в) воспоминаніе объ усобицахъ, г) пораженіе и д) плачъ пѣвца.

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи поправляютъ: рысью.

а) Вѣщее затменіе. Въ началѣ второй части „Слова“ мы ожидали бы изложеніе, хотя бы и краткое, событій отъ стараго Владимира (т.-е., вѣроятнѣе всего, отъ Владимира Св.) до Игоря. Но этого нѣтъ: повидимому, въ рукописи былъ пропускъ. Вторая часть начинается съ картины солнечнаго затменія, которую авторъ, нарушая хронологическую послѣдовательность событій, намѣренно предпосылаетъ своему повѣствованію съ цѣлью породить въ душѣ читателя мысль о неизбѣжности катастрофы.

„Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя (воины) прикрыты“. И сказалъ Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино! Луцежъ (лучше) бы потяту (убитымъ) быти, нежели полонену быти; а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони (кони), да позримъ синего Дону!“ Въ умъ Игоря вспало желаніе попасть на рѣку Донъ, и это желаніе пересилило въ немъ страхъ передъ небеснымъ знаменіемъ: „Хощу бо,—рече,—копіе приломити (сразиться) конець (въ концѣ) поля (области) половецкаго; съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо (либо) испити шеломомь (шлемомъ) Дону“.

Чтобы замаскировать свой художественный пріемъ—перенесеніе позднѣйшаго событія къ началу своего разсказа,—авторъ, прежде чѣмъ перейти къ послѣдовательному изложенію своей повѣсти, снова обращается къ Бояну: „О, Бояне, соловью стараго времени! Это тебѣ слѣдовало бы воспѣть эти походы, возносясь, о соловей, по мысленному древу, взлетая орломъ подъ облака, сплетая славные эпизоды обоихъ походовъ (Святослава и Игоря) нашего времени и рыща въ Троянову тропу [1]) черезъ поля на горы. Это тебѣ слѣдовало бы сложить пѣснь въ честь Игоря, внука Олега. Ты бы такъ началъ свою пѣснь: „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая,—галици стады (стада галокъ) бѣжать къ Дону великому“. Или, вѣщій Боянъ, внукъ Велесовъ, быть можетъ, ты такъ началъ бы пѣть: „Комони (кони) ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ“...

б) Отправленіе въ походъ и сраженіе. Замаскировавъ свой художественный пріемъ, авторъ приступаетъ къ описанію похода.

---

[1]) Вѣроятно, валъ римскаго императора Трояна; валъ этотъ на значительномъ разстояніи тянется, между прочимъ, по нынѣшней Кіевской губ.

Игорь ждетъ своего брата Всеволода. Когда они встрѣтились, буй-туръ (ярый быкъ) Всеволодъ обратился къ Игорю со словами: „Одинъ ты у меня братъ, одинъ свѣтъ ты, свѣтлый Игорь. Оба мы—Святославичи. Сѣдлай же, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои готовы, осѣдланы, давно уже у Курска. Мои куряне — опытные наѣздники: подъ трубами (военными) повиты, подъ шлемами взлелѣяны, концомъ копья вскормлены; дороги имъ извѣстны, овраги знакомы; луки у нихъ натянуты, тулы открыты, сабли наточены, а сами рыщутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы“.

„Тогда Игорь вступилъ въ золотое стремя и поѣхалъ по чистому полю. Солнце стало меркнуть и заступило ему путь тьмою. А ночью разыгралась гроза, проснулись птицы, раздался свистъ звѣрей. Завылъ наверху дерева Дивъ (образъ горя-злосчастья) и подаетъ вѣсть невѣдомой землѣ—Волгѣ, Поморью, Посулью (область по р. Сулѣ), Сурожу (г. Судакъ), Корсуню и даже тамъ, гдѣ стоитъ истуканъ тмутороканскій“ (на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей).

„А половцы непроторенными дорогами уже побѣжали къ великому Дону; телѣги ихъ въ полночь скрипятъ, какъ разлетающіеся лебеди“.

„Игорь ведетъ войско къ Дону. Птицы уже чуютъ его бѣду; волки по оврагамъ предвѣщаютъ своимъ воемъ грозу; орлы своимъ крикомъ сзываютъ звѣрей на кости; лисицы лаютъ на багряные щиты“. „О, Русская земле! Уже за шеломянемъ еси“ (за курганомъ)!

„Храбрые русичи загородили широкія поля своими багряными щитами, ища себѣ чести, а князю славы. Въ пятницу утромъ русскіе разбили поганыя полчища половецкія. Разсыпавшись по полю, они захватили красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними—золото, парчи и дорогіе оксамиты; плащей, тулуповъ, расписныхъ тканей столько досталось имъ, что русскіе мостили ими болота и грязныя мѣста“.

„На другой день рано утромъ кровавая заря возвѣщаетъ свѣтъ. Отъ моря идутъ черныя тучи (т. е. полчища половцевъ), которыя хотятъ покрыть четыре солнца (т. е. четырехъ русскихъ князей); въ тучахъ дрожатъ синія молніи: быть грому великому, идти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Тамъ копья изломаются, тамъ сабли изрубятся о шлемы половецкіе, тамъ, на рѣкѣ Каялѣ (вѣроятно, Кагальникъ, впадающій

въ Донъ), у великаго Дона. О, Русская земля! Ты уже за курганомъ"!

„Вотъ вѣтры, внуки Стрибога, вѣютъ уже съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоря. Гудитъ земля. Мутно текутъ рѣки; надъ полями стелется пыль, шелестятъ знамена. Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря и со всѣхъ сторонъ обступили русскіе полки".

„Яръ-туръ Всеволодъ! Ты стоишь въ бою, прыщешь стрѣлами на войско враговъ, гремишь объ ихъ шеломы мечами булатными. Гдѣ проскакалъ, туръ, блистая своимъ золотымъ шлемомъ, тамъ стелются поганыя головы половецкія, тамъ исщеплены каленымі саблями шлемы аварскіе — отъ тебя, яръ-туръ Всеволодъ"!

в) Воспоминанія пѣвца объ усобицахъ. Отрываясь отъ описанія битвы, авторъ уносится воспоминаніями въ историческое прошлое русскаго народа.

„Были вѣка Трояновы [1]), миновали годы Ярославовы, возникли войны Олеговы, Олега Святославича; этотъ Олегъ мечомъ крамолу ковалъ и сѣялъ на землѣ стрѣлы. При немъ, при Олегѣ Гориславичѣ, сѣялись и росли усобицы; погибала жизнь русскаго народа, Дажьбожья внука; въ княжескихъ крамолахъ коротался вѣкъ людей. Тогда по Русской землѣ рѣдко кричали пахари; но зато часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, и поднимали говоръ галки, собираясь летѣть на кормъ. Такъ было въ тѣ времена. Но такой битвы, какъ битва Игоря съ половцами, еще не бывало".

г) *Пораженіе.* „Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шелемы, трещатъ копіа харалужныя (булатныя) въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна, тугою (печалью) взыдоша по Русской земли".

„Что ми шумитъ, что ми звенитъ далече рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый. Третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи русичи: сваты напоиша, а сами полегоша за

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи поправляютъ: Бояновы.

землю Рускую. Ничить (никнетъ) трава жалощами (отъ жалости), а древо съ тугою (печалью) къ земли преклонилось".

д) Плачъ пѣвца. „И вотъ, братья, настала невеселая година; уже нашу силу покрыла пустыня. Возстала обида въ силахъ Дажбожья внука, вступила дѣвою на землю Троянову, всплескала лебедиными крылами на синемъ морѣ и, плеща у Дона, пробудила воспоминанія о лучшихъ временахъ. Усобица князей—это гибель имъ отъ поганыхъ. Сказали они, братъ брату: „это—мое, и то—мое же"! Начали князья про малое говорить: „это великое"—и сами на себя стали крамолу ковать. А поганые со всѣхъ сторонъ побѣжали съ побѣдами на Русскую землю".

„Далеко залетѣлъ нашъ соколъ, гоня птицъ къ морю. Но храбраго Игорева войска уже не воскресить! По Русской землѣ раздался вопль Карины (плакальщицы); Желя (образъ вѣстницы мертвыхъ) понеслась, разнося погребальный пепелъ въ пылающемъ рогѣ; жены русскія всплакались причитая: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ (мужей) ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати; а злата и сребра ни мало того потрепати".

„Застоналъ, братья, Кіевъ съ печали, а Черниговъ съ напасти; разлилась тоска по Русской землѣ; печаль глубокая течетъ среди земли Русской. А князья сами на себѣ крамолу ковали, и поганые половцы, набѣгая съ побѣдами на Русскую землю, брали дань по бѣлкѣ со двора".

3) Пѣснь о великомъ Святославѣ. Третья часть „Слова" посвящена „великому Святославу". Она распадается на слѣдующіе эпизоды: а) похвала князю Святославу, б) сонъ Святослава, в) „золотое слово" Святослава, г) воззваніе Святослава къ князьямъ о помощи и д) пѣснь автора о Всеславѣ Полоцкомъ.

а) Похвала князю Святославу. „Храбрые Святославичи, Игорь и Всеволодъ, снова навлекли бѣду, которую только что устранилъ было Святославъ, грозный, великій князь кіевскій, ихъ отецъ. Онъ былъ, какъ гроза: наступилъ на землю Половецкую, разгромилъ ее своими сильными полками и стальными мечами, растопталъ холмы и овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота; а поганаго Кобяка изъ Лукоморья, отъ желѣзныхъ великихъ полковъ половецкихъ, онъ выхватилъ, какъ вихрь, и палъ Кобякъ въ городѣ Кіевѣ въ гридницѣ (дворцѣ) Святослава".

„Ту нѣмци и венедици (венеціанцы), ту греци и морава поютъ Святъславлю славу, кають (корятъ) князя Игоря, иже погрузи жиръ (потопилъ силу) во днѣ Каялы, рѣкы половецкія. Рускаго ззата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата а въ сѣдло кощіева“ (степняка).

б) Сонъ Святослава. Святославъ кіевскій видитъ тревожный сонъ, который онъ разсказываетъ своимъ боярамъ: „Съ вечера одѣвали меня чернымъ покровомъ на тисовой кровати; черпали мнѣ синее вино, смѣшанное съ ядомъ; сыпали мнѣ на грудь групный жемчугъ порожними тулами поганыхъ половцевъ и нѣжили меня. А доски уже безъ князька (безъ перекладины, связывающей стропила на верху крыши) на моемъ златоверхомъ теремѣ. Всю ночь съ вечера каркали вороны. Я видѣлъ, что по загородью Плѣсньска (городъ на Волыни) бѣжала дебрь Кисанева (находившаяся въ Крыму, на сѣверномъ берегу Чернаго моря) и что я не могу сдвинуть ее обратно къ синему морю“. И сказали Святославу бояре: „Князь! Печаль полонила твое сердце. Два сокола слетѣли съ отцовскаго золотого престола, чтобы поискать города Тмутороканя или шлемомъ напиться воды съ Дону. И уже саблями поганыхъ подрублены крылья соколамъ, а ихъ самихъ спутали въ желѣзныя путы. Темно стало на третій день: померкли два солнца, погасли оба багряные столпа, а съ ними и два молодыхъ мѣсяца, Владимиръ и Святославъ, заволоклись тьмою. И потонули они въ морѣ, и великую дерзость придали хану половецкому. На рѣкѣ на Каялѣ уже тьма заступила свѣтъ. И по Русской землѣ простерлись половцы, какъ барсово гнѣздо. Уже вознесся позоръ надъ славой, уже ударило Горе на волю, уже низринулся Дивъ на землю. Вотъ запѣли готскія красныя дѣвы на берегу синяго моря, звеня русскимъ золотомъ: воспѣваютъ онѣ Бусово (ханъ половецкій) время, лѣлѣютъ месть Шароканову (тоже ханъ половецкій) [1]). А мы, твоя дружина, уже чужды веселья“!

в) „Золотое слово“ Святослава. Тогда великій Святославъ изронилъ золотое слово, орошенное слезами: „О сыновцы (племянники) мои, Игорь и Всеволодъ! Рано вы стали Половецкую

---

[1]) Остатки готовъ, жившихъ въ Крыму, находились подъ властью половцевъ; вотъ почему готскія дѣвушки могли получать черезъ половцевъ золото русское и воспѣвать побѣду половцевъ надъ русскими.

землю мечами крушить, а себѣ тамъ славы искать. Да не съ честью вы одолѣли, ибо не съ честью пролили кровь поганыхъ. Ваши храбрыя сердца въ крѣпкомъ булатѣ закованы и въ буести (смѣлости) закалены. Но что же вы содѣяли моей серебряной сѣдинѣ? Уже я не вижу власти сильнаго и богатаго брата моего Ярослава и его многочисленнаго войска съ черниговскими бойцами... Они, бывало, безъ щитовъ, съ одними ножами, крикомъ полки побѣждали, звеня славою прадѣдовъ. А вы сказали себѣ: мужаемся одни, одни возьмемъ предстоящую славу, одни подѣлимся славой прежней! О, диво ли, братья, и старому помолодѣть! Когда соколъ перелиняетъ, высоко онъ избиваетъ птицъ: не дастъ своего гнѣзда въ обиду. Да то горе, что князья мнѣ—не въ помощь; времена ни во что обратились“...

г) Воззваніе Святослави къ князьямъ о помощи. Сказавъ свое „золотое слово“, Святославъ обращается съ воззваніемъ къ наиболѣе могучимъ изъ современныхъ ему русскихъ князей, прося ихъ объединиться противъ половцевъ.

„Великій князь Всеволодъ (Юрьевичъ Суздальскій, Большое Гнѣздо)! Тебѣ не мыслью прилетать издалека, чтобы отцовскій золотой престолъ (т. е. кіевскій, которымъ владѣлъ Юрій Долгорукій, отецъ Всеволода) поблюсти. Ты можешь Волгу веслами разбрызгать, а Донъ вычерпать шеломами. Если бы ты былъ здѣсь, борьба съ половцами кончилась бы иначе: чага (плѣнница) продавалась бы по ногатѣ (мелкая монета: въ купѣ—четыре ногаты), а кощей (степнякъ)—по рѣзанѣ“ (самая мелкая монетная единица, § 168).

„Ты, смѣлый Рюрикъ и Давидъ (дѣти Ростислава, сына Мстислава Владимировича)! Не вы ли золочеными шлемами въ крови плавали? Не ваши ли храбрые дружинники рычатъ какъ туры, раненные каленными саблями, въ полѣ невѣдомомъ? Вступите же въ золотыя стремена, отомстите за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича“!

„Галицкій князь, Осмомыслъ Ярославъ! Высоко ты сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ; ты подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступивъ путь королю (венгерскому), затворивъ ворота Дунаю, швыряя громады черезъ облака, суды рядя до Дуная. Грозы твои текутъ по землямъ, отворяешь ты ворота Кіеву. Съ отцовскаго золотого престола

стрѣляешь султановъ за землями. Стрѣляй же, господине, Кончака, поганаго раба, за землю Русскую, за раны Игоря, храбраго Святославича“!

„А ты, отважный Романъ и Мстиславъ (Романъ Мстиславовичъ Волынскій, Мстиславъ Романовичъ)! Храбрая мысль двигаетъ вашъ умъ на подвигъ. Высоко вы летите на дѣло въ отвагѣ, какъ соколъ, паря на вѣтру и стремясь въ ярости одолѣть птицу. У васъ желѣзные полки—подъ шлемами латинскими. Отъ нихъ уже дрогнула земля и многія страны—Ханская страна, Литва, ятвяги и половцы—побросали свои копья и склонили свои головы подъ тѣ мечи булатные“.

„Храбрые княьзя Ольговичи, готовьтесь на брань! О, Ингварь и Всеволодъ и Мстиславъ, всѣ три Мстиславича (сыновья Ярослава, внуки Мстислава Владимировича, названы авторомъ по дѣду)! Не худого гнѣзда соколы — шестокрыльцы (съ шестью крыльями)! Не жребіемъ побѣдъ себѣ власть вы стяжали. Гдѣ же ваши золотые шлемы и ляшскія копья, и багряные щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоря, храбраго Святославовича“!

д) Пѣснь о Всеславѣ Полоцкомъ. Передавъ воззванія Святослава къ русскимъ князьямъ, авторъ воспоминаетъ, какъ внуки Всеслава Полоцкаго свою крамолою наводили на Русскую землю литовцевъ, и изображаетъ самого Всеслава, принимавшаго участіе въ раздорахъ сыновей Ярослава М.

„На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ [1]) бросилъ жребій Всеславъ о дѣвѣ, ему милой. Сжалъ онъ коня ногами, поскакалъ къ городу Кіеву и коснулся копьемъ золотого престола кіевскаго. И кинулся онъ лютымъ звѣремъ о полуночи отъ кіевлянъ, изъ Бѣлграда, повисъ въ синей мглѣ. А на утро ударилъ шпорами коня, отворилъ ворота Новгорода, расшибъ славу Ярославову и помчался волкомъ на Немигу. На Немигѣ-рѣкѣ не снопы стелютъ—головы, молотятъ цѣпами булатными: на току кладутъ жизнь, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немиги не зерномъ были засѣяны, засѣяны были костьми русскихъ сыновъ. Всеславъ-князь людямъ суды судилъ, князьямъ города рядилъ, а самъ волкомъ рыскалъ въ ночи: изъ Кіева онъ еще да пѣтуховъ дорыскивалъ къ Тму-

[1]) Нѣкоторые поправляютъ: Бояновомъ.

тороканю, великому Хорсу волкомъ путь перерыскивалъ (т. е. до солнечнаго восхода); ему звонили рано въ колокола къ заутренѣ въ Полоцкѣ у св. Софіи, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Хоть и вѣщая душа было въ его храбромъ тѣлѣ, но часто терпѣлъ бѣды. Ему то вѣщій Боянъ и прежде разумную припѣвку сложилъ: „Ни хытру, ни горазду (быстрому), ни птицю горазду (будь онъ птицы быстрѣй), суда Божіа не минути“!

„О,. стонать Русской землѣ, вспоминая прежнее время и прежнихъ князей! Того стараго Владимира нельзя было пригвоздить съ горамъ кіевскимъ! А знамена другого Владимира уже стали—одни Рюриковы, другія—Давыдовы, и ихъ знамена развѣваются врозь“.

4) Возвращеніе Игоря изъ плѣна. Четвертая часть распадается на два отдѣла: а) въ первомъ излагается плачъ-заклинаніе жены Игоря Евфросиніи, дочери Ярослава Осмомысла, б) во второмъ описывается бѣгство Игоря изъ плѣна.

а) Плачъ-заклинаніе Ярославны. Излагая въ этомъ мѣстѣ плачъ-заклинаніе Ярославны, авторъ переноситъ событіе болѣе раннее, имѣвшее мѣсто сейчасъ же послѣ пораженія Игоря, къ кануну бѣгства Игоря. Это—тотъ же художественный пріемъ, который примѣненъ былъ къ картинѣ солнечнаго затменія: предпосылая бѣгству Игоря плачъ-заклинаніе Ярославны, авторъ хотѣлъ породить въ душѣ читателя ожиданіе благополучнаго бѣгства Игоря изъ плѣна.

„Копіа поютъ на Дунаи. Ярославнынъ гласъ слышитъ (слышенъ), зегзицею незнаемъ (безпривѣтною кукушкой) рано кычеть (кукуетъ): „Полечу, — рече, — зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ (бобровый) рукавъ въ Каялѣ-рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ (могучемъ) его тѣлѣ“! Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ (городской стѣнѣ), аркучи (причитая): „О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно (враждебно) вѣеши? Чему мычеши (мчишь) хиновьскыя (ханскія) стрѣлкы на своею нетрудною крилцю (на своихъ легкихъ крыльяхъ) на моея лады (супруга) вои (воиновъ)? Мало ли ти бяшетъ горѣ (вверху) подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя“? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: „О Днепре словутицю (славный)! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на

себѣ Святославли носады (суда) до плъку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ (чтобы я) не слала къ нему слезъ на море рано". Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячюю свою лучю на лады вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи (луки) съпряже (стянуло), тугою (печалью) имъ тули (колчаны) затче (заткнуло)"!

б) Бѣгство Игоря изъ плѣна. Плачъ-заклинаніе Ярославны какъ бы производитъ свое волшебное дѣйствіе на стихіи природы.

„Хлынуло море на полночь; идутъ столпы туманные. Игорю-князю Богъ кажетъ путь изъ земли Половецкой въ землю Русскую къ отцовскому золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спитъ, Игорь бодрствуетъ, Игорь мыслью поля мѣритъ отъ великаго Дона до малаго Донца. Готовъ конь о полуночи. Свистнулъ Овлуръ [1]) за рѣкою: велитъ разумѣть князю... Князя Игоря ужъ нѣтъ! Вскликнулъ—загудѣла земля, прошумѣла трава; всполошились шатры половецкіе. А Игорь-князь поскакалъ горностаемъ къ тростнику и поплылъ бѣлымъ гоголемъ по водѣ; метнулся на борзаго коня, соскочилъ съ него босымъ волкомъ, помчался къ лугамъ Донца и полетѣлъ соколомъ въ туманѣ, настрѣливая гусей и лебедей на обѣдъ, завтракъ и ужинъ. Когда Игорь летѣлъ соколомъ, тогда Овлуръ мчался волкомъ, отряхая собою студеную росу: надорвали они своихъ борзыхъ коней. И говоритъ рѣка Донецъ: „О, князь Игорь! Не мало тебѣ величія, Кончаку досады, а Русской землѣ веселія"! Игорь говоритъ: „О, Донецъ! Не мало величія и тебѣ, что лелѣялъ ты князя на волнахъ своихъ, что ты стлалъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми туманами подъ сѣнью зеленаго дерева, стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернядями (порода утокъ) на вѣтрахъ... Не такова рѣка Стугна (впадаетъ въ Днѣпръ). Имѣя тощую струю, поглотивши чужіе ручьи, она прорыла протоки въ кустахъ, и юношу князя Ростислава (Всеволодовича, брата Владимира Мономаха) затворила при темныхъ берегахъ днѣпровскихъ [2]). И плачется Ростиславова

[1]) По лѣтописи—Лаворъ.

[2]) Во время пораженія, нанесеннаго въ 1093 г. половцами Святополку Изяславичу, Владимиру М. и его брату Ростиславу; Ростиславъ, перепра-

мать по своемъ юномъ князѣ Ростиславѣ. Уныли цвѣты отъ жалости, а деревья съ тугою (печалью) наклонились къ землѣ".

„То не сороки застрекотали: то Гзакъ съ Кончакомъ ѣдутъ по Игореву слѣду. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали: только ползуны (порода дятловъ) ползали. Дятлы своимъ стукомъ указываютъ путь къ рѣкѣ; соловьи веселыми пѣснями свѣтъ возвѣщаютъ. И говоритъ Гзакъ Кончаку: „Когда соколъ (т. е. Игорь) летитъ къ гнѣзду, то соколенка (т. е. сына Игоря, Владимира, оставшагося въ плѣну) мы разстрѣляемъ своими золочеными стрѣлами"! Отвѣчаетъ Гзаку Кончакъ: „Когда соколъ летитъ къ гнѣзду, то соколенка мы опутаемъ красною дѣвицею"! [1]). И говоритъ Гзакъ Кончаку: „Когда мы опутаемъ его красною дѣвицею, не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы, и начнутъ насъ тогда бить птицы въ полѣ половецкомъ"!".

5) **Пятая часть.** Пятая часть состоитъ изъ а) описанія пріѣзда Игоря въ Русскую землю и б) величанія князей и дружины.

а) Пріѣздъ Игоря въ Русскую землю. „Сказалъ Боянъ, пѣснотворецъ стараго времени, Ярославова и Ольгова, о годинѣ Святославовой: „Когане! Хоть и тяжко тебѣ, головѣ, безъ плечъ, худо тебѣ тѣлу, безъ головы"! Такъ и Русской землѣ тяжко безъ Игоря. Свѣтитъ солнце на небѣ—Игорь-князь—въ Русской землѣ. Поютъ дѣвы на Дунаѣ; несутся пѣсни черезъ море до Кіева. Ѣдетъ Игорь по Боричеву-ввозу (дорога отъ днѣпровской пристани—въ Кіевѣ) къ святой Богородицѣ Пирогощей (церковь, въ которой находился образъ Богоматери, написанный св. Лукою и привезенный изъ Константинополя купцомъ Пирогощею). Всѣ страны рады, города веселы."

б) Величаніе князей и дружины. „Пѣли пѣснь старымъ князьямъ, а теперь воспоемъ молодыхъ: слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружина, борющіеся за христіанъ съ полчищами невѣрныхъ! Слава князьямъ и дружинѣ"!

257. Комментаріи къ отдѣльнымъ мѣстамъ „Слова о полку Игоревѣ". Нѣкоторыя мѣста и слова въ „Словѣ о полку Игоревѣ" требуютъ особыхъ разъясненій. Къ числу

вляясь черезъ разлившуюся рѣку Стугну, погибъ на глазахъ у своего брата Владимира, который не могъ спасти его.

[1]) Владимиръ, дѣйствительно, женился въ плѣну на дочери Кончака.

ихъ относятся: 1) эпизоды о Боянѣ, 2) выраженіе „старый Владимиръ“, 3) эпитетъ „Троянь“ и 4) припѣвки о Дунаѣ.

1) **Пѣвецъ Боянъ**. Авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ четыре раза упоминаетъ о пѣвцѣ „стараго времени“ Боянѣ. Онъ характеризуетъ пріемы его творчества, причемъ по этой характеристикѣ Боянъ выступаетъ съ чертами геніальнаго поэта княжескихъ дѣяній. Авторъ дѣлаетъ его пѣвцомъ XI в.: Боянъ въ своихъ пѣсняхъ изображалъ эпоху первыхъ междоусобій, возникшихъ уже въ началѣ княженія стараго Ярослава (Мудраго); онъ воспѣвалъ чародѣя-оборотня Всеслава Полоцкаго. Словомъ, Боянъ располагалъ богатымъ поэтическимъ репертуаромъ устнаго придворнаго творчества. Дѣйствительно ли былъ у насъ поэтъ-пѣвецъ XI в. съ именемъ Бояна? Изъ лѣтописей мы не знаемъ ни о какомъ Боянѣ. На этомъ основаніи многіе изслѣдователи отрицаютъ дѣйствительное существованіе поэта съ именемъ Боянъ: они предполагаютъ, что имя „Боянъ“—не русское и заимствовано авторомъ изъ болгарской литературы, что словомъ Боянъ авторъ обозначаетъ Гомера, что обращеніе автора къ Бояну есть не болѣе, какъ условный художественный пріемъ, за которымъ не скрывается ничего реальнаго.

Другіе изслѣдователи полагаютъ, что отсутствіе въ лѣтописяхъ малѣйшаго намека на существованіе геніальнаго пѣвца съ именемъ Боянъ не можетъ служить доказательствомъ того, что такого лица не было: придворный пѣвецъ Боянъ, славившій на княжескихъ пиршествахъ подвиги князей, не представлялъ для лѣтописцевъ историческаго интереса, и потому о немъ они и не упомянули. Но что у насъ существовали княжескіе пѣвцы-поэты, это несомнѣнно: объ этомъ сохранились въ нашей древней литературѣ намеки, приводимые ниже (§§ 288—290). Что касается упоминаемаго авторомъ „Слова о полку Игоревѣ“ пѣвца Бояна, то въ его существованіи едва ли можно сомнѣваться: во-первыхъ, авторъ, говоря о Боянѣ, указываетъ историческую эпоху, отразившуюся въ его пѣсняхъ, перечисляетъ князей, воспѣтыхъ имъ, приводитъ отрывки изъ его пѣсенъ (напр., изображеніе Всеслава Полоцкаго); во-вторыхъ, точность автора въ передачѣ историческихъ фактовъ не позволяетъ относиться съ сомнѣніемъ къ его ясному указанію на существованіе пѣвца-поэта Бояна.

2) **Старый Владимиръ**. Подъ именемъ „стараго“ Владимира одни изслѣдователи разумѣютъ Владимира Мономаха, а другіе

Владимира Св. Первое мнѣніе едва-ли основательно. *Во-первыхъ*, Владиміръ М. умеръ лѣтъ за шестьдесятъ до похода Игоря; поэтому называть „старымъ“ Владимира М. было бы нѣсколько страннымъ. *Во-вторыхъ*, авторъ прилагаетъ эпитетъ „стараго“ къ Ярославу М.; это ясно указываетъ на то, что подъ старымъ Владиміромъ надо разумѣть Владимира Св. Въ связи съ именемъ Владимира находится слѣдующая загадочная фраза автора: „Того стараго Владимира не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кіевскимъ, сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы“. Первая половина фразы имѣетъ въ виду, вѣроятно, Владимира Св., а вторая—Владимира Мономаха. Родъ Мономаха раздробился на отдѣльныя линіи, и нѣтъ между ними единства,—вотъ что, вѣроятно, хочетъ сказать авторъ второю половиною фразы. Гораздо труднѣе объяснить смыслъ словъ автора о старомъ Владимирѣ. Быть можетъ, авторъ хотѣлъ сказать, что политика Владимира Св. чужда была мѣстнаго спеціально кіевскаго отпечатка, что она отличалась широкимъ общерусскимъ характеромъ?

3) „Троянь“. Эпитетъ „Троянь“ встрѣчается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „были вѣчи (вѣка) Трояни“, „рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы“, „въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ, у Дону плещущи“, „на седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу“. Эпитетъ „Троянь“ объясняютъ различно: одни производятъ его отъ слова „Троя“ и видятъ въ указанныхъ выраженіяхъ отголоски сказаній о троянской войнѣ (§ 120), которыя могли быть знакомы автору; другіе производятъ его отъ слова „Троянъ“ и думаютъ, что это—образъ миѳическаго существа, заимствованный авторомъ у болгаръ; третьи связываютъ эпитетъ „Троянь“ съ именемъ римскаго императора Траяна (98—117 гг. по Р. Х.). Траянъ, какъ извѣстно, завоевалъ Дакію (нынѣшнюю Румынію съ Бессарабіей) и для огражденія этой римской окраины отъ нападеній кочевниковъ-скиѳовъ провелъ нѣсколько валовъ, проходящихъ черезъ нынѣшнюю Бессарабію, Кіевскую губ. и извѣстныхъ подъ именемъ Траяновыхъ валовъ. Авторъ могъ имѣть свѣдѣнія объ императорѣ Траянѣ, почерпнутыя, съ одной стороны, изъ хроники Константина Манассіи, а съ другой,—изъ преданій о траяновыхъ валахъ. Этими свѣдѣніями авторъ могъ воспользоваться для того, чтобы

эпитетомъ „Троянь“ означать наиболѣе древнюю эпоху, какую только онъ зналъ въ отношеніи къ южной части русской равнины; слѣдовательно, съ точки зрѣнія этого объясненія „вѣка Трояновы“ это—самое древнее время, предшествовавшее эпохѣ стараго Владимира; „тропа Троянова“, по которой рыщетъ Боянъ черезъ поля на горы,—это Траяновъ валъ, идущій изъ степей къ горамъ кіевскимъ; „земля Троянова“—это, повидимому, южно-русскія степи; наконецъ, „на седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ“ значитъ—по прошествіи многихъ вѣковъ отъ эпохи Траяна.

Есть еще одно мнѣніе. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что первые издатели „Слова о полку Игоревѣ“ невѣрно прочли это слово: въ оригиналѣ было не „Троянь“, а „Боянь“. Въ доказательство изслѣдователи ссылаются на то, что въ копіи „Слова“ сдѣланной для Екатерины II, вмѣсто „Трояню“ въ одномъ мѣстѣ стоитъ „Зояню“; въ рукописяхъ западно-русскаго происхожденія (а таковою склонны считать погибшую рукопись „Слова о полку Игоревѣ“) буква *б* пишется такъ, что ее легко принять за буквы *тр*. Слѣдовательно, по этому толкованію, въ упомянутыхъ выраженіяхъ рѣчь идетъ о Боянѣ.

4) **Припѣвки о Дунаѣ.** Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ встрѣчаются припѣвки и слова о Дунаѣ. Передъ плачемъ Ярославны стоитъ фраза: „Копіа поютъ на Дунаи“. Ярославна плачетъ: „Полечю зегзицею по Дунаеви“. Авторъ сообщаетъ, что по возвращеніи Игоря домой „дѣвици поютъ на Дунаи“. Припѣвки о Дунаѣ-рѣкѣ, встрѣчающіяся и въ устномъ творчествѣ, объясняются, помимо воспоминаній о томъ періодѣ, когда славяне жили на Дунаѣ, еще и тѣмъ, что нѣкоторыя событія изъ древне-русской исторіи тѣсно связаны съ Дунаемъ. Такъ, въ лѣтописяхъ въ теченіе всего XII в. повѣствуется о столкновеніяхъ съ половцами на Дунаѣ, причемъ русскіе князья сажаютъ посадниковъ въ подунайскихъ городахъ. Такимъ образомъ, рѣка Дунай играла важную роль въ столкновеніяхъ русскихъ съ половцами. Вотъ почему она упоминается и въ устныхъ произведеніяхъ, и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

258. Связь „Слова о полку Игоревѣ“ съ устнымъ творчествомъ. „Слово о полку Игоревѣ“ по пріемамъ творчества находится въ тѣсной связи съ устными произведеніями патріархально-родового происхожденія (§ 150) и княжеско-дру-

жиннаго (§ 356). Самъ авторъ въ началѣ своего произведенія выражаетъ свое колебаніе, какъ воспѣть походъ Игоря, „по замышленію Бояню“, „старыми словесы“, т.-е. по пріемамъ устнаго княжеско-дружиннаго творчества, или „по былинамъ сего времени“, т.-е. точно воспроизводя историческіе факты. Склонившись ко второму способу изображенія, авторъ, однако, не могъ освободиться отъ древне-русской анимистической точки зрѣнія и въ своемъ изображеніи похода Игоря воспользовался цѣлымъ рядомъ пріемовъ устнаго творчества, поскольку примѣненіе ихъ не противорѣчило исторической истинѣ.

Вся природа представляется автору „Слова“, какъ и княжеско-дружиннымъ пѣвцамъ-поэтамъ, живою, населенною сверхъестественными существами. Солнце для него—Дажьбогъ или Хорсъ; вѣтры—это внуки Стрибога; Боянъ—внукъ Велеса. Это—отголоски замиравшаго древне-русскаго язычества. Въ плачѣ-заклинаніи Ярославны къ вѣтру, Днѣпру и солнцу прилагается эпитетъ „господине“—знакъ того, что Ярославна смотритъ на вѣтеръ, Днѣпръ и солнце, какъ на живыя существа, способныя услышать ея мольбы-заклинанія и поддаться ихъ вліянію. Природа, въ изображеніи автора, принимаетъ дѣятельное участіе въ горѣ и радости русскихъ. Зная о предстоящей гибели русскаго войска, она въ цѣломъ рядѣ явленій дѣлаетъ свои предостереженія: происходитъ солнечное затменіе, ночью разыгрывается гроза, звѣри воютъ, Дивъ (олицетвореніе бѣды) кличетъ на верху дерева. Передъ битвой волки воютъ по оврагамъ, орлы сзываютъ своимъ крикомъ звѣрей на кости. Когда русскіе потерпѣли пораженіе, трава поникла отъ жалости, дерево отъ печали приклонилось къ землѣ. Наоборотъ, когда Игорю удается бѣжать изъ плѣна и по его слѣдамъ бѣгутъ Гзакъ съ Кончакомъ, природа выражаетъ свою радость и даже помогаетъ бѣгству: тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали—только ползуны ползли, дятлы своимъ стукомъ указывали путь къ рѣкѣ, соловьи веселыми пѣснями свѣтъ возвѣщали; Донецъ „лелѣялъ“ Игоря на волнахъ, постилалъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми туманами, стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернядями (утками) на вѣтрахъ, и за это Игорь обращается къ Донцу съ благодарственной рѣчью.

Съ чертами живыхъ существъ изображаются авторомъ и отвлеченныя понятія, какъ, напр., горе, бѣда, Карина, Жля

и др. Горе, бѣда представлены въ образѣ дѣвы-обиды, вставшей въ силахъ Дажьбожья внука и плещущей лебедиными крылами на синемъ морѣ у Дона: это—образъ, сходный съ тѣмъ, который попадается въ похоронныхъ пѣсняхъ (§ 149). Карина (отъ глагола карити, т.-е. причитать — олицетвореніе причитанія по умершимъ). Жля (отъ глагола жалѣть)—олицетвореніе жалости по умершимъ.

Основные пріемы творчества въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ — тѣ же, что и въ устномъ творчествѣ, т.-е. прежде всего вытекающій изъ анимистическаго міровоззрѣнія параллелизмъ всѣхъ видовъ.

1) **Положительный параллелизмъ.** Примѣръ: „Солнце свѣтится на небесѣ—Игорь князь въ Руской земли“.

2) **Отрицательный параллелизмъ.** Наиболѣе характернымъ для русскаго устнаго творчества параллелизмомъ является отрицательный. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ есть примѣры и такого параллелизма: „Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, но своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше“, „Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ (благомъ, добромъ) бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускыхъ сыновъ“, „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая—галици стады бѣжать къ Дону великому“, „А не сороки встроскоташа—на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ“.

3) **Символическій параллелизмъ.** Символическій параллелизмъ, встрѣчающійся въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, двоякаго рода: а) символическія сравненія и б) символическія картины.

а) Символическія сравненія. Примѣры: плачущая Ярославна представляется въ образѣ зегзицы (кукушки), которая символизируетъ тоскующую женщину; Ярославна „зегзицею незнаемь рано кычеть: полечу, рече, зегзицею по Дунаеви“; Игорь и Всеволодъ, попавшіе въ плѣнъ къ половцамъ,—представлены въ образѣ соколовъ, слетѣвшихъ съ отцовскаго золотого престола и опутанныхъ желѣзными путами; четыре князя, окруженные полчищами половцевъ, представлены четырьмя солнцами, закрытыми черными тучами, въ которыхъ блещутъ синія молніи; бракъ представляется въ образѣ опутыванія: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею“; битва представлена въ образахъ полевыхъ работъ или свадебнаго пира: „Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна, тугою взыдоша по Рус-

кой земли"; „На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи (цѣпами) харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла"; „Ту кроваваго вина не даста; ту пиръ докончаша храбріи русичи, сваты напоиша, а сами полегоша за землю Рускую".

б) Символическія картины. Къ числу такихъ картинъ относятся, напр., картина солнечнаго затменія, предпосланная разсказу о походѣ Игоря, картина бури передъ пораженіемъ, сонъ Святослава и плачъ-заклинаніе Ярославны, предпосланный бѣгству Игоря изъ плѣна.

4) **Сравнительный параллелизмъ.** Примѣры: Боянъ „растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки", „Куряни скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ", „Крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци—лебеди роспужени" („Телѣги половцевъ скрипятъ въ полночь, какъ испугавшіеся лебеди"), „Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ, акы тури ранени саблями каленими въ полѣ незнаемѣ", „Высоко плаваеши (рѣчь идетъ о Романѣ и Мстиславѣ) на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти", Всеславъ Полоцкій кинулся отъ кіевлянъ „лютымъ звѣремъ", помчался „влъкомь до Немиги", „великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше", „А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ камень и скочи съ него босымъ влъкомъ".

Въ „Словѣ о полку Игоревѣ" обычно также употребленіе и такихъ пріемовъ творчества, какъ эпитеты, тавтологіи и повторенія.

1) **Эпитеты.** Эпитетовъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ"—множество, причемъ постоянные эпитеты—тѣ же, что и въ устномъ творчествѣ: „стрѣлы каленыя", „борзъ комонь", „сѣрый волкъ", „красныя дѣвы", „лютый звѣрь", „острая сабля", „чисто поле", „синее море", „сизый орелъ", „воронъ черный" и т. д.

Изъ другихъ эпитетовъ, принадлежащихъ автору „Слова", можно отмѣтить слѣдующіе: Донъ у него называется „синимъ" и „великимъ", Боянъ—„вѣщимъ", Днѣпръ—„Славутичемъ" (славнымъ), Всеволодъ—„ярымъ буй-туромъ" (зубромъ), стремя—„княжескимъ", престолъ, слово—„золотыми".

2) **Тавтологіи.** Примѣры: „Трубы трубять въ Новѣградѣ", „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю", „Уже намъ

своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати".

3) **Повторенія.** Слѣдующія выраженія повторяются въ „Словѣ о полку Игоревѣ": „Ищущи себѣ чти, а князю славы", „О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!", „А Игорева храбраго плъку не крѣсити" (воскресить), „За землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святославлича", „Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на заборолѣ (городской стѣнѣ), аркучи" (говоря).

259. Связь „Слова" съ византійско-болгарской и русской литературой. „Слово о полку Игоревѣ" находится въ связи не только съ устнымъ княжеско-дружиннымъ творчествомъ, но и съ творчествомъ письменнымъ: 1) византійскимъ и 2) русскимъ.

1) **Связь съ византійской письменностью.** Изъ цѣлаго ряда выраженій видно, что авторъ былъ знакомъ съ византійской переводной литературной. Таково, напр., выраженіе: „По Руской земли простроша половци, аки пардуже гнѣздо", т. е. леопардово гнѣздо. Въ русской фаунѣ леопардовъ не было, и образъ этихъ звѣрей могъ быть заимствованъ изъ византійской литературы, въ которой упоминаются леопарды. Изслѣдователи отмѣчаютъ переводную статью подъ заглавіемъ „Указъ Господа нашего Іисуса Христа". Въ этой статьѣ перечисляются разные народы и указываются при этомъ тѣ звѣри и животныя, которыми они нѣкогда символизировались. Такъ, о половцахъ (куманахъ, какъ они назывались у греческихъ и римскихъ писателей) въ ней говорится: „Куманинъ пардосъ есть". Въ предѣлахъ Византіи, а слѣдовательно, и въ византійской литературѣ уподобленіе половцевъ леопардамъ было общераспространеннымъ. Византійской литературой, вѣроятно, навѣяно и слѣдующее выраженіе о Боянѣ: „Своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху". Именно, въ апокрифическомъ „Словѣ о пророцѣхъ" есть такая фраза: „Пущу слово мое на землю, да спасу люди отъ льсти сотонины, ему же глаголаше Давидъ, сѣдя въ преисподнѣмь адѣ, накладая многоочитая персты на живыя струны, а вспоемъ пѣснь тихіа и веселыя, дружина моя". Встрѣчаются въ переводныхъ „Словахъ" такія выраженія: „Славію (соловью) нѣкоему велегласну подобяся наше слово", „Лѣтая мыслью подъ небесемъ, яко орелъ". У Іосифа Флавія изслѣдователями отмѣченъ рядъ выраженій, напоминающихъ

выраженія автора „Слова о полку Игоревѣ“: „Подъострите души ваша на мьсти“, „Исполнившеся ратнаго духа“ и др. Въ сказаніяхъ о Соломонѣ встрѣчаются такія же выраженія: когда донесли Соломону, что царица его увезена вмѣстѣ съ гробницею, онъ растужился и „падъ на землю и полетѣ по поднебесью яснымъ соколомъ и не нашелъ подъ небеснымъ облакомъ, и поиде по землѣ лютымъ звѣремъ и нигдѣ не обрѣте, и поплы щукою въ море и не нашелъ“.

2) **Связь съ русской литературой.** Рядъ выраженій въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ находитъ себѣ параллели и въ древне-русской литературѣ, предшествовавшей автору и современной ему. Примѣры: „Рати бо належащи и трубѣ воиньстѣй трубящи... они (воины) за тщую (тощую, ничтожную) славу и изгыбающую не помнять ни жены, ни дѣтей, ни имѣніа; да что мню имѣніе, еже есть хуже всего — но и главы своея ни во что же помнять, дабы имъ не посрамленымъ быти“ (въ „Словахъ“ Ѳеодосія Печерскаго); „Великаго кагана нашея земля Владимера, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже въ своя лѣта владычествующа, мужьствомъ же и храбрьствомъ прослуша въ странахъ многихъ и поминаются нынѣ и словутъ“ (въ сочиненіи „О законѣ и блгодати“); „Устремишася на ня, акы звѣріе дивіи“, „Не лѣпо намъ, братіе“, „Лѣпо бы намъ, братіе, надежю имѣти“ (въ житіи Ѳеодосія Печерскаго, написанномъ преп. Несторомъ).

Есть и кое-какія связи между „Словомъ о полку Игоревѣ“ и лѣтописными разсказами объ этомъ походѣ. Такъ, Ипатьевская лѣтопись, какъ и „Слово о полку Игоревѣ“, не даетъ описанія солнечнаго затменія, а передаетъ лишь разговоръ по этому поводу между Игоремъ и дружиною. Особенно замѣчательно сходство въ оборотѣ рѣчи о затменіи. Въ „Словѣ“ говорится: „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него“... Въ Ипатьевской лѣтописи разсказъ о затменіи начинается такъ: „Игорь жь возрѣвъ на небо и видѣ солнце“... Въ Лаврентьевской лѣтописи князья, предпринявшіе походъ, называются „Ольгови внуци“, „Ольговичи“, — въ „Словѣ“ — тоже Ольговичи. Въ ней же сообщается, что русскіе „Изнемогли бо ся бяху безводьемь и кони, и сами в знои и в тузѣ (печали)“; въ плачѣ Ярославны — „Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи (луки) съпряже, тугою имъ тули затче“. О возвращеніи изъ плѣна

Игоря Лаврентьевская лѣтопись сообщаетъ въ такихъ словахъ: „И по малыхъ днехъ ускочи Игорь князь у половець: не оставить бо Господь праведнаго въ руку грѣшничю“. Въ Ипатьевской лѣтописи разсказывается, что послѣ затменія рѣшено было не возвращаться назадъ безъ битвы, потому что „не бившися возворотитися, то соромъ (срамъ) ны будеть пущеи смерти“; послѣ этого Игорь ѣдетъ черезъ ночь, „а заутра же, пятъку наставшу, усрѣтоша полкы половѣцькиѣ“. Въ „Словѣ“: „Игорь къ Дону вои ведетъ... ночь мркнетъ... съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя плъкы половецкыя“. Въ Ипатьевской лѣтописи разсказывается почти такъ же, какъ и въ „Словѣ“, о попыткѣ Игоря вернуть побѣжавшіе полки и о жалости къ брату Всеволоду. Въ „Словѣ“: „Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода“; въ лѣтописи: „держимъ же (т.-е. захваченный въ плѣнъ) Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася и проси души своей смерти, яко да бы не видилъ падения брата своего“. Сходны нѣсколько слова Святослава кіевскаго и въ томъ, и въ другомъ произведеніи. Въ лѣтописи: „О люба моя братья и сыновѣ и мужѣ землѣ Рускоѣ!... Не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю“. Въ „Словѣ“: „О моя сыновчя... рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати“.... Есть, наконецъ, сходство въ описаніи возвращенія Игоря.

260. Характеристики князей въ „Словѣ“. Изображая походъ Игоря, авторъ мимоходомъ даетъ художественныя характеристики русскихъ князей. Въ нихъ наиболѣе любопытны характеристики Игоря, его брата Всеволода, Святослава кіевскаго, Всеволода III, Ярослава Осмомысла и Всеслава Полоцкаго.

1) **Игорь.** Игоря авторъ характеризуетъ немногими и черезчуръ общими чертами: Игорь „истягну“ (укрѣпилъ) свой умъ силою, „поостри“ свое сердце мужествомъ; проникшись ратнымъ духомъ, онъ навелъ свои храбрые полки на Половецкую землю за землю Русскую.

2) **Всеволодъ.** Ярче изображенъ братъ Игоря Всеволодъ. Какъ ярый туръ, стоитъ Всеволодъ на полѣ брани, прыщетъ на враговъ стрѣлами и гремитъ своимъ харалужнымъ (булатнымъ) мечомъ о шлемы вражескіе. Гдѣ подскочитъ Всеволодъ, блистая своимъ золотымъ шлемомъ, тамъ валятся головы половецкія, тамъ аварскіе шлемы расколоты каленными саблями.

3) **Святославъ Кіевскій.** Святославъ великій, грозный кіевскій князь, отецъ князей, держалъ половцевъ въ страхѣ. Онъ вторгся въ Половецкую землю; онъ навелъ на нихъ страхъ своими сильными полками и булатными мечами; онъ растопталъ холмы и овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота. Какъ вихрь, исторгъ онъ поганаго Кобяка изъ-за Лукоморья отъ желѣзныхъ великихъ полковъ половецкихъ; и упалъ Кобякъ въ Кіевѣ, въ гридницѣ Святослава.

4) **Всеволодъ III.** Великій Всеволодъ могъ бы веслами раскропить Волгу, а Донъ вылить шлемами.

5) **Ярославъ Осмомыслъ.** Ярославъ Осмомыслъ Галицкій высоко сидитъ на своемъ златокованномъ престолѣ: онъ подперъ Карпатскія горы своими желѣзными полками, загородилъ путь венгерскому королю; онъ швыряетъ громады черезъ облака, творитъ судъ и расправу по Дунаю. Грозы Ярослава разливаются по землѣ; онъ отворяетъ ворота Кіеву; со своего золотого престола онъ стрѣляетъ султанами въ иностранныхъ земляхъ.

6) **Всеславъ Полоцкій.** Всеславъ, чародѣй, волхвъ-оборотень, о которомъ шла молва, что онъ родился отъ волхвованія, въ 1066 г. завладѣлъ Новгородомъ, полонилъ его жителей и снялъ колоколъ у св. Софіи. Сыновья Ярослава М.—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ — отправились вмѣстѣ противъ Всеслава. На рѣкѣ Немигѣ (въ Минской губ.) они нанесли ему пораженіе, и Всеславъ бѣжалъ. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ послали къ Всеславу пословъ звать его на переговоры, причемъ дали клятву не причинить ему зла. Всеславъ повѣрилъ и явился въ шатеръ Изяслава. Здѣсь онъ былъ схваченъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями, приведенъ въ Кіевъ и посаженъ въ тюрьму. Когда въ 1068 г. Ярославичи потерпѣли пораженіе отъ половцевъ и половцы принялись грабить Русскую землю, кіевляне подняли противъ Изяслава мятежъ, освободили Всеслава изъ заключенія и провозгласили его великимъ кіевскимъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу. Семь мѣсяцевъ княжилъ Всеславъ. Въ 1069 г. появился изъ Польши Изяславъ вмѣстѣ со своимъ союзникомъ Болеславомъ, королемъ польскимъ. Зная, что Изяславу окажутъ помощь его братья, Всеславъ не рѣшился вступить въ борьбу съ нимъ и ночью, тайкомъ отъ кіевлянъ, бѣжалъ изъ Бѣлгорода (§§ 166, 198).

Объ этомъ Всеславѣ Полоцкомъ авторъ вспоминаетъ въ поэтическихъ чертахъ, вѣроятно, по пѣснямъ Бояна.

„На седьмомъ вѣцѣ Трояни [1]) връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола кіевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ. Въ плъночи изъ Бѣлаграда обѣсися синѣ мьглѣ, утръ же, вознись, трикусы (оружіемъ) оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу. Скочи влъкомь до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускыхъ сыновъ. Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше, до куръ, Тмутороканя; великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку, смысленый, рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути“.

261. Авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ и его цѣль. „Слово о полку Игоревѣ“ въ пріемахъ поэтическаго творчества чрезвычайно сходно съ нашей устной поэзіей. Такое сходство привело нашихъ прежнихъ изслѣдователей къ выводу, что „Слово о полку Игоревѣ“ первоначально было устнымъ произведеніемъ и что уже впослѣдствіи оно было записано какимъ-нибудь любителемъ-книжникомъ. Этотъ выводъ не выдерживаетъ критики. „Слово“ отличается точностью въ передачѣ историческихъ фактовъ. Такъ, въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ упоминается, напр., до 30 русскихъ князей, изъ нихъ многіе незначительные и мало извѣстные, но въ совершенномъ согласіи съ лѣтописями. Между тѣмъ при устной передачѣ факты искажаются, имена перепутываются. Итакъ, „Слово о полку Игоревѣ“ не можетъ быть признано устнымъ произведеніемъ. Это—произведеніе письменнаго творчества.

Авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ неизвѣстенъ. Изучая „Слово“ со стороны содержанія и формы, изслѣдователи пришли къ двумъ мнѣніямъ.

---

[1]) Бояни.

По первому мнѣнію, авторомъ „Слова о полку Игоревѣ“ было лицо, близкое къ герою похода, Игорю Святославичу, слѣдовательно, дружинникъ Игоря, вѣроятнѣе всего, участникъ похода. Это мнѣніе основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: *во-первыхъ*, походъ Игоря на половцевъ и его пораженіе не представляютъ во второй половинѣ XII в. чего-либо выдающагося, и потому сдѣлать это ничтожное событіе предметомъ поэтическаго воспроизведенія могло только мѣстное лицо, лицо, близкое къ Игорю и раздѣлявшее его интересы; *во-вторыхъ*, только лицо, близкое къ Игорю и проникнутое его интересами, могло съ такою подробностью говорить о походѣ Игоря; *въ-третьихъ*, только лицо, принадлежащее къ дружинѣ Игоря, могло съ такимъ сочувствіемъ изобразить бѣдствіе, поразившее этого князя.

Это мнѣніе въ теченіе долгаго времени было господствующимъ. Но затѣмъ научная критика подвергла сомнѣнію нѣкоторыя изъ его основаній.

Во-первыхъ, замѣчено было, что авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ чрезвычайно скупъ въ передачѣ фактовъ изъ исторіи похода Игоря: онъ не столько передаетъ факты, сколько намекаетъ на нихъ; если бы мы не располагали двумя разсказами изъ лѣтописей, то многіе намеки автора остались бы для насъ непонятными; чтобы такъ изобразить походъ не было надобности быть не только участникомъ его, но и лицомъ, вообще близкимъ къ Игорю, мѣстнымъ: авторомъ могло быть лицо, совершенно чуждое Сѣверской области, пользовавшееся для своего „Слова“ разсказами другихъ людей.

Во-вторыхъ, внимательное изученіе „Слова о полку Игоревѣ“ обнаружило, что авторъ далеко не относится къ Игорю съ такимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, какія предполагались раньше, и которыя, дѣйствительно, совершенно умѣстны были бы, если бы авторъ принадлежалъ къ Игоревой дружинѣ. Авторъ, напр., изображая битву съ половцами, совершенно не упоминаетъ о томъ, что Игорь получилъ въ сраженіи рану; говоря о возвращеніи Игоря изъ плѣна, авторъ не упоминаетъ объ его пріѣздѣ въ родной городъ—Новгородъ-Сѣверскъ. Для лица, близкаго къ Игорю и сочувствующаго ему,—это большой и непонятный промахъ. Далѣе, страннымъ кажется, съ точки зрѣнія разсматриваемаго мнѣнія, что авторъ съ бо̀льшимъ сочувствіемъ говоритъ о братѣ Игоря—Всеволодѣ. Но осо-

бенно удивительнымъ, съ точки зрѣнія этого мнѣнія, должно казаться то, что авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія позволяетъ себѣ косвенно задѣвать Игоря. Такъ, въ „золотомъ словѣ“ Святослава Кіевскаго есть слѣдующія жесткія по адресу Игоря и Всеволода слова: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити (сокрушать), а себѣ славы искати; нъ *нечестно* одолѣсте, *нечестно* бо кровь поганую проліясте“. Въ другомъ мѣстѣ своего „Слова“ авторъ сообщаетъ, что нѣмцы, венеціанцы, греки и моравы „кають“ (бранятъ, порицаютъ) князя Игоря за то, что онъ потопилъ русскую силу на дно Каялы-рѣки.

Этими двумя возраженіями мнѣніе о принадлежности автора „Слова“ къ Игоревой дружинѣ сильно подрывается.

Второе мнѣніе выводитъ автора изъ другого мѣста, изъ Кіева. Оно исходитъ изъ слѣдующихъ фактовъ и соображеній.

Во-первыхъ, авторъ „Слова“ удѣляетъ въ своемъ произведеніи много вниманія великому кіевскому князю Святославу Всеволодовичу: авторъ передаетъ его сонъ, излагаетъ его „золотое слово“, изображаетъ его походъ на половцевъ. Авторъ пользуется малѣйшимъ поводомъ для того, чтобы хоть упомянуть о Святославѣ; такъ, онъ сообщаетъ по поводу пораженія Игоря, что иностранцы, „хаявшіе Игоря“, наоборотъ, „поютъ славу“ Святославу, нанесшему половцамъ пораженіе; даже передавая плачъ-заклинаніе Ярославны, авторъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы не вспомнить Святослава, и заставляетъ Ярославну говорить Днѣпру: „Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова“.

Во-вторыхъ, удѣляя много вниманія Святославу, авторъ относится къ нему съ нескрываемымъ сочувствіемъ; мало того— вездѣ онъ рисуетъ Святослава въ привлекательныхъ, даже эпическихъ, чертахъ. Такъ, Святославъ изображается, какъ отецъ для другихъ князей; слово Святослава—не простое, а „золотое“; походъ Святослава на половцевъ уподобляется грозѣ; Святославъ, подобно эпическому богатырю, восхищаетъ поганаго Кобяка изъ Лукоморья, и Кобякъ падаетъ въ Кіевѣ, во дворцѣ Святослава.

Явное пристрастіе автора къ Святославу заставляетъ придти къ предположенію, что авторъ—кіевлянинъ, лицо, вращавшееся въ придворномъ кіевскомъ кругу, лицо, близкое къ Святославу Всеволодовичу. При такомъ предположеніи находятъ себѣ

естественное объясненіе многія мелочи въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Такъ, объясняется, почему авторъ говоритъ о пріѣздѣ Игоря послѣ бѣгства изъ плѣна въ Кіевъ и ни слова не говоритъ о пріѣздѣ его въ Новгородъ-Сѣверскъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и смыслъ „Слова о полку Игоревѣ“, отрицательное отношеніе автора къ раздорамъ князей, отсутствіе въ его произведеніи мѣстнаго, провинціальнаго патріотизма, столь характернаго для XII в. въ русской исторіи. Авторъ стоитъ на великокняжской кіевской точкѣ зрѣнія, по которой кіевскій князь есть глава мѣстныхъ южно-русскихъ князей; послѣдніе обязаны дѣйствовать лишь съ согласія великаго князя: дѣйствуя самовольно, не по соглашенію съ великимъ княземъ, мѣстные князья ослабляютъ Русскую землю, даютъ половцамъ возможность разорять и грабить ее. На этомъ основаніи авторъ „Слова“ порицаетъ своеволіе мѣстныхъ князей. Изобразивъ пагубныя послѣдствія самовольнаго дѣйствія мѣстныхъ князей на живомъ примѣрѣ—походѣ Игоря противъ половцевъ безъ соглашенія съ Святославомъ,—авторъ призываетъ мѣстныхъ князей забыть свои мѣстные счеты, сплотиться вокругъ Святослава, помочь ему сокрушить главнаго врага Русской земли—половцевъ.

Авторъ обращается съ воззваніемъ и къ великимъ князьямъ тогдашнихъ самостоятельныхъ русскихъ княжествъ—Галицкому и Владимирскому. Это показываетъ, что авторъ поставилъ задачей своего произведенія—сплотить вокругъ Святослава Кіевскаго всѣхъ русскихъ князей, заинтересовавъ ихъ перспективой общерусскаго похода на половцевъ, и такимъ образомъ, хоть на время, придать падавшему Кіеву значеніе общерусскаго центра. Годъ написанія „Слова“, 1187-ой бросаетъ особый свѣтъ на задачу автора. По лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, именно въ этомъ году Святославъ задумывалъ предпринять новый походъ на половцевъ и сталъ съ этой цѣлью сноситься съ другими князьями [1]). Зная по опыту, какъ трудно достигнуть хоть нѣкотораго согласія князей, Святославъ, повидимому, рѣшилъ прибѣгнуть къ тому же средству, которое онъ уже употребилъ въ отношеніи къ Олегу и его приверженцамъ (§§ 251—252), когда онъ былъ еще черниговскимъ княземъ, т.-е. къ

[1]) „Въ лѣто 6695. Сдумавъ князь Святославъ со сватомъ своимъ Рюрикомъ поити на половцѣ“. „Тое же зимы Святославъ сославъся с Рюрикомъ, сватомъ свой, и сдумаста ити на половцѣ“.

воздѣйствію при помощи литературнаго произведенія. Въ придворномъ кіевскомъ кругу нашелся даровитый образованный книжникъ, хорошо знакомый съ пріемами княжеско-дружиннаго устнаго творчества, который составилъ полу-политическое, полу-поэтическое воззваніе къ князьямъ. Неизвѣстно, было-ли послано это воззваніе тогдашнимъ русскимъ князьямъ, или оно осталось въ канцеляріи великаго кіевскаго князя, а можетъ быть, и у автора. Но если бы оно и было разослано князьямъ, все равно задача автора не была бы осуществлена: мѣстные интересы въ глазахъ князей имѣли слишкомъ большой вѣсъ для того, чтобы ихъ можно было бы преодолѣть литературнымъ произведеніемъ, хотя бы и очень поэтичнымъ. Во всякомъ случаѣ никакого общерусскаго похода на половцевъ въ княженіе Всеволода послѣ 1187 г. не было предпринято.

262. Идея „Слова о полку Игоревѣ“. Во второй половинѣ XII-го в. Кіевское княжество представляло изъ себя печальную картину разложенія: изъ обширнаго нѣкогда государства цѣлый рядъ областей выдѣлился въ самостоятельныя экономическія и общественно-политическія организаціи, какъ, напр., Новгородъ, Ростово-Суздальская земля, Галиція и Волынь, Черниговъ, Кіевъ и т. д. Каждая изъ этихъ областей имѣетъ свои интересы и задачи, осуществленіе которыхъ стоитъ для каждой изъ нихъ на первомъ планѣ. Князья боятся другъ друга, соперничаютъ другъ съ другомъ: каждый изъ нихъ старается ослабить своего противника и сосредоточить въ своихъ рукахъ побольше силы. Общихъ интересовъ у этихъ князей нѣтъ, и потому нѣтъ у нихъ и идеи общерусскаго интереса, общерусскихъ государственныхъ задачъ.

Кіевское княжество, находившееся на границѣ со степью, имѣло свою важную вѣковую задачу—борьбу съ кочевниками. Эта задача для Кіевскаго княжества имѣла реальное значеніе: только неустанной борьбой съ кочевниками можно было создать условія для мирнаго труда въ предѣлахъ княжества. Изъ другихъ княжествъ, кромѣ Кіевскаго, въ успѣшномъ осуществленіи этой задачи былъ заинтересованъ Переяславль. Менѣе заинтересованы были въ ней другія южныя княжества, какъ, напр., Галиція и Волынь, Черниговъ. Черниговъ политикой дружественныхъ союзовъ съ половцами успѣлъ со времени Олега Святославича обезпечить себѣ на цѣлый вѣкъ спокой-

ствіе отъ нихъ безъ борьбы съ ними. Галиція и Волынь уже своимъ положеніемъ на крайнемъ западѣ Руси были болѣе или менѣе ограждены отъ половецкихъ нашествій. Вслѣдствіе такого различнаго значенія половцевъ въ жизни каждаго изъ южныхъ княжествъ между ними не могло быть общаго соглашенія и общихъ дѣйствій относительно половцевъ. Никакой роли половцы не играли въ жизни сѣверныхъ княжествъ. Слѣдовательно, о соглашеніи между Кіевомъ и Ростово-Суздальской, напр., землей по вопросу о половцахъ не могло быть и рѣчи. Напротивъ, ростово-суздальскіе князья могли только радоваться всякой неудачѣ, постигавшей Кіевъ въ борьбѣ съ половцами, такъ какъ всякая неудача только ослабляла Кіевъ.

Авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ отражаетъ именно тогдашнее взаимоотношеніе другъ къ другу русскихъ княжествъ и русскихъ князей, отмѣчаетъ стремленіе всякаго русскаго князя больше всего хлопотать о собственномъ усиленіи на счетъ другихъ князей, подчеркиваетъ господство у русскихъ князей частичныхъ интересовъ и отсутствіе интереса къ общерусскому благу [1]) и этимъ объясняетъ успѣшность половецкихъ набѣговъ: „Усобица князей, — говоритъ авторъ, — это гибель имъ отъ поганыхъ. Сказали они братъ брату: это — мое, и то—мое же! Начали князья про малое говорить — это великое,—и сами на себя стали крамолу ковать. А поганые со всѣхъ сторонъ набѣгали съ побѣдами на Русскую землю“.

Скорбя объ усобицахъ князей, авторъ старается подѣйствовать на ихъ душу картиной неудачнаго похода, самонадѣянно предпринятаго Игоремъ, заставить ихъ забыть свои частные интересы, сплотиться вмѣстѣ въ одной общей цѣли— выступить походомъ на половцевъ и отомстить за раны Игоря. Такимъ образомъ, основная идея „Слова о полку Игоревѣ“ можетъ быть формулирована такъ: русскіе князья, обезсиливающіе своими усобицами Русскую землю, должны вспомнить объ общерусскомъ интересѣ, о половцахъ и, сплотившись вмѣстѣ, нанести имъ рѣшительный ударъ.

---

[1]) Нужно имѣть въ виду, что для автора, какъ для дружинника Святослава, „общерусское благо“ совпадало съ благомъ Кіевскаго княжества.

„Кіевская лѣтопись".

(Около 1200).

263. „Кіевская лѣтопись". „Кіевская лѣтопись" излагаетъ событія отъ 1111 до 1199 г. включительно. Редакторомъ ея, повидимому, былъ монахъ Выдубецкаго монастыря.

„Кіевская лѣтопись" представляетъ сводъ нѣсколькихъ лѣтописей, не менѣе трехъ.

Начальная часть „Кіевской лѣтописи", отъ 1111 г. до 1146 г., проникнута опредѣленными воззрѣніями на изображаемыя событія: авторъ любитъ миръ, порядокъ и не любитъ войны, особенно междоусобной; онъ даже указываетъ мѣры для поддержанія мира и порядка: во-1-хъ, подчиненіе всѣхъ князей кіевскому князю; во-2-хъ, сохраненіе за каждой княжеской линіей ея отчины. Лѣтописецъ питаетъ расположеніе къ Мономаховичамъ, но у него нѣтъ вражды и къ Ольговичамъ. Очевидно, эта часть „Кіевской лѣтописи" написана современникомъ изложенныхъ событій, лицомъ, скорбѣвшимъ о княжескихъ междоусобіяхъ.

Другая часть „Кіевской лѣтописи", излагающая событія отъ 1146 г. до 1154 г., составлена другимъ авторомъ. Въ ней изображается борьба между Изяславомъ II, Ольговичами и Юріемъ Долгорукимъ. Авторъ—приверженецъ Мономаховичей, въ частности, Изяслава II, и врагъ Ольговичей.

Третья часть „Кіевской лѣтописи", начинающаяся приблизительно съ 70-хъ годовъ XII в., принадлежитъ третьему автору, повидимому, монаху: это видно изъ того, что авторъ съ особеннымъ вниманіемъ отмѣчаетъ почтеніе князей къ монастырямъ и инокамъ, приводитъ цитаты изъ Св. Писанія, Евангелія, Псалтири и пр. Андрей Боголюбскій съ его самовластіемъ возбуждаетъ съ его стороны порицаніе; напротивъ, Ростиславичи, съ которыми столкнулся Андрей, пользуются его симпатіями.

Подобно другимъ южно-русскимъ лѣтописнымъ сводамъ, „Кіевская лѣтопись" отличается живостью изложенія, а мѣстами и поэтичностью.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ростово-Суздальская литература.

264. Ростово-Суздальская земля до половины XIII в. Ростово-Суздальская земля занимала бассейнъ нижняго теченія Оки и верхней Волги по обѣимъ сторонамъ устья Оки. Это—страна съ умѣреннымъ континентальнымъ климатомъ, богатая рѣками и лѣсами. Лѣса изобиловали такими звѣрями, какъ бобры, зубры, лоси, буйволы, серны, лисицы, волки, медвѣди, хотя здѣсь ихъ было меньше, чѣмъ въ области великаго воднаго пути. Совсѣмъ бѣдна была Ростово-Суздальская земля пушными звѣрями—соболями, куницами, песцами, шкуры которыхъ составляли главное богатство кіевской и новгородской аристократіи. Этой особенности фауны Ростово-Суздальской земли суждено было пріобрѣсти громадное значеніе въ исторіи хозяйственнаго и общественно-политическаго развитія всей Руси.

Съ XII в. въ Ростово-Суздальскій край устремляются южнорусскіе поселенцы (§ 167), принадлежавшіе къ низшему сельскому классу, смерды. Они бѣжали на сѣверо-востокъ отъ тягостныхъ условій существованія на югѣ (§ 167). Здѣсь они смѣшиваются съ мѣстнымъ финскимъ населеніемъ. Изъ смѣшенія русскихъ колонистовъ съ финнами образуется новая русская народность, получившая названіе великорусской.

По своей профессіи смерды-колонисты, явившіеся съ юга, были преимущественно земледѣльцами. Такъ какъ Ростово-Суздальскій край былъ бѣденъ пушными звѣрями вообще, то въ немъ, съ наплывомъ смердовъ, впервые надъ охотой и скотоводствомъ начинаетъ брать на Руси перевѣсъ *земледѣліе*. Основнымъ занятіемъ въ Ростово-Суздальскомъ краѣ становится земледѣліе; земледѣліе дѣлается источникомъ богатства. Такимъ образомъ, въ Окско-Волжскомъ краѣ происходитъ крупный хозяйственный переворотъ.

Постепенный переходъ отъ охоты и скотоводства къ земледѣлію повлекъ за собою измѣненія въ общественно-политическомъ строѣ Ростово-Суздальскаго края. Старинная мѣстная аристократія, сила которой продолжала основываться на старинной охотѣ, ослабѣваетъ; силой становится та часть ари-

стократіи, которая переходитъ къ осѣдлому землевладѣнію, ведетъ при помощи смердовъ-колонистовъ земледѣльческое хозяйство и находитъ себѣ въ нихъ поддержку. Новая аристократія и смерды-земледѣльцы, живущіе по преимуществу сельской жизнью, не имѣютъ навыковъ къ вѣчевому образу правленія.

Ростово-суздальскіе князья, Мономаховичи, замѣчаютъ происходящія измѣненія въ общественныхъ отношеніяхъ и пользуются ими для усиленія своей власти: противъ не потерявшей еще силы старой аристократіи они выдвигаютъ новую, землевладѣльческую, аристократію и смердовъ. Андрей Боголюбскій (1157—1174), первый русскій самовластный князь, погибъ въ борьбѣ съ старой аристократіей. Его братъ Всеволодъ III (1176—1212), поддерживаемый новой землевладѣльческой аристократіей и смердами, одержалъ верхъ надъ своими соперниками племянниками, которыхъ поддерживала старая аристократія, и разгромилъ послѣднюю. Съ этого времени въ Ростово-Суздальской землѣ окончательно исчезаетъ вѣче, и власть князя становится все болѣе и болѣе сильной.

Ростово-суздальскіе князья дѣятельно насаждали въ своей области кіевскую культуру. Подъ вліяніемъ этого въ ней возникаетъ мѣстное идейно-литературное творчество, носящее яркіе слѣды кіевскаго вліянія.

Къ произведеніямъ ростово-суздальскаго творчества относятся слѣдующія: 1) „Суздальская лѣтопись“, 2) труды Симона и Поликарпа, 3) „Моленіе“ Даніила и 4) „Слово о погибели Русской земли“.

„Суздальская лѣтопись“.

(Около 1306).

265. „Суздальская лѣтопись“. „Суздальская лѣтопись“ представляетъ сводъ нѣсколькихъ лѣтописей. Главныя ея части— „Ростовская лѣтопись“ и „Владимирская лѣтопись“. Въ ней излагаются событія отъ 1111 г. до 1305 г.

Авторы лѣтописей, вошедшихъ въ составъ „Суздальской лѣтописи“, — приверженцы Мономаховичей. Лѣтописецъ, сообщая подъ 1125 г. о смерти Владимира М., изображаетъ его, какъ князя, имя котораго приводило въ трепетъ всѣ страны,

и какъ истиннаго христіанина: онъ постоянно имѣлъ въ сердцѣ страхъ Божій; онъ не щадилъ своего имѣнія и раздавалъ его требующимъ, строилъ и украшалъ церкви, „излиха“ почиталъ чернецовъ и поповъ, подавая имъ „на потребу“ и принимая отъ нихъ молитвы. Подъ 1175 г. помѣщена обширная повѣсть объ убіеніи Андрея, повѣсть, въ которой Андрей приравнивается къ мученикамъ. Отмѣтивъ въ 1212 г. смерть Всеволода III, лѣтописецъ сообщаетъ, что этотъ князь много „мужествовалъ“ и показалъ большую „дерзость“: злыхъ онъ казнилъ, а добромысленныхъ миловалъ, построилъ много церквей; онъ творилъ истинный и нелицемѣрный судъ, „не обинуяся лица силныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и роботящихъ сироты (§§ 164, 264) и насилье творящихъ“.

Авторы лѣтописей, изъ которыхъ сложилась „Суздальская лѣтопись“, тщательно отмѣчаютъ малѣйшіе факты изъ церковной жизни. Между прочимъ, они посвящаютъ рядъ статей церковному спору второй половины XII в. о постѣ по средамъ и пятницамъ въ праздники.

Изложеніе „Суздальской лѣтописи“ уступаетъ въ живости и картинности южно-русскимъ лѣтописямъ и въ то же время далеко отъ выразительной краткости и сжатости новгородскихъ лѣтописей.

Епископъ Симонъ и инокъ Поликарпъ.

(1214—1226).

266. Посланія Симона къ Поликарпу и Поликарпа къ Акиндину. Симонъ, монахъ Кіевопечерскаго монастыря, назначенъ былъ игуменомъ Рождественскаго монастыря во Владимирѣ, а затѣмъ выбранъ былъ епископомъ новой епархіи Владимирской, которая была выдѣлена изъ Ростовской, при преемникѣ Всеволода—Юріи. Симонъ былъ епископомъ отъ 1214—1226 г. Отъ Симона дошло до насъ сочиненіе — „Посланіе“ къ кіевопечерскому иноку Поликарпу. Поликарпъ былъ, какъ думаютъ, ученикомъ Симона, когда послѣдній былъ еще инокомъ Кіевопечерскаго монастыря, или, вѣроятнѣе всего, его родственникомъ. Это былъ человѣкъ, который первоначально нигдѣ и никакъ не могъ устроиться такъ, чтобы получить внутреннее удовлетвореніе. Онъ пріѣхалъ изъ Кіевопечерскаго монастыря во Влади-

миръ къ епископу Симону и нѣкоторое время жилъ у него. Власть, которою пользовался епископъ, и почетъ, съ которымъ къ нему относились, пробудили у Поликарпа честолюбивыя стремленія. Думая, что, занявъ церковно-административный постъ, онъ принесетъ болѣе пользы, чѣмъ оставаясь простымъ инокомъ, онъ выхлопоталъ себѣ мѣсто игумена одного монастыря. Но и эта должность его не удовлетворила. Ему стало казаться, что положеніе подчиненнаго привлекательнѣе, и онъ снова вернулся въ Кіевопечерскій монастырь. Здѣсь повторилась прежняя исторія: пробужденіе недовольства, полученіе новаго игуменскаго мѣста и опять возвращеніе въ Кіевопечерскій монастырь. Возвратившись въ послѣдній разъ, Поликарпъ все-таки не успокоился: онъ рѣзко критиковалъ порядки въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, воображалъ себя человѣкомъ не цѣнимымъ, преслѣдуемымъ и т. д. Свое недовольство Поликарпъ излилъ въ посланіи къ Симону. Въ отвѣтъ на это посланіе, не дошедшее до насъ, Симонъ отправилъ Поликарпу тоже посланіе.

Посланіе Симона къ Поликарпу состоитъ изъ трехъ частей: 1) строгое обличеніе недовольства и поведенія Поликарпа, 2) изложеніе сказаній о кіевопечерскихъ чудотворцахъ и 3) разсказы о чудесахъ, происходившихъ въ монастырѣ при построеніи главной церкви.

1) **Первая часть.** Въ первой части „Посланія“ Симонъ убѣждаетъ Поликарпа измѣнить свое поведеніе и отдаться всецѣло подвигамъ смиренія въ Кіевопечерскомъ монастырѣ. Онъ разъясняетъ Поликарпу сущность иноческой жизни и великое значеніе Кіевопечерскаго монастыря. Сущность иноческой жизни состоитъ въ смиреніи и послушаніи, въ терпѣливомъ перенесеніи всякихъ лишеній, обидъ и оскорбленій. Коснувшись того обстоятельства, что Поликарпу не удалось въ третій разъ уйти изъ Кіевопечерскаго монастыря, игуменомъ котораго въ то время былъ архимандритъ Акиндинъ, Симонъ приходитъ къ выводу, что это устроилъ самъ Богъ, чтобы наказать Поликарпа за гордость, за то, что онъ не хотѣлъ служить своему господину, игумену монастыря. „Будь ты постникъ,—пишетъ Симонъ, — всегда трезвенъ и нищъ, проводи ночи безъ сна; но если не переносишь оскорбленій, не спасешься“. Для спасенія души, кромѣ терпѣливаго перенесенія обидъ, необходимы общая жизнь въ монастырѣ и общая молитва. „Овца въ стадѣ безопасна, а отдѣлившись отъ стада, скоро гибнетъ отъ вол-

ковъ... Подъ предлогомъ болѣзни не отлучайся отъ собранія церковнаго. Ибо, какъ дождь раститъ сѣмя, такъ церковь влечетъ души на добрыя дѣла. То, что ты дѣлаешь въ келіи, не имѣетъ такой силы, какъ совершаемое въ церкви. Читаешь ли Псалтирь, или поешь 12 псалмовъ, это не можетъ сравниться съ соборнымъ пѣніемъ одного только — „Господи, помилуй!“ Разъяснивъ Поликарпу основныя требованія иноческой жизни, Симонъ указываетъ, что наилучшимъ образомъ эти требованія могутъ быть осуществлены въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, о которомъ онъ отзывается въ восторженныхъ выраженіяхъ: „Передъ Богомъ скажу тебѣ — всю славу и власть въ уметы (навозъ) вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хоть хворостиною торчать за воротами и соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ и быть попираемымъ людьми. Одинъ день въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести“. Симонъ перечисляетъ знаменитыхъ русскихъ духовныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ стѣнъ Кіевопечерскаго монастыря, и совѣтуетъ познакомиться съ ихъ дѣятельностью: „Если хочешь знать обо всѣхъ, прочти старую лѣтопись Ростовскую и найдешь, что всѣхъ было болѣе 30, а если считать далѣе и до насъ грѣшныхъ, то, думаю, будетъ около 50. Пойми же, братъ, какова слава того монастыря!“ Чтобы еще болѣе подѣйствовать на душу Поликарпа, Симонъ присоединяетъ къ обличительно-наставительной части своего посланія еще двѣ, въ которыхъ доказываетъ свои мысли примѣрами изъ исторіи Кіевопечерскаго монастыря.

2) **Вторая часть.** Во второй части своего посланія Симонъ передаетъ сказанія о нѣкоторыхъ кіевопечерскихъ чудотворцахъ. Такихъ сказаній девять: 1) Объ Онисифорѣ пресвитерѣ и недостойномъ мнихѣ, 2) Объ Евстратіи постникѣ, 3) О Никонѣ многотерпѣливомъ и сухомъ, 4) О священномученикѣ Кукшѣ и Пименѣ постникѣ, 5) Объ Аѳанасіи затворникѣ, 6) О преподобномъ Святошѣ (Святославѣ), князѣ Черниговскомъ, 7) О черноризцѣ Еразмѣ, 8) О черноризцѣ Ареѳѣ, 9) О Титѣ священникѣ и Ефгаріи діаконѣ.

3) **Третья часть.** Въ третьей части передаются сказанія о чудесахъ, которыми сопровождалось построеніе главной печерской церкви. Этихъ сказаній пять: 1) О Шимонѣ, князѣ Варяжскомъ, 2) О зодчихъ, 3) О живописцахъ, 4) Объ Іоаннѣ и Сергіи и 5) О святой трапезѣ.

267. „Посланіе Поликарпа къ Акиндину“. Повидимому, „Посланіе“ Симона возымѣло свое дѣйствіе на Поликарпа и придало нѣкоторое болѣе устойчивое теченіе его мыслямъ и чувствамъ. Поликарпъ заинтересовался чудесами кіевопечерскихъ подвижниковъ и рѣшился заняться продолженіемъ второй и третьей частей работы Симона. Въ формѣ посланія къ своему игумену Акиндину онъ излагаетъ одиннадцать сказаній о кіевопечерскихъ подвижникахъ: 1) О Никитѣ затворникѣ, впослѣдствіи епископѣ Новгородскомъ, 2) О Лаврентіи затворникѣ, 3) О святомъ Агапитѣ, безмездномъ врачѣ, 4) О св. Григоріи чудотворцѣ, 5) Объ Іоаннѣ затворникѣ, 6) О Моисеѣ Угринѣ, 7) О Прохорѣ Лебедникѣ чудотворцѣ, 8) О преподобномъ Маркѣ Печерникѣ, 9) О Ѳеодорѣ и Василіи, 10) О Спиридонѣ просфорникѣ и Алимпіи живописцѣ и 11) О многострадальномъ Пименѣ.

268. Содержаніе нѣкоторыхъ сказаній. Изъ всѣхъ указанныхъ сказаній особый интересъ представляютъ слѣдующія: 1) О Шимонѣ, князѣ Варяжскомъ, 2) О зодчихъ, 3) О живописцахъ, 4) Объ Алимпіи живописцѣ, 5) О св. Агапитѣ, безмездномъ врачѣ, 6) О Прохорѣ чудотворцѣ, 7) О Ѳеодорѣ и Василіи, 8) О Григоріи чудотворцѣ.

1) **О Шимонѣ, князѣ Варяжскомъ.** Въ Варяжской землѣ жилъ князь Африканъ, у котораго было два сына—Фріандъ и Шимонъ. Когда Африканъ умеръ, братъ его Якунъ выгналъ своихъ племянниковъ изъ принадлежавшей имъ области. Шимонъ, ища себѣ престанища, явился къ русскому князю Ярославу М., который принялъ его съ честью. Ярославъ прикомандировалъ Шимона къ своему сыну Всеволоду. Шимонъ понравился Всеволоду и пріобрѣлъ на него большое вліяніе. Кромѣ того, Шимонъ обнаружилъ большую любовь къ Кіевопечерскому монастырю.

Когда, послѣ Ярослава М., явились на Русь половцы, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ собрались въ походъ на нихъ. Съ ними былъ Шимонъ. Передъ отправленіемъ въ походъ братья-князья съ Шимономъ зашли въ Кіевопечерскій монастырь „молитвы ради и благословенія“. Преп. Антоній предсказалъ имъ, что они потерпятъ сильное пораженіе, многіе будутъ убиты, Шимонъ же спасется и, когда умретъ, будетъ погребенъ въ церкви, которую самъ построитъ.

Предсказаніе Антонія исполнилось: русскіе потерпѣли на Альтѣ пораженіе, воеводы были перебиты, самъ Шимонъ былъ раненъ и упалъ среди труповъ. Лежа на землѣ, Шимонъ взглянулъ на небо и увидѣлъ великую церковь, которая являлась ему и раньше. Онъ обратился къ Богу съ молитвой о спасеніи. Мгновенно онъ былъ исторгнутъ сверхъестественной силой и, исцѣленный и невредимый, явился къ Антонію и Ѳеодосію. Онъ разсказалъ имъ о происшедшемъ и о томъ, что случилось съ нимъ, когда онъ покинулъ свое отечество: „Отецъ мой Африканъ,—разсказывалъ Шимонъ,—сдѣлалъ огромный крестъ, около 10 локтей, и на немъ изобразилъ подобіе Христово (скульптурное) и воздалъ ему великую честь. Онъ возложилъ на чреслахъ его поясъ, имѣвшій 50 гривенъ золота, а также золотой вѣнецъ. Когда выгналъ меня изъ моей области дядя Якунъ, я взялъ поясъ съ Іисуса Христа и вѣнецъ съ главы его. Тогда съ распятія послышался голосъ, который говорилъ мнѣ: не возлагай вѣнца сего на свою голову, но неси на уготованное ему мѣсто, гдѣ созиждется церковь Моей Матери отъ преподобнаго, которому въ руки отдай вѣнецъ этотъ, да повѣситъ надъ жертвенникомъ. Послѣ этихъ словъ я поплылъ на кораблѣ“. На морѣ поднялась страшная буря. Въ страхѣ Шимонъ обратился съ молитвой къ Богу. „И вотъ, увидѣлъ я въ высотѣ на воздухѣ церковь и недоумѣвалъ, что это за церковь. И былъ ко мнѣ гласъ свыше: это — церковь, которая будетъ создана отъ преподобнаго во имя Божіей Матери, какъ ты видишь, въ ту же величину и высоту; а размѣрить тѣмъ поясомъ — на 20 поясовъ въ ширину, на 30 въ долготу, а въ высоту на 50; въ этой церкви ты будешь положенъ. Послѣ этихъ словъ буря прекратилась“. Разсказавъ это, Шимонъ объявилъ, что теперь онъ понимаетъ, какая церковь ему являлась, и передалъ преподобнымъ поясъ и вѣнецъ.

Шимонъ много жертвовалъ на монастырь. Впослѣдствіи Шимонъ, исповѣдывавшій христіанство по западному обряду, оставилъ „латинскую буесть“ и перешелъ къ истинной Христовой вѣрѣ со всѣмъ своимъ домомъ—около трехъ тысячъ душъ—и со своими священниками.

Сынъ Шимона Георгій послѣ смерти отца сталъ питать великую любовь къ Кіевопечерскому монастырю. Впослѣдствіи Владимиръ М. сдѣлалъ этого Георгія воспитателемъ своего сына

Юрія (Долгорукаго). Когда Юрій былъ еще малолѣтнимъ отправленъ Владимиромъ въ Ростовъ, то съ нимъ вмѣстѣ отправился и Георгій.

2) О зодчихъ. Нѣкоторое время спустя послѣ того, какъ Шимонъ отдалъ вѣнецъ и поясъ, явились въ пещеру къ Антонію и Ѳеодосію изъ Царьграда четверо очень богатыхъ зодчихъ, которые спросили ихъ, гдѣ предположено строить церковь. Преподобные отвѣтили, что тамъ, гдѣ укажетъ Господь. Удивленные зодчіе сказали имъ: „Какъ же это? Вы узнали время своей смерти, дали намъ на работу столько золота и доселѣ еще не выбрали мѣста для церкви“! Удивились этимъ словамъ иноки и преподобные. Тогда зодчіе разсказали въ присутствіи всей братіи дѣло, какъ было. Однажды при восходѣ солнца къ каждому изъ нихъ явились благообразные юноши, которые сообщили имъ, что ихъ зоветъ къ себѣ царица во Влахерну (церковь Богородицы въ Константинополѣ). Когда они пришли туда, они увидѣли царицу, окруженную множествомъ воиновъ. Царица сообщила собравшимся зодчимъ, что рѣшила воздвигнуть себѣ на Руси въ Кіевѣ церковь, велѣла взять имъ золота на три года, указала, что они должны явиться къ Антонію и Ѳеодосію, сообщила, что Антоній благословитъ начало постройки и отойдетъ въ вѣчность, а Ѳеодосій послѣдуетъ за нимъ на слѣдующій годъ. Царица вручила имъ мощи св. мучениковъ и св. иноку для церкви. Зодчіе прибавили, что царицыно золото они получили при многочисленныхъ свидѣтеляхъ отъ Антонія и Ѳеодосія. Всѣ присутствующіе поняли, что царица во Влахернѣ была сама Богородица, а давшіе зодчимъ золото—ангелы Божіи.

Преподобный Антоній постановилъ провести три дня въ молитвѣ, чтобы Богъ указалъ мѣсто для построенія церкви. Во время молитвы явился къ Антонію ангелъ, который сказалъ ему, что онъ обрѣлъ передъ нимъ благодать. Антоній сказалъ ангелу: „Господи, если я обрѣлъ благодать передъ тобою, то пусть завтра будетъ на всей землѣ роса, а на мѣстѣ, которое ты благоволишь освятить, пусть будетъ сухо“. На другой день по всей землѣ была роса; только одно мѣсто оказалось сухимъ. Въ слѣдующую ночь Антоній помолился о томъ, чтобы по всей землѣ было сухо, а на святомъ мѣстѣ была роса. И эта молитва исполнилась. Вокругъ указаннаго свыше мѣста собралась вся братія. Антоній отмѣрилъ поясомъ

Шимона длину и ширину мѣста для храма и, поднявъ къ небу руку, громкимъ голосомъ сказалъ: „Услышь меня, Господи, услыши меня днесь огнемъ, да разумѣютъ вси, яко Ты еси, хотяй сего". Съ неба упалъ огонь, который пожегъ весь хворостъ и терніе, истребилъ росу и сдѣлалъ на отмѣренномъ мѣстѣ углубленіе, подобное рву.

Свидѣтелемъ этого чуда былъ Владимиръ М., бывшій въ то время очень юнымъ. Когда Владимиръ однажды заболѣлъ, его обложили золотымъ поясомъ Шимона, и Владимиръ выздоровѣлъ.

Ставши самостоятельнымъ княземъ, Владимиръ взялъ мѣру Печерской церкви и построилъ въ Ростовѣ храмъ, во всемъ подобный Печерской церкви. Сынъ Владимира Юрій по этому же образцу построилъ церковь въ Суздалѣ.

3) О живописцахъ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ чудеснаго появленія зодчихъ, при игуменѣ Никонѣ, изъ Константинополя явились иконописцы. Они обратились къ Никону съ просьбой указать имъ тѣхъ лицъ, которыя заключили съ ними договоръ объ иконописномъ украшеніи храма: дѣло въ томъ, что нанимателипри договорѣ показали маленькій храмъ, а этотъ храмъ оказывается очень большимъ; поэтому они возвращаютъ золото назадъ и уѣзжаютъ обратно. Игуменъ попросилъ живописцевъ описать внѣшность лицъ, нанимавшихъ ихъ. Они описали и сообщили имена ихъ: одинъ назывался Антоніемъ, другой Ѳеодосіемъ. Игуменъ сообщилъ живописцамъ, что указываемыя ими лица давно уже скончались, лѣтъ десять тому назадъ. Ужаснулись живописцы и не повѣрили. Они ссылались на свидѣтелей договора и требовали, чтобы имъ, по крайней мѣрѣ, показали изображеніе лицъ, относительно которыхъ игуменъ увѣрялъ, что они умерли. Игуменъ показалъ икону Антонія и Ѳеодосія. Живописцы, взглянувъ на икону, немедленно признали образы ихъ нанимателей. Живописцы раскаялись въ своемъ отказѣ исполнить заказъ Антонія и Ѳеодосія и разсказали о чудесномъ событіи, происшедшемъ съ ними по дорогѣ. Приблизившись на лодкѣ по Днѣпру къ Печерской церкви и увидѣвъ, что она очень велика, живописцы, недовольные этимъ, рѣшили немедленно отправиться назадъ, внизъ по Днѣпру. Когда наступила ночь, поднялась сильная буря, и лодка, точно увлекаемая какою-то сверхъестественною силою, поплыла вверхъ по теченію. Испугались живописцы. Въ слѣдующую ночь живо-

писцы очутились противъ Печерской церкви. Пресвятая Богородица съ намѣстной иконы стала укорять ихъ за сопротивленіе Ея волѣ и волѣ Сына. Несмотря на это, живописцы опять поплыли внизъ, и снова ихъ лодку стало тянуть вверхъ, къ Печерскому храму. Живописцы увидѣли, что нельзя бороться съ Божьей волей, и высадились у стѣнъ монастыря. Присутствовавшіе, услышавъ этотъ разсказъ, прославили Бога, Богородицу и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія.

Живописцы принялись за свое дѣло. Во время ихъ работы случилось чудо: на стѣнѣ вдругъ явился чудный образъ Богородицы, который возсіялъ болѣе яркимъ свѣтомъ, нежели солнце. Когда пораженные художники стали всматриваться въ образъ, изъ устъ Богородицы вылетѣлъ бѣлый голубь, который направился къ иконѣ Спасителя и скрылся за иконою; затѣмъ онъ вылетѣлъ изъ устъ Спасителя и сталъ летать по церкви. Живописцы хотѣли поймать его и не могли. Поняли тогда присутствовавшіе, что они сподобились видѣть дѣйствіе Пресвятого Духа, пребывающаго въ св. Печерской церкви.

4) Объ Алимпіи живописцѣ. Алимпій отданъ былъ родителями живописцамъ-грекамъ на ученіе. Онъ былъ свидѣтелемъ чуда, о которомъ разсказано въ предыдущемъ сказаніи. Когда Печерская церковь была украшена живописцами-греками, Алимпій принялъ монашество въ Кіевопечерскомъ монастырѣ. Алимпій былъ очень трудолюбивъ: цѣлыми днями онъ или реставрировалъ обветшалыя иконы церкви, или писалъ новыя иконы. Дѣятельность Алимпія сопровождалась чудесами.

Одинъ богатый кіевлянинъ заболѣлъ проказой. Врачи не могли справиться съ его болѣзнью. Одинъ изъ друзей посовѣтовалъ больному обратиться за помощью къ монахамъ Кіевопечерскаго монастыря. Больной съ трудомъ послушался совѣта и нехотя отправился въ монастырь. Игуменъ велѣлъ напоить его водой изъ колодца преп. Ѳеодосія и помазать голову и лицо его. Больному стало хуже: отъ него началъ распространяться такой смрадъ, что окружавшіе его убѣгали. Вернувшись домой, больной началъ сѣтовать на свою судьбу; онъ понялъ, что болѣзнь его приняла отвратительную форму потому, что приходилъ въ монастырь безъ вѣры, и сталъ ждать своей смерти. Однажды больной опомнился и задумалъ исповѣдать свои согрѣшенія. Для этого онъ явился въ монастырь къ Алимпію. Выслушавъ больного, Алимпій взялъ иконописныя

краски и помазалъ ими гнойныя струпья на лицѣ его. Затѣмъ Алимпій повелъ его въ церковь, причастилъ и велѣлъ умыться водою, которою умываются священники послѣ причастія. Тотчасъ произошло чудо: струпья свалились съ лица, и больной выздоровѣлъ.

Одинъ христолюбивый житель Кіева заказалъ Алимпію черезъ знакомыхъ ему монаховъ семь большихъ иконъ для церкви, далъ имъ доски для иконъ и серебра. Монахи взяли все это, но о заказѣ ничего не сказали Алимпію. Когда заказчикъ навелъ у своихъ монаховъ справки объ иконахъ, они сказали, что Алимпій требуетъ еще столько же серебра. Заказчикъ далъ. Черезъ нѣкоторое время монахи въ третій разъ взяли у заказчика серебра, будто бы по требованію Алимпія. Когда заказчикъ послѣ этого снова справился о заказѣ, монахи объявили ему, что Алимпій отказывается писать иконы, а денегъ обратно не вернетъ. Заказчикъ отправился съ жалобой къ игумену. Игуменъ призвалъ Алимпія и сталъ его стыдить. Удивленный Алимпій заявилъ, что никакого заказа онъ не получилъ. Игуменъ, чтобы уличить Алимпія, велѣлъ принести доски, отданныя заказчикомъ. Когда доски были принесены, оказалось, что на нихъ весьма искусно сдѣланы святыя изображенія. Всѣ пришли въ ужасъ и пали ницъ передъ этими нерукотворенными образами. Монахи, взявшіе отъ заказчика серебро, были изобличены и выгнаны изъ монастыря. Слухъ о чудѣ, происшедшемъ съ иконами, дошелъ до Владимира Мономаха.

Съ таинственными иконами случилось новое чудо. Во время пожара сгорѣла церковь, въ которой были эти иконы; послѣ пожара всѣ семь иконъ оказались цѣлыми и невредимыми. Владиміръ М., узнавъ о второмъ чудѣ, взялъ одну изъ этихъ иконъ и отправилъ ее въ Ростовъ, въ каменную церковь, построенную имъ въ мѣру Кіевопечерской церкви.

Одинъ благочестивый человѣкъ заказалъ Алимпію икону Успенія Богородицы и просилъ приготовить ее къ празднику Успенія для одного храма. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Алимпій разболѣлся и не могъ приняться за исполненіе заказа. Заказчикъ сталъ безпокоиться и выразилъ Алимпію свое неудовольствіе. Алимпій утѣшалъ его и обѣщалъ, что къ празднику икона будетъ на своемъ мѣстѣ готовой. Наканунѣ праздника заказчикъ снова зашелъ къ Алимпію: икона все еще не была

написана, а Алимпій разболѣлся пуще прежняго. Заказчикъ началъ сѣтовать на Алимпія, говоря, что, если бы Алимпій заблаговременно сообщилъ ему о своей немощи, онъ отдалъ бы свой заказъ другому, „дабы праздникъ свѣтелъ и честенъ былъ; нынѣ же посрамилъ мя еси, удержавъ икону“. Алимпій сослался на свою болѣзнь и на то, что онъ отходитъ отъ міра сего; поэтому онъ не могъ исполнить заказъ, но заказчикъ не долженъ печалиться: Богу возможно написать икону единымъ словомъ. Заказчикъ ушелъ въ сильномъ горѣ. Послѣ его ухода къ Алимпію вошелъ какой-то свѣтлый юноша и началъ писать икону. Алимпій думалъ, что заказчикъ прислалъ другого живописца. Но скорость и красота письма убѣдили Алимпія, что это—ангелъ. Къ вечеру живописецъ и икона стали невидимы. Когда на другой день заказчикъ вошелъ въ церковь помолиться о своемъ согрѣшеніи,—что икона не поспѣла къ празднику,—онъ вдругъ увидѣлъ икону, стоявшую на своемъ мѣстѣ и сіявшую.

5) О св. Агапитѣ, безмездномъ врачѣ. Агапитъ получилъ отъ Бога даръ исцѣлять больныхъ своею молитвою, давая зеліе отъ своего стола. Въ это время въ Кіевѣ жилъ врачъ-армянинъ, весьма искусный, умѣвшій по одному взгляду на больного угадывать день и часъ его смерти. Однажды къ врачу-армянину былъ приведенъ больной боярин князя Всеволода. Врачъ, взглянувъ на него, предсказалъ, что черезъ восемь дней онъ умретъ. Больного, пришедшаго въ отчаяніе, принесли въ монастырь къ Агапиту. Послѣдній сотворилъ надъ нимъ молитву и далъ ему зелія. Больной выздоровѣлъ. По всей Русской землѣ распространилась слава объ Агапитѣ, возбуждавшая зависть во врачѣ-армянинѣ.

Однажды заболѣлъ въ Черниговѣ князь Владимиръ М. Врачъ-армянинъ безуспѣшно лѣчилъ его. Чувствуя приближеніе смерти, Владимиръ послалъ за Агапитомъ. Агапитъ послалъ князю своего зелья, и князь выздоровѣлъ. Князь пріѣхалъ въ монастырь и пожелалъ вознаградить Агапита золотомъ; но Агапитъ не явился къ князю, отъ золота отказался и посовѣтовалъ князю раздать свое добро бѣднымъ. Князь же, „не дерзая преслушати святого, начатъ нещадно раздаяти имѣніе свое нищимъ“.

Послѣ многихъ трудовъ и подвиговъ Агапитъ разболѣлся. Явился къ нему врачъ-армянинъ, какъ бы для посѣщенія, и

сталъ разспрашивать его, какимъ онъ зеліемъ исцѣляетъ тотъ или другой недугъ. Агапитъ отвѣтилъ: „тѣмъ, какое укажетъ Господь—врачъ души и тѣла“. Армянинъ, взявъ Агапита за руку, сказалъ ему, что онъ умретъ на третій день. Блаженный Агапитъ съ гнѣвомъ сказалъ армянину, что врачебное искусство не въ томъ состоитъ, чтобы предсказывать смерть, а въ томъ, чтобы исцѣлять отъ болѣзни; что касается дня его смерти, то Господь открылъ ему, что умретъ не черезъ три дня, а черезъ три мѣсяца. Такъ и случилось. Послѣ смерти Агапита армянинъ-врачъ пришелъ въ монастырь и самъ постригся.

6) О Прохорѣ чудотворцѣ. Въ княженіе Святополка Изяславича кіевляне много терпѣли отъ жестокости и несправедливости своего князя. Вслѣдствіе этого Богъ попустилъ, чтобы поганые половцы возымѣли на Святополка большую силу. Къ этому присоединился и рядъ другихъ бѣдствій — междоусобія и голодъ. Изъ Галича и Перемышля не пустили къ Кіеву купцовъ съ солью, вслѣдствіе чего кіевскіе промышленники повысили цѣны на соль. Населеніе стало сильно страдать. Въ это время въ Кіевопечерскомъ монастырѣ жилъ блаженный Прохоръ. Прохоръ совершалъ особый подвигъ: онъ лишилъ себя обычнаго хлѣба, собиралъ траву лебеду, растиралъ ее своими руками, дѣлалъ хлѣбъ и такъ питался. Обыкновенно онъ лѣтомъ заготовлялъ себѣ запасъ такого хлѣба на весь годъ. Богъ, видя терпѣніе св. Прохора, претворялъ обильную горечь лебеды въ сладость, и хлѣбъ, приготовленный подвижникомъ, оказывался пріятнымъ для вкуса. Когда случился на Руси упомянутый голодъ, Прохоръ сталъ съ особымъ усердіемъ приготовлять изъ лебеды хлѣбъ и раздавать его голоднымъ и неимущимъ. Замѣчательно при этомъ было то, что только хлѣбъ, приготовленный Прохоромъ, былъ пріятенъ на видъ и вкусенъ; когда же брались за приготовленіе такого хлѣба другіе, хлѣбъ оказывался чернымъ на цвѣтъ и горькимъ, какъ полынь. Когда на Руси стало мало соли, Прохоръ собралъ со всѣхъ келій много пепла, усердно помолился надъ нимъ, благословилъ его и сталъ раздавать его неимущимъ: вмѣсто пепла оказалась прекрасная соль. Такъ какъ Прохоръ раздавалъ соль безплатно, то множество народа ходило въ монастырь. У купцовъ перестали покупать соль. Купцы озлобились на Прохора и пошли къ князю Святополку съ жалобой. Святополкъ рѣ-

шилъ воспользоваться жалобой купцовъ для собственнаго обогащенія. Посовѣтовавшись съ приближенными, онъ назначилъ весьма высокую цѣну на соль и затѣмъ велѣлъ конфисковать всю соль у Прохора. Когда монастырская соль была привезена на княжескій дворъ, оказалось, что это—не соль, а пепелъ. Князь велѣлъ хранить этотъ пепелъ три дня, а затѣмъ велѣлъ выбросить его за ворота дворца. Между тѣмъ народъ продолжалъ приходить въ монастырь за солью, но соли уже не было. Народъ проклиналъ князя. Прохоръ утѣшалъ народъ и совѣтовалъ ждать момента, когда князь выброситъ соль. Народъ такъ и сдѣлалъ: пепелъ, выброшенный княземъ, снова превратился въ соль.

7) О Ѳеодорѣ и Василіи. Ѳеодоръ былъ богатый человѣкъ. Слыша евангельское изреченіе: „Всякъ отъ васъ, иже не отречется отъ всего своего имѣнія, не можетъ быти мой ученикъ“, Ѳеодоръ рѣшилъ послѣдовать ему. Онъ роздалъ свое богатство нищимъ и постригся въ монахи въ Кіево-печерскомъ монастырѣ. По повелѣнію игумена, Ѳеодоръ поселился въ пещерѣ, которая называлась Варяжской и въ которой, по преданію, былъ зарытъ варяжскій кладъ. Поселившись въ пещерѣ, Ѳеодоръ началъ раскаиваться въ томъ, что отрекся отъ міра и отъ богатства. Въ монастырѣ спасался въ то время другой черноризецъ, Василій, который сталъ наставлять Ѳеодора на путь истинный. Василію удалось успокоить Ѳеодора и укрѣпить его въ борьбѣ съ діаволомъ. Діаволъ рѣшился тогда иначе завладѣть Ѳеодоромъ. Когда Василій по монастырскимъ дѣламъ отлучился на три мѣсяца, діаволъ, принявши образъ Василія, явился къ Ѳеодору и научилъ его помолиться Богу о ниспосланіи ему множества золота и серебра для раздачи его нищимъ. Діаволъ явился Ѳеодору во снѣ, въ образѣ свѣтлаго ангела, который указалъ ему на кладъ въ пещерѣ. Проснувшись, Ѳеодоръ сталъ копать въ указанномъ мѣстѣ и нашелъ богатое сокровище. Діаволъ въ образѣ Василія сталъ совѣтовать Ѳеодору скрыться съ этимъ сокровищемъ изъ монастыря и спасаться въ другомъ мѣстѣ. Ѳеодоръ послушался и сталъ дѣлать приготовленія къ этому. Въ это время вернулся, исполнивъ порученіе, Василій и направился къ Ѳеодору. Изъ бесѣды съ Ѳеодоромъ Василій узналъ о происшедшемъ и открылъ Ѳеодору продѣлки діавола. Ѳеодоръ испугался. Онъ выкопалъ въ пещерѣ ровъ, вложилъ туда сокровища, пріобрѣ-

тенныя при помощи діавола, засыпалъ ихъ и сталъ молиться, чтобы Богъ даровалъ ему забвеніе этого мѣста. Богъ услышалъ эту молитву, и Ѳеодоръ забылъ, гдѣ закопалъ сокровища. Съ этого времени Ѳеодоръ сильно укрѣпился въ заповѣдяхъ Божіихъ. Онъ пріобрѣлъ силу надъ бѣсами, которыхъ одинъ разъ заставилъ измолоть пять возовъ зерна, а въ другой разъ— втащить съ берега Днѣпра срубленный лѣсъ на гору.

Чтобы отомстить Ѳеодору, діаволъ, принявъ образъ Василія, явился къ одному изъ княжескихъ совѣтниковъ съ донесеніемъ, что монахъ Ѳедоръ нашелъ въ пещерѣ сокровище, съ которымъ собирается скрыться, такъ что князю ничего не достанется. Совѣтникъ донесъ объ этомъ князю Мстиславу, сыну Святополка II. Князь съ отрядомъ воиновъ отправился въ монастырь, захватилъ Ѳеодора и привелъ его къ себѣ домой. Князь спросилъ Ѳеодора, дѣйствительно ли онъ нашелъ сокровище. Ѳеодоръ отвѣтилъ утвердительно, причемъ сказалъ, что тамъ было безчисленное множество золота, серебра и сосудовъ латинскихъ. Князь предложилъ Ѳеодору подѣлиться съ нимъ этимъ сокровищемъ. Ѳеодоръ сказалъ, что охотно сдѣлалъ бы это, но забылъ, гдѣ онъ закопалъ сокровище. Князь, думая, что Ѳеодоръ съ умысломъ лжетъ, велѣлъ сковать Ѳеодора и не давать ему три дня ни хлѣба, ни воды. Ѳеодоръ продолжалъ увѣрять, что онъ не знаетъ, гдѣ закопано сокровище. Князь велѣлъ пытать Ѳеодора. И это было безуспѣшно. Тогда князь для уличенія Ѳеодора въ запирательствѣ велѣлъ привести къ себѣ Василія. Василій отвѣтилъ, что онъ не знаетъ, гдѣ зарыто сокровище. Князь приказалъ пытать и Василій. Пытаемые монахи стали обличать князя. Князь, „шуменъ сый отъ вина“, разъярился и пустилъ въ Василія стрѣлою. Василій извлекъ изъ себя стрѣлу и сказалъ князю: „Этою стрѣлою самъ уязвленъ будеши“. Ночью оба мученика скончались. Предсказаніе Василія исполнилось: въ битвѣ съ Давидомъ Игоревичемъ Мстиславъ Святополковичъ былъ смертельно раненъ стрѣлою.

8) О Григоріи чудотворцѣ. Чудотворецъ Григорій, прославившійся чудесами, принялъ мученическую смерть при такихъ обстоятельствахъ. Однажды онъ вышелъ на Днѣпръ, чтобы зачерпнуть воды. Въ это время на берегу Днѣпра находился Ростиславъ Всеволодовичъ, который съ братомъ своимъ Владимиромъ М. шелъ въ монастырь помолиться передъ походомъ

на половцевъ. Отроки Ростислава стали издѣваться надъ Григоріемъ. Григорій обратился къ отрокамъ со слѣдующими словами: „Вамъ бы слѣдовало имѣть умиленіе и требовать молитвы, а не дѣлать зла: оплакивайте лучше свою погибель и кайтесь въ своихъ прегрѣшеніяхъ, дабы принять отраду въ страшный день, потому что уже васъ постигъ судъ: вы всѣ потонете въ водѣ вмѣстѣ съ вашимъ княземъ“. Услышавъ слова Григорія, Ростиславъ вскричалъ: „Мнѣ ли смерть повѣдаешь отъ воды, когда я хорошо умѣю въ ней плавать? Ты самъ ее попробуешь“! Онъ велѣлъ связать старцу руки и ноги, привязать къ его шеѣ камень и бросить его въ воду. Григорій былъ утопленъ. Пылая яростью, Ростиславъ даже не захотѣлъ войти въ монастырь и ушелъ отъ него. Братъ его Владимиръ М., не въ примѣръ брату, зашелъ въ монастырь, „молитвы и благословенія прося“.

Въ битвѣ съ половцами русскіе потерпѣли пораженіе. Во время бѣгства пришлось русскимъ переходить черезъ рѣку Стугну. Владимиръ М. „молитвы ради и благословенія печерскихъ святыхъ“ спасся, а братъ его Ростиславъ со всѣмъ своимъ воинствомъ утонулъ (см. въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, § 256). Такъ исполнилось предсказаніе Григорія.

269. Комментаріи къ кіевопечерскимъ сказаніямъ. Кіевопечерскія сказанія по своему содержанію чрезвычайно интересы. *Во-первыхъ*, въ нихъ отмѣчаются иноземныя вліянія на княжеско-дружинную Русь и среди нихъ вліянія скандинавское и греческое; *во-вторыхъ*, въ нихъ отчетливо изображаются отношенія между двумя силами: княземъ и кіевопечерскимъ монашествомъ; *въ-третьихъ*, въ нихъ намѣченъ путь, по которому распространялось вліяніе византійско-болгарской культуры; *въ-четвертыхъ*, въ нихъ намѣчены нѣкоторыя условія, при которыхъ создавалась культура Окско-Волжской Руси.

Первыя три сказанія („О Шимонѣ“, „О зодчихъ“ и „О живописцахъ“), заимствованныя изъ „Житія преп. Антонія“ (§ 204), имѣютъ своимъ предметомъ исторію построенія кіевопечерскаго храма во имя Успенія Богородицы. Изъ нихъ видно, что идея храма возникла въ княжеско-дружинной средѣ скандинавскаго происхожденія. *Во-первыхъ*, Шимонъ, изгнанный изъ Скандинавіи,—сынъ скандинавскаго князя Африкана; *во-вторыхъ*, поясъ и вѣнецъ Христовъ были привезены изъ Скандинавіи; *въ-третьихъ*, идея и планъ храма выработаны были

Шимономъ; *въ-четвертыхъ*, Шимонъ въ то время, когда излагалъ Антонію свое видѣніе и передавалъ ему поясъ и вѣнецъ съ распятія, исповѣдывалъ христіанство по западному обряду и только впослѣдствіи перешелъ къ христіанству по восточному обряду.

Если иниціатива въ построеніи кіевопечерской церкви принадлежала скандинавской культурѣ, то осуществленіе ея, по кіевопечерскимъ сказаніямъ, принадлежитъ Византіи: архитекторы и живописцы чудесно явились изъ Византіи [1]).

Такимъ образомъ, кіевопечерскія сказанія приписываютъ возникновеніе кіевопечерской церкви взаимодѣйствію двухъ культуръ: скандинавской и византійской.

Эти же три сказанія даютъ матеріалъ для установленія факта, что дѣятельность кіевопечерскаго монашества находилась въ нѣкоторой связи съ дѣятельностью Всеволода Ярославича и его потомства. *Во-первыхъ*, Шимонъ, по распоряженію Ярослава М., служитъ у Всеволода, а сынъ его Георгій руководитъ воспитаніемъ Юрія, сына Владимира М.; *во-вторыхъ*, Владимиръ М. былъ свидѣтелемъ, какъ съ неба упалъ огонь на то мѣсто, которое свыше было предназначено для печерской церкви; *въ-третьихъ*, Владимиръ М., больной, возложилъ на себя золотой поясъ и выздоровѣлъ; *въ-четвертыхъ*, Владимиръ М., взявъ мѣру печерской церкви, построилъ въ Ростовѣ сходную съ печерской церковь; *въ-пятыхъ*, сынъ Владимира Юрій такой же храмъ сооружаетъ въ Суздалѣ. Изъ всего этого очевидно, что между кіевопечерскимъ монашествомъ и домомъ Всеволода Ярославича существовала тѣсная связь. Связь эта объясняется прежде всего тою ролью, которую игралъ Кіевопечерскій монастырь во второй половинѣ XI в.: онъ былъ центромъ пробуждавшейся кіевской демократіи, и, слѣдовательно, князьямъ было выгодно заручиться расположеніемъ монастыря. Всеволодъ и особенно его сынъ Владимиръ М., воспитанный на византійско-болгарскихъ началахъ, должны были съ особенною отчетливостью сознавать развитіе силы Кіевопечерскаго монастыря и стремиться использовать эту силу въ собственныхъ интересахъ.

Если Всеволодъ и его потомство держались въ отношеніи къ кіевопечерскому монастырю предупредительно, то другіе

---

[1]) Необходимо помнить тенденцію „Житія преп. Антонія“ (§ 204).

сыновья Ярослава—Изяславъ и Святополкъ, не сознававшіе силы этого монастыря, держались, особенно вначалѣ, иной политики, какъ это видно изъ исторіи столкновеній между Антоніемъ и Изяславомъ, между Ѳеодосіемъ и Святославомъ (§§ 194—195). Потомство Изяслава, именно сынъ его Святополкъ и внукъ Мстиславъ, относились къ кіевопечерскому монашеству безъ всякаго уваженія. Изъ сказаній „О Прохорѣ чудотворцѣ“ и „О Ѳеодорѣ и Василіи“ видно, что для этихъ князей монахи были, какъ и прочее русское населеніе, лишь удобнымъ для грабежа предметомъ.

Кіевопечерскія сказанія отмѣчаютъ также условія, при которыхъ распространялось на Руси вліяніе византійской культуры: носителемъ этой культуры былъ домъ Всеволода; этотъ же домъ усиленно насаждалъ византійско-болгарскую культуру въ Окско-Волжской Руси.

270. Особенности сказаній въ посланіяхъ Симона и Поликарпа. Житія святыхъ преслѣдовали поучительную цѣль, какъ это видно изъ житій Бориса и Глѣба и Ѳеодосія (§ 203). Эта же цѣль имѣется въ виду Симономъ и Поликарпомъ. Поликарпъ въ началѣ своего посланія къ Акиндину пишетъ: „да и сущіи по насъ черноризци увѣдятъ благодать Божію, бывшую въ святѣмъ семъ манастырѣ и прославятъ отца небеснаго, показавшаго таковыи свѣтилникы в Русской землѣ, въ Печерскомъ святомъ монастырѣ“. Излагая дѣянія кіевопечерскихъ иноковъ, авторы хотѣли дать живые образчики для подражанія въ духѣ воздержанія, послушанія, терпѣнія и пр. Тотъ же Поликарпъ пишетъ въ своемъ посланіи: „Аще быхъ ти написалъ, честный архимандрите..., преже назнаменанныхъ святыхъ и преподобныхъ отець, овыхъ чюдотвореніа, инѣхже исправленіе, другихъ крѣпкое възъдръжаніе, овых же послушное, другыхъ прозорливство“.

Сходныя по цѣли съ житіями святыхъ, сказанія Симона и Поликарпа имѣютъ и существенное отличіе отъ нихъ. Житія представляютъ по своему содержанію біографію, правда, такую біографію, которая излагаетъ только факты, дающіе возможность воздать святому похвалу, но все-таки біографію, т.-е. болѣе или менѣе цѣльный разсказъ, проведенный черезъ всю жизнь изображаемаго лица. Сказанія же Симона и Поликарпа представляютъ повѣствованія объ отдѣльныхъ моментахъ или событіяхъ изъ жизни и дѣятельности данныхъ лицъ или изъ

исторіи Кіевопечерскаго монастыря и, слѣдовательно, должны быть отнесены къ тому роду житійной литературы, который носитъ названіе патериковъ (§§ 75—77).

Подъ вліяніемъ византійско-болгарскихъ патериковъ у насъ создалась своя житійная литература, съ которой Симонъ и Поликарпъ были хорошо знакомы. Это видно изъ того, что они дѣлаютъ ссылки на не дошедшее до насъ „Житіе преп. Антонія“, на „Житіе преп. Ѳеодосія“, упоминаютъ труды Нестора и другихъ лѣтописцевъ монастырскихъ. Кромѣ того, Симонъ и Поликарпъ пользовались синодиками, т.-е. книгами, въ которыхъ записываются имена лицъ живыхъ или умершихъ для поминовенія ихъ на литургіи. Такъ какъ въ этихъ синодикахъ иногда отмѣчался годъ смерти даннаго лица или вообще дѣлалась какая-нибудь помѣтка, то синодики могли служить для составителей сказаній важнымъ пособіемъ.

Въ сравненіи съ житіями святыхъ сказанія Симона и Поликарпа представляютъ важный шагъ впередъ: въ нихъ есть элементъ, отсутствующій, или слабо проявляющійся въ житіяхъ, составленныхъ преп. Несторомъ,—элементъ религіозно-поэтическій. По мѣрѣ того, какъ дѣятельность кіевопечерскихъ иноковъ и вообще начальная жизнь кіевопечерскаго монастыря отходили въ прошлое, среди потомства должны были возникать около этого прошлаго множество сказаній легендарнаго характера. Симонъ и Поликарпъ собрали въ своихъ сказаніяхъ много чудеснаго и фантастическаго. Сами составители поражаются обиліемъ чудеснаго, проявившагося въ кіевопечерскомъ монастырѣ. Такъ, Симонъ, изложивъ рядъ необычайныхъ чудесъ, говоритъ Поликарпу: „Поистинѣ, братъ Поликарпъ, гдѣ слышалъ ты о такихъ дивныхъ чудесахъ, какія творились во святомъ печерскомъ монастырѣ“? Чудеса, происходившія при построеніи главной Печерской церкви, заставляютъ Симона написать слѣдующія строки: „Прошли мы книги Ветхаго и Новаго завѣта и нигдѣ не находили о святыхъ церквахъ такихъ чудесъ, какъ объ этой“. Необычайность чудесъ и обиліе ихъ заставляютъ авторовъ сказаній опасаться, что въ комъ-нибудь они могутъ возбудить сомнѣнія. И они дѣлаютъ соотвѣтствующія оговорки. Такъ, Симонъ, разсказавъ о Кукшѣ и Пименѣ, говоритъ: „Оставлю убо много глаголати еже о святыхъ; аще ли не довлѣетъ ти моя бесѣда..., то ни самое Писаніе на увѣреніе тя приведетъ; аще ли же и

симъ не вѣруеши, то аще кто и отъ мертвыхъ воскреснеть, не имеши вѣры". Поликарпъ въ своемъ посланіи дѣлаетъ такого же рода замѣчаніе: „Другимъ убо непріатна мнится быти глаголемая, величества ради дѣлъ".

Мотивы сказаній Симона и Поликарпа не представляютъ чего-либо самобытнаго: они не что иное, какъ повторенія, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, тѣхъ мотивовъ, которые выработались въ византійской литературѣ. Такое повтореніе объясняется очень просто. Авторы сказаній о новыхъ святыхъ искали въ своихъ геройхъ черты сходства съ древними святыми, и такъ какъ большею частью не трудно было найти ихъ, то незамѣтно въ сказанія о новѣйшихъ святыхъ проникали черты древнихъ святыхъ. Мотивы о святыхъ могутъ быть распредѣлены на три группы: 1) мотивы, повторяющіе библейскіе разсказы, 2) мотивы, перенесенные отъ древнихъ святыхъ къ позднѣйшимъ, и 3) мотивы, возникшіе изъ буквальнаго пониманія переносныхъ выраженій.

1) Мотивы, повторяющіе библейскіе разсказы. Первымъ примѣромъ такого повторенія можетъ послужить разсказъ объ основаніи Печерской церкви: чудесное указаніе, по молитвѣ Антонія, мѣста для церкви напоминаетъ мотивъ, который извѣстенъ по библейскому разсказу о Гедеонѣ.

Другой примѣръ можетъ быть приведенъ изъ сказанія объ Алимпіи живописцѣ. Алимпій, по разсказу, приказалъ исцѣленному умыться водою, которою умываются священники, и показаться имъ. Послѣдняя черта въ сказаніи, очевидно, навѣяна евангельскимъ разсказомъ объ исцѣленіи десяти прокаженныхъ.

2) Перенесеніе мотивовъ съ древнихъ святыхъ на новыхъ. Примѣрами подобнаго перенесенія могутъ служить разсказы о св. Кукшѣ, который свелъ дождь съ неба и осушилъ озеро, о св. Ѳеодорѣ, который, „яко въ росѣ, въ пламени пребываше", о живописцахъ-грекахъ, лодка которыхъ чудесно шла противъ теченія.

3) Буквальное толкованіе переносныхъ выраженій. Образцомъ сказанія, возникшаго такимъ путемъ, можетъ служить разсказъ о св. Ѳеофилѣ. Этотъ инокъ обладалъ способностью во время молитвъ проливать слезы. Онъ плакалъ и собиралъ слезы въ кувшинъ. Когда приблизилось время смерти св. Ѳеофила, явился къ нему ангелъ съ другимъ подобнымъ кувши-

номъ, издававшимъ благоуханіе. Ангелъ показалъ Ѳеофилу этотъ кувшинъ и сказалъ, что въ немъ находятся слезы, нечаянно пролитыя святымъ, и что только эти слезы и угодны Богу, а не тѣ, которыя собраны имъ самимъ. Сказаніе это, очевидно, возникло на почвѣ буквальнаго пониманія переноснаго выраженія „проливать слезы“, въ смыслѣ раскаянія въ грѣхахъ, скорби, испытываемой сознаніемъ своей грѣховности. Замѣчательно, что этотъ мотивъ попадается въ сказкахъ. Среди трудно выполнимыхъ порученій, которыя даются героямъ сказокъ, есть, между прочимъ, порученіе—наплакать кувшинъ слезъ.

Нѣкоторыми чертами своими сказанія Симона и Поликарпа вообще сближаются съ устнымъ творчествомъ, особенно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о діаволѣ. Образъ діавола, выводимый въ этихъ сказаніяхъ, сложенъ по своему происхожденію. Въ немъ слились черты двоякаго рода: черты, которыми діаволъ надѣлялся на іудейскомъ востокѣ, т.-е. діаволъ, какъ существо злое и мудрое, обладающее особыми знаніями, и черты, перенесенныя съ русскихъ языческихъ божествъ, или вообще миѳическихъ существъ, на которыя духовенство смотрѣло, какъ на діавола, бѣсовъ и т. д. Такой взглядъ съ теченіемъ времени распространялся въ массу населенія; имена боговъ (Дажьбогъ, Стрибогъ, Велесъ, Перунъ) стали забываться, разсказы же объ нихъ сохранились и были пріурочены къ діаволу или бѣсамъ. Такимъ образомъ, тѣ мѣста въ сказаніяхъ о святыхъ, которыя повѣствуютъ о діаволѣ или бѣсахъ, носятъ слѣды русской миѳологіи.

Поликарпъ въ сказаніи о св. Іоаннѣ Затворникѣ (Многострадальномъ) разсказываетъ, что этотъ святой переживалъ тяжелую борьбу со своею плотью. Для побѣды надъ ней онъ рѣшилъ закопать себя въ землю. Діаволу не понравилась такая ревность, и онъ, явившись святому въ видѣ дракона, изрыгающаго пламя, сталъ пугать святого. Но святой обратился съ молитвой къ Богу; съ неба ударила молнія, и діаволъ исчезъ. Молніей, какъ извѣстно, свѣтлый богъ побѣждалъ, по древнимъ вѣрованіямъ, бога мрака.

Нерѣдко діаволъ представляется, хотя и могучимъ существомъ, но нѣсколько простоватымъ. Въ сказаніи о св. Ѳеодорѣ повѣствуется, что этотъ святой получилъ отъ Бога власть надъ бѣсами. Въ монастырѣ св. Ѳеодоръ завѣдывалъ молоть-

бой хлѣба. Однажды въ монастырь привезли пять возовъ хлѣба, которые сданы были Ѳеодору. Весь этотъ хлѣбъ, по приказанію Ѳеодора, былъ въ одну ночь смолотъ бѣсами. Въ другой разъ необходимо было съ берега Днѣпра перетащить въ монастырь много лѣсу. По приказанію св. Ѳеодора, и эта работа въ одну ночь была исполнена бѣсами.

Въ другихъ сказаніяхъ діаволъ выступаетъ существомъ, обладающимъ мудростью и знаніями. Поликарпъ разсказываетъ о монахѣ Никитѣ, который вдругъ сталъ говорить по-древнееврейски, началъ дѣлать предсказанія и пересталъ читать Новый Завѣтъ. Иноки поняли, что Никита одержимъ бѣсомъ. Они стали читать надъ нимъ запретительную молитву. Бѣсъ вышелъ изъ Никиты, и Никита забылъ еврейскій языкъ. Другой инокъ также вдругъ заговорилъ на разныхъ языкахъ: еврейскомъ, латинскомъ и греческомъ. Св. Лаврентій изгналъ изъ него бѣса, и инокъ забылъ эти языки.

Такое противорѣчіе въ образѣ діавола объясняется сложностью его происхожденія: мудрость и знанія приписываются ему на основаніи восточныхъ представленій, а простоватость заимствована изъ русскихъ миѳовъ, въ которыхъ темная сила представляется побѣждаемой свѣтлымъ началомъ.

271. „Кіевопечерскій патерикъ“. Сказанія изъ посланій Симона и Поликарпа, дополненныя новыми сказаніями, образовали впослѣдствіи особое произведеніе—„Кіевопечерскій патерикъ“.

Моленіе Даніила.

(1213—1236).

272. Свѣдѣнія о Даніилѣ. Свѣдѣнія о личности и жизни Даніила—двоякаго происхожденія: одни изъ нихъ устанавливаются анализомъ его произведенія—„Моленія“, другія даются преданіемъ о немъ. Изъ „Моленія“ устанавливаются слѣдующія скудныя данныя. Даніилъ — уроженецъ Переяславля Залѣсскаго (въ Ростово-Суздальской землѣ). Онъ—еще молодой человѣкъ, дворянинъ (младшій дружинникъ, § 164), сынъ зажиточныхъ родителей, очень образованный и начитанный для своего времени, т.-е. для первой половины XIII в. Провинившись чѣмъ-то предъ своими родителями (вѣроятно, слишкомъ отдавался чтенію книгъ), Даніилъ лишился матеріальной под-

держки съ ихъ стороны и очутился въ бѣдственномъ положеніи. Нѣкоторое время Даніилъ провелъ на службѣ у бояръ-капиталистовъ. Тяжесть труда и унизительное положеніе трудящагося у бояръ-эксплоататоровъ, вынудили Даніила покинуть службу. Ища выхода изъ своего положенія, Даніилъ рѣшился, наконецъ, обратиться къ переяславльскому князю Ярославу Всеволодовичу (1213—1236), сыну Всеволода III Большое Гнѣздо и отцу Александра Невскаго, съ просьбой взять его къ себѣ на службу. Свою просьбу онъ очень талантливо изложилъ и мотивировалъ въ произведеніи, извѣстномъ подъ заглавіемъ „Моленіе“.

Таковы данныя о личности и жизни Даніила, извлекаемыя изъ его произведенія. Преданіе о Даніилѣ сообщаетъ, что онъ былъ заточенъ княземъ на озерѣ Лачъ (отсюда—прозвище Заточникъ, съ которымъ долгое время связывалось имя Даніила) и что свое „Моленіе“ онъ послалъ князю изъ ссылки; но содержаніе „Моленія“ не даетъ никакихъ основаній для подтвержденія этого преданія.

273. Свѣдѣнія о „Моленіи“ Даніила. „Моленіе„ Даніила, какъ живое талантливое произведеніе, подверглось во второмъ періодѣ исторіи древней русской литературы (отъ половины XIII в. до конца XV в.) передѣлкамъ. Поэтому „Моленіе“ дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: 1) первоначальной, вѣроятно, болѣе или менѣе совпадающей съ авторскимъ оригиналомъ (такъ называемые, списки Ундольскаго и Чудовскій), и 2) позднѣйшей, представляющей передѣлку оригинала (списки Толстовскій, Калайдовича, Академическій и Московскій). За большую близость списковъ перваго разряда къ авторскому оригиналу (а, можетъ быть, и за тожественность съ нимъ) говоритъ то, что содержаніе ихъ, въ общемъ, отличается систематичностью и связностью, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проникнуты рѣзкимъ личнымъ чувствомъ. Въ противоположность этому содержаніе списковъ второго разряда часто обнаруживаетъ отсутствіе прямой связи между изложенными подрядъ мыслями, доходящее до того, что получается иногда впечатлѣніе „нескладной болтовни“.

274. Содержаніе „Моленія“. „Моленіе“ состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: 1) приступа, 2) изложенія и 3) заключенія.

1) **Приступъ.** Въ приступѣ авторъ въ высокопарныхъ выра-

женіяхъ, заимствованныхъ изъ церковной литературы, между прочимъ, изъ Псалтири, высказываетъ намѣреніе „изрещи слово“. „Вострубимъ, братіе, аки въ златокованную трубу, въ разумъ ума своего; начнемъ бити въ сребреные органы и возвѣемъ мудрости своея, и ударимъ въ мысли ума своего, поюще въ богодухновенныя свирѣли, да восплачутся въ насъ душеполезные помыслы. Востани, слава моя! Востани, Псалтыри и гусли, да разверзу въ притчахъ гаданія (мысли) моя и провѣщаю въ языцѣхъ славу мою“. Авторъ опасается, что его „Моленіе“ можетъ навлечь на него со стороны князя „похуленія“. Но нужда беретъ верхъ надъ его опасеніями. „Вѣдый, господине, твое доброразуміе, притекохъ ко обычнѣй твоей любви. Глаголетъ бо святое Писаніе: просите и пріимете. Давидъ рече: не суть рѣчи ни словеса, ихже не слышатся гласи ихъ. Мы же не умолчимъ, но возглаголемъ къ господину своему, всемилостивому Ярославу Всеволодовичу“.

2) Изложеніе. Изложеніе распадается на двѣ части: а) бѣдственное положеніе автора и его просьба и б) предполагаемыя возраженія князя и отвѣты автора.

а) Бѣдственное положеніе автора и его просьба. Авторъ обращается къ князю съ просьбой „помянуть“ его въ своемъ княженіи, такъ какъ онъ—рабъ его, сынъ его рабыни (т.-е. подданный его). Всѣ люди согрѣваемы милостью князя, какъ солнцемъ; одинъ только авторъ ходитъ во тьмѣ, отлученный отъ свѣта очей его, какъ трава, растущая въ тѣни, на которую и солнце не бросаетъ свѣта, и дождь не падаетъ. Всѣ „напаяются отъ обилія“ въ домѣ князя; одинъ авторъ жаждетъ его милости, какъ олень источника воды. Авторъ уподобляетъ себя дереву, одиноко стоящему на пути; всѣ, проходящіе мимо, сѣкутъ его; такъ и авторъ обижаемъ всѣми, потому что онъ не огражденъ отъ обиды, какъ крѣпкой оградой, страхомъ передъ княжеской угрозой. Авторъ—бѣднякъ. Богатаго человѣка всѣ знаютъ, даже въ чужомъ городѣ; а бѣднякъ и въ своемъ городѣ „невидимо“ ходитъ. Когда заговоритъ богачъ, всѣ умолкаютъ, и слово его превозносятъ до облаковъ; когда же заговоритъ бѣднякъ, всѣ на него кричатъ; „честна“ лишь рѣчь тѣхъ, у кого свѣтлыя одежды. У автора—„скудное“ одѣяніе. Онъ проситъ князя не придавать значенія его внѣшности, а обратить вниманіе на его внутреннія достоинства: несмотря на юность, авторъ очень развитъ (имѣетъ „старъ смыслъ“)

и паритъ своею мыслью, какъ орелъ по воздуху. Это — главное достоинство автора, дающее ему право обратиться къ князю съ просьбой взять его къ себѣ на службу. Князю не трудно исполнить эту просьбу. Словами „Пѣсни Пѣсней“ авторъ изображаетъ щедрость князя въ идеальныхъ чертахъ: „Сыту (сотъ) источаютъ устнѣ твои; посланія твоя, яко рай съ плодомъ; руцѣ твои исполнени отъ злата Ѳарсійска: ланитѣ твои, яко сосудъ арамать; гортань твой, яко кринъ, капая миро — милость твою; видъ твой, яко Ливанъ избранъ; очи твои, яко кладязь воды живы; чрево твое бысть, яко стогъ пшениченъ, многи питая: глава твоя превозноситъ главу мою“... Авторъ проситъ князя посмотрѣть на него, не какъ волкъ на ягненка, но какъ мать на младенца. Пусть рука князя не будетъ согбена на подаяніе убогимъ, ибо въ Писаніи сказано: просящему у тебя дай, толкущему отверзи, да не лишенъ будеши царства небеснаго.

Предложивъ себя князю на службу, авторъ переходитъ къ тому, чѣмъ онъ ему можетъ быть полезенъ. Авторъ прямо признается, что къ военной службѣ не имѣетъ ни малѣйшаго влеченія („на рати не есмь хоробръ“); но авторъ — образованъ и обладаетъ даромъ слова („на словѣхъ ти есмь крѣпокъ, да тѣмъ избираю сладость словесную, совокупляя, аки въ мѣхъ воды морскія, и извитія словесъ и рѣшенія притчами хитрыми, а глаголивъ языкъ и... увѣтливы уста, яко струя рѣчныя быстрины“). Чтобы лучше уяснить, какого рода службу при князѣ желалъ бы нести авторъ, онъ дѣлаетъ отступленіе, въ которомъ изображаетъ значеніе князя для его области.

Какъ дубъ крѣпокъ множествомъ корней, такъ родной городъ автора стоитъ державою князя. Капитанъ—глава корабля, а князь — глава своихъ людей. Полкъ безъ князя — все равно, что громадный звѣрь безъ головы. Мужчина—глава надъ женщиной, князь—глава мужчинъ, а глава князя—Богъ. Какъ паволока (ткань) прекрасна, когда она испещрена многими шелками, такъ и князь славенъ и „честенъ“ (т. е. почитаемъ) когда у него много служащихъ. Подобно тому, какъ неводъ не удерживаетъ воды, но забираетъ множество рыбъ, такъ князь не долженъ удерживать въ своихъ рукахъ богатства, а раздавать ихъ сильнымъ и храбрымъ людямъ, которыхъ необходимо привлекать къ себѣ на службу: при помощи сильныхъ и храбрыхъ слугъ можно князю добыть и злата, и городовъ. Когда израильскій царь Езекія хвастался передъ послами ва-

вилонскаго царя множествомъ своего золота, послы сказали ему: „Наши цари богатѣе тебе не множествомъ злата, но множествомъ храбрыхъ и мудрыхъ“. Какъ солнце одно грѣетъ весь міръ своими лучами, такъ князь—единственный человѣкъ, который всѣхъ людей украшаетъ и оживляетъ своею милостью. Находясь въ тяжелой нуждѣ, авторъ нанимался на службу къ боярамъ („подъ работнымъ ярмомъ пострадахъ“) и убѣдился, что эта служба—„зло есть“: лучше видѣть ноги свои обутыми въ лапти и служить при дворѣ князя, нежели имѣть червленые сапоги и служить при боярскомъ дворѣ. Какъ золотая серьга въ рылѣ у свиньи была бы нелѣпостью, такъ нелѣпъ хорошій костюмъ на холопѣ. Придѣлайте къ котлу золотыя ручки, и котелъ все-таки не освободится отъ своей черноты, все-таки останется прожженымъ; такъ и съ холопомъ бываетъ: какъ онъ ни возгордился, ни превознесся, не избыть ему „своего укора“—имени холопа. На этомъ основаніи авторъ находитъ, что лучше пить воду при дворѣ князя, чѣмъ пить медъ при дворѣ боярина; лучше удовольствоваться жаренымъ воробьемъ изъ рукъ князя, нежели брать баранье плечо изъ рукъ злыхъ господъ—бояръ. Авторъ испыталъ не разъ, какъ „работный хлѣбъ“ становился въ его устахъ горькимъ, какъ полынь, не разъ растворялъ свое питье слезами...

Указавъ на значеніе князя для государства и проведя параллель между службой у капиталиста-боярина и у князя, авторъ переходитъ къ мысли о томъ, что князю особенно должны быть нужны въ качествѣ помощниковъ люди умные, развитые. Соломонъ сказалъ: лучше одинъ мудрый мужъ, нежели десять храбрыхъ, но лишенныхъ ума. Добыть храбреца не трудно, умные люди — рѣдки и дороги. „Дума“ умныхъ „добра“: гдѣ есть „дума“ умныхъ, тамъ и войска хорошо организованы („полцы крѣпцы“), и города хорошо защищены: гдѣ нѣтъ „думы“ умныхъ, тамъ, даже и при сильномъ, повидимому, войскѣ, бываютъ пораженія; этимъ объясняется, что нѣкоторые князья, ополчившіеся на большіе города, должны были лишиться и своихъ меньшихъ городовъ (это, вѣроятно, намекъ на результаты Липецкой битвы, въ которой потерпѣли пораженіе Ярославъ и Юрій, собиравшіеся раздѣлить между собою русскіе города). Не море потопляетъ корабль, а вѣтры; такъ и князь, не самъ впадаетъ въ бѣду, а ведутъ его къ ней его „думцы“. Умные люди не всегда способны проявить

храбрость на войнѣ; но они умѣютъ придумывать искусные планы сраженія. Вотъ почему князьямъ слѣдуетъ собирать вокругъ себя мудрыхъ людей. Отъ „безнарядія“ войска „многажды“ гибнутъ. Святополкъ Окаянный, преступно убившій свою братію, сумѣлъ такъ построить свое войско, что Ярославъ едва-едва одолѣлъ его. А Бонякъ шелудивый своей побѣдой надъ уграми обязанъ былъ умному плану битвы.

Доказавъ необходимость князю имѣть у себя совѣтъ изъ умныхъ людей, указавъ, что и битвы требуютъ не одного только храбраго войска, но и умной организаціи ихъ, авторъ переходитъ къ себѣ. Онъ говоритъ, что не получилъ воспитанія въ Аѳинахъ и не учился у философовъ; но онъ много читалъ книгъ и набралъ оттуда словесную мудрость. Авторъ думаетъ, что пригодился бы князю именно своею образованностью, пониманіемъ вещей. На этомъ основаніи авторъ проситъ князя взять его къ себѣ на указываемую службу и не оставить его безпомощнымъ, какъ это сдѣлали съ нимъ его родители. Для всякаго изъ его согражданъ этотъ городъ—Переяславль, а для автора онъ—Гореславль, такъ какъ въ немъ онъ лишенъ своей доли. Отъ автора отверглись всѣ друзья его и ближніе, потому что онъ не имѣетъ средствъ, чтобы угощать ихъ. Пока авторъ имѣлъ возможность ставить „трапезу“, исполненную „брашенъ“, многіе дружили съ нимъ, а послѣ напасти, обрушившейся на него, прежніе друзья оказались хуже враговъ. Единственная надежда у автора—на князя. Онъ слишкомъ настрадался отъ своей бѣдности. Припоминая слова князя Ростислава [1]): „луче бы ми смерть, а не Курское княженіе“, авторъ говоритъ: „луче бы смерть, нежели продолженъ животъ во убожествѣ“. „Избави мя, господине, отъ нищеты моея, аки серну отъ тенета, яко птицу отъ кляпцы (ловушки), исторгни мя отъ скудости моея, яко утя отъ ногтей ястребу, яко овча отъ волка“! Когда князь, сидя за столомъ, ѣстъ разнообразныя блюда, пусть онъ вспомнитъ автора, питающагося сухимъ хлѣбомъ; когда онъ пьетъ сладкіе напитки, пусть вспомнитъ автора, пьющаго теплую воду; облекаясь въ свои красивые костюмы, пусть князь вспомнитъ автора, одѣтаго во вретище; лежа на мягкой постели, пусть князь вспо-

[1]) Даніилъ ошибочно приписываетъ Ростиславу слова Андрея Владимировича Переяславльскаго въ 1139 г. Всеволоду Ольговичу, который гналъ Андрея изъ Переяславля и предлагалъ ему Курскъ.

мнитъ автора, лежащаго подъ рубищемъ, зимою умирающаго и пронзаемаго дождевыми каплями, какъ стрѣлами.

Князь можетъ назвать просьбу автора безумной. Въ такомъ случаѣ авторъ спросилъ бы его: развѣ безумный можетъ высказывать мудрыя мысли? Какъ камень не можетъ плавать по водѣ, такъ безумный не можетъ быть мудрымъ. Какъ псамъ и свиньямъ не нужно добро, такъ безумнымъ не нужно мудрое слово. Безумный тогда наберется ума, когда синица пожретъ орла. Учить безумнаго уму столь же безполезно, какъ дуть въ дырявую тыкву. „Безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни ткутъ, ни прядутъ, но сами ся ражаютъ“.

Всякій дворянинъ долженъ быть въ чести у своего князя, а авторъ въ особенности можетъ разсчитывать на это, потому что онъ—дворянинъ, много испытавшій въ жизни. „Золото бо искушается огнемъ, а человѣкъ — напастьми“. У автора—не одна только книжная мудрость, но и житейская. Кто не былъ во многихъ бѣдствіяхъ, „яко у бѣса на вспари“, у того нѣтъ настоящаго вѣжества. Авторъ много перенесъ невзгодъ, и потому онъ долженъ былъ извлечь изъ нихъ много поучительнаго. „Пшеница, много мучима, чистъ хлѣбъ являетъ, а человѣкъ, бѣды подъемля, смысленоуменъ обрѣтается“. Авторъ, какъ человѣкъ образованный и интеллигентный, какъ много претерпѣвшій невзгодъ, подданный князя и, наконецъ, какъ дворянинъ по происхожденію, считаетъ себя вправѣ разсчитывать на помощь князя.

б) Предполагаемыя возраженія князя и отвѣты автора. На просьбу автора князь можетъ сдѣлать рядъ возраженій. Онъ можетъ сказать, что авторъ во всемъ, что онъ говорилъ выше, „солгалъ, яко тать“ (воръ). На это авторъ возражаетъ, что, если бы онъ умѣлъ лгать и красть, то не обратился бы къ князю съ просьбой о помощи, такъ какъ онъ былъ бы матеріально обезпеченъ.

Если князь посовѣтуетъ автору поискать себѣ богатой невѣсты, онъ отвѣтитъ, что у него нѣтъ ни малѣйшаго желанія жить съ неподходящею женою—нелюбимою или злою; лучше, по мнѣнію автора, трясцою (лихорадкою) болѣть: трясца потрясетъ и отпуститъ, а злая жена до смерти сушитъ. Авторъ видѣлъ старую жену, некрасивую, но „ртастую“ и злоязычную, подобно чорту; она приникла къ зеркалу, и авторъ сказалъ ей: „не позоруй въ зерцало, но зри въ керсту“ (гробъ)!

Если князь посовѣтуетъ ему постричься въ чернецы, онъ на это отвѣтитъ: не видано, чтобы мертвецы (символъ отреченія отъ міра) ѣздили на свиньяхъ (символъ мірской жизни), а чортъ на бабѣ: не ѣдятъ смоквъ отъ ивы и изюму отъ липы; лучше такъ умереть, нежели, постригшись и принявши такимъ образомъ ангельскій образъ, солгать Богу. Можно лгать міру, но не Богу. Нельзя ни Богу лгать, ни вышнимъ играть. Многіе, отшедши отъ міра сего въ монастырь, опять возвращаются на мірскія дѣла: обходятъ села и дома славныхъ міра сего, какъ псы „ласкосердые“ (сластолюбивые); гдѣ браки и пиры—тутъ монахи и монахини беззаконные; отеческій имѣютъ на себѣ санъ, а обычаемъ непристойны.

Исчерпавъ возможныя возраженія со стороны князя, авторъ напоминаетъ, что даже скоморохи, акробаты, фигляры и т. д.— и тѣ пользуются милостью у поганыхъ салтановъ и у королей за свое искусство, когда одинъ изъ нихъ, припавъ на конѣ, мчится по ипподрому, не щадя своего живота, другой летаетъ съ церкви или съ высокихъ палатъ на крыльяхъ изъ ткани, третій бросается обнаженный въ огонь, чтобы показать крѣпость своего сердца, и т. д.

Опасаясь надоѣсть князю своимъ многоглаголаніемъ авторъ переходитъ къ заключенію.

3) Заключеніе. Въ заключеніи авторъ выражаетъ благопожеланіе князю и Русской землѣ. „Воскресни, Боже! Суди земли, воздвигни князя, убуди бояръ, умножи силу князю нашему; укрѣпи бо ны и утверди лѣнивыя, вложи ярость страшливымъ въ сердце“. Далѣе, авторъ проситъ у Бога, чтобы земля наша не попала въ полонъ къ иноплеменникамъ, не знающимъ Бога, „да не рекутъ иноплеменницы: гдѣ есть Богъ ихъ? Подай же имъ, Господи, побѣду на вся, востающая ба ны. Подай же имъ, Господи, Сампсонову силу, Александрову храбрость, Іосифовъ умъ, Соломонову мудрость, кротость Давыдову“.

275. Особенности „Моленія“. Въ приступѣ къ своему сочиненію Даніилъ заявляетъ, что онъ изложитъ его „въ притчахъ“. „Причта“ значитъ „сравненіе“, „сопоставленіе“. Всякій разсказъ, всякая пословица, поговорка и даже просто оборотъ рѣчи, заключающіе въ себѣ аллегорію, т. е. иносказаніе, назывались въ древности „притчей“. Именно въ такого рода „притчи“ Даніилъ и облекаетъ свои мысли. Притчи „Моленія“ двоякаго рода: 1) еврейско-византійскія и 2) русскія.

1) **Притчи еврейско-византійскаго происхожденія.** Притчи еврейско-византійскія заимствованы авторомъ изъ кн. Св. Писанія и изъ сочиненій отцовъ и учителей церкви. Такъ, напр., приступъ обнаруживаетъ вліяніе слѣдующихъ мѣстъ изъ Псалтири: „Востани, слава моя, возстани, Псалтырю и гусли: востану рано. Исповѣмся тебѣ въ людехъ, Господи, воспою тебѣ въ языцѣхъ“ (LVI, 9—10). „Уста мои возглаголютъ премудрость, и поученіе сердца моего разумъ. Приклоню въ притчу ухо мое, отверзу въ Псалтири гананіе мое“ (XLVIII, 4—5). Притча о богатомъ и бѣдномъ напоминаетъ соотвѣтствующую притчу въ книгѣ „Премудрости Іисуса сына Сирахова“: „Богатый возглагола, и вси умолчаша, и слово его вознесоша даже до облакъ; убогій возглагола, и рѣша: кто сей есть? Объ этомъ же есть притча въ „Пчелѣ“, въ „Словѣ о богатствѣ“: „Чья риза свѣтла, того и рѣчь честна, а чья риза худа, того и рѣчь непріятна. Богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть, въ чужемъ градѣ имѣетъ друзи, а убогій въ своемъ градѣ невидимъ ходитъ“. Цѣлый рядъ притчъ „Моленія“ напоминаетъ (хотя, вѣроятно, не оттуда заимствованъ) притчи въ „Пчелѣ“, извлеченныя изъ еврейско-византійской литературы, какъ, напр., слѣдующія: „Нелѣпо въ ноздри (у свиніи) усерязь златъ, ни на безумномъ, ни на холопѣ добрые порты. Аще бо бы у котла златая дуга, а дну его черности не избыти, такъ и безумну и холопу укора“ („Слово о безуміи“); „Пшеница, толкома, молома, пекома, нудима, хлѣбъ чистъ являетъ; или ризы, мыемы, варимы, біемы, извѣшаемы, нудимы, свѣтло лице являютъ: тако же и праведницы, первѣе согрѣшивше, и потомъ очистятся покаяніемъ, трудомъ, смиреніемъ, кротостію, терпѣніемъ, правдою, вельми очистятся“. Одна причта, въ которой авторъ проситъ князя вспомнить о немъ среди своей роскошной обстановки, напоминаетъ слѣдующее мѣсто въ „Стословцѣ“ Геннадія (§ 94): „Сѣдящю ти надъ многоразличьною трапезою, помяни сухъ хлѣбъ ядущаго... Возлѣгъ на многомягцѣй постели и пространьно протягаяся, помяни на голѣ земли лежащаго (подъ) рубомь и не дерзнувъша ногу простреги зимы ради... Лежащю ти въ твердо покровьнѣй храминѣ, ти слышащю же ушима своима дождевьное множьство, помысли о убогыхъ, како лежать нынѣ дождевьными каплями, яко стрѣлами, пронжаеми, а другыя отъ неусъновенія (безсонницы) сѣдяща, водою поняты“.

2) **Русскія притчи.** Русскія притчи „Моленія“ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: а) историческія и б) современныя автору.

а) Историческія притчи. Историческія притчи это тѣ, которыя пріурочены къ какимъ нибудь извѣстнымъ историческимъ дѣятелямъ или событіямъ. Къ такимъ притчамъ относятся слѣдующія: „Луче бы ми смерть, а не Курское княженіе“, притча, принадлежащая, по лѣтописи, Андрею Владимировичу Переяславльскому, а въ „Моленіи“ неправильно приписанная Ростиславу; „Не вѣдомо ны есть, братіе, ити, граду ли отъ насъ плѣнену быти, или будетъ намъ отъ града погибнути: аще Богъ по насъ, то кто на ны?“ Эта притча, съ которой, по словамъ Даніила, обратился Святославъ Игоревичъ, отецъ Владимира Св., къ своей дружинѣ во время похода въ 971 г. на Царьградъ, неизвѣстно откуда заимствована: въ лѣтописи этихъ словъ нѣтъ.

б) Современныя притчи. Къ современнымъ русскимъ притчамъ, напоминающимъ нынѣшнія пословицы и поговорки, можно отнести слѣдующія: „Безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни ткутъ, ни прядутъ, но сами ся ражаютъ“ („дураковъ не сѣютъ, не жнутъ—сами родятся“). „Не ѣдалъ есмь отъ песка масла, ни отъ козла млека, ни безумнаго глаголюща“ („съ него, какъ съ козла — ни шерсти, ни молока“), „Злато бо искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми“, „Горести дымныя не терпѣвши, тепла не видати“, „Не потка (птица) въ поткахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не скотъ въ скотѣхъ коза, не холопъ въ холопѣхъ, кто у холопа работаетъ, не мужъ въ мужѣхъ, который жены слушаетъ...“.

Нѣкоторыя притчи имѣютъ риѳму. Напр.: „Яко же бо во утлу тыковь дути, тако безумнаго учити“, „Яко около тура съ топоромъ, аки по бѣсѣ съ клобукомъ“.

276. Легенда о Даніилѣ. Благодаря литературному пріему Даніила — выражать мысли въ „притчахъ“, „Моленіе“ сдѣлалось популярнѣйшимъ произведеніемъ въ эпоху удѣльнаго литературнаго творчества (кн. 2-я, §§ 1—213). Притчи „Моленія“, по ассоціаціи идей, вызывали въ умѣ читателей и переписчиковъ цѣлый рядъ другихъ, сходныхъ, притчей. Нѣкоторые изъ переписчиковъ „Моленія“ стали вставлять среди притчей, подобранныхъ Даніиломъ, другія, аналогичныя, которыя были

извѣстны имъ. Такъ „Моленіе“ стало превращаться изъ живого произведенія, проникнутаго опредѣленнымъ намѣреніемъ автора, въ сборникъ притчей. Среди этихъ притчей въ авторскомъ подлинникѣ была слѣдующая: „Кому ти есь Переяславль, а мнѣ—Гореславль, зане часть (моя) не прорасте въ немъ“. Переписчики вставили въ средину этой притчи рядъ другихъ, извѣстныхъ имъ. Получилось слѣдующее не совсѣмъ складное мѣсто: „Кому Переяславль, а мнѣ—Гореславль; кому Боголюбово, а мнѣ—горе лютое; кому Бѣлоозеро, а мнѣ—чернѣе смолы; кому Лаче озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, много плача исполнено; зане часть моя не прорасте въ немъ“. На основаніи этихъ вставочныхъ притчей сдѣлано было уже въ древности заключеніе, что авторъ „Моленія“ былъ сосланъ на озеро Лачъ (мѣсто ссылки въ Новгородской области), и Даніилъ получилъ прозвище „Заточника“, сохранившееся за авторомъ до настоящаго времени.

Легенда о Даніилѣ пошла дальше. Даніилъ написалъ свое „Моленіе“,—говоритъ легенда,—находясь въ заточеніи. Легенда, отъ лица самого Даніила, такъ говоритъ о судьбѣ „Моленія“.

„Сіи словеса азъ, Данилъ, писахъ въ заточеніе на Бѣлѣ озерѣ и запечатавъ въ воску и пустивъ въ озеро, и вземъ рыба пожре, и ята (поймана) бысть рыба рыбаремъ и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Данила свободити отъ горкаго заточенія“.

Легенда о Даніилѣ продолжала развиваться и въ XIX в. Изъ заявленія Даніила о его неспособности къ военной службѣ былъ сдѣланъ выводъ, что авторъ „Моленія“ сосланъ былъ княземъ за трусость, проявленную имъ въ какомъ-то сраженіи.

„Слово о погибели Русской земли“.

(Около 1238).

277. „Слово о погибели Русской земли“. „Слово о погибели Русской земли“ дошло до насъ въ отрывкѣ. Повидимому, оно находилось въ связи съ двумя другими произведеніями, слѣдовавшими за нимъ въ первоначальной рукописи подъ заглавіемъ: „О смерти великаго князя Ярослава“ и „О житіи великаго князя Александра“ и принадлежавшими, вѣроятно, перу одного и того же автора. Второе произведеніе,

именно „О смерти великаго князя Ярослава“, не дошло до насъ; отрывокъ „Слова о погибели Русской земли“ прямо сливается въ имѣющейся теперь рукописи съ третьимъ произведеніемъ — „О житіи великаго князя Александра“, которое имѣется и въ лѣтописяхъ.

Предметомъ „Слова о погибели Русской земли“ было плачевное состояніе Руси наканунѣ вторичнаго нашествія татаръ. Оно было написано не позже 1238 г. Авторъ—неизвѣстенъ. Изъ „Слова“ можно установить объ авторѣ фактъ, что онъ—житель Переяславля-Залѣсскаго, въ которомъ княжитъ Ярославъ Всеволодовичъ. Уроженцемъ Переяславля-Залѣсскаго былъ и Даніилъ, авторъ „Моленія“, жившій тамъ около того же времени, когда написано было „Слово о погибели Русской земли“. Явилась догадка, не Даніилъ ли, авторъ „Моленія“, былъ авторомъ „Слова“ и двухъ другихъ произведеній. Эта догадка находитъ себѣ нѣкоторую поддержку въ слѣдующихъ двухъ соображеніяхъ: *во-первыхъ*, Даніилъ называетъ себя рабомъ Ярослава; авторъ „Житія Александра“ называетъ себя рабомъ Ярослава и Александра; *во-вторыхъ*, только въ двухъ произведеніяхъ употребляется слово „рытиры“ (рыцари“), именно въ „Моленіи“ Даніила и въ „Житіи Александра“.

Въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ „Слова“ изображается могущество княжеско-дружинной Руси, получившей въ воображеніи автора, наканунѣ вторичнаго нашествія татаръ, идеальныя черты.

„О свѣтло свѣтлая и украсно (хорошо) украшенная земля Русская! Многими красотами ты обогащена: озерами многими, рѣками и колодезями досточестными, горами крутыми, холмами высокими, дубравами чистыми, полями дивными, звѣрьми различными, птицами безчисленными, городами великими, селами дивными, вертоградами монастырскими, домами церковными, князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всего ты исполнена, земля Русская, о православная вѣра христіанская!“

Послѣ такого, проникнутаго чувствомъ, обращенія къ красотамъ Руси, авторъ дѣлаетъ изъ своего Переяславля Залѣсскаго обзоръ границъ своей родины. „Отселѣ до угоръ и до ляховъ, отъ чеховъ до ятвяговъ и отъ ятвяговъ до литвы, до нѣмцевъ, отъ нѣмцевъ до корелы, отъ корелы до Устюга, гдѣ тамъ были тоймицы (финское племя на рѣкѣ Тоймѣ, впадающей въ Сѣверную Двину, а, можетъ быть, и другое племя,

извѣстное подъ именемъ емчанъ), и за Дышащимъ моремъ (вѣроятно, Бѣлое море), отъ моря до болгаръ (камскихъ), отъ болгаръ до буртасъ (сосѣди болгаръ), отъ буртасъ до черемисъ, отъ черемисъ до мордвы—все это покорено было Богомъ христіанскому народу, языческія страны — великому князю Всеволоду, отцу его Юрію, князю кіевскому, дѣду его Володимеру Мономаху, которымъ половцы носили дѣтей своихъ въ колыбели, при которыхъ Литва не смѣла выходить на свѣтъ изъ своихъ болотъ, а угры укрѣпляли каменные города желѣзными воротами, чтобы изъ нихъ великій Володимеръ не взъѣхалъ. А нѣмцы радовались, что находятся далеко за синимъ моремъ. Буртасы, черемисы, вяда (вотяки?) и мордва приносили великому князю Володимеру дань медомъ, и жюръ-Мануилъ (византійскій императоръ Мануилъ Комненъ) царегородскій боялся Володимера и посылалъ къ нему великіе дары, чтобы великій князь Володимеръ не взялъ у него Царягорода".

Очертивъ въ такихъ краскахъ былое могущество княжескодружинной Руси, авторъ переходитъ къ современной ему печальной дѣйствительности, когда Русь, распавшись на враждовавшія между собою княжества, ослабѣла: „А въ эти дни христіанъ постигла болѣзнь..."

На этомъ „Слово" прерывается.

При всей краткости своей „Слово" любопытно, какъ образчикъ литературнаго княжеско-дружиннаго творчества, черпавшаго нѣкоторые факты и освѣщеніе не столько изъ исторіи, сколько изъ княжеско-дружиннаго устнаго эпоса. Владимиръ Мономахъ представляется въ чертахъ, перенесенныхъ на него съ другихъ русскихъ князей, предшествующихъ ему, напр., съ Владимира Св., и послѣдующихъ, а съ его именемъ связываются факты, имѣвшіе мѣсто тоже въ предшествующее и позднѣйшее время. Страхъ угровъ, бортничанье финскихъ и восточныхъ племенъ для русскаго князя относятся не къ княженію Владимира М., а къ позднѣйшей эпохѣ.

Византійскій императоръ Мануилъ Комненъ (1143—1180), считавшійся сюзереномъ галицкихъ князей и дѣятельно вмѣшивавшійся въ русскія церковныя дѣла, не могъ бояться Владимира М., тѣмъ болѣе, что онъ не былъ даже его современникомъ. Но другой византійскій императоръ, жившій въ концѣ X в., дѣйствительно испытывалъ страхъ передъ русскимъ княземъ, именно передъ Владимиромъ Св. Въ былинѣ о женитьбѣ

князя Владимира выведенъ грозный король Золотой Орды Етмануйло-Етмануйловичъ, дочь котораго сватаетъ Владимиръ. Имя Етмануйло, очевидно, произведено отъ имени Мануилъ. Такимъ образомъ, въ княжеско-дружинномъ эпосѣ первой трети XIII в. Мануилъ представляется современникомъ Владимира Св. Это бросаетъ свѣтъ на ошибку автора „Слова“: очевидно, въ княжеско-дружинномъ эпосѣ начала XIII в., откуда онъ почерпалъ матеріалы для своего „Слова“, уже произошло пріуроченіе имени Мануила къ Владимиру М., а позже это имя переносится къ эпохѣ Владимира Св.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Галицко-Волынская литература.

278. О Галицко-Волынской землѣ. Галицко-Волынская земля занимала Карпатское нагорье и бассейнъ верхняго теченія Припети. На любечскомъ съѣздѣ (1097) русскихъ князей Галицко-Волынская земля была раздѣлена на двѣ области — Галицію (главный городъ—Галичъ, на берегу Днѣстра въ его верхнемъ теченіи) и Волынь (главный городъ Владиміръ, на берегу рѣки Луги, впадающей въ З. Бугъ). Галиція отдана была Василько и Володарю Ростиславичамъ. При внукѣ Володаря Ярославѣ Осмомыслѣ (1152—1187) Галиція достигаетъ высокой степени процвѣтанія и силы и становится посредницей между Венгріей, Польшей и русскими княжествами. Около 1200 г. Галиціей завладѣваетъ волынскій князь Романъ Мстиславичъ, Мономаховичъ. Его княженіе ознаменовалось борьбой съ сильной галицкой аристократіей и побѣдоносными походами на литовцевъ и половцевъ. Въ 1229 г. галицкимъ княземъ становится сынъ Романа, знаменитый въ исторіи Даніилъ († 1264).

Изъ литературныхъ произведеній Галицко-Волынской земли до насъ дошла „Галицко-Волынская лѣтопись“.

„Галицко-Волынская лѣтопись“.

(Около 1293).

279. „Галицко-Волынская лѣтопись“. „Галицко-Волынская лѣтопись“ (ок. 1293) излагаетъ событія изъ исторіи

Галицко-Волынской земли отъ 1205 г. до 1292 г. Она распадается на двѣ части, составленныя разными авторами: 1) первая часть излагаетъ событія отъ 1205 г. до 1264 г., 2) вторая часть излагаетъ событія отъ 1264 г. до 1292 г.

1) Первая часть. Первая часть представляетъ изъ себя цѣльный послѣдовательный разсказъ безъ хронологическихъ датъ. Героемъ ея является Даніилъ. Авторъ ея сочувственно относится къ нему и не любитъ галицкихъ бояръ. Повидимому, авторъ первой части — дружинникъ Даніила, свѣтское лицо: онъ описываетъ, главнымъ образомъ, военныя и политическія событія; событія церковныя его не интересуютъ; цитатъ изъ Св. Писанія, отцовъ и учителей церкви нѣтъ; зато изложеніе, отличающееся чрезвычайною живостью и поэтичностью, изобилуетъ многочисленными сравненіями, напоминающими стиль „Слова о полку Игоревѣ“. Вотъ, какъ, напр., авторъ характеризуетъ Романа: „Устремилъ бо ся бяше на поганыя, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и крокодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ“. Переходъ населенія Галича на сторону Даніила изображается такъ: „Пустишася, яко дѣти ко отчю, яко пчелы къ матцѣ, яко жажущи воды ко источнику“.

Въ первой части излагаются событія, происходившія не только въ Галицко-Волынской землѣ, но и въ иностранныхъ земляхъ — въ Польшѣ, Литвѣ, Венгріи, въ Чехіи и въ Германіи.

2) Вторая часть. Вторая часть „Галицко-Волынской лѣтописи“ излагаетъ событія приблизительно отъ 1264 г. до 1292 г. включительно. Въ ней изображаются преемники Даніила. Эта часть рѣзко отличается отъ первой: въ ней нѣтъ той художественности и поэзіи, которыми отличается первая часть; мѣсто ихъ занимаютъ цитаты изъ Св. Писанія; авторъ тщательно отмѣчаетъ любовь князей къ монастырямъ и монахамъ. Очевидно, авторъ этой части—лицо духовное [1]).

---

[1]) Въ началѣ XIV в. былъ составленъ южно-русскій лѣтописный сводъ, въ составъ котораго вошли слѣдующія лѣтописи: 1) вторая редакція „Сильвестрова свода“ (§ 213), 2) „Кіевская лѣтопись“ (§ 263) и 3) „Галицко-Волынская лѣтопись“. Этотъ сводъ дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательная носитъ названіе „Ипатьевской лѣтописи“.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Литература, отразившая татарское нашествіе.

280. О литературныхъ отраженіяхъ татарскаго нашествія. Княжеско-дружинная Русь стала разлагаться уже съ половины XII в. Но остатки ея продолжали долго еще бороться за свое существованіе. Центръ княжеско-дружинной Руси, Кіевъ, несмотря на тяжкіе удары, сыпавшіеся на него, продолжалъ еще держаться. Только татарское нашествіе окончательно подорвало всякое значеніе Кіева.

Татарское нашествіе произвело два раза: въ первый разъ оно завершилось битвой при Калкѣ (1223), послѣ которой татары уходятъ въ Азію; во второй разъ они появляются въ 1237 г. и въ теченіе трехъ лѣтъ завоевываютъ всю Русь. Въ 1238 г. при Сити пала сѣверо-восточная Русь. Въ 1240 г. былъ взятъ Кіевъ.

Съ этого времени болѣе чѣмъ на два столѣтія устанавливается верховная власть татарскаго хана-царя надъ русскими княжествами.

Татарское нашествіе отразилось на цѣломъ рядѣ произведеній. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны слѣдующія преданія и повѣсти: 1) о битвѣ при Калкѣ, 2) о рязанской княгинѣ Евпраксіи, 3) объ Евпатіи Коловратѣ, 4) о св. Меркуріи Смоленскомъ.

281. Сказаніе о битвѣ при Калкѣ въ 1223 г. Сказаніе о битвѣ при Калкѣ (нынѣ—Калміусъ, около Маріуполя, впадаетъ въ Азовское море), въ 1223 г., находится въ различныхъ лѣтописныхъ сводахъ — въ Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ, Новгородскомъ I, Воскресенскомъ и въ другихъ. Повидимому, оно принадлежитъ перу дружинника-современника этой битвы и даже ея участника, судя по такимъ выраженіямъ: „вся намъ по суху же Днѣпръ перешедшимъ“. Личность автора еще болѣе выясняется по одной особенности разсказа: въ немъ съ особенной симпатіей изображается юный еще 18-тилѣтній князь Даніилъ Романовичъ—знакъ того, что авторъ — дружинникъ изъ Галицко-Волынской земли. Характеризуя Даніила, авторъ

говоритъ о немъ: „бѣ бо силенъ“, „бѣ бо дерзъ и храбръ, отъ главы и до ногу его не бѣ въ немъ порока“; онъ крѣпко избивалъ татаръ; раненый въ битвѣ, онъ этого не замѣчалъ „младеньства ради и буести“.

Сказаніе о битвѣ при Калкѣ представляетъ строго историческое изложеніе событія. Оно замѣчательно въ трехъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, авторъ, не имѣя никакихъ свѣдѣній о политическихъ переворотахъ, совершавшихся въ средней Азіи среди тюрко-монгольскихъ племенъ, выражаетъ свое недоумѣніе по поводу внезапнаго появленія новаго народа, которому его современники даютъ различныя названія: татаръ, таурменъ, печенѣговъ. Авторъ приводитъ, между прочимъ, мнѣніе своихъ образованныхъ современниковъ объ этомъ народѣ: располагая въ области этнографіи еврейско-византійскими свѣдѣніями и особенно свѣдѣніями, данными въ философско-историческомъ трудѣ Меѳодія Патарскаго (§ 112), образованная часть русскаго общества пыталась подвести татаръ подъ этнографическія рубрики, приведенныя тамъ; она думала, что татары—это тѣ племена, которыя были разбиты еврейскимъ богатыремъ-вождемъ Гедеономъ и загнаны въ Етривскую пустыню (§ 170).

Во-вторыхъ, Троицкая лѣтопись, излагая разсказъ о Калкской битвѣ, передаетъ любопытную подробность: перечисляя убитыхъ князей, она сообщаетъ, что тамъ убитъ былъ и Александръ Поповичъ съ 70 храборами. Эта подробность дала основаніе для предположенія о томъ, что старины о гибели богатырей на Руси представляютъ воспоминанія о калкскомъ пораженіи (§ 350).

Въ-третьихъ, авторъ разсказа, проникнутый византійско-болгарскимъ міропониманіемъ (§§ 23, 34, 129, 130), разсматриваетъ калкское пораженіе, какъ наказаніе свыше за грѣхи князей, черта, также отразившаяся въ старинахъ о томъ, какъ на Руси перевелись богатыри (§ 350).

282. Преданіе о рязанской княгинѣ Евпраксіи. Это преданіе, по всей вѣроятности, имѣло форму княжеско-дружинной пѣсни прежде, чѣмъ оно было записано. Содержаніе его, изложенное въ „Повѣсти о приходѣ Батыевой рати на Рязань въ 1237 г.“, таково.

Рязанскіе князья убѣдившись, что имъ не получить помощи отъ великаго князя владимирскаго Юрія, рѣшили „уто-

лить“ Батыя дарами и великими моленіями. Рязанскій князь Юрій Ингоревичъ посылаетъ къ Батыю своего сына Ѳеодора съ другими князьями. Батый дары принялъ и обѣщалъ не воевать Рязанской земли, если рязанскіе князья пришлютъ къ нему своихъ дочерей и сестеръ. Одинъ изъ рязанскихъ вельможъ, изъ зависти и, вѣроятно, желая подслужиться Батыю, сообщилъ ему, что у Ѳеодора есть жена изъ царскаго рода, княгиня Евпраксія, необыкновенная красавица. Батый потребовалъ у Ѳеодора его жены. Ѳеодоръ отказался исполнить требованіе. Тогда Батый велѣлъ убить Ѳеодора и тѣло его выбросить на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ. Спутники Ѳеодора также были перебиты, кромѣ одного, который успѣлъ скрыться и доставить Евпраксіи извѣстіе о происшедшемъ. Княгиня при пріѣздѣ гонца находилась въ высокихъ хоромахъ своихъ, имѣя на рукахъ любезное чадо свое Ивана. Узнавъ, что мужъ ея погибъ, „любви ея ради и красоты“, она „наполнися слезъ и горести и ринуся изъ превысокаго храма своего и съ сыномъ своимъ, съ княземъ Иваномъ, на среду земли, и заразися до смерти“.

Преданіе о княгинѣ Евпраксіи интересно тѣмъ, что, *во-первыхъ*, по предположеніямъ изслѣдователей, эпическое имя супруги Владимира — Апраксія — взято изъ преданія о рязанской княгинѣ Евпраксіи. *Во вторыхъ*, изъ этого же преданія, вѣроятно, заимствованъ былиной о Данилѣ Ловчанинѣ (§ 349), типъ кончающей самоубійствомъ вѣрной жены.

283. Сказаніе о рязанскомъ дружинникѣ Евпатіи Коловратѣ. Сказаніе о рязанскомъ дружинникѣ Евпатіи Коловратѣ излагается въ „Повѣсти о приходѣ Батыевой рати на Рязань“.

Безбожный Батый въ 1237 г. явился съ огромнымъ войскомъ въ рязанскіе предѣлы. Онъ посылаетъ къ рязанскому князю Юрію Ингоревичу пословъ съ требованіемъ десятины во всемъ: въ князьяхъ, людяхъ, коняхъ. Рязанскіе князья отвѣтили: „Коли насъ не будетъ всѣхъ, то все ваше будетъ“. Юрій Ингоревичъ отправляется въ походъ противъ Батыя. Сѣча была зла и ужасна. Батый видѣлъ, что „господство рязанское крѣпко и мужественно билось, и убоялся“. Но противъ гнѣва Божія не устоишь: одинъ русскій бился съ тысячью, а два съ тьмою. Русскіе потерпѣли пораженіе, князья были перебиты, городъ Рязань былъ взятъ, и вся область Рязанская

была опустошена. Батый со своими полчищами двинулся дальше на Суздаль и Владимиръ.

Въ это время въ Черниговѣ находился собиравшій тамъ дань рязанскій вельможа Евпатій Коловратъ съ княземъ Ингоремъ Ингоревичемъ. Узнавъ о нашествіи Батыя, онъ поспѣшно вернулся въ родной край. Увидѣвъ городъ въ развалинахъ, убѣдившись, что государи перебиты, что много народу погибло, Евпатій вскричалъ въ горести своей души и распалился въ сердцѣ. Онъ собралъ 1.700 человѣкъ дружины и погнался за Батыемъ, рѣшивъ „испить смертную чашу со своими государями равно“. Евпатій догналъ татаръ уже въ Суздальской землѣ, внезапно напалъ на нихъ съ тылу и началъ безъ милости сѣчь ихъ. „И сметоша всѣ полки татарскыя. Татарове же сташа, яко пияны, а ли неистовый Еупатій тако ихъ бьяше, яко и мечи притупишася, и емля татарскія мечи и сѣчаше ихъ. Татарове мняша, яко мертви восташа. Еупатій, сильныя полки татарскыя проѣзжая, бьяше ихъ нещадно и ѣздя по полкамъ татарскимъ храбро и мужественно, яко и самому царю побоятися. И едва поимаша отъ полку Еупатіева пять человѣкъ воиньскихъ, изнемогшихъ отъ великихъ ранъ, и приведоша ихъ къ царю Батыю. И царь Батый нача вопрошати: „Коея вѣры есте вы и коея земля, и что мнѣ много зла творите? Они же рѣша: „Вѣры кристіянскія есвѣ, раби великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго, а отъ полку Еупатіева Коловрата, посланы отъ князя Ингваря Ингоревича Резанскаго, тебя сильна царя почтити и честно проводите и честь тобѣ воздати, да не подиви, царю, не успѣвати наливати чашу на великую силу-рать татарскую“. Царь же подивися отвѣту ихъ мудрому. И посла шурина своего Хостоврула (Таврула) на Еупатія, а съ нимъ сильныя полки татарскіе. Хостоврулъ же похвалися передъ царемъ, хотя Еупатія жива предъ царя привести. И ступишася сильныя полки татарскія, хотя Еупатія жива яти. Хостоврулъ же съѣхася съ Еупатіемъ. Еупатей же, исполинъ силою, наѣхавъ и разсѣче Хостоврула на полы до сѣдла и начаша сѣчи силу татарскую. И многихъ тутъ нарочитыхъ богатырей батыевыхъ побилъ, овихъ на полы пресѣкоша, а иныхъ до сѣдла краяше. Татарове возбояшася, видя Еупатія, крѣпка исполина, и наводиша на него много пороковъ и начаша бити по немъ съ сточисленныхъ пороковъ и едва убиша его и принесоша тѣло его предъ царя Батыя.

Царь Батый посла по мурзы и по князи ордынскіи и по санчакбѣи, и начаша дивитися храбрости и крѣпости и мужеству. Они же рекоша царю: „Мы со многими цари во многихъ земляхъ на многихъ бранехъ бывали, а такихъ удальцовъ и рѣзвецовъ не видали, ни отци наши возвѣстиша намъ“. Сіи бо люди крылатии и не имѣюще смерти—тако крѣпко и мужественно ѣздѣ бьяшася, единъ съ тысящею, а два съ тмою. Ни единъ отъ нихъ можетъ съѣхати живъ съ побоища. Царь Батый, зря на тѣло Еупатіево и рече: „О Коловрате Еупатіе! Гораздо еси меня поскепалъ малою своею дружиною, да многихъ богатырей сильной орды побилъ еси, и многие полки падоша. Аще бы у меня такій служилъ, держалъ быхъ его противъ сердца своего“. И даша тѣло Еупатіево его дружинѣ останной, которые поиманы на побоищѣ и веля ихъ царь Батый отпустити, ни чемъ вредити“.

Сказаніе объ Евпатіи Коловратѣ носитъ несомнѣнные слѣды того, что оно первоначально имѣло форму княжеско-дружинной пѣсни. Такъ, Евпатій рисуется богатыремъ-поленицей, котораго татары могли одолѣть только при помощи стѣнобитныхъ машинъ. Нѣкоторыя выраженія въ стилистическомъ отношеніи почти буквально напоминаютъ эпическіе обороты рѣчи въ устномъ княжеско-дружинномъ эпосѣ, какъ, напр., вопросъ, съ которымъ обращается Батый къ взятымъ въ плѣнъ дружинникамъ Евпатія: „Коея вѣры есте вы и коея земля?...“, или рѣчь Батыя надъ тѣломъ Евпатія: „О Коловрате Евпатіе! Гораздо (хорошо) еси меня поскепалъ (потрепалъ) малою своею дружиною, да многихъ богатырей сильной орды побилъ еси, и многие полки падоша“.

284. Сказаніе о св. Меркуріи Смоленскомъ. Смоленскъ принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ русскихъ, которые не пострадали отъ татаръ во время ихъ нашествія. Подвигаясь съ сѣвера, изъ Новгородско-Псковской области на югъ, въ половецкія степи, татары оставили Смоленскъ въ сторонѣ на нѣсколько сотъ верстъ. Эта счастливая для Смоленска случайность послужила поводомъ для составленія сказанія о св. Меркуріи Смоленскомъ. Сказаніе это дошло до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны двѣ. Одна изъ нихъ ближе къ тѣмъ устнымъ преданіямъ, изъ которыхъ она сложилась; другая носитъ яркіе слѣды литературной переработки.

1) **Первая редакція сказанія.** Въ Смоленскѣ жилъ юноша Меркурій, отличавшійся благочестивой жизнью. Онъ часто приходилъ ко Кресту Господню (въ смоленскій Крестовоздвиженскій монастырь) и молился за міръ, „зовомый Петровскаго ста“. Въ это время совершалъ нашествіе на Русскую землю злочестивый царь Батый, мучилъ христіанъ и проливалъ, какъ воду, безвинную кровь. Батый явился со своими полчищами и къ Смоленску, остановился за 30 поприщъ отъ него, много святыхъ церквей сжегъ и много христіанъ побилъ.

Въ это тяжелое для смольнянъ время, произошло „нѣкое смотрѣніе Божіе“. Недалеко отъ Смоленска, за Днѣпромъ, находился Печерскій монастырь. Къ понамарю монастыря явилась однажды Богородица и сказала ему: „О человѣче Божій! Скоро изыди къ оному Кресту, гдѣ молится угодникъ мой Маркурій, и рцы ему: зоветъ тебя Божія Матерь!“ Понамарь исполнилъ повелѣніе Богородицы. Богомудрый Меркурій пошелъ въ Печерскую церковь и здѣсь увидѣлъ Богородицу, сидящую на золотомъ престолѣ съ Христомъ въ нѣдрахъ своихъ и окруженную ангельскимъ воинствомъ. Меркурій съ великимъ умиленіемъ и ужасомъ палъ къ Ея ногамъ. Богородица возставила его отъ земли и сказала: „Чадо Меркуріе, избранниче мой! Посылаю тебя, иди скоро, сотвори отмщеніе крови христіанской: ступай, побѣди злочестиваго царя Батыя и все войско его! Потомъ придетъ къ тебѣ человѣкъ, прекрасный лицомъ: отдай ему въ руки все оружіе свое, и онъ отсѣчетъ тебѣ голову; ты же возьми ее въ руку свою и ступай въ свой городъ: тамъ примешь кончину, и положено будетъ твое тѣло въ моей церкви“. Меркурій горько востужилъ объ этомъ, восплакалъ и сказалъ: „О пречистая Госпожа Богородица, мать Христа Бога нашего! Какъ же я, окаянный и худой, непотребный рабъ твой, могу быть силенъ на такое дѣло? Развѣ недостало тебѣ небесныхъ силъ, о Владычица, побѣдить злочестиваго Батыя?“ Сказавъ это, Меркурій взялъ отъ Богородицы благословеніе, поклонился до земли и пошелъ изъ церкви.

Выйдя изъ церкви, Меркурій нашелъ прекраснаго коня, сѣлъ на него и поѣхалъ за городъ къ татарскимъ войскамъ. Съ помощью Божіей и Пречистой Богородицы началъ Меркурій избивать враговъ и освобождать плѣнныхъ. Какъ орелъ носится по воздуху, такъ Меркурій скакалъ по татарскимъ

полкамъ. Злочестивый Батый, видя побѣду надъ своими войсками, охваченный страхомъ и ужасомъ, бѣжалъ отъ Смоленска безъ успѣха и съ малою дружиною. Онъ отправился въ Угры, гдѣ былъ убитъ царемъ Стефаномъ.

Послѣ побѣды надъ татарами Меркурію предсталъ прекрасный воинъ. Меркурій поклонился ему, отдалъ ему свое оружіе, преклонилъ свою голову и былъ усѣченъ. Блаженный Меркурій взялъ въ одну руку свою голову, въ другую поводъ своего коня и такъ, безглавенъ, пришелъ въ городъ. Люди, смотря на него, дивились Божію устроенію. Такъ Меркурій дошелъ до Мологинскихъ воротъ. Здѣсь онъ легъ и честно предалъ свою душу Господу, конь же его сталъ невидимъ.

Въ скоромъ времени сюда явился епископъ съ крестами и множествомъ народа, чтобы взять честное тѣло святого. Но святой „не вдался“ имъ. Въ народѣ поднялись плачъ и рыданіе; епископъ въ великомъ недоумѣніи сталъ молиться Богу и услышалъ съ неба голосъ, сказавшій, что, кто послалъ Меркурія на побѣду, тотъ и погребетъ его. Три дня лежалъ святой непогребеннымъ. Епископъ всю ночь молился Богу, прося разъяснить эту тайну. Вдругъ епископъ увидѣлъ, какъ изъ соборной церкви въ великой свѣтлости, точно въ солнечной зарѣ, выходитъ Богородица съ архистратигами Господними, Михаиломъ и Гавріиломъ, и направляется къ тому мѣсту, гдѣ лежало тѣло святого. Богородица взяла въ полу тѣло, принесла его въ соборную церковь и положила его тамъ, гдѣ святой и нынѣ, видимый всѣми, творитъ чудеса во славу Христа.

2) Вторая редакція. Вторая редакція отличается отъ первой витіеватостью изложенія и любопытными подробностями.

Во-первыхъ, сказаніе сильнѣе пріурочено къ Смоленску: Богородица представлена покровительницей Смоленска; своею невидимою божественною силою и святымъ своимъ омофоромъ она осѣняетъ и покрываетъ городъ „нашъ“ отъ всякаго искушенія и язвы, отъ тайно находящихъ бѣдъ и золъ; наконецъ, Богородица помогла Смоленску черезъ св. Меркурія побѣдить татаръ.

Во-вторыхъ, рядъ подробностей о Меркуріи: Меркурій былъ иностраннаго происхожденія, „отъ римскихъ пазухъ“ (т.-е. изъ нѣмецкихъ балтійскихъ владѣній), отъ славнаго рода княжескаго; онъ юнымъ пріѣхалъ въ Смоленскъ на службу его князю; Меркурій убиваетъ татарскаго исполина; Меркурію отсѣкаетъ

голову сынъ татарскаго исполина; о чудесномъ конѣ ничего не говорится; Меркурій является послѣ смерти понамарю и велитъ повѣсить надъ своимъ гробомъ оружіе, копье и щитъ, которые будутъ доставлять гражданамъ Смоленска побѣду надъ врагами.

Въ-третьихъ, любопытенъ плачъ земли по случаю татарскаго нашествія: „И всплакалась тогда сама земля, какъ чадолюбивая мать, видя ту бѣду, бывшую на всѣхъ странахъ христіанскихъ. Общая наша мать-земля вопіяла своимъ голосомъ и стонала: „О сыны русскіе, какъ же мнѣ оставить васъ, о любимыя мои дѣти, прогнѣвавшія Господа своего и моего Творца, Христа Бога! Вижу васъ отторгнутыхъ отъ моей груди и судомъ Божіимъ въ поганскія руки немилостиво впадшихъ и рабское иго имущихъ на своихъ плечахъ. И стала я бѣдная вдова: о комъ же прежде я буду сѣтовать, о мужѣ, или о любимыхъ чадахъ? Вдовство мое—запустѣніе монастырямъ и святымъ церквамъ и многимъ городамъ. Не терпя лютой бѣды, возопію къ Творцу Господу Богу: Боже, сотворивый вся и содѣтелю всѣхъ! Презри беззаконіе людей своихъ и милосердно помилуй и утоли праведный гнѣвъ свой!...“

Въ-четвертыхъ, вторая редакція кратко сопоставляетъ подвигъ смоленскаго Меркурія съ его тезкой Меркуріемъ Кесарійскимъ: „О дивнѣйшее заступленіе на насъ отъ славной заступницы тезоименитымъ оному древнему Меркурію, бывшему въ Кесарійскомъ градѣ! Охраняя градъ Кесарійскій, и тогда сама Госпожа Богородица посылала своего угодника, того Меркурія, да убьетъ внезапно злаго мучителя, законопреступнаго царя Юліана—и избавленъ былъ городъ тотъ. Такъ и нынѣ другого мученика, новаго Меркурія она же посылаетъ избавить городъ нашъ отъ иноплеменниковъ“. Это сопоставленіе указываетъ на литературный источникъ сказанія, на житіе св. Меркурія Кесарійскаго. Сравненіе смоленскаго сказанія и византійскаго житія показываетъ рядъ сходствъ между смоленскимъ и кесарійскимъ Меркуріями: Кесарія подвергается нападенію Юліана Отступника, Смоленскъ—нападенію злочестиваго Батыя; оба града находятся подъ особымъ покровительствомъ Богородицы; Богородица черезъ посредство Василія В. въ Кесаріи и понамаря въ Смоленскѣ возлагаетъ на своего избранника порученіе защитить городъ; подвиги того и другого совершаются ночью, втайнѣ отъ жителей; обоимъ Меркуріямъ отсѣкаютъ головы.

Изъ этого видно, что сказаніе о св. Меркуріи Смоленскомъ представляетъ сліяніе и смѣшеніе устнаго преданія о смоленскомъ Меркуріи съ житіемъ Меркурія Кесарійскаго.

Устное преданіе сложилось подъ вліяніемъ того факта, что Смоленскъ во время татарскаго нашествія случайно уцѣлѣлъ отъ разгрома. Послѣ того, какъ вся Окско-Волжская Русь была разгромлена и татары уже вторглись въ Смоленскую область, жители Смоленска со дня на день должны были ожидать появленія татаръ, осады и взятія города. Всѣхъ смольнянъ должна была охватить смертельная тревога передъ ожидавшей ихъ гибелью. Одна только надежда поддерживала ихъ, надежда на покровительницу города—Богородицу. Смольняне подхватывали малѣйшія извѣстія о движеніи войскъ Батыя. По мѣрѣ движенія на югъ разстояніе между Смоленскомъ и татарами уменьшалось. И вдругъ, неожиданно для смольнянъ, Батый прямо двинулся дальше на югъ, не тронувъ Смоленска. Это должно было поразить смольнянъ и внушить имъ убѣжденіе, что Смоленскъ спасенъ вмѣшательствомъ въ ходъ событій высшихъ силъ—вмѣшательствомъ самой Богородицы. Если въ это самое время въ Смоленскѣ, въ самомъ дѣлѣ, жилъ юноша съ именемъ Меркурій и если допустить, что съ нимъ приключилась какая-то трагедія, приведшая его къ смерти, то этимъ самымъ давался готовый сюжетъ для сказанія. Сказаніе хорошо знаетъ, что городъ Смоленскъ не пострадалъ отъ татаръ и сообщаетъ, что татары остановились „за 30 поприщъ отъ него“. Оно знаетъ, что и битвы между смольнянами и татарами не было. Но Смоленскъ уцѣлѣлъ. Слѣдовательно, спасеніе Смоленска произошло подъ вліяніемъ тайнаго вмѣшательства высшихъ силъ, дѣйствовавшихъ черезъ благочестиваго юношу Меркурія, неожиданно погибшаго: свидѣтелемъ этого дѣйствія удостоился быть понамарь, приглашавшій Меркурія къ Богородицѣ, да епископъ, видѣвшій, какъ сама Богородица взяла въ свою полу тѣло Меркурія. Меркурій ночью, тайно отъ всѣхъ, совершилъ свой подвигъ— поразилъ войско Батыя, которое обратилось въ бѣгство; онъ самъ погибъ, но Смоленскъ былъ имъ спасенъ.

Сходство въ положеніи смоленскаго Меркурія и кесарійскаго было причиной сближенія сказаній объ обоихъ Меркуріяхъ и смѣшенія ихъ чертъ.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Княжеско-дружинное устное творчество.

285. Княжеско-дружинное устное творчество. Къ княжеско-дружинному устному творчеству относятся эпическія пѣсни, въ которыхъ воспѣваются событія изъ жизни свѣтскаго правящаго класса княжеско-дружинной Руси. Эти пѣсни болѣе извѣстны у насъ подъ названіемъ былинъ.

Терминъ „былина", повидимому, навѣянъ „Словомъ о полку Игоревѣ" („начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышленію Бояню"), въ которомъ имъ обозначается „дѣйствительно происшедшее событіе", „историческое событіе", „историческое дѣяніе", въ противоположность „старымъ словесамъ", т.-е. разукрашеннымъ разсказамъ о событіяхъ. До 60-хъ годовъ XIX в. терминъ „былина" не употреблялся въ отношеніи къ княжеско-дружинскому эпосу. Съ 60-хъ годовъ онъ начинаетъ входить въ науку, причемъ подъ „былинами" подразумѣваются по примуществу пѣсни, въ которыхъ изображаются подвиги героевъ-богатырей. Въ связи съ терминомъ „былина" находится и другой, болѣе широкій, терминъ — „былевой эпосъ", означающій вообще эпическія пѣсни, отразившія въ большей или меньшей степени историческое прошлое. Среди той части русскаго населенія, которая сохранила княжеско-дружинный устный эпосъ до нашего времени, терминъ „былина" неизвѣстенъ; вмѣсто него употребляются слова „старина", „старинка", „старинушка", которыя мѣтко обозначаютъ сущность содержанія этихъ пѣсенъ. Наконецъ, въ отношеніи къ княжеско-дружинному эпосу можно употреблять и наиболѣе широкій научный терминъ — „эпическая пѣсня", т.-е. поэтическій разсказъ о прошедшихъ событіяхъ.

286. Термины „богатырь", „храборъ", „поленица". Герои, изображаемые въ былинахъ, особенно тѣ, которые совершаютъ подвиги военнаго характера, называются „богатырями". Слово „богатырь" прежде считали русскимъ. Предполагали, что оно произошло отъ слова „богъ", черезъ посредство производнаго отсюда слова „богатый", и что оно озна-

чаетъ человѣка, одареннаго свыше чудесными сверхъестественными силами и дарами. Но это предположеніе не оправдывается лѣтописными данными. Если бы слово „богатырь“ было русскаго происхожденія, то оно употреблялось бы уже въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ. Между тѣмъ тамъ его нѣтъ. Вмѣсто него употребляются въ томъ же смыслѣ, какъ и слово богатырь, другія слова: „удалецъ“, „рѣзвецъ“, „храборъ“. Только въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, какъ, напр., въ Никоновскомъ, появляется слово „богатырь“, причемъ сюда оно попадаетъ, повидимому, изъ былевого эпоса, изъ той его части, въ которой изображается борьба героевъ-удальцовъ съ кочевниками. Послѣднее обстоятельство навело изслѣдователей на мысль обратиться къ словарямъ тюрко-монгольскихъ народовъ, кочевавшихъ въ южно-русскихъ степяхъ. Поиски увѣнчались успѣхомъ. Найдены были слѣдующія слова: „батуръ“, „батырь“, „баторъ“, „багадуръ“, „бахатуръ“ (baghatur); слова эти означаютъ то же самое, что и наше слово „богатырь“. Итакъ, слово „богатырь“, повидимому, заимствовано было нашими храбрецами у тюрко-монгольскихъ кочевниковъ, съ которыми велась многовѣковая борьба. Нѣкоторыя данныя заставляютъ думать, что это слово окончательно усвоено было русскими со временъ эпохи татарскаго ига.

Позднѣйшему термину „богатырь“, по смыслу, въ княжескодружинной Руси соотвѣтствовалъ терминъ „храбръ“, „храборъ“, „хороборъ“, „хороберъ“. Первоначально это слово было равносильно слову „воинъ“; позднѣе оно получило оттѣнокъ, придавшій ему значеніе храбраго воина, героя, богатыря. Въ такомъ именно смыслѣ терминъ „храборъ“ употребляется, напр., въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Аще имаше единого храбра въ воихъ своихъ, единому на сѣчю вынити на единого сѣчьця персянина“; „И бѣ у него (Володимера) Добрыня воевода и храборъ и наряденъ мужъ“; „Жалость бѣ всѣмъ въ дому (кн. Всеслава) о ней (Ефросиніи). Преподобная же Ефросинія сего небрежаше жалости отца своего; но яко доблій храборъ, вооружившися на сопротивника своего діавола, пробываше в монастыри“.

Иногда слово „храборъ“ сопровождается эпитетомъ „добль“ и „подобль“. Выраженіе „добль храборъ“ или „подобль храборъ“ соотвѣтствуетъ позднѣйшему „славный богатырь“. Напр.: „По Даріи же Арсумуанинѣ царьствова Александръ Маке-

доньскый лѣт 12; образ же рожества и доблесть мужества и еже в ратѣхъ вазни (fortuna) и добраа дѣла хощем сказати по ряду, и яко и самъ подобль мнится быти храборъ Александръ Макыдоньскый, яко все строивъ и поспѣвающе ему имѣай присно къ доброму дѣлу помышленія. Толико бо лѣтъ проводи, со всѣми языкы брань творя и біяся, яко же неможаху". Изъ этого отрывка видно, что Александръ Македонскій называется храбрымъ потому, что въ продолженіе многихъ лѣтъ велъ безпрерывную борьбу съ цѣлымъ рядомъ народовъ, причемъ эта борьба сопровождалась успѣхами и побѣдами.

„Храборами" назывались такимъ образамъ воины, отличавшіеся въ битвахъ особенною доблестью и непобѣдимостью. Эти храборы были очень цѣнимы князьями, и потому послѣдніе окружали себя ими. Такъ, объ Александрѣ Невскомъ въ лѣтописи говорится слѣдующее: „Бяху же у Александра князя много храбрыхъ, яко же древле у царя Давида, сильніи и крѣпціи". О Михаилѣ Тверскомъ: „И бысть Васильеви (брату Александра Тверского) Тверскый столъ держащу, Михайлови же возмужавшу, возмагающу, и познавашеся ото всѣхъ человѣкъ, яко сы хощетъ Богъ свободити люди своя отъ великія нужа и иноплеменникъ и величаху людіе зѣло и мнози дары прихождаху къ нему, вси сынове тверстіи прилагахуся к нему и храбри служаху ему". Лѣтопись вмѣняетъ Михаилу Тверскому въ особую заслугу то, что ему служатъ храбры. Въ сказаніи о дѣятельности ростовскихъ героевъ Александра Поповича и Тимони-Златого Пояса эти герои именуются лѣтописью „храбрами", т.-е. богатырями.

Съ наступленіемъ татарскаго ига, русскимъ храборамъ противополагаютя татарскіе богатыри. Въ Ипатьевской лѣтописи (XIV—XV вв.) среди татарскихъ воеводъ названы Себедяй-богатуръ и Бурундай-богатырь. Тамъ же разсказывается, что къ Даніилу въ Холмъ прибѣжалъ половчанинъ Актамъ и говорилъ ему: „Батый воротился есть изо Угоръ и отрядилъ есть на тя два богатыря возъискати тебѣ Монъмана и Балаа". Въ сказаніи о Меркуріи Смоленскомъ сообщается, что съ Батыемъ „нѣкто бѣ исполинъ, богатырь именуемъ, съ сыномъ своимъ".

Слово „богатырь" употреблялось въ отношеніи къ татарскимъ воеводамъ въ томъ же смыслѣ, какъ и слово „храборъ"

въ отношеніи къ русскимъ воеводамъ. Съ теченіемъ времени слово богатырь переносится на русскихъ храбровъ и вытѣсняетъ древне-русскій терминъ.

Терминъ „храборъ“ употреблялся для обозначенія дружинниковъ-воиновъ, отличавшихся особою силою, удалью, непобѣдимостью. Ничего фантастическаго или сверхъестественнаго этотъ терминъ не означалъ.

Для обозначенія великана, гиганта въ древности существовало слово „полоникъ“, находящееся въ связи съ словами „польникъ“, „испольникъ“, „исполинъ“. Примѣры: „Бысть нѣкый гигантии, рекомый полоникъ, имя ему Невъродъ“; „Родишася гигантове, еже сказуется полоници“. Слово „полоникъ“ перешло и въ старины, гдѣ оно приняло форму „поленица“ (множественное число отъ польникъ—польници, отсюда было произведено единственное число — польница); оно означаетъ гиганта, исполина—одинаково мужчину и женщину.

287. Теоріи происхожденія былевого эпоса. „Былины“, „старины“ и т. д. давно уже составляютъ предметъ научнаго изслѣдованія. Происхожденіе этихъ пѣсенъ объяснялось различно. Главнѣйшія теоріи, смѣнявшія другъ друга,— слѣдующія: 1) миѳологическая теорія, 2) теорія заимствованій и 3) историческая теорія.

1) Миѳологическая теорія. Основныя положенія миѳологической теоріи состоятъ въ слѣдующемъ.

Русскій народъ издревле обладалъ извѣстнымъ запасомъ натуралистическихъ миѳовъ, т.-е. сказаній о богахъ, олицетворявшихъ основныя силы природы. Эти сказанія отчасти выработаны были совокупными усиліями аріо-европейскихъ народовъ въ ту эпоху, когда они еще представляли одно племя, отчасти подверглись дальнѣйшему развитію и переработкѣ въ предѣлахъ каждаго племени, въ томъ числѣ и русскаго, подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ, сложившихся для каждаго изъ нихъ.

Когда въ жизни народа наступаетъ героическій періодъ, т.-е. періодъ борьбы съ другимъ народомъ, причемъ изъ народной среды выдѣляются выдающіеся герои-борцы, имѣющійся у даннаго народа запасъ миѳовъ подвергается измѣненію. Къ этому времени смыслъ нѣкоторыхъ миѳическихъ сказаній подвергается забвенію, и боги превращаются въ неопредѣленные образы какихъ-то существъ, одаренныхъ сверхъестественными

силами. Эти образы невольно сопоставляются съ народными героями-борцами; между ними отыскивается сходство; невольно на потускнѣвшіе миѳическіе образы переносятся черты и дѣйствія героевъ-борцовъ; миѳическіе образы пріобрѣтаютъ легкій историческій колоритъ, пріурочиваясь къ опредѣленному мѣсту и эпохѣ. Такъ возникаетъ изъ миѳическаго эпоса эпосъ героическій, богатырскій, наши былины. Владиміръ Красное Солнышко, какъ показываетъ эпитетъ „Красное Солнышко“, первоначально былъ богомъ солнца, Дажьбогомъ. Въ героическую эпоху, когда первоначальный смыслъ нѣкоторыхъ сказаній о Дажьбогѣ забылся, начался процессъ историзаціи этихъ сказаній: потускнѣвшій образъ Дажьбога принялъ черты знаменитаго князя Владиміра Св. Съ нѣкоторыми миѳическими сказаніями о Перунѣ долженъ былъ произойти тотъ же процессъ историзаціи: съ забвеніемъ ихъ первоначальнаго смысла образъ Перуна замѣняется образомъ пророка Иліи, а образъ послѣдняго смѣняется образомъ Ильи Муромца, народнаго героя, пріуроченнаго къ Кіевскому княжеству къ эпохѣ князя Владимира.

Въ эту эпоху героическій эпосъ продолжаетъ оставаться общенароднымъ, такъ какъ еще нѣтъ дѣленія на классы и сословія: всѣ еще равны другъ другу, — всякій способенъ совершить любой подвигъ. Пѣвцы-поэты этой эпохи являются не столько творцами героическихъ пѣсенъ, сколько безъискусственными выразителями того, что составляетъ достояніе всего народа, что извѣстно всѣмъ безъ исключенія.

Процессъ историзаціи миѳологическаго эпоса не останавливается на героической ступени: онъ идетъ дальше и переходитъ на ступень собственно историческую. Переходъ на эту ступень состоитъ въ томъ, что миѳологическій элементъ стараго эпоса почти совершенно вывѣтривается, героическій элементъ ослабляется, и мѣсто ихъ начинаетъ занимать элементъ по преимуществу историческій. Появляется эпосъ историческій („историческія пѣсни“). Такимъ образомъ, древній запасъ миѳическихъ сказаній, подвергшись крупнымъ измѣненіямъ въ эпоху героическую, почти окончательно растворяется въ эпосѣ историческомъ.

Такова сущность миѳологической теоріи развитія устнаго эпоса, господствовавшая у насъ въ теченіе продолжительнаго времени. Ея главными представителями у насъ были Ѳ. И.

Буслаевъ, А. А. Котляревскій, А. Н. Аѳанасьевъ и О. Ѳ. Миллеръ.

Основные ея недостатки слѣдующіе:

Во-первыхъ, превращеніе эпоса миѳическаго въ эпосъ героическій, а затѣмъ историческій не доказано: эпосъ героическій могъ сложиться независимо отъ миѳическаго, хотя и подъ его вліяніемъ. Точно также эпосъ историческій могъ сложиться совершенно независимо отъ эпоса миѳическаго и героическаго.

Во-вторыхъ, нашъ героическій эпосъ (богатырскій) вовсе не былъ и не могъ быть продуктомъ „общенароднаго“ творчества, не потому только, что „общенароднаго“ стихійнаго творчества вообще никогда не существовало, но и потому, что въ ту эпоху, когда героическій эпосъ возникъ и развился, т. е. въ IX—XII вв., русскій народъ уже дѣлился на классы, рѣзко отличавшіеся другъ отъ друга по занятіямъ, экономическому и общественно-политическому положенію ихъ (§§ 22, 162, 164, 168). Поэтому устное творчество „общенароднаго“ характера, если допустить возможность подобнаго творчества, уже не могло возникать. Русскій богатырскій эпосъ, а именно значительная часть извѣстныхъ намъ былинъ, отражаетъ по преимуществу военные подвиги князей и дружинниковъ; слѣдовательно, русскій богатырскій эпосъ долженъ быть признанъ продуктомъ творчества классового, а не общенароднаго.

2) Теорія заимствованій. Уже представители миѳологическаго объясненія богатырскаго эпоса замѣтили много сходства между нашимъ богатырскимъ эпосомъ и эпосами, устными и литературными, другихъ аріо-европейскихъ народовъ. Это сходство они объясняли тѣмъ, что миѳологическій эпосъ, изъ котораго возникъ эпосъ героическій, былъ нѣкогда достояніемъ всѣхъ аріо-европейскихъ народовъ, причемъ, послѣ раздѣленія на отдѣльныя племена, этотъ эпосъ сохранился у однихъ народовъ въ большей степени, у другихъ — въ меньшей. Противъ такого толкованія выступили изслѣдователи съ теоріей заимствованій.

Эта теорія состоитъ въ томъ, что русскій эпосъ не представляетъ чего-либо самобытнаго, возникшаго на русской почвѣ: онъ—не что иное, какъ переработка, въ большей или меньшей степени, эпосовъ, устныхъ и письменныхъ, составляющихъ общечеловѣческое достояніе. Разсматривая русскій эпосъ съ этой точки зрѣнія, изслѣдователи раздѣлились на двѣ группы:

одна группа, представителями которой являются В. В. Стасовъ, Г. Н. Потанинъ и отчасти В. Ѳ. Миллеръ, считаетъ первоисточникомъ нашихъ былинъ восточные эпосы (иранскій, тюрко-монгольскій); другая группа, главнымъ представителемъ которой является академикъ Александръ Веселовскій, источниками нашего эпоса признаетъ эпосы византійскій, византійско-еврейскій и романо-германскій. Сопоставленія дѣйствующихъ въ нашихъ былинахъ лицъ, изображаемыхъ событій, сюжетовъ и т. д. съ эпосами Востока и Запада даютъ, дѣйствительно, поразительныя сходства, которыя въ значительной степени подрываютъ прежнее убѣжденіе въ самобытности русскаго былевого творчества. Такъ, по мнѣнію В. Ѳ. Миллера, Владиміръ Красное Солнышко есть сколокъ съ царя Кейкауса, дѣйствующаго въ иранскомъ эпосѣ; Илья Муромецъ—переработка типа Рустема и т. д. М. Е. Халанскій ставитъ былины объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ въ зависимость отъ сѣверо-германскихъ сказаній о Тетлейфѣ Датскомъ.

Противъ теоріи заимствованія можно выдвинуть слѣдующіе доводы.

Во-первыхъ, сходство русскаго эпоса въ его дѣйствующихъ лицахъ, сюжетахъ, дѣйствіяхъ и т. д. съ эпосами устными и письменными Востока и Запада могло произойти и не отъ заимствованія, а въ силу сходства условій жизни, при которыхъ эпосы возникали и развивались. Такъ, напр., сходство Ильи Муромца съ Рустемомъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что условія дѣятельности того и другого болѣе или менѣе одинаковы — борьба съ внѣшними врагами. При такомъ сходствѣ могли возникать и сходныя общечеловѣческія положенія для героевъ.

Во-вторыхъ, мало указать сходство сюжетовъ, дѣйствующихъ лицъ и пр. для установленія факта заимствованія: необходимо установить для каждаго дѣйствующаго лица, сюжета и т. д. путь послѣдовательнаго перехода, въ хронологическомъ порядкѣ, отъ одного народа къ другому, чтобы признать заимствованіе несомнѣннымъ фактомъ.

Въ-третьихъ, если русскіе заимствовали свой эпосъ у самыхъ разнообразныхъ народовъ, то, чтобы быть послѣдовательнымъ въ теоріи заимствованій, надо признать, что и народы Запада и Востока также заимствовали свои эпосы, — откуда? Другъ у друга? Пусть заимствованіе было другъ у друга. Но

первое заимствованіе могло быть уже при наличности у какого-нибудь изъ этихъ народовъ хоть крошечнаго эпоса. Откуда этотъ эпосъ взялся? Очевидно, онъ былъ созданъ этимъ народомъ. Такимъ образомъ, и теорія заимствованій имѣетъ почву только при допущеніи факта первоначальнаго эпическаго творчества у какого-нибудь народа безъ всякаго заимствованія. Но если хоть у одного какого-нибудь народа возможенъ былъ періодъ самостоятельнаго творчества, безъ заимствованій, то непонятно, почему способность къ самостоятельному творчеству съ теченіемъ времени изсякла и свелась къ переработкѣ сюжетовъ, которые народы заимствовали другъ у друга и относительно которыхъ неизвѣстно, откуда они взялись.

3) Историческая теорія. Несмотря на свои недостатки, изложенныя выше теоріи имѣли большое значеніе въ дѣлѣ научнаго объясненія русскаго былевого творчества: ихъ творцы и послѣдователи, съ цѣлью разъяснить тѣ или другія стороны въ нашихъ былинахъ, дѣлали экскурсіи въ область исторіи и этимъ положили начало новой теоріи былевого творчества, теоріи исторической.

Историческая теорія исходитъ изъ слѣдующаго факта: всякое выдающееся событіе общественнаго характера напряженно переживается всѣми членами общества, точнѣе, опредѣленнаго класса населенія, и съ особенною напряженностью тѣми членами, которые способны къ поэтическому творчеству; поэтому всякое выдающееся общественное событіе немедленно находитъ себѣ отраженіе въ поэтическихъ произведеніяхъ, причемъ въ произведеніи отражаются мѣсто, гдѣ произошло событіе, лица, принимавшія участіе въ его созданіи, ихъ имена, классъ населенія, среди котораго произошло событіе, и т. д.

Такимъ образомъ, *первое* положеніе исторической теоріи состоитъ въ томъ, что предметомъ былинъ были событія, дѣйствія, дѣйствительно происшедшія, лица, дѣйствительно существовавшія, т. е. историческія.

Второе положеніе исторической теоріи состоитъ въ томъ, что на поэтическое воспроизведеніе историческихъ событій должны были въ большей или меньшей степени вліять миѳическія сказанія, обращавшіяся въ той средѣ, въ которой возникали былины.

Третье положеніе исторической теоріи состоитъ въ томъ, что на обработку былинъ неизбѣжно должны были вліять ска-

занія, эпосы, устные и литературные, всѣхъ тѣхъ народовъ, съ которыми древняя Русь находилась въ болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи, а именно: эпосы византійскій, южно-славянскій, западно-европейскій и восточные (черезъ посредство хазаръ, печенѣговъ, половцевъ, татаръ).

Четвертое положеніе исторической теоріи состоитъ въ томъ, что былевой эпосъ при устной передачѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, при перенесеніи его изъ той мѣстности, гдѣ онъ зародился, въ другія, неизбѣжно долженъ былъ подвергнуться искаженію, дошедшему до того, что часто съ трудомъ можно отыскать его историческую основу.

288. Происхожденіе былевого эпоса. Былевой эпосъ возникъ изъ небольшихъ лиро-эпическихъ пѣсенъ, создававшихся подъ вліяніемъ какихъ либо выдающихся событій общественнаго характера. События эти могли быть различнаго рода: побѣда князя или дружинника надъ внѣшними врагами, состязанія дружинниковъ-воиновъ или дружинниковъ-купцовъ въ силѣ, ловкости, богатствѣ, сватовство князей или дружинниковъ и пр. Эти пѣсни состояли изъ трехъ элементовъ: 1) изъ разсказа о событіи, 2) изъ выраженія впечатлѣнія, произведеннаго на пѣвца событіемъ, и 3) изъ прославленія (величанія) героевъ событія.

Существованіе такого рода пѣсенъ подтверждается цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ. Кириллъ Туровскій въ одномъ изъ своихъ произведеній говоритъ: „историцы и вѣтіа, рекше лѣтописци и пѣснотворци, приклоняють своа слухы въ бывшая между царей рати и ополченіа, да украсять словесы“... (§ 248). Изъ этихъ словъ видно, что походы и войны князей не только записывались лѣтописцами, но воспѣвались „пѣснотворцами“. Въ Галицко-Волынской лѣтописи, подъ 1251 г., сообщается, что, когда Даніилъ Романовичъ и его братъ Василько вернулись послѣ побѣды надъ ятвягами, то „пѣснь славну пояху има“. Длугошъ, польскій историкъ, разсказываетъ подъ 1209 г. о войнѣ между польскимъ королемъ Лешкомъ и русскимъ княземъ Мстиславомъ Удалымъ. Мстиславъ одержалъ побѣду. Русскіе,—передаетъ Длугошъ,—выражали свою радость громкими восклицаніями: „О великое свѣтило, побѣдитель Мстиславъ Мстиславичъ! О храбрый соколъ!“... [1]). Это свидѣтель-

[1]) „O magne lux et victor, Mscislaë Mscislavice, o fortis accipiter“...

ство Длугоша особенно интересно, потому что наглядно указываетъ основные элементы былины въ моментъ ея возникновенія: 1) побѣда Мстислава Мстиславича, 2) повышенное радостное настроеніе войска и 3) прославленіе (величаніе) Мстислава Мстиславича войскомъ.

Такого же рода свидѣтельства мы находимъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Вѣщій Боянъ, древній пѣвецъ, о которомъ вспоминаетъ авторъ „Слова“, творилъ пѣсни въ честь Ярослава, Мстислава, Романа. Итакъ, существовали извѣстныя автору „Слова“ пѣсни о русскихъ князьяхъ. Авторъ „Слова“ находитъ, что Бояну слѣдовало бы сложить пѣснь въ честь воспѣваемаго имъ въ „Словѣ“ Игоря. О томъ, что существовалъ обычай прославленія князей, и притомъ не у насъ только, видно изъ словъ автора „Слова“: „Ту (въ Кіевѣ) нѣмци и венедици (венеціанцы), ту греци и морава поютъ славу Святъславлю“. Само „Слово о полку Игоревѣ“, представляющее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подражаніе современному былевому эпосу, оканчивается прославленіемъ Игоря и его дружины, хотя это прославленіе не вяжется съ понесеннымъ ими пораженіемъ: „Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: слава Игорю Святъславличу, буй-туру Всеволодѣ, Владимиру Игоревичу. Здрави князи и дружина, поборая за христьяны на поганыя пълки. Княземъ слава а (и) дружинѣ“. Элементъ прославленія или величанія героя есть и въ былевомъ эпосѣ. Напр.: „Да поемъ тебѣ (Алешѣ Поповичу) старинушку, славу поемъ“, „Только той Соловнику славы поютъ, а Ильина то слава не минуется, отнынѣ славы до вѣку“; о Ставрѣ Годиновичѣ говорится, что онъ, играя на гусляхъ, величалъ князя съ княгинею. Элементъ величанія имѣлъ для былевого эпоса столь важное значеніе, что по привычкѣ слава поется и такимъ героямъ, которые ничего въ сущности славнаго не сдѣлали, какъ, напр., Соловью-разбойнику, Чурилѣ и др.

Итакъ, былевой эпосъ возникъ изъ лиро-эпическихъ пѣсенъ, слагавшихся по живымъ слѣдамъ замѣчательныхъ событій общественнаго характера, происходившихъ въ княжеско-дружинной средѣ.

289. Непрофессіональные пѣвцы-поэты. Лиро-эпическія пѣсни слагались первоначально среди правящаго княжеско-дружиннаго класса населенія, изъ котораго въ выдающіеся моменты жизни выдѣлялись лица съ поэтическими дарованіями.

Обычай воспѣвать подвиги князей и дружинниковъ занесенъ былъ къ намъ, вѣроятно, варяжскими князьями: среди дружинниковъ этихъ князей, навѣрно, были такіе, которые владѣли не только оружіемъ, но и даромъ творить пѣсни. Къ сожалѣнію, относительно времени до Ярослава М. нѣтъ никакихъ фактическихъ указаній на такихъ непрофессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ.

Отъ времени Ярослава М. до насъ дошли свѣдѣнія о двухъ скандинавскихъ пѣвцахъ-поэтахъ („скальдахъ"), жившихъ нѣкоторое время при дворѣ этого князя: о Зигватѣ и Гаральдѣ.

Зигватъ былъ другомъ Рогнволода, князя Вестготландскаго и довѣреннымъ лицомъ двухъ дочерей шведскаго короля Олафа—Ингегерды и Астриды. Ингегерда вышла замужъ за Ярослава и получила отъ него Старую Ладогу (на Волховѣ), доходы съ которой шли на ея содержаніе. Управленіе этимъ городомъ Ингегерда предоставила Рогнволоду, который сопровождалъ ее, когда она отправлялась на Русь. Около 1023 г. Олафъ отправилъ къ Рогнволоду на Русь Зигвата. Свое путешествіе Зигватъ воспѣлъ въ особой пѣснѣ, сохранившейся до настоящаго времени.

Гаральдъ пятнадцатилѣтнимъ юношей участвовалъ въ битвѣ при Стиклестадѣ (1030), въ которой былъ убитъ его братъ, Олафъ Святой, бѣжалъ на Русь и вмѣстѣ съ Эйлифомъ, сыномъ Рогнволода, поступилъ на службу къ Ярославу М. Ставъ во главѣ отряда, охранявшаго границы русскаго государства, Гаральдъ такъ прославился своими подвигами, что сталъ сватать за себя дочь Ярослава и Ингегерды Елисавету. Ярославъ отказалъ Гаральду, и послѣдній, покинувъ службу на Руси, поѣхалъ въ Константинополь и поступилъ на службу къ императору. Черезъ десять лѣтъ Гаральдъ, покрытый славой, вернулся на Русь. На этотъ разъ Ярославъ согласился выдать за него замужъ свою дочь. Гаральдъ былъ не только великій воинъ, но и пѣвецъ-поэтъ; отъ него дошли до нашего времени двѣ пѣсни: въ одной онъ изобразилъ свое бѣгство послѣ битвы при Стиклестадѣ, а въ другой—свое возвращеніе изъ Константинополя на Русь.

Въ древне-русской княжеско-дружинной средѣ, кромѣ непрофессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ скандинавскаго происхожденія, навѣрно были такого же рода пѣвцы-поэты и русскаго

происхожденія. Указанія на это, хотя и скудныя, сохранились до нашего времени.

Въ лѣтописи по поводу войны 1149 г. сообщается, что „мужи отни (отцовскіе, т. е. дружинники) похвалу ему (Андрею Боголюбскому) даша велику, зане мужьскы сътвори паче всѣхъ бывшихъ ту“. Дружинники Андрея воздали своему князю „великую похвалу“, вѣроятно, въ формѣ лиро-эпической пѣсни. Выше (§ 288) отмѣчено было свидѣтельство изъ исторіи Длугоша о томъ, что дружинники прославляли послѣ побѣды Мстислава Мстиславича Удалого. Непрофессіональнымъ пѣвцомъ-дружинникомъ былъ, повидимому, авторъ „Слова о полку Игоревѣ“.

Доказательства существованія у насъ непрофессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ, выдѣлявшихся изъ княжеско-дружиннаго класса населенія, мы находимъ и въ нашемъ былевомъ эпосѣ. О Добрынѣ, который былъ знатнаго происхожденія, разсказывается, что, переодѣвшись въ костюмъ профессіональнаго пѣвца-скомороха, чтобы не быть узнаннымъ, онъ явился на свадебный пиръ. Онъ игралъ и пѣлъ такъ искусно, что затмилъ всѣхъ профессіональныхъ пѣвцовъ-скомороховъ, присутствовавшихъ на пиру: „Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано, на бѣлоемъ игры не видано“. Изъ другой старины о Добрынѣ видно, что Добрыня славился своей игрой на гусляхъ и до появленія на свадебномъ пиру въ костюмѣ скомороха; когда Добрыня заигралъ на свадебномъ пиру и запѣлъ пѣсню, то всѣ цари и царевичи, короли и королевичи удивились игрѣ: до сихъ поръ среди гусельщиковъ-спеціалистовъ не находилось соперника Добрынѣ, а теперь нашелся „молодой гусельщичокъ — енъ не хуже да Добрыни добра-молодца“. Другой дружинникъ, бояринъ Ставръ Годиновичъ, былъ также „мастеръ играть въ гусли яровчаты“. Искусствомъ играть на гусляхъ отличается и богатый знатный гость Соловей Будимировичъ, пріѣхавшій въ Кіевъ изъ заморскаго города Леденца на своихъ корабляхъ. О немъ говорится, что онъ своей игрой увеселяетъ или свою матушку, или себя самого съ дружиной: „Поетъ пѣсни и гусли играетъ младъ Соловей сынъ Будимировичъ“. „Тутъ-то въ терему скачутъ-пляшутъ, пѣсни поютъ, въ гусли наигрываютъ, тутъ-то младъ Соловей сынъ Будимировичъ со своей дружинушкой хороброей; онъ сидитъ, Соловей, на стулѣ черленоемъ, на черленоемъ стулѣ, золоченоемъ, играетъ молодецъ, забавляется со своими дружинами хоробрыми“.

290. Профессіональные пѣвцы-поэты. Усложненіе русской жизни въ связи съ развитіемъ раздѣленія труда должно было повести къ выдѣленію и обособленію пѣвцовъ-поэтовъ въ особый профессіональный классъ. Возникновеніе многочисленныхъ княжескихъ дворовъ въ главныхъ и второстепенныхъ русскихъ городахъ, размноженіе класса дружинниковъ, бояръ, богатыхъ гостей создали большой спросъ на пѣвцовъ-поэтовъ, которые во всякую минуту могли бы увеселять нашъ правящій классъ. Вслѣдствіе этого изъ дружиннаго класса населенія, а затѣмъ и изъ другихъ классовъ стали выдѣляться профессіональные пѣвцы-поэты, которые находили себѣ всегда радушный пріемъ у князей, бояръ, богатыхъ гостей и т. д. и за свою игру и пѣніе получали богатые подарки. Повидимому, о такомъ именно профессіональномъ пѣвцѣ-поэтѣ сообщается въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1241 г.: „Словутьного пѣвца Митусу, древле за гордость не восхотѣста служити князю Данилу, раздраного, аки связаного, приведоша“. Но особенно драгоцѣнныя указанія на типъ профессіональнаго пѣвца-поэта мы находимъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Дѣйствительно ли существовалъ какой-нибудь пѣвецъ-поэтъ съ именемъ Боянъ, или это имя въ устахъ автора „Слова“ было нарицательнымъ (отъ слова „баяти“) для обозначенія профессіональнаго пѣвца-поэта, мы не знаемъ (§ 257); во всякомъ случаѣ въ лицѣ вѣщаго Бояна мы имѣемъ типъ пѣвца эпохи XI-го вѣка. Съ какими же чертами является древне-русскій профессіональный поэтъ-пѣвецъ?

Во-первыхъ, древне-русскій пѣвецъ-поэтъ имѣетъ значеніе высокое, полубожественное: онъ — внукъ Велеса, онъ—вѣщій пѣснотворецъ; его игра на гусляхъ и пѣніе по своей очаровательности подобны пѣнію соловья. Авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ иногда сожалѣетъ, что пѣвцомъ Игорева похода не былъ вѣщій Боянъ.

Во-вторыхъ, профессіональный пѣвецъ-поэтъ отличается разносторонностью; слагая свою пѣсню, онъ вноситъ въ нее эпизоды изъ событій, происшедшихъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ родной и чужой земли: онъ растекается мыслью по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками, онъ рыщетъ чрезъ поля и горы.

Въ-третьихъ, профессіональный пѣвецъ воспѣваетъ по преимуществу старое время: онъ—соловей стараго времени; даже воспѣвая своихъ современниковъ, профессіональный пѣвецъ-

поэтъ сплетаетъ съ современными событіями чудесныя событія минувшаго прошлаго, восходя при этомъ до древнѣйшихъ временъ, до Трояновыхъ вѣковъ.

Въ-четвертыхъ, профессіональный пѣвецъ вводитъ въ свою пѣсню „припѣвки“, т.-е. остроумныя мѣткія изреченія, касающіяся воспѣваемыхъ лицъ и событій. Такова, напр., „припѣвка“ Бояна про князя Всеслава Полоцкаго: „ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути“; такова и другая его припѣвка: „тяжко ти, головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы“.

Въ-пятыхъ, задача профессіональнаго пѣвца-поэта состоитъ въ величаніи и прославленіи князей.

Таковъ типъ древне-русскаго профессіональнаго пѣвца-поэта въ изображеніи автора „Слова о полку Игоревѣ“.

291. Скоморохи-веселые люди. Древне-русскіе профессіональные пѣвцы-поэты вошли въ составъ особаго, въ началѣ пришлаго, класса населенія, извѣстнаго подъ именемъ скоморохъ-веселыхъ людей, съ которыми они слились въ одинъ классъ. Слово „скоморохъ“—иностранное: одни изслѣдователи производятъ его отъ арабскаго mascara (черезъ посредство испорченнаго слова scamara), что значитъ шутка, шутъ; другіе производятъ его отъ греческаго простонароднаго слова σκώμμαρχος, что значитъ начальникъ (мастеръ) смѣхотворства.

Скоморохи, повидимому, были въ Византіи преемниками греко-римскихъ мимовъ и гистріоновъ. Это были бродячіе актеры, музыканты, фокусники, пѣвцы и т. д., которые обходили группами города, селенія, увеселяли народъ своимъ искусствомъ и этимъ зарабатывали себѣ пропитаніе. Изъ Римской имперіи мимы и гистріоны (скоморохи) появились на Западѣ, гдѣ они получили названіе шпильмановъ (въ германскихъ странахъ) и жонглеровъ (во Франціи). Къ намъ скоморохи появлялись и съ Запада, какъ показываетъ встрѣчающееся въ древне-русской литературѣ слово „шпильманъ“, и изъ Византіи.

До появленія въ предѣлахъ Руси скомороховъ элементарное театральное искусство у насъ не было извѣстно. Поэтому скоморохи, какъ обладатели, между прочимъ, особаго искусства, нашли себѣ у насъ радушный пріемъ: безъ скомороховъ не обходились древне-русскіе пиры, свадьбы, похороны и вообще всякаго рода празднества. Къ скоморохамъ постепенно примкнули туземные музыканты, пѣвцы и пр., при чемъ послѣдніе

даже переняли у скомороховъ ихъ иностранный костюмъ, изображеніе котораго до сихъ поръ можно наблюдать на фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора или въ миніатюрахъ новгородскихъ рукописей [1]). Слившись съ туземными представителями русскаго искусства, скоморохи національнзировались и въ продолженіе многихъ вѣковъ сохраняли, совершенствовали и развивали рядъ искусствъ. Искусство скомороховъ у насъ, какъ и на Западѣ, было очень разнообразно: они—актеры, плясуны, фигляры, пѣвцы, музыканты; они показываютъ маріонетки, водятъ медвѣдей, играютъ на разнообразныхъ инструментахъ: на гусляхъ, сурнахъ, домрахъ, дудахъ, трубахъ, гудкахъ, лирахъ, свирѣляхъ, бубнахъ и т. д.

Скоморохи-веселые люди распадались у насъ на два разряда—осѣдлыхъ, пристраивавшихся на продолжительное время при дворахъ нашихъ князей, бояръ и т. д., и проѣзжихъ, т.-е. бродячихъ, обходившихъ села, города, простой народъ и князей, бояръ, богатыхъ людей. О томъ, что князья наши любили увеселенія съ пѣніемъ, музыкой и т. д., мы имѣемъ достаточно свидѣтельствъ въ древне-русской литературѣ. Такъ, въ лѣтописи подъ 1015 г. о Святополкѣ Окаянномъ говорится: „Лютѣ бо граду тому в немь же князь унъ (юнъ) любяй вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтнікы“ (совѣтниками). Подъ 1135 г. сообщается, что князь Всеволодъ Мстиславичъ Новгородскій „возлюби играти и утѣшатися“. Но особенно хорошо обычай князей увеселить себя игрой скомороховъ отмѣченъ преп. Несторомъ въ житіи преп. Ѳеодосія Печерскаго. Ѳеодосій, явившись однажды во дворецъ князя Святослава Ярославича, попалъ въ разгаръ веселья: онъ увидалъ „многихъ играющихъ передъ нимъ: овыхъ гуслныя гласы испускающихъ, иныхъ органьныя писки гласящихъ, иныхъ же мусикійскія, и тако всѣхъ веселящихся, якоже обычай есть передъ княземъ“. При дворахъ князей находилось во время пира и особое мѣсто для скомороховъ—„скоморошье“.

Скоморохи за свою игру-пѣніе щедро вознаграждались своими хозяевами. Добрыню, переодѣтаго скоморохомъ, Владимиръ приглашаетъ за искусную игру сѣсть рядомъ съ нимъ на золотомъ стулѣ, вмѣстѣ съ нимъ „хлѣба кушати и лебедей ру-

[1]) Этотъ костюмъ представлялъ короткую тунику съ разрѣзными полами или длинный перетянутый поясомъ кафтанъ.

шати"; Владимиръ говоритъ Добрынѣ: „Ай же ты, мала скоморошина! За твою игру великую, за утѣхи твои нѣжныя безъ мѣрушки пей зелено вино, безъ разсчету получай золоту казну".

Находя радушный пріемъ среди княжеско-дружиннаго класса населенія и у простонародія, скоморохи встрѣчали противодѣйствіе со стороны духовенства. Преп. Ѳеодосій, заставъ у Святослава Ярославича веселье, поникъ головой и сказалъ князю: „такъ ли будетъ на томъ свѣтѣ"? Это замѣчаніе подѣйствовало на князя, и онъ распорядился прекращать игру на то время, когда во дворцѣ будетъ Ѳеодосій. На всякаго рода увеселенія наше духовенство, подъ вліяніемъ византійскаго аскетизма, смотрѣло, какъ на нѣчто „бѣсовское", „богомерзкое", считая веселье противнымъ христіанскому ученію. Особенно такой взглядъ долженъ былъ проводиться духовенствомъ въ отношеніи къ увеселеніямъ, которыя связывались съ чертами языческаго быта. Митрополитъ Іоаннъ запрещаетъ монахамъ и бѣлому духовенству присутствовать на пирахъ съ того момента, какъ начиналось играніе, плясаніе, гудѣніе. Кириллъ Туровскій порицаетъ „плясаніе, еже на пиру, на свадьбахъ и въ павечерницахъ". Кириллъ, митрополитъ кіевскій (половина XIII в.), перечисляя мытарства, называетъ слѣдующіе проступки: „плясаніе на пирахъ... и басни бающе; сопѣли сатанинскія". Въ „Домостроѣ" (XVI в.) о пирѣ, сопровождаемомъ музыкой, танцами и весельемъ, такъ говорится: „И аще начнутъ... смѣхотвореніе и всякое глумленіе или гусли и всякое гудѣніе и плясаніе и плесканіе и всякія игры бѣсовскія, тогда, якожъ дымъ отгонитъ пчелы, тако-жъ отыдутъ ангелы Божія отъ тоя трапезы, и смрадные бѣсы предстанутъ". О пирѣ Ивана Грознаго князь Курбскій говоритъ: „царь Іоаннъ, упившись, началъ со скоморохами въ машкарахъ (маскахъ) плясать и сущіе пирующіе съ нимъ".

292. Типъ скомороха пѣвца-поэта. Въ былевомъ эпосѣ нѣкоторые герои переряживаются въ скоморошій костюмъ, появляются на пиръ къ Владимиру и здѣсь показываютъ свое искусство. На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя при этомъ сообщаются въ пѣсняхъ, можно возсоздать типъ скомороха, ведущаго „великую игру", т.-е. пѣвца-поэта. Возсоздающіяся на основаніи этихъ данныхъ черты очень напоминаютъ черты вѣщаго Бояна.

Во-первыхъ, скоморохъ—въ одно и то же время музыкантъ

(гусельщикъ) и поэтъ: онъ по стрункамъ похаживаетъ и голосомъ поваживаетъ; его пѣніе, сопровождаемое игрой на гусляхъ, производитъ сильное чарующее впечатлѣніе: подъ впечатлѣніемъ „великой игры“ всѣ на пиру притихаютъ, прислушиваются, оглядываются, ужасаются; его игра признается „великой“, его „утѣхи“ — „нѣжными“.

Во-вторыхъ, скомороху, ведущему „великую игру“, приписывается такая же разносторонность, какою обладалъ вѣщій Боянъ: подобно послѣднему, скоморохъ-поэтъ ведетъ „игру“, „выигрыши“, „тонцы“ (т.-е. разсказы), приплетая къ нимъ событія изъ разныхъ странъ; тонцы ведутся отъ Кіева, Новгорода, Чернигова, Царьграда, Іерусалима, Сорочинской (Сарацинской) земли. Эта особенность „великой игры“ въ нѣкоторыхъ былевыхъ пѣсняхъ прямо формулируется самими пѣвцами: „Высота ли, высота поднебесная, глубота, глубота океанъ-море, широко раздолье по всей земли, глубоки омуты Днѣпровскіе“. Или: „Рѣки-то, озера ко Новугороду, мхи-то, болота ко Бѣлоозеры, широки раздолья ко Опскому, темные лѣса ко Смоленскому, чисты поля къ Ерусалиму“.

Въ-третьихъ, скоморохъ-поэтъ, какъ и Боянъ, поетъ „про старыя времена и про нынѣшнія и про всѣ времена доселюшны“. Онъ и начинаетъ свои пѣсни наподобіе Бояна или подражавшаго послѣднему автора „Слова о полку Игоревѣ“: „Благословите, братцы, старину сказать, какъ бы старину стародавнюю“. Подобно тому, какъ авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ припоминалъ времена Трояна, такъ и скоморохъ-поэтъ начинаетъ свою „великую игру“ съ воспоминанія о самыхъ далекихъ отъ него временахъ: „При царѣ Давидѣ Евсѣевичѣ, при старцѣ Макарьѣ Захарьевичѣ было беззаконство великое“.

Въ-четвертыхъ, скоморохъ-поэтъ вводитъ въ свои пѣсни „припѣвы“, „припѣвки“, „наигрыши“, т.-е. остроумныя изреченія, поговорки и намеки изъ-за синя моря, или изъ-за Лукоморья. Такъ, переодѣтый скоморохомъ, Добрыня, ведя „великую игру“ на свадебномъ пиру своей жены съ Алешей Поповичемъ (послѣ долгаго отсутствія), наигрываетъ два наигрыша, предназначенныя для его жены; первый наигрышъ: „Охъ, вы, гусли мои, гуслицы, гусли мои звончатыя! Вы лежали соряду шесть лѣтъ, а еще лежали ровно три года, а еще лежали ровно круглый годъ, на десятомъ играть стали“.

Это — намекъ на собственное десятилѣтнее отсутствіе изъ дому. Второй „наигрышъ“: „Гдѣ это видано, еще гдѣ же слыхано, отъ жива мужа замужъ идти“?

Въ-пятыхъ, цѣль скомороха-поэта, какъ и у вѣщаго Бояна, — величаніе минувшихъ героевъ и современныхъ князей. Поэтому былевыя пѣсни заканчиваются обыкновенно возглашеніемъ славы воспѣтому герою. Иногда, какъ и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, величаются сперва старшіе герои, а потомъ и младшіе. Такъ, Добрыня-скоморохъ повыигралъ всѣхъ, отъ стараго до малаго.

293. Центры русскаго былевого творчества. Русскій былевой эпосъ, какъ отраженіе дѣйствительно-происшедшихъ событій, связанныхъ съ дѣятельностью русскаго княжеско-дружиннаго класса, возникъ и развился въ тѣхъ частяхъ Русской земли, въ которыхъ эта дѣятельность проявлялась съ особенной энергіей. Первоначально районом дѣятельности княжеско-дружиннаго класса былъ великій водный путь изъ „варягъ въ греки“. Бассейнъ этого пути дѣлился на двѣ части: сѣверную и южную. Центромъ сѣверной части былъ Новгородъ, южной — Кіевъ. Новгородъ и Кіевъ были двумя первоначальными центрами древне-русскаго княжеско-дружиннаго эпоса.

Новгородъ, главный городъ русскихъ славянъ, населявшихъ бассейнъ озера Ильменя, повидимому, былъ первымъ центромъ возникновенія былевого эпоса. По крайней мѣрѣ, отрывки этого эпоса, сохранившіеся въ нашихъ лѣтописяхъ въ формѣ преданій о появленіи варяговъ, объ изгнаніи ихъ изъ Новгорода, о призваніи Рюрика, Синеуса и Трувора, о княженіи вѣщаго Олега, должны были возникнуть въ Новгородѣ. Это — первый, древнѣйшій, періодъ новгородскаго былевого творчества. Кое что изъ этого творчества сохранилось въ былинахъ кіевскаго цикла (напр., въ былинахъ о Волхѣ Всеславьевичѣ, или Вольгѣ Святославичѣ).

Кіевъ былъ уже съ VII в. послѣ Р. Х., а, можетъ быть, и раньше центромъ для значительной части русскихъ славянъ. Съ конца VII в. кіевскіе поляне, сѣверяне и радимичи находились въ подчиненіи у хазаръ. Вѣроятно, эти племена подчинились хазарамъ не безъ борьбы, а въ такомъ случаѣ нѣкоторые моменты этой борьбы должны были отразиться въ ихъ устномъ творчествѣ. Кое-что изъ преданій объ отношеніяхъ между

южно-русскими племенами и хазарами сохранилось въ лѣтописяхъ. Съ появленіемъ въ Кіевѣ варяговъ, сначала подъ предводительствомъ Аскольда и Дира и, наконецъ, Олега, Кіевъ на продолжительное время становится политическимъ центромъ всѣхъ русскихъ славянъ. Соотвѣтственно этому онъ дѣлается важнѣйшимъ центромъ и для былевого эпоса: *во-первыхъ*, съ переходомъ князя и дружины изъ Новгорода въ Кіевъ сюда былъ занесенъ новгородскій княжеско-дружинный эпосъ; *во-вторыхъ*, борьба съ хазарами и побѣды надъ ними, побѣды надъ русскими славянами, стоявшими въ сторонѣ отъ великаго воднаго пути, походы на Византію, борьба съ такими кочевниками, какъ половцы и печенѣги и т. д.—всѣ эти событія, связанныя съ Кіевомъ, какъ центромъ государственнаго правленія, должны были породить обширный, собственно кіевскій, княжеско-дружинный эпосъ, остатки котораго сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ и, съ позднѣйшими наслоеніями подъ вліяніемъ татарщины, въ дошедшихъ до нашего времени былинахъ-старинахъ.

На ряду съ Кіевомъ въ южной Руси возникаютъ мѣстные центры былевого творчества, соотвѣтственно дѣленію ея на области съ половины XI в. Такими центрами явились Переяславль и Черниговъ.

Переяславль, находившійся на южно-русской границѣ со степями, велъ упорную борьбу съ половцами, которые часто совершали на него нападенія, особенно въ княженіе тамъ Владимира Мономаха. Эта борьба породила мѣстный переяславльскій княжеско-дружинный эпосъ. Отрывки этого эпоса сохранились въ Никоновскомъ лѣтописномъ сводѣ, гдѣ изображенъ переяславльскій храборъ-богатырь Демьянъ Куденевичъ, сопровождаемый на бой слугой Тарасомъ и пятью отроками.

Черниговъ, князья котораго соперничали съ кіевскими въ силѣ и богатствѣ, также долженъ былъ создать свой эпосъ, который до насъ не дошелъ.

Кое-что изъ былинъ переяславльскихъ и черниговскихъ, вѣроятно, вошло въ кіевскій циклъ былинъ.

Со второй половины XII в. образуются новые государственные центры, какъ, напр., Галичъ Волынскій, Ростово-Суздальская земля и Новгородъ. Въ этихъ центрахъ возникаютъ мѣстные эпосы, судьба которыхъ была различна.

Галичъ-Волынскій возвышается во второй половинѣ XII в. и въ началѣ XIII в. Онъ славился своими походами на половцевъ и литовцевъ, а также своимъ богатствомъ. Слѣды существованія галицкаго эпоса сохранились въ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ былинахъ-старинахъ кіевскаго цикла.

Новгородъ, рано сдѣлавшійся самостоятельнымъ, былъ въ сѣверной Руси богатѣйшимъ торгово-промышленнымъ центромъ съ своеобразнымъ общественно-политическимъ строемъ. Между XIII—XV вв. онъ становится во второй разъ центромъ былевого творчества, дошедшаго до нашего времени (былины о Садкѣ и Василіи Буслаевичѣ и нѣкоторыя былины кіевскаго цикла).

Ростово-Суздальскій край, колонизированный, главнымъ образомъ, эмигрантами изъ Кіевской Руси, пережилъ свою исторію, которая породила мѣстный ростово-суздальскій эпосъ. Этотъ эпосъ слился въ одно органическое цѣлое съ эпосомъ собственно-кіевскимъ, занесеннымъ сюда эмигрантами.

294. Иноземные элементы въ русскомъ былевомъ эпосѣ. Въ русскомъ былевомъ эпосѣ есть много элементовъ иноземнаго происхожденія. Эти иноземные элементы — слѣдующіе:

1) **Скандинаво-германскій.** Онъ проникъ въ русскій эпосъ вслѣдствіе того, что княжеско-дружинный классъ населенія у насъ первоначально былъ скандинаво-германскаго происхожденія. Этотъ классъ долженъ былъ занести къ намъ элементы скандинаво-германскаго эпическаго творчества и, наоборотъ, по скольку отдѣльныя группы дружинниковъ-варяговъ возвращались изъ древней Руси обратно въ Скандинавію, нѣкоторые элементы русскаго былевого творчества должны были войти въ эпосъ скандинаво-германскій.

2) **Еврейскій.** Еврейскій элементъ проникалъ въ нашъ эпосъ благодаря сношеніямъ древнихъ русскихъ съ евреями черезъ посредство хазаръ. Вѣроятно, такимъ путемъ проникъ къ намъ образъ Самсона-богатыря.

3) **Еврейско-византійскій.** Еврейско-византійскій элементъ проникъ въ нашъ былевой эпосъ двумя путями: *во-первыхъ*, благодаря непосредственнымъ мирнымъ и военнымъ отношеніямъ русскихъ съ византійскими греками; *во-вторыхъ*, книжнымъ путемъ, благодаря чтенію еврейско-византійской переводной литературы.

4) **Южно-славянскій.** Южно-славянскій элементъ проникъ въ былевой нашъ эпосъ благодаря мирнымъ и военнымъ отношеніямъ русскихъ съ южными славянами.

5) **Кавказскій.** Колонизація русскими мѣстностей близъ Кавказа привела къ мирнымъ отношеніямъ и военнымъ столкновеніямъ съ нѣкоторыми кавказскими племенами. Благодаря этому въ нашъ былевой эпосъ проникли элементы эпосовъ кавказскихъ.

6) **Иранскій.** Черезъ посредство кавказскихъ племенъ, имѣвшихъ сношенія съ иранцами, въ нашъ эпосъ проникаютъ отголоски иранскаго эпоса.

7) **Тюрко-монгольскій.** Благодаря продолжительной борьбѣ съ тюрко-монгольскими племенами (печенѣгами, половцами и татарами) въ русскій эпосъ вторгаются элементы эпосовъ и этихъ племенъ.

8) **Финскій.** Колонизація русскими сѣверной части восточно-европейской равнины и сліяніе ихъ съ финнами повело къ усвоенію русскими нѣкоторыхъ элементовъ финскаго эпоса. Напр., образъ Колывана богатыря, повидимому, заимствованъ изъ эстонской поэмы „Калеви-поэгъ“.

Элементы всѣхъ этихъ иноземныхъ эпосовъ проникали въ нашъ эпосъ, повидимому, лишь постольку, поскольку они оказывались болѣе или менѣе сходными съ соотвѣтствующими элементами собственно русскаго эпоса. Такъ, образъ прикавказскаго богатыря Святогора (изображающаго, повидимому, хазаръ въ эпоху ихъ протектората надъ русскими славянами) притянулъ къ себѣ изъ еврейскаго эпоса соотвѣтственный образъ Сампсона, а изъ финскаго соотвѣтственный образъ Калеви-поэга (Колывана).

295. Образованіе эпическихъ типовъ и эпическихъ цикловъ. Былевой эпосъ развился изъ лиро-эпическихъ пѣсенъ, въ которыхъ современники выражали чувства, вызванныя въ нихъ какими-либо историческими событіями. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ событіе, вызвавшее пѣсню, отходило въ историческое прошлое, лирическій элементъ пѣсни, т. е. одушевлявшее ее чувство, сталъ ослабѣвать; въ противоположность этому элементъ эпическій, т. е. разсказъ о прошломъ событіи сталъ пріобрѣтать среди потомства большій интересъ. Вслѣдствіе этого начинается развитіе въ лиро-эпическихъ пѣсняхъ эпическаго элемента на счетъ лирическаго. Это раз-

витіе выразилось въ двухъ формахъ: 1) въ созданіи эпическихъ типовъ и 2) въ образованіи эпическихъ цикловъ.

1) **Созданіе эпическихъ типовъ.** Съ появленіемъ профессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ (скомороховъ) лиро-эпическія пѣсни становятся ихъ достояніемъ. Вбирая въ свою среду изъ различныхъ русскихъ центровъ непрофессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ скоморохи, перенимали у послѣднихъ ихъ пѣсни, и такимъ образомъ создался обширный репертуаръ лиро-эпическихъ пѣсенъ, связанныхъ по своему содержанію съ опредѣленнымъ историческимъ событіемъ и опредѣленными историческими лицами, принимавшими участіе въ этомъ событіи.

Жизнь въ древности была проста, и событія, совершавшіяся тогда, разнообразіемъ не отличались: побѣда князя или дружинника надъ врагомъ въ открытомъ бою, состязаніе въ какомъ-либо искусствѣ или въ богатствѣ, сватовство—вотъ постоянно повторявшіяся событія, захватывавшія вниманіе современниковъ. Бо̀льшая или меньшая однородность событій въ древне-русской жизни должна была породить большее или меньшее сходство въ содержаніи древне-русскихъ лиро-эпическихъ пѣсенъ, несмотря на то, что въ нихъ изображались событія, происходившія въ различныхъ центрахъ Русской земли, лица, жившія и дѣйствовавшія въ разныхъ областяхъ Русской земли и въ различное время. Вслѣдствіе этого лиро-эпическія пѣсни, сходныя по мотиву и содержанію, начали сближаться между собою и смѣшиваться; индивидуальныя особенности событій, мѣстностей и лицъ, о которыхъ шла рѣчь въ этихъ пѣсняхъ, стали сглаживаться, но зато тѣмъ съ большей яркостью и рельефностью стали подчеркиваться особенности, наиболѣе часто повторявшіяся и отмѣчавшіяся въ нихъ. Образы индивидуальныхъ историческихъ лицъ съ теченіемъ времени стали терять свои отличительныя черты и начали сливаться другъ съ другомъ въ чертахъ, болѣе или менѣе однородныхъ, повторявшихся, типичныхъ: такъ образовались типы эпическихъ героевъ, какъ, напр., Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ. При такомъ послѣдовательномъ сліяніи индивидуальныхъ образовъ въ образы типическіе имена историческихъ лицъ должны были, съ одной стороны, спутываться другъ съ другомъ, а съ другой стороны, уменьшаться въ числѣ; эпическій герой могъ или сохранить имя древнѣйшаго выдающагося историческаго лица, отъ котораго онъ велъ свое начало, или

пріобрѣсти имя историческаго лица, можетъ быть, и древняго, но второстепеннаго, подвигъ котораго даже не былъ запесенъ въ лѣтопись. Такъ, имя Добрыня Никитичъ, несомнѣнно находится въ связи съ историческимъ русскимъ дѣятелемъ Добрыней, дядей Владимира Св., имя же Ильи Муромца до сихъ поръ еще вызываетъ споры и сомнѣнія въ его историческомъ происхожденіи.

2) **Образованіе эпическихъ цикловъ.** Лиро-эпическія пѣсни изображали дѣянія лицъ правящаго класса населенія, главнымъ образомъ, князей и ихъ дружинниковъ. Чѣмъ князь былъ знаменитѣе своими подвигами, тѣмъ больше современники должны были прославлять его, тѣмъ большее количество лиро-эпическихъ пѣсенъ, связанныхъ съ его именемъ, должно было слагаться. Большинство такихъ пѣсенъ сложилось въ честь великихъ кіевскихъ князей, главнымъ образомъ, въ честь Владимира Св., княженіе котораго представляетъ новый фазисъ въ исторіи развитія Русской земли: многочисленные походы Владимира, побѣдоносная война съ греками, принятіе крещенія, учрежденіе церкви, какъ особаго органа правительственной власти, обаятельныя личныя качества Владимира— все это должно было высоко поднять личность этого князя въ глазахъ современниковъ и потомства и затмить образы другихъ князей. Часть лиро-эпическихъ пѣсенъ сложилась въ честь другого Владимира, знаменитаго Владимира Мономаха. Обѣ группы пѣсенъ сблизились между собою и образовали обширный репертуаръ пѣсенъ, объединенныхъ именемъ Владимира.

Преобладаніе въ пѣсняхъ имени князя Владимира повело къ тому, что и въ большей части остальныхъ пѣсенъ, въ которыхъ прославлялись другіе князья, имена послѣднихъ постепенно были вытѣснены именемъ Владимира: имя Владимира изъ имени историческаго князя превращается въ имя эпическаго князя. Такъ образовался у насъ обширный кругъ, или циклъ, кіевскихъ былевыхъ пѣсенъ, изображающихъ дѣянія героевъ, служащихъ или появляющихся въ Кіевѣ при дворѣ князя Владимира Красное Солнышко.

296. Княжеско-дружинный эпосъ въ сѣверной и южной Россіи. Значительная часть былинъ кіевскаго цикла представляетъ сліяніе древнѣйшихъ новгородскихъ былинъ съ былинами южно-русскими, по преимуществу кіевскаго

происхожденія, нѣсколько видоизмѣненными подъ вліяніемъ ростово-суздальскаго эпическаго творчества. Въ настоящее время былины кіевскаго цикла почти совершенно забыты на мѣстахъ ихъ происхожденія, особенно въ южной Россіи, и поются въ сѣверныхъ губерніяхъ, главнымъ образомъ, въ Олонецкой и Архангельской и въ Сибири, гдѣ они сохранились въ большомъ количествѣ. Въ Олонецкой губ. собирателями былинъ записано до 300 номеровъ (около 40 сюжетовъ), въ Архангельской—до 200; въ остальной европейской Россіи (въ поволожскихъ губерніяхъ, на Уралѣ, у казаковъ на Кавказѣ) записано до 60 номеровъ (около 16 сюжетовъ); въ Сибири записано около 30 номеровъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время центромъ русскаго былевого эпоса оказывается глухой сѣверъ Россіи.

Но было время, когда русскій былевой эпосъ кіевскаго цикла, сложившійся въ южной Руси, былъ хорошо извѣстенъ и на югѣ. Мы имѣемъ рядъ доказательствъ этому.

Въ южно-русской и польской литературахъ сохранились указанія, что въ южной Руси кіевскій циклъ былинъ съ его героями былъ извѣстенъ. Такъ, оршанскій староста Филонъ Кмита Чернобыльскій, жалуясь въ своемъ письмѣ къ кастелану (начальнику крѣпости) Остафію Воловичу Троцкому (1574) на трудность своей службы и плохое вознагражденіе за нее, замѣчаетъ, что для ея перенесенія нужно обладать силами Ильи Муравленина (Муромца) и Соловья Будимировича. Это — первое указаніе. Второе указаніе относится къ 1594 г. и имѣется въ путевыхъ запискахъ австрійскаго посла Эриха Лассоты. Отправленный къ запорожцамъ, Лассота, между прочимъ, побывалъ въ Кіевѣ и, въ своемъ описаніи этого города, говоритъ, что недалеко отъ одного придѣла св. Софіи ему показывали гробницу Эліи Моровлина (Муромца) съ товарищами. Объ этомъ Эліи, говоритъ Лассота, существуетъ много басенъ. Лассота передаетъ одну басню о товарищѣ Эліи, богатырѣ Чоботкѣ: Чоботокъ былъ неожиданно окруженъ врагами въ то время, когда надѣлъ на ногу одинъ только сапогъ; не имѣя подъ рукой никакого оружія, онъ схватилъ другой сапогъ (чоботокъ) и принялся бить имъ враговъ; враги потерпѣли пораженіе. Третье указаніе отъ того же XVI в. находится въ сочиненіи польскаго историка Сарницкаго „Descriptio Poloniae“. Описывая Кіевъ, Сарницкій сообщаетъ, что въ кіевскихъ пещерахъ и

скалахъ находятся гробницы усопшихъ, которыхъ русскіе называютъ богатырями, и о которыхъ сохранилось много преданій. Четвертое указаніе отъ XVI в. находится въ одной рукописи, написанной какимъ-то русскимъ путешественникомъ. Въ ней сообщается, что на разстояніи 10 верстъ отъ Кіева, на другомъ берегу Днѣпра, находится городъ Переяславль и что тутъ въ этой мѣстности „богатыри кладутся русскіе“, и на кладбищѣ находится „каменія много великаго“. Пятое указаніе отъ XVI в. принадлежитъ польскому историку Бѣльскому, который разсказываетъ, что тѣло Романа Мстиславича Галицкаго, погибшаго въ битвѣ съ поляками, было выкуплено русскими, перенесено въ Кіевъ и погребено среди русскихъ богатырей. Въ дѣйствительности Романъ Мстиславичъ погребенъ былъ въ Галичѣ, но въ силу общаго пріуроченія богатырей къ Кіеву, преданіе пріурочило и погребеніе Романа Мстиславича къ Кіеву. Шестое указаніе идетъ отъ XVII в. (1638). Польскій писатель Кальнофойскій, описывая Кіевъ, передаетъ свѣдѣнія о гробницѣ Ильи Муромца, находившейся, по его словамъ, въ Кіевопечерской Лаврѣ. Кальнофойскій говоритъ, что русскіе неправильно считаютъ Илью Муромца великаномъ, въ родѣ гомеровскаго Полифема: онъ самъ измѣрилъ гробницу Ильи Муромца и убѣдился, что Илья не могъ быть болѣе высокаго роста, чѣмъ обыкновенный высокій человѣкъ. Замѣчательно также и другое сообщеніе Кальнофойскаго, противорѣчащее сообщенію Лассоты, а именно, что у Ильи было прозвище Чоботокъ. Повидимому, въ первой половинѣ XVII в. преданіе о двухъ богатыряхъ Ильѣ и Чоботкѣ уже стали смѣшиваться и относиться къ одному Ильѣ. Седьмое указаніе идетъ тоже отъ XVII в. Именно, въ этомъ вѣкѣ было очень распространено убѣжденіе въ существованіи въ Кіевѣ мощей Ильи Муромца; къ этому же вѣку относятся краткое житіе св. Ильи Муромца, „иже вселися въ пещеру прежде Антонія въ Кіевѣ, иде же нынѣ нетлѣненъ пребываетъ“, а также печатное изображеніе Ильи. Восьмое указаніе имѣется отъ 1701 г. Священникъ-старообрядецъ Лукьяновъ, посѣтившій великій Кіевъ, сообщаетъ о мощахъ Ильи Муромца слѣдующее: „Тутъ же (въ Кіевопечерскомъ монастырѣ) видѣхомъ храбраго воина Илью Муромца въ нетлѣніи подъ покровомъ златымъ, ростомъ, яко нынѣшнихъ крупныхъ людей, рука у него лѣвая пробита копіемъ: язва вся знать на рукѣ, а правая его рука изображена крестное знамя“.

Таковъ длинный рядъ указаній на существованіе въ Кіевѣ преданій о русскихъ богатыряхъ вообще и объ Ильѣ Муромцѣ въ частности. Если присоединить къ этому тотъ фактъ, что мощи Ильи Муромца и до сихъ поръ еще показываютъ въ Кіевѣ паломникамъ и что даже 11-го декабря церковью чтится память Ильи Муромца, то получится достаточно данныхъ для убѣжденія въ томъ, что въ южной Руси нѣкогда знали хорошо богатырей, пѣсни о которыхъ, однако, сохранились теперь почти только на сѣверѣ.

297. Судьба древняго княжеско-дружиннаго эпоса. Сохраненіе древняго княжеско-дружиннаго эпоса на нашихъ глухихъ сѣверныхъ окраинахъ и забвеніе его въ главныхъ центрахъ княжеско-дружинной Руси объясняется слѣдующими причинами.

Во-первыхъ, съ половины XII в. образуются новые государственные центры, берущіе перевѣсъ надъ Кіевомъ и его областью. Изъ Кіевской области населеніе эмигрируетъ, главнымъ образомъ, на сѣверо-востокъ, въ Окско-Волжскій край; вмѣстѣ съ южно-русскимъ населеніемъ сюда, въ Окско-Волжскій край, къ богатѣвшимъ сѣверо-восточнымъ князьямъ двинулись и скоморохи со своимъ репертуаромъ былевыхъ пѣсенъ. Когда Кіевъ былъ взятъ татарами и княжеско-дружинная организація въ области его пала, скоморохи окончательно должны были покинуть Кіевскую область.

Во-вторыхъ, древній княжеско-дружинный эпосъ не могъ удержаться и въ Окско-Волжской Руси. Въ ней совершается рядъ великихъ событій, изъ которыхъ на первое мѣсто надо поставить возвышеніе Москвы, объединеніе удѣловъ, побѣдоносную борьбу съ татарами. Эти событія, порождавшія новое устное творчество, должны были ослаблять интересъ къ древнему княжеско-дружинному творчеству.

Въ-третьихъ, особенно важную роль въ исторіи забвенія княжеско-дружиннаго эпоса въ Окско-Волжской Руси сыграло развитіе самодержавія. По мѣрѣ того, какъ княжеско-дружинныя и удѣльно-феодальныя отношенія (кн. 2-ая, §§ 21—42) стали исчезать, княжеско-дружинный эпосъ, отразившій древній духъ свободы и независимости дружины отъ князя, сталъ возбуждать въ правящемъ классѣ вообще и въ правительствѣ въ частности враждебное къ себѣ отношеніе.

Въ-четвертыхъ, слѣдствіемъ враждебнаго отношенія правя-

щихъ круговъ къ княжеско-дружинному эпосу было то, что скоморохи занесли его въ простонародную среду. Этому перенесенію содѣйствовалъ рядъ обстоятельствъ.

Къ концу XV в., вслѣдствіе уничтоженія самостоятельныхъ удѣловъ и переѣзда большинства удѣльныхъ князей въ Москву, огромное большинство удѣльныхъ скомороховъ осталось не у дѣлъ. Они образовывали ватаги въ числѣ 60—100 человѣкъ каждая и, пользуясь своею численностью, позволяли себѣ совершать насилія, грабежи. Въ „Стоглавѣ“ такъ описываются похожденія скомороховъ: „Да по дальнимъ странамъ ходятъ скоморохи, совокупясь ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста человѣкъ, и по деревнямъ у крестьянъ сильно (насильно) ядятъ и піютъ и съ клѣтей животы (имущества) грабятъ, а по дорогамъ разбиваютъ“. Грабежи и безчинства скомороховъ достигли такихъ размѣровъ, что правительство начинаетъ принимать противъ нихъ мѣры. Сначала правительство при посредствѣ особыхъ грамотъ выдѣляетъ нѣкоторыя волости и селенія, въ которыя запрещаетъ скоморохамъ ходить. Затѣмъ правительство принимаетъ противъ нихъ мѣры уже повсемѣстно. Особенно энергичныя мѣры приняты были въ царствованіе Алексѣя Михайловича (въ половинѣ XVII в.). Въ цѣломъ рядѣ указовъ царя безчинства скомороховъ, ихъ бѣсовскія пѣсни, игры, хожденіе съ медвѣдями, музыка, участіе въ свадебныхъ торжествахъ, на поминкахъ и т. д. запрещаются подъ угрозой опалы, штрафа, кнута и батоговъ; принадлежности скомороховъ—домры, сурны, гудки, гусли, хари (маски) и т. д.—велѣно истреблять и жечь. Съ этого времени начинается энергичное преслѣдованіе скомороховъ. Изъ городовъ скоморохи бѣгутъ въ деревни, но и тамъ администрація преслѣдуетъ ихъ. Тогда скоморохи бросаются въ наиболѣе далекіе отъ административныхъ центровъ края, въ такія малонаселенныя и глухія мѣстности, какъ Олонецкій, Архангельскій края и Сибирь, гдѣ жизнь течетъ однообразно и монотонно, безъ какихъ-либо потрясеній или переломовъ. Здѣсь скоморохи разсѣялись по деревнямъ, услаждая своимъ искусствомъ крестьянъ. Съ теченіемъ времени скоморохи слились съ мѣстнымъ крестьянствомъ, и ихъ потомки, подъ именемъ сказителей, совершая свои работы (плетеніе рыболовныхъ снастей, сапожное мастерство, ткацкое мастерство), поютъ для себя и для желающихъ сохранившіяся отъ дѣдовъ-скомороховъ

эпическія пѣсни. Съ устъ этихъ сказителей эпическія пѣсни начинаютъ съ XVIII вѣка записываться любителями изъ образованнаго класса населенія.

Древній княжеско-дружинный эпосъ, перенесенный въ Окско-Волжскій край, изъ котораго впослѣдствіи выдѣлилось Московское царство, долженъ былъ на этихъ новыхъ мѣстахъ подвергнуться вліянію быта и событій въ этихъ странахъ, т.-е. потерять нѣкоторыя черты быта княжеско-дружинной Руси и воспринять нѣкоторыя черты удѣльно-феодальной Руси, а затѣмъ и московской. Такъ, былины о борьбѣ съ хазарами, печенѣгами и половцами, перенесенныя въ Ростово-Суздальскую и Московскую Русь, должны были подвергнуться значительнымъ видоизмѣненіямъ подъ вліяніемъ мѣстнаго богатырскаго эпоса, возникшаго на почвѣ борьбы съ татарами,—ихъ нашествія, съ одной стороны, и побѣдъ русскихъ надъ ними, начиная съ Куликовской, съ другой стороны. Такого же рода измѣненіямъ княжеско-дружинный эпосъ долженъ былъ подвергнуться, когда онъ сталъ достояніемъ крестьянскаго населенія сѣверно-русскихъ окраинъ и Сибири: этотъ эпосъ долженъ былъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ „окрестьяниться“, т.-е. потерять нѣкоторыя черты, характеризующія его княжеско-дружинное происхожденіе.

298. Современные сказители былинъ. Олонецкій и Архангельскій края, малонаселенные, богатые лѣсами, до послѣдняго времени отрѣзанные отъ остальной Россіи отсутствіемъ желѣзно-дорожныхъ путей сообщенія и потому сохранившіе условія жизни далекаго прошлаго, оказались наилучшими мѣстами въ Россіи для сохраненія нашего былевого эпоса. Принявши въ свою среду преслѣдуемыхъ скомороховъ, мѣстные жители свыклись съ ними, стали относиться къ нимъ съ уваженіемъ, какъ къ знатокамъ старины, о которой они пѣли свои величавыя пѣсни. Мѣстные крестьяне и теперь съ особеннымъ уваженіемъ относятся къ ихъ потомкамъ—сказителямъ, какъ къ наиболѣе интеллигентной части своей среды.

Репертуаръ сказителей различенъ, какъ различна и память сказителей: нѣкоторые изъ нихъ знаютъ напамять до 70 былинъ. Наилучшіе сказители—неграмотные. Передавая ту или другую былину, сказитель заботится о точности: онъ въ точности старается воспроизвести то, что самъ слышалъ отъ предковъ, даже то, что ему уже перестало быть понятнымъ.

Поэтому былины, несмотря на всѣ измѣненія, пережитыя ими, дошли до насъ съ сильными отголосками княжеско-дружиннаго періода русской исторіи.

Былины собирались и записывались въ XVIII в. неизвѣстнымъ авторомъ сборника Кирши Данилова, въ XIX в.—П. Кирѣевскимъ, Рыбниковымъ, Гильфердингомъ, въ XX в. — Григорьевымъ и Марковымъ.

299. Дѣленіе княжеско-дружиннаго эпоса. Древній княжеско-дружинный эпосъ распадается на четыре отдѣла: 1) древнѣйшія старины-былины, 2) кіевскія старины-былины, 3) старины о гибели богатырей и 4) новгородско-галицкія старины-былины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Древнѣйшія старины-былины.

300. Древнѣйшія старины-былины. Древнѣйшими старинами-былинами называются такія, въ которыхъ сохранились воспоминанія о начальномъ періодѣ существованія русскаго государства. Онѣ распадаются на два разряда: 1) древнѣйшія южно-русскія старины-былины и 2) древнѣйшія новгородско-кіевскія старины-былины.

Древнѣйшія южно-русскія старины.

301. Древнѣйшія южно-русскія старины. Къ древнѣйшимъ южно-русскимъ старинамъ относятся такія, въ которыхъ отразились событія изъ начальнаго періода южно-русской государственности. Къ нимъ относятся былины о Святогорѣ и Самсонѣ.

Святогоръ и Самсонъ.

302. Былины о Святогорѣ. Былинъ о Святогорѣ немного. Онѣ сводятся къ слѣдующимъ сюжетамъ: 1) Святогоръ и тяга земная, 2) Женитьба Святогора, 3) Святогоръ и Илья Муромецъ и 4) Смерть Святогора.

1) **Святогоръ и тяга земная.** Ѣдетъ Святогоръ богатырь путемъ дороженькой и выкидываетъ палицу булатную изъ виду

вонъ. Разъяренилъ Святогоръ свое сердце богатырское и проговорилъ: „Какъ бы было кольцо въ небѣ въ Божьемъ, да друго кольцо во сырóй землѣ во матушкѣ, поворотилъ бы я землю-то матушку, поворотилъ бы краемъ къ верху ю“ [1]). Только что Святогоръ позахвастался, какъ увидѣлъ впереди себя двухъ старцевъ (или Микулу Селяниновича): у каждаго изъ нихъ—по сумочкѣ за плечами. Погналъ Святогоръ коня своего, чтобы догнать старцевъ. Старцы остановились и положили свои сумочки на землю. Святогоръ спрашиваетъ, что у нихъ въ сумочкахъ. Старцы сообщаютъ ему, что въ сумочкахъ находится вся тягота земная, и предлагаютъ поднять ихъ. Святогоръ пробуетъ поднять ихъ сначала перстомъ, потомъ одной рукой и, наконецъ, всею своею силою. Сумочекъ онъ не могъ поднять, но зато угрязъ во сыру землю по колѣночку. Старцы потерялись. Святогоръ сѣлъ на коня, и сердце его богатырское уходилось.

Иначе нѣсколько этотъ же сюжетъ передается въ другихъ былинахъ. Святогоръ снаряжается въ дорогу. Онъ осѣдлалъ своего коня и выѣхалъ въ чистое поле. Не съ кѣмъ Святогору помѣряться силой; а сила по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается; отъ силушки грузно, какъ отъ тяжелаго бремени. И говоритъ Святогоръ: „Какъ бы я тяги нашелъ, такъ я бы всю землю поднялъ“! Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи на сумочку переметную. Святогоръ, не сходя съ коня, трогаетъ сумочку погонялочкой (кнутомъ)—сумочка не скрянется, двигаетъ ее перстомъ — сумочка не сворохнется, хватаетъ ее съ коня рукой—сумочка не поднимается. Удивленный Святогоръ слѣзаетъ тогда съ коня, ухватываетъ сумочку обѣими руками; онъ поднимаетъ сумочку выше колѣнъ, но самъ уходитъ въ землю по колѣна; по бѣлому лицу Святогора не слезы текутъ, а кровь. Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ, тутъ ему было „конченіе“.

Образъ богатыря Святогора, рисующійся въ этихъ былинахъ, дополняется разсказомъ, слышаннымъ въ дѣтствѣ К. С. Аксаковымъ. Илья Муромецъ, совершивъ множество подвиговъ, во время которыхъ одолѣлъ всѣхъ богатырей, услышалъ однажды,

---

[1]) Въ другой былинѣ это хвастовство Святогора выражено такъ: „Кабы въ земною-то обширности былъ столбъ, да какъ былъ бы то въ небесной вышинѣ, да кабы было въ столбѣ въ этомъ кольцо, поворотилъ бы я всю землю подвселенную“.

что есть на свѣтѣ богатырь столь непомѣрной силы, что его даже земля не держитъ; что этотъ богатырь на всей землѣ нашелъ только одну гору, которая можетъ его выдержать; на этой горѣ и лежитъ этотъ могучій богатырь. Захотѣлось Ильѣ помѣряться силой съ этимъ богатыремъ. Илья сыскалъ гору и видитъ,—на ней лежитъ богатырь, самъ громадный, какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. „Никакъ, я зацѣпился за сучокъ“,—говоритъ богатырь. Илья, собравшись съ силами, наноситъ ему второй ударъ. „Вѣрно, я камешекъ задѣлъ“,—замѣчаетъ богатырь. Богатырь поворачивается и видитъ Илью Муромца. „А, это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ,—меня и земля не держитъ: нашелъ себѣ гору и лежу на ней“.

2) Женитьба Святогора. Послѣ приключенія съ сумочкой Святогоръ спрашиваетъ у Микулы Селяниновича, какъ узнать ему свою судьбину Божію. Микула совѣтуетъ Святогору отправиться къ Сивернымъ горамъ; здѣсь, подъ великимъ деревомъ, онъ увидитъ кузницу, а въ кузницѣ найдетъ кузнеца, который разскажетъ ему про его судьбу. Святогоръ отправляется къ Сивернымъ горамъ, гдѣ, дѣйствительно, находитъ кузницу; въ кузницѣ онъ увидѣлъ кузнеца, который куетъ два тонкихъ волоса. Святогоръ спрашиваетъ кузнеца, что это онъ куетъ. Кузнецъ отвѣтилъ, что онъ куетъ судьбину, кому на комъ жениться. Святогоръ спрашиваетъ у кузнеца о своей судьбинѣ. „Твоя невѣста—въ царствѣ Поморскомъ, въ престольномъ во городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ“. Пораздумался Святогоръ и рѣшилъ отправиться въ Поморское царство и убить свою невѣсту. Подъѣхавъ къ престольному городу Поморскаго царства, Святогоръ увидѣлъ убогую избу и вошелъ въ нее. Въ избѣ лежала во гноищѣ дѣвка: тѣло у ней—точно еловая кора. Святогоръ догадался, что это и есть его невѣста. Вынулъ онъ пятьсотъ рублей и положилъ на столъ, затѣмъ схватился за свой острый мечъ и началъ бить дѣвку по бѣлой груди. Послѣ этого Святогоръ уѣзжаетъ изъ Поморскаго царства. Между тѣмъ дѣвка проснулась и смотритъ — съ нея „еловая кора“ спала, на столѣ—пятьсотъ рублей, а сама она стала такой красавицей, что на свѣтѣ не видано, на бѣломъ не слыхано. Стала красавица на оставленныя деньги торговать, нажила несчетную золотую казну, построила червленые

кораблики, нагрузила ихъ драгоцѣнными товарами и поѣхала по славному морю. Подъѣзжаетъ она къ великому городу на Святыхъ горахъ и начинаетъ продавать свои товары. По городу и по всему царству распространяется молва объ ея красотѣ. Услышалъ объ ея красотѣ и Святогоръ, который рѣшился провѣрить слухъ. Увидѣвъ красавицу, Святогоръ полюбилъ ее и женился на ней. Однажды Святогоръ увидѣлъ на груди своей жены рубецъ. Жена разсказала ему, какъ она лежала во гноищѣ тридцать лѣтъ, какъ явился въ Поморское царство какой-то молодецъ во время ея сна и оставилъ на столѣ пятьсотъ рублей, какъ она, проснувшись, увидѣла на своей груди рубецъ, а себя красавицей. Услышавъ ея разсказъ, Святогоръ понялъ, что отъ судьбины своей не уйдешь.

3) Святогоръ и Илья Муромецъ. Илья Муромецъ сѣдлаетъ добра коня, беретъ у батюшки, у матушки прощеньице-благословеньице и ѣдетъ въ раздольице чисто поле. Наѣзжаетъ Илья въ чистомъ полѣ на шатеръ бѣло-полотняный, разбитый подъ великимъ сырымъ дубомъ. Въ шатрѣ оказалась кровать богатырская, длиною десяти саженъ, шириною шести саженъ. Илья легъ на кровать и заснулъ. Спалъ Илья три дня и три ночи. На третій день конь Ильи, привязанный къ дубу, слышитъ великій шумъ съ-подъ сѣверныя сторонушки. Всколебалась мать сыра-земля, зашатались темные лѣсушки, рѣки изъ крутыхъ береговъ стали выливаться. Добрый конь бьетъ копытомъ о сырую землю—Илья не пробуждается. Тогда конь „проязычилъ“ своему хозяину человѣческимъ языкомъ: „Ай же ты, Илья Муромецъ! Спишь себѣ, прохлаждаешься, надъ собой невзгодушки не вѣдаешь: ѣдетъ къ шатру Святогоръ-богатырь. Ты спущай меня во чисто поле, а самъ полѣзай на сырой дубъ“. Илья влѣзъ на дубъ и видитъ—ѣдетъ богатырь, выше лѣсу стоячаго, головой упирается подъ облако ходячее; на плечахъ у богатыря хрустальный ларецъ. Подъѣхалъ богатырь къ сырому дубу, снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ, открылъ его золотымъ ключомъ — выходитъ отсюда жена богатырская. Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ не видано и не слыхано: ростомъ она высокая, походка у ней щепливая (щегольская), очи — яснаго сокола, бровушки — чернаго соболя. Выйдя изъ ларца, жена богатырская накрыла столъ и приготовила обѣдъ. Святогоръ съ женой пообѣдали. Пообѣдавъ, Святогоръ отправился въ шатеръ и легъ спать. Жена его

идетъ погулять по чисту полю и замѣчаетъ на дубѣ Илью. Она приглашаетъ „дороднаго добраго молодца“ сойти съ дуба, обѣщая ему свою любовь. Илья согласился. Жена Святогора помѣстила Илью къ мужу „во глубокъ карманъ“ и будитъ Святогора. Святогоръ проснулся, посадилъ жену въ хрустальный ларецъ, заперъ ее на ключъ, сѣлъ на добраго коня и поѣхалъ къ Святымъ горамъ. Дорогою конь Святогора сталъ спотыкаться. Святогоръ выругалъ коня. Тогда конь человѣческимъ языкомъ провѣщалъ, что ему но подъ силу возить двухъ богатырей. Святогоръ вытаскиваетъ изъ кармана богатыря и спрашиваетъ, кто онъ такой и какъ попалъ къ нему въ карманъ. Илья чистосердечно разсказалъ все, какъ было. Разсердился Святогоръ на жену свою, убилъ ее, а съ Ильей помѣнялся крестомъ и назвалъ его меньшимъ братомъ. Выучилъ Святогоръ Илью всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ и отправился съ нимъ къ Святымъ горамъ.

4) **Смерть Святогора.** Илья и Святогоръ пріѣзжаютъ на Святыя горы. Наѣзжаютъ они на великій гробъ съ надписью: „Кому суждено въ гробу лежать, тотъ въ него и ляжетъ“. Сначала легъ въ гробъ Илья, но гробъ оказался для него великъ. Легъ тогда Святогоръ: гробъ оказался ему какъ разъ въ пору. Святогоръ беретъ крышку гроба и закрываетъ себя: крышка плотно закрыла гробъ, и когда Святогоръ попробовалъ поднять ее, она уже не поддавалась его усиліямъ. Святогоръ проситъ Илью поднять крышку. Илья пробуетъ, но напрасно. Тогда Святогоръ говоритъ Ильѣ: „Возьми мой мечъ-кладенецъ и ударь поперекъ крышки“. Илья берется за мечъ, но не можетъ поднять его. Святогоръ дохнулъ на Илью изъ гроба своимъ богатырскимъ духомъ. У Ильи прибыло силы. Онъ поднялъ мечъ-кладенецъ Святогора и ударилъ по крышкѣ гроба. Смотритъ Илья — на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ударилъ, образовался желѣзный обручъ. Дохнулъ на Илью Святогоръ еще разъ. Сила Ильи возросла. Опять Илья ударилъ мечомъ по крышкѣ, и опять появился новый желѣзный обручъ. Святогоръ сталъ задыхаться въ гробу. Онъ проситъ Илью наклониться къ щелочкѣ: „Я дохну еще на тебя и передамъ тебѣ всю силушку великую“. Илья отказывается изъ страха, что земля не станетъ на себѣ носить его. Похвалилъ Илью Святогоръ: „Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа; я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ,

и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владѣй моимъ мечомъ-кладенцомъ, а добра коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу: никто, кромѣ меня, не совладаетъ съ этимъ конемъ". Послѣ этихъ словъ Святогора изъ щелочки пошелъ мертвый духъ. Илья привязалъ ко гробу Святогора коня его, опоясался мечомъ-кладенцомъ и поѣхалъ въ раздольице чисто поле.

Въ другихъ пересказахъ говорится, что изъ Святогора, когда онъ лежалъ въ гробу, стала выходить пѣна (великій потъ). Святогоръ велитъ Ильѣ лизнуть этой пѣны. Илья лизнулъ разъ, лизнулъ другой, а въ третій отказался.

303. Самсонъ-богатырь. Святогора своею силою напоминаетъ другой богатырь—Самсонъ (а также Колыванъ), который въ нѣкоторыхъ былинахъ даже смѣшивается съ первымъ. Такъ, въ былинахъ о Самсонѣ передаются сюжеты о встрѣчѣ Ильи съ Самсономъ, о похвальбѣ Самсона, о тяжелыхъ сумкахъ, о женитьбѣ Самсона и объ его смерти. Нѣкоторые изъ этихъ сюжетовъ переданы иначе, чѣмъ въ былинахъ о Святогорѣ. Таковы сюжеты о встрѣчѣ Ильи съ Самсономъ, объ его женитьбѣ и смерти.

1) **Встрѣча Ильи съ Самсономъ.** Ѣхалъ Илья по чистому полю и наѣхалъ на „поленицу", т.-е. на великана. Это былъ Самсонъ. Ударилъ Илья палицей Самсона по буйной головѣ, ударилъ его разъ, другой и третій разъ. Разгорѣлось у Самсона сердце богатырское, схватилъ Илью Самсонъ за бѣлыя руки и коня его, положилъ ихъ въ карманъ къ себѣ и поплелся дальше. По дорогѣ конь Самсона сталъ „попинатися". Обругалъ его Самсонъ. Конь сказалъ человѣческимъ голосомъ, что ему не подъ силу возить двухъ богатырей и богатырскаго коня. Самсонъ вынулъ Илью съ конемъ изъ кармана, и оба поѣхали къ Святымъ горамъ.

2) **Женитьба Самсона.** Сюжетъ о женитьбѣ Самсона передается въ общемъ такъ же, какъ и сюжетъ о женитьбѣ Святогора. Но въ былинахъ о Самсонѣ жена играетъ весьма важную роль, о которой ничего или очень мало говорится въ былинахъ о Святогорѣ. Однажды жена приступила къ Самсону и стала вывѣдывать у него, отчего онъ такъ силенъ и славенъ, что его боятся всѣ земли и орды. Самсонъ открылъ женѣ секретъ своей силы: у него на головѣ семь волосъ ангельскихъ (въ Библіи говорится о семи косахъ на головѣ Сам-

сона); въ нихъ-то и заключается вся его сила. Наступили именины Самсона. У Самсона пиршество. Всѣ на пиру наѣдались и напивались, а Самсонъ-богатырь пуще всѣхъ. Когда Самсонъ опьянѣлъ, жена его собрала своихъ друзей любимыхъ, остригла своему мужу голову до нага, связала ему руки и „выкопала“ ему очи ясныя. Проснулся Самсонъ и почувствовалъ, что не стало въ рукахъ силы молодецкой, а въ очахъ бѣлаго свѣта. Воскликнулъ Самсонъ: „Ай же ты жена, змѣя лютая! Погубила ты меня на вѣки вѣчныя“. Дала жена Самсону „крѣпостную служаночку“ и „выгнала скитаться между дворами“.

3) **Смерть Самсона**. Ровно три года скитался Самсонъ между дворами. За это время на головѣ его снова выросли желтые кудри, снова почувствовалъ Самсонъ въ плечахъ своихъ силушку великую. Не имѣлъ онъ только свѣта бѣлаго въ ясныхъ очахъ. Обращается Самсонъ къ своей вѣрной служаночкѣ, чтобы она повела его въ городъ, гдѣ находятся его палаты, построенныя на двѣнадцати столбахъ. Служаночна ведетъ его. Въ его палатѣ въ это время происходило „великое танцованіе“: тамъ сидѣла его жена любимая и забавлялась, тѣшилась со своими друзьями любимыми. Самсонъ, славный богатырь святорусскій, подошелъ къ каменному столбу, на которомъ покоились палаты, схватилъ его руками и потрясъ. Разсыпалась палата бѣлокаменная. Тутъ убило и Самсона.

304. Комментаріи къ былинамъ о Святогорѣ и Самсонѣ. Имя „Святогоръ“, повидимому, находится въ связи съ географическимъ названіемъ „Святыя горы“—родиной, или, по крайней мѣрѣ, мѣстопребываніемъ Святогора-богатыря. Святыя горы, по „Книгѣ большому чертежу“, находятся около Дона: „А ниже Царева града, отъ усть рѣки Оскола, на Донцѣ, съ Крымской страны, Святыя горы, отъ Царева града верстъ съ 10“. Итакъ, образъ Святогора-богатыря связанъ съ мѣстностью, находящеюся около Святыхъ горъ. Эта мѣстность—прикавказскій край между Дономъ и Волгой—была территоріей великаго Хазарскаго царства. Въ глубокой древности, въ эпоху анимистическаго міровоззрѣнія, величіе властвующаго народа-побѣдителя должно было представляться въ колоссальныхъ стихійныхъ образахъ, близкихъ къ образамъ божествъ. Русскимъ славянамъ, жившимъ семейно-родовымъ бытомъ, находившимся въ теченіе чуть ли не двухъ вѣковъ подъ властью хорошо

организованнаго хазарскаго народа, послѣдній долженъ былъ казаться необыкновенно сильнымъ, могучимъ и великимъ. Обобщая характерныя черты въ отношеніяхъ хазаръ и русскихъ славянъ этой эпохи въ поэтическій образъ, русскіе поэты должны были невольно выразить въ немъ безмѣрное могущество и силу, которыхъ едва-едва сноситъ сама земля. Такъ долженъ былъ сложиться образъ Святогора-богатыря. Нѣкоторыя соображенія подтверждаютъ эту гипотезу.

Во-первыхъ, по нѣкоторымъ былинамъ Святогоръ — богатырь иноземный, „не русскій“: онъ жилъ „во землѣ не русскія“, „не ѣзжалъ онъ на святую Русь“.

Во-вторыхъ, въ былинахъ на ряду съ Святогоромъ дѣйствуетъ другой богатырь—Самсонъ, который даже смѣшивается съ Святогоромъ. Это странное на первый взглядъ сближеніе и даже смѣшеніе Святогора и Самсона вполнѣ объясняется при гипотезѣ, разсматривающей Святогора, какъ образъ хазарскаго народа: правящій классъ этого народа держался еврейской культуры; ветхозавѣтная исторія и апокрифы ему были извѣстны; былъ, слѣдовательно, ему извѣстенъ и библейско-апокрифическій образъ Самсона. Возможно, что хазарскій правящій классъ, въ упоеніи своею силой, приравнивалъ себя къ богатырю Самсону. При тѣсныхъ сношеніяхъ, существовавшихъ между русскими и хазарами, извѣстный хазарамъ образъ Самсона долженъ былъ стать извѣстнымъ и русскимъ, и притомъ въ спеціальномъ примѣненіи къ могуществу хазаръ.

Въ-третьихъ, отношенія между русскими и хазарами не противорѣчатъ гипотезѣ о томъ, что Святогоръ-Самсонъ — образъ хазарскаго царства: сила русскихъ, раздробленныхъ на отдѣльные роды-семейства, была ничтожна, сравнительно съ силой централизованнаго Хазарскаго царства; Святогоръ-Самсонъ носитъ въ карманѣ русскаго богатыря Илью, не замѣчая никакой тяжести; Святогоръ-Самсонъ учитъ Илью всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, — нѣтъ сомнѣнія, что русскіе изъ сношеній съ болѣе культурными хазарами вынесли не мало полезныхъ для себя уроковъ; Святогоръ-Самсонъ роковымъ образомъ гибнетъ, несмотря на свою великую силу,—Хазарское царство ослабѣваетъ въ борьбѣ съ печенѣгами и арабами; русскіе наносятъ ему послѣдніе удары; Илья наслѣдуетъ у Святогора часть его силы и мечъ, русскіе князья

смотрятъ на себя, какъ на наслѣдниковъ хазарскаго кагана, и наслѣдуютъ его титулъ.

Возникшій на почвѣ историческихъ отношеній между русскими и хазарами образъ Святогора-Самсона долженъ былъ подвергнуться при художественной обработкѣ вліянію цѣлаго ряда устныхъ и письменныхъ произведеній, становившихся достояніемъ русскаго народа. На былинахъ о Святогорѣ и родственномъ ему Самсонѣ, повидимому, отразились вліянія: 1) кавказскихъ сказаній, 2) библейско-апокрифическихъ сказаній, 3) финскихъ сказаній и 4) русскихъ и иностранныхъ сказокъ.

1) **Отраженіе кавказскихъ сказаній.** Наши былины знакомы съ Кавказомъ. Доказательствомъ служитъ рядъ общихъ мѣстъ, упоминающихъ кавказскіе предметы: въ былинахъ шелки называются шемаханскими, сѣдла—черкесскими, черкесы—пятигорскими.

Знакомство нашихъ былинъ съ Кавказомъ вполнѣ объясняется исторіей русскаго народа. Съ Кавказомъ русскіе славяне въ началѣ своей государственной жизни (а, вѣроятно, и раньше, въ эпоху хазарскаго протектората) находились въ тѣсномъ общеніи. Сѣверяне въ X в. производили энергичную колонизацію восточной и юго-восточной частей нашей равнины. Доказательствомъ этому служатъ, *во-первыхъ*, славянскія названія рѣкъ, впадающихъ въ Донъ, Донецъ и въ Азовское море, *во-вторыхъ*, сообщенія арабскаго писателя Масуди (вторая половина X в.), свидѣтельствующаго, что по бассейну Дона было много русскихъ поселеній, *въ-третьихъ*, остатки русскаго населенія въ XII в. въ бассейнахъ Дона и Донца: на Ворсклѣ тогда существовалъ сѣверянскій городъ Лтава (теперь Полтава), на Донцѣ былъ городъ съ такимъ же именемъ (сюда прибѣжалъ изъ половецкаго плѣна Игорь Святославичъ); *въ-четвертыхъ*, въ X в. на Таманскомъ полуостровѣ, отдѣляющемъ Азовское море отъ Чернаго, у Керченскаго пролива, т.-е. почти у Кавказа, сѣверяне основали на мѣстѣ византійской колоніи Таматархи городъ Тмуторокань. Этотъ городъ, благодаря своему приморскому положенію, былъ центромъ оживленныхъ торговыхъ сношеній съ разными народами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тмуторокань отличалась пестротой своего этнографическаго состава; здѣсь жили греки, готы, болгары-тюрки, хазары, касоги, ясы и т. д.; изъ нихъ наши князья нерѣдко

набирали большія дружины, съ которыми отправлялись въ предѣлы собственно Руси для борьбы съ своими противниками. Здѣсь, въ Тмутороканѣ, русскимъ приходилось часто сталкиваться и съ кавказскими племенами, главнымъ образомъ, съ касогами (черкесами) и ясами (осетинами). Одно такое столкновеніе, именно столкновеніе Мстислава съ Редедею (§ 256); воспѣто было, по словамъ автора „Слова о полку Игоревѣ", Бояномъ; преданіе объ этомъ столкновеніи изложено въ „Кіево-печерскомъ сводѣ" (§ 198). Лѣтописное преданіе о Мстиславѣ ясно указываетъ одинъ изъ путей, какимъ къ русскимъ могли попадать кавказскія сказанія: Мстиславъ, побѣдивъ Редедю, взялъ себѣ, согласно уговору, жену и дѣтей Редеди; послѣднія, безъ сомнѣнія, знали поэтическія сказанія своего народа, касоговъ, и, находясь въ плѣну у русскихъ, не разъ, вѣроятно, вспоминали эти сказанія и, быть можетъ, разсказывали ихъ своимъ новымъ роднымъ. Если кавказцы, плѣнные или входившіе въ составъ русскихъ дружинъ, оставались навсегда среди русскихъ, они неизбѣжно должны были вносить извѣстную долю кавказскихъ эпосовъ въ эпосъ русскій. Доказательствомъ этому служитъ сходство нѣкоторыхъ эпизодовъ, излагаемыхъ нашими былинами о Святогорѣ-Самсонѣ, съ кавказскими сказаніями.

а) Эпизодъ съ сумочкой. Въ одной нартской сказкѣ [1]) о храбромъ удальцѣ Сосланѣ разсказывается, между прочимъ, слѣдующее. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ Сосланъ наѣхалъ на цѣлый рядъ чудесъ. Вотъ одно изъ этихъ чудесъ: „По-надъ дорогою лежитъ сумочка, въ которой есть что-то такое, величиною съ человѣческую голову. Онъ попробовалъ съ лошади достать ее, но не могъ. Слѣзъ онъ съ лошади и пытался поднять,—опять ему не подъ силу. Началъ онъ горевать: „О Боже, силы у меня уже нѣтъ! Бывало, съ лошади поднималъ я всадника съ конемъ, а это—не больше человѣческой головы. Какъ же я не могу поднять"? Пошелъ онъ и вырубилъ подпорку, но и съ нею ничего не могъ сдѣлать, а потому отправился далѣе. Впослѣдствіи тесть Сослана Алдаръ объяснилъ ему значеніе этого чуда: сумка оказалась не подъ силу Сослану потому, что въ

[1]) Нарты — древній кавказскій народъ, родственный нынѣшнимъ кабардинцамъ, занимавшій районъ сѣвернаго Кавказа; по сказаніямъ, нарты были богатырскимъ народомъ, который велъ побѣдоносную борьбу съ великанами-идіотами, питавшимися человѣческимъ мясомъ.

ней заключались блага всѣхъ созданныхъ Богомъ странъ: она— вмѣстилище этихъ благъ.

Батразъ, герой осетинскаго сказанія, пытается поднять мѣшокъ съ тяжестью всей земли. Онъ же, по повелѣнію Божію, былъ сраженъ за то, что отважился вступить въ борьбу съ небесными духами.

Герой грузинскаго сказанія Амиранъ за свои насилія и гордость, по волѣ Божіей, погрязаетъ въ землю.

б) Эпизоды изъ встрѣчи богатыря съ великаномъ. Въ осетинскихъ сказаніяхъ изображается великанъ Муккара— князь скалъ. Своимъ ростомъ, силой и неуязвимостью Муккара напоминаетъ Святогора. Съ Муккарой сталкивается нартъ Сосрыко, представляющій параллель къ нашему Ильѣ Муромцу. Однажды Сосрыко погналъ свой скотъ пастись къ Черному морю. Въ это время онъ издали замѣтилъ, что къ нему направляется какой-то человѣкъ громаднаго роста. Это былъ Тыхъ-Фартъ (сынъ силы) Муккара. Подойдя къ Сосрыко, Муккара поздоровался съ нимъ и сталъ разспрашивать о нартахъ-богатыряхъ. Сосрыко назвалъ Муккарѣ главнѣйшихъ героевъ-нартовъ. Тогда великанъ попросилъ Сосрыко показать ему нартскія игры. „А вотъ какъ у насъ играютъ,—сказалъ Сосрыко: я сдѣлаю на своей груди помѣтку и стану поодаль, а ты долженъ попасть мнѣ стрѣлой въ помѣченное на груди мѣсто; если я выдержу, это значитъ хорошо. Или ты станешь, а я буду стрѣлять“? Муккара согласился стоять и предоставилъ стрѣлять нарту. Сосрыко началъ пускать стрѣлы въ грудь Муккары; но стрѣлы, къ удивленію нарта, ударяясь о грудь великана, ломались и отскакивали назадъ. Муккара нашелъ эту игру пустой. Сосрыко показываетъ другую игру: онъ ставитъ великана у подошвы горы, взбирается самъ на гору и скатываетъ оттуда Муккарѣ прямо на лобъ огромный камень. Камень, ударившись о лобъ Муккары, разбился въ дребезги. Сосрыко предлагаетъ третью игру: Муккара долженъ войти въ море; когда море замерзнетъ сверху до низу, то Муккара долженъ повернуться и разломать ледъ; если онъ это сдѣлаетъ,—онъ настоящій богатырь. Муккара согласился и вошелъ въ воду. Море замерзло. Великанъ попробовалъ повернуться, но оказалось, что ледъ крѣпко сковалъ его и не даетъ ему даже пошевелиться. „Что же мнѣ сдѣлать съ тобой?“ спросилъ его Сосрыко. Муккара сказалъ: „Надулъ ты меня,

нартовецъ! Ты хочешь убить меня; поэтому ступай къ моей женѣ и возьми въ кухнѣ мой кинжалъ въ шерстяномъ чехлѣ: только этимъ кинжаломъ ты убьешь меня". Сосрыко пошелъ. Одна женщина дала нарту совѣтъ—не проронить ни слова, когда онъ войдетъ въ домъ Муккары: иначе кинжалъ сорвется съ гвоздя и вонзится въ его грудь. Сосрыко въ точности исполнилъ совѣтъ. Онъ взялъ кинжалъ, отправился обратно къ Муккарѣ, убилъ его и затѣмъ женился на прекрасной вдовѣ великана. По нѣкоторымъ варіантамъ этого эпизода, когда Сосрыко бросился на Муккару съ кинжаломъ, Муккара дунулъ и отбросилъ нарта на полдня пути назадъ. Дуновеніе великана напоминаетъ дуновеніе Святогора, передающаго силу младшему богатырю. Въ кавказскихъ сказаніяхъ дѣйствуетъ и „мертвый духъ" богатыря. Такъ, когда ангелы снесли тѣло Батраза въ склепъ, Батразъ пустилъ въ ангеловъ свой духъ, и шестьдесятъ ангеловъ пало. Какъ Ильѣ Муромцу достается мечъ-кладенецъ Святогора, такъ нарту Сосрыко достается чудный кинжалъ Муккары. Подобно тому, какъ Святогоръ кладетъ богатырей къ себѣ въ карманъ, такъ и великаны кавказскіе кладутъ людей къ себѣ въ карманъ, въ сумку и даже въ дупло зуба. Напр., чеченскій богатырь Говда, спасаясь отъ людоѣдовъ, встрѣчаетъ слѣпого великана и проситъ у него защиты. Великанъ сжалился надъ Говдой и сунулъ его въ карманъ съ конемъ и оружіемъ.

в) Эпизодъ о женитьбѣ богатыря. Въ татарской сказкѣ „Отъ судьбы не уйдешь" разсказывается слѣдующее. Одинъ молодой царевичъ однажды на охотѣ заблудился въ лѣсу и остался тамъ ночевать. Утромъ онъ набрелъ на хижину. Въ хижинѣ находился дряхлый старикъ, который читалъ большую книгу и что-то записывалъ по временамъ. Царевичъ спросилъ старика, чѣмъ это онъ занимается. Старикъ отвѣтилъ, что онъ записываетъ въ книгу судьбу каждаго человѣка. Царевичу захотѣлось узнать собственную судьбу. Старикъ сообщилъ царевичу, что ему суждено жениться на дочери бѣднаго пастуха, страдающей неизлѣчимой болѣзнью. Царевичъ разсердился на старика и пошелъ изъ хижины. Весь день бродилъ онъ по лѣсу. Ночью онъ увидѣлъ огонекъ и пошелъ по его направленію. Царевичъ наткнулся на хижину бѣдняка. Бѣднякъ предложилъ ему почевать въ хижинѣ, гдѣ у него лежитъ больная дочь. Царевичъ изумился и спросилъ, кто

онъ такой. Бѣднякъ отвѣтилъ, что онъ пастухъ. Догадался царевичъ, что больная дочь пастуха и есть его невѣста, и рѣшился погубить ее. Ночью царевичъ подошелъ къ дѣвушкѣ и ударилъ ее въ животъ кинжаломъ. Дѣвушка вскрикнула, и затѣмъ воцарилась мертвая тишина. Царевичъ положилъ около дѣвушки мѣшокъ съ червонцами, тихо вышелъ изъ хижины и исчезъ. Когда пастухъ съ женой вошли утромъ въ комнату своей дочери, они нашли ее совсѣмъ здоровой: она страдала водянкой и ударъ кинжала исцѣлилъ ее. Родители съ дочерью переселились въ городъ и тамъ купили себѣ домъ. Дочь ихъ стала замѣчательной красавицей. Однажды царевичъ увидѣлъ ее у крыльца дома. Она понравилась ему; онъ сдѣлалъ ей предложеніе и женился на ней. Скоро открылось, кто она такая. Молодая царевна отправилась однажды съ матерью и сестрами царевича въ баню. Онѣ замѣтили у нея глубокій шрамъ и разсказали объ этомъ царевичу. Царевичъ разспросилъ жену, откуда у нея такой шрамъ. Она разсказала, и царевичъ понялъ, что отъ судьбы своей не уйдешь.

Изъ этой сказки ясно читателю, почему царевичъ оставилъ мѣшокъ съ червонцами, между тѣмъ какъ оставленіе 500 р. Святогоромъ до убійства непонятно.

г) Эпизодъ о невѣрной женѣ. Ингушская сказка такъ передаетъ этотъ эпизодъ. Одинъ князь, узнавъ объ измѣнѣ своей жены, покидаетъ свой домъ и вмѣстѣ со своимъ вѣрнымъ узденемъ отправляется бродить по свѣту. Много ѣздили они и забрели въ глухое мѣсто: вокругъ на мѣсяцъ ѣзды не было ни одного человѣка, ни одного аула. Князь съ узденемъ рѣшили поселиться тутъ. Вдругъ, видятъ они, недалеко отъ нихъ человѣкъ пашетъ землю на восьми парахъ быковъ; этотъ человѣкъ самъ управляетъ быками, самъ держитъ плугъ и вдобавокъ несетъ еще на спинѣ громадный сундукъ. Удивился князь, что этотъ пахарь вмѣсто того, чтобы поставить сундукъ на землю, таскаетъ его на своей спинѣ. Подъѣзжаетъ князь съ узденемъ къ пахарю, чтобы разспросить его объ этомъ. Когда они подъѣхали къ нему, пахарь началъ распрягать быковъ. Князь и уздень начали помогать ему. Пока князь и уздень распрягли по одной парѣ, пахарь успѣлъ распрячь остальныя шесть паръ. Стали всѣ закусывать, а пахарь все не снимаетъ съ плечъ сундука. Удивленный князь спрашиваетъ пахаря, что у него въ сундукѣ, и почему онъ его не

сниметъ. Тогда пахарь разсказалъ цѣлую исторію. Онъ жилъ прежде въ аулѣ и былъ женатъ. Жена измѣнила ему. Озлился онъ на жену, прогналъ ее, а самъ покинулъ свой домъ. Во время своихъ скитаній онъ женился вторично, а чтобы жена не измѣнила ему, онъ сдѣлалъ сундукъ и посадилъ ее туда и съ тѣхъ поръ постоянно носитъ этотъ сундукъ за своими плечами. Заинтересовался князь разсказомъ пахаря и попросилъ его показать ему свою жену. Пахарь снялъ сундукъ, поставилъ его на землю и открылъ. Всѣ остолбенѣли: въ сундукѣ вмѣстѣ съ женой оказался какой-то молодой человѣкъ. Пахарь спросилъ жену, какъ она ухитрилась обмануть его. Она объяснила. Однажды въ жаркій день быки, мучимые оводами, побѣжали. Ея мужъ оставилъ сундукъ въ полѣ и погнался за быками. Скучно стало женѣ сидѣть въ сундукѣ, и она вышла изъ него. Смотритъ — ѣдетъ молодой человѣкъ. Чтобы ей не было скучно, она пригласила его съ себѣ въ сундукъ. Съ тѣхъ поръ они вмѣстѣ живутъ въ сундукѣ. Тогда пахарь обращается къ князю со словами: „Видишь, князь, я ли не караулилъ свою жену, а оказалось, что я двухъ носилъ въ ящикѣ вмѣсто одной жены“. Обманутые мужья поняли, что, сколько ни карауль жену, все-таки не услѣдишь, и рѣшили вернуться къ своимъ прежнимъ женамъ.

Эта сказка, сюжетъ которой сходенъ съ сюжетомъ былины о женѣ Святогора, въ то же время объясняетъ, почему герой носитъ жену въ сундукѣ или ящикѣ.

2) **Отраженіе библейско-апокрифическихъ сказаній.** На сложеніе былинъ о Святогорѣ и Самсонѣ повліяли и сказанія библейско-апокрифическія. Образъ богатыря Самсона (по еврейскимъ сказаніямъ, одно разстояніе между плечами у этого великана равнялось 60 локтямъ) такъ же, какъ и его имя, несомнѣнно заимствованы нашими пѣвцами-поэтами изъ этого источника, а затѣмъ черты этого богатыря и нѣкоторые эпизоды изъ его жизни были перенесены на Святогора.

а) Остриженіе волосъ. Апокрифическія сказанія о Самсонѣ проникли къ намъ вмѣстѣ съ „Исторической палеей“ (§ 110). Былины о Самсонѣ воспроизводятъ именно эти сказанія, отличающіяся отъ того, что извѣстно намъ о Самсонѣ изъ Библіи. Такъ, по Библіи, Самсонъ — назорей, не пьетъ вина; жена Далила остригаетъ волосы Самсона во время его сна. По „Исторической палеѣ“, Самсонъ не слушался своей

матери и сталъ пьянствовать съ иноплеменниками; пьянаго Самсона и остригла Далила.

б) Смерть Самсона. Разсказъ „Исторической палеи“ о смерти Самсона отличается отъ библейскаго. По Библіи, филистимскіе правители собрались въ храмѣ принести жертву Дагону и повеселиться. Въ разгарѣ веселья они призвали изъ тюрьмы Самсона, чтобы онъ развеселилъ ихъ. Самсонъ попросилъ отрока, который велъ его, подвести его къ столбамъ, на которыхъ утверждалось зданіе, чтобы прислониться къ нимъ. Онъ ухватился руками за два среднихъ столба и потрясъ ихъ. Зданіе разрушилось и погребло подъ своими развалинами и филистимлянъ и Самсона. По „Исторической палеѣ“, дѣло происходитъ иначе. Жена Самсона пируетъ съ любовникомъ своимъ и гостями въ палатѣ, построенной Самсономъ. Палата была построена такъ хитро, что держалась на одномъ столбѣ. Къ этому времени у Самсона успѣли снова вырасти волосы. Самсонъ проситъ отрока, прислуживавшаго ему, подвести его къ столбу, на которомъ держалась палата, и потрясаетъ его; зданіе разрушается и губитъ пировавшихъ и Самсона. Въ былинѣ воспроизведенъ именно этотъ разсказъ.

в) Хвастовство богатыря и подниманіе сумочекъ. Ни въ Библіи, ни въ „Исторической палеѣ“ нѣтъ упоминаній о хвастовствѣ Самсона и о подниманіи сумочекъ. Но, повидимому, существовали какія-то апокрифическія сказанія о Самсонѣ, въ которыхъ было кое-что и объ этомъ, по крайней мѣрѣ, о хвастовствѣ Самсона. Въ Библіи сообщается, что Самсонъ, поразивъ ослиною челюстью тысячу человѣкъ, сказалъ: „Челюстью ослиною толпу, двѣ толпы, челюстью ослиною убилъ я тысячу человѣкъ“. Затѣмъ Библія разсказываетъ, что Самсонъ почувствовалъ сильную жажду; воды нигдѣ не оказывалось. Тогда Самсонъ сказалъ: „Ты содѣлалъ рукою раба твоего великое спасеніе сіе; а теперь умру я отъ жажды и попаду въ руки необрѣзанныхъ“. Совершается чудо: Богъ производитъ источникъ воды, и Самсонъ удовлетворяетъ свою жажду. У Іосифа Флавія въ его „Еврейскихъ древностяхъ“ сообщается, что Самсонъ, послѣ избіенія тысячи человѣкъ ослиною челюстью, возгордился и сталъ приписывать это избіеніе не Божьей милости, а собственной силѣ. Далѣе Іосифъ излагаетъ событія, какъ въ Библіи. Самсонъ изнемогаетъ отъ жажды; онъ на опытѣ убѣждается, что человѣче-

ская доблесть—ничто. Самсонъ обращается къ Богу съ мольбой. Онъ раскаивается въ своей похвальбѣ: ему хотѣлось бы, чтобы ничего изъ сказаннаго имъ не было поставлено ему въ вину, чтобы Богъ не прогнѣвался на него за нечестивыя рѣчи. Далѣе разсказъ Флавія сходенъ съ библейскимъ повѣствованіемъ: Богъ открываетъ Самсону изъ-подъ камня источникъ воды, и Самсонъ утоляетъ свою жажду. Передача Іосифа Флавія интересна указаніемъ на то, что Самсонъ послѣ побѣды возгордился и свою гордость выразилъ въ какихъ-то нечестивыхъ рѣчахъ, за которыми послѣдовали быстрое наказаніе свыше и раскаяніе Самсона. Флавій не передаетъ содержанія нечестивыхъ рѣчей Самсона. Но по другимъ произведеніямъ кое-что изъ этихъ рѣчей намъ извѣстно. Въ переводномъ памятникѣ „Прѣніе Живота (жизни) и Смерти“ сообщается, что Самсонъ такъ хвастался: „Аще было кольцо въ земли сдѣлано, и азъ бы всѣмъ свѣтомъ поворотилъ“. Очевидно, это—та же самая похвальба, которая приписывается нашими былинами Самсону и Святогору. Повидимому, существовали какія-то апокрифическія сказанія о похвальбѣ и наказаніи Самсона, которыя до насъ не дошли, но которыми воспользовалось наше устное творчество. Въ этихъ сказаніяхъ похвальба Самсона выражалась въ сверхъестественныхъ формахъ: „Кабы былъ столбъ въ земли, кабы было кольцо въ столбу, я бы землю всю вокругъ повернулъ“. Такая похвальба, очевидно, связана съ древними космологическими представленіями, признававшими существованіе опоръ неба и земли, отъ колебанія которыхъ потрясалась бы вся вселенная. Въ библейско-апокрифическихъ сказаніяхъ встрѣчаются указанія именно на такое міропониманіе. Въ книгѣ Іова Богъ говоритъ, между прочимъ, Іову: „Гдѣ былъ ты, когда я полагалъ основанія земли“?... „На чемъ утверждены основанія (въ славянскомъ переводѣ—столпи) ея, или кто положилъ краеугольный камень ея“? Тамъ же говорится и о столпахъ, на которыхъ утверждено небо: „Столпы небесъ дрожатъ и ужасаются отъ грома его“. Возгордившись, Самсонъ, очевидно, вообразилъ, что его сила равна силѣ самого Бога, и похвальба его, повидимому, имѣла такой смыслъ: „Моя сила безконечно велика: я могъ бы поколебать столпы, на которыхъ утверждаются небо и земля, и потрясти всю вселенную“.

г) Женитьба Самсона и гибель его отъ жены. Въ Библіи разсказывается, что Самсонъ до своего знакомства съ Далилой женился на какой-то филистимлянкѣ. Родители Самсона были противъ этого брака съ иностранкой. По этому поводу Библія дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Отецъ его и мать не знали, что это — отъ Господа, и что онъ ищетъ случая отомстить филистимлянамъ“. Такимъ образомъ, первый бракъ Самсона представленъ рѣшеннымъ свыше, фатальнымъ для Самсона. Эта фатальность и неизбѣжность брака изображаются и въ былинахъ о женитьбѣ Святогора-Самсона на дѣвушкѣ изъ Поморскаго царства, причемъ, весьма возможно, что невѣріе филистимлянки (язычницы) — своего рода душевная болѣзнь — превратилось въ русскихъ сказаніяхъ въ физическую болѣзнь невѣсты.

д) Примѣриваніе гроба. Въ еврейско-мусульманскихъ сказаніяхъ объ Ааронѣ встрѣчается эпизодъ о примѣриваніи гроба. Моисею явился ангелъ, который велѣлъ ему отправиться вмѣстѣ съ Ааропомъ на высокую гору. Поднявшись на вершину горы, они нашли пещеру, въ которой стоялъ гробъ съ надписью: „Я назначенъ для того, кому буду въ пору“. Сначала легъ въ гробъ Моисей, но гробъ оказался для него малъ. Легъ тогда Ааронъ. Гробъ оказался въ пору. Ааронъ умеръ.

е) Подниманіе тяжелыхъ предметовъ. Въ Талмудѣ разсказывается объ Александрѣ слѣдующее. Александръ достигъ береговъ рѣки, текущей изъ рая, и добрался до рая. Онъ потребовалъ, чтобы ему открыли ворота. На это ему отвѣтили, что это—ворота Господа и въ нихъ войдутъ праведные. Александръ сказалъ, что онъ — высокочтимый царь, и просилъ дать ему что-нибудь. Ему дали мертвую голову. Онъ взялъ ее съ собой и положилъ на одну чашку вѣсовъ, а на другую все золото и серебро, какое у него было: мертвая голова оказалась тяжелѣе золота и серебра. Александръ спросилъ у раввиновъ, что это такое. Они объяснили ему: мертвая голова означаетъ, что глазъ человѣка ненасытенъ. Александръ попросилъ у раввиновъ доказательствъ тому, что они говорятъ. Тогда они взяли горсть земли и насыпали на мертвую голову: золото и серебро тотчасъ оказались тяжелѣе головы.

Съ подниманіемъ тяжелыхъ предметовъ мы встрѣчаемся и въ сказаніяхъ о св. Христофорѣ. Христофоръ, хананеянинъ, былъ кинокефалъ, т.-е. имѣлъ собачью голову. Онъ былъ не-

обыкновенно высокъ ростомъ, именно 12 локтей, и имѣлъ страшный видъ. Ему пришло на умъ отыскать самаго могущественнаго властителя въ мірѣ. Ему указали на одного царя. Христоферъ поступилъ къ нему на службу. Однажды онъ замѣтилъ, что царь испытывалъ страхъ, когда былъ упоминаемъ дьяволъ. Понялъ Христоферъ, что дьяволъ могущественнѣе царя, и поступилъ къ нему на службу. Оказалось, однако, что и дьяволъ испытываетъ страхъ передъ Христомъ. Христоферъ рѣшилъ отыскать Христа и поступить къ нему на службу. По совѣту одного пустынника, Христоферъ поселился на берегу рѣки и, чтобы угодить Христу, сталъ переносить желающихъ черезъ рѣку. Однажды Христоферъ, отдыхая въ своей хижинѣ, услышалъ дѣтскій голосъ: „Выйди, Христоферъ, и перенеси меня“. Христоферъ вышелъ, поднялъ мальчика на плечи, взялъ свой посохъ и вошелъ въ рѣку. Вдругъ вода въ рѣкѣ стала подниматься, а мальчикъ сталъ тяжелъ, какъ свинецъ. Чѣмъ дальше подвигался Христоферъ, тѣмъ вода становилась выше, а мальчикъ тяжелѣе. Христоферомъ овладѣла тревога. Наконецъ, ему удалось дойти до другого берега рѣки. Христоферъ снялъ съ себя мальчика и сказалъ ему: „Дитя, ты подвергалъ меня большой опасности: ты былъ такъ тяжелъ, что, если бы я поднялъ весь міръ, то едва ли бы почувствовалъ бо̀льшую тяжесть“. Мальчикъ ему сказалъ: „Не удивляйся, Христоферъ: ты несъ на себѣ не только весь міръ, но и того, кто сотворилъ міръ. Я—царь Христосъ“.

Въ стихотворномъ описаніи изображенія св. Христофора (въ Аугсбургѣ) есть любопытныя дополненія къ только-что приведенному сказанію: у Христофора, бредущаго по водѣ съ мальчикомъ на плечахъ, въ рукахъ—громадная дубина, а за плечами виситъ сума.

3) Вліяніе финскихъ сказаній. У эстонцевъ есть поэма „Калеви-поэгъ“, героемъ которой является богатырь-великанъ Калеви-поэгъ. Имя это въ переводѣ на русскій языкъ значитъ — сынъ Калева: имя „Калева“ происходитъ отъ слова kallio, что значитъ—скала. Такимъ образомъ, эстонскій богатырь-исполинъ Калеви-поэгъ имѣетъ въ своемъ имени связь съ понятіемъ скала; это напоминаетъ князя скалъ Муккару и Святыя горы, съ которыми связано имя богатыря Святогора.

Не только имена этихъ трехъ богатырей-исполиновъ заключаютъ въ себѣ однородный смыслъ: самые образы бога-

тырей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходны между собою: 1) Святогоръ живетъ и дѣйствуетъ въ районѣ Святыхъ горъ. Калеви-поэгъ живетъ и дѣйствуетъ въ районѣ двухъ скалистыхъ странъ — Эстляндіи и Финляндіи. 2) Святогоръ — великанъ: онъ — „повыше лѣсу стоячаго, чуть пониже облака ходячаго“; кровать Святогора — длиною въ 10 саженъ, шириною — въ 6 саженъ; когда Святогоръ ѣдетъ, земля колеблется, лѣса шатаются, рѣки изъ береговъ выливаются; его не носитъ мать-земля сырая; онъ можетъ ѣздить только по горамъ высокимъ, да по щелейкамъ толстымъ. Калеви-поэгъ — тоже исполинъ: онъ въ бродъ переходитъ озеро Пейпусъ; когда онъ ѣдетъ, гнется земля, сглаживаются неровности почвы; отъ его храпа сотрясается все вокругъ. 3) У Святогора такой мечъ, что его не можетъ поднять Илья. У Калеви-поэга — тоже особенный мечъ, выкованный съ особыми заклятіями: только одинъ Калеви-поэгъ можетъ справляться съ такимъ мечемъ. 4) Святогоръ рисуется нерѣдко спящимъ, лежащимъ. Калеви-поэгъ также часто и подолгу спитъ. 5) Святогоръ не можетъ поднять маленькой сумочки переметной; Калеви-поэгъ, попавшій въ подземное царство, не могъ безъ волшебства открыть простой двери. 6) Въ жизни Святогора фигурируетъ кузнецъ, который предсказываетъ ему судьбу; въ поэмѣ Калеви-поэгъ герой получаетъ отъ кузнеца чудесный мечъ: когда Калеви-поэгъ убилъ этимъ мечомъ сына кузнеца, кузнецъ проклялъ Калеви-поэга и предсказалъ, что послѣдній отъ собственнаго меча погибнетъ. 7) Надъ Святогоромъ тяготѣетъ рокъ: онъ или погрязаетъ въ землю и погибаетъ, или ложится въ гробъ, свыше ему предназначенный, и умираетъ; Калеви-поэгъ также находится подъ властью рока и погибаетъ отъ собственнаго меча.

Вліяніе пѣсенъ Калеви-поэгъ на наши былины о Святогорѣ-Самсонѣ видно и изъ того, что въ нѣкоторыхъ былинахъ попадается вмѣсто имени Святогоръ или Самсонъ имя Колыванъ, имя, очевидно, имѣющее связь съ именемъ Калева. Это показываетъ, что репертуаръ нашихъ пѣсенъ о Святогорѣ-Самсонѣ сталъ сближаться съ финскимъ эпосомъ. Такое сближеніе исторически вполнѣ понятно: смѣшеніе русскихъ съ финскими племенами въ Новгородской области должно было повлечь вторженіе въ русскій эпосъ образовъ и сюжетовъ финскаго эпоса. Замѣтимъ, между прочимъ, что городъ Ревель,

основанный датчанами на мѣстѣ разрушенной туземной крѣпости Линдалиса, т.-е. грудь Линды, супруги Калевы, въ лѣтописяхъ носитъ названіе „Колывань“.

4) Отраженіе русскихъ и иностранныхъ сказокъ. На сложеніе былинъ о Святогорѣ и Самсонѣ имѣли вліяніе сказки, русскія и иностранныя. Особенно сказалось это вліяніе въ эпизодѣ о женитьбѣ Святогора и Самсона. Этотъ эпизодъ распадается на двѣ части: разузнаваніе судьбы и женитьба. На былинѣ отразились главнымъ образомъ сказки о разузнаваніи судьбы. Кавказскія сказки приведены выше; съ ними сходны и нѣкоторыя русскія сказки. Въ русской сказкѣ о невѣстѣ-горбуньѣ разсказывается слѣдующее. Искалъ мужикъ себѣ невѣсты. Пришелъ разъ въ церковь. Одинъ старикъ спрашиваетъ его, чего онъ ищетъ. Тотъ объяснилъ ему. Старикъ взялъ его за руку, подвелъ къ нищимъ и, указавъ на горбатую нищую, сказалъ: „Вотъ твоя судьба: не обойдешь, не объѣдешь“. Мужикъ думаетъ: „Постой же: я засѣку нищую“. Нищая жила въ богадѣльнѣ. Приходитъ туда ночью мужикъ, вызываетъ оттуда горбунью и хватаетъ ее тесакомъ. Идя назадъ, мужикъ говоритъ себѣ: „Засѣкъ теперь нищую: вотъ и судьба моя! Вздоръ старые люди говорятъ“. Между тѣмъ горбунья отъ удара тесакомъ лишилась горба, а сама стала красавицей. Однажды мужикъ увидѣлъ ее у офицера, къ которому она поступила въ услуженіе. Полюбилъ ее мужикъ и женился. Однажды въ банѣ онъ увидѣлъ на спинѣ своей жены рубцы. Мужъ спросилъ ее, откуда у нея эти рубцы. Жена разсказала ему все, какъ было. Понялъ тогда мужикъ, что суженой не обойдешь, не объѣдешь.

305. Общіе выводы о былинахъ о Святогорѣ и Самсонѣ. Былины о Святогорѣ-Самсонѣ имѣютъ двѣ основы: 1) одна основа создалась на почвѣ мирныхъ сношеній и военныхъ столкновеній русскихъ славянъ съ хазарами: такъ возникъ образъ хазарскаго богатыря-великана (Святогоръ); 2) другая основа возникла на почвѣ тѣхъ же сношеній съ хазарами и, вѣроятно, съ евреями; именно, у хазаръ еврейскаго исповѣданія былъ заимствованъ образъ богатыря-великана Самсона вмѣстѣ съ преданіями о немъ.

Первоначально сказанія о Святогорѣ развивались, вѣроятно, независимо и отдѣльно отъ сказаній о Самсонѣ; въ силу сходства, образы обоихъ богатырей-великановъ стали сближаться

между собою, спутываться, а затѣмъ притягивать къ себѣ сходныя сказанія, устныя и письменныя, русскія и иностранныя, и сплетаться съ ними. Между прочимъ, съ занесеніемъ русскаго эпоса южно-русскаго происхожденія на сѣверъ произошло сближеніе пѣсенъ о Святогорѣ-Самсонѣ съ эстонскими пѣснями о Калеви-поэгѣ.

Древнѣйшія новгородско-кіевскія старины.

306. Древнѣйшія новгородско-кіевскія старины. Древнѣйшія новгородско-кіевскія старины это тѣ, въ которыхъ отразилась первоначальная тѣсная связь между Новгородомъ и Кіевомъ. Къ нимъ относятся былины о Вольгѣ Святославичѣ (Волхѣ Всеславьевичѣ) и о Микулѣ Селяниновичѣ.

Вольга-Волхъ и Микула.

307. Былины о Вольгѣ-Волхѣ и Микулѣ. Былины о Вольгѣ Святославичѣ (онъ же — Волхъ Всеславьевичъ) и Микулѣ Селяниновичѣ воспѣваютъ два эпизода: 1) походъ Волха на Индѣйское царство и 2) встрѣчу Вольги съ Микулой Селяниновичемъ.

1) **Походъ Волха въ Индѣйское царство.** У княгини Марѳы Всеславьевны родился отъ лютаго Змѣя могучій богатырь Волхъ Всеславьевичъ. Задрожала сырая земля, стряслось славное царство Индѣйское, всколебалось синее море; рыба пошла въ морскую глубину, птица взлетѣла высоко въ небеса, туры и олени пошли за горы, зайцы и лисицы—по чащицамъ, волки, медвѣди—по ельникамъ, соболи и куницы—по островамъ. Волху—полтора часа отъ рожденія, а онъ уже говоритъ, какъ громъ гремитъ; онъ не желаетъ, чтобы матушка пеленала его въ пелену червчатую и опоясывала въ шелковые пояса, и требуетъ, чтобы она пеленала его въ булатныя латы, чтобы на буйную голову его она надѣла золотой шлемъ, а въ правую руку дала ему свинцовую палицу въ триста пудъ. Волху семь лѣтъ отъ роду. Матушка отдаетъ его учиться: грамота „въ наукъ“ пошла ему; она посадила его перомъ писать, и письмо „въ наукъ“ ему пошло. Волху—десять лѣтъ. Сталъ Волхъ учиться

разнымъ премудростямъ; выучился онъ одной премудрости — обертываться яснымъ соколомъ, выучился другой премудрости — обертываться сѣрымъ волкомъ, и третьей премудрости—обертываться гнѣдымъ туромъ-золотые рога. Насталъ двѣнадцатый годъ жизни Волха. Сталъ Волхъ набирать себѣ дружину. Три года набиралъ ее, и набралъ семь тысячъ молодцовъ. Уже Волху—пятнадцать лѣтъ отъ роду. Въ это время прошелъ слухъ, что индѣйскій царь снаряжается въ походъ къ стольному городу Кіеву, что онъ собирается весь Кіевъ взять за щитомъ, Божьи церкви пустить на дымъ и разорить почестны монастыри. Волхъ догадливъ былъ: со всею дружиною хороброю отправляется самъ къ славному Индѣйскому царству. Когда дружина спитъ, Волхъ не спитъ: онъ обертывается сѣрымъ волкомъ, бѣгаетъ, скачетъ по темнымъ лѣсамъ, бьетъ звѣрей сохатыхъ (лосей или оленей), не даетъ спуску волку и медвѣдю, соболямъ и барсамъ, не брезгуетъ зайцами и лисицами. Дружина накормлена Волхомъ, напоена, одѣта и обута. Дружина спитъ, Волхъ не спитъ: онъ обертывается яснымъ соколомъ, летитъ далече за сине море, бьетъ гусей, лебедей, не даетъ спуску и сѣрымъ малымъ утицамъ. Волхъ поитъ, кормитъ дружинушку хоробрую: яства у него всѣ перемѣнныя, сахарныя. Спрашиваетъ Волхъ своихъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ, есть ли между ними человѣкъ, который могъ бы обернуться гнѣдымъ туромъ и сбѣгать въ Индѣйское царство развѣдать про царя Салтыка Ставрульевича. Дружина отвѣчаетъ, что кромѣ Волха Всеславьевича никто на это не способенъ. Обернулся Волхъ гнѣдымъ туромъ-золотые рога и побѣжалъ къ Индѣйскому царству. Въ первый скокъ онъ проскочилъ цѣлую версту, а въ другой скокъ его уже не могли найти. Обернулся Волхъ яснымъ соколомъ и полетѣлъ къ царству Индѣйскому. Вотъ онъ уже въ Индіи, спустился на бѣлокаменныя палаты, на окошечко косящатое къ индѣйскому царю. Царь съ царицей разговариваютъ. Говоритъ царю царица Азвяковна, молода Елена Александровна, что онъ собирается въ походъ на Русь, а между тѣмъ въ Кіевѣ родился могучій богатырь, его сопротивничекъ. Выслушавъ эти рѣчи, Волхъ обернулся горностаемъ, побѣжалъ по подваламъ, погребамъ, по высокимъ теремамъ, перекусилъ у тугихъ луковъ тетивки, повынималъ у каленыхъ стрѣлъ желѣзки и закапывалъ онъ все въ землю. Обернулся Волхъ соколомъ, взвился высоко по под-

небесью и полетѣлъ къ своей дружинѣ. Разбудилъ Волхъ дружину и отправляется съ ней къ Индѣйскому царству. А Индѣйское царство окружено крѣпкой стѣной бѣлокаменной, ворота въ стѣнѣ—желѣзныя, крюки и засовы—мѣдные, подворотня—изъ дорогого рыбьяго зуба, на ней мудреные вырѣзы вырѣзаны; по вырѣзамъ этимъ только муравью можно пройти. Кругомъ день и ночь стоятъ караулы. Видятъ добрые молодцы, что не пробраться имъ въ Индѣйское царство и закручинились. Но молодой Волхъ догадливъ былъ: обернулся онъ мурашикомъ, обернулъ мурашиками и своихъ добрыхъ молодцевъ, и прошли они бѣлокаменную стѣну. Очутившись по другой сторонѣ стѣны, Волхъ превратилъ себя и дружину опять въ добрыхъ молодцевъ. Велитъ онъ дружинѣ своей рубить всѣхъ, стараго и малаго, и оставить въ живыхъ по выбору лишь семь тысячъ красныхъ дѣвушекъ. Самъ Волхъ пошелъ въ царскія палаты. Пнулъ онъ ногой въ желѣзныя двери, изломалъ всѣ пробои булатные. Взялъ Волхъ царя индѣйскаго за бѣлыя руки, ударилъ его о кирпищатый полъ и расшибъ его въ крохи. Взялъ себѣ Волхъ въ жены царицу индѣйскую, его молодцы переженились на захваченныхъ дѣвушкахъ, и сталъ Волхъ царствовать.

2) **Вольга Святославичъ и Микула Селяниновичъ.** Въ началѣ былины повѣствуется о рожденіи Вольги и о томъ, какъ Вольга учился премудростямъ разнымъ. Когда Вольга подросъ, сталъ онъ набирать себѣ дружинушку хоробрую; набралъ себѣ тридцать молодцовъ безъ единаго, самъ Вольга во тридцатыихъ. Родной дядюшка Вольги, ласковый Владимиръ стольно-кіевскій, награждаетъ его тремя городами съ крестьянами: Гурчевцемъ, Орѣховцемъ и Крестьяновцемъ. Отправляется Вольга съ дружиной къ этимъ городамъ за получкою. Выѣхавъ въ чисто поле, услышалъ Вольга крикъ ратая. Направляется Вольга по крику въ сторону ратая. Ѣхалъ онъ день, другой и не можетъ доѣхать до него. Только на третій день Вольга наѣхалъ на ратая, видитъ—оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ: въ край онъ ѣдетъ — другого не видать; коренья, каменья вывертываетъ, а великіе каменья всѣ въ борозду валитъ. Кобыла у ратая—соловая, сошка—кленовая, гужики—шелковые. Вольга привѣтствуетъ ратая: Ратай сразу узнаетъ Вольгу и спрашиваетъ его, куда онъ путь держитъ со своею дружиною. Вольга сообщаетъ. Тогда ратай разсказываетъ

о своей недавней поѣздкѣ въ одинъ изъ тѣхъ городовъ, куда направлялся Вольга. Ратай взялъ въ городѣ (въ Орѣховцѣ) два мѣха соли по сорокъ пудъ; а горожане потребовали у ратая уплаты дорожной пошлины (грошей подорожныхъ). Не понравилось ратаю это требованіе „мужиковъ-разбойниковъ“; началъ ратай платить имъ пошлину шалыгою подорожною (плеть съ обвязанною пулею на концѣ): который мужикъ-разбойникъ стоя стоялъ, тотъ сталъ сидя сидѣть, а который сидя сидѣлъ, тотъ сталъ лежа лежать. Понравилась Вольгѣ молодецкая расправа ратая; сталъ онъ приглашать ратая поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ товарищахъ. Ратай согласился, распрягъ свою кобылу и поѣхалъ съ Вольгой. Дорогой ратай вспомнилъ, что забылъ убрать съ поля сошку за ракитовъ кустъ. Послалъ Вольга назадъ пять могучихъ молодцовъ, чтобы выдернуть изъ земли сошку, вытряхнуть изъ омѣшиковъ (сошниковъ) земельку и бросить сошку за ракитовъ кустъ. Подъѣхали посланные молодцы могучіе къ сошкѣ, взялись за обжи (оглобли), вертятъ сошку вокругъ, а выдернуть ее съ земельки не могутъ. Посылаетъ Вольга Святославовичъ десять молодцовъ. И они не могутъ выдернуть сошку. Посылаетъ Вольга всю свою дружинушку хоробрую; но и вся дружина не можетъ справиться съ сошкой. Возвращается назадъ самъ ратай, беретъ сошку одной рукой, выдергиваетъ ее изъ земли, вытряхиваетъ изъ омѣшиковъ земельку и бросаетъ сошку за ракитовъ кустъ. Снова ѣдутъ вмѣстѣ Вольга и ратай. Кобылка ратая идетъ рысью, а конь Вольги подскакиваетъ; кобылка ратая грудью пошла, а Вольгинъ конь „оставается“. Сталъ Вольга покрикивать, колпакомъ помахивать: „Постой-ка ты, ратай-ратаюшко! Этая кобылка конькомъ-бы была,—за эту кобылку пятьсотъ-бы дали“. Отвѣчаетъ ему ратай: „Глупый Вольга Святославовичъ! Взялъ я кобылку жеребчикомъ съ-подъ матушки и заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей: этая кобылка конькомъ бы была, за эту кобылку смѣты бы нѣтъ“. Спрашиваетъ Вольга ратая, кто онъ такой и какъ его зовутъ. Ратай отвѣчаетъ: „Ай же, Вольга Святославовичъ! А я ржи напашу, да во скирды сложу, во скирды сложу, домой выволочу, домой выволочу, да дома вымолочу, драни (муки крупнаго размола) надеру, да и пива наварю, да и мужичковъ напою. Станутъ мужички меня покликивати: молодой Микулушка Селяниновичъ!“

308. Комментаріи къ былинамъ о Вольгѣ-Волхѣ и Микулѣ. Вольга Святославовичъ и Волхъ Всеславьевичъ — одно и то же лицо. Это видно изъ того, что о рожденіи и воспитаніи Вольги и Волха былины разсказываютъ одинаково. Имя Вольга филологически связано съ литературной формой — Олегъ, а имя Волхъ связано съ литературнымъ — волхвъ. Исторически образъ былиннаго Вольги, повидимому, восходитъ къ Вѣщему князю Олегу. Данное былинами Олегу имя Волхъ соотвѣтствуетъ лѣтописному эпитету Олега — Вѣщій („и прозваша Олега вѣщій“) и указываетъ на „хитрость-мудрость“ Олега, его оборотничество.

Въ былинахъ о Вольгѣ-Волхѣ интересны три эпизода изъ жизни этого богатыря: 1) чудесное рожденіе богатыря, 2) походъ на Индѣйское царство (въ Турецъ-землю) и 3) встрѣча съ чудеснымъ пахаремъ, превзошедшимъ Вольгу-Волха молодчествомъ и силою.

1) Чудесное рожденіе Вольги-Волха. Олегъ первоначально былъ княземъ новгородскимъ. Какъ князь-варягъ, проявившій большія способности и дарованія впослѣдствіи, когда онъ сталъ уже русскимъ княземъ, Олегъ долженъ былъ обратить на себя вниманіе уже въ Новгородѣ: уже тамъ о немъ должны были сложиться преданія, которыя затѣмъ, вмѣстѣ съ дружиною Олега, занесены были въ Кіевъ.

Въ тѣ времена на такихъ даровитыхъ организаторовъ, какъ Олегъ, смотрѣли, какъ на существа особыя, одаренныя свыше. Потомки почитали ихъ, какъ боговъ, и приписывали имъ божественное, сверхъестественное происхожденіе. Такое сверхъестественное происхожденіе символически представлялось, какъ происхожденія отъ Змѣя.

Въ Греціи было очень распространено убѣжденіе въ происхожденіи нѣкоторыхъ людей отъ Змѣя, причемъ такое происхожденіе понималось не въ аллегорическомъ смыслѣ, а въ буквальномъ. Слѣды такого убѣжденія замѣтны, напр., въ сказаніяхъ о происхожденіи Александра Македонскаго. О зачатіи Александра Македонскаго въ одномъ хронографѣ разсказывается слѣдующее: „Неплодная Алимпіада призвала Нефтанава (египетскаго волхва, см. § 119) и вопрошала о житіи своемъ и чадородіи еже отъ Филиппа царя“. Нефтанавъ, прельщенный красотой царицы, отвѣчалъ: „Родиши Филиппу сына, но не отъ него зачнеши; пріидетъ бо ти Аммонъ,

богъ Ливійскій, и отъ того зачнеши; ты же буди готова ему на царской постели: преже бо явитися во снѣ во образѣ змѣиномъ и потомъ тѣмъ же образомъ и явѣ пріидетъ къ тебѣ, и бывъ съ тобою, паки во образѣ орла великаго преложится и изыдетъ отъ тебе. Се же изрече ей и отыде отъ нея. Ей же спящу обратися Нефтанавъ-волхвъ во образъ зміинъ, и бысть съ нею, и зачатъ Александра. Яви же ся Нефтанавъ и Филиппу царю во снѣ и изрече ему, еже Алимпіада отъ Аммона, бога Ливійскаго, зачала сына. Потомъ же Филиппъ пріиде въ домъ свой и видѣ Алимпіаду жену свою чревату, и не вѣрова о томъ, еже отъ Аммона бога зачатъ, и сотворилъ Филиппъ вечерю на воеводъ своихъ. Егда же веселяшеся Филиппъ съ гостьми своими, Нефтанавъ же обращься во образъ Змія великаго, и вниде предъ всѣми гостьми въ палату цареву; вси же видѣвше, устрашишася, царица же Алимпіада дастъ руку Змію; Змій взыде и ляже на лоно ея, и цѣлова ея, и паки предъ всѣми превращься во образъ орла великаго, и излетѣ изъ палаты вонъ. Филиппъ же ятъ вѣры, еже отъ Аммона, бога Ливійскаго, во чревѣ Алимпіады зачатое“.

Съ принятіемъ христіанства языческихъ боговъ стали приравнивать къ бѣсамъ и дьяволу христіанскаго міропониманія. Соотвѣтственно этому происхожденіе предковъ-организаторовъ отъ боговъ толкуется въ преданіяхъ, какъ происхожденіе ихъ отъ бѣсовъ или дьявола; а такъ какъ символомъ дьявола, по еврейско-христіанскому воззрѣнію, является Змѣй, самый мудрый изъ звѣрей, то потомки христіане происхожденіе героя отъ боговъ толкуютъ, какъ происхожденіе отъ Змѣя.

Такое именно происхожденіе приписывается былиной Вольгѣ-Волху. Вѣра въ такое происхожденіе должна была поддерживаться тѣми разсказами о способностяхъ Олега въ юности, которые были занесены въ Новгородъ варягами. Это соображеніе можетъ быть подтверждено слѣдующими данными. Нѣкоторыми подробностями своими былины о Вольгѣ-Волхѣ напоминаютъ древне-германскія преданія объ Ортнитѣ, отцомъ котораго былъ демонъ Альберихъ. Съ другой стороны, лѣтописное преданіе о смерти Олега тожественно съ однимъ эпизодомъ изъ саги объ Орваръ-Оддѣ, а эти саги родственны поэмѣ „Ортнитъ“. Изъ этого можно заключить, что преданія о чудесномъ происхожденіи Вольги-Волха могли сложиться еще на родинѣ

Олега, въ Скандинавіи, и уже оттуда попасть вмѣстѣ съ дружиной Олега въ Новгородъ.

Въ Новгородѣ существовало преданіе о Волхѣ, дошедшее до насъ въ изложеніи книжника. Содержаніе его слѣдующее.

У Словена былъ сынъ Волхъ. Отъ него получила свое названіе рѣка Волховъ, называвшаяся прежде Мутною. Волхъ былъ „бѣсоугодный чародѣй", лютъ въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами превращался въ различные образы и въ лютаго звѣря крокодила; и залегалъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ тогда почиталъ его за бога и называлъ его Громомъ, или Перуномъ. И поставилъ этотъ чародѣй ночныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ, зовомомъ Перыня, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ. И баснословятъ о немъ невѣжды, говоря: въ боги сѣлъ. И былъ этотъ окаянный чародѣй удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ; и мечтаніями бѣсовскими несено было тѣло его вверхъ по той рѣкѣ и извержено на берегъ противъ Волховскаго его городка, что нынѣ зовется Перыня. И со многимъ плачемъ отъ невѣждъ тутъ былъ погребенъ, съ великою тризною поганскою, и могилу ссыпали надъ нимъ высокую по обычаю язычниковъ. И по трехъ дняхъ послѣ того тризнища разверзлась земля и пожрала мерзкое тѣло крокодилово, и могила просыпалась надъ нимъ на дно адское: „иже и до нынѣ, якоже повѣдаютъ, знакъ ямы тоя стоитъ не наполняяся". Это преданіе, искаженное въ передачѣ книжника, является доказательствомъ того, что въ Новгородской области сложилось сказаніе о какомъ то чародѣѣ, поразившемъ населеніе своимъ оборотничествомъ и имѣвшемъ видъ Змѣя (въ толкованіи книжника — крокодила). Повидимому, въ этомъ преданіи мы находимъ отголоски сказаній о новгородскихъ волхвахъ вообще и, можетъ быть, въ числѣ ихъ и объ Олегѣ. Эти сказанія, вѣроятно, въ свою очередь осложнились христіанскимъ преданіемъ о Симонѣ-волхвѣ, извѣстномъ намъ по „Дѣяніямъ" апостольскимъ и изъ апокрифовъ. По этому преданію, Симонъ-Волхвъ былъ великій чародѣй: онъ бросался въ огонь и оставался невредимъ, леталъ по воздуху, показывалъ какія-то тѣни, которыя онъ называлъ душами умершихъ, приводилъ въ движеніе статуи и другіе предметы, принималъ видъ разныхъ звѣрей, въ томъ числѣ видъ Змѣя. Апостолъ Петръ встрѣтился

съ Симономъ въ Римѣ. Симонъ заявилъ, что онъ, подобно Христу, вознесется на небо. И дѣйствительно, демоны подняли Симона на воздухъ. Апостолъ обратился къ Богу съ молитвой. Демоны должны были отступить отъ Симона. Симонъ упалъ и убился. Мерзкое тѣло Симона зарыто было на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ расшибся.

Вѣроятно, новгородское преданіе и дало Вольгѣ имя Волхъ.

2) Походъ Вольги-Волха на Индѣйское царство. Въ началѣ X в. племя русь совершаетъ рядъ походовъ на мусульманскія восточныя страны. Между прочимъ, въ 909—910 гг., она отправилась (по свидѣтельству Масуди) на 500 корабляхъ къ южному побережью Каспійскаго моря. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ русь грабила это побережье и двинулась назадъ съ громадной добычей. Наши лѣтописи ничего не знаютъ объ этомъ походѣ. Но онѣ описываютъ побѣдоносный походъ на Византію, совершенный русью около того же времени. Во главѣ послѣдняго похода стоялъ, по лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, Олегъ. Вѣроятно, и походъ на Востокъ предпринятъ былъ тѣмъ же Олегомъ. Это можно видѣть изъ того, что старины о Вольгѣ-Волхѣ приписываютъ этому богатырю походъ именно на Индѣйское царство, подъ которымъ разумѣлись юго-восточныя царства, ближайшія къ предѣламъ Руси.

Въ былинахъ, изображающихъ походъ на Индѣйское царство,—двѣ части. Первая часть въ гиперболическихъ формахъ отражаетъ основное занятіе русскихъ въ эпоху княжеско-дружинной Руси, т. е. охоту на звѣрей, птицъ, рыболовство. При этомъ охота представлена не въ позднѣйшемъ ея видѣ, когда она превратилась въ забаву, а въ ея древнемъ значеніи; когда она была главнымъ источникомъ существованія: охотою Вольга-Волхъ кормилъ и одѣвалъ себя и дружину. Во второй части изображено завоеваніе Индѣйскаго царства. Старины помнятъ, что столица Индѣйскаго царства была окружена крѣпкой стѣной бѣлокаменной, что ворота въ стѣнѣ—желѣзныя, крюки и засовы мѣдные, подворотня изъ дорогой кости, что на ней были какіе-то мудреные вырѣзы, по которымъ можно было бы проникнуть въ городъ только муравью; старины помнятъ также, что Вольга-Волхъ для взятія Индѣйскаго царства прибѣгъ къ особымъ „хитростямъ-мудростямъ“, и что завоеваніе дало ему и его дружинѣ богатую добычу. Но индивидуально-историческихъ чертъ во второй части былины нѣтъ: онѣ вытѣснены изъ памяти позднѣй-

шими наслоеніями изъ иностранныхъ сказаній, напр., изъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ. Нѣкоторыя детали второй части имѣютъ параллели также въ тюрко-монгольскихъ сказаніяхъ. Такъ, обращеніе Вольги-Волха въ птицу, съ цѣлью подслушать разговоръ индѣйскаго царя съ царицей, напоминаетъ обращеніе въ алтайской сказкѣ дѣвы-богатырши Оле-Олечкинъ въ сороку, съ тою же цѣлью подслушать разговоръ враждебнаго царя съ царицей; обращеніе Вольги-Волха въ горностая, съ цѣлью испортить военныя орудія, напоминаетъ обращеніе въ монгольской сказкѣ богатыря Караты-хана въ крысу, которая прибѣгаетъ въ страну непріятеля Джюсунъ-хана и перегрызаетъ доспѣхи его воиновъ.

Возможно, что въ былинахъ о походѣ Волха на Индѣйское царство отразились также воспоминанія о взятіи Олегомъ Царьграда.

3) Встрѣча съ чудеснымъ пахаремъ. Основнымъ занятіемъ русскихъ славянъ была охота, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Издревле занимались русскіе и земледѣліемъ, которое съ теченіемъ времени пріобрѣтало все большее и большее значеніе. Въ сравненіи съ охотой земледѣліе было трудомъ очень тяжелымъ. Нашему древнему земледѣльцу приходилось отыскивать въ лѣсу сухую площадку; эту площадку необходимо было очистить отъ деревьевъ, коренья выкорчевывать изъ земли: только тогда можно было приступить собственно къ земледѣльческому труду. На такой трудъ могли отваживаться только люди очень сильные, предки которыхъ уже приспособились къ нему и которые получили отъ послѣднихъ по наслѣдству большую сумму энергіи.

Съ такимъ именно русскимъ земледѣльцемъ сталкивается во время одной изъ своихъ поѣздокъ за получкой князь-дружинникъ Вольга-Волхъ, фактъ вполнѣ возможный въ эпоху княжеско-дружинной Руси. Былина, повѣствующая объ этой встрѣчѣ, чрезвычайно любопытна своими историческими намеками на былое.

Во-первыхъ, обращаетъ на себя вниманіе эпизодъ съ солью, за которою ѣздилъ Микула. Повидимому, этотъ эпизодъ находится въ связи съ соляной монополіей, установленной Святополкомъ II (§§ 225, 268, п. 6). Княженіе Святополка II было тяжелымъ періодомъ и для кіевской демократіи. По смерти этого князя возникъ мятежъ, сопровождавшійся разграбленіемъ княжескихъ чиновниковъ и евреевъ; вѣроятно, была бы раз-

граблена и кіевская аристократія, если бы послѣдняя не поспѣшила пригласить на престолъ популярнаго князя Владимира М. Въ лицѣ Микулы изображенъ представитель земледѣльческой демократіи конца княженія Святополка II, возставшій противъ притѣсненій со стороны правящей среды.

Эпизодъ съ солью могъ также быть отраженіемъ и нѣкоторыхъ явленій въ Новгородской области. Новгородъ, не имѣя достаточно своей соли, получалъ ее изъ-за границы отъ нѣмецкихъ купцовъ, которые облагали ее высокой пошлиной („гроши подорожные“).

Предположеніе о новгородскомъ происхожденіи эпизода съ солью отчасти подтверждается картиной пахоты Микулы: сѣверныя пашни часто сплошь усѣяны крупными и мелкими каменьями, о которыя омѣшики сохи „почеркиваютъ“. Изъ городовъ, полученныхъ Вольгой-Волхомъ въ управленіе, названіе одного изъ нихъ—Орѣховецъ—напоминаетъ историческій новгородскій городъ Орѣшекъ, находящійся подъ именемъ Шлиссельбурга и до сихъ при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера. Эти соображенія показываютъ, что былина о встрѣчѣ Вольги-Волха съ чудеснымъ пахаремъ могла сложиться въ новгородской части княжеско-дружинной Руси. Подтвержденіемъ этому можетъ служить отчасти и то, что былины о Вольгѣ-Волхѣ въ устахъ современныхъ сказателей уже спутываются съ чисто мѣстными новгородскими былинами о Василіи Буслаевичѣ.

Во-вторыхъ, сюжетъ о столкновеніи могучаго землевладѣльца съ княжескимъ воеводой и о превосходствѣ перваго надъ послѣднимъ долженъ былъ стать особенно популярнымъ среди простого народа, когда старины попали въ его среду.

Сложившись на почвѣ чисто русскихъ отношеній, былина о встрѣчѣ Вольги-Волха съ Микулой Селяниновичемъ могла подвергнуться вліянію соотвѣтствующихъ сказаній, зародившихся среди другихъ народовъ. Одно изъ такихъ сказаній приведено выше (§ 304). Въ немъ изображается встрѣча царевича съ могучимъ богатыремъ-пахаремъ, у котораго на спинѣ былъ громадный сундукъ. Подобно тому, какъ дружина Вольги-Волха не въ силахъ выдернуть изъ земли соху Микулы, которую послѣдній выдергиваетъ одной рукой, такъ и кавказскій князь съ узденемъ успѣваютъ распрячь одну только пару быковъ въ то время, какъ пахарь успѣваетъ распрячь шесть паръ.

Другое сказаніе, параллельное былинѣ о встрѣчѣ Вольги-

Волха съ Микулой, встрѣчается въ поэмѣ персидскаго поэта Низами (конецъ XII-го в.) объ Искандерѣ (Александрѣ Македонскомъ). Для составленія этой поэмы Низами воспользовался современными ему устными и письменными сказаніями евреевъ, христіанъ и персовъ. Низами изображаетъ Искандера окруженнымъ семью греческими мудрецами. Искандеръ въ сопровожденіи философовъ предпринимаетъ походъ, имѣющій не военныя, а научно-философскія цѣли. Однажды во время этого похода-путешествія Александръ съ войскомъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца блуждалъ по пустынной странѣ и, наконецъ, выбрался въ плодородную мѣстность. Здѣсь онъ встрѣтилъ прекраснаго земледѣльца съ босыми ногами и непокрытой головой, который пахалъ землю. Искандеру понравился этотъ молодецъ, и онъ приглашаетъ его стать его спутникомъ. Молодой пахарь отказывается: его тѣло закалилось въ суровомъ трудѣ; если онъ броситъ свой трудъ, его тѣло измѣнится и станетъ сгорбленнымъ. Искандеръ заинтересовался родиной молодого пахаря. Узнавъ, что жители страдаютъ отъ деспотическаго правленія и несправедливости, Искандеръ устраняетъ злоупотребленія правителя и строитъ городъ Искандеръ-Абадъ.

При всемъ различіи между этимъ сказаніемъ и нашей былиной есть между ними и черты сходства: Микула поражаетъ Вольгу-Волха своею силою, молодечествомъ; пахарь персидскаго поэта поражаетъ красотой и закаленностью въ трудѣ; изъ бесѣды съ Микулой Вольга узнаетъ о несправедливостяхъ мужиковъ-разбойниковъ (орѣховцевъ, гурчевцевъ и крестьяновцевъ); Искандеръ также узнаетъ о несправедливостяхъ администраціи родины прекраснаго земледѣльца.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кіевскія старины.

309. Кіевскія старины. Къ кіевскимъ старинамъ относятся такія, центромъ которыхъ является Кіевъ. Главное лицо въ этихъ старинахъ — князь Владиміръ; ко двору этого князя со всѣхъ концовъ Руси стекаются могучіе богатыри, которые ему служатъ.

Главные сюжеты кіевскихъ старинъ слѣдующіе: 1) военные подвиги богатырей, совершаемые: а) въ походахъ противъ

враговъ, для очищенія дорогъ, за данями, для освобожденія русскихъ плѣнныхъ, б) въ борьбѣ съ погаными, осаждающими Кіевъ, съ насильниками, засѣвшими въ Кіевѣ, и в) на заставѣ богатырской; 2) сватовство невѣстъ для Владимира и его богатырей, причемъ сватовство нерѣдко заканчивается насиліемъ надъ родиной невѣстъ и увозомъ послѣднихъ въ Кіевъ, съ ихъ согласія или противъ ихъ воли; 3) удальство богатырей при дворѣ Владимира, проявляющееся въ разнаго рода состязаніяхъ.

310. Владиміръ Св. въ исторіи и лѣтописи. Эпическимъ центромъ, около котораго группируется большинство главныхъ и второстепенныхъ богатырей, является Владиміръ-Красное Солнышко, т.-е., главнымъ образомъ, Владиміръ Св. Въ былинахъ Владиміръ сохранилъ только нѣкоторыя свои лѣтописныя черты.

По лѣтописи, Владиміръ былъ сынъ Святослава и Малуши (Малъфрѣди, § 189). Послѣдняя занимала у Ольги должность, которая приравнивала ее къ рабынѣ. Когда Добрыня, братъ Малуши, сватаетъ своему племяннику (который былъ еще очень юнъ) Рогнѣду, дочь полоцкаго князя норманна Рогволода, Рогнѣда гордо отвѣчаетъ: „не хощю разути робичича, нъ Ярополка хощю“ (§ 189). Рогнѣда считаетъ крайнимъ униженіемъ для себя принять предложеніе Владиміра изъ-за его происхожденія, но за брата Владиміра, Ярополка, охотно готова выйти замужъ. Вѣроятно, и отецъ, и братья Владиміра относились къ нему съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ и Рогнѣда. Когда братья Владиміра Ярополкъ и Олегъ отказались идти къ новгородцамъ въ князья, новгородцы, по совѣту Добрыни, просили Святослава отпустить къ нимъ Владиміра (которому въ то время могло быть 8—9 лѣтъ). Святославъ согласился, со словами: „Вотъ онъ вамъ“ (§ 189)! Въ этихъ словахъ чувствуется тонъ нѣкотораго препебреженія. Изображая пренебрежительное отношеніе варяжской аристократіи къ Владиміру, лѣтопись отмѣчаетъ и такіе эпизоды, изъ которыхъ видно, что Владиміръ, со своей стороны, относился къ варягамъ враждебно. Когда Владиміръ завладѣлъ Кіевомъ и сталъ великимъ кіевскимъ княземъ, варяги-дружинники потребовали у Владиміра по двѣ гривны съ каждаго кіевлянина, въ награду за помощь. Владиміръ (точнѣе Добрыня, руководившій имъ) попросилъ ихъ подождать нѣсколько. Мѣсяцъ ждали варяги. Тѣмъ временемъ Вла-

димиръ, по сообщенію лѣтописи, выдѣлилъ изъ варяжской дружины „мужей добрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ“ и роздалъ имъ въ управленіе города. Варяжская дружина лишилась такимъ образомъ лучшихъ своихъ предводителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Владиміръ, вѣроятно, усилилъ свою дружину славянскими элементами. Увидѣли варяги, что не получить имъ уплаты и попросили Владимира дать имъ открытые листы для отъѣзда въ Грецію. Владиміръ согласился. Передъ тѣмъ, какъ отпустить ихъ, Владиміръ послалъ къ греческому царю пословъ съ слѣдующимъ предостереженіемъ: „Вотъ идутъ къ тебѣ варяги; не держи ихъ у себя въ столицѣ, такъ какъ они причинятъ тебѣ зло, какъ и у меня, но разошли ихъ по разнымъ городамъ и назадъ ко мнѣ не отпускай никого“. Другой фактъ недоброжелательнаго отношенія Владимира къ варягамъ отмѣченъ лѣтописью тремя годами позже (983): когда Владиміръ вернулся изъ побѣдоноснаго похода на ятвяговъ, рѣшено было возблагодарить боговъ за побѣду человѣческой жертвой, и жребій палъ на сына одного варяга.

Если Владиміръ былъ враждебно настроенъ противъ варяжской аристократіи, то къ славянской части аристократіи онъ долженъ былъ относиться иначе, такъ какъ съ нею его связывало сходство положенія: властители норманны съ пренебреженіемъ относились ко всему славянскому населенію, какъ къ побѣжденной ими массѣ, и къ Владиміру. Между Владиміромъ и славянской частью аристократіи создалось такимъ образомъ сходство интересовъ. Владиміръ — первый русскій князь, установившій связь между княжескою властью и славянскимъ населеніемъ: это — князь національно-русскій, который не смотритъ на населеніе только, какъ на источникъ для собиранія дани, захвата рабовъ и т. д. Внѣшнимъ выраженіемъ солидарности между княземъ Владиміромъ и славянскимъ населеніемъ послужилъ актъ признанія культа русскихъ славянъ язычниковъ оффиціально-правительственнымъ: Владиміръ украсилъ холмъ въ Кіевѣ, находившійся внѣ двора теремнаго, идолами русско-славянскихъ боговъ — Перуна, Хорса (Дажьбога), Стрибога и др. То же самое сдѣлалъ Добрыня въ Новгородѣ. Эти дѣйствія Владимира должны были ярко подчеркнуть передъ славянскимъ населеніемъ преимущество, отдаваемое ему передъ варягами-норманнами съ ихъ двумя религіозными культами — скандинавскимъ язычествомъ и христіанствомъ.

Военные походы, предпринимавшіеся Владимиромъ, отличаются отъ походовъ его предшественниковъ, особенно отца его: его предшественники совершали походы, обыкновенно, съ цѣлью набрать добычу; Владимиръ уже предпринимаетъ походы, имѣющіе государственныя цѣли,—походы для защиты своего отечества отъ нападеній кочевниковъ: онъ строитъ по южной границѣ княжеско-дружинной Руси рядъ городовъ, крѣпостей, колонизируетъ мѣстности, прилегающія къ нимъ, новгородскими славянами, кривичами, вятичами, чудью и т. д.

Чтобы сдѣлать свое государство могучимъ и сильнымъ, Владимиръ совершаетъ крупную внутреннюю реформу: онъ принимаетъ христіанство и креститъ народъ, причемъ обставляетъ это дѣяніе удачнымъ походомъ на греческую колонію Корсунь и бракомъ съ греческой царевной, т.-е. родствомъ съ могущественнѣйшимъ и культурнѣйшимъ властителемъ въ Европѣ.

Являясь человѣкомъ съ крупнымъ государственнымъ умомъ, Владимиръ въ то же время привлекалъ къ себѣ симпатіи и личными чертами своими. Лѣтописныя преданія повѣствуютъ о необыкновенномъ гостепріимствѣ Владимира, объ его пирахъ. Однажды дружина стала роптать на то, что ей приходится ѣсть деревянными ложками, а не серебряными. Услышавъ объ этомъ, Владимиръ немедленно распорядился приготовить для дружины серебряныя ложки. Отмѣчаетъ лѣтопись и другую черту его—проникновеніе началами христіанскаго ученія, доходившее до того, что казнь разбойниковъ казалась ему грѣхомъ. Вторая половина княженія Владимира, по свидѣтельству лѣтописи, прошла въ мирѣ „со всѣми окольными“ и въ заботахъ „о строеньи земленѣмъ (земскомъ, народномъ) и о ратехъ и уставѣ земленѣмъ“.

311. Владимиръ по былинамъ. Въ былинахъ образъ Владимира сохранилъ немногія историческія черты. Владимиръ, или, по произношенію пѣвцовъ, Володимиръ Сеславичъ (очевидно, испорченное Святославичъ)—великій стольно-кіевскій князь. Его имя сопровождается эпитетами—„Красное Солнышко“, „свѣтлый“, „пресвѣтлый“, „славный“, „ласковый“, „грозный“. Въ Кіевъ стекаются на службу со всѣхъ концовъ Русской земли (изъ Мурома, Ростова, Рязани, Волынца-Галича) сильные, могучіе богатыри. Всѣ эти черты, съ которыми выступаетъ въ былинахъ Владимиръ, вполнѣ согласны съ лѣ-

тописью. Но кромѣ этихъ чертъ былины приписываютъ Владимиру и такія, которыя или не гармонируютъ съ историческимъ образомъ этого князя, или оказываются отрицательными.

Во-первыхъ, Владиміръ самъ не участвуетъ въ походахъ и большею частью не выѣзжаетъ изъ Кіева.

Во-вторыхъ, Владиміръ поразительно трусливъ; его трусость обнаруживается при каждомъ столкновеніи съ врагами: узнавъ, что къ Кіеву подступилъ съ войскомъ Калинъ-царь, онъ начинаетъ „ронять горючія слезы“ и „утираться шелковымъ платкомъ“; онъ жалуется, что некому постоять за вѣру, за отечество, за церкви Божіи, за Кіевъ-градъ, некому сберечь князя Владимира и его супругу Опраксу Королевичну; при наѣздѣ Идолища на Кіевъ Владиміръ „убоялся“; когда наѣзжаетъ заморскій богатырь Соловниковъ, Владиміръ кричитъ со страху.

Въ-третьихъ, Владиміръ проявляетъ въ отношеніи къ своимъ богатырямъ крайнюю неблагодарность или недоброжелательство. Илья Муромецъ, напр., жалуется на то, что служилъ Владиміру тридцать лѣтъ, а „не выслужилъ слова сладкаго, увѣтливаго, привѣтливаго, хлѣба-соли мягкія“. Приказавъ Добрынѣ Никитичу освободить Забаву, дочь Путячину, изъ „пещерушки Змѣиной“, Владиміръ угрожаетъ срубить ему голову, если онъ не выполнитъ этого порученія. По простому наговору Владиміръ сажаетъ Добрыню въ тюрьму, а потомъ, чтобы сгубить его, отправляетъ въ поганую Литву выправлять дани за двѣнадцать лѣтъ; во время отсутствія Добрыни онъ сватаетъ его жену за Алешу Поповича. Деспотизмъ и самодурство Владиміра доводятъ нѣкоторыхъ богатырей до гибели: Владиміръ не вѣритъ богатырю Сухману, что онъ побѣдилъ татарское войско и сажаетъ его за это въ погребъ; богатырь такъ оскорбился этимъ поступкомъ Владиміра, что сорвалъ „маковые листочки“ со своихъ кровавыхъ ранъ и истекъ кровью. Пренебрежительно относится Владиміръ и къ Ильѣ: за великіе подвиги онъ награждаетъ Илью куньей шубой, а другихъ богатырей, меньше Ильи отличившихся, награждаетъ городами съ пригородами; Илья выражаетъ пренебреженіе къ подарку; тогда Владиміръ велитъ своимъ слугамъ „повести Илью на горы высокія, бросить въ погреба глубокіе, задернуть рѣшетками желѣзными, завалить чащей, хрящемъ-камнемъ“.

Въ-четвертыхъ, Владиміръ жаденъ. Эта черта проявляется въ отношеніи къ богатствамъ Соловья-разбойника, которыя онъ хочетъ захватить; но Илья не даетъ ему ихъ и оставляетъ дѣтямъ Соловья, чтобы было имъ чѣмъ пропитаться до смерти и не ходить скитаться по міру.

Въ-пятыхъ, Владиміръ, при наступленіи какой-нибудь бѣды, униженно проситъ богатырей, чаще всего Илью, заступиться за него и спасти его.

В ъ-шестыхъ, Владиміръ — большой охотникъ до чужихъ женъ и вообще до женщинъ.

Эти несимпатичныя черты Владимира сильно возбуждаютъ противъ него богатырей: они нерѣдко ругаютъ князя въ глаза собакой, дуракомъ, воромъ; рѣшаются не служить ему больше; указываютъ ему, что, если бы не они, то не быть ему княземъ въ Кіевѣ.

Измѣненіе историческаго Владимира въ образъ эпическаго Владимира съ цѣлымъ рядомъ отрицательныхъ чертъ имѣло свои причины, историческаго и литературнаго характера.

Представленіе о бездѣятельности Владимира могло быть создано слѣдующими фактами: *во-первыхъ*, пока Владиміръ былъ юнъ, за Владимира и отъ его имени дѣйствовалъ его дядя Добрыня, вѣроятно, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ помощниковъ: *во-вторыхъ*, изъ лѣтописи не видно, поскольку предпріятія Владимира, пришедшаго уже въ зрѣлый возрастъ, обязаны были активности и иниціативѣ самого князя и поскольку вліянію его дружинниковъ; если принять во вниманіе сообщенія лѣтописи о совѣтѣ съ дружиной и національно-славянскій характеръ правленія Владимира, то придется придти къ заключенію, что всякое предпріятіе свое Владиміръ исполнялъ или по указаніямъ дружинниковъ или послѣ совѣта съ ними; *въ-третьихъ*, вторая половина княженія Владимира протекла въ мирѣ съ сосѣдями; шумныхъ воинственныхъ предпріятій не было; Владиміръ занятъ былъ заботами о мирномъ внутреннемъ развитіи государства. Уже однѣхъ этихъ причинъ достаточно было для того, чтобы въ воображеніи дружинныхъ пѣвцовъ, выше всего ставившихъ „буесть“ и особенно личные военные подвиги и отожествлявшихъ дѣятельность съ борьбой,— чтобы Владиміръ отразился, какъ человѣкъ бездѣятельный.

Но къ этимъ основнымъ причинамъ, присоединился еще рядъ другихъ: *во-первыхъ*, въ слѣдующія эпохи наши князья,

а затѣмъ цари обыкновенно никакихъ подвиговъ сами не совершаютъ; они большею частью только распоряжаются, а окружающія лица уже исполняютъ эти распоряженія; представленія объ этихъ позднѣйшихъ князьяхъ и царяхъ могли быть перенесены пѣвцами на образъ Владимира; *во-вторыхъ*, на образъ Владимира въ этомъ смыслѣ могли повліять образы царей тюрко-монгольскихъ, а также образы царей восточныхъ эпосовъ, какъ, напр., образъ Кейкауса, эпическаго центра иранскаго эпоса; наконецъ, *въ-третьихъ*, на исчезновеніе въ образѣ Владимира активности могъ повліять литературный процессъ циклизаціи эпическихъ пѣсенъ: по мѣрѣ того, какъ пѣсни о богатыряхъ группируются около имени Владимира, образъ Владимира долженъ былъ становиться образомъ ласковаго князя, задающаго пиры богатырямъ; на богатырей мало-по-малу должны были переноситься подвиги, которые первоначально, можетъ быть, приписывались и самому Владимиру. потому что, если Владиміръ располагаетъ многочисленнымъ штатомъ могучихъ богатырей, для чего ему самому совершать дѣла, которыя можно поручить имъ?

Нетрудно объяснить появленіе въ эпосѣ и другихъ несимпатичныхъ чертъ Владимира. Неблагодарность, несправедливость и жестокость, какъ отличительныя черты Владимира, могли возникнуть подъ вліяніемъ того, что дѣятельность Владимира, въ различныхъ классахъ населенія и въ различныхъ областяхъ княжеско-дружинной Руси, должна была различно оцѣниваться, восприниматься и освѣщаться: для однѣхъ группъ населенія и частей государства дѣятельность Владимира была выгодна, полезна, и потому личность Владимира надѣлялась наилучшими чертами; для другихъ группъ населенія или другихъ частей государства дѣятельность Владимира была вредна, и потому личности Владимира приписывали отрицательныя черты. Какъ, напр., должны были смотрѣть на Владимира тѣ варяги, которые помогли ему овладѣть Кіевомъ, и которыхъ Владиміръ не только не возблагодарилъ, какъ они хотѣли, но даже, можетъ быть, и погубилъ, предостерегши противъ нихъ византійскаго императора? Очевидно, въ ихъ памяти образъ Владимира долженъ былъ сохраниться, какъ образъ князя неблагодарнаго, скупого и коварнаго. Но зато кіевляне должны были прославлять Владимира, который не захотѣлъ наложить на нихъ тяжелую контрибуцію въ пользу варяжской дружины.

Какъ должны были относиться къ Владимиру высшіе норманскіе круги города Полоцка, князя котораго Рогволода онъ убилъ, дочь его насильно взялъ въ жены, а потомъ всячески унижалъ ее? Несомнѣнно, какъ къ жестокому деспоту. Но зато славянская часть того же города должна была прославлять Владимира, какъ освободителя ея отъ норманскаго тирана.

О женолюбіи Владимира говоритъ уже лѣтопись. Именно, она сообщаетъ, что Владимиръ, когда онъ былъ язычникомъ, имѣлъ 800 женъ. По всей вѣроятности, это были плѣнницы, захваченныя во время походовъ. Изъ нихъ Владимиръ выбиралъ себѣ женъ, согласно патріархально-родовымъ обычаямъ. Возможно, что и въ періодъ своей христіанской жизни Владимиръ не могъ совершенно отрѣшиться отъ старыхъ привычекъ. Такимъ образомъ, и эта черта можетъ быть объяснена исторически. Возможно также, что на детали въ обрисовкѣ этой черты Владимира повліяли сказанія объ отношеніяхъ къ женщинамъ Давида и Соломона.

312. Дѣленіе кіевскихъ старинъ. Кіевскія старины распадаются на два разряда: 1) старины о главныхъ богатыряхъ и 2) старины о второстепенныхъ богатыряхъ.

Главные кіевскіе богатыри.

313. Главные кіевскіе богатыри. Къ главнымъ кіевскимъ богатырямъ относятся Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и Илья Муромецъ.

Добрыня Никитичъ.

314. Сюжеты, связанные съ именемъ Добрыни Никитича. Добрыня Никитичъ—одинъ изъ главныхъ богатырей кіевскаго цикла былинъ. Съ его именемъ связаны слѣдующіе сюжеты: 1) Добрыня и Скименъ-звѣрь. 2) Добрыня и Марина, 3) Добрыня и Змѣй, 4) Участіе Добрыни въ добываніи Владимиру невѣсты, 5) Добрыня и поленица Настасья Микулишна, 6) Добрыня и Алеша Поповичъ.

315. Добрыня и Скименъ-звѣрь. Далече во чистомъ полѣ выбѣгало стадечко-звѣриное, а передъ нимъ собака лютый Скименъ-звѣрь (Скиперъ-звѣрь) [1]. На Скименъ-звѣрѣ шерсточка

[1]) „Скименъ" значитъ—левъ.

булатная, уши, что остро копье. Прибѣжалъ Скименъ-звѣрь къ Нѣпру-рѣкѣ, останавливается на крутомъ берегу, кричитъ по гусиному, шипитъ по змѣиному. Съ крутыхъ береговъ песочекъ пріусыпался, въ Днѣпрѣ-рѣкѣ вода съ пескомъ смутилась, бѣлая рыбушка внизъ ушла. Зачуялъ Скименъ-звѣрь народенъице: народился на святой Руси молодешенекъ Добрыня сынъ Никитиничъ.

316. Добрыня и Марина. Три года Добрыня стольничалъ при дворѣ Владимира, три года чашничалъ, три года у воротъ простоялъ, а на десятый рѣшилъ погулять на свободѣ. Родная матъ его честная вдова Мамелфа Тимоѳеевна наказываетъ ему, чтобы онъ, гуляя по Кіеву, не заходилъ въ татарскую слободушку, на ту улицу, гдѣ живетъ чародѣйница Маринка: Маринка уже извела нѣсколько могучихъ богатырей, изведетъ и Добрыню. Забылъ Добрыня завѣтъ матери: зашелъ въ татарскую слободу, чтобы посмотрѣть на маринкины палаты бѣлокаменныя. У палаты—палатка полотняна, и сидятъ въ ней Марина съ Тугариномъ-Змѣевичемъ (Горынищемъ), цѣлуются и нѣжатся. Не слюбилось это Добрынѣ: снялъ онъ съ себя свой разрывчатый тугой лукъ и пускаетъ стрѣлу каленую въ палатку. Стрѣла попадаетъ въ Тугарина и убиваетъ его [1]). Марина, лишившись своего любовника, предлагаетъ себя замужъ Добрынѣ. Добрыня отказывается и уходитъ. Марина, беретъ булатный ножъ и начинаетъ рѣзать Добрынины слѣды, приговаривая: „Горите вы, слѣдочки да Добрынины, въ той было во печки муравленой, гори-тко во Добрынюшкѣ по мнѣ душа!“ Подъ вліяніемъ заговора Марины Добрыня возвращается и выражаетъ согласіе жениться на ней. Марина превращаетъ Добрыню въ златорогаго тура и выпускаетъ его въ чистое поле. Выйдя въ поле, златорогій туръ увидѣлъ гусиное стадо своей матери, направился къ нему и притопталъ всѣхъ гусей до единаго; то же самое онъ сдѣлалъ съ лебединымъ стадомъ, овечьимъ, съ рогатымъ скотомъ, съ коннымъ табуномъ. Мамелфа Тимоѳеевна поняла, что златорогій туръ—это ея сынъ Добрыня. Оборачивается она сорокой, летитъ къ Маринѣ и требуетъ, чтобы Марина „отворотила“ Добрынюшку отъ златорогаго тура, угрожая въ противномъ случаѣ обратить

[1]) По нѣкоторымъ былинамъ, Добрыня перебиваетъ сначала всѣхъ татаръ въ слободѣ и затѣмъ уже принимается за Тугарина.

Марину въ сороку и пустить ее въ поле. Марина пугается угрозы, оборачивается сама сорокой, летитъ въ поле, садится на рога златорогаго тура и обѣщаетъ Добрынѣ вернуть ему прежній видъ, если онъ дастъ обѣщаніе жениться на ней. Добрыня соглашается. Марина возвращаетъ Добрынѣ человѣческій образъ. Повѣнчались Добрыня и Марина по старинному—Добрыня обвелъ Марину три раза вокругъ ракитоваго куста. Послѣ этого Добрыня вынимаетъ свою саблю острую, отрубаетъ Маринѣ сначала ноги, потомъ руки и, наконецъ, голову за ея поступки „неумильніи“ (т. е. не показывающія умѣнія вести себя).

Имя любовницы Тугарина Змѣевича Марина—позднѣйшаго происхожденія: это—Марина Мнишекъ, знаменитая жена Лжедимитрія I (начало XVII в.), которая приравнена была народной молвой къ чародѣйкамъ. Имя Марина, очевидно, вытѣснило изъ былины болѣе древнее имя, вѣроятно, половецкое.

Изложенная былина любопытна по тѣмъ бытовымъ отношеніямъ древности, которыя она отражаетъ. Добрыня убиваетъ (по нѣкоторымъ былинамъ—случайно) милаго Марины-иноземки (степнячки); Марина мститъ Добрынѣ, прибѣгая къ тому виду внушенія, который въ древности назывался чародѣйствомъ, и заставляя Добрыню влюбиться въ нее. Затѣмъ Добрыня освобождается отъ гипноза и убиваетъ Марину. Такія отношенія могли возникать очень часто.

317. Добрыня и Змѣй-Горынищъ. Съ предыдущей былиной находится въ нѣкоторой связи былина, изображающая бой Добрыни со Змѣемъ-Горынищемъ. Говорила матушка Мамелфа Тимоѳеевна Добрынѣ: „Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле на тую гору Сорочинскую, топтать-то молодыхъ змѣенышей, выручать-то полоновъ русскіихъ. Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ; Пучай-рѣка есть свирѣпая: средняя струйка, какъ огонь, сѣчетъ“. Добрыня не послушался матушки, осѣдлалъ коня, отправился къ горамъ высокимъ, потопталъ молодыхъ змѣенышей и повыручилъ полоновъ русскихъ. На возвратномъ пути Добрыня почувствовалъ жажду; было жарко. Направилъ Добрыня коня къ Пучай-рѣкѣ. Снялъ онъ съ себя цвѣтное платье и бросился въ рѣку. Онъ забрелъ за струечку первую и среднюю. Вдругъ летитъ Змѣище-Горынище о двѣнадцати хоботахъ, хочетъ Добрыню въ конецъ сжечь: „Теперича,—кричитъ Змѣй, — Добрыня въ моихъ ру-

кахъ: захочу—Добрыню теперь потоплю, захочу—Добрыню въ хобота возьму, въ хобота возьму и въ нору снесу, захочу—Добрыню съѣмъ-сожру". Добрыня былъ гораздъ плавать. Нырнулъ онъ на бережокъ тамошній, нырнулъ на бережокъ здѣшній: нѣтъ у Добрыни ни добраго коня, ни платьевъ цвѣтныхъ, ни меча бурзамецкаго. Выскочилъ Добрыня на берегъ и нагребъ въ свою шляпу песку желтаго. Налетаетъ на Добрыню Змѣй. Добрыня хватаетъ въ Змѣя своей шляпой и отшибаетъ ему всѣ двѣнадцать хоботовъ. Упалъ Змѣй на ковыль-траву. Добрыня вскочилъ на бѣлыя груди Змѣя, снимаетъ съ себя привязанный къ кресту ножъ булатный и собирается прикончить съ Змѣемъ. Змѣй взмолился Добрынѣ: „Мы положимъ заповѣдь великую: чтобы не летать мнѣ на святую Русь, не носить людей больше русскіихъ, а тебѣ не ѣздить во далече во чисто поле, не топтать ти молодыхъ змѣенышевъ, не выручать полоновъ русскіихъ". Согласился Добрыня и отпустилъ Змѣя.

Между тѣмъ Змѣй, проносясь черезъ Кіевъ-градъ, увидѣлъ племянницу Владимира молодую Забаву, дочь Путятичну, схватилъ ее и унесъ въ нору во глубокую. Опечалился Владиміръ, не знаетъ, какъ освободить свою племянницу. Алеша Поповичъ совѣтуетъ Владиміру поручить это дѣло Добрынѣ, такъ какъ между Добрыней и Змѣемъ положена заповѣдь великая. Владиміръ согласился и накинулъ эту службу великую на Добрыню.

Невеселъ вернулся Добрыня изъ дворца Владимира домой. Матушка утѣшаетъ его и даетъ ему совѣты, какъ перебить змѣенышей. Добрыня отправился на горы Сорочинскія и притопталъ всѣхъ змѣенышей до единаго. Выходитъ изъ норы глубокой Змѣй и укоряетъ Добрыню за нарушеніе заповѣди. Добрыня въ свою очередь укоряетъ Змѣя за похищеніе Забавы Путятичны и требуетъ ея возвращенія безъ драки-кровопролитія. Змѣй отказывается. Завязывается бой, который продолжается трои сутокъ. Добрыня не можетъ справиться со Змѣемъ и уже хочетъ отказаться отъ дальнѣйшаго боя. Въ это время съ неба раздался голосъ, который совѣтуетъ Добрынѣ держаться еще три часа. Черезъ три часа Добрыня убилъ Змѣя. Изъ Змѣя потокъ крови пошелъ. Трои сутокъ стоялъ Добрыня у этого потока: потокъ не уменьшается. Добрыня хочетъ отстать отъ него. Голосъ съ неба совѣтуетъ Добрынѣ еще три часа про-

ждать, ударить копьемъ въ землю, приговаривая: „Разступись-ка, матушка сыра-земля! На четыре разступись на четверти, пожри-ка всю кровь змѣиную“. Добрыня такъ и сдѣлалъ. Змѣиная кровь исчезла. Тогда Добрыня опустился въ нору глубокую. Здѣсь онъ нашелъ множество плѣнниковъ: сорокъ тысячъ силы, сорокъ царей, сорокъ царевичей, сорокъ королей, сорокъ королевичей, а простой силы безъ числа. Отпустилъ Добрыня всѣхъ этихъ плѣнниковъ на четыре стороны, а самъ беретъ Забаву Путятичну и отправляется назадъ.

Въ борьбѣ Добрыни съ Змѣемъ-Горынищемъ и его змѣенышами изображаются столкновенія между русскими и степняками, мирные договоры и ихъ нарушеніе. Имя „Змѣй“ олицетворяетъ врага, вражескую силу; прозвище „Горынищъ“ указываетъ на связь родины или столицы степняковъ съ горной страной.

На обработку былины о борьбѣ Добрыни со Змѣемъ должны были повліять духовные стихи о свв. Егоріи и Ѳеодорѣ Тиронѣ (кн. 2-ая, §§ 208—210).

318. Добрыня участвуетъ въ добываніи Владимиру невѣсты. У князя Владимира—пиръ для князей, бояръ, могучихъ богатырей, купцовъ торговыхъ и мужиковъ деревенскихъ. Въ разгаръ веселья Владиміръ обращается къ присутствующимъ съ слѣдующими словами: „Ай, вы всѣ князи-бояра, всѣ могучіи богатыри, всѣ купцы торговые, всѣ мужики деревенскіе! Всѣ на пиру поженены: одинъ я, князь, не женатый есть. Знаете ль вы про меня княгиню супротивную, чтобы ростомъ была высокая, станомъ она была становитая, и на лицо она красовитая, походка у ней часта и рѣчь баска; было бы мнѣ, князю, съ кѣмъ жить да быть, дума думати, долгіе вѣки коротати и всѣмъ вамъ, князьямъ, всѣмъ боярамъ, всѣмъ могучіимъ богатырямъ, всѣмъ купцамъ торговымъ, всѣмъ мужикамъ деревенскіимъ и всему красному Кіеву было бы кому поклонятися!“ Всѣ на пиру пріумолкли. Отвѣта нѣтъ. Выходитъ изъ-за стола дубоваго удалый добрый молодецъ Дунай Ивановичъ. Онъ говоритъ Владиміру, что знаетъ для него княгиню супротивную: у короля Литовской земли есть двѣ дочери на выдаваніи: старшая, Настасья королевична, все полякуетъ (ѣздитъ по степи), а меньшая, Опракса королевична, при домѣ живетъ: она то и подходитъ къ желаніямъ Владиміра. Владиміръ, услышавъ отвѣтъ Дуная, велитъ ему взять сорокъ ты-

сячъ силы, десять тысячъ казны и поѣхать въ Литовскую землю сватать Опраксу; если король не согласится отдать ее добровольно, то взять ее силой. Дунай отказывается отъ силы въ сорокъ тысячъ и отъ казны и проситъ дать ему въ товарищи Добрыню. Владимиръ согласился.

Дунай и Добрыня пріѣзжаютъ въ Литовскую землю и останавливаются во дворѣ королевскаго дворца. Дунай проситъ Добрыню остаться при коняхъ и зорко слѣдить за дворцомъ, а самъ отправляется въ палату княженецкую. Король литовскій ласково принимаетъ Дуная, который раньше служилъ у него и былъ вѣрнымъ ему слугой. Онъ сажаетъ Дуная за большой столъ, на большее мѣсто и угощаетъ. Во время ѣды король спрашиваетъ Дуная, куда онъ путь держитъ. Дунай объяснилъ королю, что онъ пріѣхалъ къ нему съ цѣлью сватать его младшую дочь Опраксу за Владимира. Не слюбилися королю эти рѣчи: „Ай же ты, Дунай, сынъ Ивановичъ! Не за свое дѣло взялся—за бездѣльице: меньшую дочь ты просватываешь, а большую дочь чѣмъ засадилъ?“ Король приказываетъ слугамъ схватить Дуная за бѣлыя руки, свести его въ глубокъ погребъ, запереть рѣшетками желѣзными, задвинуть досками дубовыми, засыпать песками рудожелтыми. Дунай вскочилъ на рѣзвыя ноги, поднялъ сначала руки выше своей буйной головы, чтобы попугать слугъ, и оперся на свои руки о дубовый столъ: дубовые столы „роскряталися“, питья на столахъ проливалися, вся посуда разсыпалась. Всѣ „татаровья“ испужалися. Въ это время прибѣгаютъ съ королевскаго двора вѣрные слуги съ докладомъ, что на дворѣ находится дѣтина: въ лѣвой рукѣ у него два повода добрыхъ коней, а въ правой — дубина сарацинская: онъ дубиной размахиваетъ во всѣ стороны и перебилъ всѣхъ татаръ до единаго, не оставилъ татаръ на сѣмена. Король литовскій испугался. Онъ проситъ Дуная вспомнить старую хлѣбъ-соль, оставить татаръ на сѣмена и обѣщаетъ отдать Опраксу за Владимира.

Дунай и Добрыня берутъ Опраксу и отправляются назадъ въ Кіевъ.

Въ основу этой былины, повидимому, легли воспоминанія о двухъ событіяхъ въ княженіе Владимира. Одно событіе, преданіе о которомъ изложено въ „Древнемъ Новгородскомъ сводѣ“ (§ 189), представляетъ сватовство Владимиромъ дочери Рогволода Полоцкаго, Рогнѣды. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи,

подъ 1128 г., это событіе излагается такъ: „О сихъ же Всеславичихъ (полоцкихъ) сице есть, яко сказаша вѣдущии (т. е. знающіе пѣвцы) преже: яко Роговолоду держащю и владѣющую, княжащю Полотьскую землю, а Володимеру сущю Новѣгородѣ, дѣтьску сущю, еще и погану, и бѣ у него уй его (т. е. дядя) Добрыня, воевода и храборъ, и наряденъ мужь: и сь посла к Рогволоду и проси у него дщере (его) за Володимера. Онъ же рече дъщери своей: „хощеши ли за Володимера“? Она же рече: „не хочю розути робичича, но Ярополка хочю“; бѣ бо Роговолодъ пришелъ изъ заморья, имѣяше волость свою Полтескъ. Слышавъ же Володимеръ, разгнѣвася о той рѣчи, оже рече: „не хочю я за робичича“. Пожалися Добрыня и исполнися ярости, и поемъша вои (и) идоста на Полтескъ и побѣдиста Роговолода. Рогъволодъ же вбѣже в городъ, и приступивъше к городу и взяша городъ, и самого (князя Роговолода) яша, и жену его, и дщерь его; и Добрына поноси ему и дщери его, нарекъ ей рабичица, и повелѣ Володимеру быти с нею предъ отцема ея и матерью. Потомъ отца ея уби, а саму поя женѣ, и нарекоша ей имя Горислава“.

Между былиной и лѣтописнымъ преданіемъ есть, при различіи ихъ, значительное сходство: *во-первыхъ*, дѣйствіе происходитъ въ землѣ, находящейся на западѣ, по лѣтописи—въ Полоцкой области, по былинѣ—въ землѣ Литовской; *во-вторыхъ*, на сватовство невѣсты получается отказъ; невѣста добывается насиліемъ, причемъ главную роль играетъ Добрыня, по лѣтописи—разбившій Рогволода и овладѣвшій Полоцкомъ, а по былинѣ—перебившій всѣхъ татаръ до единаго.

Другое событіе — женитьба Владимира на сестрѣ византійскаго императора Аннѣ (§ 29), Воспоминанія объ этомъ событіи сохранились въ тѣхъ былинахъ, которыя выводятъ грознаго короля Золотой Орды Етмануйла Етмануйловича, т. е. знаменитаго византійскаго императора Мануила (§§ 277, 355),

319. Добрыня и поленица-женщина. Ѣдетъ Добрыня и нагоняетъ поленицу, женщину великую. Ударилъ ее Добрыня своею палицей булатной въ буйную голову. Поленица даже не оглянулась и продолжала свой путь. Добрыня ужаснулся. Подъѣзжаетъ онъ къ сырому дубу толщиною въ шесть саженъ и ударяетъ въ него палицей: весь дубъ разлетѣлся по „ластиньямъ“. Говоритъ Добрыня самому себѣ: „Силы у Добрыни есть по старому, а смѣлость у Добрыни не по старому“. До-

брыня отправляется опять въ погоню за поленицей и снова ударяетъ ее по головѣ. Поленица не почувствовала удара. Только, когда Добрыня, собравшись со всей силой, ударилъ ее въ третій разъ, поленица оглянулась и замѣтила: „Я думала, комарики покусываютъ, ажно русскій могучій богатырь пощелкиваетъ“. Схватила поленица Добрыню за желтые кудри, посадила его во глубокъ карманъ и отправилась дальше. Черезъ три дня конь взмолился своей госпожѣ, чтобы она освободила его отъ обязанности возить двухъ богатырей: „Не могу везти да двухъ богатырей: силою богатырь супротивъ тебя, смѣлостью богатырь да вдвоемъ тебя“. Поленица, Настасья дочь Никулична, говоритъ: „Я повыздыну богатыря изъ карманчика: ежели богатырь онъ старый, я богатырю голову срублю; а ежели богатырь онъ младый, я богатыря въ полонъ возьму; а ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ, я теперь за богатыря замужъ пойду“; а ежели богатырь не прилюбится, на ладонь кладу, другой прижму и въ овсяный блинъ его да сдѣлаю“. Вынула Настасья Никулична Добрыню изъ кармана—Добрыня ей въ любовь пришелъ. Пріѣзжаютъ они въ Кіевъ и вѣнчаются. Заданъ былъ пиръ на три дня.

Встрѣча Добрыни съ богатырской женщиной (какъ и аналогичная встрѣча Ильи Муромца съ бабой Горынинкой, § 333), повидимому, является отголоскомъ древне-русскихъ отношеній съ Кавказомъ. Поленица Настасья Никулична — иноземка. Это видно изъ ея словъ, напоминающихъ слова Святогора Ильѣ: „Думала-же русскіе комарики покусываютъ, ажно русскіе богатыри пощелкиваютъ“. Въ кавказскихъ сказаніяхъ о нартахъ послѣднимъ приходится сталкиваться не только съ великанами мужчинами, называемыми эмегенами, но и съ великанами женщинами. Эмегены, мужчины и женщины, одарены гигантскимъ ростомъ и огромной физической силой; они—людоѣды и живутъ въ пещерахъ. Повидимому, образы эмегеновъ—отголоски очень древняго быта эпохи охотничьяго періода и матріархата, когда многія женщины по образу жизни не отличались отъ мужчинъ.

Въ одномъ сказаніи о нартахъ повѣствуется, какъ женился нартъ Алауганъ. Алауганъ, уже подъ старость, рѣшилъ поискать себѣ невѣсту. Онъ осѣдлалъ коня своего, Гемуду, и выѣхалъ изъ нартовскихъ селеній. Послѣ долгой ѣзды Алауганъ замѣтилъ вдали черное пятно и направился къ нему. Подъѣхавъ ближе, Алауганъ съ ужасомъ увидѣлъ передъ собою гро-

мадную женщину эмегену съ откинутыми назадъ черезъ плечи грудями. Эта великанша чинила трещины на землѣ: у нея была игла величиною съ бревно, и нитка, величиною съ арканъ. Алауганъ понималъ, что броситься бѣжать безполезно: эмегена догонитъ его и съѣстъ; а подойти къ ней — страшно. И онъ рѣшился усыновить себя этой эмегенѣ (усыновленіе—священный обычай на Кавказѣ): онъ незамѣтно подошелъ сзади къ эмегенѣ и припалъ губами къ ея грудямъ. Эмегена обернулась и замѣтила: „Ахъ, какъ жаль, что ты такъ скоро сдѣлался моимъ ребенкомъ; а то былъ бы для меня сладкимъ кусочкомъ...“. Узнавъ отъ Алаугана, что онъ ищетъ себѣ невѣсту, эмегена обрадовалась и сказала ему, что у нея есть дочь-невѣста, которую она отдастъ ему въ жены. Алауганъ былъ пораженъ, но не осмѣлился сказать ни слова. Эмегена повела его къ громадной скалѣ, въ которой находилась большая пещера, заложенная тяжелымъ каменнымъ засовомъ. Эмегена открыла засовъ и съ Алауганомъ вошла въ пещеру. Они долго шли, то опускаясь, то поднимаясь. Наконецъ, вдали блеснулъ мерцающій огонекъ. Когда Алауганъ въ сопровожденіи своей названной матери приблизился къ огню, послышался голосъ: „Слышу людской запахъ,—вотъ то будетъ славная закуска“! Это была дочь эмегены, такого же громаднаго роста, какъ и ея мать. Зубы ея были такъ велики, что нижніе клыки доходили до носу, а верхніе опускались ниже подбородка. Алаугану пришлось жениться на этой уродливой дѣвѣ. На другой день Алауганъ посадилъ свою жену на лошадь впереди, а самъ сѣлъ позади. Едва проѣхали нѣсколько шаговъ, какъ у лошади спина согнулась отъ тяжести, а животъ опустился почти до земли. Пришлось Алаугану слѣзть съ лошади и идти пѣшкомъ.

Между русской былиной и кавказскимъ сказаніемъ, при всемъ ихъ различіи, есть и существенное, сходство: и тамъ и здѣсь изображаются богатырь младшаго поколѣнія и великанша; и тамъ и здѣсь великанша безъ всякаго сравненія превосходитъ силы богатыря; въ кавказскомъ сказаніи богатырша—глупа, а нартъ хитеръ и уменъ, въ былинѣ—богатырь смѣлостью превосходитъ поленицу; и тамъ и здѣсь отношенія между богатыремъ и великаншей кончаются принудительнымъ бракомъ; и тамъ и здѣсь, наконецъ, конь сгибается подъ тяжестью великанши и богатыря.

320. Добрыня и Алеша Поповичъ. Вынуждаемые часто отправляться въ походы, богатыри нерѣдко покидали свои дома на продолжительное время. О богатырѣ иногда терялись всякія свѣдѣнія, и возникали слухи объ его смерти. На почвѣ этого факта могли происходить событія, о которыхъ разсказываютъ былины о Добрынѣ и Алешѣ Поповичѣ.

Во дворцѣ у Владимира—пиръ. Во время пира Владиміръ вызываетъ желающихъ сослужить ему службу дальнюю—съѣздить въ орды немирныя, очистить прямоѣзжія дороги до тестя любимаго, до грознаго короля Етмануйла Етмануйловича, вырубить чудь бѣлоглазую, укротить сорочину долгополую, черкесъ пятигорскихъ, калмыковъ съ татарами, чукчей и алюторовъ. Никто не откликается на предложеніе Владимира: большой за меньшаго хоронится, а отъ меньшаго ему, князю, отвѣту нѣтъ. Тогда изъ за стола княженецкаго, изъ за скамьи богатырской выступаетъ удалъ добрый молодецъ, молодой Добрыня Никитичъ младъ, и говоритъ, что, такъ какъ охотниковъ принять предложеніе Владимира не находится, то поневолѣ приходится принять его ему. Владиміръ велитъ налить ему чару зелена вина въ полтора ведра и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра; Добрыня выпиваетъ ихъ единымъ духомъ.

Говоритъ Добрыня своей матушкѣ: „Ахъ ты ой, сударыня родна матушка! Ты на что меня, Добрынюшку несчастнаго, спородила? Спородила бы, государыня родна матушка, ты бы бѣленькимъ горючимъ камешкомъ, завернула въ тонкій льняной во рукавичекъ, спустила бы меня во сине море: я бы вѣкъ, Добрыня, въ морѣ лежалъ, я не ѣздилъ бы, Добрыня, по чисту полю, я не убивалъ бы, Добрыня, неповинныхъ душъ, не пролилъ бы крови я напрасныя; не слезилъ, Добрыня, отцовъ, матерей, не вдовилъ, Добрыня, молодыхъ женъ, не пускалъ сиротить малыхъ дѣтушекъ“. Отвѣчаетъ ему матушка: „Я бы рада тебя, дитятко, спородити талономъ-участью въ Илью Муромца, силой въ Святогора богатыря, смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича, красотой бы я въ Осипа прекраснаго, а походкою бы тебя щепливою (мелкой) во того Чурилу во Пленковича, я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича; сколько тыя статьи есть (т.-е. сколько въ тебѣ его, вѣжества, есть, тѣмъ будь доволенъ), а другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ“. Добрыня осѣдлалъ коня и готовится къ

отъѣзду. Онъ прощается съ матушкой и съ женой Настасьей Никуличной. Онъ даетъ женѣ завѣтъ—ждать его шесть лѣтъ: если черезъ шесть лѣтъ онъ не вернется, значитъ его уже нѣтъ въ живыхъ. „А тебѣ, Настасья,—воля вольная: хоть вдовой живи, хоть замужъ поди, хоть за князя поди, хоть за боярина, а хоть за русскаго могучаго богатыря; а только не ходи за моего брата, за названаго, за смѣлаго за Алешу за Поповича“.

Прошло шесть лѣтъ: Добрыни нѣтъ. Въ это время пріѣзжаетъ изъ чиста поля Алеша и привозитъ нерадостную вѣсточку: нѣтъ въ живыхъ Добрыни Никитича: онъ лежитъ убитый въ чистомъ полѣ, буйная голова его испроломана, могучія плечи испрострѣлены, головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ. Матушка жалешенько плакала по своемъ роженомъ дитяткѣ, слезила очи ясныя, скорбила лицо бѣлое. А Владиміръ Красное Солнышко сталъ похаживать и сватать Настасью Никуличну за Алешу Поповича. Настасья отклоняетъ это сватовство, говоря, что она исполнитъ свою заповѣдь женскую: она будетъ ждать Добрыню еще шесть лѣтъ. Проходитъ еще шесть лѣтъ: Добрыни все еще нѣтъ. Владиміръ возобновляетъ сватовство. Настасья, убѣжденная въ смерти мужа, выражаетъ согласіе. Насталъ свадебный день. Торжество справляется во дворцѣ Владимира.

Добрыня въ это время находился у Царьграда. Говоритъ Добрынѣ его добрый конь голосомъ человѣческимъ: „Ты эй, хозяинъ мой любимый! Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь: твоя молода Настасья свѣтъ Никулична замужъ пошла, за смѣлаго Алешу за Поповича; пиръ идетъ у нихъ по третій день; сегодня имъ идти ко Божьей церкви принимать съ Алешей по злату вѣнцу“. Разгорячился Добрыня, беретъ плеточку шелкову и хлещетъ коня. Сталъ конь поскакивать съ горы на гору, съ холма на холмъ, рѣки и озера перескакивать, широкія раздолья между ногъ пущать.

Въѣзжаетъ Добрыня въ Кіевъ да прямо къ подворью вдовьиному. Заѣзжаетъ онъ на дворъ „безсылочно“, въ палаты идетъ „бездокладочно“, не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ, у дверей не спрашивалъ придверниковъ—всѣхъ взашей прочь отталкивалъ. Входитъ Добрыня во вдовьиныя палаты, кладетъ крестъ по писаному, поклонъ кладетъ по ученому, а пречестной вдовѣ—въ особину. Вслѣдъ за нимъ

прибѣгаютъ приворотники и придверники, которые жалуются на наглость пріѣзжаго. Мамелфа Тимоѳеевна спрашиваетъ его, какъ онъ смѣлъ позволить себѣ войти безъ доклада, и сказала, что, если бы былъ живъ Добрыня, онъ отрубилъ бы ему буйную голову за его поступки неумильные. Пріѣзжій молодецъ объясняетъ вдовѣ, что онъ вчера поразъѣхался съ Добрыней, Добрыня поѣхалъ къ Царьграду, а самъ онъ къ Кіеву, что Добрыня наказывалъ ему спросить про Настасью Никуличну. Мамелфа Тимофеевна разсказываетъ ему о происшедшемъ. Пріѣзжій молодецъ, выслушавъ разсказъ, сказалъ, что Добрыня наказалъ ему, на случай, если онъ пойдетъ на пиръ, взять его платье скоморошеское и гусельки яровчаты (изъ явора). Мамелфа принесла ему скоморошеское платье и гусли Добрыни. Нарядился неузнанный Добрыня скоморохомъ и отправляется во дворецъ Владимира. Онъ молодецки отталкиваетъ приворотниковъ и придверниковъ, входитъ въ палаты княжескія безобсылочно, бездокладочно и привѣтствуетъ князя съ княгиней. Владиміръ пораженъ безцеремоннымъ вторженіемъ скомороха и выражаетъ ему свое удивленіе. Скоморохъ, не отвѣчая на недоумѣніе Владимира, спрашиваетъ у него, гдѣ тутъ мѣсто для скомороховъ. Разсердился Владиміръ и сказалъ, что скоморошеское мѣсто находится на печкѣ на муравленой, на запечкѣ. Скоморохъ, ни слова не говоря, взобрался на указанное мѣсто, натянулъ тетивочки на струночки золотыя и началъ по струночкамъ похаживать, голосомъ поваживать: играетъ въ Царьградѣ, а на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ (т.-е. играетъ цареградскимъ напѣвомъ, а намеки дѣлаетъ на кіевскія событія). Всѣ за столомъ, отъ стараго до малаго, призамолкнули. Стали догадываться, что это— не простой скоморохъ, а русскій удалой добрый молодецъ. Владиміръ за искусную игру приглашаетъ скомороха сойти съ печи и сѣсть вмѣстѣ со всѣми за столъ. Скоморохъ слѣзаетъ съ печи и садится противъ невѣсты. Онъ проситъ у Владимира позволенія налить чару зелена вина и преподнести ее, кому онъ пожелаетъ. Владиміръ позволяетъ. Скоморохъ наливаетъ чару зелена вина, незамѣтно опускаетъ туда свой золоченый перстень и подноситъ ее молодой со словами: „Молода Настасья, дочь Никулична! Прими сію чару единой рукой, да выпей-ко чару единымъ духомъ: буде пьешь до дна, такъ видаешь добра, а не пьешь до дна—не видаешь добра“.

Выпиваетъ Настасья чару единымъ духомъ и видитъ—на днѣ перстень, которымъ она съ Добрыней обручалась. Догадалась Настасья, что скоморохъ—ея мужъ. Она заявляетъ Владимиру, что ея мужъ не тотъ, который сидитъ подлѣ нея, а тотъ, кто—противъ нея. Она выскочила изъ-за дубоваго стола, упала передъ Добрыней на рѣзвыя ноги и стала просить прощенія за то, что согласилась идти замужъ за Алешу. Добрыня простилъ, на томъ основаніи, что у женщинъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ: куда ведутъ ихъ, онѣ туда идутъ. Но Добрыня выражаетъ удивленіе Владимиру съ княгиней, что они сосватали его жену при его жизни. „Тутъ Солнышку Владимиру къ стыду пришло“. Проситъ прощенья и Алеша за то, что посидѣлъ рядомъ съ его женой. Добрыня прощаетъ Алешѣ это, но не прощаетъ за ложную вѣсть, которую онъ привезъ. Добрыня схватываетъ Алешу за желтые кудри, выдергиваетъ его изъ-за дубоваго стола и бросаетъ о кирпиченъ полъ. Отъ дальнѣйшей расправы Алешу спасаетъ Илья Муромецъ, который останавливаетъ Добрыню. Добрыня беретъ Настасью за бѣлыя руки, цѣлуетъ въ уста сахарныя и идетъ съ ней домой. „Глядитъ честна вдова Мамелфа Тимофеевна: красное солнышко порос-пекло, и свѣтелъ мѣсяцъ порозсвѣтилъ“.

321. Происхожденіе образа Добрыни. Былинный Добрыня, при сравненіи съ лѣтописнымъ Добрыней, дядей Владимира, кажется не имѣющимъ съ нимъ ничего общаго. Въ то время, какъ лѣтописному Добрынѣ принадлежало едва ли не руководящее значеніе до вступленія Владимира на престолъ кіевскій и долгое время спустя послѣ этого, Добрыня былинный играетъ при дворѣ Владимира второстепенную роль. Мало того, былинный Добрыня жалуется матушкѣ на свою судьбу: онъ жалѣетъ о томъ, что мать не родила его горючимъ камешкомъ, что она не бросила этотъ камешекъ на дно синяго моря, гдѣ онъ лежалъ бы спокойно и былъ бы избавленъ отъ необходимости ѣздить по чистому полю.

Это несходство можетъ быть объяснено тѣмъ, что подъ именемъ Добрыни въ былинахъ воспѣвается не одинъ Добрыня, дядя Владимира, но и рядъ другихъ Добрынь, которые были смѣшаны съ первымъ. Такъ, въ Тверской лѣтописи рядомъ съ Александромъ Поповичемъ (Алешей Поповичемъ былинъ) упоминается его товарищъ Добрыня (Тимоня) Златопоясъ; а

въ Никоновской лѣтописи упоминаются Александръ Поповичъ, его слуга Торопъ и Добрыня Рязаничъ Златый Поясъ.

Нѣкоторые былины о Добрынѣ, дѣйствительно, выводятъ его изъ Рязани; отецъ его—торговый гость Никитушка Романовичъ.

Во всякомъ случаѣ въ былинахъ о Добрынѣ есть нѣкоторыя черты, которыя могутъ имѣть связь съ историческимъ дядей Владимира: добываніе невѣсты для Владимира представляетъ несомнѣнный отголосокъ исторіи съ Рогнѣдой и Анной: главнымъ участникомъ въ этихъ эпизодахъ былъ Добрыня.

Алеша Поповичъ.

322. Былины объ Алешѣ Поповичѣ. Съ именемъ Алеши Поповича, другого главнаго богатыря, связаны слѣдующіе главные сюжеты: 1) борьба съ Тугариномъ Змѣевичемъ и 2) приключеніе съ сестрой Збродовичей.

323. Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ. Изъ славнаго Ростова выѣзжаетъ могучій богатырь Алеша Поповичъ младъ съ своимъ слугою—паробкомъ Акимомъ. Наѣхали они на горючъ камень съ надписью, а отъ камня идутъ три дороги. Акимъ соскочилъ съ коня, прочелъ надписи и объяснилъ Алешѣ, что одна дорога ведетъ въ Муромъ, другая—въ Черниговъ, а третья—въ Кіевъ. Алеша рѣшаетъ отправиться въ Кіевъ. А въ Кіевѣ бѣда случилась: онъ покорился поганому Тугарину Змѣевичу. Въ вышину Тугаринъ—трехъ саженъ, промежду глазъ—каленая стрѣла, изъ хайлища пламень пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ. Сидитъ Тугаринъ въ княжескомъ дворцѣ, за столомъ, на главномъ мѣстѣ; онъ отнимаетъ у Владимира его жену Евпраксію, а Евпраксія идетъ къ нему не неволей, а охотой. Опоганилъ Тугаринъ церкви православныя, осмердилъ дѣвицъ, молодыхъ вдовицъ, истопталъ конемъ всѣхъ малыхъ дѣтей, поплѣнилъ всѣхъ купцовъ. Пріѣзжаетъ Алеша въ Кіевъ, входитъ въ свѣтлую гридню. Онъ крестъ кладетъ по ученому, онъ поклонъ отдаетъ по писаному, онъ кланяется на всѣ четыре стороны и князю съ княгиней „на особицѣ“. Алешу принимаютъ съ честью-радостью. Владиміръ предлагаетъ ему занять самое лучшее мѣсто за столомъ. Алеша отказывается и идетъ за печку.

Во дворцѣ Владимира собираются къ обѣду. Появляется Тугаринъ Змѣевичъ и садится за столъ; по правую руку его— Евпраксія, а по лѣвую—Владиміръ. Поднесли Тугарину блюдо изъ бѣлой лебеди. Тугаринъ схватилъ лебедь и проглотилъ ее цѣликомъ, „оглотилъ“. Тутъ Алеша говоритъ; „Гой ты еси, ласковый сударь Владиміръ князь! Что у тебя за болванъ пришелъ, что за дуракъ неотесанный? Не честно у князя за столомъ сидитъ, ко княгинѣ онъ, собака, руки въ пазуху кладетъ, цѣлуетъ во уста сахарныя, тебѣ, князю, насмѣхается. А у моего сударя-батюшки попа Ростовскаго была обжорчивая собака, которая костью подавилась, а отъ этого ей смерть приключилась: то же самое будетъ съ Тугариномъ“. Принесли кашицу ведерную. Тугаринъ и ее сразу выхлебнулъ. Алеша вслухъ вспоминаетъ съ Акимомъ о коровѣ обжорчивой, которая у его батюшки попа Ростовскаго „охлебалася“ кашей-бардой, отчего ей смерть приключилась: то же самое случится и съ Тугариномъ. Тугарину не взлюбилися эти рѣчи; вынулъ онъ ножище-чингалище и пускаетъ его Алешѣ во бѣлы груди. Акимъ, слуга-паробокъ, схватываетъ на лету кинжалище и спрашиваетъ Алешу, что ему дѣлать съ кинжаломъ, пустить его обратно въ Тугарина, или же сохранить у себя. Алеша не позволяетъ Акиму сквернить княжескія палаты собачьей кровью Тугарина. „Завтра я съ нимъ, собакой, перевѣдаюсь, перевѣдаюсь съ Тугариномъ во чистомъ полѣ. Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ, не о ста рубляхъ, не о тысячѣ, а бьюсь о своей буйной головѣ“. Вскочили князья и бояре и всѣ держатъ за Тугарина поруки (пари): князья кладутъ по сту рублей, бояре по пятьдесятъ, крестьяне по пяти; гости купеческіе записываютъ три корабля свои съ заморскими товарами подъ Тугарина, а за Алешу подписывалъ одинъ только владыка Черниговскій.

На другой день рано утромъ Алеша отправляется въ чистое поле. Изъ княжескаго терема вылетаетъ Тугаринъ: вѣютъ его крылья гумажныя, звенятъ его хоботы желѣзные; изъ ноздрей его какъ бы дымъ валитъ; изо рта его какъ огонь палитъ. Алеша сталъ молиться пресвятой Богородицѣ, чтобы она наслала тучу грозную съ крупнымъ дождемъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, нашла грозная туча, разразилась крупнымъ дождемъ и подмочила Тугарину его крылья гумажныя, и Тугаринъ упалъ на сырую землю. Взялъ Алеша саблю

острую и поѣхалъ къ Тугарину. Увидѣвъ Алешу, Тугаринъ заревѣлъ зычнымъ голосомъ: „Гой еси, Алеша Поповичъ младъ! Хочешь ли я тебя огнемъ спалю, хочешь ли, Алеша, конемъ стопчу, али тебя, Алеша, копьемъ заколю“? Говоритъ Тугарину Алеша: „Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ! Бился ты со мною о великъ закладъ биться-драться единъ-на-единъ, а за тобою нынѣ силы смѣты нѣтъ на меня, Алешу Поповича“. Оглянулся Тугаринъ, а въ этотъ моментъ подскочилъ къ нему Алеша и отрубилъ ему голову [1]). Поставилъ Алеша голову Тугарина на острое копье и поѣхалъ назадъ въ Кіевъ. Акимъ съ крыльца княжескаго дворца издали замѣтилъ приближеніе Алеши и сказалъ: „Ѣдетъ-то Алеша Поповичъ младъ и везетъ онъ голову Тугарина, везетъ его голову на остромъ копьѣ!“ На это княгиня Евпраксія говоритъ, что „летитъ-то Тугаринъ Змѣевичъ младъ и несетъ онъ голову Алешину, и несетъ его голову на остромъ копьѣ“. Подъѣзжаетъ Алеша Поповичъ ко дворцу и бросаетъ голову Тугарина о сырую землю. Раздосадованная княгиня злобно замѣчаетъ: „Еще то, братцы, бываетъ, — и свинья гуся съѣдаетъ!“ [2]) Алеша отвѣчаетъ, что если бы она не была княгиней, онъ бы ее обозвалъ неприличными словами.

Подъ именемъ Тугарина разумѣютъ историческое лицо— половецкаго хана Тугоркана. О Тугорканѣ наши лѣтописи разсказываютъ слѣдующее. Въ 1094 году „сотвори миръ Святополкъ с половци и поя собѣ жену, дщерь Тугорканю, князя половецкаго“. Въ 1096 г., „воева Куря с половци у Переяславля и Устье пожже, мѣсяца мая 24 день... Сего же мѣсяца приде Тугорканъ, тесть Святополчь, к Переяславлю, мѣсяца мая 30... И сдѣя Господь въ тъ день спасенье велико: мѣсяца іулія въ 19 день побѣжени быша иноплеменници, и князя ихъ убиша Тугоркана и сына его и ини князи; мнози врази наши ту падоша; на заутрье же налѣзоша (нашли) Тугоркана мертва, и взя и Святополкъ, акы тьстя своего и врага, и привезше и (его) к Кыеву, погребоша и (его) на Берестовѣмь“.

---

[1]) По другимъ былинамъ, Алеша, переодѣтый въ костюмъ калики, прикинулся глухимъ, попросилъ Тугарина поближе подойти къ нему и расшибъ ему голову шелепугой.

[2]) По другимъ былинамъ, она говоритъ: „Деревенщина ты, засельщина! Разлучилъ меня съ другомъ милымъ, съ молодымъ Змѣемъ Тугариномъ“.

Весьма вѣроятно, что родственныя или враждебныя отношенія между Святополкомъ, великимъ кіевскимъ княземъ, и половецкимъ ханомъ Тугорканомъ и послужили историческимъ зерномъ, изъ котораго развились былины о взаимныхъ отношеніяхъ Владимира, Евпраксіи и Тугарина; гибель Тугоркана, въ свою очередь, послужила основой для поэтическаго изображенія борьбы Алеши съ Тугариномъ.

324. Алеша и сестра Збродовичей. У Владимира—пиръ, на которомъ присутствовало много князей, бояръ, сильныхъ могучихъ богатырей и удалыхъ поленицъ. На пиру всѣ были пьяны-веселы, всѣ прирасхвастались: кто хвастаетъ добрымъ конемъ, кто своей ухваткой, а бояре—своими имѣніями. Только двое братьевъ Збродовичей сидятъ не веселы и повѣсили свои буйныя головы. Замѣтилъ это Владимиръ и спрашиваетъ ихъ, отчего они ничѣмъ не хвастаютъ. Братья отвѣтили, что у нихъ нѣтъ коней добрыхъ, жены ихъ не отличаются красотой, а есть у нихъ родная сестра, Наталья Збродовична, „сидитъ она въ высокомъ теремѣ, сидитъ-заперта двумя дверями, она замкнута тремя ключами; ей красно солнышко не огрѣетъ, и буйны вѣтры ея не обвѣютъ; ясный соколъ мимо терема не пролетитъ, на добромъ конѣ мимо молодецъ не проѣдетъ“. Встаетъ Алеша и говоритъ братьямъ Збродовичамъ, что имъ нечѣмъ хвастать, что они даромъ похваляются, что онъ, Алеша, хорошо знаетъ ихъ сестру и находится съ ней въ интимныхъ отношеніяхъ. Братья поражены и требуютъ у Алеши доказательствъ. Алеша хитростью достаетъ черезъ служанку Збродовичей монисты ихъ сестры и показываетъ братьямъ. Братья въ досадѣ срубаютъ сестрѣ голову. Былина оканчивается словами: „Не доброе дѣло сдѣлалъ Алеша Поповичъ: загубилъ онъ понапрасну дѣвицу“ [1]).

325. Исторія типа Алеши Поповича. Былинный Алеша Поповичъ встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ именемъ Александра Поповича. Александръ Поповичъ былъ однимъ изъ выдающихся „храбровъ“ Ростовской земли. Тверская лѣтопись, составленная на основаніи ростовскихъ лѣтописей, подъ 1224 г. разсказываетъ объ Александрѣ Поповичѣ слѣдующее: „Бѣ бо нѣкто отъ ростовскихъ житель Александръ, глаголемый Поповичъ, и

---

[1]) По другимъ былинамъ, конецъ болѣе мягкій: Алеша женится на сестрѣ Збродовичей.

слуга бѣ у него именемъ Торопъ; служаше бо той Александръ великому князю Всеволоду Юрьевичу...". Когда старшій сынъ Всеволода Юрьевича Константинъ получилъ въ удѣлъ Ростовъ, Александръ Поповичъ перешелъ на службу къ Константину и вѣрно служилъ ему, такъ же вѣрно, какъ и отцу его. Между Константиномъ и его младшимъ братомъ Юріемъ возникла борьба изъ за престолонаслѣдія. Въ этой борьбѣ дѣятельное участіе принялъ и Александръ Поповичъ. Когда Юрій отправился на Константина съ войскомъ, Константинъ отступилъ къ Костромѣ и сжегъ ее. Войско Юрія остановилось на рѣкѣ Ишнѣ недалеко отъ Ростова. Тогда выступилъ противъ Юрія Александръ Поповичъ съ войсками и убилъ много слугъ Юрія, кости которыхъ, говоритъ лѣтописецъ, видны и до сихъ поръ на рѣкѣ Ишнѣ. Въ побѣдоносной битвѣ Константина съ тѣмъ же Юріемъ на рѣкѣ Гзѣ опять принимаютъ участіе храборъ Александръ Поповичъ и его слуга Торопъ; товарищемъ Александра былъ Тимоня Золотой поясъ, былинный Добрыня. Въ битвѣ былъ убитъ храборъ Юрія Юрята. Въ Липецкой битвѣ, происшедшей между Юріемъ въ союзѣ съ его братомъ Ярославомъ, съ одной стороны, и Константиномъ въ союзѣ съ Мстиславомъ Мстиславовичемъ Удалымъ, съ другой стороны, опять выступаетъ Александръ Поповичъ: Юрій потерпѣлъ пораженіе; въ битвѣ палъ другой его храборъ — бояринъ Ратиборъ. Константинъ занялъ престолъ во Владимирѣ и черезъ два года скончался. Тогда Александръ Поповичъ, опасаясь мести со стороны Юрія за убіеніе Юряты, Ратибора и многихъ другихъ, рѣшилъ покинуть Ростово-Суздальскую землю. Онъ собралъ совѣтъ изъ своихъ „храбрыхъ" въ одномъ городѣ у Гремячаго колодца, на рѣкѣ Узѣ. На совѣтѣ рѣшено было, вмѣсто того, чтобы служить разнымъ князьямъ и избивать другъ друга, отправиться на службу къ великому кіевскому князю Мстиславу Романовичу Храброму. Мстиславъ былъ очень радъ, что къ нему на службу поступилъ такой славный храборъ, какъ Александръ Поповичъ съ товарищами, и похвалялся, что теперь онъ справится съ какимъ угодно врагомъ. Дальнѣйшія событія показали Мстиславу, что онъ ошибся: въ битвѣ съ татарами на Калкѣ (1223) Мстиславъ потерпѣлъ пораженіе, причемъ палъ и Александръ Поповичъ съ другими семьюдесятью „храбрами".

Въ Никоновской лѣтописи Александръ Поповичъ представленъ уже современникомъ Владимира Св. Подъ 1000 г. раз-

сказывается слѣдующее: „Пріиде Володарь съ половцы къ Кіеву, забывъ благодѣанія господина своего кн. Владимера, дѣмономъ наученъ. Володимеру же тогда въ Переяславцѣ на Дунаи: и бысть смятеніе веліе въ Кіевѣ. И изыде нощію во стрѣтеніе имъ Александръ Поповичь, и уби Володаря и брата его и иныхъ множество половецъ изби, а иныхъ въ поле прогна. И се слышавъ Володимеръ, и возрадовася зѣло, и възложи на нь (него) гривну злату и сотвори и (его) вельможа въ полатѣ своей". Разсказанное здѣсь событіе, какъ предполагаютъ, отнесено Никоновской лѣтописью къ 1000 г. ошибочно: въ дѣйствительности оно можетъ отнестись къ 1110 г., когда Владимиръ Мономахъ находился въ Переяславцѣ на Дунаѣ; въ отсутствіе Владимира Володарь Перемышльскій могъ въ самомъ дѣлѣ привести къ Кіеву половцевъ. Повидимому, замѣтка Никоновской лѣтописи представляетъ отголосокъ древней былины объ освобожденіи Кіева отъ враговъ Александромъ Поповичемъ. Современная былина на этотъ же сюжетъ напоминаетъ лѣтописное сказаніе. Василій Прекрасный (соотвѣтствующій былинно-лѣтописному Володарю) осадилъ Кіевъ: онъ хочетъ завладѣть столицей, сжечь святыя церкви, князя Владимира казнить, княгиню Евпраксію взять себѣ въ жены. Алеша предлагаетъ своей дружинѣ напасть на враговъ и освободить Кіевъ: „Выслуга наша,—говорилъ Алеша,—не забудется, а пойдетъ про насъ слава великая про выслугу нашу богатырскую...". Алеша съ дружиной напускается на великую рать Василія Прекраснаго и разбиваетъ ее. Разбѣжалась сила великая по полю широкому, по тѣмъ кустамъ ракитовымъ, очистила дорогу прямоѣзжую. Когда Алеша проѣхалъ въ Кіевъ, онъ былъ за свой подвигъ награжденъ селами и проселками, городами съ пригородами; не закрыта была ему и казна княжеская.

Подъ 1001 г. въ Никоновской лѣтописи опять сообщается объ Александрѣ Поповичѣ: „Александръ Поповичь и Янъ Усмошвецъ, убивый печенѣжьскаго богатыря, избиша множество печенѣгъ, и князя ихъ Родмана и съ трема сыны его въ Кіевъ къ Володимеру приведоша. Володимеръ же сътвори празднованіе свѣтло и милостыню многу раздаде по церквамъ и по манастыремъ, и убогимъ, и нищимъ и по улицамъ болнымъ и клоснымъ (увѣчнымъ) великіа кади (кадки) и бочки меду и квасу, и перевары, и вина поставляше и мяса, и рыбы, и всякое овощіе, что кто требоваше, и ядяше". Эта замѣтка,

можетъ быть, является отголоскомъ былины о борьбѣ Алеши съ Тугариномъ. Что касается описанія пиршества у Владимира, то оно тоже напоминаетъ былинное описаніе, напр., послѣ пораженія Калина: „Ай, какъ тутъ солнышко Владиміръ князь на радости на великой для удалыхъ для молодцовъ забиралъ столованье почестенъ пиръ; ай, какъ начали пить, кушать, добромъ проклаждаются, надъ собой невзгоды болѣ не начаются... Публиковалъ онъ указы строгіе по городу по Кіеву, растворилъ онъ всѣ кабаки, чтобы весь народъ пиль да зелено вино: кто не пьетъ зелена вина, тотъ бы пилъ да пива пьяныя, а кто не пьетъ пивовъ, тотъ бы пилъ меды стоялые, чтобы всѣ да веселилися".

Всѣ эти данныя рисуютъ Алешу Поповича могучимъ дружинникомъ-храборомъ, явившимся изъ Ростово-Суздальской области на службу къ кіевскому князю въ началѣ XII в., причемъ процессъ циклизаціи пѣсенъ о кіевскихъ богатыряхъ заставилъ пріурочить время дѣяній Алеши къ эпохѣ Владимира Св. Приблизительно до XVII—XVIII в. Алеша Поповичъ выступаетъ съ положительными чертами (кн. 2-ая, § 243). Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ, вѣроятно, прозвища („Поповичъ"), Алешѣ начинаютъ приписывать поповскія черты, а это въ свою очередь привлекло къ имени Алеши рядъ сказаній, въ которыхъ рисуются несимпатичныя черты духовнаго сословія. Вслѣдствіе этого Алеша пріобрѣлъ слѣдующія качества: онъ коваренъ, хитеръ, обманщикъ, предается любовнымъ похожденіямъ.

Илья Муромецъ.

326. Главные сюжеты, связанные съ именемъ Ильи Муромца. Илья Муромецъ—самый популярный богатырь княжеско-дружиннаго кіевскаго эпоса. Поэтому съ его именемъ связано наибольшее количество былинъ. Главные сюжеты этихъ былинъ, дающіе въ совокупности цѣльную біографію Ильи Муромца,—суть слѣдующіе: 1) Илья становится богатыремъ, 2) Первый выѣздъ Ильи, 3) Три поѣздки Ильи, 4) Ссора Ильи съ Владимиромъ, 5) Илья и Калинъ-царь, 6) Илья и Идолище, 7) Илья и баба Горынинка и 8) Бой Ильи съ сыномъ.

327. Илья Муромецъ дѣлается богатыремъ. Въ городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ, жилъ крестьянскій сынъ

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ. Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать три года. Однажды въ отсутствіе родителей къ Ильѣ приходятъ калики перехожіе (по нѣкоторымъ былинамъ—нища братія, самъ Христосъ и два апостола) и просятъ у Ильи испить. Илья отвѣчаетъ имъ, что онъ не владѣетъ ни руками, ни ногами. Калики настаиваютъ и говорятъ Ильѣ, чтобы онъ ихъ не обманывалъ. Илья сдѣлалъ усиліе надъ собой и всталъ, „ровно встрепанный“. Пошелъ Илья, принесъ чашу въ полтора ведра и поднашиваетъ нищей братіи, а нищіе ему „отворачиваютъ“. Когда Илья выпилъ, калики спрашиваютъ, много-ли онъ чуетъ въ себѣ силушки. Отвѣчаетъ Илья: „Отъ земли столбъ былъ бы до небушки, ко столбу было золото кольцо, за кольцо бы взялъ, святорусску (землю) поворотилъ бы“. Калики потребовали второй чаши. Поднесъ имъ Илья вторую чашу, а эти опять ему „отворачиваютъ“. Снова спрашиваютъ калики Илью, много-ли силушки въ себѣ чуетъ? „Во мнѣ силушка—половинушка“, отвѣчаетъ Илья. Говорятъ Ильѣ калики: „Будешь ты, Илья, великій богатырь, и смерть тебѣ въ бою не писана: бейся-ратися со всякимъ богатыремъ и со всею поленицею удалою, а только не выходи драться со Святогоромъ богатыремъ—его и земля на себѣ черезъ силу носитъ; не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ—у него на головѣ семь власовъ ангельскихъ; не бейся и съ родомъ Микуловымъ—его любитъ матушка сыра земля; не ходи еще на Вольгу Сеславьича—онъ не силою возьметъ, такъ хитростью-мудростью“. Далѣе калики научили Илью, какъ добыть себѣ коня богатырскаго: Илья долженъ выйти въ раздольице чисто поле и купить перваго жеребчика; онъ три мѣсяца долженъ держать жеребчика въ срубу, по три ночи поваживать въ саду, выкатывать его въ три росы, подводить къ высокому тыну; когда жеребчикъ будетъ перескакивать черезъ тынъ по ту и по другтю сторону, Илья можетъ ѣздить на немъ, куда угодно. Тутъ калики потерялись. Пошелъ Илья къ родителю-батюшкѣ на работу крестьянскую. Надо было очистить палъ отъ дубья-колодья; онъ вырубилъ дубье-колодье, повыгрузилъ его въ глубокую рѣку, а самъ пошелъ домой. Такъ Илья чудеснымъ образомъ получилъ свою силу.

На обработку этого сюжета, повидимому, повліяли житія святыхъ. Въ сказаніи о туровскомъ мнихѣ Мартынѣ разсказывается слѣдующее. Нѣкій старецъ Мартынъ былъ поваромъ

у трехъ туровскихъ епископовъ — у Симеона, Игнатія и Іоакима. Епископъ Георгій „старости ради“ освободилъ Мартына отъ труда, и Мартынъ сдѣлался монахомъ. Онъ жилъ въ епископскомъ монастырѣ Бориса и Глѣба единственнымъ монахомъ. Старецъ часто болѣлъ лономъ: „чрево бо его въ лоно исхождаше“. Во время припадка болѣзни старецъ лежалъ и вопіялъ, „не могій востати и послужити своему тѣлу“. Однажды припадокъ болѣзни случился съ старцемъ, когда въ окрестностяхъ монастыря было наводненіе, и никто не могъ посѣтить старца и облегчить его страданія. На третій день являются мученики Борисъ и Глѣбъ и спрашиваютъ старца, чѣмъ онъ боленъ. Старецъ отвѣтилъ. Борисъ и Глѣбъ спросили старца, не хочетъ ли онъ испить воды. Старецъ сказалъ, что онъ уже давно страдаетъ жаждой. Борисъ и Глѣбъ взяли водоносъ, принесли воды и напоили старца. Старецъ спрашиваетъ ихъ, кто они и чьи дѣти. Они отвѣтили: Ярослава. Старецъ вообразилъ, что они слуги Ярослава и сказалъ имъ: „Богъ да сотворитъ вамъ многа лѣта, господіе мои! Обаче сами вземше хлѣба ядите, азъ же не могу служити вамъ“. Они сказали старцу: „Да бы тебѣ хлѣбъ былъ, мы убо отыдемъ отселѣ, а ты не боли, но почій“. Сказавъ это, юноши стали невидимыми. Старецъ выздоровѣлъ, всталъ и прославилъ Бога.

Въ сказаніи о преподобномъ Авраміи Ростовскомъ мы находимъ слѣдующее. Авраамій до восемнадцати лѣтъ былъ „въ разслабленіи великомъ“. Случилось однажды, что къ отцу его пришли изъ Новгорода благочестивые мужи. Они завели бесѣду о христіанской вѣрѣ, о Христѣ, о чудесахъ. Юноша внимательно слушалъ ихъ рѣчи. Когда они ушли, юноша сталъ раздумывать о томъ, что у отца его много боговъ и ни одинъ изъ нихъ не можетъ исцѣлить его, а у новгородцевъ одинъ Богъ и даетъ исцѣленіе многимъ. Мысленно онъ обѣщалъ повѣрить въ единаго Бога, если получитъ исцѣленіе. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь Христа. „И абіе внезапу ощутивъ нашедшую свыше силу на него, нача вращатися на одрѣ, руками и ногами владити и вскорѣ воста съ одра своего возрадовася зѣло“.

Мотивъ о позднемъ неожиданномъ пробужденіи необыкновенныхъ силъ въ героѣ весьма распространенъ въ сказаніяхъ самыхъ разнообразныхъ народовъ. Герой обыкновенно долго

находится въ загонѣ, въ пренебреженіи, въ неизвѣстности; онъ кажется окружающимъ, или на самомъ дѣлѣ является, лишеннымъ какихъ бы то ни было способностей и силъ; въ дѣйствительности же въ это время въ героѣ совершается процессъ накопленія громадныхъ силъ, которыя, достигнувъ своего предѣла, неожиданно разражаются великими подвигами. Въ одной скандинавской сагѣ („Глумъ-сага“) героемъ является Глумъ. Въ молодости онъ не отличался никакими способностями: онъ сидѣлъ молча и избѣгалъ людей. Дѣдъ, у котораго онъ жилъ, презиралъ своего внука. Вдругъ приходитъ страшный берзеркъ (великанъ) и вызываетъ противъ себя борца. Поднимается Глумъ и одолѣваетъ его. Въ другой сагѣ („Сварфдела-сага“) герой Торстейнъ въ молодости лежалъ, вытянувшись между столбами, поддерживавшими своды дома; по одной сторонѣ героя была куча золы, а по другой—огонь; родные, проходившіе по дому, спотыкались объ него и смотрѣли на него, какъ на дурня. Тетлейфъ, герой Тидрекъ-саги, сынъ датскаго крестьянина, до тридцатилѣтняго возраста былъ лежебокой и лѣнтяемъ, водившимъ компанію съ поварятами и нищими; потомъ, встряхнувъ съ себя накопившуюся годами золу, разомъ встаетъ и совершаетъ богатырскіе подвиги. Замѣчательно, что отецъ, снаряжая Тетлейфа въ путь-дорогу на богатырскіе подвиги, даетъ сыну совѣтъ—избѣгать встрѣчи съ Тидрекомъ и его соратниками. Другой герой западно-европейскихъ эпосовъ Уффа кажется въ юности глупымъ, постоянно молчитъ (нѣмой) и никогда не смѣется, и это продолжается до тридцатилѣтняго возраста, когда саксонскій король сталъ вызывать поединщиковъ. Является Уффа и отцовскимъ мечомъ разрубаетъ сразу двухъ противниковъ.

Мотивъ о сиднѣ и его исцѣленіи встрѣчается и въ русскихъ сказкахъ, въ которыхъ онъ излагается очень близко къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ. Въ одной сказкѣ, записанной въ концѣ XVIII в. разсказывается слѣдующее. У одного крестьянина былъ сынъ Иванъ, который до тридцати трехъ лѣтъ не ходилъ. На тридцать третьемъ году его жизни является нищій, который проситъ у Ивана подать ему напиться пива. Иванъ встаетъ и идетъ. Нищій даетъ ему выпить. Иванъ чувствуетъ въ себѣ великую силу. Появляются родители и удивляются. Иванъ выходитъ въ огородъ и испытываетъ свою силу: онъ беретъ въ руки колъ, втыкаетъ его въ

землю и поворачиваетъ его съ такой силой, что вся деревня повернулась. Послѣ этого Иванъ беретъ у родителей благословеніе и уѣзжаетъ на подвиги.

Большое сходство между былинами объ исцѣленіи Ильи и русскими сказками съ мотивомъ исцѣленія героя возбудило вопросъ о томъ, откуда этотъ мотивъ былъ первоначально заимствованъ, сказками ли изъ былинъ, или наоборотъ. Изучивъ всѣ былины съ сюжетомъ объ исцѣленіи, изслѣдователи установили, что онѣ, въ отличіе отъ другихъ былинъ объ Ильѣ, изложены плохимъ стихомъ. Этотъ фактъ даетъ право сдѣлать два предположенія: или эти былины находятся въ процессѣ разложенія, перехода въ побывальщины, или, наоборотъ, русскія сказки съ сюжетомъ объ исцѣленіи находились въ процессѣ превращенія въ былины, но съ исчезновеніемъ скомороховъ, какъ класса пѣвцовъ-поэтовъ, переработка эта осталась неоконченной. Изъ этихъ двухъ предположеній вѣроятнѣе послѣднее: въ старыхъ записяхъ былинъ, относящихся къ XVIII в. и сдѣланныхъ въ свою очередь, вѣроятно, со списковъ конца XVII в., ничего не разсказывается объ Ильѣ, какъ сиднѣ, объ исцѣленіи каликами и о пріобрѣтеніи коня. Замѣчательно также, что старыя былины не знаютъ села Карачарова и ничего не сообщаютъ о крестьянскомъ происхожденіи Ильи.

328. Первый выѣздъ Ильи Муромца. Первый выѣздъ Ильи изъ дому на подвиги распадается обыкновенно на слѣдующіе сюжеты: 1) Прощаніе Ильи съ родителями, 2) Встрѣча съ станишниками (разбойниками), 3) Освобожденіе осажденнаго города, 4) Илья и Соловей-разбойникъ.

1) **Прощаніе Ильи съ родителями.** Вернувшись домой послѣ очищенія пала отъ дубья-колодья, Илья проситъ у отца благословеньица: онъ хочетъ отправиться въ славный Кіевъ-градъ „помолиться чудотворцамъ кіевскимъ, заложиться за князя Володимера, послужить ему вѣрой-правдой, постоять за вѣру христіанскую“. Отецъ Ильи, Иванъ Тимоѳеевичъ, даетъ ему такое благословеніе: „Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ, а на худыя дѣла благословенья нѣтъ. Поѣдешь ты путемъ и дорогою, не помысли зломъ на татарина, не убей въ чистомъ полѣ христіанина“. Илья поклонился отцу до земли, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ чистое поле.

Прощаніе Ильи съ родителями напоминаетъ аналогичный

эпизодъ изъ жизни Тетлейфа. Почувствовавъ въ себѣ богатырскія силы, Тетлейфъ рѣшается покинуть родительскій домъ и отправиться въ чужія страны—себя показать, людей посмотрѣть. Родители снаряжаютъ Тетлейфа въ дорогу и даютъ ему совѣты быть кроткимъ и милосердымъ, одинаково относиться къ богатымъ и бѣднымъ; если Тетлейфъ будетъ руководиться этими совѣтами, то, по словамъ родителей, онъ пріобрѣтетъ большую славу между людьми.

Старыя записи былинъ не знаютъ благословенія Ильи родителями. Онѣ сообщаютъ, что Илья слушалъ въ Муромѣ (Моровѣ) заутреню воскресную и въ умѣ держалъ поѣхать къ князю Володимеру. Отправляясь въ Кіевъ, Илья даетъ обѣтъ не вынимать дорогой сабли острой и не накладывать тетивы на крѣпкій лукъ.

2) **Встрѣча Ильи со станишниками (разбойниками).** Съ момента своего выѣзда изъ дому Илья уже величается пѣвцами старымъ. Ѣдетъ Илья по чистому полю; конь подъ нимъ какъ бы лютый звѣрь; самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Денегъ у стараго не было, кромѣ семи тысячъ червонцевъ, да сорока тысячъ мелкихъ денегъ. Но коню его цѣны нѣтъ: за рѣку онъ броду не спрашивалъ; рѣку шириною съ версту онъ перескакиваетъ съ берега на берегъ. Наѣзжаютъ на Илью станишники (разбойники), хотятъ Илью ограбить, душу его съ животомъ разлучить. Илья говоритъ станишникамъ, что убивать его не за что, а взять съ него нечего. Беретъ Илья тугой лукъ, вынимаетъ каленую стрѣлу и вмѣсто станишниковъ пускаетъ ее въ старый сырой дубъ. Запѣла тетива у тугого лука, и станишники отъ этого звука попадали съ коней. Стрѣла угодила въ кряковистый дубъ и съ громомъ разбила его въ черенья ножевыя. Отъ этого грому богатырскаго станишники испугались и пять часовъ безъ ума пролежали. Обращается къ нимъ Илья: „Ой вы гой еси, добры молодцы, станишники! Полно-те лежать на сырой землѣ, полно-те спать-высыпатися: по дорогѣ много прошло конныхъ и пѣшіихъ, у себя вы много добраго упустили“. Станичники пришли въ себя, встали, упали передъ Ильей на свои рѣзвыя ноги и стали просить его къ себѣ въ товарищи, атаманушкой. Отвѣчаетъ имъ Илья: „Не хочу я съ вами стада пасти, а ѣду въ Кіевъ-градъ, къ Володимеру князю на вспоможеніе, на его сбереженіе“.

Встрѣча Ильи съ разбойниками является отголоскомъ древней исторіи. Достаточно вспомнить разсказъ въ лѣтописи о разбойникахъ въ княженіе Владимира и о мѣрахъ, которыя противъ нихъ принимались.

Столкновеніе съ разбойниками было обычнымъ явленіемъ въ древности у самыхъ разнообразныхъ народовъ, у которыхъ только что начиналась культурная жизнь. Побѣда надъ разбойниками составляла предметъ поэтическаго отраженія. По „Тидрекъ-сагѣ“ первымъ подвигомъ Тетлейфа было совмѣстное съ отцомъ избіеніе двѣнадцати разбойниковъ, засѣвшихъ въ лѣсу.

3) Освобожденіе осажденнаго города. Предыдущій эпизодъ—встрѣча Ильи со станишниками—нѣкоторыми былинами опускается, и вмѣсто него разсказывается объ освобожденіи по дорогѣ къ Кіеву города, осажденнаго несмѣтной силой. Разсказъ ведется съ момента выѣзда Ильи изъ дому въ чистое поле.

Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ. Ретивой конь его осержается, прочь отъ земли отдѣляется; онъ скачетъ выше дерева стоячаго, чуть пониже облака ходячаго. Первый скокъ его былъ на пятнадцать верстъ; во второй скокъ Илья очутился у колодца. Срубилъ Илья сырой дубъ, поставилъ у колодца часовенку и написалъ на часовенкѣ свое имя: „Ѣхалъ такой-то сильный, могучій богатырь, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ“. Въ третій скокъ Илья оказался подъ Черниговомъ (по другимъ былинамъ—подъ Чиженцомъ, Бѣжеговымъ, Бекетовымъ, Кидошомъ, Туровымъ, Турговымъ, Смолягинымъ, Себежемъ). Подъ Черниговомъ стояла несмѣтная поганая сила: три царевича и у каждаго по сорокъ тысячъ силы. Разгорѣлось у Ильи сердце пуще огня. Говоритъ Илья такое слово: „Не хотѣлось было батюшку супротивникомъ быть, еще знать то его заповѣдь переступить“. Взялъ Илья въ руки саблю боевую и сталъ по силушкѣ погуливать: гдѣ повернется—дѣлалъ улицы, поворотится—часты площади. Добирается Илья до трехъ царевичей. Илья не убиваетъ ихъ и не беретъ въ плѣнъ. Онъ отпускаетъ ихъ домой со словами: „Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ, вы чините вездѣ такову славу, что святая Русь не пуста стоитъ, на святой Руси есть сильны, могучи богатыри“. Князья-бояре черниговскіе спрашиваютъ у Ильи, кто онъ такой, и приглашаютъ къ воеводѣ хлѣба-соли ку-

шати. Илья отказывается и проситъ указать ему кратчайшую дорогу въ Кіевъ.

По другимъ былинамъ, мужики-черниговцы просили Илью сдѣлаться ихъ воеводой. Илья отказался и попросилъ ихъ указать ему прямоѣзжую дорогу въ Кіевъ. Мужики-черниговцы отвѣтили ему: „Ай-же удаленькій дородный добрый молодецъ, славный богатырь святорусскій! Прямоѣзжею дорожкою въ Кіевъ—пятьсотъ верстъ, окольною дорожкою—цѣла тысяча. Прямоѣзжая дороженька заколодила, заколодила дорожка, замуравила: сѣрый звѣрь тутъ не прорыскиваетъ, черный воронъ не пролетываетъ: какъ у тоя у Грязи у Черныя, у тоя у березы у проклятыя, у славнаго у креста у Леванидова, у славненькой у рѣки у Смородинки, сидитъ Соловей-разбойникъ, Одихмантьевъ сынъ; свищетъ Соловей онъ по соловьему, вскричитъ то онъ, злодѣй, по звѣриному: темны лѣсушки къ землѣ приклоняются; что есть людишекъ,—всѣ мертвы лежатъ“.

4) Илья и Соловей-разбойникъ. Ѣдетъ Илья по чистому полю и видитъ—столбъ бѣлодубовый, а на столбѣ надпись: „Прямо ѣхать—только пятьсотъ верстъ, а наколъ-то ѣхать—семьсотъ верстъ“. Далѣе слѣдуетъ на столбѣ разъясненіе: „Какъ прямо ѣхать—живу не бывать: нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному; сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ, захватываетъ воръ-собака на семи верстахъ“. Илья задумался,—и рѣшилъ ѣхать дорожкой прямоѣзжею. Сошелъ Илья съ коня, одной рукой ведетъ коня, а другой онъ началъ мосты мостить калиновые. Подъѣхалъ Илья къ сырымъ дубамъ, на которыхъ сидѣлъ Соловей-разбойникъ. Соловей закричалъ по звѣриному, засвисталъ по соловьиному, замызгалъ по собачьему. Палъ конь Ильи на колѣнки. Илья бьетъ его по тугимъ ребрамъ и ругаетъ: „Ахъ, ты, волчья сыть (т.-е. волчій кормъ, годный волку на кормъ), травяной мѣшокъ! Развѣ не слыхалъ ты крику звѣринаго, свиста соловьинаго“? Илья натягиваетъ свой тугой лукъ и стрѣляетъ въ Соловья-разбойника; стрѣла попала въ правый глазъ, а вышла въ лѣвое ухо. Упалъ Соловей на землю. Беретъ Илья Соловья, пристегиваетъ его къ черкасскому стремени и ѣдетъ съ нимъ. Проѣзжаетъ Илья мимо помѣстья Соловья. Дѣти Соловья, увидѣвъ изъ окна всадника съ привязаннымъ плѣнникомъ, подумали, что ѣдетъ отецъ ихъ съ добычей; а жена Соловья, присмотрѣвшись внимательнѣе, увидѣла, что это „чужой мужикъ“ везетъ ея мужа.

Дѣти Соловья схватились за шалыги подорожныя, чтобы отбить отца. Мать отговариваетъ ихъ отъ этого. Она совѣтуетъ имъ насыпать одну чашу красна золота, другу—чиста серебра, а третью—скатна жемчуга, пойти съ разговоромъ-прелестью къ побѣдителю и уговорить его [1]). Дѣти Соловья такъ и сдѣлали. Илья принялъ подарки, но освободить Соловья отказался на томъ основаніи, что онъ опять будетъ „разбой держать“.

Въ нѣкоторыхъ былинахъ, изображающихъ столкновеніе Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ, сохранились отголоски еще одного любопытнаго эпизода—борьбы Ильи съ дочерью Соловья, которая называется Пелькой, поленицей удалою или Марьей Соловьевной. Когда Илья съ связаннымъ Соловьемъ проѣзжалъ мимо его двора, дочь Соловья ухватила стопудовую булатную подвортню и ударила ею Илью по буйной головѣ межъ ушей. Едва Илья усидѣлъ на конѣ, едва онъ не свалился. Удержавшись, Илья соскочилъ съ коня, схватилъ удалую поленицу за груди и ударилъ ее правой ногой: поленица взлетѣла выше церквей соборныхъ, выше крестовъ животворящихъ, упала на землю и изувѣчилась.

Ѣдетъ Илья дальше къ Кіеву. Хотѣлъ Илья поспѣть къ заутренѣ, а не поспѣлъ и къ обѣденькѣ. Выѣзжаетъ Илья на широкій княжескій дворъ и останавливается у столба точенаго; онъ сходитъ съ коня и привязываетъ его къ золоченому кольцу. Отсюда онъ направляется во гридню во столовую. Онъ кладетъ крестъ по писанному, поклонъ ведетъ по ученому. Въ это время возвращается во дворецъ съ обѣдни Владимиръ. Илья и Владимиръ привѣтствуютъ другъ друга. Спрашиваетъ Владимиръ Илью, кто онъ такой и откуда. Илья сообщаетъ, что онъ—изъ города Мурома, а зовутъ его Ильей. Приглашаетъ Владимиръ Илью за столъ сѣсть, хлѣба кушати, бѣлы лебеди рушати. Поднялся разговоръ. Илья разсказалъ о своемъ выѣздѣ изъ дому и о приключеніяхъ. Не повѣрилъ ему Владимиръ и заподозрилъ его во лжи и пьянствѣ. Тогда Илья сообщаетъ, что онъ привезъ Соловья съ собой, и что онъ привязанъ къ сѣдлу его коня. Князь со своими приближенными бросился во дворъ. Увидѣвъ Соловья, онъ потребовалъ, чтобы онъ закри-

---

[1]) По другимъ былинамъ, самъ Соловей уговариваетъ своихъ зятевьевъ, выбѣжавшихъ съ рогатинами звѣринымн противъ Ильи, бросить ихъ, угостить Илью и одарить его.

чалъ по звѣриному и засвисталъ по соловьиному. Соловей отказался на томъ основаніи, что онъ не у князя ѣстъ-пьетъ, и потому нечего ему и слушать его. Тогда Владимиръ обращается къ Ильѣ съ просьбой заставить Соловья исполнить его желаніе. Илья потребовалъ сначала, чтобы Соловью дали чашу зелена вина въ полтора ведра. Соловей выпилъ чашу за единый вздохъ. Ему приподнесли подрядъ еще двѣ чаши, которыя онъ съ такой же быстротой проглотилъ. Илья велѣлъ Соловью засвистать въ полъ-свиста и закричать въ полъ-крика. Соловей изо всѣхъ силъ закричалъ по звѣриному и засвисталъ по соловьиному. Князья и бояре всѣ попадали, лежатъ, какъ мертвые, а Владимръ поползъ на четверенькахъ. Взмолился Владимиръ Ильѣ: „Уйми Соловья-разбойника, чтобы онъ не свисталъ по соловьиному! Оставь мнѣ бояръ хоть на сѣмена!“ Илья выѣзжаетъ съ Соловьемъ въ чисто поле и срубаетъ ему голову, приговаривая: „Полно-тко тебѣ слезить отцовъ, матерей, полно-тко вдовить женъ молодыхъ, полно спущать, сиротать малыхъ дѣтушекъ“.

Соловей-разбойникъ выступаетъ въ былинахъ съ чертами, заставляющими видѣть въ немъ одного изъ богатырей-великановъ. Его свистъ соловьиный, шипѣніе змѣиное и рявканье звѣриное губительно дѣйствуютъ на природу и на людей: темные лѣса приклоняются, и люди падаютъ мертвыми; даже конь Ильи палъ на колѣни отъ свиста Соловья. Другая черта Соловья-разбойника состоитъ въ томъ, что онъ — волшебникъ и обладаетъ волшебнымъ перстнемъ. По одной былинѣ, дочь князя Владимира, увидя на рукѣ Соловья золотой перстень, ухватилась за него; въ тотъ же мигъ она лишилась одного пальца. Въ другой былинѣ дочь Соловья называется волшебницей. Кромѣ этихъ двухъ чертъ Соловью нѣкоторыя былины приписываютъ черты птичьи: Соловей называется птицей рахманной; Илья стрѣлой подшибаетъ его правое крыло; у Соловья есть гнѣздо на семи или больше дубахъ. Эти черты, а также способность Соловья къ соловьиному свисту, змѣиному шипу и звѣриному рявканью намекаютъ на оборотничество Соловья, на его способность принимать черты птицъ и животныхъ путемъ подражанія ихъ свойствамъ. Поэтому можно думать, что образъ Соловья сложился въ ту эпоху, когда царили еще первобытныя отношенія къ природѣ и княжеско-дружинная Русь едва только стала налаживаться.

Образъ Соловья, существующій въ современныхъ былинахъ, отличается отъ своего древняго прототипа, какъ это видно изъ сравненія нынѣшнихъ былинъ другъ съ другомъ и съ былинами въ старой передачѣ ихъ. Отношенія между Ильей, Соловьемъ и Владимиромъ изображались въ иномъ нѣсколько освѣщеніи, чѣмъ въ большей части нынѣшнихъ былинъ, причемъ, повидимому, старыя былины не знали казни Соловья Ильей. Отголоски древняго освѣщенія сохранились до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ варіантахъ былинъ. Такъ, по одной былинѣ, Илья сажаетъ Соловья рядомъ съ собой за столъ у князя Владимира. По другой былинѣ, Илья, везущій Соловья въ Кіевъ, подъѣхалъ по пути къ городу Крякову, который былъ осажденъ врагами. Илья попросилъ Соловья помочь ему „выручить Кряковъ изъ неволюшки“. Соловей согласился. Поѣхалъ Илья по правую руку, а Соловей по лѣвую. Подъ Кряковомъ оба „добрыхъ молодца“ выбили силу. Затѣмъ Илья снова „прищурупливаетъ“ Соловья къ булатному стремени и везетъ его далѣе въ Кіевъ. Съ этимъ эпизодомъ гармонируетъ и дальнѣйшее отношеніе Ильи къ Соловью. Такъ, на пиру у князя Владимира Илья въ разгаръ веселья вспоминаетъ о Соловьѣ и его печальномъ положеніи и предлагаетъ Владимиру угостить Соловья чашей зелена вина въ полтора ведра, другой чашей пива пьянаго, а третьей чашей меду сладкаго и дать ему закусить калачикомъ крупичатымъ. По одной былинѣ Соловей даже не погибаетъ: Илья беретъ съ Соловья великую „роту“ (клятву) „не сидѣть на семи дубахъ“ и отпускаетъ его на волю.

Что Соловей-разбойникъ въ древнихъ былинахъ представлялся съ иными нѣсколько чертами, чѣмъ впослѣдствіи, доказывается письмомъ Филона Кмита Чернобыльскаго къ Остафію Воловичу, кастеляну Троцкому (§ 296). Кмита занималъ въ Литовскомъ княжествѣ должность старосты въ пограничномъ городѣ Оршѣ. Обязанности его были очень хлопотливы: онъ долженъ былъ черезъ лазутчиковъ разузнавать о предпріятіяхъ Москвы, доносить о нихъ королю и быть наготовѣ всегда отразить нападеніе врага. Въ своемъ письмѣ Кмита жалуется на свое печальное положеніе, на холодъ и голодъ, который онъ терпитъ отъ недостатка провизіи, вслѣдствіе невниманія къ нему короля. Кмита припоминаетъ эпизодъ изъ княжеско-дружиннаго эпоса объ Ильѣ Муромцѣ и примѣняетъ

его къ своему собственному положенію: подобно тому, какъ у Владимира явилась надобность въ силахъ Ильи Муравленина и Соловья Будимировича, такъ наступитъ моментъ, когда королю понадобятся и его силы. Упоминаемый Кмитой, рядомъ съ Ильей Муромцемъ, Соловей Будимировичъ—не тотъ, который извѣстенъ намъ по современнымъ былинамъ (кн. 2-ая, §§ 65—66), а Соловей-разбойникъ. Доказательствомъ этому служитъ прежде всего то, что приравниваніе Кмитой нынѣшняго Соловья Будимировича, заѣзжаго жениха, къ Ильѣ Муромцу не имѣло бы смысла. Съ другой стороны, въ одной изъ старыхъ записей былинъ Соловей-разбойникъ называется Мировичемъ, а въ другой записи онъ называется прямо Будимировичемъ. Такимъ образомъ, въ XVI—XVII вв. Соловей-разбойникъ носитъ отчество Будимировичъ, перенесенное потомъ на заѣзжаго богатыря-жениха. Въ старыхъ запискхъ не говорится о смерти Соловья-разбойника отъ руки Ильи, не говорится и о томъ, чтобы свистъ Соловья оказалъ губительное вліяніе на свиту Владимира. Илья, сваливъ Соловья съ дуба, собирался, по старымъ записямъ, вырѣзать у него сердце; но Соловей проситъ Илью отпустить ему душу на покаяніе. На основаніи всего этого можно вывести, что Кмита Чернобыльскій, сопоставляя Илью Муромца съ Соловьемъ Будимировичемъ, представлялъ себѣ Соловья-разбойника Будимировича въ иныхъ нѣсколько очертаніяхъ, нежели онъ изображается въ большинствѣ современныхъ былинъ. Повидимому, Кмита зналъ изъ взаимныхъ отношеній Ильи и Соловья-разбойника эпизодъ, подобный тому, который изображается нѣкоторыми былинами подъ городомъ Кряковомъ. Замѣчательно также, что Соловей-разбойникъ Будимировичъ не представлялся Кмитѣ ни разбойникомъ, ни чудовищной птицей. Эти черты Соловья-разбойника, повидимому,—позднѣйшаго происхожденія.

Въ основѣ образа Соловья-разбойника, вѣроятно, лежатъ черты дѣйствительно существовавшей личности. Въ лѣтописяхъ имѣется слѣдующее преданіе о разбойникѣ Могутѣ, жившемъ въ эпоху князя Владимира: „Изымаша хитростію нѣкоего разбойника, нарицаемаго Могута, и егда ста предъ Владимеромъ, воскрича зѣло и многы слезы испущая изъ очію, еще глаголя: поручника ти по себѣ даю, о Владимере, Господа Бога и Пречистую Его Матерь Богородицу, яко отнынѣ никакого же не сотворю зла предъ Богомъ и предъ человѣки, но да будутъ въ покая-

ніи вся дни живота моего. Слышавъ же сіе, Владимеръ умилися душою и сердцемъ и посла его ко отцу своему митрополиту Ивану, да пребываетъ, никогда же исходя изъ дому его. Могутъ же, заповѣдь храня, никако же исхожаше изъ дому митрополича и крѣпкимъ и жестокимъ житіемъ живше, и умиленіе и смиреніе много показа, и, провидѣвъ свою смерть, съ миромъ почи о Господи". Если откинуть житійный стиль, въ которомъ облечено это преданіе, то окажется, что оно имѣетъ нѣкоторую связь съ былинами о Соловьѣ-разбойникѣ, особенно старой записи. Могутъ захваченъ хитростью—Соловей-разбойникъ захваченъ благодаря особеннымъ дарованіямъ Ильи Муромца; Могутъ привезенъ къ Владимиру живьемъ — Соловей-разбойникъ то-же самое; Могутъ вскричалъ „зѣло" передъ Владимиромъ — Соловей-разбойникъ засвисталъ передъ нимъ; Могутъ раскаялся и обѣщалъ измѣнить свою жизнь; по старымъ записямъ былинъ, Соловей-разбойникъ также раскаивается, а по одной изъ современныхъ былинъ помогаетъ Ильѣ освободить городъ отъ непріятельской силы.

Соловей-разбойникъ—образъ богатыря, представителя племени, съ которымъ кіевскимъ князьямъ приходилось вести упорную борьбу. Если принять во вниманіе, что Соловей-разбойникъ залегъ на прямоѣзжей короткой дорогѣ изъ Суздальскаго края въ Кіевъ (§ 167) проходившей черезъ территорію, покрытую густыми лѣсами, обширными болотами, то придется предположить, что Соловей—образъ богатыря изъ племени вятичей или изъ финскихъ племенъ, жившихъ тутъ же. Лѣтопись отмѣчаетъ рядъ походовъ кіевскихъ князей на вятичей. Подъ годами 956—964 разсказывается, что Святославъ совершилъ походъ къ Окѣ и Волгѣ и наткнулся на вятичей, отъ которыхъ узналъ, что они платятъ дань хазарамъ. Подъ 966 г. сообщается о томъ, что Святославъ побѣдилъ вятичей и обложилъ ихъ данью. Въ 981 г. противъ вятичей предпринимаетъ побѣдоносный походъ Владимиръ. Въ 982 г. „заратишася" вятичи; Владимиръ снова пошелъ на нихъ и опять нанесъ имъ пораженіе. Такого рода столкновенія, вѣроятно, далеко не всѣ отмѣченныя лѣтописью, должны были породить образъ вятичскаго богатыря, живущаго въ глухихъ лѣсахъ. Основные промыслы вятичей были лѣсные — звѣроловство, птицеловство и бортничество. Послѣдній промыселъ, бортничество, связанъ былъ съ лазаніемъ по деревьямъ: борти (улья) устраивались въ верхнихъ частяхъ де-

ревьевъ. По всей вѣроятности, такой именно богатырь-бортникъ изъ племени вятичей или финновъ и изображенъ въ лицѣ Соловья-разбойника; поэтому Соловей и представленъ живущимъ на деревьяхъ. Что касается его имени — Соловей, то оно можетъ быть объяснено обычаемъ, существовавшимъ и теперь существующимъ у дикихъ народовъ давать своимъ дѣтямъ имена птицъ, звѣрей и т. д. Въ одномъ книжномъ сказаніи Соловей-разбойникъ считается мордвиновъ; рядомъ съ нимъ дѣйствуютъ богатырь Скворецъ и чародѣй Дятелъ. Древность образа Соловья доказывается, помимо всего вышеизложеннаго, также и слѣдующимъ эпизодомъ изъ былинъ о немъ. Въ одной былинѣ Илья поражается сходствомъ лицъ дѣтей Соловья и спрашиваетъ у Соловья о причинѣ этого. Соловей отвѣчаетъ: „Я сына то вырощу — за него дочь отдамъ, дочь то вырощу — отдамъ за сына, чтобы Соловейкинъ родъ не переводился“. Ильѣ Муромцу это „за досаду показалося“, и онъ прирубилъ весь нечистый родъ Соловья. Въ этомъ эпизодѣ нельзя не видѣть отголосковъ коммунистическихъ отношеній, очевидно, сохранившихся среди вятичей и финновъ и къ тому времени, когда у кіевлянъ возникли новыя формы брака. Соловей, являясь образомъ богатыря-вятича или финна, впослѣдствіи превратился въ устахъ пѣвцовъ, забывшихъ о древнихъ отношеніяхъ между различными племенами, въ разбойника, заложившаго прямоѣзжую дорогу; но первоначально, какъ видно изъ письма Кмиты Чернобыльскаго, Соловей не представлялся разбойникомъ.

Эпизодъ съ Соловьемъ-разбойникомъ напоминаетъ столкновеніе Тетлейфа съ великаномъ Зигурдомъ. Простившись съ родителями, Тетлейфъ отправился въ путь-дорогу и углубился въ лѣсъ. Въ лѣсу онъ наткнулся на замокъ Зигурда, отличавшійся великолѣпнымъ убранствомъ. Тетлейфъ затрубилъ въ рогъ. Немедленно появился великанъ верхомъ на слонѣ. На вопросъ великана, кто онъ такой, Тетлейфъ назвалъ себя вымышленнымъ именемъ. Но великанъ догадался, что это — Тетлейфъ. Великанъ вступаетъ съ Тетлейфомъ въ бой, продолжавшійся до вечера. Великанъ получаетъ рану, проситъ Тетлейфа отложить продолженіе боя до слѣдующаго дня, въ надеждѣ одолѣть своего противника съ помощью чудеснаго камня, и приглашаетъ его къ себѣ въ замокъ на ночлегъ. Обоихъ богатырей встрѣчаютъ жена и дочь Зигурда. Дочь,

великанша, догадавшись, что между отцомъ и неизвѣстнымъ богатыромъ былъ бой и что отецъ потерпѣлъ неудачу, схватываетъ Тетлейфа обѣими руками, валитъ его на землю и такъ сильно ударяетъ его кулакомъ по шеѣ, что Тетлейфу показалось, будто у него сломалась шея. Тетлейфъ скоро оправился и такъ сдавилъ руки великанши, что изъ глазъ ея полились слезы, а изъ подъ ногтей—кровь. Дочь Зигурда вскрикнула и стала умолять о пощадѣ. Тетлейфъ щадитъ ее. За ужиномъ прислуживала дочь Зигурда. Она влюбляется въ Тетлейфа. На другой день бой съ Зигурдомъ возобновляется, и Тетлейфъ при помощи богатырши побѣждаетъ своего противника.

329. Три поѣздки Ильи Муромца. Въ нѣкоторой связи съ первымъ выѣздомъ Ильи изъ дому, находится сюжетъ о трехъ поѣздкахъ Ильи. Этотъ сюжетъ распадается на три эпизода: 1) въ первомъ разсказывается о встрѣчѣ Ильи съ разбойниками; 2) во второмъ—о встрѣчѣ Ильи съ королевичной и 3) въ третьемъ—о нахожденіи Ильей клада.

Илья подъѣзжаетъ къ горючему камню, отъ котораго вели три розстани, три дороженьки. На камнѣ была надпись: „Что въ одну дороженьку ѣхать—убиту быть, въ другую ѣхать—женату быть, а въ третью ѣхать—богату быть“. Задумался Илья надъ надписью и рѣшилъ поѣхать по той дорогѣ, на которой ожидала его смерть.

1) Встрѣча съ разбойниками. Ѣхалъ Илья три часа и проѣхалъ триста верстъ. Подъѣхалъ Илья къ высокимъ горамъ. Съ горъ стали выскакивать на Илью разбойнички. Наскакало ихъ сорокъ тысячъ и стали пощелкивать удалого Илью казака. Илья сталъ выговаривать разбойникамъ, что у него нѣтъ ни несчетной золотой казны, ни прекрасной молодой жены, ни платья цвѣтного; есть у него только добрый конь въ триста рублей, „приправы“ на конѣ въ пятьсотъ рублей, да на себѣ богатырской „приправы“ въ цѣлую тысячу рублей. Илья выдернулъ желѣзную палицу въ сто девяносто пудъ (или шлемъ), началъ „пощалкивать“ разбойниковъ и прибилъ всѣхъ сорокъ тысячъ разбойниковъ. Возвращается Илья назадъ къ горючему камню и подновляетъ надпись: „Въ ту дорожку ѣздилъ—убитъ не былъ“.

2) Встрѣча съ королевичной. Илья ѣдетъ по дорогѣ, на которой ему предстоитъ женитьба. Въ три часа Илья проѣхалъ триста верстъ и очутился на чистыхъ поляхъ, на зеленыхъ

лугахъ. На поляхъ стоятъ палаты бѣлокаменныя: городомъ назвать ихъ—малы для этого, селомъ назвать—велики. Въѣзжаетъ Илья на широкій дворъ. Изъ палатъ выходитъ прекрасная королевична, беретъ его за руки бѣлыя, цѣлуетъ въ уста сахарныя, ведетъ въ палаты и сажаетъ за столы дубовые. Угостивъ Илью, королевична приглашаетъ Илью лечь спать на „кроватку омансливу“. Кровать эта была съ секретомъ: если кто-нибудь ложился на кровать, кровать опрокидывалась, и добрый молодецъ падалъ въ погребъ, глубиною въ сорокъ саженъ. Такихъ добрыхъ молодцевъ, рыцарей и сильныхъ могучихъ богатырей въ погребъ попало уже триста. Коварная колдунья, имѣвшая видъ прекрасной королевичны, хотѣла такимъ же образомъ погубить и Илью. Но Илья чуялъ коварство. Онъ потребовалъ, чтобы королевична первая легла на кровать. Замѣтивъ ея колебаніе, Илья схватываетъ ее и бросаетъ на кровать: кровать опрокинулась, и королевична полетѣла въ погребъ. Беретъ Илья золотые ключи, отпираетъ погреба глубокіе, выпускаетъ много удалыхъ добрыхъ молодцевъ, роздалъ имъ богатства королевичны. Выводитъ изъ погреба и королевичну, убиваетъ ее, а палаты ея предаетъ огню. Илья возвращается назадъ къ камню и подновляетъ надпись: „Въ ту дорожку ѣздилъ—женатъ не былъ“.

3) Нахожденіе клада. Ѣдетъ Илья по третьей дорогѣ. Проѣхавъ въ три часа триста верстъ, Илья попалъ на чистыя поля, въ которыхъ были выкопаны глубокіе погреба. Въ погребахъ насыпано было много краснаго золота, чистаго серебра и мелко-скатнаго жемчуга. Илья говоритъ самому себѣ: „Куда мнѣ удалому съ имѣньицемъ, со многой несчетной золотой казной?“ Илья на эти богатства построилъ на поляхъ монастыри богомольные, церкви соборныя, повелъ тутъ церковное пѣніе, звоны колокольные. „Чье было имѣніе, за того пускай идетъ!“ сказалъ Илья и поворотилъ назадъ къ горючему камню. Онъ подновляетъ надпись на камнѣ: „Какъ въ тую дорожку ѣздилъ—богатъ не былъ“.

„Три поѣздки“ Ильи представлены въ нѣкоторыхъ былинахъ завершеніемъ подвиговъ Ильи, послѣ которыхъ этотъ богатырь умираетъ. Вѣроятнѣе однако, что сюжетъ „Три поѣздки“ выдѣленъ былъ изъ приключеній Ильи въ его первый выѣздъ, причемъ эти три поѣздки имѣли значеніе первой пробы силъ Ильи. Нѣкоторые эпизоды, излагаемые въ немъ, какъ, напр.,

встрѣча съ разбойниками, напоминаетъ встрѣчу со станичниками. Похожденіе съ королевичной принадлежитъ къ очень распространеннымъ сказочнымъ мотивамъ. Въ кавказскихъ сказкахъ изображается царица Тамара, которая заманивала молодыхъ витязей въ свой дворецъ и ночью сбрасывала ихъ въ Терекъ. Въ сборникѣ нѣмецкихъ пѣсенъ Миттлера повѣствуется, между прочимъ, о королевѣ, которая заманивала къ себѣ проѣзжихъ юношей и клала ихъ на доску, проваливавшуюся подъ ними. Этотъ эпизодъ, повидимому, выдѣлился изъ приключенія Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ, именно, изъ тѣхъ былинъ, въ которыхъ сохранились отголоски враждебнаго столкновенія Ильи съ коварной дѣвицей, дочерью Соловья-разбойника, собиравшейся убить Илью исподтишка подворотней. Что касается третьяго эпизода, нахожденія клада, то онъ созданъ подъ вліяніемъ любимаго эпическаго числа три.

Изображая первую пробу силъ Ильи, былина „Три поѣздки“ образно выражаетъ идею о томъ, что дѣятельность Ильи не подчинялась судьбѣ, имѣющей власть надъ обыкновенными людьми.

330. Ссора Ильи съ Владимиромъ. Побѣда надъ Соловьемъ-разбойникомъ доставила Ильѣ славу выдающагося русскаго богатыря. Владиміръ пригласилъ его остаться въ Кіевѣ: „А живи-тко ты у насъ во Кіевѣ, а отнынѣ ты живи вѣкъ по вѣку“. Илья вошелъ въ кругъ кіевскихъ богатырей, изъ которыхъ наиболѣе выдающимися были Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ. Повидимому, кіевскіе богатыри въ началѣ неохотно допустили въ свою среду Илью. Въ нѣкоторыхъ былинахъ сообщается, что, когда Илья сидѣлъ за столомъ у Владимира въ первый разъ, Алеша неожиданно пустилъ въ него ножомъ. Но затѣмъ недоброжелательство къ Ильѣ улеглось. По одной сказкѣ, Илья, вскорѣ послѣ пріѣзда въ Кіевъ съ Соловьемъ, побратался съ Добрыней Никитичемъ: оба осѣдлали своихъ коней и поѣхали въ чисто поле гулять; они ѣздили три мѣсяца, но не нашли себѣ „сопротивника“. Въ другихъ сказкахъ объ Ильѣ сообщается, что Илья не только побратался съ Добрыней, но и съ Алешей Поповичемъ жилъ дружно. По одной былинѣ, всѣ русскіе богатыри признали первенство за Ильей: „Будь же ты намъ, старой казакъ Илья Муромецъ, будь же ты намъ да вѣдь большій братъ! Держимъ мы на тебя надежду великую, будь-ко ты граду Кіеву у насъ да защитникомъ“!

Не смотря на всеобщее признаніе за Ильей первенства въ рядахъ кіевскихъ богатырей, Владимиръ не цѣнилъ, какъ слѣдуетъ, своего главнаго защитника. На этой почвѣ возникали между Ильей и Владимиромъ столкновенія.

Однажды Владимиръ устроилъ у себя „почестенъ“ пиръ для князей, бояръ, русскихъ богатырей и поленицъ удалыхъ. Забылъ Владимиръ пригласить только Илью Муромца. Ильѣ это „зазорно“ стало. Натянулъ онъ тугой лукъ, положилъ стрѣлочку каленую и „стрѣлилъ по Божіимъ церквамъ, по чуднымъ крестамъ, по маковкамъ золоченымъ“. Закричалъ Илья зычнымъ голосомъ: „Ахъ, вы, голь кабацкая, доброхоты царскіе! Ступайте пить со мной за одно зелена вина, обирать то маковки золоченыя“. Тутъ всѣ пьяницы бѣгутъ, прискакиваютъ и радуются. Собрали пьяницы маковки золоченыя, продаютъ ихъ и покупаютъ въ кабакѣ зелена вина. Увидѣлъ Владимиръ стольно-кіевскій, что пришла бѣда неминучая, и устроилъ второй „почестенъ“ пиръ для Ильи Муромца. Задумался князь со своими приближенными, кого бы послать къ Ильѣ посредникомъ. Рѣшено было послать Добрыню Никитича, потому что Добрыня съ Ильей были крестовыми братьями: между ними кладена была заповѣдь великая, подписи были подписаны— слушать большему брату меньшаго, а меньшему брату большаго. Добрыня приходитъ къ Ильѣ и передаетъ ему приглашеніе Владимира, причемъ и самъ это приглашеніе поддерживаетъ. Илья уступаетъ Добрынѣ и отправляется съ нимъ къ Владимиру во гридню во столовую. Ильѣ даютъ за столомъ мѣсто большее и преподносятъ ему чару зелена вина и чару меду пьянаго. Говоритъ Илья Владимиру: „Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевскій! Зналъ, кого послать меня позвать! Кабы не братецъ крестовый названный, никого я не послухалъ бы. А было намѣреніе наряжено: натянуть тугой лукъ разрывчатый, а класть стрѣлочка каленая, стрѣлить во гридню во столовую, убить тебя, князя Владимира, со стольною княгинею съ Опраксіей. А нонѣ тебя Богъ проститъ за этую за вину за великую!“

331. Илья Муромецъ и Калинъ-царь. У князя Владимира— „почестенъ“ пиръ для князей и бояръ. Не пригласилъ Владиміръ на пиръ своихъ могучихъ богатырей, но Илья Муромецъ является на незванный пиръ. Владиміръ разсердился на Илью и велѣлъ своимъ слугамъ посадить Илью во глубокъ

погребъ (въ тюрьму), задернуть его рѣшетками желѣзными, завалить чащей, хрящемъ-камнемъ и уморить голодною смертью [1]). Разсердились на князя за этотъ поступокъ съ Ильей могучіе русскіе богатыри, сѣли на коней и уѣхали въ чистое поле, рѣшивши не жить больше въ Кіевѣ и не служить Владимиру.

Проходитъ три года. Къ Кіеву подступаетъ татарская сила съ Калиномъ-царемъ (по другимъ варіантамъ — съ Мамаемъ, Батыгомъ Батыговичемъ). Сила татарская облегла Кіевъ на сто верстъ. Отъ пару конинаго померкли мѣсяцъ и солнце, не видно стало луча бѣлаго: отъ духу татарскаго невозможно стало жить крещенымъ людямъ. Собака Калинъ-царь пишетъ Владимиру ярлыки скорописчаты и посылаетъ ихъ съ рослымъ татариномъ; ростъ—его въ три сажени, голова его—съ пивной котелъ въ сорокъ ведеръ, промежъ плечами—косая сажень. Пріѣзжаетъ татарскій посолъ во дворецъ княжескій, вбѣгаетъ въ свѣтлую гридню. Онъ не молится Спасову образу, Владимиру князю не кланяется и бросаетъ ярлыки на круглый столъ передъ Владимиромъ. Владиміръ читаетъ ярлыки и узнаетъ, что Калинъ-царь требуетъ немедленной сдачи Кіева безъ драки великія, безъ кроволитія напраснаго; Владиміръ долженъ всѣ улицы стрѣлецкія, дворы княженецкіе очистить и разставить вездѣ хмельныхъ напиточковъ, чтобы стояли бочка о бочку, чтобы было у чего стоять Калину-царю съ его великими войсками въ городѣ Кіевѣ. Опечалился Владиміръ. Богатырей въ Кіевѣ не было, а Илья—давно уже въ погребѣ и, вѣроятно, погибъ голодной смертью. Видитъ Владиміръ, что необходимо подчиниться и исполнить требованія Калина. Пишетъ Владиміръ отвѣтъ Калину и проситъ у него сроку три года, три мѣсяца и три дня, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ Калина. Калинъ соглашается.

Проходитъ назначенный срокъ. Опять является Калинъ. Владиміръ снова опечаленъ. Въ это время подходитъ къ Владимиру его жена (по другимъ былинамъ — любимая дочь) и совѣтуетъ ему вывести Илью изъ погреба, увѣряя его, что Илья — живъ. Владиміръ беретъ золотые ключи, отмыкаетъ

---

[1]) По другимъ былинамъ, Владиміръ засадилъ Илью въ погребъ за то, что Илья, получившій отъ Владимира вмѣсто чистаго серебра, краснаго золота и скатнаго жемчуга, розданнаго уже боярамъ, шубу соболиную, бросилъ ее о кирпичатъ полъ.

погреба холодные, растворяетъ рѣшетки желѣзныя. Видитъ— Илья сидитъ живой и нисколько не состарился: есть у него перинушки, подушечки пуховыя, одѣяла теплыя, ѣствушка хорошая и одежда смѣнная: княгиня (или дочь) тайкомъ всѣ три года кормила-поила и поддерживала Илью. Обрадованный князь проситъ у Ильи прощенія, выводитъ его изъ погреба, приводитъ въ свою палату бѣлокаменную и угощаетъ его. За столомъ Владиміръ сообщаетъ о несчастіи, постигшемъ Кіевъ, и проситъ его постоять за вѣру, за отечество, за славный Кіевъградъ, за матушки Божьи церкви, за князя Владимира, за Опраксу королевичну. Илья соглашается защитить Владимира. Онъ отправляется прежде всего къ своей палатѣ бѣлокаменной, вызываетъ своего паробка любимаго и съ нимъ заходитъ на конюшню посмотрѣть на своего коня богатырскаго. Оказалось, что въ отсутствіе Ильи вѣрный паробокъ хорошо держалъ коня. Илья благодаритъ своего вѣрнаго слугу, сѣдлаетъ коня, беретъ оружіе— доспѣхи богатырскіе, палицу булатную, саблю вострую, копье боржамецкое, шалыгу подорожную. Выѣхалъ Илья изъ Кіева въ чистое поле, оглянулся на силы татарскія и видитъ— „нагнано-то силы много множество, какъ отъ покрику отъ человѣческаго, какъ отъ ржанья лошадинаго унываетъ сердце человѣческое“. Поднялся Илья на гору высокую, посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны и не могъ насмотрѣть конца-краю татарской силы. Поднялся Илья на другую гору и посмотрѣлъ на восточную сторону. Тамъ увидѣлъ онъ бѣлые шатры, а у нихъ стояли русскіе богатырскіе кони. Идетъ Илья къ этимъ шатрамъ. Подъѣхавъ къ нимъ, Илья слѣзаетъ съ коня, входитъ въ шатеръ и видитъ двѣнадцать святорусскихъ богатырей, а между ними своего крестнаго батюшку — Самсона Самойловича. Илья разсказываетъ имъ о нашествіи Калина и проситъ ихъ присоединиться къ нему и пойти на Калина. Богатыри отказываются биться за Владимира. Тогда Илья рѣшается одинъ побиться съ татарами. Онъ садится на коня и напускается на татаръ. Сталъ Илья татарскую силу конемъ топтать, копьемъ колоть. Въ пылу битвы конь заговорилъ человѣческимъ языкомъ; онъ говоритъ Ильѣ, что у Калина— много силы, много могучихъ богатырей и удалыхъ поленицъ, и предсказываетъ Ильѣ, что ему не побить этой великой силы. Конь открываетъ Ильѣ, что Калинъ сдѣлалъ въ чистомъ полѣ три глубокихъ подкопа; во время битвы Илья будетъ падать

въ эти подкопы; изъ первыхъ двухъ конь вынесетъ Илью, а изъ третьяго не вынесетъ, и останется Илья тамъ. Разсердился Илья на коня, ударилъ его по крутымъ бедрамъ и снова бросился на татарскую силу. Предсказаніе коня исполняется: когда конь выскочилъ изъ третьяго подкопа, Илья не удержался на конѣ и остался въ подкопѣ. Подъѣхали къ Ильѣ татары, связали его по рукамъ и ногамъ и привели къ Калину. Калинъ сказалъ Ильѣ: „Ай ты, старый казакъ, да Илья Муромецъ! Молодой щенокъ да напустилъ на силу на великую; тебѣ гдѣ-то одному побить моя сила великая!“ Калинъ велѣлъ развязать Ильѣ руки и ноги, пригласилъ сѣсть за столъ и предложилъ ему бросить службу у Владимира и перейти къ нему. Илья отказываетъ ѣсть-пить у Калина и заявляетъ, что останется вѣрнымъ Владимиру. Съ этими словами Илья выходитъ изъ палатки Калина въ чистое поле. Татары бросились за нимъ. Нѣтъ у Ильи никакихъ доспѣховъ. Тогда Илья схватываетъ за ноги перваго попавшагося татарина и начинаетъ имъ помахивать, какъ дубиной, по силѣ татарской. Илья прочистилъ себѣ дорогу черезъ силу татарскую и выскочилъ въ открытое мѣсто.

Засвисталъ Илья въ свистокъ богатырскій, и на свистъ прискакалъ его конь. Сѣлъ онъ на своего коня и отправился посмотрѣть съ горы на восточную сторону; видитъ, у бѣлыхъ шатровъ все еще стоятъ кони богатырскіе. Илья слѣзаетъ съ коня, беретъ лукъ, натягиваетъ тетивочку шелковеньку, кладетъ стрѣлочку каленую и пускаетъ ее въ бѣлый шатеръ съ такими словами: „А лети-тко, стрѣлочка, во бѣлъ шатеръ, да сыми-тко крышу со бѣла шатра, да пади-тко, стрѣлка, на бѣлы груди къ моему ко батюшкѣ ко крестному и проголзни-тко (проскользни) по груди то по бѣлыи, сдѣлай-ко ты сцапину да невеликую. Онъ и спитъ тамъ, прохлаждается, а мнѣ здѣсь-то одному да мало можется“. Стрѣла свистнула, сняла крышу съ бѣлаго шатра и проскользнула по груди Самсона Самойловича и сдѣлала маленькую царапину. Догадался Самсонъ Самойловичъ, что стрѣла — нелюбимый подарочекъ отъ крестника, и разбудилъ богатырей. Вскочили всѣ двѣнадцать богатырей на коней и поскакали къ Кіеву. Къ нимъ присоединяется по дорогѣ Илья. Припустили богатыри коней своихъ на силу татарскую, стали бить ее и топтать. Калинъ-царь былъ схваченъ живьемъ и привезенъ богатырями въ

Кіевъ къ Владимиру. Калинъ проситъ пощадить его жизнь и обѣщаетъ дать записи великія, что онъ будетъ „вѣкъ и по вѣку“ платить дань князю Владимиру.

Въ этой былинѣ сплелись отголоски событій и очень древнихъ и позднѣйшихъ. Въ основу этой былины, повидимому, легли военныя столкновенія между Кіевомъ и кочевниками.

Преданіе объ одномъ изъ такихъ столкновеній („Подвигъ отрока и воевода Претичъ“) изложено выше (§ 206). Сюжетъ этого преданія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень сходенъ съ сюжетомъ былины о Калинѣ-царѣ. *Во-первыхъ*, и тамъ и здѣсь изображается осада Кіева несмѣтной силой поганой; *во-вторыхъ*, и тамъ и здѣсь Кіевъ застигается врасплохъ: военная сила Кіева находится далеко отъ него, *въ-третьихъ*, и тамъ и здѣсь Кіевъ избавляется отъ грозящей опасности, сначала на время, хитростью (по лѣтописному преданію, благодаря рѣшимости Претича, а по былинѣ, благодаря отсрочкѣ, выхлопотанной Владимиромъ), а затѣмъ совершенно, благодаря появленію защитниковъ и охранителей Кіева — Святослава съ войскомъ, Ильи Муромца съ двѣнадцатью богатырями.

Не только военныя столкновенія съ кочевниками въ эпоху княжеско-дружинной Руси отразились на выработкѣ сюжета о Калинѣ-царѣ, но и военныя столкновенія между русскими князьями. Въ лѣтописныхъ преданіяхъ о переяславльскомъ богатырѣ разсказывается, между прочимъ, слѣдующее. Князь Глѣбъ Юрьевичъ († 1171) отправился въ походъ противъ Мстислава Изяславича († 1170) къ Переяславлю. Стража переяславльская, провѣдавъ о приближеніи Глѣба, доложила объ этомъ своему князю, который въ это время спалъ. Дѣло было подъ утро. Князь вскочилъ и распорядился немедленно собрать войска, а самъ поспѣшно пошелъ къ богатырю Демьяну Куденевичу и сказалъ ему: „Нынѣ, о человѣче Божій, время Божьей помощи и Пречистыя Богородицы и твоего мужества и крѣпости“. Демьянъ Куденевичъ тотчасъ сѣлъ на коня, взялъ съ собою слугу своего Тараса и пять отроковъ очень младыхъ. Демьянъ Куденевичъ со слугою яро напалъ на войско Глѣба Юрьевича и многихъ „нещадно“ перебилъ. Князь Глѣбъ Юрьевичъ ужаснулся побоищу и бросился бѣжать, а къ Демьяну Куденевичу отправилъ посла со словами: „на любовь и на миръ пріидохъ, а не на рать!“ Демьянъ со своимъ слугою

Тарасомъ возвратился въ Переяславль „и многу честь прія отъ господина своего великаго князя Мстислава Изяславича“.

Былины о Калинѣ сходны съ преданіемъ о Демьянѣ Куденевичѣ въ слѣдующихъ основныхъ пунктахъ: *во-первыхъ*, при нападеніи Калина на Кіевъ у Владимира не было богатырей—при нападеніи Глѣба на Переяславль у Мстислава не было войска; *во-вторыхъ*, Владиміръ обращается съ просьбой о спасеніи къ Ильѣ Муромцу—Мстиславъ съ такой же просьбой обращается къ Демьяну Куденевичу; *въ-третьихъ*, у Ильи Муромца есть вѣрный паробокъ любимый, ухаживающій за его конемъ — у Демьяна Куденевича есть слуга Тарасъ; *въ-четвертыхъ*, Илья одинъ бросается на татарское войско и производитъ страшное опустошеніе—то же самое дѣлаетъ Демьянъ Куденевичъ; *въ-пятыхъ*, Калинъ-царь обѣщаетъ вѣчно платить дань Владиміру — Глѣбъ заявляетъ, что онъ явился не на рать, а на миръ.

Но на былинѣ о Калинѣ-царѣ отразились и сказанія о позднѣйшихъ событіяхъ изъ русской исторіи, главнымъ образомъ, о нашествіи татаръ и о первой побѣдѣ надъ ними на Куликовомъ полѣ. Первая неудача Ильи въ борьбѣ съ татарами отражаетъ воспоминанія о разрозненной, хотя и героической мѣстами, борьбѣ русскихъ съ татарами при ихъ нашествіи; побѣда Ильи вмѣстѣ съ двѣнадцатью богатырями отмѣчаетъ уже первую побѣду сплотившихся русскихъ надъ Мамаемъ на Куликовомъ полѣ. Обѣщаніе Калина платить Владиміру вѣчную дань проникло въ былину, очевидно, подъ вліяніемъ фактовъ завоеванія царствъ Казанскаго и Астраханскаго.

Имя Калина-царя, повидимому, заимствовано отъ названія той рѣки, на которой русскіе впервые потерпѣли пораженіе, т.-е. названія „Калка“. Отсюда „Калкинъ-царь“, Калинъ-царь.

332. Илья Муромецъ и Идолище Поганое. Ѣдетъ Илья Муромецъ по чистому полю. Уже двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ въ послѣдній разъ въ Кіевѣ. Попадается Ильѣ навстрѣчу каличище Иванище (по другимъ былинамъ—калика Данила, сынъ Игнатьевичъ). Спрашиваетъ Илья калику, откуда онъ идетъ, и узнавъ, что изъ Кіева, разспрашиваетъ его; „По старому ли въ Кіевѣ звонъ звонятъ, просятъ ли милостыню спасенную?“ Отвѣчаетъ ему каличище Иванище: „Не по старому въ Кіевѣ звонъ звонятъ,

не просятъ милостыни спасенныя: обнасильничалъ Идолище Поганое, сидитъ у князя въ новомъ теремѣ, у княгини держитъ руки въ пазухѣ“ [1]). Илья мѣняется платьемъ съ каликой, отдаетъ ему коня своего, беретъ у него шляпу земли греческой и клюку въ девяносто пудъ [2]). Идетъ Илья въ Кіевъ, дѣлая шаги по полуверстѣ. Входитъ въ княжескій теремъ: княженецкія гридни съ боку на бокъ шатаются, ставники на окнахъ покривились. Войдя въ теремъ, Илья остался за дверями дубовыми и проситъ у князя милостыни спасенной. Идолище выражаетъ князю свое удивленіе: „положена заповѣдь крѣпкая, не просить по Кіеву милостыни спасенной, а теперь милостыня въ терему стоитъ“. Накинулись на Илью и княжескіе придверники: „У насъ Идолище по терему—шаговъ ни чуть (не слыхать), а ты идешь, калика перехожая, неизродная (безобразная), а по шагамъ твоимъ теремъ ходенемъ ходитъ“. Илья входитъ въ хоромы. Идолище спрашиваетъ его, откуда онъ пришелъ, и сообщаетъ, что постановлено не просить милостыни. Илья отвѣчаетъ, что не зналъ про эту заповѣдь великую, а пришелъ онъ со степей Цыцарскіихъ [3]) поклониться Владимиру. Идолище разспрашиваетъ калику, какъ человѣка, много ходившаго по св. Руси и видавшаго много народу, какой изъ себя Илья Муромецъ, такъ какъ у него есть охота повидаться съ нимъ. Илья отвѣчаетъ: „На меня гляди, буде хошь узнать Илью Муромца“. Идолище справляется у калики, много ли Илья хлѣба ѣстъ и много ли пива пьетъ. Илья отвѣчаетъ: „Ѣстъ Илья по калачику, пьетъ Илья по стаканчику“. Разсмѣялся Идолище надъ русскимъ богатыремъ и сказалъ, что вотъ онъ можетъ съѣсть хлѣба за разъ по три печи, а пива по сороковѣ. Илья на это отвѣтилъ ему: „У моего батюшки было коровище старое, не молодо коровище было, — ста годовъ; вышла та коровища на задворье, обожралась коровища дробиною (заторъ солода съ мукой),—тутъ оно, коровище, треснуло. И съ тобой то же бу-

[1]) По другимъ былинамъ, Идолище нагрянулъ на Кіевъ съ татарскимъ войскомъ и потребовалъ, чтобы Владиміръ выставилъ противъ него поединщика: „Если нѣтъ у васъ поединщика, я Божьи церкви всѣ на дымъ спущу, ай весь Кіевъ-градъ въ полонъ возьму“.

[2]) По нѣкоторымъ былинамъ, каличище даетъ клюку только послѣ угрозы Ильи побиться съ нимъ.

[3]) Цесарскихъ, т.-е. императорскихъ, принадлежащихъ византійскому императору (въ южной Россіи), или, какъ толкуютъ другіе,—хазарскихъ.

детъ, Идолище поганое!“ Оскорбился Идолище сравненіемъ, схватилъ булатный ножъ и метнулъ въ Илью. Илья посторонился, и ножъ пролетѣлъ мимо. Снялъ Илья шляпу земли греческой, ляпнулъ ею въ Идолища и убилъ его [1]). По нѣкоторымъ былинамъ, Илья перебиваетъ и всю рать татарскую.

Слово Идолище—бранный эпитетъ, имѣющій то же значеніе, что и слово болванъ, употребляемое въ былинахъ по отношенію къ татарскому послу или хану. Въ нѣкоторыхъ былинахъ прямо говорится: „Наѣзжаетъ нечисто Едолище, по прозванію Батыга Батыговичъ“, „Ай татаринъ, да поганый, что ль Идолище великое, набралъ силы онъ татарскія“. Первоначально Идолище изображалъ насильника кочевника, причемъ эти насильники обыкновенно изображались великанами, тогда какъ русскіе богатыри изображаются людьми обыкновеннаго роста. Нѣкоторыя черты былинъ объ Идолищѣ напоминаютъ кое-что въ лѣтописномъ преданіи объ основаніи Переяславля (§ 209). Сходство между былиной и преданіемъ состоитъ въ томъ, что Идолище требуетъ, чтобы ему Владиміръ ладилъ поединщика. Далѣе, смѣхъ печенѣжскаго богатыря, отличавшагося громаднымъ ростомъ, напоминаетъ презрительнное отношеніе Идолища къ Ильѣ. Въ одной былинѣ Идолище, узнавъ про малый ростъ Ильи, не признаетъ его богатыремъ и говоритъ, что, если бы Илья здѣсь былъ, онъ посадилъ бы его на долонь, да другою прижалъ бы, „и межъ долонями мокро бы повыжалось“. Какъ въ преданіи поединокъ русскаго богатыря съ печенѣжскимъ богатыремъ кончается побѣдой русскаго и пораженіемъ печенѣговъ, такъ и въ былинахъ объ Ильѣ и Идолищѣ послѣдній погибаетъ, и татарская рать терпитъ пораженіе.

Насильники-печенѣги смѣнились еще болѣе опасными насильниками—половцами. По русскимъ и византійскимъ лѣтописямъ можно установить слѣдующіе факты, имѣющіе нѣкоторое отношеніе къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ и Идолищѣ. Во второй половинѣ XI в. у половцевъ были ханы Тугорканъ (по былинамъ—Тугаринъ, § 323) и Бонякъ „Шелудивый“. Этому именно Боняку и соотвѣтствуетъ, повидимому, Идолище. Византійскій императоръ Алексѣй Комненъ для борьбы съ

[1]) По другимъ былинамъ, Идолище улетѣлъ сквозь стѣну во чисто поле.

печенѣгами обратился въ 1091 г. за помощью къ половцамъ. Къ нему явилась подъ начальствомъ Тугоркана и Боняка половецкая орда въ сорокъ тысячъ. Императоръ устрашился своихъ союзниковъ и, опасаясь, какъ бы они не стали на сторону печенѣговъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы удержать ихъ своими союзниками: онъ приглашаетъ къ себѣ ихъ вождей, угощаетъ ихъ за своимъ столомъ, дѣлаетъ имъ подарки. Печенѣги были разбиты. Въ 1096 г., по русскимъ лѣтописямъ, безбожный хищникъ Бонякъ внезапно подступилъ къ Кіеву и едва не ворвался въ городъ. Онъ зажегъ Стефановъ монастырь и Германечъ. Пострадалъ и монастырь Печерскій: половцы разбили ворота монастыря и ворвались въ него. Они ломали двери келій и захватывали все, что находили тамъ. „Посемь,—говоритъ лѣтописецъ,—въжгоша домъ св. Владычицѣ нашея Богородицы и придоша къ церкви, и зажгоша двери, яже къ угу (югу) устроенни, и вторыя, иже къ сѣверу, и влѣзше въ притворъ у гроба Ѳеодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укоряху Бога и законъ нашъ“.

По византійскимъ лѣтописямъ вожди половецкіе сидятъ за столомъ у Алексѣя Комнена, какъ Идолище сидитъ за столомъ въ Кіевѣ у Владимира [1]). Далѣе, Идолище грозитъ пустить на дымъ Божьи церкви; Бонякъ эту угрозу осуществляетъ. Что касается обжорства Идолища, то это качество можетъ быть приведено въ связь съ тѣмъ, что половцы питались сырымъ мясомъ.

Насильники-половцы смѣнились самыми жестокими насильниками—татарами съ ихъ послами, баскаками и т. д., дѣйствія которыхъ также наложили отпечатокъ на нашъ богатырскій эпосъ. Беззаконный разоритель христіанскій Шевкалъ говоритъ своему хану: „Господине царю! Аще ми велиши, азъ иду въ Русь и разорю христіанства, а князи ихъ избію, а княгини и дѣти къ тебѣ приведу“. Царь разрѣшаетъ ему это дѣлать. Явившись со многими татарами въ Тверь, Шевкалъ „прогна князя великаго со двора, а самъ ста на княжескомъ великомъ дворѣ, со многою гордостью и воздвиже великое гоненіе на христіаны насильствомъ и гра-

---

[1]) По „Сказанію о кіевскихъ богатыряхъ“ (кн. 2-ая, § 243),—въ Царьградѣ, за столомъ у царя Константина, сына Боголюбовича, гдѣ и происходитъ дѣйствіе сказанія.

бленіемъ и поруганіемъ“ (см. кн. 2-ую, §§ 125 — 126). Это напоминаетъ поведеніе Идолища во дворцѣ Владимира. Ханскіе послы и гонцы, помимо особыхъ пошлинъ, получали съ русскихъ кормы въ тѣхъ мѣстностяхъ, черезъ которыя они проѣзжали. Обильные „кормы“, очевидно, выразились въ чертѣ обжорства Идолища. По свѣдѣніямъ китайскихъ лѣтописцевъ, старые и слабые находились у татаръ въ презрѣніи; а по свидѣтельству Плано-Карпини, посѣтившаго Россію въ эпоху татаршины, татарскій баскакъ Сарацинъ схватывалъ русскихъ нищихъ, снискивавшихъ себѣ пропитаніе милостыней, и уводилъ ихъ въ орду. Этимъ объясняется въ былинѣ презрѣніе Идолища къ каликамъ и запрещеніе милостыни.

Нѣкоторые изслѣдователи, полагаютъ, что былины объ Ильѣ Муромцѣ и Идолищѣ Поганомъ представлютъ переработку сюжета объ Алешѣ Поповичѣ и Тугаринѣ Змѣевичѣ (§ 323) и пріуроченіе его къ имени Ильи Муромца.

333. Илья Муромецъ и баба Горынинка. Баба Горынинка (Латыгорка) принадлежитъ къ разряду женщинъ-поленицъ, силы которыхъ отличаются стихійными размѣрами. Имя сближаетъ ее съ Святогоромъ и означаетъ, повидимому, жительницу горной страны, вѣроятно, той же, гдѣ жилъ Святогоръ, т.-е. прикавказской. Въ нѣкоторыхъ былинахъ она называется королевой Задонской (т.-е. страны, находящейся за Дономъ), что опять указываетъ на прикавказскую страну. Столкновеніе бабы Горынинки съ Алешей Поповичемъ кончается тѣмъ, что баба схватываетъ Алешу за шиворотъ, сбрасываетъ его съ коня и приказываетъ послать къ ней на бой самого Илью Муромца, слава котораго прошла отъ востока до запада. Борьба между Ильей и бабой идетъ упорная. Оба утаптываются въ землю по колѣна. Илья, наконецъ, одолѣваетъ бабу и затѣмъ сближается съ нею. По прошествіи трехъ сутокъ послѣ побѣды Илья разстается съ бабой, оставивъ ей перстень для своего будущаго сына или дочери.

Сближеніе Ильи съ поленицей бабой Горынинкой напоминаетъ сближеніе Ильи съ женой Святогора (§§ 302—304). Весьма возможно, что былина объ Ильѣ и бабѣ Горынинкѣ есть не болѣе, какъ варіантъ былины объ Ильѣ и женѣ Святогора.

334. Бой Ильи съ сыномъ. Былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ дошли до насъ въ двухъ редакціяхъ.

1) **Первая редакція.** На богатырской заставѣ стоятъ богатыри—Илья Муромецъ, Колыванъ Ивановичъ, Самсонъ Васильевичъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ. Богатыри зорко смотрѣли по окрестностямъ и не пропускали ни коннаго, ни пѣшаго, ни царскаго, ни боярскаго, ни звѣря рыскучаго, ни птицы летучей. Однажды на утренней зарѣ пробуждается Илья и отправляется на Днѣпръ-рѣку (въ другихъ былинахъ—на Сафатъ-рѣку) умываться. Видитъ—въ степи показался добрый молодецъ: подъ нимъ конь—какъ бы лютый звѣрь; самъ молодецъ, какъ ясный соколъ. Хороша посадка молодецкая, прекрасны доспѣхи богатырскіе! По правую руку молодца летаетъ соколъ, а въ рукахъ молодца „третра-перо“ (опахало, которымъ манятъ сокола). Сквозь перо Илья не могъ различить лица у молодца. Возвращается Илья къ бѣлымъ шатрамъ, сообщаетъ о молодцѣ и предлагаетъ тому, кто всѣхъ поудалѣе и у кого конь порыскучѣе, бѣжать за молодцемъ, разспросить его о дѣдинѣ и отчинѣ и о томъ, чей онъ сынъ; если окажется, что это—русскій богатырь, то побрататься съ нимъ, а если невѣрный, то поразвѣдаться. Вызвался Алеша Поповичъ. Побѣжалъ Алеша за молодцемъ. Бѣжитъ онъ день, бѣжитъ ночь. На разсвѣтѣ догоняетъ его и кричитъ зычнымъ голосомъ: „Ты постой, постой, добрый молодецъ! Ты или русскій богатырь, или засельщина-деревенщина; ты или коня укралъ или мужика убилъ, а сюда заѣхалъ, хвастаешь, чужимъ именемъ называешься“! Молодецъ, услышавъ слова Алеши, повернулъ лютаго коня своего навстрѣчу Алешѣ. Онъ беретъ Алешу за бѣлыя руки, снимаетъ его съ коня, беретъ свою шелепугу подорожную (плеть съ обвязанной пулей въ концѣ), стегаетъ Алешу, сажаетъ его снова на коня и отпускаетъ. Ѣдетъ Алеша назадъ, какъ пьяный, шатается, къ сѣдельной лукѣ приклоняется. Завидѣлъ Алешу Илья и говоритъ ему: „Говорилъ я тебѣ, Алеша, наказывалъ: не пей ты зелена вина, не ѣшь сладки кушанья“! Алеша отвѣчаетъ Ильѣ: „Радъ бы я не пить зелена вина и не ѣсть сладки кушанья: напоилъ то меня добрый молодецъ допьяна, накормилъ онъ меня досыта шелепугой подорожною“. Илья немедленно садится на коня и самъ ѣдетъ въ догонку за молодцемъ. Догналъ его Илья на слѣдующій день, на раз-

свѣтѣ. Ударились богатыри палицами боевыми—палицы изломались. Соскочили они съ добрыхъ коней и схватились въ рукопашную. Сшибъ молодецъ Илью на сырую землю, садится ему на бѣлы груди и говоритъ ему такія слова: „Ты, базыга (хрычъ), базыга старая! Зачѣмъ ты на малаго отрока напущаешься?“ Схватываетъ его Илья за руки, встаетъ на свои рѣзвыя ноги, мечетъ молодца выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго и подхватываетъ на руки. Молодецъ пріужаснулся. Говоритъ онъ своему соколу: „Полетай, охота, къ моей матушкѣ, спроси-ко у ней, какъ съ Ильей перевѣдаться?“ — „Говорила я тебѣ, дитя, наказывала, гдѣ ты съ Ильей съѣдешься, только ты ему низко кланяйся: по роду тебѣ онъ — отецъ родной“. Илья прощаетъ своего сына и отпускаетъ его съ наказомъ „не проливать крови безвинныя“ и „не губить силу напрасную“. Но юный сынъ Ильи поступаетъ иначе: возвратившись къ матери, онъ ее убиваетъ за ея бывшую связь съ Ильей, затѣмъ, разыскавши снова Илью, пытается убить его соннаго. Илья спасается отъ смерти только благодаря своему чудному кресту. Разгнѣванный Илья раздернулъ свего сына на двое.

2) **Вторая редакція.** Подъ славнымъ городомъ Кіевомъ, на степяхъ Цыцарскіихъ (§ 332) стояла застава богатырская. На заставѣ атаманомъ былъ Илья Муромецъ, подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ, а есаулъ—Алеша, поповскій сынъ; кромѣ нихъ были на заставѣ слѣдующіе богатыри: Гришка боярскій сынъ и Васька Долгополый. Всѣ богатыри находились въ разъѣздѣ: Алеша ѣздилъ въ Кіевъ, Илья Муромецъ находился въ чистомъ полѣ, а Добрыня ѣздилъ къ синему морю на охоту за гусями и лебедями. Возвращаясь съ охоты, Добрыня увидѣлъ въ степи ископыть (слѣдъ копыта) величиною въ полпечи. Разсмотрѣвши ископыть, Добрыня догадался, что тутъ недавно проѣзжалъ могучій богатырь „изъ Жидовскія земли“. Собравъ всѣхъ богатырей, Добрыня сообщилъ имъ о своемъ открытіи: о незамѣтномъ проѣздѣ мимо заставы богатыря. Стали богатыри совѣтоваться о томъ, кому поѣхать за нахвальщикомъ. Сначала выборъ остановился на Васькѣ Долгополомъ. Но Илья Муромецъ замѣтилъ, что Васька ходитъ по землѣ—заплетается: заплететься онъ на бою на дракѣ и погибнетъ понапрасному. Перенесли выборъ на Гришку. Но Илья замѣтилъ, что Гришка — боярскаго рода; боярскіе роды

хвастливые: призахвастается на бою Гришка и понапрасному погибнетъ. Выбрали Алешу Поповича. Опять не соглашается Илья: „Алешенька—рода поповскаго; поповскіе глаза—завидущіе, поповскія руки—загребущія; увидитъ Алеша на нахвальщикѣ много злата-серебра,—позавидуетъ злату и погибнетъ по напрасному". Наконецъ, выборъ остановился на Добрынѣ. Добрыня беретъ своего коня, уздаетъ его въ уздечку тесмянную, сѣдлаетъ въ сѣделышко черкесское, въ торока (ремни позади сѣдла) вяжетъ палицу боевую—въ девяносто пудъ, на бедры беретъ саблю вострую, въ руки беретъ плеть шелковую и выѣзжаетъ на Сорочинскую гору. Посмотрѣвъ изъ трубочки серебряной, онъ увидѣлъ въ полѣ чернизину (черное пятно) и закричалъ зычнымъ голосомъ: „Воръ, собака, нахвальщина! Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь—атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ, подъ-атаману Добрынѣ Никитичу, есаулу Алешѣ въ казну не кладешь на всю нашу братью наборную"? Услышавъ зычный голосъ, нахвальщина поворачиваетъ своего коня и ѣдетъ на Добрыню. Сыра мать-земля всколебалася, изъ озеръ вода выливалася. Палъ на колѣни конь подъ Добрыней. Добрыня взмолился Господу Богу и Пресвятой Богородицѣ: „Унеси, Господи, отъ нахвальщика!" Конь пооправился и благополучно вернулся на заставу богатырскую. Видитъ Илья, что кромѣ него некому больше ѣхать за нахвальщикомъ. Сѣлъ Илья на коня и отправился. Когда Жидовинъ напустилъ на Илью коня своего, Илья не испугался. Сначала богатыри ударились палками—палки сломались, и богатыри другъ друга не ранили; ударились саблями острыми, сабли приломались; острыми копьями кололись—другъ друга не ранили. Схватились богатыри въ рукопашную. Бьются они весь день до вечера и съ вечера до утра. Вдругъ Илья поскользнулся и упалъ на сырую землю. Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди, вынималъ чинжалище (кинжалъ) булатное, чтобы заколоть Илью, и приговариваетъ: „Старый ты старикъ, матерый! Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле? Будто некѣмъ тебѣ, старику, замѣнитися? Ты поставилъ бы себѣ келейку при той путѣ-дороженькѣ; сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку: тутъ бы, старикъ, сытъ-питаненъ былъ". Лежа подъ нахвальщиной, Илья размышлялъ: „Да не ладно у святыхъ отцовъ написано, неладно у апостоловъ удумано; написано было у святыхъ отцовъ, удумано было у апостоловъ: не бывать Ильѣ въ чи-

стомъ полѣ убитому, а теперь Илья подъ богатыремъ!“ Въ это время Илья почувствовалъ, что у него силы прибыло втрое. Махнулъ онъ нахвальщину въ бѣлы груди, вышибалъ его выше дерева жароваго. Упалъ нахвальщина на сыру землю и ушелъ въ нее по поясъ. Вскочилъ Илья на ноги, сѣлъ нахвальщинѣ на грудь. Илюхѣ не досугъ много спрашивать: распоролъ онъ нахвальщинѣ бѣлую грудь, отсѣкъ буйную голову, воткнулъ ее на копье булатное и повезъ на богатырскую заставу. Илья бросилъ голову о сыру землю со словами: „Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ—этакого чуда не наѣзживалъ!“

335. Комментаріи къ былинамъ о боѣ Ильи съ сыномъ. Былины о боѣ Ильи съ сыномъ обѣихъ редакцій построены по одному и тому же плану; разница между ними въ томъ только, что въ былинахъ второй редакціи выпалъ эпизодъ, связанный съ узнаваніемъ Ильей сына. Въ былинахъ первой редакціи юный сынъ Ильи носитъ различныя имена: Бориско, Збутъ, Сокольникъ, Подсокольникъ; величается онъ иногда „нахвальщикомъ“ (нахаломъ), татариномъ. Въ былинахъ второй редакціи онъ называется Жидовиномъ, изъ Жидовскія земли. Жидовинъ—хазаръ, Жидовская земля—хазарская—прикавказская родина бабы Горынинки и ея сына. Въ былинахъ второй редакціи забыто, что Жидовинъ—сынъ Ильи.

Названіе богатыря Жидовиномъ могло, помимо воспоминаній о Хазарскомъ царствѣ, проникнуть въ былины изъ духовныхъ стиховъ: въ духовномъ стихѣ о Ѳеодорѣ Тиронѣ Константина Самойловича осаждаетъ въ Іерусалимѣ царь „Іюдейскій, сила жидовская“ (кн. 2-ая, § 210); въ „Сказаніи о кѣевскихъ богатыряхъ“ (кн. 2-ая, § 243) фигурируетъ Идолище Жидовское. Съ теченіемъ времени слова „жидовскій“, „жидовинъ“ должны были получить смыслъ врага вообще, какъ слово татаринъ, басурманинъ, которые также примѣняются къ сыну Ильи.

Борьба отца съ неузнаннымъ сыномъ принадлежитъ къ весьма распространеннымъ мотивамъ древнихъ и средневѣковыхъ эпосовъ. Этотъ мотивъ возникъ и развился на почвѣ древнихъ отношеній между мужчиной и женщиной—коммунистическихъ съ примѣсью элементовъ патріархально-родовыхъ. Одно племя сталкивается съ другимъ и побѣждаетъ его. Предводитель-побѣдитель завладѣваетъ женой или дочерью убитаго

главы побѣжденнаго племени, или, если во главѣ племени стояла женщина, что въ древности было часто, — предводительницей и поступаетъ съ нею по закону военнаго времени, т.-е. вступаетъ во временную связь, насильственную или ненасильственную, въ зависимости отъ обстоятельствъ. Плодомъ такой случайной связи является сынъ, воспитывающійся при матери среди родного племени. Сынъ по наслѣдству отъ отца и матери получаетъ богатырскія свойства, раскрывающіяся уже очень рано. Возмужавъ и ставъ во главѣ племени, юный богатырь неизбѣжно сталкивается со своимъ отцомъ. Иногда, узнавъ о своемъ происхожденіи, сынъ не можетъ смотрѣть на своего случайнаго отца иначе, какъ на врага матери и родного племени, и задумываетъ отомстить ему. Результатомъ этого является новый бой сына съ отцомъ, кончающійся для сына трагически. Этотъ мотивъ разрабатывался различно у разныхъ народовъ, восточныхъ и западныхъ. Съ нашими былинами о боѣ Ильи сходны, въ большей или меньшей степени, слѣдующіе эпосы: 1) иранскій эпосъ Рустеміада, 2) тотъ же эпосъ въ переработкѣ кавказскихъ и тюрко-монгольскихъ племенъ, 3) эстонскій разсказъ о боѣ отца съ сыномъ, 4) киргизскій разсказъ о томъ же, 5) верхне-нѣмецкій разсказъ, 6) нижне-нѣмецкій разсказъ и 7) кельтскія сказанія о Клизаморѣ и Картонѣ.

1) Эпизодъ о борьбѣ отца съ сыномъ изъ Рустеміады. Главный герой Рустеміады богатырь Рустемъ, соотвѣтствующій въ нашемъ эпосѣ Ильѣ Муромцу, отправился однажды на охоту въ Туранскую землю, съ которой онъ всю свою жизнь воевалъ. Для отдыха во время охоты онъ расположился близъ города Семенгана, пустилъ копя своего Рахшу пастись на лугу, а самъ уснулъ богатырскимъ сномъ. Проснувшись, онъ не нашелъ коня: во время сна Рустема нѣсколько тюркскихъ всадниковъ случайно увидѣли богатырскаго коня, поймали его и увели съ собой. Рустемъ отправляется въ Семенганъ къ царю этого города и требуетъ возвращенія коня, грозя въ противномъ случаѣ снести головы его богатырямъ. Царь обѣщалъ найти коня и приглашаетъ Рустема во дворецъ. Дочь царя Техмимэ (отъ слова „техмъ“, что значитъ сильный, богатырскій), давно уже знала о громкихъ подвигахъ Рустема и мечтала о связи съ нимъ. Узнавъ о приходѣ Рустема во дворецъ, Техмимэ приводитъ въ исполненіе свое желаніе. Фирдоуси, редакторъ

Рустеміады, сложенной имъ изъ древне-иранскихъ устныхъ сказаній, смягчаетъ этотъ эпизодъ представляя его, согласно современной ему (XI в.) точкѣ зрѣнія, бракомъ, который былъ освященъ мобедами (жрецами). Но этому противорѣчатъ дальнѣйшія отношенія Рустема и Техмимэ: на другой же день Рустемъ получаетъ своего коня и, оставивъ для будущаго сына оникъ, уѣзжаетъ на свою родину съ тѣмъ, чтобы больше не видѣть Техмимэ. Фирдоуси, не имѣвшій понятія о древнихъ отношеніяхъ между полами, старался осмыслить позднѣйшей точкой зрѣнія этотъ эпизодъ, но неудачно. Эпизодъ, происшедшій между Рустемомъ и Техмимэ, отзывается эпохой коммунизма, когда женщины и мужчины добровольно сходились и расходились, не стѣсняемые позднѣйшими ограниченіями. Одно преданіе, записанное Геродотомъ, бросаетъ свѣтъ на такого рода эпизоды. Странствуя по различнымъ мѣстностямъ, греческій герой Геракл ъ попалъ однажды въ Скиѳію, которая тогда еще не была заселенной страной. Когда онъ однажды, закутавшись въ львиную шкуру, уснулъ, исчезли его кони. Геракл ъ, проснувшись, обыскалъ всю страну и не нашелъ коней. Наконецъ, онъ пришелъ въ землю, которая называлась Гилеей („лѣсной“). Въ одной пещерѣ онъ нашелъ существо, которое на половину было дѣвушкой, а на половину змѣей. Именно эта дѣвушка-змѣя и увела коней Геракла. Она согласилась вернуть коней лишь подъ условіемъ произвести ей потомство. Геракл ъ согласился и, покидая дѣвушку-змѣю, оставилъ для своего потомства свой лукъ и поясъ. Отъ этой связи произошли начальники трехъ народовъ — агаѳирсовъ, гелоновъ и скиѳовъ. Младшій, Скиѳъ, одинъ только оказался въ состояніи натянуть отцовскій лукъ и опоясаться его поясомъ, и мать сдѣлала его наслѣдникомъ своей страны, а старшихъ прогнала. Замѣчательно, что записанное Геродотомъ преданіе не только совпадаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ соотвѣтствующимъ эпизодомъ изъ Рустеміады, но и съ нѣкоторыми чертами матери „нахвальщины“: именно, она называется Латыгоркой, Горынинкой, т.-е. ея родина связывается съ горой; дѣвица-змѣя найдена была Геракломъ въ горной пещерѣ. Это преданіе объясняетъ еще кое-какія черты въ нашемъ эпосѣ. Такъ, у насъ эпитетъ Горыничъ принадлежитъ Змѣю (§ 317); по одной былинѣ, сынъ Ильи возитъ съ собою змѣю горынскую. Если принять во вниманіе, что змѣй символизировалъ первоначально

сверхъестественное существо, потомъ вообще врага—враждебное племя, а впослѣдствіи языческихъ боговъ, когда послѣдніе были отвергнуты, если далѣе вспомнить, что въ нашемъ и другихъ эпосахъ дѣвицы нерѣдко представлены состоящими въ добровольной или недобровольной связи со змѣями, то преданіе Геродота окажется весьма важнымъ ключемъ для разъясненія нѣкоторыхъ чертъ въ нашемъ эпосѣ.

У Техмимэ рождается Сохрабъ, богатырскій сынъ необыкновеннаго роста. Когда ему исполнилось десять лѣтъ, онъ оказался уже настолько сильнымъ, что никто не рѣшается вступить съ нимъ въ борьбу. Въ то же время Сохрабъ требуетъ у матери, чтобы она открыла ему имя отца, грозя въ противномъ случаѣ убить ее. Мать открываетъ, что отецъ его—Рустемъ, но совѣтуетъ ему скрыть свое происхожденіе, чтобы туранскій царь Афрасіабъ, смертельный врагъ Рустема, не узналъ про это. Сохрабъ составляетъ грандіозный планъ—идти на Иранъ съ войскомъ, свергнуть съ престола Кейкауса, перебить его богатырей и отдать иранскій престолъ отцу, затѣмъ свергнуть туранскаго царя и на престолъ посадить мать.

А Туранскій царь, узнавъ про силы Сохраба и его планы, рѣшилъ воспользоваться силой Сохраба для того, чтобы погубить Рустема, а затѣмъ погубить и Сохраба. Для достиженія этой цѣли онъ прислалъ къ Сохрабу двухъ опытныхъ туранцевъ, которые должны были устранять отъ Сохраба всякую возможность лично узнать отца.

Между тѣмъ иранскій царь Кейкаусъ, услышавъ о походѣ Сохраба, посылаетъ за Рустемомъ. Пока Рустемъ находится въ дорогѣ, Сохрабъ обращаетъ въ бѣгство самаго сильнаго послѣ Рустема иранскаго богатыря Туса. Наконецъ, появляется Рустемъ. Сохрабъ, не зная Рустема, спрашиваетъ своего противника, не Рустемъ ли онъ. Рустемъ почему то скрываетъ свое имя и называетъ себя простымъ воиномъ. Оба богатыря вступаютъ въ бой сначала копьями, потомъ мечами и палицами. Наконецъ, они вступаютъ въ рукопашную борьбу. Къ вечеру борцы разстались, не побѣдивъ другъ друга, причемъ Сохрабъ назвалъ своего противника безумнымъ старикомъ за его упорное желаніе оказаться сильнѣе его, юноши, полнаго силъ. На другой день противники снова сходятся. Сохрабъ опять спрашиваетъ своего противника, не Рустемъ ли онъ, и предлагаетъ ему отказаться отъ боя въ виду его преклоннаго

возраста. Рустемъ продолжаетъ скрывать свое имя. Бой возобновляется. Къ вечеру Сохрабъ опрокидываетъ Рустема, вскакиваетъ къ нему на грудь и собирается отрѣзать ему голову. Рустемъ, видя бѣду, прибѣгъ къ хитрости: онъ увѣрилъ Сохраба, что по иранскому обычаю неприлично убивать противника, побѣжденнаго въ первый разъ. Сохрабъ оказался великодушнымъ: онъ не убилъ Рустема.

Разставшись съ Сохрабомъ, Рустемъ обращается къ божеству съ мольбой о возвращеніи ему прежней силы во всемъ ея объемѣ. На третій день Рустемъ возобновилъ бой. На этотъ разъ онъ быстро опрокинулъ Сохраба, вскочилъ на него и вспоролъ ему грудь. Сохрабъ передъ смертью выражаетъ свою скорбь по поводу этого, что умираетъ, не увидѣвъ лица своего отца Рустема. Услышавъ слова Сохраба, Рустемъ, взволновавшись, спрашиваетъ, какія у него примѣты отъ отца. Сохрабъ показываетъ ему драгоцѣнный оникъ на рукѣ подъ кольчугой. Рустемъ—въ отчаяніи. Онъ посылаетъ къ Кейкаусу за цѣлебной мазью, но Кейкаусъ отказываетъ дать, и Сохрабъ умираетъ. Рустемъ съ трупомъ сына ѣдетъ въ Сейстанъ, провинцію, которою онъ управлялъ, и строитъ для сына гробницу.

Техмимэ, узнавши о гибели сына, съ отчаяніемъ оплакиваетъ его, раздаетъ свое богатство нищимъ, разоряетъ дворецъ, откуда сынъ отправился на войну, и черезъ годъ умираетъ.

Такъ разработанъ мотивъ борьбы отца съ сыномъ въ иранскомъ эпосѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Фирдоуси многое смягчилъ и видоимѣнилъ сравнительно съ тѣмъ, какъ эпизодъ борьбы отца съ сыномъ изложенъ былъ въ національныхъ преданіяхъ. Такъ, едва-ли Сохрабъ на самомъ дѣлѣ былъ такимъ великодушнымъ, какъ онъ изображенъ у Фирдоуси. Но во всякомъ случаѣ между иранской обработкой сюжета и русской можно установить нѣсколько точекъ соприкосновенія.

а) Происхожденіе сына. Сохрабъ—богатырь царскаго происхожденія по матери; сынъ Ильи называется въ нѣкоторыхъ былинахъ младымъ королевичемъ Збутомъ, Борисомъ, Петромъ царевичемъ Золотничаниномъ изъ Сѣверной стороны да Золотой Орды. Мать Збута Бориса называется иногда королевой Задонской. О связи Ильи съ этой иноземкой былины сохранили мало свѣдѣній. Но во всякомъ случаѣ она не могла быть естественной, добровольной съ обѣихъ сторонъ: дѣвица-

змѣя вынуждаетъ Геракла на связь; Техмимэ то же самое дѣлаетъ съ Рустемомъ, причемъ въ кавказскихъ отраженіяхъ Рустеміады приставаніе женщины изображается въ очень грубыхъ формахъ; по другимъ же кавказскимъ передачамъ Ростомъ (кавказская форма имени Рустема) производитъ давленіе на женщину, предварительно убивъ ея мужа. Въ нѣкоторыхъ русскихъ былинахъ есть намеки, что связь Ильи съ Горынинкой обязана была насилію со стороны Ильи. Такимъ образомъ, и по иранскимъ преданіямъ, и по русскимъ былинамъ сынъ богатыря рождается въ иноземномъ царствѣ отъ случайной, насильственной со стороны женщины или мужчины, связи во время похода или охоты.

б) Рожденіе сына и выѣздъ на поиски отца. Разставаясь съ Техмимэ, Рустемъ оставляетъ ей для будущаго сына или дочери драгоцѣнный камень-оникъ; по одной былинѣ Илья даетъ Горынинкѣ для сына или дочери дорогой перстень, наказывая при этомъ, что, если сынъ его, возмужавъ, выйдетъ въ поле и увидитъ стараго, то пусть, не дошедши до него, поклонится. Сынъ богатыря развивается очень быстро: Сохрабъ уже въ десять лѣтъ не имѣлъ при дворѣ матери соперниковъ; сынъ Ильи также ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Десятилѣтній Сохрабъ, угрожая убійствомъ, допрашиваетъ у матери, кто его отецъ; по кавказскимъ отголоскамъ Рустеміады сынъ свой допросъ сопровождаетъ пытками матери. По нѣкоторымъ нашимъ былинамъ сынъ убиваетъ мать. Техмимэ, открывъ Сохрабу имя отца, даетъ ему драгоцѣнный оникъ, оставленный Рустемомъ; по нѣкоторымъ былинамъ, Горынинка дала сыну злаченъ перстень, на которомъ написаны были имя, „изотчина“, а также наставленіе „не дошедши поклониться старому, а челомъ бить о сыру землю“. По другимъ былинамъ не видно, чтобы сынъ искалъ отца: отецъ и сынъ узнаютъ другъ друга во время боя, и у сына пробуждается чувство ненависти къ отцу. Эта черта, вѣроятно, древнѣе предыдущей, такъ какъ болѣе соотвѣтствуетъ характеру первобытныхъ отношеній.

в) Бой отца съ сыномъ. Когда Сохрабъ вторгается въ предѣлы Ирана, Рустемъ находился въ Забулистанѣ, на границѣ страны; въ былинахъ о боѣ Ильи съ сыномъ фигурируетъ застава, также находившаяся на границѣ княжеско-дружинной Руси. Сохрабъ, которому всего только двѣнадцать лѣтъ отъ роду,

вызываетъ противъ себя поединщика; по нѣкоторымъ нашимъ былинамъ нахвальщина, которому тоже только двѣнадцать лѣтъ отъ роду, подступаетъ съ войскомъ къ Кіеву и требуетъ себѣ поединщика. Противъ Сохраба выступаетъ сначала самый сильный послѣ Рустема изъ богатырей — Тусъ, какъ въ нашихъ былинахъ Добрыня Никитичъ, а иногда Алеша Поповичъ, причемъ Тусъ, какъ и Добрыня, терпитъ пораженіе. Богатыри иранскіе считаютъ, что только Рустемъ можетъ устоять противъ Сохраба; по нашимъ былинамъ Илья послѣ пораженія Добрыни, видитъ, что некѣмъ ему замѣниться. Сохрабъ, вступивъ въ бой съ Рустемомъ, указываетъ на его старость и совѣтуетъ не сражаться съ нимъ, юношей; нахвальщина, одолѣвъ Илью, издѣвается надъ его старостью. Бой Рустема съ Сохрабомъ ведется сначала оружіемъ—копьями, мечами и саблями, а затѣмъ противники бьются въ рукопашную; Илья съ сыномъ сначала дерутся копьями, палицами и саблями, а потомъ схватываются въ рукопашную. Бой Рустема и Сохраба длится три дня; по одной изъ нашихъ былинъ Илья съ сыномъ также бьются три дня, большею же частью борьба кончается въ одинъ день. Въ бою сначала Сохрабъ одолѣваетъ Рустема, а потомъ Рустемъ Сохраба; въ нашихъ былинахъ то же самое — сначала побѣжденъ Илья, а потомъ нахвальщина. Рустемъ побѣждаетъ Сохраба послѣ молитвы къ божеству о возвращеніи прежней силы; Илья побѣдилъ нахвальщину послѣ того, какъ воспоминаніе о предсказаніи апостоловъ и святыхъ отцовъ придало ему новыя силы. Опрокинувъ Рустема, Сохрабъ опрашиваетъ его объ имени, причемъ Рустемъ скрываетъ его; у насъ, наоборотъ, опрокинутый Илья спрашиватъ своего противника объ имени, причемъ сынъ не открываетъ его. Бой отца съ сыномъ заканчивается трагически для сына и въ иранскихъ, и въ русскихъ сказаніяхъ, хотя въ русскихъ такой конецъ смягченъ вводнымъ эпизодомъ—коварной попыткой сына убить спящаго отца.

2) Сравненіе съ кавказскими отголосками Рустеміады. Въ кавказскихъ сказаніяхъ о Ростомѣ и Зурабѣ (Сохрабѣ) Зурабъ изображенъ чертами, очень близкими къ нашему Сокольнику. Въ сванетскомъ сказаніи Зурабъ изображенъ охотникомъ: онъ убилъ столько звѣрей, что изъ костей ихъ сдѣлалъ себѣ палатку, въ которой ночевалъ. Въ одномъ кабардинскомъ сказаніи бой отца съ сыномъ передѣланъ въ бой дяди съ пле-

мянникомъ, причемъ племянникъ оказывается сильнѣе дяди. Нартъ Сосрыко видитъ въ полѣ чернизину, ѣдетъ туда и видитъ ѣдущаго юнаго богатыря. Сосрыко крикнулъ ему. Юный богатырь не слышитъ его крика и продолжаетъ свой путь. Сосрыко бросается за нимъ въ догонку, но не можетъ догнать. Юный богатырь поворачивается, кричитъ зычнымъ голосомъ, и этотъ голосъ пронзаетъ Сосрыко; затѣмъ богатырь ѣдетъ на Сосрыко, который обращается въ бѣгство. Юный богатырь догоняетъ нарта, вышибаетъ изъ сѣдла и собирается снять съ него голову. Нартъ прибѣгаетъ къ хитрости, говоря, что теперь у нартовъ—праздникъ, что въ такой день нартовъ не убиваютъ, и надо назначить новый бой. Юноша-богатырь соглашается. Сосрыко узнаетъ отъ матери, что этотъ юный богатырь—его племянникъ. Сойдясь снова на бой, Сосрыко пугаетъ коня своего противника, сбрасываетъ его на землю и собирается отрубить ему голову. Юноша-богатырь говоритъ Сосрыко, что сегодняшній день онъ долженъ уступить ему. „А, пропади ты, глупый юноша! Станутъ-ли ждать насъ нарты, пока мы будемъ возиться, назначая другъ другу сроки“. Съ этими словами Сосрыко отрубаетъ племяннику голову.

3) **Эстонскій разсказъ о боѣ отца съ сыномъ.** Эстонскій богатырь Кивви-аль обладаетъ чрезмѣрной силой, которая тяготитъ его самого; поэтому онъ часть своей силы складываетъ подъ камень (отсюда и его имя—Кивви-аль, что значитъ—человѣкъ съ силой подъ камнемъ). Кивви-аль женился, и у него родился сынъ. Соскучившись дома, Кивви-аль покидаетъ семью, оставивъ для сына примѣту—волчій зубъ на цѣпочкѣ, и уѣзжаетъ черезъ море въ Финляндію. Совершивъ здѣсь множество подвиговъ, онъ на своей новой родинѣ женится; у него—много сыновей и дочерей. Однажды возгорѣлась война между финнами и эстами. Кивви-аль руководилъ своими новыми соотечественниками и сильно тѣснилъ эстовъ. Между тѣмъ скоро эсты выставили противъ стараго богатыря финновъ прекраснаго юношу, которому удается побѣдить Кивви-аля. Юноша щадитъ жизнь старика. Старикъ раздраженъ побѣдой юноши надъ собой. Онъ идетъ къ камню и беретъ оттуда сложенную часть силы. Вернувшись съ увеличенными силами, онъ снова вступаетъ въ бой съ юношей, опрокидываетъ его, наступаетъ колѣномъ на грудь и собирается вонзить мечъ ему въ сердце. Вдругъ онъ замѣчаетъ у своего противника волчій зубъ на

цѣпочкѣ: Кивви-аль по примѣтѣ узнаетъ въ противникѣ своего сына. Но юноша-богатырь не можетъ уже подняться съ земли: отецъ такъ надавилъ ему колѣномъ на грудь, что сломалъ ее. Сынъ умираетъ. Отецъ въ отчаяніи. Похоронивъ сына, Кивви-аль перебилъ своихъ дѣтей отъ финской жены, а самъ бросился съ высокой скалы внизъ и убился.

4) **Киргизскій разсказъ о боѣ отца съ сыномъ.** Богатырь Гали вступаетъ въ бой съ богатыршей-царевной Даригой. Бой ведется четырнадцать дней. На пятнадцатый день Гали ослабѣлъ. Сдѣланъ былъ роздыхъ. Послѣ боя Дарига для возвращенія силъ откармливаетъ себя хлѣбомъ и мясомъ; а Гали молитъ въ горахъ Бога, чтобы онъ укрѣпилъ его силы для дальнѣйшаго боя. Пророкъ Джабріилъ укрѣпляетъ его. Новый бой закончился пораженіемъ Дариги. Гали щадитъ Даригу и вступаетъ съ нею въ бракъ. Вскорѣ послѣ этого Гали покидаетъ Даригу, чтобы отправиться въ Медину, и велитъ назвать будущаго сына Сайдильдой. У Дариги рождается сынъ, который, достигши одного года, оказывается столь сильнымъ, что убиваетъ мальчиковъ щелчкомъ въ лобъ. Одна старуха, сына которой Сайдильда убилъ, посовѣтовала ему лучше заняться отыскиваніемъ своего отца, нежели убивать дѣтей. Сайдильда съ угрозами спрашиваетъ у матери о мѣстопребываніи отца, затѣмъ покидатъ ее и пристаетъ къ каравану. По дорогѣ Сайдильда убиваетъ змѣя. Сайдильда пріѣзжаетъ въ Медину, въ которой въ то время находился Магометъ. Магометъ признаетъ въ Сайдильдѣ сына Гали; но Сайдильда не признается въ этомъ и уходитъ въ Мекку. Въ Меккѣ въ это время происходили игры и борьба. Въ борьбѣ принимали участіе девять сыновей Гали отъ первой жены и самъ Гали. Сайдильда также принимаетъ участіе въ борьбѣ, побѣждаетъ сыновей Гали, а затѣмъ и самаго Гали, не подозрѣвая, что это—его отецъ. Гали спрашиваетъ своего противника, чей онъ сынъ. Сайдильда говоритъ, что отецъ его — Гали. Гали обнимаетъ сына. Сайдильда, узнавши, что онъ поборолъ отца, вырывается изъ его объятій, убѣгаетъ въ горы, ударяетъ по вершинѣ горы палкой, причемъ на этомъ мѣстѣ образуется пропасть, и бросается въ нее. Послѣ этого на мѣстѣ пропасти образуется высокая гора.

Сопоставленіе иранскихъ, кавказскихъ, эстонскаго и киргизскаго сказаній о боѣ отца съ сыномъ съ русскими былинами указываетъ на ихъ довольно большую близость, совпа-

дающую даже въ мелочахъ. Менѣе сходства между русскими былинами съ этимъ сюжетомъ и западно-европейскими сказаніями.

5) **Верхне-нѣмецкій разсказъ о боѣ отца съ сыномъ.** Гильдебрандъ собирается вернуться въ Бернъ, гдѣ онъ не былъ въ теченіе 30 лѣтъ. Тамъ жила его жена Утэ. Герцогъ Амелунгъ, узнавъ о намѣреніи Гильдебранда, предостерегаетъ его противъ молодого витязя Алебранда, который живетъ на заставѣ и нападетъ на него. Гильдебрандъ отвѣчаетъ, что, если Алебрандъ нападетъ на него, то онъ изрубитъ его щитъ и такъ накажетъ, что цѣлый годъ будетъ жаловаться матери. Дѣйствительно, на заставѣ у Берна Гильдебрандъ сталкивается съ Алебрандомъ. Алебрандъ спрашиваетъ старика, что ему нужно, и замѣчаетъ, что лучше бы онъ сидѣлъ дома и грѣлся на печи. Завязывается бой. Гильдебрандъ обезоруживаетъ молодого витязя и спрашиваетъ, чей онъ сынъ. Оказывается, что Алебрандъ — его сынъ. Отецъ съ сыномъ рады и вмѣстѣ ѣдутъ къ Утэ.

6) **Нижне-нѣмецкій разсказъ.** Предыдущій эпизодъ въ нижненѣмецкомъ разсказѣ передается нѣсколько иначе. Гильдебрандъ выѣзжаетъ къ Берну. Молодой Конрадъ, провожающій Гильдебранда, совѣтуетъ ему при встрѣчѣ съ Алебрандомъ быть поласковѣе и сказаться его отцомъ, иначе ему можетъ сильно достаться отъ Алебранда. Сообщивъ Гильдебранду примѣты его сына, Конрадъ разстался съ Гильдебрандомъ. Гильдебрандъ встрѣчаетъ Алебранда: послѣдній—на бѣломъ конѣ, въ бѣломъ вооруженіи; рядомъ съ нимъ два выжлеца, а по лѣвую сторону—ястребъ. Завязывается бой. Древки ихъ копій разламываются пополамъ. Противники сходятъ съ коней и бьются мечами. Гильдебрандъ во время боя трижды спрашиваетъ Алебранда объ его имени, а тотъ отвѣта не даетъ. Гильдебрандъ наносилъ противнику рану въ бедро. Алебрандъ передаетъ Гильдебранду свой мечъ. Когда Гильдебрандъ протянулъ руку къ мечу, Алебрандъ неожиданно взмахнулъ мечомъ, чтобы отрубить противнику руку. Гильдебрандъ во время заслонился щитомъ и сказалъ: „этому удару ты научился у бабы, а не у отца“. Гильдебрандъ набрасывается на юношу, опрокидываетъ его и заноситъ надъ нимъ мечъ со словами: „если ты—Алебрандъ, то я—отецъ твой Гильдебрандъ“. Алебрандъ называетъ себя. Этотъ разсказъ легъ въ основу и Тидрекъ-саги.

7) **Кельтскія сказанія о Клизаморѣ и Картонѣ.** Клизаморъ, одинъ изъ ирскихъ богатырей, былъ прибитъ бурей къ берегамъ рѣки Клейда. Ревтамиръ, старѣйшина ближайшаго города, населеннаго бриттами, оказываетъ Клизамору гостепріимство и выдаетъ за него замужъ свою дочь Моину. Среди бриттовъ былъ одинъ, который давно уже любилъ дочь Ревтамира. Этотъ бриттъ затѣваетъ съ своимъ счастливымъ соперникомъ бой и погибаетъ. Бритты собираются отомстить Клизамору за своего соотечественника, и Клизаморъ едва спасается вплавь. Дойдя до своихъ судовъ, Клизаморъ хочетъ вернуться назадъ за женой, но противный вѣтеръ мѣшаетъ ему, и онъ вынужденъ вернуться на родину безъ жены.

Между тѣмъ Моина родила сына и въ скоромъ времени умираетъ. Дѣдъ воспитываетъ малютку и даетъ ему имя Картонъ. Прошло три года. Вождь ировъ Комгалъ во время одного изъ своихъ походовъ сжегъ родной городъ Картона; дѣдъ Картона былъ убитъ, а самъ Картонъ былъ спасенъ няней. Картонъ, достигши юношескаго возраста, рѣшается отомстить ирамъ. Въ бою, происшедшемъ между ирами и бриттами, Картонъ побѣждаетъ двухъ самыхъ выдающихся ирскихъ богатырей. Наконецъ, противъ Картона выступаетъ Клизаморъ. Картонъ, увидѣвъ противъ себя богатыря-старца, задумался: „Поднему-ли я противъ него копье мое, всегда падающее такъ вѣрно, или обращу къ нему слово мира, чтобы пощадить его жизнь? Какъ онъ еще статенъ подъ тяжестью лѣтъ... Что, ежели это—мужъ Моины, отецъ Картона? Не разъ приходилось мнѣ слышать, что онъ долженъ жить на берегахъ этихъ“. Клизаморъ занесъ свое копье на Картона. Картонъ принялъ ударъ на свой щитъ и, обратившись къ Клизамору, сказалъ ему мирное слово: „Развѣ некѣмъ тебѣ замѣниться, сѣдатый воинъ? Или нѣтъ у тебя сына, чтобы выйти противъ меня? Или нѣтъ у тебя милой жены, или плачетъ она надъ могилой сыновей своихъ? Кто ты? Сидишь-ли въ рядахъ королей? И какова же будетъ моя удача молодецкая, если ты падешь подъ моими ударами?“ — „Не мала бы она была, молодой нахвальщичекъ, — отвѣчаетъ Клизаморъ:—я выросъ посреди браней, но никогда еще не называлъ я врагу своего имени“. Клизаморъ и Картонъ сражаются. Картону удается сломать копье Клизамора и вырвать изъ его рукъ мечъ; онъ уже собирается связать старика, но старикъ выхватилъ изъ ноженъ кинжалъ

своихъ предковъ и, замѣтивъ у Картона открытое мѣсто, наноситъ ему ударъ въ бокъ. Картонъ падаетъ, смертельно раненный. Открывается, что Картонъ—сынъ Клизамора. Отецъ въ отчаяніи. Смерть Картона оплакиваютъ три дня. На четвертый умираетъ самъ Клизаморъ.

Приведенные западно-европейскіе варіанты боя отца съ сыномъ носятъ уже сильный отпечатокъ позднѣйшей эпохи. Но нѣтъ сомнѣнія, что и они возникли на почвѣ тѣхъ коллизій, которыя создавались на границѣ двухъ эпохъ—коммунистической и патріархально-рододой.

336. Исторія образа Ильи Муромца. По былинамъ записи XIX в. богатырь Илья—крестьянскаго происхожденія. Родители Ильи—земледѣльцы, поднимающіе новь, очищающіе площадку отъ дубья-колодья подъ пашню. Исцѣленный каликами, Илья идетъ въ поле и быстро кончаетъ начатую его отцомъ работу. Таково происхожденіе Ильи по былинамъ позднѣйшихъ записей. Былины старой записи ничего не знаютъ о крестьянскомъ происхожденіи Ильи. Изъ этого слѣдуетъ, что Илья Муромецъ былъ сдѣланъ крестьяниномъ уже въ новѣйшее время, когда кіевскія старины, послѣ разгрома класса скомороховъ-пѣвцовъ, попали въ крестьянскую среду. Этотъ выводъ подкрѣпляется и тѣмъ соображеніемъ, что полученіе Ильей силы богатырской до сихъ поръ излагается двояко: по однѣмъ былинамъ, Илья получилъ силу отъ каликъ перехожихъ—версія весьма подозрительная, потому что передающія ее былины нескладны и отличаются плохимъ стихомъ, а по другимъ—Илья выступаетъ съ самаго начала богатыремъ, причемъ его силы увеличиваются благодаря той богатырской школѣ, которую онъ проходитъ подъ руководствомъ иноземнаго прикавказскаго богатыря Святогора — версія, наиболѣе соотвѣтствующая начальнымъ моментамъ нашей исторіи: русская сила, дѣйствительно, развивалась и крѣпла подъ протекторатомъ прикавказской хазарской силы, наслѣдниками которой становятся русскіе князья, въ томъ числѣ каганъ кіевскій — Владиміръ. Кромѣ того, крестьянское происхожденіе Ильи ровно ничѣмъ не выражается въ другихъ былинахъ.

Илья, какъ богатырь крестьянскаго происхожденія, прикрѣпленъ къ городу Мурому и селу Карачарову, т. е. къ Ростово-Суздальской области. Отсюда и прозвище Ильи — Муромецъ. Такъ обстоитъ дѣло по былинамъ позднѣйшей за-

писи. Но если мы обратимся къ старымъ записямъ былинъ, то найдемъ достаточно указаній на то, что такое пріурочиваніе—плодъ позднѣйшаго творчества той эпохи, когда вмѣстѣ съ колонизаціоннымъ движеніемъ изъ Кіевской области въ Ростово-Суздальскій край кіевскія старины попали на сѣверовостокъ и имена лицъ, названія мѣстностей Кіевской области стали сближаться и смѣшиваться съ именами дѣятелей и названіями мѣстностей въ Ростово-Суздальской области. Кмита Чернобыльскій (XVI в.) называетъ Илью не Муромцемъ, а Муравлениномъ, Эрихъ Лассота (XVI в.) — Моровлиномъ; въ записяхъ былинъ XVII в.—Муровичъ и Муровѣцъ, у испанца Кастильо, который жилъ въ Россіи въ концѣ XVIII в.,—Elia Muravitz, въ финскихъ отголоскахъ нашихъ былинъ—Muurovitza.

Всѣ эти формы болѣе древняго прозвища Ильи, съ XVI в. и до конца XVIII в., заставили изслѣдователей изучить названія разныхъ городовъ и мѣстностей въ Кіевской области. Изученіе привело къ констатированію существованія цѣлаго ряда названій весьма близкихъ къ старому прозвищу Ильи. На Волыни есть мѣстности подъ названіемъ Моровескъ и Муравица. Въ одной волынской пѣснѣ воспѣвается рѣка Муравецъ. Но особенно прочно можно установить существованіе мѣстъ съ названіемъ, близкимъ къ старому прозвищу Ильи, въ Черниговской области. Въ Черниговской губ. есть село Моровскъ, соотвѣтствующее древнему городу Моровійску, первое упоминаніе о которомъ встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1139 г. Именно, въ этомъ городѣ Ярополкъ кіевскій заключаетъ миръ съ Всеволодомъ Ольговичемъ. Въ 1152 г. Изяславъ по дорогѣ въ Черниговъ, осажденный Юріемъ Долгорукимъ и половцами, останавливается у Моровійска; въ 1154 г. Юрій Долгорукій во время похода на Черниговъ останавливается у этого же города; Святославъ Черниговскій подъ 1159 г. перечисляя принадлежащіе ему города, называетъ, между прочимъ, Моровійскъ; въ 1160 г. въ Моровійскъ пріѣхали Святославъ Мстиславовичъ для заключенія союза; въ 1175 г. Олегъ Святославичъ новгородъ-сѣверскій въ борьбѣ съ Святославомъ Всеволодовичемъ сжигаетъ его городъ Моровійскъ. „Книга Большому Чертежу“ знаетъ даже и описываетъ Муравскій шляхъ (дорогу) отъ Куликова поля мимо Тулы, между рѣками Упой и Соловой—до Крыма.

На границѣ Черниговскаго княжества и Новгородъ-Сѣверскаго находился городъ Карачевъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ впервые съ 1146 г.: во время усобицы съ черниговскими князьями новгородъ-сѣверскій князь Святославъ Ольговичъ, не надѣясь удержаться въ своемъ городѣ, направился къ Карачеву, разорилъ его и бѣжалъ далѣе къ вятичамъ; заключивъ миръ около 1155 г., Святославъ вымѣнялъ себѣ Карачевъ. Затѣмъ Карачевъ становится достояніемъ Святослава Всеволодовича кіевскаго (дѣйствующаго въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ §§ 254 — 262) и служитъ для кіевскихъ князей базой въ борьбѣ съ половцами и Рязанью. Въ 25 верстахъ отъ Карачева протекаетъ рѣка Смородиная, а на берегу ея находится село Девятидубье и „Соловьевъ переводъ“. По мѣстному преданію, здѣсь именно жилъ въ древности Соловей-разбойникъ.

Эти данныя заставляютъ предполагать, что до Ростово-Суздальской эпохи въ русской исторіи дѣятельность Ильи связывалась съ Черниговской областью и пріурочивалась къ городамъ Моровійску и Карачеву. Такое предположеніе находится, *во-первыхъ*, въ полномъ согласіи съ исторіей: въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ (съ XI—XIII) Черниговъ играетъ роль соперника Кіева по силѣ, богатству и славѣ; Черниговская область является ареной, гдѣ происходятъ многочисленныя военныя столкновенія русскихъ князей другъ съ другомъ или съ половцами. Былины, изображающія освобожденіе Чернигова отъ осаждающей его силы, являются несомнѣнно отголоскомъ историческихъ событій, связанныхъ съ именемъ этого города. Въ одной изъ нынѣшнихъ былинъ роднымъ городомъ Ильи называется Моровъ, напоминающій по своему звуковому составу— Моровійскъ. По другой былинѣ Илья проситъ у отца благословенія ѣхать въ Черниговъ и уже изъ Чернигова отправляется въ Кіевъ къ Владимиру. *Во-вторыхъ*, при этомъ предположеніи устраняется рядъ недоразумѣній, возбуждаемыхъ нынѣшней редакціей былинъ о первомъ выѣздѣ Ильи: Илья выѣзжаетъ изъ Мурома и села Карачарова съ цѣлью попасть въ Кіевъ; Черниговъ стоитъ значительно въ сторонѣ отъ пути въ Кіевъ; между тѣмъ Илья Муромецъ попадаетъ подъ Черниговъ, дѣлая такимъ образомъ значительный крюкъ, ничѣмъ не объясняемый. Если же предположить, что Илья выѣзжалъ изъ Моровійска, то тогда дѣйствительно Илья неизбѣжно долженъ былъ по пути въ Кіевъ проѣхать мимо Чернигова.

Однако и пріуроченіе начальной дѣятельности Ильи къ Черниговской области было, по всей вѣроятности, плодомъ творчества въ концѣ XII в., когда Кіевъ становится, наконецъ, достояніемъ Ольговичей (§ 251). Между тѣмъ Илья Муромецъ настолько ярко выступаетъ, какъ богатырь, проникнутый идеей служенія Русской землѣ и ея представителю князю Владиміру, что его образъ не могъ возникнуть въ эпоху дробленія Руси на отдѣльныя княжества, когда общерусскіе интересы отступили передъ интересами мѣстными. Образъ Ильи Муромца долженъ былъ зародится въ великую эпоху Владимира Св., когда впервые у русскаго правящаго класса съ княземъ во главѣ возникли интересы культурно-государственнаго порядка. Объ этомъ первоначальномъ періодѣ, пережитомъ старинами объ Ильѣ Муромцѣ, мы находимъ нѣкоторые замѣчательные отголоски въ германской поэмѣ „Ортнитъ“ (начало XIII в.) и въ норвежской поэмѣ „Тидрекъ-сагѣ“ (половина XIII в.).

Въ поэмѣ „Ортнитъ“ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ является Ilias von Riuzen русскій князь Илья (варіанты этого имени: Yllias, Ilias, Illas, Elias, Elígas, Eligás). Этотъ Иліасъ—дядя короля Ортнита по матери и его самый вѣрный помощникъ. Онъ выбираетъ своему племяннику въ супруги дочь Махареля, сирійскаго короля, предпринимаетъ съ нимъ походъ за невѣстой, съѣздя предварительно на Русь, чтобы попрощаться съ женой, дѣтьми и дружиной. Походъ кончается успѣшно. Иліасъ въ битвѣ такъ разошелся, что Ортниту едва удалось сдержать его; изъ-за этого Ортнитъ чуть не разсорился съ нимъ. Но когда Ортнитъ, утомленный битвой, попалъ въ критическое положеніе, Иліасъ спѣшитъ къ нему на выручку и обращаетъ непріятеля въ бѣгство.

Въ этой поэмѣ замѣчательно то, что отношенія между Ортнитомъ и Иліасомъ соотвѣтствуютъ отношеніямъ между Владиміромъ и его дядей Добрыней. Оба находятся въ одинаковыхъ отношеніяхъ родства: Иліасъ—дядя Ортнита по матери, Добрыня—дядя Владимира по матери; какъ Иліасъ добываетъ Ортниту въ походѣ невѣсту, предварительно съѣздивъ на Русь проститься со своими, такъ Добрыня, возвратившись изъ Скандинавіи, сватаетъ и затѣмъ въ походѣ добываетъ Владиміру Рогнѣду; какъ Иліасъ въ битвѣ сильно расходится, такъ Добрыня, добывая Рогнѣду, жестоко расправляется съ ея родными. Замѣчательно также, что добываніе Владиміру невѣсты

составляетъ сюжетъ особой былины, въ которой дѣятельное участіе принимаетъ именно Добрыня (§ 318).

Еще любопытнѣе отголоски о древнемъ Ильѣ въ Тидрекъ-сагѣ. Поэма эта даетъ своеобразную генеалогію русскихъ князей. На Руси (Ruzciland) царствуетъ Гертнитъ (соотвѣтствуетъ Ортниту предыдущей поэмы). Ему подчинена большая часть Греціи. Столица Руси—Holmgard (Новгородъ). У короля два сына — Озангтриксъ и Владимиръ; кромѣ нихъ у него есть еще третій сынъ—Иліасъ, но не отъ королевы, а отъ наложницы. Передъ смертью Гертнитъ распредѣляетъ земли между сыновьями: Озангтриксъ получаетъ Uillcinaland (повидимому, страна лютичей-велетовъ), Иліасъ, который называется въ сагѣ „великимъ воеводой и могучимъ бойцомъ“, получаетъ въ управленіе Грецію, а Владиміръ получаетъ область Pulinaland (землю полянъ) и титулъ короля всей Руси. Изъ эпизодовъ, о которыхъ разсказываетъ Тидрекъ-сага, любопытенъ слѣдующій: король Гуналанда Аттила ведетъ войну съ Владиміромъ и отнимаетъ у него городъ Palteskia (Полоцкъ).

Эти данныя изъ Тидрекъ-саги представляютъ несомнѣнный поэтическій отголоскоу древне-русской исторіи. Князь Святославъ, соотвѣтствующій Гертниту Тидрекъ-саги, дѣйствительно, еще при жизни распредѣляетъ области между своими тремя сыновьями — Ярополкомъ (Кіевская область), Олегомъ (Древлянская область) и Владиміромъ (Новгородская область); Грецію, фигурирующая, какъ часть Руси, повидимому, означаетъ, съ одной стороны, нѣкоторыя греческія колоніи на сѣверномъ берегу Чернаго моря и у Азовскаго моря, принадлежавшія русскимъ, а съ другой—Болгарію, завоеванную Святославомъ; эпизодъ съ Полоцкомъ является отголоскомъ завоеванія его Владиміромъ у Рогволода. Но любопытнѣе всего воспоминаніе Тидрекъ-саги о наложницѣ. Правда, Тидрекъ-сага перепутала: Владиміръ былъ сыномъ отъ королевы, а Иліасъ отъ наложницы, тогда какъ по нашимъ лѣтописнымъ преданіямъ Владиміръ былъ сыномъ отъ наложницы, братомъ которой былъ Добрыня, соотвѣтствующій по поэмѣ „Ортнитъ“ Иліасу.

Сопоставляя данныя изъ поэмы „Ортнитъ“ и „Тидрекъ-саги“ съ нашими лѣтописными преданіями, приходится заключить, что Илья западно-европейскихъ поэмъ—никто иной, какъ дядя Владиміра, извѣстный въ лѣтописяхъ подъ именемъ Добрыни. Это заключеніе возбуждаетъ рядъ вопросовъ.

Во-первыхъ, откуда въ скандинавскую „Тидрекъ-сагу“ и въ ея отголосокъ—германскую поэму „Ортнитъ“ могли попасть факты изъ русской исторіи? Этотъ вопросъ разрѣшается очень просто: между Скандинавіей и древней Русью существовали дѣятельныя сношенія, которыя поддерживались варягами, отправлявшимися на службу къ русскимъ князьямъ и затѣмъ возвращавшимися назадъ. Возвратившись на родину, они должны были разсказывать своимъ близкимъ о собственныхъ приключеніяхъ на Руси, о тѣхъ лицахъ, у которыхъ они служили, о событіяхъ, свидѣтелями и участниками которыхъ они были. Если среди вернувшихся варяговъ были пѣвцы-поэты, то они объ этихъ лицахъ и событіяхъ разсказывали въ формѣ пѣсни. Такимъ образомъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ скандинавскихъ пѣсняхъ мы находимъ отголоски древне-русской исторіи. А изъ скандинавскихъ пѣсенъ съ русскимъ содержаніемъ могъ почерпать содержаніе и родственный скандинавскому — германскій эпосъ (§ 294). Возвращавшіеся на родину варяги, знавшіе хорошо отношенія, существовавшія въ русскихъ правящихъ кругахъ, не могли не знать Добрыни и его роли въ жизни и княженіи Владимира.

Во-вторыхъ, въ поэмѣ „Ортнитъ“ Илія-Добрыня изображается заѣзжимъ иностраннымъ богатыремъ изъ Руси. Почему? По всей вѣроятности, это является отраженіемъ слѣдующаго, вѣроятно, дѣйствительно бывшаго факта. Подъ 977 г. „Сильвестровъ сводъ“ сообщаетъ слѣдующее: Владимиръ, услышавъ о томъ, что Ярополкъ убилъ Олега, испугался и бѣжалъ изъ Новгорода къ варягамъ за море. Владимиру въ то время было около 16—17 лѣтъ; его руководителемъ, по лѣтописи, былъ дядя Добрыня. Ясно, что Владимиръ бѣжалъ не одинъ, а съ дядей. Въ Скандинавіи Владимиръ съ Добрыней пробылъ до 980 г., т. е. около трехъ лѣтъ. Трудно предположить, чтобы такой даровитый человѣкъ, какъ Добрыня, за это время не проявилъ себя какими нибудь дѣйствіями, обратившими на себя вниманіе туземныхъ скандинавскихъ общественныхъ группъ: не даромъ черезъ три года Добрынѣ удалось увлечь за Владимиромъ и собою отрядъ варяговъ, благодаря которому Владиміръ завладѣлъ всей Русской землей.

Въ-третьихъ, если лѣтописный Добрыня и Иліасъ—одно и то же лицо, то почему Добрыня въ „Ортнитѣ“ и „Тидрекъ-сагѣ“ выступаетъ подъ именемъ Иліаса, т.-е. Иліи большин-

ства нашихъ былинъ? Этотъ вопросъ—самый трудный для разрѣшенія. Отвѣтомъ можетъ послужить только рядъ предположеній, одинаково вѣроятныхъ (§ 287, 295).

Первое предположеніе состоитъ въ томъ, что имя Добрыня постепенно вытѣснялось въ пѣсняхъ объ этомъ дѣятелѣ именемъ Илья, принадлежавшимъ какому-нибудь позднѣйшему дѣятелю. Это предположеніе находитъ себѣ опору въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ данныхъ. Въ „Древнемъ Новгородскомъ сводѣ“ (§ 189) упоминается князь Илья, сынъ Ярослава Мудраго. Вотъ это мѣсто: „И родися у Ярослава сынъ Илия и посади и (его) въ Новгородѣ; онъ же умьре“. Итакъ, у Ярослава былъ сынъ по имени Илья, который даже управлялъ Новгородомъ. Въ свое время этотъ Илья былъ лицомъ очень извѣстнымъ: по крайней мѣрѣ, въ сагахъ онъ, подъ именемъ Гольти, т.-е. ловкаго, быстраго, фигурируетъ рядомъ съ Вальдимаромъ (Владимиромъ) и Висиволодомъ. Въ виду этого вполнѣ возможно, что въ образъ былиннаго Ильи Муромца вошли даже нѣкоторыя черты личности новгородскаго князя Ильи.

Второе предположеніе состоитъ въ томъ, что имя Добрыня вытѣснялось созвучнымъ съ словомъ Илья именемъ какого-нибудь предшествующаго русскаго дѣятеля. Варіантъ имени Иліаса—Eligas—указываетъ, имя какого именно дѣятеля могло имѣть здѣсь вліяніе. Форма Eligas, съ удареніемъ безразлично на первомъ отъ конца или на второмъ отъ конца слогѣ, соотвѣтствуетъ древне-русской формѣ „Ольгъ“ и народной Вольга. Эрихъ Лассота (§ 296) имя Ильи Муромца передаетъ въ формѣ Elia, соотвѣтствующей варіанту Elias въ поэмѣ „Ортнитъ“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ поэмы „Ортнитъ“ прямо встрѣчаются формы Yllias, Ilias, Illias. Итакъ, повидимому, имя Добрыни могло вытѣсняться именемъ древне-русскаго князя Олега Вѣщаго. Для такого вытѣсненія были важныя въ процессѣ устной передачи пѣсенъ причины: 1) Олегъ, по „Начальному Кіевскому своду“ (§ 206), при Игорѣ игралъ такую же роль, какъ и Добрыня при Владимирѣ: онъ управлялъ за Игоря государствомъ, совершилъ рядъ блестящихъ походовъ и завоеваній, перенесъ столицу въ Кіевъ, побѣдилъ грековъ; 2) Олегъ, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, былъ братъ жены Рюрика, слѣдовательно, находился въ такихъ же отношеніяхъ родства къ Игорю, какъ Добрыня къ Владимиру. По этимъ причинамъ пѣсни о Добрынѣ невольно должны были смѣши-

ваться и спутываться съ пѣснями объ Олегѣ Вѣщемъ, причемъ имя Добрыни могло легко замѣняться именемъ Олега; а такъ какъ нѣкоторыя формы этого имени близко подходятъ къ имени Илья, то въ концѣ концовъ замѣниться этимъ именемъ. Второе предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующемъ фактѣ. Въ одномъ проложномъ житіи Владимира Св., въ разсказѣ о походѣ Владимира на Корсунь, сообщается, что Владимиръ, взявъ Корсунь, „посла Олга воеводу съ Жьдеберномъ въ Царьградъ къ царямъ просити за себе сестры ихъ“. Изъ этого сообщенія видно, что Добрыню, воеводу Владимира, устныя преданія, записанныя авторомъ проложнаго житія, уже смѣшивали съ Олегомъ, который превратился въ воеводу Владимира.

Второе предположеніе, т.-е. вытѣсненіе имени Добрыни именемъ Олега въ формахъ, близкихъ къ имени Илья, бросаетъ свѣтъ и на прозвище Ильи—Муромецъ. Въ одномъ „Торжественникѣ“ (§ 78) разсказывается о завоеваніи новгородскимъ русскимъ княземъ Бравислиномъ, или Бравлиномъ, южнаго берега Крыма отъ Корсуня и до Корчева. Взявъ городъ Сурожъ (Судакъ), князь Бравленинъ-Бравлинъ ворвался въ церковь св. Софіи и сталъ грабить гробъ св. Стефана Сурожскаго. Но здѣсь произошло чудо: князь упалъ и сталъ источать пѣну, крича, что великій человѣкъ ударилъ его по лицу. Это былъ св. Стефанъ, который сказалъ, что не выпуститъ его, пока не крестится. Князь крестился. Далѣе разсказывается объ исцѣленіи корсунской царицы Анны. Въ этомъ сказаніи прежде всего интересно упоминаніе о корсунской царицѣ Аннѣ, тезкѣ той царицы Анны, на которой полтора вѣка спустя, послѣ похода князя Бравленина-Бравлина женился въ Корсунѣ Владимиръ. Далѣе обращаетъ на себя вниманіе имя, точнѣе, прозвище князя—Бравленинъ, или Бравлинъ. Слово Бравлинъ, повидимому, образовалось изъ Мравлинъ (какъ Бохмитъ изъ Магометъ, бахрома изъ махрама); краткогласная форма Мравлинъ, Мравленинъ соотвѣтствуетъ полногласнымъ Моровлинъ, Моровленинъ. Слова Мравлинъ, Мравленинъ и Моровлинъ, Моровленинъ, въ свою очередь, могли возникнуть параллельно словамъ Мурмонинъ, Нурманинъ, Урманинъ, соотвѣтствующимъ германскому Normannen, т.-е. названію скандинавовъ. Итакъ, Бравленинъ, Бравлинъ, вѣроятнѣе всего, означаетъ Мурманинъ, Урманинъ, Норманнъ.

Такъ называемая „Іоакимовская“, лѣтопись называетъ Олега княземъ Урманскимъ, т.-е. Норманнскимъ.

Прозвище Ильи „Муромецъ“, какъ извѣстно, представляетъ позднѣйшее осмысленіе слѣдующихъ формъ: Муровичъ (XVII в.), Моровлинъ и Муравленинъ (XVI в.); послѣднія формы, въ свою очередь, являются искаженіемъ первоначальныхъ формъ: Мурманинъ, Урманинъ, что значило—Норманинъ, норманнскій. Итакъ, Илья Муромецъ означаетъ—Илья Норманнъ. Повидимому, на Добрыню-Илью, „храбора и нарядна мужа“, перенесено было изъ древнихъ пѣсенъ объ Олегѣ не только имя послѣдняго, но и прозвище, обозначавшее племя, изъ котораго происходили удалые вожди-завоеватели, и получившее потомъ нарицательное значеніе. Такое толкованіе не противорѣчитъ исторической теоріи княжеско-дружиннаго эпическаго творчества и находится въ полномъ согласіи съ историческими фактами древнерусской жизни.

337. Илья Муромецъ и лѣтописный Добрыня, дядя Владимира. Личность Добрыни, дяди Владимира, насколько ее можно возсоздать по отрывочнымъ и, безъ сомнѣнія, неполнымъ лѣтописнымъ даннымъ, не противорѣчитъ основнымъ чертамъ образа Ильи Муромца, не смотря на рядъ наслоеній, легшихъ на него.

Во-первыхъ, Илья, по былинамъ, не родовитъ, даже низкаго происхожденія. Поэтому, хотя Илья своими могучими силами и подвигами внушаетъ Владимиру и его приближеннымъ князьямъ и боярамъ уваженіе, однако все-таки при дворѣ на него смотрятъ, какъ на неровню, и иногда это подчеркиваютъ: Илью Владимиръ „забываетъ“ пригласить на пиръ; Ильѣ Владимиръ даритъ не цѣнные подарки, какъ князьямъ и боярамъ, а кое-что—татарскую шубу. Добрыня также былъ незнатнаго происхожденія. Про отца его изъ лѣтописи мы знаемъ только, что имя его было Малкъ, а родомъ онъ былъ Любечанинъ; но относительно сестры Добрыни мы знаемъ, что она была „рабыня“, занимала должность прислужницы при дворѣ Ольги; можетъ быть, и Добрыня имѣлъ какую-нибудь невысокую должность тамъ же. Во всякомъ случаѣ Добрыня, братъ рабыни, долженъ былъ считаться среди древнерусскаго правящаго класса неблагороднымъ. Самого Владимира, которому Добрыня со стороны матери приходился дядей, вѣроятно, очень шокировало родство, напоминавшее ему о томъ,

что и онъ—„робичичъ“. Очень можетъ быть, что Владиміръ, угнетаемый сознаніемъ своей собственной неродовитости, иногда въ присутствіе своихъ приближенныхъ въ преувеличенныхъ формахъ подчеркивалъ свое пренебреженіе къ Добрынѣ.

Во-вторыхъ, Илья—могучій богатырь, неустанный борецъ за Русскую землю и Владиміра, даровитый слуга Владиміра; онъ берется и прекрасно выполняетъ предпріятія, которыя не по силамъ остальнымъ даровитымъ помощникамъ Владиміра. Добрыня, по лѣтописямъ,—воевода Владиміра, „храборъ и наряденъ (распорядительный) мужъ“. Эти эпитеты вполнѣ оправдываются лѣтописными сообщеніями о дѣятельности Добрыни. Добрыня подсказываетъ новгородцамъ, чтобы они просили у Святослава на княженіе къ себѣ Владиміра; по смерти Святослава онъ спасъ Владиміра отъ угрожавшей ему отъ Ярополка опасности, убѣжавъ съ ними за границу; навербовавъ тамъ варяжскій отрядъ, Добрыня возвращается съ Владиміромъ въ Новгородъ; чтобы облагородить происхожденіе Владиміра, да кстати и свое, онъ сватаетъ за своего племенника родовитую Рогнѣду, а когда послѣдняя гордо и оскорбительно отказываетъ Владиміру, жестоко мститъ ей, убивъ ея родныхъ и отдавъ ее насильственно Владиміру; искусными дѣйствіями Добрыня избѣгаетъ кровопролитнаго сраженія съ Ярополкомъ: Ярополкъ погибаетъ одинъ, и кіевскій престолъ безъ особыхъ затрудненій достается Владиміру. Нѣтъ сомнѣнія, что и во всѣхъ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Владиміра роль вдохновителя, иниціатора и исполнителя принадлежала Добрынѣ, хотя лѣтопись объ этомъ упоминаетъ рѣдко: Добрыня искусно избавляетъ Владиміра и Кіевъ отъ исполненія требованій варяжской дружины; подъ вліяніемъ Добрыни Владиміръ демонстративно поддерживаетъ русскій религіозный культъ въ Кіевѣ, причемъ Добрыня, получившій отъ Владиміра въ управленіе Новгородъ, то же самое дѣлаетъ въ Новгородѣ; рядъ походовъ (завоеваніе Червонной Руси, походы на вятичей, ятвяговъ, радимичей, камскихъ болгаръ) былъ предпринятъ, вѣроятно, по иниціативѣ Добрыни, въ интересахъ котораго было громкими дѣяніями возвысить Владиміра и себя и этимъ сдѣлать прочнымъ его положеніе и свое. Искусно задуманный и хорошо совершенный походъ на Корсунь въ связи съ принятіемъ византійскаго христіанства и вступленіемъ Владиміра въ бракъ съ греческой царевной,

навѣрно, былъ дѣломъ рукъ Добрыни, такъ какъ этотъ походъ, съ одной стороны, породнилъ Владимира, а слѣдовательно, и Добрыню съ византійскими императорами, а съ другой,— ввелъ русское государство, благодаря принятію крещенія, въ кругъ культурныхъ европейскихъ государствъ.

Въ-третьихъ, Илья выступаетъ на богатырское поприще послѣ продолжительнаго періода бездѣйствія: онъ тридцать лѣтъ и три года сиднемъ сидѣлъ, и только получивъ чудесное исцѣленіе отъ каликъ, обнаружилъ громадныя силы. Соотвѣтственно этому и Добрыня своимъ положеніемъ первоначально обреченъ былъ на бездѣйствіе. Случайное обстоятельство, что у его сестры родился отъ Святослава сынъ, ввело Добрыню въ ряды русскаго правящаго класса, гдѣ могли развернуться его блестящіе таланты. Если бы не это обстоятельство, жизнь Добрыни, вѣроятно, протекла бы совершенно иначе, и историческаго значенія не имѣла бы никакого.

Въ-четвертыхъ, Илья Муромецъ представленъ въ нашемъ эпосѣ старымъ, даже матерымъ. Старость, седьмая степень возраста, по древнимъ представленіямъ, охватывала періодъ жизни между 40 и 55 годами. Этотъ возрастъ характеризовался не такими чертами, какъ теперь, т.-е. не слабостью и дряхлостью, а мужествомъ, установившейся твердостью и крѣпостью. Илья Муромецъ называется старымъ именно въ этомъ смыслѣ. Онъ представляется богатыремъ, которому не менѣе 40 лѣтъ отъ роду. Возрастъ Добрыни въ періодъ его дѣятельнаго участія въ дѣлахъ княженія Владимира долженъ соотвѣтствовать возрасту Ильи: если предположить, что Добрынѣ въ тотъ моментъ, когда Владиміръ былъ посаженъ въ Новгородѣ (970), было отъ 25—30 лѣтъ (моложе онъ, братъ матери Владимира, не могъ быть, такъ какъ врядъ ли назначенъ былъ бы руководителемъ Владимира), то къ 980 г., когда Владиміръ сталъ кіевскимъ княземъ, онъ долженъ былъ имѣть отъ 35—45 лѣтъ. Съ этого момента тянется рядъ громкихъ событій княженія Владимира; вдохновителемъ и участникомъ этихъ событій былъ Добрыня. Такимъ образомъ, эти событія совпали съ той степенью возраста Добрыни, которая въ древности называлась старостью. Вслѣдствіе этого образъ Добрыни долженъ былъ сохраниться въ воображеніи его современниковъ и потомковъ непремѣнно съ чертами стараго и матераго.

Въ-пятыхъ, Илья требуетъ къ себѣ отъ Владимира особаго вниманія; онъ оскорбляется пренебреженіемъ, которое иногда обнаруживаетъ къ нему Владиміръ, выражаетъ свое оскорбленіе въ рѣзкихъ выходкахъ (стрѣляетъ по золоченнымъ маковкамъ дворца или по крестамъ церквей) и волнуетъ простонародье (голи кабацкія); онъ признается послѣ примиренія съ Владиміромъ, что имѣлъ намѣреніе убить его и его супругу; онъ говоритъ, что Владиміръ своимъ княженіемъ обязанъ ему; онъ даже ругаетъ Владимира поносными словами (дурнемъ). Требованія Ильи и его отношеніе къ Владиміру совершенно объясняются при предположеніи, что Илья— не кто иной, какъ лѣтописный Добрыня: Добрыня, на правахъ родственника, искусный политикъ, которому Владиміръ обязанъ былъ престоломъ и славой своего княженія, могъ ставить своему племяннику такія требованія, могъ позволять себѣ въ отношеніи къ нему такія вещи, которыя немыслимы были бы со стороны другихъ слугъ Владимира.

Параллель между Ильей Муромцемъ и Добрыней не противорѣчитъ гипотезѣ, предполагающей, что образъ Ильи Муромца первоначально былъ поэтическимъ отраженіемъ исторической личности Добрыни, дяди Владимира.

Второстепенные кіевскіе богатыри.

338. Былины о второстепенныхъ кіевскихъ богатыряхъ. Къ второстепеннымъ кіевскимъ богатырямъ относятся слѣдующіе: 1) Михаилъ (Иванъ) Даниловичъ и его отецъ Данила, 2) Сауръ Ванидовичъ и его сынъ Константинушка, 3) Суровецъ, 4) Василій Казимировичъ Пьяница, 5) Сухманъ, 6) Дунай (Донъ) Ивановичъ, 7) Михаилъ Потокъ, 8) Иванъ Годиновичъ, 9) Данила Ловчанинъ.

339. Связь нѣкоторыхъ былинъ о второстепенныхъ богатыряхъ. Нѣкоторыя изъ былинъ о второстепенныхъ кіевскихъ богатыряхъ имѣютъ между собою нѣкоторую связь по содержанію. Таковы былины о Михаилѣ (Иванъ) Даниловичѣ, Саурѣ Ванидовичѣ, Суровцѣ и Василіи Пьяницѣ. Поэтому ихъ удобнѣе разсматривать вмѣстѣ.

340. Михаилъ (Иванъ) Даниловичъ и его отецъ Данила. Состарившійся богатырь Данила Игнатьевичъ на пиру у Владимира просится въ монастырь — посвятить оста-

токъ жизни на спасеніе своей души. Владимиръ готовъ отпустить его, но опасается, что провѣдаютъ объ этомъ цари невѣрные, явятся со своими несмѣтными силами, разорятъ Кіевъ и его самого возьмутъ въ полонъ. Данила Игнатьевичъ успокоилъ Владимира, сказавъ ему, что онъ на защиту Кіева оставляетъ своего юнаго сына Михайлу (Ивана), и Владиміръ позволяетъ ему удалиться въ монастырь.

Невѣрный царь (Уланище), провѣдавъ, что въ Кіевѣ нѣтъ главнаго богатыря, явился подъ Кіевъ съ несмѣтными силами и требуетъ поединщика. Владиміръ ищетъ среди бояръ и поленицъ удалыхъ поединщика: никто не откликается на его призывъ. Является Михайла Даниловичъ, которому отъ роду всего двѣнадцать лѣтъ, и вызывается въ поединщики. Владиміръ говоритъ ему: „Ой же ты, Михайло да Даниловичъ! А и ростомъ то вѣдь ты же есь малешенекъ, да и разумомъ же ты глупешенекъ. Теперь отъ роду, Михайло, тебѣ двѣнадцать лѣтъ: потеряешь, братъ, ты, Михайло, свою голову“. Михайло, несмотря на недовѣріе Владимира къ его силамъ, все-таки рѣшается бороться съ невѣрной силой. По дорогѣ онъ заѣзжаетъ въ монастырь, чтобы взять благословеніе у своего отца. Отецъ научаетъ сына, какъ достать коня, благословляетъ сына и отпускаетъ его. Михайло сдѣлалъ такъ, какъ совѣтовалъ ему отецъ, и выѣхалъ на богатырскомъ конѣ въ поле. Конь совѣтуетъ Михайлѣ бить непріятельскую силу съ краю и не врѣзываться въ ея середину; непріятели сдѣлали три глубокихъ подкопа; два подкопа онъ перескочитъ, а третьяго—не перескочитъ. Михайло бьетъ коня по крутымъ бедрамъ и направляетъ его прямо въ средину непріятельской силы. Первые два подкопа конь благополучно перескочилъ, а третьяго не перескочилъ. Михайло упалъ въ подкопъ. Непріятели навалились на него, связали его шелковыми петлями, сковали его желѣзами тяжелыми и повели его къ царищу Уланищу. Михайло молится о помощи Спасу съ Богородицей. Тогда у Михайлы втрое силы прибыло. Разорвалъ онъ петли шелковыя, разломалъ желѣза тяжелыя, ухватилъ „ослядь“ телѣжную (одинъ изъ двухъ длинныхъ толстыхъ стяговъ, составляющихъ пяла телѣги) и началъ бить непріятелей [1]). Михайло перебиваетъ всю

[1]) По другимъ былинамъ, Михайло схватываетъ одного изъ непріятелей за ноги и имъ бьетъ непріятельскую силу (§ 331).

силу непріятельскую, добирается до царища Уланища, отрубаетъ ему голову и натыкаетъ ее на копье острое. Удивляется Михайло головѣ Уланища: ушища у царища—будто блюдища, а глазища — будто чаши пивныя, а носище — будто палица боевая. Надѣваетъ на себя Михайло костюмъ Уланища и ѣдетъ обратно въ Кіевъ.

Пока все это происходило, конь Михайлы успѣлъ выбраться изъ подкопа и побѣжалъ къ старчищу Данилищу. Догадавшись о неудачѣ сына, Данила садится на коня и отправляется на поиски его; въ рукѣ у него желѣзная клюка въ сорокъ пудъ. Ѣдетъ старчище Данилище и видитъ — ему навстрѣчу подвигается самъ Уланище. Данило собрался уже разсѣчь пополамъ своей клюкой Уланище съ конемъ его. Тогда раздался юный голосъ, по которому Данило въ Уланищѣ узналъ своего переодѣтаго сына. Данило поѣхалъ обратно въ монастырь, а Михайло въ Кіевъ. Дивились всѣ головѣ Уланища. Владимиръ задалъ пиръ.

Подробнѣе этотъ сюжетъ развитъ въ „Гисторіи о кіевскомъ богатырѣ Михаилѣ, сынѣ Даниловичѣ, двѣнадцати лѣтъ“.

Въ Кіевѣ у Владимира—торжество. Вдругъ въ свѣтлую горницу вбѣгаетъ молодецъ и сообщаетъ князю страшное извѣстіе: идетъ изъ большой орды царь Бахметъ, сынъ Тавруевичъ съ огромными силами; онъ собирается взять за щитомъ стольный градъ Кіевъ, всѣхъ князей и бояръ подъ мечъ подклонить и великаго князя полонить. Великій князь закручинился. Наливаетъ онъ въ турій рогъ меду сладкаго и подноситъ своимъ тридцати богатырямъ со словами: „Который изъ васъ выпьетъ турій рогъ меду сладкаго, тотъ бы вынелъ изъ подъ знамени человѣка перваго, который вѣдаетъ душу царскую“. Никто изъ богатырей не откликается на вызовъ Владимира. Тогда выходитъ младъ Михайло, сынъ Даниловичъ, который берется выпить турій рогъ меду сладкаго и вынуть изъ подъ знамени человѣка перваго, вѣдающаго царскую душу. Владимиръ говоритъ Михайлѣ: „Младъ Михайло, сынъ Даниловичъ! Малымъ ты малешенекъ и молодымъ ты молодешенекъ: всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ; а умомъ ты, Михайло, сынъ Даниловичъ, глупешенекъ, въ чистомъ полѣ не бывалъ, кривого ты человѣка не видывалъ, на крѣпкомъ дѣлѣ не стаивалъ, ребячьимъ умомъ говоришь“. На это Михайло отвѣчаетъ: „Государь, князь Владимиръ Всеславьевичъ Кіевскій! Вели,

государь, поимать гоголя и вели держать три года, да пусти, государь, того гоголя на воду, и умѣетъ ли тотъ гоголь по водѣ плавати: такъ то наше богатырское сердце неизмѣнчиво". Владимиру понравилась рѣчь Михайлы, и онъ сказалъ ему: „Буди ты пожалованъ во всемъ стольномъ градѣ Кіевѣ". Михаилъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ къ отцу своему въ монастырь за благословеніемъ, а потомъ ѣдетъ на татаръ. Побилъ Михайло много силы татарской. Тогда выѣзжаютъ противъ Михаила мурзы-уланове и просятъ Михайлу дать имъ сроку на три дня. Михайло соглашается, отъѣзжаетъ въ свой шатеръ и спитъ безъ просыпу три дня и три ночи.

Тѣмъ временемъ мурзы-уланове накопали рвовъ глубокихъ. Михайло, проснувшись, опять наѣзжаетъ на татаръ и попадаетъ въ третій ровъ. Татары схватываютъ его и приводятъ къ Бахмету, сыну Тавруевичу. Послѣдній обращается къ Михайлѣ съ рѣчью: „Михайле, сыну Даниловиче! Служи ты мнѣ вѣрою и правдою, какъ ты служилъ великому князю Владимиру Всеславьевичу Кіевскому: я тебѣ у себя въ Золотой ордѣ долю дамъ да треть своего царства". Михайло отвѣчаетъ Бахмету: „Радъ тебѣ служить вѣрою и правдою, своею саблею вострою надъ твоею шеей толстою". Бахметъ приказываетъ мурзамъ-улановямъ схватить Михайлу и отрубить ему голову. Михайло „сложилъ съ себя желѣза, съ рукъ и съ ногъ", схватываетъ изъ подъ ордынской телѣги ось и начиналъ бить татаръ. Выходитъ изъ шатра Бахметъ и умоляетъ Михайлу: „Отпусти ты меня и мою орду хоть самотретья, и азъ бы въ своей ордѣ племя развелъ". Михайло соглашается, и Бахметъ съ остатками своей силы отъѣзжаетъ отъ Кіева.

Пока происходили эти событія, въ Кіевѣ „лихой оговорщикъ" оговорилъ Михайлу передъ Владимиромъ: „Государь, великій князь Владимиръ Всеславьевичъ Кіевскій! Младъ Михайло, сынъ Даниловичъ ѣздилъ по деревнямъ да по вотчинамъ, пилъ да ѣлъ, да бражничалъ, а не у твоего дѣла царскаго былъ". Владимиръ опечалился, и когда Михайло явился въ Кіевъ, Михайло былъ засаженъ въ тюрьму, въ яму глубокую сорока саженъ глубины.

Владимиръ посылаетъ своего слугу вѣрнаго Илью Муромца провѣдать про силу татарскую. Илья поѣхалъ и, вернувшись, доложилъ, что татары перебиты Михайлой, и что такого великаго побоища онъ еще не видывалъ. Тогда Владимиръ ве-

лѣлъ освободить Михайлу. Онъ хочетъ вознаградить его, а Михайла проситъ одного—отпустить его къ батюшкѣ въ монастырь: „А у тебя, государя моего, въ великомъ стольномъ градѣ Кіевѣ лихи оговорщики—не велятъ тебѣ, великому князю Владимиру Всеславьевичу Кіевскому, служить вѣрою и правдою...“. Пріѣхавъ въ монастырь, Михайло постригся.

По малорусскимъ легендамъ о „золотыхъ воротахъ“, дѣло происходило такъ. Когда татары осадили Кіевъ, богатырь Михайликъ (сынъ царскій) взобрался на башню, пустилъ изъ лука стрѣлу, которая попала въ татарина. Раздраженные татары потребовали выдачи Михайлика. Кіевляне испугались и рѣшили выдать его. Михайликъ, разсердившись на кіевлянъ, поднялъ на свое копье золотыя ворота, взвалилъ ихъ, какъ снопъ ржи, на плечи, и ушелъ въ Царьградъ, гдѣ и поставилъ ворота. Эти ворота имѣютъ чудесное свойство: если кто-нибудь, проходя мимо нихъ, скажетъ имъ: „бывать вамъ, ворота, въ Кіевѣ“, то золото на воротахъ засіяетъ; если же прохожій скажетъ: „не бывать вамъ, ворота, въ Кіевѣ“, то золото потускнѣетъ. Михайликъ до сихъ поръ находится въ Царьградѣ, питаясь водой и просфорой; но наступитъ время, когда онъ вернется въ свой родной городъ.

341. Сауръ Ванидовичъ и его сынъ Константинушка. Изъ царства Астраханскаго (Алыберскаго) выѣзжаетъ князь (царь) Сауръ сынъ Ванидовичъ въ походъ противъ трехъ царствъ: Латинскаго, Литвинскаго и Сорочинскаго. Князя провожаетъ за два рубежа его молодая жена Елена Александровна, царица Азвяковна. Съ третьяго рубежа она возвращается обратно, поднимается на высокую вышку, становится на бѣлъ-горючъ камень и долго смотритъ въ слѣдъ своему мужу. Въ это время изъ-подъ камня выползла змѣя лютая, бросилась княгинѣ на бѣлую грудь и стала бить хоботомъ по бѣлу лицу. Княгиня испугалась и почувствовала, какъ въ ея чревѣ шевельнулся ребенокъ. Она пишетъ своему мужу письмо съ радостнымъ извѣстіемъ и проситъ его вернуться домой. Князь не повѣрилъ извѣстію: княгиня уже не разъ возвращала его съ пути, и его ожиданія не оправдались. Отказавшись вернуться, князь послалъ женѣ такой наказъ: если у нея родится дочь, пусть она выститъ ее и на шестнадцатомъ году отдастъ замужъ; если же родится сынъ, то пусть на двѣнадцатомъ (девятомъ) году пошлетъ его къ нему на по-

мощь. Сауръ выжегъ царство Латинское, полонилъ царство Литвинское и отправился на царство Сорочинское. Здѣсь, повидимому, онъ потерпѣлъ пораженіе и попалъ къ сорочинцамъ въ плѣнъ.

Вскорѣ у княгини рождается сынъ, Константинушка Сауровичъ (Суровецъ). Константинушка ростетъ не по годамъ, а по мѣсяцамъ. Когда ему исполнилось семь лѣтъ, матушка посадила его грамотѣ учиться: грамота ему скоро далася. Исполнилось Константинушкѣ десять лѣтъ; сталъ онъ по улицамъ похаживать, съ ребятами и съ взрослыми дѣтьми княжескими, боярскими и дворянскими шутки шутить: котораго возьметъ за руку, у того руку изъ плеча выломаетъ, кого задѣнетъ за ногу, у того ногу оторветъ прочь, котораго хватитъ поперекъ хребта, тотъ кричитъ-реветъ, окарачъ ползетъ, безъ головы домой придетъ. Князья-бояре пришли къ Еленѣ Александровнѣ, царицѣ Азвяковнѣ, съ жалобой на сына. Мать стала сына журить-бранить, на умъ учить смиренно жить. А сынъ спрашиваетъ мать, есть ли у него батюшка. Она отвѣчаетъ утвердительно и передаетъ сыну наказъ отца. Услышавъ это, Константинушка немедленно снаряжается въ путь къ отцу съ большимъ войскомъ.

Подступаетъ Константинушка къ Сорочинскому царству. Сорочинцы сдѣлали сходку и рѣшили выслать противъ юнаго богатыря поединщика. Они выпускаютъ изъ тюрьмы Саура Ванидовича съ тѣмъ, чтобы онъ сразился съ предводителемъ непріятельской силы. Сауръ принялъ предложеніе, сѣлъ на коня и отправился въ поле. Сауръ бьется съ юнымъ богатыремъ до вечера, и никто не одолѣваетъ. Тогда Сауръ сталъ молить Бога, чтобы онъ помогъ ему „выладить“ изъ сѣдла молодого воина. Молитва Саура была услышана: Сауръ сбросилъ юнаго богатыря на землю, палъ ему на грудь и сталъ спрашивать его о родѣ-племени. Побѣжденный богатырь отвѣчаетъ: „Не моя въ полѣ Божья помощь: не сталъ бы я много спрашивать, срубилъ бы съ тебя буйну голову по самыя могучія плечи! Былъ у меня батюшка князь Сауръ сынъ Ванидовичъ, пошелъ воевать подъ три царства, тамъ и пропалъ“. Услышавъ слова богатыря, Сауръ заплакалъ, поднялъ его на бѣлыя руки и сообщилъ ему, что онъ и есть его отецъ. Сынъ тотчасъ посылаетъ матери письмо съ извѣщеніемъ о томъ, что онъ выручилъ отца изъ плѣна.

По другой былинѣ первый выѣздъ Константинушки сопровождался иными событіями. Выѣхавъ въ поле, Константинушка наѣхалъ на часовню и вошелъ въ нее Богу помолиться. А отъ часовни ведутъ три дороги. Надписи предостерегаютъ отъ различныхъ опасностей для богатыря или его коня. Юный богатырь выбираетъ дорогу, по которой ему предстояло быть убитымъ смертью напрасной. Доѣзжаетъ богатырь до рѣки Смородинки и видитъ—черезъ нее переправляется царь Кунгуръ Самородовичъ съ татарской силой. Константинушка бросается на силу, избиваетъ ее цѣлый день и на ночь отъѣзжаетъ, чтобы отдохнуть. Тѣмъ временемъ татары накопали глубокихъ рвовъ и вставили въ нихъ поторчины (острые колья) дубовыя. Константинушка догадался о хитростяхъ татаръ, снова началъ избивать татаръ, всю силу перебилъ, а царя Кунгура разбилъ въ крохи.

Ѣдетъ Константинушка дальше и подъѣзжаетъ къ городу Угличу. Онъ требуетъ себѣ поединщика. Угличи прибѣгли къ хитрости: они попросили Константинушку подъѣхать поближе къ стѣнамъ, обѣщая сдѣлать его своимъ королемъ. Константинушка сдался на ихъ „слова прелестныя“ и подъѣхалъ къ стѣнѣ. Угличскіе мужики спустили багры, зацѣпили Константинушку, вмѣстѣ съ конемъ поднимаютъ на стѣну, сковываютъ и бросаютъ въ погреба глубокіе.

Дальнѣйшія событія изложены въ былинѣ очень спутанно. Какимъ-то образомъ черезъ Угличъ проѣзжаетъ Сауръ въ свое царство, разспрашиваетъ у жены о сынѣ и, узнавъ о томъ, что сынъ отправился къ нему на помощь, возвратился обратно въ Угличъ. Сауръ требуетъ освобожденія своего сына, говоря угличанамъ: „Глупы вы, мужики неразумные!.. Не мало (онъ) у Кунгура-царя силы порубилъ: можно за то вамъ его благодарити и пожаловати, а вы его назвали воромъ-разбойникомъ и оборвали въ него платье цвѣтное и посадили въ погреба глубокіе“. На требованіе Саура освободить его сына угличи отвѣтили сначала отказомъ, но затѣмъ почему-то освобождаютъ его. Сауръ казнитъ главныхъ мужиковъ угличскихъ и возвращается съ сыномъ въ свое царство.

Эта путаница до нѣкоторой степени разъясняется былинами о Суровцѣ.

342. Богатырь Суровецъ. Богатырь Суровецъ во время неудачной охоты на лебедей и гусей, наѣзжаетъ на дубъ. На

дубѣ сидитъ воронъ вѣщій. Суровецъ хочетъ его подстрѣлить. Вѣщій воронъ человѣчьимъ голосомъ говоритъ ему, что не велика честь убить его, а лучше было бы ему поѣхать въ горы Трепетовы, гдѣ поднимается Кумбалъ царь Смородовичъ съ татарами-уланами, чтобы погубить его. Богатырь отправляется на Кумбала. Встрѣтившись съ татарами, Суровецъ начинаетъ избивать ихъ. Тогда Кумбалъ велитъ своимъ татарищамъ-уланищамъ глубокіе рвы копать, ставить поторчи (острые колья) телѣжныя. Черезъ первый и второй ровъ Богъ перенесъ его, а въ третій Суровецъ обрушился. Тысяча татаръ набросилась на богатыря, связала его и привела его въ лагерь. Тутъ Суровецъ разрываетъ свои путы, схватываетъ татарина за ноги и начинаетъ имъ помахивать. Перебилъ Суровецъ всѣхъ татаръ и добрался до царя Кумбала. А царь и говоритъ ему: „Ой ты, гой еси, добрый молодецъ Суровецъ! Будь ты мнѣ названный братъ: вотъ тебѣ палаты золотой казны и отдамъ тебѣ коней заповѣдныхъ“.

343. Василій-Пьяница. Изъ-подъ бѣлой березы кудреватой, изъ-подъ чуднаго креста Леванидова шли-выбѣгали четыре тура златорогіе. Они бѣжали мимо славнаго Кіева и видѣли надъ Кіевомъ чудо-чудное, диво-дивное: по городской стѣнѣ ходитъ-гуляетъ красна дѣвица, которая въ рукахъ держитъ Божью книгу — Евангеліе: сколько ни читаетъ, а вдвое плачетъ. Побѣжали туры отъ Кіева и, встрѣтившись съ турицей, разсказали ей о чудѣ. Турица объяснила своимъ дѣткамъ, что это не душа красна дѣвица гуляла по стѣнѣ, а ходила Мать Пресвятая Богородица, и плакала „стѣна мать городская“ по вѣрѣ христіанской: будетъ надъ Кіевомъ-градомъ погибель.

Подымается Батыга, сынъ Сергѣевичъ, съ сыномъ Батыгомъ Батыговичемъ, съ зятемъ Тараканникомъ и съ думнымъ дьякомъ воромъ-выдумщикомъ. У всѣхъ у четырехъ по сорока тысячъ рати. Батыга подступилъ къ Кіеву и требуетъ у Владимира поединщика. Какъ на грѣхъ, богатырей въ Кіевѣ не случилось: всѣ они были въ разъѣздѣ. Остался въ Кіевѣ только добрый молодецъ Василій Игнатьевичъ, горькій пьяница, промотавшій все свое житье-бытье и женино приданое и жившій въ кабакѣ. Узнавъ о появленіи Батыги, Василій приходитъ къ князю и проситъ дать ему опохмелиться. Владимиръ подноситъ ему чару въ полтора ведра. Выпивъ ее, Василій почувство-

валъ, что можетъ сидѣть на конѣ и владѣть саблей. Онъ выѣзжаетъ за стѣну, цѣлится и стрѣляетъ изъ лука въ татарскій станъ по тремъ лучшимъ головамъ и убиваетъ сына, зятя и дьяка Батыги. Батыга отправляетъ въ Кіевъ посла съ требованіемъ выдачи виновника. Василій самъ добровольно отправляется въ станъ татарскій и проситъ у Батыги прощенія. Василій обѣщаетъ помочь ему взять Кіевъ и проситъ дать ему опохмелиться. Опохмелившись, Василій беретъ у Батыги силы сорокъ тысячъ и ведетъ ее для взятія Кіева. Отъѣхавъ съ силой, Василій набрасывается на нее и уничтожаетъ ее. Василій возвращается въ татарскій станъ и сообщаетъ ему, что при нападеніи на Кіевъ сила въ сорокъ тысячъ погибла, но зато онъ высмотрѣлъ, гдѣ въ Кіевѣ не заложены ворота, и проситъ дать ему еще силы сорокъ тысячъ. Батыга опять „на ты лясы пріукинулся“ и далъ Василію еще силы въ сорокъ тысячъ. Василій уничтожилъ эту силу и еще силу въ сорокъ тысячъ. Тутъ только Батыга увидѣлъ бѣду неминучую и поспѣшилъ уѣхать изъ-подъ Кіева, обѣщая впредь не появляться сюда: „Не дай Богъ бывать болѣе подъ Кіевомъ, ни мнѣ то бывать, ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ!“

344. Комментаріи къ былинамъ о Михаилѣ (Иванѣ), Саурѣ, Суровцѣ и Василіи. На вышеизложенныхъ былинахъ можно прослѣдить, какъ происходилъ процессъ циклизаціи этихъ произведеній. Былины о Саурѣ и Суровцѣ не пріурочены еще къ кіевскому циклу былинъ, и тѣмъ не менѣе ихъ сюжеты сходны съ сюжетами былинъ, дѣйствіе которыхъ происходитъ въ Кіевѣ, въ княженіе Владимира. Сауръ Ванидовичъ называется княземъ Астраханскаго или Алыберскаго царства. Имя Сауръ, повидимому, восточное (по-татарски сауръ значитъ „быкъ“, „герой“); въ нѣкоторыхъ варіантахъ ему соотвѣтствуетъ библейское имя Саулъ, а отчеству Ванидовичъ — Леванидовичъ. Если принять во вниманіе, что съ именемъ Саура соединены были преданія о какомъ-то, повидимому, татарскомъ богатырѣ, такъ какъ въ южно-русскихъ степяхъ встрѣчаются курганы (могилы) Саура, то придется заключить, что былины о Саурѣ представляютъ переработку популярнаго восточнаго сюжета о боѣ отца съ сыномъ, приставшаго потомъ къ былинамъ русскаго происхожденія съ тѣмъ же сюжетомъ.

Имя сына Саура Константинушка представляетъ, быть можетъ, смутное воспоминаніе о рязанскомъ тысяцкомъ Констан-

тинѣ, который въ 1148 г. нанесъ пораженіе половцамъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что именно въ былинахъ о Саурѣ только и упоминается Половецкая земля въ отличіе отъ прочихъ былинъ.

Другое имя сына Саура, Суровецъ, вѣроятно, есть не что иное, какъ искаженное отчество Сауровичъ черезъ посредство формъ Суровичъ, Суровецъ, Сурога. Суровецъ затѣмъ передѣланъ былъ въ Суздалецъ, а Сурога въ Суроженинъ [1]).

Юный богатырь и его подвиги—одинъ изъ распространеннѣйшихъ международныхъ сюжетовъ. Кромѣ Сохраба, сына Рустема, и нахвальщины, сына Ильи, къ такимъ же малолѣткамъ-богатырямъ относятся въ византійскомъ эпосѣ Армури, а въ сербскомъ Иво Сенковичъ.

1) **Армури.** Армуръ, отецъ мальчика Армури, находится въ отсутствіи. Армури проситъ мать отпустить его поѣздить верхомъ. Послѣ нѣкотораго колебанія мать соглашается и позволяетъ ему взять отцовское копье и коня. Армури помчался къ Евфрату. На противоположномъ берегу находился сарацинъ, который сталъ глумиться надъ Армури и его конемъ. Армури переѣзжаетъ на другой берегъ къ сарацину. Онъ ударяетъ его кулакомъ, спрашиваетъ, гдѣ находятся сарацинскія войска, и узнаетъ, что сарацины собрались въ количествѣ ста тысячъ. Армури издали кричитъ сарацинамъ, чтобы они вооружались, и нападаетъ на нихъ. Перебивъ множество сарацинъ, Армури сходитъ съ коня, чтобы отдохнуть. Въ это время одинъ сарацинъ уводитъ его коня и уноситъ палицу. Отецъ Армури, старецъ Армуръ, находился у сарацинъ въ плѣну. Увидѣвъ коня и палицу, онъ подумалъ, что сынъ его погибъ, и сталъ горевать. Прискакавшій сарацинъ доложилъ эмиру о подвигахъ мальчика, и эмиръ сталъ требовать у Армура, чтобы онъ усмирилъ своего сына. Армуръ пишетъ сыну письмо, въ которомъ онъ совѣтуетъ сыну миловать всякаго сарацина, попадающагося ему въ руку. Сынъ отвѣчаетъ письмомъ, въ которомъ пишетъ, что ни одного сарацина не пощадитъ. Эмиръ испугался и отправилъ къ Армури отца съ предложеніемъ выдать за него свою дочь и жить въ мирѣ съ сарацинами.

---

[1]) Суроженинъ—житель знаменитаго приморскаго города въ Крыму Сурожа, нынѣ Судака, между Ѳеодосіей и Алуштой, ведшаго съ Русью дѣятельную торговлю.

2) Иво Сенковичъ. Рыбницкій ага вызываетъ на поединокъ Юрія Сенковича. Но Юрій уже старъ, конемъ не владѣетъ и не въ состояніи состязаться съ туркомъ. Шестнадцатилѣтній сынъ Юрія Иво (Иванъ) рѣшается принять вмѣсто отца вызовъ аги. Напрасно отецъ отговариваетъ сына, указывая на его юность и неопытность въ военныхъ дѣлахъ. Иво беретъ у отца благословеніе, вооружается, садится на коня и уѣзжаетъ къ Рыбнику. Начинается бой. Ага убилъ коня Ива, и Иво сражается пѣшкомъ. Ему удается убить коня аги, а затѣмъ и самого агу. Онъ отрубаетъ ему голову и кладетъ ее въ свою сумку; затѣмъ Иво переодѣвается въ костюмъ убитаго аги и возвращается домой. Увидѣвъ приближеніе всадника въ турецкомъ костюмѣ, мать Ива подняла крикъ. Старый Юрій поспѣшилъ вооружиться, сѣлъ на коня и поѣхалъ на встрѣчу всаднику, собираясь убить его. Иво, видя неминуемую бѣду, вынулъ изъ сумки голову аги и выбросилъ передъ отцомъ. Только тогда отецъ догадался, что всадникъ въ турецкой одеждѣ—не ага, а его сынъ.

Въ былинахъ, пріуроченныхъ къ Кіеву, малолѣтній герой называется Михаиломъ Даниловичемъ и Иваномъ Даниловичемъ. Послѣднее имя, вѣроятно, ближе къ тѣмъ историческимъ событіямъ, на почвѣ которыхъ развивались эти былины. Въ Никоновскомъ лѣтописномъ сводѣ подъ 1136 г. разсказывается о походѣ черниговскихъ Ольговичей противъ Ярополка II Владимировича. Опустошивъ село на Сулѣ, Ольговичи отошли къ рѣкѣ Супою. „И изыде противу ихъ князь великій Ярополкъ Кіевскій, сынъ Володимера Маномаха... и снидошася на сѣчю и бишася крѣпко; но вскорѣ побѣгоша половци отъ Олговичевъ. И погнаша по нихъ великого князя Ярополча дружина и братьи его лучшая мужи храбрыа, и биша много, гоняще половець, и възвратишася въспять, и не обрѣтоша князей своихъ, и впадоша Олговичемъ въ руцѣ; а половци обратишася на нихъ въ тылъ. И тако многихъ храбрыхъ мужей избиша Ярополчихъ и братьи его, и держащихъ стягъ великого князя Ярополка Кіевскаго и братьи его изимаша и бояръ его множество поимаша, а иныхъ многыхъ безъ числа убиша; и храбраго Давыда Яруновича тысяцкого кіевскаго, и Ивана Данилова, богатыря славнаго, убиша и Станислава благороднаго и Данила Тугковича, и Дамъяна, Нянка, и многихъ мужей силныхъ, и храбрыхъ, и внука Володемира Маномаша

Василка Марича убиша и много князей избиша, и едва убѣжа въ Кіевъ з братьею своего отнюдь въ малѣ дружинѣ князь великій Ярополкъ... мѣсяца августа въ 8-й день". Изъ этого лѣтописнаго свидѣтельства можно вывести, что богатырь, воспѣваемый въ былинахъ подъ именами Михаила и Ивана Даниловича, жилъ въ первой половинѣ XII в., состоялъ на службѣ у Ярополка II Кіевскаго и погибъ въ битвѣ Ярополка съ Ольговичами, гдѣ пало множество „храбровъ", князей, бояръ и византійскій царевичъ Василій Леоновичъ (Маричъ), внукъ Владимира Мономаха. О богатырѣ Иванѣ Даниловичѣ ничего неизвѣстно, кромѣ краткаго сообщенія объ его смерти. Но если лѣтопись упомянула его, назвавъ притомъ славнымъ богатыремъ, то, очевидно, въ княжеско-дружинной средѣ его имя было извѣстно. Возможно, что свои подвиги, которые его прославили, онъ совершилъ въ юные годы своей жизни; поэтому къ первоначальнымъ старинамъ объ его подвигахъ стали притягиваться разсказы о подвигахъ другихъ малолѣтнихъ богатырей, русскихъ и иноземныхъ.

Другое имя малолѣтняго богатыря, Михаилъ, въ связи съ нѣкоторыми былинными эпизодами о немъ, можетъ быть объяснено изъ лѣтописныхъ разсказовъ о князѣ Михалкѣ Юрьевичѣ.

Въ 1171 г. Михалка Юрьевичъ прославился удачнымъ походомъ на половцевъ. Когда половцы совершили одно изъ обычныхъ своихъ нашествій на окрестности Кіева, во время котораго они захватили богатую добычу, кіевскій князь Глѣбъ, бывшій въ то время больнымъ, послалъ противъ половцевъ брата своего Михалку Юрьевича и другого брата Всеволода. Михалка быстро нагналъ половцевъ, разбилъ ихъ два раза, отнялъ у нихъ добычу и плѣнниковъ и со славой вернулся въ Кіевъ. Къ 1175 г. относится другое событіе въ жизни князя Михалки.

Послѣ смерти Андрея Боголюбскаго суздальцы и ростовцы пригласили на великокняжескій престолъ Ростиславичей, а владимирцы Михалку Юрьевича. Ростовцы и суздальцы, недовольные поступкомъ владимирцевъ, отправились въ 1175 г. войной на Михалку „и много зла сотвориша, муромцѣ и рязанцѣ приведоша и пожгоша около города (Владимира); володимерци бьяхуться съ града, Богородицѣ святой помогающи имъ; и стояша около города семь недѣль, и святая Богородица избави

градъ свой. Володимерци же, не терпяче глада, рѣша Михалку: „Мирися, а любо, княже, промышляй о себѣ“. Онъ же отвѣщавъ рече: прави есте, чи хотите меня дѣля (ради) погинути? Поѣха въ Русь, и проводиша его володимерцы съ плачемъ“.

Сопоставляя эти лѣтописныя данныя съ былинами о Михаилѣ-Иванѣ Даниловичѣ, нельзя не видѣть нѣкотораго сходства: 1) Михалка Юрьевичъ, какъ и Михаилъ Даниловичъ, освобождаетъ Кіевъ отъ враговъ, оказывая такимъ образомъ важную услугу его князю; 2) жители осажденнаго врагами города предлагаютъ своему защитнику—владимирцы Михалкѣ Юрьевичу, а кіевляне Михайлику—покинуть ихъ городъ. Повидимому, пѣсни о двухъ событіяхъ изъ жизни Михалки съ теченіемъ времени сплелись и спутались въ одно событіе.

Связанный съ легендой о Михайликѣ, эпизодъ о Золотыхъ воротахъ, повидимому, навѣянъ былъ „Откровеніемъ“ Меѳодія Патарскаго въ позднѣйшей редакціи. Вотъ, что разсказывается въ „Откровеніи“ о послѣднихъ временахъ. Когда измаильтяне подступятъ къ Константинополю, именно къ Золотымъ воротамъ его, послѣднія откроются, и измаильтяне доберутся до св. Софіи. Тогда же явится и избавитель — царь Михаилъ, который нанесетъ измаильтянамъ пораженіе. Наступятъ тишина, благоденствіе и добродѣтельное житіе. Но люди снова забудутся и опять станутъ жить беззаконіемъ. Тогда Господь повелитъ Михаилу скрыться на одномъ изъ морскихъ острововъ и оставаться тамъ до появленія Антихриста. Между только что изложеннымъ эпизодомъ изъ „Откровенія“ Меѳодія Патарскаго и легендой о Михайликѣ есть точки соприкосновенія: и тамъ и здѣсь герой носитъ имя Михаила; и тамъ и здѣсь фигурируютъ Золотыя ворота; и тамъ и здѣсь герой освобождаетъ городъ отъ непріятелей и затѣмъ удаляется, съ тѣмъ, чтобы когда-нибудь снова вернуться. Пріуроченіе „откровенія“ о Михаилѣ къ кіевскому богатырю могло произойти потому, что въ Кіевѣ существуютъ развалины мѣстныхъ Золотыхъ воротъ (§§ 112, 186).

Былины о другомъ богатырѣ, о Василіи Пьяницѣ, представляютъ отголосокъ нашествія Батыя. Это нашествіе въ свое время послужило темой для многихъ поэтическихъ сказаній, изъ которыхъ нѣкоторыя, дающія матеріалъ для объясненія современныхъ былинъ о томъ же событіи, попали въ прозаическомъ изложеніи въ лѣтописи. Къ такимъ сказаніямъ от-

носятся: „Сказаніе о Батывомъ приходѣ на Русь въ 1237 г.“ и „Повѣсть о приходѣ Батыевой рати на Рязань“ (§§ 282—283).

Имя Василія Пьяницы, повидимому, попало изъ княжескодружинныхъ пѣсенъ о князѣ Василіи Константиновичѣ, который въ битвѣ при Сити попалъ въ плѣнъ къ Батыю. Характеризуя Василія Константиновича, „Сказаніе о Батыевомъ приходѣ на Русь въ 1237 г.“ говоритъ: „Бѣ же Василько лицомъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ взоромъ, паче мѣры храбръ, на ловѣхъ вазнивъ (счастливъ), сердцемъ легокъ; а кто ему служилъ и хлѣбъ его ѣлъ, чашу его пилъ, той за его любовь никако же не можаше у иного князя быти и служити: излише бо слуги своя любляше; мужество и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходиста; бѣ бо всему хитеръ и посѣде въ добрыхъ денехъ на отнѣ столѣ и дѣднѣ“. Когда этотъ князь попалъ въ плѣнъ, Батый сталъ предлагать ему перейти на службу къ татарамъ. „И нудиша Василько много проклятіи безбожные татары въ поганской быти воли ихъ и воевати съ ними. Онъ же, не повинуясь обычаю ихъ никако же, не покорися беззаконію ихъ, ни брашна, ни питія ихъ не прія“. Предложеніе Батыя Василію напоминаетъ предложеніе Батыги Василію Пьяницѣ.

Другія черты былинъ о Василіи Пьяницѣ могутъ быть объяснены изъ сказанія объ Евпатіи Коловратѣ (§ 283).

Евпатій, какъ и Михаилъ Даниловичъ, трижды выѣзжаетъ на враговъ, и третій выѣздъ обоихъ оканчивается неблагополучно. Подобно тому, какъ въ борьбѣ съ Евпатіемъ падаетъ родственникъ Батыя Хостоврулъ, такъ Михаилъ Даниловичъ въ первый свой выѣздъ убилъ братьевъ братовичей Бахмета, а Василій Игнатьевичъ стрѣлой убилъ сына Батыги Батыговича, зятя его Тараканчика и дьяка выдумщика. Избіеніе татаръ Евпатіемъ напоминаетъ избіеніе Василіемъ татарской рати: „Размахалась у Василья ручка правая, распиналась у Василья ножка рѣзвая. Куды рученькой махнетъ—туды улица, куды поженькой пихнетъ — переулочекъ, вдвое, втрое того топчетъ его добрый конь. И видитъ тутъ Батый, что бѣда пришла, и самъ говоритъ таково слово: „Неужель таковы люди въ Кіевѣ — а одинъ молодецъ всѣхъ татаръ прибилъ“. Отвѣтъ слугъ Евпатія Батыю напоминаетъ отвѣтъ Михаила Даниловича татарскому царю.

Преданія о необыкновенныхъ подвигахъ въ борьбѣ съ

татарами въ эпоху ихъ нашествія могли съ теченіемъ времени, особенно подъ вліяніемъ позднѣйшихъ русскихъ побѣдъ надъ татарами, подвергнуться пріятному для русскаго самолюбія измѣненію, именно пѣвцы-поэты придумали побѣду русскихъ богатырей надъ Батыгой.

Зачинъ былины о Василіи Пьяницѣ, именно картина плачущей Богородицы, представляетъ остатокъ старинной легенды, въ основѣ которой, повидимому, лежала идея о томъ, что Кіевъ находится подъ охраной самой Богородицы. Образъ плачущей дѣвицы съ книгой или плачущей стѣны порожденъ былъ, повидимому, мозаичнымъ образомъ Богородицы на восточной стѣнѣ Кіевскаго Софійскаго собора, оставшейся цѣлой по разрушеніи собора въ 1240 году. Этотъ образъ представлялъ Богородицу съ молитвенно поднятыми руками. Наблюдателю невольно приходила мысль, что Богоматерь скорбно смотритъ на развалины столицы.

Стрѣляніе изъ осаждаемаго города въ лагерь непріятелей— одинъ изъ распространенныхъ въ поэзіи сюжетовъ. Въ кавказскихъ сказаніяхъ мы встрѣчаемъ разсказъ о томъ, какъ нарты осадили въ крѣпости Челахсартага, сына Хиза. Сестра Хиза, красавица Агунда, упрекаетъ брата за то, что онъ ничего не предпринимаетъ противъ враговъ. Челахсартагъ взялъ свои освященныя Богомъ стрѣлы и съ молитвой пускаетъ ихъ въ станъ непріятелей: первая стрѣла и вторая дали промахъ; третья попала предводителю нартовъ въ шею и оторвала голову его отъ туловища.

О стрѣляніи въ осаждающихъ упоминается и въ нашихъ лѣтописяхъ. Новгородскія лѣтописи, излагая въ эпическихъ чертахъ борьбу съ Мамаемъ, сообщаютъ подъ 1382 г. слѣдующее: „Москвитинъ, примѣтивъ единаго татарина нарочита и славна, иже бѣ сынъ нѣкоего князя ордынскаго, напрягъ стрѣлу самострѣльную, ею же уязви въ сердце его гнѣвливое“. Такого же рода фактъ сообщается лѣтописями при описаніи осады Москвы Тохтамышемъ. Именно, лѣтописецъ передаетъ, что нѣкій Адамъ суконникъ убилъ стрѣлою знатнаго татарина.

Герой былины носитъ прозвище „Пьяницы“, „Упьянсливаго“. Прозвище это, вѣроятно, произошло такимъ образомъ. Въ сказаніяхъ о Михайликѣ Владиміръ напутствуетъ юнаго богатыря чашей вина, турьимъ рогомъ меду и т. д. Этотъ эпизодъ съ теченіемъ времени, при благопріятныхъ условіяхъ,

долженъ былъ получить развитіе и превратиться въ сюжетъ о богатырѣ-пьяницѣ. Такихъ благопріятныхъ условій было нѣсколько. Былины о Василіи Пьяницѣ, судя по зачину, должны были оканчиваться катастрофой, т.-е. взятіемъ и разрушеніемъ Кіева; такой конецъ, очень непріятный для русскаго самолюбія, съ теченіемъ времени долженъ былъ смягчаться, стушевываться; послѣ свержения татарскаго ига онъ долженъ былъ замѣниться другимъ: русскій богатырь безъ труда побѣждаетъ Батыя. Рѣзкое измѣненіе первоначальнаго содержанія былинъ о Василіи и Батыѣ должно было заставить пѣвцовъ развивать въ былинѣ другіе эпизоды. Былевой репертуаръ отъ пѣвцовъ-дружинниковъ перешелъ, какъ извѣстно (§ 291), къ скоморохамъ, веселымъ людямъ, ремесло которыхъ заставляло ихъ угощаться на пирахъ виномъ, медомъ и пр. Скоморохи, перерабатывая былину о Василіи, легко могли эпизодъ выпиванія чаши вина или турьяго рога меду превратить въ безпрерывное пьянство богатыря. Такому превращенію могли благопріятствовать и реальные факты жизни, объ одномъ изъ которыхъ разсказываетъ лѣтописецъ при описаніи осады Москвы Тохтамышемъ. Вотъ какъ, по сообщенію лѣтописи, вела себя часть москвичей во время осады: „Нѣцыи недобріи человѣци начаша обходити по дворамъ и износяще изъ погребовъ меды господскыя и сосуды серебряные и стекляницы драгія и упивахутся до великаго пьяна и къ шетанію дерзость прилагаху, глаголюще: не устрашаемся нахожденія поганыхъ татаръ, селикъ твердъ градъ имуща, иже суть стѣны каменны и врата желѣзны. И пакы влазяще на градъ, піяне суще, шатахуся и ругающеся татаромъ, образомъ безстуднымъ досаждающе и нѣкая словеса износяще, исполнь укоризны и хулы, кидаху на ня“. Это сообщеніе лѣтописи до нѣкоторой степени уясняетъ прозвище Василія.

Что касается вопроса о томъ, почему прозвища „Пьяница“, „Упьянсливый“ пристали къ имени Василій, объясненіе можно найти въ духовномъ стихѣ о Василіи Великомъ, котораго Богородица побуждаетъ оставить „хмельное питье“; а этотъ стихъ, въ свою очередь, сложился, вѣроятно, подъ вліяніемъ „Слова Василія о томъ, какъ подобаетъ воздержатися отъ пьянства“ (кн. 2-ая, § 204).

Вышеприведенныя данныя позволяютъ высказать слѣдующія предположенія о происхожденіи разсматриваемыхъ былинъ. Объ

Иванѣ Даниловичѣ, погибшемъ въ 1136 г., вѣроятно, очень юнымъ, существовали въ княжеско-дружинной средѣ пѣсни о какихъ-то его подвигахъ. Во второй половинѣ XII в. сложились дружинныя пѣсни о князѣ Михалкѣ Юрьевичѣ, въ которыхъ изображались, съ одной стороны, его двойная побѣда надъ половцами, а съ другой—уходъ его изъ осажденнаго Владимира по требованію жителей. Пѣсни о Михалкѣ примкнули къ пѣснямъ объ Иванѣ Даниловичѣ, причемъ молодость Ивана послужила причиной тому, что къ его имени (замѣненному именемъ Михаила) сталъ прикрѣпляться вообще сюжетъ о подвигахъ юныхъ богатырей. Сюжетъ этотъ имѣетъ нѣсколько варіантовъ: 1) юный богатырь — неизвѣстный сынъ стараго богатыря, родившійся въ его отсутствіе, воспитанный матерью, отправляющійся на поиски за отцомъ и встрѣчающійся съ нимъ въ бою (Сауръ Ванидовичъ, Армуръ и Армури); 2) юный богатырь—сынъ стараго богатыря, удалившагося отъ дѣлъ въ монастырь (Иванъ-Михаилъ Даниловичъ и Данила Игнатьевичъ); 3) властитель страны относится враждебно къ обоимъ богатырямъ — старому и юному—и старается вызвать между ними столкновеніе или засаживаетъ одного изъ нихъ въ тюрьму (погребъ), вслѣдствіе чего оба богатыря или одинъ изъ нихъ покидаютъ городъ; въ былинахъ съ сюжетомъ послѣдняго типа иногда уходъ богатыря мотивируется требованіемъ выдачи юнаго богатыря непріятелямъ за то, что онъ пустилъ въ освобождающихъ три стрѣлы и убилъ близкихъ къ осаждающему царю лицъ (Василій-Пьяница и Батыга).

345. Сухманъ Одихмантьевичъ. На пиру у Владимира всѣ князья, бояре и могучіе богатыри ѣдятъ, пьютъ, веселятся, хвастаютъ. Одинъ только молодой Сухманъ Одихмантьевичъ не ѣстъ, не пьетъ, бѣлой лебеди не рушаетъ и ничѣмъ не хвастаетъ. Владиміръ спрашиваетъ богатыря, отчего онъ грустенъ, почему онъ ничѣмъ не хвастаетъ. Тогда Сухманъ рѣшается похвастать: онъ берется поймать живьемъ лебедь бѣлую и привезти ее для стола княжескаго не раненной и не окровавленной. Владиміръ принимаетъ предложеніе Сухмана.

Сухманъ отправляется. Ѣдетъ Сухманъ съ утра до вечера по тихимъ глубокимъ заводямъ и не наѣхалъ на гуся, ни на лебедя, ни на сѣраго малаго утеныша. Поѣздивъ трое сутокъ, Сухманъ пріѣзжаетъ къ Нѣпрѣ-рѣкѣ и видитъ — Нѣпра-рѣка

течетъ не по старому: вода съ пескомъ возмутилася; за рѣкою стоитъ сила невѣрная — въ сорокъ тысячъ; татары мостятъ мосты калиновые черезъ рѣку, чтобы перейти къ Кіеву. Сухманъ рѣшается отвѣдать силы невѣрныя. Выдергиваетъ онъ кряковистый дубъ (дубиночку-вязиночку въ долину — десяти саженъ, въ толщину — три обоймени). Ухватывается Сухманъ за верхушку дуба и начинаетъ похаживать по силѣ невѣрной. Перебилъ Сухманъ всю силу татарскую; въ живыхъ осталось только три татарина, которые бѣжали къ матушкѣ Нѣпрѣ-рѣкѣ и садились подъ кусточки подъ ракитовы. Подъѣзжаетъ Сухманъ къ рѣкѣ. Пустили три татарина поганыхъ стрѣлочки каленыя въ бѣлые бока Сухмана. Сухманъ выдернулъ стрѣлы, заложилъ раны маковыми листочками, а трехъ татаръ поганыхъ убилъ своимъ ножищемъ-кинжалищемъ.

Раненый Сухманъ возвращается въ Кіевъ. Владиміръ удивляется Сухману, что онъ такъ долго ѣздилъ, и спрашиваетъ, привезъ ли онъ живьемъ бѣлую лебедь. Сухманъ разсказываетъ о томъ, что приключилось съ нимъ. Князья, бояре и сильные могучіе богатыри не вѣрятъ Сухману, и Владиміръ велитъ засадить его „за тыя за рѣчи за похвальныя“ въ погреба глубокіе, въ темницы темныя: задвигали желѣзными плитами, засыпали его землею, замуравили его травой на тридцать лѣтъ. А для провѣрки словъ Сухмана Владиміръ, на всякій случай, посылаетъ Добрыню (или Илью).

Отправляется Добрыня къ Нѣпрѣ-рѣкѣ, видитъ—перебито множество силы. Возвращается Добрыня съ отвѣтомъ къ Владиміру. Владиміръ велитъ немедленно освободить Сухмана. Раскопали погреба глубокіе, вывели Сухмана и привели его къ Владиміру. Владиміръ предлагаетъ Сухману за подвигъ золотой казны, города съ пригородами и приселками. Сухманъ, оскорбленный тѣмъ, что Владиміръ не сумѣлъ оцѣнить его раньше, отказывается отъ награды, выдергиваетъ листочки маковые отъ ранъ своихъ кровавыхъ и умираетъ со словами: „Потеки Сухманъ-рѣка: отъ моя отъ крови отъ горячія, отъ горячія крови отъ напрасныя!“

Сухманъ или Суханъ—одно изъ распространныхъ славянскихъ прозвищъ (Суханъ, Сухой, Суханчикъ и т. д.).

Своимъ содержаніемъ былины о Сухманѣ напоминаютъ „Гисторію“ о Михаилѣ (Иванѣ) Даниловичѣ: какъ тотъ, такъ и другой подвергаются несправедливой карѣ—сажанію въ по-

греба глубокіе; освобожденные изъ погреба, они не желаютъ пользоваться милостью Владимира: одинъ изъ нихъ навсегда уходитъ въ монастырь, а другой прибѣгаетъ къ самоубійству.

Трагическій конецъ былины о Сухманѣ можно привести въ связь съ лѣтописнымъ преданіемъ о смерти переяславльскаго богатыря Демьяна Куденевича. Однажды „пріидоша половци мнози съ Давидовичи и взяша градъ Дегинъ и безвѣстно идоша къ Переяславлю на великаго князя Мстислава Изяславича и нощію пріидоша къ Переяславлю на ранней зарѣ и посадъ зажгоша, никому же ихъ вѣдящу, яко ратніи пріидоша; они же оступиша градъ, и бысть во градѣ много смущенія и плачъ. Демьянъ Куденевичъ одинъ выѣде изъ града, не имѣя ничто же одѣянія доспѣшнаго на себѣ, паче же помощію Божіею; и много бивъ ратныхъ, настрѣленъ же бывъ отъ половецъ и изнемогъ, возвратися во градъ; ратніи же вси, страхомъ одержими, бѣжаша спѣшно каждо во свояси. Демьянъ же до конца изнеможе отъ ранъ. И скоро тече къ нему князь великій Мстиславъ Изяславичъ и многи дары дая ему, и власти обѣщевая. Онъ же рече: „О суетія человѣческаго! Кто мертвъ сый желаетъ дарованія тлѣннаго и власти погибающія!“ И сіе рекъ, усну вѣчнымъ сномъ. И бысть по немъ отъ всѣхъ великій плачъ во градѣ“.

Демьянъ Куденевичъ, какъ и Сухманъ, выходитъ на враговъ—безъ вооруженія; Демьянъ былъ раненъ въ битвѣ—Сухманъ также; Демьяну князь обѣщаетъ дары многіе и власть—Сухмана Владимиръ хочетъ жаловать, миловать; оба отказываются отъ даровъ, и оба умираютъ.

Что касается послѣднихъ словъ Сухмана о Сухманѣ-рѣкѣ, то здѣсь нужно видѣть вліяніе сказаній объ образованіи рѣкъ изъ крови героевъ.

346. Дунай (Донъ) Ивановичъ. Богатырь Дунай (Донъ) Ивановичъ извѣстенъ, какъ участникъ въ походѣ за невѣстой для Владимира (§ 318). По нѣкоторымъ пересказамъ этой былины, съ удалой поленицей Настасьей, сестрой Опраксы, вступаетъ въ бой не Добрыня, а самъ Дунай Ивановичъ. Бой оканчивается побѣдой Дуная, и Настасья выходитъ замужъ за Дуная. На свадебномъ пиру въ Кіевѣ всѣ наѣдалися, напивалися и порасхвасталися. Порасхвастался и Дунай тѣмъ, что онъ гораздъ стрѣлять въ цѣль изъ тугого лука. Молодая жена Дуная Настасья говоритъ своему мужу, что нечѣмъ ему

хвастаться, такъ какъ она не хуже его умѣетъ стрѣлять изъ лука въ цѣль. Не слюбилося это Дунаю, и онъ предлагаетъ женѣ отправиться съ нимъ въ чистое поле и состязаться въ стрѣльбѣ изъ лука. Уговорились стрѣлять въ золотое кольцо, которое долженъ держать на своей головѣ одинъ изъ супруговъ. По жребію выпало стрѣлять первой—Настасьѣ. Отмѣрили разстояніе на пятьсотъ шаговъ. Настасья взяла лукъ прицѣлилась и сшибла стрѣлой съ головы кольцо. Настала очередь стрѣлять Дунаю. Настасья, опасаясь, что ея охмелѣвшій мужъ промахнется, проситъ его отложить состязаніе до слѣдующаго дня; она раскаивается, что затѣяла съ нимъ состязаніе, такъ какъ онъ теперь можетъ попасть стрѣлой въ нее, убить ее и находящагося во чревѣ ея ребенка отъ Дуная. Дунай не соглашается. Отойдя на отмѣренное разстояніе, Дунай прицѣливается въ кольцо на головѣ жены. Стрѣла взвилась и попала Настасьѣ въ грудь. Дунай опомнился. Въ горѣ онъ схватываетъ кинжалъ и закалываетъ себя. Изъ крови богатыря потекла рѣка Дунай.

Имя Дунай—одно изъ популярныхъ въ древности русскихъ именъ. Въ Ипатьевской лѣтописи встрѣчается имя близкаго къ галицко-волынскому князю Владимиру (въ концѣ XIII в.) воеводы Дуная. Князь Владимиръ Васильковичъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ князей. По разсказамъ современника, онъ велъ воздержную жизнь, отличался силою и ловкостью въ охотѣ, былъ благочестивъ. Его воевода Дунай ведетъ княжескую дружину противъ поляковъ; по порученію князя, Дунай собираетъ союзниковъ-литовцевъ; когда князь заболѣлъ и передалъ престолъ брату своему Мстиславу, Дунай, по порученію того же Владимира, устраиваетъ дѣла между княземъ Мстиславомъ и мазовецкимъ княземъ Конрадомъ. Такимъ образомъ, Дунай игралъ весьма важную роль въ событіяхъ изъ жизни Галицко-Волынскаго княжества во второй половинѣ XIII в. Личности Владимира Васильковича и его воеводы Дуная должны были отразиться въ современномъ имъ галицко-волынскомъ эпосѣ, а затѣмъ, вслѣдствіе процесса циклизаціи княжеско-дружинныхъ пѣсенъ, слились съ пѣснями о Владимирѣ Св.

Былины о Дунаѣ представляютъ сліяніе трехъ мотивовъ: 1) сватовство и добываніе невѣсты для князя, 2) убійство мужемъ жены въ состояніи оскорбленнаго самолюбія и само-

убійство мужа и 3) происхожденіе рѣки отъ крови героя. Въ самомъ Дунаѣ слились два образа: 1) тихій Дунай, способный къ дипломатической дѣятельности и выполняющій порученіе добыть невѣсту и 2) буйный и свирѣпый Дунай, убивающій жену и себя.

347. Михаилъ Потокъ Ивановичъ. На пиру Владиміръ возлагаетъ на своихъ трехъ богатырей—Илью Муромца, Добрыню Никитича и Потока Михайла Ивановича порученіе—съѣздить въ три царства выправить дани-выходы за тринадцать съ половиной лѣтъ. Богатыри выѣзжаютъ изъ Кіева вмѣстѣ и затѣмъ отправляются каждый въ назначенное царство. Михаилу Потоку выпало идти въ царство Подольское. Выправивъ дани-выходы, Михаило Потокъ отправился къ морю синему, на теплыя, тихія заводи настрѣлять для княженецкаго стола гусей, бѣлыхъ лебедей и перелетныхъ малыхъ уточекъ. Вдругъ онъ видитъ бѣлую лебедушку: „она черезъ перо была вся золота, а головушка у ней увивана краснымъ золотомъ и скатнымъ жемчугомъ усажена“. Потокъ живо вынулъ свой тугой лукъ и прицѣлился въ бѣлую лебедь. А лебедь вдругъ заговорила человѣчьимъ голосомъ, прося Потока не стрѣлять въ нее, такъ какъ она ему пригодится когда нибудь“. Сказавъ это, лебедь обернулась красной дѣвицей. Потокъ воткнулъ свое копье въ землю, привязалъ къ копью коня, беретъ дѣвицу за бѣлыя руки и цѣлуетъ ее въ сахарныя уста. Бѣлая Лебедь, Авдотьюшка Лиховидьевна (Марья королевична, подолянка), соглашаясь вступить въ бракъ съ Потокомъ, заключаетъ съ нимъ договоръ, по которому тотъ изъ нихъ, кто останется живъ послѣ смерти другого, долженъ живой послѣдовать за нимъ въ могилу. Потокъ соглашается. Женихъ и невѣста разстаются, уговорившись вѣнчаться въ Кіевѣ. Когда Потокъ прибылъ въ Кіевъ, оказалось, къ его удивленію, что невѣста уже его ждетъ тамъ. Потокъ повѣнчался съ Авдотьюшкой и далъ клятву исполнить заключенный договоръ. Сталъ Михайло Потокъ съ женою своею вѣкъ коротать.

Въ это время въ Кіевъ явился посолъ отъ царя Вахрамѣя Вахрамѣевича (Бухаря, и т. д.) съ требованіемъ уплатить дани-выходы за тринадцать съ половиною лѣтъ: Владиміръ поручаетъ уладить это дѣло Потоку. Потокъ учитъ Владимира написать царю ярлычки скорописчаты о томъ, что дани-выходы онъ отправляетъ съ Михайломъ Потокомъ. Съ этими

ярлыками Потокъ ѣдетъ къ царю безъ даней-выходовъ. Царь распечатываетъ ярлыки. Онъ очень радуется присылкѣ данейвыходовъ и спросилъ у Потока, гдѣ они. Потокъ объявляетъ, что по дорогѣ оси въ телѣгахъ сломались, и теперь тамъ происходитъ починка телѣгъ. Царь удовлетворился этимъ отвѣтомъ и сталъ разспрашивать, чѣмъ забавляются въ настоящее время на Руси. Потокъ сказалъ, что самая распространенная игра—въ шашки (шахматы, тавлеи золоченыя). Царь предложилъ Потоку поиграть съ нимъ. Началась игра. Царь проигралъ нѣсколько разъ по сорока ордынскихъ телѣгъ казны золотой и даже дани-выходы за тринадцать съ половиной лѣтъ.

Во время игры налетаетъ на окошечко голубь и возвѣщаетъ Потоку, что его жена скончалась. Потокъ бросаетъ шахматную доску о кирпичный полъ съ такою силою, что всѣ терема въ царскомъ дворцѣ зашатались, хрустальныя оконницы посыпались, и люди и бояре всѣ мертвы лежатъ. Въ три часа примчался Потокъ въ Кіевъ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, Потокъ, согласно уговору съ женой, велитъ посадить себя съ конемъ и сбруей разной въ погребъ великій, гдѣ похоронена была его жена. Могила была задѣлана дубовымъ потолкомъ и засыпана желтыми песками. Въ полночь въ могилу проникъ Змѣй. Потокъ не робокъ былъ: онъ схватился со Змѣемъ, побѣдилъ его и хотѣлъ отрубить ему голову. Змѣй проситъ пощады, обѣщая живой водой воскресить Потоку жену. Потокъ щадитъ Змѣя. Жена его воскресла. Потокъ зычнымъ голосомъ крикнулъ: Илья Муромецъ и Добрыня услышали крикъ Потока, разрыли могилы и вытащили оттуда Потока и жену его.

Однажды, когда дома Потока не случилось, жена покинула его и вышла замужъ за прекраснаго царя Ивана Окульевича (или ушла къ отцу своему королю Политовскому), который убѣдилъ ее, что за нимъ она будетъ царицей, а за Потокомъ простой портомойницей у князя Владимира. Узнавъ о происшедшемъ, Потокъ погнался за Иваномъ Окульевичемъ и женой и догналъ ихъ въ степи. Увидѣвъ Потока, Марья Лебедь Бѣлая приготовила сонныхъ питей и стала подчивать Потока, жалуясь на то, что Иванъ Окульевичъ насильно увезъ ее. Потокъ былъ падокъ до вина, выпилъ чару, другую и третью и упалъ сонный на землю. Марья превращаетъ Потока въ бѣлъ-горючъ камешекъ и ѣдетъ дальше.

Между тѣмъ, Илья и Добрыня стосковались по своемъ крестовомъ братцѣ, одѣлись каликами и отправились на поиски за Потокомъ. Пришли они къ бѣлому камешку и встрѣтили калику сѣдую и плѣшатую. Узнавъ, куда направляются богатыри, калика вызвался идти вмѣстѣ съ ними. Пришли трое каликъ въ землю Сарацинскую къ Ивану Окульевичу и Маріи Бѣлой лебеди и стали зычнымъ голосомъ просить милостыни. Отъ этого каличьяго крика терема въ царствѣ пошатались, хрустальныя оконницы посыпались. Бросилась Марья къ окошку, узнала подъ видомъ двухъ каликъ русскихъ богатырей и велѣла накормить, напоить и наградить ихъ. Отъ нея калики узнали, что Потокъ лежитъ у перекрестка бѣлымъ горючимъ камешкомъ. Калики вернулись назадъ къ камню и стали прежде дѣлить между собою милостыню, полученную отъ Маріи. Старый калика дѣлитъ ее на четыре части. Илья и Добрыня удивились. Старый калика сказалъ, что четвертая часть придется тому, кто подниметъ бѣлъ горючъ камень и кинетъ его черезъ плечи. Схватилъ камень Добрыня, поднялъ его до колѣнъ, а больше не могъ; подскочилъ Илья, здынулъ камень до пояса, а больше не могъ. Тогда подошелъ къ камню старый калика; сталъ калика поднимать его и перебросилъ черезъ плечо: камень превратился въ Потока. Оказалось, что калика сѣдатая—Михаилъ Архангелъ или Микола Святитель, явившіеся для освобожденія Потока отъ чаръ.

Потокъ разспрашиваетъ про свою жену и снова отправляется въ Сарацинское царство. Марья снова опаиваетъ Потока допьяна и прибиваетъ его гвоздями къ городской стѣнѣ. Однажды сестра Ивана Окульевича — Настасья Окульевна, проходя мимо стѣны, увидѣла черную завѣсу, отдернула ее и увидѣла висящаго Потока, съ котораго уже соскочилъ хмель. Настасья обѣщаетъ освободить его, если онъ дастъ обѣщаніе жениться на ней. Потокъ соглашается. Настасья освобождаетъ его, достаетъ ему коня и оружіе. Поѣхалъ Потокъ къ царскимъ палатамъ. Марья, увидѣвъ Потока, снова приготовила соннаго вина и потчуетъ Потока, увѣряя его со слезами, что она безъ него жить не можетъ. Потокъ занесъ уже руку, чтобы взять подносимую чару, но тутъ выскочила Настасья и толкнула его подъ руку: чара отлетѣла далеко. Потокъ взмахнулъ саблей, отрубилъ голову Марьѣ и Ивану Окульевичу, за-

тѣмъ возвращается въ Кіевъ, женится на Настасьѣ и строитъ церковь Миколѣ Святителю.

Нѣкоторыми своими чертами эта былина напоминаетъ былину о Добрынѣ и Маринѣ. Но она нѣсколько шире: она представляетъ переработку темы о невѣрныхъ женахъ. Первая часть былины, изображающая женитьбу героя и уговоръ съ женою о томъ, что пережившій супругъ долженъ отправиться въ могилу съ другимъ, пребываніе живого съ мертвымъ въ могилѣ, столкновеніе со Змѣемъ и воскрешеніе жены—представляетъ очень древній и вмѣстѣ съ тѣмъ популярный сказочный сюжетъ. Эта часть имѣетъ много параллелей въ сказкахъ слѣдующихъ народовъ: бѣлоруссовъ, поляковъ, нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ, сицилійцевъ, кавказцевъ, индусовъ и т. д. Вторая часть осложнилась сказками на сюжетъ о невѣрныхъ женахъ: жена героя, волшебница, измѣняетъ ему въ его отсутствіе, увозится другимъ и старается погубить перваго мужа; попытки погубить мужа излагаются обыкновенно въ двухъ эпизодахъ: въ первый разъ она превращаетъ его въ камень, а во второй разъ пригвождаетъ его въ погребѣ къ стѣнѣ. Героя спасаетъ сестра похитителя, на которой онъ и женится, убивъ свою жену и ея похитителя.

Былины о Потокѣ принадлежатъ, повидимому, къ разряду тѣхъ княжеско-дружинныхъ пѣсенъ, которыя сложились первоначально въ Галицко-Волынской Руси и затѣмъ уже вошли въ циклъ кіевскихъ былинъ. Къ этому приводитъ анализъ географическихъ названій въ былинахъ о Потокѣ. Жена Потока Марья Бѣлая Лебедь въ большинствѣ случаевъ называется Подоленкой, т.-е. выводится изъ Подоліи. Въ нѣкоторыхъ былинахъ прямо говорится, что Потоку Владимиръ поручилъ съѣздить именно въ землю Подольскую, и что его жена была дочерью подольскаго короля. Похититель Маріи называется Политовскимъ королемъ (Вахрамѣемъ, Иваномъ Окульевымъ, Кощеемъ и т. д.).

Изслѣдованіе вопроса о имени богатыря также приводитъ къ выводу о томъ, что былины о Потокѣ сложились въ Галицко-Волынской землѣ.

Прозвище Потокъ, или Потыкъ, встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ въ формѣ Поткъ (вѣроятно, изъ Потъкъ, причемъ *ъ* перешелъ въ *о* и *ы*). Это прозвище чрезвычайно напоминаетъ названіе болгарскаго города Потуки (вѣроятно, ны-

нѣшняго Батака), къ которому прикрѣплено житіе праведнаго Михаила-воина. Содержаніе этого житія слѣдующее.

Болгаринъ Михаилъ служитъ въ византійскомъ войскѣ воеводой. Однажды греки, тѣснимые агарянами и эѳіоплянами, готовились уже обратиться въ бѣгство. Тогда Михаилъ со своею дружиною бросился на непріятелей, перебилъ ихъ множество, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство. Возвращаясь въ свой родной городъ Потуку, Михаилъ остановился отдохнуть близъ одного озера. Въ озерѣ жилъ Змѣй, которому жители сосѣдняго города обязаны были доставлять дѣтей на съѣденіе. Когда Михаилъ остановился на отдыхъ, у озера стояла обреченная на съѣденіе Змѣю дѣвица. Михаилъ бросился на Змѣя и отрубилъ ему мечомъ всѣ три головы. Жители города, узнавъ о гибели Змѣя, устроили Михаилу торжественную встрѣчу. Михаилъ вернулся въ свой родной городъ, гдѣ и умеръ (во второй половинѣ IX в.). По смерти Михаила у его тѣла въ Потукѣ стали совершаться чудеса. Въ 1206 г. болгарскій царь Калоіоаннъ устроилъ торжественное перенесеніе мощей Михаила изъ Потуки въ Тырновъ.

Между Михаиломъ изъ Потуки и Михаиломъ Потокомъ Ивановичемъ есть нѣкоторое сходство: оба—храбрые воины, воеводы; оба находятъ дѣвицу—одинъ у моря, другой у озера; оба спасаютъ женщину отъ Змѣя. Это сходство можетъ быть объяснено тѣмъ, что торжественное перенесеніе мощей Михаила въ началѣ XIII в. должно было возобновить воспоминанія объ этомъ угодникѣ въ Болгаріи и возбудить интересъ къ нему за предѣлами Болгаріи у ближайшихъ сосѣдей православнаго исповѣданія. Такой сосѣдкой, съ которой Болгарія соприкасалась въ нижнемъ теченіи Дуная, была Галицко-Волынская земля. Повидимому, къ имени галицко-волынскаго богатыря-дружинника, по сходству прозвища или по инымъ причинамъ, пристала легенда о болгарскомъ воинѣ изъ Потуки, подвергшись на новой родинѣ цѣлому ряду измѣненій и дополненій.

348. Иванъ Годиновичъ. Съ сюжетомъ о Михаилѣ Потокѣ находятся въ связи былины объ Иванѣ Годиновичѣ.

Владимиръ хочетъ женить своего племянника Ивана Годиновича. Иванъ отвѣчаетъ Владимиру, что онъ уже намѣтилъ себѣ невѣсту. Его невѣста, Марья Митріевна (Настасья, Авдотья Лебедь Бѣлая), живетъ въ Золотой Ордѣ (въ Индіи

богатой, за славнымъ синимъ моремъ, въ Черниговѣ). Она всѣмъ добрымъ добра: тѣломъ, какъ снѣгъ, бѣла; походка у ней — павлинная, тихая рѣчь — лебединая, брови у ней — чернаго соболя, глаза у ней — яснаго сокола, личико, какъ маковъ цвѣтъ. Иванъ Годиновичъ отправляется за невѣстой, взявъ съ собой паробка любимаго (или трехъ богатырей, между ними Илью и Алешу). Пріѣзжаетъ Иванъ и сватается къ Марьѣ Митріевнѣ. Марья Митріевна оказывается просватана уже за другого (за царя Кощега Трипетовича, за царища Кощерища, за царя Афромея Афромеевича и т. д.). Иванъ Годиновичъ увозитъ Марью Митріевну, по однимъ былинамъ, силою, а по другимъ — съ ея согласія. Первый женихъ, царь Кощегъ, узнавъ о похищеніи его невѣсты, бросается за Иваномъ въ погоню и догоняетъ его среди степи, гдѣ онъ расположился отдохнуть въ шатрѣ. Между Иваномъ и Кощегомъ затѣвается бой. Иванъ опрокидываетъ Кощега, садится ему на бѣлыя груди и проситъ Настасью Митріевну дать ему „ножище-кинжалище—вырвать сердце татарское съ печенью“. Кощегъ говоритъ Настасьѣ: „Ай же, ты Настастья Митріевна! Не подай ножища-кинжалища: какъ за имъ вѣдь будешь жить, будешь слыть бабой простомывныя, будешь старому, малому кланяться; а за мной вѣдь будешь жить, будешь слыть царицей вѣковѣчной, будетъ старый вѣдь, малый тебѣ кланяться“. У бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ. Выскакиваетъ Настасья изъ бѣлаго шатра, схватываетъ Ивана за желтые кудри и сбиваетъ его на сыру землю. Кощегъ и Настасья привязываютъ Ивана къ сырому дубу и удаляются въ шатеръ. По прошествіи нѣкотораго времени налетѣлъ на сырой дубъ черный воронъ (три малыхъ голубя) и закричалъ громкимъ голосомъ: „А не владѣть этой Марьей Митріевичной Кощегу Трипетовичу, а владѣть ею Иванушкѣ Годиновичу“. Татарину не слюбилась эта рѣчь. Онъ выскакиваетъ изъ шатра, беретъ лукъ Ивана Годиновича и прицѣливается въ ворона. Въ это время Иванушка сталъ приговаривать: „Ужъ ты, батюшко, мой тугой лукъ! Ужъ ты, матушка, калена стрѣла! Не пади-ко, стрѣла, ты ни на воду, не пади-ко стрѣла, ты ни на гору, не пади-ко, стрѣла, ты ни въ сырой дубъ, не стрѣли сизыихъ, малыихъ голубовъ! Обернись, стрѣла, въ груди татарскія, въ татарскія груди, во царскія, ай вырви-ко сердце со печенью добрымъ людишкамъ на сгляженье, ай старымъ старухамъ на роптаніе,

чернымъ воронамъ все на граянье, ай сѣрымъ волкамъ все на военье". Стрѣла, повинуясь заклинанію Ивана, ударяетъ въ грудь Кощеги и вырываетъ сердце съ печенью. Настасья заплакала: „Я отъ бережка откачнулася, я къ другому не прикачнулася". Опасаясь, что Иванушка отомститъ ей, если останется живъ, Настасья беретъ саблю, чтобы отрубить Ивану голову. У Иванушки богатырское сердце разгорѣлося. Двинулся Иванушка отъ сырого дуба. Дубъ согнулся, разбился на куски, и Иванушка освобождается отъ веревокъ. Онъ схватываетъ Настасьюшку за желту косу, сбиваетъ ее на землю, начинаетъ ее учить: отрубаетъ ей руки, ноги, губы и голову. Только Иванушка и былъ женатъ.

Этотъ сюжетъ находится въ связи съ слѣдующими произведеніями: 1) „Повѣсть объ убіеніи злочестиваго царя Батыя", 2) Сербская пѣсня о Бановичѣ Страхинѣ и 3) русская легенда изъ житія Іосифа Волоцкаго.

1) **„Повѣсть объ убіеніи злочестиваго царя Батыя"**. „Повѣсть объ убіеніи злочестиваго царя Батыя", помѣщенная въ Никоновскомъ лѣтописномъ сводѣ, разсказываетъ слѣдующее.

Въ 1248 г. Батый прошелъ со своими войсками до центра Венгріи, укрѣпленнаго города Варадина, окруженнаго со всѣхъ сторонъ водою. Посреди города стоялъ „столпъ каменъ, зѣло превысокъ". Въ то время самодержцемъ этой земли былъ король Влаславъ (Владиславъ). Влаславъ не успѣлъ собраться съ войсками, и потому Батый разрушилъ всѣ города, а людей поплѣнилъ. Король „многи дни пребываше на предреченномъ столпѣ въ велицей скорби, ни хлѣба, ни воды вкушая, и моляще Христа Бога со слезами, да преложитъ гнѣвъ свой на милость и избавитъ его отъ враговъ его". Со столпа Влаславъ увидѣлъ, какъ татары захватили его сестру, бѣжавшую къ нему въ городъ, и отвели къ Батыю, и „паче на сугубый плачъ и слезы обратися и моляше Христа Бога, да помощію своею и милостію своею избавитъ его отъ враговъ его". Молитвы Власлава были услышаны Богомъ. Однажды передъ Влаславомъ предсталъ „человѣкъ нѣкто свѣтелъ зѣло и страшенъ", который велѣлъ ему сейчасъ же отправиться на Батыя. Король сошелъ со столпа и увидѣлъ недалеко осѣдланнаго коня и сѣкиру на немъ. Онъ сѣлъ на коня, вышелъ съ войскомъ изъ города и неожиданно ударилъ на татарское войско. Татары потерпѣли пораженіе и бросились бѣжать. Побѣжалъ и Батый, а съ нимъ и сестра

Власлава. Влаславъ пустился за ними въ погоню, перебилъ многихъ татаръ, добрался до самого Батыя „и сразися самъ съ нимъ, и нача сестра королева помогати Батыю. Король же Владиславъ возопи съ великимъ гласомъ и со слезами ко Господу Богу, да ему поможетъ; и тако помощію Божіей одолѣвъ, уби царя Батыя и сестру свою съ нимъ“.

2) **Сербская пѣсня о Бановичѣ Страхинѣ.** Въ отсутствіе Бановича Страхини турокъ Влахъ-Алія похищаетъ его жену. Страхиня отправляется за ними въ погоню, настигаетъ ихъ на Косовомъ полѣ и вступаетъ съ похитителемъ въ бой. Бой продолжается долго. Наконецъ, утомленный Страхиня проситъ жену взять осколокъ сабли и ударить либо его, либо турка, смотря по тому, кто ей больше дорогъ. А турокъ сулитъ ей любовь и богатство. Женскій полъ не трудно обмануть. Схватила жена Страхини осколокъ сабли и ударила мужа прямо въ лобъ, такъ что кровь стала застилать ему глаза. Видя неминуемую гибель, Страхиня сталъ звать своего вѣрнаго пса Карамана. На богатырскій зовъ хозяина примчался вѣрный песъ, схватилъ измѣнницу за горло и скатился съ нею въ долину. Турку стало жалко ея; онъ оглянулся ей во слѣдъ; этимъ мгновеніемъ воспользовался Страхиня, наскочилъ на турка, ударилъ его о землю и загрызъ его зубами до смерти. Страхиня возвратился съ женой домой. Шурья его, узнавъ объ измѣнѣ ихъ сестры, убиваютъ ее.

3) **Русская легенда въ житіи Іосифа Волоцкаго.** У нѣкоего воина плѣнили его жену. Воинъ везъ съ собою пса и сѣкиру. Онъ отправляется по слѣдамъ похитителей, которые пришли въ нѣкое село боярское, гдѣ имъ устроено было угощеніе. „Многаго ради зноя“ всѣ перепились и спали, какъ мертвые. Воинъ, явившись въ это село, перебилъ всѣхъ спавшихъ сѣкирой. Въ одной изъ комнатъ онъ нашелъ свою жену и похитителя-князя. Увидѣвъ мужа своего, жена разбудила спавшаго „варвара“. „Варваръ“ вскочилъ и вступилъ въ бой съ мужемъ-воиномъ. Одолѣвъ воина, „варваръ“ сѣлъ на него и вынулъ ножъ, чтобы его зарѣзать. Въ это время песъ воина схватилъ зубами „варвара“ за голову и стащилъ его со своего хозяина. Воинъ всталъ, убилъ „варвара“ и, взявъ съ собой жену, ушелъ и сдѣлалъ съ нею то, что хотѣлъ.

349. Данило Ловчанинъ. У Владимира—пиръ. Владиміръ жалуется на то, что всѣ князья-бояре, сильные-могучіе

богатыри и вся поленица удалая — женаты, а онъ не женатъ ходитъ, холостъ гуляетъ, и спрашиваетъ, гдѣ бы ему найти подходящую невѣсту. Мишатычка, Путятинъ сынъ, отвѣчаетъ Владимиру: „Ужъ ты, батюшка, Володимиръ князь! Много я ѣзжалъ по инымъ землямъ, много видалъ я королевишенъ, много видалъ и изъ ума пыталъ: котора лицомъ красна — умомъ не сверстна, котора умомъ сверстна — лицомъ не красна. Не нахаживалъ я эдакой пригожицы, — у того-ли Данилы у Денисьича, еще то-ли Василиса Никулишна: и лицомъ она красна, и умомъ сверстна, и русскую умѣетъ больно грамоту, и четью-пѣтью горазда церковному; еще было бы кого назвать намъ матушкой, величать намъ государыней“. Владиміръ отказывается отъ живого мужа жену себѣ брать. Но Мишатычка Путятинъ „перемѣтливъ“ былъ: онъ предлагаетъ послать Данилу Ловчанина на службу дальнюю, невозвратную, велѣть ему поймать птицу бѣлогорлицу къ обѣду княженецкому и убить льва лютаго. Слово Мишатычки Путятина понравилось Владимиру. Онъ пишетъ ярлыки скорописчаты и отправляетъ ихъ съ Мишатычкой въ Черниговъ-градъ къ Данилѣ.

Пріѣхавъ въ Черниговъ, Мишатычка не застаетъ Данилы и отдаетъ ярлыки Василисѣ Никулишнѣ. Василиса читаетъ ихъ и заливается горькими слезами. Надѣваетъ на себя Василиса платье молодецкое, садится на коня и отправляется въ поле искать Данилушку. Найдя его, Василиса сообщила о приказаніи Владимира.

Данила успѣшно выполняетъ порученіе и располагается послѣ охоты отдыхать въ полѣ. Вдругъ Данила видитъ — къ нему направляется „триста бояриновъ да триста татариновъ, да триста донскихъ казаковъ“, которые сообщаютъ Данилѣ, что они пришли за его буйной головушкой. Данило рѣшилъ не сдаваться имъ: онъ сталъ стрѣлять по нимъ изъ тугого лука и всѣхъ перебилъ, но самъ задумался надъ отношеніемъ къ нему князя: „Знать, я князю неугоденъ сталъ“! Придя къ этому заключенію, Данила воткнулъ копье тупымъ концомъ въ землю, а самъ бросается на копье и умираетъ.

Узнавъ о гибели Данилы Ловчанина, Владиміръ ѣдетъ въ Черниговъ и принуждаетъ Василису Никулишну выходить за него замужъ. Василиса наряжается въ свѣтлое платье, беретъ съ собой булатный ножъ и ѣдетъ съ Владиміромъ къ Кіеву. Когда они проходили мимо мѣста, гдѣ погибъ Данила, Васи-

лиса попросила у Владимира позволенія пойти проститься съ покойнымъ мужемъ. У трупа своего мужа Василиса вытащила свой булатный ножъ и распарываетъ себѣ грудь.

Былина о Данилѣ Ловчанинѣ, повидимому, имѣетъ связь съ преданіемъ о рязанской княгинѣ Евпраксіи (§ 282). Сходство между этимъ преданіемъ и былиной о Данилѣ Ловчанинѣ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) былинному Мишатычкѣ Путятичу соотвѣтствуетъ въ лѣтописномъ преданіи завистливый рязанскій вельможа; оба указываютъ, одинъ Владимиру, другой Батыю на существованіе красавицы жены; 2) Владимиръ содѣйствуетъ гибели мужа красавицы — Батый прямо губитъ его, когда тотъ отказывается исполнить невыполнимое для него требованіе; 3) жена красавица, узнавъ о гибели мужа, въ обоихъ случаяхъ кончаетъ самоубійствомъ.

Чѣмъ обусловливается это сходство, сказать трудно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Старины о гибели богатырей.

350. Гибель богатырей. Циклъ кіевскихъ былинъ завершается былиной о томъ, какъ перевелись на Руси богатыри.

Выѣзжаютъ русскіе богатыри на Сафатъ-рѣку и располагаются „опочивъ держать“. Было ихъ семеро: Хотенъ, Василій Казимировичъ, Василій Буслаевичъ, Иванъ Гостиный сынъ, Алеша Поповичъ, Добрыня и Илья Муромецъ.

„Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка“, вставалъ раньше всѣхъ Добрыня, умывался студеной водой, утирался тонкимъ полотномъ, помолился чудну образу. Видитъ Добрыня — за Сафатъ-рѣкой бѣлъ-полотнянъ шатеръ, а въ этомъ шатрѣ залегъ злой татарченокъ, басурманченокъ, который не пропускаетъ ни коннаго, ни пѣшаго, ни ѣзжалаго добра молодца. Добрыня осѣдлалъ своего коня, направился къ шатру и зычнымъ голосомъ вызываетъ татарченка на бой. Татаринъ выходитъ изъ шатра, садится на коня и выѣзжаетъ на Добрыню. Въ бою сломались у противниковъ острыя копья, разлетѣлись мечи булатные. Схватился Добрыня съ татариномъ въ рукопашную. Поскользнулся Добрыня и упалъ на сырую землю. Вскочилъ татаринъ на Добрыню, распоролъ ему бѣлыя груди и вынималъ сердце съ печенью.

„Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка“, вставалъ раньше всѣхъ Алеша Поповичъ. Выйдя на Сафатъ-рѣку, Алеша видитъ Добрынина коня. Догадался Алеша, что съ Добрыней что-то случилось, сѣлъ на коня, направился къ шатру татарченка и видитъ — у шатра лежитъ трупъ Добрыни. Алеша зычнымъ голосомъ вызываетъ на бой татарченка. Алеша одолѣваетъ татарченка и собирается вспороть ему бѣлыя груди. Вдругъ, откуда ни возмись, черный воронъ, заговорившій съ Алешей человѣческимъ голосомъ; онъ проситъ пощадить татарченка, обѣщая за это принести мертвой и живой воды для оживленія Добрыни. Алеша послушался ворона. Воронъ принесъ мертвой и живой воды: Алеша вспрыснулъ ими Добрыню, и Добрыня ожилъ.

„Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка“, вставалъ раньше всѣхъ Илья Муромецъ и выходилъ на Сафатъ-рѣку. Видитъ Илья — черезъ Сафатъ-рѣку переправляется сила басурманская: силы той доброму молодцу не объѣхать, сѣрому волку не обрыскать, черному ворону не облетѣть. Илья зычнымъ голосомъ созвалъ своихъ товарищей-богатырей. На его зовъ сбѣгались богатыри, сѣли на коней, бросились на силу и стали ее колоть-рубить; не столько богатыри рубятъ, сколько добрые кони топчутъ. Бились три часа и три минуточки: изрубили богатыри всю силу поганую.

Стали богатыри похваляться: „Не намахались наши могутныя плечи, не уходилися наши добрые кони, не притупились мечи наши булатные!“ Алеша Поповичъ прибавилъ: „Подавай намъ силу нездѣшнюю — мы и съ тою силою, витязи, справимся!“ Едва Алеша произнесъ свое слово „неразумное“, какъ явилось двое воителей. Они крикнули громкимъ голосомъ: А давайте съ нами, витязи, бой держать! Не глядите, что насъ—двое, а васъ—семеро“. Не узнали богатыри воителей. Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова, налетѣлъ на нихъ и разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча: воителей стало четверо—и всѣ живы. Налетѣлъ на нихъ Добрыня, разрубилъ ихъ со всего плеча пополамъ: воителей стало восьмеро, и всѣ живы. Налетѣлъ на нихъ Илья, разрубилъ ихъ пополамъ: воителей стало вдвое, и всѣ живы. Тогда всѣ богатыри бросились на силу и стали ее колоть-рубить. „А сила все растетъ да растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ“. Бились богатыри три дня, три часа, три минуточки. Намахались ихъ плечи

могутныя, уходились ихъ кони добрые, притупились мечи ихъ булатные. „А сила все растетъ да растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ“. Испугались богатыри, побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры. „Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ; какъ подбѣжитъ другой — такъ и окаменѣетъ; какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ“. Съ этихъ поръ и перевелись богатыри на св. Руси.

Изложенная былина дошла до насъ не въ подлинномъ видѣ, а въ переработкѣ записавшаго ее поэта Л. Мея. Повидимому, и въ устахъ казака Ивана Андреева, со словъ котораго былина записана, она не представляла чего-либо органически-цѣльнаго. Былина распадается на три эпизода, причемъ послѣдній — борьба богатырей съ басурманской силой, появленіе двухъ воителей и окаменѣніе богатырей — не имѣетъ никакой связи съ предыдущими двумя эпизодами — побѣдой татарченка надъ Добрыней, побѣдой Алеши надъ татарченкомъ и оживленіемъ Добрыни. Стиль былины во многихъ мѣстахъ, видимо, — новѣйшаго литературнаго происхожденія, какъ и цѣлый рядъ словъ, необычныхъ для былинъ: витязь, воитель и др. Тѣмъ не менѣе существованіе въ былинномъ репертуарѣ сюжета о томъ, какъ перевелись богатыри на св. Руси, доказывается другими былинами, въ которыхъ этотъ же эпизодъ передается, хотя и въ иныхъ, но сходныхъ чертахъ.

Въ одной былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ-царѣ разсказывается, что богатыри, расправившись съ татарами, возгорѣлись сердцемъ. Илья Муромецъ проговорилъ: „Какъ явилась бы тутъ сила небесная, прирубили бы мы силу всю небесную!“ Былина, безъ какой-либо связи, прямо послѣ этихъ словъ Ильи, говоритъ: „Разрубятъ татарина единаго, а сдѣлается съ едина два; а разрубятъ и по двухъ татаръ да поганыихъ, а сдѣлается съ двухъ да четыре. Рубили тутъ все татаръ да поганыихъ, да пресѣлся то старой казакъ Илья Муромецъ, Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ, отъ этихъ татаръ да отъ поганыихъ; окаменѣлъ его конь да богатырской, и сдѣлалися мощи да святыи да со стара казака Ильи Муромца, Ильи Муромца, сына Ивановича“.

Другая былина, тоже повѣствующая объ Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ-царѣ, разсказываетъ, что богатыри, побивши татарску силу, порасхвастались: „Кабы была на небо лѣстница, мы прибили бы всю силу небесную“. Далѣе эта былина, какъ

и предыдущая, говоритъ безъ всякой связи: „А тутъ убьютъ татарина—станетъ два да три. Тутъ русскіе могучіе богатыри, прибились они, примучились и другъ другого прикололи-прирѣзали: не осталось на Руси богатырей...“.

Третья былина разсказываетъ такъ. Русскіе богатыри бросились на силу татарскую, приведенную Мамаемъ и его зятемъ Василіемъ Прекраснымъ. Они рубили ее пять сутокъ и не оставили ни единаго татарина „на сѣмена“. Двое братьевъ, богатыри-суздальцы стали похваляться: „Кабы была теперь сила небесная, и всѣ бы мы побили ее по полю“. Отъ словъ богатырей-суздальцевъ, вдругъ сдѣлалось чудо великое: возстала сила Мамаева, и стало силы впятеро больше прежняго. Выѣхали богатыри снова на ожившую силу и начали бить ее съ краю на край. Рубили богатыри шестеро сутокъ, „а вставать силы больше прежняго“. Илья кается за глупыя слова братьевъ-суздальцевъ; тутъ повалилась сила кроволитная, и начали копать мать-сыру землю и хоронить тѣла. Богатыри сѣли на коней и поѣхали къ Кіеву. Въѣхавъ въ Кіевъ, они зашли въ честные монастыри и въ пещеры кіевскія; тутъ всѣ богатыри и преставилися.

Всѣ эти варіанты одного и того же сюжета ясно показываютъ, что русскій богатырскій эпосъ заканчивался былинами о томъ, какъ перевелись у насъ богатыри. Изслѣдуя вопросъ о томъ, какое именно событіе породило пѣсни о гибели богатырей, можно придти къ заключенію, что такимъ событіемъ было татарское нашествіе въ его двухъ моментахъ: битва при Калкѣ (1223) и битва при Сити (1238). Оба событія произошли на берегу рѣки (въ былинѣ—на Сафатъ-рѣкѣ, получившей свое названіе, вѣроятно, подъ вліяніемъ представленія объ Іосафатовой долинѣ, гдѣ произойдетъ страшный судъ); оба событія имѣли роковое значеніе для княжеско-дружиннаго класса населенія: битва при Калкѣ сокрушила по преимуществу южно-русское богатырство, а битва при Сити—богатырство сѣверно-русское. Съ этого времени богатырство, какъ явленіе, присущее княжеско-дружинному классу населенія, исчезаетъ.

Правильность такого объясненія доказывается сопоставленіемъ былинъ, изображающихъ конецъ богатырей, съ лѣтописными сообщеніями о татарскомъ нашествіи, приведенными выше (§ 170). Нашествіе татаръ было неожиданностью для

русскихъ, а сами татары — невѣдомымъ, „незнаемымъ“ могучимъ народомъ; столь же неожиданно появляются „воители“, предложившіе богатырямъ бой; сила ихъ называется силой „нездѣшней“, „небесной“. Съ татарскимъ нашествіемъ рухнуло княжеско-дружинное богатырство; на Сафатъ-рѣкѣ погибла русская богатырская сила. По лѣтописнымъ преданіямъ, въ битвѣ на Калкѣ погибъ Александръ Поповичъ, слуга его Торопъ, Добрыня Рязаничъ Златой поясъ и семьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей; по былинамъ погибло семь богатырей, въ томъ числѣ Алеша Поповичъ и Добрыня. По лѣтописямъ княжеско-дружинная сила сломлена татарами въ наказаніе свыше „за грѣхи наша и за похвалу и гордость великаго князя Мстислава Романовича“, „гордости ради и величанія русскихъ князь“: „бѣша бо князи храбры мнози и высокоумны, и мнящеся своею храбростію содѣловающе; имяхуть же и дружину многу и храбру и тою величающеся“; та же причина гибели богатырей указана и въ былинахъ: гордость богатырей и ихъ похвальба одолѣть даже небесныя силы.

Въ былинахъ о гибели русскихъ богатырей выражается церковный взглядъ на пораженіе. Русская церковь, ведшая борьбу противъ княжеско-дружинной „буести“, какъ противъ грѣха, нашла въ нашествіи татаръ прекрасное фактическое доказательство своей мысли, и побѣжденные князья и дружинники сами не могли не посмотрѣть на свое страшное пораженіе иначе, какъ на наказаніе свыше.

Церковный взглядъ на пораженіе логически вытекалъ изъ еврейско-христіанскаго міропониманія; поэтому онъ имѣлъ мѣсто и въ другихъ христіанскихъ странахъ, народы которыхъ терпѣли пораженіе отъ народовъ нехристіанскихъ. У многихъ изъ нихъ этотъ взглядъ выражался даже въ образахъ, близкихъ къ тѣмъ, которые имѣются въ нашихъ былинахъ. Въ южно-славянскихъ пѣсняхъ, отразившихъ нашествіе турокъ на Балканскій полуостровъ, точно также изображается появленіе небесной силы, воскресеніе побитыхъ воиновъ въ возрастающей прогрессіи, бѣгство богатырей, причемъ причиной этого является гордость богатырей и ихъ высокомѣріе. Такъ, въ пѣснѣ, изображающей паденіе города Сталака, передается, что богатырь этого города Ѳеодоръ, выхвативъ свою острую саблю, побилъ все турецкое войско, состоявшее изъ ста тысячъ человѣкъ. Пролито было такъ много крови, что она достигала колѣнъ лошади Ѳеодора.

Оглянулся Ѳеодоръ назадъ и увидѣлъ великое чудо: тамъ, гдѣ былъ одинъ турокъ — стало два турка. Ѳеодоръ повернулся и во второй разъ перебилъ турецкую силу: стало крови коню по удила. Оглянулся Ѳеодоръ назадъ — видитъ новое великое чудо: на мѣсто двухъ стало три турка. Въ третій разъ Ѳеодоръ побилъ турецкую силу: кровь стала литься черезъ сѣдло. Оглянулся Ѳедоръ назадъ—на мѣсто трехъ турокъ стало четверо, а передъ ними шествуетъ св. Илья, несущій зеленое знамя. Оказывается, что Ѳеодора постигло наказаніе свыше за то, что, осажденный Сулейманомъ, онъ однажды крикнулъ съ крѣпостной стѣны: „Слышишь ли, Сулейманъ царь? Будетъ бросать тебѣ ядра! Достаточно ты глушилъ мои уши: тверда моя крѣпость, не подъ силу тебѣ взять ее. Вотъ, какъ сойду съ крѣпости, покроюсь ратною одеждою, которую не беретъ ни сабля, ни пуля, возьму въ руки острую саблю, которая сѣчетъ дерево и камень, осѣдлаю коня „ждрелятаго“, что бьется съ туманами и облаками,—живой птицы нигдѣ не оставлю!“

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Новгородско-галицкія старины.

351. Новгородско-галицкія старины. Къ новгородско-галицкимъ старинамъ относятся такія, сюжеты которыхъ сложились въ Новгородской области или въ Галицко-Волынской области, хотя онѣ пріурочены были позднѣйшими пѣвцами-скоморохами къ Кіеву. Къ этимъ старинамъ относятся старины о Чурилѣ Пленковичѣ и Дюкѣ Степановичѣ.

Чурила Пленковичъ и Дюкъ Степановичъ — не богатыри-воины: это—лица изъ боярскаго класса населенія, щеголяющія своими богатствами, красотой и франтовствомъ.

Чурила Пленковичъ.

352. Сюжеты, связанные съ именемъ Чурилы. Съ именемъ Чурилы Пленковича связаны два главныхъ сюжета: 1) пріѣздъ Чурилы въ Кіевъ и 2) смерть Чурилы.

1) Пріѣздъ Чурилы въ Кіевъ. Пиръ у Владимира. Когда день былъ въ полуднѣ, а столъ въ полустолѣ и Владимиръ распотѣшился, въ столовую врываются толпы избитыхъ и изране-

ныхъ княжескихъ слугъ: ихъ буйныя головы пробиты булавами и перевязаны кушаками. Слуги сообщаютъ князю, что во время охоты на государевомъ займищѣ они наѣхали на отрядъ молодцовъ въ триста человѣкъ: подъ ними — латинскіе жеребцы, кафтаны на нихъ — камчатные, ихъ колпаки — золотые. Невѣдомые молодцы повыловили куницъ, соболей, повыгнали печерскихъ лисицъ, туровъ, оленей пострѣляли и княжескихъ слугъ избили. Князь выслушалъ жалобу своихъ охотниковъ и ничего имъ не отвѣтилъ. Пиръ продолжается. Вбѣгаетъ новая толпа израненыхъ княжескихъ слугъ: это — рыболовы княжескіе. Они жалуются, что на нихъ во время ловли рыбы напалъ отрядъ молодцовъ, которые повыловили всю рыбу (иногда рыбу сорогу). Владимиръ „пьетъ-ѣстъ, прохлаждается, ихъ челобитство не слушаетъ“. Появляются новыя толпы израненныхъ княжескихъ слугъ: это — сокольники княжескіе; они жалуются, что чужіе молодцы повыловили ясныхъ соколовъ и бѣлыхъ кречетовъ на государевомъ займищѣ, на потѣшныхъ островахъ и ихъ сокольниковъ избили; они сообщаютъ, что эти невѣдомые молодцы называютъ себя дружиной Чуриловой. Тутъ князь спохватывается и спрашиваетъ у своихъ бояръ, кто этотъ Чурила. Выступаетъ тутъ старый Бермята (Пермита) Васильевичъ и говоритъ князю, что онъ давно знаетъ Чурилу: „Чурила живетъ не въ Кіевѣ, а живетъ онъ пониже Малаго Кіевца, на рѣкѣ Сарогѣ (Черогѣ). Дворъ у него — на семи верстахъ; около двора — желѣзный тынъ, на всякой тынинкѣ по маковкѣ, а и есть по жемчужинкѣ; среди двора свѣтлицы стоятъ, гридни бѣлодубовыя, покрыты сѣдымъ бобромъ; потолокъ — черныхъ соболей, матица то (средній брусъ потолка) — валженая (обтянутая кожей), полъ-середа — одного серебра, крюки да пробои — по булату злачены: первыя у него ворота — вальящатыя (рѣзныя), другія ворота — хрустальныя, третьи ворота — оловянныя“.

Князь съ княгиней, богатырями, дружиной въ 50 человѣкъ и Бермятой ѣдетъ ко двору Чурилы. Встрѣчаетъ его отецъ Чурилы, старый Пленко Сароженинъ (вѣроятно, по имени рѣки Сароги) и ведетъ его, богатырей и дружину въ высокъ теремъ: въ терему полъ-середа — одного серебра, стѣны-потолокъ — красна золота; на небѣ — солнце и въ теремѣ — солнце, на небѣ — мѣсяцъ и въ теремѣ — мѣсяцъ, на небѣ звѣзды разсыплются и въ теремѣ звѣзды разсыплются. Сажаетъ старый Пленко гостей

за столы дубовые и угощаетъ. Весело пируетъ князь. Взглянувъ въ окно, князь увидѣлъ приближеніе многочисленной дружины и испугался: „По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилося: князя, меня, въ домѣ не случилося: ѣдетъ ко мнѣ король изъ Орды или какой грозенъ посолъ“. Старый Пленко Сароженинъ усмѣхается и успокаиваетъ князя, говоря, что это — не король изъ Орды и не грозенъ посолъ, а молодой сынъ его Чурила Пленковичъ. Впереди ѣдетъ пышно разодѣтая толпа стольниковъ, затѣмъ толпа ключниковъ и, наконецъ, дружина, во главѣ которой идетъ Чурила. Чурила лучше всѣхъ: волосинки—золота дуга, серебряная; шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ, а личико будто маковъ цвѣтъ, очи будто у ясна сокола, брови будто у черна соболя. Чурила съ коня на коня перескакиваетъ, у молодцовъ шапочки подхватываетъ, на головушки шапочки покладываетъ. Передъ Чурилой несутъ подсолнечникъ, чтобы солнце не запекло его бѣлаго лица. Впереди дружины Чурилы бѣжитъ скороходъ. Въѣхавъ во дворъ, Чурила беретъ ключи золотые, отправляется въ подвалы глубокіе, беретъ оттуда золотой казны, сорокъ сороковъ черныхъ соболей, сорокъ печерскихъ лисицъ, дорогую камку хрущату и все это подноситъ Владимиру съ княгиней. Владимиръ обрадовался и приглашаетъ Чурилу переселиться въ Кіевъ: „Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить: подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить, князю служить“. Чурила принимаетъ приглашеніе, уѣзжаетъ въ Кіевъ и становится княжескимъ стольникомъ-чашникомъ.

Своею красотою и изяществомъ Чурила производитъ на придворныхъ женщинъ чарующее впечатлѣніе. Сама княгиня увлекается Чурилой. Однажды у Владимира былъ пиръ. Чурила Пленковичъ ходитъ, ставитъ дубовые столы да самъ желтыми кудрями потряхиваетъ, а желтые кудри его, какъ скатный жемчугъ, разсыпаются. Княгиня Апраксія, разрѣзая мясо лебединое, засмотрѣлась на Чурилу и обрѣзала себѣ ножомъ руку. Она говоритъ „женамъ господскимъ“: „Да не дивуйте-ка вы, жены господскія, да что обрѣзала я руку бѣлу правую. Да помѣшался у меня разумъ во буйной головѣ, да помутились у меня де очи ясныя, да смотрючись на де на красоту Чурилову, да на его то на кудри на желтые, да на его де на перстни злаченые; помѣшался у меня разумъ во буйной головѣ, да помутились у меня да очи ясныя“. Затѣмъ она обращается къ Владимиру съ слѣдующими словами: „Свѣтъ

государь ты, Владимиръ князь! Да премладому Чурилѣ сыну Пленковичу не на этой а ему службы быть, да быть ему де во постельникахъ, да стлати ковры да подъ насъ мягкіе". Владимиръ отвѣчаетъ княгинѣ: „Да суди тѣ Богъ, княгиня, что въ любовь ты мнѣ пришла. Да какъ ты, княгиня, не въ любовь пришла, да я срубилъ бы тѣ по плечъ да буйну голову, что при всѣхъ ты господахъ обезчестила". Съ этого времени Владимиръ даетъ Чурилѣ другую службу—быть княжескимъ позовщикомъ на пиры, ходить по городу по Кіеву, да зазывать гостей на почетный пиръ.

Рано по утру встаетъ Чурила, умывается бѣлехонько, надѣваетъ сапожки зеленъ-сафьянъ: пятки гладки, носки плоски, вокругъ пяты хоть яйцомъ прокати, подъ пяту воробей проскочи. Поѣхалъ Чурила по Кіеву. Всѣ женщины кіевскія заглядываются на него: гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещатъ, гдѣ молодушки глядятъ—лишь окоченьки звенятъ, гдѣ старыя глядятъ—манатьи на себѣ дерутъ.

И въ этой должности Чурила долго не удержался: Владимиръ заявляетъ ему, что его служба болѣе не нужна, и онъ можетъ либо въ Кіевѣ остаться, либо уѣхать домой. Чурила уѣзжаетъ на родину.

2) Смерть Чурилы. Посылаетъ Владимиръ молодого Чурилу звать въ гости къ себѣ князей и бояръ. Чурила обходитъ князей, бояръ и собираетъ ихъ къ князю на почетный пиръ. Идетъ далѣе Чурила въ суконный рядъ къ старому Бермятѣ Васильевичу, зоветъ его на пиръ. Кто отъ бѣды откупается, а иной на бѣду накупается. Бермята поручаетъ Чурилѣ пойти къ женѣ его любимой Катеринѣ Микулишнѣ и передать приглашеніе и ей. Чурила идетъ къ Катеринѣ „и тутъ онъ позамѣшкался", такъ что Владимиру пришлось его не мало времени ждать.

По утру рано, въ день Благовѣщенія зазвонили къ заутренѣ. Князья и бояре пошли къ заутренѣ. Въ тотъ день выпалъ снѣгъ, и они нашли свѣжій слѣдъ. Дивятся князья и бояре: „Либо зайка скакалъ, либо горностай". А иные усмѣхаются и говорятъ: „Знать, это не зайка скакалъ, не былъ горностай—это шелъ Чурила Пленковичъ къ старому Бермятѣ Васильевичу, къ его молодой женѣ Катеринѣ прекрасной"...

Однажды, когда старый Бермята былъ въ церкви, Катерина зазываетъ къ себѣ Чурилу, ведетъ его въ горницу, са-

жаетъ за столъ, угощаетъ и играетъ съ нимъ въ шахматы. Чурила три раза даетъ ей матъ. Катерина бросаетъ игру и говоритъ Чурилѣ: „Премладое Чурило, ты, сынъ Пленковичъ! Я не знаю играть съ тобою во шахматы, я не знаю глядѣть на твою красоту, на твои-то на кудри на желтые, на твои на перстенки злаченые: помѣшался у меня разумъ во буйной головы, помутились у меня очи ясныя, смотрючись де, Чурило, на твою красоту“...

Старая служанка Бермяты, которой Катерина изъ жадности отказалась давать подарки за молчаніе, бѣжитъ къ своему господину и открываетъ ему глаза на отношенія Катерины къ Чурилѣ. Мужъ спѣшитъ домой, чтобы провѣрить сообщеніе служанки. Онъ стучится въ ворота. Ему не открываютъ. Стучится во второй разъ, и опять не открываютъ. Застучалъ Бермята въ третій разъ, да такъ, что всѣ теремы пошатались, маковки поломались. Выбѣгаетъ Катерина въ растрепанномъ видѣ. Мужъ спрашиваетъ ее, отчего она такъ растрепана, „не снарядена“. Она отвѣчаетъ, что у ней болитъ голова, что ей не можется и хворается.

Расхаживая по своимъ владѣніямъ, Бермята видитъ чужую шапку, чужія перчатки шелковыя, чужую шубу соболиную, чужіе сафьяновы сапожки и т. д. Катерина объясняетъ, что это—подарки ея батюшки и матушки, что она взяла ихъ для того, чтобы снарядить своего мужа „лучше стараго“. Наконецъ, Бермята натыкается на Чурилу, котораго онъ видитъ за печкой или находитъ спрятаннымъ въ ларцѣ. Бермята кричитъ: „Выходи ко ты, Чурило, середи пола, до тебя-то, мнѣ, Чурило, дѣлу нѣту ка, мы съ тобой, Чурило, побратуемся. Ты гой еси, княгиня моя, превысока госпожа! Выходи ко ты, княгиня, на красно крыльцо, на перильчато: женю я тебя, княгиня моя, на другомъ женихѣ, на другомъ женихѣ—вострой сабелькѣ“. Бермята убиваетъ Чурилу и жену.

353. Комментаріи къ былинамъ о Чурилѣ. Имя Чурила произошло, повидимому, отъ имени Кириллъ, подъ вліяніемъ латинской формы имени Cyrillus. Имя Кириллъ встрѣчается въ формѣ „Кюриллъ“ въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Въ Новгородѣ было нѣсколько посадниковъ съ именемъ „Кюриллъ“. Новогородская I-я лѣтопись сообщаетъ, подъ 1233 г., что „нѣмцы взяли въ плѣнъ Кюрилла Синкиница въ Тѣсвѣ и сѣде въ Медвѣжьей Головѣ оковавъ отъ Госпо-

жина дни до великаго говѣнія, (пока) князь Ярославъ освободилъ его и привелъ множество полковъ". Изъ этого сообщенія видно, что Кюриллъ Синкиницъ находился въ плѣну, въ „плѣнкахъ" (силки для ловли птицъ и звѣрей), по старинному выраженію. Очень можетъ быть, что пѣсни о Чурилѣ Пленковичѣ восходятъ именно къ этому новгородскому Кюриллѣ плѣненному, или Пленковичу.

По другому объясненію, прозвище Пленковичъ образовалось изъ формы Щапленковичъ, отъ глагола „щапить", т.-е. щеголять. Такъ какъ прозвище Чурилы встрѣчается въ нѣкоторыхъ былинахъ именно въ этой формѣ, то полагаютъ, что она была первоначальной и обозначала главную черту Чурилы, — щегольство.

Пѣсни о Чурилѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, носятъ слѣды кіевскаго происхожденія.

Во-первыхъ, старины о Чурилѣ, въ пику кіевскому князю Владимиру, подчеркиваютъ необыкновенное богатство и могущество стараго Пленко, его сына и дружины; это богатство возбуждаетъ во Владимирѣ и его свитѣ удивленіе; дружина Чурилы безнаказанно избиваетъ многочисленныхъ слугъ Владимира и хозяйничаетъ въ его владѣніяхъ; появленіе отрядовъ Чуриловой дружины пугаетъ Владимира, и онъ опасается, не грозный ли это посолъ идетъ изъ Золотой Орды. Старины, такъ унижающія Кіевъ, могли сложиться, очевидно, въ тѣхъ частяхъ Русской земли, которыя отдѣлились отъ Кіева, стали самостоятельными и фактически превзошли Кіевъ и въ экономическомъ и въ политическомъ отношеніяхъ.

Во-вторыхъ, пріуроченіе старинъ о Чурилѣ къ Кіеву очень слабое: порученія эпическаго Владимира исполняются его богатырями безпрекословно; при случаѣ Владимиръ даже сажаетъ своихъ богатырей въ погреба. Между тѣмъ, въ старинахъ о Чурилѣ Владимиръ является княземъ, лишеннымъ всякаго значенія: онъ даже не заступается за своихъ израненыхъ слугъ.

Ближайшее изученіе старинъ о Чурилѣ приводитъ къ предположенію, что онѣ представляютъ плодъ творчества новгородскаго. Доказательствъ этого предположенія не мало. *Во-первыхъ*, ничтожная роль князя Владимира вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію новгородскихъ князей, которые княжили, но не управляли. *Во-вторыхъ*, въ Новгородѣ, славившемся своими богатствами, частныя лица (какими по старинамъ являются

Пленко и его сынъ Чурила) могли накоплять значительные капиталы, окружать себя многочисленною челядью. *Въ-третьихъ*, насилія, учиненныя дружиной Чурилы надъ княжескими слугами, и хозяйничанье въ княжескихъ владѣніяхъ вполнѣ соотвѣтствуютъ общественнымъ нравамъ Новгорода (кн. 2-я, §§ 9, 15, 17). Съ этими доказательствами совпадаютъ черты быта и природы, отразившіяся въ старинахъ о Чурилѣ. Дружина Чурилы не похожа на дружины южно-русскихъ князей: она лишена военнаго характера и напоминаетъ промышленныя новгородскія дружины; она занимается охотой на звѣрей и птицъ и рыболовствомъ: дружинники Чурилы ловятъ шелковыми тенетами пушныхъ звѣрей—соболей, горностаевъ, куницъ печерскихъ (т.-е. изъ новгородской области Печора), лисицъ, дорогихъ птицъ—соколовъ, кречетовъ, лебедей и дорогую рыбу. Перечисленные звѣри являются характерными именно для Новгородской области. Богатство Чурилы состоитъ изъ мѣховъ пушныхъ звѣрей и дорогихъ матерій, которыя получались въ обмѣнъ на шкуры. Среди рыбъ, которыхъ ловили дружинники Чурилы, упоминается рыба сорога, которая водится только въ сѣверныхъ рѣкахъ.

Дружинники Чурилы ѣздятъ на латинскихъ жеребцахъ, что также указываетъ на Новгородъ. Латинскіе жеребцы—это западно-европейскіе, нѣмецкіе. Южная Русь изобиловала табунами прекрасныхъ лошадей. Не то было въ Новгородской области: коневодство было въ плачевномъ состояніи, и богатые новгородцы покупали коней за границей. Нѣмцы неохотно продавали новгородцамъ коней: выводъ лошадей, стоившихъ выше 3 марокъ, запрещался и преслѣдовался. Поэтому имѣть „латинскихъ“ жеребцовъ считалось въ Новгородѣ признакомъ величайшей роскоши.

Нѣкоторыя подробности костюма Чурилы и его отца также намекаютъ на новгородскій бытъ. Такъ, сапожки Чурилы „баскаго покрою нѣмецкаго“; матерія на шубѣ Пленка—самитъ или заметъ (древне-нѣмецкое названіе бархата); пуговицы этой шубы представляютъ золотой шаръ („яблоко“), покрытое литымъ орнаментомъ („вальяномъ“); „яблоко“ называется „любскимъ“, т. е. любекскимъ.

Природа, отразившаяся въ старинахъ о Чурилѣ, также скорѣе сѣверная, чѣмъ южно-русская. Такъ, въ день Благовѣщенія въ нихъ рисуется зимній ландшафтъ: выпадаетъ по-

рошица — снѣгъ молодой, а по этой порошицѣ видны слѣды либо зайки, либо горностая; Чурила пріѣзжать къ Катеринѣ на саняхъ и въ шубѣ. Этотъ зимній ландшафтъ, слѣды горностая болѣе напоминаютъ сѣверную природу, нежели южнорусскую около Кіева.

Наконецъ, за новгородское происхожденіе старинъ о Чурилѣ говорятъ, помимо чертъ торгово-промышленнаго, купеческаго быта и слѣды апокрифическихъ вліяній. Эпизодъ съ Апраксіей, которая, заглядѣвшись на Чурилу, обрѣзала себѣ палецъ, и ея извиненіе передъ дамами-гостьями напоминаютъ слѣдующій разсказъ изъ корана объ египетскихъ женщинахъ и Іосифѣ. Іосифъ отвергъ любовь жены Пентефрія. Навѣты послѣдней на Іосифа оказались ложными, и горожанки стали смѣяться надъ ней. Узнавъ объ этомъ, жена Пентефрія пригласила горожанокъ къ себѣ на обѣдъ. Возлѣ каждой былъ положенъ ножъ. Во время обѣда жена Пентефрія велѣла Іосифу показаться ея гостьямъ. Горожанки, увидѣвъ Іосифа, пришли въ восхищеніе отъ его красоты: „Это—не смертное существо, а достойный почитанія ангелъ“, сказали онѣ и порѣзали себѣ пальцы. Еврейскій апокрифъ говоритъ, что женамъ городскимъ предложены были апельсины, вмѣсто которыхъ онѣ порѣзали себѣ пальцы. Вторженіе въ старины о Чурилѣ еврейскихъ апокрифовъ объясняется, между прочимъ, развитіемъ въ Новгородской области ересей, напр., жидовствующихъ, а также распространеніемъ рукописей пространной редакціи „Толковой Палеи“, изобилующей апокрифами.

Роскошь обстановки и костюмовъ, разнузданность нравовъ, насильничаніе, отсутствіе чувства права и справедливости, падкость до подарковъ, жадность—все это черты быта богатаго торгово-промышленнаго центра, имѣющаго связи съ Западомъ. Такимъ центромъ у насъ съ XI в. становится Новгородъ.

Дюкъ Степановичъ.

354. Дюкъ Степановичъ. Былины о Дюкѣ Степановичѣ распадаются на три сюжета: 1) Выѣздъ Дюка въ Кіевъ, 2) Похвальба Дюка и его состязаніе съ Чурилой и 3) Посольство Владимира въ царство матери Дюка.

1) **Выѣздъ Дюка.** Изъ-за синяго моря, изъ славнаго Волынца, красна Галичья, изъ проклятой Корелы и Индіи богатой, какъ ясенъ соколъ, вылеталъ, какъ бѣлый кречетъ, выпархивалъ-выѣзжалъ удача добрый молодецъ, молодой Дюкъ Степановичъ, боярскій сынъ. Конь подъ нимъ какъ бы лютый звѣрь, и буръ, и косматъ. Грива у коня на лѣвую сторону до сырой земли. Цѣна коню пять тысячъ: за рѣку онъ броду не спрашиваетъ; которая рѣка въ версту шириной, онъ ее перескакиваетъ съ берега на берегъ. На молодцѣ куякъ и панцырь—изъ чистаго серебра, а кольчуга—краснаго золота. Цѣна куяка и панцыря—три тысячи, кольчуги—сорокъ тысячъ. Еще есть у Дюка тугой лукъ разрывчатый; полосы его—серебряныя, рога—краснаго золота, тетивочка изъ бѣлаго шелку шемахинскаго. Цѣна луку — три тысячи. Есть у Дюка и колчанъ. Въ немъ—триста стрѣлъ; цѣна каждой стрѣлы — пять рублей. Въ колчанѣ, кромѣ этихъ стрѣлъ, есть еще три стрѣлы, которымъ цѣны нѣтъ: колоты онѣ изъ трость-древа, строганы тѣ стрѣлки въ Новгородѣ, клеены онѣ клеемъ осетра-рыбы, перены онѣ перьицемъ сиза орла, птицы камской, не той Камы, что впадаетъ въ Волгу, а другой, которая своимъ устьемъ впала въ синее море. Леталъ орелъ надъ синимъ моремъ, ронялъ перьица въ море; бѣжали гостьи-корабельщики, собирали эти перья и продавали. Покупала Дюкова матушка перо во сто рублей, въ тысячу. Въ ушахъ каждой изъ трехъ стрѣлъ поставлено по тирону, по камню по дорогому самоцвѣтному. Подлѣ ушей стрѣлы перевиты аравитскимъ золотомъ. Ѣздитъ Дюкъ у синяго моря, стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ. Днемъ Дюкъ стрѣляетъ, а ночью тѣ стрѣлки собираетъ: днемъ стрѣлочекъ не видать, а ночью онѣ горятъ, какъ свѣчки яраго воску.

Вернувшись съ охоты домой, Дюкъ захотѣлъ побывать въ Кіевѣ, посмотрѣть на князя Владимира и его могучихъ богатырей, на Апраксію и на самый Кіевъ, „что на красы стоитъ“. Мать отговариваетъ своего сына, перечисляя тѣ опасности, которыя предстоятъ ему на пути: „Есть три заставы великія. Первая застава великая—стоятъ тутъ горы толкучія; тыя жъ какъ горы врозь растолкутся, врозь растолкуются, вмѣстѣ столкнутся; тутъ тебѣ, Дюку, не проѣхати, тутъ тебѣ молодому живу не бывати. Есть другая великая тамъ застава—сидятъ тамъ птицы клевучія; тыя птицы тебя съ конемъ

склюютъ; тутъ тебѣ, Дюку, не проѣхати, тутъ тебѣ молоду живу не бывати. Есть третья великая застава—лежитъ тутъ Змѣище-Горынчище.

„Заставы“ не пугаютъ Дюка. Онъ отстаиваетъ дома „христосскую“ заутреню, беретъ благословеніе у матери и, напутствуемый ея наказомъ—не хвастать своимъ большимъ имѣніемъ, чтобы не пострадать за это,—уѣзжаетъ въ Кіевъ. Дюкъ счастливо минуетъ всѣ заставы: горы не успѣли столкнуться, какъ его бурушко ужъ проскочилъ за нихъ; птицы не успѣли расправить своихъ крыльевъ, а Змѣище-Горынчище своихъ хоботовъ. Его бурушко перескакиваетъ съ горы на гору, съ холма на холмъ, перепрыгиваетъ черезъ рѣки, озера, а широкія раздолья промежъ ногъ пускаетъ. Дюкъ прискакиваетъ къ Кіеву.

2) **Похвальба Дюка и состязаніе съ Чурилой.** Заѣзжаетъ Дюкъ на княжескій дворъ, слѣзаетъ съ коня, входитъ во дворецъ, крестъ кладетъ по писанному, поклонъ ведетъ по ученому на всѣ четыре стороны, а княгинѣ Опраксѣ въ особину и спрашиваетъ, гдѣ князь Владиміръ. Княгиня отвѣчаетъ, что Владиміръ ушелъ въ церковь, къ обѣднѣ. Дюкъ идетъ въ церковь. По широкой улицѣ мостовыя обсыпаны черной землей; ихъ полило водой дождевой: сдѣлалась грязь по колѣно. Запачкалъ Дюкъ свои сапожки зеленъ-сафьянъ. Войдя въ церковь, Дюкъ привѣтствуетъ Владимира. Владиміръ спрашиваетъ молодца, кто онъ и откуда. Молодецъ отвѣчаетъ и сообщаетъ, что онъ отстоялъ дома раннюю заутреню, а въ Кіевъ пріѣхалъ къ обѣднѣ. Князья и бояре не вѣрятъ Дюку: разстояніе отъ Кіева до Галича прямымъ путемъ — три мѣсяца, а окольной дорогой—шесть мѣсяцевъ. Владиміръ спрашиваетъ, дороги-ли кони въ Галичѣ. Дюкъ отвѣчаетъ, что есть въ Галичѣ кони въ разныя цѣны; его же бурушка цѣны не имѣетъ. Говорятъ на это князья и бояре: „Свѣтъ государь, Владиміръ князь! Не бывать тутъ Дюку Степанову, только быть мужиченку-засельщику и быть деревенщинѣ: жилъ у купца гостя торговаго и укралъ у него платье цвѣтное; жилъ у иного у боярина, угналъ у боярина добра коня, на нашъ городъ пріѣхалъ, красуется, надъ тобой, надъ княземъ, надсмѣхается, надъ нами, боярами, пролыгается“. Выходятъ изъ церкви. Князь съ свитой и Дюкомъ направляются во дворецъ. Дюкъ говоритъ: „Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка, что Кіевъ-градъ красивъ-добрисъ, ажно въ Кіевѣ у васъ да не по нашему:

церкви все у васъ да деревянныя; у васъ маковки на церквахъ всѣ осиновы, мостовыя у васъ черною землею изнасыпаны, ихъ подлило водою тутъ дождевою, сдѣлалась грязь то по колѣну; замаралъ я сапожки зеленъ-сафьянъ, идучи въ церковь то во Божію". Приходятъ во дворецъ, садятся за столы дубовые и ѣдятъ-пьютъ, хвастаютъ. Одинъ Дюкъ не хвастаетъ: выпьетъ одну чару, а другую за окошко льетъ; колачикъ ѣстъ, а другой подъ столъ мечетъ, а съ иного верхнюю корочку вырѣжетъ—на столъ кладетъ, серединку самъ онъ ѣстъ, а нижнюю корочку подъ столъ кинетъ. На вопросъ Владимира, почему онъ такъ дѣлаетъ, Дюкъ отвѣчаетъ: „Ужъ ты, солнышко Владиміръ, князь да столенъ кіевскій! У васъ все да не по нашему: я пришелъ какъ къ вамъ во гридни во столовыя, у васъ стоятъ столы дубовые, а на столахъ все скатерти сбраныя; а у насъ столы да все кленовые, а скатерти-ты все шелковыя, а семи шелковъ шемахинскіихъ. У васъ все да не по нашему: у васъ печки-ты кирпичныя, а у насъ печки изразцовыя, карнизы золоченые. У васъ все да не по нашему: у васъ вина-то простыя вѣдь; у васъ то меды кислые; а у насъ вина виноградныя, меды стоялые, повѣшены въ погреба глубокіе въ бочкахъ сороковикахъ, бочки висятъ на цѣпяхъ на желѣзныихъ, тутъ подведены вѣтры буйные: повѣютъ вѣтры буйные во чистомъ полѣ, пойдутъ какъ воздухи по погребамъ, и загогочутъ бочки какъ лебеди по тихимъ заводямъ; такъ оттого не затхнутся водочки сладкія и меды стоялые; какъ чару выпьешь, другой захочется, другую пьешь,—по третьей душа горитъ; у насъ калачики крупивчаты,—калачикъ отъ ѣшь, а по другомъ душа горитъ, потому душа горитъ: у насъ помяльцаты шелковыя, а мочатъ ихъ въ меды, да вѣдь стоялые; у васъ помяльца-то сосновыя: такъ калачики-то на хвойку пахнутъ. У насъ какъ матушка Емельфа Тимоѳеевна пойдетъ-то въ церковь во соборную, впереди идутъ лопатчики, а во слѣдъ идутъ метельщики, дорожку разгребаютъ да песочкомъ посыпаютъ; а подъ рукой идутъ вѣдь няньки, а во слѣдъ идутъ служанки; у нея лапотики на ножкахъ шелковые, семи шелковъ да шемахинскіихъ, а одежа на себѣ да шуба соболиная. У насъ-то на дворѣ да сукна постланы да одинцовыя: наши любимые конюхи по этимъ по сукнамъ катаются, въ кости, въ зернь, въ шашечки поигрываютъ. Зайдешь въ гридню во столовую, всѣ окошечки скутаны, вкладены въ стѣнѣ камни драгоцѣнные...

У васъ все да не по нашему: у васъ дорожки не разглажены, песочкомъ не засыпаны; у васъ на дворѣ, хоть звѣрь, ногу ломи; дворники да слуги въ шашки да въ бабки поигрываютъ, во красныхъ рубахахъ гуляютъ". Говоритъ Владиміръ князь: „Ай кабы на это на пору на времечко былъ бы молодой Чурила сынъ Пленковичъ: онъ бы зналъ, что съ тобою поговорить".

Является Чурила, ведетъ всѣмъ поклонъ, одному лишь Дюку „не клонитъ буйной головы". Дюкъ упрекаетъ Чурилу въ невѣжествѣ. Чурила возражаетъ Дюку. Дюкъ хвастаетъ послѣдовательно платьями, конями и казной: „У насъ какъ цвѣтныя платья не держатся: потому жъ онѣ не держатся, что швецы у насъ не выводятся; та толпа швецовъ со двора сошла, а другая толпа швецовъ да на дворъ пришла. Это—хвальба, да не похвальба: есть нѣсколько лошадей, стоятъ на стойлахъ лошадиныхъ, всѣ зоблютъ пшеницу бѣлоярову, только выскочатъ на чисто поле прогулятися. Это—хвальба, да не похвальба: есть насыпано двѣнадцать погребовъ, все глубокіихъ, краснаго золота, чистаго серебра, мелкаго скатнаго жемчуга; на одинъ я на погребъ, — на красное на золото скуплю и продамъ вашъ городъ Кіевъ". Не понравились такія рѣчи Владимиру. Чурила берется состязаться съ Дюкомъ цвѣтными платьями и скачкой, а Владиміръ посылаетъ въ Индію оцѣнщиковъ, чтобы провѣрить похвальбу Дюка.

Сначала Дюкъ съ Чурилой состязаются платьями. Чурила вызывается ѣздить съ Дюкомъ по Кіеву въ теченіе трехъ лѣтъ въ смѣнныхъ платьяхъ и на смѣнныхъ коняхъ. Дюкъ выписалъ себѣ изъ Индіи платьевъ и коней. Стали Дюкъ и Чурила ѣздить день за днемъ въ смѣнныхъ платьяхъ и на смѣнныхъ коняхъ. Ѣздили они три года. Послѣдній день поѣхали Чурила и Дюкъ къ заутренѣ христосской. Обувалъ Чурила сапожки зеленъ-сафьянъ, пряжечки серебряны на тыхъ гвоздочкахъ позолоченыхъ, надѣвалъ шубу черныхъ соболей заморскихъ; во пуговки были влито по доброму молодцу, а въ передки было вплетено по красной дѣвушкѣ: по петелькамъ какъ поведетъ, такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина и подносятъ добрымъ молодцамъ; а по пуговицамъ поведетъ, добрые молодцы играютъ въ гусли яровчаты, развеселяютъ красныхъ дѣвушекъ. А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ обувалъ лапотцы семи шелковъ; въ носы то вплетено по

золотому дорогому гвоздочку шеломчатому, а въ пястья тѣ вплетено по камешку самоцвѣтному: днемъ идти, — какъ по красному солнышку, ночью идти, — какъ по свѣтлому мѣсяцу; и надѣвалъ онъ шапочку съ рогавками: у шапочки висятъ камешечки самоцвѣтные, отъ камешечковъ печетъ, какъ отъ краснаго отъ солнышка; надѣвалъ какъ шубу черныхъ соболей, черныхъ соболей заморскихъ, подъ дорогимъ подъ самитомъ, во петелькѣ то было вплетено по лютой змѣѣ, во пуговки то было влито по лютому звѣрю: по петелькамъ какъ поведетъ, такъ всѣ змѣи засвищутъ во всю голову, по пуговкамъ какъ поведетъ,—тутъ всѣ люты звѣрья закричатъ во всю голову: отъ ихъ свисту змѣинаго и крику звѣринаго, хоть сколько будь народу около Дюка Степановича, такъ всѣ будутъ на землѣ лежать. Дюкъ вышелъ изъ состязанія платьями побѣдителемъ.

Состязаніе смѣнными конями кончается скачкой Чурилы и Дюка черезъ Днѣпръ (или Пучай-рѣку). Скачутъ они вмѣстѣ черезъ Днѣпръ. Дюкъ скочилъ на своемъ конѣ за цѣлую версту. Взглянулъ онъ по правую руку свою—нѣтъ около него товарища его Чурилы. А Чурила посединѣ Днѣпра „пріогрюшился“ съ добрымъ конемъ своимъ. Дюкъ скорешенько поворотъ держалъ, повыскочилъ черезъ Днѣпръ-рѣку, вытащилъ Чурилу изъ Днѣпра за желтые кудри, посадилъ его на крутой берегъ и говоритъ ему, что не слѣдовало бы ему хвастаться да биться о великъ закладъ: его дѣло ходить по Кіеву за бабами.

3) Посольство Владимира въ царствѣ Дюковой матери. Владиміръ отправляетъ пословъ въ Индію, чтобы провѣрить похвальбу Дюка. Послами обыкновенно ѣдетъ Добрыня и еще какой нибудь богатырь (Илья, Алеша). Поднявшись на гору высокую, они увидѣли Индію: вся она горѣла. Когда послы подъѣхали поближе, они увидѣли, что не Индія горитъ, а блещутъ золоченыя крыши на домахъ, самоцвѣтныя маковки на церквахъ. Послы поражаются богатой внѣшностью Индіи и нѣсколько разъ попадаютъ впросакъ, принимая женскую прислугу Дюковой матери за самую мать Дюка.

Послы направляются въ палаты Дюковой матери. Оказывается, что Дюкъ правильно хвасталъ: на небѣ солнце—и въ теремѣ солнцѣ, на небѣ мѣсяцъ—и въ теремѣ мѣсяцъ. Въ теремѣ сидитъ женщина; шелку на ней не много, а вся—въ

серебрѣ. Послы принимаютъ эту женщину за Дюкову мать и привѣтствуютъ ее. Онъ сообщаетъ посламъ, что она—не Дюкова матушка, а Дюкова работница, и велитъ имъ идти во второй покой. Во второмъ покоѣ они находятъ другую женщину: шелку на ней не много, а вся — въ золотѣ. Послы принимаютъ эту женщину за Дюкову мать. Оказывается, что она—Дюкова портомойница. Въ третьемъ покоѣ послы находятъ женщину, которая вся въ жемчугѣ; оказывается, это—Дюкова нянюшка. Отъ нея послы узнаютъ, что Дюкова матушка къ обѣднѣ ушла.

Послы идутъ къ церкви. Изъ церкви выходитъ народъ, кто въ шелку, кто въ золотѣ, кто въ серебрѣ, кто въ жемчугѣ. Идутъ затѣмъ метельщики и лопатники. Наконецъ, появляется Дюкова мать: она обвѣшена бархатомъ, ведутъ ее подъ руки тридцать дѣвицъ съ дѣвицею; надъ нею несутъ подсолнечники-зонтики.

Дюкова мать приглашаетъ къ себѣ пословъ и угощаетъ ихъ. Все соотвѣтствуетъ похвальбамъ Дюка. Узнавъ о цѣли пріѣзда пословъ — оцѣнить Дюковы богатства, мать Дюка ведетъ пословъ по кладовымъ, погребамъ, клѣтямъ, и они переписываютъ сбрую лошадиную, погреба глубокіе, въ которыхъ висятъ бочки съ золотомъ, серебромъ и скатнымъ жемчугомъ. На широкомъ дворѣ послы видятъ рѣчку, текущую золотомъ. Мать Дюка ведетъ пословъ къ погребамъ глубокимъ, вынимаетъ три камешка и проситъ пословъ оцѣнить ихъ: отъ этихъ камешковъ по Галичу великіе огни горятъ, лучи пекутъ. Послы-оцѣнщики задумались и не могли оцѣнить камешковъ. Три года послы осматривали богатства Дюка и успѣли осмотрѣть и оцѣнить лишь незначительную часть. Послы приходятъ къ заключенію, что оцѣнить всѣ „животы“ Дюковы невозможно: если продать городъ Кіевъ, да купить на эти деньги бумаги, перьевъ и чернилъ, то все-таки не хватитъ бумаги для описанія богатства Дюка. Съ этимъ выводомъ послы-оцѣнщики возвращаются въ Кіевъ къ Владимиру.

Владиміръ предлагаетъ Дюку поселиться въ Кіевѣ. Но Дюкъ отклоняетъ это предложеніе и уѣзжаетъ на родину.

355. Комментаріи къ старинамъ о Дюкѣ Степановичѣ. Старины о Дюкѣ Степановичѣ сложились первоначально въ Галицко-Волынской землѣ. На это предположеніе наводитъ упорное упоминаніе въ нихъ города Галича-Волынца, какъ

родного города, изъ котораго выѣзжаетъ Дюкъ Степановичъ. Старины о Дюкѣ, вѣроятно, сложились подъ двумя вліяніями: 1) подъ вліяніемъ общественно-политическихъ отношеній между Византіей и Галицко-Волынской Русью во второй половинѣ XII в. и 2) подъ вліяніемъ „Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ“.

1) Галицко-Волынская Русь и Византія во второй половинѣ XII в. Во второй половинѣ XII и въ началѣ XIII в. Галицко-Волынская Русь находилась съ дѣятельныхъ экономическихъ и политическихъ сношеніяхъ съ Византіей. Дошедшія до насъ объ этомъ свѣдѣнія отличаются крайней скудостью; но и они могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на событія, которыя могли послужить зерномъ для старинъ о Дюкѣ Степановичѣ.

Въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1165 г. кратко сообщается, что въ Галичѣ у Ярослава Осмомысла гостилъ византійскій царевичъ Андроникъ. Въ то время византійскимъ императоромъ былъ энергичный Мануилъ Комненъ. Мануилъ, желая пріобрѣсти вліяніе въ Венгріи, помогъ вступить на венгерскій престолъ Стефану. Соперникомъ Стефана въ притязаніяхъ на престолъ былъ племянникъ Стефана, по имени тоже Стефанъ. Венгры возмутились противъ ставленника Мануила, заставили его бѣжать, а на престолъ возвели Стефана-племянника. Мануилъ оказалъ Стефану-дядѣ помощь войсками, и Стефанъ снова занялъ престолъ, но не на долго: нелюбимый венграми, Стефанъ-дядя вынужденъ былъ покинуть Венгрію и бѣжать въ Византію. Тогда Мануилъ придумалъ новый планъ для достиженія своей цѣли. У Стефана-племянника былъ младшій братъ Бела, который по смерти Стефана долженъ былъ наслѣдовать венгерскій престолъ. Мануилъ не имѣлъ наслѣдниковъ мужского пола, и онъ рѣшилъ свою единственную дочь Марію выдать замужъ за Бела, который, такимъ образомъ, по смерти Мануила соединилъ бы въ своихъ рукахъ Византію и Венгрію. Венгры согласились на такую комбинацію. Бела обвѣнчался съ Маріей и принялъ имя Алексѣя. Но это соглашеніе не принесло Венгріи успокоенія: Мануилъ еще дѣятельнѣе сталъ вмѣшиваться въ дѣла Венгріи; борьба между обоими Стефанами упорно продолжалась. Стефанъ-племянникъ нашелъ поддержку въ Германіи и Богеміи и отнялъ удѣлъ своего брата Белы. На помощь Белу Мануилъ отправилъ многочисленное войско подъ предводительствомъ Андроника Констостефана.

Города Венгріи сдавались безъ бою, и король Стефанъ бѣжалъ вовнутрь Венгріи. Мануилъ предложилъ Стефану мирныя условія: онъ обѣщалъ отказаться отъ своихъ завоеваній, если Стефанъ покончитъ свои счеты съ дядей и вернетъ удѣлъ брату своему Белѣ. Стефанъ-племянникъ согласился. Мануилъ вернулся за Дунай. Но борьба между Стефанами продолжалась и закончилась тѣмъ, что племянникъ вторгся въ византійскій городъ Сирміумъ, гдѣ жилъ его дядя, захватилъ дядю и отравилъ. Мануилъ посмотрѣлъ на это дѣяніе короля Стефана, какъ на нарушеніе договора съ имперіей, и рѣшилъ строго наказать Стефана и завоевать его землю.

Какъ разъ въ это время въ Галичѣ гостилъ упомянутый царевичъ Андроникъ, двоюродный братъ Мануила. Царевичъ былъ замѣчательной для своего времени личностью. Одаренный блестящими умственными способностями, красавецъ, отличавшійся силой и ловкостью, человѣкъ неразборчивый въ нравственномъ отношеніи, Андроникъ велъ жизнь, полную интригъ, коварства и жестокости. Въ юности Андроникъ и Мануилъ были близкими пріятелями. Черезчуръ скандальное поведеніе Андроника и измѣна заставили Мануила арестовать его и заключить въ тюрьму. Царевичу удалось ловко бѣжать, но онъ снова былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму. Вырвавшись изъ тюрьмы, благодаря помощи семьи и преданныхъ друзей, Андроникъ нашелъ убѣжище въ Галичѣ у князя Ярослава Осмомысла. Византійскій историкъ Никита Хоніатъ подробно разсказываетъ о приключеніяхъ Андроника и говоритъ, что царевичъ „принятъ былъ правителемъ Галиціи съ распростертыми объятіями, пробылъ у него довольно долго и до того привязалъ его къ себѣ, что вмѣстѣ съ нимъ и охотился, и засѣдалъ въ совѣтѣ, и жилъ въ одномъ съ нимъ домѣ, и вмѣстѣ обѣдалъ“.

Пребываніе Андроника у Ярослава было для Мануила опаснымъ: Андроникъ, чтобы отомстить своему двоюродному брату, могъ, расположивъ къ себѣ русскихъ князей, набрать войска и присоединиться къ его врагамъ. Пребываніе Андроника у Ярослава было тѣмъ болѣе опасно, что венгерскій король добивался прочнаго союза съ Ярославомъ, просилъ у него руки его дочери и военной помощи. Ярославъ благосклонно отнесся къ желаніямъ венгерскаго короля. Мануилъ немедленно принялъ мѣры къ тому, чтобы разстроить опасный союзъ.

Онъ послалъ къ Ярославу ловкаго посла, Мануила, соименника своего, которому, повидимому, удалось разстроить союзъ Ярослава со Стефаномъ и даже склонить къ союзу съ Византіей Ярослава и кіевскаго князя. Въ то же время Мануилъ уладилъ свои отношенія съ Андроникомъ, который покинулъ Галичъ и вернулся въ Византію.

Изъ этого краткаго очерка сношеній Византіи съ Галичемъ можно сдѣлать выводъ, что имя Мануила должно было быть извѣстнымъ и популярнымъ въ Южной Руси. Вѣроятно, это имя отразилось въ старинахъ въ формѣ грознаго царя Етмануйла Етмануйловича. Далѣе, пребываніе проѣзжаго царевича Андроника въ Галичѣ аналогично пребыванію Дюка Степановича въ Кіевѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что царевичъ Андроникъ, какъ представитель высшаго класса самой культурной тогда въ Европѣ страны, долженъ былъ при дворѣ галицко-волынскаго князя затмевать не только придворныхъ Ярослава, но и самого Ярослава своими богатствами, костюмами, изяществомъ, тонкимъ вкусомъ и т. д. Весьма возможно, что первоначальныя былины о Дюкѣ Степановичѣ были не чѣмъ инымъ, какъ поэтическимъ изображеніемъ пребыванія въ Галичѣ или самого Андроника или какого-нибудь другого византійскаго изгнанника.

Свое имя Дюкъ, герой старины, получилъ отъ греческаго аристократическаго рода Дука. Родъ Дука имѣлъ много знаменитыхъ представителей. Такъ, въ царствованіе Мануила прославился блестящими побѣдами въ Италіи, Далматіи и Венгріи Іоаннъ Дука. Въ это же царствованіе упоминается Константинъ Дука, отличившійся при взятіи византійцами одного города. Наконецъ, въ поэмѣ о Дигенисѣ разсказывается объ Андроникѣ Дукѣ, на дочери котораго былъ женатъ отецъ Дигениса. Такъ какъ поэма о Дигенисѣ („Девгеніево дѣяніе“, § 121) было знакомо нашей княжеско-дружинной средѣ, то вполнѣ возможно, что профессіональные пѣвцы княжескіе перенесли на царевича Андроника, по связи этого имени съ фамиліей Дука, и эту фамилію.

Что касается отчества Степанычъ, то оно, вѣроятно, является отраженіемъ смутнаго воспоминанія, съ одной стороны, о тѣхъ Стефанахъ, венгерскихъ короляхъ, имя которыхъ связано было съ именами Мануила и Андроника, а съ другой — о многочисленныхъ византійскихъ Стефанахъ-царедворцахъ, военноначальникахъ эпохи царствованія Мануила. Благодаря дѣя-

тельнымъ сношеніямъ Галицко-Волынской Руси съ Византіей и Венгріей это имя легко могло запасть въ нашъ эпосъ, какъ одно изъ популярнѣйшихъ иностранныхъ именъ.

2) **Вліяніе „Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ“.** Около того времени, когда царевичъ Андроникъ находился въ Галичѣ, является знаменитая „Епистолія пресвитера Іоанна“ („Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ“, § 128), адресованная императору Мануилу (или Фридриху Барбароссѣ). Такъ какъ въ этой „Епистоліи“ изображается превосходство надъ Мануиломъ пресвитера Іоанна, главы богатой Индіи, то это произведеніе должно было стать извѣстнымъ и у насъ въ силу интереса княжескодружинной среды къ личности Мануила. Одинъ изслѣдователь даже ставитъ такой вопросъ: не была ли „Епистолія“ привезена въ Галичъ Андроникомъ, врагомъ Мануила? Вопросъ, положительное рѣшеніе котораго весьма вѣроятно.

„Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ“ отразилось на той части старинъ о Дюкѣ, въ которой изображается посольство Владимира къ Дюковой матери и оцѣнка Дюковыхъ „животовъ“. Такъ, на дворѣ у Дюка течетъ золотая струйка — въ царствѣ Іоанна ей соотвѣтствуетъ Тигръ, несущій золото; на теремахъ Дюка—крыши серебряныя, шеломы, потоки золоченые, шарики, самоцвѣтные камешки; на драгоцѣнныхъ колоннахъ дворца пресвитера горятъ карбункулы-самосвѣты. По одному изъ описаній дворца пресвитера оказывается, что колонны устроены очень хитро: на каждой находятся изображеніе, на одной—царя, а на другой—царицы; въ рукахъ у нихъ музыкальные инструменты и кубки: они точно подносятъ другъ другу вино. Почти то же самое старина говоритъ о пуговицахъ и петелькахъ Дюкова костюма. Торжественное шествіе пресвитера съ драгоцѣнными крестами и блестящей свитой отразилось на изображеніи шествія Дюковой матери и т. д. Наконецъ, какъ посолъ пресвитера совѣтуетъ императору Мануилу продать землю Греческую и купить бумаги и чернилъ, чтобы описать богатства Индіи, такъ къ подобному же заключенію приходятъ и послы Владимира.

„Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ“ должно было особенно припомниться профессіональнымъ дружиннымъ пѣвцамъ тогда, когда древнія сношенія съ Византіей почти прекратились. Византія погибла, и воспоминанія объ ней сохранились подъ именемъ Индіи богатой.

Такимъ образомъ, необходимо предположить, что старины о Дюкѣ сложились въ Галичѣ подъ вліяніемъ пребыванія въ Галичѣ иностранныхъ богатыхъ выходцевъ, главнымъ образомъ, византійскихъ, служившихъ наглядным доказательствомъ болѣе высокаго экономическаго и культурнаго уровня Византіи сравнительно съ Галичемъ. Съ упадкомъ Кіева и пріуроченіемъ старины къ кіевскому циклу старины о Дюкѣ получили смыслъ изображенія превосходства Галича надъ Кіевомъ.

356. Пріемы былиннаго творчества. Пріемы былиннаго творчества — двоякаго рода: часть этихъ пріемовъ однородна съ пріемами, употребляемыми вообще въ устномъ творчествѣ (§ 150), другая часть представляетъ особенность только былевого творчества.

Съ точки зрѣнія анимистическаго міровоззрѣнія природа — общество сверхъестественныхъ живыхъ существъ. Это общество интересуется дѣлами людей, принимаетъ въ нихъ участіе, сочувствуетъ неудачамъ людей, радуется ихъ удачамъ. Когда рождается могучій богатырь, природа откликается на это событіе необыкновенными явленіями: при рожденіи Вольги-Волха „подрожала сыра земля, стряслося славно царство Индѣйское, а и сине море сколебалося... Рыба пошла въ морскую глубину, птица полетѣла высоко въ небеса, туры да олени за горы пошли, зайцы, лисицы по чащицамъ, а волки, медвѣди по ельникамъ, соболи, куницы по островамъ“. Когда богатырь спитъ, проклаждается и надъ собой невзгодушки не чаетъ, конь будитъ его и человѣческимъ языкомъ предостерегаетъ. При нашествіи Калина-царя Днѣпръ перестаетъ течь по старому: посединѣ его видна струичка кровавая. Днѣпръ перестаетъ течь по старому и въ былинахъ о Сухманѣ, когда явилась сила татарская: вода съ пескомъ въ ней помутилась; днемъ сила мститъ на Днѣпрѣ мосты калиновые, а ночью Днѣпръ ихъ повыроетъ.

Въ связи съ анимистическимъ міровоззрѣніемъ находится вѣра въ судьбу, въ предопредѣленіе. Ильѣ предсказано, что ему смерть на бою не писана, и онъ этому вѣритъ; Святогору предсказано было, что онъ женится на дѣвушкѣ, которая тридцать лѣтъ во гноищѣ лежала, и это предсказаніе исполняется.

Иногда предстоящая человѣку судьба открывается въ вѣщемъ снѣ. Царь Турецкой земли (Индѣйской) бесѣдуетъ со

своей царицей Панталовной: „Ай же ты, царица Панталовна! А ты знаешь ли про то, вѣдаешь? На Руси то трава растетъ не по старому, цвѣты цвѣтутъ не по прежнему... А видно Вольги то живого нѣтъ...“. Отвѣчаетъ ему царица: „Ай же ты царь Турецъ-санталъ! А я знаю про то, вѣдаю: на Руси трава все растетъ по старому, цвѣты то цвѣтутъ по прежнему. А ночесь спалось, во сняхъ видѣлось: бывъ (будто) сподъ восточныя сподъ сторонушки налетала птица, малая пташица, а сподъ западней сподъ сторонушки налетала птица черный воронъ; слеталися онѣ въ чистомъ полѣ, промежду собой подиралися; малая птица пташица чернаго ворона повыклевала и по перышку она повыщипала, а на вѣтеръ все повыпускала. То есть Вольга сударь Буслаевичъ, а что черный воронъ—Турецъ-Санталъ“. Сонъ исполняется: Вольга завоевываетъ Турецкую землю и убиваетъ Турецъ-сантала.

Въ связи съ анимистическимъ міровоззрѣніемъ находится и вѣра въ силу заговоровъ. Въ былинахъ о Добрынѣ и Маринѣ изображается, какъ Марина заговариваетъ слѣды Добрынюшкины. Илья Муромецъ въ былинахъ о Калинѣ-царѣ пускаетъ къ своему крестному батюшкѣ стрѣлу, заговоривъ ее предварительно. Иванъ Годиновичъ, привязанный къ сырому дубу, молитъ, чтобы стрѣла, которую татаринъ-соперникъ собирался пустить въ малыхъ голубей, пала не на воду и не на землю, а воротилась татарину во бѣлу грудь; по словамъ Ивана Годиновича и случается.

Анимистическое міровоззрѣніе породило одинъ изъ важнѣйшихъ пріемовъ устнаго творчества, общій для устной лирики и княжеско-дружиннаго эпоса, именно параллелизмъ въ различныхъ его видахъ.

1) **Положительный параллелизмъ.** Примѣры: „Закатилось красное солнышко за горушки высокія, за моря широкія, разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу,—нарождался Вольга сударь Буслаевичъ на святой Руси“, „Тутъ заря зарумянилась, бѣлыя облака закудрявились,—выѣзжаетъ на поле на зеленое Дюкъ Степановичъ на добромъ конѣ“.

2) **Параллелизмъ отрицательный.** Примѣры: „Не пыль въ полѣ пылится, не туманъ съ моря подымается, не грозна туча накатается, не изъ той тучи молонья сверкаетъ,—подымалась силушка зла-невѣрная Калина-царя, Тугарина“, „Да и не дождь дождитъ, да и то не громъ гремитъ, а и не громъ

гремитъ, да шумъ великъ идетъ, — налетѣла на молодого Добрынюшку Змѣя", „Не сырой дубъ къ землѣ клонится, не бумажные листочки разстилаются,—разстилается сынъ передъ батюшкомъ", „Не заюшко въ чистомъ полѣ выскакивалъ, не горностаюшка выплясывалъ,—выѣзжалъ тамъ добрый молодецъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ".

3) **Параллелизмъ символическій.** Примѣръ: „Ѣдетъ Алеша пьянъ, шатается, къ сѣдельной лукѣ приклоняется. Завидѣлъ Алешу Илья Муромецъ: „Говорилъ я тебѣ, Алеша, наказывалъ — не пей ты зелена вина, не ѣшь сладки кушанья". Отвѣчаетъ Алеша Ильѣ Муромцу: „Радъ бы я не пить зелена вина, не ѣсть сладки кушанья—напоилъ меня добрый молодецъ допьяна, накормилъ онъ меня до сыта той шелепугой подорожною" (пиръ, какъ символъ битвы).

4) **Сравнительный параллелизмъ.** Примѣры: „Царь Аѳромеевичъ чистыя поля туромъ проскакалъ, темные лѣса соболемъ пробѣжалъ, быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ", „Тугаринъ почернѣлъ, какъ осенняя ночь, Алеша Поповичъ сталъ, какъ свѣтелъ мѣсяцъ", „У него голова, какъ сѣна копна, у него глаза какъ пивны ковши", „А и конь ли подъ нимъ какъ бы лютый звѣрь, онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ".

Пріемы былевого творчества сходны съ соотвѣтствующими пріемами устной лирики въ употребленіи эпитетовъ, тавтологій и повтореній.

1) **Эпитеты.** Примѣры: „матушка святая Русь", „стольный Кіевъ-градъ", „Владимиръ стольно-кіевскій, славный, ласковый князь, красное солнышко"; эпитеты Ильи: „старый казакъ", „старая старѣйшина", „старъ-матеръ человѣкъ"; „тихій Донъ, Дунай", „смѣлый, славный Алеша", „молодой Добрыня"; эпитеты Калина: „царь", „собака", „злодѣй", „безбожный", „воръ", „змѣй"; Идолище—„поганое", „проклятое", „великое", „жидовское"; татаринъ „поганый"; Тугаринъ „молодой", „богатырь удалый", „собака"; богатыри „славные", „сильные", „могучіе", „святорусскіе"; „удаленькій добрый молодецъ", „удача добрый молодецъ"; „сѣделышко черкасское", „подпруги шелковыя"; „тугой лукъ разрывчатой", „калена стрѣла", „тетива шелковая"; „дорога прямоѣзжая", „славное раздольице чисто поле"; „сырой дубъ, кряковистый, матеръ"; „подворотенки дорогъ рыбій зубъ", „крылечко кру-

тое переное", „окошечко косящатое", „кирпичень полъ", „гуселькн яровчаты".

Нѣкоторые эпитеты до такой степени связаны съ опредѣляемымъ словомъ, что иногда употребляются, съ нашей точки зрѣнія, неумѣстно. Напримѣръ: Калинъ-царь, отправляя своего посла въ Кіевъ, говоритъ ему: „Ай же ты *поганый* татарищо!.. Снеси-ка ты писемышко ко князю Владимиру". Явившись въ Кіевъ, посолъ Калина-царя говоритъ Владимиру: „Очищай-ко ты всѣ уличкн стрѣлецкія, всѣ великіе дворы да княженецкіе, по всему то городу по Кіеву; а по всѣмъ то переулкамъ княженецкімъ наставь сладкіихъ хмельныхъ напиточекъ, чтобы стояли бочка о бочку, близко по близку; чтобы было у чего стоять *собакѣ царю Калину* со своими войсками со великими въ твоемъ во городѣ во Кіевѣ"; эпитетъ „ласковый" примѣняется къ Владимиру и тогда, когда Владимиръ приказываетъ посадить Илью въ глубокій погребъ и поморить смертью голодной.

2) **Тавтологіи.** Примѣры: „рать сила великая", „таланъ-участь", „безъ бою, безъ драки-кроволитія", „тамъ на тую пору, на то времячко", „сослужи-тко эту служобку великую", „еще спитъ Илья да и не пробудится", „а не мало дѣло-то, великое", „прямой дорогой, не окольноей".

3) **Повторенія.** Примѣры: „тамъ повыправьте-тко дани-выходы за двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ, за тринадцать лѣтъ да съ половиною", „кто бы намъ сказалъ про старое, про старое, про бывалое, про того Илью про Муромца", „калика эта старая, эта старая калика да сѣдатая, сѣдатая калика да плѣшатая".

Иногда въ былинахъ повторяются цѣлыя строфы („эпическія повторенія"). Такъ, въ одной былинѣ о Михаилѣ Потокѣ, гдѣ разсказывается о порученіяхъ, даваемыхъ Владимиромъ тремъ богатырямъ—Ильѣ, Добрынѣ и Потоку, каждый богатырь въ отвѣтъ Владимиру цѣликомъ повторяетъ данное порученіе: „Ахъ ты, солнышко Владимиръ стольно-кіевскій,— отвѣчаетъ Илья: отправляй ко ты меня да въ большу землю, въ большу ту землю да въ Каменну орду; тамъ повыправлю да дани-выходы за двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ, за тринадцать лѣтъ да съ половиною". Также отвѣчаетъ Добрыня и Потокъ.

Сходясь въ основныхъ пріемахъ творчества съ устной ли-

рикой, былины имѣютъ и свои особенности. Къ послѣднимъ относятся: 1) прибаутки, которыми нерѣдко начинаются или заканчиваются былины, 2) зачинъ, 3) стереотипныя описанія и картины и 4) заключеніе.

1) Прибаутки. Прибауткой называется художественный пріемъ, состоящій въ томъ, что пѣвецъ, прежде чѣмъ начать свою пѣсню, подготовляетъ вниманіе своихъ слушателей какой-нибудь широкой картиной природы. Прибаутка можетъ быть серьезной и шутливой. Примѣръ серьезной прибаутки (въ началѣ былины о Добрынѣ и Алешѣ): „Изъ-подъ бѣлыя березы кудреватыя, изъ-подъ чудна креста Леванидова, изъ-подъ святыхъ мощей, изъ-подъ Борисовыхъ, изъ-подъ бѣлаго латыря-камня тутъ повышла-побѣжала, выбѣгала-вылегала матка-Волга рѣка, широка матка-Волга подъ Казань прошла, пошире того подъ Вастрахань. Она много матка-Волга въ себѣ рѣкъ побрала, побольше того она ручьевъ пожрала, давала плеса она Далинскіе, а горы-голы Сорочинскія, а мѣсто-то шла она три тысячи, а выпала Волга въ море Черное, да устьевъ пустила ровно семьдесятъ, широкъ перевозъ да подъ Новымъ-градомъ. Да все это, братцы, не сказочка, а все это, братцы прибауточка“.

Примѣръ шутливой прибаутки въ концѣ былины („Василій Игнатьевичъ и Батыга“): „Ай чистыя поля ко Опскову, а широки раздольица ко Кіеву, а высокія-ты горы Сорочинскія, а церковно-то строенье въ каменной Москвѣ, колокольней-отъ звонъ да въ Новѣ-городѣ, ай тертые калачики Валдайскіе, ай щапливы щеголивы въ Ярослави городи, дешевы поцѣлуи въ Бѣлозерской сторонѣ, а и сладки напитки во Питери, а мхи-ты болота ко синю морю, щелье-каменье ко сиверику, а широки подолы пудожаночки, ай дублены сарафаны по Онеги по рѣки, толстобрюхія бабенки Ламшозерочки, ай пучеглазыя бабенки пошезерочки, а Дунай, Дунай, Дунай, да болѣ пѣть впередъ не знай“.

2) Зачинъ. За прибауткою, если она имѣется въ началѣ былины, идетъ уже собственно зачинъ, т.-е. начало самой былины. Наиболѣе простые зачины состоятъ въ обращеніи къ предмету, о которомъ будетъ идти рѣчь въ былинѣ. Напр.: „Кто бы намъ сказалъ про старое, про бывалое, про того Илью про Муромца“. Но обыкновенно зачиномъ служитъ указаніе на мѣстность, въ которой происходитъ дѣйствіе былины:

Кіевъ, Муромъ, Волынецъ, Галичъ, застава; затѣмъ слѣдуетъ изображеніе пира у Владимира. Примѣры: „Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ у честной вдовы Офимьи Александровны, а былъ то единый сынъ Добрынюшка Микитичъ“, „Ай у солнышка да у Владимира пированьицо было по третій день“, „Во славномъ было городѣ во Муромѣ, во большомъ селѣ, Корочаровѣ, не громъ гремитъ, не стукъ стучитъ, говоритъ тутъ Ильюшка своему батюшкѣ“.

Иногда зачинъ состоитъ изъ положительнаго или отрицательнаго параллелизма. Примѣры: „Закатилось красное солнышко за лѣсушки за темные, за моря за широкія, разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу, — порождался Вольга сударь Буслаевичъ на святой Руси“, „Не бѣлый кречетокъ выпархивалъ, не ясенъ соколичекъ вылетывалъ,—выѣзжалъ удалъ дородный добрый молодецъ, по прозванію Чурилушко, сынъ Пленковичъ“.

Иногда зачинъ представляетъ широкую символическую картину. Примѣромъ можетъ служить зачинъ былины „Василій Игнатьевичъ и Батыга“: „Какъ изъ далеча было изъ чиста поля, изъ-подъ бѣлыя березки кудреватыя, изъ-подъ того ли сподъ кустичка ракитова, ай выходила-то турица златорогая, и выходила то турица со турятами, ай расходилися туры да во чистомъ полѣ... Ай случилося турамъ да мимо Кіевъ-града идти. Они видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно, они видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно: выходила дѣвица, слезно плакала; она книгу читала Евангелью, а и не столько читала, вдвое плакала. Соходились туры со родной матушкой“. Туры разсказываютъ матушкѣ, что они видѣли надъ Кіевомъ. Матушка говоритъ имъ: „Ай вы глупы, туры-ты, малы дѣтушки! Не дѣвица выходила, слезно плакала, ай не книгу читала не Евангелью,—тутъ плакала стѣна городовая; она свѣдала надъ Кіевомъ невзгодушку: наѣхалъ князь Батыга Батыговичъ..“

3) **Стереотипныя описанія и картины.** Былинные пѣвцы-поэты выработали рядъ описаній и картинъ того или другого предмета или дѣйствія. Эти описанія и картины сдѣлались постоянными, стереотипными для опредѣленныхъ предметовъ и дѣйствій. Вотъ примѣры нѣкоторыхъ описаній и картинъ:

а) Осѣдланіе коня богатыремъ: „Онъ добра коня засѣдлываетъ, на коня накладаетъ потничекъ, потничекъ то онъ кладетъ шелковенькій, а на потничекъ — подпотничекъ, на

подпотничекъ сѣделышко черкасское, черкасское сѣделышко недержано, подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ, тринадцатый для-ради крѣпости, чтобы въ чистомъ полѣ конь сподъ сѣдла не выскочилъ, добра молодца въ полѣ не выронилъ; а стремяночки подкладывалъ булатныя, пряжечки то красна золота, да не для красы-угожества, ради крѣпости все богатырскоей: шелковы подпруги тянутся—не рвутся, да булатъ желѣзо гнется—не ломается, пряжечки то красна золота, онѣ мокнутъ да не ржавѣютъ. И садится на добра коня: видѣли добра молодца сядучи, да не видѣли удалого поѣдучи".

б) Скачка богатыря: „Скакалъ онъ выше лѣса стоячаго, чуть пониже облака ходячаго, съ горы на гору перескакивалъ, рѣки-озера перескакивалъ, широки-раздолья промежъ ногъ пущалъ".

в) Ловкость молодца въ чистомъ полѣ: „А кидаетъ онъ палицу булатную подъ облако подъ ходячее; одной рукой подхватываетъ, какъ перомъ лебединымъ поигрываетъ".

г) Стрѣляніе изъ лука: „Вынималъ онъ изъ налучна тугой лукъ, изъ колчана вынималъ калену стрѣлу, и беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую, калену стрѣлу во правую, накладываетъ стрѣлочку каленую на тетивочку шелковую; натянулъ онъ тугой лукъ за ухо, калену стрѣлу семи четвертей: заскрипѣли полосы булатныя, и завыли рога у туга лука, спѣла тетивочка шелковая, полетѣла стрѣлочка каленая".

д) Пріѣздъ богатыря: Богатырь „привязываетъ добра коня у того ли столба точенаго, у того кольца золоченаго, заходитъ въ палаты бѣлокаменны, крестъ кладетъ да по писаному, поклонъ ведетъ да по ученому, бьетъ челомъ да поклоняется на всѣ на четыре на стороны (такому то) въ особицу".

е) Вопросы неизвѣстному пріѣзжему богатырю: „Ты откудова, удалый добрый молодецъ, ты коей земли, коей орды, коего отца, матери, какъ тебя по имени зовутъ, нарекаютъ по изотчинѣ?"

ж) Похвальба на пиру: „Всѣ то на пиру напивалися, всѣ на честномъ наѣдалися, всѣ на пиру порасхвастались: иной хвастаетъ городами съ пригородами, иной хвастаетъ золотой казной, иной хвастаетъ добрымъ конемъ, разумный хвалится родной матушкой, безумный хвастаетъ молодой женой".

4) Заключеніе. Заключеніе былины состоитъ обыкновенно изъ двухъ-трехъ стиховъ, къ которыхъ выражается значеніе

данной былины или ея общее впечатлѣніе, или въ которыхъ провозглашается богатырю слава. Примѣры: „это — первая поѣздка Ильи Муромца, а по тыихъ мѣстъ поѣздка да кончается“, „Синему морю да на тишину, всѣмъ добрымъ же людямъ на послушаніе“, „Только той Соловнику славу поютъ, а Ильина то слава не минуется, отнынѣ то вѣкъ по вѣку поютъ его Ильюшенку“.

357. Общій взглядъ на древне-русскую литературу перваго періода. Древне-русская литература перваго періода была отраженіемъ культуры, которая создавалась княжеско-дружинной Русью. Эта культура была продуктомъ творчества русской аристократіи и отчасти городской демократіи. Княжеско-дружинное культурное творчество происходило въ условіяхъ славяно-русскаго быта (представлявшаго сочетаніе патріархально-родовыхъ чертъ съ чертами первобытнаго коммунизма), подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи, съ которой русская аристократія вела мѣновую торговлю. Этимъ опредѣляются существенныя черты въ исторіи русской литературы перваго періода.

Во-первыхъ, руководящая роль въ идейно-литературномъ творчествѣ принадлежитъ аристократіи, свѣтской и духовной: по иниціативѣ Владимира Св. и Ярослава М. древне-русская аристократія усваиваетъ византійско-болгарское міровоззрѣніе и его литературныя формы и кладетъ начало выработкѣ новаго національнаго міровоззрѣнія на византійско-болгарской основѣ.

Этотъ процессъ распадается на два момента:

1) Основы для развитія національнаго русскаго міровоззрѣнія полагаются руководителями русской церкви — греками, которые прививали древне-русской аристократіи византійско-христіанское міровоззрѣніе, вели борьбу съ древне-русскимъ язычествомъ, съ одной стороны, и съ западно-христіанскимъ міровоззрѣніемъ, съ другой стороны. Главными трудами, характерными для даннаго момента въ исторіи княжеско-дружинной литературы были, кромѣ трудовъ митрополитовъ Леонтія, Георгія и Іоанна II, „Новгородская лѣтопись 1017 г.“ (§ 189), составленная подъ руководствомъ новгородскаго епископа Іоакима, и „Древнѣйшій Кіевскій сводъ“ (§§ 181 — 185), задуманный и составленный при дворѣ кіевскаго митрополита Ѳеопемпта. Изъ нихъ особенно важное значеніе имѣетъ „Древ-

нѣйшій Кіевскій сводъ", который послужилъ исходнымъ пунктомъ и образцомъ для послѣдующихъ лѣтописныхъ сводовъ.

2) Подъ вліяніемъ трудовъ руководителей-грековъ въ княжеско-дружинной средѣ пробуждается и зарождается самостоятельное національно-русское движеніе въ области идейно-литературнаго творчества. Кіевская аристократія выдвигаетъ изъ своей среды Иларіона, автора сочиненія „О законѣ и благодати", въ личности котораго воплотилась начальная ступень древне-русскаго національнаго самосознанія, выражавшаяся въ любви къ Русской землѣ, въ стремленіи къ независимости русской церкви отъ греческой и въ дѣятельности, направленной къ національзаціи русской церкви. Новгородская аристократія выдвигаетъ изъ своей среды другую замѣчательную личность, Луку Жидяту, который раздѣлялъ стремленія Иларіона. По иниціативѣ Луки Жидяты составляется „Древній Новгородскій сводъ" (§ 189); ему же приписывается интересное „Поученіе къ братіи" (§§ 190—191).

Во-вторыхъ, національно-русское движеніе, зародившееся въ княжеско-дружинной средѣ, передается въ кіевскую городскую демократію. Центромъ этого движенія становится Кіевопечерскій монастырь. Взявъ себѣ въ руководство строгій Студійскій уставъ, Кіевопечерскій монастырь при Антоніи и Ѳеодосіи высоко поднимается не только надъ прочими русскими монастырями, но и надъ современными ему греческими монастырями. Въ то же время иноки монастыря и его руководители живо интересуются текущей политикой, принимаютъ живое и дѣятельное участіе въ общественно-политической борьбѣ, служа выразителями стремленій кіевской демократіи второй половины XI в. и приходятъ въ рядъ острыхъ столкновеній съ княжеско-дружинной властью. Часть княжеско-дружинной среды, сочувственно относившаяся къ демократической тенденціи монастыря, становится на его сторону и нерѣдко оказываетъ ему могучую поддержку въ минуту тяжелыхъ невзгодъ. Во главѣ этой части княжеско-дружинной среды становится домъ Всеволода и особенно сынъ Всеволода Владимиръ М., относившійся къ Кіевопечерскому монастырю и его руководителямъ съ глубокимъ уваженіемъ. Нѣкоторые представители указанной княжеско-дружинной среды даже входятъ добровольно въ составъ иноковъ Кіевопечерскаго монастыря. Образуется демократическо-аристократическая монаше-

ская среда, пріобрѣтающая большой авторитетъ въ древнерусской жизни. Изъ этой среды выдвигается рядъ борцовъ и писателей, публицистовъ, агіографовъ и лѣтописцевъ, изъ которыхъ наиболѣе выдающимися являются Никонъ, редакторъ „Кіевопечерскаго свода“ (§§ 197 — 198), и Несторъ, авторъ „Житія Ѳеодосія“ и „Чтенія о житіи Бориса и Глѣба“ (§ 202). Эти писатели, вмѣстѣ съ другими, въ своихъ произведеніяхъ выступали на защиту демократіи, независимости русской церкви, высказывались противъ княжескихъ междоусобій, стояли за права старшихъ князей и создавали идеальные образы древнерусскихъ дѣятелей.

Въ-третьихъ, руководящая часть русской церкви, состоявшая изъ грековъ, встревоженная значительностью и серьезностью національнаго движенія въ русскомъ обществѣ, угрожавшаго ея власти, начинаетъ давать ему отпоръ: она противится канонизаціи выдающихся русскихъ дѣятелей—Бориса и Глѣба, Владимира, Ѳеодосія и Антонія, и выступаетъ съ произведеніями, въ которыхъ стремится освѣтить важнѣйшіе факты изъ исторіи Руси и ея культуры съ грекофильской точки зрѣнія. Такими произведеніями были „Корсунская легенда“ (§ 206) и „Житіе преп. Антонія“ (§ 204).

Въ-четвертыхъ, грекофильская тенденція пріобрѣтаетъ успѣхъ въ русскомъ обществѣ. Между національнымъ русскимъ движеніемъ въ двухъ его формахъ, аристократической и демократической, происходитъ сближеніе, и они дѣлаютъ другъ другу взаимныя уступки. Идейно-литературное выраженіе этого момента мы находимъ въ „Начальномъ Кіевскомъ сводѣ“ (§ 206) и въ зависящихъ отъ него послѣдующихъ сводахъ.

Въ-пятыхъ, въ XII в. выдвигаются два іерарха-грека, митрополитъ Никифоръ и Ѳеодосій-Грекъ, которые продолжаютъ трудиться надъ дальнѣйшемъ осуществленіемъ задачъ, намѣченныхъ для русской церкви первыми іерархами греками.

Въ-шестыхъ, къ началу XII в., при совмѣстномъ трудѣ представителей аристократіи и городской демократіи, окончательно вырабатывается новое національное русское міровоззрѣніе на византійско-болгарской основѣ. Оно становится достояніемъ передовой части аристократіи, княжеско-дружинной и мѣстной, и отчасти городского простонародія. Главными представителями этого періода являются Владимиръ М., авторъ „Поученія чадомъ“, и игуменъ Даніилъ, авторъ „Хожденія“.

Въ-седьмыхъ, съ половины XII в. и до половины XIII в. совершается процессъ зарожденія мѣстныхъ литературъ. Изъ мѣстныхъ писателей наиболѣе замѣчательны авторъ „Слова о полку Игоревѣ“, въ которомъ выражено дохристіанское міровоззрѣніе, сохранившееся въ нѣкоторой части княжеско-дружинной среды, Кириллъ Туровскій, авторы „Кіевопечерскаго патерика“, Даніилъ, авторъ „Моленія“, авторы „Галицко-Волынской лѣтописи“ и др.

Въ-восьмыхъ, параллельно съ процессами, обозначенными въ предыдущихъ пунктахъ, шла выработка княжеско-дружиннаго устнаго эпоса („былины“). Древнѣйшіе отголоски этого эпоса вошли въ составъ „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“, „Древняго Новгородскаго свода“. „Кіевопечерскаго свода“, „Начальнаго Кіевскаго свода“, „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и мѣстныхъ лѣтописей; позднѣйшая часть княжеско-дружиннаго эпоса сохранилась до настоящаго времени въ устной передачѣ среди крестьянъ.

Библіографія. Княжеско-дружинная Русь и ея строй. *В. Ключевскій.* Курсъ русской исторіи. Ч. I—II. М. 1904—1906, и новыя изданія.—*Н. Рожковъ.* Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. I—II. Спб. 1903—1905.—*М. Н. Покровскій,* при участіи *Н М. Никольскаго* и *В. Н. Сторожева.* Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. Т. I. М.—*В. Ключевскій.* Боярская дума древней Руси. Изд. 4-ое М. 1909.—*В. Ключевскій.* Исторія сословій въ Россіи. М. 1913 г. — *А. Пръсняковъ.* Княжое право въ древней Руси. Очерки по исторіи X — XII столѣтій. Спб. 1909.

Отдѣлъ первый. Литература первыхъ митрополитовъ грековъ. *Леонтій (Левъ).* Объ опрѣснокахъ. «Временникъ Общ. Истор. и Др.» 1850, кн. 5. –*Георгій.* Стязаніе съ латиною. «Исторія русской церкви» преосв. Макарія. Т. II.—*Іоаннъ II.* Посланіе къ папѣ Клименту III. «Учен. Зап. 2-го Отд. Ак. Н.» 1854.— *Іоаннъ II.* Правила церковныя вкратцѣ. «Памятники древнерусскаго каноническаго права». Ч. I. Спб. 1908.—*Августинъ* (іеромонахъ). Полемическія сочиненія противъ латинянъ, писанныя въ русской церкви. XI и XII вв., въ связи съ общимъ историческимъ изысканіемъ относительно разностей между восточною и западною церковью. «Труды Кіевской Дух. Ак.» 1867, №№ 6, 9.—*Андрей Поповъ.* Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ поломическихъ сочиненій противъ латинянъ. XI—XV вв. М. 1875.—*А. С. Павловъ.* Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ. Спб. 1878.

Отдѣлъ второй. Зарожденіе и развитіе національнаго русскаго самосознанія. *А. А. Шахматовъ.* Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908 («Древнѣйшій Кіевскій сводъ»).—*Иларіонъ* (митрополитъ). Сочиненія. «Прибавленія къ твореніямъ святыхъ отецъ».

М. 1844, «Чтенія Моск. Общ. Истор. и Др.». М. 1848, кн. 7, «Извѣстія II Отд. Акад. Н.», т. V, в. 4, «Памятники древне-русской церковно-учительной литературы», в. 1, Спб. 1894.—*И. Н. Ждановъ.* Слово о законѣ и благодати и похвала кагану Владимиру. «Сочиненія», т. I Спб. 1904.—*М. Приселковъ.* Митрополитъ Иларіонъ, въ схимѣ Никонъ, какъ борецъ за независимую русскую церковь. «Сергѣю Ѳедоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели». Спб. 1911.— *А. А. Шахматовъ.* Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ». Спб. 1908 («Древній Новгородскій сводъ»).—*Лука Жидята.* Поученіе къ братіи. «Русскія Достопамятности», ч. I. М. 1815, «Исторія рус. церкви» Макарія, ч. I, «Памятники древне-русской церковно-учительной литературы», в. 1, Спб. 1894, «Историческая хрестоматія» Буслаева, М. 1861.—*Ѳеодосій Печерскій.* Сочиненія. «Учен. Зап. Ак. Н.» 1856, кн. II, в. 2., «Исторія рус. церкви» Макарія, т. II, «Памятники древне-русской церковно-учительной литературы», в. 1, Спб. 1894.—*А. В. Вадковскій.* Такъ называемыя «поученія Ѳеодосія Печерскаго къ народу русскому». *Антоній,* еп. Выборгскій. «Изъ исторіи христіанской проповѣди. Очерки и изслѣдованія». Спб. 1892.—*Макарій,* архим. Преподобный Ѳеодосій Печерскій, какъ писатель. «Изв. II Отд. Ак. Н.», т. IV.—*Н. Костомаровъ.* Ѳеодосій Печерскій. «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ дѣятелей, в. 1.—*В. Чаговецъ.* Преподобный Ѳеодосій Печерскій, его жизнь и сочиненія. Кіевъ 1901.—*М. Д. Приселковъ.* Аѳонъ въ начальной исторіи Кіевопечерскаго монастыря. «Извѣст. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Н.» 1912, т. XVII, кн. 3.—*А. А. Шахматовъ.* Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908 («Кіевопечерскій сводъ»).—*М. Приселковъ.* Митрополитъ Иларіонъ, въ схимѣ Никонъ, какъ борецъ за независимую русскую церковь. «Сергѣю Ѳедоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели». Спб. 1911.—*Іаковъ Мнихъ.* Память и похвала князю Владимиру. «Христ. Чтеніе», 1849, «Исторія рус. церкви Голубинскаго», т. I, 1-ая половина.—*А. А. Шахматовъ.* Память и похвала Владимиру мниха Іакова. «Разысканія». Спб. 1908.—*Препод. Несторъ.* Чтеніе о житіи Бориса и Глѣба. «Чтенія Моск. Общ. Истор. и Др.», 1859, кн. I, подъ ред. О. Бодянскаго, «Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ» Срезневскаго, Спб., 1860, «Правосл. Соб.» 1858, I.— *А. А. Шахматовъ.* Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ. «Разысканія». Спб. 1908.—*Преп. Несторъ.* Житіе Ѳеодосія Печерскаго. «Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др.», 1858,кн. III, «Памятники рус. литературы XII и XIII вѣковъ», изд. Владимиромъ Яковлевымъ, Спб. 1872. — *А. А. Шахматовъ.* Житіе Антонія и Печерская лѣтопись. «Журналъ Мин. Нар. Пр.» 1898. Мартъ.—*А. А. Шахматовъ.* Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908 (о житіи преп. Антонія).— *А. А. Шахматовъ.* О Начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. М. 1897.—*А. А. Шахматовъ.* Разысканія. Спб. 1908 (о «Начальномъ Кіевскомъ сводѣ»).—«Повѣсть временныхъ лѣтъ и «Сильвестровъ сводъ» въ «Полномъ собраніи рус. лѣтописей», т.т. I и II.—*М. И. Сухомлиновъ.* О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ. «Учен. Зап. II Отд. Акад. Н.», 1856, кн. III.—*И. И. Срезневскій.* Статьи о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. Спб. 1903.—*Н. И. Костомаровъ.* Лекціи по русской исторіи. Ч. I. Вступительная лекція о лѣтописи. Спб. 1861.—*Н. И. Костомаровъ.* Преданія первоначальной русской лѣто-

писи. «В. Е.», 1873, №№ 1—3.—*К. Бестужевъ-Рюминъ.* О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в. 1) Повѣсть временныхъ лѣтъ.—2) Лѣтописи южно-русскія. Спб. 1868.—*А. А. Шахматовъ.* Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ. «Ж. М. Н. Пр.» 1897, № 4.—*Владимиръ Мономахъ.* Поученіе. «Лаврентьевская лѣтопись», подъ 1096 г.—*В. А. Воскресенскій.* «Поученіе дѣтямъ» Владимира и Мономаха. Спб. 1874.—*С. Протопоповъ.* Поученіе Владимира Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси въ дотатарскую эпоху. «Ж. М. Н. П.» 1874. Февраль.—*Н. Шляковъ.* О «Поученіи» Владимира Мономаха. Спб. 1900.—*И. Ивакинъ.* Князь Владимиръ Мономахъ и его поученіе. Часть первая. Поученіе дѣтямъ. Письмо къ Олегу и отрывки. М. 1901.—*Игуменъ Даніилъ.* Хожденіе. «Сказанія русскаго народа» Сахарова, т. II, Спб. 1849, «Путешествіе игумена Даніила по святой землѣ въ началѣ XII в.», подъ ред. А. С. Норова, съ его критическими замѣчаніями, Спб. 1864, «Житье и хожденье Данила Русьскыя земли игумена, 1106—1108», подъ ред. М. А. Веневитинова въ «Правосл. Палест. Сборн.», т. I, вв. 3, 9, Спб. 1883—1885.—*М. Веневитиновъ.* Замѣтки къ исторіи хожденія Даніила. «Ж. М. Н. Пр.» 1884, № 8.—*М. Веневитиновъ.* Хожденіе Даніила въ изданіяхъ И. П. Сахарова. «Древности Моск. Археол. Общ.» 1876—1877.—*М. Веневитиновъ.* Хожденіе игумена Даніила въ Святую землю въ XII в. Изслѣдованіе о текстѣ. Спб. 1877.—*Н. В. Рузскій.* Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ хожденіе въ Св. землю русскаго игумена Даніила въ началѣ XII в. «Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др.» 1891, кн. III.—*Заболотскій.* Легендарный и апокрифическій элементъ въ хожденіи Даніила. Варшава. 1899.—*А. Гиляревскій.* Древне-русское паломничество. «Др. и Нов. Россія». 1878, № 8.—*И. Срезневскій.* Русскіе калики древняго времени. «Учен. Зап. Ак. Н.», т. I, кн 2. Спб. 1862.—*И. Срезневскій.* Крута каличья. Клюка и сума, лапотики, шляпа и колоколъ. Спб. 1862.—*Н. Докучаевъ.* Древне-русское паломничество ко св. мѣстамъ Востока вообще и путешествія русскихъ раскольниковъ въ тѣ же мѣста въ частности. «Черниговскія епарх. Изв.» 1867, №№ 1—4, 7.—*Н. Докучаевъ.* Древне-русское оффиціальное паломничество ко св. мѣстамъ Востока въ связи съ отношеніями русской церкви къ восточной и взглядами русскаго народа на Востокъ. «Черниг. епарх. Изв.» 1869, №№ 13, 14, 16.— *С. Понамаревъ.* Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ. Спб. 1877.

Отдѣлъ третій. Дѣятельность русскихъ іерарховъ-грековъ въ первой половинѣ XII в. *Митр. Никифоръ.* Сочиненія. «Памятники россійской словесности XII в.» К. Калайдовича, М. 1821., «Исторія рус. церкви» Макарія, т. II, «Истор. хрест. Буслаева.—*Θеодосій-Грекъ.* Переводъ съ греческаго на славянскій посланія папы Льва I или Великаго къ константинопольскому патріарху Флавіану о четвертомъ вселенскомъ халкидонскомъ соборѣ, сдѣланный для князя-инока Николая Святоши. «Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др.» 1848, кн. 7.—*Θеодосій-Грекъ.* Посланія къ Изяславу о почитаніи недѣли и о варяжской вѣрѣ (приписанныя преп. Θеодосію Печерскому) напечатаны подъ редакціей преосв. Макарія въ «Учен. Зап. Ак. Н.» 1856, кн. II, в. 1.—*Θеодосій-Грекъ.* Поученіе о казняхъ Божіихъ. «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ», Срезневскаго. XXIV.—

А. Лященко. Замѣтка о сочиненіяхъ Ѳеодосія, писателя XII вѣка. Спб. 1900.

Отдѣлъ четвертый. О зарожденіи мѣстныхъ литературъ см. замѣчанія *Ѳ. И. Буслаева* въ статьѣ «Мѣстныя сказанія владимирскія, московскія и новгородскія». «Лѣтописи рус. литературы и древности», изд. Н. Тихонравовымъ, т. IV, М. 1862, у *А. С. Архангельскаго* въ «Чтеніяхъ по исторіи рус. литературы», XX—XXI, Казань, 1903 и въ «Замѣткахъ на программу по исторіи рус. литературы», Казань, 1908.

Глава первая. Новгородская литература. *И. И. Срезневскій.* Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ. «Изв. Ак. Н.», т. II.—*І. Сениовъ.* Историко-критическія изслѣдованія о новгородскихъ лѣтописяхъ и о россійской исторіи В. Н. Татищева. М. 1888.—*Кирикъ.* Вопрошаніе Кириково. «Памятники древне-русскаго каноническаго права». Ч. I. Спб. 1908.—*Илья-Іоаннъ.* Поученіе. «Памятники древне-русскаго каноническаго права». Ч. I. Спб. 1908.—*Добрыня Ядрѣйковичъ.* Путешествіе новгородскаго архіепископа Антонія (въ мірѣ Добрыни Ядрѣйковича) въ концѣ XII ст., съ предисловіемъ и примѣчаніями Павла Савваитова. Изд. Археогр. Ком. Спб. 1872.—*Добрыня Ядрѣйковичъ.* Хожденіе Антонія въ Царьградъ. Подъ ред. Х. Лопарева. Изд. Палестинскаго Прав. Общ. Спб. 1899.—*А. Яцимирскій.* Новыя данныя о хожденіи архіепископа Антонія въ Царьградъ. Спб. 1899.—*Ф. Терновскій.* Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси (о русскихъ, совершавшихъ хожденія въ Царьградъ и Грецію). Кіевъ. 1875—1876.

Глава вторая. Смоленское творчество. *Климентъ Смолятичъ.* Посланіе митрополита Климента къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ. Сообщеніе Хр. Лопарева. «Памятн. древн. письм.» Спб. 1892.—*Н. Никольскій.* О литературныхъ трудахъ Климента Смолятича, писателя XII в. Спб. 1892.—*С. П. Розановъ.* Житія преп. Авраамія Смоленскаго и службы ему. «Памятники древне-русской литературы», в. 1. Спб. 1912.—*Н. Рѣдковъ.* Преп. Авраамій Смоленскій и его житіе, составленное ученикомъ его Ефремомъ. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. Смоленскъ. 1909.

Глава третья. Туровская литература. *Кириллъ Туровскій.* Творенія. «Памятники россійской словесности XII в.», изд. К. Калайдовичемъ, М. 1821; «Рукописи графа Уварова», т. II, в. 1, изд. М. И. Сухомлиновымъ, Спб. 1858; «Памятники древне-русской церковно-поучительной литературы», в. 1, Спб. 1894.—*И. Срезневскій.* О твореніяхъ св. Кирилла Туровскаго. «Изв. Ак. Н.», т. V, Спб. 1858.—*И. Срезневскій.* Два семитическихъ сказанія, встрѣчающихся въ памятникахъ русской литературы (по поводу притчи Кирилла Т. о хромцѣ и слѣпцѣ). «Сборникъ Ак. Н.», т. X.—*М. Сухомлиновъ.* Изслѣдованія о сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго. Спб. 1858.—*Макарій,* архим. Св. Кириллъ, епископъ Туровскій, какъ писатель. «Изв. II Отд. Ак. Н.», т. V.

Глава четвертая. Черниговская литература. *Х. Лопаревъ.* Слово похвальное на перенесеніе мощей свв. Бориса и Глѣба («Слово о князьяхъ»). «Памятн. Др. Письм.»). Спб. 1894.—*П. В. Голубовскій.* Опытъ пріуроченія древне-русской проповѣди «Слово о князьяхъ» къ опредѣленной хронологической датѣ. М. 1899.

Глава пятая. Кіевская литература. «*Слово о полку Игоревѣ*»: 1) Ироическая пѣснь о походѣ на половцевъ удѣльнаго князя Новгорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Изд. гр. Мусина-Пушкина въ сотрудничествѣ съ Малиновскимъ и Бантышъ-Каменскимъ. М. 1800.—2) Изданіе П. Пекарскаго по списку, найденному между бумагами Имп. Екатерины II. Спб. 1864.—3) Изд. А. Потебни. Текстъ и примѣчанія. Воронежъ. 1878.—4) Изд. Н. С. Тихонравова. Редакція и примѣчанія. М. 1866.—5) Редакція, переводъ и объясненія прив.-доц. С. К. Шамбинаго. М. 1912.—6) Изд. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Н.—Подъ ред. Ѳ. Е. Корша. Спб. 1909.—*В. Щуратъ.* Пісня про походъ Ігоря Сьвятославича. Поема XII в. Львівъ. 1907. — *И. Н. Ждановъ.* Литература Слова о полку Игоревѣ. «Сочиненія». т. I, Спб. 1901.—*Ѳ. И. Буслаевъ.* Русская поэзія XI и начала XII в. «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, т. I. Спб. 1861.—*И. Н. Ждановъ.* Русская поэзія въ домонгольскую эпоху. «Сочиненія», т. I. Спб. 1901.—*А. Архангельскій.* Боянъ. Новый энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона. Т. III.—*Вл. Рѣзановъ.* Слово о полку Игоревѣ и поэзія скальдовъ. «Ж. М. Н. Пр.» 1908, № 6.—*Вс. Миллеръ.* Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ. М. 1877.—*А. Н. Веселовскій.* Новый взглядъ на Слово о полку Игоревѣ. «Ж. М. Н. Пр.» 1877, № 8.—*Ор. Миллеръ.* Еще о взглядѣ Вс. Миллера на Слово о полку Игоревѣ. «Ж. М. Н. Пр.» 1877, № 9.—*А. И. Смирновъ.* Слово о полку Игоревѣ. Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ. Исправленіе первопечатнаго текста. «Филол. Зап.» 1878.—*Е. В. Барсовъ.* Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. Т. I—III. М. 1887—1890.—*А. В. Лонгиновъ.* Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 г. Одесса. 1892.—*Ю. Тиховскій.* Прозою, или стихами написано Слово о полку Игоревѣ? «Кіев. Стар.» 1893, октябрь.—*П. В. Владимировъ.* Слово о полку Игоревѣ. В. I. Изъ лекцій. Кіевъ. 1894.—*В. В. Каллашъ.* Нѣсколько догадокъ и соображеній по поводу «Слова о полку Игоревѣ». «Юбилейный сборникъ въ честь В. Ѳ. Миллера», подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900.— *Н. П. Дашкевичъ.* Русско-славянскій Троянъ и римскій императоръ Траянъ. «Serta Borysthenica. Сборникъ въ честь Юліана Кулаковскаго». Кіевъ 1911.—*Володимиръ Бирчакъ.* Візантійська церковна пісня і Слово о полку Ігореві. У Львові. 1910.—*Г. М. Барацъ.* О библейскомъ элементѣ въ «Словѣ о полку Игоревѣ. Кіевъ. 1912.—*К. Бестужевъ-Рюминъ.* О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в.: 1) Повѣсть временныхъ лѣтъ.—2) Лѣтописи южно-русскія.

Глава шестая. Ростово-Суздальская литература. *Епископъ Симонъ и инокъ Поликарпъ.* «Памятники русской литературы XII—XIII вѣковъ». Изд. В. Яковлева. Спб. 1872.—«Кіевопечерскій патерикъ», подъ ред. Д. И. Абрамовича. Спб. 1911.—*В. Яковлевъ.* Древне-кіевскія религіозныя сказанія. Варшава. 1875.—*А. М. Викторова.* Составители Кіевопечерскаго Патерика и позднѣйшая его судьба. Воронежъ. 1871.—*Макарій.* Обзоръ редакцій Кіевопечерскаго Патерика. «Изв. Акад. Н.», т. V, «Исторія церкви», т. III.—*А. Шахматовъ.* Житіе Антонія и Печерская лѣтопись «Ж. М. Н. Пр.» 1898, № 3.—*А. А. Шахматовъ.* Кіевопечерскій Патерикъ и Пе-

черская лѣтопись. Изв. II Отд. Акад. Н.», т. II, кн. 3. Спб. 1897.—*Д. И. Абрамовичъ.* Нѣсколько словъ въ дополненіе къ изслѣдованію А. А. Шахматова: Кіевопечерскій Патерикъ и Печерская лѣтопись. «Изв. II Отд. Акад. Н.», т. III, кн. 2, Спб. 1898.—*Д. И. Абрамовичъ.* Изслѣдованіе о Кіевопечерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ. «Изв. II Отд. Акад. Н.», тт. VI—VII, 1901—1902.—*А. В.* О Печерскомъ Патерикѣ и объ отношеніи его къ греческимъ патерикамъ. «Воронежскія епарх. вѣд.». 1875, №№ 2, 3.—*Н. П. Петровъ.* О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго Пролога. Кіевъ. 1875 (объ отношеніи Кіевопечерскаго Патерика къ греческимъ).—*И. Шляпкинъ.* Слово Даніила Заточника. Спб. 1889.—*Модестовъ.* О посланіи Даніила Заточника. «Ж. М. Н. Пр.». 1880, № 10.—*И. Н. Ждановъ.* Слово Даніила Заточника. «Сочиненія». Т. I. Спб. 1901.—*А. Лященко.* О моленіи Даніила Заточника. Спб. 1896.—*В. М. Гусевъ.* Къ вопросу о редакціяхъ Моленія Даніила Заточника. «Лѣтопись Истор.-Филол. Общ. при Новор. унив.». Т. VIII. Одесса. 1900.—*В. М. Истринъ.* Былъ ли Даніилъ Заточникъ дѣйствительно заточенъ? Одесса. 1902.—*Евг. Будде.* О Словѣ Даніила Заточника въ его отношеніи къ древнерусской Пчелѣ. М. 1902.—*Х. Лопаревъ.* Слово о погибели Русскыя земли. Спб. 1892.

Глава седьмая. Галицко-Волынская литература. *К. Бестужевъ-Рюминъ.* О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в. Спб. 1868.—*Н. Н. Ѳирсовъ.* Содержаніе и характеристика Галицко-Волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку. Казань. 1891.

Отдѣлъ пятый. Литература, отразившая татарское нашествіе. *Сказаніе о битвѣ при Калкѣ,* въ Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1223 г., Спб. 1897.—*Сказаніе объ Евпатіи Коловратѣ,* у И. Срезневскаго въ его «Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», Спб. 1867.—*Всеволодъ Миллеръ.* Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892.—*Вс. Миллеръ.* Очерки русской народной словесности. Т. I. М. 1897. Т. II. М. 1910.—*Ѳ. И. Буслаевъ.* Смоленская легенда о св. Меркуріи и ростовская о Петрѣ, царевичѣ Ордынскомъ. «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». Т. II. Спб. 1861.—*Арс. П. Кадлубовскій.* Великомученикъ Меркурій Кесарійскій и мученикъ Меркурій Смоленскій. «Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. Варшава». 1902.

Отдѣлъ шестой. Княжеско-дружинное устное творчество. *И. Н. Ждановъ.* Русская поэзія въ домонгольскую эпоху. «Сочиненія». Т. I. Спб. 1904.—*Илья Бѣляевъ.* О скоморохахъ. «Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.» 1854. Т. XX.—*А. Веселовскій.* Святочныя маски и скоморохи «Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха». Гл. VI.—X. Спб. 1883.—*А. Фаминцынъ.* Скоморохи на Руси. Спб. 1889.—*А. Кирпичниковъ.* Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ. «Сборникъ II Отд. Акад. Н.». Т. LII. Спб. 1891.—*Кирша Даниловъ.* Древнія россійскія стихотворенія. Изд. А. С. Суворина. Спб.—Сборникъ Кирши Данилова. Изд. Публ. Библіотеки подъ ред. П. Н. Шеффера. Спб. 1901.—*Тихонравовъ* и *В. Ѳ. Миллеръ.* Русскія былины старой и новой записи. М. 1894.—*В. Ѳ. Миллеръ.* Былины новой и недавней записи изъ разныхъ мѣстностей Россіи. М. 1908.—*П. В. Кирѣевскій.* Пѣсни. Подъ ред. П. Безсонова.

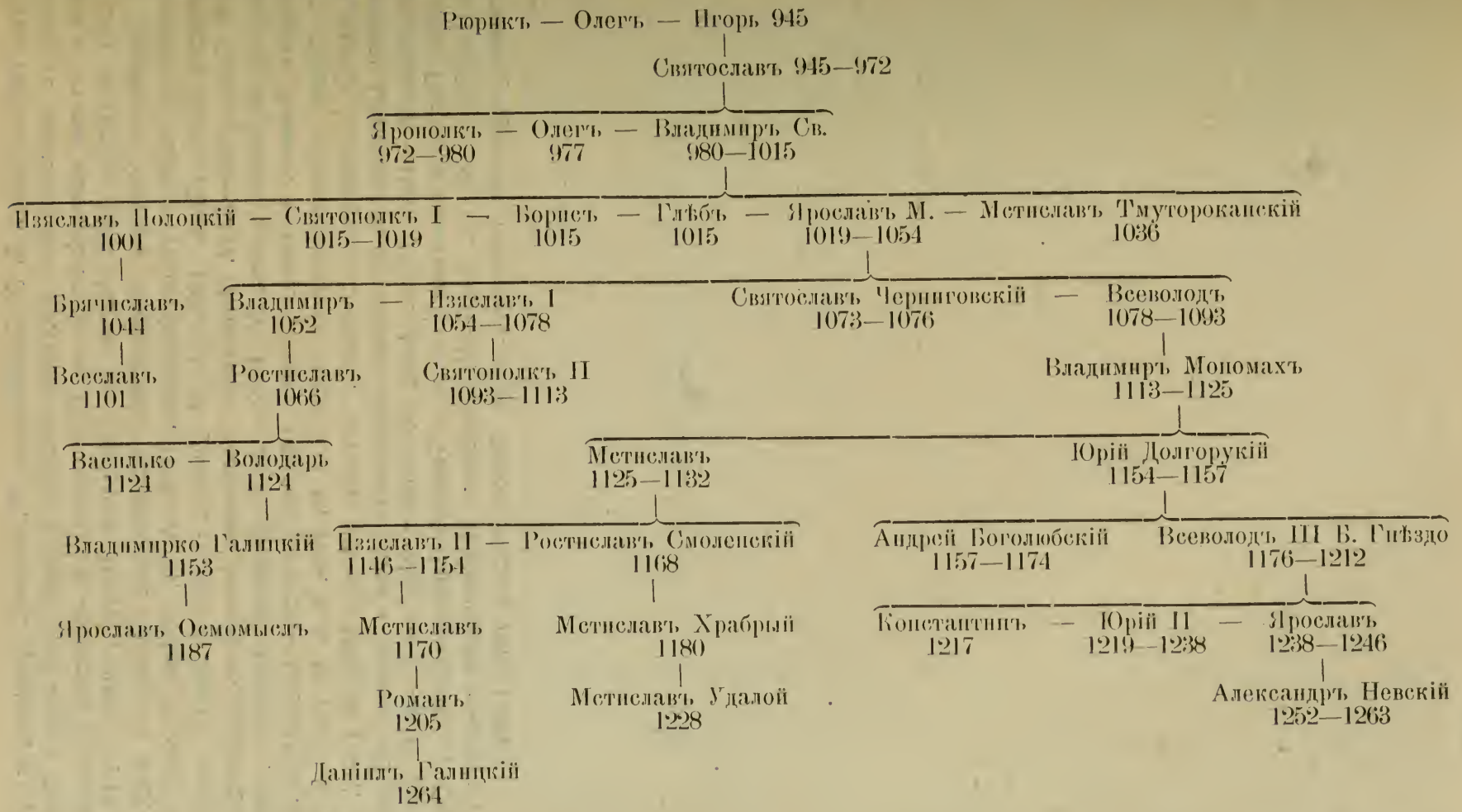
В. 1—4. М. 1860—1862.—*Рыбниковъ.* Народныя пѣсни, старины и побывальщины. В. 1—4. М. 1861—1868. Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Т. I—III. М. 1909—1910.—*Гильфердингъ.* Онежскія былины. «Сборникъ Отд. русск. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ». Т. LIX—LXI. Спб. 1894—1900.—*А. Марковъ.* Бѣломорскія былины. М. 1901.—*А. Д. Григорьевъ.* Архангельскія былины и историческія пѣсни. М. Т. I. 1904. Т. III. 1910 (т. II печатается).—*Н. Е. Ончуковъ.* Печорскія былины. Спб. 1904.—*К. Аксаковъ.* Богатыри князя Владимира по русскимъ пѣснямъ. «Сочиненія». Т. I. М. 1861.—*Ѳ. И. Буслаевъ.* Эпическая поэзія. «Истор. очерки». Т. I. Спб. 1861. *Ѳ. И. Буслаевъ.* Русскій народный эпосъ. «Историч. очерки народной словесности и искусства». Т. I. Спб. 1861.—*Ѳ. И. Буслаевъ.*—О народной поэзіи въ древней русской литературѣ. «Истор. очерки». Т. II. Спб. 1861.—*Ѳ. И. Буслаевъ.* Народная поэзія. Историческіе очерки: «Русскій богатырскій эпосъ», «Бытовые слои русскаго эпоса».—*Л. Майковъ.* О былинахъ Владимирова цикла: «Раздѣленіе былинъ на циклы», «Нынѣшніе пѣвцы былинъ», «Время и мѣсто сложенія былинъ Владимирова цикла; кто могъ пѣть ихъ въ старину, среди какого общества онѣ возникли?», «Позднѣйшія наслоенія, которыя приняли на себя былины Владимирова цикла вслѣдствіе храненія ихъ только въ памяти народа», «Былины, какъ выраженіе дружиннаго быта», «Значеніе лица великаго князя въ кругу лицъ, дѣйствующихъ въ былинахъ», «Герои отдѣльныхъ былинъ—богатыри-дружинники; общія черты этого типа и идеализація дѣйствительныхъ лицъ богатырей въ поэзіи: гиперболическое представленіе ихъ свойствъ, элементъ чудеснаго». Спб. 1863.—*Кавшинъ-Самаринъ.* Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи («Бесѣда» 1871, №№ 4—5, «Р. Вѣстникъ» 1874. №№ 9—10.—*В. Стасовъ.* О происхожденіи русскихъ былинъ. «Собраніе сочиненій». Т. III. Спб. 1894.—*А. Н. Веселовскій.* О сравнительномъ изученіи средневѣкового эпоса (методологическія замѣтки и отзывъ о теоріи Стасова). «Ж. М. Н. Пр.» 1868, № 11.—*А. Розовъ.* О происхожденіи русскихъ былинъ (по поводу изслѣдов. В. Стасова). «Труды Кіевск. Дух. Акад.» 1871, №№ 3, 4, 6, 7.—*О. Миллеръ.* Илья Муромецъ и богатырство кіевское. Спб. 1869.—*А. Веселовскій.* Южно-русскія былины: «Михаилъ Даниловичъ и младшіе богатыри», «Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ XVI вѣка», «Былины о Саулѣ Леванидовичѣ и греческая пѣсня объ Армури», «Богатыри-Сурожцы. Суровецъ-Суздалецъ и Чурила Пленковичъ», «Дюкъ Степановичъ и западныя параллели къ пѣснямъ о немъ», «Какъ перевелись на Руси богатыри», «Бой Ильи Муромца съ сыномъ», «Алексѣй Поповичъ и Тугаринъ—Илья Муромецъ и Идолище», «Алеша «бабій пересмѣшникъ и сюжетъ Цимбелина». Спб. 1881—1884.—*А. Н. Веселовскій.* Мелкія замѣтки къ былинамъ. «Ж. М. Н. Пр.» 1885, № 12, 1886, № 12, 1888, № 5, 1889, № 5, 1896, № 8.—*А. Н. Веселовскій.* Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дигенисѣ и старшіе богатыри. «Вѣстникъ Европы» 1875, № 4.—*А. Н. Веселовскій.* Объ одномъ эпизодѣ въ былинѣ о Святогорѣ. «Филол. Зап.» 1875.—*А. Н. Веселовскій.* Объ Ильѣ Муромцѣ. «Фил. Зап.» 1875.—*А. Н. Веселовскій.* Илья Муромецъ у Луиса де-Кастильо. «Ж. М. Н. Пр.» 1883, № 5.—*А. Н. Веселовскій.* Калики перехожіе и богомильскіе странники (Апокрифическіе и легендарные эле-

менты въ былинахъ). «В. Е.» 1872, № 4.—*Ив. Н. Жданов*ъ. Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. «Былины о Самсонѣ и Святогорѣ». «Сочиненія». Т. I. Спб. 1904.—*И. Н. Жданов*ъ. Русскій былевой эпосъ. «Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ». Спб. 1895.—*М. Халанскій*. Великорусскія былины кіевскаго цикла: «Храборъ—богатырь, поленица», «Добрыня Никитичъ», «Иванъ Даниловичъ», «Демьянъ Куденевичъ», «Алеша Поповичъ», «Идолище Поганое», «Илья Муромецъ», «Василій Игнатьевичъ», «Повѣсть о убіеніи злочестиваго царя Батыя» (Иванъ Годиновичъ), «Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси», «Богатыри Московскаго періода» «Данило Ловчанинъ», «Соловей Будимировичъ», «Тугаринъ Змѣевичъ», «Жидовинъ», «Святогоръ», «Дюкъ Степановичъ». Варшава. 1885.—*М. Халанскій*. Южно-славянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса. Т. I—IV. Варшава. 1893—1896.—*А. И. Соболевскій*. Къ исторіи русскихъ былинъ. «Ж. М. Н. Пр.» 1889, № 7.—*А. И. Соболевскій*. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинахъ. «Жив. Старина». 1890, в. II.—*Всев. Миллеръ*. Экскурсы въ область русскаго народа эпоса: «Князь Владиміръ и Евпраксія», «Добрыня-змѣеборецъ», «Илья и Рустемъ», «Поѣздки Ильи Муромца», «Бой отца съ сыномъ», «Сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ», «Еруслань и Илья Муромецъ», «Къ исторіи типа Ильи Муромца», «Степные мотивы въ русскомъ эпосѣ», «Кавказско-русскія параллели» (параллель Святогора съ кавказскими великанами, Святогоръ и Илья, женитьба Святогора, сумочка переметная, Илья и Идолище, Баба Горынинка). М. 1892.—*Всев. Миллеръ*. Очерки русской народной словесности: «Былинное преданіе въ Олонецкой губерніи», «Русская былина, ея слагатели и исполнители», «Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ», «Отголоски галицко-волынскихъ сказаній въ современныхъ былинахъ», «Къ былинамъ о Добрынѣ Никитичѣ», «Къ былинамъ о Вольгѣ и Микулѣ», «Къ былинамъ о Чурилѣ Пленковичѣ», «Былина о Батыѣ», «Былины о Саурѣ и сродныя по содержанію», «Къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ». М. 1897.—*Вс. Миллеръ*. Очерки русской народной словесности: «Къ былинѣ о Камскомъ побоищѣ», «О былинномъ царѣ Калинѣ», «О братьяхъ Суздальцахъ», «Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ» (Илья Муромецъ и Идолище, Алеша Поповичъ и Тугаринъ), «Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ», «Къ былинѣ о Добрынѣ и Василіи Казимировичѣ», «Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ», «Имя былинной кіевской княгини». Т. II. М. 1910.—*Вс. Миллеръ*. Къ вопросу о возрастѣ и казачествѣ Ильи Муромца. «Ж. М. Н. Пр.» 1912, № 2.—*Вс. Миллеръ*. О нѣкоторыхъ мѣстныхъ отголоскахъ въ былинахъ (Колыванъ-Святогоръ). «Изв. II Отд. Ак. Н.» 1911, т. XVI, кн. 4.—*Вс. Миллеръ*. Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ Добрыней. «Ж. М. Н. Пр.» 1912, № 8.—*Вс. Миллеръ*. Къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ. «Изв. II Отд. Ак. Н.» 1912, т. XVII, кн. 4.—*М. Халанскій*. Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ вѣщемъ. «Ж. М. Н. П.» 1902, № 8, 1903, № 11.—*С. К. Шамбинаго*. Старины о Святогорѣ и поэма о Калеви-Поэгѣ. «Ж. М. Н. П.» 1902, № 1.—*С. К. Шамбинаго*. Къ литературной исторіи старинъ о Вольгѣ. «Ж. М. Н. Пр.» 1905, № 11.—*С. К. Шамбинаго*. Историческія переживанія въ старинахъ о Суханѣ. «Сборн.

статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому». М. 1909.—*Н. Дашкевичъ.* Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не стало на Руси богатырей. «Кіевскія Университетскія Извѣстія». 1883. «Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣт.» Т. III.—*Н. Дашкевичъ.* Разборъ «Экскурсовъ» Вс. Миллера. «Отчетъ о XXXVI присужденіи наградъ графа Уварова». 1895.—*А. М. Лобода.* Русскій богатырскій эпосъ. Кіевъ. 1896.—*А. М. Лобода.* Русскія былины о сватовствѣ. Кіевъ. 1904.—*Г. Н. Потанинъ.* Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. М. 1899.—*А. В. Марковъ.* Бытовыя черты русскихъ былинъ. «Этногр. Обозр.» 1904, кн. 58 и 59.—*А. В. Марковъ.* Изъ исторіи русскаго былевого эпоса. В. I. М. 1905. В. II. М. 1907.—*А. С. Якубъ.* Къ былинамъ о Сухманѣ. «Этногр. Обозр.» 1904, № 1.—*Н. И. Коробка.* Сказанія объ урочищахъ Овручскаго уѣзда и былины о Вольгѣ Святославичѣ. «Изв. II Отд. Акад. Н.» 1909, т. XIII, кн. 1.—*А. Н. Веселовскій.* Русскіе и вильтины въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ. «Изв. II Отд. Ак. Н.» 1906, т. XI, кн. 3.—*Б. М. Соколовъ.* Историческій элементъ въ былинахъ о Данилѣ Ловчанинѣ. «Рус. Филол. Вѣстн.» 1910, LXIV.

Родословная таблица русскихъ князей [1]).

Основаніе варяго-русскихъ государствъ. Конецъ VIII в. и начало IX в. (Князь Бравлинъ). Аскольдъ. Около 860 г.



[1]) Дата при имени князя означаетъ годъ его смерти; двѣ даты означаютъ — первая — годъ вступленія на престолъ, вторая — годъ смерти.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

313. Легализація христіанской церкви.
326. Основаніе Константинополя.
392. Церковь объявляется государственнымъ учрежденіемъ.
895—1453. Византійская имперія.
Конецъ VIII в. и начало IX в. Основаніе по великому водному пути варяго-русскихъ государствъ.
827—869. Константинъ-Кириллъ.
† **885.** Меѳодій.
861. Первое крещеніе Руси.
863. Изобрѣтеніе кириллицы.
865. Принятіе крещенія болгарами.
893—927. Симеонъ болгарскій царь.
992—1008. Митрополитъ Леонтій.
980—1015. Владимиръ Св.
989. Второе крещеніе Руси.
1019—1054. Ярославъ М.
1017. „Іоакимовская лѣтопись".
1036. „Новгородская лѣтопись 1036 г."
1039. „Древнѣйшій Кіевскій сводъ".
1037—1050. „О законѣ и благодати".
1050. „Древній Новгородскій сводъ".
1055—1058. „Поученіе къ братіи".
1073. „Кіевопечерскій сводъ".
1073. „Изборникъ Святославовъ 1073 г.".
1076. „Изборникъ Святославовъ 1076 г.".
† **1073.** Преп. Антоній.
† **1074.** Преп. Ѳеодосій.
1065—1079. Митрополитъ Георгій.
Около **1082.** „Чтеніе о житіи Бориса и Глѣба" преп. Нестора.
† **1088.** Великій Никонъ.
Около **1088.** „Житіе преп. Ѳеодосія Печерскаго" преп. Нестора.
1080—1089. Митрополитъ Іоаннъ II.
Около **1089.** „Житіе преп. Антонія".
1093—1113. Святополкъ II.
Около **1095.** „Начальный Кіевскій сводъ".
1106. „Поученіе чадомъ" Владимира М.
Около **1108.** „Хожденіе" игумена Даніила.
1113—1125. Владимиръ М.
1113—1116. „Повѣсть временныхъ лѣтъ".
1116. „Сильвестровъ сводъ".
1119. Вторая редакція „Сильвестрова свода".
1104—1142. Митрополитъ Никифоръ I.
1147—1154. Климентъ Смолятичъ.
1142—1156. Ѳеодосій-Грекъ.
1130—1156. Іеромонахъ Кирикъ.
1169. Сводъ Германа Вояты.
1175. „Слово о князьяхъ".
1130—1182. Кириллъ Туровскій.
1165—1186. Архіепископъ Илія-Іоаннъ.
1187. „Слово о полку Игоревѣ".
Около **1200.** „Кіевская лѣтопись".
Около **1200.** Хожденіе Добрыни Ядрѣйковича.
Около **1220.** Авраамій Смоленскій.
1223. Битва при Калкѣ.
1214—1226. Литературная дѣятельность Симона и Поликарпа.
1213—1236. „Моленіе" Даніила.
Около **1238.** „Слово о погибели Русской земли".
1238. Битва при Сити.
1240. Взятіе татарами Кіева.
Около **1293.** „Галицко-Волынская лѣтопись".
Около **1306.** „Суздальская лѣтопись".

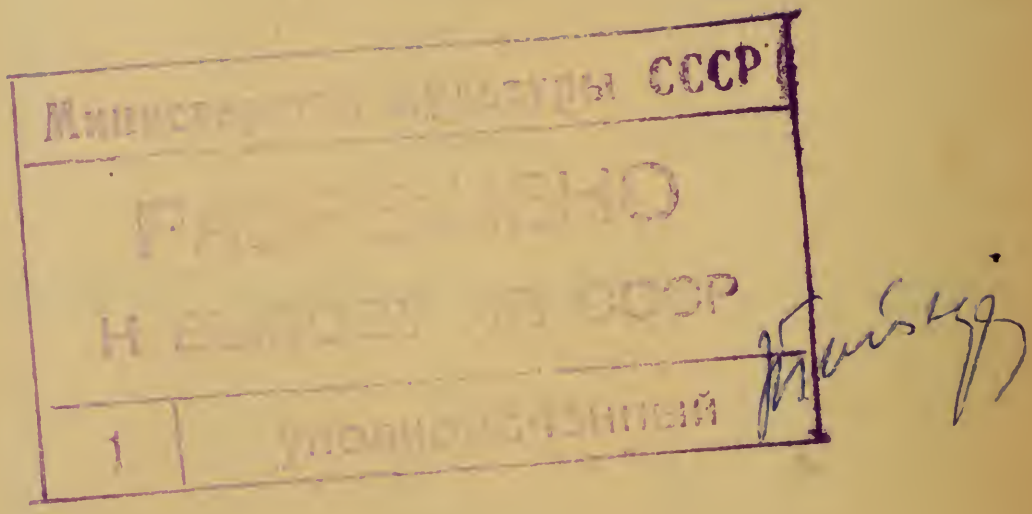
Опечатки, недосмотры и пропуски.

Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
IV	14 св.	II	III
6	10 „	распредѣленіи	распредѣленія
59	9 „	состояла	состоящій
143	17 сн.	которыя	которые
156	5 св.	пренадлежитъ	принадлежитъ
156	8 „	II	IX
177	8 „	переднннаго	переданнаго
178	18 „	Ангель	Ангелъ
279	15 сн.	ырыльями	крыльями
282	18 св.	съ горечью	съ горечью;
295	16 сн.	продолженіе	продолженія
314	5 св.	мѣстѣхъ	мѣсѣхъ (къ мясу)
352	1 „	Пндпнопова	Индпкопова
352	9 „	Индпнопова	Индпкопова
474	2 „	Древнеи	Древней
493	9 „	три	четыре
600	3 „	подражить	подражать
641	10 „	„Повѣсти“	„Повѣсти“,
670	2 сн.	сопхъ	своихъ
716	6 св.	и 4) символизмъ	4) символизмъ и 5) притчи.
737	4 „	ззата	злата
756	12 сн.	1187-ой	1187-ой,
809	13 св.	Владиміра	Владимира
934	11 „	Uillcinaland	Villcinaland

Опечатки, недосмотры и пропуски во 2-й книгѣ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
641	2 св.	праведницы	преводницы
798	12 сп.	1559	1659
934	1 „	отражаются	отражается

10
Инв. № 11629
12 XI 1954 г.


СССР
1